

4262
155

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ

И

МѢСТА ПОГРЕБЕНІЯ ЕГО
ВЪ ПОЛЬШѢ.

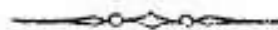
1610—1910 г.г.

I томъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

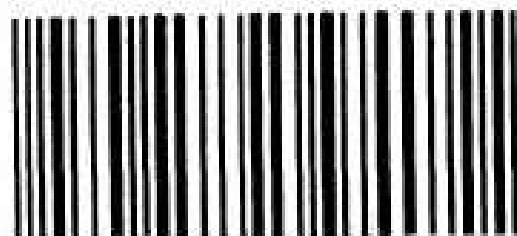
Профессора Д. В. ЦВѢТАЕВА

Доктора Русской исторіи.

МОСКВА—ВАРШАВА.
1910.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.

2007082483

Типографія: Варшавскаго Учебнаго Округа (Краковское предмѣстье, № 3) и
А. П. Снегиревой въ Москвѣ (Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьями и невѣсткою въ польскомъ плѣну, въ связи съ обстоятельствами времени и русско-польскими отношеніями. 1—147

- Глава I.** Выдача царя Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями гетману Жолкѣвскому . . . 1
- Глава II.** Шуйскіе подъ Смоленскомъ и дальнѣйшій путь ихъ въ Варшаву 23
- Глава III.** Шуйскіе на Варшавскомъ сеймѣ . . . 41
- Глава IV.** Шуйскіе въ Гостынскомъ замкѣ, и послѣдующая судьба младшаго изъ нихъ 81
- Глава V.** Погребеніе тѣла Василія Ивановича въ Варшавѣ. Надгробный памятникъ надъ нимъ, получившій названіе „Московской каплицы“ . 108
- Глава VI.** Выдача останковъ Шуйскаго московскому посольству и торжественное перенесеніе ихъ изъ Варшавы въ Москву 117
- Глава VII.** Перевозъ въ Москву варшавскаго надгробнаго камня надъ Василіемъ 134
-

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мѣста погребенія царя Василя Ивановича Шуйскаго въ Польшѣ, въ связи съ исторіей бывшихъ и существующихъ тамъ зданій и учрежденій и съ развитіемъ русско-польскихъ отношеній. 149—577.

- Глава VIII.** Состояніе Гостынского замка по перенесеніи изъ него гробовъ Шуйскихъ, и устройство нѣмецко-лютеранской церкви въ его развалинахъ 151
- Глава IX.** Состояніе опустѣвшей Варшавской усыпальницы Шуйскихъ или Московской каплицы, и отдача этого государственнаго памятника въ собственность монашескому ордену доминиканъ обсервантовъ 161
- Глава X.** Доминикане обсерванты — собственники Московской каплицы и отстаиваніе ими своихъ церковныхъ и имущественныхъ правъ 173
- Глава XI.** Московская каплица въ періодъ владѣнія ею доминиканами обсервантами; ихъ церковно-монастырскія постройки 219
- Глава XII.** Упадокъ благосостоянія монастыря и костела и ближайшія причины этого. Дѣло администратора ксендза-каноника Іосифа Даниковскаго 245
- Глава XIII.** Планы о передачѣ и разрушеніе подоминиканскихъ зданій; вопросъ объ устройствѣ церквей для русскихъ въ Варшавѣ 280
- Глава XIV.** Распредѣленіе движимаго имущества и денежныхъ суммъ и погашеніе долговъ, остававшихся послѣ общины доминиканъ обсервантовъ 324

Глава XV. Передача подоминиканской площади Варшавскому Обществу любителей наукъ для устройства на пей дома	335
Глава XVI. Варшавское Общество любителей наукъ—новый владѣлецъ историческаго мѣста	343
Глава XVII. Постройка Обществомъ любителей наукъ себѣ дома	372
Глава XVIII. Положеніе дома Общества на подоминиканской площади; судебная тяжба изъ-за земли и стройки съ сосѣдомъ	395
Глава XIX. Сооруженіе и постановка памятника Копернику предъ домомъ Общества, на мѣстѣ бывшаго доминиканскаго костела	418
Глава XX. Варшавское Общество любителей наукъ въ послѣдніе годы его существованія и его участіе въ польскомъ возстаніи	465
Глава XXI. Закрытіе Общества любителей наукъ. Передача его имущества другимъ учрежденіямъ	487
Глава XXII. Возвращеніе историческаго мѣста въ Вѣдомство народнаго просвѣщенія и занятіе его Медико-Хирургическою Академіею и Второю Мужскою Гимназіею	504
Глава XXIII. Помѣщеніе на историческомъ мѣстѣ русскихъ учебныхъ заведеній, и занимающая его теперь Первая Варшавская Мужская Гимназія	514
Глава XXIV. Окончательное переустройство Русской школы и памятника Копернику на землѣ бывшей Московской каплицы и состояніе ихъ въ настоящее время	545
Дополненія	579
Указатель именъ въ Изслѣдованіи и Приложеніяхъ.	581
Опечатки.	

Смуты внутри и запутавшіяся отношенія съ западными сосѣдями привели бывшаго родовитаго царя Василя Ивановича Шуйскаго въ чуждый плѣнъ, гдѣ онъ подвергся тяжкимъ униженіямъ, ускорившимъ его смерть. Это былъ единственный примѣръ, чтобы русскій царь такъ окончилъ свои дни. Судьба царственнаго плѣнника тѣсно связана была съ жизнью его братьевъ князей Дмитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ и его невѣстки княгини Екатерины Григорьевны, жены Дмитрія, свояченицы Бориса Годунова. Вопреки договору никого изъ жителей Московскаго государства ни переселять, ни уводить въ плѣнъ, гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій, побуждаемый королемъ Сигизмундомъ, усиленно домогался и достигъ плѣненія семьи Шуйскихъ, „дабы — какъ писалъ онъ въ своихъ Запискахъ о Московской войнѣ — освободить эту страну отъ сихъ людей; впоследствии же его величество король во всякомъ случаѣ могъ воспользоваться ими, смотря по обстоятельствамъ“. Плѣненіемъ и унизительною выставкою Шуйскихъ самъ Сигизмундъ III, кромѣ удовлетворенія своему эгоистическому чувству торжества надъ противникомъ, рассчитывалъ на наиболѣе вѣрное осуществленіе своихъ династическихъ и политическихъ плановъ.

Варшавское всенародное празднество, съ невольнымъ участіемъ царя Василя Ивановича, было тѣмъ кульминаціоннымъ пунктомъ, до котораго, во „взаимномъ, старомъ спорѣ славянъ между собою“, достигло военно-политическое торжество Польши надъ Москвой. Въ униженіи царя предъ королемъ на генеральномъ сеймѣ старались изобразить все униженіе Московскаго царства предъ Рѣчью Посполитою. Между тѣмъ выдача Василя Сигизмунду въ томъ видѣ, въ какомъ она произошла въ дѣй-

ствительности, служила наилучшимъ залогомъ всей непрочности торжества. Польскіе военные и политическіе успѣхи обусловливались по преимуществу тѣмъ внутреннимъ кризисомъ, который Московская Русь временно переживала и который тѣмъ скорѣе приблизился къ концу, чѣмъ ярче сцена варшавскаго торжества раскрыла предъ русскими враждебные планы и цѣли Польскаго двора вмѣстѣ съ невозможностью для него подчинить все Московское государство. Подвергнувъ себя тяжкому униженію и тѣмъ вызвавъ боль и опасенія въ русскомъ сердцѣ, Василій нанесъ своимъ польскимъ недругамъ глубокое моральное пораженіе въ сознаніи московско-русскихъ людей. И передъ польскимъ сеймомъ теперь яснѣе обнаружилось различіе интересовъ шляхты и династїи по отношенію къ Московскому вопросу. Сеймы замѣтно слабѣе уже поддерживали короля и королевича въ ихъ дальнѣйшихъ стремленіяхъ и планахъ. Не въ польскихъ также интересахъ оказалась смерть Василя и Дмитрія, совпавшая съ той порой, когда войска Пожарскаго, сторонника Шуйскаго, бились за освобожденіе Москвы. Увлеченные фантастическими восточными планами, Сигизмундъ и его единомышленники не поняли также всей важности своихъ одновременныхъ съ тѣмъ уступокъ на западной границѣ, уступокъ, которые послужили къ развитію Бранденбургскаго могущества, оказавшагося роковымъ прежде всего для самой же Польши.

Затѣмъ, подобно тому, какъ страданія въ польскомъ плѣну способствовали возвышенію уваженія и сочувствія къ Филарету Никитичу, пребываніе и смерть въ томъ же плѣну Василя Ивановича Шуйскаго сдѣлали его въ Россіи болѣе популярнымъ, нежели онъ былъ во время своего несчастнаго царствованія. Не безъ причины въ сообщеніи лѣтописца о первомъ же представленіи Василя Сигизмунду съ особенною силою отмѣчено, какъ онъ „крѣпко мужественнымъ своимъ разумомъ напоследокъ живота своего даде честь Московскому государству“, съ какимъ достоинствомъ и самообладаніемъ онъ держалъ себя предъ королемъ. На предложеніе поляковъ поклониться Сигизмунду и тѣмъ признать его своимъ плѣнителемъ, „Василій—по словамъ лѣтописца—рече имъ

всѣмъ: не довлѣетъ московскому царю поклониться королю, то судьбами есть праведными Божиими, что приведенъ я въ плѣнъ, не вашими руками взять быхъ, но отъ московскихъ измѣнниковъ, отъ своихъ рабъ отданъ быхъ“. „Король же и вся рада-паны—заключаетъ лѣтописецъ—дивишася его отвѣту“. Извѣстія о смерти Василя, проникнутыя явнымъ къ нему сочувствіемъ, свидѣтельствовали, что понята была и его молчаливая сцена представленія Сигизмунду на сеймѣ. Правительство Михаила Ѳеодоровича цѣнило въ Василя лицо, освободившее престолъ отъ Перваго Самозванца и вѣрно опредѣлившее главнаго внѣшняго врага, и считало его царемъ законнымъ. „Царь Василій государь былъ великій, помазанникъ Божій“, говорили московскіе послы, прибывшіе къ королю Владиславу IV съ порученіемъ выпросить тѣло Василя.

Дорожили имъ съ своей стороны и въ Польшѣ. Изъ захолустнаго Гостынскаго замка гробы умершихъ плѣнниковъ Сигизмундъ перенесъ и торжественно положилъ въ варшавскій величественный мавзолей, который онъ нарочито имъ соорудилъ „на всеобщую память въ потомствѣ и для славы своего царствованія“, или, какъ объяняли это въ Москвѣ, „поставиша надъ ними столбъ каменный, себѣ на похвалу, а Московскому государству на укоризну“. Чествованіе памяти Шуйскихъ говорило о политическихъ успѣхахъ Сигизмунда, а мавзолей, съ покоившимися въ немъ останками царя и главнаго московскаго воеводы, постоянно напоминалъ современнымъ и послѣдующимъ поколѣніямъ объ этихъ успѣхахъ и долженъ былъ поддерживать наступательную политику на Русскомъ востокѣ. Королевскіе люди говорили царскимъ посламъ, пріѣхавшимъ за Василювымъ гробомъ: „отдать царя Васильево тѣло не годится, мы славу себѣ улучили вѣковую, что московскій царь и братъ его лежатъ у насъ въ Польшѣ“.

Обладаніе останками Василя теперь и русскіе, и поляки тѣсно связывали со своею народною честію, и московскіе люди сильнѣе дорожили имъ, чѣмъ раньше, въ періодъ выдачи его въ руки гетмана Жолкѣвскаго. Тѣло было отдано московскимъ посламъ и „съ великою

честью“ отпущено лишь ради скрѣпленія взаимнаго русско-польскаго мира, заключеннаго сыномъ Сигизмунда съ Михаиломъ Θεодоровичемъ, который торжественно встрѣтилъ эти „мощи честныя, перенесенныя въ отчину“, и соединилъ „съ гробами государей“, похоронивъ со всѣми почестями въ общей царской усыпальницѣ, Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Съ приобщеніемъ гроба бывшаго царя къ другимъ царскимъ гробамъ русскіе люди глубоко почувствовали, что прежняя вина заглаживалась, наступало нравственное примиреніе. Явившись въ Москвѣ, какъ слѣдствіе договора, означавшаго окончательную утрату польскою короною надежды на полученіе Московскаго престола, гробъ Василя служилъ какъ бы предвѣщаніемъ того, что для Московской Руси приближается уже новая эпоха въ осуществленіи ею великой русско-объединительной миссіи. Дополненіемъ въ этомъ смыслѣ служили вывозъ надгробнаго камня, съ надписью, и картины варшавскаго торжества надъ Шуйскими: камень отослалъ Владиславъ IV царю Алексѣю Михайловичу, а картину Долабеллы, красовавшуюся въ Варшавскомъ замкѣ, выпросилъ и увезъ съ собой Петръ Великій.

Въ ту важнѣйшую, поворотную эпоху въ исторіи русско-польскихъ отношеній все это имѣло особое значеніе, отражая съ необыкновенною рельефностію свойства и характеръ противоположныхъ національныхъ и личныхъ идей и стремленій какъ русской, такъ и польской стороны.

Ближайшая задача настоящаго нашего изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы изложить и раскрыть въ исторической обстановкѣ, съ документальной полнотой и достовѣрностію, все дѣло Шуйскихъ въ Польшѣ, выяснитъ его смыслъ и значеніе. Какъ части, сюда входятъ: плѣненіе Шуйскаго съ братьями и невѣсткою, путь ихъ въ Литву, представленія Сигизмунду подъ Смоленскомъ и въ Варшавѣ, жизнь въ заключеніи, кончина старшихъ Шуйскихъ и судьба посмертныхъ ихъ останковъ, т. е. погребеніе, чествованіе, отдача и увозъ ихъ въ Москву, а также возвращеніе младшаго брата Ивана Шуйскаго и вывозъ надгробнаго камня и картины, въ связи съ

внутренними и внѣшними обстоятельствами и съ переменами въ характерѣ русско-польскихъ и династическихъ отношеній (отдѣлъ первый историческаго изслѣдованія, I—VII главы).

Исторія Шуйскихъ въ Польшѣ этимъ однако нимало не кончилась, такъ какъ остались мѣста погребенія ихъ.

Захолустный королевскій Гостыньскій замокъ постепенно приходилъ въ упадокъ и отданъ былъ польскимъ правительствомъ подъ Лютеранскую церковь поселившейся нѣмецкой колоніи; кирка строилась при щедрой денежной помощи правительства. И надъ могилами простыхъ людей ставятъ соотвѣтственный символъ; существованіе же нѣмецко-лютеранской кирки въ стѣнахъ бывшаго замка польско-католическихъ королей, послужившаго мѣстомъ заключенія, кончины и перваго погребенія русскаго православнаго государя, указываетъ, что и здѣсь должно возникнуть нѣчто сходное съ тѣмъ, что виднѣется на другомъ мѣстѣ погребенія въ предѣлахъ бывшей Польши (отдѣлъ второй, VIII гл.).

Нарочито сооруженная Сигизмундомъ „себѣ на славу, Московскому государству на укоризну“, на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ мѣстности открытой, наиболѣе видной, импозантная Варшавская царско-княжеская усыпальница хотя и утратила то, что придавало ей прямую цѣну, но продолжала привлекать къ себѣ вниманіе и переносила мысль къ событіямъ, тѣсно связаннымъ съ ея первоначальною исторіею; когда усыпальницы не стало, подобную службу несло самое мѣсто ея, и въ послѣдующее время интересъ къ нему усилился какъ-то особенно. Здѣсь такъ или иначе проявлялись разныя польскія стремленія и тенденціи, сначала по преимуществу со стороны правительства и разныхъ католическихъ конгрегацій, затѣмъ со стороны разныхъ общественныхъ классовъ.

Замѣчательный въ исторіи русско-польскихъ отношеній памятникъ этотъ, называемый по прежнему Каплицей Шуйскихъ и еще обычнѣе Московскою каплицей, сдѣлался предметомъ усиленныхъ домогательствъ съ разныхъ сторонъ немедля же по вывозѣ изъ него гробовъ Шуйскихъ. Напрасно просили (1636 г.) его себѣ

для отправленія своего богослуженія русскіе униаты. Соответственно съ развившеюся въ жизни Польши XV^{II} вѣка католическою реакціей, предпочтеніе отдано католическому монашескому ордену. Зданіе, съ отведенной къ нему земельной площадью въ 40 локтей ширины и 100 локтей длины (локоть=ок. 13 вершковъ), было „на вѣчныя времена подарено“ (1668 г.) вторымъ сыномъ Сигизмунда вновь прибывшимъ въ Варшаву ксендзамъ доминиканцамъ-обсервантамъ, съ тѣмъ, чтобы они, какъ говорилось въ королевской грамотѣ, перемѣнивъ эту „Московскую святыню“ на „мѣсто богослуженія“ и выстроивъ при ней монастырь, пользовались тутъ „всѣми удобствами для общежитія и для благопоспѣшнѣйшаго отправленія службы Божіей“. Обсерванты приспособили зданіе къ совершенію въ немъ церковной службы и освятили по католическому обряду; вновь учреждаемый домъ молитвы Янъ Казиміръ наименовалъ домомъ Маріи Дѣвы Побѣдоносной. Какъ преобразование изъ усыпальницы, зданіе удержало прежнее укоренившееся названіе Московской каплицы, которое потомъ присваивалось и всему монастырю.

Юридическое право на Каплицу и на ея мѣсто упорно оспаривалось у обсервантовъ ксендзами сосѣдняго миссіонерскаго монастыря (нынѣ костелъ св. Креста), которые никакъ не желали допустить водворенія здѣсь опасныхъ соперниковъ; лишившись возможности воспрепятствовать поселенію обсервантовъ, миссіонеры долго не переставали досаждать имъ и безнорочно ихъ.

Препятствія и помѣхи не вредили укрѣпленію обсервантовъ. Къ площади, подаренной Яномъ-Казиміромъ и выходившей передней стороною на Краковское предмѣстье, а боковыми на улицы Новый Свѣтъ и Александрию, король Августъ II присоединилъ еще лежавшій позади проулокъ въ 12 локтей ширины и 60 локтей длины. Независимо отъ королевскихъ пожалованій, свои поземельныя владѣнія доминикане расширили и сами, преимущественно назадъ, за проуломъ. Въ отношеніяхъ къ историческому памятнику и къ его мѣстности новые собственники руководились практическими интересами удобства и выгоды. Каплица оказалась храмомъ очень

недостаточнымъ, тѣснымъ, и доминикане нѣсколько разъ передѣлывали и расширяли ее, „сдѣлали—по словамъ официального донесенія—болѣе славною, расширивъ и украсивъ ее присоединеніемъ къ ней костела, выложеннаго изъ обожженнаго кирпича“. „Костель преподобныхъ оо. доминиканъ, называемый Московскою каплицею“, послѣдній разъ перестраивался въ 1783 году, когда онъ достигъ вершины своего внѣшняго благолѣпія, въ ущербъ своей прямой исторической цѣнности. Усыпальница была круглою; въ окончательной отстройкѣ 1783 года зданіе архитектурою своею стало походить на обычные продолговатые костелы. Фасадомъ костель выходилъ на Краковское предмѣстье. Освятилъ его епископъ-доминиканецъ, со всею рѣшительностію придавъ ему церковное „названіе во имя св. Маріи Побѣдоносной“, по главному алтарю. Съ тѣхъ поръ, вѣроятно и въ виду усиливавшагося русскаго политическаго вліянія въ Варшавѣ, прежнее наименованіе „Московской каплицы“ было изъято изъ официального языка и продолжало отчасти держаться только въ бытовомъ обращеніи; храмъ назывался костеломъ Св. Маріи Дѣвы Побѣдоносной или костеломъ ксендзовъ доминиканъ-обсервантовъ. За нимъ и рядомъ съ нимъ виднѣлась группа постепенно возникшихъ монастырскихъ строеній (вся недвижимость была подъ ипотечными №№ 1320/21 и 2767).

Бурныя и пзмѣчивыя событія конца XVIII и начала XIX вѣка, неблагопріятно отражавшіяся на благосостояніи церковныхъ институцій, сократили средства и число братіи доминиканскаго монастыря; зданія ветшали, разрушались. У назначеннаго, для поправки монастырскихъ дѣлъ, администратора, краковскаго ксендза каноника Даниковскаго, возникла съ епархіальною властію тяжба, по преимуществу на почвѣ расходовъ и отчетности; устранный отъ должности, онъ въ полномъ церковномъ облаченіи застрѣлился (въ маѣ 1816 г.) на престолѣ главнаго алтаря; незадолго предъ тѣмъ умеръ послѣдній доминиканинъ-обсервантъ. По католическому канону, костель, какъ оскверненный самоубійствомъ, былъ закрытъ и богослуженіе въ немъ могло возобновиться только послѣ новаго освященія, съ которымъ однако признавали

„благоразумнѣе повременить, пока впечатлѣніе отъ со-
блѣзна не ослабнетъ въ народѣ“ (IX—XII гл.).

Русскіе, поселившіеся въ Варшавѣ въ эпоху при-
соединенія края къ Россіи, нуждались въ церкви и про-
сили объ отдачѣ имъ этого костела; но получить его
не смогли, не смотря на распоряженіе (29 іюля/10 авг.
1816 г.) намѣстника князя Заіончка по Государствен-
ному Совѣту: „Костель кс. доминиканъ-обсервантовъ въ
Варшавѣ, расположенный около (костела) св. Креста,
долженъ быть безотлагательно переданъ, съ частію тре-
бующагося (монастырскаго) строенія, въ церковное поль-
зованіе греко-россійскаго обряда“. Когда Гостыньскій за-
мокъ отдавался нѣмцамъ-колонистамъ и тамъ устраи-
лась для нихъ при казенной помощи кирка, въ царствѣ
не нашлось ни вѣдомства, ни лица, которое бы прило-
жило старанія о выполненіи намѣстническаго постанов-
ленія въ пользу русскаго населенія. Мѣстными дѣяте-
лями все проведено было съ большимъ искусствомъ,
при неясности у тогдашнихъ представителей русской
власти знанія и пониманія исторической цѣнности мѣста
и при слабой ихъ заботѣ о русскіхъ религіозныхъ и
національныхъ потребностяхъ. Костель и монастырь на-
мѣренно, подъ предлогомъ „украшенія столицы“, были
разобраны до основанія (1818 г.), мѣсто выровнено и
вымощено, долги очищены. Вся доминиканская площадь,
„въ цѣломъ ея размѣрѣ“, была послѣ того новымъ рас-
поряженіемъ (10/23 авг. 1820 г.) намѣстника же подарена
Варшавскому Обществу любителей наукъ подъ постройку
дома. Руководимое предсѣдателемъ Сташицемъ, Обще-
ство выстроило тутъ себѣ зданіе (№ 1320), въ коринф-
скомъ стилѣ, по плану италіанца Кароцци. На сооруженіе
его, кромѣ почти половины строительнаго матеріала,
оставшагося отъ разобранныхъ доминиканскихъ зданій
и подареннаго Обществу правительствомъ, пошли суммы,
вырученныя за домъ на Каноніи (прежній даръ Сташица,
сбытый теперь по высокой цѣнѣ для Замка), и заемъ
изъ Варшавскаго строительнаго фонда, съ присоеди-
неніемъ сравнительно небольшихъ сбереженій и другихъ
средствъ Общества. По сосѣдству, на ул. Новый Свѣтъ,
былъ домъ ксендзовъ-миссіонеровъ (№ 1319); его прио-

брѣло Общество въ долгъ на чиншевыхъ началахъ и передѣлало. Оба дома—и новый, болѣе величественный и красивый, съ фасадомъ на Краковское предмѣстье, и прежній, передѣланный, на ул. Новый Свѣтъ—составили одну общую недвижимость (№ 1319/20).

Въ интересахъ красоты вида, новый домъ былъ поставленъ на болѣе обширной половинѣ подоминиканской площади, именно на задней, а на передней, сѣуженной, части, оставшейся свободною, воздвигнуть памятникъ Коперника. На торжествѣ закладки памятника, политически-экзальтированный Нѣмцевичъ восклицалъ: „Да выдержитъ памятникъ этотъ всевозможныя бури слѣдующихъ вѣковъ“, а на открытіи монумента выражалъ: „Становишься ты, о, мужъ великій, нѣкогда слугитель Всевышняго, слава земли нашей, предъ этимъ храмомъ наукъ и искусствъ; храни его отъ всякихъ невгодъ, не переставай воодушевлять духомъ твоимъ своихъ почитателей и соотечественниковъ“. Памятникъ былъ открытъ наканунѣ возстанія 1830/1 годовъ. За участіе въ семъ возстаніи, Общество, по Высочайшему повелѣнію, было закрыто, имущество его конфисковано, съ предположеніемъ обращенія дома со временемъ на какое-либо учебное заведеніе. Домъ приобрѣло (1835 г.) пока Финансовое вѣдомство, для Лотерейнаго управленія съ главной конторой; денежные суммы Общества Учебный округъ употребилъ на строительныя нужды гимназій и другихъ варшавскихъ учебныхъ заведеній (XIII—XXI гл.).

Возобновленная политика довѣрія создала въ Варшавѣ Медико-Хирургическую Академію (1857 г.). Ее устроили въ домѣ Лотереи, съ возвращеніемъ его Вѣдомству просвѣщенія; Академія развивалась, и для расширенія ея помѣщенія было прикуплено (1860 г.) казной еще сосѣднее частное владѣніе, на ул. Александрии (№ 2768ac), часто переходившее изъ рукъ въ руки и съиздавна известное подъ названіемъ „палаца Служковъ“. Съ открытіемъ Главной Школы (1862 г.), Академія, какъ ея медицинское отдѣленіе, перешла въ прежнія университетскія зданія; въ занимаемый ею бывший домъ Общества перевели Вторую Мужскую (польскую) Гимназію, а прикупленная недвижимость по Александрии осталась въ

вѣдѣній Учебнаго вѣдомства, для другихъ его потребностей (XXII гл.)

Происшедшее въ эту пору новое польское возстаніе побудило обратиться къ инымъ способамъ русско-польскаго примиренія, чѣмъ какія были примѣняемы по внушеніямъ то Чарторыскаго, то Велепольскаго и т. п. лицъ. Оно вызвало широкія преобразованія, имѣвшія задачей болѣе органическое сближеніе и объединеніе края съ остальными частями Имперіи. На это, какъ равно и на всю послѣдующую окраинную политику, оказалъ свое вліяніе, подъ воздѣйствіемъ углублявшагося національнаго самосознанія, все яснѣе выстунавшій въ жизни самой Западной Европы процессъ кристаллизаціи историческихъ народностей въ большія національно-политическія тѣла. Направленіе политической жизни въ Германіи давно уже отражалось у насъ; кромѣ того, поучительны были примѣры Италіи, поднятіе монархическаго принципа въ важнѣйшихъ колоніяхъ Велико-Британіи и т. д. Постепенно развивавшіяся объединительныя реформы на русскихъ окраинахъ получили въ Привислиньѣ сильный толчекъ вслѣдствіе возстанія. Эти реформы естественно должны были коснуться и народнаго образованія, которое во время революціоннаго движенія обнаружило всю ненормальность прежней своей постановки. Давняя мысль объ устройствѣ, прежде всего, русскаго училища на русскихъ основахъ стала теперь господствующею. Чтобы „дѣти пребывающихъ въ этомъ краѣ русскихъ могли получать образованіе, соответствующее своей народности и духу Православной церкви“, варшавская Частная Русская школа, возникшая во время возстанія, была преобразована (1864 г.) въ Русскую Мужскую Гимназію съ учреждаемыми при ней Женской Прогимназіей и Начальнымъ Училищемъ. Всѣ эти три первыя русскія школы были помѣщены (1865 г.) въ бывшемъ домѣ Общества и для нихъ устроена въ немъ церковь; занимавшая его Вторая Гимназія переведена къ костелу св. Креста. За переводомъ другихъ школъ въ иныя помѣщенія здѣсь осталась одна Мужская Гимназія (быстро развившаяся), къ владѣніямъ которой потомъ присоединили (1872 г.) отъ сосѣдней недвижимости по Але-

ксандрии (№ 2768ас) часть сада съ стоявшею въ немъ старинною бесѣдкою.

Съ введеніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ края преподаванія на общегосударственномъ русскомъ языкѣ и съ другими объединительными мѣропріятіями, Русскія Гимназіи получаютъ названіе Варшавскихъ Первыхъ Гимназій; но, сравненныя съ остальными, онѣ наполняются ино-родными воспитанниками и воспитанницами, въ ущербъ русскимъ, которымъ приходилось отказывать за неимѣніемъ мѣста. Характеръ царствованія Императора Александра III усилилъ заботы мѣстной власти о томъ, чтобы эти Гимназіи возможно ближе могли служить своему прямому назначенію. При этомъ испытаны были съ одной стороны противодѣйствія отъ упорнаго желанія оставить „палацъ Сташица“ въ прежнемъ видѣ, безъ измѣненія фасада главнаго зданія, а съ другой—затрудненія отъ недостатка потребныхъ для того средствъ. Первая Мужская Гимназія устраивалась не только, какъ зданіе учебнаго заведенія, но и какъ государственный памятникъ на мѣстѣ погребенія русскаго государя Василя Ивановича Шуйскаго. Данному дѣлу оказали непосредственное покровительство и вниманіе Императоры Александръ III и нынѣ царствующій Государь Николай Александровичъ. Перестроенный въ русскомъ стилѣ, домъ снабженъ интернатомъ и красуется нынѣ богатой, художественно отдѣланной, трехпрестольной церковью, предназначенной для педагоговъ и учащагося русскаго юношества въ Варшавѣ. Въ связи съ перестройкой Гимназіи былъ капитально, съ самаго фундамента, исправленъ и поновленъ находящійся предъ Гимназіею памятникъ Коперника. Послѣднія работы сообщили зданіямъ и мѣстности тотъ видъ, какой они имѣютъ въ настоящую пору.

На историческомъ мѣстѣ стоятъ теперь благоустроенная русская школа съ великолѣпнымъ храмомъ въ памятованіе царя Шуйскаго и исправленный памятникъ въ честь знаменитаго польскаго астронома (XXIII—XXIV гл.).

Какъ ни велики были колебанія и замедленія, они не воспрепятствовали развитію событій. Первый же послѣ Шуйскаго московскій государь досталъ изъ Варшавы и помѣстилъ въ общую царскую усыпальницу гробъ Васи-

лія, испросивъ его у бывшаго претендента на московскій престоль; второй государь добылъ надгробную плиту съ надписью, повѣствовавшей объ униженіи царственнаго плѣнника; его младшій сынъ, великій Петръ самъ увозитъ изъ Варшавскаго королевскаго замка картину, изображавшую сцену представленія Василя Сигизмунду. При Александрѣ I состоялось намѣстническое постановленіе объ отдачѣ русскому населенію церковнаго зданія, выросшаго изъ памятника-усыпальницы. Въ выстроенномъ вмѣсто него просвѣтительномъ домѣ, на сооруженіе котораго пошли и матеріалы отъ прежнихъ зданій, помѣщена при Александрѣ II русская школа съ церковію; школа и церковь получаютъ при Александрѣ III и въ настоящее царствованіе устройство, наиболѣе соответственное своему назначенію, съ возобновленіемъ памятника, поддерживающаго національно-культурное сознание мѣстнаго населенія. Трудно не видѣть во всѣхъ этихъ фактахъ проявленія и постепеннаго развитія одной и той же русско-государственной идеи.

Поэтому, послѣ исторіи самихъ Шуйскихъ, предметъ настоящаго историческаго изслѣдованія составляетъ исторія мѣстъ погребенія ихъ, въ связи съ учрежденіями, которыя владѣли и пользовались ими, измѣняли прежнія зданія и сооружали новыя, а также въ связи съ современными имъ русско-польскими отношеніями.

Не всѣ учрежденія имѣли здѣсь одинаковое значеніе; разумѣется, то изъ нихъ, которое играло наиболѣе важную роль, заслуживаетъ и наибольшаго вниманія. Такъ, переустройство Гостынского замка на Лютеранскую кирку обуславливалось отношеніями къ нѣмецкой колоніи; судьбы Московской каплицы и ея мѣста самымъ неразрывнымъ образомъ соединены съ жизнью и дѣятельностію Конгрегации доминиканъ-обсервантовъ, Общества любителей наукъ и Первой Мужской Гимназіи, и данныя учрежденія пзображаются съ особенною полнотой. Возникшими планами о передачѣ Каплицы и выросшаго изъ нея костела для богослуженія русскихъ и устройствомъ церкви въ Гимназіи для учащихся потребовалось въ свою очередь точное раскрытіе вѣроисповѣднаго положенія русскихъ въ Варшавѣ.

Подлиннаго, сооруженнаго Сигизмундомъ, государственнаго монумента давно уже нѣтъ; усыпальница находилась въ мѣстности, занимаемой главнымъ домомъ Гимназіи и памятникомъ Коперника: на домъ употреблены и камни отъ бывшихъ строеній. Но въ виду того, что и въ русской, и въ польской литературѣ и въ русско-польскихъ общественныхъ слояхъ настойчиво утверждается, будто усыпальница Шуйскихъ существуетъ до сихъ поръ, и за такую признается старинное зданіе, стоящее позади Гимназіи, въ ея саду, то этимъ вызывается самое тщательное изученіе какъ территоріи, подаренной вмѣстѣ съ монументомъ доминиканамъ-обсервантамъ, такъ и исторіи существовавшихъ и существующихъ на ней зданій, а равно судьбы и той сосѣдней недвижимости, на которой стояло означенное старинное зданіе и часть которой съ симъ зданьемъ лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ присоединена къ исторической мѣстности. Такое изученіе вызывается потребностью отстранить разныя легенды о началѣ, судьбѣ и значеніи строеній. Все это весьма расширяетъ задачу, но зато является дѣйствительнымъ средствомъ для раскрытія и рѣшенія научныхъ историко-археологическихъ здѣсь вопросовъ.

Предметъ, въ его цѣломъ и въ частяхъ, такимъ образомъ берется на непрерывномъ пространствѣ трехъ столѣтій, съ 1610 года, года плѣненія Шуйскихъ, по настоящее время. Содержаніе во многомъ шире заглавія, которое опредѣляетъ лишь прямой, главный предметъ настоящаго труда.

Чтобы обосновать изложеніе предмета на первоисточникахъ и представить его въ возможной полнотѣ и документальности, нами произведены изысканія болѣе, чѣмъ въ двадцати варшавскихъ правительственныхъ и частныхъ архивахъ и бібліотекахъ, затѣмъ намъ послужили своими данными и нѣкоторыя изъ хранилищъ въ Гостынинѣ, С.-Петербургѣ, Москвѣ, Львовѣ, Краковѣ и Римѣ. Важнѣйшіе изъ найденныхъ, относящихся сюда архивныхъ и рукописныхъ, документовъ, а также рисунки и планы изданы нами въ „Приложеніяхъ къ изслѣдованію“ (Томъ второй, въ двухъ книгахъ, Варшава, 1901—1902 г.г.), съ точнымъ озна-

ченіємъ мѣстонахожденія ихъ. Планы и виды мѣстности и зданій скопированы для насъ специалистами—архитекторами, техниками и завѣдующими чертежными отдѣленіями тѣхъ правительственныхъ и городскихъ учреждений, гдѣ хранятся подлинники, и издаются нами съ соблюденіемъ ихъ особенностей и въ размѣрахъ подлинниковъ или копій съ нихъ. Кромѣ того, издается также сборникъ документовъ: „Къ исторіи Смутаго времени“ (Варшава, 1910 г.).

Состояніе предмета въ исторической наукѣ и постепенное нахожденіе массы новыхъ матеріаловъ побудило насъ многія части предмета подвергнуть обработкѣ, сначала по отдѣламъ и частнымъ вопросамъ, монографически¹⁾. Теперь предлагаемъ все историческое изслѣдованіе, въ цѣломъ его видѣ.

¹⁾ Сообщенія и монографіи, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ: Историческая записка о варшавскомъ мѣстѣ погребенія царя Василя Ивановича Шуйскаго, 1893 г. (о ней въ изслѣдованіи, 562—3 стр., и въ Приложеніяхъ, 2, № 171, ср. № 173); Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1894 г., IV—V кн.); Исторія Московской каплицы въ Варшавѣ (тамъ же, 1895, VIII—IX); Закрытіе Варшавскаго монастыря доминиканъ обсервантовъ (тамъ же, 1897, VII, 1898, I, и отдѣльно); Къ вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ (Историческій Вѣстникъ, 1898, II и V); Гостынский Замокъ (Русское Обозрѣніе, 1898, V); Варшавскіе архивы. Докладъ на XI Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ (Извѣстія XI съѣзда. Кіевъ, 1899, № 3; Труды Съѣзда. Москва, 1902, и отд.); Варшавское Общество любителей наукъ (Варш. Унив. Изв., 1899, VII и IX); Судебное дѣло Зентецкихъ (тамъ же, 1900, и отд.); Записка о сохраненіи и реставрированіи стариннаго зданія, выдаваемого за усыпальницу царя Шуйскаго, 1900 г. (Приложенія, 2, № 185); Сообщение по дѣлу всеподданнѣйшаго представленія намѣстника гр. Берга (Русская Старина, 1903, I); Новосильцевъ о Конституціи царства Польскаго. По новымъ архивнымъ даннымъ (тамъ же, 1905, III); Изученіе вопроса о плѣненіи царя Василя Шуйскаго. Рефератъ въ Обществѣ исторіи, философіи и права при Варшавскомъ Университетѣ, 2 дек. 1904 г. (Протоколы засѣданій Общества); Плѣненіе царя Василя Ивановича Шуйскаго съ братьями (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1905, V); Царь Василій Ивановичъ Шуйскій подъ Смоленскомъ (Русская Старина, 1905, VI); Царь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьями на Варшавскомъ сеймѣ (Варш. Унив. Извѣст., 1905, VI); Памятникъ Коперника въ Варшавѣ, на мѣстѣ бывшей усыпальницы царя Василя Шуйскаго. Докладъ въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ

Ближайшимъ сотрудничествомъ по варшавскимъ архивамъ мы были сначала много обязаны начальнику Главнаго архива древнихъ актовъ при Варшавской Судебной Палатѣ, покойному товарищу нашему профессору А. П. Павинскому (см. 562 стр. изслѣд.), затѣмъ продолжительной совмѣстной съ нами работѣ начальника Архива Варшавской Римско-Католической Консисторіи ксендза каноника Л. М. Пеневчинскаго. Всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ намъ свое разностороннее содѣйствіе, мы считаемъ пріятнымъ долгомъ принести свою глубокую признательность.

Варшава—Москва,
1892—1910 гг.

Обществѣ 7 янв. 1908 г. (Протоколы Общества); Учрежденіе русскихъ школъ въ Варшавѣ. Къ исторіи русскаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1909, XXII), и другія. Въ связи съ этимъ составила у насъ библіотека соотвѣтственной литературы и выписокъ изъ архивовъ. Получались нами въ даръ не только отдѣльные документы и книги, но и значительныя собранія. Собраніе книгъ, брошюръ, газетъ, распоряженій, прокламаций, пѣсенъ, денежныхъ знаковъ, эмблемъ и другихъ предметовъ, относящихся къ послѣднему Польскому возстанію, согласно намѣреніямъ перваго собирателя о передачѣ въ одно изъ государственныхъ хранилищъ въ Москвѣ, нами внесено, въ 1909 г., въ Московскій Румянцева Музей.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій

съ братьями и невѣсткою

въ польскомъ плѣну,

въ связи съ обстоятельствами времени и русско-польскими
отношеніями.

Выдача Шуйскихъ Жолѣвскому. Ссылка въ Іосифовъ монастырь и крѣпость Бѣлую. Увозъ въ плѣнъ. Представленія Василя съ братьями подъ Смоленскомъ и на Варшавскомъ сеймѣ. Неоправдавшіяся надежды польской политики. Судьба картины варшавскаго торжества. Заключение Шуйскихъ въ Гостынскомъ замкѣ. Ихъ бытъ. Кончина и погребеніе Василя съ братомъ кн. Дмитріемъ и невѣсткою и оставшееся послѣ нихъ наслѣдство. Князь Иванъ Шуйскій на службѣ Владиславу IV и возвращеніе его въ Москву. Сооруженіе усыпальницы-памятника въ Варшавѣ и торжественное погребеніе тутъ останковъ Шуйскихъ. Отпускъ и перенесеніе останковъ въ Москву, погребеніе Василя въ Архангельскомъ соборѣ. Значеніе событія. Передача москвитянамъ надгробнаго камня. Взгляды современниковъ. Предстоящія задачи относительно бывшихъ мѣстъ погребенія Шуйскихъ.

І ГЛАВА.

Выдача царя Василя Ивановича Шуйскаго съ братьями гетману Жолкѣвскому *).

Оставленіе Шуйскаго въ живыхъ по сверженіи съ престола.—Опасность отъ Шуйскаго и его братьевъ для ихъ недруговъ, потребность сдать ихъ въ надежныя руки.—Жолкѣвскій и его московская политика.—Старанія его захватить Шуйскихъ.—Противодѣйствіе патріарха Гермогена съ единомышленными боярами.—Помощь прежнихъ тушинцевъ.—Полученіе гетманомъ Шуйскихъ и заточеніе ихъ въ Іосифовъ монастырь и крѣпость Бѣлую.—Выѣздъ Жолкѣвскаго съ ними къ королю.—Оцѣнка событія современниками и ближайшія отъ него послѣдствія.

Глубокій, упорный кризисъ внутренней жизни въ Московско́й Россіи, осложнявшійся сторонними вмѣшательствами и воздѣйствіями, — тяжелое Смутное время долго не давало никому укрѣпиться на царскомъ престолѣ и положить начало новой династіи, на мѣсто угасшаго рода святого Владиміра Великаго. Массѣ претендентовъ, дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ, пришлось испить горькую чашу. Много лицъ погибло или потеряло

*) Изъ русскихъ источниковъ первостепенныя данныя: Московскій Главный Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, Дѣла польскія, 30-ая книга, 128 — 129 лл. (приведенъ нами ниже, въ концѣ главы); Книга глаголемая Новый лѣтописецъ (первоначальный текстъ ея въ Руской лѣтописи по Никонову списку. Сиб., 1792, VIII, 145—146, 147; текстъ съ позднѣйшими переработками и приписками въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ, изд. 2, М., 1788, 195—196, 197—198, и въ Новомъ лѣтописецѣ по списку князя Оболенскаго, Временникъ Москов. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, XVII, 124—125); Акты Историческіе, II, № 299; затѣмъ: Пное сказаніе о самозванцахъ (Временникъ, XVI, 68—69, 114, Русская Историческая Библіотека, XIII, 122); П а л и ц ы н ъ, Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. М., 1784, 210; Рукопись Филарета, М., 1837, 39—40; А. П о п о в ъ, Изборникъ, 199—200, 347, 420; Русская Историческая Библіотека, XIII, 230, 256, 466 и некот. друг. У польскихъ и другихъ авторовъ: Приложенія въ настоящему историческому изслѣдованію, т. II, кн.

по одному подозрѣнію въ томъ, что они могутъ оказаться кандидатами и соперниками; иные носили царскій титулъ, но въ Москву не вступили; достигшіе, казалось, цѣли, Годуновъ съ сыномъ и Лжедмитрій трагически погибли у подножія того трона, который они заняли; бывший на царствѣ четыре года и два мѣсяца (19-го мая 1606—17-го іюля 1610 г.), Василій Ивановичъ Шуйскій насильственно сведенъ съ престола и постриженъ въ монашество.

Лица, свергшія родовитаго Василя Ивановича и сочувствовавшія его низверженію, не позволили занятыя себя царевубійствомъ, хотя и опасались, что, оставаясь живымъ, онъ можетъ воротиться къ власти или явиться соперникомъ каждому претенденту на престоль. Опасность казалась тѣмъ значительнѣе, что низверженіе его было произведено въ-стороняхъ и грушюй довольно случайной, безъ прочной подготовки въ пользу какого-нибудь одного кандидата; сторонники его имѣлись въ разныхъ сло-

2, №№ 2, 4 (сообщеніе короннаго подскарбія Варшицкаго о плѣненіи Шуйскихъ и о времени ихъ отсылки въ королевскій лагерь; изъ Архива при Варшавской Казенной палатѣ), 194—198, 200—203 (римскія опасенія отъ Шуйскаго и желанія паденія и заточенія его; Ватиканскій архивъ); Корреспонденція гетмана Жолкѣвскаго съ королемъ Сигизмундомъ III, въ нашемъ собраніи документовъ къ исторіи Смутнаго времени Московскаго государства. Варшава, 1905, №№ 1—17 и 18, въ особенности № 16 (изъ рукоп. Библиотеки ординаціи Красилскихъ); *Pisma Stanisława Żółkiewskiego*. Lwów, 1861, 78 (русскій переводъ Муханова, первое изданіе вмѣстѣ съ польскимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: Рукопись Жолкѣвскаго. М., 1835, 135—136; второе изданіе подъ заглавіемъ: Записки гетмана Жолкѣвскаго о Московской войнѣ. Спб., 1871, 80, и приложение къ нимъ, 98—99, 210); Дневникъ событій, относящихся къ Смутному времени (Русская Историческая Библиотека, I, 209, 211—212); Походъ Сигизмунда III въ Россію 1609—1610 гг. (тамъ же, 673—675, 678—680); *Diaryuz wuprawy na woynę Moskiewską Jana Piotra Sapiehy* (Kognowicki, *Życia Sapiehow*. Warszawa, 1791, II, 248, 250, ср. 264—267; новое болѣе полное изданіе *Dziennik J. P. Sapiehy u A. L. Hirschberg'a Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII*. Lwów, 1901, 279, 287); *Chronica gestorum in Europa singularium a Paulo Piasecio*. Cracoviae, 1648, 317 (польскій перев. *Kronica Pawła Piaseckiego*. Kraków, 1870, 232; ср. у *Wóycickiego*, *Pamiętniki do panowania Zygmunta III*. Warszawa, 1848, 18; рус. перев. въ Памятникахъ Древней Письменности, LXVIII, 33); *Wassenberg, Gestorum Vladislai IV*, 1649, 41; *Kobierzyckj, Historia Vladislai*. Dantisci, 1655, 324, 354; Беръ (Буццовъ), Лѣтопись Московская съ 1584 по 1612 г. (Устряловъ, Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, изд. 3, Спб., 1859, I, 129), Дневникъ Маскевича (тамъ же, II, 46) и др. Свидѣтельство *Magchockiego*, съ вариант., ниже, на 10 стр. Объ общихъ историческихъ условіяхъ и обстоятельствахъ событія—въ трудахъ Карамзина, Соловьева, Костомарова, Пловайскаго, Платонова, Шмидевича, Бобржинскаго и др.

ихъ населенія, и патріархъ Гермогенъ сначала продолжалъ энергично поддерживать его, не признавая законнымъ ни сверженія, ни постриженія, съ торжественными проклинаніями виновниковъ бунта требуя возвращенія Василя на престоль и рѣшительно отвергая кандидатуру иновѣрца. Тревоги недруговъ Шуйскаго не прекратились и послѣ того, какъ на престоль былъ „избранъ“ (17-го августа 1610 г.) королевичъ Владиславъ, въ Москвѣ и по городамъ стала производиться присяга ему на подданство: слишкомъ у многихъ вызывало недоумѣніе это избраніе, устроившееся при явно эгоистическихъ разчетахъ главныхъ въ пользу его дѣятелей, искусственно, наскоро и болѣе по принужденію, неудовольствіе и неудовлетворенность имъ коренились глубоко, да еще предстоялъ вопросъ, согласится ли Сигизмундъ III отпустить своего сына на предложенныхъ условіяхъ.

Возбуждали къ себѣ подозрѣніе также братья Шуйскаго, князя Дмитрій Ивановичъ, женатый на честолюбивой Екатери-нѣ Григорьевнѣ Малюта-Скуратовой, свояченицѣ Бориса Годунова, заносчивый, гордый, въ качествѣ большого воеводы проигравшій Клушинскую битву, и Иванъ Ивановичъ, начальникъ стрѣльцовъ, воевода, остававшійся еще холостымъ. Василій послѣ постриженія былъ отданъ подъ началъ въ Кремлевскій Чудовъ монастырь, братья его, исключенные изъ Боярской думы, сидѣли уже въ ихъ собственныхъ домахъ подъ крѣпкою стражей ¹⁾. Положеніе это казалось временнымъ, переходнымъ, и не въ одномъ только худшемъ смыслѣ: каждый изъ заключенныхъ, особенно самъ Василій, могъ послужить предметомъ движенія для

¹⁾ „Царя Василя силою постригоша въ чернеческій чинъ... и предаша подъ начало въ Чудовъ монастырь... А братію его князя Дмитрія да князя Юанна Юанновичевъ Шуйскихъ отдаша за приставовъ“ (Палицынъ, 207). „И постригни ево, государя, свезли ево въ монастырь, а братья ево государевы князь Дмитрей Ивановичъ и князь Иванъ Ивановичъ Шуйскіе были на своихъ дворехъ за приставы“ (Хронографъ Карамзина, Поповъ, Изборникъ, 347. Ср. Никоновск. лѣт., VIII, 140; Лѣтопись о мятеж., 188; Рукопись Филарета, 32; и друг.). Отрѣшивъ Шуйскаго отъ власти, мятежники „послали къ нему, чтобы онъ удалился въ свой собственный домъ, что онъ и сдѣлалъ; тотчасъ приставили стражу къ нему и къ братьямъ его князю Дмитрію и князю Ивану; сундуки и кладовыя ихъ опечатали“. Затѣмъ, когда обнаружились сношенія Василя съ его приверженцами и онъ былъ постриженъ, „положивъ его въ (крытыя) сани, отвезли въ монастырь и тамъ уже держали его подъ стражею“ (Записки Жолкѣвскаго, 70, 71; ср. прилож. къ нимъ, 98; Русская Истор. Библиот., I, 641 — 642).

своихъ сторонниковъ, при возростающей непріязни русскихъ къ полякамъ, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ неудачъ и народныхъ тягостей, или при ослабленіи своихъ конкурентовъ. Ходили слухи объ ихъ „козняхъ”, хотя бы даже и преувеличенные, невѣрные и намѣренно создаваемые; однако напередъ нельзя было поучиться ни за что. Удалить, сдать всѣхъ Шуйскихъ въ такія „надежныя” руки, которыя бы никоимъ образомъ не выпустили ихъ на свободу, для ихъ недруговъ было дѣломъ не одной простой осторожности.

Лицомъ, располагавшимъ такими средствами избавить этихъ недруговъ отъ ихъ тяжелаго бремени, представлялся тогда подступившій (24-го іюля) къ Москвѣ и стоявшій подъ ней гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій.

Русскій по происхожденію, но полякъ-католикъ по образованію и отличившійся на королевской службѣ, Жолкѣвскій могъ во многомъ раздѣлять желанія Сигизмунда о подчиненіи Московскаго государства Рѣчи Посполитой. Понимая, однако, что, несмотря на побѣду подъ Клушиномъ, „не было достаточныхъ средствъ для приведенія дѣла къ концу войною” ¹⁾, политически расчетливый и дальновидный гетманъ ставилъ цѣли меньшія, стараясь достигъ ихъ путемъ „искусной” политики. Побуждаемый обстоятельствами, онъ заключилъ и скрѣпилъ крестнымъ цѣлованіемъ договоръ о Владиславѣ на большихъ ограничительныхъ условіяхъ, а не о подчиненіи Московскаго государства подъ власть Сигизмунда, какъ хотѣлось бы королю; но въ то же время дѣйствовалъ съ нарушеніемъ условій, если это клонилось къ его выгодѣ. По договору, онъ не могъ вступать съ своимъ войскомъ въ Москву и долженъ былъ, по отводѣ или уничтоженіи Самозванца, отойти отъ нея, и никого изъ жителей Московскаго государства нельзя было ни переводить, ни уводить въ плѣнъ ²⁾;

¹⁾ Записки Жолкѣвскаго, 75. Польскій текстъ:... „maiać osobliwy na gwpekt, że dostatku do kończenia rzeczy woyną niebiło”.

²⁾ Собраніе госуд. грам. и договоровъ, II, № 199: Договорная запись Жолкѣвскаго, заключенная въ обозѣ подъ Москвою съ російскими боярами 17/27 августа 1610 г.—Условіе о непереводѣ: „В Поляску и в Литву и в—ныне государства Московскаго государства людей не розсылати...; и жонъ и дѣтей ни чыпхъ не позорыти ни в чьмъ, и в полонъ не имати и не зсылати, и з женами и з детьми никого не разво-

между тѣмъ „онъ”, по его собственному признанію, „думалъ о томъ, какъ бы съ тѣмъ войскомъ, которое при немъ было, безъ опасности занять столицу” ¹⁾, и настойчиво старался такъ или иначе удалять въ Польшу лицъ, бывшихъ опасными для польскихъ интересовъ. Когда, въ силу даннаго договора, снаряжалось Великое посольство къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, чтобы просить короля объ отпускѣ его сына на московскій престолъ и о принятіи условій, гетманъ хитро убѣждалъ, и дѣйствительно убѣдилъ, стать во главѣ посольства князя Василя Васильевича Голицына, имѣвшаго притязанія на корону, и митрополита Филарета Никитича Романова, отца Михаила Федоровича ²⁾; удаляемые изъ Москвы подъ столь благовиднымъ предлогомъ, эти „подозрительныя” и „опасныя” лица (Голицынъ самъ по себѣ, Филаретъ за дѣйствія сына), имѣвшіи многихъ сторонниковъ, оказывались теперь, въ случаѣ надобности, во власти Сигизмунда и должны были служить для него и поляковъ хорошимъ залогомъ.

Не менѣе, если не болѣе, желалъ Жолкѣвскій подобной участи второму Самозванцу и всей семьѣ Шуйскихъ, „дабы освободить эту страну отъ сихъ людей, вносѣдствіи же его величество король во всякомъ случаѣ могъ воспользоваться ими, смотря по обстоятельствамъ” ³⁾. Дзедимитрій удачно уклонился отъ польскихъ рукъ; погибъ онъ потомъ отъ мести своего обиженнаго сторонника, крещеннаго татарскаго мурзы, женатаго на вдовѣ умершаго брата Шуйскаго. Шуйскіе же попали во власть Жол-

дита⁴⁾. Польскій текстъ въ нашемъ собраніи документовъ Къ исторіи Смутаго времени, № 9. То же условіе, чтобы „всякихъ московскихъ людей... въ полонъ въ Польшу и въ Литву и въ иные государства не отсылати”, было и въ договорной записи, данной Жолкѣвскимъ князю Елецкому и Григорію Валуеву еще на пути къ Москвѣ (Записки Жолкѣвскаго, прилож. № 24 — русскій текстъ; Къ исторіи Смутаго времени, № 2—польскій текстъ).

¹⁾ Записки Жолкѣвскаго, 89.

²⁾ Тамъ же, 86—87.

³⁾ Тамъ же, 80. Въ подлинникѣ (послѣ сообщенія о начатыхъ гетманомъ сношеніяхъ съ Яномъ Сапѣгою, чтобы зтотъ отложился отъ Самозванца и выдалъ его): „To in istum eventum p. hetman czynił, isz już wedle umowy był mu wydany książ Wasyl Szuyski przeszły car i z bracią kniazem Dymitrem i kniazem Iwanem, życzył tego, żeby i tego Impostora królowi je. mości odesłać, iszby ziemię od tych ludzi exonerować, a potem in omnes casus król je. mości mógł ich według okazyi zażyć”. Pisma Żółkiewskiego, 78, первое изд. Муханова, 135—136.

кѣвскаго. Чтобы получить ихъ, ему потребовалось примѣнить передъ тѣмъ не мало стараній.

По волѣ Сигизмунда направляясь отъ осажденнаго Смоленска въ глубь московскихъ предѣловъ, „гетманъ”, по собственному его сознанію, „посылалъ тайнымъ образомъ въ Москву много писемъ съ универсалами для возбужденія ненависти противъ Шуйскаго, указывая, какъ въ царствѣ Московскомъ, во время его правленія, все идетъ дурно, и какъ чрезъ него и за него безпрестанно проливалась христіанская кровь; эти универсалы разбрасывали по улицамъ; въ частныхъ же письмахъ онъ дѣлалъ обѣщанія нѣкоторымъ лицамъ и обнадеживалъ ихъ; отъ чего умы волновались” ¹⁾. Его „договорная записъ” князю Елецкому и нѣкоторыя другія бумаги произвели въ Москвѣ такое возбужденіе, что, какъ онъ доносилъ Сигизмунду, московскіе сторонники его готовы были эти документы прочесть у Кремля на Лобномъ мѣстѣ и, согласившись съ лицами, дѣйствовавшими съ ними за одно, намѣревались „поймать Шуйскаго и отослать” къ нему, или же, въ случаѣ неудачи, выѣхать къ нему изъ столицы ²⁾. Но какъ скоро Жолкѣвскій узналъ (22 іюля) объ исполненіи первоначальной своей цѣли, о состоявшемся низложеніи Василя Ивановича и заключеніи подъ стражу его и его братьевъ, онъ, двинувшись тотчасъ къ Москвѣ, съ дороги писалъ боярину князю Мстиславскому съ товарищами и веѣхъ чиновъ людямъ Московскаго государства, бывшимъ тогда въ столицѣ: „мы отъ сего (извѣстія о Шуйскихъ) въ досадѣ и кручинѣ великой и опасаемся, чтобы съ нами не случилось чего худого”. При этомъ онъ краснорѣчиво указывалъ на заслуги Шуйскихъ, на значеніе вообще знатныхъ людей для государствъ, на благовременность прекратить кровопролитіе и распри и установить миръ, на королевское желаніе веѣмъ добра, и убѣждалъ: „находящихся въ рукахъ вашихъ князей Шуйскихъ, братьевъ вашихъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять, не дѣлая никакого покушенія на ихъ жизнь и здоровье и не попуская причинить имъ никакого насильства, ра-

¹⁾ Записки, 67—68.

²⁾ Къ исторіи Смутнаго времени, №№ 2 и 3.

зоренія и притѣсненія: ибо и ихъ наяснѣйшій король съ сыномъ своимъ королевичемъ, равно какъ и всѣхъ васъ, великихъ бояръ, когда вы будете служить государямъ вѣрою и правдою, готовы содержать во всякой чести и довѣрїи и жаловать всѣмъ государскимъ жалованьемъ”¹⁾).

Все усердїе продолжая выставлятъ себя доброжелателемъ бояръ и государства, готовымъ даже на серїозную имъ помощь, свои домогательства о Шуйскихъ гетманъ повелѣ прямиѣ и рѣшительнѣе по заключенїи подъ Москвой договора; оказываясь представителемъ Владислава, которому присягали и о которомъ снаряжалось къ Сигизмунду посольство, онъ являлся какъ бы союзникомъ трактовавшаго съ нимъ временнаго московскаго боярскаго правительства и настолько вліятельнымъ распорядителемъ отъ имени избраннаго государя, что раздавалъ уже помѣстья. Дѣло двигалось, и гетманъ увѣдомлялъ въ станъ подъ Смоленскомъ, что думные бояре обѣщаютъ ему выдать всѣхъ Шуйскихъ, но подъ условїемъ, чтобы король не оказывалъ имъ никакой милости („*iedno żeby im król i. m. żadney nie pokazował łaski*”); сообщилъ онъ также, что все имущество Шуйскихъ взято въ царскую казну. Отъ другихъ лицъ, близкихъ къ нему, приходили подъ Смоленскъ вѣсти: Шуйскіе обообраны, у нихъ едва остались одни платья, въ которыхъ одѣты; бывшаго царя Василя еще не рѣшаются выдать за границу; братьевъ его, изъ боязни замѣшательства отъ ихъ рода въ государствѣ, совѣтовали отправить въ Польшу, если гетманъ поручится, что король не будетъ ихъ жаловать; въ противномъ случаѣ хотѣли-де перебить ихъ; женъ постригли въ монашество; Шуйскихъ отправляютъ къ королю вмѣстѣ съ послами („*posłów tesz swoich dnia 21 wrzesnia wyprawią, z nimi y Suyskich*”).

Послѣдніе слухи не оправдались. Жена Дмитрія Ивановича Екатерина Григорьевна оставалась при мужѣ; постригли лишь жену Василя Ивановича, молодую царицу Марїю Петровну, рожд-

¹⁾ Сигизмунду гетманъ объяснялъ (23 іюля), будто это письмо (Записки, прилож. № 32) онъ написалъ по тайной къ нему просьбѣ князя Ивана Шуйскаго, чтобы онъ своимъ вліяніемъ защитилъ ихъ отъ бояръ, заступился за нихъ предъ ними. Къ исторїи Смутнаго времени, № 5.

донную Буйносову-Ростовскую, и отослали ее въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ она потомъ (1626 г.) и скончалась. Послы поѣхали (11-го сентября) одни, съ большой свитой и провожатыми ¹⁾, безъ Шуйскихъ, которыхъ отпавить съ ними было не возможно. Противъ выдачи бывшаго государя королю рѣшительно стояли патриархъ Гермогенъ, единомышленныя съ нимъ бояре и инья лица. Независимо отъ сознанія позора и непристойности такого дѣла, они, въ виду нерѣшонныхъ вопросовъ, повидимому, еще питали надежду, что Василій Ивановичъ можетъ пригодиться, если до поры до времени проживетъ гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ. Временному боярскому правительству, хотя въ немъ участвовали виновники паденія Шуйскихъ, тоже не улыбалась перспектива, еслибъ Шуйскіе попали къ Сигизмунду; сомнѣвались, какъ бы король не сталъ, во вредъ Москвѣ и прежнимъ недругамъ, оказывать имъ „милость“, не сталъ „жаловать“ ихъ.

Составъ боярскаго правительства между тѣмъ быстро измѣнялся ²⁾. Одинъ за другимъ вступали въ него и въ высшую администрацію члены нестраго кружка прежнихъ тушинцевъ, которые предъ тѣмъ первыми перебѣжали на службу къ Сигизмунду и которыхъ пересылалъ онъ теперь въ Москву. Но мѣрѣ усиленія ихъ слабѣла прежняя Боярская дума, и глава правительства, князь Мстиславскій, и безъ того „дружественный“ къ Владиславу и Жолкѣвскому ³⁾, становился все уступчивѣе. Покровительствуемые Сигизмундомъ, они „вѣрнѣ служили королевскому величеству и сыну его, государю королевичу“, стараясь уничтожить все, что напоминало о Шуйскомъ. Среди нихъ по своему

¹⁾ Акты Зап. Россіи, IV, № 182; Г о л и к о в ъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго, II, 20—21.

²⁾ С. М. С о л о в ъ е в ъ, Исторія Россіи, изд. 4, т. VIII, 293 — 301, 331 — 339; С. О. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты. Спб., 1899 г., 467—474.

³⁾ Обрисованная бывшія въ Москвѣ политическія партіи и видныхъ людей, Жолкѣвскій если въ своихъ Запискахъ (70) называлъ Мстиславскаго „весьма расположеннымъ“ къ королевичу, то въ своихъ письмахъ къ Сигизмунду прямо заявлялъ, что въ вопросѣ объ избраніи кандидата на царство онъ „сильно дѣйствуетъ въ пользу королевича“, и потому рекомендовалъ его особому вниманію короля (Къ исторіи Смутнаго времени, №№ 5—6); такимъ признавалъ его и Сигизмундъ, обнадеживая его чрезъ Жолкѣвскаго „въ большой награды“ (тамъ же, № 13).

значенію найбільше видвинулись „бояринъ сенаторскаго рода” Михаилъ Салтыковъ ¹⁾ и „мужикъ”, бывшій торговецъ, потомъ царскій казначей Федоръ Андроновъ. Относительно Шуйскаго послѣдній писалъ подъ Смоленскъ литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ: „а мнѣ сдалося, и хотимъ такъ учинить, чтобы запровадить его подъ Смоленскъ до королевскаго величества и чтобы ему подъ стражею мѣшкать (помѣщаться) либо въ Кіевѣ, въ монастырѣ, или у васъ, моего милостивого пана, въ вашемъ монастырѣ”. Предлагая удалить и замѣнить дѣятелей предыдущаго царствованія, онъ просилъ Сапѣгу прислать ему указанія или инструкцію о всѣхъ дѣлахъ съ великимъ старостою, литовскимъ референдаріемъ Александромъ Госѣвскимъ; буде же тотъ выѣхалъ изъ Смоленска, то отправить о томъ тотчасъ за нимъ въ дорогу ²⁾. Прибывшій къ Жолкѣвскому съ подробною „консидераціею” ³⁾ гетману дѣйствовать по возможности прямо въ королевскую пользу, Госѣвскій, какъ „хорошо свѣдуцій въ дѣлахъ московскихъ” ⁴⁾ и самъ прежде потерпѣвшій отъ Шуйскаго, сталъ правою рукою гетмана. Онъ тѣсно сошелся съ кружкомъ усиливавшихся агентовъ Сигизмунда. Задумано было, чтобы удобнѣе достигнуть цѣли, постараться пока отъ отсылкѣ Василя Ивановича въ Ю-

¹⁾ Свое „боярство“ онъ получилъ въ Тушинѣ.

²⁾ Это письмо Андропова къ Сапѣгѣ, какъ составленное до пріѣзда (около числа 23-го августа, по сообщенію Жолкѣвскаго. Записки, 79; ср. Рус. Ист. Библ., I, 657—658) Госѣвскаго изъ Смоленска къ Жолкѣвскому и до послышки (Акты Ист., II, 356; Русск. Ист. Библ., I, 663) боярами лицъ къ смольнянамъ съ увѣдомленіемъ объ условіяхъ договора, могло быть написано только въ ближайшіе дни по заключеніи договора, а не „въ сентябрѣ”, какъ означено издателями его (А. Ист., II, 355); слѣдовательно, въ эту уже пору были таковы тайныя предположенія гетмана съ нѣкоторыми изъ прежнихъ тушинцевъ относительно Шуйскаго и дѣятелей его царствованія. Андроновъ же пріѣхалъ съ королевскимъ письмомъ къ Жолкѣвскому, когда были „еще не постановлены рѣчи” (А. Ист., II, 355), т.-е. предъ заключеніемъ договора, а не „черезъ два дня послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ”, не 19 августа, какъ, желая оправдать себя, пишетъ гетманъ въ своихъ Запискахъ (78); да и самъ Жолкѣвскій въ письмѣ къ Сигизмунду еще отъ 13 августа упоминалъ, что онъ совѣтовался съ Андроновымъ во время переговоровъ съ боярами (Къ исторіи Смутнаго времени, № 7).

³⁾ Къ исторіи Смутнаго времени, № 13.

⁴⁾ Такимъ признавалъ его Жолкѣвскій. Записки, 79. Русскіе лѣтописцы видѣли въ Госѣвскомъ „королевскимъ неправдамъ вѣрна совѣтника” (Рукопись Филарета, 39) или „сообщника” (Повѣсть ки. Катарева-Ростовскаго, Рус. Ист. Библ., XIII, 689—690).

сифовъ Волоколамскій монастырь. Догадываясь, очевидно, о скрытыхъ намѣреніяхъ гетмана и его подручныхъ, патріархъ и единомышленныя бояре говорили, чтобы послать Василя, по его обѣщанію, въ Троице-Сергіевъ монастырь или, еще лучше, за русско-польскою стражей послать въ отдаленныя крѣпкіе Кирилло-Бѣлозерскій или Соловецкій монастыри и „тамъ всѣми обиходы устроить его по его достоинству”, держать въ соотвѣтственной чести. Но Сигизмундовы агенты стали „уже сильны въ Москвѣ”, а сборы Великаго посольства въ путь дѣлали для польской стороны неотложно настоятельнымъ, чтобы позади его не оставалось чего-либо грозившаго ея успѣхамъ, и Шуйскіе, стараніями Госѣвскаго, при помощи Салтыкова и ему подобныхъ лицъ, были въ рукахъ гетмана еще до выѣзда пословъ изъ Москвы.

„Шуйскихъ — записалъ польскій современникъ и участникъ въ Московскій войнѣ — выдали, чтобы лучше обезпечить правленіе Владислава, но съ тѣмъ однако, чтобы ихъ не вывозить изъ Московскаго царства; только имѣлось въ виду заключить ихъ подъ нашей стражей въ какомъ-нибудь укрѣпленіи” ¹⁾.

Жолкѣвскій обѣщаль не вывозить Василя Ивановича изъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, куда онъ чрезъ своихъ подручныхъ отпразднвалъ его, объясняя боярамъ, что держать Василя въ отдаленіи отъ Москвы, какъ хотѣли бы единомышленники патріарха, опасно, что оттуда могутъ быть отъ него возмущенія. Монастырь Іосифа Волоцкаго стоялъ у тогдашней дороги къ Смоленску, верстахъ въ 130 отъ Москвы, въ полосѣ расположенія польскихъ отрядовъ, оберегавшихъ безпренятственность сношеній гетмана съ Смоленскомъ. Онъ не разъ служилъ мѣстомъ заточенія большихъ лицъ, на которыхъ обрушивалась опала (кн. Патрикѣевъ-Косой, Максимъ Грекъ, митрополитъ Даніиль и др.) и былъ хорошо укрѣпленъ, огражденный двумя стѣнами, камен-

¹⁾ „Wydali Szuyskich, aby tym bezpieczniejszy był panowania; tak jednak, że ich z Moskwy wywozić nie miano; tylko mieli być na którym zamku pod strażą naszym”. Mikołaja Seibora Marchockiego, Historia wojny Moskiewskiej, рукопись Библиотеки Красинскихъ, № 744, л. 23 об. Въ печатномъ изданіи (w Poznaniu, 1841, 99), послѣ слова „aby” стоитъ „Władisław”, а послѣдующее слово „tym” читается „tem”.—„Moskwa” въ польской рѣчи того времени употреблялась для означенія „Московія”, „Московскаго государства”, городъ же Москва обыкновенно назывался „Stolica”.

ной и деревянной, съ бойницами. Начальникъ казацкаго тушинскаго отряда Бартошъ Рущкій могъ вынудить его къ сдачѣ (въ октябрѣ 1609 г.) только послѣ продолжительной осады ¹⁾. По распавшійся Тушина часть поляковъ и русскихъ укрылась сюда, захвативъ съ собою въ плѣнъ митрополита Филарета Никитича. Оставшійся здѣсь гарнизонъ поступилъ на королевскую службу, но вскорѣ былъ осажденъ московскимъ отрядомъ, изъ русскихъ и нѣмцевъ. Рущкій не могъ сдержать нанора. Осаждающіе „сначала овладѣли деревянною крѣпостью и уже ворвались было въ каменную”; осажденные повыбили ихъ со стѣны, сожгли „деревянную крѣпость” и бѣжали, преслѣдуемые осаждавшими, которые заняли весь монастырь и вывели оттуда въ Москву Филарета, много бояръ и польскихъ плѣнныхъ (въ маѣ 1610 г.). Лишь послѣ Клушинской битвы, когда къ Жолкѣвскому прибѣгли люди изъ ближайшихъ укрѣпленій, „сдавая ихъ на имя короля”, опять подчинился (въ концѣ іюня) гетману и Іосифовъ монастырь. Въ немъ гетманъ посадилъ того же Рущкаго, подъ „стражу” котораго онъ отдалъ теперь Василя Ивановича. Заключенъ онъ былъ въ башнѣ, въ которой обыкновенно помѣщались опальные знаменитые узники, въ такъ называемой Германовой (по имени устроителя ея). Существова до сихъ поръ, съ жилыми покоями, она отличается отъ другихъ башенъ величиною и квадратной формой, остальные башни (шесть) круглыя. Стоитъ она въ задней стѣнѣ каменной монастырской стѣны-ограды, противъ соборной Успенской церкви. Высокій узникъ, недавній владѣтель и распорядитель громаднхъ богатствъ, получалъ отъ Рущкаго питаніе скудное, едва не умиралъ съ голоду.

Князей Дмитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ гетманъ нѣкоторое время держалъ при себѣ, въ подмосковномъ станѣ. Тутъ засталъ (12-го/22-го сентября) ихъ Янъ Сапѣга, отложившійся отъ второго Самозванца и передъ отходомъ въ Сѣверскую землю приѣзжавшій къ Жолкѣвскому, который подкупилъ его деньгами изъ царской казны и другими благами. „22-го сентября (н. ст.) Сапѣга — говорится въ его Дневникѣ — былъ у гетмана,

¹⁾ Нежеланіе осажденныхъ сдаться Рущкому авторъ „Дневника событій Смутаго времени“ объясняетъ тѣмъ, что они не довѣряли ему („Рускіemu nie ufaiac“).

гдѣ засталъ Шуйскихъ Ивана и Дмитрія, которыхъ московскіе бояре выдали гетману, чтобы они уже не думали болѣе оставаться здѣсь ради какой-либо свойственной имъ крамолы; въ это время и того Шуйскаго, который былъ прежде царемъ, постриженнаго отвезли въ Осиновъ“¹⁾. Братъевъ Шуйскаго гетманъ отослалъ съ Невядовскимъ въ крѣпость Бѣлую, которая также находилась въ районѣ пути изъ Москвы къ Смоленску, ближе къ послѣднему, и по прочности считалась тамъ одною изъ лучшихъ твердынь. Когда король стоялъ у Смоленска, Госѣвскій около полугода безуспѣшно облагалъ ее, пока осажденные, оставшись въ числѣ тысячъ четырехъ (изъ 14), терпя голодъ и убѣждаемые нѣкоторыми боярами, не сдались (въ апрѣлѣ 1610 г.) на имя короля и королевича. Госѣвскій занималъ ее до выхода съ своимъ полкомъ къ Жолкѣвскому подъ Москву. Для заточенія въ ней князей Шуйскихъ она была выбрана, очевидно, по его указанію, какъ хорошо извѣстная и наиболѣе подручная ему²⁾.

¹⁾ „22 septembris (н. с. 1610 г.) był jego mośú u pana hetmana koron., gdzie zastał Szujskich, Iwana i Dymitra, których moskiewscy bojarowie wydali do Polski, uprosiwszy to u jm. p. hetmana, aby tu już więcej być nie zamysłali dla zdrady jakiej, która się przez dom ten pokasowała. Natenczas i Szuyskiego tego, który był przedtem carem, postrzyżonego odwieziono do Osipowa“. Dziennik Sapiehy, 279. Въ первомъ изданіи, Diaryusz, 248, читается: „22. Sapieha był u hetmana“ и проч.

²⁾ Свидѣтельства о заключеніи Шуйскихъ въ Іосифовомъ монастырѣ и въ Бѣлой: „Kniazia Wasila, który był hospodarem, odesłał (p. hetman) na Osypow, straż nad nim zleciwszy p. Bartoszowi Ruckiemu...; Kniazia Dymitra u kniazia Iwana przez p. Niewiadowskiego do Białey odesłał“ (Походъ Сигизмунда, 678 — 679). „Producitur e clastro Basilus Suyscius dedidurque Zolkiewio..., sequantur fortunam fratris Demetrins et Joannes Suyscii... Et illum quidem Osipoviam amandatam Pauli Rucii custodiae imperator commisit, hi à Niewiadowio Bialam ducti ibique mansere detenti“ (Кобіерзюекі, 324). „Ты, Александръ (Госѣвскій), и Михаило Салтыковъ съ товарищи о томъ (послать Василія въ дальніе монастыри) насъ не послушали, а послали вы его, взявъ у насъ, въ Осиновъ монастырь“ (30 книга Польскихъ дѣлъ, 129). „Они жь (Жолкѣвскій съ „тѣми измѣнники московскими“ — Михаиломъ Салтыковымъ и др.) быша ужъ сильны въ Москвѣ, тово не послушаху, и ево послаша въ Осифовъ монастырь“ (Никон. лѣт., 146). Въ бумагахъ Монастырскаго архива сохраняются лишь записи о вкладахъ (книга № 684) или имена прежнихъ Шуйскихъ (синодикъ, № 664). Объ отношеніяхъ Іосифова монастыря и Бѣлой къ Жолкѣвскому, Рудкому и Госѣвскому — Русск. Истор. Библ., I, 143, 161, 187, 211, 569 и др.—Шибъ „монастырь образуетъ неправильный четырехугольникъ, въ окружности до 500 сажень“. Каменная его ограда, до 4 сажень вышины и до 3 аршинъ толщины, съ семью башнями, въ томъ числѣ Германовой или Богословской, съ двумя воротами, святыми и въѣздными, на передней, южной сторонѣ его, та

Въ лагерь подъ Смоленскомъ донеслась вѣсть какъ о выдачѣ, такъ и о ссылкѣ Шуйскихъ. О заточеніи гетманомъ Василя въ Іосифовомъ монастырѣ подъ стражей прибавлялось въ вѣстяхъ, что „объ этомъ просили его сами бояре“; что же касается отосланныхъ въ Бѣлую, которая была сравнительно очень близко къ Смоленску, осаждаемому королемъ, то присоединялось, что „касательно ихъ бояре настойчиво просятъ, чтобы они не были допущены къ королю и чтобы ихъ держать въ строгомъ заключеніи“ (*boiarrowie sollicitè proszą, żeby oczu króla i. m. nie widzieli y żeby w ostrożnym więzieniu byli*). „Просьба“ эта сохраняла, разумѣется, свое значеніе и относительно всѣхъ вообще Шуйскихъ. Не вывозить ихъ за предѣлы Московскаго государства и не отдавать ихъ королю представлялось обязательнымъ уже въ силу договора о призваніи Владислава, и этого должны были желать и ставить о томъ условія единомышленныя съ Гермогеномъ лица. Но въ „настойчивой просьбѣ“, какъ о ней сообщается въ извѣстіяхъ подъ Смоленскомъ, слышится мнѣніе „бояръ“ не столько единомышленныхъ съ патриархомъ, сколько противоположныхъ, именно тѣхъ, кто боялся Шуйскихъ и относительно ихъ могъ говорить и поступать въ томъ направленіи, какъ писалъ Андроновъ Льву Сапѣгѣ ¹⁾).

же, что была и при Шуйскомъ, съ разными поновленіями и поправками. Германова башня долго служила для бібліотеки и архива монастыря и нѣсколько разъ подвергалась пожару отъ молніи. Пролеты (8) въ ней недавно заложены, чтобы удержать отъ паденія каменный шатровый верхъ. Въ двухъ нижнихъ этажахъ устроены теплые покои. Колокольня напоминаетъ московскую Івана Великаго; церкви архитектурны, въ Успенской мощи и реликвиі основателя. Отъ Волоколамска 18 вер., на сѣверъ. Нектарій, Историч. описаніе Іосифова Волоколамскаго монастыря. М., 1884; Геронтіій, Волокол. Іосифовъ монастырь и его соврем. состояніе. Спб., 1903.—Крѣпость Бѣлая нынѣ городъ Бѣлый, Смоленской губ., въ 144 верстахъ отъ губерн. гор., на с.-востокъ; уцѣлѣлъ въ немъ земляной валъ, сажень 460 въ окружности.

¹⁾ По этимъ извѣстіямъ подъ Смоленскъ, присланнымъ гетманомъ, Шуйскіе были выданы ему боярами въ народное смятеніе (17-го — 19-го сентября), вызванное подготовленіями впустить Жолкѣвскаго съ войскомъ въ Москву; испуганные бояре увидѣли въ движеніи „козни Шуйскихъ“ (*Szuyskich factia*), и „немного не дошло до того, чтобы бояре ихъ убили“ за то (Походъ Сигизмунда, 677 — 680). Такъ повторяется и въ исторической наукѣ, если касаются ближайшихъ причинъ и обстоятельствъ факта выдачи Шуйскихъ. Но въ вѣстяхъ подъ Смоленскъ эта выдача вплетена въ канву народнаго движенія лишь съ цѣлью увеличить въ глазахъ короля и поляковъ заслугу гетмана, что онъ сумѣлъ получить и сохранить Шуйскихъ живыми: до того-де были Шуйскіе опасны для польскаго дѣла и въ та-

Все было произведено не гласно. Даже въ польскомъ войскѣ, стоявшемъ потомъ въ Москвѣ, думали, что Шуйскихъ отвезли въ Троице-Сергіевъ монастырь; а русскіе люди, судя по писаннымъ затѣмъ о Смутномъ времени сказаніямъ, полагали различно: одни, что Шуйскіе по прежнему пребывали въ Москвѣ; иные, что всѣ они были перепровождены въ Іосифовъ монастырь, и только немногіе узнали, что тамъ былъ заключенъ одинъ Василій Ивановичъ.

кой близости отъ смерти находились они! Движеніе москвитянъ, какъ разсказывается въ тѣхъ же вѣстяхъ, случилось „послѣ того, какъ Салѣга ушелъ съ своимъ полкомъ“ отъ столицы къ Сѣверской землѣ, отложившись отъ второго Самозванца, укрывшагося въ Калугѣ, и тотчасъ какъ Гоевскій пріѣхалъ (16-го сентября) въ Москву, чтобы росписать и заготовить полякамъ квартиры (тамъ же). Однако самъ же Жолкѣвскій въ своихъ „Запискахъ о Московской войнѣ“ (80) сообщаетъ, что Шуйскіе были въ его рукахъ еще во время сношеній его съ Салѣгой, чтобы этотъ отложился отъ Самозванца или выдалъ его, т.-е. еще довольно за значительное время до ухода (14-го сентября; Dziennik J. P. Sarmiehi, 279) Салѣги отъ Москвы и до означеннаго московскаго движенія. Мы видѣли также, что Салѣга засталъ у гетмана подъ Москвою братьевъ Шуйскаго 12-го сентября и о Василіѣ Ивановичѣ упоминалъ тогда, какъ уже объ отосланномъ въ Іосифовъ монастырь. Послѣдовавшій извѣстіямъ о Шуйскихъ „Походу Сигизмунда“, Н. И. Костомаровъ впалъ въ несообразныя противорѣчія, когда затѣмъ воспользовался и „Дневникомъ“ Салѣги. Изложивъ, по первому документу, о выдачѣ Шуйскихъ въ народное движеніе, происшедшее по случаю пріѣзда Гоевскаго 16-го сентября въ Москву, и о входѣ Жолкѣвскаго съ войскомъ въ столицу по прекращеніи этого волненія, онъ присоединяетъ (Смутное время Московскаго государства, Историческія монографіи, изд. 3, Сиб., 1884 г., VI, 46—47, 57), что „12 сентября Салѣга“, прибывъ „въ Москву къ коронному гетману проститься съ нимъ“, „увидѣлъ“ у него „братьевъ Шуйскихъ, Ивана и Дмитрія“, отданныхъ ему боярами... Магешоскі, въ своемъ повѣствованіи обыкновенно строго державшійся послѣдовательности бывшихъ фактовъ, о выдачѣ Шуйскихъ говоритъ послѣ сообщенія о присягѣ русскихъ и гетмана по заключеніи договора о Владиславѣ и предъ разсказомъ объ отъѣздѣ пословъ, причемъ, какъ видѣли (10 стр.), онъ достаточно ясно означаетъ и мотивы выдачи (рукоп., л. 23, печати., 98 — 100). Вообще, критическое сличеніе всѣхъ, извѣстныхъ доселѣ, источниковъ приводитъ къ слѣдующимъ несомнѣннымъ выводамъ: 1) выдача Шуйскихъ состоялась раньше послѣдняго посѣщенія (12-го сентября) Салѣгой Жолкѣвскаго въ станъ подъ Москвою и послѣ договора о Владиславѣ, послѣ появленія Михаила Салтыкова и др. тушинцевъ въ Москвѣ, прибытія (см. выше, примѣч. на 9 стран.) Гоевскаго къ Жолкѣвскому изъ подъ Смоленска и въ пору первыхъ пріобрѣтеній этими вліянія на московскія дѣла, т.-е. именно въ періодъ, когда Великое посольство организовалось и собиралось въ путь, въ который оно отправилось 11-го сентября; 2) выдача ихъ отнюдь не связана съ какимъ-либо народнымъ движеніемъ, вызваннымъ ими, и они не находились въ такомъ опасномъ положеніи, какъ изображалось въ вѣстяхъ подъ Смоленскъ, а на основаніи ихъ и въ исторической наукѣ. Замѣтимъ, что при упоминаніяхъ о причинѣ выдачи Салѣга, въ своемъ „Дневникѣ“, и Жолкѣвскій, въ своей бесѣдѣ съ митрополитомъ Филаретомъ Никитичемъ (о ней ниже, во II-й главѣ), говорятъ лишь вообще объ опасностяхъ отъ Шуйскихъ, а не о какомъ-либо опредѣленномъ случаѣ.

По договору объ избраніи Владислава, оба мѣста заточенія—и монастырь Іосифа Волоцкаго, и крѣпость Бѣлая—должны были сохраниться за Москвой. Бояре, надѣявшіеся на осуществленіе условій и довѣрявшіе Жолкѣвскому, какъ бы предупреждались теперь, что вмѣстѣ съ тѣмъ останутся тамъ и Шуйскіе. Но уже самъ Жолкѣвскій такъ характеризовалъ всю свою московскую политику: „гетманъ, какъ всегда, такъ и въ это время, не переставалъ дѣйствовать съ тонкостью, разными уловками”¹⁾. Заключение здѣсь Шуйскихъ имѣлось въ виду гетманомъ только кратковременное, чтобы пока лучше отвести глаза боярамъ, не раздражать московскихъ людей.

Такъ или иначе поскорѣе извлечь Шуйскихъ изъ московскихъ предѣловъ побуждалъ Жолкѣвскаго и король Сигизмундъ, опасавшійся ихъ и радовавшійся сообщенію гетмана, что „они будутъ въ нашихъ рукахъ”. Къ подобнымъ крайнимъ мѣрамъ противъ нихъ вели короля не только особое сочувствіе римскихъ дѣятелей торжеству его надъ Шуйскими, совершеннаго паденія которыхъ и полного подчиненія Москвы Сигизмунду они желали, но еще болѣе личныя его мнѣнія о своихъ врагахъ и о средствахъ къ достиженію своихъ въ Москвѣ цѣлей. Настойчиво внушая Жолкѣвскому, чтобы онъ не довѣрялъ ни москвитянамъ, ни Шуйскимъ, король, еще когда только были опредѣлены мѣста для Шуйскихъ, писалъ²⁾ ему: „Вѣдь и эти мѣста, назначенныя на житье Шуйскимъ, уже тѣмъ самымъ не надежны, что онѣ въ Москвѣ (Московіи). Мало ли у нихъ (москвитянъ) разныхъ хи-

¹⁾ Записки Жолкѣвскаго, 92. Въ подлинникѣ собственно: „rap hetman, iako nigdy, tak i wtenczas nie zaniechuwał przez praktyki czynić”. (Старинное выраженіе: „czynić z kim praktyki—вдаваться въ происки, интриги”. Академика Дубровскаго Полный Словарь польскаго и русскаго языка. Варшава, 1876, 482). Андроновъ, помощникъ гетмана, близко понимавшій его отношенія къ боярамъ и вообще москвичамъ, съ циничной похвалою писалъ о немъ Льву Сапѣгѣ, по поводу условій заключеннаго имъ договора о Владиславѣ: „гды было не учинить тѣхъ договоровъ по ихъ волѣ, тогда было, конечно, пришло на то, доставать саблею и огнемъ; а тожь сдалось его милости пану гетманови, лутчи ся съ ними тепере обойтись по ихъ штукамъ; а гды придуть до рукъ, тогда и тѣ ихъ штуки мало что помогутъ: а тожь и мы надѣмся на Бога, что и тѣ ихъ штуки къ часу нарушимъ, ихъ умыслъ на иную сторону, на правдивую наворотимъ” (А. Ист., II, 355).

²⁾ Къ исторіи Смутнаго времени, № 16.

тростей и средствъ, когда государство совершенно успокоится? Да они, находясь вблизи нашей границы, тѣмъ легче могутъ избавиться. Это народъ коварный; входя съ кѣмъ-либо въ тѣснѣйшую дружбу, именно и думаетъ о томъ, какъ бы его обмануть. И мы увѣрены, что вы не удалитесь оттуда, пока не устроите всего, что признаете цѣлесообразнымъ для осуществленія этихъ дѣлъ и нашихъ плановъ. О дальнѣйшемъ ходѣ всего придется, согласно вашему желанію, впоследствии переговорить съ нами устно”.

Поэтому мѣста заключенія Шуйскихъ, какъ расположенныя по направленію къ Смоленску и въ районѣ, подвѣдомственномъ гетману, послужили вскорѣ лишь очень удобными передаточными пунктами по пути слѣдованія Шуйскихъ къ королю и въ Польшу.

Случилось это при отъѣздѣ самого Жолкѣвскаго.

Извѣстно ¹⁾, при какихъ обстоятельствахъ Жолкѣвскій былъ съ своимъ отрядомъ влущенъ (ночью съ 20-го на 21-е сентября) въ Москву ²⁾ боярами, опасавшимися движенія народа въ пользу Самозванца, и, проживъ съ мѣсяць, выѣхалъ изъ нея. Какъ ни искусно гетманъ устраивалъ въ ней положеніе своего отряда и свои отношенія къ москвитянамъ и даже къ патриарху, однако онъ предвидѣлъ, что должно выдти, когда здѣсь узнаютъ объ истинномъ намѣреніи Сигизмунда — не отпускать Владислава и прямо подчинить Московское государство своему и польскому владычеству. На уснѣхъ московскаго посольства онъ не имѣлъ

¹⁾ Никонов. лѣт., 144, 147; Записки Жолкѣвскаго, 89—99; Рус. Ист. Библ., I, 677—684; А. Зап. Рос., IV, 476—478; J. U. Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa, 1819, II, 484—485; П. М. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., XII, гл. IV; С. М. Соловьевъ, VIII, 305—309; Н. И. Костомаровъ, VI, 46—61; Д. И. Иловайскій, Смутное время Московскаго государства. М., 1894, 180—183. Посему въ вопросѣ объ отъѣздѣ гетмана мы вносимъ по преимуществу подробности, неизвѣстныя доселѣ или оставшіяся не разъясненными.

²⁾ „Мы тихо вступили въ столицу, непримѣтно свернувъ знамена, для того, чтобы москвитяне не свѣдали о малочисленности нашей”. Дневникъ Маскевича, 46. „Hetman... wydał rozkaz, żeby wojsko weszło w noc, z zwiniętymi chorągwiemi; rozstawiono je kupami po obszerniejszych gmachach, tak, by każdy przypadek niepoideyńczo, lecz w siłach ich znalazł; sam hetman staował w Kremlinie”. Niemcewicz, II, 485. Это, какъ увидимъ, изображалось на Варшавскомъ сеймѣ при представленіи Шуйскихъ и потомъ совсѣмъ иначе.

основаній надѣяться. Чтобы объяснить королю все и попытаться склонить его на признаніе договора, или же, въ противномъ случаѣ, оберегая свою честь, заблаговременно совѣмъ удалиться изъ столицы, Жолкѣвскій сталъ усиленно добиваться у короля личной аудіенціи подь Смоленскомъ.

О ней онъ думалъ еще при отбытіи пословъ. Только король, чтобы удержать его, написалъ (10 сент.)¹⁾ ему, что хотя его присутствіе во время ихъ пріѣзда очень желательно при переговорахъ съ ними объ условіяхъ, но, принимая во вниманіе, что нельзя довѣрять жителямъ столицы, что войско Самозванца вблизи, а рыцарство непокойно, онъ, король, опасается, какъ бы не вышло какого-либо замѣшательства и отпаденія со стороны людей, которые легко не соблюдаютъ словъ, тѣмъ болѣе, что они еще не укрѣпились въ расположенности, а иные, какъ кажется, только дѣлаютъ видъ, что расположены, и думаютъ лишь о себѣ. Впрочемъ, онъ предоставлялъ это на его усмотрѣніе, съ своей стороны допуская пріѣздъ гетмана для личныхъ переговоровъ о дѣлахъ лишь подь условіемъ, если тотъ можетъ безопасно поручить кому власть.

Сигизмундъ продолжалъ преподавать разныя указанія и совѣты, предостерегалъ его отъ довѣрчивости къ русскимъ и наказывалъ ему добиваться всеми мѣрами убѣждать ихъ не требовать немедленнаго пріѣзда Владислава и склонить ихъ къ самому королю. Извѣщая постепенно объ измѣнявшейся обстановкѣ, Жолкѣвскій выражался настойчивѣе и рекомендовалъ королевскому вниманію Госѣвскаго. Въ виду сего, король предписалъ (20 сентября)²⁾ Госѣвскому, чтобы онъ дѣйствовалъ въ томъ направленіи, какъ изложено въ консидераціяхъ гетману, и объяснялъ ему: Своего сына онъ не пошлетъ, потому, что долженъ сначала снестись съ сеймомъ и что государство Московское еще не успокоено; хочетъ испытать все прежде самъ; еслибъ москвитяне позвали его въ столицу только за тѣмъ, чтобы посмотреть на деревянныя башни и каменныя палаты, то не для чего и звать—все это можно видѣть и на рисункѣ; но иное дѣло, если онъ будетъ у нихъ

¹⁾ Къ исторіи Смутаго времени, № 17.

²⁾ Тамъ же № 18.

королемъ, и у него въ ту пору попросить короновать сына на постоянное господство (самому ему нельзя долго жить съ ними), — тогда онъ не пожалѣетъ ни времени, ни труда, ни милостей!..

Такъ какъ гетманомъ это не достигнуто, то король отозвался о немъ въ такомъ тонѣ, который явно былъ разсчитанъ какъ бы на то, что письмо уже не застанетъ его въ Москвѣ.

Увѣдомивъ короля, что нуждается въ новыхъ инструкціяхъ и поручивъ начальствованіе надъ польскимъ гарнизономъ Госьвскому, Жолкѣвскій, дѣйствительно, объявилъ боярамъ, что отправляется къ Сигизмунду просить его о скоромъ отпускѣ Владислава, послѣ чего немедленно воротится. Когда онъ съ своимъ кортежемъ торжественно ѣхалъ по улицамъ города, жители глядѣли изъ оконъ, толпились по дорогѣ, выражая пожеланія счастливаго пути; глава правительства, Мстиславскій и другіе первостепенные бояре провожали его далеко за городъ, вереть за семь; тамъ они простились съ отъѣзжавшимъ ¹⁾, и онъ вскорѣ вступилъ въ полосу городовъ и мѣстечекъ, занятыхъ польско-литовскими военными отрядами.

Несмотря на то, гетманъ сознавалъ, что ему едва ли уже придется воротиться въ Москву. Съ собою онъ везъ много царскихъ сокровищъ. По дорогѣ заѣхалъ онъ въ монастырь Юсифа Волоцкаго, гдѣ томился Василій Ивановичъ. Узникъ былъ въ простомъ черномъ монашескомъ платьѣ; Жолкѣвскій облекъ его „во изрядныя ризы”, въ свою, мірскую, одежду, польскаго покроя; Василій не хотѣлъ этого, но гетманъ поступилъ съ нимъ уже „нравомъ плѣнническаго обычая” и взялъ съ собой. Къ Смоленску, изъ Бѣлой, были имъ, согласно съ волей короля, препровождены и князья Дмитрій Ивановичъ съ женой и Иванъ Ивановичъ. Гетману, ни Сигизмунду теперь препятствовать уже никто не

¹⁾ „Князь Мстиславскій и другіе первостатейные бояре проводили гетмана около доброй мили, а пока ѣхалъ онъ чрезъ городъ, міръ, вся чернь по улицамъ забѣгала ему дорогу, прощаясь и благословляя” (Записки Жолкѣвскаго, 98 — 99). „Jamque iter aggreditur deducente eum honoris causa Mscislavio caeterisque processibus magnaue nobilium corona, deinde ingens populorum frequentia partim per vias occurrentium, partim e specularibus tectisque domorum prospectantium, geminatis vocibus abeunti discessum felicem precabantur” (Кобіерзускі, 354). Ср. Dziennik S a p i e h y, 287; А. Зап. Росс., IV, 478.

могъ. Въ Москвѣ надъ Стрѣлецкимъ приказомъ и надъ польскимъ гарнизономъ начальствовали „намѣстникъ” Жолкѣвскаго Гоевскій, въ Думѣ и по приказамъ засѣдало уже много прямыхъ агентовъ Сигизмунда, повиновавшихся Гоевскому; гетманъ распоряжался въ мѣстности, фактически не подвѣдомственной московскому боярскому правительству, и на своемъ пути къ королю онъ дѣйствовалъ въ качествѣ какъ бы уполномоченнаго ходатая за московскій договоръ, за московскіе интересы. Тѣмъ сильнѣе чувствовалась тутъ власть Сигизмунда ¹⁾.

Для оправданія плановъ и дѣйствій своихъ и Жолкѣвскаго относительно Шуйскихъ и для дальнѣйшаго движенія дѣла Сигизмундъ писалъ (20-го октября) боярамъ: „по договору вашему съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, велѣли мы князей Василя, Дмитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ отослать въ Литву, чтобы тутъ въ

¹⁾ Въ исторической наукѣ и литературѣ или указывается только фактъ вывоза Шуйскихъ Жолкѣвскимъ, безъ яснаго означенія, откуда и какъ онъ взялъ ихъ (Соловьевъ, VIII, 309, и ѣвгот. другіе), или же обычно рисуется картина торжественнаго выѣзда Жолкѣвскаго вмѣстѣ съ Шуйскими прямо изъ Москвы, при чемъ-де народъ равнодушно смотрѣлъ на отъѣзжавшихъ плѣнныхъ, никто не осмѣливался выражать знаковъ сочувствія. Такому картинному описанію, видоизмѣнявшемуся и развивавшемуся въ частности (у Карамзина, XII, 155 — онъ еще полагалъ, что изъ Москвы гетманъ „взялъ съ собою” лишь „двухъ братьевъ Васильевыхъ”, а Василій былъ взятъ имъ изъ Іосифова монастыря; Костомарова, VI, 61 — этотъ уже утверждалъ, что царя Василя нарочно „привезли снова въ Москву” ко дню выѣзда гетмана; С. Ф. Либровича, Царь въ плѣну. Сиб., 1901, 33—34), положилъ начало Niemcewicz (II, 497), ссылающійся на Кобѣржичаго, у котораго, однако, какъ только-что приведено нами, нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Шуйскіе были въ кортежѣ при отъѣздѣ Жолкѣвскаго изъ столицы; напротивъ, онъ сообщаетъ, что послѣ выдачи Шуйскихъ Жолкѣвскому Василій былъ отосланъ въ Іосифовъ монастырь, а князья Дмитрій и Иванъ отвезены Певѣдовскимъ въ Бѣлую (Kobierzyski, 354, 324). Нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы народъ смотрѣлъ на Шуйскихъ, вывозимыхъ гетманомъ. Наши лѣтописцы и повѣствователи говорятъ о вывозѣ Шуйскихъ глухо, въ общихъ чертахъ, сбивчиво, иногда присоединяя, что Василя Жолкѣвскій взялъ въ Іосифовомъ монастырѣ (Новый лѣтописецъ) или что изъ этого монастыря были взяты все они (Рукопись Филарета). Московскіе бояре потомъ утверждали: „какъ гетманъ Станиславъ Желковской пошелъ съ Москвы къ королю подъ Смоленскъ, и его (Василя) въ Осноовѣ монастырѣ взялъ самъ и братью его князя Дмитрея и князя Ивана сильно безъ боярскаго вѣдома и отвелъ ихъ къ государю своему“ (Дѣла Польскія Архива, кн. 30, л. 129). Объ отсылкѣ Шуйскихъ гетманомъ въ Іосифовъ монастырь и въ Бѣлую знали въ лагерѣ подъ Смоленскомъ давно, еще ранѣе выѣзда гетмана изъ Москвы (Походъ Сигизмунда, 679). Ворочать ихъ оттуда, за сотни верстъ, для вывоза въ кортежѣ, не было никакой причины. Изъ того района Жолкѣвскій могъ взять Шуйскихъ легко и удобно: но чтобы онъ торжественно, на показъ народу, везъ ихъ съ собой по улицамъ Москвы къ польско-литовскому королю — этого, независимо отъ условій договора о Владиславѣ и усло-

государствѣ Московскомъ смуть они не дѣлали; поэтому приказываемъ вамъ, чтобы вы отчины и помѣстья ихъ отобрали на насъ, государя”¹⁾....

Съ отсылкой и вывозомъ Шуйскихъ изъ московскихъ владѣній очищался туда, по расчетамъ Сигизмунда и его помощниковъ, путь его династїи²⁾. Насильно отвозимымъ предстояло теперь испытать и вынести все нравственное униженіе и тяжесть плѣна.

Лишь теперь и особенно послѣ развившихся затѣмъ событїй московскїе люди по достоинству оцѣнили свой поступокъ, что выдали царя Василїя Ивановича. Лѣтописецъ временъ Михаила Ѳедоровича и близкій къ патриарху Филарету Никитичу, судившїй о событїяхъ съ высшей религіозно-моральной и національно-русской точки зрѣнія³⁾, ревниво восклицалъ: „О, горе и люто

вій при выдачѣ Шуйскихъ, не могло быть ни по характеру политики гетмана, всегда осторожной, нерезражающей и благовидной, ни по воззрѣніямъ и характеру самого московскаго населенїя, которое никакъ не стало бы спокойно смотрѣть на такую унижательную сцену и еще съ благожеланїями и „благословенїями“ провожать тщеславящагося ею виновника ея. И какимъ бы образомъ бояре, участники московскаго кортежа, могли обращаться потомъ къ Госѣвскому, что Жолкѣвскїй при отѣздѣ въ Смоленскъ взялъ и увезъ Шуйскихъ безъ ихъ „боярскаго вѣдома“, еслибъ гетманъ не увезъ Шуйскихъ прямо изъ отдаленныхъ мѣстъ, куда власть московскаго боярскаго правительства тогда не проникала?!

1) Послѣднїй наказъ, очевидно, былъ присоединенъ потому, что въ день написанїя этой грамоты, при переговорахъ королевскихъ уполномоченныхъ съ московскими послами подъ Смоленскомъ, канцлеръ Левъ Сапѣга съ товарищами завелъ рѣчь „о вознагражденїи королю и войску, упомянутомъ въ гетманскомъ договорѣ“, хотя „послы и отвѣчали, что странно будетъ платить изъ московской казны за опустошенїе Московскаго государства и что объ этомъ вознагражденїи царь Владиславъ снесется послѣ самъ съ своимъ отцомъ“. Соловьевъ, VIII, 309, 318; Голиковъ, Доп. къ Дѣян. Петра Великаго, II, 71 — 73. Ср. Приложенїя къ изслѣдованїю, кн. 2, стр. 11.

2) Подобно тому, какъ выдача Шуйскихъ Жолкѣвскому объяснялась польскими современниками мотивомъ „лучше обезпечить правленїе Владислава“ (см. выше, стр. 10), такъ отправка ихъ изъ московскихъ предѣловъ объяснялась, согласно съ грамотой Сигизмунда, заботами короля, чтобы „въ отсутствїе его сына не произошло к. н. смуты въ этомъ государствѣ“. „Ne vero in absentia filii sui, quisquam in imperio illo innovaretur, Basilium Szuisicium, cum Joanne et Demetrio fratribus, per Zolkevium ducem, in Poloniam abduci curavit“. Wassenberg, I, 41. Вывозъ ихъ Жолкѣвскимъ справедливо также объяснялся подозрѣніемъ самого гетмана, что они „w iego niebytności anpa byli do nowych buntów y trudności (S. T w a r d o w s k i, Władisław IV. Leszno, 1650, 34), и старанїями его вообще вѣрнѣе достигнуть выполненїя русскими договора о Владиславѣ (Геркмапъ въ 1625 г., Сказанїя. Слб., 1874, 319).

3) „Авторомъ (Новаго лѣтописца, окончательно обработаннаго около 1630 г.) былъ человекъ, проникнутый религіознымъ чувствомъ и обесуждавшїй событїя исклю-

Московскому государству! Какъ, не побояся Бога, не помня крестнаго цѣлованія своего и не постыдясь сраму отъ всея все-ленной, не умерли за домъ Божій Пречистыя Богородицы и за крестное цѣлованіе своему государю, самохотѣніемъ своимъ отдали Московское государство латинамъ и царя своего въ плѣны! О, горе намъ! Какъ намъ явиться и какой отвѣтъ дать за такіе грѣхи на праведномъ судѣ избавителю своему Христу и что скажемъ инымъ государствамъ въ оправданіе противъ ихъ укоровъ! Не многіе враги умыслили то, но все мы погибли душами” Прямые виновниками выдачи онъ выставялъ „измѣнниковъ московскихъ” — Михаила Салтыкова и др., обрисовывая и силу тогда гетмана. Еще энергичнѣе пытались выгородить себя бояре Михаила Ѳедоровича, наказывая московскимъ посламъ при установленіи новаго договора съ Польшей говорить польскимъ уполномоченнымъ, что они, бояре, царя Василя гетману Жолкѣвскому не отдавали, что виноваты въ томъ Александръ Госѣвскій и Михайло Салтыковъ съ товарищами и самъ Жолкѣвскій: первые взяли его у нихъ и послали въ Іосифовъ монастырь вопреки имъ, не слушая ихъ предложенія отпратить его въ дальніе монастыри, а гетманъ при отѣздѣ взялъ всехъ Шуйскихъ „самъ” „сильно, безъ боярскаго вѣдома”, и отвелъ ихъ къ королю „чрезъ крестное цѣлованіе”; тогда владѣлъ всемъ и указывалъ въ приказы Госѣвскій, по приказамъ сидѣли его „совѣтники, Московскаго государства измѣнники” ¹⁾).

чительно съ религіозно-національной точки зрѣнія, безъ личныхъ симпатій и антипатій”. Проф. Платоновъ, Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Сиб., 1888, 268.

¹⁾ „А царя Василя мы гетману Желковскому не отдаывали; мы бояре все поговорили, что было его отпустить по его обѣщанію къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь; а будетъ тутъ за королевичемъ, только бѣ гетманской приговоръ отъ насъ не нарушился, у Троицы въ Сергіевѣ быти нельзя, и его бѣ отпустить въ Кириловъ или на Соловки, куда онъ произволить, и тамъ его всеми обиходы устроить по его достоинству; ино ты, Александръ (Госѣвскій), и Михайло Салтыковъ съ товарищи о томъ насъ не послушали, а послали вы его, взявъ у насъ, въ Осноевъ монастырь; да какъ гетманъ Станиславъ Желковской пошолъ съ Москвы х' королю подъ Смоленскъ, и его въ Осноевъ монастырь взялъ самъ и братью его князя Дмитрея и князя Ивана сильно безъ боярскаго вѣдома и отвелъ ихъ къ государю своему черезъ крестное цѣлованіе, а мы гетману царя Василя сами не отдаывали, и мысли нашей на то не бывало. Самъ ты, Александръ, поминишь, что всемъ владѣлъ ты и указывалъ во все приказы, а въ

Выдача бывшего московскаго государя Василя Ивановича въ чужія руки и допущеніе вывезти его — дѣло до безответности преступное предъ Богомъ и своимъ государствомъ и безславное, постыднѣйшее предъ людьми иныхъ государствъ, учинить его могли только „измѣнники московскіе” и нарушители присяги, крестнаго цѣлованія, — вотъ окончательное сужденіе, къ какому пришли во взглядѣ на него тогдашніе русскіе люди. Со стороны польской сужденіе о немъ опредѣленнѣе высказалъ самъ виновникъ его, практичный Жолкѣвскій, именно, что плѣнными Шуйскими король могъ впоследствии пользоваться, смотря по обстоятельствамъ. Эти два воззрѣнія — морально-государственный и утилитарно-политическій взгляды — сталкиваясь, борясь и переплетаясь между собою, проходятъ затѣмъ яркою полосою во всей послѣдующей исторіи, связанной съ пребываніемъ и съ памятью объ этомъ пребываніи Шуйскихъ въ литовско-польскомъ плѣну.

Несомнѣнно также, что, вопреки расчетамъ устроителей, плѣненіе Шуйскихъ скоро послужило, вмѣстѣ съ политикой Сигизмунда, къ пользѣ не Польши, а Москвы. Шуйскіе были самыми родовитыми тогда кандидатами на московскій престолъ, и съ удаленіемъ ихъ внутренняя династическая распря ослаблялась, уничтожался одинъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ внутреннимъ междоусобіямъ и облегчался путь для кандидата, ближе отвѣчавшаго строю людей, двинувшихся на спасеніе независимости своего государства. Этому же должно было, противъ предположеній руководителей польской политики, содѣйствовать и удаленіе кн. Голицына и м. Филарета. Народное чувство и надежды находили себѣ теперь соотвѣтственное сосредоточеніе и надлежащую силу, существенно подкрѣпляемая и тѣмъ, что Сигизмундъ близоруко устраивалъ потомъ въ отношеніи своихъ именитыхъ плѣнниковъ.

приказѣхъ во всѣхъ были все твои совѣтники, а Московскаго государства измѣнники, по государя жь вашего королевскимъ листомъ черезъ гетманское крестное цѣлованье”. Дѣла Польскія Архива, № 30, г. 1615—1616: „Отправленіе полномочныхъ російскихъ пословъ бояръ князь Ивана Воротынского, князь Алексея Сидкаго, окольникового Артемья Измайлова съ товарищи на съѣздъ межъ Смоленска и Острошкова съ польскими послами... для постановленія между Россіей и Польшей вѣчнаго мира” и пр., л. 128—129.

П Г Л А В А.

Шуйскіе подъ Смоленскомъ и дальнѣйшій путь ихъ въ Варшаву *).

Встрѣча подъ Смоленскомъ, въ королевскомъ лагерѣ. — Помѣщеніе въ подгородномъ Троицкомъ монастырѣ. — Взаимныя отношенія между Шуйскимъ и Сигизмундомъ III. — Представленіе королю. — Рѣчь депутаціи польскаго войска, оставшагося въ Москвѣ. — Протестъ московскихъ пословъ и объясненіе гетмана Жолкѣвскаго съ митрополитомъ Филаретомъ Никитичемъ о вывозѣ Шуйскихъ къ королю. — Положеніе Шуйскихъ. — Отправка ихъ въ Могилевъ и Гродно. — Настроеніе и намѣренія Сигизмунда относительно Василя Ивановича; тайныя сношенія съ нимъ князя Христофора Радивиля. — Отсылка въ плѣнъ важнѣйшихъ членовъ Великаго московскаго посольства и главныхъ защитниковъ Смоленска.

Жолкѣвскаго, казалось, ждалъ подъ Смоленскомъ „трудовый вѣнецъ“. У королевскаго лагеря встрѣтили (30 окт. 1610 г.) гетмана полки конные и пѣшіе, во главѣ съ ихъ офицерами и начальниками, сенаторы и чины двора. Отъ имени ихъ всѣхъ привѣтствовалъ его литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга. Съ громкими криками, рукоплесканіями и т. п. выраженіями восторга эта блестящая толпа проводила Жолкѣвскаго до его ставки. Торжественность и значеніе встрѣчъ придавало болѣе всего то обстоятельство, что „гетманъ везъ съ собою Василя Шуйскаго, бывшаго монарха всей Московской земли, а теперь плѣннаго“. „Тиранъ“ —

*) Приложенія къ историческому изслѣдованію, кн. 1, стран. 9 (дары Шуйскому подъ Смоленскомъ; изъ рукоп. Имп. Публичной Библиотекы), кн. 2, №№ 3 — 5 (содержаніе Шуйскимъ, посламя и др.; изъ Архива при Варшавской Кавенной палатѣ), № 187 (рѣчь войсковой депутаціи Сигизмунду; Библиот. Оссолинскихъ во Львовѣ), №№ 192 — 204 (о цѣляхъ похода подъ Смоленскъ, отношеніе смольнянъ и Сигизмунда къ Шуйскому и проч.; Ватиканскій Архивъ); нашъ сборникъ документовъ Къ исторіи

какъ называлъ Василя панскій нунцій въ Польшѣ — „сидѣлъ на телѣгѣ, и наглядно свидѣтельствовалъ по пути о бѣдствіи, постигшемъ его отечество”.

Шуйскихъ помѣстили въ келіяхъ Троицкаго монастыря, стоявшаго на рѣчкѣ Кловкѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Днѣпръ. Владѣя многими завѣщанными ему вотчинами, широко извѣстный и въ Смоленщинѣ, и въ Литвѣ, монастырь былъ хорошо обстроены. При немъ имѣлся Гостинный литовскій дворъ, служившій главнымъ пристанищемъ для литовскихъ кунцовъ, которые привозили сюда свои товары, а здѣсь грузили мѣстные для отправки въ свою землю. Донынѣ еще видна тутъ бывшая Кловская пристань, гдѣ стояли суда, приплывавшія по Днѣпру. Во время осады Смоленска Сигизмундомъ, въ монастырѣ помѣщался отрядъ польскаго войска. Въ немъ располагался коронный подканцлеръ Феликсъ Крыскій. Вблизи, подъ монастыремъ, пребывало Великое московское посольство ¹⁾.

Смутнаго времени, отд. I, №№ 12 — 18, отд. II и III (взгляды и стремленія Сигизмунда въ москов. дѣлахъ, войсковыя депутаціи, москов. послы; Библіотека Красницкихъ); Руская лѣтопись по Никонову списку, VIII, 147 — 148 (отвѣтъ Василя на требованіе поклона Сигизмунду; ср. Лѣтоп. о мног. мятежахъ, изд. 2, стр. 198, Новый лѣтописецъ, Временникъ, XVII, 125); Повѣсть ки. Катырева-Ростовскаго (Рус. Истор. Библиот., XIII, 605, 690); Г о л и к о в ъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго. М., 1790, II, 98—101, 117—118, то же въ Дѣяніяхъ Петра Великаго, изд. 2, т. XII (извлеченіе изъ остающагося доселѣ неизвѣстнымъ Статейнаго списка посольства Филарета Пикитича въ Польшу); Записки Ж о л к ѣ в с к а г о, 103—109, 119—120; Русск. Истор. Библіотека, I, 209, 211—212, 689, 690, 698 (Дневники); Piotr Skarga, Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie u dzięki Panu Bogu czynione w Wilnie 25 julii w dzień św. Jakuba, 1611 r., na przyjazd szczęśliwy króla j. m. Kraków, 1611 (въ этой проповѣди дается общая картина торжества Сигизмунда надъ Шуйскимъ и Москвою); проф. О. Ф. Вержбовскій, Матеріалы къ исторіи Московскаго государства. Варшава, 1898, вып. II (о пол. войскѣ); К о б і е р з у с к і, 354—356; рукопись Имп. Публичной Библіотеки, польск. отдѣл., F, IV, № 102 (письмо Януша Радивила Христофору Радивилу о сношеніяхъ съ Шуйскимъ и послами) и др. Изъ общихъ сочиненій, кромѣ авторовъ, указанныхъ въ примѣчаніи въ началѣ I-й главы, труды Н. Н. Б а п т ы ш ѣ - К а м е н с к а г о Переписка между Россією и Польшею по 1700 годъ, ч. II. (Чтенія въ Имп. Обществѣ Ист. и Др. Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1861, I), о. P. Pierling'a La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1901, III, кн. 5, гл. 2 (на русск. Россія и Панскій престолъ, Русская Старина, 1901, XI) и проф. П. Н. Ж у к о в и ч а Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной уніей, съ 1609 года. Слб., 1903, вып. 1, гл. 2.

¹⁾ О помѣщеніи подканцлера и пословъ—у Ж о л к ѣ в с к а г о, 88, 103; о помѣщеніи Шуйскихъ—у Г о л и к о в а, II, 100; о монастырѣ и Гостинномъ дворѣ см. С. П и с а р е в а Княжеская мѣстность въ Смоленскѣ. Смол., 1894, его же Па-

Едва оправившись отъ дороги, гетманъ былъ удостоенъ (31 окт.) почетнаго королевскаго приѣма, въ присутствіи двора, сенаторовъ и воеводъ. Жолкѣвскій принесъ Сигизмунду пышныя поздравленія съ трофеями, взятыми въ Московскоѣ землѣ, съ лаврами, полученными тамъ; восхваляя доблести войска, онъ поручалъ щедрости короля всѣхъ, кто сопутствовалъ и помогалъ ему въ побѣдахъ. При этомъ, вопреки своему условію съ боярами и вопреки ихъ просьбѣ, онъ представилъ Василю Ивановича съ братьями и передалъ ихъ королю въ качествѣ военно-плѣнныхъ, какъ самый главный трофей ¹⁾.

Въ теченіе своей долгой жизни, полной тревогъ, переменъ и опасностей, Василю много разъ приходилось быть въ необычно трудныхъ положеніяхъ, испытать и ссылку, и заточеніе, и не разъ быть на волосъ отъ смерти. Онъ вынесъ измѣнчивость счастья и отношеній при Грозномъ и Годуновѣ, пережилъ опасныя моменты при Лжедмитріѣ I и въ собственное свое царствованіе. Послѣ первой неудавшейся попытки свергнуть Самозванца, онъ клалъ на плаху свою голову, чтобы сложить ее мужественно и всенародно, а затѣмъ, по возвращеніи изъ ссылки, онъ подъ видомъ дружбы провелъ дѣло его сверженія и уничтоженія. Въ свое царствованіе ему случалось уговаривать разъяренныя грушны и толпы, бросаться на силача Ляпунова,

мятая книга г. Смоленска. Смол., 1898, 42—43, 160; тутъ же нѣкоторыя подробности объ осадѣ города; ср. изданіе Генеральнаго Штаба Планъ осады и обороны Смоленска (1633) съ объяснительнымъ текстомъ. Спб., 1904.

¹⁾ „*Appropinquantem regis castris exsepere suis cum tribunis ac centurionibus equitum peditumque turmae, progresso obviam senatu aulaque regia, omniumque nomine Leo Sapieha venientem recentium victoriarum palma decorum ducem trahentemque secum Basillum Suyscium, olim Moschoviae totius monarcham, nunc captivum, verbis et laetitiae et honori ipsius appositis salutavit. Atque universa illa praecedentium comitantiumque turba festo cum applausu varisque laetitiae signis jam tunc triumphare incipientem ad suam deduxit stationem. Nec distulit Zolkievius altero ab adventu die regis osculari manum et parta ex hoste tropaea reportatasque laureas ejus auspiciis ac felicitate gratulari, tum vero, expositis militum fortibus factis collaudatisque, regiae liberalitati suarum administros victoriarum luculenter commendavit; deinde Basillum Suyscium, exauctoratum potentis imperii ducem, ipsiusque fratrem exhibuit spectandos tradiditque captivos*“. Kobierzucki, 354 — 355. Ср. Дневникъ похода Сигизмунда въ Россію 1609—1610 гг., 689; Рукопись Филарета, 40; Sam. Twardowskiego Wladisław IV, król polski y szwedski. Leszno, 1650, 34.

требовавшаго отказа отъ престола, или же обращаться чуть не со слезами, чтобы разжалобить бунтующихъ. Изворотливость и проницательность, хотя и не всегда соединенныя съ дальновидностью; порой какъ будто женское малодушіе, а иногда порывы отчаяннаго мужества и рѣдкая отвага; мнительная подозрительность и недовѣріе; близкое пониманіе высшихъ требованій, но и нетвердость въ нихъ, рѣзкое ихъ нарушеніе въ личныхъ цѣляхъ— все было въ его натурѣ, проявляясь по мѣрѣ различныхъ условий и обстоятельствъ, въ тѣ времена столь измѣнчивыхъ и превратныхъ.

Онъ, до позднихъ своихъ годовъ, — очевидецъ или дѣятельнѣйшій участникъ длительной придворной борьбы-интриги въ наитяжелую для родовой знати эпоху окончательной переработки прежняго удѣльно-родового уклада русской исторической жизни въ строй государственно-московскій, монархическій, когда характеры въ верхнихъ слояхъ служилаго класса, принаровливающегося къ новымъ условіямъ, должны были сильно ломаться, дѣлаться гибкими, когда многіе знатные люди и роды, чтобы не быть отгѣсненными или и уничтоженными, вынуждались и считали за лучшее на перебой стремиться въ снисканіяхъ себѣ все опредѣлявшей царской милости, но сисясь въ то же время, хотя уже и безъ прочной надежды на усиѣхъ, удерживать свое правительственное положеніе и значеніе и на своемъ происхожденіи, опираясь на немъ, какъ на наслѣдственномъ правѣ, затирая и стирая своихъ соперниковъ и возбуждая нерѣдко гнѣвъ и подозрѣнія въ самихъ государяхъ. Ощутительнѣе всего приходилось тутъ возрѣніямъ и характерамъ лицъ изъ знати титулованной, княжеской, и на нихъ особенно должна была эта эпоха наложить свою печать, снять которую было уже очень трудно. Высоко-родовитый князь Шуйскій, и сдѣлавшись царемъ, не освободился отъ свойствъ, сложившихся въ немъ во время этой своеобразной борьбы, устойчиво не возвышался надъ средой, обычно даже какъ бы погружаясь въ ней, и въ личныхъ своихъ отношеніяхъ остался съ чертами прежняго царедворца. При всякихъ внѣшнихъ столкновеніяхъ и отношеніяхъ служилые люди умѣли отстаивать честь царскаго имени. Испытавъ уже на себѣ самомъ

блескъ и всё тяготы и отвѣтственность царской власти въ пору расколыхавшагося государственно - общественнаго и частнаго строя и быта, лишенный и лишившись всего, Шуйскій оказывался среди новыхъ, еще не бывалыхъ условій. Какъ будетъ поступать ему?

Теперь онъ былъ предъ Сигизмундомъ, врагомъ національнымъ и личнымъ. Въ борьбѣ за возстановленіе спокойствія и независимость Московскаго государства и за сохраненіе и упроченіе своего положенія, Василій Ивановичъ не могъ держаться той внѣшней системы, какую засталъ при своемъ вступленіи на престолъ. Лжедимитрій I, достигшій царства при помощи Польши и Рима, невольно казался ихъ подручнымъ сторонникомъ, и къ сопернику Сигизмунда, Карлу IX, герцогу зюдерманландскому, занявшему шведскій тронъ, писалъ, чтобы онъ возвратилъ корону Сигизмунду, какъ законному государю Швеціи. Сигизмундъ и во внѣшней политикѣ, и въ личныхъ домогательствахъ слѣпо рассчитывалъ на усердное содѣйствіе Самозванца. Пусть изъ того, что Лжедимитрій наобѣщалъ куріи и польскому правительству, многое не могъ, а иное и не хотѣлъ выполнить; но это раскрылось не вдругъ и не измѣняло сущности положенія. Уничтоженіемъ Лжедимитрія Шуйскій наносилъ рѣзкій ударъ всѣмъ латино-польскимъ мечтамъ и планамъ; а силою дальнѣйшихъ обстоятельствъ онъ пришелъ къ необходимости въ разрѣ Вазовъ между дядей и племянникомъ принять сторону перваго, т. е. Карла, и у него искать себѣ поддержки для достиженія личныхъ и государственныхъ цѣлей.

Сознавая опасность внѣшнихъ осложненій и еще надѣясь собственными силами справиться съ волненіями, съ непокорными элементами и новыми самозванцами, царь Василій Ивановичъ сначала упорно воздерживался отъ явнаго разрыва съ Сигизмундомъ и отстранялся отъ предложеній Карла; бывшимъ уже на границѣ шведскимъ посламъ ближайшій воевода объявилъ, что „великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого ненадобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ, и просить помощи ни отъ кого не станеть, кромѣ Бога“. Сигизмундъ, въ свою очередь потерпѣвшій отъ бурнаго движе-

нія („рокоша“) противъ него шляхты, предводимой сендомирскимъ воеводой Николаемъ Зебриковскимъ, Янушемъ Радивиломъ и др., еще не увѣренный въ своей прочности на польскомъ престолѣ, то же былъ доволенъ, что дѣло не доходитъ до войны съ Шуйскимъ. Между ними учинилось (25 іюля 1608 г.) почти четырехлѣтнее перемиріе, въ продолженіе котораго они обязались, размѣнявшись плѣнными, не помогать врагамъ одинъ другому ни людьми, ни деньгами, король обѣщаль отозвать отъ Лжедмитрія II поляковъ и впредь никакихъ самозванцевъ не поддерживать; отпущаемые на свободу Юрій Мнишекъ съ дочерью обязывались — отецъ не называть своимъ зятемъ второго Лжедмитрія, а Марина — не именоваться московскою царицей.

Условія эти не были выполнены съ польской стороны. Выпущенная изъ плѣна, Марина Мнишекъ соединила свою судьбу со вторымъ Самозванцемъ, ея отецъ хлопоталъ за нее и въ Тушинѣ, и въ Варшавѣ; польско-литовскіе отряды не только не оставляли Лжедмитрія, но еще увеличивались. Пока не въ интересахъ польской политики было ослаблять Самозванца. Войска Шуйскаго, послѣ удачныхъ дѣйствій противъ Болотникова и другихъ, терпѣли уже пораженія.

При обнаружившейся недостаточности своихъ силъ и средствъ, Василій, признавая въ польскомъ правительствѣ главнаго, хотя и замаскировавшагося, виновника наплыва зарубежныхъ людей, послалъ къ королямъ датскому, англійскому и шведскому и къ императору „о обидѣ своей на польскаго короля и на вся измѣнники съ ложнымъ ихъ царемъ, помощи прося“. Дѣйствительная подмога не замедлила только отъ непосредственно заинтересованной Швеціи. Обѣ стороны заключили (въ февралѣ 1609 г.) оборонительный союзъ противъ Сигизмунда и его наслѣдниковъ; вспомогательное шведское войско поступило подъ вѣдѣніе Скопина - Шуйскаго. Открывшіяся военныя дѣйствія талантливаго Скопина пошли съ успѣхомъ.

Вмѣсто осуществленія какихъ-либо—религіозныхъ или политическихъ—притязаній на восточной границѣ, Сигизмунду грозило это потерей надежды на шведскую корону и проч. А „въ своей личной шведской политикѣ“ и ради католической „рели-

гіозной пропаганды" онъ, по признанію даже польскихъ историковъ¹⁾, жертвовалъ наиболѣе „жизненными интересами страны“, сама „Польша въ рукахъ Сигизмунда III была только удобнымъ орудіемъ для шведско-католической политики". Онъ не замедлилъ двинуться къ Смоленску, ограничившись соглашеніемъ съ частью сенаторовъ и не испросивъ согласія на войну у государственныхъ чиновъ. Чтобы склонить къ жертвамъ на военныя издержки шляхту, относившуюся подозрительно къ его московскимъ замысламъ, онъ объяснилъ ей въ деклараціи, что „ничто съ этого похода не пойдетъ на пользу короля и его потомству, а все — на пользу государства"; предъ императоромъ и папой выставилъ главною цѣлію, помимо расширенія владѣній, умноженіе католической церкви, а осажденныхъ смольнянъ убѣждалъ сдаться, говоря, что онъ идетъ для спасенія Московскаго государства и для обороны Православной русской вѣры... Папскій нунцій въ Польшѣ передавалъ²⁾ въ Римъ (15 окт. 1609 г.) мнѣніе „разсудительныхъ" людей, что въ Московское княжество король пришелъ, „имѣя цѣлію славу Божію, увеличеніе католической религіи и общественнаго блага всего католическаго", а также, чтобы кто-либо изъ стороннихъ не овладѣлъ этимъ государствомъ. Сигизмундъ надѣялся на скорую сдачу Смоленска; но Смоленскъ, управляемый воеводой Шуйскаго Шеинымъ, съ негодованіемъ отвергъ всѣ предложенія и требованія и упорно цѣлыхъ 20 мѣсяцевъ (съ половины сентября 1609 г.) выдерживалъ осаду, чѣмъ и удержалъ Сигизмунда отъ дальнѣйшаго движенія во внутрь Россіи.

Межъ тѣмъ изъ Гушина, распадавшагося подъ ударами Скопина и опасеніями королевскаго вторженія, прибыли къ Сигизмунду отнавшіе отъ Лжедмитрія II бояринъ Михайлъ Салтыковъ и др. съ просьбою дать на царство королевича Владислава. Несмотря на серіозныя ограничительныя условія этой просьбы, Сигизмундъ довольно скоро заключаетъ (4/14 февраля 1610 г.) договоръ³⁾, соглашаясь, чтобы королевичъ короновался въ Москвѣ

1) Проф. М. Б о б р ж и н с к і й, Очеркъ исторіи Польши. Спб., 1891, 148, 177.

2) Приложенія къ изслѣдованію, кн. 2, № 195.

3) Сборникъ М у х а н о в а. М., 1836, № 104, и Записки Ж о л к ѣ в с к а г о, прилож., № 20; Акты Зап. Рос., IV, № 180. См. Прилож. къ изслѣдов., кн. 2, № 2.

„отъ руки патріарха московскаго стародавнымъ обычаемъ” и чтобы Православная вѣра „ни въ чемъ не нарушена была”. Успѣхи Скопина, въ случаѣ дальнѣйшаго развитія, грозили, что и самому Сигизмунду „весьма трудно было бы удержаться подѣ Смоленскомъ”¹⁾, а потому король спѣшно поручаетъ Жолкѣвскому, двинувшись далѣе съ небольшимъ войскомъ, собрать польско-литовскіе отряды, разсѣянные по Россіи, и дать сраженіе войскамъ Шуйскаго, а въ случаѣ надобности и Лжедмитрію. Внезапная смерть Скопина, поведшая къ передачѣ главнаго воеводства надѣ русско-шведскою ратью нераспорядительному, надменному князю Дмитрію Шуйскому, и успѣхи талантливаго гетмана, прошедшаго чрезъ хорошую военную школу Баторія, разрушили надежды царя Василя Ивановича поправить свое положеніе при содѣйствіи шведовъ. Царь по преимуществу олигархической аристократіи, боярства, въ пользу котораго имъ дана была ограничительная записка, онъ, не воплощая въ себѣ царской идеи во всей ея народно-государственной цѣлости, былъ низвергнутъ почти такою же небольшою группою, какъ и возведенъ на престоль. Постриженный въ монашество тоже особою группою лицъ, онъ былъ выданъ гетману, который теперь ставитъ его предѣ королемъ. Увлеченный успѣхами Жолкѣвскаго, хотя все еще прикованный къ Смоленску, Сигизмундъ не удовлетворяется тѣмъ, что на московскій престоль избираютъ Владислава, но хочетъ самъ занять его²⁾. Онъ мечтаетъ соединить въ своемъ лицѣ короны Польши, Литвы и Москвы, потомъ общими силами добывать родную ему Швецію, а въ то же время обезпечить за своимъ потомствомъ и польскій избирательный престоль; по достиженіи этихъ цѣлей, ему казались болѣе осуществимыми и иные его замыслы и планы во внутренней и внѣшней политикѣ. Неудивительно, что когда гетманомъ приведены были къ нему подѣ Смоленскъ Шуйскій съ братьями, „онъ”, по свидѣтельству русскаго современнаго извѣстія, „видя ихъ, радъ бысть”; а поль-

¹⁾ Записки, 42.

²⁾ Эти желанія и стремленія занять московскій престоль всего опредѣленнѣе выражены имъ въ ту пору въ его „консидераціяхъ” и письмахъ гетману и Гоцѣвскому. Къ исторіи Смутнаго времени, *ММ* 13—14, 16—18.

скій повѣствователь даже затруднялся и изобразить тотъ восторгъ, какой долженъ былъ вызываться въ королѣ такимъ приѣздомъ Жолкѣвскаго („którego z tym o jako przyjmie, y ucieszy, kto wumówi?“).

Но, поставленный предъ Сигизмунда, Шуйскій сталъ молча, не давая поклона. Это была первая встрѣча московскаго царя съ польскимъ королемъ.

Рюриковичъ, прямой потомокъ Владиміра Святого, Василій Ивановичъ Шуйскій, происходя отъ старшей линіи владиміро-суздальскихъ князей (отъ князя Андрея, старшаго брата Александра Невскаго), считалъ себя имѣвшимъ родовое преимущество даже предъ учаснувшимъ домомъ московскихъ царей (шедшихъ отъ Даніила, младшаго сына Невскаго). Московскіе же государи, въ собственномъ сознаніи и въ сознаніи далеко не однихъ только своихъ подданныхъ законные наслѣдники всѣхъ бывшихъ владѣній Владиміра Святого и Константина Великаго, смотрѣли сверху внизъ на сосѣднихъ государей, шведскаго и литовско-польскаго, не разъ укоряя ихъ, что не по праву владѣютъ царскою „отчиною и дѣдиной“; въ силу кровнаго родства своего съ Ягеллонами—самъ Ягайло былъ сынъ русской княжны Юліаніи Тверской и дочь Ивана III была за мужемъ за королемъ Александромъ—считали себя ближайшими законными наслѣдниками литовско-польской короны; кандидатура ихъ постоянно выставлялась и дебатировалась при избраніи новаго кандидата на освобождавшійся литовско-польскій престолъ. Московскій царь XVI вѣка считалъ унижительнымъ для себя непосредственно сноситься съ шведскимъ королемъ и „братомъ“ не называлъ его; почему договоры съ Швеціей уставлялись въ Новгородѣ новгородскими намѣстниками¹⁾. Шведскіе Вазы должны были подчиняться сему условію. Даже послы Карла IX къ Шуйскому должны были выслушать, что они напрасно на рубежѣ ждутъ къ себѣ царскихъ пословъ, „государь бы вашъ велѣлъ о посольскомъ съѣздѣ ссылаться съ новгородскими воеводами“. Сигизмундъ Ваза, занявшій литовско-польскій престолъ и претендовавшій на утраченный

¹⁾ Наше историческое изслѣдованіе Протестантство и протестанты въ Россіи до Эпохи Преобразованій. М., 1890, 144.

имъ шведскій, не особенно поднялъ себя во мнѣніи московскаго государя. Возможно также, что Шуйскій, видя, что Сигизмундъ принимаетъ его не въ Смоленскѣ, а подъ твердынями города, предполагалъ торжество Сигизмунда еще не обезпеченнымъ и не все еще потеряннымъ для себя. Лучшіе смольняне отличались вѣрностію Шуйскому, ссудивъ его деньгами и участвуя въ войскѣ Скопина; Василій хорошо зналъ своего воеводу Шеина, качества смоленскихъ укрѣпленій и то, что „смольняномъ поляки и литва грубыи искони, вѣчныи непріатели, жили съ ними по близку, и бои съ ними бывали частые, и литву на боехъ побивали”¹⁾.

Радовавшее короля и присутствовавшихъ, позорное униженію, какому подвергали Шуйскаго, какъ русскаго государя, поставляемаго въ видѣ военно-плѣннаго, рѣзко задѣвъ въ Василю чувство собственнаго достоинства, высоко приподняло въ немъ сознаніе правственнаго долга. Отъ Шуйскаго требуютъ поклониться Сигизмунду. Но Василій Ивановичъ продолжаетъ держать себя съ самообладаніемъ и достоинствомъ, „крѣпко”, по выраженію лѣтописи, „мужественнымъ своимъ разумомъ напоследокъ живота своего даде честь Московскому государству”. На требованіе отъ него поклона онъ промолвилъ: „Московскому царю не надлежитъ кланяться королю. То совершилось праведными судьбами Божіими, что приведенъ я въ плѣнъ, но не вашими руками я взятъ, а отданъ московскими измѣнниками, своими рабами”. Такихъ словъ и отношенія его присутствовавшіе, очевидно, не ожидали. Король и не только простые паны, но и паны рады были удивлены его отвѣтомъ и мужествомъ²⁾.

¹⁾ Поповъ, Изборникъ, 353. По сообщенію папскаго нунція въ Польшѣ Симонетти, нѣкоторые изъ купцовъ ссудили большія суммы денегъ, почему-де стараются держать другихъ въ подданствѣ ему; одинъ изъ купцовъ утверждалъ, что русскіе очень боялись, какъ бы поляки не вошли въ ихъ дома и не учинили насилія женщинамъ, какъ это дѣлали они въ Москвѣ при Лжедмитріѣ I, что русскіе „рѣшили умереть за Шуйскаго и скорѣе убить своихъ женщинъ, чѣмъ отдаться въ руки поляковъ”. Приложенія къ изслѣдованію, кн. 2, № 195; письмо это писано нунціемъ въ первые дни осады Смоленска.

²⁾ „Егманъ же приде с царемъ Василемъ х королю подъ Смоленскъ, и поставиша ихъ передъ королемъ, и объявляху ему свою службу; царь же Василей ста и не поклонися королю. Они же ему всея рекоша: поклонися королю; онъ же крѣпко мужественнымъ своимъ разумомъ напоследокъ живота своего даде честь

Дѣло плѣненія сразу обрисовалось не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ только-что старались выставить его, и торжество должно было прекратиться.

По уходѣ всѣхъ, Жолкѣвскій, оставшись одинъ въ частной аудіенціи у короля, отдалъ ему отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ Московскомъ государствѣ. Щедро оказывая гетману знаки благоволенія при людяхъ, Сигизмундъ не скрылъ теперь своего неудовольствія, что тотъ заключилъ условія объ избраніи Владислава, а не о подчиненіи Москвы прямо ему. Напрасно Жолкѣвскій истоцалъ свое краснорѣчіе, чтобы склонить Сигизмунда къ умѣренности въ требованіяхъ: положеніе и трофеи далеко не такъ блестящи, какъ излагалось въ торжественной рѣчи на представленіи, все очень условно и непрочо, „необходимо завяжется продолжительная война, которой неизвѣстно, когда и какой будетъ конецъ”, войско, не получая жалованья, можетъ взбунтоваться и двинуться въ Рѣчь Посполитую „съ требованіемъ отъ нея заслуженной платы”; гетманъ рисовалъ и положительныя, частныя и общія, выгоды, отъ принятія его договора. Но онъ лишь убѣждался, что „уши короля были закрыты для его увѣщаній”. Всѣ доводы гетмана не могли преодолѣть противоположныхъ взглядовъ, укоренившихся въ королѣ и поддерживаемыхъ въ немъ его ближайшими совѣтниками.

Чувствительное „огорченіе” испыталъ гетманъ и съ другой стороны. Позванный на ближайшее очередное засѣданіе или конференцію (2 ноября¹⁾) Льва Сапѣги съ московскими послами,

Московскому государству, и рече имъ всѣмъ: не довлѣетъ московскому царю поклониться королю, то судьбами есть праведными и Божиими, что приведенъ я в плѣнъ; не вашими руками взять быхъ, но отъ московскихъ измѣнниковъ, отъ своихъ рабъ отданъ быхъ. Король же и вся рада паны удивишася ево отвѣту“. Никонов. лѣтоп., 147 — 148. „Жолковскій... пойде къ королю подъ Смоленскъ. Пришедъ же, постави царя Василя и братію его предъ королемъ, объявляя ему службу свою. Паны же рѣша царю Василю, да поклонится кролеви. Царь же рече: не достойтъ московскому царю кланяться кролю, яко рабу; се судьбами Божиими сотворися, что азъ въ плѣнъ приведенъ; не вашими руками взять, но отъ своихъ рабовъ, отъ московскихъ измѣнниковъ отданъ вамъ. Кроль же и панове подивишася мужеству его“. Новый лѣтолисець, 125. Это были послѣднія слова Шуйскаго, передаваемые въ русскихъ памятникахъ.

¹⁾ По Статейному списку посольства Филарета Никитича.

онъ, согласно съ королевскою волею, сталъ явно поддерживать польскихъ уполномоченныхъ, во многомъ отрекаясь отъ обѣщаній въ своихъ договорныхъ записяхъ. Когда же послы указывали ему на то съ упрекомъ, онъ отвѣчалъ уклончиво и высказывалъ готовность выступить какъ бы въ роли нѣкотораго примирителя и ходатая за нихъ. Послы не скрыли и своего негодованія за его дѣйствія съ Шуйскимъ, особенно митрополитъ Филаретъ Никитичъ, представитель патріарха Гермогена и вообще Русской церкви.

Желая оправдаться предъ ними, Жолкѣвскій, тотчасъ же по окончаніи конференціи, сказала Филарету Никитичу: слышите онъ его негодованіе, что бывшаго царя Василія привезъ и что одѣлъ его въ свѣтское платье; взялъ онъ его не по своей волѣ, а по просьбѣ бояръ, чтобы тѣмъ предотвратить смятеніе, которое могло произойти въ народѣ, да и въ Іосифовомъ монастырѣ Василій едва не умиралъ съ голоду; одѣлъ его по-свѣтски потому, что Василій самъ не хотѣлъ быть монахомъ, постригли его неволею, а невольное постриженіе „противно и вашимъ и нашимъ церковнымъ уставамъ”, это и патріархъ утверждаетъ. Митрополитъ возразилъ: желаніе бояръ было, для отвращенія смятенія, послать Василія за польскою и московскою стражей въ крѣпкіе дальніе монастыри, отосланъ же въ Іосифовъ монастырь по желанію его, гетманову; отвозить въ Польшу не надлежало бы ни Василія, ни его братьевъ, ибо самъ гетманъ далъ слово не вывозить Василія изъ того монастыря и въ договорной записи съ нимъ утверждено, чтобы ни одного человѣка изъ русскихъ людей въ Польшу и Литву не вывозить и не ссылать.

„Ты—укорялъ митрополитъ гетмана—на томъ крестѣ цѣловалъ и то сдѣлалось отъ васъ мимо договора: надобно бояться Бога; разстригать Василія не пригоже¹⁾), чтобы нашей Право-

¹⁾ Филаретъ Никитичъ укорялъ Жолкѣвскаго и за разстриженіе жены Василія. До нашихъ словъ дошло, очевидно, сообщеніе, что съ Шуйскими привезли въ мірскомъ платьѣ также „жену“, они думали, царю Марию Петровну: но это была Екатерина Григорьевна, жена кн. Дмитрія Ивановича, которая постриженною въ монахини не была, Марія же Петровна находилась тогда въ Суздальскомъ монастырѣ. См. выше, I гл., 7—8 стр., также ниже, гл. IV и слѣд. Ср. Доп. къ Дѣян. П. В., II, 118, 99.

славной вѣрѣ поруки не было; а если его въ Иосифовомъ монастырѣ, по твоимъ словамъ, не кормили, то въ томъ неправы ваши приставы, что его кормить не велѣли, бояре отдали его на ваши руки”¹⁾.

Ни укоры гетману, ни переговоры съ нимъ не могли уже поправить дѣла Шуйскихъ.

Въ день этой конференціи была принята Сигизмундомъ посольская депутація отъ оставшагося въ Москвѣ „рыцарства”, приѣхавшая вмѣстѣ съ Жолкѣвскимъ, чтобы привѣтствовать короля и просить его о милостяхъ и вознагражденіи. Выражая, съ этою цѣлью, отъ имени сего рыцарства вѣрноподданническія королю чувства и желанія дальнѣйшей побѣды надъ „исконными врагами” и обрисовавъ заслуги этой рати на службѣ королю въ побѣдоносной войнѣ, глава депутаціи въ своей рѣчи²⁾ восклицалъ: „какой гетманъ и какое рыцарство повергали когда-либо подъ ноги королямъ польскимъ, государямъ своимъ, столь цѣнные трофеи своей побѣды? Сдано оружіе, сданы знамена, выданъ главный воевода («гетманъ»), выданъ правитель («губернаторъ») всей земли, отданъ государь со всѣмъ своимъ государствомъ! По истинѣ, первостепенную побѣду даровалъ Господь Богъ нашему народу въ счастливое царствованіе вашего королевскаго величества, нашего милостиваго государя”.

Шуйскихъ трактовали уже какъ плѣнныхъ, хотя и почетныхъ, которымъ не обѣщалось ни свободы, ни возврата.

Чтобы наружно оказать бывшему царю вниманіе, ему отъ

1) Статейный списокъ посольства Филарета Никитича въ Польшу, извлеченіе изъ котораго дано Голиковымъ, имѣлся въ Библіотекѣ гр. Шереметевыхъ, и въ исторической литературѣ было высказано предположеніе о возможности найти его тамъ. Мы обратились письмомъ къ гр. С. Д. Шереметеву. „Въ библіотекѣ моей — отвѣтилъ гр. С. Д. намъ—Статейнаго списка посольства патріарха Филарета не находится. Важнѣйшій этотъ документъ, на который ссылается Голиковъ и который былъ ему извѣстенъ, до сихъ поръ нигдѣ не найденъ. Въ нашемъ домѣ послѣ 1812 года много важнѣйшихъ документовъ исчезло, въ томъ числѣ переписка Филарета Никитича Романова съ Оедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, слѣдъ о существованіи которой сохранился въ моемъ архивѣ“ (письмо отъ 27 ноября 1904 г., изъ С. Петербурга).

2) Приложенія къ изслѣдованію, кн. 2, № 181. Копіями съ этого и другихъ документовъ изъ Библіотеки Оссолинекихъ мы обязаны проф. А. Гиршбергу. О знаменахъ и другихъ трофеяхъ, привезенныхъ къ королю, и о войсковыхъ просьбахъ къ нему см. Къ исторіи Смутнаго времени, отд. II, о просьбахъ также въ Русск. Историч. Библіот., I.

имени короля переданы были „королевскаго жалованья” небольшая серебряная братина и серебряная ложка. Главный совѣтникъ короля, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, сосредоточившій тогда въ своихъ рукахъ вѣдѣніе московскими дѣлами, „пожаловалъ дать” Василию серебряный, внутри вызолоченный подстаканникъ и серебряную золоченую ложку; помогавшій Сапѣгѣ, подкоморій панъ Болобанъ далъ тоже ложку, серебряную. Могли быть и другіе дары.

Для надсмотръ надъ Шуйскими назначили пристава. Это былъ дворцовый чиновникъ Збигнѣвъ Бобровницкій, который потомъ и сопровождалъ ихъ всюду. Своихъ людей—свиты и прислуги—при нихъ имѣлось до 13 человекъ. Расходами по содержанию вѣдалъ чиновникъ казны Кожуховскій. За время пребыванія ихъ подъ Смоленскомъ оно стоило казнѣ 40 съ половиною рублей. Наступало холодное время. Шуйскимъ понакунили сукна, мѣховъ и матерій, разныхъ тканей для стола (всего на 65 рублей), и, снарядивъ, отправили (20 ноября 1610 г.) ихъ всѣхъ далѣе. Отъ Смоленска до Орши провезли ихъ по Днѣпру, на лодкѣ, отсюда направили въ Могилевъ, потомъ въ Гродно. Содержаніе ихъ всѣхъ съ приставомъ стоило 8 рублей 65 коп. въ недѣлю¹⁾.

Настроеніе Сигизмунда къ Шуйскому въ это время виднѣе всего изъ его письма (12 декабря) къ панскому нунцію въ Польшѣ

¹⁾ Приложенія, кн. 1, стр. 9, кн. 2, № 4.—Даты этого и важнѣйшихъ предыдущихъ фактовъ показываются въ извѣстіяхъ не совсѣмъ согласно. Представленіе Сигизмунду Жолкѣвскаго съ Шуйскимъ: „по нѣсколькихъ дняхъ“ послѣ приѣзда ихъ 30-го октября къ Смоленску (Голиковъ, II, 100); „altero ab adventum“ (Kobieguski, 355); 31 октября / 10 ноября, прибытіе 30 окт. / 9 ноября (Дневникъ похода Сигизмунда, 689). Конференція Жолкѣвскаго съ послами и представленіе войсковой депутаціи состоялись въ одинъ день, 3/13 ноября, по Дневнику похода Сигизмунда (620); по конференція, по Статейному списку посольства Филарета (Доп. къ Дѣни. II. В., II, 102), была 2/12 ноября (о войсковой депутаціи не упоминается въ Статейномъ спискѣ). „Высылку“ Шуйскихъ изъ „королевскаго лагеря въ Могилевъ” Дневникъ похода Сигизмунда (698) относитъ къ 15/25 ноября; но въ приходорасходныхъ книгахъ объ ихъ содержаніи прямо говорится, что въ лагерь Шуйскіе имѣли содержаніе до 20/30 ноября („ad d. 30 novembris, qua missi sunt Mohiloviam et inde Grodnam“. Приложенія, кн. 2, стр. 11). Періодъ пребыванія Шуйскихъ подъ Смоленскомъ опредѣляется этой вѣдомостью какъ бы болѣе продолжительнымъ, чѣмъ въ другихъ извѣстіяхъ. Составитель ея считаетъ Шуйскихъ „отосланными въ лагерь 17/27 октября” (qui die 27 octobris 1610 ad castra remissi. Тамъ же, стр. 11); имъ принималось тутъ во вниманіе, надо полагать, королевское повелѣніе объ

Симонетти. Давая различныя объясненія своего предпріятія и раскрывая свои виды и намѣренія, онъ утверждалъ, что нашелъ Московское государство въ бѣдности, такъ какъ Дмитрій и Василій все уже взяли, и высказывалъ, что къ Шуйскому онъ не долженъ имѣть никакого состраданія ¹⁾.

Когда Василій Ивановичъ оказался въ столь тяжеломъ положеніи, къ нему стали относиться осторожно даже лица, бывшіи въ оппозиціи къ королю, хотя, повидимому, они и не считали еще дѣло его совершенно проигранымъ. Въ Могилевѣ вошелъ съ нимъ въ тайныя сношенія извѣстный литовскій магнатъ Христофоръ Радивиль. Такъ какъ сношенія эти могли возбудить подозрѣніе и были далеко не безопасны, то Янушъ Радивиль, подчасій литовскій, предостерегалъ (7 мая н. ст. 1611 г.) своего брата: „о томъ, что ваша милость видѣлись съ Шуйскимъ, извѣстіе скоро дойдетъ до Смоленска: но вѣдь онъ теперь не въ столицѣ; быть можетъ, безопасно вести съ нимъ переговоры въ Гроднѣ”.

Въ томъ же письмѣ Янушъ Радивиль сообщалъ: „У меня въ Кайдановѣ (недалеко отъ Минска) то же долженъ быть завтра Голицынъ, котораго г. Скуминъ, брацлавскій староста, везетъ по направленію къ Львову. Писалъ онъ мнѣ, что хочетъ навѣстить меня здѣсь; но я поэтому нарочно сегодня уѣзжаю отсюда въ Долятичи (имѣніе въ Новогрудскомъ уѣз., Минск. губ.), чтобы людямъ не давать повода къ злорѣчію, такъ какъ въ веселый вечеръ можно проговориться, а тамъ изъ мухи сдѣлали бы слона”²⁾.

этой отсылкѣ, упоминаемое въ грамотѣ Сигизмунда боярамъ 20 октября (см. выше, 1 гл., 19—20 стр.). Данная грамота, коей пользовался Соловьевъ (тамъ же, 20 стр., примѣч. 1), находилась, очевидно, въ указываемой имъ (VIII т., 94 прим.) рукописи Библиотеки Главнаго штаба подъ № 11.498; но, какъ оказалось въ нашихъ поискахъ ея, эта рукопись сгорѣла во время пожара Библиотеки въ 1900 году, и дальнѣйшія справки теперь уже невозможны.

¹⁾ Приложенія, кн. 2, № 203.

²⁾ ... „O tym, żeś się w. mę z Szuyskim widział, prędka będzie pod Smoleńskiem powina. Ale wszak teraz nie na Stolicy, może z nim bezpiecznie w Grodnie praktykować. U mnie też w Kaydanowie ma być jutro Galiczyn, którego p. Skumin, starosta braclawski, prowadzi aż pode Lwów; pisał do mnie, że mię tu chce nawiedzić, ale ja gwoli temu umyślnie ztąd dziś wyjeżdżam do Dolatycz, żeby ludzjom okazać do kalumnii nie dawać, bo mogło by się co pod wesoly wieczór

Туть онъ разумѣлъ князя Василя Василювича Голицына, главу Великаго московскаго посольства. Когда ни стѣсненія, ни угрозы, ни обѣщанія не подѣйствовали на важнѣйшихъ представителей посольства, кн. Голицына, митр. Филарета съ товарищами, и не заставили ихъ отступитъ отъ тѣхъ условій, съ которыми они прибыли подъ Смоленскъ; то, какъ извѣстно, ихъ вмѣстѣ съ оставшеюся дворянскою свитой, вопреки всякому международному праву, насильно посадили (13 апрѣля 1611 г.) на лодку; прислугу ихъ перебили, имущество разграбили; а самихъ подъ военной стражей повезли плѣнными черезъ Оршу, Минскъ и Вильну въ староство Жолкѣвскаго Каменку, подъ Львовъ. Почти одновременно, сначала по тому же пути, быстро отбылъ (15 апр.) отъ Смоленска Жолкѣвскій, недовольный плохимъ вниманіемъ къ нему и его мнѣніямъ со стороны короля и королевскихъ совѣтниковъ. Онъ послалъ спросить пословъ о здоровьѣ, когда ихъ везли мимо его имѣнья; считая его виновникомъ коварнаго нарушенія заключенныхъ съ нимъ условій, послы отвѣтили съ укоромъ, чтобы „онъ душу свою и крестное цѣлованіе попомнилъ”.

По взятіи Смоленска (въ началѣ іюня 1611 г.) подобная участь постигла его храбрыхъ защитниковъ. Воевода Шеинъ былъ подвергнутъ пыткамъ; сынъ его взятъ королемъ, жена и дочь Львомъ Санѣгой. Шеина, смоленскаго архіепископа Сергія, кн. Горчакова и другихъ видныхъ защитниковъ и жителей города повезли въ плѣнъ.

Бывшій царь съ братьями, главы Великаго посольства съ товарищами, важнѣйшіе защитники русской пограничной твердыни отиравались, по приказанію Сигизмунда, плѣнными въ глубь литовско-польскихъ владѣній. Не докончивъ похода, ѣхалъ и самъ Сигизмундъ. Его путь былъ триумфальнымъ шествіемъ побѣдителя. Особенно чествовали его въ литовской столицѣ, Вильно. Еще предъ городомъ встрѣтили его королева и королевичъ съ властями. Вильно, только-что потерявшая отъ громад-

wyrzeć, żeby wnet z tuchy elefanta uczyniono”. Письмо Януша Радвила Христофору Радвилу отъ 7 мая н. с. 1611 г. изъ Кайданова, рукоп. Имп. Публ. Библиотеки, польск. отд., F, IV, № 202.

наго пожара, освѣтилась разноцвѣтной иллюминаціей. Воспитанниками іезуитской коллегіи произнесены стихи, вышущены особья брошюры. Папскій нунцій Симонетти обратился къ королю съ привѣтствіемъ и прославленіемъ. Руководитель католической реакціи въ Польшѣ, іезуитъ Скарга въ своей проповѣди (15 іюли)¹⁾ въ присутствіи Сигизмунда — послѣднемъ публично трудѣ въ своей жизни—представилъ широкую картину быстро развивавшагося торжества короля надъ Шуйскимъ и Москвой во время этого похода. Указавъ на „врата къ расширенію славы Божіей“, на униженіе непріятели и польскія пріобрѣтенія, упомянувъ о побѣдѣ подъ Клушиномъ, о сверженіи Василя, присягѣ Владиславу и о вступленіи польскихъ войскъ въ столицу и крѣпости, онъ восклицаетъ: „Какой успѣхъ и какое счастье болѣе сего и какъ очевидно могла бы означиться сила и рука Божіи? А что особенно дивно—это низложенный царь, когда свои не довѣряли ему и монастырской его страхѣ: его отдали въ королевскія руки и съ роднымъ братомъ, который отъ его имени предводительствовалъ войсками, такъ что теперь плѣнникъ тотъ, кто самъ быть всей Москвы государемъ”²⁾. Эти и дальнѣйшіе успѣхи, завершавшіеся взятіемъ Смоленска, одушевляютъ Скаргу, какъ, служба торжеству отчизны и католичества, ведшіе къ осуществленію религіознаго „единства“, и онъ оправдываетъ и славить всѣ дѣяствія короля, въ томъ числѣ и отсылку въ плѣнъ великихъ московскихъ пословъ. Благодаря и славословія Бога за дарованія побѣдъ, особенно въ той странѣ, гдѣ издавна покоились пропагандическія чаянія и надежды римскаго престола, ораторъ призываетъ къ воздаяніямъ великой чести Сигизмунду, который, по

¹⁾ P. Skarga, Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie.. Kraków, 1611. Объ этой проповѣди и объ обстоятельствахъ ея произнесенія у Ruchlickiego, Piotr Skarga i jego wiek. Kraków, 1868, 556—559, и М. А. Стельмашенко, Политическая дѣятельность Петра Скарги. Кіевъ, 1902, 196—197; литература о Скаргѣ и его дѣятельности означена за послѣднее время въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1905, VII, въ монографіи о Скаргѣ Л. В. Яновскаго.

²⁾ ...„Ale to nadziwnieysza, iż on car złożony, gdy mu swoi nie dufali y klasztorney iego straży: do ręku go krolewskich y z bratem rodzonym, który od niego hetmanił, oddali: iż teraz więźniem iest ten, który wazytkiey Moskwy był panem“ Kazanie, 3.

его мѣною, своими побѣдами и необычайными внѣшними успѣхами утѣшаетъ свой народъ и пріобрѣтаетъ себѣ славу до предѣловъ міра и, по своимъ качествамъ и дѣятельности, между современными ему королями и государями блистаетъ, какъ рѣдкій перлъ и сіяющій дорогой камень ¹⁾.

„Побѣду надъ Москвой” шумно праздновали и въ Краковѣ, и въ Римѣ. Главное же торжество должно было произойти въ городѣ, превращенномъ Сигизмундомъ въ новую столицу, въ Варшавѣ, куда, на общій государственный сеймъ, шествовалъ король и куда велѣлъ онъ везти Шуйскихъ и смоленскихъ плѣнныхъ.

„Król... z więźniami onymi,
Jako z świeżym Szinem y bracią Szuyskimi,
Ku Polsce nakieruje“... ²⁾,

Иныя мысли и чувства высказываются у тѣхъ польскихъ историковъ, которые уже усваиваютъ научно-критическій методъ при изученіи родного прошлаго. Моментъ появленія въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ московскаго посольства и доставленія Шуйскихъ, „это — по энергичному выраженію одного изъ нихъ ³⁾—была, несомнѣнно, минута, рѣшавшая судьбы Москвы, а вмѣстѣ съ ней и Польши; Сигизмундъ безвозвратно ее пропустилъ”....

¹⁾ „Umieemy pany nasze uszanować, przez które nam, y oyczyźnie naszej, y sławie koronney takie zwycięstwa P. Bóg daie... Jako drugi Bolesław Chabry, або Krzywousty, napełnił królestwo to zwycięstwa tak gęstemi y trudnemi... Uweselał lud swój wierny, y sława jego aż do końca ziemi. A doma, z poddanemi sprawiedliwością, łaskawością, przyjmowaniem nieprzyjaciół y tych, którzy nań rękę podnosili, cichością, mądrością, hojnością, czystością, cierpliwością y gorącym ku P. Bogu nabożeństwem, nikt go nie uprzedza, y między królmi y pany chrześciańskimi wieku tego przebrana perła y iasnym drogim kamieniem świeci”. Тамъ же, 12, 13.

²⁾ Sam. Twardowski, 1650, 38. Все повѣствованіе его изложено въ формѣ реченныхъ стиховъ.

³⁾ Проф. Бобринскій, Очеркъ исторіи Польши, II, 172.

III ГЛАВА.

Шуйскіе на Варшавскомъ сеймѣ *).

Доставленіе Василія Ивановича съ братьями въ Варшаву.—Причины выдачи ихъ королю на сеймѣ. — Подготовка къ этой сценѣ. — Жизнь подъ Варшавой, въ деревнѣ Мокотовѣ. — Путь въ Варшавскій Королевскій замокъ. — Сцена поставленія и выдачи. — Рѣчь гетмана и поклоны Шуйскихъ. — Рѣчь подканцлера. — Несбывшіяся желанія усилить униженіе Василія Ивановича. — Отношеніе къ Шуйскимъ Сигизмунда. — Дарственная королевская грамота. — Содержаніе Шуйскихъ на назначенныхъ для нихъ квартирахъ въ Варшавѣ.— Встрѣча Василія съ турецкимъ посланцемъ.— Непрочность польскаго торжества. — Картина Долабеллы и ея судьба. — Иныя послѣдствія дѣйствій на сеймѣ.

Бывшему московскому царю и его братьямъ трудно было надѣяться на что-либо отрадное для себя въ новой польской столицѣ, куда привезли ихъ въ концѣ августа 1611 года.

Хотя подъ Смоленскомъ они были уже Сигизмунду представлены, въ присутствіи сенаторовъ и воеводъ, однако онъ не удовольствовался этимъ. Раздраженный неуступчивостью Василія, Сигизмундъ, переправивъ ихъ изъ Смоленскаго лагеря въ глубь литовско-польскихъ владѣній плѣнными, поже-

*) Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, № 1: Oddawanie tryumfalne Wasilija Szujskiego (изъ рукоп. Краковскаго Музея кн. Чарторыхскихъ. Прежнія изданія, съ измѣнен.: Nowy Pamiętnik Warszawski, 1804, I; Pamiętnik Lwowski, 1818, № 3; Niemcewicz, III, 565—570, 195—196. Благодаря любезности директора Музея проф. Соколовскаго и посредничеству покойнаго проф. А. П. Павинскаго, мы издали этотъ документъ въ пѣломъ видѣ и съ удержаніемъ особенностей подлинника); рисунокъ № А: гравюра Маковского картины Долабеллы съ удержаніемъ надписей на ней (изъ того же Музея); кн. 2, № 1 (дарственная грамота Сигизмунда III на сеймѣ, гдѣ излагаются обвиненія противъ Шуйскаго; Главный Архивъ древн. актовъ при Варшавской Судебной палатѣ), № 6 (содержаніе Шуйскихъ въ Варшавѣ, пребываніе ихъ въ Мокотовѣ; Архивъ при Варш. Казен. палатѣ), №№ 188—189 (отвѣтная рѣчь Брыскаго Жолкѣвскому, сообщеніе Голинскаго о бывшихъ на сеймѣ; изъ Библіотеки Оссо-

лалъ повторить сцену ихъ выдачи еще при болѣе тяжелыхъ для нихъ условіяхъ и при самой торжественной обстановкѣ. Не одно удовлетвореніе своему эгоистическому чувству имѣлъ тутъ въ виду упрямый король.

Тогда собирався въ Варшавѣ общегосударственный сеймъ, на которомъ долженъ былъ, между другими важными дѣлами, обсуждаться и рѣшаться во всей широтѣ московскій вопросъ¹⁾. Мы уже видѣли, какъ успѣхи московскаго похода непомѣрно увеличивали и укрѣпляли въ сознаніи Сигизмунда его притязанія на восточнаго сосѣда, его политическія и религіозно-пропагандическія мечты. Не довольствуясь первоначальными расчетами относительно „возвращенія” Смоленской и Сѣверской областей, онъ рѣшительно отклоняетъ мысль объ отпускѣ Владислава на московскій престолъ, домогается московской присяги на свое имя для „пользы Рѣчи Посполитой” и для „славы Божіей”, т. е. для осуществленія своихъ династическихъ плановъ и ради усиленія католичества... Вопросъ на сеймѣ ставился по-

линскихъ по Львовѣ. Рѣчи Крыскаго имѣется нѣсколько экземпляровъ въ рукописяхъ Библиотеки Красицкихъ; о нихъ будетъ сказано ниже); Къ исторіи Смутаго времени (о Бурбахѣ, въ домѣ котораго въ Мокотовѣ жили Шуйскіе; грамота Сигизмунда Крыскому; Глав. Архивъ древн. актовъ при Варш. Судебной палатѣ); *Alex. Cilli da Pistoia, Historia delle sollevationi notabili seguite in Polonia, gl'anni del signore 1606, 1607 e 1608, e dell' ationi heroiche, e memorabili imprese fatte in Moscouia dall' inuittissimo Sigismondo III. In Pistoia, 1627, Historia di Moscouia, 162—166; Piazecius, 1648, 327 (рус. пер. 46—47, польск. перев. 242—243, ср. Woycickiego, I, 27); Wassenberg, 1649, I, 41—42; Twardowski, Wladislaw IV. Leszno, 1650, 38, въ отдѣлѣ Seym w Warszawie z więziami; Kobierzyski, 1655; 426—428; A. Cellarius, Regni Poloniae... descriptio. Amsterdam, 1659, 594—595; Scriptores rerum polonicarum, XIV, 52—53, и др. Общіе труды—тѣхъ же авторовъ, которые указаны въ началѣ предыдущихъ главъ.*

¹⁾ Документы Варшавскаго сейма 1611 года, касающіеся московскаго вопроса, издаются нами, по рукописямъ Варш. Библиот. Красицкихъ, въ сборникѣ Къ исторіи Смутаго времени (пропозиція правительства, рѣчи подканцлера и гнѣзненскаго архіепископа, оправданія Мишка, и проч.). См. также *Volumina legum*, III, 5—6; *Teinera Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, III, и др. О постановкѣ и ходѣ даннаго вопроса на этомъ сеймѣ въ работахъ Н. И. Костомарова, *Смутное время*, III, гл. 2, отд. VII, о. Pirling'a, III, hb. 5, сар. 2 (на русск. въ *Рус. Стар.*, 1901, XI) и въ особенности у проф. П. Н. Жуквича, *Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной унией, съ 1609*. Слб., 1903, выпускъ 1, гл. 2; по данному вопросу послѣ этого сейма, его же дальнѣйшіе выпуски того же документальнаго изслѣдованія.

этому не только о мѣрахъ къ упроченію дальнѣйшаго обладанія и управленія Смоленскою и Сѣверскою областями, но и о прямомъ покореніи и подчиненіи всего Московскаго государства Рѣчи Посполитой. Предпринявъ войну безъ яснаго обозначенія цѣлей ея предъ государственными чинами и безъ ихъ согласія, Сигизмундъ, опираясь на выпавшую удачу, думалъ легче добиться отъ нихъ одобренія его московской политики, уплаты войску жалованья за совершенный походъ и ассигнованія новыхъ суммъ для окончанія войны. Въ пропозиціи, прочитанной (20 сент. 1611 г.) отъ его имени короннымъ подканцлеромъ Крыскимъ предъ открытіемъ сейма, пространно и краснорѣчиво объяснялось и защищалось его дѣло, означались успѣхи, выразившіеся даже въ томъ, что взяты и столица, и государь; успѣхи приписывались главнѣйше помощи Всевышняго, указаніямъ Котораго оставалось только слѣдовать. Въ оправданіе начинанія войны безъ согласія государственныхъ чиновъ „раскрывали” и то, „что до сихъ поръ было скрыто”, именно, объявлялось о тайныхъ замыслахъ противъ Польши Перваго и Второго Самозванцевъ. О томъ, что Лжедмитрій I хотѣлъ воевать съ Польшей, чтобы воспользоваться бывшими тогда въ королевствѣ замѣшательствами и овладѣть польскою короною, предлагалось спросить Дмитрія Шуйскаго, который при немъ готовился въ походъ съ 40 тысячнымъ войскомъ ¹⁾.

Сильно задѣтый сообщеніемъ о Самозванцахъ, Юрій Мнишекъ, защищаясь (24 сент.) отъ обвиненій въ связяхъ съ ними и въ утайкѣ казенныхъ денегъ, попытался, подъ предлогомъ охраненія шляхетской свободы, направить свою рѣчь противъ Сигиз-

¹⁾ „Ileż daley wzrok odkryć może, co się dotąd tayıło. Zaisty były u pierwszego co na Moskwie zabit Otropicia zamysły, tak daleko zaszły praktyki, że sobie coronę polską osieść obiecował. Tuszył ten Wtory rzeczem swoyom dobrze, skoro by był moskiewskich skarbów dopadł; są żywi, co pierwszego Intrusa spraw wiadomi: jest Dimitr Szuyski, co się ze 40 tysięcy ludzi pod Smoleńsk w ono nieszczęsne Rptey naszej zamieszkanie gotował. Na co niechay go pytaią sami ci, co tego Wtorego do Polski wabili. A czekać że było tego, aży był nieprzyaciel w oyczyźnie naszej sedem belli założył? A czekać że było, aży był zamysły swe wywarł? Zaprawdę by nierychło chyba po polsku po szkodzie rzeczy dźwigać, odkryć też to pod onczas świeżey blizny niezręcznie było“. Къ исторіи Смутнаго времени, отъ IV, Propositia seymu.

мунда, заявляя, что короля нельзя одобрить и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ пріобрѣталъ новыя провинціи для государства, такъ какъ дѣйствія безъ согласія сейма ведутъ къ абсолютизму. За такую вылазку сендомирскій восвода получилъ энергичную отвѣдь отъ Крыскаго. Поставивъ Мнишку на видъ, что слѣдовало ему сначала лучше разузнать, кто такой Отрепьевъ, находчивый подканцлеръ иронически высмѣшивалъ его: „польскому шляхтичу вольно — де было именовать царемъ, кого ему вздумалось, пріютить его въ своемъ домѣ, своими средствами вести, поддерживать его; королю же польскому нельзя достойнѣемъ Рѣчи Посполитой защищать ея границы”!

Серіозная трудность для Сигизмунда и его сторонниковъ заключалась, разумѣется, не въ томъ, чтобы склонить сеймъ къ согласію на окончаніе войны, а въ отысканіи надобныхъ суммъ. Тутъ имъ было не до разборчивости въ средствахъ. „Сеймовымъ чинамъ давалось чувствовать, что Сигизмундъ, не утвердивъ избранія сына на наследственный московскій престолъ, совершилъ великій съ династической точки зрѣнія актъ самопожертвованія. Этимъ сеймовые чины призывались въ свою очередь къ жертвамъ для блага престола и отечества”. Какъ орудіемъ для достиженія цѣли, пользуются и русскими плѣнными. Положили, чтобы на сеймѣ были поставлены важнѣйшіе защитники взятаго королемъ Смоленска и чтобы бывший московскій царь съ братьями былъ здѣсь отданъ Сигизмунду торжественно, въ присутствіи всѣхъ членовъ сейма. И если путь отъ Смоленска отличался триумфальностью, то картина торжества надъ врагами на Варшавскомъ генеральномъ сеймѣ, служа высшимъ выраженіемъ чествованія самого Сигизмунда, должна была, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядно и, такъ сказать, всенародно выставить результаты Московскаго похода и, повліявъ тѣмъ на національное чувство чиновъ, вызвать ихъ на готовность къ широкимъ жертвамъ. Сцена эта назначалась на одно изъ предпоследнихъ собраній сейма, предъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ ассигнованіи на войну. Исполнить выдачу Шуйскихъ поручили Жолкѣвскому, чѣмъ правительство надѣялось повліять и на сего послѣдняго. Гетманъ, разбиженный подъ Смоленскомъ, рѣзко отказался отъ участія

въ дальнѣйшей осадѣ города, а чрезъ то и отъ поддержки московской политики короля. Теперь разсчитывали, что, польщенный оказаннымъ на сеймѣ почетомъ, онъ воротится къ московскимъ дѣламъ и будетъ со свойственнымъ ему искусствомъ помогать проведенію ихъ въ направленіи, которое указано королемъ, одобрено и принято сеймомъ.

Сцена эта, какъ и всякое придворное или государственнопубличное торжество, должна была произойти по опредѣленному, напередъ установленному церемоніалу. Устроителямъ ея требовалось принять всѣ мѣры, чтобы она произвела желательное впечатлѣніе и чтобы никоимъ образомъ не повторилась „дисгармонія“, случившаяся на представленіи подъ Смоленскомъ, когда Василій Ивановичъ рѣшительно отказался отъ поклоновъ королю и отъ признанія себя плѣнникомъ. Шуйскимъ, и безъ какихъ-либо нарочитыхъ указаній или угрозъ, не трудно было предвидѣть, что ожидало ихъ, еслибъ они не исполнили теперь требованій короля. Своимъ отказомъ Василій Ивановичъ подвергалъ бы грозной опасности и братьевъ, а съ ними и въ лицѣ ихъ весь свой родъ, послѣдними и единственными представителями котораго были они. Тяжесть и безысходность плѣна, тянувшагося уже около года и все удаляющаго ихъ отъ отечества, то же не могла не дѣйствовать угнетающе. Обезпечить сносное будущее, а вмѣстѣ съ тѣмъ выиграть время и сохранить надежду не перемѣну обстоятельствъ къ лучшему, для Шуйскихъ представлялось только одно средство. И они, какъ увидимъ, согласились вынести унижительную сцену „отдачи“ ихъ королю молча, предоставляя говорить лишь польскимъ ораторамъ. Съ своей стороны устроители сцены вынуждались не допускать въ рѣчахъ какихъ-либо прямыхъ оскорбленій политикъ Московскаго государства и самихъ Шуйскихъ.

Ихъ простая одежда, а тѣмъ болѣе иноческа, какую Василій имѣлъ на себѣ по постриженіи въ монашество, не служила отблескомъ и свидѣтелемъ ихъ прежняго величія и положенія. Позаботились и о ней. Каждому сшили по два платья, по верхнему и нижнему, изъ дорогихъ матерій: верхнее для Василя бѣлое парчевое, Дмитрію Ивановичу бархатное фіолетовое, Ивану

Ивановичу бархатное пурпуроваго цвѣта; нижнее платье царю красное бархатное, братьямъ шелковое. Края одежды украсили шнурами и кантами. Шанки были куплены готовыя; для Василя горлатная мѣховая, черной лисицы, братьямъ краснаго бархата съ собольей опушкой. Все стоило до 878 злотыхъ (ок. 132 руб.), двѣ трети которыхъ пошли на одного Василя ¹⁾).

Держали ихъ пока подъ городомъ, въ деревнѣ Мокотовѣ (нынѣ Мокотовская улица, смежная съ Уяздовской аллеей) ²⁾. Среди ея жителей зажиточностью и нѣкоторою близостью ко двору отличался „шамбелянь” Георгій Бурбахъ. Состоя на придворной королевской службѣ, онъ былъ возведенъ Стефаномъ Баторисемъ въ шляхетство, а отъ Сигизмунда III получилъ въ Мокотовѣ по-

¹⁾ „На представленіе на сеймѣ 1611 г. Шуйскимъ были на счетъ государственной казны приготовлены:

„Во-первыхъ, самому князю Василю. Верхнее платье изъ альтембаса, 12⁷/₈ локтей, по 30 злотыхъ (локоть) = 386 злотыхъ 7 грошей 15 шеленговъ. Нижнее платье изъ краснаго бархата 10¹/₄ локтей по 5 злотыхъ 22¹/₂ гроша = 58 злотыхъ 28 грошей. За шелковую подкладку для верхняго платья 18 злотыхъ. На золотую бахраму и шнуры, которыми были украшены края одежды, и за другія мелкія вещи, израсходовано 31 злотый 5 грошей 12 шеленговъ. Для него же куплена мѣховая шапка мармурекъ за 60 злотыхъ. Всего вмѣстѣ для самого князя 554 злотыхъ 11 грошей и 3 шеленга.

„Дмитрію Шуйскому, брату князя. Верхнее платье изъ фіолетоваго бархата 13¹/₄ локтей по 5 злотыхъ = 67 злотыхъ 7 грошей и 9 шеленговъ. Нижнее платье изъ чистаго шелка или атласа 10 локтей по 2 злотыхъ 20 грошей = 26 злотыхъ 20 грошей. За багажю на подкладку платьевъ 9 злотыхъ 6 грошей. На шелковую бахраму и шнуры, которыми были украшены края платьевъ, и за другія мелкія вещи, израсходовано 24 злотыхъ 1 грошъ. На шапку изъ краснаго бархата, обшитую собольимъ мѣхомъ, 36 злотыхъ 17 грошей 9 шеленговъ. Итого 162 злотыхъ 22 гроша.

„Ивану Шуйскому. Верхнее платье изъ краснаго бархата 12⁷/₈ локтей по 5 злотыхъ = 63 злотыхъ 3 гроша 9 шеленговъ. Нижнее платье изъ чистаго шелка или атласа 10 локтей по 2 злотыхъ 20 грошей = 26 злотыхъ 20 грошей. За багажю на подкладку одежды 9 злотыхъ 6 грошей. На бахраму и шнуры, которыми были украшены края платьевъ, и за другія мелкія вещи издержано 24 злотыхъ 1 грошъ. На шапку изъ краснаго бархата, обшитую собольимъ мѣхомъ, 36 злотыхъ 17 грошей 9 шеленговъ. Итого для Ивана 159 злотыхъ 18 грошей.

„Портнымъ за приготовленіе платьевъ 10 злотыхъ“. Латинскій текстъ счетовъ—въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію, кн. 2, № 6.

²⁾ „Wieś Mokotów do starostwa Warszawskiego należy, ma pole troyne, jest w niey włók wszystkich № 13“. Платила рожью, овсомъ, домашнею птицей и т. п. Summa prowentów tey wsi facit 174... Wieś Jazdów. Ta wieś należała do starostwa Warszawskiego, teraz osobnym prawem trzymają p. Woyciech Baryczka, szafarz króla j. m.“ Lustracya starostwa Warszawskiego anni 1620, Главнѣй Архивъ др. актовъ при Варш. Судеб. палатѣ, книга люстрацій, № 64, дл. 116 и 119.

жизненное войтовство. Его домъ отвели подъ помѣщеніе для Шуйскихъ, съ ихъ свитой и людьми, которыхъ было до 13 человекъ, не считая королевскаго пристава и польской стражи. Вѣроятно, за это именно и за услуги король распространилъ тогда (16/26 сент.) пожизненное пользованіе войтовствомъ, со всеми доходами и прибылями, на обоихъ супруговъ Бурбахъ; тѣмъ не менѣе, казнь пришлось уплатить Бурбаху еще половину убытковъ отъ пожара, отъ котораго, въ бытность тамъ Шуйскихъ, сгорѣла часть его строеній ¹⁾).

Когда все было подготовлено, наступило самое торжество, напоминавшее собою сцены изъ жизни древняго языческаго Рима, по образцу которыхъ оно и было устроено.

Путь изъ Мокотова въ городъ, къ Королевскому дворцу или „замку“, пролегалъ чрезъ Краковское предмѣстье. И вотъ 19 (29) октября, въ 11 час. дня, по этому предмѣстью, густо наполненному толпами народа, съ любопытствомъ смотрѣвшими на зрѣлище, мѣрно двигалась необычная процессія. Величественно, какъ-бы только-что возвращаясь изъ счастливаго Московскаго похода, ѣхалъ польный коронный гетманъ, воевода кievскій Станиславъ Жолкѣвскій; впереди его воины простые и знатные, рыцарство, его дворъ и члены сейма — нѣкоторые коронные и литовскіе сенаторы и земскіе послы, все въ праздничныхъ нарядахъ; знатнѣйшіе ѣхали въ каретахъ, которыхъ было до шестидесяти. Это „вели“ они „взятыхъ въ плѣнъ московскаго царя и его братьевъ для торжественной отдачи его королевской милости.“ на сеймѣ, собравшемся въ Королевскомъ замкѣ. Василий Ивановичъ и его братья Дмитрій и Иванъ Ивановичъ слѣдовали въ королевской, запряженной въ шестерню, кожаной каретѣ, ѣхавшей непосредственно за гетманской. Въ ней, на главномъ мѣстѣ, сидѣлъ Василий, братья противъ него, впереди; между ними, по срединѣ, ниже, помѣщался военный королевскій приставъ, которому было ввѣрено „стеречь“ ихъ. Карета была открытая, чтобы мож-

¹⁾ По оцѣнкѣ ревизоровъ, за убытки отъ пожара уплачена половина, 150 злотыхъ (Приложенія къ изслѣдованію, кн. 2, стр. 15; Къ исторіи Смутн. врем., отд. V). Очевидно, причина пожара объяснялась виною помѣщенныхъ въ домѣ. Быть можетъ, не было ли это отраженіемъ ихъ недовольства своимъ положеніемъ, почему они и не имѣли побужденій беречь свое жилище.

но было лучше ихъ видѣть. Публика замѣтила, что Василій былъ въ верхней длинной одеждѣ изъ бѣлой парчи, въ большой горлатной чернолисей шапкѣ. Онъ казался приземистымъ, съ круглымъ темнымъ лицомъ, небольшою, круглою подстриженною бородою, болѣе чѣмъ на половину сѣдою, съ глазами воспаленными, бровями густо заросшими, что придавало глазамъ суровое выраженіе, съ длиннымъ, нѣсколько горбатымъ носомъ и довольно широкимъ ртомъ. Грустный, печальный, со взглядомъ понурымъ, унылымъ, онъ видимо дѣлалъ большія усилія, чтобы съ наружнымъ спокойствіемъ кивать головой народу, который тѣснился со всѣхъ сторонъ, очевидно, довольный такимъ зрѣлищемъ. Далѣе тянулся рядъ колясокъ съ важнѣйшими смоленскими нлѣнными, воеводою Шеинымъ, архіепископомъ Сергіемъ и др., и съ царскою свитой. Процессія замыкалась гвардіей, нѣхотой и казаками.

Приблизились къ Замку, стоявшему за городской стѣной; съ Краковского предмѣстья въ этой стѣнѣ были большія ворота, за которыми справа сейчасъ и выступалъ Замокъ. Получивши начало при князьяхъ мазовецкихъ, онъ не разъ перестраивался и расширялся. Сначала онъ былъ деревянный; Сигизмундъ Августъ построилъ его изъ камня и кирпича; Сигизмундъ III, по перенесеніи столицы изъ Кракова въ Варшаву, еще болѣе позаботился объ украшеніи новой своей резиденціи. Уничтоживъ оставшіяся деревяшныя части, онъ замѣнилъ ихъ каменными; ему же принадлежитъ сооруженіе главной башни съ часами, сохраняющейя до сихъ поръ. Старыя части прилегали къ кафедральному собору св. Яна, новыя—къ Краковскому предмѣстью. Замокъ представлялъ собою зданіе квадратное, съ большимъ открытымъ дворомъ внутри, по угламъ высились башни, кругомъ шли стѣны и рвы. Приспособленный къ постоянному мѣстопробыванію въ немъ короля, онъ, кромѣ жилыхъ дворцовыхъ помѣщеній, заключалъ также сенаторскую избу, едва ли не самую большую въ немъ комнату, затѣмъ носольскую палату, коронный архивъ и проч. ¹⁾

¹⁾ Георгій Браунъ сообщаетъ о немъ (1593—1613): „Arcem habet Varsouia orientem versus, primum quidem a Massouiae ducibus e lignea materia constructam,

Взявъ за руку Василя Ивановича, Жолкѣвскій повелъ его въ Замокъ; за нимъ слѣдовали князья-братья и остальные почетные плѣнные. На процессію смотрѣла королева съ своимъ дворомъ. Плѣнниковъ привели въ сенаторскую избу. Тамъ, на тронѣ, уже сидѣлъ король, а вблизи его королевичъ Владиславъ; тѣсно занимали свои мѣста сенатъ, земскіе послы и всѣ государственныя чины. Василя и братьевъ его поставили предъ трономъ, въ рядъ, Василя по срединѣ, князя Дмитрія по правую его руку, князя Ивана по лѣвую. Братья наклонили свои головы предъ королемъ, внутренно испытывая и переживая всю неестественность положенія. „Какъ будто во мракѣ, не будучи въ состояніи придти въ себя и раскрыть очей, они опустили лица внизъ, сдѣлавшись диковиннымъ зрѣлищемъ для людей и игралищемъ мачехи-Судьбы”¹⁾.

Король и паны сидѣли съ покрытыми головами, въ шанкахъ; бывшій царь отдалъ поклонъ и стоялъ, свою горлатную шанку держа въ рукахъ. Тутъ, по свидѣтельству поляка-очевидца, каждому припомнились еще недавніе годы переговоровъ между польскими и московскими государями о томъ, кто предъ кѣмъ долженъ снимать шанку и кто долженъ дать первое мѣсто, и, покачивая головами своими, зрители дивились необыкновенному счастью и неожиданному Божьему благоволенію къ королю.

quae deinde a serenissimo rege Sigismundo Augusto inclytae memoriae in firmiorem et e saxo et lateribus bene concinnatam structuram est commutata. Tandem etiam serenissimus rex Sigismundus III, hodie regnans, ligneam, quae in arce adhuc supererat, structuram delicti iussit, alia e saxo substituta, eaque re et regiae arci et nomini suo non paruum decus addidit“. Georgius Braun, Theatri praecipuarum totius mundi urbium lib. VI, anno 1618, № 47. Chr. Henr. Erndtelius, Varsavia physice illustrata. Dresdae, 1730, 22; Sobieszczanski, Rys historyczny miasta Warszawy, Biblioteka Warszawska, XXI, 476; Słownik geograficzny królestwa Polskiego. Warszawa, 1893, XII, 36—38; акад. П. Дубровскій, Описание Варшавы и ея окрестностей. Варшава, 1850, 72—74. — Бывшій Королевскій замокъ служить нынѣ мѣстопребываніемъ варшавскаго генераль-губернатора и имѣетъ тотъ видъ, какой, послѣ капитальныхъ перестроекъ, получилъ онъ по преимуществу при Станиславѣ Августѣ и въ началѣ царства Польскаго, при Заіончкѣ и Константиѣ Павловичѣ.

¹⁾

... „oni, jako w mroku

Nie mogąc przyść do siebie y dotrzeć się wzroku,

Twarzy w ziemię wlepili, ludzkim dziwowiskiem

I macochy Fortuny stawszy się igrzyskiem”.

S. Twardowski, 38.

Присутствіе столь великаго мужа и воспоминаніе о прежнемъ величій вызывали въ нихъ сожалѣніе; въ положеніи Василія имъ представлялась вся глубина паденія обширнѣйшаго царства, еще недавно столь сильнаго и богатаго, и взгляды всѣхъ сосредоточивались на бывшемъ царѣ. „Самъ король его милость внимательно смотрѣлъ на него, смотрѣли гг. сенаторы и гг. послы, и въ сердцахъ своихъ прославляли за то Господа Бога”. Василій также обвелъ ихъ глазами, начиная съ Сигизмунда, и будто-бы „всматривался въ нихъ всѣхъ, не безъ страха, не безъ боязни, видя такое величіе короля, сената и государственныхъ чиновъ, въ особенности же, когда онъ среди сенаторовъ усмотрѣлъ г. Юрія Мнишка, сендомирскаго воеводу, отца московской царицы”. Но опытный взглядъ Василія не могъ не подмѣтить дѣйствительнаго настроенія лицъ, въ подавляющемъ большинствѣ отдавшихъ сладостному сознанію національнаго торжества и самодовольному чувству „сожалѣнія”.

Поднялся съ своего мѣста гетманъ Жолкѣвскій и, ставъ впереди Шуйскихъ, нѣсколько съ правой ихъ стороны, такъ, чтобы удобно было ему смотрѣть то на короля, то на нихъ, обратился къ Сигизмунду съ обширною, соответствовавшею такому настроенію, рѣчью. Питомецъ современной ему схоластической школы, искусный не только на бранномъ полѣ, но и на риторскомъ, широко знакомый съ анекдотической исторіей и разными сентенціями, гетманъ не жалѣлъ иперболь, сравненій, примѣровъ изъ древности и всякихъ цвѣтовъ тогдашняго краснорѣчія. Распространившись, во вступленіи, о превратности счастія въ мірѣ, выразивъ изумленіе предъ великимъ счастіемъ короля, столь блиставшаго доблестями и мужественною устойчивостью при всѣхъ колсбаніяхъ судьбы, отмѣтивъ, какъ „результатъ трудовъ и усилій его королевской милости, взятіе Смоленска и столичнаго города Москвы”, расходившійся ораторъ „указалъ на лица, стояція предъ его величествомъ королемъ: прежде другихъ на великаго царя московскаго, наслѣдника тѣхъ великихъ московскихъ царей, которые ранѣе своею силою, ни съ чѣмъ не сравнимымъ могуществомъ были страшны и грозны почти всему свѣту: коронѣ, королемъ польскимъ, сосѣднимъ государямъ и даже самому турецкому

султану; потомъ указаль на брата его, Дмитрія, великаго гетмана надъ 180,000-мъ войскомъ; на ихъ мужество, силу, храбрость и твердость; изчисляль государства, царства, княжества, области, великое множество народа и подданныхъ, державы, города, замки, несмѣтныя богатства, имѣвшіеся подъ властію и управленіемъ сихъ лицъ, нынѣ же, благодаря счастью, мужеству и твердости короля его милости и Божьему благоволенію ему, разоренныхъ, обобранныхъ и всего лишенныхъ (ze wszystkiego wuzute, obnażone y ogołoseone), приведенныхъ въ качествѣ плѣнниковъ, поставленныхъ у порога и ногъ его королевскаго величества, отданныхъ на его милость и благоволеніе, просящихъ милосердія и милости и бьющихъ челомъ о землю”.

При этихъ словахъ, согласно, разумѣется, съ условленнымъ церемоніаломъ, бывшій царь, наклонивъ низко свою голову предъ королемъ, коснулся пола правою рукою, поднесъ ее къ губамъ и поцѣловаль ее; большой воевода князь Дмитрій поклонился челомъ до самой земли; воевода князь Иванъ Ивановичъ билъ челомъ въ землю трижды.

Натура мягкая, еще не закалившаяся, почти женственная, младшій изъ братьевъ не вынесъ такого позора. Въ свое время, когда въ Москвѣ было много плѣнныхъ поляковъ, онъ отличался своею ласковостью къ нимъ: находившихся въ Москвѣ питаль на свой счетъ, болѣе знатнымъ, когда они вымѣнивались, даваль платье; доставшагося ему шляхтича Боксицкаго онъ вылѣчилъ отъ ранъ, выпросилъ у царствовавшаго своего брата Василя разрѣшеніе отпустить его безъ обмѣна и отпавилъ съ подарками. Родственникъ Боксицкаго, когда тотъ еще былъ въ плѣну, писалъ князю Ивану: „гуманность твоя, которую ты обнаруживаешь къ нашей братіи, попавшей въ плѣнъ, снискала въ нашемъ войскѣ, хотя и вражескомъ, многихъ друзей, между которыми и я, твоею гуманностію плѣненный, долженъ питать къ тебѣ добрыя чувства за то, что ты взялъ къ себѣ брата моего Боксицкаго и оказываешь ему свою милость”¹⁾. Князь Иванъ, конечно, не могъ тогда думать о несчастіи, въ какомъ находился въ настоящую пору.

¹⁾ Магелоскі, 52—53, 146—147. Въ рукописи Библиотеки Красинскихъ, лл. 37—38, плѣнный его братъ называется Боржецкимъ.

Его довѣріе къ самому Жолкѣвскому доходило до того, что онъ обращался къ его защитѣ отъ бояръ ¹⁾. Вынуждаемый теперь, по знаку гетмана-дирижера, униженно и публично кланяться предъ торжествующимъ королемъ, по обычаю московскихъ холоповъ, трижды, онъ не выдержалъ, слезы брызнули изъ глазъ, онъ „плакалъ”.

Послѣ сего гетманъ „отдавалъ” ихъ королю „не какъ плѣнниковъ, а какъ образчикъ измѣнчиваго счастья” (*nie iako za więźnię, ale iako za wzór szczęścia odmiennego*), напоминая примѣры превратности судьбы, показывающіе, что никто изъ смертныхъ, даже величайшій монархъ, не можетъ признаваться счастливымъ ранѣ окончанія на землѣ всѣхъ своихъ дѣлъ. Свою рѣчь онъ заключилъ просьбою и ходатайствомъ „о милости и милосердіи для нихъ, о чемъ и самъ царь съ братьями своими”, вынужденные снова подтверждать его, какъ бы вторя его словамъ, „прикасаясь рукою къ землѣ и бивъ челомъ, съ большимъ униженіемъ, молча просили”.

Такъ, предъ сенатомъ и прочими государственными чинами какъ бы на виду всего государства, „передавалъ” высокихъ плѣнниковъ „королю” и „во власть короны” Станиславъ Жолкѣвскій, указывая на передаваемыхъ своею гетманскою булавою и ведя эту „превосходную, исполненную Несторовой сладости” разукрашенную рѣчь, въ восхваленіе „величія короля, счастья и славы Рѣчи Посполитой” ²⁾.

¹⁾ Такъ по крайней мѣрѣ, какъ мы уже знаемъ, рассказывалъ самъ Жолкѣвскій. См. выше, I гл., 7 страница.

²⁾

„A wielki stąd sława
Żółkiewski przed wszystkimi paruje ich klawa,
Słodkości Nestorowej przewyborną ową
Do sequestrow koronnych oddając przemową”.

Twardowski, 38. „...Basilius Suyscius una cum fratribus ...ab ipso Zolkiewio ductus in palatium ubi rex cum senatu ordinibusque consederat, omnibus videndus exhibetur traditurque regi gravissime sententiis exemplisque variis attemperata oratione, qua majestatem regis, Reipub. felicitatem gloriamque extulit, ex debellata Moschovia victoquo ipsius et vasti septemtrionis dissitarumque ad Caspios usque montes Hyrcanumque mare gentium monarcha, petitisque ex antiquioribus et recentioribus historiis, quarum summe peritus erat, exemplis raro visis auditisque recentem comparavit victoriam. К о б і е р з у с к і, 427—428. Записки Жолкѣвскаго, прилож., изъ рукописи ксендза Яна Велевицкаго, 214.

Королевскій отвѣтъ ему былъ возложенъ на Крыскаго. Выразили свое „мнѣніе“, присоединяя свою просьбу, сенаторы. И король внялъ ходатайствамъ, просьбамъ и мольбамъ. „Согласно съ сужденіемъ и просьбою сенаторовъ, онъ даруетъ прощеніе“, и Шуйскіе, въ знакъ его милостиваго снисхожденія къ нимъ и прощенія ихъ, „были допущены къ цѣлованію королевской руки, и цѣловали ее“.

„Это была величественная аудіенція, это было зрѣлище удивительное и возбуждавшее сожалѣніе“! восклицаетъ современникъ ¹⁾).

Да, несомнѣнно, это была сцена насильственного, удивительно-изысканнаго издѣвательства надъ лицами, которыхъ, по условіямъ и обѣщаніямъ, не въ правѣ были не только представлять или выдавать королю, но и вывозить изъ предѣловъ Московскаго государства; сцена удивительно характерная для устроителей ея и дѣйствительно достойная сожалѣнія....

Передавъ Шуйскихъ королю и коронѣ и приведя „своею рѣчью всѣхъ присутствовавшихъ въ слезы“, гетманъ выполнилъ свою активную роль.

Стараясь не уступать ему въ краснорѣчій, коронный подканцлеръ Крыскій отвѣчалъ ему такими словами:

„Бывало ли, панъ гетманъ, когда-либо въ Польнѣ такое торжество на этомъ мѣстѣ, это видно изъ самой сущности и важности его“. Прежніе триумфы и побѣды совсѣмъ малы и блѣдны въ сравненіи съ настоящимъ; о немъ прежде нельзя было и мечтать. „Государя московскаго поставить здѣсь, привести сюда губернатора всей земли, главу и правительство той державы отдать своему государю и отечеству,—вотъ что необычайное и новое, вотъ въ чемъ и каковы замѣчательный умъ гетмана, мужество рыцарства и счастіе его королевской милости“. Далекое заходило копыто польскаго коня. „Нынѣ и столица занята и въ государствѣ нѣтъ такого угла, гдѣ бы польское рыцарство и воинъ великаго княжества Литовскаго коня своего не кормилъ и гдѣ бы руки своей не обагралъ кровію наследственнаго врага.“

¹⁾ Прихоженія къ изслѣдованію, кн. 1, № 1, и рис. № А. См. ниже, стр. 75—76.

Словомъ, и правитель, и государство, и государь, и столица, и воевода, и воинъ—все у польскаго короля въ рукахъ”.

Велика во всемъ милость Божія, и первая наша хвала и жертва Богу, Который подъ ноги королевскія положилъ врага и покорилъ „распорядительнаго въ дѣлахъ военныхъ вождя и народы, возмужавшіе для громкихъ битвъ”. Васъ же, г. гетманъ, „за храбро совершенные труды” король признательно благодарить предъ всѣми и не преминетъ украшать дальнѣйшими почестями въ примѣръ и поощреніе другимъ, ими ваше разнесется у народовъ.

„Что-жъ до тѣхъ людей, которыхъ ваша милость отдавать (prezentować) изволите его королевской милости, то они, въ семь своемъ несчастіи и наказаніи Божиємъ, могутъ утѣшать себя, что достались въ руки не жестокосердаго, но благочестиваго и христіанскаго государя”. Рыцарство, о которомъ говорили, король не оставитъ своими наградами за труды. „Рѣчь же Посполитая да радуется вмѣстѣ съ своимъ государемъ”: и эти триумфы, и все показываетъ, что „онъ ничего не искалъ для себя; славу свою съ вашею, добро свое съ отечественнымъ онъ общими всегда хочетъ имѣть”, довольствуется онъ лишь благодарностію вѣрныхъ подданныхъ своихъ, и желаетъ и ожидаетъ, что и „вы сами въ той же мѣрѣ не отступите отъ своей славы и достоинства, это и будетъ для него выраженіемъ благодарности”.

„Вотъ стоятъ и воеводы упорнаго Смоленска, свидѣтельство постоянства и личнаго труда его королевской милости... Собственность великаго княжества Литовскаго возвращена въ достояніе всей Рѣчи Посполитой. Государь нашъ изволилъ выполнить свою присягу”. Надо только продолжать; дѣло требуетъ помощи, довершенія.

„Посему будетъ вашимъ долгомъ не давать унасть стростию вашей славы отъ какого-либо (Боже унаси) разногласія, раздора, какъ бы отъ стихійнаго бѣдствія, и погибнуть столь прекрасному, по всему міру славному, труду короля и государя нашего. Если его королевская милость приносить на это не только достояніе, но и здоровье свое государево, если онъ не хочетъ оставлять славы вашей милости: то, ради Бога, съ какимъ

сознаніемъ, по какимъ соображеніямъ рѣшился бы кто оставить такого рачительнаго короля и такое великое дѣяніе? И хотя его королевское величество изволить быть увѣреннымъ въ томъ, что ваша милость и думаете, и совѣтуете, и поступаете во имя пользы отечества, онъ опасается однако, чтобы, изъ-за откладыванія этихъ дѣлъ, не ушло самое время, и время невозвратимое, послѣ чего все стало бы тщетнымъ (*post haec occasio calva*). Отстраняя дѣла, поправимыя со временемъ, надо теперь выполнить тѣ, которыя могли бы довести до потребнаго ижелаемаго конца, на которыя смотрять и обширныя государетва, и все христіанство" ¹⁾).

За Крыскимъ, говорившимъ отъ имени короля и правительства, благодарилъ гетмана и войско, участвовавшее въ Московскомъ походѣ, отъ имени земскихъ пословъ и вообще Рѣчи Посполитой маршалъ посольской избы.

„Актъ этотъ, столь славный, великій и никогда въ Польшѣ не виданный”, близился къ окончанію, не производя однако вполне достаточнаго удовлетворенія. Лица, „освѣдомленные” и „вникавшія въ него глубже”, смотря на происходившее предъ глазами, „одобряли, правда, все это дѣяніе, выполненное хорошо и сообразно съ потребностію” („*dobrze y według potrzeby*”): ибо они знали и видѣли, почему все это дѣлается такъ, а не иначе. Тѣмъ не менѣе, „обращая вниманіе и на другую сторону дѣла”, они были недовольны содержаніемъ рѣчей относительно Шуйскихъ, главнымъ образомъ мягкостію рѣчи самого Жолкѣвскаго. Они

¹⁾ Рѣчь Крыскаго въ Библиотекѣ Красинскихъ, подъ разными заглавіями, въ рукоп. В, I, 7: „*Mowa jego męcy pana kancelerza coronnego Szczęsnego Kryskiego przy oddawaniu carów moskiewskich na seymie*”; рукоп. В, I, 8: „*Dziękowanie k. j. m. przy oddawaniu więźniów (cara Wasila Szuyskiego z bracią) j. mci panu hetmanowi coronnemu (Żółkiewskiemu 1611 w Warszawie podczas seymu)*”; рукоп. В, I, 59: „*Respons j. mci pana Kryskiego, podkanclerzego coronnego, na przemowę pana hetmana Żółkiewskiego przy oddawaniu cara moskiewskiego z bracią jego w zenacie anno 1631*” (*sic*). Тексты тождественны, варианты въ нѣкоторыхъ словахъ, преимущественно во второй рукописи. Главные варианты ея въ началѣ и въ концѣ. Начинается: *Ceremonia ta, mciwy panie hetmanie, jeśli kiedy w Polsce na tym miejscu bywała, rzecz sama y powaga ieu pokazue*; въ послѣднемъ выраженіи вмѣсто „*szeroke państwa*” стоитъ „*szeroke pogaństwa*”. *Pisma St. Żółkiewskiego, dodatek, № 47; брошюра А., Z dziejów Warszawy, 8—12.*

„признавали весьма необходимымъ, чтобы были приведены на память и изложены поступки этихъ людей, особенно самого царя, и указано, что онъ—тотъ, кто измѣнилъ своему коронованному государю Дмитрію, принесъ ему присягу и признавъ его государемъ; что онъ скорбилъ пословъ короля его милости, отпавленныхъ въ Москву, а въ послахъ—лицо короля; что онъ послужилъ причиною убійствъ, большого пролитія польской крови и умерщвления канлана. По ихъ мнѣнію, и самъ панъ Мнишекъ, сендомирскій воевода, долженъ былъ бы, поднявшись, торжественно указать на оскорбленіе, поруганіе своей дочери, уже коронованной царицы, на то, до чего дошла она”, на свои собственныя напасты, и „усиленно, неотступно приносить за нихъ жалобы; надо было бы указать и на настоящую войну и на то, какъ онъ (Шуйскій) относился къ королю его милости, что онъ говорилъ, что онъ дѣлалъ, да и теперь, хотя онъ въ заключеніи и въ плѣну, съ какимъ упорствомъ держитъ себя по своей жестокой натурѣ, ставя все ни во что и надъ всѣми насмѣхался“ („*y teraz, choć w więzieniu jest y w niewoli, iakiego proru z natury swey okrutney zażywa, lekce sobie wszystko poważaiąc y ieszcze wszystkim potrzasaiać*”¹⁾).

Такого и подобнаго рода обвиненія и укоры, очевидно, и входили въ первоначальный планъ церемоніи выдачи Шуйскихъ на сеймѣ, разбившійся однако объ „упорство“ Василя Ивановича. „Надобность“ выраженія ихъ на сеймѣ оставалась лишь въ мысляхъ и желаніяхъ „нѣкоторыхъ“ изъ присутствовавшихъ, но осуществиться не могла²⁾. Въ своей ораторіи Жолкѣвскому при-

¹⁾ Приложенія, кн. 1, № 1.

²⁾ Правда, у Костомарова, напримѣръ, читаемъ: „Когда кончилась рѣчь (маршала посольской избы), всталъ съ своего мѣста Мнишекъ и громогласно потребовалъ правосудія. Онъ вспомнилъ о коварномъ убійствѣ Дмитрія”.... (Монографія, VI, 199—200). Или у Соловьева: „Въ толпѣ пановъ радныхъ послышались голоса, которые требовали не жалости, но мести Шуйскому, какъ виновнику смерти многихъ поляковъ; раздался голосъ Юрія Мнишка, который требовалъ мести за дочь свою” (VIII, 369). Сего не было. Въ подлинникѣ прямо говорится: „*ci, co głębiey rzeczy uważali, ... tego być w. p ó t r z e b ę u d a w a l i w s p o m n i e ć v p r z e ł o ż y ć t y c h l u d z i t a k i e h f a c i n o r a , w ł a s z e z a (s i e) c a r a s a m e g o . . . ; t r z e b a b y ł o , a b y s i ę b y ł n a t e n c z a s y s a m p . M n i s z e k , w o j e w o d a s ę d o m . , p o w s t a w s z y o z w a ł y i n s t a n c i ą u c z y n i ł . . . ; t e y t y m p o d o b n e r z e c z y w i ę c e y n i e k t ó r z y u p a t r o w a l i ,*

плось держаться въ общихъ, отвлеченныхъ сферахъ и „передать“ Шуйскихъ даже „не какъ плѣнниковъ, но какъ примѣръ измѣнчиваго счастья“. Вынужденный обстоятельствами, бывший царь еще могъ согласиться, чтобы общія, не затрогивавшія его лично, разглагольствованія выслушать молча и, слушая ихъ, выолнить обрядъ отдачи поклоновъ. Но какъ смолчалъ бы онъ, если бы обвиняли его за „измѣну коронованному государю Дмитрію“, за все дѣйствія противъ поляковъ, короля и Польши, какъ онъ могъ бы спустить Мнишку? Самозванство Лжедмитрія I и многія изъ интригъ въ пользу его со стороны польскаго правительства Василию были извѣстны не хуже, чѣмъ самому Сигизмунду, и малѣйшее укоризненное упоминаніе о томъ должно бы вызвать со стороны его рѣзкій укоръ Рѣчи Посполитой, что она, вопреки своимъ мирнымъ договорамъ съ Москвою, привела авантюриста и нанесла столько вреда Московскому государству, а затѣмъ мѣшала и Василию уставить въ государствѣ порядокъ, могъ онъ обрисовать и дѣйствія „гостей“ Лжедмитрія I, раздражившія жителей Москвы; оборвать же Мнишка ему легко было однимъ указаніемъ на то, что, не ограничившись I-мъ Самозванцемъ, онъ съ своей дочерью не постыдился, съ нарушеніемъ даже нарочитаго договора, принять и Второго Самозванца, по корысти¹⁾ отожествивъ его съ Первымъ... Такія обличенія на сеймѣ уронили бы церемонію торжественной отдачи несравненно сильнѣе, чѣмъ испорчена была сцена подъ Смоленскомъ рѣшительнымъ отказомъ Шуйскаго. Возможно, что, согласившись вынести церемонію молча, безъ возраженій, Василій, зная хитрость Жолкѣвскаго, своеволие шляхты и настроеніе Мнишка, опасался не сдержанія условій съ ихъ стороны, и переносимое имъ униженіе пропало бы понапрасну, если бы онъ долженъ былъ нарушить молчаніе. Недаромъ онъ, какъ замѣтили, „не безъ страха“ внимательно при началѣ сцены осмотрѣлъ всѣхъ, отъ Сигизмунда до Мнишка; не даромъ онъ, какъ утверждали, „опасался“, и „ожидалъ“, какъ бы не вышло такихъ и подобныхъ рѣчей и указаній. А вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ ему не была вполне понятна вся безнадежность защиты и разоблаченій,

że ich było wnieśó trzeba“... (Приложенія, кн. 1, стр. 3). Другихъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ. ¹⁾ Б у т у р л и н а, Исторія Смутаго времени, прил., № IX—X.

которыхъ отъ него никто не желалъ, и развѣ онъ не сознавалъ и не зналъ, къ чему бы привели они теперь его и его братьевъ?!...

Рисковать порчею впечатлѣнія не было также расчета ни королю, ни панамъ. Польское правительство хлопотало теперь совсѣмъ не о „чести“ Лжедмитрія I, чрезъ котораго оно нѣкогда ожидало и надѣялось получить даромъ Смоленскую и Сѣверскую области и распространить религіозную унию въ Московскомъ государствѣ, не говоря уже о другихъ выгодахъ; но въ чемъ весьма ошиблось. Теперь, на сеймѣ, онъ прямо официально назывался Отрепьевымъ и проходимцемъ, который самъ мечталъ овладѣть польскою короною, приготовляя войско къ походу во время замѣшательства въ Польшѣ. Еще менѣе думало польское правительство обългать „честь“ и „права“ Второго Самозванца, о которомъ также объявлялось сейму, что онъ мечталъ, овладѣвъ московскою казною, двинуться на Польшу. Во мнѣніи польскаго правительства „Калужанинъ“ (Калужскій воръ) былъ еще ниже Лжедмитрія I, и Жолкѣвскій въ своихъ „Запискахъ о Московской войнѣ“ презрительно выражается о немъ: „этотъ франтъ“ и проч. Марина, съ ея претензіями въ пользу свою и ея сына отъ Лжедмитрія II, казалась смѣшной и могла служить лишь помѣхой. Король и сеймъ уже явно заявляли планы о продолженіи Московской войны съ цѣлью подчиненія Московскаго царства прямо Польско-Литовскому государству. Отецъ Марины рѣшительно не годился теперь для роли обвинителя Шуйскихъ; онъ самъ еще до представленія ихъ долженъ былъ, какъ мы видѣли, оправдываться отъ рѣзкихъ обвиненій и обличеній за связи свои и дочери съ обманщиками Отрепьевымъ и Вторымъ Самозванцемъ.

Словомъ, существовали немаловажныя причины, чтобы, ко взаимной выгодѣ и Шуйскихъ, и устроителей торжественной сцены, „умышленно умолчать о томъ“. Для устроителей сцены это было даже болѣе выгоднымъ, — иначе, они, конечно, не постѣснились бы съ Шуйскими, соблюденіе достоинства и интересовъ которыхъ ихъ мало озабочивало. Такое умолчаніе, избавляя ихъ отъ опаснаго риска, давало еще поводъ людямъ не посвященнымъ думать, что это сдѣлалось по „монаршей королевской милости“, и всѣмъ прославлять „великодушіе“ Сигизмунда.

Хотя въ глазахъ Шуйскаго и^н подмѣтили, съ какой проницей онъ относился къ торжеству надъ нимъ, „ставя все ни во что и надъ всѣмъ насмѣхаясь“: но Сигизмундъ не могъ быть недоволенъ уже и тѣмъ, что Василій вынесъ это молча и выполнилъ всѣ требованія виѣшной покорности. Сохранилось извѣстiе, что король, въ заключенiе, не только повелѣлъ поднести Шуйскимъ дорогiя одежды, въ которыя ихъ облачили, но и „словами, полными доброты“, завѣрилъ, что ихъ будутъ содержать со всѣмъ почетомъ, послѣ чего далъ имъ стражу изъ благородныхъ лицъ и приказалъ отвести ихъ въ назначенныя для нихъ помѣщенiя¹⁾.

Иѣчто подобное повторилось и съ остальными почетными плѣнными, т. е. съ Шеннымъ и его товарищами, которые заявлять свою покорность и выпрашивать себѣ милости должны были, навши на колѣна²⁾.

¹⁾ ... e con ogni affetto quelli alla bontà, e clemenza di sua maestà hebbe raccomandati, quale fatto portare vesti ricchissime, e di gran prezzo, ne fece vestire il detto imperatore e fratelli, e con parole piene di pietà fattigli accertare, che sarebbono con ogni decoro e honore trattati; assegnatogli quella custodia di gentiluomini, che allo stato loro conveniva, comandò che fussero condotti alli deputati alloggiamenti; dove furono poi tenuti sotto bonissime guardie, et honesto trattenimento“. A. Cilli, 164. Если это извѣстiе вѣрно, то придется допустить, что Шуйскiе были поставлены на сеймѣ сначала въ убогихъ одеждахъ, на что какъ бы намекается и въ рѣчи Жолкѣвскаго.

²⁾ „Si come anco fu fatto a tutti gl'altri prigioni“. Cilli, 164. „Tuż zaraz y inni, jako Sehin, Filoret y dwa Gallicyni, przyklekną na kolana“. Twardowski, 38.—За сообщенiями, сдѣлавшимися за послѣднее время (съ общихъ словъ Niemcewicz'a, III, 23, у Костомарова, VI, 197, автора „Z dziejów Warszawy“ и др.) вполне категорическими, что съ Шуйскими и Шеннымъ поставлялись на сеймѣ митрополитъ Филаретъ Никитичъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ, нельзя признать достовѣрности, хотя извѣстiя о томъ появились очень рано (какъ видѣли, еще у Twardowskiego, а также у Golińskiego—Приложенiя къ изслѣдованiю, кн. 2, № 189, и др.). Воеводу Шенна, архіепископа Сергія и другихъ защитниковъ Смоленска, взятыхъ при паденiи города, польское правительство могло еще поставить на сеймѣ плѣнными и принуждать ихъ просить о милости: но какъ выставили бы тутъ подобнымъ образомъ главъ Великаго московскаго посольства—митр. Филарета и кн. В. В. Голицына? Законность ихъ плѣна возбуждала сомнѣнiе и вызвала горячiй споръ между нѣкоторыми польскими канонистами (Niemcewicz, II, 506). И въ такой ли уже степени отуманено было сознание членовъ сейма, чтобы никому изъ нихъ не попретило столь грубое нарушенiе международнаго права относительно личности пословъ, которые здѣсь должны были бы на колѣняхъ испрашивать себѣ прощенiе и милость? Мы уже знаемъ, какъ самъ Жолкѣвскiй отнесся къ нимъ, когда ихъ везли въ плѣнъ въ Каменку (см. выше, II гл., 38 стр.). Въ пропозиціи и другяxъ упоминанiяхъ на сеймѣ о московскихъ

Что, по требованію обстоятельствъ, не было договорено во время представленія, то получило свое выраженіе въ грамотѣ (24 октяб. / 3 ноября), которою „священное королевское величество дарилъ и включалъ въ составъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго княжество Сѣверское вмѣстѣ съ землею и крѣпостью Смоленскою, отобранныя отъ Москвы, и всѣ прочія провинціи въ Московскомъ государствѣ, какъ уже добытыя и приобрѣтенныя, такъ и впредь могущія быть приобрѣтенными”¹⁾. Своему тщеславію и религіозно-политическимъ мечтамъ Сигизмундъ далъ уже тутъ широкую волю. О народѣ, надъ которымъ домогался царствовать, но который рѣшительно не хотѣлъ его, онъ не скунился на заносчиво-унизительныя сужденія, почти до того цинизма, какой видимъ въ его тайныхъ письмахъ къ Жолкѣвскому. Съ крайней узостью и односторонностію обрисовывалъ онъ дѣйствія бывшаго въ плѣну царя, родовитаго Шуйскаго, съ которымъ предъ тѣмъ состоялъ въ равныхъ перемирныхъ отношеніяхъ. Напрягая теперь свои усилія, чтобы очернить и унизить происхожденіе и дѣла бывшихъ московскихъ государей, онъ обнаруживалъ тѣмъ полное свое непониманіе, или нежеланіе

послалъ и въ намека, чтобы члены Великаго посольства находились тутъ; Крыскій, въ своей отвѣтной рѣчи Жолкѣвскому, указывалъ, какъ на присутствовавшихъ, только на Шуйскихъ и на „воеводу упорнаго Смоленска“ (выше, стр. 54). Жолкѣвскій же сообщаетъ въ своихъ Запискахъ (119—120 стр.): отъ Смоленска „въ Каменку подъ Львовъ препроводилъ ихъ (пословъ) староста брацлавскій Скуминъ, при помощи Мясковского, который и находился тамъ при нихъ болѣе полугода, покажетъ, наконецъ, зимою послѣ Новаго Года, по приказанію е. в. короля, не привезъ ихъ въ Варшаву”. Слѣдовательно, во время октябрьскаго сейма 1611 года послы были на мѣстѣ первоначальнаго своего заточенія, въ Каменкѣ, а не въ Варшавѣ, куда привезли ихъ только уже въ началѣ слѣдующаго 1612 года, по отсылкѣ отсюда Шуйскихъ, что подтверждается и приходорасходными казенными книгами по ихъ содержанію, которое въ Варшавѣ имъ выдавалось лишь съ 15/25 января 1612 года (Приложенія къ изслѣдованію, кн. 2, № 7, стр. 16). Пребываніе великихъ пословъ въ Варшавѣ, особенно царскаго отца, митрополита, впоследствии патріарха Филарета, осталось въ народной памяти; это потому, разумѣется, и послужило поводомъ къ молвѣ, будто ихъ, а не архіепископа Сергія и иныхъ именитыхъ смолянъ представляли на сеймѣ. Ср. D a r o w s k i e g o, *Jeniesz talborgaki, Biblioteka Warszawska*, 1895, III, 99—100 (о пребываніи пословъ въ Каменкѣ излагаетъ по Жолкѣвскому).

¹⁾ Дарственную грамоту эту, найденную нами въ Коронной метрицѣ (Приложенія къ изслѣдованію, кн. 2, № 1), приводимъ въ переводѣ, составленномъ при любезномъ содѣйствіи профессора римской словесности въ Варшавскомъ университетѣ С. И. Вѣхова.

понять, великаго историческаго значенія естественной объединительной политики собирателей Руси, считавшихъ себя прямыми наслѣдниками достоянія Александра Невскаго, Владиміра Мономаха и Владиміра Святого, а также бывшихъ въ кровномъ родствѣ и съ Ягеллонами. За то король не поскунился на льстивыя похвалы людямъ, отъ которыхъ зависѣло избраніе на польскій престоль, и былъ непомѣрно щедръ въ возвеличеніи своихъ правъ и заслугъ, а равно и въ дарахъ Рѣчи Посполитой всего, не только находившагося отъ него въ той или иной зависимости, но и того, чего еще не имѣлъ. Все, что было приобрѣтено во время Московскаго похода, какъ состоявшее преже во временномъ владѣніи Польши и Литвы, такъ и не принадлежавшее имъ, всѣ крѣпости, города и области, занятыя польскими отрядами и добровольно или по принужденію признававшіе его власть, онъ навсегда и неизмѣнно присоединялъ и дарилъ, со всѣмъ населеніемъ, достояніемъ и доходами, Польскому королевству и великому княжеству Литовскому, съ условіемъ, чтобы послѣдующіе свободно и законно избранные и коронованные польскіе короли владѣли и управляли ими не отъ своего имени, а отъ королевской короны (*non suo, sed regiae iure*), располагали и пользовались ими согласно съ постановленіями государственныхъ чиновъ; равнымъ образомъ, поступало въ общее пользованіе Рѣчи Посполитой все, что впоследствии съ помощью государственныхъ чиновъ будетъ имъ приобрѣтено.

Въ данномъ письменномъ актѣ, явившемся въ пору наибольшаго торжества Польши надъ Москвой, съ особою полнотою и рельефностію отлились основныя возрѣнія Сигизмунда и единомышленнаго съ нимъ польскаго правительства, также ихъ цѣли и средства, въ отношеніяхъ къ Русскому востоку.

Во имя Господа. Аминь. На вѣчную память о дѣлѣ.

Сигизмундъ III, Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмудскій, мазовецкій, ливонскій, а также наслѣдный король шведскій, готтскій и вандалскій.

Сею нашею грамотою объявляемъ всѣмъ и каждому, кого касается, въ настоящее время и будущее:

Славою сіяетъ у потомства память тѣхъ государей, которые благу отечества посвятили всѣ свои усилія и дѣйствія и для его прославленія и возвеличенія принесли въ жертву не только свое до-

стояніе, но даже и самую жизнь. Ибо когда о подвластныхъ себѣ народахъ съ пользою пекутся тѣ, которымъ заботу о нихъ ввѣряетъ Верховный Управитель міра, то весь человѣческій родъ состязается въ ихъ прославленіи и никакая продолжительность времени не ослабляетъ ихъ чести и славы. Многіе удачно способствовали преуспѣянію возникавшихъ государствъ и связали съ своимъ именемъ зарождающуюся судьбу основанныхъ ими царствъ. Однако не менѣ велика слава и тѣхъ, которые не только благоразумно сохранили пріобрѣтенное доблестію предковъ, но также мужественно отобрали то, что было утрачено по несправедливости обстоятельствъ и людей, и, прогнавъ незаконныхъ обладателей, возстановили предѣлы государства или даже и расширили ихъ правою войной. Но тогда только слава истинна и прочна, когда оружіе поднимается противъ сосѣднихъ народовъ не ради властолюбія, но ради блага и счастья тѣхъ самихъ, съ которыми ведется война и, прежде всего, для распространенія истиннаго почитанія Божественнаго имени и чтобы варварскіе и дикіе народы, привыкшіе къ рабству, привести къ почитанію добродѣтели и честности, къ благочестію и религіозности. Подобно тому, какъ нѣкоторымъ изъ дикихъ звѣрей, ради ихъ самихъ, полезно быть пойманными, прирученными и укрощенными стараніемъ человѣка, такъ покореніе людекаго племени, чуждаго общей гражданственности, для упорядоченія его правовъ и сличенія его посредствомъ твердыхъ законовъ въ одно государственное тѣло, всегда считалось достойнымъ королевской доблести и полезнымъ для всего міра.

Намъ лично представился удобный случай къ благополучному исполненію предпріятія и къ успѣшному прославленію нашего имени счастливымъ предводительствомъ, въ виду поставленной нами себѣ цѣли — предпринявъ справедливую и необходимую войну противъ москвитянь, всегдашнихъ враговъ королевства, отомстить законнымъ оружіемъ и за оскорбленіе, причиненное нарушеніемъ договора, и за ущербъ отъ захвата провинцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ упорядочить и ознакомить съ болѣе человѣчными учрежденіями народъ варварскій по своей дикости и суевѣрный въ своемъ исповѣданіи. Князья московскіе, на памяти нашихъ дѣдовъ происшедшіе изъ ничтожества, коварствомъ и силою покоривъ и истребивъ носившихъ древнее имя князей Руси, соединенныхъ съ нами кровью Ягеллонскаго рода и подчиненныхъ, въ силу договоровъ и вассальной зависимости королевству Польскому и великому княжеству Литовскому, къ великой опасности сосѣднихъ народовъ положили основаніе тираническому государству; вскорѣ, не довольствуясь и этимъ, они отторгли отъ тѣла королевства наслѣдственное достояніе славной

Рѣчи Посполитой, добытое кровію предковъ, княжество Сѣверское, область Смоленскую и всю эту земельную полосу, признававшую власть нашихъ предковъ, захватили славную провинцію Ливонію, неоднократно предавали огню и мечу великое княжество Литовское, весьма часто нарушали договоры и соглашенія и сохраняли твердый, прочный миръ лишь тогда, когда для нихъ это было выгодно. И хотя неправо владѣніе Ливоніей и Полоцкой крѣпостью было отнято у нихъ предшественникомъ нашимъ, блаженной памяти Стефаномъ, оставались однако старая рана и воспоминаніе о полученныхъ обидахъ, которыя, уже въ пору нашего правленія, еще увеличилъ Василій Шуйскій.

Вознамѣрившись уничтожить челоуѣка, который, ложно присвоивъ себѣ имя Іоаннова сына Димитрія, захватилъ верховную власть, Шуйскій хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ насытить исконную ненависть къ нашимъ гражданамъ, которые, приглашенные подъ видомъ дружбы отъ имени государства, отправились туда съ блестящей, но безоружной свитой, безъ всякаго опасенія, и среди самаго священнодѣйствія гостепріимной трапезы онъ однихъ изъ нихъ предалъ своимъ слугамъ на убіеніе, а другихъ, а въ ихъ числѣ также нашихъ пословъ, по международному праву неприкосновенныхъ, заключилъ подъ стражу, обходился съ ними оскорбительно и отпустилъ ихъ, даже послѣ нашихъ настояній, только подъ давленіемъ крайней необходимости, когда многіе уже умерли отъ постыдной неволи и невыносимаго заточенія; не принадлежавшую ему княжескую власть захватилъ онъ обманомъ и преступнымъ насиліемъ.

Недостойно было нашего величія и совсѣмъ не отвѣчало видамъ государства, чтобы частный челоуѣкъ удерживалъ въ своихъ рукахъ обладаніе сосѣднимъ княжествомъ, дружественнымъ къ намъ и находящимся подъ нашимъ вліяніемъ. Сами москвитяне, привыкшіе повиноваться государямъ царской крови, очевидно, не были склонны терпѣть его, довольно ясно обнаруживая желаніе имѣть царя и властителя изъ царскаго рода, и нѣкоторые изъ знатныхъ призывали насъ. Граждане наши, поднявшіе противъ него оружіе не въ маломъ числѣ, но по частному почину, и остававшіеся тамъ подъ разными предлогами, изнуренные и истощенные продолжительною войною, подвергались крайней опасности, еслибъ мы своевременно не помогли имъ и не взяли на себя продолженія съ бѣльшими силами войны, начатой ими. Наконецъ, другіе государи, отчасти варварскіе, отчасти же недостаточно дружественно къ намъ и польскому народу расположенные, угрожали захватомъ этой, какъ бы незанятой, правительственной власти. А между тѣмъ, ведя свой родъ по материнской линіи отъ русскихъ князей и являясь преемникомъ королямъ, которые

владѣли этими народами, покъ ривъ ихъ побѣдою своимъ оружіемъ, мы вызывались и побуждались къ военнымъ дѣйствіямъ правомъ крови и древняго наслѣдства, а также и новыми обидами.

Поэтому, сообщивъ высокимъ сенату и государственнымъ чинамъ на послѣднемъ сеймѣ о нашемъ намѣреніи отобрать наши и государства нашего провинціи у тѣхъ, кто давно уже захватилъ и удерживалъ ихъ, и завладѣвшихъ чужимъ лишить, въ наказаніе за ихъ преступленіе и за нарушеніе договора, ихъ собственныхъ земель, мы наконецъ рѣшились обнажить оружіе, на томъ однако основаніи и съ тѣмъ добровольно на себѣ принятымъ условіемъ, чтобы все пріобрѣтенное и возвращенное этой войною подчинить не намъ и нашимъ дѣтямъ, а Коронѣ и великому княжеству Литовскому. Такъ поступить побуждала насъ не только самая справедливость, но стремились мы къ тому и по особому нашему расположенію къ симъ славнымъ народамъ, которые насъ, проиходящихъ отсюда по материнской крови, призвавъ изъ наслѣдственнаго нашего королевства и избравъ свободнымъ голосованіемъ, пожелали имѣть въ ихъ главѣ и которые предоставили намъ этотъ славный королевскій престолъ, отстоявъ его своею кровію отъ соперниковъ, и въ лицѣ нашемъ почтили память нашихъ предковъ. Такъ какъ, собравъ войско и объявивъ походъ, предъ самымъ отправленіемъ сначала въ Люблинъ, въ присутствіи весьма многочисленнаго собранія сената и рыцарскаго сословія, а затѣмъ и въ Вильнѣ, мы дали наше королевское слово исполнить это и приняли на себя предъ государствомъ обязательство, то теперь, наконецъ, овладѣвъ силою и послѣ продолжительной осады Смоленскою крѣпостью, возвративъ большую часть Сѣверскаго княжества, взявъ въ плѣнъ Василя Шуйскаго вмѣстѣ съ братьями, помѣстивъ гарнизонъ въ самой столицѣ всей Московіи, покоривъ и опустошивъ многія провинціи этого княжества и защитивъ оружіемъ старыя права Рѣчи Посполитой, мы настоящимъ актомъ заявляемъ и доводимъ до всеобщаго свѣдѣнія слѣдующее:

Все, что подъ нашимъ высшимъ начальствомъ во время сего двухгодичнаго похода съ великимъ нашимъ трудомъ и опасностью для жизни и здоровья добыто и пріобрѣтено въ Московскомъ царствѣ, крѣпости и провинціи, какъ нѣкогда принадлежавшія Польшѣ и Литвѣ, такъ и другія, вновь покоренныя, которыя заняты нашими войсками и добровольно или по принужденію признаютъ нашу власть, со всеми вассалами, дворянами и подданными и съ доходами и пользами отъ нихъ мы возвращаемъ, отдаемъ, даримъ и подчиняемъ въ вѣчное и неотъемлемое владѣніе Коронѣ и великому княжеству Литовскому и присоединяемъ къ достоянію государ

ства, съ тѣмъ, чтобы послѣдующіе польскіе короли, свободно избранные и коронованные по законамъ королевства, владѣли этими провинціями, княжествами, крѣпостями, областями и землями и управляли ими отъ имени не своего, но королевской короны, и чтобы распоряжались и пользовались ими согласно съ мнѣніемъ государственныхъ чиновъ, какъ будетъ признано лучшимъ, болѣе полезнымъ и удобнымъ. Равнымъ образомъ, все, что будетъ впродолженіе добыто и приобрѣтено съ помощью государственныхъ чиновъ, поступить въ общую пользу Королевства и великаго княжества Литовскаго.

И мы даемъ священное увѣреніе и обѣщаніе ненарушимо соблюдать это, въ твердой надеждѣ, что наши вѣрные подданные съ благодарностію примутъ наши труды и столь великое наше усердіе на пользу Рѣчи Посполитой, всѣми силами будутъ продолжать счастливо начатое великое и многотрудное дѣло и при устройствѣ областей, присоединяемыхъ нашими стараніями, позаботятся по достоинству и справедливости и о нашихъ дѣтяхъ, дабы потомству было очевидно, что они съ тѣмъ же искреннимъ расположеніемъ и усердіемъ чтутъ королей, оказавшихъ государству важныя услуги, какъ ихъ предки чтили королей достославной памяти, въ особенности нашего материнскаго рода.

Итакъ, чтобы настоящая грамота навсегда сохранила свою силу, мы, подписавъ ее собственноручно, повелѣли скрѣпить печатью нашего величества и одинъ экземпляръ ея передать высокопреосвященному во Христѣ отцу Альберту Барановскому, архіепископу гнѣздненскому, примасу и первому князю нашего королевства, а другой — помѣстить въ нашемъ Архивѣ.

Данъ въ Варшавѣ, на общемъ сеймѣ королевства, въ третій день (н. ст.) мѣсяца ноября, въ лѣто Господне тысяча шестьсотъ одиннадцатое, царствованія же нашего въ Польшѣ двадцать четвертое, а въ Швеціи восемнадцатое, въ присутствіи преосвященныхъ, преподобныхъ, ясновельможныхъ и вельможныхъ, достопочтенныхъ и благородныхъ: архіепископовъ—Альберта Барановскаго, архіепископа гнѣздненскаго, непремѣннаго (напскаго) легата, примаса и перваго князя нашего королевства, и Іоанна Замойскаго, львовскаго, епископовъ—Петра Тылицкаго, краковскаго, Лаврентія Гембицкаго, владавскаго и померанскаго, великаго короннаго канцлера, Бенедикта Войны, виленскаго, Мартина Шишковскаго, плоцкаго, Симона Рудницкаго, варминскаго, Станислава Сѣцинскаго, перемысльскаго, Матвѣя Конопцакаго, хельминскаго, Георгія Замойскаго, холмскаго, Христофора Казимирскаго, кievскаго, Оттона Шенкингъ, венденскаго, Януша князя Острожскаго, кастеляна краковскаго, воеводъ:

Іоанна графа Остророга, познанскаго, Станислава Бижовскаго, сѣрадскаго, Адама Сендзивога изъ Чарикова, ленчицкаго, генеральнаго старосты Великой Польши, Станислава Жолкѣвскаго, кievскаго, короннаго гетмана, Михаила Дзялинекаго, иноврацлавскаго, Станислава Гульскаго, рускаго (т. е. Червонной Руси, львовскаго). Николая Глѣбовича, смоленскаго, кастеляновъ: Іоанна изъ Горки Ропковскаго, познанскаго, Станислава графа Тарновскаго, сендомиракаго, Адама изъ Змигорода Стадницкаго, калишекаго, и иныхъ весьма многихъ нашихъ сановниковъ, чиновниковъ и придворныхъ, а равно земскихъ депутатовъ, собранныхъ на настоящемъ сеймѣ.

Сигизмундъ, король.

Пышная сія грамота, при всей заманчивости своихъ политическихъ горизонтовъ, не произвела ожидаемаго дѣйствія, явно убѣждая государственныхъ чиновъ лишь въ крайне усиленныхъ династическихъ желаніяхъ и стремленіяхъ Сигизмунда, о каковыхъ догадывались они и ранѣе¹⁾. Поддерживавшій короля въ его восточной политикѣ, архіепископъ гнѣздненскій, заявивъ на сеймѣ, что слѣдуетъ благодарить короля за сдѣланныя и желаемыя имъ пріобрѣтенія для Рѣчи Посполитой, и усматрѣвъ въ „счастіи, чудесно дарованномъ ему Богомъ“ — „знакъ Божія провидѣнія и воли“, чтобы онъ „завладѣлъ Московскою монархіей“, присоединялъ²⁾: „Польскій народъ слыветъ своею благодарностію и довѣріемъ къ государямъ своимъ. Надѣюсь, что и мы, и потомство наше будемъ съ благодарностію вспоминать это благое дѣло и что потомство вмѣнить вашему королевскому величеству его въ заслугу“. Подобными общими заявленіями лицъ единомышленныхъ и приходилось довольствоваться королю.

Шуйскихъ продолжали содержать въ назначенныхъ имъ помѣщеніяхъ, подъ довольно почетною стражей. Относились къ нимъ прилично. На содержаніе³⁾ ихъ съ ихъ людьми и приставамъ

¹⁾ Самъ Сигизмундъ еще подъ Смоленскомъ писалъ Жолкѣвскому о носившихся въ Польшѣ слухахъ, что онъ цѣною Рѣчи Посполитой ищетъ прибыли не для нея, а для себя и своего потомства. Къ исторіи Смутаго времени, № 17.

²⁾ *Puncta sententiae jęgo mości x. arcybiskupa gnieznieńskiego*, тамъ же, отд. IV.

³⁾ Приложеніа къ изслѣдованію, кн. 2, № 6.

Збигнѣвымъ Бобровницкимъ отпускалось (съ 22 окт. / 2 ноября) изъ королевской казны по 230 злотыхъ 20 грошей въ мѣсяць (34 руб. 60 коп.).

Судьбой и личностью Василія заинтересовался находившійся въ Варшавѣ турецкій посоль. Пируя за королевскимъ столомъ, онъ пожелалъ видѣть бывшаго московскаго государя. Польскія отношенія съ Турціей не отличались довѣріемъ; нѣкоторая сдержанность султана вызывалась временно обстоятельствами. Сигизмундъ тайно готовился вступить противъ него въ союзъ съ императоромъ, у Василія же съ султаномъ не велось серьезной вражды. Сталкиваясь съ Польшей, Шуйскій старался воздерживаться отъ недоразумѣній и распри съ турками, значительно полагая тѣмъ начало систематически-последовательной внѣшней политикѣ ближайшихъ за нимъ московскихъ государей — сдержанному, выжидательному положенію въ отношеніи къ Турціи и возможно пастойчивому движенію противъ Польши, ускорившему паденіе самого Шуйскаго, но чрезъ нѣсколько десятилѣтій приведшему уже къ присоединенію Малороссіи. Султанъ, занятый враждой съ Персіей и Австріей и внутренними мятежами, былъ въ свою очередь связанъ этими обстоятельствами, чтобы не двигать турецко-татарской орды на Москву, вызывавшую со временъ Грознаго опасенія и активность въ туркахъ изъ-за Крыма и изъ-за сочувствія къ ней ихъ христіанскихъ подданныхъ.

Желаніе посла видѣть плѣннаго государя было выполнено. Шуйскаго привели въ царской одеждѣ и посадили противъ турка. Этотъ смотрѣль, не говорилъ ни слова, затѣмъ, какъ прибывшій съ цѣлю расположить Сигизмунда въ пользу султана, началъ, съ восточнымъ краснорѣчіемъ, превозносить счастье короля, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ имѣлъ въ своихъ рукахъ плѣннымъ соперника на польскую корону Максимилиана Австрійскаго, а нынѣ держитъ въ плѣну мощнаго царя московскаго. Оскорбленный лестью королю, Василій замѣтилъ: „Не дивись моей участи. Я былъ сильный государь, а теперь плѣнникъ. Но знай, когда польскій король овладѣетъ Россіей, и твоему государю не миновать моей участи. Есть у насъ пословица: сегодня моя очередь, а завтра твоя“.

Василій выразилъ мысль, которою тайно питалась польская дипломатія. Еще Баторій развивалъ планъ, что Восточный вопросъ надо рѣшать не чрезъ союзъ съ Россіей, но завоевавъ ее и подчинивъ власти католическаго государя, ближайшимъ слѣдствіемъ чего будетъ распространеніе католичества во всей Московіи и усиленіе христіанъ надъ мусульманами; тогда Россія сдѣлается базисомъ для движенія на Турцію и Царь-градъ чрезъ Кавказъ и Малую Азію, такъ какъ чувствительный ударъ Турціи легче всего нанести съ тылу. Сами турки, понимая важное значеніе подобнаго пути, стремились на Донъ и Волгу, чтобы отсюда завоевать Москву и наложить чрезъ это свою руку на Польшу и Германію. Польша, казалось, упреждала, и планъ ея какъ бы уже близился къ своему осуществленію. Рассказывалось, будто султанъ, узнавъ отъ своего посла о словахъ Шуйскаго, прислалъ королю рѣзкую грамоту. Несомнѣнно одно, что Сигизмундъ, оберегаясь отъ Турціи, вскорѣ заключилъ (1613 г.) противъ нея оборонительно-наступательный союзъ съ императоромъ Матвѣемъ, для котораго также былъ прямой интересъ „по крайней мѣрѣ временно обратить на Польшу турецкое могущество, всегда бывшее грознымъ для Габсбурговъ”¹⁾.

Послѣ сейма Шуйскіе прожили въ Варшавѣ недолго: ихъ заключили въ Гостыньскій замокъ.

Варшавское всенародное празднество надъ царемъ Василиемъ Ивановичемъ было тѣмъ кульминаціоннымъ пунктомъ, до котораго, во „взаимномъ, старомъ спорѣ славянъ между собою“, достигло политическое торжество Польши надъ Москвой. Въ униженіи царя предъ королемъ на генеральномъ сеймѣ изображалось все униженіе Московскаго царства предъ Рѣчью Посполитой. Яркая эта сцена выдачи Василя между тѣмъ была сверху до низу искусственна и въ дѣйствительности служила лучшимъ

¹⁾ Беръ (Буссовъ), 129—130; Къ исторіи Смутаго времени, отд. IV, мѣста объ отношеніи Польши къ Турціи; Л. Добровъ, Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Слб., 1879, 431—434; проф. О. И. Успенскій, Какъ возникъ и развивался въ Россіи Восточный вопросъ. Слб., 1887, 39—46; С. Жигаревъ, Русская политика въ Восточномъ вопросѣ. М., 1896, I, 80—82; проф. Бобржинскій, 173—174; Wawłowski, Przymierze polsko-austryackie z r. 1613, Przew. nauk. i lit., 1895, 984 и слѣд.

олицетвореніемъ всей непрочности торжества, а потому она не только не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ, но и привела совершенно къ противоположнымъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, нежели тѣ, на которыя рассчитывали ея устроители.

Въ изображеніи и подчеркиваніи своихъ успѣховъ и въ униженіи свойствъ и силъ противника польское правительство не соблюдало мѣры. Подканцлеръ Крыскій, усердный проводникъ королевскихъ взглядовъ и желаній, доказывалъ на сеймѣ, что москвитянамъ польское правительство можетъ и должно лишь диктовать свою волю, безъ всякихъ переговоровъ, которыхъ вести не съ кѣмъ и не о чемъ. „О чемъ вести переговоры? Если о Московскомъ государствѣ и столицѣ, то они уже у насъ въ рукахъ; если о государѣ, то они должны принять того, котораго имъ дадутъ, и терпѣть то, что велитъ имъ побѣдитель... Рабскія души только страхъ сдерживаетъ... Если этотъ народъ увидитъ насъ снисходящими до переговоровъ, то подумаетъ, что мы или боимся его, или что у насъ нѣтъ силы”¹⁾. Какъ бы въ подтвержденіе сего, послѣдовавшая потомъ торжественно-унизительная выдача „царя“ Шуйскаго, сопровождавшаяся тщеславными рѣчами гетмана и подканцлера и дарственной, затѣмъ, грамотою короля, только окончательно дорисовывали предъ государственными чинами такое безусловное преимущество Польши. А если врагъ столь ослабленъ, если и самъ царь и его царство „у ногъ королевской милости“, если „и столица занята и въ государствѣ нѣтъ такого угла, гдѣ бы польское рыцарство и воинъ великаго княжества Литовскаго коня своего не кормилъ и гдѣ бы руки своей

¹⁾ „Tractatami państwo uspokoić, rządzić, sprawować któżby nie życzył? Ale trzeba ukazać, iako to być może. Do tractatów dwu osób trzeba: jednego, aby stanowiły podawał, a drugi pozwalał. Nam stanowić s kim? Pana ten naród nie ma, nie iest wolny, sub tiranide się wychował. Y mamyż my szczęściem swy(m) iego niefortunę dzwigać? wyrozumiawezy ich zdradę y omylnosć schilać się do ich tractatów? Ustąpięć za y tego, ale niech mi kto pokaże, s kim tractować? Jeśli z ludźmi temi, którzy już przychylali się do j. kr. m-ci, ciż są dawno addicti; iесли же z rozproszonemi, quorum iasny error. Nuż daley o cóż tractować? Jeśli o panstwo y stolicę Moskiewską, iуѣci jest u nas w ręku; jeśli o pana, muszą tego przyać, którego im podadzą, y cierpieć to, co victor każe... Servilia ingenia non nisi metu continentur... Bo kiedy nas ten naród schilających się do tractatów obaczy, rozumieć będzie, że albo się ich boiemy, albo potęgi nie mamy“. *Votum pod. kanclerzego coronnego, въ дѣльности въ сборникѣ Къ исторіи Смутнаго времени, отд. IV.*

не обагрять кровію наслѣдственнаго врага“, — то зачѣмъ же большія и тяжелыя матеріальныя средства и жертвы со стороны Рѣчи Посполитой, чтобы справиться съ какими-то, какъ выставлялось, уже разрозненными и разсѣянными („z rozproszonemi“) остатками непокорныхъ?

Дѣйствительность затемнялась или не понималась. Что поставляемый въ качествѣ плѣннаго царя—уже совсѣмъ не царь, а инокъ, сверженный и постриженный въ монашество его подданными; что онъ и его братья выданы боярами полудобровольно и получены гетманомъ подъ условіемъ не вывозить ихъ къ королю; что Москва не взята и не занята поляками властно, „по праву войны“, а польскій отрядъ введенъ въ нее средь ночи по приглашенію бояръ, изъ-за опасенія движенія черни въ пользу Лжедмитрія II близоруко думавшихъ опереться на этотъ отрядъ, какъ предъ тѣмъ старался опираться Шуйскій на вспомогательное шведское войско; что, въ случаѣ непринятія предложеній временнаго боярскаго правительства, придется имѣть дѣло съ цѣлымъ народомъ, который, послѣ убійства Второго Самозванца и въ виду надвигавшейся общей опасности отъ иноземно-иновѣрнаго владычества, получаетъ теперь всѣ побужденія и лучшую возможность объединиться въ борьбѣ за свою національно-религіозную самобытность, за свое государство, которое онъ создавалъ съ такимъ трудомъ и, дорожа самостоятельностью болѣе всего, умѣлъ отстаивать, — на все это и подобное не давалось и намека. Незамѣтно, чтобы кто-либо сдѣлалъ хотя слабую попытку, какъ говорится, „открыть глаза“ обществу, обнаружить искусственность, дѣланность триумфа; напротивъ, чувствовались и проглядывали желанія и стремленія еще увеличить приниженіе Василія и Москвы и тѣмъ еще болѣе поднять и расширить въ людскомъ мнѣніи размѣры побѣды и торжества. Самъ гетманъ Жолкѣвскій, прежде настойчиво указывавшій Сигизмунду на всю опасность неумѣренныхъ польскихъ притязаній въ отношеніи къ русскимъ, на сеймѣ говорилъ и держалъ себя на лучше, чѣмъ и подканцлеръ Крыскій.

„Общая государственная радость—отмѣтилъ польскій лѣтописецъ—настолько отуманила умы собранія, что въ совѣщаніяхъ

его разсуждали лишь объ удержаніи за собой Московіи и обращеніи ея въ провинцію, какъ будто бы война была приведена къ концу”¹⁾.

Объявляя присоединенными къ Рѣчи Посполитой Смоленскую и другія земли, взятая королемъ изъ московскихъ рукъ, и одобряя продолженіе Московской войны, сеймъ, для привлеченія къ участию въ ней добровольцевъ, далъ разныя льготы и права участвующимъ въ ней; съ Лисовскаго, прославившагося своей губительною дѣятельностью на московской территоріи, въ дальнѣйшее поощреніе ему сняло прежнее гражданское безславіе; относительно же ассигнованія суммъ охотнѣе подавали голоса одни сенаторы. Епископъ Гембицкій умолялъ сеймовыхъ депутатовъ идти по стопамъ сенаторовъ, чтобы чрезъ войну съ Москвой совершились предначертанія Провидѣнія „къ созданію обширной сарматской имперіи подъ главенствомъ одного монарха и одушевляемой единою святой католической вѣрой”. Сеймъ назначилъ сумму, большая доля которой пошла королю за его издержки по Смоленскому походу, остального не хватало и на уплату долговъ войску; дальнѣйшее веденіе войны и окончаніе ея предполагалось отнести на средства и доходы подлежащаго завоеванію Московскаго государства. Предположеніе воспользоваться „московскимъ изобиліемъ” было столь естественно въ „побѣдителя”, при его плохихъ финансахъ, но совершенно не соответствовало предстоявшей задачѣ.

„Король—даже по сознанію католическаго писателя, сочувствующаго его планамъ пропаганды—видѣлъ предъ собою только двухъ враговъ: царя Василія Шуйскаго и самозванца Димитрія П... Великая ошибка Сигизмунда, ослѣпленнаго кратковременнымъ успѣхомъ, заключалась въ его непониманіи, что позади Василія и Димитрія, позади бояръ, игравшихъ на руку полякамъ, и мятежной толпы народа, была Россія, приверженная къ старинѣ, враждебная ко всему иностранному, Россія могучая и здоровая,

¹⁾ „In tantum autem corruperat illa publica laetitia iudicium comitiorum, quod in eorum consultationibus, ac si iam debellatum fuisset, non nisi de retinenda Moschouia et redigenda in provinciam tractabatur“. Piasecius, 327. Ср. сужденія проф. Жуковича, также Либровича въ указанныхъ выше ихъ монографіяхъ.

готовая на жертвы, способная на терпѣніе и героизмъ” (о. П. Пирлингъ). Эта-то Россія, свойства и силы которой не были понятны польско-шляхетскому правительству и сейму, теперь и поднималась. Здоровые ея элементы, наиболѣе сохранившіеся въ сѣверо-восточныхъ городахъ, вступили въ живыя сношенія между собою, что бы имъ „быть въ совѣтѣ и единеніи”, и какъ разъ въ дни Варшавскаго сейма поднялось въ Нижнемъ-Новгородѣ то знаменитое народное движеніе, подъ воздѣйствіемъ и отъ напора котораго приходили въ порядокъ внутреннія и отступали внѣшнія силы.

Военные и политическіе успѣхи, приписываемые польскими руководителями себѣ, были, какъ извѣстно, по преимуществу слѣдствіемъ переживаемаго Московскою Россією внутренняго кризиса. Подготовленное и вызываемое внутренними политико-соціально-экономическими причинами и обстоятельствами и лишь возбуждаемое и усиливается извнѣ, Смутное время Московскаго государства было въ постепенномъ историческомъ развитіи государственнаго организма послѣднею вспышкой, послѣднимъ крупнымъ актомъ борьбы прежней Руси съ новою, бѣглыхъ и нетяглыхъ элементовъ съ тяглыми, низшихъ классовъ населенія съ высшими, родовыхъ и удѣльно-вѣчевыхъ стремленій и преданій съ началами общегосударственными, подвергавшимися тяжелому испытанію, жестокой пробѣ. Суровая дѣйствительность показала всю важность и цѣлесообразность строя, выработаннаго историческою жизнью. При столкновеніи съ чужимъ русскіе люди яснѣе увидѣли свое. Сознательнѣе цѣня благо существованія своей государственности, возстановляли они ее увѣренно и соотвѣтственно съ основными началами своей національно-политической жизни. Народныя и религіозныя свойства сказались, неотвратимо совершая свою опредѣляющую работу въ государственномъ организмѣ. Чужое лицо, тѣмъ болѣе изъ явно и безусловно-враждебнаго лагеря, не могло быть носителемъ и исполнителемъ народнаго идеала высшей государственной власти, и кандидатура не только Сигизмунда, но и Владислава утрачивала всякую для себя почву.

Постороннія враждебныя вмѣшательства, сначала способствовавшія ослабленію государственнаго организма, теперь

ускоряли теченіе его выздоровленія. Опустошительныя и губительныя дѣйствія польскихъ отрядовъ, возбуждавшія народныя массы, политика Сигизмунда, вдохновляемая іезуитами, близкое ознакомленіе съ положеніемъ и ходомъ русскаго дѣла въ югозападной и западной Руси послѣ Люблинской и Брестской уніи (напомнимъ хотя о серіозныхъ опасеніяхъ руководителя латинскаго движенія іезуита Скарги отъ извѣстности москвитянамъ „Плача Восточной церкви” Смолитцаго) — прямо толкали русскихъ къ объединенію и общей защитѣ во имя религіозной и національной безопасности, къ защитѣ и охраненію своего духовнаго и матеріальнаго достоянія. Въ войнѣ съ Москвой — какъ справедливо замѣчаетъ извѣстный уже намъ историкъ Польши — „значительная часть солдатъ видѣла единственно надежду на добычу, король же заботился главнымъ образомъ о религіозной католической пропагандѣ, которую разжигали въ немъ іезуиты, пропаганда не политической, такъ какъ никакое правительство, хотя бы и польское, установленное въ Москвѣ, не могло отречься отъ Восточной церкви, составляющей наиболѣе крѣпкую связь и силу этого государства” (проф. Бобржинскій). И если, о подлинныхъ религіозныхъ и политическихъ цѣляхъ откровенно излагая лишь въ своей перепискѣ и сношеніяхъ съ Римомъ, Сигизмундъ въ обращеніяхъ къ смоляннамъ и вообще къ русскимъ говорилъ прежде о защитѣ имъ Православной вѣры и о своемъ благоволеніи къ нимъ: то что могъ сказать онъ имъ пріятнаго и пріемлемаго послѣ того, какъ на Варшавскомъ сеймѣ такъ ясно раскрылись его планы, цѣли и воззрѣнія? И какъ долженъ былъ нравственно коробить самихъ бояръ его поступокъ съ родо-витами Шуйскими! Развѣ для этого выдавали они ихъ Жолкѣвскому? А поступокъ съ московскими послами и славными защитниками Смоленска? Чего теперь было русскимъ людямъ ждать для себя?!... Проводить политику Сигизмунда могли изъ нихъ уже только лица, для которыхъ не было возврата, т. е., по опредѣленію лѣтонисцевъ, „измѣнники московскіе, злодѣи богоотступники”, каковыхъ число сократилось; остальное пошло если и не все цѣликомъ на встрѣчу и на поддержку дѣла Пожарскаго, то во всякомъ случаѣ и не на помощь польско-латинскому движенію.

Хотя теперь, при видѣ совершавшагося поворота, король „понялъ наконецъ, что имя Владислава звучало лучше его имени, что избранный монархъ долженъ былъ находиться среди тѣхъ, кто его избралъ”, и потому повелъ (осенью 1612 г.) къ Москвѣ своего сына, снимая этимъ собственную кандидатуру, но и это было совершенно напрасно. „Прибытіе Владислава далеко не походило на въѣздъ монарха въ свою имперію. Какая разница съ побѣдоноснымъ шествіемъ Димитрія! Народъ, вмѣсто того, чтобы выходить ему на встрѣчу, запирался въ своихъ крѣпостяхъ, которыя переграждали ему путь. Уполномоченные Владислава, посланные въ Москву, были прогнаны оттуда, и въ столицѣ уже не было преданныхъ Польшѣ бояръ, которые могли бы вести съ нимъ переговоры. Сигизмундъ очутился (почти) у воротъ враждебно настроенной противъ поляковъ столицы, съ малочисленной до смѣшного арміей и съ царемъ, которого подданные не хотѣли признавать”¹⁾. „Ни одинъ городъ не сдавался, ни одинъ русскій человѣкъ не пріѣзжалъ въ станъ бить челомъ королевичу”²⁾. И это еще до избранія въ государи Михаила Феодоровича! Между тѣмъ будь на ихъ мѣстѣ Василій Ивановичъ, онъ, безъ сомнѣнія, у многихъ нашелъ бы себѣ иную встрѣчу. Стоявшій во главѣ народнаго движенія, князь Дмитрій Пожарскій былъ изъ его круга, изъ его прежнихъ вѣрныхъ помощниковъ.

Своимъ походомъ „король“, по выраженію народной пѣсни, только „обезчестилъ самъ себя”³⁾, воротился съ сыномъ сконфуженный, и ни дальнѣйшіе походы Владислава, ни дипломатическіе переговоры ни мало не приблизили претендента къ полученію московскаго трона. Со стороны русскихъ людей слышался одинъ отвѣтъ: „нынѣ и впередъ и поминать не пригоже, чтобы быть Владиславу на Московскомъ государствѣ: то дѣло уже бывшее”. Чтобы состоялся съ Москвой вѣчный миръ, Владиславъ долженъ былъ формально отказаться отъ ея престола. А главный герой Московскаго похода, гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій, уже не появлялся болѣе на московской территоріи, и обратилъ свои силы на борьбу съ татарами и турками, въ которой и сложилъ

¹⁾ Пярлингъ, Русск. Стар., 1901, XI, 363.

²⁾ Соловьевъ, VIII, 426. ³⁾ Бирѣвскій, Пѣсни, собр., VII, 122.

свою голову. Отъ прежняго къ нему довѣрія, на которомъ главнѣйше основывались его успѣхи подъ Москвой и въ Москвѣ, не оставалось и слѣда, и его имя, какъ и имя Сигизмунда, вызывало у русскихъ одно только тяжелое, враждебное чувство.

Много было общихъ и частныхъ причинъ и условій для всего вышепомянутого; но несомнѣнно, что Василій Ивановичъ Шуйскій, подвергнувъ себя такому униженію на Варшавскомъ сеймѣ и тѣмъ вызвавъ боль въ русскомъ сердцѣ, своимъ польскимъ недругамъ во всю свою предшествовавшую жизнь и дѣятельность не наносилъ въ сознаніи московско-русскихъ людей болѣе глубокаго моральнаго пораженія.

Для нагляднаго увѣковѣченія извѣстной сцены Сигизмундъ приказалъ своему придворному живописцу Томѣ Долабелла изобразить ее на большой картинѣ. Опытный художникъ воспроизвелъ съ большимъ сходствомъ и лица, и костюмы. Онъ взялъ тотъ моментъ, когда Жолкѣвскій произносилъ свою рѣчь, а царь съ братьями стоялъ предъ Сигизмундомъ, возсѣдавшимъ на тронѣ; позади короля придворные, свита; Владиславъ, сенаторы и земскіе послы сидятъ на своихъ мѣстахъ; видны другіе плѣнные и стража. На верхнемъ фонѣ картины читалось полатыни: „Верховный монархъ москвитянъ съ двумя братьями простираются предъ стопами твоими, Сигизмундъ“! Другая латинская надпись, внизу картины, гласила, въ поясненіе: „Неодолимому побѣдителю Московіи Сигизмунду III, королю польскому, великій князь московскій Василій Шуйскій съ братьями Димитріемъ и Іоанномъ, побѣжденные и плѣнные, передаются во власть на великомъ сеймѣ. Благородный кievскій воевода, гетманъ войскъ и побѣдитель враговъ, ясновельможный Станиславъ Жолкѣвскій въ предшествіи многочисленнаго рыцарства, на великолѣпной колесницѣ, въ торжественной процессіи приводитъ побѣжденныхъ въ сеймъ, представляетъ королю и принцу Владиславу, призванному въ цари московскіе, и испрашиваетъ у королевскаго величества милость къ побѣжденнымъ. Свѣтлѣйшій король отвѣчаетъ чрезъ вельможнаго вице-канцлера Феликса Крыскаго красивою рѣчью; затѣмъ, согласно съ мнѣніемъ и просьбою сенаторовъ, даруетъ побѣжденнымъ прощеніе и допускаетъ ихъ къ цѣлованію руки.

Послѣ сего они, съ большою толпою окружающихъ, отходятъ изъ палаты сейма въ почетное заключеніе болѣе веселыми, нежели прибыли" ¹⁾).

Вмѣстѣ съ другимъ произведеніемъ Делабеллы „Взятіе Смоленска Сигизмундомъ”, эта картина была по времени одною изъ первыхъ, украшавшихъ Королевскій замокъ; помѣщалась она на золоченомъ потолкѣ, давая, по выраженію современника, видѣвшаго ее, „по истинѣ весьма пріятное для потомства зрѣлище” ²⁾). При свиданіи съ Августомъ II, Петръ Великій выпросилъ ихъ

¹⁾ Надписи на картинѣ (см. Приложенія, кн. 1, № А): Верхняя надпись:

Summus moscorum gemino cum fratre monarcha,
Sigismunde, tuos sternitur ante pedes,
Sic facuisti [s i c], an adhuc agnoscis fata triumphis
Et ducibus captis regna parare soles.

Очевидно, граверъ неточно скопировалъ это мѣсто непонятной ему латинской надписи.

Нижняя надпись:

Inuictiss-o Moscouiae victori Sigismundo III, regi Poloniae, magnus Mosconiae dux Basilius Szuyski cum fratribus Demetrio et Joanne victi captique comitiis maximis in potestatem traduntur. Magnanimus Kiouiae palatinus, exercituum dux hostiumque expugnator ill-s d. Stanislaus Zolkiewski victos curru splendido, praecedente plurimo equitatu, in comitium pompa triumphali deducit, praesentat regi et principi Wladislao, Moscouiae imperatori postulato, clementiamque apud regiam majestatem subiectis deprecatur. Sereniss-us rex per illss-um d. vicecancellarium Felicem Kryski diserta oratione respondet, tum de sententia et rogatione senatorum dat veniam victis atque ad oscula manus illos admittit. Quo facto magna stipatorum caterva ex comitio ad honestam custodiam laetiores quam venerant recedunt.—Этою надписью полнѣе и, очевидно, точнѣе, нежели въ Oddawanie tryumfalne Wasilia Szuyskiego (Приложенія, кн. 1, стр. 2), означаетъ порядокъ сцены представленія.

²⁾ „Atque hunc regis Smolenscum expugnantis et Zolkievii Suyscium tradentis triumphum spectare licet in palatio Varsoviensi, inter auro caelata laquearia eleganter depictum peritissimi artificis Dolabellae itali manu expressaque ad vivum non infeliciter superstitem tunc senatorum aulicorumque ac procerum effigies ornatusque, perjuvandum profecto posteritati spectaculum“. К о б і е р з у с к і, 428, Ср. С е л л а г и у с, 595.—Придворный художникъ Сигизмунда III и его дѣтей Владислава IV и Яна Казимира, Долабелла былъ ученикъ Антонія Вассиалаци; извѣстно до 40 его работъ, частію изъ жизни и дѣятельности этихъ королей, преимущественно же религіознаго содержанія; ум. въ 1650 г., ок. 80 л. отъ роду. А м б р. G r a b o w s k i, Starożytności historyczne polskie. Kraków, 1840, I, 414—424; его же, Kraków i jego okolice. Kraków, 1844, 519—521; R a s t a w i e c k i, Słownik malarzów polskich. Warszawa, 1850, 143—149; его же, Słownik rytowników polskich. Poznań, 1886, 42—43.

у короля и увезъ съ собою¹⁾. О дальнѣйшей судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно; повидимому, ихъ уже нѣтъ²⁾.

Дѣло Сигизмунда терпѣло не только въ этомъ.

Дарственною королевскою грамотой и сеймовою конституціей объявлялись присоединенными къ Рѣчи Посполитой Смоленскъ, а также города и земли, которые король возьметъ у Москвы. Стараясь настаивать на принадлежности ихъ одной Литвѣ, литовскій канцлеръ Левъ Санѣга официально протестовалъ противъ отнесенія ихъ къ Польшѣ. Разнъ во взглядахъ на Московскій вопросъ становилась все ощутительнѣе. На сколько для короля, лишившагося наслѣдственного престола въ Швеціи, было важно, занимая избирательный тронъ Рѣчи Посполитой, при-

¹⁾ Erntelius, 1730, 22.—То же самое, какъ рассказываютъ, хотѣлъ сдѣлать Петръ и съ варшавскимъ памятникомъ Сигизмунда, сооруженнымъ Владиславомъ IV, чему помѣшали лишь настойчивыя просьбы нѣкоторыхъ сенаторовъ. Въ надписяхъ на памятникѣ Сигизмундъ возвеличивается въ особенности, какъ достигшій славы „взявъ московскихъ князей, столицу и провинціи, разбивъ армию, приобрѣвъ вновь Смоленскъ“. Надписи на всѣхъ четырехъ сторонахъ памятника; на западной читается: „Sigismundus III, liberis suffragiis Poloniae, haereditate, successionem, jure Sveciae rex, pacis studio gloriaque inter reges primus, bello et victoriis nemini secundus, Moscorum ducibus, metropoli, provinciis captis, exercitibus prodigatis, Smolensco recuperato, Turciae potentia ad Chocimum reiracta, quadraginta quatuor annis regno impensis quadragesimus quartus ipse in regia serie omnium aequavit aut junxit gloriam“. Тамъ же, 18—22; A. L. Wejnert, Opis topograficzno-historyczny kolumny Zygmunta III w Warszawie, Starożytności Warszawy, Warszawa, 1888, seria druga, tom VI, 271—273. Надписи на постаментѣ, служащемъ для высокой мраморной колонны, надъ которой высится статуя Сигизмунда, обращенная къ ю.-востоку, съ мечемъ въ правой рукѣ и крестомъ въ лѣвой. Памятникъ стоитъ предъ Замокъ, въ послѣдній разъ капитально поновленъ при ген.-губ. Гурко.

²⁾ Въ печати сообщалось, что подлинная картина сцены на сеймѣ находится въ Гатчинскомъ дворцѣ („obecnie znajdującym się w pałacu cesarskim w Gatchynie“...). На нашъ запросъ о томъ гатчинскому дворцовому управленію получило въ отвѣтъ: „По справкѣ, тщательно наведенной въ Императорскомъ Гатчинскомъ дворцѣ, оказалось, что картины „Представленіе гетманомъ Жолкѣвскимъ царя Василія Шуйскаго и братьевъ его королю Сигизмунду на сеймѣ въ Варшавѣ въ 1611 году“ на лицо нѣтъ и по описаніямъ картинъ, находившихся во Дворцѣ, не имѣется слѣдовъ, чтобы таковая когда-либо была“ (официальное уведомленіе отъ 30 окт. 1900 г., за № 3540). Рѣдкая гравюра съ нею Оммы Маковского хранится въ Краковскомъ Музеѣ князей Чарторыскихъ и имѣетъ 33 × 25 сантиметровъ и 5 милл.; на нашемъ снимкѣ всей гравюры (Приложенія, кн. 1, рисун. № А) можно прочесть и приведенныя нами выше латинскія надписи.—Сцена представленія была воспроизведена еще въ гравюрѣ Френцеля (Приложенія, кн. 1, рис. № В), но далеко отъ дѣйствительности. Имѣется картина этой сцены также въ Подгорцѣ, въ Галиціи, имѣни кн. Сангушко, на потолкѣ залы главнаго дома.

обрѣсть себѣ и сыну наслѣдственный тронъ московскій, чтобы потомъ увѣренѣе быть и въ дѣлахъ по Польшѣ и Швеціи; почти на столько же задача эта утрачивала свою привлекательность въ умахъ большинства шляхты при раскрывавшихся матеріальныхъ трудностяхъ къ достиженію ея; а многіе усматривали въ воцареніи опасность если не самому польскому государству, то шляхетской политической свободѣ. Польскій патріотизмъ, искусственно подогрѣтый на сеймѣ, остывалъ. Послышали съ сожалѣнія, что не сьумѣли во - время остановиться съ претензіями. Оппозиція расширялась. Главные члены оппозиціи на сеймѣ 1615 г. „старались добиться свѣдѣній о виновникахъ Московской войны и о тѣхъ, кои своими совѣтами воспрепятствовали счастливому ея успѣху и результату, достигнутому переговорами кievскаго воеводы (т. е. Станислава Жолкѣвскаго), причемъ для острастки другимъ настаивали на немедленномъ выраженіи порицанія ихъ поступкамъ”. Одинъ изъ нихъ, литовскій подчашій кн. Янушъ Радивиль, въ откровенныхъ письмахъ къ брату рѣзко осуждая безполезныя домогательства агентовъ правительства о московскомъ титулѣ Владислава, выражался такъ: „на дѣлѣ же — не только отъ титуловъ, но и отъ самага царства отечеству ничего не прибыло, напротивъ, надо бояться большого угнетенія и утѣсненія, какъ бы клещей; желать послужить отечеству и угодить прихотямъ королевича, которыя очень противны цѣлости нашего отечества, одно съ другимъ, кажется, не совмѣстимо”. При такой розни во взглядахъ на значеніе въ московскомъ дѣлѣ государственно - народнаго, шляхетскаго и династическаго интересовъ, сеймовое представительство, угнетаемое при томъ экономической бѣдностію страны и трудными войнами съ Турціей и Швеціей, ограничивалось требованіемъ формальной уступки Москвою взятыхъ отъ нея Смоленской и Чернигово-Сѣверской областей, все менѣе и слабѣе поддерживая короля и королевича въ дальнѣйшихъ ихъ стремленіяхъ и планахъ.

Однако увлекаемый этими планами, Сигизмундъ съ своими единомышленниками на томъ же Варшавскомъ сеймѣ 1611 года согласился утвердить Прусское княжество за брандебургскимъ курфюрстомъ, на правахъ леннаго въ отношеніи къ Польшѣ вла-

дѣнія ¹⁾). Близорукость такой политики не замедлила отозваться весьма тяжелыми послѣдствіями.

Польшѣ, ея географическимъ положеніемъ, опредѣлялась великая миссія защиты славянства отъ германизма. Но, тѣснимая нѣмцами на западѣ и шагъ за шагомъ уступающая имъ, славяно-польская народность, вмѣсто того, чтобы дать имъ надлежащій отпоръ и этой исторической заслугой приобрести себѣ въ славянскомъ мірѣ дѣйствительное значеніе и прочную популярность, сама постепенно сдвигалась на востокъ и какъ бы искала средствъ подкрѣплять себя приобретеніями въ литовскихъ и отчасти русскихъ земляхъ. Какія впечатлѣнія и чувства она вызывала тѣмъ во всемъ Славянскомъ востокѣ, хорошо извѣстно. А уступка, сдѣланная ею на Варшавскомъ сеймѣ Брандебургу, считается въ польской и русской исторической наукѣ той утратой, которая, служа къ развитію пруско-брандебургскаго могущества, потомъ принесла столько вреда прежде всего самой же Польшѣ ²⁾).

Къ такимъ результатамъ вела неестественная постановка Московскаго вопроса на Варшавскомъ сеймѣ. За призрачнымъ

¹⁾ Lenno pruskie въ „Constitutioe seymu walnego koronnego w Warszawie roku 1611 dnia 9 listopada”, Kraków, 1—2, Volumina legum, III, 6; *Bo st e l*, Przeniesienie lenna pruskiego na elektorów brandeburskich, Przewodnik naukowy i literacki, Lwów, 1883, 853, и др.

²⁾ Послѣднія по времени мотивированныя сужденія объ этомъ у польскихъ и русскихъ исслѣдователей: „Jeżeli jednak już religijne odłączenie Prus od Polski było dla tej ostatniej szkodliwem, bo uniemożliwiało jej dalszy wpływ na luterską ludność kraju, to większego jeszcze znaczenia nabrał fakt przejścia Prus w ręce elektorów brandeburskich. Nastąpiło to w r. 1611. Elektor Jan Zygmunt, ożeniony z wnuczką Albrechta Anna, bez najmniejszych trudności otrzymuje Prusy Książęce w lenno od Zygmunta. Odtąd datuje się przyszły wzrost potężnych elektorów. Gdy bowiem obszar niewielkiej i ubogiej Brandeburgii ze wszystkimi marchiami wynosił dotąd zaledwie 815 mil kw., wzrasta obecnie, wskutek przyłączenia Prus książęcych, o 620 mil kw. i 520,000 mieszkańców. O doniosłości tego wypadku nie trzeba nam i mówić, gdyż sam za sobą przemawia wymownie, a niedaleka przyszłość potwierdza te obawy najzupełniej. Pokój oliwski był już tylko kwestyą czasu“. *St e f a n K o m o r n i c k i*, Polska na zachodzie w świetle cyfr i zdarzeń. Część pierwsza. Zabory i kolonizacya niemiecka na ziemiach polskich ze szczególnem uwzględnieniem w. ks. Poznańskiego do roku 1848. We Lwowie, 1894, 101. „Давно уже изъ-за своего стремленія на Русскій востокъ терпѣвшая территориальныя потери на своемъ западѣ, Польша въ 1611 году, погнавшись за московскимъ миражемъ, положила тутъ собственными руками большой камень въ зданіе пруско-брандебургскаго могущества, оказавшагося столь гибельнымъ для нея впоследствии“. Проф. *Ж у к о в и ч ъ*, 1903, вып. I, стр. 77.

блескомъ устроеннаго Сигизмундомъ торжества надъ Москвой съ ея „плѣннымъ царемъ” не была ни разсмотрѣна, ни оцѣнена совершавшаяся историческая дѣйствительность.

Такъ иной магнатъ, плохой домохозяинъ, благодаря стеченію обстоятельствъ достигшій высокой степени внѣшняго благополучія, пребываетъ какъ бы въ чадѣ и, задавая не по средствамъ роскошные пиры, не замѣчаетъ первыхъ, но неотступныхъ и роковыхъ для него шаговъ со стороны неутомимыхъ потомъ кредиторовъ.

Шуйскіе въ Гостынскомъ замкѣ, и дальнѣйшая судьба младшаго изъ нихъ.

Отправление въ Гостынскій замокъ. — Прежняя исторія замка и состояніе его предъ заключеніемъ въ немъ Шуйскихъ. — Извѣстія и источники о пребываніи ихъ тамъ. — Условія жизни и обстоятельства смерти старшихъ Шуйскихъ, оставленное имущество. — Причина смерти. — Мѣсто погребенія. — Взятіе наслѣдства на имя короля. — Князь Иванъ Ивановичъ на службѣ Владиславу. — Возвращеніе его въ Москву и устройство въ ней.

Послѣ того, какъ на Варшавскомъ сеймѣ „безъокая Судьба“, по образному выраженію современника, „въ волю натѣшилась несчастіемъ“ Шуйскихъ, Шеина и другихъ бывшихъ тамъ русскихъ плѣнниковъ, „они были разосланы по разнымъ мазовецкимъ городамъ”¹⁾. Шуйскіе были отправлены въ Гостынскій замокъ.

Верстахъ въ 130-ти отъ Варшавы, къ западу, стоитъ нынѣ небольшой уѣздный городъ Гостынинъ, по сосѣдству съ которымъ, на невысокомъ мѣстѣ пригорка, тянущагося по теченію рѣчки Скрвы и окаймляющаго отсюда городъ, нѣкогда виднѣлся этотъ старинный замокъ, при Сигизмундѣ III сдѣлавшійся причастнымъ къ событіямъ русской исторіи. Заключение и вскорѣ послѣдовавшая кончина и первоначальное погребеніе бывшаго московскаго царя здѣсь, за предѣлами тогдашняго его государства, такія необычныя событія въ русской исторической жизни и въ области русско-польскихъ отношеній подняли на нѣкоторую пору госу-

¹⁾ „Skąd, jako się do woli bez oka ta Pani
Lichem ich nacieszyła, różno rozestani
Po grodach mazowieckich“. S. Twardowski, 39. См. выше, стр. 54, 59.

дарственно-политическое значеніе сего полуиззабытаго и залустинаго княжеско-королевскаго владѣнія, бросаая свѣтъ и на всю его исторію.

Ко времени невольнаго заключенія именитыхъ русскихъ плѣнниковъ Гостынской замокъ¹⁾ давно уже утратилъ свой прежній характеръ военнаго укрѣпленія, служившаго оборонительнымъ пунктомъ окрестности, когда онъ съ нею принадлежалъ еще князьямъ кувскимъ, а послѣ нихъ (съ 1286 г.) князьямъ мазовецкимъ. Напрасно старались его отбить у послѣднихъ разные претенденты: онъ съ успѣхомъ выдержалъ энергичный штурмъ (1300 г.) даже Вацлава Чешскаго, избраннаго въ польскіе короли. Выросшее около замка селеніе, Гостынинъ, князь мазовецкій Земовитъ преобразовалъ (1382 г.) въ городъ, давъ ему хелминское право и тѣ же привилегіи, какими пользовался его родной городъ Плоцкъ. Но спорами объ имѣніи, послѣ Земовита и его брата Владислава, умершихъ безъ наслѣдниковъ, воспользовался (1462 г.) король Казимиръ Ягеллонъ. Онъ явился сюда самъ, взялъ съ жителей присягу на вѣрность и присоединилъ къ коронѣ всѣ гостынскія земли, оставивъ городу прежнія права съ прибавкою новыхъ. Права эти, дополняемыя еще другими льготами, подтверждались за Гостыниномъ и послѣдующими Ягеллонами. Благодаря этому, онъ былъ обставленъ удобно: горожане обсуждали свои дѣла по хелминскому праву, были свободны отъ таможенныхъ сборовъ, отъ подводъ, имѣли свои торговые вѣсы, привилегію, чтобы продавалось пиво только городское,

¹⁾ Инвентарныя описи его въ XVI и XVII вѣкахъ изданы нами въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію (кн. 1, № II В, изъ Архива старыхъ дѣлъ при Варшавской казенной палатѣ); официальные историко-статистическія данныя о немъ и Гостынскомъ староствѣ въ Главномъ Архивѣ древнихъ актовъ при Варш. Судебной палатѣ: книги люстрацій, № 4, лл. 90, 99, 108—109, № 7, лл. 322, 329, 349, 359—360, № 9, л. 103—104, № 64, стр. 60—61, 71 (существенное извлекаетъ ниже). — *Baliński i Lipiński, Starożytna Polska. Warszawa, 1843, I, 587—589; 1885, I, 690—691; Encyklopedia powszechna. Warszawa, 1862, X, 342—343, 347—348, 1867, XXIV, 769—771; Słownik geograficzny królestwa Polskiego. Warszawa, 1881, II, 749—751.* Эти статьи послѣдующимъ авторамъ послужили главн. источникомъ свѣдѣній о замкѣ. О внѣшнемъ видѣ и размѣрахъ его до нѣкоторой степени можно судить по тогдашней гостынской печати и по нынѣшней лютеранской церкви, особенно по ея башнѣ. Приложенія, кн. 1, рисунки №№ 1 и 2. См. также ниже VIII главу.

a не привозное, право бесплатнаго пользованія, въ опредѣленныхъ размѣрахъ, землями, водами, лѣсами, и т. п., хотя на практикѣ многими изъ привилегій и не всегда давалось пользоваться. Въ лѣсахъ, окружавшихъ городъ и замокъ, въ старину водилось много дичи, сернь, кабановъ, пока не столько охота, сколько пожары и вырубки не перевели ихъ, такъ что при Сигизмундѣ Августѣ отмѣчали крайнюю ихъ убыль. Къ Гостынскому староству принадлежало до 10 деревень и два города, и доходы его еще въ 1564 году простирались до значительной по тому времени суммы — 4.778 злотыхъ (716 р. 70 к.). При обезпеченности староства, замокъ былъ въ началѣ XVI вѣка хорошо перестроенъ почти заново старостою Христофоромъ Шидловецкимъ¹⁾.

¹⁾ „Miasto y zamek Gostynin w województwie rawskim pod spra-
wa... starosty mieysca tego. Dochody miasta Gostynina...: summa summarum wszy-
stkich prowentów z miasta Gostynina z młynów i jezior, do zamku należących 1448—
3—2¹/₂ (первая цифра означает пол. злоты, вторая гроши, третья шеленги. Также
и ниже). Ma też to miasto przywileie dobre wolności od ceł wszelakich od czynszu
domowego y od rzemiosł, który zową świętomarski, od podwód, które prawa mają
od Semowita, x-cia płockiego y nurskiego; które prawa raczył im konfirmować ś. pa-
mięci król Kazimierz, przydał im bór wolny, ku miastu przyłączył, znaki y grani-
cami oznaczony, wolność od cła wodnego od targowego y budnego w żadnym
mieście królewskim, ale im tego nigdzie nie trzymaia; tenże król Kazimierz dał mu po-
strzygalnią y wagę na oprawę miasta; mają też pierwszy przywiley od xiężney
Małgorzaty Mazowieckiey na połowicę czynszu z łązni, czego używają y teraz. Król
mé dzisieyszy raczył im dać osobny przywiley, aby żadne piwo przywożne nie
było szynkowane, tylko gostyńskie pod zakładem stu grzywien”. Сюда же отно-
сятся: Miasteczko Gąbin, wsie: Kozieze, Rataie, Mysłownia, Strzeleze, Skrzany,
Niedrzewie, Niedrzaków, Rozlazłów. Summa summarum omium et singulorum
proventuum starostwa Gostyńskiego, okrom klucza Sannickiego, 4778—13 — 3¹/₂“.
Lustracya województw rawskiego, płockiego y mazowieckiego, przez i. k. m-śc y
wszystek senat na seymiech piotrkowskim i warszawskim uchwalona..., roku Pań-
skiego 1564, Люстрация книга № 64, стр. 60—61.—Gostin in. Mieszczanie Gostinszi
mają przywileie na wolność od podwódi, a za to dawaią last 12 owsa. Ma też to
miasto wolność y przywileie xiążęcia Semowita od wszelakich ceł, tak ziemnych,
iako y wodnych; wedle tegosz przywileiu, mają swoi wolny bór k miastu. Na wagę
y na postrzigałną, y na puł czynszu z łązniej, ale ym thei wolności nigdzie nietrzy-
maia, ani na ziemi, ani na wodzie. Wasza król. mcz. raczył ym też dacz osobny
przywileie, aby żadnego przywożnego piwa tam nie szynkowano, okrom gostyńskiego,
pod zakładem sta grzywien, okrom tego, gđiby tam wasza król. mcz. raczył bycz
sam“. Люстрация книга 4, л. 99: Wolności mieszczkie 1566 referowane.—Gostin in.
Jest ku Gostininu puszcza wielka na wszystkie strony, liassow dossicz, iest drzewo
wielkie sosnowe, barczy dossicz, ale iusz wielką sośninę barzo przerzadzono, bo wy-
rąbiono na czamry do pił, których tam iest około thei puszczi. Pan starosta przesły
wiele lei wygail, y terass czinia skodę wielką ludzie z starostwa przedeczkiego,

Князья куявскіе и мазовецкіе наѣзжали въ свой укрѣпленный замокъ, нерѣдко и живали въ немъ; еще послѣдній Ягеллонъ разъ пробылъ (1552 г.) въ немъ нѣсколько недѣль, разсылая приглашенія панамъ рады съѣзжаться въ Гданскѣ къ назначенному сроку.

При этомъ государѣ замокъ, по официальной инвентарной описи 1561 года¹⁾, состоялъ изъ главнаго зданія и разныхъ второстепенныхъ строеній и пристроекъ. Они отличались прочностію первоначальнаго сооруженія, многія окна были за желѣзными рѣшетками, двери и ворота запирались накрѣпко, но не имѣлось уже ни прежняго убранства, ни богатой утвари.

Подѣздъ къ замку пролеталъ чрезъ хорошо устроенный, крытый гонтомъ, мостъ и чрезъ большія, выстланныя досками, ворота, въ которыхъ красовались три, поставленные на колеса, пушечки съ отлитымъ на нихъ гербомъ Одровонжъ; тяжелыя воротни растворялись на двѣ половины, и имѣлась, для прохода, калитка. По правую сторону свода была комнатка, съ двумя окошечками за желѣзною рѣшеткой, для сторожа. Входныя крыльца и лѣстницы въ главное зданіе были со двора, выстланнаго камнемъ.

Главное зданіе, т. е. собственно замокъ, было двухъэтажное, каменное, подъ черепичною кровлей. Нижній этажъ почти весь нежилой. На правой сторонѣ этого этажа, отъ главнаго входа въ замокъ, прежде всего виднѣлись одно за другимъ два помѣщенія, изъ которыхъ въ первомъ хранились, въ большомъ сундукѣ, замковыя книги; оно было съ однимъ окномъ, за желѣзною рѣшеткой, и запиралось на два запора и крѣпкимъ замкомъ; въ другомъ помѣщеніи, съ двумя окнами за желѣзными рѣшетками, стоялъ длинный столъ и длинный прилавокъ; потолки въ обоихъ помѣщеніяхъ были сводами. На эти помѣщенія („skliery”), при-

którzi mieszkają nad Wisłą, niestrzegą też thei puszczei tak, iako przedtim strzegano, nie chowają gaiowników, ani grodzanów, którzy by iei przigładali, często też pożarem pogoriwa, bo tego niepilnują ani bronią. Bywało w thei puszczi zwierzu przedtim dossicz: sarn, dzikich swiń; terasz tego niemass, iz często pogoriwa“. Там же, л. 109: Puszcze, liassi, bori w księstwie mazowieckiem, w województwie rawskim, płockim y mazowieckim.

¹⁾ Приложенія, кн. 1, стр. 13—19.

способленныя, очевидно, потомъ для житья въ нихъ, намъ придется обратить особенное вниманіе, когда будемъ говорить о пребываніи Шуйскихъ въ замкѣ. Тутъ же, рядомъ, вела лѣстница въ пивницу (подвалъ, погребъ), безъ сводовъ, съ плоскимъ потолкомъ, съ окномъ за желѣзной заставой. Въ лѣвой сторонѣ нижняго этажа помѣщались три пивницы и одна кладовая, большею частію съ окнами за желѣзными рѣшетками. Столъ безъ ногъ и большой желобъ валялись во второй пивницѣ, въ кладовой хранились: форма для выдѣлки свѣчей, пеньковыя веревки и канаты.

Изъ нижняго этажа вели двери также къ оградѣ изъ ракуты, обмазанной глиною и крытой гонтомъ; въ ней имѣлись другія двери, къ винограднику.

Верхній этажъ занимался преимущественно жилыми помѣщеніями. Большая деревянная, крытая гонтомъ, лѣстница вела чрезъ сѣни, очевидно, въ лучшія четыре комнаты. Сѣни освѣщались чрезъ большое стеклянное окно, надъ дверями. Первая комната („izba“) находилась надъ воротами замка. Она въ четыре стеклянныя окна. Какъ располагались онѣ—всѣ въ рядъ, или по два на передней и задней стѣнахъ, и потому была ли она широкой, или узкой и длинной, изъ описи не видно. Удѣлана она была лучше другихъ. Полъ въ ней изъ гладкаго кирпича, печь полированная, каминъ, въ стѣнѣ шкафъ; крѣпко запиралась на замокъ и задвижки. Этой именно комнатѣ, повидимому, пришлось потомъ имѣть роковое значеніе въ жизни царя-плѣнника.

Остальныя три комнаты отличались отъ нея: вторая изъ нихъ въ три окна, въ ней простая печь, четыре скамьи, столъ и, по срединѣ, желѣзный подсвѣчникъ, полъ изъ простаго кирпича; третья, находившаяся противъ второй комнаты, была въ два окна, отапливалась каминомъ, въ ней стояли двѣ скамьи и одна кровать, полъ выстланъ простымъ кирпичемъ. Другая лѣстница, съ перилами, тянулась къ тремъ комнатамъ съ сѣнями. Полъ комнатъ изъ простаго кирпича, окна стеклянныя; одна комната въ три окна, въ ней каминъ, неподвижныя по стѣнамъ скамьи и три подвижныхъ скамьи, столъ; въ другой комнатѣ печь полированная, три стола, у стѣнъ неподвижныя скамьи и двѣ скамьи подвижныхъ. Третья лѣстница шла къ верхней надстройкѣ, гдѣ

помѣщались небольшія, обитыя досками, кладовыя, числомъ до пяти, и коловротъ для подачи на башню.

Всѣ эти лѣстницы вели на правую сторону втораго этажа; на лѣвую сторону его вели также три лѣстницы; первыя двѣ въ комнаты, третья въ кладовыя. Комнаты въ одно, два и три стеклянныя окна, отапливались печами и каминами; въ одной комнатѣ стояли скамьи неподвижныя у стѣнъ и подвижныя, столъ и кровать. Кладовыхъ четыре, обиты досками, съ дверями на галерею.

За главнымъ зданіемъ и около него виднѣлись часовня, дома и домики, службы, баня, конюшни, скотный дворъ, сараи, пивоваренный заводъ, два бастіона, выдвигные и невыдвигные мосты, и прочее. Если просто и бѣдно было убранство самого замка, то еще проще и бѣднѣе оно было въ остальныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ: рѣже попадались стеклянныя окна, чаще бумажныя или съ пузырями, тѣ же неподвижныя и подвижныя скамьи, мало столовъ и т. п. Въ бастіонахъ не замѣчалось вооруженія. Одинъ мостъ отъ замка велъ въ садикъ (*do ogródka*) и къ близкому винограднику (*do winnicze*). Садикъ хорошо воздѣлывался подъ овощи. Въ другомъ виноградникѣ, за замкомъ, съ ходомъ въ него черезъ болото по лавамъ, росло до 190 молодыхъ саженцевъ.

Отъ опустошеній и расхищеній, какимъ подвергались въ правленіе Сигизмунда Августа королевскія имущества, Гостыньскій замокъ, очевидно, потерпѣлъ въ особенности. Ближайшая ревизія показала (1664 г.), что онъ нуждается въ поправкахъ, король велѣлъ сдѣлать ихъ. Но эта и ближайшія ревизіи обнаружили также, что замокъ настолько опустошенъ, что даже изъ каплицы забраны цѣнныя облаченія, серебряная утварь и проч. Бывшій тогда гостыньскій староста просилъ (1667 г.) короля произвести слѣдствіе, чтобы потомъ не обвинили его, и король поручилъ разсмотрѣть дѣло плочкому епископу, къ епархіи котораго принадлежалъ Гостынинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, староство сокращается, за нимъ оставлены всего три деревни и одинъ городъ Гостынинъ, доходы падаютъ (1570 г.) до 1633 злотыхъ (ок. 245 р.), и эта сумма постепенно уменьшалась¹⁾. Среди королевскихъ имѣ-

¹⁾ „Zamek Gostyński. Zamek Gostyński, który był zbudowany bardzo dobrze przez nieboszczyka pana Christofa Szydłowieczkiego, za nieboszczyka pana starosty zesłego

ний оно стало относиться къ малозначительнымъ; мѣстность дѣлалась все болѣе захолустною.

Замокъ, въ такихъ условіяхъ, не могъ соответствовать преж-
нему назначенію. Изъ крѣпости и изъ мѣста для пріятнаго пре-
быванія въ немъ коронованныхъ владѣтелей онъ какъ бы пре-
вращается въ мѣсто, удобное развѣ для заключенія въ немъ
почему-либо опасныхъ лицъ. Очевидно, въ отголосокъ давно ми-
нувшего, когда владѣтели замка-крѣпости могли въ подземелья
сажать тѣхъ, кого считали надобнымъ, народною фантазіей соз-
далась о замкѣ легенда, будто въ этихъ подземельяхъ жилъ страш-

nowo barzo mu się napsowało, dachówki siła pospadało. Kościół w zamku spusto-
szono, y srebro, y perły i inne rzeczy pobrano przez przodka p. starostę socha-
czewskiego y panią starościna. Biała srebrna skrzynka, wieżyczka, krzyż 1, kieli-
chi 2, ornath z perłami y krzyż perłowy na niem". Люстрація кн. 7, л. 322: Dubia
sacrae regiae maiestati referenda. Woiewództwo rawskie starostwo gostińskie, rok
1564. „Zamek Gostiński. Dali sprawę rewisorowie, isz zamek Gostiński po-
trzebuye barzo wielkiej poprawi, a zwłaszcza wyerch y bastii na przegrodku. Jego
kr. m-cz rozkazuje starosczie, abi to opatrził, poniewasz nie z grunthu opravowacz
zamku, yedno poprawicz i opatrzicz z wierchu, abi nie cziekło, a nie psowało
ssię budowanie. Poniewasz że y drzewa, wedlie sprawi rewisorskiej, ma dossicz w
starostwie sswem y młynarzów dossicz zawźdi, robicz do zamku robotę cziesielską,
kiedi tego potrzeba, a on ym thelko wynien dacz strawę wedlie starodawnego zwi-
czaiu, yako o czem rewisorowie sprawę dawaya. Srebro kaplicze zamku thego.
Daly tess y the sprawę rewisorowie, ze na zamku Gostińskim szila srebra pobrano
s kaplicze za niebosczika Stanisława Wolskiego, castell. sochaczewskiego, y p. mał-
żonky iego. Była tam skrzineczka srebrna, wyeziczka srebrna, krzisz s kamieny,
kielichi dwa, ornath, u którego krzysz perłowy, humerał perłowy y yne aparati. Ja-
kosz i p. inowłoczławsky starosta dzissieiszy tosz opowiadał, prosząc, abi król iego
m. o tho czynił, a nierzeczono pothem, żeby tho za niego zginęło. Jego król. m. bę-
dzie o to czynił, yako o ss-wa rzecz; y x. biskup płoczky ma tess o tho czyniez,
iako loci ordinaris". Люстрація книга 9, л. 103 — 104, г. 1567. — „Starostwo
Gostyńskie. Miasto Gostynin. Jest natenczas to starostwo pod sprawą
urodzonego pana Krzysztofa Lasockiego, starosty gostyńskiego. Było do tego sta-
rostwa wsi 10 y miast dwa, ale odięto od tego starostwa wsi (для названій остав-
лено мѣсто, но они не вписаны) y miasteczko Gabino, które trzymaia pp. dzierżawcy
w starey summie. Natenczas do tego starostwa iedno wsi trzy, a miasto Gostynin.
W tym mieyście między włokami mieyskimi iest włók wóytowakich 2 et z czyn-
szem, sprą owsową, słodami mieyskimi, piwowarami, targowym y jarmarcznym, jat-
kami y lopatkami, poradnym, browarem (który pusto stoi y żadnego natenczas po-
żytku nie czyni), łaźnią, młynami, puszcza l galowym, jeziorami et summa wszystkich
prowentów z tego miasta fac. 723 — 5 — 5 $\frac{1}{2}$. Wsie: Koziące, Rataie, Skrzany.
Summa summarum wszystkich y osobliwych prowentów starostwa Gostyńskiego
1734 — 10. Defalkowawszy na żywność y myto czeladzi folwark. fl. 101 — 10.
Zostanie dochodów wszystkich stanostwa tego 1633". Lustracya województwa raw-
skiego, anni 1570, Люстрація книга 64, стр. 71.

ный драконъ, пожиравшій бросаемыхъ туда преступниковъ, а когда ихъ не хватало, чудовище выползало и пожирало мирныхъ жителей, пока не было убито однимъ мальчикомъ.

Тюремнымъ именно замкомъ послужилъ онъ для почетныхъ русскихъ плѣнниковъ. Возможно, что предъ заключеніемъ ихъ онъ былъ нѣсколько приспособленъ и поновленъ.

Плѣнниковъ привезли сюда въ концѣ декабря 1611 года. Имѣются извѣстія, что здѣсь они „поставлены были подъ приличествующій и нестѣснительный надзоръ”, „содержались хотя подъ стражей, но довольно свободно”, „съ должною честью”, что „обходились съ ними по-королевски“¹⁾, т. е. что они пользовались свободой, почетомъ и хорошимъ содержаніемъ, хотя другія сообщенія тому противорѣчатъ²⁾.

Достовѣрныя данныя объ обстоятельствахъ жизни и кончины заключенныхъ получаемъ изъ мѣстныхъ официальныхъ актовъ, именно изъ актовъ объ ихъ содержаніи и смерти и изъ описи и выдачи ихъ имущества. Высшій надзоръ за ними лежалъ на гостынскомъ старостѣ панѣ Юріѣ Гарваскомъ, приставомъ состоялъ при нихъ тотъ же дворцовый чиновникъ Збигнѣвъ Бобровницкій, который сопровождалъ ихъ со Смоленска. Стражу составляли нѣхотинцы. Сначала она была изъ 40 человекъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (съ марта 1612 г.) убавлена на половину;

¹⁾ „Ad arcem Gostinensem fuerant amandati deinde isti Suyscii, et sub custodia quidem, liberaliter tamen habiti”. Piasceius, 1648, 327 (въ русск. переводѣ XVII в. 47 стр.: „Къ замку Гостынскому были отосланы потомъ тѣ Шуїскіе, и за карауломъ убо, однако же въ чести имѣты“; въ польск. перев. 1870 г.: „Odesłani zostali ci Szujscy do zamku Gostyńskiego, gdzie, chociaż pod strażą trzymany, uczeiwie ich jednak podejmowano”). „Ostentatus namque in comitiis ad arcem Gostinensem una cum fratribus amandatus erat, honestaeque ac liberali traditus custodiae”. Kobierzycki, 1655, 608. „Nunc Stanislaus à Kobierzycko nominat Basilium Suiscium, ac cum fratribus in Costirensi arce honestè detentum, et dolore, moestitiaque confectum cum fratre Demetrio, custodiae anno primo diem obiisse narrat”. Cellarius, 1659, 594. „Ils furent confinez dans le Chateau de Goston (?) où on les traitta royellement”. Histoire des revolutions arrivées sous l'usurpation de Boris, et l'imposture de Demetrius derniers Empereurs de Moscovie, 376. Англійскій подлинникъ этого сочиненія The Russian Impostor вышелъ въ Лондонѣ въ 1674 году, переводъ присоединенъ къ переводу сочиненія Самуила Коллинса, изданному въ Парижѣ въ 1679 году.

²⁾ См. ниже, стр. 95, прим. 2—4, стр. 97, прим. 3.

подъ конецъ, послѣ смерти старшихъ Шуйскихъ, состояла (съ 1 дек.) всего изъ 4 лицъ. Тутъ же жила русская прислуга Шуйскихъ, повидимому, прислуживая имъ, за исключеніемъ Василя; всѣ ли это были прежніе 13 человекъ, неизвѣстно. Размѣщены были узники по разнымъ комнатамъ замка; каждому принадлежало нѣкоторое свое имущество. На содержаніе израсходовалось почти столько же, какъ и въ Варшавѣ.

Документы о содержаніи плѣнниковъ находятся въ счетныхъ сеймовыхъ книгахъ. Почти за 9-тимѣсячное пребываніе Шуйскихъ въ Гостынинѣ, съ 18/28 декабря 1611 г. по сентябрь 1612 года, было на содержаніе ихъ вмѣстѣ съ приставомъ израсходовано столовыхъ денегъ около 309 рублей, до 35 р. въ мѣсяць (2.058 злотыхъ по 228 зл. 20 грошей въ мѣсяць); слѣдующіе два мѣсяца, послѣ смерти Василя и Димитрія, отпускалось по 15 р. 60 к. (104 зл.) въ мѣсяць. Въ дальнѣйшіе два мѣсяца (по январь 1613 г.), когда изъ Шуйскихъ живымъ оставался одинъ князь Иванъ Ивановичъ, содержаніе падаетъ до 3 р. 60 к. (24 зл.) въ мѣсяць. Охранѣ, пока ея было 40 пѣхотинцевъ, выплачивалось 28 руб. 33 к. (188 злотыхъ 26 гр.) въ мѣсяць, а съ марта 1612 г., по сокращеніи ея на 20 человекъ, платилась половина этого, но съ выдачей имъ сукна; въ послѣдніе два мѣсяца (дек. 1612 г. и янв. 1613 г.) остававшимся 4-мъ пѣхотинцамъ отпускалось менѣе 3 руб. въ мѣсяць ¹⁾. Конечно, надо принять во вниманіе тогдашнюю цѣнность денегъ и дешевизну продуктовъ ²⁾, а также и то, что у плѣнныхъ, какъ увидимъ, имѣлись и свои средства.

Что касается до официальныхъ свидѣтельствъ о смерти Шуйскихъ, то и эти акты были составлены по юридической формѣ того времени. Ранѣе всѣхъ умеръ Василій Ивановичъ, и о немъ записали:

„Состоялось въ Гостынскомъ замѣ въ субботу, на слѣдующій

¹⁾ Приложенія, кн. 2, № 6.

²⁾ Prof. Adolf Pawłowski, Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego, dodatek 1 и таблица цѣнъ денегъ и предметовъ, Źródła dziejowe, Warszawa, 1881, VIII.

день послѣ праздника св. Матѳея, апостола и евангелиста, года Господня тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

Славной памяти высокородный покойный Василиій Шуйскій душу свою Господу Богу отдалъ дня, т. е. въ субботу послѣ праздника св. Матѳея, апостола и евангелиста, въ своемъ помѣщеніи, въ каменной комнаткѣ надъ каменными воротами; покойный (какъ объ этомъ носится слухъ) былъ великимъ царемъ московскимъ, и былъ онъ вмѣстѣ съ высокородными Дмитріемъ, гетманомъ, Иваномъ, подскарбіемъ, Шуйскими, князьями московскими, родными братьями, по приказанію его королевскаго величества, наяснѣйшаго короля польскаго, сосланъ на жительство въ Гостыньскій каменный замокъ, когда завѣдывалъ староствомъ высокородный гостыньскій староста г-нъ Юрій Гарваскій, приставомъ при нихъ въ томъ же Гостыньскомъ замкѣ—г-нъ Збигнѣвъ Бобровницкій, придворный его королевскаго величества. Жилъ онъ лѣтъ около 70-ти“.

Подобное же свидѣтельство было составлено послѣ смерти князя Дмитрія Ивановича.

„Состоялось въ Гостыньскомъ замкѣ въ ближайшій четвергъ предъ праздникомъ св. Михаила Архангела, года Господня тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

Славной памяти покойный высокородный Дмитрій Шуйскій, великій гетманъ московскій, скончался и Господу Богу душу отдалъ въ нынѣшній день, т. е. въ четвергъ предъ праздникомъ св. Михаила, сего тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго года, въ комнатѣ, своемъ каменномъ нижнемъ помѣщеніи, обращенномъ къ винограднику, въ присутствіи высокородной Екатерины, княгини, своей супруги, и московскихъ слугъ; покойный вмѣстѣ съ высокородными Васиіемъ, царемъ московскимъ, и Иваномъ, подскарбіемъ, Шуйскими, родными братьями, по приказанію его королевскаго величества сосланъ былъ на жительство въ Гостыньскій замокъ, во время староства высокороднаго г-на Юрія Гарваскаго, старосты гостыньскаго, а приставомъ у нихъ былъ высокородный Збигнѣвъ Бобровницкій, придворный его королевскаго величества“.

Третье свидѣтельство, о княгинѣ Екатеринѣ Григорьевнѣ, было нѣсколько подробнѣе. Первые два написаны были попольски, это полатыни.

„Состоялось въ Гостыньскомъ замкѣ, въ воскресенье, въ праздникъ св. Екатерины дѣвы и мученицы, года Господня тысяча шестьсотъ двѣнадцатаго.

Высокородная, покойная Екатерина Шуйская, супруга высокороднаго покойнаго Дмитрія Шуйскаго, блаженной памяти князя

московскаго, именованная княгиня Екатеринаю, будучи одержима болѣзнью, сильною опухолью, скончалась благочестиво и простилась съ живыми сегодня, т. е. въ воскресенье, въ праздникъ св. Екатерины дѣвы и мученицы, за полтора часа до полудня, въ присутствіи высокороднаго Іоанна Шуйскаго, называемаго «князь Иванъ Левинъ», деверя своего, а также своихъ служанокъ и служителей, въ семь каменномъ Гостынскомъ замкѣ, въ нижнемъ помѣщеніи, обращенномъ къ винограднику или къ роцѣ, на правой сторонѣ отъ входа въ замокъ, около угольнаго окна воротъ или моста (sic), въ мѣстѣ жительства или пребыванія, назначенномъ по повелѣнію свѣтлѣйшаго королевскаго величества, въ бытность старостою вельможнаго Юрія Гарваскаго, старосты сего Гостынскаго замка, а смотрителемъ или приставомъ благороднаго Збигнѣва Бобровническаго, придворнаго его королевскаго величества¹⁾.

¹⁾ Рукопись Библиотекки Варшавскаго Университета, зала 29, шк. 1, полка 1, № 1: „Opisy zabytków starożytności w gubernii Warszawskiej przez Delegacyą, wyslaną z polecenia Rady Administracyjnej Królestwa w latach 1844 i 1846-ym zebrane, rysunkami w dwóch osobnych atlasach zawartemi objaśnione. 1851. I. Gubernia Warszawska. V. Powiat Gostyński, 260—264.—Въ этомъ своемъ трудѣ Комиссія для описанія древностей, сообщая, между прочимъ, о найденныхъ древностяхъ гостынскаго уѣзда Варшавской губерніи, приводитъ свидѣтельства о смерти Шуйскихъ, буквально снятыя ею со старинной копіи. Свидѣтельства внесены были въ судебныя книги Гостынскаго градскаго (замковаго) суда; книги, вмѣстѣ съ подлинниками, давно утеряны; старинная копія, найденная Комиссіею, страдаетъ ошибками и описками, которыя удержаны и членами Комиссіи. По этой университетской рукописи свидѣтельства изданы нами въ Приложеніяхъ, кн. 1, № 2. Прямое извлеченіе изъ Opisy—въ газетѣ Dziennik Powszechny, 1862, № 159. Записи о смерти Шуйскихъ взяты были изъ гостынскихъ судебныхъ книгъ и внесены въ XVIII вѣкѣ еще въ церковную метрику умершихъ Гостынскаго прихода. Метрика хранится во Львовской библиотекѣ Оссолинскихъ, № 1961, извлеченіе изъ нея актовъ о смерти Шуйскихъ въ Киевской Старинѣ, 1888, X, 212—214; отличія этой копіи, какъ и копіи съ Opisy, бывшей у Совѣщанскаго (нынѣ у г. Коротынскаго), отъ списка въ университетской рукописи, заслуживающія вниманія, приведены нами въ примѣчаніяхъ къ изданному нами тексту. См. также брошюру А., Z dziejów Warszawy, Kraków, 1894, 16—17, и краткое сообщеніе В. Г. Воробьева (Историческій Вѣстникъ, 1897, сент. кн., 938—939, гдѣ авторъ пользовался польскою брошюрою г. А.). Нами недавно найдены и рассмотрѣны еще двѣ старыя копіи тѣхъ же актовъ. Одна изъ нихъ (у г. В. Гомулицкаго) съ небольшими вариантами отъ университетской рукописи, именно: въ записи о смерти кн. Дмитрія не „na dolnym“, а „padolnym“, не „okoliczności“, а „obliczności“; въ записи о смерти кн. Екатерины вмѣсто valeditisque стоятъ valedicitque. Другая копія снята, очевидно, съ имѣвшей официальное происхожденіе копіи съ подлинной книги—ex actis capitanealibus Gostinensibus, посему мы помѣщаемъ ее въ сборникѣ Къ исторіи Смутаго времени. Переводъ актовъ даемъ съ принятіемъ во вниманіе этихъ копій.

Отсюда видимъ не только то, на комъ лежала ближайшая обязанность наблюденія надъ плѣнниками, но и дѣйствительную обстановку, гдѣ жили и скончались они, и точно узнаемъ время ихъ кончины.

Подъ наиболѣе крѣпкою стражей содержался Василій Ивановичъ. Онъ былъ заключенъ и умеръ „въ каменной комнаткѣ надъ каменными воротами“ („w posoju swym, w izdebce pi-gowanej nad bramą pigowaną“). Это, очевидно, комната надъ въѣздными воротами, извѣстная уже намъ по описи 1561 года, хорошо запиравшаяся на замокъ и задвижки и бывшая тогда въ четыре окна, съ поломъ изъ гладкаго кирпича, съ полированной печью, каминомъ и со шкафомъ въ стѣнѣ. Такъ какъ она называлась теперь „комнаткою“ (izdebka), то надо предположить, что изъ нея не была ли, для наиболѣе вѣрнаго заключенія въ ней царственнаго плѣнника, прочно отгорожена всего часть, остальная же половина могла быть выдѣлена для его военной стражи. Дѣйствительное званіе узника держалось въ тайнѣ; доступъ къ нему былъ труденъ, и узникъ умеръ, повидимому, въ совершенномъ одиночествѣ, безъ родныхъ, безъ слугъ и безъ свидѣтелей. Публичное униженіе, какому Василій подвергъ себя на Варшавскомъ сеймѣ, счастливаго исхода ему не доставило.

Ближайшій его братъ, князь Дмитрій Ивановичъ жилъ въ нижней части замка, „въ комнатѣ, своемъ каменномъ нижнемъ помѣщеніи, обращенномъ къ винограднику“; супруга князя жила тоже „въ нижнемъ помѣщеніи („in hurocausto inferiori“), обращенномъ къ винограднику или рошѣ, по правой сторонѣ отъ входа въ замокъ, около угольнаго окна воротъ или моста“. Тамъ, направо отъ воротъ, находилось прежде, какъ мы знаемъ, два помѣщенія, со сводами: первое, въ одно окно за желѣзною рѣшеткою, служившее архивомъ и запиравшееся замкомъ; второе въ два окна за желѣзными рѣшетками и съ длиннымъ столомъ и длиннымъ прилавкомъ; книги тогда же были составителемъ инвентарной описи переданы гостыицкимъ подстаростѣ и судѣ.

Объ ли эти комнаты занимала теперь княжеская чета или жила она въ одной, опредѣлить трудно; несомнѣннымъ кажется, что княгиня жила и кончила свои дни въ первомъ небольшомъ помещеніи, гдѣ хранились прежде книги.

Плѣнники эти, не проживъ здѣсь и года, скончались: царь Василій отошелъ въ вѣчность 12 (22) сентября, князь Дмитрій 17 (27) числа того же мѣсяца, на глазахъ своей жены и русской прислуги, княгиня Екатерина 15 (25) ноября, въ присутствіи брата ея мужа и русскихъ слугъ.

Имуществу умершихъ произвели подробную опись ¹⁾, по даннымъ которой, а также по акту о выдачѣ его ²⁾ еще болѣе можно судить объ ихъ обстановкѣ въ заключеніи. Всѣ они жили и скончались „въ Гостынскомъ каменномъ замкѣ“. Бывшій царь, еще во время своего боярства славившійся громадными богатствами, оставилъ послѣ себя скромное наслѣдство, и при томъ большею частію изъ вещей, „пожалованныхъ“ и подаренныхъ ему въ плѣну. вмѣсто старинныхъ массивныхъ кіотовъ съ драгоценными образами у него имѣлся лишь деревянный образъ-складень, обложенный серебромъ и обогнутый по сторонамъ мѣдью; вмѣсто прежнихъ сундуковъ, поставцовъ и горокъ была одна шкатулка съ червонцами, талерами и другими деньгами, помелче; да въ ней же сберегались небольшая серебряная братина

¹⁾ Литовская метрика, въ Имп. Публичной Библиотекѣ, рукоп. Q, IV, 70, лл. 42—48; на переплетѣ манускрипта вытиснуто заглавіе: Acta Mag. Duc. Litw., 303, 307. Въ виду особой важности документа, а также въ виду того, что сообщеніе его въ Актахъ Историческихъ, II, № 340, стр. 405—406, гдѣ приведена и вытиснутая надпись, не отличается точностію, мы переиздаемъ его въ Приложеніяхъ, кн. 1, № I В. Всю корректуру его съ полною тщательностію любезно провѣрилъ по подлиннику А. О. Бычковъ. — Никакой другой описи имуществу Шуйскихъ неизвѣстно; заявленія, бывшія въ печати, о нахожденіи будто бы еще иной описи, ошибочны, основаны на недоразумѣніи. Подобно актамъ о смерти Шуйскихъ, она, какъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ ея выраженій, составлялась по частямъ, послѣ смерти каждаго изъ умиравшихъ, а затѣмъ эти три отдѣльных описи слились въ одну. Цѣльная опись составлена была въ 1613 году, „благороднымъ Вацлавомъ Глинскимъ, служащимъ у г. Варшницкаго, короннаго подскарбія, въ ближайшую по Сочествіи Св. Духа среду“ (тамъ же, кн. 2, стр. 381), т. е. 19 мая.

²⁾ Приложенія, кн. 2, № 190 (изъ рукоп. Краковского Музея кн. Чарторьскихъ).

и серебряная ложка, данныя Василию Сигизмундомъ при первомъ представленіи его королю подѣ Смоленскомъ. Когда Жолкѣвскій взялъ Василія изъ монастыря, Василій, какъ уже видѣли, былъ въ монашескомъ платьѣ. Гетманъ переодѣлъ его въ мірскую „литовскую” одежду и въ такомъ видѣ представлялъ его Сигизмунду подѣ Смоленскомъ. На торжественное представленіе въ Варшавѣ стготовлено было, по повелѣнію короля, богатое одѣяніе; были и другія подарки одеждой. Поэтому послѣ Василія оказалось теперь платье все „королевскаго жалованья”: золотой охабень, четыре каштана, одинъ червчатого бархата, другой изъ темнолазоревої камки, третій изъ камки дымчатой, на куньемъ мѣху, четвертый синяго сукна съ серебряными золоченными пуговицами, по двѣ мѣховыхъ шубы и шапки. То же „королевскаго жалованья”, были постели, взголовье и изъ желтой камки одѣяло. Совсѣмъ убога была домашняя посуда: ея осталось стаканъ и двѣ ложки, серебряныя, подарокъ подѣ Смоленскомъ отъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги и пана Ивана Волобана; собственной посуды — серебряный ковшъ, 4 оловянныхъ блюда, 4 тарелки, циновыя блюдечко и рукомойникъ, 6 скляничныхъ погребцовъ во влагалищѣ, два мѣдныхъ котлика, мѣдный тазъ и желѣзный вертелъ.

Кн. Дмитрій Ивановичъ и его жена оставили послѣ себя больше имущества: кромѣ образовъ, одежды, драгоценныхъ камней и разной домашней утвари, осталось послѣ князя—200 рублей денегъ и 199 золотыхъ червонныхъ, послѣ княгини—денегъ 93 рубля да рубль на 3 ефимковъ, гривенниковъ и алтынниковъ, часы, въ формѣ сыра, съ боемъ, изъ туалетныхъ вещей даже серебряная „бѣлильница” и т. п. Нѣсколько вещей „пожаловала” ей жена Жолкѣвскаго: золотое зарукавье съ камнями, плато и черную бархатную шапку, на пуху и съ золотыми запонками. Конечно, и это нельзя и сравнивать съ прежнимъ: не считая того, чѣмъ владѣлъ тогда самъ Дмитрій Ивановичъ, княгиня Екатерина Григорьевна, какъ дочь Малюты-Скуратова и сестра жены Бориса Годунова, имѣла свои большія средства. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что король дѣйствительно проявилъ свое вниманіе къ матеріальной обстановкѣ Шуйскихъ; у нихъ имѣлись

также московская карета, покрытая кожей и съ колесами, окорванными желѣзомъ, и московская крытая повозка, со всѣмъ, подобнымъ для выѣзда; вѣроятно, въ нихъ они были привезены сюда.

Изъ денегъ, оставшихся послѣ мужа, княгиня Екатерина Григорьевна выдала 30 рублей на помянъ его души.

Почему такъ скоро, одинъ за другимъ, умирали Шуйскіе, объ этомъ ничего не сообщаютъ наши источники, упоминая лишь, что княгиня скончалась послѣ болѣзни, хворала опухолью, и намекая, что причиной смерти Василя была глубокая старость ¹⁾. Смерть ихъ казалась загадочной, и въ Польшѣ ходила молва, что братья Шуйскіе отравились сами, не могли, отъ стыда, переносить своего положенія ²⁾; молва о насильственной смерти скончавшихся достигла и до Москвы, гдѣ рассказывали, что ихъ отравили ³⁾; едва ли не того же мнѣнія держался и возвратившійся изъ польскаго плѣна Филаретъ Никитичъ ⁴⁾. А если смерть слу-

¹⁾ По гостыньскому актовому свидѣтельству, Василій умеръ около 70-ти лѣтъ отъ роду; по ему было тогда менѣ этого. См. ниже, надпись на московской гробницѣ Василя, въ концѣ главы о перенесеніи останковъ Василя въ Москву, 131 стр.

²⁾ „Struli się sami, udają,

Dla wstydu, tak powiadają“. Adam Jarzembski, w Gościńcu, albo krótkiem opizaniu Warszawy (1643), извлечение въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію, кн. 1, № 119, стр. 206.—Объ Яржембскомъ и объ его описаніи Варшавы въ 1643 году будетъ сказано нами позднѣе.—Его современникъ Twardowski (30) о смерти „одного“, очевидно, Василя, выразился, что она „nieopowiedne“.

³⁾ „В Литвѣ жъ царя Василя и брата его князя Дмитрея и со княгинею умориша“. Русская лѣтопись по Никонову списку, VIII, 148; Лѣтопись о многихъ митежахъ, 199; Новый лѣтописецъ, Временникъ, XVII, 125. „Тамо же и скончашася нужною смертію“. Повѣсть о нѣкоей брани, належашей на благочестивую Росію, рукоп. И. Публичн. Библиот. изъ собранія гр. О. Толстова, отд. 1, № 241, изд. въ Русской Исторической Библиотекѣ, XIII, 256.—Повѣсть эта, очевидно, писана вскорѣ послѣ смерти Шуйскихъ, до возвращенія въ Москву кн. Ивана, котораго авторъ Повѣсти то же считалъ насильственно умершимъ вмѣстѣ съ братьями (тамъ же, 256; проф. Платонова, Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени, 119, 121); послѣдняя частность подрываетъ у Повѣсти достовѣрность и всего извѣстія о „нужной смерти“ Шуйскихъ.

⁴⁾ Сообщивъ объ умерщвленіи Шуйскихъ, Новый лѣтописецъ продолжаетъ: „Послы жъ, присланные съ Москвы, митрополить Филаретъ и прочіи съ нимъ, слышавши о смерти царя Василя, оскорбишася и плакахуся“. Новый лѣтописецъ, Временникъ, XVII, 125; ср. Рус. лѣтоп. по Никон. сп., 148—149; 160—161. Авторъ сего Лѣтописца былъ близокъ къ Филарету (проф. Платоновъ, Древнерусскія сказанія и повѣсти, 268: „Въ немъ не замѣтно близости ни къ какому дѣятелю Смутной эпохи, кромѣ патріарха Филарета, о которомъ авторъ знаетъ даже такія подробности, какъ его частная бесѣда съ Желябужскимъ“. Ср. стр. 258—259).

чилась отъ отравы, то, конечно, трудно думать, чтобы ядъ могъ быть полученъ плѣнниками безъ содѣйствія плѣнителей; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя убѣдиться и въ необходимости для этихъ плѣнителей въ подобной быстрой и насильственной развязкѣ. Тогда пришлось бы признать доказаннымъ, что смерть Шуйскихъ понадобилась, дабы отнять цѣль у партіи, сочувствовавшей имъ, что они могли освободиться или быть освобожденными изъ своего заточенія и стать на царство, или по крайней мѣрѣ явиться сильными кандидатами ¹⁾. Однако несомнѣнно одно, именно, что эта смерть послѣдовала въ весьма критическую пору для плѣнителей. Русское народное ополченіе осторожно шло на освобожденіе Москвы подъ водительствомъ князя Пожарскаго, который, „особенно выдвинувшись въ царствованіе Василія Шуйскаго, какъ вѣрный ему воевода и администраторъ” ²⁾, могъ казаться польскому правительству, хорошо знавшему видныхъ русскихъ людей, не только серіознымъ врагомъ для польскихъ отрядовъ, но и опаснымъ сторонникомъ Шуйскихъ. Сигизмундъ, отправившись (въ августѣ 1612 г.) съ сыномъ въ Московскій походъ чрезъ Вильно, скоро увидѣлъ утрату своего выгоднаго прежняго положенія и всю трудность своего дѣла: напрасно разсылалъ онъ изъ Вильны универсалы къ войску, оно не являлось, не надѣясь на уплату королемъ жалованья, набралось всего тысячи три нѣмцевъ; войска же Пожарскаго счастливо облегли Москву, отогнавъ отъ нея гетмана Ходкевича и тѣсня сидѣвшій въ ней поль-

¹⁾ Если Костомаровъ (Историческія монографіи, VI, 320), а за нимъ и нѣкоторые другіе, напримѣръ, думалъ, что на земскомъ соборѣ, избравшемъ на царство Михаила Ѳедоровича, „вспоминали о возвращеніи короны Шуйскому“, то Страленбергъ (*Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm, 1730, гл. IV, парагр. 46, 48), у котораго могло быть имъ взято это указаніе, хотя и писалъ, что сначала „большинство голосовъ было подано за такихъ великихъ воеводъ, какъ Голицынъ, Воротыньскій и Шуйскій“, однако называетъ кандидата въ цари князя Шуйскаго двоюроднымъ братомъ бывшаго царя; къ тому же, ни князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, котораго могъ разумѣть Страленбергъ, ни царя Василія тогда уже не было въ живыхъ. Проф. А. И. Маркевичъ, Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова, Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1891, IX, 188—189, X, 405.

²⁾ Проф. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты, 537.

скій гарнизонъ, который, подъ начальствомъ Струся, потомъ и сдался на капитуляцію. Съ грустнымъ чувствомъ долженъ былъ Сигизмундъ двинуться изъ Вильны чрезъ Оршу, изъ которой послалъ въ Москву къ боярамъ грамоту (15 сент.), гдѣ какъ бы уже извинялся предъ ними за то, что замедлилъ отпратить Владислава на царство, объясняя это приключившейся-де „болѣзною и хоробою“ королевича и объявляя, что теперь, когда Господь здоровья сыну „привернулъ“, онъ идетъ съ нимъ „вѣнчати его царскимъ вѣнцомъ и діадемою“¹⁾. Отрядъ, бывший при Сигизмундѣ и Владиславѣ, походилъ на свиту, а не на войско, способное къ выполнению предстоявшей задачи. Въ это время и умерли старшіе братья Шуйскіе, Василій и Дмитрій. Сигизмундъ, какъ извѣстно, дошелъ только до Волоколамска, т. е. до района, откуда, вопреки условіямъ, Василій былъ прежде взятъ Жолкѣвскимъ: ни двигаться далѣе, ни оставаться тутъ король не могъ, и поворотилъ онъ съ сыномъ назадъ, вскорѣ послѣ смерти Екатерины Григорьевны, жены князя Дмитрія.

Ближайшій свидѣтель несчастной участи умершихъ, Иванъ Шуйскій объяснилъ потомъ ихъ смерть „волею Божіею“ (хотя тутъ же прибавлялъ: „а мнѣ вмѣсто смерти наияснѣйшій король жизнь далъ“). Московское правительство никогда не дѣлало польскому правительству даже намека на какое-либо насиліе въ кончинѣ Шуйскихъ, напротивъ, высказывалось²⁾, что для Польши царь Василій, по крайней мѣрѣ при Михаилѣ Θεодоровичѣ, живымъ имѣлъ бы болѣе значенія. Молвѣ объ отравѣ не всѣ доверяли, сходясь довольно близко въ своемъ мнѣніи о причинѣ смерти: въ Москвѣ смерть объясняли „нужнымъ страданіемъ“ заключенныхъ³⁾, въ Польшѣ и на Западѣ объясняли ее потомъ

¹⁾ Собрание гос. грам. и договоровъ, II, № 286. Ср. Дворцовые Разряды, I, 7—8, Кобиєгзускіе, 451—453, Ніемсевица, III, 57—59; Соловьева, VIII, 409—426, Костомарова, VI, гл. 3.

²⁾ См. выше, VI гл.

³⁾ „И тако отведоша его (ц. Василя) въ Литву къ Жигимонту королю, и тамо нужнымъ страданіемъ пріять кончину житія своего“. Поповъ, Изборникъ, 200. „И тамо нужнымъ страданіемъ пріять (Василій) кончину житія сего..., тамо же и братъ его князь Дмитрей Ивановичъ тако же пострада и кончину житія сего пріять“. Иное сказаніе о самозванцахъ, Временникъ, XVI, 69; Рус. Ист. Библиот., XIII, 123; ср. стр. 466.

ихъ горемъ и тоской по утраченномъ ¹⁾ или, вообще, бѣдствіемъ заключенія ²⁾. Что „неволя и тоска“ свели царя въ могилу, повторяется и въ позднѣйшей русско-исторической литературѣ ³⁾.

¹⁾ „Basilii Suyscii... ibi demum intra annum moerore contabuerat, pari lethi genere extincto et Demetrio fratre“. Kobierzicki, 608—609. Мнѣніе Cellari'я выше, стр. 88, прим. 1. „Mais malgré le bon traitement qu' on leur faisoit, Basilius supportant impatiemment sa captivité se laissant abatre à ses chagrins ne survesquit pas long-temps à la perte de sa liberté et de son Empire: son frère Demetrius mourut peu après luy“. Histoire des revolutions, 376. „Zuski ne put soutenir tant de disgraces, et mourut bientôt de chagrin“. Lacombe, Histoire des revolutions de l'empire de Russie. Amsterdam, 1760, 77. „Żal utraconey korony, w rok jeden przeciął dni Wasila, podobnież ze smutku umarł brat jego Dymitr“. Niemcewicz, 1819, III, 195. „Żałość jednak i smutek, w rok jeden przeciął dni Wasila; wnet zmarł i Dymitr“. Baliński i Lipiński, 1843, I, 588; 1885, I, 691. „Z tych dwaj pierwsi z tęsknoty w tymże zamku pomarli“. Мнѣніе членовъ Коммиссіи для описанія древностей. Opisy zabytków starożytności, рукоп. Варш. Университета, V, 260; Dzień. Powsz., 1862, № 159, стр. 666. „Z tych dwaj pierwsi, oraz żona jednego, z tęsknoty w tymże zamku, w ciągu jednego roku pomarli“. Энеклопедыя powszechna, X, 342. „Тęsknota za krajem i zgryzoty doznanego poniżenia, w niespełna rok po ich osadzeniu w warowni, położyły kres życiu starego Wasyla, hetmana Dymitra i żony tegoż Katarzyny“. A., Z dz. Warsz., 14.

²⁾ „Qui in arce Gostinensi palatinatus Ravensis nondum exacto anno cum fratre Demetrio carceris aerumnis confectus fatis concessit“. Mayerberg, Iter in Moschoviam, 58. Чаще упоминается о смерти безъ яснаго означенія причины: „er im Gefengniss iat gestorben“ (Petreius, Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow. Lipsiae, 1620, 456; рус. перев. 206; его повторяетъ Olearius, Vermehrte moscovitische und persianische Reisebeschreibung. Schlesswig, 1656, 233); „оба Шуйскіе вкорѣ умерли въ Польшѣ“ (Геркманъ въ 1625 г., 319); „tamże pomarli w więzieniu Sujsczy“ (Goliński, Приложенія къ изслѣдованію, кн. 2, стр. 358); „ac post annum unum defuncto Basilio duce, ac altero eius fratre“ (Piasescia, 1648, 327); „Basilius quippe in captivitate obierat“ (Wassenberg, 1649, I, 45); „in carcere vitam una cum fratre Demetrio finivit“ (Erntelius, 1730, 26); „qui captivus vitam in carcere Gostinae finuerat, una cum fratribus duobus“ (Sim. Starowolski, Tractatus tres, I, Polonia... Wratislaviae, 1733, 40) и др.

³⁾ Костомаровъ (VI, 200): „неволя и тоска свели царя чрезъ годъ въ могилу“; Н. Степановъ (Городъ Гостынинъ и его уѣздъ, Древняя и Новая Россія, 1876, II, 245); Г. А. Воробьевъ (Гостынский замокъ, Русская Старина, 1892, июн. кв., 679) и друг. Соловьевъ (VIII, 369) и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Теодоровича Ромакова, Журн. М. Н. Просв., 1887, VIII, 286), впрочемъ, совсѣмъ не касаются вопроса объ обстоятельствахъ и о ближайшей причинѣ смерти Шуйскихъ. Тѣ сообщенія и результаты, къ какимъ пришли мы въ своихъ изысканіяхъ „Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ“ (Варшав. Университ. Извѣстія, 1894, IV, 5—8) и „Гостынский замокъ“ (Русское Обозрѣніе, 1898, V), приняты потомъ Д. И. Иловайскимъ (Смутное время, 304—305), С. Ф. Либровичемъ (1901, 53—57) и др. О смерти собственно царя Василя одинъ изъ изслѣдователей по исторіи медицины въ Россіи недавно высказалъ предположеніе, но безъ ссылки на какіе-либо источники: „Самъ Василій Ивановичъ, вѣроятно, умеръ отъ какой-либо случайной острой болѣзни, въ

Кто ранѣе занималъ престоль или былъ близокъ къ нему, а потомъ испыталъ столь тяжелья униженія и потрясенія, тому, при безнадежномъ лишеніи свободы и счастливаго исхода, оставалось только быстро задохнуть и умереть.

Покойниковъ похоронили въ замкѣ ¹⁾. Какъ совершилось погребеніе, неизвѣстно. Имущество умершихъ взяли на короля. Князь Иванъ Ивановичъ не только не былъ признанъ наслѣдникомъ оставшагося послѣ нихъ достоянія, но приставомъ ихъ, придворнымъ короля, Бобровницкимъ были отобраны у него подаренныя ему братомъ Дмитріемъ и невѣсткою Екатериною Григорьевной золотая цѣпь, перстень съ вырѣзанною на яхонтѣ печатью, 176 гурмицкихъ скатныхъ зеренъ, жемчужныя пуговицы и т. п. По описи, произведенной (19 мая 1613 г.) отъ короннаго подскарбія, гостынской староста Гарваскій, исполняя полученное имъ королевское повелѣніе (8 генв. 1614 г.), передалъ довѣренному Бобровницкаго московскія карету и повозку и все прочія вещи, „оставшіяся въ Гостынскомъ замкѣ послѣ умершихъ князей Шуйскихъ“ ²⁾. Что случилось съ русской прислугой скончавшихся, источники не упоминаютъ. Повидимому, одному изъ этихъ людей князя Дмитрія Ивановича вскорѣ удалось пробраться

родѣ воспаления легкаго, на почвѣ всеобщаго и перваго истощенія въ плѣву, еще не совсѣмъ старымъ“ (З м ѣ в ѣ ть, Чтенія по врачебной исторіи Россіи. Сиб., 1896, 181).

¹⁾ По разсказу однихъ авторовъ, наиболѣе вѣроятному (K o b i e r z u e k i, 609, N i e m c e w i c z, III, 195), предъ воротами замка („temporaneum sepulturae honorem ante arcis portam habuere“; „pochowano ich tymczasowie przed bramą Gostyńskiego zamku“); по словамъ другихъ (B a l i ŋ s k i i L i p i ŋ w k i, 1843, I, 509; 1885, I, 691; У с т и м о в и ч ѣ, 10), подъ замковыми воротами („pod bramą zamkową“, „въ склепѣ подъ сводами замковыхъ воротъ“); по мнѣнію третьихъ (Opisъ забытк. staroż., рук., V, 260; Dz. Powsz., 1862, стр. 666; Encykl. Powsz., X, 343; Др. и Нов. Рос., 1876, II, 245; Рус. Стар., 1892, июнь, 679), подъ замковою башнею („pod wieżą zamkową“); по догадкѣ четвертыхъ (Słownik geograficzny, II, 749), около замковой деревни („pod wieżą zamkową“). Самое раннее извѣстіе о мѣстѣ погребенія Василя неопредѣленно. Упомянувъ объ отдачѣ Василя „королю въ Польшѣ“ и о смерти его тамъ въ заключеніи, Petreius (1620, 456) сообщалъ: „er... zwischen Torn und Warsau auff dem Felde hart am wege begraben und eine Capell uber ihn gemacht worden“. Но разумѣлась уже тутъ усыпальница или „Каплица Шуйскихъ“ подъ Варшавой, выстроенная къ 1620 году. О ней ниже, въ послѣдующихъ главахъ. — О мѣстѣ погребенія Шуйскихъ въ Гостынинѣ имѣетъ прямое значеніе только сообщеніе K o b i e r z u e k i e g o, какъ лица, которому это могло быть извѣстно ближе.

²⁾ Приложенія, кн. 1, стр. 11—12, кн. 2, стр. 381—382.

въ Москву, гдѣ онъ и получилъ (въ ноябрѣ 1613 г.) щедрую награду, какъ „выходецъ“¹⁾.

Князя Ивана Ивановича, самаго младшаго и наименѣе значительнаго изъ Шуйскихъ, держать заключеннымъ въ замкѣ не имѣло цѣли. По возвращеніи изъ неудачнаго Московскаго похода 1612 г., Сигизмундъ привлекъ его на службу къ своему сыну, королевичу Владиславу, какъ бы „московскому царю“. Выданный боярами, князь Иванъ Ивановичъ не имѣлъ основаній считать возвращеніе свое въ Москву ни желательнымъ, ни безопаснымъ, еслибъ оно было теперь даже и возможно, и онъ принесъ Владиславу присягу. Повидимому, это было ранѣе полученія въ Польшѣ вѣстей не только о вступленіи Михаила Теодоровича на царство, но и объ избраніи его²⁾.

Содержаніе князя Ивана Ивановича не было особенно обезпеченнымъ, а положеніе виднымъ. Въ 1617 году, предъ сборами Владислава въ новый Московскій походъ, ему было на содержаніе дано 1500 злотыхъ (225 рубл.), много меньше, чѣмъ думному дьяку Василию Янову (2000 зл.) и бывшему московскому послу Юрію Трубецкому (3000 зл.)³⁾. Мы потомъ увидимъ,

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, IX, 192.

²⁾ Счеты (Приложенія, кн. 2, № 6) по содержанію въ Гостыньскомъ замкѣ кн. Ивана Ивановича и стражи велись до 1 февраля 1613 г. Торжественное избраніе Михаила, какъ извѣстно, состоялось 21 февраля 1613 г., и земскій соборъ, надѣясь достигнуть размѣна плѣнныхъ, принималъ мѣры, чтобы въ Польшѣ пока не узнали объ этомъ избраніи; Михаилъ Теодоровичъ, изъ-за опасенія участи предшественниковъ, согласился на предложеніе неохотно, ѣхалъ изъ Костромы медленно, прибылъ въ Москву въ маѣ, короновался 11 іюля.

³⁾ Къ исторіи Смутнаго времени (изъ рукоп. Императ. Публичной Библиотеки, 1617 г.). — По преданіямъ, держащимся въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска и отчасти проникшимъ въ печать, съ именемъ этого князя Ивана Ивановича Шуйскаго соединяется постройка или обезпеченіе нѣсколькихъ церквей тамъ среди православнаго русскаго населенія. Основаніемъ для преданій послужили такія данныя. Въ церковной лѣтописи села Короцина (въ 5 верстахъ отъ Бреста, Сѣдлецкой губ., Константиновскаго уѣзда) значится, что храмъ его построенъ въ 1609 году княземъ Иваномъ Шуйскимъ; заложена церковь въ день св. Бориса и Глѣба. На горнемъ мѣстѣ имѣется древлія, чтимая окрестнымъ населеніемъ, икона Божіей Матери, съ греческою надписью, недавно найденной, при реставрированіи иконы. Преданіе присоединяетъ, что князь Шуйскій жилъ въ Брестѣ, а лѣтомъ наѣзжалъ въ селеніе Короцины; такъ какъ здѣсь не было церкви, то князь и построилъ ее, небольшую, напоминавшую скорѣе часовню, къ которой въ 1764 г. сдѣлана пристройка, увеличившая

какъ московскіе бояре изображали его положеніе въ польской средѣ.

размѣры храма, въ какомъ видѣ онъ стоитъ и нынѣ. Въ церковномъ архивѣ другаго села, Теробунь (въ 10 верстахъ отъ Бреста), хранятся два экземпляра дарственной записи князя Ивана Шуйскаго — одинъ старыи, другой копія, въ 1884 г. выданная изъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовъ (изъ книги Брестскаго земскаго суда за 1609—1611 г., № 7357, 263—266). Въ этой записи, между прочимъ, читаемъ: „Я, Янъ Шуйскій, подкомори берестейскій, ... ку послужу Пану Богу, Створителю моему, змуроваломъ церковь заложенія Светого Спаса (Преображенія) во имѣнью моимъ Теробунью, у воеводства Берестейскомъ лежачомъ, у которой церкви тѣло мое грѣшное маеть быти поховано, а ижъ бы хвала Божая вѣчнѣ, а ни гдѣ не отзовиѣ, неотмѣниѣ въ той церкви порядкомъ вѣры и закону Греческого, а не иного набоженства шла, надаю на тую церковь мою Теробуньскую попу тое церкви... и всѣмъ по немъ попомъ наступцомъ селищю зъ будованьемъ (далѣе подробно означаются участки земли и денежныя и другія дачи). И церкви обѣ-двѣ Теробуньская и Мокранская, абы до иного набоженства мимо виру Греческую не были правожоны, сумнѣнемъ и судомъ Божиимъ потомковъ моихъ и наступцовъ ихъ обовезую... Писанъ въ Теробунью лѣта Божого Нароженья тисеча шестьсотъ девятого мисяца поебрыа четвертого дня... Jan Szuycki, podkomorzyna brzeski, gęka swa... Сесъ фундушъ за очевистымъ признаьемъ его милости пана подкоморого до книгъ кгродскихъ берестейскихъ уписанъ есть“... Подъ церковію, близъ праваго клироса, имѣется склепъ, въ которомъ находится человѣческій черепъ съ нѣсколькими костями, а надъ склепомъ, наравнѣ съ церковнымъ поломъ, лежитъ каменная плита съ вытертою надписью, видаѣтся на ней лишь старинный гербъ Св. Георгій Побѣдоносецъ. На основаніи фундушевой записи преданіе теперь относится и устройство церкви, и обезпеченіе ея, и эти останки къ князю Ивану Шуйскому, брату царя Василя Шуйскаго. Около Теробуни (¼ версты отъ церкви, къ западу) стоятъ развалины укрѣпленнаго замка, съ ходами и склепами подъ нимъ, окруженнаго рвомъ. Замокъ считается принадлежавшимъ тому же князю, царскому брату. Развалины замка и историческая церковь находятся на лѣвомъ берегу р. Лѣсной.

Мы намѣренно привели не только преданія, но возможно подробно и основы для нихъ. Одно уже простое сопоставленіе всего этого съ тѣмъ, что изложено и будетъ потомъ передаваться нами о князѣ Иванѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, братѣ царя Василя, показываетъ, что это относится къ иному лицу. Постройка церкви въ Корошицѣ и дарственная записъ Теробуньской церкви были въ 1609 году, когда братья Шуйскіе жили еще въ Москвѣ; фундаторъ говоритъ о своихъ дѣтяхъ, а князь Иванъ Ивановичъ женился много позднѣе, и погребенъ онъ не въ Теробунѣ, а въ Суздаль. Среди князей Шуйскихъ, жившихъ въ Рѣчи Посполитой во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ, были, между другими, ведшіе свой родъ отъ князя Ивана Дмитріевича Шуйскаго-Губки, какъ полагають, ушедшаго въ Литву при Іоаннѣ Грозномъ (Россійская родословная книга, изд. кн. П. Долгорукова. Спб., 1854, I, 234—236; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб., 1886, 124; Ср. Encyklopedyja powszechna, XXIV, 769—771; Józ. Wolffa Senatorowie i dygnitarze wielkiego księstwa Litewskiego 1386—1795 г. Kraków, 1885, 274). Несомнѣнно лишь, что въ 1536 году отъ короля Сигизмунда I получилъ имѣнне Теробунь въ Брестскомъ повѣтѣ князь Иванъ Дмитріевичъ Шуйскій (Литовская метрика, 28; A. d. Boniecki, Poczet rodów w wielk. ks. Litewskiem w XV i XVI wieku. War-

Самъ Сигизмундъ хотѣлъ пользоваться имъ собственно въ борьбѣ съ Москвой. Когда Владиславъ, оспаривая оружіемъ царскій престолъ у Михаила, осаждалъ (1618 г.) Москву, Шуйскій находился въ его обозѣ, но какого-либо особеннаго активнаго участія его въ подмогѣ Владиславу не было замѣтно. Понимая трудность и неопредѣленность его положенія, московское правительство старалось выговорить ему освобожденіе. Шереметеву и кн. Мезецкому, московскимъ посламъ, ведущимъ мирные переговоры, поручено было (19 ноября) требовать на съѣздѣ съ уполномоченными Владислава отпуска Шуйскаго, сослаться, если случится возможность, съ нимъ и другими русскими людьми и условиться, говорить ли о нихъ по договорнымъ записямъ. Исполняя наказъ, Шереметевъ вошелъ въ сношеніе съ Шуйскимъ, велѣлъ спросить его и другихъ, желаютъ ли

vzaawa, 1887, 347), а Сигизмундомъ Августомъ 28 дек. 1551 г. дана въ Вильно утвердительная привилегія на это имѣнье, 20 службъ людей и пять пустошей (Виленскій Центральный Архивъ, актовая книга Брестскаго земскаго суда, № 7349, стр. 436—439). Отъ этого Ивана Дмитріевича и можно вести упоминаемаго въ изложенныхъ выше актахъ и преданіяхъ князя Яна Шуйскаго, бывшаго подкоморія брестскаго и владѣльца с. Теребунь. О немъ имѣются въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ еще такія данныя: его фундушъ Корощинской церкви 4 ноября 1609 г. (актовая книга Брестскаго земскаго суда, № 7357, стр. 267—271) и два духовныхъ завѣщанія—одно 2 ноября 1609 г., другое 6 марта 1610 г. (тамъ же, стр. 459—470); изъ послѣднихъ узнаемъ, что полное его имя Янъ Ивановичъ Шуйскій, что у него было 6 сыновей и 4 дочери, жена Мариня Юражанка; изъ утвержденія завѣщаній видно, что онъ умеръ ранѣе 4 апрѣля 1610 года. Данныя эти не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, кто изъ Шуйскихъ былъ въ 1609 году связанъ съ исторіей Короцина и Теребуня. Замѣтимъ, что въ Короцинѣ можно также слышать дов. поэтическій рассказъ, приурочивающій устройство церкви къ князю Ивану Дмитріевичу. Этотъ князь, какъ рассказывается, служилъ при дворѣ Грознаго. Однажды у царя пропалъ любимый соколъ, и князю велѣно было подъ страхомъ смертной казни отыскать его. Шуйскій сталъ молиться св. Іоанну Богослову, имя котораго онъ носилъ, и Іоаннъ Богословъ явился ему во снѣ и сказалъ, гдѣ на деревѣ сидитъ соколъ. Князь отправился въ далекій путь и дѣйствительно сокола нашелъ въ указанномъ мѣстѣ, но въ Москву не возвратился, а поступилъ на службу къ польскому королю, получилъ около Бреста земли и впоследствии выстроилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нашелъ сокола, церковь, Корощинскую. Рассказчики ссылаются, что они такъ вычитали въ имѣвшейся у одного изъ крестьянъ старинной книгѣ, которой однако найти намъ не посчастливилось.

Да не посѣтуютъ на насъ почтенные любители старины, обязательно сообщавшіе намъ прибрестскіе акты и преданія въ увѣренности прямого отношенія ихъ къ князю Ивану Ивановичу, брату плѣннаго царя Шуйскаго.

ѣхать къ государю Михаилу Феодоровичу, и поручилъ увѣрить, чтобы были надежны на государево жалованье, ѣхали въ Московское государство безъ опасенія. Шуйскій выразилъ желаніе, чтобы Владиславъ самъ отпустилъ его, снявъ съ него крестное цѣлованіе. „Вѣдаютъ“, говорилъ онъ и дьякъ Яновъ, который то же находился въ обозѣ королевича и съ которымъ послы также вошли въ сношеніе, „вѣдаютъ бояре и сами, что мы Московскому государству не измѣнники, въ Польшу и Литву изъ Москвы не отѣхали, меня, князя Ивана съ братьями, выдали; а то я и самъ знаю, что выдали меня не всѣ люди Московскаго государства, многіе люди о томъ и не вѣдали. Судомъ Божіимъ, братья мои умерли, а мнѣ вмѣсто смерти наяснѣйшій король жизнь далъ и велѣлъ мнѣ служить сыну своему, великому государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу, и я ему на томъ и крестъ цѣловалъ; еслибъ мнѣ не только великіе комиссары позволили ѣхать въ Московское государство, хотя бы и самъ король позволилъ, то я бы его не послушалъ, потому что цѣловалъ крестъ не ему, королю, а сыну его“. Потомъ прибавилъ: „Если уже мои братья бояре, жалуя насъ, къ намъ присылаютъ, чтобы мы ѣхали въ Москву, то они бы посылали къ государю нашему, королевичу Владиславу, чтобы онъ съ насъ крестное цѣлованіе снялъ, и если сниметъ, то мы въ Москву поѣдемъ“.

Состоялось Деулинское перемиріе, и послѣдовалъ размѣнъ плѣнныхъ. На московской сторонѣ радостно встрѣтили (1 іюня 1619 г.) Филарета Никитича съ значительною группою плѣнныхъ. Вскорѣ обнаружилось, что плѣнные не всѣ: на пути изъ Мальборской крѣпости, гдѣ жили великіе московскіе послы ¹⁾,

¹⁾ Мухановъ, Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши. М., 1834, 184—185; А. Смирновъ, Святѣйшій патр. Филаретъ Никитичъ. М., 1874, I; Archiwum domu Radziwiłłów. Kraków, 1885, 262; A. Dągowski, Jeniec malborski, Bibliot. Warszaw., 1895, III. По выводѣ великихъ пословъ изъ Каменки въ январѣ 1612 г., они находились въ Варшавѣ, гдѣ „честь-де имъ у короля великая, у королевича-де часто бываютъ у стола“, а по другому извѣстію, во все время плѣненія „тѣсноту имъ дѣлаху великую, митрополиту жъ наипаче утѣсненіе велие бысть“. Въ 1615 г. вмѣстѣ со многими другими плѣнниками

князь Вас. Вас. Голицынъ умеръ, не дойдя до границы; еще ранѣе скончался смоленскій архіепископъ Сергій; въ числѣ недо-
ставленныхъ были кн. Иванъ Шуйскій, кн. Юрій Трубецкой
и друг.

Договоромъ обусловливалось, что Шуйскаго отпустить, если
онъ самъ пожелаетъ. Но королевичъ Владиславъ еще не отка-
зался отъ правъ на московскій престолъ, почему было стремле-
ніе задержать родовитыхъ князей. Едва наши послы успѣли
отъѣхать отъ размѣннаго мѣста всего нѣсколько верстъ, какъ
поляки, производившіе обмѣнъ, увѣдомили ихъ грамотой, заго-
товленной еще заранѣе (20 мая), что Шуйскій и Трубецкой, на-
матуя-де свою присягу на вѣрность Владиславу, пожелали на-
всегда остаться въ Польшѣ. Отпуска Шуйскаго московское пра-
вительство добилось черезъ посланника Кирѣевского, у котораго
въ боярской грамотѣ (12 дек.) къ панамъ раднымъ, между про-
чимъ, было написано: „а что вы въ своемъ листѣ писали о боя-
ринѣ князѣ Иванѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, будто онъ стоитъ въ
правдѣ, крѣпко, королевичу служить, и отъ него милость и жа-
лованье принимаетъ: то намъ извѣстно, что князя Ивана Шуй-
скаго и другихъ въ Московское государство не отпустили вы
неволею, и сдѣлали это противъ посольскаго договора; а короле-
вичеву милость и жалованье къ князю Ивану мы также знаемъ:
князь Иванъ ходитъ пѣшкомъ и служить себѣ самъ, по време-
намъ и за сторожами у гайдуковъ бываетъ“... Паны рады отвѣ-
тили (15 февраля 1620 г.), что по ихъ, бояръ, просьбѣ князя
Шуйскаго королевское величество велѣлъ въ Москву отпустить.

Его мы потомъ встрѣчаемъ уже въ Москвѣ, въ прежнемъ
чинѣ боярина. Въ ближайшій по его прибытіи праздникъ, въ
Благовѣщенье (25 марта), онъ обѣдалъ у государя вмѣстѣ съ
прежнимъ польскимъ плѣнникомъ, теперь властнымъ патриар-
хомъ московскимъ и всея Русіи, Филаретомъ Никитичемъ; то же

вели митрополита чрезъ г. Вѣльскъ. Никоновская лѣтоп., 160—161; Акты Москов-
скаго государства. Спб., 1890, I, 99, 114, 124—125; Соловьевъ, изд. 4, IX,
42—45. Собрание плѣнныхъ въ Вѣльскѣ, рукоп. Импер. Публичной Библиотеки, поль-
скій отд., F, IV, № 202, письмо отъ 25 авг. и ст. 1615 г. Содержаніе великимъ по-
сламъ и другимъ плѣннымъ—Приложенія къ изслѣдованію, кн. 2, №№ 7—9.

повторилось въ первый день Пасхи (16 апрѣля). Вмѣстѣ съ государемъ онъ бывалъ по большимъ праздникамъ на обѣдахъ у патріарха. Въ дворцовыхъ торжествахъ и церемоніяхъ, гдѣ присутвовалъ государь, и за царскимъ столомъ онъ всегда занималъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Ему былъ данъ въ завѣдываніе Московскій Судный приказъ, и Михаилъ Ѳеодоровичъ часто поручалъ ему разбирать мѣстническіе споры между лицами родовой знати, а, отлучаясь изъ Москвы, нерѣдко оставлялъ его, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, Салтыковыми и другими довѣренными людьми, вѣдать Москвой. Въ его завѣдываніи нѣкоторое время находилась также Новгородская четъ и др. Матеріальное благосостояніе возвращалось; цѣлый рядъ домовъ принадлежалъ ему въ одномъ Суздальѣ. На третьемъ году по возвращеніи Иванъ Ивановичъ женился (3 ноября 1622 г.) на Марѣ Васильевнѣ Долгоруковой, сталъ потомъ по женѣ въ близкомъ свойствѣ съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ¹⁾, но дѣтей отъ нея не имѣлъ, и умеръ (1638 г.), не оставивъ потомства²⁾.

Подъ конецъ жизни склонялся онъ къ жизни монашеской. Часто воспоминалъ онъ въ своихъ пожертвованіяхъ суздальскіе монастыри и храмы, гдѣ покоились многіе изъ его предковъ и родственниковъ. Тамъ, въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, были погребены его мать, умершая инокиней³⁾, и его жена

¹⁾ Первая его жена была Марья Владиміровна Долгорукова (бракосочетаніе 19 сент. 1624 г.), вскорѣ умершая, вторая, отъ которой пошло потомство, — Стрѣшлева.

²⁾ Иное сказаніе о самозванцахъ, 69; Древняя Россійская Вивліотека, XX, 66, 87, 98; Книги Разрядныя, I, 937—940, II, 448, 517; Дворцовыя Разряды, I, 441, 449, 465, 466, II, 1, 3, 97, 193, 208—209, 293, 384, 473, 837—840 и мн. др.; Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, собранныя Ив. Забѣлинымъ, I, 319—322, въ Читеніяхъ II. Моск. Общ. II. и Др. Россійскихъ, 1882, III; Русск. Истор. Библіотека, IX, 430, 474, 491, 514, 547, 561, 563, 565, 569; Акты Московскаго государства. М., 1891, 5, 6, 72; Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Владиміръ, 1904, V, 3, 5 (опись г. Суздаля въ 1629—1631 гг.); Балтышъ-Каменискій, Переписка между Россіей и Польшей по 1700 годъ, составленная по дипломатическимъ бумагамъ, II, 111, 121, III, 31, 33, 37, 39, въ Читеніяхъ, 1861, I, 1862, IV; Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. 4, т. IX, стр. 131, 138—139, 183—184; А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ. Сиб., 1883, III, 115, 117, 131; Сиб., 1884, IV, 108; Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства, I, 120—121.

³⁾ „Княгиня Анна инока княгиня Марѣа Ѳеодорова“. Такъ называется она

(† 1634 г.)¹⁾; тамъ лежали останки раздѣлявшей съ нимъ польскій плѣнъ супруги Дмитрія Ивановича и тамъ же, какъ утверждаютъ, кончила свои дни, вдали отъ своего мужа, жена царя-инока Василя Ивановича, вмѣстѣ съ своей дочерью, царевной Анастасіей. Еще доселѣ сохраняется пожертвованное кн. Иваномъ Ивановичемъ на поминаеніе послѣдней, какъ его племянницы, серебряное блюдо, съ надписью по краямъ: „Лѣта 7146 (1638) сіе блюдо далъ въ Суздальскій Покровскій монастырь бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій, во иноцѣхъ Гона, по царевнѣ Настасѣ ставитъ ко гробу“²⁾. Самъ онъ былъ въ

въ монастырскихъ вкладахъ по ней ея дѣтей. Наибольше полна надпись на паникадилѣ, вложенномъ (1599 г.) кн. Александромъ Ивановичемъ, умершимъ ранѣе своихъ братьевъ (1601 г.): „Лѣта 7103-го есвряля 1 поставилъ се поликадило в Суздали в Покровскомъ монастырѣ в храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы бояринъ князь Александръ Ивановичъ Шуйской по матери своей княгинѣ Аннѣ инокѣ княгинѣ Марѣ Ѳедоровнѣ, а кто покуситъ се поликадило изъ храму Богородицы, и того судитъ Богъ на второмъ пришествіи“.

¹⁾ На одномъ изъ надгробныхъ камней, лежавшихъ около Соборной монастырской церкви, надпись вязью: „Лѣта 7103 году июня въ 11 день на память святаго пророка Аммоса преставися боярина князя Ивана Ивановича Шуйсково благовѣрная княгиня Марѣа Васильевна“. На оборотѣ иконы Казанской Божіей Матери, въ церкви, надпись: „Образъ Пречистыя Богородицы Казанскыя, моленіе боярина князя Ивана Ивановича Шуйсково, поставленъ по его благовѣрной княгинѣ Марѣ Васильевнѣ“. Подобная же надпись на оборотѣ другой иконы Казанской Б. М., съ украшеніями еще болѣе драгоценными. Эти надписи безусловно устанавливаютъ имя жены князя Ивана Ивановича, которую въ печати называли: „Евдокія Васильевна NN“ (Росс. родосл. кн., 235), „княгиня Марѣа“ (Гоасафъ, 182), „Марѣа Владимірова Долгорукова“ (Петровъ, 122) и т. п.

²⁾ Его же, разумѣется, было приношеніемъ упоминаемый въ одной изъ старыхъ описей Покровскаго монастыря богатый „покровъ нагробной на царевнѣ Анастасѣ Васильевнѣ Шуйской бархатъ червчатъ, крестъ и круживо кованое золотное, около креста трость и копие и подпис, слова низаны жемчужомъ, около покрова отлась золотной“. Опись 1651 г., л. 158, рукопись Древнехранилища Александро-Невскаго братства во Владимірѣ. Это упоминаніе, вмѣстѣ съ предыдущимъ, важно также, какъ свидѣтельство того, что дочь царя Василя Ивановича Шуйскаго Анастасія погребена была въ Суздали, въ Покровскомъ монастырѣ, подъ сводами церкви Покрова Богородицы (ср. гр. М. Толстого, Путев. письма, 58), и что сохраняющаяся тамъ маленькая гробница княжны Анастасіи—не дочери вел. князя Василя Ивановича III отъ Соломоніи Сабуровой, будто бы родившей ее послѣ заточенія за безплодіе, какъ часто рассказывалось. О погребеніи самой царицы Маріи Петровны Шуйской, во инокиняхъ Елены, сообщалось (Рычинъ, Путеводитель по московск. святыи., 232, и др.), что „тѣло ея было перевезено изъ Суздальскаго монастыря и погребено въ (Московскомъ) Вознесенскомъ монастырѣ“. Но ни въ томъ, ни въ другомъ монастырѣ о мѣстѣ ея погребенія ничего неизвѣстно. Въ ризницѣ Суздальскаго Покровскаго монастыря сохраняется ея перстень.

это время уже инокомъ; предъ смертью принялъ онъ схиму, и погребли его въ Суздальскомъ соборѣ ¹⁾.

Съ нимъ прекратился въ Московскомъ государствѣ родъ князей Шуйскихъ.

Въ годъ отпуска кн. Ивана изъ Польши были вывезены изъ Гостынина посмертные останки его братьевъ и невѣстки; перевезли ихъ пока въ столицу королевства, Варшаву.

¹⁾ Историческое собраніе о градѣ Суздаль, лѣтопись ключаря Суздальскаго собора А н а н і и О е д о р о в а, 47, 48, 154, 181—182 (Временникъ Импер. Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. 22); Церковно-историческое описаніе Суздальскихъ достопамятностей, сочиненіе магистра іеромонаха Г о а с а ф а Чугуевъ, 1857, 60, 65, 84, 86, 91—92; Путевыя письма изъ древней Суздальской области, гр. М и х. Т о л с т о г о. Москва, 1869, 58; Историческое описаніе Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, собрано изъ разныхъ источниковъ Л. С а х а р о в ы м ъ. Владиміръ, 1878, 86, 87; В. Т. Г е о р г і е в с к і й, Суздальскій Ризположенскій монастырь. Историко-археологическое описаніе. Владиміръ, 1900, 91—92; е г о ж е, Ризница Покровскаго Суздальскаго дѣвичьяго монастыря, 20—21 (печатается); Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Владиміръ, 1903, V, 120 (опись Покровскаго ж. мон. въ Суздаль). Графомъ С. Д. Ш е р е м е т е в ы м ъ издается въ Памятникахъ Древней Письменности Духовное завѣщаніе кн. Ивана Ивановича. — О нетожествѣ князя Ивана Ивановича Шуйскаго съ литовско-русскимъ княземъ Яномъ Ивановичемъ Шуйскимъ—выше, 100—102 стр.; о послѣднемъ также въ Актахъ, издаваемыхъ Виленскою археографическою комиссіею, Вильна, 1867, II, 1872, VI, и въ изданіи J o z. W o l f f a, *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa, 1895, 521—522.

V ГЛАВА.

Погребеніе тѣла Василя Ивановича въ Варшавѣ. Надгробный памятникъ надъ нимъ, получившій названіе „Московской каплицы“.

Деулинское перемиріе и его вліяніе на характеръ отношенія Сигизмунда къ памяти Шуйскихъ. — Сооруженіе усыпальницы-памятника для нихъ подъ Варшавой. — Надпись на немъ. — Перенесеніе останковъ Шуйскихъ изъ Гостынина и торжественныя похороны ихъ въ новой усыпальницѣ. — Какъ поняли это въ Москвѣ, на Западѣ и въ Польшѣ. — Наименованія памятника, и впечатлѣнія, производимыя имъ на очевидцевъ.

Деулинское перемиріе между Московскимъ государствомъ и Польско-Литовскимъ королевствомъ, положенное на 14 съ половиною лѣтъ (съ 25 дек. 1618 г.), принято было въ королевствѣ весьма различно. Территоріальныя приобрѣтенія и возвращеніе плѣнныхъ удовлетворяли сеймовое представительство, въ особенности шляхту, и сеймовыя чины, признавая основныя государственныя цѣли счастливо достигнутыми, отнеслись съ сочувствіемъ и одобреніемъ къ дѣлу делегатовъ. Совсѣмъ иначе смотрѣли Сигизмундъ съ сыномъ и ихъ сторонниками. Выражая ихъ взгляды, коронный подканцлеръ назвалъ (на сеймѣ 1619 г.) миръ безславнымъ и унижительною. Это потому, что важнѣйшій для нихъ вопросъ — династическій — Деулинское перемиріе въ сущности предоставляло волѣ судьбы. Хотя въ трактатѣ не было со стороны Польши прямого признанія Михаила Θεодоровича царемъ и въ польской записи говорилось лишь: „нынѣшній ихъ государь Михаилъ Θεодоровичъ, котораго они нынѣ великимъ московскимъ государемъ себѣ именуютъ“; но въ московской договорной грамотѣ значилось, что великіе московскіе послы „о королевичѣ Владиславѣ отказали накрѣпко, что то нынѣ

и впредь статься не можетъ (т. е. чтобы ему быть на московскомъ престолѣ), а паны рады и великіе послы (литовско-польскіе) то дѣло на судъ Божій положили“. За перемирные годы Владиславъ обязывался не искать Московскаго государства и на него не нападать, Рѣчь Посполитая не должна была помогать ему въ этомъ.

Личнымъ династически-политическимъ планамъ Сигизмунда это наносило ущербъ, даже грозило имъ полнымъ крушеніемъ, съ чѣмъ онъ никакъ не могъ примириться. Пользуясь тѣмъ, что объ окончательномъ отреченіи Владислава на царство не говорилось въ трактатѣ и вопросъ объ его правѣ на московскій престолъ оставался нерѣшеннымъ вполне, польское правительство не хотѣло ни признавать Михаила Ѳеодоровича царемъ, ни сноситься съ нимъ. Шли жаркія пререканія. Отъ пановъ пріѣхали въ октябрѣ 1620 года посланники съ такими рѣчами: „Владиславъ правъ своихъ на Московское государство не оставилъ и васъ всѣхъ и съ вами Михаила Ѳеодоровича, котораго вы теперь государемъ у себя называете, отъ крестнаго цѣлованія не освободилъ“. Но эти рѣзкія слова мало уже соответствовали дѣйствительности: пословъ, явившихся съ неучтивою грамотою и несвойственными претензіями, бояре приказали выслать изъ Москвы немедленно¹⁾.

При ослабленіи и утратѣ дѣйствительной силы, чтобы сохранить или воротить ее, люди нерѣдко прибѣгаютъ къ разнымъ болѣе или менѣе несостоятельнымъ мѣрамъ. Чувствуя, какъ прежняя благопріятная почва уходитъ изъ-подъ ногъ, король Сигизмундъ III вспомнилъ о своихъ именитыхъ плѣнникахъ, лежавшихъ въ Гостынскомъ замкѣ: онъ рѣшилъ перенести тѣла ихъ въ Варшаву и съ честью похоронить ихъ здѣсь, подъ выстроеннымъ для того каменнымъ памятникомъ. Чествованіе памяти Шуйскихъ говорило объ его политическихъ успѣхахъ и показывало, какъ онъ чтитъ московскій титулъ, значеніе и достоинство котораго онъ домогался удержать за своимъ сыномъ.

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Переписка между Россією и Польшею, III, 29—32, 41—43, Чтенія, 1862, IV; Соловьевъ, изд. 4, IX, 134—138, 186; проф. Жуковичъ, вып. II, 97—98.

Хотя Василя Ивановича онъ предъ тѣмъ и принижалъ въ Польшѣ, а въ одной изъ грамотъ въ Москву называлъ его просто „Шуйскимъ“ ¹⁾, хотя именовать и признавать его законнымъ царемъ ему не желалось и теперь: но это въ данномъ случаѣ ни мало не служило препятствіемъ его намѣреніямъ. И если картины Долабеллы, изображавшія взятіе Сигизмундомъ Смоленска и представленіе Шуйскихъ на Варшавскомъ сеймѣ и доступныя для осмотра лишь посѣтителемъ Варшавскаго королевскаго замка, должны были, доставляя „весьма пріятное зрѣлище“, „напоминать о великихъ мужахъ государства, оказавшихъ важнѣйшія заслуги отечеству“ и „возбуждать послѣдующихъ потомковъ къ подражанію ихъ славнымъ дѣяніямъ“ ²⁾; то надгробный мавзолей, подъ которымъ покоились бы останки царя и главнаго воеводы московскихъ и который былъ бы предъ глазами несравненно бѣльшаго количества людей, еще сильнѣе, казалось, долженъ былъ служить той же цѣли. Постоянно освѣжая въ памяти современныхъ и дальнѣйшихъ поколѣній прежніе политическіе успѣхи Сигизмунда, онъ могъ служить въ нихъ къ поддержкѣ агрессивныхъ плановъ и стремленій на Русскомъ востокѣ. Самъ король открыто объяснялъ, что надгробный мавзолей онъ соорудилъ „на всеобщую память въ потомствѣ и для славы своего царствованія“. Могло имѣть значеніе и то обстоятельство, что къ данному времени Сигизмундъ поосвободился отъ военныхъ заботъ, и ничто не мѣшало ему теперь заняться прославленіемъ своего прежняго успѣха и упроченіемъ памяти о немъ.

Своему назначенію мавзолей долженъ былъ соответствовать и внѣшнимъ видомъ, и прочностію, и мѣстомъ. Кромѣ художниковъ живописи, какъ Долабелла, при дворѣ состояли особы придворные архитектора, одному изъ которыхъ, надо предполагать, и было поручено сооруженіе памятника ³⁾. Мѣсто для

¹⁾ Датскій Архивъ, стр. 185, № 675, въ Чт. И. М. О. И. и Д. Рос., 1893, I.

²⁾ „Perjucundum profecto posteritati spectaculum, quod et magnorum virorum in Repub. optimeque de patria meritorum civium exhiberet memoriam, et ad praeclare facta victricibus illorum tropaeis seros nepotes excitaret“. Koblerz u s k i, 428.

³⁾ Этимъ строителемъ монумента былъ, вѣроятно, тотъ „будовничъ“ Мико-

мавзолея выбрано за городскою чертой, у окраины Краковскаго предмѣстья, при выѣздѣ изъ него, открытое, мало застроенное, при бойкой дорогѣ къ Уяздову, Кракову и къ западноевропейской границѣ, и близъ выстроеннаго Сигизмундомъ подгороднаго лѣтняго дворца, впоследствии, по перестройкѣ, известнаго „палаца Казимира“ (нынѣ Университета съ прилегающими зданіями¹⁾). Помѣщеніе для гробовъ было приготовлено внутри монумента, подъ поломъ, въ особомъ склепѣ. Зданіе было все каменное, круглой формы, высокое, въ нѣсколько ярусовъ, съ окнами или пролетами въ нихъ, съ куполообразной вершиной и шпигелемъ²⁾. Надъ входною дверью въ него, снаружи, красовалась мраморная плита съ вырѣзанной на ней и покрытой золотомъ надписью:

„Во славу Иисуса Христа, Сына Божія, Царя царей, Бога воинствъ.

„Сигизмундъ III, король польскій и шведскій, послѣ того, какъ московское войско было разбито при Клушинѣ, какъ взята московская столица и возвращенъ Смоленскъ подъ власть Рѣчи Посполитой, какъ взяты были въ плѣнъ, въ силу военнаго права, Василій Шуйскій, великій князь московскій, и братъ его, главный воевода Димитрій, и, содержимые затѣмъ въ Гостынскомъ замкѣ подъ стражей, кончили тамъ свои дни, онъ, король, помня объ общей человѣческой участи, повелѣлъ тѣла ихъ перенести сюда и положить ихъ подъ этимъ, имъ сооруженнымъ на всеобщую память въ потомствѣ и для славы своего королевствованія, памятникомъ, дабы въ его королевствованіе даже враги и незаконно прио-

лай, которому“, какъ увидимъ потомъ, была „та Каплица приказана“ (Приложенія въ изслѣдованію, кн. 1, стр. 31), т. е. въ вѣдѣніи и наблюденіи котораго она затѣмъ состояла; проектъ плана, разумѣется, разсматривался и другими архитекторами и былъ утвержденъ самимъ Сигизмундомъ. См. также ниже, стр. 120—121.

¹⁾ Bartoszewicz, Kronika pałacu Kazimirowskiego, Gazeta Warszawska, 1847, № 152 и слѣд.; Skimborowicz, Pałac Kazimirowski, Tygodnik ilustrow., 1865, XII, 77; Варшав. Дневн., 1899, № 129 и др.

²⁾ Приложенія, кн. 1, стр. 31 и рисунки №№ 3—5. Историческія данныя, точно означающія мѣсто усыпальницы и отношеніе его къ мѣсту, занимаемому нынѣ Первою Варшавскою мужскою гимназією и памятникомъ Коперника, а равно обрисовывающія внѣшній и внутренній видъ бывшаго монумента, частіе постепенно будутъ приводиться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

брѣтніе скипетръ не были лишены слѣдующихъ умершему почестей и погребенія. Дѣла отъ Рожденія Дѣвою 1620-го, нашего королевствованія въ Польшѣ 33-го, въ Швеціи 26-го“¹⁾.

Кромѣ того, въ каждый гробъ положено было по серебряной дощечкѣ съ латинскимъ означеніемъ имени покойнаго.

Похороны совершены были съ возможною торжественностію. Присутствовали на нихъ самъ Сигизмундъ съ сенаторами. Гробъ царя Василя поставили въ скленѣ на правой сторонѣ, а на лѣвой, очевидно, за тѣснотой помѣщенія, были поставлены гробы кн. Дмитрія и его супруги одинъ надъ другимъ, гробъ Дмитрія сверху. Сklenѣ заложили, замостили поломъ, и гробы скрылись отъ людскихъ взоровъ. Религіознаго обряда при этомъ не было²⁾.

Дѣйствія Сигизмунда поняли въ Москвѣ такъ, что онъ поставилъ памятникъ „себѣ на славу, а Московскому государству на укоризну“³⁾. Миѣніе это поддерживалъ и развивалъ предъ

¹⁾ Приложенія, кн. 1, стр. 3—4. Надпись издана нами въ двухъ экземплярахъ—по рукописи Краковскаго Музея кн. Чарторьскихъ: *Oddawanie tryumfalne Wasilia Suyskiego*, и по самому раннему печатному изданію ея *Kobierzuckiego*, 611—612, съ означеніемъ разностей этихъ копій, а также копій нунція Филонарди (1636 г.) и Старовольскаго (1655 г.). Имѣется копія еще въ рукописяхъ г. А. Гомулицкаго, близкая къ тексту *Oddaw. tryumf.*; но въ ней нѣтъ слова *Demetrio*; вмѣсто словъ: *Clusinum, Metropoli, humane, a se, extracto*, стоятъ: *Kluszynum, Metropolisae, humane, asse, extracto*. Въ исторической литературѣ обыкновенно пользовались изданіями надписи у *Niessewicz*a, III, 195—196 (по краковской рукописи), или акад. П. Дубровскаго, *Описание Варшавы и ея окрестностей*, Варшава, 1850, 79 (надпись довольно неисправная, сообщенная ему Собѣщанскимъ, членомъ упомянутой выше, на 89 стран., Коммиссія для описанія древностей, повторена и переведена у А. Л. Стефановича въ *Запискѣ о первыхъ Мужской и Женской гимназіяхъ въ Варшавѣ*, Варшава, 1893) и Э. Турау въ *Русской Старинѣ*, 1890, I, 91—92 (тутъ же и букв. переводъ; г. Турау сообщалъ намъ въ письмѣ отъ 28 марта 1894 г., что латинскій текстъ надписи онъ „случайно нашолъ“ въ бывшемъ Калишскомъ Архивѣ древнихъ актовъ, когда онъ состоялъ въ томъ городѣ на службѣ). Въ монографіи С. Ф. Либровича принятъ переводъ, данный нами въ *Варш. Унив. Извѣстіяхъ*, 1894, IV, 13—14.

²⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ. Польскія дѣла, Архивъ древній, картонъ 19, г. 1635, № 4: „Статейный списокъ бывшихъ въ Польшѣ пословъ боярина Алексѣя Михайловича Львова-Ярославскаго, думнаго дворянина Степана Проѣстева... для подтвержденія мирныхъ между Россією и Польшою постановленныхъ договоровъ“. Существенное издано нами въ *Приложеніяхъ*, кн. 1, № 5. Ср. ниже, VI гл. „*Leurs corps furent enterrez sans ceremonie*“. *Hist. d. revolut.*, 376. *Новое Время*, 1894, прил. № 193; *Церк. Вѣстн.*, 1895, № 3.

³⁾ „И повелѣша ихъ (Шуйскихъ король Сигизмундъ) положить на пути, кои изъ всѣхъ государствъ пришли дороги; и поставиша надъ ними столбъ камен-

московскими людьми и извѣстный провозвѣстникъ славянской идеи, хорватъ, каноникъ Юрій Скрижаничъ, видя здѣсь открытое посравленіе славянству ¹⁾). Подобнымъ образомъ, какъ въ Москвѣ, объясняли это и въ Вѣнѣ. Сообщивъ о смерти Василя и Дмитрія Шуйскихъ, австрійскій посоль къ русскому правительству баронъ Мейербергъ продолжаетъ: „Король Сигизмундъ, не желая, чтобы смерть вырвала у него изъ рукъ такой знаменитый трофей, поставилъ круглую часовню въ Варшавскомъ предмѣстьи, называемомъ Краковскимъ, и хотѣлъ похоронить въ ней обоихъ братьевъ, прибивъ, во свидѣтельство своего счастья, тутъ еще мраморную доску, надпись которой должна была увѣковѣчить для потомства злую судьбу несчастныхъ“ ²⁾). О назначеніи мавзоля и мраморной плиты съ надписью говорили въ Польшѣ, что цѣль ихъ, чтобы сохранять грядущимъ поколѣніямъ память о бывшей побѣдѣ и напоминать королямъ и князьямъ объ измѣнчивости человѣческихъ дѣлъ и непостоянствѣ счастья ³⁾). Самъ Сигизмундъ сооружалъ мавзолей, помня, кромѣ того, „объ общей человѣческой участи“, и эта мысль явилась какъ бы роко-

ной себѣ на похвалу, а Московскому государству на укоризну, и надписаху на столбѣ всѣми языки, что сей столбъ здѣланъ надъ царемъ московскимъ и надъ бояры“. Русская лѣтопись по Никонову списку. VIII, 148; ср. также въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ, 2 изд., 198—199. „Кроль же повелѣ ихъ погresti на распутьяхъ, идѣ же отвсюду и отъ иныхъ странъ людіе преѣзжаху, и повелѣ надъ нимъ поставить столпъ каменный съ надписаніемъ, да вси ѣдущіи чтутъ и вѣдятъ, яко царь московскій и бояре лежать погребены подъ онымъ каменемъ, и бысть отъ всѣхъ укоризна московскимъ людемъ“. Новый лѣтописецъ, Временникъ, XVII, 125.

¹⁾ См. ниже, въ главѣ о привозѣ въ Москву надгробнаго камня съ надписью.

²⁾ Sigismundus autem rex, ne tam gloriosum trophaeum sibi a morte eriperetur, exstruit in suburbano Varsaviae, quod Cracoviense nuncupatur, sphaericae figurae sacellum, in eoque utrumque tumulari voluit, additâ in testimonium suae felicitatis tabula marmorea, quae inscriptum miserorum fratrum casum apud posteros perennaret. Mayerberg, *Iter in Moschoviam*, 58; русск. перев. въ Чтеніяхъ, 1873, IV, 108.

³⁾ „Rex positus bellorum curis Varsoviâ transferri corpora mandavit, hisque mausoleum elegans imposuit: inserta marmorea tabula quae, tantae victoriae Jesu Christi Dei exercituum favore obtentae, ad posteros memoriam transmitteret regesque ac principes vicissitudinis rerum humanarum inconstantisque fortunae admone-ret“. Kobierzyski, 609. Ср. донесеніе нунція Филоарди изъ Вильны въ 1636 г. Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, № 3.

вою здѣсь: дальнѣйшія событія безусловно оправдали ее на судьбѣ Каплицы и дѣлъ короля...

Такъ какъ надъ гробами не совершалось церковной службы по православному установленію и выстроенное королемъ зданіе не походило на русскія усыпальницы и часовни, москвитяне не признавали за памятникомъ церковнаго значенія и называли его „столбомъ“ и „палаткою“, смотри по тому, на что ими въ бесѣдѣ обращалось больше вниманія: на наружную форму или на внутреннее его устройство ¹⁾. Поляками усвоено за нимъ названіе „Каплица Шуйскихъ“ и „Московская каплица“ (*Kaplica Moskiewska*) ²⁾; послѣднее названіе, какъ увидимъ, и укрѣнилось за нимъ. Монументъ былъ во вкусѣ поляковъ-современниковъ. Наружный видъ его нагляднѣе можно представлять по планамъ Варшавы ³⁾. Лица, видѣвшія памятникъ, когда онъ сохранялъ еще первоначальную форму, находили его великолѣпнымъ (*mausolaeum elegans*) ⁴⁾. Папскій нунцій Филонарди опредѣлилъ (1636 г.) его „круглымъ зданіемъ въ видѣ церкви“ (*una fabrica tonda in forma di chiesa*), которое Сигизмундъ выстроилъ „въ память великой побѣды, одержанной имъ надъ москвитями и для погребенія великаго князя Московіи и его брата“, взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи и умершихъ въ крѣпости ⁵⁾. Такимъ же по своему виду и назначенію онъ показался (1646 г.) и Юрію Крижаничу, который въ своемъ донесеніи въ Римъ называетъ его „круглой часовней“ (*Capella rotunda*), построенной тѣмъ же королемъ для погребенія великаго князя московскаго Василя Шуйскаго

¹⁾ Выше, стр. 111, прим. 3; Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, № 5.

²⁾ „*Kaplica Szujskich*“ названа она королемъ Владиславомъ IV въ его распоряженіи придворному архитектору, въ январѣ 1635 г. (см. ниже, слѣдующ. главу, стр. 119); это первое по времени мѣстное официальное наименованіе ея. Кобіерзускі (610) писалъ въ 1655 году: „*manente etiam veteri appellatione Sacelli Suseiani in suburbano Varsoviensi (vulgò Cracoviensi dicto) exstantis*“. Король Владиславъ IV уже въ 1637 году официально именовалъ ее и „Каплицей князей московскихъ“, „Московской каплицей“ („*versus Capellam ducum Moschoviticorum*“, „*przeciw Kaplicy Moskiewskiej*“). Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, № 118.

³⁾ Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, рисунки №№ 3—5.

⁴⁾ Предыдущая стр., примѣч. 3, сообщеніе Кобіерзускаго.

⁵⁾ Приложенія, кн. 1, стр. 15.

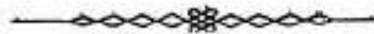
и брата его Дмитрія, умершихъ въ плѣну” у него, а въ челобитной царю Θεодору Алексѣевичу писалъ: „Случило бо ся мнѣ притти (1646 г.) въ Варшаву, и тамо я увидѣлъ церковь или гробницу каменную, а надъ дверьми на черномъ мраморѣ написано великими словами златомъ: здѣ лежитъ погребенъ царь московскій Василій Ивановичъ, который здѣ въ неволи умеръ“¹⁾.

¹⁾ Ниже, въ VII главѣ, о вывозѣ этого надгробнаго мраморнаго камня въ Москву.

Въ виду изложеннаго, нѣтъ надобности придавать значеніе словамъ *Niesewicza*, чтобы гробы Шуйскихъ были поставлены въ костелъ оо. доминиканъ (III, 195: „*Król ciałą ich do Warszawy sprowadzić rozkazał, i wspaniałym grobowcem w kościele xx. Dominikanów Kaplicą Moskiewską zwanym ozdobił*“). Ему слѣдуетъ почти одинъ *Chodźko*, который въ своей *Histoire populaire de la Pologne* (Paris, 1864, 149) повѣствуетъ: „*mais leurs corps furent transportés à Warsawie, déposés dans l'église des Dominicains, dans une chapelle, nommée de puis Chapelle Moskowite*“. Повѣствованіе *Ходзко* повторено *О. М. Бодянскимъ* (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ, 1867, III, добавленіе къ переводу *Дневника Корба*). Неточность у *Нѣмцевича* произошла отъ того, что онъ сдѣлалъ пропускъ въ рукописи *Oddawanie Trumfalne* и передалъ опущенное мѣсто по своему. Костелъ доминиканъ-обсервантовъ, какъ узнаемъ (IX глава), явился много послѣ смерти *Сигизмунда III* и перенесенія тѣлъ Шуйскихъ изъ Варшавы въ Москву.

Подобной же достовѣрности оказывается недавній разсказъ *М. П. Устимовича*, въ которомъ начальная исторія Каплицы ведется отъ Греческой церкви, будто бы ранѣе стоявшей на этомъ мѣстѣ. „Этотъ маленькій храмъ былъ устроенъ — пишетъ г. Устимовичъ — греческими купцами, прѣзжавшими по торговымъ дѣламъ въ Варшаву, и сначала назывался Греческою часовнею (каплицею). По приказанію *Сигизмунда III* (въ 1620 г.), въ этой часовнѣ была устроена усыпальница, въ которой были временно похоронены останки умершихъ въ плѣну *Василія* и *Дмитрія Шуйскихъ*, перевезенные изъ *Гостынина*, и съ этого времени часовня именовалась Московскою каплицею“ (*Православіе на Варшавѣ, Варшавскій Дневникъ, 1893, № 7*). Основаній для подобнаго повѣствованія не приводится. Еслибы усыпальница была устроена въ греческомъ храмѣ, то московскіе люди не относились бы къ ней съ пренебреженіемъ и московскіе послы 1635 года не говорили бы, что тѣла лежатъ „на пустомъ мѣстѣ“. Какъ надпись на мраморной доскѣ, лежавшей на Каплицѣ, такъ и всѣ свидѣтельства, близкія къ событію (русск. лѣтоп., статейн. списокъ русскихъ пословъ 1635 г., донесеніе нунція *Филоварда* 1636 г., повѣствов. *Кобѣржича* 1655 г., сообщенія *Крижанича*, королевскія привилегіи доминиканамъ-обсервантамъ на владѣніе Московскою каплицею и др.), одинаково и прямо говорятъ, что памятникъ, получившій потомъ названіе Московской каплицы, сооруженъ былъ *Сигизмундомъ III* съ нарочитою цѣлію для погребенія подъ нимъ тѣлъ Шуйскихъ. Принявъ во вниманіе эти и другія указанія, данныя нами во II-й главѣ монографіи о царѣ Шуйскомъ, помѣщенной въ *Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1904, IV, г. Устимовичъ* въ послѣдней своей брошюрѣ (*Гостыньскій замокъ. Варшава, 1899*), впрочемъ, уже отказался отъ такого своего представленія дѣла и передаетъ близко къ нашему изложенію. Однако все же еще не отвѣчаетъ дѣйствительности его выраженіе: „Памятникъ для Шуйскихъ былъ возведенъ на видномъ мѣстѣ у самыхъ

Шуйскіе покоились здѣсь пятнадцать лѣтъ.

стѣнъ Варшавы при дорогѣ, ведущей изъ Варшавы чрезъ Краковъ въ Европу“ (16 строк.). Мы не это разумѣли, говоря, что памятникъ поставленъ не въ самомъ городѣ, а что „мѣсто для мавзолея выбрано за городской чертой, у окраины Краковского предмѣстья, открытое, мало застроенное, при бойкой дорогѣ къ Уязову, Кракову и къ западноевропейской границѣ“ (13 строк.). Стѣны отдѣляли городъ отъ предмѣстій, въ томъ числѣ и Краковского, и памятникъ былъ воздвигнутъ не между этими предмѣстьемъ и городомъ, а внѣ предмѣстья, у стороны дальней отъ города, при самой тогда торной дорогѣ, въ мѣстности, еще открытой, не загражденной зданіями. Каждый, приближающійся къ столицѣ, предъ въѣздомъ въ ея главное предмѣстье, или при выѣздѣ изъ него на открытое мѣсто, невольно долженъ былъ остановитъ свое вниманіе на высокоомъ, импонирующемъ памятникѣ.

Въ этомъ смыслѣ теперь понимается и представляется предметъ и другими авторами.

VI ГЛАВА.

Выдача останковъ Шуйскаго московскому посольству и торжественное перенесеніе ихъ изъ Варшавы въ Москву.

Благопріятствовавшія этому историческія условія и обстоятельства.— Наказъ московскимъ посламъ князю Львову-Ярославскому съ товарищами добиваться выдачи тѣлъ Шуйскихъ.—Торжества въ Варшавѣ по случаю утвержденія Поляновскаго договора.—Переговоры московскихъ пословъ съ короннымъ и литовскимъ канцлерами и другими людьми о выдачѣ останковъ Шуйскаго.—Согласіе короля Владислава IV на выдачу.— Осмотръ гробницы и удостовѣреніе въ подлинности тѣлъ.—Подготовка къ принятію гробовъ.—Стоимость выкупа.—Отдача и отпускъ останковъ.—Встрѣча по пути.—Встрѣча тѣла Василия въ Москвѣ и похороны въ Архангельскомъ соборѣ.—Надгробная надпись.—Нравственное и политическое значеніе событія.

То, что тѣло бывшаго московскаго царя подневольно покоилось на чужой землѣ, дѣйствовало на русскихъ людей тяжелымъ образомъ. Мы уже видѣли¹⁾, при какихъ исключительныхъ условіяхъ и по какимъ соображеніямъ былъ выданъ и взятъ Василій Ивановичъ. Съ удаленіемъ его въ Польшу, король которой домогался самъ завладѣть московскимъ царствомъ или, по крайней мѣрѣ, посадить туда своего сына Владислава, недруги Васиіевы, опасавшіеся возвращенія его на престолъ, избавлялись отъ тяжелаго бремени. Сигизмундъ, въ свою очередь, полагалъ, что вывозомъ Шуйскихъ онъ лучше обезпечиваетъ за своей династіей московскій престолъ, а гетманъ Жолкѣвскій, забирая и отправляя ихъ, рассчитывалъ, что впоследствии ко-

¹⁾ Выше, въ I главѣ.

роль во всякомъ случаѣ можетъ „воспользоваться ими, смотря по обстоятельствамъ”. Теперь „обстоятельства” измѣнились. Василій лежалъ въ гробу. На московскомъ престолѣ сидѣлъ Михаилъ Теодоровичъ, вѣрность которому московско-русскими людьми закрѣплена кровью въ борьбѣ съ Польшей и Швеціей. Московско-царскій принципъ, вынесшій тяжелое испытаніе, приобрѣталъ въ народномъ сознаніи полную высоту и силу, собирая русское достояніе подъ свою объединяющую руку. „У насъ — говорили тогда дипломаты русскіе польскимъ — у всѣхъ людей великихъ Россійскихъ государствъ начальное и главное дѣло государскую честь оберегать, и за государя всѣ мы до одного человека умереть готовы“. Вспомнили тогда, что „царь Василій былъ государь великій, помазанникъ Божій“, т. е. царь законный. Какъ страданія, вынесенныя Филаретомъ Никитичемъ во время польскаго плѣна, способствовали возвышенію уваженія къ нему и сочувствія къ его сыну, пребываніе и смерть въ томъ же плѣну Василя Ивановича Шуйскаго сдѣлали его болѣе нравственно близкимъ къ народу, нежели онъ былъ въ періодъ своего несчастнаго царствованія. Съ чувствомъ моральнаго удовлетворенія вспоминали о послѣднихъ его словахъ, произнесенныхъ имъ Сигизмунду подъ Смоленскомъ, когда онъ — по выраженію лѣтописца — „крѣпко мужественнымъ своимъ разумомъ на послѣдокъ живота своего даде честь Московскому государству”; о вынужденной сценѣ на Варшавскомъ сеймѣ не хотѣли и вспоминать, и съ явнымъ сочувствіемъ къ нему заносили въ лѣтописанія лишь извѣстія о его смерти. Возникаетъ и все болѣе крѣпнетъ сознаніе долга заградить вину предъ нимъ, приобрѣсти его останки и съ честью похоронить ихъ среди прочихъ московскихъ царей, къ чему побуждало и находженіе этихъ останковъ подъ сооруженнымъ памятникомъ на виду у польской столицы, вызывавшее „отъ всѣхъ укоризну московскимъ людямъ”. На укрѣпленіе этой мысли во дворцѣ и правительствѣ, нѣтъ сомнѣнія, вліялъ съ своей стороны живой братъ Шуйскихъ и родственникъ царя, бояринъ князь Иванъ Ивановичъ.

Но пока жилъ Сигизмундъ и не былъ еще окончательно рѣшенъ споръ съ Польшей о правахъ Владислава на московскую

корону, нельзя было поднимать подобнаго вопроса. Деулинское перемиріе между тѣмъ замѣняется Поляновскимъ договоромъ (1634 г.), по которому устанавливался вѣчный миръ между Польшею и Московскимъ государствомъ и король Владиславъ IV отказывался отъ всякихъ притязаній на московскій престолъ. Насколько съ даннаго момента Михаилъ Ѳеодоровичъ, сдѣлавшійся общепризнаннымъ государемъ, долженъ былъ оберегать достоинство и честь московскихъ царей, почти настолько же въ глазахъ Владислава ослаблялось значеніе останковъ бывшаго московскаго царя, пребывавшихъ въ Польшѣ. Мысль, которую собирались теперь развивать при Варшавскомъ дворѣ московскіе люди, что „царя Васильево тѣло ужъ мертво, и прибыли въ немъ нѣтъ никоторыя“, что, напротивъ, за отдачу тѣла Михаилъ Ѳеодоровичъ будетъ воздавать Владиславу „своею царскаго величества любовью“, эта мысль не могла здѣсь не казаться значительно убѣдительною. Владиславъ и руководители польской политики не могли не видѣть, что царскіе останки въ Варшавѣ служили однимъ изъ препятствій къ установленію дѣйствительно дружественно-довѣрчивыхъ чувствъ и отношеній между Варшавскимъ и Московскимъ дворами. Общая почва для благопріятнаго улаженія дѣла исторически подготовлялась.

Для ратификаціи Поляновскаго договора и окончательнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ связанныхъ съ нимъ вопросовъ отправлялись, въ январѣ 1635 года, послы—русскіе въ Варшаву, польскіе въ Москву. Пословъ московскихъ Владиславъ ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Истекалъ срокъ польско-шведскаго перемирія, грозила возникнуть съ Швеціей война, во время которой Владиславъ надѣялся добиться наслѣдственнаго шведскаго престола, потребность полученія котораго теперь особенно сильно чувствовалась, послѣ отказа отъ права на московскую корону. Вполнѣ обезпечить восточную границу утвержденіемъ прочнаго мира съ Москвою для Владислава было дѣломъ неотложной важности; онъ надѣялся также склонить Михаила Ѳеодоровича къ союзу противъ султана. Осматривая пограничный Торнъ, нуждавшійся въ серіозныхъ поправкахъ и укрѣпленіи, Владиславъ писалъ (5 янв. 1635 г.) оттуда коронному подскарбію, чтобы онъ

велѣлъ приготовить для царскихъ пословъ помѣщеніе въ Уяздовскомъ дворцѣ (we dworze Ujazdowskim) и запасти въ изобиліи все надобное для ихъ продовольствія и угощенія; означая, какъ важно для Рѣчи Посполитой, чтобы заключаемый съ Москвой миръ получилъ свое окончательное утвержденіе, онъ наказывалъ подскарбію, чтобы не было ничего упущено для приличествующаго приѣма и угощенія пословъ и для потчиванія и пира, соотвѣтственно его королевскому сану¹⁾. Въ виду того, что путь изъ Уяздова въ Варшаву былъ чрезъ Краковское предмѣстье, мимо усыпальницы Шуйскихъ, на которую послы никакъ не могли бы не обратить своего вниманія, король одновременно съ тѣмъ позаботился, чтобы этотъ памятникъ былъ поновленъ и поправленъ. Онъ писалъ (того же 5 января) своему придворному архитектору: „Повелѣваемъ твоей вѣрности приказать, по полученіи нашего листа, ремесленникамъ исправить Каплицу Шуйскихъ на Краковскомъ предмѣстьѣ, чего бы ни требовалось, какъ внутри, такъ снаружки и вокругъ; испорчены въ ней окна, и твоя вѣрность прикажетъ заложить до половины досками, выкрасивъ ихъ, для остальной половины велить приготовить стекляныя окна и предъ приѣздомъ московскихъ пословъ вставить ихъ. Мы хотимъ, чтобы ты выполнилъ это аккуратно и хорошо”²⁾.

¹⁾ *A m b r. G r a b o w s k i, Władysław IV, króla polskiego, w. xiążęcia Lit. etc., listy i inne pisma urzędowe. Kraków, 1845, № 102.* Уяздовскій дворецъ, бывшее любимое мѣсто пребыванія Сигизмундовъ, нынѣ Уяздовскій госпиталь.

²⁾ „Do budowniczego, o restauracją Kaplicy Szujskich. Rozkazujemy w(ierności) t(wojej), żebyś, za wzięciem listu naszego, Kaplicę Szujskich na przedmieściu Krakowskiem (w Warszawie), w tam, co jeno potrzeba, rozkazał rzemieślnikom naprawić, tak wewnątrz, jako i z wierzchu i w około. A że w niej okna są poprowane, te, w. t., do połowice deskami, pomalowawszy, zaprawić rozkażesz; od połowice zleciwazy okna szklane wygotować i przed przyjazdem posłów mośkiewskich wprawić. Co i rzetelnie i skutecznie chcemy, abyś w. t. wykonał. W Toruniu, d. 15 stycz. r. 1635”. Тамъ же, № 103; *A l e x. K r a u s c h a r, Varsowiana, Tygodnik polski, 1898, № 2, стр. 26.* Архитекторъ, которому поручалась эта поправка Каплицы, едва ли, какъ высказывалось въ печати предположеніе (*ibid.*, 26), былъ Янъ Тревиани. Этотъ, дѣйствительно, пользовался вниманіемъ Сигизмунда и Владислава (Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Коронная метрика, кн. 178, л. 298, кн. 180, л. 75; ср. кн. 203, лл. 76 и 78), и ему въ это же время король поручалъ заготовить катафалкъ для похоронъ въ Краковѣ младшаго королевскаго брата (*G r a b o w s k i, № 104*). Только похороны назначались на 6 февр. н. ст., а Каплицу требовалось исправить до прибытія пословъ, которыхъ ожидали

Ожидаемые московские послы, князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ-Ярославскій съ товарищами, прибыли въ Варшаву, съ объявленной цѣлю—для закрѣпленія вѣчнаго мира королевскою присягою, а въ тайномъ имъ наказѣ повелѣвалось просить короля объ отдачѣ и отпускѣ въ Россію тѣлъ Шуйскихъ.

Хотя въ Москвѣ и были, повидимому, довольно увѣрены въ успѣхѣ порученія, однако усматривали и затрудненія, главнымъ образомъ въ славолубіи Варшавскаго двора и въ денежныхъ запросахъ со стороны королевскихъ совѣтниковъ. Наказъ обстоятельно напередъ разъяснялъ посламъ, какъ вести переговоры и какъ поступать имъ.

Посламъ предписывалось поднять рѣчь о выдачѣ тѣлъ не ранѣе того момента, когда король Владиславъ IV присягнетъ въ сохраненіи вѣчнаго мира и когда будутъ исполнены со стороны польской всѣ формальности по утвержденію договора. Только послѣ этого князь Львовъ-Ярославскій съ товарищами долженъ былъ обратиться къ панамъ рады съ своимъ предложеніемъ, прося ихъ о всемъ представить Владиславу; говорить должны послы сразу не о всѣхъ тѣлахъ, сначала о тѣлѣ одного Василя Ивановича, и поступать соотвѣтственно съ отвѣтами и дѣйствіями пановъ и короля.

„Судомъ Божиимъ — должны были излагать панамъ рады царскіе послы — лежитъ у васъ въ Польшѣ тѣло блаженныя памяти царя и великаго князя Василя Ивановича всея Русіи, и по нашему христіанскому закону пѣн्या по немъ и службы по святыхъ отецъ правиламъ нѣтъ, лежитъ, что одинъ отъ убогихъ. И великій государь царь и великій князь Михаилъ Θεодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, жалѣя о томъ своимъ государскимъ милосердымъ обычаемъ, велѣлъ, по любви, брату своему вели-

вскорѣ. Послы не замедлили, пріѣхали въ Варшаву 22 февраля, 26 февраля представлялись Владиславу (В а н т ы ш ь - К а м е н с к і й, Переписка между Россіею и Польшею въ государственное царя Михаила Θεодоровича, 78, Чтенія, 1862, IV). Тревіани пришлось бы одновременно выполнять работу и въ Краковѣ, и въ Варшавѣ, въ чемъ не было надобности. Поправку произвелъ, разумѣется, тотъ же „будовничей Миколай, которому та Каплица приказана” (Приложенія, кн. 1, стр. 31) и который, какъ увидимъ, ѣздилъ потомъ вмѣстѣ съ членами посольства осматривать ее и гробы.

кому государю Владиславу, королю польскому и великому князю литовскому, говорить съ прошенъемъ о томъ царя Васильевѣ тѣлѣ, чтобы королевское величество, ради нынѣшней ихъ братственной дружбы, тѣло царя Василя велѣлъ отдать и позволилъ отвезти въ Московское государство; за что великій государь нашъ брату своему, великому государю вашему, будетъ воздавать своею царскаго величества любовью“.

Если королевскіе сенаторы отвѣтятъ, что они донесутъ своему королю, и скажутъ, что это дѣло возможное, король, ради дружбы и любви государя, не воспрепятствуетъ, отдать тѣло велитъ, — то послы пусть не медлятъ съ его приемомъ, выполняя его съ почестью. Такъ какъ съ Краковскаго предмѣстья можно было переправиться на дорогу къ Москвѣ только чрезъ Варшаву, то въ городъ и по городу тѣло должно нести на головахъ, священникъ и діаконъ кадятъ по чиноположенію, послы встрѣчаютъ предъ городомъ и провожаютъ чрезъ Варшаву и ставятъ за ней на возъ сами.

Буде же паны рады начнутъ отговариваться, выставляя, что царя Василя тѣло погребено честно и надъ нимъ, въ воспоминаніе его, построены каменный столбъ или палатка, что уже прошло много времени („задавнѣло“), такъ что, полагаютъ, моги истлѣли и вывезти ихъ нельзя, или что король не согласится отпустить, потому что люди Московскаго государства сами отдали царя Василя и его братью, — то послы должны возразить имъ: „царя Васильево тѣло ужъ мертво, и прибыли въ немъ нѣтъ никоторыя“, стоять за него королю не для чего: прежде, когда у обоихъ государей между собою было нелюбие, царское величество не просилъ, нынѣ же между ними дружба братская, любовь и вѣчный миръ; не отдать тѣла — королевская воля, только они, послы, просятъ по приказу государя своего, и царь Василій былъ государь великій, помазанникъ Божій, на пустомъ мѣстѣ безъ христіанскаго поминовенія лежать ему не пристойно.

Попросятъ тогда королевскіе люди выкупу, послы пусть торгуются усиленно и искусно, начавъ съ отказа: „Царское величество никакъ-де не чаялъ, что вы попросите казны за царя

Васильево тѣло; а если уже надобно ее вамъ, мы дадимъ ее, сколько пригоже, отъ себя, отъ государя намъ о ней не наказано“. Затѣмъ послы должны освѣдомиться, сколько бы паны хотѣли взять. Пожелаютъ паны получить тысячъ пятьдесятъ или больше, отвѣчать имъ: „Не статочно давать за мертвое тѣло казну, тѣмъ болѣе многую, нигдѣ не слыхано, чтобы продавали тѣла мертвыхъ; мы хотимъ дать, что пригоже, для христіанскаго обычая и для того, чтобы тѣло царя Василя было погребено при гробѣ его отцовъ и чтобы надъ нимъ совершалось поминовение по христіанскому греческому закону, и даемъ лишь по вашему запросу“. Выразивши это, послы могутъ предложить тысячъ пять, шесть, семь, восемь, дойти до десяти, и, наконецъ, еще прибавить, по мѣрѣ необходимости. Взамѣнъ денегъ ограничиться пока одной роспиской, за дѣячими приписями, обѣщаясь произвести уплату по ней въ Москвѣ тому, кого паны пришлютъ туда съ нею.

Взявъ тѣло Василя, за выкупъ или безъ выкупа, и встрѣтивъ его съ честью, послы должны, чрезъ пановъ рады, ходатайствовать у короля объ отпускѣ тѣлъ боярина князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго и его жены, мотивируя просьбу тѣмъ, что и князь Дмитрій былъ человекъ великій и родители его погребены въ Московскомъ государствѣ. Отпустить тѣла даромъ, ради дружбы и любви государя къ королю, взять ихъ и везти за тѣломъ царя Василя, завязавъ на возахъ; въ случаѣ требованія панами казны за нихъ, отвѣтить: „когда королю отдать не угодно, и въ томъ его воля; покупать мертвыхъ тѣлъ не пригоже, то царскому тѣлу не образецъ“.

Послы дѣлали по наказу. Когда, при выполненіи явнаго порученія, встрѣтились нѣкоторыя не предвидѣнныя затрудненія (наприм., невозможность получить подлинникъ договора съ Жолкѣвскимъ объ избраніи Владислава, оказавшійся затеряннымъ, и т. п.), то они (еще въ мартѣ) снеслись съ Москвой чрезъ нарочитаго гонца. Для осуществленія тайнаго порученія ждали удобнаго времени, и выполненіе оказалось болѣе легкимъ, чѣмъ предполагалось заранѣе; потребовалось имъ отступить отъ наказа лишь въ небольшихъ частностяхъ, въ видахъ скорости.

23 апрѣля (3 мая н. ст.) торжественно, въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи высшаго духовенства, сенаторовъ и массы народа, была принесена королемъ присяга въ неизмѣнномъ сохраненіи Поляновскаго мира. При отдачѣ посламъ грамоты, тутъ же, въ церкви, Владиславъ называлъ московскаго государя своимъ братомъ, выразилъ надежду, что съ нимъ у него будетъ „крѣпкая и вѣчная пріязнь“, и поручалъ имъ кланяться ему отъ его имени „попріятельски“. Торжество справлено пиромъ. Прямо изъ церкви провели пословъ въ королевскій дворецъ, къ столу. За обѣдомъ Владиславъ пилъ за здоровье Михаила Θεодоровича; во дворцѣ пословъ задержали до ночи, чтобы показать имъ эффектную иллюминацію; на вечеръ слѣдующаго дня пригласили ихъ въ придворный театръ, гдѣ готовилась къ постановкѣ комедія изъ исторіи Юдиѳи и Алоферна.

Пользуясь минутами восторга, овладѣвшаго придворнымъ кругомъ, послы въ этотъ день (24 апр.), до комедіи, позвали къ себѣ „поговорить царскаго величества о дѣлѣ“ короннаго канцлера Якова Задзика, извѣстнаго уже намъ по предыдущимъ событіямъ Александра Госѣвскаго и литовскаго канцлера Станислава Радивиля. Пань рады пріѣхали, и послы словами наказа заявили имъ, чтобы они донесли своему королю о просьбѣ Михаила Θεодоровича, ради установившейся братственной дружбы и любви, отпустить тѣло царя Василя Ивановича, убого лежащее въ Польшѣ безъ церковнаго по немъ нѣнія и службы. Донести королю сенаторы соглашались, но, какъ и предвидѣлось въ Москвѣ, возражали: „отдать тѣло царя Василя не годится, мы славу себѣ улучили вѣковую, что московскій царь и братъ его лежатъ у насъ въ Польшѣ, а погребены они честно, и устроена надъ ними Каплица каменная“. Отговорку послы, повидимому, поняли такъ, что она не звучала отказомъ, сказана больше для виду, чтобы лучше дать почувствовать важность дѣла и услуги; упоминаніе пановъ о князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ казалось удобнымъ поводомъ прямо хлопотать объ отпускѣ всѣхъ Шуйскихъ. И послы, объяснивъ, что полякамъ и королю нѣтъ пользы въ царѣ Василю, какъ уже мертвомъ, и что установленъ теперь вѣчный миръ, стали убѣждать пановъ стараться самимъ скло-

нять короля на выдачу тѣлъ; доводы подкрѣплялись посуломъ. „Мы вамъ“, добавляли послы, „за то поминки дадимъ, что у насъ случилось“. Въ предупреденіе большаго запроса, они тотчасъ посулили Задзиду десять сороковъ соболей и „немалые поминки“ Госѣвскому, Радивилу и другимъ сенаторамъ и королевскимъ ближнимъ людямъ. Собесѣдники обнадежили въ своемъ содѣйствіи, обѣщали совѣтовать королю, чтобы онъ велѣлъ отдать тѣла всѣхъ покойниковъ.

Заѣхалъ къ посламъ подкоморій коронный Адамъ Казановскій; царскіе люди не упустили удобнаго случая, обратились къ вліятельному гостю съ своей просьбой и посулами. „Вѣдомо намъ — докладывали они, — что ты у королевскаго величества человекъ ближній, и мы тебѣ говоримъ по любви, чтобы тебѣ наше слово донести королевскому величеству“. И этотъ обѣщаль имъ говорить королю въ ихъ пользу.

Всей важности поднятаго послами дѣла польскіе люди не соизмѣрили, тѣмъ болѣе, что и ранѣе, запустивъ памятникъ, показывали, какъ недостаточно придавалось ими значенія тому, что подъ этимъ мавзолеемъ покоится бывшій московскій государь.

Просьба пословъ была удовлетворена быстро. Канцлеры и панъ Госѣвскій прислали къ нимъ сына послѣдняго, Христофора Госѣвскаго, съ увѣдомленіемъ, что они доносили королю ихъ рѣчи о выдачѣ тѣлъ, и королевское величество, „для брата своего, великаго государя и царя и великаго князя Михаила Θεодоровича, всея Русіи самодержца, его царскаго величества дружбы и любви“, велѣлъ отдать великимъ посламъ тѣла царя Василя, князя Дмитрія и княгини его. Послы благодарили. Зная, что ихъ слова Госѣвскій передастъ по назначенію, они сказали ему, что король своимъ разрѣшеніемъ учинилъ брату своему, царю Михаилу Θεодоровичу, „пріятную свою дружбу и любовь“, и увѣряли отъ имени царя, что королю онъ „будетъ воздавать своею государскою любовью“.

Уполномоченные взять тѣла, князь Львовъ и его товарищи потребовали къ себѣ королевскаго обозничаго и архитектора, наблюденію которыхъ была поручена „Каплица“. Такъ, со словъ пановъ рады, стали называть надгробной памятникъ и русскіе

послы Съ обозначимъ, архитекторомъ „Николаемъ“ и писаремъ короннаго канцлера Альбрехтомъ Гижичкимъ отправились въ Каплицу, по приказу пословъ, думный дьякъ Михаилъ Даниловъ, дьякъ Иванъ Переносовъ и посольскіе дворяне. Когда вошли въ нее, никакихъ гробовъ не было въ ней видно, и дьяки спросили: „гдѣ гробъ царя Василя Ивановича и гробъ брата его?“ — „Лежитъ подъ мостомъ“ (подъ поломъ), отвѣчали польскіе провожатые. Поль велѣли дьяки взломать. Его вьломали, и предъ посѣтителями открылась каменная палатка и въ ней три гроба, одинъ на правой сторонѣ, два на лѣвой, гробъ на гробу.

— „Который же гробъ царя Василя Ивановича“? переспросили дьяки.

Архитекторъ и Гижичкій отвѣчали:

„Одинокій гробъ, на правой сторонѣ, царя Василя, а на лѣвой князя Димитрія и княгини его“.

То же, въ свою очередь, подтвердили потомъ посламъ сенаторы Задзикъ, воевода Ленчицкой и Александръ Госѣвскій, сообщивъ, что Сигизмундъ положилъ въ гробы малыя серебряныя доски съ латинскими надписями имени того, кто лежитъ въ гробу, и погребалъ онъ покойниковъ при нихъ, и что о принадлежности одинокаго гроба Василю велѣлъ засвидѣтельствовать самъ Владиславъ. „Королевское величество“, присоединили при этомъ Задзикъ и Госѣвскій, „велѣлъ вамъ сказать, что онъ тѣло царя Василя Ивановича и брата его и жены велѣлъ отдать вамъ, великимъ посламъ, любя брата своего, великаго государя вашего, его царскаго величества, а былъ бы Сигизмундъ король, онъ ни за что не отдалъ бы тѣло царя Василя, даже ни одной кости, хотя бы ему палаты золота насыпали“.

Сомнѣнія въ подлинности тѣлъ болѣе быть не могло. Ихъ честно выняли изъ палатки и понесли. На пути, пролегавшемъ „изъ села изъ Ъздова къ Варшавскому посаду“, ихъ встрѣтили послы, стольники и дворяне со всѣми людьми. Поставивъ, очевидно, на мѣстѣ, гдѣ жило посольство, занялись снаряженіемъ ихъ въ дальнѣйшій путь. Послы велѣли сдѣлать новые гробы, побольше старыхъ, посмолить ихъ и положить въ нихъ старые. Съ обозначимъ и архитекторомъ король прислалъ для обивки гроба царя Василя

турецкаго золотнаго атласу, золотнаго кованаго кружева и серебряныхъ гвоздей, на гробъ князя Дмитрія зеленаго бархату, на княгининъ гробъ зеленую камку. Даръ былъ принятъ. Гробы обили—царскій червчатымъ сукномъ, княжій таусинымъ бархатомъ, княгининъ зеленою камкою, и все ихъ покрыли червчатыми сукнами. За гробы, за снаряженіе ихъ и за лошадей ушложено послами съ небольшимъ 309 рублей, у дьяка Данилова взять за сорокъ рублей возокъ съ сукномъ подъ царскій гробъ. Главный расходъ былъ, конечно, въ раздачѣ „поминокъ“ за тѣло Василя сенаторамъ и королевскимъ ближнимъ людямъ, которымъ роздано мѣхами соболей и лисиць на 3684 рубля—на сумму по тому времени значительную, все же она много меньше даже самой низшей цѣны, какую на это дѣло назначали въ Москвѣ. За розплатой мѣхами, имѣвшимися при послахъ, долговой росписки выдавать не понадобилось ¹⁾.

Постороннія лица видѣли только результаты стараній посольства, не догадываясь о наказахъ ему и не зная точно о примѣненныхъ имъ средствахъ и веденныхъ переговорахъ; объясняли выдачу намѣреніями и дѣйствіями польской стороны. Современный лѣтописецъ записалъ: „Посоль прінялъ за особое себѣ одолженіе, что ему было позволено отвезти въ Московію кости Василя Шуйскаго, московскаго князя, умершаго плѣннымъ въ Польшѣ“ ²⁾.

¹⁾ Моск. Гл. Архивъ М. ин. дѣлъ, Дѣла польскія, 1634—35 г., № 49: „Отправленіе въ Польшу и Статейный списокъ посольства російскихъ полномочныхъ пословъ боярина князя Алексѣя Львова-Ярославскаго, думнаго дворянина Степана Проѣстева... съ товарищи, для взятія у короля подтвержденной грамоты на заключенный между Россією и Польшею вѣчный миръ... и для привезенія изъ Польши тѣлъ царя Василя Ивановича и брата его Дмитрія Ивановича Шуйскихъ и жены его“ (существенное для насъ здѣсь въ этомъ обширномъ дѣлѣ издано нами въ Приложеніяхъ, № 4); тамъ же, 1635 г., № 4: „Статейный списокъ бывшихъ въ Польшѣ пословъ боярина Алексѣя Михайловича Львова-Ярославскаго“, и проч., и извлеченіе отсюда въ Приложеніяхъ, № 5; *Pamiętniki Albruchta Stanisława x. Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego. Wydane z rękopismu przez Ed. Raczyńskiego. W Poznaniu, 1839, I, 255—259.* Нельзя не отмѣтить, что Радивиль, сообщая подневно о пребываніи русскихъ пословъ въ Варшавѣ и о своихъ сношеніяхъ съ ними, не только ни словомъ не намекаетъ о своемъ посредничествѣ по отпуску Шуйскихъ, но совершенно умалчиваетъ и о самомъ вопросѣ о Шуйскихъ, какъ будто бы его и не поднималось.

²⁾ „Singularioris autem gratiae loco habuit, quod ipsi permissum fuit, ut

Пробывъ въ Варшавѣ нѣсколько мѣсяцевъ, послы князь Львовъ-Ярославскій съ товарищами теперь не медлили. Къ выѣзду изъ Варшавы все было у нихъ готово чрезъ нѣсколько дней по выдачѣ имъ гробовъ Шуйскихъ, и 28 апрѣля (8 мая) они оставили польскую столицу. „Тѣло блаженныя памяти царя Василия Ивановича отпустилъ король съ великою честью“. До границы провожали королевскій подчашій, въ качествѣ пристава, и разные польско-литовскіе люди.

Послы спѣшили отнестъ въ Москву о своемъ отпускѣ и о томъ, что они везутъ съ собою. Въ Москвѣ были довольны вѣстями. Государь отвѣтилъ посламъ грамотою (21 мая 1635 года), въ которой, хваля ихъ и обѣщая имъ жалованье за выполненіе порученія, велѣлъ имъ ѣхать позади тѣла царя Василия, увѣдомлялъ о посылкѣ почетнаго духовенства на встрѣчу тѣла и велѣлъ имъ отнестъ изъ попутныхъ городовъ—Дорогобужа, Вязьмы и Можайска.

Царскимъ останкамъ готовился достойный приѣмъ. Первая встрѣча ихъ назначалась на рубежѣ, между Дорогобужемъ и Вязьмой, на рѣчкѣ Поляновкѣ, гдѣ съѣзжались и заключили мирный договоръ царскіе и королевскіе уполномоченные. Церемоніаль установливался царскимъ указомъ. Должны были немедля отправиться въ Вязьму епископъ коломенскій и каширскій Рафаилъ и по два архимандрита, игумена, протопопа, священника съ соответственнымъ числомъ дьяконовъ; здѣсь провѣдывать имъ о приѣздѣ къ Поляновкѣ князя Львова съ товарищами; и лишь узнаютъ, что послы близко къ ней, тотчасъ, взявъ иналцовскія сани для тѣла Василия, двинутся туда, въ сопровожденіи вяземскихъ казаковъ. Послы, съ своей стороны, должны, приближаясь къ Поляновкѣ, сослаться съ Рафаиломъ и его товарищами, чтобы условиться о встрѣчѣ на московско-русскомъ берегу рѣки.

При встрѣчѣ царскаго тѣла духовенству предписывалось быть въ постныхъ ризахъ, со свѣчами и кадилами, и отнѣсть малую панихиду. Встрѣтивъ, велѣтъ поставить гробъ на иналцов-

скія сани, на посланномъ въ нихъ коврѣ, покрыть его золотнымъ атласомъ, сшивъ вдвое, и нести его въ саняхъ на головахъ до ближней церкви Николая Чудотворца, въ селѣ Семена Юрнева, чтобы въ ней отслужить надъ тѣломъ большую соборную панихиду. Отсюда гробъ везти на возкѣ, на какомъ прибылъ онъ изъ Литвы, пустить его впереди, а епископу съ соборомъ, съ послами и дворянами ѣхать позади его; гроба князя Дмитрія и княгини везти за полкомъ, а за ними ѣхать людямъ князя Ивана Ивановича Шуйскаго, которыхъ этотъ пошлетъ отъ себя.

Предъ Вязьмой, за посадомъ, должны встрѣтить мѣстные воеводы, игумены, попы и дьяконы, съ ними быть вяземскимъ служилымъ людямъ — дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцкому головѣ, сотникамъ, казакамъ и стрѣльцамъ и людямъ посадскимъ. Доѣхавши до вяземскаго посада, епископъ съ соборомъ снова облачается въ ризы, велитъ нести тѣло на головахъ, въ иналцовскихъ саняхъ, чрезъ посадь въ церковь, въ городскую или посадскую, какая пригоже, и поетъ въ ней панихиду, самъ раздавая свѣчи духовенству, посламъ и вяземскимъ воеводамъ и дворянамъ. Ночевать при гробѣ въ вяземской церкви и на дальнѣйшихъ остановкахъ посольскимъ дворянамъ, по два человѣка, и священникамъ, перемѣняясь, по человѣку. Изъ Вязьмы за посадь гробъ опять вынести на головахъ, поставить на возокъ и продолжать путь въ прежнемъ порядкѣ.

Что было въ Вязьмѣ, должно повториться въ Можайскѣ. Во всю дорогу и на остановкахъ читается псалтырь попами и дьяконами, отправляемыми изъ Москвы съ епископомъ; на это нанимать изъ нихъ желающихъ, по уговору. На пути, по городамъ и селамъ, раздается по царѣ Василиѣ милостьня. Верстахъ въ 50-ти отъ Москвы, послы должны отдѣлиться отъ полку и быстро ѣхать въ нее, чтобы видѣть государевы очи. Тѣмъ временемъ епископъ съ соборомъ, стольниками и дворянами исподволь ѣдетъ за гробомъ и отсылаетъ отъ себя вѣсти въ Посольскій приказъ. Отдавъ отчетъ, послы возвращаются къ полку для участія въ торжественной процессіи при внесеніи тѣла Василія въ царскую столицу.

Вмѣстѣ съ наказомъ отправлены были посламъ свѣчи,

ладонь, провизія на кутью, церковная утварь, 50 рублей на милостынную раздачу и 20 рублей въ уплату псалтырьникамъ, иналцовскія сани, обитыя червчатымъ атласомъ, золотный атласъ на покровъ и лошади со стременнымъ конюхомъ.

Съ распоряженіями запоздали. 29 мая послы были уже на Поляновкѣ. Проводивъ за нее, польско-литовскіе люди поворотили къ Дорогобужу, а московскіе люди двинулись далѣе, миновали Лаврушинскій острожекъ, изъ котораго былъ прежде посольскій съѣздъ, и село Семена Юренева, какъ получена была царская грамота, предписывающая устроить первую встрѣчу на Поляновкѣ. Въ ожиданіи Рафаила послы остановились въ Лаврушинскомъ острожкѣ, верстахъ въ трехъ отъ рубежа. Епископъ съ духовенствомъ прибылъ на другой день вечеромъ (30 мая), но нести тѣло въ ближайшую церковь Николая Чудотворца было нельзя: она стояла разоренною, безъ образовъ. Отиѣвъ малую панихиду подъ открытымъ небомъ, двинулись къ Вязьмѣ: гробъ Василія везли впереди полка, остальные гроба за полкомъ, люди князя Ивана Шуйскаго на встрѣчу не поспѣли. За версту предъ своимъ посадомъ встрѣтили тѣла вязьмичи, явившіеся съ женами и дѣтьми. Гробъ Василія былъ принесенъ на головахъ въ церковь Преображенія Господня, на московской дорогѣ, и надъ нимъ отслужена большая панихида. Изъ священниковъ и дьяконовъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы съ епископомъ, нанимать читать псалтырь не понадобилось: ее читали ежедневно, отъ самой Варшавы, священники и дьяконы, сопровождавшіе пословъ; ночевали у гроба посольскіе столъники и дворяне.

Упредивъ своихъ, послы пріѣхали (7 іюня) въ Москву и правили государю пріятельскій поклонъ отъ брата его, польскаго короля Владислава. Государь принялъ ихъ милостиво, допустилъ ихъ къ своей рукѣ и велѣлъ имъ снова быть у тѣла царя Василія Ивановича. Полкъ, во главѣ съ Рафаиломъ, остановился верстахъ въ пяти отъ Москвы, у церкви, ожидая, пока Москва готовится къ приему.

Торжественная встрѣча была 10 іюня. На колокольнѣ Ивана Великаго съ утра загудѣлъ большой, слитый по повелѣнію Михаила Θεодоровича и Филарета Никитича, двухтысяче-

пудовый колоколь реутъ, оповѣстившій о началѣ торжества, и народъ повалилъ къ Дорогомилову.

Медленная, чинная процессія чѣмъ ближе надвигалась, торжество тѣмъ болѣе увеличивалось. Отъ Дорогомиловской слободы до церкви св. Николая Явленнаго, на Арбатѣ, гробъ царя Василя несли на головахъ дѣти боярскіе изъ городовъ, за гробомъ шелъ епископъ Рафаилъ съ своимъ духовенствомъ и послы съ своею свитой. У церкви Николая Явленнаго встрѣтилъ тѣло митрополитъ крутицкій Павелъ съ тремя архимандритами, игуменомъ, двумя протопопами и священниками и дьяконами всѣхъ церквей Большаго города; бояре князь Юрій Сулешевъ, Борисъ Салтыковъ, окольнічій Михаилъ Салтыковъ, съ ними 100 чело-вѣкъ дворянъ, 200 жильцевъ, гости и торговые люди, и всѣ присоеди-нились къ провожавшимъ. Отсюда, чрезъ Арбатскія ворота и Воздвиженскою улицею, въ Бѣломъ городѣ, несли гробъ на плечахъ московскіе дворяне. Предъ Кремлемъ, у деревянной церкви Николы Зарайскаго, что у Каменнаго моста чрезъ рѣку Неглинную, встрѣтилъ тѣло святѣйшій патріархъ Иоасафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и, учиня начало по священному чиноположенію, пошелъ, съ кадиломъ и свѣчами, за тѣломъ, кото-рое внесли въ Кремль чрезъ Ризположенскія ворота. У Успен-скаго собора встрѣтилъ процессію самъ царь Михаилъ Феодоро-вичъ. Встрѣчающіе — начиная съ государя и кончая низшими служилыми людьми, гостями и людьми торговыми — были въ смирномъ, траурномъ платьѣ, патріархъ съ духовенствомъ шелъ въ смирныхъ ризахъ. Въ Кремль все еще гудѣлъ одинъ реутъ, а какъ гробъ Василя понесли мимо двора царя Бориса Году-нова, ударили во всѣ колокола. При полномъ колокольномъ звонѣ и въ сопровожденіи государя процессія вступила въ Архангель-скій соборъ—мѣсто упокоенія московскихъ царей. Была докон-чена большая панихида, при гробѣ поставленъ почетный кара-уль. На другой день, 11 іюня, совершено было торжественное погребеніе. Тѣло положили на лѣвой сторонѣ храма, за перед-нимъ столбомъ, подъ каменной гробницею ¹⁾. Сдѣланная потомъ

¹⁾ Моск. Гл. Архивъ М. ин. дѣлъ, Дѣла польскія, 1634—1635 гг., № 49, и 1635 г., № 4; Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, №№ 5 и 6.

надгробная надпись ¹⁾ передаетъ о днѣ смерти и числѣ годовъ жизни Василя, о числѣ годовъ пребыванія его тѣла въ Польшѣ и объ обстоятельствахъ и днѣ перенесенія гроба въ Москву. Дальнѣйшая судьба гробницы уже тѣсно связана съ послѣдующей исторіей Московскаго Архангельскаго собора.

На душѣ многихъ московско-русскихъ людей теперь сдѣлалось легче. Съ приобщеніемъ гроба бывшаго царя Василя Ивановича къ другимъ царскимъ гробамъ, они почувствовали, что прежняя вина заглаживалась, наступало нравственное примиреніе. Помимо чисто моральнаго значенія, гробъ Василя долженъ былъ имѣть въ сознаніи передовыхъ людей и значеніе высоко-политическое: онъ говорилъ о постороннемъ безспорномъ признаніи за Московскою Россіей политической независимости и самостоятельности, объ устойчивости крѣпнущаго ея могущества. Поляновскій договоръ, какъ ни былъ тяжелъ для Московскаго государства по своимъ территоріальнымъ условіямъ, означалъ однако, что у польской короны окончательно потеряна надежда на полученіе московскаго престола. Гробъ Василя, явившійся въ Москвѣ, какъ ближайшее слѣдствіе дого-

¹⁾ „Лѣта **ѡрѣка** (1612) сентября въ **ѡ** день, на память святаго священномученика Автонома преставись благовѣрный и христолюбивый великій государь царь и великій князь Василій Ивановичь, всея Руси самодержецъ, въ Польскомъ королевствѣ въ **ѡ** лѣто живота его, а въ Польшѣ лежало тѣло его (въ) Варшавѣ **ѡ** года.

„И **рѣг** (1635) году великій государь царь и великій князь Михайло Феодоровичь, всея Руси самодержецъ, со Владиславомъ, королемъ польскимъ, учинился въ братствѣ и въ вѣчномъ докочаніи: для того доковчанья посылалъ ко Владиславу королю пословъ своихъ великихъ, боярина князя Алексѣя Михайловича Львова съ товарищи, и о тѣлѣ царя и великаго князя Василя Ивановича всея Руси, чтобъ его отпустили, велѣлъ королю говорить; и Владиславъ король тѣло царя Василя Ивановича всея Руси царскаго величества посломъ отдалъ; и въ царствующій градъ Москву принесено тѣло его въ лѣто **ѡрѣг** (1635) іюня въ **Г** день, **ѡ** лѣта государства его“. Дрени. Россійская Вивліюника, изд. 2, XI, 222; Карамзинъ, XII, прим. 785; протоіер. А. Д. Недумовъ, Московскій придворный Архангельскій соборъ. Описаніе сего собора и находящихся въ немъ царскихъ и княжескихъ гробницъ. М., 1904, 36—37.—Время пребыванія останковъ Василя въ Гостынинѣ и въ Варшавѣ не раздѣлено въ надписи, быть можетъ, по желанію указать на одинаковое количество лѣтъ (23) — пребыванія ихъ въ Польшѣ и царствованія Михаила, когда этотъ взялъ ихъ изъ плѣна. Надпись сдѣлана узорчатой вязью. Она была извѣстна по изданіямъ въ Вивліюникѣ и у Карамзина, но о-мъ Недумовымъ воспроизведена точнѣе, и мы приводимъ по его списку. У первыхъ издателей значится, что Василій Ивановичь „преставись... въ **ѡ** (60) лѣто живота его“, почему

вора, служилъ свидѣтелемъ этого факта, предвѣщавшаго, что въ жизни Московской Россіи безостановочно приближается новая эпоха въ выполненіи ею великой русско-объединительной миссіи. Произшедшее въ пору и вслѣдствіе смутъ служило убѣдительнымъ предостереженіемъ и яснѣе намѣчало пути для расчетовъ и дѣйствій въ будущемъ, при несомнѣнномъ дальнѣйшемъ ростѣ и развитіи народно-государственного организма.

въ исторической наукѣ доселѣ признають, что царь Василій скончался на 60-мъ году своей жизни. Но у о. Недумова: „преставись... въ 65 лѣто живота его“. Очевидно, также читалъ это и проф. П. М. Снегиревъ (Московскій Архангельскій соборъ. Изд. А. Мартынова. М., 1865 г.), только, по опечаткѣ, у него: „въ 15 лѣто“, 1 поставлено вмѣсто 6. Въ подлинникѣ:

ВЪ 65 ЛѢТО

Данный снимокъ съ надписи, высѣченной на камнѣ гробницы царя Василя Ивановича Шуйскаго, устанавливая точно количество лѣтъ жизни Василя, можетъ служить и образчикомъ формы и размѣра буквъ подлинника.

VII ГЛАВА.

Перевозъ въ Москву варшавскаго надгробнаго камня надъ Василиемъ.

Побужденія.—Переговоры московскихъ бояръ съ королевскимъ посломъ Адамомъ Киселемъ о Капицѣ и о надписи на ней.—Согласіе Владислава на отдачу плиты съ надписью.—Доставка ея въ Москву посланцемъ Киселя ротмистромъ Вороничемъ.—Награды Вороничу и Киселю.—Зарытіе камня.—Участіе Юрія Крижанича.—Мнѣніе современниковъ.—Дальнѣйшія задачи относительно бывшихъ мѣстъ погребенія Шуйскаго.

Нравственное удовлетвореніе, произшедшее съ полученіемъ въ Москвѣ гроба Василя Ивановича, не могло быть однако полнымъ. Въ Варшавѣ, на видномъ мѣстѣ, оставался еще надгробный памятникъ, который нарочито выстроилъ Сигизмундъ — „на вѣчную память въ потомствѣ“, какъ объяснялъ самъ король; „себѣ на славу, Московскому государству на укоризну“, какъ объясняли въ Москвѣ; на монументѣ, надъ входной въ него дверью, красовалась большая крупная латинская надпись, буквами, вырѣзанными на черной мраморной плитѣ и покрытыми золотомъ, гласившая о торжествѣ короля надъ московскимъ „великимъ княземъ“. Для Михаила Федоровича важно было взять изъ Польши тѣло Василя, и его послы, кн. Львовъ съ товарищами, занятые выполненіемъ порученія, ни слова не сказали въ Варшавѣ ни о Капицѣ, ни объ ея мраморной плитѣ съ надписью Сигизмунда. На это не замедлило обратить свое вниманіе правительство молодого Алексѣя Михайловича, когда, по вступленіи его на престолъ, подтверждало прежній Поляновскій договоръ съ Польшей и заключало съ нею оборонительный союзъ противъ крымцевъ.

Полномочнымъ королевскимъ посломъ и комиссаромъ приѣхалъ (въ августѣ 1647 г.) въ Москву кievскій каштелянъ Адамъ Григорьевичъ Кисель ¹⁾. Богатый и знатный землевладѣлецъ въ Украинѣ, ведшій свой родъ отъ Святольда, кievскаго „воеводы“ временъ Ярослава, онъ занималъ постепенно мѣсто подкоморія, старосты, каштеляна, воеводы и наконецъ достигъ званія сенатора, крайне рѣдкаго для православно-русскихъ. Держался онъ шляхетскихъ сословныхъ тенденцій, былъ противъ народныхъ казацкихъ возстаній, имѣвшихъ антишляхетскій наступательный характеръ, но, сохранивъ старую русскую вѣру, былъ близокъ съ митрополитомъ Петромъ Могилой, всегда тянулъ къ Руси, къ русскому народу, былъ врагомъ католическихъ захватовъ, уніи, и являлся въ сенатѣ виднымъ защитникомъ интересовъ Православія; плывя въ руслѣ между стремленіями русско-патріотическими и польско-государственными и представляясь человѣкомъ какъ-бы ерединнымъ, онъ миръ между царемъ и королемъ считалъ важнымъ не только для себя лично и для шляхетскаго сословія, но настоящимъ благомъ и вообще для Польскаго королевства и Русскаго государства, „созданныхъ“, какъ онъ выражался въ Москвѣ, „десницею Вседержителя Господа отъ единой крови славянской и одинаго языка славянскаго народа“. Въ своихъ переговорахъ въ Москвѣ онъ, владея и дипломатическими способностями, часто твердилъ о „братствѣ“ обоихъ народовъ;

¹⁾ Документы объ его посольствѣ въ Москву: Статейный списокъ Посольскаго двора 1646—1647 г., № 72, въ Московскомъ Главн. Архивѣ Министерства иностр. дѣлъ (важнѣйшіе документы о переговорахъ относительно надгробнаго камня; извлеченіе въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію, кн. 1, № 7); *Mowa im. pana Adama Kisiele, kasztellana kiiowskiego, posła jkmcі, do cara moskiewskiego odprawiona, w Stolicy d. 27 augusta 1647 r.*; *Relacja moskiewskiej legatciey, w Stolicy moskiewskiej d. 27 septemb. a. Dom. 1647*, рукоп. В, I, 31, или № 490, стр. 233—251, въ Варшавской Библиотекѣ Красицкихъ (о камнѣ нѣтъ упоминанія); рукоп. XVII в., № 196, въ Библиотекѣ Института Оссолинскихъ во Львовѣ (извлеченіе изъ нея въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1883, II, 29—39); біографическія свѣдѣнія о Киселѣ въ Киевской Старинѣ, XII, 745—750, XIII, XIV, 826—831, у П. Н. Б а т ю ш к о в а, Волянъ, Сиб., 1838, прил. 47—49. Кисель пробылъ въ Москвѣ съ 4 августа по 17 сентября 1647 г. Посольство его отнесено Соловьевымъ (изд. 3, X, 124—129) къ лѣту 1646 года, вслѣдствіе неточной даты на архивномъ документѣ.

еще до представленія своего государю молился онъ въ Успенскомъ соборѣ, и постоянно старался, въ чемъ могъ, быть предупредительнымъ. Съ такимъ лицомъ, а главное, какъ съ человѣкомъ русскимъ и православнымъ, легче было столкнуться царскимъ людямъ. У бояръ князя Алексѣя Трубецкаго и Григорія Пушкина, думнаго дьяка Назарія Чистого и дьяка Алмаза Иванова, ведшихъ съ Киселемъ переговоры, завязались съ нимъ довольно прямые отношенія, и отъ имени Алексѣя Михайловича они предложили ему исходатайствовать у Владислава уничтоженіе Каплицы или, по крайней мѣрѣ, снятіе камня съ надписью.

Они дѣйствовали однако осторожно, не смотря на такіа благопріятныя условія. Какъ прежде кн. Львовъ съ товарищами приступилъ къ вопросу о выдачѣ тѣлъ Шуйскихъ не ранѣе того момента, когда относительно заключеннаго Поляновскаго мира было выполнено все, что требовалось; такъ и теперь бояре и думные люди повели съ Киселемъ рѣчь о памятникѣ, когда уже были улажены новыя договорныя статьи. „О Каплицѣ, которая поставлена въ Аршавѣ надъ гробами“, они сдѣлали ему предложеніе на послѣднемъ засѣданіи (14 сентября), накануне прощальнаго представленія посла государю. Они говорили послу:

„Въ вѣчныхъ, закрѣпленныхъ крѣстнымъ цѣлованіемъ, окончальныхъ грамотахъ блаженныя памяти великаго государя царя Михаила Ѳеодоровича и наияснѣйшаго великаго государя вашего Владислава написано: быть имъ, обоимъ великимъ государямъ, между собою и ихъ дѣтямъ и наслѣдникамъ въ братствѣ, дружбѣ, любви, соединеніи и вѣчномъ окончаньи на вѣки неподвижно, другъ другу искать лучшаго, во всемъ чинить правду, прежнихъ всѣхъ мимошедшихъ дѣлъ не всчинать, никакой недружбы не мстить и впредь о томъ во вѣки не вспомянуть ни съ какой стороны. Между тѣмъ великому государю нашему вѣдомо учинилось, что у королевскаго величества въ Варшавѣ поставлена Каплица каменная, гдѣ были гробы, а на ней подписано полатынѣ. И королевскому величеству, по посольскому договору и по своему крестному цѣлованію, велѣтъ бы ту Каплицу снять, потому что она стоитъ порожняя и потребности въ ней никакой нѣтъ; о мимошедшихъ дѣлахъ установлено не вспомянуть во

вѣки: а если прежнихъ дѣлъ не вспоминать, то и Каплицѣ съ такою подписью на томъ мѣстѣ стоять не для чего“.

Кисель попытался сначала отклонить предложеніе, указывая, что Каплица вреда никому не приноситъ, что, напротивъ, она можетъ иногда служить свидѣтелемъ доброжелательности короля къ русскимъ. „Та Каплица и на ней подписка—излагаль посоль—ни до чего не належитъ: въ лѣтописцахъ всѣ мы читаемъ о войнахъ, кто съ кѣмъ и въ какое время велъ войну и битву; у царскаго величества, въ Москвѣ, на Фроловской баннѣ подписано полатыни неизвѣстно что, быть можетъ, писано о полякахъ, какъ ихъ въ Москвѣ побили; только мнѣ о томъ ничего не наказано; а прежде сего королевское величество ту Каплицу хотѣлъ было дать на церковь Греческой вѣры“. Своими доводами Кисель не убѣдилъ бояръ, которые продолжали настаивать на своемъ, повторяли, что при установившемся взаимномъ вѣчномъ мирѣ между обоими государями „той Каплицѣ съ такою подписью быть не годится“. Послу, ради укрѣпленія подтвержденнаго мира и заключеннаго оборонительнаго союза, пришлось уступить. Онъ сказалъ, что онъ подумаетъ у себя на Посольскомъ дворѣ, какъ бы относительно Каплицы „лучше учинить, чтобы обоихъ великихъ государей къ ихъ государской братской дружбѣ и любви было пристойно, и что о томъ намыслится, ту статью припишетъ въ договорное свое письмо и завтра, сентября въ 15 день, письмо закрѣпитъ своею рукою и печатью“.

На слѣдующій день, предъ тѣмъ, какъ быть у государя на отпускѣ, Кисель зашелъ въ Отвѣтную палату, гдѣ вмѣстѣ съ дякомъ Алмазомъ Ивановымъ исправлялъ свое договорное письмо, внесъ въ него статью о Каплицѣ, подкрѣпилъ его приложеніемъ руки и печати и отдалъ боярамъ и думнымъ людямъ. Договорная статья о Каплицѣ была тутъ по порядку 13-ю, и въ ней читалось:

„При dokonчаніи же договора отъ его царскаго величества бояре и думные люди говорили мнѣ, что по вѣчному dokonчанію и вѣчной братской любви, крѣстнымъ цѣлованіемъ закрѣпленной, между великими государями и ихъ пресвѣтлымъ наслѣдіемъ не только не быть въ вѣчныя времена, Божіею милостию, никакому нарушенію, но чтобы искоренены были подобіе и образы преж-

нихъ смутныхъ раздоровъ: ибо когда насаждается виноградъ братской любви, потребляется всякое терніе. Королевское величество любительно потому соизволилъ отдать царскаго величества великимъ посламъ честныя мощи, положенныя въ Варшавѣ въ смутныя разорныя лѣта; но тѣхъ же пословъ нѣкимъ забвеніемъ осталось надписаніе на надгробницѣ или Каплицѣ, и этому бы, по близкой любви обоихъ государей, тамъ не оставаться. Да и я, великій посолъ, усматривая нынѣшнее сходство обоихъ великихъ государей на общихъ враговъ, какъ союзъ крѣпкій и неразоримый вѣчнаго соединенія, договорилъ, что братское желаніе его царскаго величества мною будетъ донесено наияснѣйшему великому государю моему, его же королевскаго величества братскою любовію будетъ исполнено, что тому письму на той Каплицѣ не быть“.

Хотя Кисель говорилъ объ одной надписи и вопросъ о самомъ зданіи оставался какъ бы открытымъ, бояре и думные люди однако не возражали, принявъ, быть можетъ, на всякій случай, къ свѣдѣнію оброненное посломъ сообщеніе о прежнемъ намѣреніи Владислава отдать Каплицу „на церковь Греческой вѣры“. На прощаньи, въ своемъ „Отвѣтномъ письмѣ“, данномъ ими Киселю и представляющемъ собою *resumé* переговоровъ, они то же писали лишь объ одной надписи и обязывали посла донести королю, чтобы онъ, въ силу новаго договора, велѣлъ „ту подись, что на Каплицѣ, снять вскорѣ“, дабы множилась и прибавлялась братская дружба и любовь между обоими государями. Статью договора „о Каплицѣ, чтобы на ней не быть письму надгробову“, бояре обязали принять и товарищей Киселя, пословъ Казимира Паца и Геронима Техановича, которые, не успѣвъ пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ, были въ Москвѣ нѣсколько позднѣе его¹⁾.

¹⁾ Моск. Гл. Архивъ М. пн. дѣлъ, Статейный списокъ Польскаго двора 1646—47 г., № 72: „Пріѣздъ въ Москву полномочнаго посла каштеляна кievскаго Адама Киселя съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ государя царя Алексея Михайловича, подтвержденною королевскою на Поляновскій миръ грамотою и съ представленіемъ о дѣлахъ, до размежеванія земель, государевыхъ титуловъ, размѣна плѣнныхъ и пр. касающихся“, въ особенности листы 295, 299, 315, 713—715, 741, 759—760, 879—882; Трактаты съ Польшей, № 90. Соответственное мѣсто

Угнетаемый возраставшими неурядицами внутри королевства и своею болѣзнью, Владиславъ слишкомъ дорожилъ дружественными отношеніями со стороны новаго московскаго государя, чтобы, уступивъ прежде тѣло Василя, спорить теперь изъ-за мраморной плиты. Ее онъ велѣлъ снять и передать въ руки кіевскаго каштеляна — для отсылки въ Москву. Находясь въ своемъ городкѣ Кобыщи ¹⁾, недалеко отъ московской границы, Кисель спѣшилъ увѣдомить (12 дек. 1647 г.) сѣвскихъ воеводъ объ усилѣхъ своего ходатайства: „Биль я челомъ наияснѣйшему великому государю моему о надгробницѣ, т. е. мраморномъ, золотомъ писанномъ, камнѣ, о которомъ было желаніе его царскаго пресвѣтлаго величества, чтобъ былъ отданъ, дабы, когда закрѣпленъ вѣчный союзъ братства и дружбы, не оставалась и эта послѣдняя память прежнихъ раздоровъ; и наияснѣйшій государь мой не отказалъ, велѣлъ отдать надгробницу въ мои руки. Какъ только, помощію Божіею, моимъ же усерднымъ стараніемъ и радѣніемъ, это желаніе будетъ исполнено и камень будетъ доставленъ въ столицу, не погибнетъ ни одна черта моего договора, но все сказанное въ немъ исполнится на дѣлѣ“. Помимо расчета, что посылка камня въ Москву укрѣпитъ заключенный союзъ, Кисель надѣялся, что она ускоритъ рѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ по размежеванію и полученію имъ царскихъ милостей; онъ просилъ воеводъ донести государю о пожалованіи ему въ пограничной мѣстности лѣсовъ для выдѣлки поташа и смольчуги.

Не получая отвѣта отъ сѣвскихъ воеводъ, которые дожидались указаній изъ Москвы, Кисель дальнѣйшія сношенія повелѣлъ чрезъ путивльскаго воеводу, кн. Юрія Долгорукаго. Изъ того же города Кобыщи онъ писалъ (13 янв. 1648 г.) сюда, что „мар-

изъ „Отвѣтнаго письма бояръ“, даннаго ими Киселю, гдѣ они резюмировали излагавшееся въ переговорахъ, издано нами въ Приложеніяхъ, кн. 1, № 7.—Пацъ и Техановичъ находились въ Москвѣ въ октябрѣ—декабрѣ 1647 года. Документы объ ихъ посольствѣ въ тѣхъ же отдѣлахъ Архива, Статейный списокъ, № 74; Трактаты съ Польшей, № 91. Дворцовые Разряды, III, 72—75; Бантышъ-Каменскій, Переписка между Россіею и Польшей въ государственстваніе Алексѣя Михайловича, 39—42; Вѣлокурровъ, 68/10—13, Чтенія, 1903, II.

¹⁾ Кобыщи теперь мѣстечко Козары, Ковелецкаго уѣзда.

муровый надгробный камень съ написомъ”, отданный ему королемъ, доставленъ подъ Кіевъ въ городокъ Новоселице ¹⁾, и какъ ледъ на Днѣпрѣ окрѣпнетъ, тотчасъ камень пошлютъ къ нему, а онъ со своимъ дворяниномъ отправитъ его въ Москву, и потому воевода узналъ бы отъ думнаго дьяка, съ какого города стануть подъ камень выдавать лошадей; если же давать ихъ не будутъ, то онъ велитъ дворянину везти камень на своемъ возу и лошадяхъ.

Кн. Долгоруковъ переслалъ письмо Киселя въ Посольскій приказъ, съ запросомъ относительно отвѣта на него. Такъ какъ въ письмѣ каштеляна оказались несоблюденными нѣкоторыя формальности въ написаніи царскаго титула и другія частности, обусловленныя договоромъ, то съ отвѣтомъ о камнѣ замедлили, впредь до улаженія этихъ формъ. Кисель рѣшилъ отправить камень до полученія отвѣта, съ ротмистромъ и дворяниномъ своимъ, паномъ Николаемъ Вороничемъ, о чемъ и увѣдомилъ воеводу, прося его донести въ Посольскій приказъ, чтобы тамъ ускорили удовлетвореніе его прежней просьбы относительно размежеванія и о пожалованіи ему лѣсныхъ дачъ. О томъ, какъ поступить, когда ротмистръ пріѣдетъ въ Путивль и будетъ проситься съ камнемъ къ государю, воевода снова запросилъ Посольскій приказъ. Велѣно было дать подводы.

Указъ не усиѣлъ получиться въ Путивль, какъ Вороничъ привезъ сюда камень; съ нимъ было три человекъ и два письма Киселя, одно Долгорукову, другое князю Трубецкому съ товарищами. Воеводу Кисель просилъ облегчить ротмистру дальнѣйшій путь, чтобы камень былъ отвезенъ „скорымъ дѣломъ” и ротмистръ, съ грамотою къ боярамъ и къ думному посольскому дьяку, былъ пропущенъ безъ замедленія. О назначеніи камня Кисель выражался теперь опредѣленнѣе. „Писалъ убо я—добавлялъ онъ—, вѣсть даючи о семъ камнѣ, что по договору моему наяснѣйшій великій государь мой произволилъ и до рукъ моихъ прислалъ, чтобы я его царскому просвѣтлому величеству ото-

¹⁾ Пыль Новоселки, село кіевскаго уѣзда, на правомъ берегу Днѣпра. Оно принадлежало Киселю, который записалъ его Кіево-Братскому монастырю.

слалъ". Воевода предложилъ было ротмистру подождать царскаго указа, но этотъ не соглашался, грозя, что ждать не станетъ и воротится назадъ. Задерживать его Долгоруковъ не рѣшился, и отпустилъ его къ Москвѣ, на казенномъ содержаніи и на пяти подводахъ, съ приставомъ, велѣлъ этому ѣхать предъ Москвой впередъ и о всемъ предупредить въ Посольскомъ приказѣ.

„Посланецъ Адама Киселя", какъ назвали Воронича въ Москвѣ, былъ помѣщенъ (7 марта) въ Китаѣ-городѣ, на Печерскомъ подворьѣ. Ему и его людямъ опредѣлено казенное содержаніе.

Въ письмѣ (изъ Кобыщи, съ датою 23 февраля) къ кн. Трубецкому, Григорію Пушкину и Назарію Чистого, поданномъ (12 марта) Вороничемъ въ Посольскій приказъ, Кисель распространялся, въ весьма цвѣтистыхъ выраженіяхъ, объ установленіи мирныхъ отношеній между Московскимъ государствомъ и Польскимъ королевствомъ и о своихъ заслугахъ предъ государемъ. Взаимныя мирныя отношенія, по его словамъ, простерлись до того, что если мощи честныя, перенесенныя въ отчину, соединились предъ тѣмъ съ гробами государей, то теперь о соединеніи и дружелюбіи обоихъ государей „и каменіе вопіють, когда къ своимъ честнымъ мощамъ прилѣпляются". „Воистину — продолжалъ кievскій каштелянъ — неложно писаніе договора моего посольскаго съ вами, его царскаго величества великими господами и боярами и господиномъ думнымъ дьякомъ посольскимъ; въ немъ же писано: егда виноградъ любви братскія насаждается, тогда терніе всякое потребляется. Се, по договору моемъ полномочномъ посольскомъ, наияснѣйшій великій государь, его королевское величество, исполняя и желаніе брата своего, его царскаго предсвѣтлаго величества, отдалъ до рукъ моихъ мрамуровый надгробный камень съ надгробнымъ надписаніемъ: я же его до рукъ васъ, его царскаго величества бояръ великихъ господиновъ, братіи моей, и господина думнаго дьяка посольскаго, пріятели моего, отсылаю съ ротмистромъ и дворяниномъ моимъ паномъ Николаемъ Вороничемъ; вы же сенаторскимъ умомъ вашимъ братскую любовь наияснѣйшаго великаго государя моего его царскому величеству должны исповѣсти, мою же посольскую вѣру, доброе хотѣніе и вѣрныя работы промежъ обоихъ великихъ го-

сударей разумѣти и его царскому пресвѣтлому величеству благопріемными сотворить: ибо, Господь мнѣ свидѣтель, всею душою моею, всѣмъ сердцемъ моимъ и всякимъ промысломъ обоимъ великимъ государямъ работаю". Указавъ, затѣмъ, какъ все исполняется по его договору, Кисель жалуется, что не воздается ему „равнолюбіемъ", что нѣтъ отвѣта на его прежнія просьбы о лѣсѣ и о размежеваніи границъ, и просить бояръ и дьяка объ отвѣтѣ ему, о предоставленіи, не медля, ротмистру видѣть пресвѣтлое лицо его царскаго величества и объ отпускѣ его къ нему обратно съ царскимъ жалованьемъ.

Ротмистръ былъ посланцемъ не лично отъ короля, и удостоиться представленія государю ему не удалось ¹⁾, хотя, на отпускѣ изъ Москвы, онъ получилъ соболей на сто рублей ²⁾, люди его получили соболями — двое — по пяти рублей, третій на три рубля, и всѣмъ имъ дано содержаніе на обратномъ пути. Бояре и думный дьякъ послали съ нимъ Киселю свой отвѣтъ (16 марта), въ которомъ сообщали, что объ его службахъ они государю доносили, и что государь „принимаетъ въ любовь" отдачу королю надгробнаго камня и „милостиво похваляетъ" вѣрныя работы Киселя между обоими государями. Каштеляну было пожаловано нѣсколько будъ, на пятилѣтній срокъ, по истеченіи котораго, въ интересахъ охраненія пограничныхъ владѣній и соотвѣтственно съ московскою экономическою политикою удерживать всѣ промышленныя предпріятія въ рукахъ правительства и кореннаго русскаго населенія ³⁾, Кисель обязывался отдать государю всѣ буды съ выстроенными на нихъ заводами.

Привезенный въ Москву камень приняли честно. Здѣсь признали, что этотъ „надгробный камень поставленъ былъ въ Варшавѣ на Каплицѣ у царя Василя Ивановича всея Руси". Въ соборной церкви вмѣстѣ съ гробомъ Василя его однако не положили; его зарыли въ землю ⁴⁾.

¹⁾ „А у государя де на пріѣздѣ и на отпускѣ не былъ". Архивное дѣло, л. 47, см. ниже, прим. 4.

²⁾ Щедрость этого „государева жалованья" ему сознавали въ Москвѣ, какъ видно изъ черноваго подлинника отвѣтнаго письма бояръ Киселю. Приложенія, кн. I, № 9.

³⁾ См. наше изслѣдованіе „Протестанты въ Россіи", гл. VIII.

⁴⁾ Моск. Гл. Архивъ М. ин. дѣлъ, Польскія дѣла 1648 г., генв.—іюль, № 2

Не безынтересно при этомъ то обстоятельство, что данное дѣло совершено было не одними русскими людьми: въ немъ принималъ также участіе ревнитель за славянство, ратовавшій противъ взаимной розни между славянскими племенами и горячо защищавшій добрую честь славянства отъ укоровъ инородниковъ¹⁾, „по народности иллиріецъ, хорватъ, священникъ римской вѣры” Юрій Крижаничъ. На своемъ пути въ Московское государство, куда стремился съ цѣлями католической пропаганды, церковной уніи и просвѣщенія, онъ остановился (1646 г.) въ Варшавѣ, когда тѣла Шуйскихъ были уже перевезены и высилась здѣсь лишь одна Каплица съ надписью Сигизмунда, а равно только-что былъ поставленъ Владиславомъ памятникъ своему отцу съ извѣстными хвалебными надписями. При видѣ гробницы съ надписью о Василіѣ, онъ—какъ объявлялъ впоследствии въ челобитной царю Ѳеодору Алексѣевичу—„сердечно потужилъ, что такъ на позору стало нашего языка смиреніе и что всякихъ странъ послы и всякихъ чиновъ инородники ругаются нашего славянскаго народа славѣ”. Незадолго до его выѣзда (11 дек.) къ Смоленску

(извлеченіе въ Приложеніяхъ, кн. 1, №№ 8—9); Акты Южной и Западной Россіи III, №№ 99, 111, 114, 135, 136, 143, 145; 130, 134, 159, 160, 162, 167, 170, 173, доп. № 8; Адамъ Кисель, воевода кievскій, въ Киевск. Старинѣ, 1885, X, 206—218; Maueberg, 58, р. пер. 108; Encyklopedyja powszechna, XXIV, 770.—Распространенные прежде рассказы, будто мраморный камень съ надписью, положенный Сигизмундомъ III, просуществовалъ въ Варшавѣ до времени Екатерины II и былъ въ 1766 году разбитъ въ костелѣ доминиканъ-обсервантовъ русскимъ посломъ Репнинымъ, необходимо признать несогласными съ дѣйствительностію. Сообщеніе это первымъ съ увѣренностію пустилъ въ исторической литературѣ Niemcewicz, который въ 1819 году писалъ: „za naszej już pamięci kamień z napisem kniaz Repnin wydobyc i potrzaskać rozkazał” (Dzieje panowania Zygmunta III. Warsz., 1819, 196); но онъ же въ 1839 году, при изданіи описанія Варшавы Яржембскаго, замѣчаетъ уже объ этомъ: „W początku panowania za Augusta, za naleganiem posła M....., i tablica z napisami była wyjęta” (Zbiór Pamiętników historycznych o dawnej Polsce. W Lipsku, 1839, III, 307). У послѣдующихъ писателей (напр. L. Chodźko, Histoire populaire de la Pologne. Paris, 1864, 149) отнесена разбивка камня Репнинымъ къ 1766 году, съ явною тенденціозностію и опять безъ ссылки на какой-либо документъ. Если въ костелѣ доминиканъ обсервантовъ и могла быть плита съ надписью, то во всякомъ случаѣ не та, которая поставлена была Сигизмундомъ III. Не могутъ имѣть теперь вѣроятія и другія, ничѣмъ не подкрѣпляемая, догадки о судьбѣ ея, высказывавшіяся въ печати (ее взяли-де монахи піары и затеряли, или, что не находится ли она въ какомъ иномъ мѣстѣ недалеко отъ Варшавы, и т. п.).

¹⁾ „Наше историческое изслѣдованіе „Протестанты въ Россіи”, 766—776.

прибыль въ Варшаву московскій дипломатъ, гонецъ Герасимъ Дохтуровъ, съ которымъ онъ и постарался войти въ сношенія, прося его содѣйствія о принятіи его на царскую службу. Чтобы напередъ доказать свою полезность на ней, онъ заявилъ, что, для образца, онъ принесетъ ему нѣкоторыя надписи, списанныя имъ въ Варшавѣ. На слѣдующій же день онъ принесъ, съ переводомъ на славянскій языкъ, „три хвалебныя надписи“, высѣченныя на мраморѣ въ памятникѣ Сигизмунду, такъ какъ въ нихъ было „упоминаніе о москвитянахъ“, и „надпись на круглой часовнѣ“, построенной этимъ королемъ для погребенія плѣнныхъ Василя и Дмитрія; принесъ онъ также „размѣры и надписи“ нѣкоторыхъ большихъ пушекъ, отнятыхъ у русскихъ и находившихся въ Варшавской королевской оружейной палатѣ. Дохтуровъ, прочтя, замѣтилъ: „это очень извѣстно у насъ; а я думалъ, что у тебя есть чтò-либо тайное“. „Ясновельможный господинъ, отвѣчалъ Крижаничъ. Я въ первый разъ прибылъ въ эти края и ничего не могу знать; а еслибы и зналъ чтò, то мнѣ, священнику, не слѣдъ было бы мѣшаться въ тайныя дѣла. Только общедоступныя вещи, стоящія передъ всѣми на улицахъ, дозволительны и для меня, но и ими, однако, я думалъ угодить вашей ясновельможности, такъ какъ онѣ не чужды вашей обязанности“. Своему указанію на Каплицу Крижаничъ придавалъ серіозное значеніе. По возвращеніи Дохтурова въ Москву „было о томъ послованіе“, „и тако — утверждалъ Крижаничъ въ своей челобитной царю — по моему радѣнью ваше государское титуло съ онаго мѣста снято и царственная честь въ су мѣру стала обряжена“. Дохтурову онъ потомъ жаловался, что ничѣмъ не награжденъ за свои хлопоты по уничтоженію надписи на Каплицѣ надъ гробомъ Шуйскихъ ¹⁾.

¹⁾ Чтенія Моск. Общества Ист. и Древн. Россійскихъ, 1903, II, С. А. Бѣлорукъ въ Юрій Крижаничъ въ Россіи, 65—68, 152—153, 181, III, 195—197. По вопросу о надписяхъ Доктуровъ не упоминалъ въ своемъ Статейномъ спискѣ, какъ видно изъ справки Посольскаго приказа по поводу челобитной (1676 г.) Крижанича Федору Алексѣевичу: „А чтò въ Юрьвѣ челобитной сербенина про латинское писмо, которое было надъ дверми Каплицы, въ которой былъ погребенъ царь і великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, и о томъ латинскомъ писмѣ, в Варшавѣ будучи, рѣъявилъ онъ царского величества в то время тамъ будущему гонцу Герасиму Дохту-

Въ Польшѣ многіе обвиняли Владислава за то, по ихъ мнѣнію, легкое отношеніе, съ какимъ онъ отдалъ плиту; были и такіе, которые догадывались о вліяніи въ этомъ дѣлѣ настойчиваго ходатайства Киселя. Ближайшій историкъ Владислава, младшій современникъ его, оправдываетъ его дѣйствія, указывая, что удовлетвореніемъ просьбы московскихъ людей пріобрѣталась Владиславомъ дружба и расположеніе новаго московскаго государя, цѣнныхъ тогда для короля и королевства¹⁾.

Мнѣніе этого отражало на себѣ сужденія тогдашняго польскаго правительства, которое смотрѣло на отдачу камня въ связи съ ближайшими предыдущими фактами и въ связи вообще съ политикой Владислава въ отношеніяхъ къ Михаилу Федоровичу при установленіи и послѣ заключенія Поляновскаго договора. Думали, Владиславъ, горячо желая содѣйствовать миру и укрѣпле-

рову во 154-м (1646) году,—въ іво Герасимовѣ статейномъ списку, каковъ онъ подалъ в Посолскомъ приказѣ, ево Юрьевы скаски нигдѣ не написано” (тамъ же, 181). Въ Статейномъ спискѣ мого Дохтуровъ не поминать о данномъ дѣлѣ, такъ какъ оно не имѣло отношенія къ его дипломатическому порученію. Но что вообще въ бумагахъ о посольствѣ его (Польскія дѣла Архива: „1646 г. окт. 18—генв. 20 г. 1647, № 20: Отправленіе въ гонцахъ дворянина Герасима Дохтурова съ двумя государевыми къ польскому королю грамотами о бывшихъ съ крымцами сраженіяхъ и о наказаніи тѣхъ, кои въ грамотахъ своихъ ошибкою пишуть государевъ титулъ; Статейный списокъ его же”) нѣтъ упоминанія о надписяхъ, то, вѣроятно, не только потому, что бумаги плохо сохранились, но и оттого, что когда зарытъ былъ камень съ надписью, то Посольскій приказъ счелъ надобнымъ уничтожить и письменныя копии и переводы надписей.

1) „Sed dum haec scribimus post viginti et duos abhinc annos Vladislaus rex mutuis imperiorum foederibus paceque perpetua stabilita, corpora legatis in Moschoviam avehenda concessit et tabulam marmoream per Adamum Kisielium, kioviensem castellanum, ad Moschoviae ducem Alexium Michaëlis legatum sua cum epigraphe transmisit, summe ntrumque orantibus Moschis, quasi sublati omnibus sui dedecoris insigniis erasisque labem majorum gentisque suae detergerent. In cassum profecto vigente hucusque tam celebri rerum olim gestarum memoria, et voce et scripto ad posterora transmissa, manente etiam veteri appellatione Sacelli Suysciani in suburbano Varsoviensi (vulgo Cracoviensi dicto) exstantis. Et plus justo lenem facilemque in reddenda tabula Vladislaum plurimi incusavere, fuereque qui existimarent Kisielium importuna prece id obtinuisse“.... St. Kobierzucki, 1655, 609—610; ср. Cellarii, 1659, 595. Поднесеніе плиты Алексію Михайловичу Кобѣржяцкій представлялъ, впрочемъ, болѣе торжественнымъ: „Michaëlis filio—сообщалъ онъ—, nuper ab obitu patris Moschoviae imperium adepto, inter faustas gratulationes offerenda“. Доставка, поднесеніе и принятіе камня, какъ мы видѣли, произошли въ болѣе скромной формѣ.

нію дружбы, безъ затрудненій согласился на предложеніе Михаила Ѳедоровича называть его братомъ и чтобы и впредь такъ обращались польскіе короли къ московскимъ государямъ; затѣмъ онъ, по предложенію московскихъ пословъ, князя Львова-Ярославскаго съ товарищами, благосклонно дозволилъ вынуть изъ гробницы и отвезти съ собою останки Шуйскихъ плѣнниковъ Сигизмунда, съ великолѣпными почестями похороненныхъ въ Варшавѣ; наконецъ, сверхъ всего этого, онъ послалъ въ Москву чрезъ своего чрезвычайнаго посла Адама Киселя „мраморную таблицу, трофеей московскихъ побѣдъ отца своего Сигизмунда Ш, въ доказательство постоянной и вѣчной дружбы”¹⁾.

Въ другомъ свѣтѣ представлялось дѣло, когда обращали вниманіе на цѣли и старанія Сигизмунда. Упоминаемый уже нами, имперскій посолъ Мейербергъ отмѣтилъ, что стараніе Сигизмунда Ш постановкой Каплицы и плиты съ надписью увѣковѣчить для потомства „свое счастье” и „злую судьбу несчастныхъ” оказалось напраснымъ, потому что „миръ, послѣдовавшій въ 1634 году между королемъ Владиславомъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, дозволилъ москвитянамъ перенести кости плѣнниковъ въ Москву, а Михаилу (сыну Михаила) зарыть въ землю ту мраморную доску, присланную къ нему Владиславомъ чрезъ Адама Киселя, кіевскаго каштеляна”²⁾.

¹⁾ Nam imprimis Vladislaus IV rex cupidus promouendae pacis firmandaeque amicitiae inter utramque gentem petenti Michaeli Fieodorowicz, magno moschorum duci, ut deinceps reges Poloniae magnum Moschouiae ducem Michaellem eiusque successores fratris titulo honorarent, non grauate concessit. Idem, instantibus Moschouiae legatis duce Alexio Michaylowicz Lwow-Jarosławski et collegis, ut cadauera principum Moschouiae Iwani et Demetrii Szuysciorum, sub Sigismundo III captorum et post mortem Varsaviae magnifice sepultorum, e sepulchris possint erui et in Moschouiam transferri, benigne indulsit. Insuper, in argumentum constantis ac perpetuae amicitiae, tabulam marmoream, Sigismundi III parentis sui victoriarum Moschouiticarum trophaeum, per extraordinarium legatum Adamum Kisielium, castellanum kiouiensem, in Moschouiam remisit*. Brevis narratio eorum, quae pertinent ad exactam cognitionem, tam faederis perpetui, quod inter rampub. Polonam et dominium Moschouiticum ab anno 1634 intercesserat, quam belli anno 1654, a Moschis illati, 5 стран. рукописи Библиотеки Красинскихъ, № 312 или В, I, 26.

²⁾ „Per subsecutam tamen inter Uladislauum regem et magnum ducem Michaellem Fedorovicz anno 1634 pacem licuit Moschis eorundem ossa in Moschouiam auerere, et Michaeli marmor illud, ipsi per Adamum Kisielium, kastelanum kyo-

Объ униженіи царя Василя наглядно свидѣтельствовала не одна мраморная плита съ надписью: какъ мы уже видѣли, то же говорили висѣвшія въ Варшавскомъ королевскомъ замкѣ картины придворнаго художника, итальянца Долабеллы, изображавшія одна—представленіе Шуйскаго Сигизмунду на сеймѣ въ Варшавѣ, другая—взятіе Сигизмундомъ Смоленска. Обѣ картины были взяты Петромъ Великимъ ¹⁾.

Оставалось соорудить въ мѣстности бывшей усыпальницы Шуйскаго то, что ближе всего соответствовало дѣйствительной его чести, согласовалось бы съ его понятіями, вѣрованьемъ и народностію. Однако выполненіе этого могло произойти уже по присоединеніи Варшавы къ Русскому государству и по укрѣпленіи въ ней общерусскаго знамени. вмѣстѣ съ тѣмъ все время такъ или иначе проявлялись польскія тенденціи и стремленія, сначала попреимуществу правительства и разныхъ католическихъ конгрегацій, затѣмъ общества, сказывающіяся со стороны различныхъ общественныхъ классовъ и нынѣ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросами о судьбѣ мѣсть погребенія царя-плѣнника, въ связи съ исторіей бывшихъ и существующихъ тамъ учреждений, а также въ связи и съ видоизмѣненіями въ ходѣ и характерѣ русско-польскихъ отношеній.

Мѣсть погребенія было два — Гостыньское и Варшавское, и каждое изъ нихъ имѣетъ свою особую исторію.

viensem. ab Uladislao transmissum, cum sua epigraphe sepelire". Mayerberg, 58, рус. пер. 108.

¹⁾ Выше, гл. III, 75—77.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мѣста погребенія царя Василя Ивановича Шуйскаго въ Польшѣ

**въ связи съ исторіей бывшихъ и существующихъ тамъ
зданій и учрежденій.**

Постепенный упадокъ Гостынского замка, первоначальнаго мѣста погребенія Шуйскихъ, и устройство тамъ нѣмецко-лютеранской кирки. Исторія Варшавской усыпальницы Шуйскихъ или Московской каплицы и ея мѣста. Доминикане-обсерванты, получившіе во владѣніе Каплицу, и перестройки ея ими. Общество любителей наукъ и его домъ; памятникъ Коперника. Дирекція лотереи. Медико-Хирургическая академія. Первая Мужская гимназія и Русская церковь для русскихъ учащихся въ Варшавѣ.

VIII ГЛАВА.

Состояніе Гостынскаго замка по перенесеніи изъ него гробовъ Шуйскихъ и устройство нѣмецко-лютеранской церкви въ его развалинахъ.

Упадокъ Гостынскаго староства, запустѣніе и разрушеніе замка.—Поселеніе въ Гостынинѣ нѣмецкихъ колонистовъ.—Ихъ старанія образовать свой церковный приходъ, получить пастора и устроить церковь.—Постановленіе намѣстника царства Польскаго князя Заіончека о постройкѣ евангелической церкви и помѣщеній для пастора въ стѣнахъ замка.—Сооруженіе церкви.—Развитіе и современное состояніе прихода при ней.—Несоотвѣтствіе всего этого съ русско-государственной и царской идеей и интересами мѣстнаго русскаго населенія.

Послѣ того, какъ посмертные останки Василя Ивановича Шуйскаго и его брата и невѣстки были, по распоряженію Сигизмунда III, перенесены въ Варшавскую усыпальницу, историческое мѣсто заключенія, смерти и перваго погребенія этихъ именитыхъ русскихъ плѣнниковъ пошло къ упадку еще стремительнѣе, чѣмъ предъ тѣмъ, и мало по малу какъ бы совсѣмъ забывается, пока не воспользовались имъ сторонніе люди.

Несмотря на подтвержденія за Гостыниномъ различныхъ прежнихъ привилегій, благосостояніе его не разцвѣтало, а опыты произведенія усиленныхъ казенныхъ сборовъ со староства, ложась тяжелымъ бременемъ на платежныя силы, ослабляли, и безъ того не отличавшуюся прочностію, устойчивость доходныхъ оборотныхъ и арендныхъ статей. Земельный сборъ въ годъ перевезенія останковъ Шуйскихъ былъ взятъ (1620 г.) въ 8 разъ большій противъ нормы¹⁾, на покрытіе расходовъ, между

¹⁾ Архивъ при Варшавской Казенной палатѣ. Архивъ старопольскій, отд. II, кн. 40.

прочимъ, и по послѣднему неудачному Московскому походу (1618 г.) Владислава. Черезъ десять лѣтъ получилось (1630 г.) королемъ съ города и деревень 2963 польскихъ злотыхъ (444 р. 55 к. по тогдашнему счету); спустя лѣтъ двадцать пять пришлось, по разореніи въ польско-шведскую войну, удовольствоваться годичнымъ доходомъ всего въ 489 зл. (73 р. 35 к.)¹⁾. Чаше и чаще въ сеймовыхъ счетныхъ книгахъ²⁾ отмѣчается трудность поступления доходовъ и неизвѣстность того, куда сборщиками употреблено собранное... Если староства вообще управлялись настолько плохо, что глазъ съ перваго взгляда отличалъ ихъ отъ

¹⁾ „Miasto y zamek Gostynin. Leży w województwie rawskim; sądzą w nim roki ziemskie y grodzkie. To miasto ma gruntu y rol mieyskich włók chełmińskich № 50, między któremi wolnych woytowskich włók № 2... Summa prowentow z miasta tego 1384 — 13 $\frac{1}{2}$ (первая сумма пол. злоты, вторая гроши). Wieś Koźnice należy do starostwa gostyńskiego... Summa prowentow z tey wsi facit 410—18. Wieś Rataie... Summa, z której kwarta płacona być ma, 630—11. Wieś Skrzany... Zostaie summa 538/8/15⁴. Главнѣйшій Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Люстрація книга 64, стр. 137—138: Lustracya starostw rawskiego, sochaczewskiego, gostyńskiego... anni 1630. „Miasto Gostynin. Zasiadło na włókach miary chełmińskiej № 50, z tych woytowskich włók № 2 puste, de possessore nobis non constat. Włóka szpitalna ś. Duchy № 1; do probostwa zamkowego włóki wolney № $\frac{1}{2}$; włók pro tunc osiadłych tylko № 5... Ciż mieszczanie gostynsey pokazali confirmationem krola imci ś. p. Zygmunta III, de data w Warszawie d. 9 martij 1618, od xx. mazowieckich y królow ichmość sobie nadane. Naprzód iz prawem chełmińskim sędzić się mają. Od podwód wszelakich wolni. Towarami wszelakimi w państwie mazowieckim (bez płacenia targowego y myt na cłach, wyjąwszy myta nowo na potrzebę Rzeczyplitey postanowione) handlować. Postrzygalnią ze wszystkimi z niey pożytkami wolną mieć, mają też wolne uzywanie borów y gajów, między granicami tegoż miasta będących, y w teyże konfirmacyi opisanych, z prowentami ratusznemi dorocznemi, które na popolitą potrzebę tegoż miasta przez tego, komu należy, wybierane bydź mają. Mieszczanom nowomieyskim taż konfirmacya takowe z wolności są nadane. Ciż mieszczanie mają libertacyą od wszystkich podatków płacenia przez terazniejszego krola imci Jana Kazimierza, d. 20 mca stycznia 1658 anno do czterech lat sobie daną. Summa prowentu rocznego z tego miasta fac 302/16/12. Wieś Rataie z folwarkiem fundita przez nieprzyaciela spalona... Summa prowentu dorocznego tey wsi z folwarkiem fac. 136—28—9. Wieś Koźnice... Summa prowentu z tey wsi do roku facit 14—25—9. Wieś Skrzany... Summa prowentu z tey wsi y folwarku facit 245—15. Summa generalis prowentu rocznego z starostwa gostyńskiego (wytraciwazy czeladzi zamkowej do Gostynina y do folwarku fl. 209) facit 489—25—12. Тамъ же, Люстрація книга, 64, стр. 628—629. Lustracya województwa rawskiego, 1654 г.

²⁾ Архивъ при Варшав. Казен. палатѣ, Архивъ старопольскій, кн. 45 и друг., Rachunki seimowe.

поземельной собственности, то старосту Гостыньскому не посчастливилось въ этомъ отношеніи попреимуществу.

Естественно, что, чрезъ столѣтіе по вывозѣ гробовъ Шуйскихъ, Гостыньскій замокъ, по инвентарной описи 1726 года, стоялъ не подъ черепичною крышей, какъ прежде, а подъ гонтовой, и внутренній распорядокъ въ немъ во многомъ отличался отъ прежняго. Комната, въ которой жилъ и умеръ Василій Ивановичъ, повидимому, еще мало измѣнилась: она была въ тѣ же четыре окна, въ свинцовой оправѣ, съ „фарфоровою“ (кафельной?) печью, каминомъ, запиравшимся шкафомъ для стекла и другихъ вещей, поломъ изъ квадратныхъ кирпичныхъ плитъ и съ крѣпкимъ въ двери замкомъ. Гродскія гостыньскія книги хранились въ другомъ помѣщеніи, безъ печей и камина, съ тремя окнами, закрытыми тростникомъ и досками. Окна у нѣкоторыхъ комнатъ были безъ стеколъ. Число второстепенныхъ и служебныхъ строеній сильно сократилось, да и изъ стоявшихъ иныя были ветхи. Видимо ветшалъ и приходилъ въ упадокъ и самый замокъ. Въ 1779 году онъ представлялся уже опустѣлымъ, безъ оконъ и дверей; только въ помѣщеніи, гдѣ хранился архивъ, имѣлись простыя, замыкавшіяся скобелю, двери и незадолго до того гостыньскимъ старостою была надъ этимъ помѣщеніемъ обновлена его гонтовая крыша. Прежніе рвы и канавы, очевидно, позаровнялись, и располагавшееся на пригоркѣ зданіе очутилось среди болотъ, оно подмывалось поросшею тростникомъ водой. Чрезъ десятилѣтіе еще виднѣлось уцѣлѣвшимъ, крытое гонтомъ, архивное помѣщеніе, но уже безъ оконъ; всѣ же остальные части замка окончательно запустѣли и опустились, торчали однѣ, ничѣмъ не покрытыя, стѣны ¹⁾.

Замокъ былъ уже необитаемъ. Прежнія учрежденія перенеслись въ городъ, или совсѣмъ уничтожились. Доходила очередь до уничтоженія и самыхъ стѣнъ. Городскіе жители разбирали отсюда камни, кирпичъ, какъ даровой и удобный строительный матеріалъ, пока оставшимися еще руинами замка и его

¹⁾ Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, стр. 19—21: извлеченія изъ инвентарныхъ описей 1726, 1779 и 1789 (изъ Архива при Варш. Казенной палатѣ).

мѣстомъ не воспользовались пришедшіе въ Гостынинъ нѣмцы-лютеране.

Съ учрежденіемъ царства Польскаго мѣстнымъ правительствомъ широко примѣнялось, съ цѣлію „поднятія“ промышленности и земледѣлія, издавна практиковавшееся въ Польшѣ средство: вызовъ нѣмецкихъ ремесленниковъ и крестьянъ-колонистовъ. Многіе изъ такихъ переселенцевъ воспользовались теперь Польшей, какъ передаточнымъ пунктомъ, и двигались группами и вереницами въ Имперію, на Кавказъ и южную Россію. Но нѣсколько десятковъ семействъ ремесленниковъ, преимущественно суконщиковъ изъ западной Пруссіи и великаго герцогства Позень, поселилось въ Гостынинѣ. Имъ отвели землю въ городѣ и выдали лѣсу на постройки. Возникъ нѣмецкій городокъ. Церковныя требы отправлялъ пасторъ сосѣдней нѣмецкой колоніи; польскому языку обучалъ дѣтей особый учитель. Новая община пожелала образовать у себя отдѣльный церковный приходъ, тѣмъ болѣе, что кругомъ Гостынина жило нѣсколько сотъ семей нѣмецкихъ колонистовъ, занимавшихся земледѣліемъ. Въ виду встрѣтившихся препятствій, нѣкоторые члены общины обратились (въ концѣ 1822 г.) къ содѣйствію Варшавской евангелическо-лютеранской консисторіи.

Ссылаясь на правительственные акты, которыми не только обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія, но и обѣщано имъ сооруженіе церкви, съ относящимися къ ней строеніями для учителей, пастора и прислуги, они указывали, что пока не выполнено это. „У насъ — писали они — нѣтъ учителя, который внушалъ бы нашимъ дѣтямъ истину нашей религіи. Молодое поколѣніе, даже все человѣчество безъ религіи остаются дикими и въ порочномъ состояніи. Чего же ждаты, если наши дѣти вырастутъ, какъ скоты? Неужели опять водвориться прежнему язычеству, и уже немного не достаетъ для этого! Почему не даютъ намъ, по крайней мѣрѣ, права содержать учителя, который сохранилъ бы нашихъ дѣтей въ тѣхъ чистыхъ принципахъ, которые были внушены имъ въ нашемъ прежнемъ отечествѣ, и мы, старшіе, могли бы, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, подкрѣплять себя богослуженіемъ? Ничего нѣтъ горше, какъ лише-

ніе свободы совѣсти. Вѣдь наша религія не борется противъ государства; она за него. Быть можетъ, намъ отвѣтятъ: „вамъ же позволено содержать учителя, по своему желанію“. Но обстоятельства, къ сожалѣнію, не таковы, чтобы можно было платить за двоихъ: за учителя польскаго языка и за учителя закона Божія. Впрочемъ, и учитель закона Божія можетъ учить дѣтей нашихъ мѣстному языку, если кто изъ родителей согласится; но объ этомъ не хотятъ слышать и не считаютъ этого позволительнымъ“. Поэтому ходатаи просили консисторію помочь имъ въ ихъ дѣлѣ и отвѣтъ свой прислать къ нимъ такъ, чтобы онъ не попалъ въ стороннія руки, и они не оставались бы болѣе „обманываемыми“¹⁾.

Поднявшіяся хлопоты о дарованіи имъ пастора и объ устройствѣ кирки быстро увѣнчались успѣхомъ: намѣстникъ царства, князь Заіончекъ велѣлъ (1822 г.) Комиссіи мазовецкаго воеводства употребить подъ постройку евангелической церкви и помѣщеній для пастора остававшіяся стѣны бывшаго Гостынскаго замка и соотвѣтственный проектъ объ этомъ представить въ Правительственную Комиссію духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Воеводская комиссія изготовила архитектурные чертежи и предварительную смѣту. Издержекъ предвидѣлось до 73.402 злотыхъ 12½ грошей, каковую сумму надѣялись путемъ конкуренціи уменьшить тысячъ до 60-ти злотыхъ (т. е. до 9000 руб.). Предполагалось, что четвертую часть расходовъ покроютъ сами прихожане, остальное же, около 45000 злотыхъ, дастъ Правительственная Комиссія духовныхъ дѣлъ. „Этого требуетъ — убѣждала (23 апрѣля / 5 мая 1823 г.) ее Воеводская комиссія — общая польза царства и правительства, усиленно старающагося о привлеченіи изъ-за границы фабрикантовъ для оживленія и

¹⁾ Дѣла о колонистахъ, 1816—1819 гг., въ Архивѣ новыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора, бумаги, бывшія въ Канцеляріи намѣстника до 1830 г., №№ 335, 94; Архивъ Варшавской евангелико-лютеранской консисторіи: Akta szczególnie, tyczące się parafii Gostynin, 1822, D, XII, томъ № 1; извлеченіе въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію, кн. 1, стр. 22—23. Прошеніе составлено языкомъ, далекимъ отъ литературнаго, и безъ соблюденія требованій орфографіи.

развитія мѣстной промышленности. Отсюда вытекаетъ также безусловная обязанность правительства даровать дома молитвы и заботиться о религіозномъ воспитаніи столь многочисленныхъ семействъ, находящихся на высшей ступени просвѣщенія, нежели наши крестьяне. Такъ какъ протекло уже 6 лѣтъ со времени учрежденія польскаго правительства, а до сихъ поръ еще ничего въ нашемъ краѣ не предпринято для религіозныхъ нуждъ евангеликовъ, то результатомъ дальнѣйшаго такого промедленія выйдетъ опасеніе поселиться къ намъ, потому что они будутъ считать себя лишенными опеки правительства въ весьма чувствительной части ихъ быта“.

Очевидно, мало надѣясь, чтобы данное отношеніе къ Комиссіи духовныхъ дѣлъ, покровительствовавшей ревниво польско-католическимъ интересамъ, могло быть ею выполнено, предсѣдатель Комиссіи мазовецкаго воеводства конію съ отношенія представилъ намѣстнику, съ просьбою утвердить его своею властію и согласиться съ изложеннымъ въ немъ мнѣніемъ.

Главное затрудненіе заключалось въ пріисканіи денежныхъ средствъ. При начатой постройкѣ церкви и зданій для пастора и церковныхъ служителей оказалась, несмотря на сокращеніе предположенной ранѣ суммы, недостача въ 8.000 злотыхъ; доплатилъ ихъ намѣстникъ изъ своего „намѣстническаго“ фонда ¹⁾).

Изъ прежнихъ замковыхъ стѣнъ воспользовались при постройкѣ церкви переднею и заднею стѣнами и половиною башни, холмъ понизили на шесть футовъ, при чемъ старый фундаментъ замка, шедшій глубоко въ землю, не былъ тронутъ; большинство подземныхъ, находившихся подъ замкомъ, сводовъ и погребовъ было засыпано. Все остальное достроили и выстроили, по выработанному и утвержденному плану. Церковь вышла въ 80 фу-

¹⁾ Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора: Kościół i domu modlitwy z lat 1823 po 1835; Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, №№ 47—51. — Какая сумма израсходована на постройки, изъ архивныхъ дѣлъ не видно. По сообщенію Висс'а, на постройки требовалось 3.513 р., изъ которыхъ 2.313 р. заплатила казна, а остальное дала община. Висс, Beiträge zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Augsburg. Gemeinden im Königreich Polen. St. Petersburg-Leipzig, 1867, 204.

товъ длины и 35 футовъ ширины; много красоты придала ей древняя башня ¹⁾.

Устройство кирки окончили къ 1825 году. На содержаніе прихода штатъ былъ положенъ (въ мартѣ 1825 г.) въ 2.700 злотыхъ, изъ нихъ 2.000 зл. на жалованье пастору; половина содержанія на средства общины, половина отъ казны. Община пригласила себѣ въ пасторы Карла Пастернація, получившаго образованіе въ Берлинѣ ²⁾.

На поддержку и поправку церкви не разъ потомъ отпускались казенныя суммы ³⁾. Однако приходъ ея развивался мало. Находясь въ сторонѣ отъ желѣзныхъ путей сообщенія и отъ фабричныхъ центровъ, гдѣ такъ крѣпнеть и развивается число и благосостояніе иноземцевъ, Гостынинъ въ послѣднія десятилѣтія не привлекалъ къ себѣ нѣмцевъ и даже потерялъ часть прежнихъ и вслѣдствіе указа 1883 года, воспрещающаго въ здѣшнемъ краѣ пріобрѣтать недвижимыя земельныя имущества иностранцамъ, не принявшимъ русскаго подданства; часть лютеранъ возвратилась въ Германію или выѣхала въ другія мѣста. За послѣдніе годы гостынской приходъ, по своей малочисленности и незначительности, не имѣлъ даже своего пастора, и требы и службы отиравлялись пасторомъ сосѣдней лютеранской общины, въ Гомбинѣ. Особый пасторъ снова назначенъ сюда лишь недавно. Опять замѣчается нѣкоторый приливъ нѣмцевъ.

¹⁾ Приложенія, кн. 2, № 186 (изъ хроники Гостынской лютеранской церкви); Архивъ Гостынскаго магистрата; В и с е h, 204, и письменныя сообщенія намъ гомбинскаго пастора отъ 27 декабря 1894 года. — Подземные ходы, выложенные кирпичемъ и камнемъ, тянулись прежде вдоль пригорка на значительное разстояніе. Владѣлецъ этого пригорка и сосѣдней земли еще недавно сложилъ изъ набраннаго имъ тутъ матеріала разныя надворныя у себя постройки.

²⁾ Архивъ Варшавской ев.-лютер. консисторіи: Akta szczególnie, dotyczące parafii Gostynin, томъ № 1; извлеченія въ Приложеніяхъ, кн. 1, стр. 23—24. — Документовъ собственно о стройкѣ кирки не сохранилось здѣсь, а имѣется нѣсколько бумагъ лишь объ учрежденіи штата и пасторства, изъ которыхъ въ одной (отъ 18 генв. н. с. 1825 г.) упоминается, что „церковь уже построена“ (Приложенія, кн. 1, стр. 23). Пастернація пригласили въ пасторы въ 1824 г., посвященъ въ началѣ 1825 г.

³⁾ Akta... parafii Gostynin, томы №№ 2—3. Въ 1840 г. на ремонтъ церкви и кладбища было опредѣлено 4.208 зл. 12 гр.

Приходъ состоитъ изъ 540 семействъ, живущихъ въ Гостынинѣ и по деревнямъ. Хотя Гостынинъ уѣздный городъ Варшавской губ., но приходъ, по прежнему, относится къ плоцкой епархіи евангелико-аугсбургскаго исповѣданія ¹⁾).

Какой внѣшній видъ церкви и погоста, показываетъ приложенный снимокъ ²⁾). Что же касается внутренняго устройства ея, то въ ней, „кромѣ большаго креста въ алтарной части по срединѣ, имѣется одна икона Богочеловѣка, молящагося о чашѣ. Средняя часть храма въ два свѣта, довольно обширна, но вся уставлена деревянными скамейками для сидѣній молящихся, съ площадкой для прохода по срединѣ. Храмъ освѣщается тремя небольшими паникадилами. У главнаго входа—органъ на хорахъ, поддерживаемыхъ четырьмя главными и десятью вспомогательными, по бокамъ, простыми деревянными, выкрашенными масляною краскою, столбами; на лѣвой стѣнѣ отъ входа ближе къ алтарной части каведра, а нѣсколько далѣе портретъ Лютера масляными красками, но самой плохой кисти. На правой стѣнѣ по срединѣ кирхи двѣ гарусныхъ картины, за стекломъ, изъ жизни Спасителя и двѣ черныхъ деревянныхъ доски, похожихъ на наши классныя, на которыхъ помѣщены масляными бѣлыми красками надгробныя надписи, на нѣмецкомъ языкѣ, двухъ пасторовъ, первыхъ настоятелей гостынскаго евангелическаго прихода, скончавшихся въ Гостынинѣ. Стѣны и потолокъ выбѣлены обыкновенной известью безъ всякихъ украшеній“ (описаніе г. Устиновича).

¹⁾ По церковной вѣдомости за 1904 годъ, въ приходѣ 540 семействъ или 3000 душъ, крещеній (родивш.) было 205 (100 мальчиковъ и 105 дѣвочекъ), бракосочетаній 27, умершихъ 81 (взрослыхъ муж. 16, жен. 17, дѣтей до 15-тилѣтняго возраста 25 мальч. и 23 дѣвочки). Годичный штатъ, утвержденный на 3 года въ 1903 г. Департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Министерства внутреннихъ дѣлъ, опредѣленъ на содержаніе въ 1345 р. 73 к. (изъ приходской складчины, еванг.-аугсбург. фонда въ распоряженіи консисторіи и пожертвованій), при чемъ пастору 800 р., кромѣ доходовъ за исполненіе духовныхъ требъ. Земли—только то, что подъ церковью, кладбищемъ и усадьбой. Дѣла по плоцкой епархіи за послѣдніе годы, въ Архивѣ Варшавской евангел.-лютер. консисторіи.

²⁾ Приложенія, кн. 1, рис. № 2. Кирка стоитъ за городомъ на сѣверо-западъ отъ Ратуши.

Существованіе этой здѣсь церкви въ настоящее время, несомнѣнно, не можетъ не вызывать недоумѣній.

Гостыньскій замокъ упалъ и разрушился въ періодъ паденія и раздѣловъ Польскаго государства; въ эпоху автономности Польскаго царства этотъ историческій памятникъ польскимъ правительствомъ отданъ подъ лютеранскую кирку. Царство Польское утратило свою отдѣльность отъ Русскаго государства. Цѣна историческихъ памятниковъ то же понимается и сознается уже.

И потому самъ собою возникаетъ вопросъ: существованіе нѣмецко-лютеранской кирки въ стѣнахъ бывшаго замка польско-католическихъ королей, въ которомъ страдалъ за Россію, томился, умеръ и былъ погребенъ православно-русскій государь, соответствуетъ ли теперь сущности и достоинству русско-государственной и царской идеи? Мыслимо ли бы встрѣтить что-либо подобное въ предѣлахъ самой Германіи?

Развалины замка были подарены лютеранамъ: развѣ не можетъ быть подарено имъ другое мѣсто и оказано имъ матеріальное пособіе для устройства на немъ не менѣе просторнаго и удобнаго дома молитвы, и даже еще ближе къ городу? Противъ этого они, насколько извѣстно, ничего особаго не имѣютъ.

Нравственное чувство и нравственный долгъ побуждаютъ и надъ усыпальницами простыхъ людей ставить тотъ символъ, въ который вѣровали они. Не тѣмъ ли соответственнѣе, чтобы находился онъ надъ мѣстомъ кончины и перваго погребенія бывшаго государя, предъ которымъ потомство старалось исправить прежнюю тяжелую вину и изгладить „укоризну“?

Мѣстное населеніе нуждается въ благотворительномъ учрежденіи и въ школѣ; войска, живущія въ Гостынинѣ и въ окрестностяхъ и охраняющія эту окраину, на много верстъ въ окружности не имѣютъ себѣ ни вполне удобнаго госпиталя, ни вполне соответственнаго помѣстительнаго храма. Церковь во имя Чудотворца Николая, учрежденная (1885 г.) для русскихъ жителей г. Гостынина, его уѣзда и одного изъ расквартированныхъ тамъ стрѣлковыхъ полковъ и переданная въ вѣдѣніе военнаго инженернаго вѣдомства, помѣщается въ зданіи, принадле-

жавшемъ магистрату города, на Кутновской улицѣ, въ разстояніи отъ кирки около версты.

Невольно думается, что на мѣстѣ перваго погребенія царя Василя Ивановича Шуйскаго со временемъ явится сходное съ тѣмъ, что видѣется уже въ мѣстности другаго его погребенія въ бывшихъ предѣлахъ Польши ¹⁾).

Иную исторію пережило это второе мѣсто, и несравненно болѣе сложную и интересную, захватывавшую собою массу лицъ и рядъ учрежденій и тѣсно связанную съ развитіемъ разныхъ общихъ вопросовъ.

¹⁾ Мысль, печатно высказанная нами въ 1898 году (Русское Обозрѣніе, майск. кн.), скоро нашла живое отраженіе въ печати. Дальнѣйшее будетъ уже зависѣть попреимуществу отъ сознанія и дѣйствій русскаго общества и правящихъ круговъ.

Состояніе опустѣвшей Варшавской усыпальницы Шуйскихъ или Московской Каплицы, и отдача этого государственнаго памятника въ собственность монашескому ордену доминиканъ обсервантовъ.

Видъ Каплицы и связывавшіяся съ нею историческія воспоминанія. — Ея мѣстоположеніе. — Храненіе въ ней имущества частныхъ владѣльцевъ и ограбленіе ея шведами. — Безуспѣшная попытка русскихъ униатовъ получить ее подъ свой храмъ. — Полученіе Каплицы доминиканами обсервантами для обращенія ея „на мѣсто богослуженія“ и устройства при ней монастыря. — Дарственная грамота и указъ короля Яна Казимира о передачѣ имъ Каплицы и объ отводѣ земли. — Актъ передачи ея, и напрасный протестъ сосѣдней общины ксендзовъ миссіонеровъ. — Утвержденіе Яна Казимира за доминиканами обсервантами Каплицы и отведенной къ ней земли.

Царско-княжеская усыпальница въ Варшавѣ, и по утратѣ ею того, что придавало ей прямую цѣну, невольно продолжала привлекать къ себѣ вниманіе своимъ внѣшнимъ видомъ и переносила мысль къ событіямъ, тѣсно связаннымъ съ ея начальною исторіей. Стоя уже безъ гробовъ Шуйскихъ, но еще съ надписью, она вызывала такія воспоминанія и мысли у современнаго описателя (1643 г.) достопримѣчательностей польской столицы: „Туть вблизи“ (костела св. Креста, о которомъ у автора предъ тѣмъ была рѣчь) „Московская каплица; на ней мраморная доска съ надписью золотыми буквами. Тамъ найдешь великую побѣду, королевское отважное мужество¹⁾. Въ ту пору захватилъ

¹⁾ Т. е., туть прочтешь о великой побѣдѣ, о королевскомъ отважномъ мужествѣ.

онъ московскаго царя Шуйскаго и его братьевъ, которыхъ представили на сеймѣ въ Варшавѣ, какъ военнопленныхъ. Всѣхъ ихъ послали въ Гостынинъ въ заключеніе, гдѣ они сами отравились отъ стыда: такъ рассказываютъ. Затѣмъ они были похоронены здѣсь, положены въ склепъ въ этой Каплицѣ. Приѣхалъ московскій посолъ, просилъ. Его королевское величество отдалъ ему въ подарокъ, съ большою почестью, тѣла, которыя были съ церемоніями и торжествами перевезены въ столицу. Вѣчная слава царствованію Владислава Четвертаго¹⁾.

Зданіе „Московской каплицы“ или „часовни“ (*Kaplica Moskiewska, Sacellum Moscoviticum*), какъ тогда называли бывшую усыпальницу Шуйскихъ, высоко поднималось здѣсь кверху, выгодно отличаясь своею красивою архитектурою отъ сосѣдняго небольшого приходскаго костела св. Креста, который тогда былъ еще деревянный²⁾. Сама Каплица была каменною, круглою, въ видѣ „столба“ или башни, въ три яруса, съ пролетами или окнами въ нихъ. Предъ прибытіемъ московскихъ пословъ въ Варшаву за утвержденіемъ Поляновскаго договора и за гробами Шуйскихъ, она была починена внутри и снаружи, окна заложены до половины крашеными досками, въ верхней половинѣ вставлены въ нихъ рамы со стеклами. Лицамъ католическаго духовенства она казалась похожею на церковь³⁾.

1) *Adam Jarzembki, Gościńiec, albo krótkie opisanie Warszawy z okolicznościami* (1643 г.), Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, № 119 (изъ рукописи Библиотеки г. Коротынскаго, въ Варшавѣ, подлинникъ въ Библиотекѣ гр. Дзялынскаго, въ Корникѣ, около Познани; ср. въ изданіи *Niemcewicz, Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce*, III, 307).—При Владиславѣ IV Яржембскій служилъ въ Варшавѣ музыкантомъ придворной капеллы и архитекторомъ Уяздовскаго дворца, близко зналъ городъ и окрестности и могъ часто видать Каплицу.

2) Стоящій нынѣ обширный каменный костель построенъ въ 1682—1696 гг.; высокія его башни возведены въ XVIII вѣкѣ — правая въ 1726—1730, лѣвая въ 1745—1754 гг., фасадъ оконченъ въ 1756 г. (*X. Mich. Nowodworski, Encyklopedja kościelna. Warszawa, 1881, XIV, 436*), а внѣшняя статуя Христа, несущаго крестъ, поставлена недавно, въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія.

3) Выше, 112—115, 120; Приложенія, кн. 1, стр. 25, 31, 41, кн. 2, стр. 380. Въ первоначальной формѣ высокой башни видъ Каплицы—на планѣ Варшавы за время шведско-польской войны въ началѣ второй половины XVII столѣтія. *Samuel Freyherrn von Pufendorf, Von denen Thaten Carl Gustavs Königs in Schweden. Nürnberg, 1697, IV, № плана 54*, вложенный между страницами 292—293. Надпись на планѣ: „*Urbs Varsovia sedes ordinaria regum Polo-*

Находясь въ мѣстности мало застроенной, у пути „изъ села изъ Бздова къ Варшавскому посаду“, на площади при окончаніи Краковскаго предмѣстья и началомъ образовывающейся улицы Новый Свѣтъ и открытая со всѣхъ сторонъ, каменная Каплица была сравнительно безопасна отъ пожара и стояла на заперѣ: сохранилось извѣстіе, что владѣлецъ сосѣдняго съ нею небольшого земельного участка, лежавшаго отъ нея къ улицѣ Новый Свѣтъ, королевскій секретарь Юрій Паскевичъ беретъ (въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка) въ ней письменные акты на право владѣнія этой небольшою площадью и другія свои цѣнности. При взятіи Варшавы шведами, имущество, хранившееся въ Каплицѣ, было ими разграблено.

Изъ-за участка земли, противъ Каплицы къ Новому Свѣту, принадлежавшаго къ Варшавскому королевскому староству, поднялся споръ между лицами, предъявившими свои притязанія на владѣніе имъ. Паскевичъ указывалъ (1659—1660 гг.), что право и привилегіи на это мѣсто были у него еще до нападенія на Варшаву шведовъ, забравшихъ документы изъ Каплицы, въ которой хранились они ¹⁾.

Предметомъ несравненно болѣе широкихъ домогательствъ сдѣлалась сама осиротѣлая Каплица. Едва гробы Шуйскихъ были вывезены изъ нея, пытались воспользоваться ею русскіе уніаты.

*niae et facie exhibita qua conspiciebatur postquam amisso proelio a ser. r. Poloniae deserta et a v. r. m. Sueciae secunda vice occupata fuit d. 22 iul. an. 1656**; надпись надъ изображеніемъ Каплицы: „*Sacellum Moscovitarum*“. Снимокъ съ части плана, на которой представлена Каплица съ окружающею ея мѣстностью, см. въ Приложеніи, рисунокъ № 3. Планъ Варшавы Пуфендорфа долго служилъ образцомъ и прототипомъ для послѣдующихъ издателей плановъ города, почему изображение Каплицы въ существенномъ удерживалось у нихъ (Приложенія, кн. 1, рис. №№ 4—5) и тогда, когда она уже была перестроена. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

¹⁾ „Plac na Nowym Swiecie.

„Przeciwko Kaplicy Moskiewskiej jest plac, na gruncie jm. p. starosty folwarkowym, na który produxit renovationem privilegij, teraznieyszego króla Jmci Jana Kazimierza, sub actu et data Varsaviae die 15 maii anno 1659 p. Jerzy Paskiewicz. In contrarium, jm. p. Franciszek Kosecki, podstarości warszawski, prowentowy, stanął u manifestował się przed nami, de nullitate renovationis ex eo, że takie prawo oryginalne nie było na probacyi; dla czego zabierają się. Przeciwko owemu reprotestował się szlachetny p. Jerzy Paskiewicz, sekretarz J. k. mci, nomine suo

Извѣстны успѣхи, приобретаемые тогда церковною униєю въ предѣлахъ Польско-Литовскаго королевства. Уніатамъ явно предоставлялись преимущества предъ православными какъ въ свободѣ вѣроисповѣданія, такъ и въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи, въ правѣ засѣданія въ сенатѣ, участія въ генеральныхъ сеймахъ и т. п. Пользуясь такимъ выгоднымъ положеніемъ, уніаты, въ виду того, что сооруженное Сигизмундомъ зданіе уже „было свободно и представлялось удобнымъ для церкви, которой у нихъ вовсе еще не имѣлось въ Варшавѣ, просили его для отправления своего богослуженія и для удобства ихъ единовѣрцевъ, прибывающихъ на сеймъ“. Владиславъ IV согласился отдать имъ Каплицу, и папскій нунцій, авиньёнскій епископъ Филонарди получилъ (въ концѣ іюня 1636 г.) въ Вильнѣ увѣдомленіе, что король также „имѣетъ намѣреніе“, по приѣздѣ нунція въ Варшаву, „велѣтъ присоединить къ церкви домъ, въ пользованіе тѣхъ, кто будетъ въ ней совершать богослуженіе“. Филонарди принесъ королю благодарность и думалъ, что „въ свое время будутъ приняты мѣры къ выполненію этого”¹⁾. Такого времени однако не наступило, несмотря на участіе въ дѣлѣ папскаго нунція.

Казавшееся естественнымъ изъ Вильны, гдѣ Православіе было сильно, въ другомъ видѣ должно было представляться въ самой Варшавѣ. Фаворъ уніатовъ въ королевствѣ былъ вообще условный и временный: имъ покровительствовали настолько, насколько требовалось для побѣды надъ православными; дарованіе имъ свободы богослуженія въ мѣстностяхъ съ польско-католическимъ населеніемъ походило бы на дѣйствительное уравненіе ихъ съ католиками, что противорѣчило бы основамъ польской

et consortis suae Annae Sarnecka, tum et pupilli nblis olim Pauli Pleszkowski filij, allegując, że prawa i przywileje oryginalne nieprzyjaciel w Moskiewskiéy kaplicy zabrał, z innymi rzeczami tamże w schowaniu będącemi. Replicatum a domino Kosecki, że mógł p. Paskiewicz prawa swoje zabrać z szkatułą do Litwy, e contra allegował jm. p. Paskiewicz, że nie mógł praw swoich wziąć dla nieprzyjaciela, który następował prędko y on zostawał w Litwie“. Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, В, 3, № 103: Lustracye z lat 1564... miasta starey i noweу Warszawy; ср. We in e r t'a, Starożytności Warszawy. Serya druga, VI, 216. Данная опись начата въ 1660 г., ок. въ 1662 г.

¹⁾ Приложенія, кн. 1, № 3: Донесеніе Филонарди отъ 5 іюля н. ст. 1636 г. (изъ Библіотеки кн. Барберини въ Римѣ).

политики, проводившей унію, какъ переходное средство къ полному колонизированію русскихъ и вовлеченію ихъ въ католичество. Королевское распоряженіе о Каплицѣ не отвѣчало также національнымъ польскимъ воззрѣніямъ, потому что памятникъ польской „побѣды“ уступался русскимъ, хотя бы то и уніатамъ. Если передача Каплицы подъ уніатскую церковь не мирилась съ польско-католическими тенденціями, то подобное превращеніе бывшей царской усыпальницы не отличалось практичностью и въ дѣлѣ поддержанія добрыхъ отношеній Королевскаго двора къ двору Московскому, который могъ бы счесть это за оскорбленіе себѣ и за нарушеніе только-что заключеннаго Поляновскаго мирнаго договора.

И воля короля, очевидно, не была выполнена. Польскій посоль (1647 г.) Адамъ Кисель, нѣтъ сомнѣнія, разумѣлъ этотъ именно случай, когда, отклоняя предложеніе московскихъ бояръ похлопотать въ Варшавѣ объ уничтоженіи Каплицы, замѣтилъ: „прежде сего королевское величество ту Каплицу хотѣлъ было дать на церковь Греческой вѣры“. „Хотѣлъ было дать“, но, значить, не отдалъ, что-то помѣшало ему.

Дипломатичное упоминаніе посла Киселя, русскаго по рожденію и вѣрѣ, московскіе люди едва-ли не приняли прямо за искусный намекъ, что Каплицу лучше поберечь, потому что ею можно, при благоприятныхъ обстоятельствахъ и въ случаѣ надобности, воспользоваться для устройства въ Варшавѣ Православно-русской церкви: не безъ причины они такъ легко согласились, чтобы съ Каплицы была лишь снята надпись Сигизмунда ¹⁾).

Въ ту эпоху могли получить въ свою собственность Каплицу совершенно иныя лица. Семнадцатое столѣтіе — вѣкъ развитія католической реакціи въ королевствѣ, время размноженія и непомѣрнаго усиленія въ немъ разныхъ католическихъ монашескихъ орденовъ. Варшава, какъ новая столица (съ конца XVI ст.) государства, сдѣлалась мѣстомъ особенно излюбленнымъ у нихъ: іезуиты, миссіонеры, францискане, реформаты, доминикане, капуцины, кармелиты, бенониты и др., разсѣляясь и живя въ ней

¹⁾ Выше, стр. 137—138.

и въ ея предмѣстьяхъ, приобрѣтали здѣсь себѣ землю и дома, устраивали каплицы, костелы, монастыри. Одни изъ таковыхъ, отцы доминикане обсерванты, т. е. проповѣдники строгаго устава, нашли себѣ среди „вѣрныхъ совѣтниковъ“ короля Яна-Казимира вліятельныхъ ходатаевъ, которые „усердно просили“ его подарить этимъ ксендзамъ Московскую каплицу съ прилегающими къ ней участками земли. Это происходило на слѣдующій годъ, какъ Польша вынуждена была заключить съ Московскимъ государствомъ явно невыгодное для себя перемиріе—Андрусовское, и когда самъ король, бывшій іезуитъ и кардиналъ, проникнутый религіозно-политической ревностію, подавленный внѣшними неудачами и внутреннимъ разстройствомъ, близился къ сложенію съ себя короны. Объявленное уже имъ намѣреніе отречься отъ престола донельзя волновало магнатовъ и шляхту; каждая партія спѣшила производить, ради личныхъ интересовъ, свое давленіе на него и обезпечить себя на случай избранія ему преемника. Король находился въ крайней зависимости отъ отношенія къ нему вліятельныхъ и сильныхъ людей. Въ пору такого внутренняго политическаго переполоха и переданъ былъ государственный историческій памятникъ въ полное владѣніе лицамъ монашескаго ордена, за которыхъ объявились предъ королемъ сильные ходатаи. „Благочестивымъ отцамъ инокамъ ордена проповѣдниковъ строгаго устава“ она, вмѣстѣ съ отведенною къ ней площадью 100 локтей длины и 40 локтей ширины, передавалась „на вѣчныя времена“, „для общаго блага“, чтобы они, перемѣнивъ эту „Московскую святыню“ на „мѣсто богослуженія“ и выстроивъ при ней монастырь, пользовались тутъ „всеми удобствами для общежитія и для благопослѣднѣйшаго отправленія службы Божіей“.

Первая же королевская дарственная грамота (23 іюня / 3 іюля 1668 г.) доминиканамъ обсервантамъ сразу вводитъ читателя въ современную ей сферу возрѣній и побужденій въ государственно-общественной жизни, обусловившихъ подобную участь памятника, построеннаго отцомъ Яна-Казимира.

„Янъ - Казимиръ, Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, самогитскій, ливон-

скій, смоленскій и черниговскій и наслѣдный королевичъ шведскій, готтскій и вандалскій.

Настоящей нашею грамотой объявляемъ всѣмъ и каждому, до кого надлежитъ, какъ нынѣ живущимъ, такъ и людямъ грядущихъ поколѣній:

Не иныя какія-либо твердыни охраняютъ неприкосновенность царствъ и стоятъ на стражѣ благополучія царствующихъ, какъ боговождедѣнные убѣжища для благочестивыхъ молитвъ. Случается нерѣдко, что чего не были въ силахъ совершить ни щандры несокрушимые, ни шлемы, осѣненные великолѣпными гребнями, того добивались безоружныя власяницы; и нерѣдко, чего не достигали громовые раскаты орудій, то могли снискать себѣ воздыханія, вырывавшіяся изъ глубины сердець. Равнымъ образомъ, (и даже еще) лучше способствуетъ безопасности государства, если въ то время, когда за предѣлами его сражается храброе воинство, дома молится сонмище иноковъ, преданное Верховному Святелю лавровъ и маслинъ; когда тамъ мечутся въ непріятеля стрѣлы, здѣсь же перелистываются священные требники; тамъ производится пальба раскаленными ядрами, здѣсь усердные обѣты пылающихъ сердець возсылаются горѣ; тамъ дѣйствуютъ руки, занятыя оружіемъ, здѣсь длани съ покорною мольбой воздѣваются къ небу. Мудрость правящихъ поступала поѣтому съ похвальною предусмотрительностью, умножая въ такомъ количествѣ монастыри и святыни — средоточія всякаго богоугожденія. Слѣдуя сему примѣру, и мы съ самаго начала нашего царствованія особливо заботились, чтобы въ нашемъ государствѣ было возможно болѣе храмовъ и святилищъ, дабы чрезъ приращеніе ихъ распространялись и возрастали богопочитаніе и богослуженіе, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя объ усугубленіи нашего благоденствія.

Руководствуясь такими именно побужденіями, мы признали за благо, по ходатайству передъ нами нѣкоторыхъ довѣренныхъ лицъ за отцовъ иноковъ ордена проповѣдниковъ строгаго устава, дать послѣднимъ, подарить имъ и пожаловать на правахъ базпрерывнаго владѣнія и въ качествѣ неотъемлемаго дара нашего святыню или храмину Московскую, находящуюся на Краковскомъ предмѣстьѣ города Варшавы, нѣкогда воздвигнутую и построенную августѣйшимъ въ Бозѣ почившимъ Сигизмундомъ III, нашимъ незабвеннымъ родителемъ и предшественникомъ, послѣ того, какъ онъ возвратился изъ побѣдоноснаго Московскаго похода и привезъ изъ московской земли множество трофеевъ, а также привелъ вождей московской рати, скончавшихся (потомъ) въ Польшѣ, надъ прахомъ которыхъ и сооружена храмина. Движимые благочестивымъ усердіемъ и горячей ревностью

къ распространенію божественной славы, также расположеніемъ къ богоугожденію самого ордена, выдающагося святостью жизни, какъ и ученостью и примѣрною скромностью въ королевствѣ и коронныхъ владѣніяхъ нашихъ, а также подвизающагося съ пользой для спасенія душъ и назиданія ближняго, мы, согласно тому, навсегда и во вѣкъ даемъ, даримъ и жалуемъ (ордену храмину сію) нашимъ королевскимъ соизволеніемъ и настоящею нашею грамотой.

И потому, на основаніи сей нашей хартіи, вышеназванные отцы иноки ордена проповѣдниковъ строгаго устава, по отмѣреніи черезъ нашихъ комиссаровъ болѣе обширной площади для выщпаго, по нашему почину устанавливаемаго, удобства общежитія и благооспѣшнѣйшаго отправления службы Божіей, будутъ полноправно, полновластно и въ качествѣ полныхъ собственниковъ обладать, пользоваться и владѣть вышеозначенною святыней или храминой, съ отношеніемъ къ ней дворовъ, земель, выгодъ, угодій и вообще доходныхъ статей, притомъ въ тѣхъ размѣрахъ по ширинѣ, длинѣ и окружности, какіе будутъ опредѣлены нашими комиссарами, и будутъ возводить постройки по своему усмотрѣнію и сохранять пользовладѣніе ими во всѣ времена и во вѣкъ.

Объщаемъ же за себя и за пресвѣтлѣйшихъ преемниковъ нашихъ, что мы и пресвѣтлѣйшіе преемники наши не намѣрены вышеименованныхъ отцовъ ордена проповѣдниковъ строгаго устава ни устранять отъ мирнаго пользованія и владѣнія означенною святынею или храминою или отчуждать (ее отъ нихъ), ни давать кому-либо власти на устраненіе или отчужденіе, но намѣрены сохранить за нами и ихъ преемниками это вѣчное право цѣлымъ и ненарушимымъ, которое будутъ соблюдать и наши пресвѣтлѣйшіе преемники, — съ условіемъ однако же исходатайствовать подтвержденіе сей грамоты на будущемъ коронномъ сеймѣ. Желая, чтобы это было извѣстно всѣмъ, до кого надлежитъ, особенно же мѣстному епископу, мы всемилостивѣйше приглашаемъ, чтобы они и сами ненарушимо сохраняли этотъ вѣчный даръ отцамъ инокамъ ордена доминиканъ обсервантовъ, и всѣхъ другихъ побуждали сохранять его. Преосвященный же администраторъ да введетъ ихъ въ вышеназванную храмину или святыню. И да не мѣшаетъ никто, какого бы онъ ни былъ положенія, состоянія и сана, вышеназваннымъ благочестивымъ отцамъ въ мирномъ владѣніи сею святынею или храминою и да не ставитъ препятствій имъ — это мы строго повелѣваемъ, ради нашей королевской милости. Въ удостовѣреніе же сего мы приказали настоящую грамоту, подписаную нашею рукою, скрѣпить государственною привѣсною печатью.

Дано въ Варшавѣ мѣсяца іюля 3 дня лѣта Господня 1668, царствованія нашего въ Польшѣ и Швеціи въ 20 лѣто.

Янъ-Казимиръ, король.

Стефанъ Ганкевичъ, секретарь королевскаго величества⁴.

Выполненіе обѣщанія относительно передачи доминиканамъ Каплицы и отмѣренія имъ земли поручалось особой Комиссіи, указомъ (отъ того же 3 іюля н. ст.) къ которой опредѣлялось, какъ она должна была поступить. Возможно, что въ числѣ членовъ ея находились лица, ходатайствовавшія предъ тѣмъ за доминиканъ: указъ крайне внимателенъ къ этимъ „вѣрнымъ и любезнымъ” королю лицамъ, и они съ необычною скоростью выполняли его и были изысканно предупредительны къ нуждамъ доминиканъ. Указъ повторяетъ вкраткѣ также мотивы къ дару, подробно выраженные въ привилегіи.

„Превосходительному, достопочтеннымъ и благороднымъ—гласиль королевскій указъ — Яну-Карлу Копецу, полоцкому воеводѣ, Яну Малаховскому, коронному референдарію, Бонавентурѣ Мадалинскому, главному нотаріусу коронной казны, гнѣздненскому канонику, Сигизмунду Отржембошу, канонику познанскому, Владиславу Шмелингу, коронному конюшему, Павлу-Кипріяну Бржостовскому, референдарію великаго княжества Литовскаго, и старостамъ фелинскому Александру Вульфю, остроленкскому Яну Косу, ойцовскому Николаю Корыцинскому, придворнымъ и комиссарамъ нашимъ, искренно и вѣрно намъ любезнымъ, наше королевское благоволеніе.

Превосходительный, достопочтенные и благородные, искренно и вѣрно намъ любезные!

Поелику ничто болѣе не согласуется съ нашимъ королевскимъ призваніемъ, какъ стараться объ умноженіи и успѣхахъ въ нашемъ государствѣ почитанія и славословія Того, чрезъ Котораго мы царствуемъ и власть Коего мы содержимъ на землѣ, то, по ходатайству предъ нами нѣкоторыхъ нашихъ совѣтниковъ за отцовъ иноковъ ордена проповѣдниковъ строгаго устава, и по ревности нашей къ славѣ Божіей и къ ея сильному умноженію, а также изъ благорасположенія къ этому примѣрному въ государствѣ и коронныхъ владѣніяхъ нашихъ ордену, со столь великою пользою подвизающемуся для спасенія душъ и назиданія ближняго, мы пожаловали и подарили имъ въ вѣчное владѣніе находящуюся въ Краковскомъ предмѣстьѣ Варшавы святыню или храмину Московскую, которую нѣкогда блаженной памяти пресвѣтѣйшій Сигизмундъ III, нашъ незабвенный

родитель и предшественникъ, послѣ побѣдоноснаго возвращенія изъ Московскаго похода и по кончинѣ московскихъ плѣнныхъ вождей въ королевствѣ, построилъ для останковъ сихъ вождей. Сію именно святыню или храмину мы намѣреваемся обратить на церковное пользование, съ тѣмъ, чтобы иноки безотлагательно вступили во владѣніе ею. Площадь и мѣсто, на которомъ стоитъ названная святыня, отнюдь не удовлетворяютъ цѣлямъ общежитія и совершенія службы Божіей, а наше желаніе своимъ даромъ содѣйствовать имъ такъ, чтобы они пользовались и владѣли всякими удобствами, и потому мы сочли необходимымъ дѣло это дать и поручить вамъ, любезнымъ и вѣрнымъ, коихъ въ вѣрности, трудолюбіи и умѣніи вести дѣла мы совершенно убѣждены, и даемъ и поручаемъ вамъ настоящимъ указомъ, чтобы, учинивъ между собою совѣщаніе, назначивъ извѣстный день и соотвѣтственное время и увѣдомивъ заинтересованныя стороны повѣстками, не стѣсняясь отсутствіемъ одного или двоихъ изъ васъ, любезныхъ и вѣрныхъ, сойтись къ вышеназванной святынѣ или храминѣ, предъявить доказательства своей комиссарской юрисдикціи, ввести вышеноименованныхъ отцовъ иноковъ во владѣніе вышеназванною святынею и принять все мѣры для ея передачи имъ; пригласивъ же опытнаго землебра, отвести имъ, ради лучшихъ удобствъ для общежитія и для совершенія церковной службы, больше мѣста, безъ ущерба владѣніямъ частныхъ собственниковъ, и совершить, ради нашей королевской милости, и иное, что обыкновенно бываетъ и соблюдается въ подобнаго рода комиссіяхъ“.

Указъ былъ подписанъ короннымъ канцлеромъ и короннымъ секретаремъ. Соотвѣтственно съ нимъ, Комиссія оповѣстила, чрезъ генеральнаго короннаго судебного пристава, владѣльцевъ сосѣднихъ съ Каплицею участковъ земли или имѣющихъ претензіи на нихъ, чтобы на восьмой день послѣ праздника Посѣщенія Дѣвою Маріею Елизаветы (9 іюля нов. ст.) они собрались къ Каплицѣ, присутствовали бы тамъ при измѣреніи земли, которую Комиссія, при помощи опытнаго землебра, будетъ отмѣрять и отводить доминиканамъ обсервантамъ, и смотрѣли бы сами за соблюденіемъ своихъ правъ, если таковыя, по ихъ мнѣнію, подвергнутся ограниченію или стѣсненію.

Представителемъ доминиканъ обсервантовъ прибылъ ксендзъ Амвросій Скоповскій и, предъявивъ привилегію и указъ, просилъ, на основаніи ихъ, ввести его во владѣніе Капеллою и землей, выдѣливъ площадь, гдѣ было бы удобно жить. Заинтересованныя

стороны ничего не возражали противъ такого ввода во владѣніе, относительно отчужденія земель пришли къ полюбовному соглашенію, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ гражданъ Старой Варшавы и другихъ лицъ, за исключеніемъ настоятеля костела св. Креста, ксендза Вильгельма Десдама, который указывалъ на помѣху отъ этого богослуженію въ его костелѣ.

Но положеніе французской общины ксендзовъ миссіонеровъ, которымъ принадлежалъ костелъ св. Креста, было въ данную пору невыгодное. Незадолго предъ тѣмъ умерла (весной 1667 г.) королева Марія Людвика Гонзага, душа придворной партіи кондеистовъ, покровительница миссіонеровъ; другого подобнаго покровителя не находилось. Уступку Каплицы и земли въ пользу доминиканъ обсервантовъ комиссары не признали теперь вредною или убыточною для кого-либо, претензію Десдама отклонили, отославъ его дѣло къ мѣстному епископу, и предложили землемѣру Исидору Афайту отмѣрить площадь длиною 100 и шириною 40 локтей подъ постройку доминиканамъ обсервантамъ монастыря или конвента и передали имъ въ законное владѣніе Каплицу со всею землею, выдѣленною къ ней.

Комиссарскій актъ ввода во владѣніе и объ отмѣреніи земли представили королю. Однако протестъ ли Десдама и заступниковъ за интересы ксендзовъ миссіонеровъ, или противодѣйствіе, быть можетъ, нашедшихся лицъ, которыя сочли необходимымъ возражать противъ подобной передачи государственнаго памятника монашескому ордену, только теперь снова потребовались просьбы, и притомъ весьма усиленныя, чтобы склонить Яна-Казимира на утвержденіе акта. Какъ бы въ оправданіе королевскихъ дѣйствій, въ офиціальномъ документѣ писалось (10 іюля нов. ст.) отъ имени короля:

„И насъ усердно просили, чтобы мы удостоили нашею властію утвердить его, одобрить и ратификовать... И такъ мы, Янъ-Казимиръ король, благосклонно снисходя къ просьбѣ, какъ уважительной, вышеприложенные документы комиссарскаго акта во всѣхъ пунктахъ, условіяхъ, заключеніяхъ, статьяхъ и обязательствахъ сочли достойнымъ одобрить, ратификовать, утвердить, и утверждаемъ, одобряемъ и ратификуемъ ихъ настоящею грамотою въ полнотѣ нашей королевской власти, опредѣляя, что сіи документы, насколько

не противорѣчатъ общему праву, навсегда сохранять силу, крѣпость и ненарушимость. Въ удостовѣреніе этого настоящій актъ, подписанный нашею рукою, мы повелѣли скрѣпить нашею государственною печатью”.

Привилегія и комиссарскій актъ немедленно внесены были въ Коронную метрику, подлинники вручены были доминиканамъ обсервантамъ ¹⁾).

Все сдѣлалось съ замѣчательною быстротой, въ теченіи восьми дней: какъ будто доминикане и ихъ покровители спѣшили воспользоваться благопріятнымъ для нихъ моментомъ.

¹⁾ Римскій Архивъ общаго управленія доминиканъ, Конгрегация св. Людовика Бертранда, въ Польшѣ: „Annotatio temporis annorum quibus Conventus istius congregationis nostrae s. Ludovici Bertrandi erecti, fundati fuerunt”... (См. Приложенія, кн. 1, № 10); Главный Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Коронная метрика, 206 кн., 541—543 стр.: „Capella Moschovitica religiosi patribus ordinis Praedicatorum strictioris observantiae” и „Commissio pro iisdem patribus” (Приложенія, кн. 1, №№ 11—12), и отдѣлъ книгъ попрусской ипотеки: „Grund-und Beilage-Acten des in der Königl. Preuss. Haupt-und Residenz-Stadt Warschau an der Neuen Welt Strasse gelegenen, und im Hypothequen-Buch vol. sub № 1321 eingetragenen Grundstücks“ (Приложенія, кн. 1, № 13). Подлинныя королевскія грамоты хранились въ Архивѣ варшавскихъ доминиканъ обсервантовъ еще въ 1813 году (Архивъ Варшавской римско-католической духовной консисторіи: „Acta Dominikanów Obserwantów suppremojanusch,” I т., 223 л.). Копіи съ издаваемыхъ нами грамотъ и переводъ съ нихъ, въ виду ихъ особенной здѣсь важности, любезно пересмотрѣны были начальникомъ Архива проф. А. И. Павинскимъ и профессоромъ римской словесности Варшавскаго Университета Г. Э. Зенгеромъ. Всѣ эти документы, какъ равно и послѣдующія королевскія грамоты на владѣніе доминиканамъ обсервантамъ Каплицею и землею при ней, не были извѣстны въ наукѣ. Они точно уставляють вопросъ и даютъ прочную основу для вѣрной оцѣнки прежнихъ разсказовъ (см. ниже, стр. 181, 200 и др.).

Х Г Л А В А.

Доминикане обсерванты—собственники Московской каплицы и отстаиваніе ими своихъ церковныхъ и имущественныхъ правъ.

Происхожденіе, свойства, распространеніе и развѣтвленія Доминиканскаго ордена.—Основаніе Варшавскаго монастыря доминиканъ обсервантовъ конгрегациі Людовика Бертранда.—Организація монастыря и бывшаго при немъ Рожанцоваго братства.—Борьба съ сосѣднею общиною миссіонеровъ за право на Московскую каплицу и мѣсто, данныя обсервантамъ королемъ Яномъ Казимиромъ, и признаніе за ними этого права.—Борьба съ миссіонерами и бернардинами за безпрепятственное и торжественное отправленіе церковныхъ процессій.—Защита существованія и дѣятельности Рожанцоваго братства.—Расширеніе сосѣдней поземельной собственности.—Полученіе задняго проулка, по грамотамъ короля Августа II въ 1698 году.—Приобрѣтенія земельныхъ участковъ и домовъ за проулкомъ.—Недвижимость бывшая Служко, по улицѣ Александрин.—Поземельная собственность, оставшаяся въ постоянномъ владѣніи и пользованіи обсервантовъ.—Неудавшаяся попытка въ концѣ XVII вѣка основать новый монастырь, на Покорной улицѣ.—Приобрѣтеніе недвижимости на Краковскомъ предмѣстьѣ и вызванный тѣмъ судебный процессъ.—Процессы изъ-за взысканія процентовъ и полученія денежныхъ суммъ.—Состояніе монастырскихъ средствъ.

Доминикане обсерванты, получившіе въ свою собственность бывшую усыпальницу царя Василя Шуйскаго, принадлежали къ ордену, имѣвшему важное значеніе въ исторіи католической церкви. Когда, во второй половинѣ XII вѣка, альбигойцы, вальденсы и другіе религіозные рационалисты колебали въ югозападной Европѣ зданіе католичества, съ его тяжелою теократической системой, въ числѣ выдающихся лицъ, возставшихъ и дѣйствовавшихъ на духовную защиту католической церкви, былъ извѣстный Доминикъ (1170 — 1221 г.), испанецъ родомъ. Съ

дѣтства приготовляемый къ духовному званію, онъ еще на школьной скамѣ отличался аскетизмомъ и религіозной экзальтированностію; сдѣлавшись каноникомъ, главное вниманіе обратилъ на возвращеніе „еретиковъ” въ католичество. Для противодѣйствія тому, что многіе родители, по своей бѣдности и нуждѣ, отдавали дѣтей своихъ на обученіе къ этимъ свободомыслящимъ людямъ, Доминикъ, при помощи тулузскаго епископа, основалъ въ мѣстечкѣ Пруиль пріютъ-школу, пошедшую успѣшно; на взрослыхъ же онъ старался вліять словомъ убѣжденія. Около экзальтированно-самоотверженнаго учителя-проповѣдника сгруппировался небольшой кружокъ единомышленныхъ съ нимъ лицъ, превратившійся въ общество постоянное, опредѣленно организованное. Избранъ былъ уставъ Августина съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ стороннихъ частныхъ. Въ отличіе отъ другихъ орденовъ, главнымъ дѣломъ новаго института была проповѣдь, почему въ утвердительной папской грамотѣ онъ названъ орденомъ братьевъ проповѣдниковъ (*ordo fratrum Praedicatorum*), а впоследствии обыкновенно назывался доминиканскимъ проповѣдническимъ (*ordo s. Dominici Praedicatorum*). Когда одному изъ его монастырей подарили было землю, Доминикъ разорвалъ дарственную записку и выхлопоталъ утвержденіе правила, чтобы орденъ не принималъ никакихъ даровъ на недвижимость; своимъ послѣдователямъ онъ строго завѣщалъ никогда не отступать отъ добровольной нищеты.

Не прошло и 20 лѣтъ со дня утвержденія ордена, какъ въ Западной Европѣ было до 400 доминиканскихъ монастырей. Уже при жизни его основателя монастыри его подраздѣлились на 8 провинцій; въ цвѣтущую пору свою орденъ считалъ 45 провинцій, 12 конгрегацій, эти возникли вслѣдствіе реформъ и видоизмѣненій, производимыхъ ревностными начальниками. Общины, стремившіяся къ пресѣченію ослабленія монашескихъ уставовъ и стоявшія за возможно строгое выполненіе ихъ, выдѣлились въ общины „доминиканъ обсервантовъ”, въ отличіе отъ простыхъ доминиканъ или братьевъ общниковъ, какъ называли себя болѣе спокойные монашествующіе. Въ орденѣ были также братства или общины „Креста Христова”, „Пресвятой Дѣвы Побѣдонос-

ной”, „Святаго Рожанца” и другія. Начальствовали въ монастыряхъ пріоры; провинціи или области управлялись провинціалами; всѣми ими вѣдалъ магистръ или генераль ордена, впоследствии жившій въ Римѣ. Желаящіе поступить въ общество подвергались годичному испытанію; при обученіи особенно развивалось искусство въ произношеніи проповѣдей; главными предметами преподаванія и изученія также были богословіе и схоластическая философія.

Хотя цѣлю ордена было „безпрестанное стремленіе къ развитію въ ближнихъ духовнаго добра”, „проповѣдываніе Божьяго слова” и искорененіе „заблужденій” примѣромъ и убѣжденіемъ со стороны его членовъ; однако духъ крайней религіозной нетерпимости, проникавшій его, слишкомъ удалялъ его отъ этой первоначальной его мирной задачи. Взвѣсившись наблюдать за строгостію вѣроисповѣднаго ученія, исправлять ученія „ложныя” и возбуждать противъ „еретиковъ” судебные процессы, доминикане, имѣвшіе въ виду только активное утвержденіе католической церкви, явились безпощадными заправилами въ инквизиціонныхъ трибуналахъ Испаніи и нѣкоторыхъ другихъ странъ. Еще при Доминикѣ, всего болѣе цѣнившемъ живой примѣръ и искренно-одушевленную проповѣдь, учредилось, подъ его именемъ, прямо воинствующее церковное братство — воинство Иисуса Христа (*ordo militiae Jesu Christi*). Вопреки завѣту основателя ордена, доминикане выхлопотали отъ папы разрѣшеніе пріобрѣтать и получать недвижимую собственность, почему многіе монастыри разбогатѣли. Нарушенія уставовъ и внутренней дисциплины, споры съ епископами были явленіями частыми; диспуты даже о религіозныхъ вопросахъ съ сильными орденами — соперниками, какъ францисканскимъ и іезуитскимъ, нерѣдко раздражались ссорами, ни мало не отвѣчавшими предметамъ преній. Несмотря на то, заслуги доминиканъ для римской церкви были цѣнны по борьбѣ съ отщепенцами и иновѣрцами, по обращенію въ христіанство язычниковъ и отчасти по развитію католической догмы. Изъ ихъ ордена вышли Тома Аквинать, Викентій Феррерій и др.; до XVIII вѣка онъ далъ изъ себя до 1,000 лицъ высшей іерархіи, въ томъ числѣ 4-хъ папъ.

Какъ часть цѣлаго, доминикане въ Польшѣ существенно не разнились отъ своихъ собратій, появившихся здѣсь при самомъ учредителѣ ордена и непосредственно отъ него получивъ свое начало. Съ Доминикомъ встрѣтился въ Римѣ краковскій епископъ Иво Одровонжъ, изъ свиты котораго Доминикъ принялъ въ монахи своего ордена двоихъ родственниковъ епископа. Одному изъ нихъ, Яцеку Одровонжу, по возвращеніи его въ Краковъ, былъ отданъ (1223 г.) костелъ Св. Троицы съ монастыремъ, сдѣлавшимся въ Польшѣ первымъ гнѣздомъ доминиканскимъ. На капитулѣ въ Парижѣ, при второмъ генералѣ ордена, Польша причислена (1228 г.) къ 8 существовавшимъ уже провинціямъ, и первымъ провинціаломъ ея былъ названъ Яцекъ Одровонжъ. Черезъ Польшу доминикане быстро проникали въ Литву и западную Русь. Въ Литвѣ они старались о привлеченіи въ католичество Гедимина и его родни. Ихъ суровость и жестокость въ обращеніи язычниковъ и истребленіи Православія дошла здѣсь до того, что сами папы считали надобнымъ сдерживать ихъ, рекомендуя генераламъ ордена посылать сюда лицъ болѣе умѣренныхъ.

Держась ближе къ высшимъ лицамъ и сословіямъ, нежели къ низшимъ, доминикане мало по малу заняли видное мѣсто въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства: многіе изъ нихъ служили исповѣдниками у королей, вельможъ и епископовъ; сопровождали военные обозы, поощряя къ храбрости и прославляя, съ амвона, отличавшихся на войнѣ; вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь, увѣщевали членовъ сеймовъ, боролись съ диссидентами, въ польскомъ инквизиціонномъ трибуналѣ (XIII—XVI в.) перебывало начальниками до 55 доминиканъ инквизиторовъ. Благодаря возрастанію числа монастырей и вслѣдствіе внутреннихъ смуть, къ срединѣ XVII стол. было въ королевствѣ три доминиканскихъ провинціи: польская (съ 1228 г.), русская (съ 1612 г.) и литовская (съ 1647 г.). Монастырей въ польской провинціи, до 1720 года, насчитывалось 43 доминиканскихъ, 12 у доминиканъ обсервантовъ, 10 женскихъ и 3 резиденціи¹⁾. По поль-

¹⁾ Въ монастыряхъ обыкновенною нормою было не менѣе 12 членовъ братіи, для существованія резиденціи признавалось достаточнымъ и нѣсколькихъ лицъ.

скимъ городамъ и мѣстечкамъ монастыри доминиканъ обсервантовъ завелись во второй половинѣ XVII вѣка. Побуждаемый стремленіемъ къ улучшенію монашескихъ нравовъ, извѣстный Амвросій Скоповскій (1631—1705 г.), монахъ львовскаго монастыря, гдѣ онъ былъ профессоромъ богословія и отличался проповѣдническимъ даромъ, два раза путешествовалъ въ Римъ, и, представивъ рекомендаціи отъ польскихъ властей, добился того, что первый учредилъ въ Польшѣ конгрегацію доминиканъ обсервантовъ имени Людовика Бертранда и былъ назначенъ главнымъ викаріемъ ея; впоследствии онъ сталъ въ близкія отношенія къ Яну Собѣскому, котораго сопровождалъ въ походѣ противъ турокъ подъ Вѣну и напутствовалъ въ послѣднія минуты жизни, въ Виляновѣ подъ Варшавой. Подчиненные ему монастыри избраннаго имъ типа возникали и устраивались; монастырь въ Варшавѣ, при Московской каплицѣ, основался однимъ изъ первыхъ ¹⁾.

Монастырь этотъ, постепенно возрастая, сдѣлался потомъ главнымъ среди другихъ, одинаковыхъ съ нимъ по уставу, доминиканскихъ монастырей конгрегаціи Людовика Бертранда, въ познанской епархіи, въ бывшемъ Мазовецкомъ княжествѣ. Учредительною грамотой Яна-Казимира не было опредѣлено количество братіи. Въ лучшую пору своего существованія (въ XVIII в.) монастырь состоялъ человекъ изъ 14 ксендзовъ, не считая клириковъ (не посвященныхъ еще въ ксендзы) и др. лицъ. Въ немъ преподавались богословіе, философія, къ которымъ потомъ (около 1783 г.) присоединена была реторика, для обученія младшей братіи проповѣдническому искусству, бывшему дотолѣ въ

¹⁾ *Annales ordinis Praedicatorum. Romae, 1746; Caro, St. Dominique et les Dominicains. 1853; Danzas, Études sur les temps primitifs de l'ordre de s. Dominique. 1874—5, I—III; Douais, Essais sur l'organisation des études dans l'ordre des Frères prêcheurs au XIII-e et au XIV-e siècle. 1884; Archiv für Literatur-u. Kirchengeschichte d. Mittelalters. Hrag. v. Denifle u. Ehrle. 1885—1886; Rohrbacher, Hist. Univ. de l'église Catholique. XVII, 476—508; Montalambert, Les moines d'Occident. Paris, 1860, sq. 6 vol.; X. Sadok Barącz, Rydziejów zakonu kaznodziejskiego w Polsce. We Lwowie, 1861, I—II; Encyklopedia kościelna, wyd. x. Mich. Nowodworskiego. Warszawa, 1874, IV, 281—309.* Изъ монастырей доминиканъ обсервантовъ, бывшихъ въ королевствѣ, теперь остается только одинъ, краковскій; простыхъ же доминиканскихъ стоитъ еще вѣсколько.

пренебреженіи ¹⁾). Къ началу XIX вѣка удержалось изъ нихъ только догматическое и нравственное богословіе, сократилось и число ксендзовъ, которыхъ, вмѣстѣ и съ пріоромъ, было 10 ²⁾). Пріоръ часто выбирался изъ преподавателей ³⁾).

При монастырскомъ костелѣ, съ цѣлю улучшенія и поддержанія благолѣпія въ немъ, находилось свѣтское братство Рожанца, дѣлившееся на простыхъ братчиковъ и старѣйшихъ или старшинъ; звѣномъ, связывавшимъ его съ монастырскою братіей, былъ „промоторъ“ братства, выбиравшійся изъ ея ксендзовъ ⁴⁾).

Чтобы развиться въ первостепенную общину и прочно стать на пожалованномъ мѣстѣ, общество варшавскихъ доминиканъ обсервантовъ при Московской каллицѣ должно было приложить не мало стараній и вынести упорную борьбу, защищая и расширяя свои интересы.

Ихъ обществу Янъ-Казимиръ подарилъ (1668 г.) Московскую каплицу и землю съ тѣмъ, чтобы оно устроило изъ Каплицы храмъ; этотъ вновь учреждаемый домъ молитвы король наименовалъ домомъ Маріи Дѣвы Побѣдоносной. Зданіе Каплицы поселяшіеся обсерванты приспособили къ совершенію въ немъ церковной службы и посвятили по католическому обряду ⁵⁾). Юри-

¹⁾ Римскій Архивъ общаго управленія доминиканъ, Конгрегация Людовика Бертранда въ Польшѣ, отчеты о ревизіяхъ 1745, 1748, 1774, 1778, 1784 и др. годы. Ср. Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, № 10.

²⁾ Именно: 1 пріоръ, 1 экспровинціаль, 2 исповѣдника, 1 проповѣдникъ, 2 преподавателя, 1 экономъ и два студента; кромѣ нихъ, были 2 клирика-студента и 1 собратій-квесторъ (собиратель подацій въ пользу монастыря). Архивъ Варшавской римско-католической духовной консисторіи: Acta Dominicanów Obserwantów, I, 3—4: „Raport z warszawskiego klasztoru księży Dominikanów ściślejszego zachowania księdza R. Konieckiego, przeora, 21 maja 1800 г.“. Приложенія, кн. 1, № 22.

³⁾ Принадлежащій римскому двору генерала доминиканскаго ордена Catalogus patrum et fratrum sacri ordinis Praedicatorum in Polonia, Russia et magno ducatu Lithvaniae mortuorum conscriptus per fr. Sadosum Wağacz; также только-что указанные отчеты о ревизіяхъ провинціаловъ и рапортъ Конецкаго.

⁴⁾ Начало свое братство вело со времени основанія костела, т. е. съ 1668 г. Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи: Acta Consistorii Varsaviensis, 1711 г. I дек., XLII т., 400 л.: „Conventus pp. Dominicanorum congr. s. Ludovici Bertrandi contra rr. pp. Missionarios varsavienses“; Acta Dominicanów Obserwantów, I, 101 и др.

⁵⁾ Приложенія, кн. 1, № 10; Acta Consistorii Varsaviensis, 1673—1674 г., XXIV т., 346—347 л. (Приложенія, кн. 1, № 20).

дическое право на Каплицу и на мѣсто однако упорно оспаривалось у нихъ сосѣдными ксендзами миссіонерами, которые никакъ не желали допустить обоснованія здѣсь опасныхъ соперниковъ; лишившись возможности воспрепятствовать поселенію обсервантовъ, миссіонеры долго не переставали досаждать имъ и беспокоить ихъ.

Призванные изъ Франціи королевой Маріей Людвигой Гонзагой въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, миссіонеры ¹⁾ были сначала поселены въ небольшомъ домикѣ близъ костела св. Креста, превращеннаго предъ тѣмъ въ приходскій костелъ изъ прежней каплицы. Королева, вводя ихъ въ Польшу, имѣла въ виду, чтобы они, кромѣ учительства и исправленія требъ, занялись устройствомъ и управленіемъ епархіальныхъ семинарій. Съ этою цѣлью имъ отданъ былъ (1554 г.) костелъ и приходъ св. Креста, впоследствии сдѣлавшійся центральнымъ всѣхъ ихъ миссій въ Польшѣ, и глава общины, ксендзъ Вильгельмъ Десдамъ, приступилъ, на средства королевы и другихъ жертвователей, къ сооруженію дома, при которомъ должна была быть учреждена и семинарія. Быстрые успѣхи укрѣпляли въ нихъ увѣренность въ себѣ и надежды на расширеніе своего значенія, возбуждая, въ то же время, опасенія и зависть къ нимъ другихъ орденовъ. Со смертью королевы положеніе ихъ временно поколебалось. Въ эту пору, какъ мы уже видѣли, состоялась, несмотря на протестъ со стороны Десдама, передача доминиканамъ Московской каплицы. Даря обсервантамъ привилегію, Янъ-Казимиръ, въ отстраненіе нарушеній ея, указалъ, что она должна быть утверждена на генеральномъ сеймѣ и что ввести ихъ во владѣніе долженъ администраторъ мѣстной епархіи. Генеральный коронаціонный сеймъ, собравшійся было для утвержденія избранія новаго короля, Михаила Вишневецкаго, призналъ (4/14 октября 1669 г.) привилегію, которая потомъ была утверждена (1673 г.) и государственнымъ закономъ ²⁾. Тогда миссіонеры

¹⁾ Общія свѣдѣнія о нихъ въ указан. изд. Nowodwojskiego, XIV, 427—451; объ отношеніи же миссіонеровъ къ варшавскимъ доминиканамъ и объ ихъ притязаніяхъ на Московскую каплицу не было въ печати ничего извѣстно.

²⁾ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Корональная метрика, 219 кн., 394—395 л. (Приложенія, кн. 1, № 14).

направили свои усилія, чтобы обсервантамъ помѣшать, покрайней мѣрѣ, у власти духовной.

Преемникъ Десдама, Николай Дюперэ, считая своею обязанностію защищать интересы миссіонерскаго общества, прислалъ (4 ноябрю нов. ст. 1672 г.) въ Варшавскую консисторію, чрезъ своего уполномоченнаго, рѣзкій протестъ противъ стремленія доминиканъ укрѣпиться у Московской каплицы, какъ-де „находящейся на землѣ костела св. Креста и этому приходскому храму весьма вредной и приносящей большой матеріальный и духовный ущербъ“; онъ заявлялъ, что сего не должно быть никоимъ образомъ, иначе онъ не преминетъ вести судебную съ ними тяжбу, если они, какъ и обѣщали ¹⁾, не оставятъ этого мѣста; требовалъ дать протесту законный ходъ, документъ присоединить къ актамъ и сохранять во всей цѣлости, безъ какой-либо порчи.

Тяжба и здѣсь склонилась не въ пользу миссіонеровъ. Предвидя, очевидно, свою неудачу, они на эдиктальный зовъ суда тяжущимся не прислали своего довѣреннаго. Уполномоченнымъ же со стороны доминиканъ пришелъ въ назначенный судомъ срокъ (4 января нов. ст. 1674 г.) самъ „президентъ при часовнѣ Св. Маріи Побѣдоносной, обыкновенно называемой Московскою, конгрегациі св. Людовика Бертранда ордена проповѣдниковъ“, ксендзъ Доминикъ Лонскій. Представивъ дарственную привилегію Яна-Казимира отъ 3 іюля 1668 г., актъ Комиссіи по дѣлу отмежеванія земли, утвержденіе акта королемъ 10 іюля 1668 г. и признаніе привилегіи королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ на генеральномъ коронаціонномъ сеймѣ, онъ домогался и требовалъ, чтобы эти документы, какъ никому невредные и правильно составленные, были судомъ одобрены, утверждены и ратификованы во всѣхъ ихъ пунктахъ, частяхъ, прибавкахъ и условіяхъ; чтобы зданіе Московской часовни, названное королемъ въ честь Божіей Матери Побѣдоносной, перешло въ чисто монастырское, а наименованіе зданія „свѣтскій“ (saecularitatis) было упразднено; чтобы ввездъ конгрегациі во владѣніе мѣстомъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему, могъ быть произведенъ каждымъ любымъ

¹⁾ О такомъ „обѣщаніи“ обсервантовъ мы узнаемъ только отсюда.

для нея прелатомъ, за недвижимостью этою было признано право церковной неприкосновенности, т. е. право на льготы, какими пользуются церковныя учрежденія, и чтобы, наконецъ, опредѣленіе суда обо всемъ этомъ было письменно опубликовано. Судъ намѣренно продлилъ свое засѣданіе болѣе противъ обыкновеннаго часа, чтобы позваннымъ миссіонерамъ дать время явиться. Они не приходили и не присылали никакихъ претензій, и судъ, разсмотрѣвъ документы, представленные Лонскимъ, призналъ всѣ его просьбы и требованія подлежащими удовлетворенію, съ сохраненіемъ за приходскимъ костеломъ св. Креста его правъ и привилегій ¹⁾. Соответственно съ тѣмъ, Каплица вскорѣ получила чисто монастырскій характеръ и бывший при ней „президентъ“ („*praesidens ad Capellam S. Mariae Victoriosae*“, „*professus praesidens*“) сталъ именоваться „пріоромъ конвента“ ²⁾. Право собственности за обсервантами подтвердилъ затѣмъ король Янъ Собѣскій ³⁾.

¹⁾ Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи: *Acta Consistorii Varsaviensis*, 1672 г. 4 ноября н. ст., XXIII т., 414 л.: „*Protestantur Missionarii varsavienses contra Dominicanos Capellae Moschoviticae*“ (Приложенія, кн. 1, № 19); 1674 г. 8 янв., XXIV т., 346—348 л.: „*Decretum introductionis Praedicatorum congregationis v. Ludovici Bertrandi ad Capellam Moschoviticam in suburbio Varsaviensi sitam*“ (Приложенія, кн. 1, № 20). — Эти и дальнѣйшіе однородные документы пересмотрѣны нами съ регенсомъ консисторіи кс.-каноникомъ Л. М. Поневчинскимъ, близко освоившимся съ старыми бумагами ея Архива и формами современнаго имъ церковнаго судопроизводства.

²⁾ Тамъ же, 1672 г., XXIII т., 337—338 л.; 1673—1674 г., XXIV т., 346 л., 1680 г., XXVII т., 200 л., и др.

³⁾ „*Approbacya oo. Dominicanom w Warszawie. Świątobliwą fundacyą najjaśnieyszycy panow, Kazimierza y Michała, królów polskich, oyców Dominikanów strictioris observantiae w Warszawie na Krakowskim Przedmieściu, przy Kaplicy Moskiewskiej, przywilejami utwierdzoną, cum iisdem privilegiis, autoritate praesentis Conventus, in toto approbuiemy*“. *Prawa konstytucye y przywileie królestwa Polskiego*. Warszawa, 1738, V, 369. — Этими немногими строками и ограничивались въ печати (Gołębowski, *Opisanie Warszawy*. W Warszawie, 1827, 102; *Pamiętnik religijno-moralny*. W Warszawie, 1841, I, 242; X. Sadok Barącz, *Rys dziejów zakonu kaznodziejskiego w Polsce*. We Lwowie, 1861, II, 337) всѣ документальныя свѣдѣнія о правахъ доминиканъ обсервантовъ на Московскую каплицу и относящуюся къ ней землю: ни одна изъ королевскихъ привилегій и грамотъ (ни Яна Казимира, ни другихъ) не была извѣстна, до приведенія ихъ нами въ монографіи „Исторія Московской каплицы въ Варшавѣ“ (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1895 г., кн. VIII—IX). При этомъ, данное подтвержденіе собственности Собѣскимъ въ Прагѣ. *Konstyt.* отнесено къ 1676 году; но, по указанію въ грамотѣ кор. Августа II (Приложенія, кн. 1, стр. 51), оно случилось 10 июля н. ст. 1678 года. Ср. выше, 172 стр.

Отстоявъ за собою право на Каплицу, доминикане вынуждались на борьбу за свободное и безпрепятственное отправление ими нѣкоторыхъ публичныхъ церковныхъ обрядовъ. Ихъ торжественнымъ крестнымъ ходамъ въ недѣлю празднованія Тѣла Господня мѣшали миссіонеры, какъ кажется, препятствовавшіе сооружать надобные для процессій олтари. Заставить миссіонеровъ прекратить ихъ своеволю обсерванты старались чрезъ познанскаго епископа. Въ своихъ домогательствахъ они опирались на папскія буллы и привилегіи, дарованныя ихъ ордену. Опровергая ихъ ссылки, миссіонеры защищались общими предписаніями относительно церковныхъ процессій. Тяжбу судья-епископъ рѣшилъ (1678 г.) въ пользу доминиканъ, на основаніи фактовъ, папскихъ привилегій и постановленія Тридентскаго собора, предвидѣвшаго подобнаго рода случаи. Судья считалъ свой приговоръ не подлежащимъ апелляціи ¹⁾, чѣмъ миссіонеры не удовлетворились и, предупредивъ, что будутъ апеллировать, кому слѣдуетъ по закону, свой протестъ противъ устраиваемыхъ обсервантами церковнымъ процессій перенесли въ нунціатуру. Тотчасъ за первымъ извѣстіемъ объ этомъ, пріоръ доминиканъ ксендзъ Гіацынтъ (Яцекъ) Малиновскій явился (1682 г.) въ консисторію съ своимъ „репротестомъ“, опиравшимся на папскія привилегіи и опредѣленія, на рѣшеніи епархіальнаго суда и на мирномъ, никѣмъ-де не оспариваемомъ, совершеніи такихъ процессій; пріоръ выговаривалъ сохраненіе за собою всѣхъ юридическихъ послѣдствій и въ частности права внесенія своего протеста въ дѣла нунціатуры. Ни тяжба, ни печальные случаи столкновеній не прекращались. Тогда конгрегаціе епископовъ и монашескихъ орденовъ (опредѣленіе отъ 3 марта н. ст. 1712 г.) Вареломей Тарло, познанскій епископъ, прежде препозитъ костела св. Креста, былъ командированъ окончательно рѣшить споръ о процессіяхъ, „ничего не вводя новаго“, т. е. придерживаясь общихъ издавна существовавшихъ законоположеній, и тѣмъ прекратить соблазны („scandala“). Декретомъ (7 апр. н. ст.

¹⁾ Судьею былъ не официалъ, а самъ познанскій епископъ Стефанъ Вержбовскій; дѣло рассматривалось имъ въ принадлежавшей ему Горѣ-Кальваріи (нынѣ мѣстечко верстахъ въ 35 отъ Варшавы), гдѣ онъ временно проживалъ.

1714 г.) епископа доминиканамъ дозволялось во вторникъ или въ другой день недѣли Божьяго Тѣла совершать публичную процессію по улицамъ Александрія и Новый Свѣтъ, причемъ по направленію къ костелу св. Креста доходить только до креста, стоящаго противъ этого костела; всѣ дальнѣйшіе споры строго воспрещались, такъ что тяжущіеся не должны были по этому предмету беспокоить болѣе судъ. Постановленіе было принято спорящими сторонами, и однако, послѣ перваго же праздника Божьяго Тѣла, миссіонеры жаловались (11 іюня 1714 г.) на доминиканъ, что эти, несмотря на декретъ епископа, означившій предѣлы для ихъ церковныхъ процессій, крестный ходъ торжественно совершаютъ и по другимъ мѣстамъ. Епархіальная власть снова разбирала и улаживала дѣло, и опять малоуспѣшно, пока, чрезъ много лѣтъ, изъ Рима не получилось обсервантами авторитетное разъясненіе.

Обширное, съ многочисленными ссылками на законы и на практику римской куріи, разъясненіе это было дано (17 февр. н. ст. 1736 г.) конгрегаціей Роты ¹⁾, въ томъ смыслѣ, что, въ виду затрудненій торжественно совершать процессію въ недѣлю Божьяго Тѣла по вторникамъ, отправление ея дозволялось имъ въ Воскресенье этой недѣли и по тѣмъ улицамъ и дорогамъ, какія они выберутъ себѣ сами, а за настоятелемъ приходскаго костела св. Креста оставалось право устраивать ее въ тотъ же Воскресный день и отъ него зависѣлъ выборъ часовъ, такъ что если онъ назначить для нея утренніе часы, до полдня, то доминикане устраиваютъ свой крестный ходъ послѣ обѣда, и наоборотъ, только такой выборъ часовъ онъ долженъ сдѣлать разъ навсегда. Представители доминиканъ требовали внесенія этого разъясненія въ дѣла консисторіи. Требованіе было удовлетворено, причемъ тутъ же съ обѣихъ тяжущихся сторонъ взято было (15/26 мая 1736 г.) письменное обязательство впредь неизмѣнно соблюдать такой порядокъ: миссіонеры оставляютъ за собой ранніе часы, до полудня, доминикане довольствуются временемъ послѣ полудня ²⁾.

¹⁾ Она состоитъ изъ 12 аудиторовъ и занимается разъясненіемъ сложныхъ вопросовъ изъ области церковнаго права.

²⁾ Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи: Acta Consist. Varsaviensis, 19 сент. н. ст. 1678 г., XXVI т., 614 л.: „Fr. Dominicani congregationis a Lubo-

Подобные споры у доминиканъ обсервантовъ были не съ одними миссіонерами. Недовольные тѣмъ, что на крестныхъ ходахъ, въ которыхъ участвовали разные ордена, бернардины оснашивали у нихъ „прецеденцію” (т. е. право шествія ближе къ священнику, служившему молебень), доминикане обратились (1703 г.) въ консисторію съ жалобою на нихъ. Бернардины доказывали, что обсерванты, какъ изъ монашествующихъ самыя новые въ Варшавѣ, не должны претендовать на первенство, которое они могутъ имѣть развѣ въ однихъ процессіяхъ торжественныхъ (а не въ частныхъ, особенно же не при похоронахъ), но и то подѣ условіемъ, чтобы они ходили подѣ однимъ крестомъ съ доминиканами ¹⁾, прежде ихъ основавшимися въ Варшавѣ на ул. Фрета ²⁾.

Кромѣ собственныхъ церковныхъ интересовъ, обсерванты усиленно защищали и бывшее при нихъ братство св. Рожанца, при первоначальномъ устройствѣ котораго не были, повидимому, выполнены всѣ требовавшіяся въ такихъ случаяхъ фор-

vici Bertrandi ad Capellam B. M. V. Victoriosae Varsaviensem contra pp. Missionarios ad ecclesiam s. Crucis ratione processionum publicarum”; 27 іюня 1682 г., XXVIII т., 287: „Reprotestantur pp. Dominicani ad Capellam Moschoviticam in suburbio Varsaviensi residentes contra pp. Missionarios ad s. Crucem manentes occasione processionum publicarum”; 27 апрѣля 1714 г., XLIV т., 293 л.: „Ingrossatio decreti in causa praecedentiae confraternitatis s. Rochi et s. Rosarii et ratione processionis intra octavam Corporis Christi peragi solitae”; 22 іюня 1714 г., XLIV т., 336 л.: „Domus congregationis Missionis ad eccl. s. Crucis Varsaviae contra conventum ord. Praedicatorum ad Capellam Moschoviticam”; 11 іюля 1714 г., XLIV т., 360 л.; 26 мая н. ст. 1736 г., LXI т.: „Ingrossatio decisionis s. Rothae in causa inter adm. rdoz patres domus Missionis Varsavien., tum rdoz patres ord. Praedicatorum s. Ludovici Bertrandi factae”; того же числа; „Electio temporis processionis obsequiae per. adm. гг. pp. domus Missionis tum гг. pp. ord. Praed.”—Расписались: со стороны миссіонеровъ ихъ представители въ судѣ ассистентъ мисс. дома Гавріилъ Петръ Бодуень (Baudouin) и настоятель костела св. Креста Язъ Мальчевичъ, со стороны доминиканъ лекторъ богословія и пріоръ монастыря Гіацинтъ Грембергъ и лекторъ богословія и преподаватель философіи Францъ Барыльскій.

¹⁾ Въ церковныхъ процессіяхъ ордена братства ходили каждый съ своимъ крестомъ.

²⁾ Тамъ же, 1703 г., XXXIX т., 478 л.: „Praecedentiae inter pp. Bernardinos et Praedicatores s. Bertrandi congregationis varsaviensis”; 480 л.: „Praecedentiae inter Religiosos Bernardinos et Praedicatores varsavienses conventus s. Ludovici Bertrandi”.—Доминиканскій монастырь на ул. Фрета просуществовалъ до 1864 года; его костель, при которомъ теперь два ксендза, стоитъ до сихъ поръ. Съ отношеніями этого монастыря къ монастырю доминиканъ обсервантовъ мы встрѣтимся потомъ не одинъ разъ.

мальности, чѣмъ не преминули воспользоваться миссіонеры костела св. Креста.

Предлогомъ къ поднятію процесса противъ законности существованія Рожанцоваго братства послужилъ миссіонерамъ искъ (1707 года) братствомъ денежнаго долга съ одного варшавскаго мѣщанина, который не платилъ братству процентовъ съ занятыхъ имъ 200 злотыхъ. Оправдываясь въ своей неисправности бѣдствіями, постигшими предъ тѣмъ край, должникъ просилъ объ отсрочкѣ уплаты. Въ споръ вмѣшались миссіонеры и, показывая видъ, будто хлопчуть за кліента, указали суду, что братство Рожанца нельзя признавать существующимъ законно, потому что оно не было канонически введено въ доминиканскій костелъ и утверждено мѣстнымъ епископомъ. Промоторъ братства, доминиканинъ ксендзъ Людвигъ Нивинскій, отъ имени своего братства и всего доминиканскаго ордена, внесъ энергическій протестъ „противъ—какъ онъ выразился—такой несправедливости и кривды” и потребовалъ, чтобы противники были наказаны. Тѣмъ не менѣе, повѣренный миссіонеровъ, поддерживаемый прокуроромъ суда, продолжалъ обвинять братство, какъ существующее незаконно и безъ основаній. На содѣйствіе къ промотору присоединился лекторъ богословія Александръ Масевичъ, и оба они, ссылаясь на папскія буллы и постановленія, стали отвергать у трибунала право разсматривать ихъ дѣло, какъ не подлежащее ему, въ чемъ и успѣли: судъ освободилъ ихъ отъ подсудности. Несмотря на то, повѣренный миссіонеровъ настаивалъ, чтобы они были непременно привлечены къ суду и представили бы ему доказательства на законное учрежденіе у нихъ Рожанцоваго братства, оговаривая ихъ еще при этомъ въ клеветѣ, будто бы миссіонеры намѣренно препятствуютъ уплатѣ имъ процентовъ. Нивинскій и Масевичъ хотя и объясняли такой искъ злобою миссіонеровъ на доминиканъ и, продолжая доказывать, что доминикане, какъ орденъ, неподсудны епископской власти, даже грозили, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ, апеллировать къ папѣ, судъ склонился теперь къ требованію ихъ противниковъ и назначилъ обсервантамъ срокъ для представленія ими достовѣрныхъ документовъ о законности учрежденія братства. Доминикане апеллировали въ Римъ.

Являясь въ судъ въ назначаемые затѣмъ сроки, уполномоченные доминиканъ добивались, чтобы миссіонеры были обязаны не беспокоить болѣе ни доминиканъ, ни братство и выслать судебныя издержки, жаловались на тягостное и незаконное обращеніе съ ними миссіонерской общины, ссылались на свою апелляцію къ папѣ и проч. Повѣренный же миссіонеровъ и прокуроръ просили не обращать никакого вниманія на такія слова доминиканъ, пока не будетъ выполнено ими опредѣленіе суда относительно представленія доказательствъ въ законности братства; а такъ какъ доминикане не исполняютъ приказа и суду не повинуются, и лишь отдѣляются одними голословными протестами, то миссіонеры просили признать братство, какъ уличенное въ узурпаціи, несуществующимъ, съ воспрещеніемъ ему собираться на засѣданія, избирать себѣ старшинъ, участвовать въ торжественныхъ ходахъ и т. п. Тяжба тянулась и при слѣдующемъ промоторѣ братства, доминиканинѣ Симонѣ Дембицкомъ, который предложеніе къ миссіонерамъ оставить братство въ покоѣ обосновывалъ (1711 г.) принесенной имъ въ судъ книгой, гдѣ значились имена братьевъ и сестеръ, записанныя со времени учрежденія доминиканскаго монастыря, и въ числѣ именъ этихъ членовъ братства были имена нѣкоторыхъ миссіонеровъ; такое положеніе братства, по словамъ промотора, никто — ни миссіонеры, ни мѣстная епархіальная власть — не оспаривалъ, тѣмъ болѣе нельзя оспаривать его теперь, когда дѣло уже разсматривается въ Римѣ конгрегаціей епископовъ и монаховъ. При такомъ осложненіи въ тяжбѣ, миссіонерамъ ничего не оставалось гутъ дѣлать, какъ выхлопотать у суда освободить ихъ отъ обязанности явки къ нему ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, XLI т.: *Protocollon actorum Consistorii Varsaviensis, 1707 г.* 24 окт. в. ст.: „*Confraternitas s. Rosarii in ecclia pp. Praedicatorum ad Capellam Moschoviticam contra Dembski et Macielaszkievicz*“; 26-го октября: „*Protestatur promotor Rosarii ad Capellam Moschoviticam contra r. Benik*“; 4-го ноября: „*Inhibitionis ex parte praepositi s. Crucis contra seniores confraternitatis s. Rosarii ad Capellam Moschoviticam*“; „*Conventus Praedicatorum ad Capellam Moschoviticam cum praeposito et tota domo congregationis Missionis Varsaviae*“; 14 ноября: „*Missionarii varsavienses contra confraternitatem s. Rosarii Dominicanorum ad Capellam Moschoviticam*“; 16 ноября: „*Patres Dominicani ad Capellam Moschoviticam contra*

Досаждать доминиканамъ и ихъ братству они продолжали инымъ путемъ. При ихъ костелѣ св. Креста находилось братство св. Роха, которому они старались придать преимущество предъ братствомъ Рожанца. Обсерванты не уступали. Познанскій епископъ Тарло, своимъ декретомъ (1714 г.) объ „окончательномъ“ рѣшеніи спора между доминиканами и миссіонерами о крестныхъ ходахъ, вершилъ споръ и между братствами. На томъ основаніи, что братство Роха учредилось ранѣе и состоитъ при костелѣ приходскомъ, епископъ призналъ за нимъ первенство надъ Рожанцовымъ братствомъ во всѣхъ публичныхъ дѣлахъ и процессіяхъ¹).

Съ неослабѣвающею настойчивостью обсерванты хлопотали за свои церковныя права потому, что того требовали ихъ матеріальные интересы, которые они расширяли и отстаивали съ особеннымъ стараніемъ, увеличивая тѣмъ свою движимую и недвижимую собственность и, въ частности, свои поземельныя владѣнія.

Площадь, полученная доминиканами отъ Яна-Казимира, должна была представлять, какъ мы уже знаемъ, продолговатый четырехугольникъ, во 100 локтей длины и 40 локтей ширины²). Значительно суженная въ передней своей части, она была открыта со всѣхъ четырехъ сторонъ, выходила на четыре городскія улицы: переднюю своею стороною — на Краковское Предмѣстье, боковую — на улицу Новый Свѣтъ, ведущую отъ Предмѣстья къ Уяздову, другою боковой — на улицу, тянувшуюся отъ Предмѣстья къ Вислѣ и, какъ кажется, лишь нѣсколько позднѣе получившую названіе Александрии; позади прилегала „маленькая

praepositum s. Crucis“; 2 декабря: „Praeptus (sic) s. Crucis contra assertam confraternitatem s. Rosarii ad Capellam Moechoviticam“. Acta Consistor. Varsaviensis, XLII т., 490 л., 1711 г. 1 дек.: „Conventus pp. Dominicanorum congr. s. Ludovici Bertrandi contra rr. pp. Missionarios varsavienses“.

¹) Тамъ же, Acta Consist. Varsaviensis, 27 апр. 1714 г., XLIV т., 293 л.: „Ingressatio decreti in causa praecedentiae confraternitatis s. Rochi et s. Rosarii et ratione processions intra octavam Corporis Christi peragi solitae“.

²) Локоть тогдашней мѣры варшавскій (королевскій) = 13,4 вершковъ, = 0,28 русск. сажени, 100 локтей = 28 сажень; локоть новопольскій = 12,95 вершковъ, = 0,27 саж., 100 локтей нынѣшнихъ = 27 сажень. Ср. варшавскія городскія описи въ Приложеніяхъ, кн. 1, №№ 16—17.

уличка⁴, собственно узкій проулокъ, со временемъ означившійся въ 12 локтей ширины и 60 локтей длины и служившій для проѣзда съ Новаго Свѣта на Александрію. Пока Каплица стояла одна, мѣста было довольно; но когда на немъ возникъ костель и выстроился монастырь, доминиканамъ оно показалось малымъ и недостаточнымъ. Сначала они поприхватили себѣ, повидимому, земли предъ монастырскими окнами и зданіями, отъ улицъ Новаго Свѣта и Александріи, почему задняя часть площади, прилежавшая къ проулку, порасширилась. Вскорѣ имъ посчастливилось въ полученіи и пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ участковъ и домовъ, находившихся по другую сторону проулка, который, отдѣляя теперь ихъ прежнія владѣнія отъ новыхъ, сталъ мѣшать имъ. На его закрытіе для публики и присоединеніе къ ихъ монастырской землѣ они и направили свои усилія.

Они нашли, что проѣздъ съ Новаго Свѣта на Александрію вполне удобенъ впереди костела, чрезъ Предмѣстье, и что проулокъ совершенно поэтому лишній и ненадобенъ для общественнаго пользованія, но крайне необходимъ „для ихъ удобства и молитвеннаго спокойствія“, „для соблюденія ими силы строгаго устава“, что онъ, открывая постороннему глазу монастырскую ограду, вреденъ для „безопасности монастыря и приличія“, что сами они вынуждены по этой уличкѣ ходить на виду народа за водой къ колодцу, въ конюшню и въ садъ, лежащія внѣ монастыря и за уличкой. Предъ посторонними онъ объясняли, будто она осталась изъ земли, подаренной имъ вмѣстѣ съ Каплицей. Подъ такими и т. п. предлогами, они загородили (1683 г.) воротами проулокъ со стороны улицы Александрія (или „отъ Вислы“), а лѣтъ чрезъ 14 заградили (въ апрѣлѣ 1697 г.) его и со стороны Новаго Свѣта (или къ дорогѣ, ведшей къ Уяздову), поставивъ тутъ деревянный заборъ и ворота. Чтобы уличку лучше закрѣпить за монастыремъ въ качествѣ его полной собственности, ихъ пріоръ Лука Одосальскій, чрезъ покровительствовавшихъ ему лицъ, приближенныхъ къ королю Августу II, выпросилъ королевскую грамоту (18 / 28 іюня 1698 года)¹⁾ на пріоб-

¹⁾ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Коронная метрика, 219 кн., 394—396 л.: „Privilegium religiosorum ordinis Praedicatorum

щеніе къ монастырской землѣ этой улочки, въ качествѣ дара, вытекавшаго изъ прежнихъ королевскихъ привилегій, обезпечивавшихъ за конвентомъ спокойное и благополучное существованіе на пожалованномъ ему мѣстѣ.

Все уладилось бы безъ препятствій, еслибы не соперники доминикантъ, ксендзы миссіонеры костела св. Креста. По другую сторону проулка на Новомъ Свѣтѣ стоялъ ихъ домъ ¹⁾, приносившій имъ доходъ, и они противъ притязаній доминиканскаго монастыря на проулокъ, хотя и никѣмъ не оспариваемыхъ, возбудили искъ. Добиваясь уничтоженія ограды и открытія загороженной улочки и выдавая свое дѣло пользующимся общимъ сочувствіемъ, они перенесли его въ судъ римской нунціатуры въ королевствѣ. Несмотря на только-что состоявшуюся королевскую привилегію, нунціатура рѣшила (16 іюля н. ст.) искъ въ пользу миссіонеровъ.

Въ ихъ приговорѣ, кромѣ теоретическихъ разсужденій и ссылокъ на общія узаконенія, приводится большой рядъ историческихъ справокъ и практическихъ указаній. Именно. Въ царствованіе Сигизмунда III произошла громадная битва между поляками и русскими, въ которой русскіе испытали тяжелое пораженіе. Вожди ихъ были взяты въ плѣнъ, и когда эти поумирали въ неволѣ, тотъ же король озаботился о сооруженіи Каплицы, здѣсь, въ Варшавѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, не столько для сохраненія ихъ праховъ, сколько въ память такого славнаго событія. Спустя нѣкоторое время, сынъ Сигизмунда Янъ-Казимиръ въ 1668 году подарилъ доминиканамъ Московскую каплицу съ частью прилегающей пустопорожной земли, для постройки костела и монастыря. Послѣ постройки образовалось свободное мѣсто для

strictioris observantiae super fanum Moschoviticum Varsaviae situatum" (Приложенія, кн. 1, № 14).

¹⁾ Домъ этотъ былъ пожертвованъ нѣкимъ Яковомъ Попроцкимъ костелу св. Креста въ 1626 году и потомъ, вмѣстѣ съ другимъ недвижимымъ имуществомъ костела, поступилъ во владѣніе миссіонеровъ. На подаренномъ участкѣ миссіонеры имѣли впоследствии два дома, занесенные въ ипотеку подъ №№ 1318 и 1319 (Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Попрусскія дѣла, ипотечныя книги Варшавы, №№ недвижимости 1318 и 1319), по которымъ недвижимость можно опредѣлить до сихъ поръ, хотя и принадлежитъ она, какъ увидимъ, уже различнымъ владѣльцамъ. Приложенія, кн. 1, стр. 57—59.

дороги, между монастыремъ и сосѣдними домами, и живущіе въ этихъ домахъ имѣли по ней свободный путь къ Вислѣ и къ дорогѣ къ Уяздовскому дворцу для лошадей и повозокъ, теперь же прекращенъ свободный доступъ къ ихъ домамъ; уличкой, бывшей въ 12 локтей ширины, для прохода и проѣзда пользовались всѣ. Доминикане загородили ее сначала съ одного конца, затѣмъ съ другаго, воспользовавшись ночной темнотой, т. е. тайно, скрито („*clausulum*“). Уличка, начинавшаяся и оканчивавшаяся на мѣстахъ общественныхъ, была публичной, и никому частному не дозволяется дѣйствовать въ ущербъ третьихъ лицъ. Неправильно оправдываются доминикане, что они имѣютъ право занять уличку, такъ какъ-де, получивъ по королевской привилегіи мѣсто въ 100 локтей длины и 40 ширины, не воспользовались при стройкѣ всѣмъ пространствомъ: что они не заняли всей подаренной земли, этого они не доказали, да и по истеченіи 30 лѣтъ и 30 мѣсяцевъ наступила давность; къ тому же, права сосѣдей ясно оговорены въ протоколѣ королевской Комиссіи объ отводѣ земли, и для вѣрнаго производства дѣла командированъ былъ опытный землеѣръ. Неправы доминикане и въ своей ссылкѣ на неприличіе и на небезопасность для ихъ монастыря: въ такомъ случаѣ всѣ монастыри, стоящіе при улицахъ и дорогахъ, должны добиваться закрытія этихъ, что повело бы ко всякимъ абсурднымъ послѣдствіямъ; пусть доминикане поставятъ въ монастырскихъ окнахъ рѣшетки. Не уважительны возраженія доминиканъ, что, открывая дорогу, заставятъ ихъ ходить въ садъ, конюшню и къ колодцу чрезъ нее и выставятъ себя на видъ свѣтскимъ лицамъ: извѣстно, что садъ пріобрѣтенъ ими только впоследствии, отъ наслѣдниковъ италянца Филиппони; какъ ранѣе проходили они по уличкѣ, такъ пусть ходятъ и впредь. Напрасно предлагаютъ доминикане, чтобы миссіонеры для своихъ домовъ выстроили ворота съ улицы Новаго Свѣта: миссіонеровъ принуждать къ этому нельзя, они попрежнему имѣютъ право пользоваться въѣздомъ чрезъ уличку; и миссіонеры послѣ перваго же загражденія ее со стороны Вислы внесли (22 мая н. ст. 1683 г.) въ консисторію протестъ противъ этого. Даже еслибъ уличка считалась никому не принадлежав-

шей, простой фактъ занятія не можетъ оправдывать взятіе ея, какъ мѣста, доступнаго всѣмъ. Судь постановлялъ, чтобы дорога, самовольно занятая доминиканами, была ими въ теченіе 30 дней открыта, очищена и приведена въ такое состояніе, въ какомъ находилась она до ея захвата и загражденія, и для сего выдалъ экзекуціонный листъ объ устраненіи забора и воротъ ¹⁾.

Такое рѣшеніе очень не понравилось свѣтской власти. Поддерживаемый совѣтомъ приближенныхъ къ себѣ и вліятельныхъ лицъ и сенаторовъ, Августъ II, въ предупрежденіе выполненія опредѣленія нунціатуры и въ отстраненіе осариваній съ чьей-либо стороны, издалъ новую грамоту (19/29 авг. 1698 г.), которою со всею настойчивостью обѣщалъ за себя и за своихъ преемниковъ вѣчное и неизмѣнное сохраненіе за доминиканами обсервантами дара, съ возложеніемъ на монастырь лишь обязанности, что за такую королевскую милость конвентъ будетъ еженедѣльно совершать всегда по одной обѣднѣ за дарителя и его преемниковъ и за счастливые успѣхи царства.

„Мы—говорилось въ грамотѣ—по королевскому нашему праву, какое принадлежитъ намъ на означенный участокъ, по нашей благосклонности къ иночествующимъ и по своей королевской щедрости, для устраненія всякихъ споровъ и прекращенія излишнихъ препирательствъ и для воспрепятствованія исполненію приговора или постановленія апостолической нунціатуры, посовѣтовавшись (въ этомъ дѣлѣ) съ нашими вельможами и сенаторами, признали за благо, несмотря на неоконченную еще вышеупомянутую тяжбу, снова присоединить (къ обители), дать (ей), подарить и пожаловать означенный проходъ или переулокъ. Движимые поэтому не только ревностію къ распространенію вѣры и усиленію благочестія, но и правотою самого дѣла, мы, принадлежащимъ намъ правомъ и нашею королевскою властью, положили присоединить, отдать, подарить и пожаловать (обители) вышеназванный проходъ или переулокъ, шириною въ 12, длиною въ 60 локтей, и это настоящею нашею грамотою, по нашему праву и королевской власти, прекращая всякіе споры, присоединяемъ, даемъ, даримъ и жалуемъ (ее) навсегда и во вѣки.

Въ силу такового нашего королевскаго дара, милостиво пожа-

¹⁾ Приложенія, кн. 2, № 26: *Decretum nuntiaturae...* 1698 iulii 18 (изъ бывшаго Архива Варшавскаго общества любителей наукъ).

лованнаго вышеназванной обители, вышепоименованный пріоръ ордена проповѣдниковъ (от. Лука Оцосальскій) вмѣстѣ съ своею братіею, нисколько не стѣсняясь вышеупомянутою тяжбою, будутъ обладать и владѣть сказаннымъ проходомъ или переулкомъ, нами пожалованнымъ и посредствомъ ввода во владѣніе перешедшимъ въ ихъ собственность ради удобства и потребности ихъ монастырской жизни, и этимъ самымъ мѣстомъ они будутъ всегда и во вѣки пользоваться и извлекать (изъ него) выгоды, безъ прекословія и помѣхи со стороны какой бы то ни было, ни свѣтской, ни духовной, юрисдикціи, такъ и отъ другихъ всякаго званія и состоянія лицъ. Обѣщаемъ же за себя и за своихъ пресвѣтлѣйшихъ преемниковъ, что отъ пользованія и мирнаго владѣнія симъ проходомъ или переулкомъ, ни мы, ни наши пресвѣтлѣйшіе преемники не будемъ (ихъ) удалять или отстранять и никому не будемъ давать уполномоченія на удаленіе или отстраненіе (ихъ), а сохранимъ именно за ними полное и ненарушимое право на постоянный и неотмѣняемый даръ, къ чему и пресвѣтлѣйшіе преемники наши будутъ обязаны. За сей даръ и нашу королевскую милость означенная обитель да совершаетъ всегда и во вѣки каждую седмицу по одной обѣднѣ за насъ и за пресвѣтлѣйшихъ преемниковъ нашихъ, а также и о наилучшемъ преуспѣяніи нашего королевства¹⁾.

И вторичная грамота Августа II, несмотря на всю ея категоричность, не рѣшила дѣла: извѣстна слабость королевской власти въ Польшѣ того и послѣдующаго времени. Миссіонеры не прекращали своего иска, и духовная власть продолжала поддерживать ихъ. Декретомъ (5 янв. н. ст. 1700 г.) познанскаго епископа наказывалось доминиканамъ подъ угрозой экскоммуники не захватывать и миссіонерамъ не причинять никакого вреда. Миссіонеровъ поддерживали и въ Римѣ, но и совѣтовали имъ сдержанность. Это проложило путь къ возможному соглашенію между спорящими. Они согласились, что уличка останется за доминиканами, которые обязывались содержать ее въ порядкѣ, дозволить миссіонерамъ выбить на нее окно въ ихъ сосѣднемъ съ нею домѣ и т. п., и варшавская нунціатура утвердила (9 іюля

¹⁾ Коронная метрика, 219 книга, 405—406 л.: „Privilegium applicationis vici seu tramitis conventui ordinis Praedicatorum strictioris observantiae ad Cappellam Moschoviticeam varsaviensem, состоявшаяся 19/29 авг. и внесенная въ Корон. метрику 1/11 сент. 1698 года (Приложенія, кн. 1, № 15),

и. ст.) бы ихъ условія, гдѣ выражалось, что и миссіонеры пользуются ею и будутъ безиренятственно продолжать стройку рядомъ съ ней своего дома, въ два этажа. Конечно, такія условія были обсервантамъ неудобны, и король написалъ (1/12 іюля 1700 г.) великому коронному маршалу графу Любомирскому, чтобы этотъ, „какъ хозяинъ всего государства“ („iako gospodarz caley Rzpteу“), со принадлежащимъ ему авторитетомъ удовлетворилъ доминиканъ, чтобы просимая ими улочка была загорожена и тѣмъ воля его и прежнихъ королей была выполнена.

Это, какъ и прежде, легче было сдѣлать со стороны Александріи, послѣ чего земельные участки доминиканъ, смежныя и ближайшіе съ проулкомъ, пообъединялись въ сплошное по-земельное монастырское владѣніе, а изъ-за воротъ и проѣзда съ Новаго Свѣта не разъ поднимались споры и позднѣе ¹⁾.

Изъ недвижимостей, находившихся за проулкомъ, доминикане завладѣли, прежде всего, тѣми, которыя облежали миссіонерскій домъ, стоявшій на Новомъ Свѣтѣ; потомъ старались было получить большое владѣніе по Александріи, гдѣ однако имъ пришлось удовольствоваться незначительною долей и наложеніемъ чинша.

Какъ проулокъ, бывшій за монастыремъ обсервантовъ и доставшійся имъ, выходилъ своими концами, съ одной стороны, на Новый Свѣтъ (или, какъ тогда говорили, на дорогу отъ города къ Уяздову), а съ другой, на Александрію (или дорогу отъ города и предмѣстья къ Вислѣ), такъ и недвижимости, бывшія за нимъ, своими фасадами тянулись одни — по Новому Свѣту, другія — по Александріи, за исключеніемъ участка королевскаго конюшаго, итальянца Филиппони. Этотъ участокъ, между данными недвижимостями, передней своей стороной былъ обращенъ на поперечную улочку. Доминиканамъ онъ казался особенно удобнымъ для ихъ хозяйственныхъ надобностей, и они очень

¹⁾ Документы изъ Архива Варшавскаго Общества любителей наукъ, въ Архивѣ при Канцеляріи варшавскаго ген.-губернатора, дѣло по описи № 23, лл. 2, 18, 33—34, 58, 65 и др., извлеченіе въ Приложеніяхъ, кн. 2, №№ 30—31. Положеніе улочки — Приложенія, кн. 2, планы №№ 14—17. Объ этихъ и другихъ планахъ будетъ постепенно сообщаться ниже.

скоро приобрѣтають (1683 г.) его отъ наслѣдницъ конюшаго ¹⁾. Часть улички или проулка очутилась среди поземельныхъ владѣній доминиканъ: одного, главнаго, подареннаго Яномъ Казимиромъ, и другаго, меньшаго, приобрѣтеннаго отъ Филиппони, что повело къ тому, что доминикане, для уничтоженія череполосицы, стали загораживать проулокъ. На землѣ Филиппони и за ней у доминиканъ явились огороды, конюшни. Обсерванты двигались далѣе. По другую сторону миссіонерскаго дома стоялъ на Новомъ Свѣтѣ небольшой „домикъ“, который уже по описи 1685 года значился, какъ принадлежавшій доминиканамъ. Въ XVIII вѣкѣ тутъ находилось нѣсколько „доминиканскихъ домиковъ“, по фасаду на Новомъ Свѣтѣ занимавшихъ около 36 локтей ²⁾. Такимъ образомъ, миссіонерскій домъ на Новомъ Свѣтѣ доминикане окружили своими владѣніями съ трехъ сторонъ; пытались приобрѣсть и его, только миссіонеры не уступали.

Недвижимостью за проулкомъ, лежавшею фасадомъ по улицѣ Александрія, въ концѣ XVII вѣка владѣли Служки, и по нимъ въ исторической литературѣ она наиболѣе извѣстна и до сихъ поръ („pałac Służków“), но они были владѣльцами временными и лишь на правахъ эмфитевзіи (долгосрочной аренды).

Документальное изученіе ея исторіи требуется теперь особенно тщательное и подробное, и не столько по дѣйствительному значенію ея въ жизни доминиканъ (оно было довольно скромное), сколько изъ-за поземельныхъ споровъ, возникавшихъ потомъ и выяснявшихъ границы доминиканской земельной собственности, главнымъ же образомъ въ виду мнѣнія, упорно держащагося въ современной русской и польской литературѣ. Утверждаютъ, что существуетъ подлинная усыпальница Шуйскихъ, бывшая Московская каплица; указываютъ и самое зданіе... Но указываемое

¹⁾ Въ томъ же архивномъ дѣлѣ, л. 3; Приложенія, кн. 2, планы №№ 14, 17.

²⁾ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варш. Суд. палатѣ, Люстраціонныя книги, № В.3: „Rewizya u pomiarzenie na pręty ulic warszawzkich do brukowania, an. 1685“ (Приложенія, кн. 1, № 17); „Wymiar przedmieściów miasta Starey Warszawy, r. 1747“, кн. 18, л. 4 (Приложенія, кн. 1, № 17); „Regestr podatku łokciowego... wybrany z przedmieściów miasta S. Warszawy za rok 1756“, кн. 22, л. 3; „Regestr podatku łokciowego... z przedmieściów Starey Warszawy 1773—1774“, кн. 38, л. 3; Попрусская ипотека варшавскихъ недвижимостей №№ 2768 и 1317.

зданіе стояло именно на такъ называемой недвижимости Служко, которая вмѣстѣ съ этимъ зданьемъ имѣла свою, совершенно особую, исторію, некогда сосѣдняя земля и бывшая на ней подлинная усыпальница царя Василя Ивановича Шуйскаго, почему о тождествѣ и отношеніи зданья съ усыпальницей говорить было бы совершенно напрасно.

Документы и планы, найденные нами въ бывшемъ Архивѣ Варшавскаго Общества любителей наукъ²⁾, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно мѣстонахожденія и характера указываемаго зданія; то же самое подтверждается и другими актами.

Эта земля нѣкогда принадлежала королевѣ Аннѣ, женѣ Стефана Баторія, сестрѣ Сигизмунда Августа, которая подарила (23 ноября н. с. 1573 г.) ее своему кучеру (ауригае) Лукѣ Рынкевичу; даръ утвердили и Баторій (1583 г.), и Сигизмундъ III (1621 г.). Рынкевичъ продалъ ее Христорфу Стахерѣ. Отъ него досталась она по наслѣдству его брату Якову, у котораго купилъ (1624 г.) ее настоятель костела св. Креста, за 500 злотыхъ. Настоятели костела отдавали ее въ долгосрочную аренду („эмфитевзу“) разнымъ свѣтскимъ лицамъ, которыя выстраивали на ней и различныя зданія. Слѣдующій за аренду чиншъ выплачивался ими костелу исправно, пока земля не перешла во владѣніе Тересіи, урожденной Госѣвской, жены Іосифа Богуслава Служко, виленскаго кастеляна и польнаго литовскаго гетмана, получившей ее отъ умершей бездѣтною своей сестры Софіи Госѣвской, бывшей за мужемъ за короннымъ подстолиемъ Александромъ Пржіемскимъ. Виленская кастелянша не только прекратила уплату чинша, но сбыла въ стороннія руки и самую землю, какъ бы собственную.

Въ Варшавскомъ градскомъ староствѣ Тересія Служко, съ разрѣшенія и въ присутствіи своего мужа, заявила (20 іюля н. с. 1697 г.), что всю эту свою собственность, принадлежащую ей наслѣдственно послѣ ея безпотомственной сестры Софіи, дворець съ каменными и деревянными строеніями и особенно домъ и пло-

²⁾ Изданы во 2-й книгѣ Приложеній, № 23 и слѣд.

щадь противъ монастырскаго сада, съ садомъ и другими принадлежностями, она отдаетъ, безъ какихъ-либо ограниченій, въ вѣчное полное владѣніе „преподобному отцу Лукѣ Оцосальскому, пріору Варшавскаго конвента ордена св. Доминика конгрегациі св. Людовика Бертранда, и его наслѣдникамъ, а равно и всему этому конвенту, находящемуся здѣсь на Краковскомъ предмѣстьѣ“. Въ контрактѣ, одновременно съ тѣмъ учиненномъ между Служками, супругами, и пріоромъ Оцосальскимъ, означалось, что все это продается за 25.000 тинфовъ ¹⁾. Что побуждало Тересію къ такой уступкѣ, неизвѣстно: то ли, что доставшаяся ей недвижимость была мало пригодна для нея, или, быть можетъ, не имѣли ли тутъ также значенія фамильныя воспомина-

¹⁾ Приложенія, кн. 2, №№ 32, 29, 24, кн. 1, № 120. Контрактъ не былъ занесенъ въ Донаціи. Определеніе состава и положенія этой недвижимости, во время передачи ея Служками, № 24, стр. 35, № 120, стр. 208. Указывалась она между общественными дорогами—одною къ Уяздову, другою къ Вислѣ, и мѣстомъ прежде Шпека у мѣста нѣкогда Филиппони, „въ настоящее время принадлежащаго названному монастырю проповѣдниковъ ордена св. Доминика“.—Привилегіи Рынкевичу не сохранились въ Коронной метрицѣ, но въ Донаціяхъ имѣется актъ продажи Яковомъ Стахерою настоятелю костела св. Креста, указывающій и на нихъ.

Venditio domus praeposito sanctae Crucis... Jacobus Stachera... et Balarius Samodi... recognoverunt... et quilibet ex ipsis suo pro interesse recognovit: quia ipsi iam ex nunc ambo coniunctim reverendo Baltazaro Zembrzuskym Klucznik, praeposito oraculi sanctae Crucis, aliisque praepositis pro tempore circa hanc ecclesiam sanctae Crucis, hic Varsoviae in suburbio Cracoviensi sitam, existentibus, domum ligneam cum fundo et area ac horto, hic Varsaviae in suburbio Cracoviensi post ecclesiam sanctae Crucis consistentem, penes viam ipsammet, quae tendit ex suburbio ad fluvium Histulam ex una et domum famati Joannis Sempek pistoris ex altera parte de latere curiae magnifici Dominici ducis ab Ostrog successoris olim illustris et magnifici castellani Cracoviensis, a platea in latitudinem ulnis octodecem in longitudinem ulnis centum quinquaginta, et in fine a villa Jazdowo penes viam, quae tendit ad curiam praenominati magnifici Dominici ducis ad Ostrog in latitudinem ulnis quadraginta, sitam et iacentem, eidem olim honesto Christophoro Stachera per honestum Lucam Rimkewicz, agazonem sacrae regiae maiestatis, modo venditionis perpetuae actis praesentibus vel aliis quibusvis resignatam et eidem Lueae Rymkowicz, agazoni per serenissimam olim divae memoriae Annam Jagieloniam, reginam Poloniae gratiose collatam, sibi que recognoscentibus tam vigore successionis post eundem olim honestum Christopherum Stachera, quam vigore legati servientem, eum omni ac integro iure... pro summa quingentorum florenorum polonicalium modo venditionis perpetuae et irrevocabilis vendiderunt.

Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, *Castr. Varsav. donation.*, т. 47, стр. 463—464.—Тинфъ=18 грошей или 9 коп.

нія объ участіи Госѣвскаго въ судьбѣ Шуйскихъ и ихъ по-
смертныхъ останковъ.

Едва миссіонеры узнали объ этой уступкѣ, какъ ихъ на-
стоятель немедленно опротестовалъ законность дѣйствіи Служки и
возбудилъ въ нунціатурѣ процессъ противъ доминиканъ. Во вре-
мя процесса была произведена (13 февраля н. с. 1699 г.) подроб-
ная опись спорной недвижимости. Изъ нея видно, что тутъ рас-
полагалась цѣлая группа жилыхъ и нежилыхъ зданій и надвор-
ныхъ и хозяйственныхъ построекъ. Главный домъ былъ ча-
стію каменный, состоялъ изъ 7 комнатъ, кромѣ столовой, каби-
нета и проч. Около дома виднѣлась каменная кладовая съ подва-
ломъ подъ ней; кладовая запиралась желѣзною дверью. За дворомъ
былъ „садъ съ разными деревьями. Въ немъ бесѣдка (altanka)
каменная, дверь въ нее дубовая, двойная, на желѣзныхъ завѣ-
сахъ, безъ замка, съ засовами, оконъ въ ней четыре, каждое въ
четыре части, стекло разбитыхъ въ этихъ окнахъ 22. Самая
бесѣдка со сводомъ, внутри разукрашена. Полъ въ ней камен-
ный, изъ черныхъ и бѣлыхъ плитъ. Печка зеленая (то есть, оче-
видно, изъ кафель зеленого цвѣта); каменный каминъ. Ступеньки
въ нее каменные. Покрыта она гонтомъ. Подъ этою бесѣдкою
ледникъ (lodownia pod altanką tą), двери къ нему нѣтъ” (то
есть, очевидно, оторвалась).

Напрасно доминикане старались уладить дѣло покупкой
у миссіонеровъ всей земельной ихъ тамъ собственности: не со-
пились въ цѣнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, видя, что защищать право
на владѣніе нельзя, они возвратили недвижимость кастеляншѣ,
которой было и легче вести защиту, и удобнѣе устраивать но-
выя комбинаціи, съ соблюденіемъ и ихъ интересовъ. Если про-
стые шляхтичи проявляли тогда своеволие, выражавшееся и въ
захватѣ чужихъ земель, то такіе сильные люди, какъ кастелянъ
главнаго города въ Литвѣ и литовскій гетманъ, могли съ успѣ-
хомъ выступать въ борьбу даже съ духовными общинами и
учрежденіями. Судебный процессъ не былъ еще оконченъ,
а Служко, мужъ и жена, продали (22 авг. н. с. 1699 г.) недви-
жимость въ полную собственность холмскому епископу Николаю
Выжицкому, такимъ же способомъ, какъ и прежде, т. е. безъ

вѣдома и согласія миссіонеровъ, причемъ были выговорены выгоды для доминиканъ. Предъ заключеніемъ контракта съ Выжицкимъ объявлялось, что доминикане, возвращая недвижимость Служкамъ, не доплучили 26.000 пол. злотыхъ, слѣдуемыхъ имъ со Служекъ, и Выжицкій теперь обязывался (21 авг. н. с.) выплатить имъ эту сумму, частию наличными деньгами, частию въ видѣ чинша, за исключеніемъ 8.000 пол. злотыхъ, въ стоимость которыхъ уступается изъ получаемой имъ недвижимости доля, по сдѣланному отмежеванію, именно: „домъ съ конюшнею и землею у сада этихъ отцовъ доминиканъ“, и еще небольшой участокъ, рядомъ съ проулкомъ ¹⁾. На представленномъ по этому случаю официальномъ планѣ (21-го августа нов. ст. 1699 г.) ²⁾ всей недвижимости Служекъ были означены какъ участки, уступаемые доминиканамъ, такъ и мѣсто и форма садовой бесѣдки, въ числѣ другихъ строекъ оставшейся въ чертѣ прежней недвижимости, переходившей отъ Служекъ къ Выжицкому. Зданіе бесѣдки восьмигранное, въ глуби сада.

Это зданіе, стоящее нынѣ въ заднемъ саду I Варшавской мужской гимназіи, и признается въ литературѣ за подлинную усыпальницу Шуйскихъ, знаменитую Московскую каплицу ³⁾. Однако оно не было ничѣмъ инымъ, какъ только садовой бесѣдкой. Московская каплица, съ отведенной къ ней землей, принадлежала доминиканамъ по дару королей и была превращена и перестроена ими въ костелъ; бесѣдка стояла на сосѣдней съ ними землѣ, никогда по дару королей не принадлежавшей доминиканамъ, и не имѣла никакихъ атрибутовъ церковнаго характера. Московская каплица стояла впереди доминиканскихъ зда-

¹⁾ Приложенія, кн. 2, №№ 29, 27, 28. Гл. Архивъ др. актовъ при Варш. Судебной палатѣ: „Acta donationum castri Varsaviensis, 20 июля 1697 г., кн. 59, л. 893: „Fundatio conventus ordinis Praedicatorum congregationis s. Ludovici Bertrandi in Blitkow alias Terespol per illustres et magnificos Słuszkow conjuges“; л. 895: „Donatio conventui Varsaviensi ordinis sancti Dominici congregationis s. Ludovici Bertrandi per illustrem et magnificam Słuszczyna“; л. 897: „Roboratio contractus inter eosdem“; л. 898: „Approbant illustres et magnifici Słuszkowie et religiosus Oczosalski“.

²⁾ Приложенія, кн. 2, планъ № 16; ср. планы №№ 15, 17, 19, 27 и 28.

³⁾ Какъ возникло и развилось данное воззрѣніе и какимъ образомъ зданіе отошло къ саду Гимназіи, будетъ изложено нами въ послѣдней главѣ изслѣдованія.

ній, у Краковского предместья; бесѣдка же—на недвижимости, находившейся вдали отъ него, за монастыремъ и проулкомъ, въ самой—какъ видно на планахъ—отдаленной части этой недвижимости, на разстояніи около 200 локтей отъ проулка и вообще земли, по дарамъ королей принадлежавшей доминиканамъ и Московской каплицѣ¹⁾. Бывшій мавзолей, дававшій значеніе доминиканамъ и ихъ монастырю, постоянно „украшался“ и перестраивался, останавливая на себѣ вниманіе и заѣзжихъ иностранцевъ, а, въ сравненіи съ нимъ скромная по размѣрамъ и виду, садовая бесѣдка уже въ 1699 году стояла въ пренебреженіи, съ разбитыми стеклами въ окнахъ и оторванной въ ледникъ дверью.

Не могло быть садовое зданіе и простой католической каплицей, будто бы выстроенной для себя Николаемъ Выжницкимъ²⁾: ветхое въ 1699 году, оно было построено много ранѣе

¹⁾ Для обоснованія, что это зданіе — бывшая Московская каплица, одинъ изъ акторовъ въ послѣднее время со всюю категоричностью полемически указываетъ (въ 1903 г.), правда, на изданные нами планы. „Wszystkie plany — пишетъ онъ, które w liczbie dwunastu prof. Swietajew dołączył w kopiach do swego dzieła, przekonują o tem najwymowniej. Wszędzie na nich Kaplica Moskiewska (Capella Mosehovitica) narysowana jest z boku, w głębi terytorium oo. Dominikanów, poza kościołem i zabudowaniami klasztorne, słowem w tem samym miejscu, gdzie dziś stoi wzmiankowany budynek, zwany altana“. Мы очень жалѣемъ, что не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ и подтвердить его сужденіе: по уваженію къ исторической старинѣ, мы сами желали бы, чтобы подлинная усыпальница Шуицкихъ сохранялась еще. Среди нашихъ плановъ (ихъ издало нами 17, во 2 книгѣ, №№ 14—28, и въ 1-й книгѣ актовъ, подъ № 18) нѣтъ ни одного, на которомъ „Kaplica Moskiewska“ была бы „narysowana“ „роза kościołem i zabudowaniami klasztorne... oo. Dominikanów“, какъ равно нѣтъ ни одного плана, на которомъ бы названное садовое зданіе означалось даже въ чертѣ доминиканской территоріи. Подлинная Московскія каплица и замѣнившій ее и носившій ея названіе костелъ изображаются всегда впереди монастырскихъ зданій, у самаго Краковского предместья, при самомъ началѣ улицъ Александрія и Новаго Свѣта; за Каплицей или костеломъ изображается монастырь, за монастыремъ — проулокъ, за проулкомъ — сосѣдняя недвижимость Служко, на дальней сторонѣ которой означается и стоящая доселѣ садовая бесѣдка: вотъ что показываютъ планы, подтверждаютъ и поясняютъ и изданные нами архивные документы.

²⁾ A. Weinert (Wiadomość o posiadaniu w Warszawie pod № 2768 przy ulicy Aleksandrya, dawniej pałacem Służków zwanej, журн. Wieniec, 1872, № 35) писалъ: епископъ Выжницкій, получивъ при раздѣлахъ съ родственниками своими Служко ихъ домъ, произвелъ въ немъ разныя перемѣны и улучшенія; нуждаясь въ домашней каплицѣ, построилъ ее въ саду, съ большими издержками и оч. красиво, жилъ онъ недолго, умеръ въ 1704 г., и его каплицу превратили въ бесѣдку, а катакомбы подъ ней въ ледникъ.

поселенія здѣсь епископа. Напрасно было бы считать его и кладовой или казнохранилищем¹⁾: кладовая (*skarbiec*) имѣлась при домѣ Служко, на дворѣ, каменная, съ желѣзными, крѣпко запиравшимися дверями, окна въ ней съ желѣзными рѣшетками²⁾. Въ садовомъ же зданіи, какимъ оно было по своему устройству и виду, едва-ли бы кто рѣшился хранить цѣнности. Независимо отъ всего этого, первая и, какъ увидимъ потомъ, всѣ дальнѣйшія описи недвижимости, въ которыхъ говорится о немъ, вполне определенно и совершенно одинаково уставляютъ его назначеніе.

Еписковъ Николай Выжицкій долженъ былъ, согласно контракту, вступить во владѣніе недвижимостью съ лѣта 1700 года: до того же времени она оставалась въ пользованіи Служекъ. Когда приближался срокъ вступленія его во владѣніе, миссіонеры хотѣли поднять процессъ, и епископъ, въ отстраненіе тяжбы, заключилъ (11/21 іюля 1700 г.) съ ихъ настоятелемъ условія: миссіонеры отказываются отъ процесса и землю, отдаваемую ими прежде въ долгосрочную аренду (эмфитевзу) свѣтскимъ лицамъ, передаютъ въ такое же владѣніе ему и его законнымъ наслѣдникамъ на 60 лѣтъ; епископъ Выжицкій и его наслѣдники во все время 60-тилѣтняго владѣнія недвижимостью платятъ ежегодно чиншъ по 40 пол. золотыхъ настоятелю костела св. Креста, остающагося и послѣ собственникомъ ея, не могутъ они ни прода-

¹⁾ Такъ думалъ *Sobieszczanski* (*Starożytny skarbiec Służków*, журн. *Tygodnik Ilustrowany*, 1869, № 103), который рассказывалъ, что Іосифъ Богуславъ Служко, когда его жена Тересія отъ ся сестры Софіи Пржіемской, дочери гетмана Госѣвскаго, получила землю, построилъ тутъ палаць и особое зданіе для храненія драгоценныхъ вещей, почему оно названо казнохранилищемъ (*skarbcem*); послѣдующими владѣтелями обращено оно въ садовую бесѣдку съ ледникомъ внизу.— И Совѣщанскій, и Вейнертъ видѣли своеобразное зданіе бесѣдки, какимъ оно было при нихъ, кое-что знали о Служко и Выжицкомъ, и каждый по своему, безъ какихъ-либо документальныхъ основаній, сдѣлалъ предположеніе о происхожденіи и первоначальномъ назначеніи зданія, выражая свои догадки однако въ категорической формѣ. Замѣтимъ также, что недвижимость они считали собственностію Служекъ, съ которыхъ и ведутъ ея исторію; Вейнертъ утверждалъ еще, что Служки состояли съ Выжицкими въ родствѣ, почему еп. Николай Выжицкій получилъ недвижимость при семейныхъ раздѣлахъ со Служко. Архивные документы свидѣтельствуютъ о несравненно ранней исторіи мѣстности, собственностію Служекъ не признають ее и ничего не упоминають о родствѣ Служекъ съ Выжицкими и о семейныхъ между ними раздѣлахъ.— О мнѣніи, будто сама Московская каплица была кладовой во время владѣнія доминиканами, см. еще ниже, въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Приложенія, кн. 2, стр. 47; ср. планы, №№ 16—17.

вать, ни дарить кому-либо, ни присвоивать ее себѣ, ни переуступать, безъ согласія настоятеля костела Креста, никому своего эфитевтического права и никоимъ образомъ не должны отдавать въ пользованіе костелу или учрежденію свѣтскаго или монашескаго духовенства ¹⁾. Последнее условіе направлялось миссіонерами главнымъ образомъ противъ доминиканъ, которые однако сумѣли получать съ недвижности большій ежегодный доходъ, чѣмъ сами миссіонеры: Выжицкій, не доплативъ имъ 6000 пол. злот., наложилъ эту сумму чиншемъ, проценты съ котораго платили доминиканамъ и послѣдующіе владѣльцы, къ которымъ потомъ постепенно переходила недвижность ²⁾.

¹⁾ Приложенія, кн. 2, № 32.

²⁾ По актамъ, они шли въ такомъ порядкѣ. Епископъ холмскій Николай Выжицкій отдалъ (10 мая нов. ст. 1704 года) „свой дворецъ (домъ), расположенный между монастыремъ доминиканъ съ одной стороны и домомъ миссіонеровъ съ другой“, своему брату Ивану (изъ Архива Варш. Общ. люб. наукъ, № 23, л. 13—самаго акта нѣтъ, только указаніе на него). Получивъ недвижность по семейному раздѣлу, доканъ краковскаго кафедральнаго собора, еп. Николай Выжицкій продалъ (5 апр. н. ст. 1730 г.) ее — „собственное свое и наследственное владѣніе: домъ въ Варшавѣ у Московской каплицы, со всѣми принадлежностями, именно: каменной кладовой, садомъ, ледникомъ“ и проч.—боржеховскому старостѣ Юсифу Потулицкому, за 30,000 пол. злотыхъ (тамъ же, лл. 13, 25—28, и Приложенія, кн. 2, № 33); у сына послѣдняго, Александра Потулицкаго за ту же сумму приобрѣлъ (29 авг. н. с. 1752 г.) ее—„домъ у Московской каплицы..., со всѣми принадлежностями...: каменной кладовой, бесѣдкой (*skarbcem i altanka*), садомъ, двумя плацами“—холмскій каноникъ Ксаверій Пржановскій (Приложенія, кн. 2, № 34; Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ: *Acta donationum castri Varsaviensis*, 74 кн., 391—394 л.).

Послѣ него она принадлежала Франциску Ростковскому, ловчему, потомъ подстолю рожанскому, который старательно скупалъ сосѣдніе и ближайшіе участки и недвижности, какъ у Пржановскаго, такъ и у другихъ лицъ (тамъ же, 1753 г., 74 кн., 883—889, 909—910; г. 1755, кн. 76, лл. 763—767; Реестры доктовой подати въ Варшавѣ за 1758 г., кн. 24, л. 28; за 1767 г., кн. 32, л. 39, и др.). Умеревъ бездѣтнымъ, онъ оставилъ наследство братьямъ Гоголевскимъ, за однимъ изъ которыхъ, Валентиномъ, была за мужемъ его родная сестра Тересія. Гоголевскіе владѣли здѣсь теперь не только бывшимъ „дворцомъ“ (домомъ) Служко, но и нѣсколькими другими, въ томъ числѣ доминиканскими домиками на Новомъ Свѣтѣ, и все это, въ томъ числѣ „свои мѣста и наследственные владѣнія при Краковскомъ предмѣстьѣ противъ костела оо. проповѣдниковъ, называемаго Московскою каплицею, между общественными дорогами, а именно ведущими—одна къ деревнѣ Уяздовъ, а другая къ Солецъ“—продали (22 іюня н. ст. 1769 года) за 115,000 зл. подкоморію люблинскаго воеводства Томъ Длускому (тамъ же, *Acta donationum s. Varsaviensis*, 88 кн., 209—212 л.; Приложенія, кн. 2, № 36). Отсюда ясна ошибочность сообщенія *Weinert'a* (*Wieniec*, 1872, № 36), будто домъ Служковъ купилъ Длускій непосредственно отъ Выжицкихъ: между Выжицкими и Длускимъ прошелъ цѣлый рядъ разнородныхъ владѣльцевъ, за время которыхъ недвижность должна была потерпѣть значительныя намѣненія.

Въ третей четверти XVIII вѣка, наиболѣе виднымъ изъ нихъ былъ рожанскій подстолій Францискъ Ростковскій, прибрѣтавшій сосѣднія недвижимости, за Московскою капицей, и капитально перестроившій главный домъ; при дальнѣйшемъ богатомъ собственникѣ недвижимости, люблинскомъ подкоморіѣ Томѣ Длускомъ, она была занесена (1784 г.) подъ общій номеръ, 2768 ¹⁾.

Для округленія своего владѣнія, подкоморій старался было сначала насильно отнять у доминиканъ домъ съ землею, отданные имъ холмскимъ епископомъ Николаемъ Выжицкимъ въ счетъ 8000 пол. злотыхъ. Ссылаясь на то, что этотъ домъ имъ купленъ у прежнихъ владѣльцевъ (Гоголевскихъ), онъ, при соучастіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, поднялъ и военную власть. Военный отрядъ явился (5 янв. 1771 г.) вооруженный. Домикъ былъ занятъ, заборъ и конюшни сломаны, отнятъ колодезь; прибывшіе для защиты доминикане, во главѣ съ пріоромъ, публично оскорблены словами и дѣйствіемъ. Въ судѣ доминикане требовали, чтобы соучастники Длускаго подвергнуты были проклятію или эпитиміи, самъ же Длускій, какъ главный виновникъ, былъ наказанъ со всею строгостію и присужденъ къ возмѣщенію убытковъ. Свидѣтель и истецъ, Ксаверій Выжицкій, наслѣдникъ епископа, показалъ въ пользу потерпѣвшихъ. По его словамъ, Длускій хорошо зналъ изъ документовъ, что онъ не имѣетъ права на домикъ съ землею, бывшій у доминиканъ: отъ еп. Выжицкаго въ свое время былъ проданъ послѣдующему владѣльцу ²⁾ палацъ съ кладовой, бесѣдкой (skarbiec, altanka), ледникомъ и прочимъ, относящимся къ палацу, а домикъ былъ отданъ и отмежеванъ, по особому плану, доминиканамъ еще въ 1699 г., и съ той поры имѣлся въ ихъ спокойномъ пользованіи, никто изъ послѣ-

¹⁾ Какъ это можно видѣть въ показаніяхъ Реестровъ локтевой подати въ Варшавѣ за 1747—1795 годы: нѣсколько домовъ сначала означаются тутъ принадлежавшими одновременно различнымъ владѣльцамъ, потомъ тѣ же дома — принадлежали Ростковскому и наконецъ Длускому, при которомъ они съ 1784 г. стали означаться подъ однимъ 2768-мъ номеромъ. См., напримѣръ, кн. 21, л. 36; кн. 24, л. 28; кн. 32, л. 39; к. 35, л. 40; кн. 46, л. 88; кн. 50, л. 168; кн. 51, л. 172; кн. 59, л. 172. См. также „Taryfa lokciowego miast obozga Warszawy roku 1784“, списокъ Прокураторіи, № 2, стр. 278—279. Ср. Приложенія, кн. 1, № 17.

²⁾ Въ 1730 г. еп. львовскимъ Николаемъ Выжицкимъ Юсифу Петулицкому.

дующихъ владѣльцевъ недвижимости послѣ еп. Выжицкаго не оспаривалъ его у нихъ ¹⁾.

Когда владѣль недвижимостью подстолий Ростковскій, былъ, по повелѣнію короля Августа Ш, сдѣланъ (1762 г.) военнымъ инженеромъ французомъ Тирегайлемъ большой генеральный планъ Варшавы. На этомъ планѣ отчетливо видны расположеніе доминиканскаго монастыря, мѣсто прежняго проулка, плотно загороженнаго съ Александріи, и домъ Ростковскаго съ благоустроеннымъ садомъ, у задней стѣны котораго занесено и продолговатое восьмигранное зданіе, по плану, въ разстояніи локтей на 200 отъ первоначальной, подаренной Яномъ-Казимиромъ, доминиканской площади ²⁾. Данное зданіе—извѣстная садовая бесѣдка, какъ это прямо уже означено на планѣ-рисунокѣ недвижимоостей, выполненномъ во время судебного процесса доминиканъ съ Длускимъ. На рисунокѣ не только изображено расположеніе земельныхъ участковъ и зданій доминиканъ и Длускаго, но сдѣ-

¹⁾ Дѣло изъ Архива Варш. Общ. л. наукъ, лл. 13—15, 67—68, 70—73, извлеченія въ Приложеніяхъ, кн. 2, №№ 37—39.

²⁾ Plan de la ville de Varsovie dédié a. s. m. Auguste III, roi de Pologne, electeur de Saxe etc., levé par ordre de s. e. m. le comte Bieliniski, grand maréchal de la couronne, par m. P. Ricaud de Tiregaille, lieut: colonel et ingénieur au service du roi et de la république en 1762. Планъ этотъ, служащій основой и образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ городскихъ плановъ Варшавы, хранится въ Ратушѣ, выполненъ онъ въ большемъ масштабѣ: 50 польскихъ локтей или 15 франц. туазовъ равняются въ немъ приблизительно $1\frac{1}{16}$ дюйма. Тирегайлемъ былъ въ томъ же 1762 г. составленъ еще планъ, меньшій по размѣру (300 польск. локт. или 90 франц. туазовъ—приблизительно $1\frac{1}{16}$ дюйма) и нѣсколько отличный отъ перваго, окруженный рисунками важнѣйшихъ зданій и общимъ видомъ города, гдѣ обрисовывается и монастырь доминиканъ-обсервантовъ; онъ былъ отгравированъ на мѣди, уцѣлѣвшій экземпляръ его принадлежитъ Библиотекѣ Имп. Варшавскаго Университета (подъ шифромъ 29, 4, 4, 8). Уменьшенный и нѣсколько измѣненный снимокъ (700 пол. л. или 200 франц. туазовъ въ его приблизит. 1 дюймѣ) съ этого изданъ Заннони въ 1772 г.; экземпляръ имѣется въ Гл. Архивѣ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ. Планъ Заннони, но безъ рисунковъ зданій и въ нѣсколько уменьшенномъ масштабѣ, недавно переизданъ г. Т. Корзономъ въ изслѣдованіи *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta*. Kraków — Warszawa, 1897, I, къ стран. 289; тутъ же приведенъ (къ стран. 291) еще подобный же по размѣру небольшой планъ Варшавы Пистора, въ изданіи Делевея. Не лишенъ интереса и значенія, по своей наглядности, и планъ Клишпа, 1770 года. Снимки соответственныхъ частей изъ всѣхъ этихъ плановъ Варшавы XVIII вѣка—въ Приложеніяхъ, кн. 2, планы №№ 19—23. Каменное зданіе въ саду отмѣчено на первомъ изъ нихъ, самомъ полномъ и еще неизданномъ, планѣ Тирегайля.

ланы и надписи на зданіяхъ и участкахъ ¹⁾. Важный для уясненія предмета судебного спора, онъ наглядно дополняетъ также то, что извѣстно уже о мѣстѣ костела, образовавшагося изъ усыпальницы Шуйскихъ, и о мѣстѣ и формѣ садовой бесѣдки (*altanka*), подтверждая изложенное нами о нетожествѣ Московской каплицы и садоваго зданія и о дѣйствительномъ назначеніи послѣдняго.

Споръ съ Длускимъ изъ-за домика показывалъ доминиканамъ, какъ трудно вести дѣло противъ должностнаго и вліятельнаго свѣтскаго лица, но убѣждалъ и Длускаго въ нелегкости тяжбы съ духовною общиной. И они согласились (16 мая н. с. 1772 г.) между собою: Длускій возвращаетъ домикъ съ землею доминиканамъ, эти, получая съ него сумму, прекращаютъ уголовный процессъ ²⁾. Ихъ домиками, на Новомъ Свѣтѣ, рядомъ съ миссіонерскимъ, по лѣвую его сторону, вскорѣ сталъ владѣть Длускій ³⁾, который въ свою очередь изъ своей недвижимости уступилъ (1787 г.) доминиканамъ необходимый для нихъ, бывший „между стѣнами его палаца и стѣнами монастыря каменный колодезь“ (*cisternam muratam*), съ землею въ 14½ локтей длины и 7½ л. ширины ⁴⁾.

Послѣ этого, къ концу XVIII вѣка, недвижимость официальной описью опредѣлялась по фасаду, т. е. по улицѣ Александрии, въ 244 локтя, въ глубь 144 л., позади 102 л.; садъ, лежавшій за главнымъ каменнымъ домомъ, измѣрялся въ 85 л. длины и 100 л. ширины ⁵⁾. По смерти Длускаго, умершаго бездѣтнымъ, у его наслѣдниковъ недвижимость купилъ (1800 г.) нѣкто Зентецкій, обязавшійся продолжать внесеніе монастырю ежегоднаго

¹⁾ Приложенія, кн. 2, планъ № 17.

²⁾ Архивное дѣло Варш. Общества л. наукъ, л. 15.

³⁾ Въ описи 1784 г. и по ипотекамъ эти домики получили № 1317-й. Кромѣ недвижимостей подъ №№ 2768 и 1317, Длускій владѣлъ тутъ недвижимоостями подъ №№ 2769—2771, такъ что его владѣнія тянулись сплошь отъ Новаго Свѣта до Александрии; за всѣ эти 5 недвижимостей онъ и заплатилъ Гоголевскимъ 115,000 злотыхъ. Тамъ же, ипотечные №№ 1317, 2768, 2769, 2770 и 2771.

⁴⁾ Передача состоялась 21 июня н. ст. 1787 г. (Приложенія, кн. 2, № 36), занесено въ варшавскія градскія книги 26 мая н. ст. 1788 г. (Гл. Архивъ др. актовъ при Варш. Суд. палатѣ, *Oblata castri Varsaviensis*, 31 кн.).

⁵⁾ Приложенія, кн. 1, № 142: *Wymiar gruntu i posesyui pod № 2768, г. 1790* (изъ Архива Варш. гор. магистрата).

чинна 5% съ недоплаченныхъ епископомъ Выжицкимъ 6,000 злотыхъ ¹⁾. Самая же недвижимость осталась, какъ и прежде, въ владѣннй доминиканъ.

Такимъ образомъ, поземельное владѣнне доминиканъ обсервантовъ составлялось здѣсь, въ концѣ концовъ, изъ —

- 1) площади, вмѣстѣ съ Московскою каплицею подаренной имъ Яномъ-Казимиромъ,
- 2) проулка, пожалованнаго Августомъ II, и
- 3) продолговатой полосы, пролежавшей отъ проулка, между домами миссіонеровъ (ипотечными №№ 1318—1319) и владѣннемъ Зентецкаго (№ 2768) и образовавшейся по преимуществу изъ бывшей земли Филиппони и частей, отошедшихъ отъ бывшего двора Служко (впослѣдствіи № 2768).

Первая площадь—даръ Яна-Казимира—была впереди ихъ, передней своей стороной лежала прямо на Краковскомъ предмѣстьѣ, по линіи близъ костела св. Креста и Обозной улицы, при началѣ сходящихся тутъ улицъ Новаго Свѣта и Александріи, и имѣла, по первоначальному измѣренію 100 локтей длины и 40 ширины; второй участокъ—бывшій проулокъ, даръ Августа II—тянулся позади ея, и имѣлъ первоначальной официальной мѣры 60 л. длины и 12 ширины; третья часть—изъ приобрѣтеній отъ сосѣднихъ частныхъ владѣльцевъ — шла узкою полосой перпендикулярно отъ проулка, въ глубь между сосѣдними недвижимостями, лежавшими по Новому Свѣту и Александріи ²⁾.

При первой общей нумераціи варшавскихъ городскихъ недвижимостей, произведенной въ 1784 г., вся эта сплошная поземельная доминиканская собственность была означена №№-ми

¹⁾ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варш. Суд. палатѣ, Попрусская ипотека варшавской недвижимости № 2768. Съ дѣломъ Зентецкаго встрѣтимся не разъ.

²⁾ Наиболеѣ наглядно изображено на планахъ №№ 17—19, Приложенія, кн. 2. Болеѣ подробно о мѣрахъ земли будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, о аданіяхъ на ней, и въ изложеніи поземельнаго спора Зентецкаго.

1320, 1321 (по Новому Свѣту) и 2767-мъ (по Александрии), каковое подраздѣленіе удержалось за недвижимостью и въ заведенной потомъ ипотека; нумера совпадали отдѣльно, какъ увидимъ, не съ этими, постепенно объединяемыми земельными частями, но съ находившимися тутъ и подлежащими податямъ и ипотека монастырскими зданіями и съ относящимися къ нимъ земельными участками.

На данномъ мѣстѣ, хотя и значительно порасширившемся противъ первоначальной его мѣры, доминиканамъ обсервантамъ Московской каплицы, при развитіи ихъ дѣль, трудно было развернуться съ монастырскими зданіями и устроить обширное общежитіе: по уставу, монахи могли жить въ зданіи лишь за общими монастырскими воротами. По этой ли причинѣ, или же по легкости получать тогда земельную собственность для церковныхъ цѣлей, а можетъ быть и въ виду сомнѣній о счастливомъ исходѣ разгорѣвшихся споровъ и тяжбъ съ миссіонерами, только въ концѣ XVII вѣка, незадолго до переуступки дара Служко епископу Выжицкому, у доминиканъ возникъ смѣлый планъ пріобрѣсть значительный участокъ земли на противоположной сторонѣ Варшавы, на Покорной улицѣ, съ тѣмъ, чтобы основать тамъ новый монастырь. Они обратили вниманіе на набожныхъ супруговъ Волчинскихъ.

Изъ имѣвшейся тамъ своей земли супруги Волчинскіе выдѣлили площадь ¹⁾ въ 230 локтей длины и 40 л. ширины и подарили ее на вѣчныя времена извѣстному уже намъ генеральному викарію кс. Амвросію Скоповскому и „ордену Доминика конгрегациі Бертранда“, предназначая 200 локтей на костель, монастырь и садъ, а остальные 30 локтей подъ открытый дворъ предъ костеломъ для остановки каретъ богомольцевъ и т. п.; никакихъ другихъ зданій, съ цѣлями торговыми, промышленными и т. п., доминикане тутъ устраивать не должны. За такое пожертвованіе принимавшію его обязывались служить за жертвователей и ихъ дѣтей по три обѣдни, пока костель и монастырь будутъ на-

¹⁾ Владѣли они полуволономъ (7½ рус. десятинъ). Волчинскій Янъ былъ мельницкимъ стольникомъ, жена его Цецилія была урожденная де-Витгофъ.

ходиться на этой землѣ; еслибъ, по какому-либо случаю, постройка костела и монастыря не была окончена и монахи ордена не могли бы тамъ жить и совершать богослуженіе, то земля должна оставаться за прежними ея собственниками. Даръ свой Волчинскіе пока удостовѣрили своею частною записью (2 іюня н. ст. 1698 г.), обѣщая заявить ее въ соотвѣтственномъ судебномъ учрежденіи, когда костель и монастырь начнутъ строиться и когда т. обр. явится достаточное основаніе для увѣренности, что богослуженіе со временемъ будетъ справляться. Стройка началась, и овдовѣвшая Волчинская утвердила (10 окт. н. ст. 1705 г.) за Скоповскимъ и монастыремъ „конгрегациі св. Людовика Бертранда, въ Варшавѣ, при Московской каплицѣ” права собственности, на прежнихъ условіяхъ. Но вмѣсто костела обсерванты складывали лишь каменную каплицу, да и ту довели только до крыши, какъ отказались отъ дальнѣйшей стройки. Недоконченное зданіе ветшало, и обсерванты продали было его вмѣстѣ съ землею, которая однако, въ виду невыполненія ими условій при приѣмѣ пожертвованія, теперь имъ принадлежать не могла. Тогда наследники Волчинскихъ вступились за свои права и, возвративъ себѣ судомъ землю, продали ее луцкому суфрагану Адаму Ростковскому, который основалъ на ней Исправительный домъ, бывшій потомъ подъ № 2219-мъ ¹⁾). То мѣсто нынѣ подъ экспланадой цитадели.

Попытка обсервантовъ утвердиться тамъ, поведшая къ продолжительному судебному процессу, осталась очень памятной. Очевидно, благодаря именно ей, потомъ рассказывали о нихъ, будто на Покорной улицѣ они жили даже ранѣе, чѣмъ на Краковскомъ предмѣстьѣ. Рассказъ украсился національной легендой, приуроченной къ войнѣ Яна-Казимира со шведами. По этому легендарному патриотическому разсказу, случилось слѣдующее. Когда, въ 1657 году, король прибылъ въ Варшаву, шведскія вой-

¹⁾ Архивъ Варшавской р.-кат. дух. консисторіи, XLI т., *Protocollon actorum Consistorii Varsaviensis*, 10 окт. 1705 г.: „*Ingrossatio donationis certi fundi per magnificos Wołoszyńskie congregationis s. Bertrandi Varsaviae*”; Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Реестры доктовой подати 1788 и др. годовъ. A. Wejnert, *Rozwiązanie wątpliwości o istnieniu w Warszawie kościoła N. P. Maryi Zwycięzkiej i kępy na Wiśle przy Bełku, w Starożytn. Warszawy*. Warszawa, 1854, III.

ска, осаждавшая ее, занимали поля между Маримонтомъ и Повонзками. Предъ битвой польская рать подкрѣпила себя молитвой. Олтарь для богослуженія былъ устроенъ подъ шатромъ, и войска отстояли передъ нимъ обѣдню. Желанія и молитва короля объ одолѣннн враговъ сбывались въ этотъ день, хотя окончательная побѣда осталась потомъ за шведами. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ олтарь, Янъ-Казимиръ выстроилъ на свои средства монастырь съ деревяннымъ костеломъ Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной и отдалъ его монахамъ доминиканамъ обсервантамъ. Даръ утвержденъ за ними королемъ 3 іюня 1668 года; отсюда они впоследствии времени перенесли и перенесли костель и монастырь на уголъ Новаго Свѣта и Краковскаго Предмѣстья, гдѣ находилась Московская каплица ¹⁾).

Весь этотъ легендарный разсказъ, столь перепутывавшій факты и противорѣчившій ихъ хронологіи,—плодъ недоразумѣнія и незнанія исторической дѣйствительности. Янъ-Казимиръ, какъ мы уже видѣли изъ его учредительныхъ грамотъ ²⁾, даровалъ, и именно 3 іюля 1668 года, доминиканамъ обсервантамъ саму Мо-

¹⁾ Въ литературный оборотъ впервые внесъ этотъ разсказъ кс. Kurowski (Pamiętnik religijno-moralny. W Warszawie, 1841, I, 241), котораго потомъ поддержали послѣдующіе авторы, F. Max. Sobieszczański, (Rys historyczno-statystyczny wzrostu i stanu miasta Warszawy. Warszawa, 1848, 57), кс. Sad. Barącz (1861, II, 337), Baliński i Lipiński, (1885, I, 475) и др. Документальнымъ возраженіемъ противъ необоснованнаго разсказа привелъ А. Wejnert (въ только что указанной статьѣ, въ Starożytn. Warsz., 1854, III), поставивъ однако споръ на такую почву, что даже послѣдній изъ авторовъ, касавшихся даннаго предмета, не пришелъ ни къ какому опредѣленному выводу. Указавъ на отрицаніе Вейнертомъ сказанія Куровскаго о первоначальномъ устройствѣ костела и монастыря доминиканъ обсервантовъ не на Краковскомъ предмѣстьѣ, у старинной Московской каплицы, а на иномъ мѣстѣ, этотъ авторъ продолжаетъ: „Według Wł. Korotyńskiego, autora cennej monografii o Warszawie („Słow. Jeogr.”, tom ostatni) małż. Wołczyńscy ofiarowali w r. 1698 przestrzeń gruntu obok Muranowa na wybudowanie kościoła i klasztoru dla oo. Dominikanów obserwantów. Gdy jednak budowa ta do skutku nie przyszła, Dominikanie pozostali przy dawnej kaplicy” (Z dziejów Warszawy. Przez A. Kraków, 1894, 24—25). Но послѣ нашей монографіи „Исторія Московской каплицы” (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1895 года, книга VIII—IX) почтенный авторъ передаетъ потомъ (въ статьѣ Varsoviaana, Tygodnik polski, 1898, № 3) согласно съ нашимъ изложеніемъ, вкраткѣ повторяя наши данныя и выводы; въ предисловіи къ статьѣ его прежніе разсказы о костелѣ на Покорной улицѣ и объ устройствѣ Московской каплицы на Краковскомъ предмѣстьѣ признаются неточными и баснословными.

²⁾ Выше, глава IX.

сковскую каплицу съ прилегающею къ ней площадью, а не землю на Покорной улицѣ съ монастыремъ и костеломъ въ честь Дѣвы Маріи Побѣдоносной, никогда тамъ въ дѣйствительности не существовавшими, и свой даръ ни мало не связывалъ съ памятью о своей побѣдѣ надъ шведами на поляхъ Маримонта. Доминиканское землевладѣніе на Покорной улицѣ произошло вслѣдствіе дара Волчинскихъ, ровно 30 лѣтъ спустя послѣ того, какъ обсерванты поселились на Краковскомъ предмѣстьѣ при Московской каплицѣ, и совсѣмъ не играло какой-либо особенной роли въ судьбѣ доминиканскихъ поселеній и костела въ Варшавѣ. Планъ о постройкѣ тамъ монастыря и костела принадлежалъ, очевидно, главнымъ образомъ лишь Скоповскому: пока онъ жилъ, стройка подвинулась настолько, что можно было уже закрѣпить землю за обсервантами; но лишь умеръ онъ, и дѣло пріостановилось, и едва ли безъ воздѣйствія со стороны членовъ ихъ общины на Краковскомъ предмѣстьѣ: устройство и существованіе въ одномъ и томъ же городѣ другаго однороднаго монастыря повело бы къ сокращенію пожертвованій въ ея пользу, своими же доходами она дорожила всего болѣе. На новой мѣстности нельзя было заводить никакихъ торговыхъ и т. п. зданій, а община на каждую недвижимость свою смотрѣла, какъ на новую статью дохода.

Недвижимости на Покорной улицѣ обсерванты не могли удержать за собой потому, что не выполнили условій, на которыхъ она была подарена имъ. Въ другихъ случаяхъ они поступили практичнѣе: на намѣченную недвижимость они налагали долговья обязательства, ссужая владѣльцевъ деньгами или строительными матеріалами, на выгодныхъ для себя обѣщаніяхъ и условіяхъ, и тогда судебные процессы имъ удобнѣе было выигрывать въ тяжбахъ съ претендентами и наследниками. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ способъ пріобрѣтенія ими недвижимости на самомъ Краковскомъ предмѣстьѣ и завязавшееся изъ-за нея судебное дѣло.

Маріаннѣ, по второму ея мужу, Вильковской ¹⁾ доминикане помогли при постройкѣ ею здѣсь домовъ ²⁾, и она, какъ бы въ воз-

¹⁾ Маріанпа, урожденная Рациборская, была за мужемъ три раза.

²⁾ Находились они, очевидно, на Краковскомъ предмѣстьѣ почти противъ

мѣщеніе за ссуду, пожертвовала (1694 г.) монастырю и дома, и землю. Такую сдѣлку третій мужъ Маріанны, панъ Янковскій, назвалъ лишнею. Сдѣлку онъ опротестовалъ (въ іюнѣ 1706 г.) вмѣстѣ съ женою, которая однако снова, и уже съ его вѣдома и согласія, подтвердила свой прежній даръ, послѣ чего супруги Янковскіе спокойно жили въ одномъ изъ этихъ домовъ. По смерти жертвовательницы положеніе супруга ухудшилось; доминикане позволили ему занимать всего одну комнату. Тогда Янковскій повелъ (съ 1712 г.) противъ нихъ судебный искъ, и въ консисторіи, и въ нунціатурѣ. Онъ обвинилъ доминиканъ въ насильственномъ захватѣ ими его земли и домовъ съ мебелью и просилъ судъ воспретить имъ безпокоить его во владѣніи имуществомъ и, наказавъ ихъ за самоуправство, опредѣлить съ нихъ въ его пользу судебныя издержки и убытки, потому что доминикане, какъ, въ силу уставовъ королевства, лишенные права на владѣніе вновь приобрѣтаемыми недвижимостями, не имѣютъ права и на его имущество. Доминикане оспаривали его: Янковскому-де извѣстно, что часть земли, о которой идетъ споръ, была приобрѣтена конвентомъ сообща съ его покойною женой Маріанной, когда она была еще за Вильковскимъ, что монастырь помогаль ей въ постройкѣ находящихся тамъ домиковъ, ссудивъ матеріалы, что жертвовательница свою недвижимость записала доминиканамъ въ городскихъ старостинскихъ дѣлахъ г. Варшавы и потомъ, еще до вступленія въ третій бракъ, отказала ее имъ по духовному завѣщанію не только въ удовлетвореніе ихъ за будущія заупокойныя обѣды за нее, но и въ погашеніе слѣдуемаго имъ долга, а по выходѣ за Янковскаго подтвердила, съ его согласія и въ его присутствіи, у варшавскихъ городскихъ дѣлъ свое прежнее распоряженіе, и съ той поры они, доминикане, безпрепятственно владѣли землею и строеніями, отдавали въ наймы квартиры, и пр.; собственники недвижимости слѣдовательно они, Янковскому же только дозволялось ими проживать безвозмездно въ одной комнатѣ, а онъ, злоупотребляя ихъ снисхожденіемъ, вмѣсто того,

костела Креста, гдѣ Вильковскій имѣлъ свой домъ еще въ 1685 г. См. Приложенія, кн. 1, стр. 56.

чтобы оставить квартиру, объявляет притязаніи на владѣніе всею недвижимостью. Но этомъ основаніи доминикане домогались, чтобы онъ былъ удаленъ оттуда, со взысканіемъ съ него судебныхъ издержекъ.

Янковскій не унывалъ. Изъ занимаемаго имъ помѣщенія онъ и не думалъ удалиться, неимѣніе доминиканами права на владѣніе здѣсь доказывая (5 марта 1714 г.) тѣмъ, что домъ и земля составляютъ имущество недвижимое, которое, по уставамъ королевства, „нельзя продавать“ (монахамъ), что Вильковская еще при своей жизни возвратила доминиканамъ занятыя у нихъ деньги, и что если со стороны ея было пожертвованіе въ ихъ пользу, то потомъ она отмѣнила свою волю въ виду ихъ неблагодарности, каковая одна достаточна для уничтоженія записи. Онъ жаловался, что доминикане незаконно лишаютъ его возможности взимать плату отъ жителей за квартиры и даже самого его называютъ квартирантомъ (*locataire*), когда онъ—настоящій владѣлецъ дома. Неправильность его дѣйствій и неосновательность его возраженій доминикане постарались (11 мая) доказать цѣлымъ рядомъ мотивовъ. Именно: 1) Янковскій отвергалъ не обвиненія, а законность иска, который, однако, признанъ декретомъ нунціатуры справедливымъ; 2) упрекъ, что доминикане принимали отъ Вильковскихъ благодаренія и не оказывали благодарности, не имѣетъ значенія, и не потому только, что въ дѣйствительности они сами понесли ущербъ отъ своихъ отношеній съ Вильковскими: домъ выстроенъ на монастырскія деньги, пожертвованія въ пользу костела и духовенства люди дѣлаютъ безъ претензіи на какія либо взаимныя услуги, и предметы, подаренные на богоугодное дѣло, не должны быть обращаемы на употребленіе свѣтское; 3) запись на домъ и землю была составлена при соблюденіи всѣхъ формальностей, и недвижимость принята во владѣніе еще ранѣе, чѣмъ Янковскій думалъ о бракѣ съ покойною Вильковскою, и изреченіе законовъ королевства, что духовенство не можетъ пріобрѣтать недвижимостей, не относится къ спорному вопросу, потому что доминикане домогаются не вѣчнаго владѣнія землею, а только ея стоимости, а коль скоро въ ихъ владѣніи домъ, то они имѣютъ право пользоваться и землею, на которой онъ сто-

ить (!); 4) если Янковскій съ женою и занесъ нѣкогда въ судъ свой протестъ, однако доминикане спокойно продолжали владѣть при жизни жертвовательницы, которая опровергнула его, подтвердивъ въ завѣщаніи сдѣланное въ дарственномъ актѣ, и самый протестъ былъ крайне неправъ, такъ какъ Янковскій принудилъ на него жену угрозами и истязаніями; 5) даръ, будто бы сдѣланный покойною въ пользу Янковскаго, не можетъ относиться къ дому и мѣсту, которые ей болѣе не принадлежали, а лишь къ вещамъ, бывшимъ въ ея распоряженіи, хотя тоже всѣмъ извѣстно, что и это сдѣлала покойная только изъ страха и подъ вліяніемъ насилія; 6) Янковскаго всѣ, не исключая и его самого, считали квартирантомъ, а не владѣльцемъ; 7) онъ вступается за имѣніе, принадлежащее третьему лицу, юридически самостоятельному. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу доминиканъ: положилъ Янковскаго удалить изъ дома и взыскать съ него за квартиру и судебныя издержки. Внесенную Янковскимъ апелляцію судья отвергнулъ¹⁾.

Въ тяжбѣ съ Янковскимъ доминикане въ оправданіе своихъ притязаній на недвижимость развивали теорію, что, владѣя домомъ, они имѣютъ право пользоваться и землею, на которой онъ стоитъ. Своею теоріею имъ труднѣе было прикрываться, если собственники земли были не частныя лица, а люди, по своему положенію подобные имъ. Супругамъ Турскимъ монастырь ссудилъ (1703 г.) 1,600 злотыхъ подъ залогъ ихъ дома, бывшаго на

¹⁾ Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи, XLІ т., *Protocollon actorum Consistorii Varsaviensis*, 21 іюня 1706 г.: „*Protestatio generosorum Jankowskich conjugum contra religiosos Dominicanos ad Capellam Moschoviticam conv. vars.*“; *Acta Cons. Vars.*, XLIV т., 147 л., 1713 г. 23 окт.: „*Conv. vars. s. Ludovici Bertrandi ord. Praedicatorum ad Capellam Moschoviticam cum nob. Alexandro Jankowski*“; 231 л., 1714 г. 23 февраля: „*Generosus Jankowski contra conventum ordinis s. Ludovici Bertrandi ad Capellam Moschoviticam praetensae usurpationis bonorum*“; 235 л., 26 февраля: „*Conventus ad Moschoviticam Capellam ord. s. Ludovici Bertrandi contra generosum Jankowski*“; 236 л., 2 марта: „*Conventus ad Capellam Moschoviticam ord. Praedicatorum s. Ludovici Bertrandi contra generosum Jankowski ratione census seu fundi*“; 241 л., 5 марта: „*Conventus ad Moschoviticam Capellam ord. s. Ludovici Bertrandi contra g. Jankowski ratione fundi*“; 260 л., 16 марта: „*Conventus ad Capellam Moschoviticam congr. s. Ludovici Bertrandi contra nobilem Jankowski*“; 302 л., 11 мая: „*Conventus varsaviensis ordinis sancti Dominici ad Capellam Moschoviticam contra gen. Jankowski*“.

Деканской улицѣ, на землѣ варшавскаго канитула. Черезъ нѣсколько лѣтъ Турскіе прекратили уплату долга. Когда доминикане потребовали (1707 года) съ нихъ капиталъ съ уплатою просроченныхъ процентовъ, то повѣренный должниковъ оправдывалъ своихъ кліентовъ тѣмъ, что доминикане распоряжаются ихъ домомъ, какъ бы своєю собственностью, и получаютъ съ него доходы въ ущербъ и для хозяевъ его, Турскихъ, и для варшавскаго канитула, а уполномоченный послѣдняго, рашинскій ¹⁾ препозитъ Сигизмундъ Ойркинскій, захватилъ потомъ (1712 г.) еще и самый домъ, снявъ замки и выгнавъ изъ него доминиканскаго управляющаго... На судѣ Ойркинскій отклонялъ отъ себя отвѣтственность, подъ предлогами, что дѣло не подлежитъ консисторскому суду, отъ котораго канитулъ независимъ, что „отнятіе замковъ практикуется при интромиссіяхъ“ (фактическомъ приѣмѣ во владѣніе) и что „обиды, нанесенныя смотрителю дома, по связи съ такою тяжбою, тоже не подлежатъ разсмотрѣнію суда“. Пріоръ монастыря Шукальскій, перемѣнивъ тактику, сталъ тогда утверждать, что сущность судебного дѣла не о мѣстности, оно не вещественное (*realis*), а личное (*personalis*), объ обидахъ, нанесенныхъ въ лицѣ смотрителя ему, пріору, и всему конвенту. При такой искусной постановкѣ, обвиняемый вынужденъ былъ защищаться отъ обвиненій по ихъ существу ²⁾.

Процессы подобнаго рода велись у доминиканъ безъ прерыва. Дѣло о взысканіи процентовъ съ суммы 3,000 злотыхъ, записанной на имѣніи Голе ³⁾, длилось около 10 лѣтъ (съ 1737 г.), причемъ обсерванты предъявляли свой искъ то къ владѣльцамъ имѣнія, переходившаго изъ рукъ въ руки, то къ его арендаторамъ, тоже часто мѣнявшимся ⁴⁾. Къ уплатѣ процентовъ съ 6,000

¹⁾ Рашинъ—село, близъ Варшавы.

²⁾ *Protocolum actorum Consistorii Varsaviensis*, XLI т., 1707 года 28 января: „Religioni Dominicani observantes contra nobilem Turcki“; 31 января: „Dominicani congregationis s. Bertrandi cum nobilibus Turcki“; *Acta Consistorii Varsaviensis*, XLII т., 618 л., 1712 г. 18 апр.: „Conventus varsaviensis ad Capellam Moschovitiscam ordinis s. Dominici contra illr. Oyrzyński“; 653 л., 23 мая: „Conventus varsaviensis ordinis Praedicatorum antiquae regularis observantiae contra illrem Oyrzyński, praepositum raszynensem praetensi spolii“.

³⁾ Деревня въ Блонскомъ уѣздѣ, Варшавской губ.

⁴⁾ Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи: *Acta Consistorii Varsaviensis*,

злотыхъ, обезпеченныхъ на бывшемъ „палацѣ Служко“, доминикане принуждали судомъ и воеводшу Потолицкую (1746 г.) ¹⁾, и люблинскаго подкоморія Тому Длускаго (1772 г.), владѣвшихъ этою недвижимостью; при переходѣ недвижимости отъ Длускаго къ Зентецкому пріоръ монастыря съумѣлъ (1800 — 1802 годъ) удержать долговое обязательство и на новомъ ея собственникѣ ²⁾.

Не мало хлопотъ было у доминиканъ и съ полученіемъ суммъ или процентовъ, отказанныхъ имъ по духовнымъ завѣщаніямъ или жертвуемыхъ имъ. Нѣкто Ключевскій завѣщалъ въ пользу монастыря 100 злотыхъ. Подъ предлогомъ, что у жертвователя остался малолѣтній сынъ, опекунъ мальчика отказался было отъ завѣщанное, но доминикане обратились (1680 г.) къ суду ³⁾, какъ равно чрезъ судъ они принудили (1712 г.) миссіонеровъ

XLIX—LIII т., 15 февраля, 20 и 31 мая 1737 г., 10 и 24 сентября, 1 и 10 октября, 5 дек. 1738 г., 16 сент., 20 ноября 1739 г., 1, 13 и 15 февраля, 27 марта, 13 мая, 17 июля 1743 г., 21 июня 1745 г. и др.

¹⁾ Тамъ же: Act. Cons. Vars., LIII т., 35 л., 14 февр. 1746 г.: „Pro adm rdo ac relso in Xto patre Valentino Daleszycki, ords Praedicatorum de observantia conventus varsavien. ad Capellam Moschoviticam procuratore actore suo et totius ejusd. conventus nunc agen, prinpli contra illrsm meam Theresiam Potulicka palatinam czer-niechovien., viduam, citatam“.

²⁾ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Варшавскія земскія судебныя книги, № 30, л. 138 и слѣд., судебное засѣданіе 16 ноября 1772 года; Попрусская интима варшавской недвижимости № 2768. — О судебныхъ искахъ доминиканами процентовъ и доходовъ съ другихъ недвижимостей болѣе всего документовъ въ Act. Consist. Varsaviensis.

³⁾ Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи, Acta Consistorii Varsaviensis, XXVII т., 260 л., 1680 г. 23 мая: Constitutio procuratorum per conventum pp. Dominicanorum congregationis s. Ludovici Bertrandi“; 211 л., 12 іюня: „Differtur causa pp. Dominicanorum ad Capellam Moschoviticam cum Sokolek legati“; 220 л., 28 іюня: „Conventus pp. Dominicanorum ad Capellam Moschoviticam contra Sokolek legati“; 232 л., 5 іюля: „Differtur causa pp. Dominicanorum varsaviensium ad Capellam Moschoviticam cum Sokolek legati“; 236 л., 8 іюля: „Conventus pp. Dominicanorum varsav. ad Capellam Moschoviticam cont. Sokolek legati“; 241 л., 10 іюля: „Inductio testium contra Sokolek per conventum pp. Dominicanorum varsaviensium ad Capellam Moschoviticam ratione legati“; 246 л., 12 іюля: „Inductionis testis contra Sokolek per conventum pp. Dominicanorum vars. ad Capellam Moschoviticam ratione legati“; 253 л., 17 іюля: „Inductio testis contra Sokolek per conventum pp. Dominicanorum ad Capellam Moschoviticam Vars. sitt. rne legati“; 286 л., 2 сентября: „Publicatio testium inter pp. Dominicanos ad Capellam Moschoviticam et Sokolek ratione legati“; 289 л., 6 сент.: „Decretum contumacialie inter pp. Dominicanos congreg. s. Ludovici Bertrandi vars. et Sokolek ratione legati“; 295 л., 13 сент.: „Interpositio appellationis a decreto contumaciali inter pp. Dominicanos ad Capellam Moschoviticam et Sokolek ratione legati in iudicio praesenti lato per Choiński“.

костела св. Креста вышлатить имъ суммы, пожертвованія имъ совмѣстно и задержанныя было миссіонерами ¹⁾. Варшавянинъ Янъ Белковскій, умирая бездѣтнымъ, записалъ (1707 г.) доминиканамъ 1,000 злотыхъ на своемъ имѣніи, подъ условіемъ, чтобы за проценты съ этой суммы ежегодно служилось за него известное количество обѣденъ. Когда имѣніе перешло къ супругамъ Жибултовскимъ, то они прекратили внесеніе процентовъ, и доминикане просили судъ принудить ихъ къ уплатѣ, такъ какъ-де непуплата вредно отзовется для души покойнаго жертвователя и требованіе ими процентовъ совершенно законно. Хотя повѣренный Жибултовскихъ, получивъ коніи съ документовъ, на которыхъ опирались доминикане, и отвергалъ притязанія монастыря, однако нунціатура рѣшила въ пользу послѣдняго, не прекративъ, впрочемъ, тѣмъ тяжбъ и расчетовъ, продолжавшихся и послѣ того еще нѣсколько лѣтъ ²⁾.

Вести свои тяжбы обсерванты предпочитали въ судѣ духовномъ ³⁾. Съ должниками, если эти не были людьми сильными или

¹⁾ Тамъ же, XLII т., 728 л., 22 авг. 1712 г.: „Conventus warsaviensis ad Moschovitiam Capellam quietat domum warsav. congreg. Missionis ex praefensionibus“. Такихъ суммъ особенно много было пожертвовано въ моровую язву 1708 г.

²⁾ Тамъ же, XLIX т., 72 л., 1737 г. 3 апрѣля: „Pro adm rudio ac religioso in Xto patribus priore subpriore totoque conventu ordinis Praedicatorum congregationis s. Ludovici Bertrandi strictioris observantiae ad Capellam Moschovitiam degent. tum adm rudio ac religioso promotore s. Rosarii in ead. Capella Moschovica citt. principalibus act. contra nobiles Sophiam Boguczowa, matrem, et Josephum Zybulowski et Johannam conjuges possessores bonorum olim f. Joannis Belkowski citt“; 77 л., 5 апр.; 128 л., 10 іюля; 134 л., 19 іюля; 255 л., 20 дек.; 261 л., 23 дек.; XLIX т., 1738 г. 10 и 24 сентября, 5 декабря; L т., 127 л., 1739 г. 24 іюля и др.

³⁾ Характеренъ здѣсь такой случай. Повѣренный доминиканъ домогался (1740 г.) чрезъ консисторію уплаты 6,600 тифвовъ (тифвъ=18 грошей или 9 коп.), уступленныхъ совѣтникомъ Старой Варшавы Петромъ Ріокуръ нѣкому Судану и отказанныхъ доминиканамъ сыномъ послѣдняго, Осипомъ Суданъ. Ссылаясь на то, что Ріокуръ человекъ свѣтскій, его уполномоченный указалъ на некомпетентность здѣсь такого суда. Право избранія свѣтскаго или духовнаго трибунала повѣренный доминиканъ приписывалъ себѣ, но повѣренный Ріокура утверждалъ, что относительно компетенціи суда истецъ долженъ примѣняться къ отвѣтчику, съ чѣмъ согласился и судья и передалъ дѣло суду свѣтскому. Повѣренный доминиканъ не согласился и съ мнѣніемъ судьи, апеллировалъ, но судья отвергъ его апелляцію. Тамъ же, L т., 251 л., 9 сентября 1740 г.: „Pro adm rudio ac religioso in Christo patre Dominico Massalski s. theologiae praesentato contus grodnensis ords Praedicatorum congregationis s. Ludovici Bertrandi priore suo ac totius contus sui nne principali agente actore contra nobilem ac spectabilem Petrum Ryokour consulem civitt. antiquae Warsaviae citatum“.

влиятельными, они не церемонились. У пана Якова Заблоцкаго, не признававшего было ихъ денежныхъ претензій къ нему, пріоръ Шукальскій насильно захватилъ (1712 г.) на дорогѣ его лошадей съ возомъ и отвелъ ее въ свой монастырь, держалъ ее болѣе недѣли¹⁾. Одинъ изъ должниковъ, подписавшій вексель на 10,000 злотыхъ, жаловался (1739 г.), что доминикане сдѣлали на вексель тяжелыя для него оговорки, замѣчанія (*gravaminosas clausulas*), и не хотятъ выдать ему даже копии съ этой бумаги²⁾.

Обсервантамъ приходилось хлопотать о полученіи долговъ не только своихъ, но и Рожанцоваго братства. Весною 1744 г. потребовали они къ суду сразу семь человекъ, домовладѣльцевъ на Краковскомъ предмѣстьѣ, чтобы они уплатили чиншъ (проценты) съ суммъ, записанныхъ на ихъ домахъ въ пользу братства св. Рожанца³⁾.

Благодаря настойчивымъ стараніямъ обсервантовъ и братства объ увеличеніи доходовъ, монастырь съ избыткомъ покрывалъ свои текуція нужды. У него образовался запасной капиталъ, постепенно возрастающій, главнымъ образомъ отъ пожертвованій по духовнымъ завѣщаніямъ и отъ другихъ вкладовъ⁴⁾. Капиталъ отдавался подъ проценты, обезнечиваемые залогомъ недвижимо-

¹⁾ Тамъ же, XLII т., 736 л., 26 авг. 1712 г.: „*Protestatur nobilis Zablocki contra r. patrem priorem ordinis Praedicatorum antiquae regulae observ. ad Moschoviticam Capellam*“.

²⁾ Тамъ же, L т., 194 л., 24 сент. 1739 г.: „*Protestatur nobilis Vincentius Romualdus Belloti contra adm rndos et rell. pp. Dominicanos ad Capellam Moschoviticam*“.

³⁾ Тамъ же, LI т., 96 л., 1744 г. 11 мая: „*Pro adm rndo ac religioso patre Damiano Matusiewicz promotore ssmi Rosarii in Capella Moschovitica principali actore contra famatt. Josephum Zeygler, Nicolaum Kolakowski, Simeonem Stanszewicz, Josephum Korbetty, Jacobum Awakowicz, Josephum Bychawski et Catharinam Pawlowska viduam, incolas in suburbio Cracoviens. existen. citatt.*“; 120 л., 3 июня: „*Pro adm rndis ac religiosis in Christo patribus priore subpriore totoque conventu ords. Praedicatorum strictioris observantiae ad Capellam Moschoviticam Varsaviae degen. actoribus contra nobiles Kolakowskie, Josephum Korbe, Pawlowska et Bychawska cittos*“.

⁴⁾ Записи пожертвованій по духовнымъ завѣщаніямъ и по вкладамъ въ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, *Juridica Wozydar*, 62 кн., 12 л.; 69 кн., 10 и 157 л., 70 кн., 89 и 149 и др.; *Juridica Warszawska*, 70 кн., 152 л., и др.; въ Архивъ Варш. р.-к. дух. консисторіи, *Acta Dominikanów Obserwantów*, I — II.

стей. Денежныя суммы были главнымъ достоинствомъ обсерваторовъ; изъ недвижимостей удерживалось въ ихъ полной собственности только то незначительное, что непосредственно прилежало къ ихъ монастырю и костелу.

Официальный отчетъ 1784 года, т. е. въ пору вышенаго процѣпанія конвента, въ такомъ видѣ изображаетъ состояніе монастырскихъ средствъ:

„Помѣстій и вообще поземельныхъ владѣній монастырь не имѣетъ, а у него лишь денежныя суммы, наличныя или обезпеченныя подѣ залогъ частныхъ свѣтскихъ имѣній; суммы простираются до 110,000 польскихъ злотыхъ или 12,222 римскихъ скудовъ, отъ которыхъ ежегодныхъ процентовъ получается монастыремъ 3,840 злотыхъ или около 430 римскихъ скудовъ; между тѣмъ какъ прежде онъ получалъ въ два раза больше, когда съ ста злотыхъ взималось 7⁰/₁₀, нынѣ же получается всего 3¹/₂ ⁰/₁₀, въ силу состоявшагося (въ Польшѣ) общаго закона, прежнюю часть (доходовъ) сведнаго на половину. Доходъ этотъ („чиншъ“) съ лицъ, у коихъ находятся эти займы подѣ обезпеченіе, получается крайне съ большимъ трудомъ и съ тратами. Кромѣ данныхъ процентовъ, другихъ постоянныхъ (несомнѣнныхъ) доходовъ нѣтъ никакихъ. Пожертвованія, приносимыя вѣрными за ежедневныя обѣдни, и милостыни, каждый день собираемыя въ городѣ двумя монастырскими братчиками, составляютъ вторую часть монастырскихъ доходовъ. И этими доходами покрываются все расходы, какъ-то: содержаніе братіи, ремонтъ монастыря и костела, уплата пошлинъ и иныхъ общественныхъ налоговъ, складчина отъ имени духовенства и прочія нужды. За годичный доходъ съ денежныхъ суммъ монастырь обязанъ на вѣчныя времена совершать 811 обѣденъ“¹⁾.

Къ доходамъ постояннымъ относилась потомъ еще плата, получаемая отъ сдачи въ наймы разныхъ монастырскихъ строеній.

Всей денежной суммы монастыря и Рожанцоваго братства, въ концу существованія монастыря, по описи 1813 года, было

¹⁾ Приложенія, кн. 1, № 10 (изъ Римскаго Архива общаго управленія доминиканъ, Конгрегация Людовика Бертранда въ Польшѣ).

до 106,193 злотыхъ; доходъ съ нея и съ монастырскихъ зданій опредѣлялся тогда въ 6,663 злотыхъ 29 грошей; обѣденъ за пожертвованныя суммы должно было ежегодно отслуживать 871 ¹⁾).

Активъ, выволившійся въ отчетахъ за эту послѣднюю пору, однако уже рѣзко не согласовался съ дѣйствительностію. Доходы и самый денежный фондъ, какъ увидимъ ²⁾), числились почти лишь на бумагѣ, монастырь находился въ неоплатныхъ долгахъ, ему нечѣмъ было даже расплачиваться съ ксендзами за отслуживаемыя ими обѣдни, и его зданія приходили въ ветхость, разрушались...

Степень матеріальнаго благосостоянія конвента и притокъ пожертвованій всегда ярко отражались на костелѣ и всѣхъ вообще монастырскихъ зданіяхъ.

¹⁾ Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи: *Acta Dominikanów Obserwatów suppremovaluch*, I, 224—225. — Собственно монастырь имѣлъ 78,478 злотыхъ, съ которыхъ долженъ былъ получать процента 3,102 зл. 24 гроша; отъ сдачи двора и лавочки 1,980 зл., съ 3 конюшенъ и 4 сараевъ 600 зл., всего—5,682 зл. 24 гр.; братство владѣло 27,715 зл., процента съ нихъ полагалось 981 зл. 5 грошей. Обѣденъ должно было монастырю отслуживать 68 отпѣваемыхъ и 803 читаемыхъ (или „тихихъ“). Приложенія, кн. 1, стр. 82—83.

²⁾ Ниже, XII—XIII гл.

ХІ ГЛАВА.

Московская каплица въ періодъ владѣнія ею доминиканами обсервантами, и ихъ церковно-монастырскія постройки.

Примѣненіе Каплицы доминиканами къ своимъ практическимъ потребностямъ.—Превращеніе ея въ небольшой костель.—Сооруженіе костела и пересооруженія Каплицы въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII в.—Внѣшній видъ и внутреннее устройство.—Усыпальница и кладбище.—Начальная исторія Каплицы ослабляется въ народной памяти.—Официальное и народное названія Каплицы; названія въ судебныхъ актахъ, въ записяхъ пожертвованій, въ варшавскихъ городскихъ описяхъ.—Наименованія существовавшего при ней Рожанцоваго братства.—Изъятіе народнаго названія изъ употребленія въ официальныхъ актахъ.—Перестройка въ 1783 г.—Видъ костела и монастыря, и размѣры, занимаемой ими мѣстности.—Ипотечные №№-ра.—Состояніе костела и монастыря въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.—Библіотека.—Церковная печать.—Забвеніе исторіи происхожденія памятника.

Собственники историческаго памятника не думали о сохраненіи его въ цѣлости. Въ отношеніи къ нему и къ его мѣстности они руководились своими практическими интересами удобства и выгоды, и тамъ, гдѣ прежде видѣлось одно круглое зданіе, сооруженное Сигизмундомъ въ честь Шуйскихъ для увѣковѣченія событія и славы своего царствованія, постепенно по стараніямъ доминиканъ сложился большой продолговатый костель съ группою монастырскихъ построекъ. Съ пересооруженіями и сооруженіями, совершенно измѣнявшими первоначальный видъ и размѣры Московской каплицы, измѣняется и изглаживается ея прежнее названіе, поиззабывается и ея начальная исторія. О такой судьбѣ ея, постепенно развивавшейся въ теченіе полуторастолѣтняго владѣнія ею доминиканами, свидѣтельствуютъ показанія и официальные, и частныя, и вышедшія отъ доминиканъ, и стороннія, не имѣвшія къ нимъ никакого зависимаго отношенія; то же подтверждаютъ виды и планы мѣстности и зданій.

Мы уже видѣли, для какой цѣли Янъ-Казимиръ подарилъ „въ вѣчное владѣніе“ доминиканамъ бывшую усыпальницу Шуйскихъ съ прилегающей къ ней землей. Королевскими грамотами

(1668 г.) отдавалась она имъ въ полную собственность „на церковное пользованіе”, причемъ устанавливалось, чтобы „названные благочестивые отцы иноки ордена проповѣдниковъ строгаго устава”, перемѣнивъ эту „Московскую святыню” на „мѣсто богослуженія” и выстроивъ себѣ при ней монастырь, пользовались тутъ „всѣми удобствами для общежитія и для благопоспѣшнѣйшаго отправления службы Божіей” ¹⁾. „Зданіе Московской каплицы” стало вскорѣ монастырскимъ храмомъ, какъ „обозначенное и украшенное наияснѣйшимъ дарителемъ названіемъ въ честь Матери Побѣдоносной” ²⁾ и „очищенное” (освященное) конгрегацией „по католическому обычаю и обряду” ³⁾. Тогда же, конечно, былъ поставленъ сюда и образъ Божіей Матери Побѣдоносной, въ честь Которой была наименована и освящена Каплица, ставшій главною святыней Каплицы и предметомъ благочестиваго почитанія и легендъ. Рассказывалось впоследствии ⁴⁾, что эта икона написана евангелистомъ Лукой, что нѣкогда находилась она въ Смоленскѣ, изъ котораго ушла въ осаждавшій его польскій лагерь, что затѣмъ стояла въ каплицѣ Варшавскаго королевскаго замка и навсегда отдана королями въ доминиканскій храмъ.

Величественная въ качествѣ надгробнаго памятника, Каплица, по обращеніи ея въ костелъ, оказалась небольшою и могла удовлетворять доминиканъ, пока ихъ община еще не развилась ⁵⁾. Черезъ десятка два лѣтъ они нашли ее недостаточной.

¹⁾ Выше, IX гл. и 189 стр.

²⁾ „...aedes Capellae Moschoviticae, titulo a praelibato serenissimo fundatore Matris Victoriosae insignitas et adornatas“... Официальное свидѣтельство постановленія Варшавской римско-католической консисторіи о ввѣдѣ доминиканъ во владѣніе Московской каплицею, отъ 8 января в. с. 1674 г. Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, стр. 66.

³⁾ „Hanc more ac ritu catholico purpuratam“... Въ официальномъ допущеніи центральному управленію доминиканъ, въ 1784 г. Тамъ же, стр. 41. Документами нельзя обосновать повѣствованій, что „Zygmunt III... dzwignął... Kaplicę N. Panny Zwycięzkiej“ (Gazeta Warszawska, 1847, № 153, Pał. Kazim., Bartoszewicza), или что Янъ Казимиръ „zbudował przy Kaplicy Moskiewskiej kościół Najświętszej Panny Marji Zwycięzkiej (Sancta Maria de Victoria) i oddał ją Dominikanom obserwantom“ (Kraj, 1897, № 8, Warszawa zanikająca, W. Gomulickiego, и др.).

⁴⁾ Ниже, въ этой же главѣ, стр. 234, 240.

⁵⁾ Хотя точные ея размѣры нигдѣ не описаны, но она была много больше, нежели изображаютъ ее авторы мнѣнія (выше, стр. 198—200); что сохраняющееся

Чтобы справиться съ стройкой, предпринятой доминиканами, потребовалась матеріальная королевская помощь. Подтвердивъ за ними владѣніе Каплицею, король Янъ Собѣскій на вспоможеніе имъ подарилъ доходы съ своего виленскаго восковаго завода, по какимъ-то причинамъ потомъ задержанные имъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ, очевидно, по просьбѣ доминиканъ, возобновилъ (28 апр. н. ст. 1691 г.) свой даръ, только уже съ прямымъ назначеніемъ дохода на довершеніе стройки, „чтобы—какъ объявлялось въ грамотѣ—тотъ доходъ, задерживаемый въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ выдаваемъ снова, на окончаніе строенія и костела этихъ же отцовъ доминиканъ обсервантовъ въ Варшавѣ при Московской каплицѣ“¹⁾.

Свою круглую форму зданіе Московской каплицы сначала сохраняло²⁾, удерживая ее, въ основной части, и при слѣдующей перестройкѣ, 1731 года, какъ видно изъ современной записи о данной перестройкѣ. По словамъ записи, весь куполь Каплицы былъ въ этомъ году внутри росписанъ, полъ настланъ изъ мраморныхъ плитъ, купленныхъ въ Данцигѣ; подъ нею вновь устроена была усыпальница для братьи, расписанная изреченіями, со столомъ по срединѣ, съ пятнадцатью нишами, съ желѣзною рѣшеткою; для входа туда сдѣлана новая лѣстница. Для усиленія свѣта въ Каплицѣ сдѣланы были два новыя окна,

за I Варшавской мужской гимназіей зданіице—бывшая подлинная Московская каплица. Въ подтвержденіе столь незначительныхъ размѣровъ ея указывается на то, что изъ трехъ гробовъ Шуйскихъ два стояли одинъ на другомъ. Бывшій подъ ея поломъ склепъ („каменная палатка“), въ которомъ покоились царско-княжескія тѣла (см. выше, 125—127), не свидѣтельствуетъ о размѣрахъ самой Каплицы. Сигизмундъ и его свита стояли, разумѣется, въ Каплицѣ, кругомъ склена, когда торжественно опускали туда гробы, какъ равно и члены русскаго посольства стояли въ зданіи, когда изъ-подъ открытой подъ поломъ палатки почетно вынимались дорогие для нихъ посмертныя останки. Не безъ основанія, католическимъ духовнымъ лицамъ зданіе опустѣвшей Каплицы казалось похожимъ на церковь (выше, 114—115), и подъ нимъ, какъ затѣмъ увидимъ, нашлось потомъ мѣсто для 15 нишъ и въ срединѣ между ними стоялъ столъ, около котораго было, конечно, свободное мѣсто для прохода.

¹⁾ Главный архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Коронная метрика, 217 кн., 93—94 л.: „Przywilej oycow Dominikanow warszawskich strictioris observantiae na branie prowentu z woskoboyni wilenskiey“. Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, № 16.

²⁾ Въ копіи съ плана конца XVII столѣтія вся Каплица изображена круглою. Приложенія, кн. 2, планъ № 14; ср. въ кн. 1, рисунки №№ 3—4.

съ каменными около нихъ косяками; двери въ ней двойныя, двѣ съ фасада и двѣ боковыя, хорошо окованныя желѣзомъ. Имѣлось въ виду настлатъ предъ нею каменные плиты, болѣе сорока, на подобіе тѣхъ, какія лежали предъ главнымъ олтаремъ. Подперта она была снизу, въ глубинѣ фундамента, каменной съ желѣзомъ выкладкой, а по бокамъ двумя стѣнами, въ которыхъ имѣлись два окна, одинаковой величины, какъ новыя въ самой Каплицѣ, и двойныя двери. Куполь обновленъ и покрытъ отчасти новой жестью, такъ какъ изъ-за плохой первоначальной работы все сильно испортилось; надъ куполомъ новый шаръ, изъ желтой мѣди, съ крестомъ, вызолоченные. Надъ фасадомъ костела была помѣщена статуя Богородицы съ Младенцемъ Іисусомъ въ рукахъ, на головахъ у нихъ позолоченныя короны, въ которыхъ драгоценныя камни, называемыя чешскими; Божія Матерь съ позолоченнымъ скипетромъ, подъ Ея стопами яблоко и луна, тоже позолоченныя. Тамъ же двѣ вазы (урны), изъ бѣлаго камня, которыя предполагалось выкрасить. Надъ стѣной и надъ незаконченными куподами возведены также двѣ башни, съ двумя позолоченными крестами и съ двумя позолоченными жъ мѣдными шарами, пріобрѣтенными въ Данцигѣ. Карнизъ покрытъ бѣлой жестью, еще несовсѣмъ прикрѣпленной. Монастырскія ворота были починены и укрѣплены, для нихъ сдѣланы новыя каменные столбы и желѣзныя, окрашенныя двери. Отсюда устроены, для братіи и почетныхъ богомольцевъ, входъ чрезъ красиво росписанныя сѣни прямо въ костель, двери въ который двойныя, выкрашенныя, скрѣпленныя желѣзомъ, и съ надлежащими запорами. Олтарь Распятія еще не исправленъ, находился у столбца. Запись, заключающая въ себѣ эти данныя, имѣетъ характеръ неофициальныхъ замѣтокъ, составитель которыхъ — эконома или пріоръ монастыря — пользовался ими для свѣдѣній, которыя должны быть всегда подъ рукой; возможно, что она послужила черновикомъ или матеріаломъ и для официального отчета или вѣдомости ¹⁾). Достаточная для составителя, она вызываетъ недоумѣніе у читателей. Такъ, неясно, говорится ли

¹⁾ Приложенія, кн. 1, № 121: Memoriale (изъ рукописи Библиотеки г. Коротыцкаго). Ср. Z dziejów Warszawy и Varsoviana, A. Kraushaha, и друг.

о Каплицѣ и костелѣ, какъ зданіяхъ, стоявшихъ совершенно отдѣльно, или же подъ костеломъ подразумѣвается зданіе, только пристроенное къ Каплицѣ и тѣмъ увеличивающее домъ молитвы, подобно тому, какъ въ обычной рѣчи нерѣдко употребляется: „олтарь“ и „церковь“, причемъ подъ послѣднею разумѣется или все зданіе, включая и олтарь, или одинъ корпусъ, безъ олтаря ¹⁾. Впрочемъ, о каждомъ зданіи или учрежденіи говорится составителемъ обыкновенно отдѣльно, здѣсь же о частяхъ Каплицы и костела онъ отмѣчаетъ въ одномъ пунктѣ и попеременно; упоминаемая имъ двѣ стѣны, на которыя по бокамъ опиралась Каплица, относились, очевидно, къ „костелу“, удлинившему ее; говоря о „самой Каплицѣ“, авторъ упоминаетъ о „главномъ олтарѣ“, который слѣдовательно находился собственно въ ней, чѣмъ дается полагать, что „Каплица“ и „костель“ составляли собою вмѣстѣ одно цѣльное.

Но еслибъ даже, на основаніи данной записи, и допустить, что костель стоялъ тогда отдѣльно, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ удержаться въ такомъ видѣ, какъ показываютъ дальнѣйшія свидѣтельства относительно перестройки, отличающіяся уже безусловной ясностію. Изъ одного изъ нихъ узнаемъ, что „благодаря щедрости набожныхъ людей, эту Каплицу (—Московскую, возникшую при Сигизмундѣ III—) доминикане обсерванты расширили и перестроили въ маленькій костель; костель этотъ былъ освященъ 11 іюня 1741 года Станиславомъ Грабовскимъ, княземъ-епископомъ варминскимъ“ ²⁾. Такимъ образомъ, „Капеллу“, вмѣщавшую прежде тѣла Шуйскихъ и, по отдачѣ ея доминиканамъ, „освященную по католическому обычаю и обряду, конгрегация — какъ официально доносилось потомъ въ Римъ—сдѣлала болѣе славною, расширивъ и украсивъ ее присоединеніемъ къ ней костела, построеннаго изъ обожженнаго кирпича на приношенія вѣрныхъ“ ³⁾.

¹⁾ Напримѣръ: „стоять въ олтарѣ“, „былъ погребень у олтаря“, „стоять въ церкви“, „пожертвовать въ церковь“, „былъ погребень у церкви“, „погребень на правой сторонѣ церкви, близь олтаря“, „церковь не по олтарю“ и т. п.

²⁾ *Gazeta Warszawska*, 1783, № 58, Supplement. — См. ниже, стр. 232—233.

³⁾ Римскій Архивъ общаго управленія доминиканъ, Конгрегация Людо-

Зданіе это было продолговатое; надъ нимъ виднѣлись два возвышенія, очевидно, одно изъ нихъ—куполь собственно прежней „Каплицы“, другое — статуя Богоматери съ небольшими башнями надъ фасадомъ „костела“¹⁾.

Олтарей въ перестраиваемой Каплицѣ, извѣстно четыре: главный, посвященный въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной, въ самой Каплицѣ, второй, въ честь имени Господа Иисуса („Распятія“), и еще два, во имя св. Екатерины и Антонія²⁾. Олтарь имени Иисуса находился, какъ и впоследствии, собственно въ „костелѣ“. Нѣсколько десятковъ лѣтъ жившая „при костелѣ Московской каплицы“, Екатерина Орловская предъ смертью завѣщала похоронить ее „при костелѣ той же Московской каплицы, на кладбищѣ, съ той стороны, гдѣ олтарь наисладчайшаго имени Иисуса“, къ братству котораго она, очевидно, принадлежала.

Что такое было завѣщаніе старушки Екатерины Орловской, подтвердили (20 октября н. с. 1712 г.) и сынъ ея, и „пріоръ варшавскаго конвента при Московской капеллѣ ордена св. Доминика конгрегациі св. Бертранда“. Похоронами ея создавался удобный прецедентъ, опираясь на который обсервантамъ можно было бы потомъ безпренятственнѣе хоронить на своемъ

вика Бертранда въ Польшѣ, Записка о состояніи Варшавскаго монастыря доминиканъ обсервантовъ въ 1784 году, съ краткими сообщеніями объ его основаніи и постепенномъ развитіи. Приложенія, кн. 1, № 10.

Отсюда и изъ дальнѣйшихъ свидѣтельствъ о Московской каплицѣ и названіи ея (особенно на стр. 225, прим. 2, стр. 231 и др.) ясна ошибочность мнѣній не только о томъ, что она не была превращена въ костелъ, но и о томъ, будто во время владѣнія ею доминиканами она служила кладовой (*służyła za skarbiec*). Въ подтвержденіе послѣдняго проф. Ф. Ф. Вержбовскимъ приводится духовное завѣщаніе нѣкогого Жубра отъ 1733 г., внесенное въ книги люблинскаго трибунала въ 1749 году. Здѣсь, между прочимъ, упоминается, что мать жены завѣщателя разныя вещи своей дочери и свои „*lokowała była w Warszawie w depozycie u wielbnych ojców Dominikanów w Kaplicy Moskiewskiej i u ojców Karuzynów warskich*“ (Т е о д о г В и е р з б о в а к і, Т. mat do powieści. Jeszcze z powodu Kaplicy Moskiewskiej, въ журналѣ *Tygodnik polski*, 1899, № 5, стр. 93—94). Но данное мѣсто означаетъ только, что вещи имѣлись депозитомъ у доминиканъ при Московской каплицѣ (какъ ихъ называли въ отличіе отъ другихъ доминиканъ), какъ равно и у капудинъ „*warskich*“. Мы уже видѣли (предыц. гл.), какими разнообразными финансовыми операціями занимались доминикане обсерванты и какъ обыкновенно именовали этихъ отцовъ. „Московскою каплицей“ называли и весь монастырь. Ср. выше, 198—200.

¹⁾ „Московская каплица“ съ боку, отъ Вислы, на планахъ Варшавы 1762 г., Тирегайля, и 1772 г., Заппони. Приложенія, кн. 1, рис. №№ 6—7. Ср. выше, 203 стр.

²⁾ Приложенія, кн. 1, № 121.

кладбищъ лицъ, не принадлежавшихъ къ членамъ ихъ монастырской братіи, почему ксендзы миссіонеры, указывая, что ея похороны, совершенныя безъ вѣдома ихъ настоятеля, представляютъ нарушеніе ихъ приходскихъ правъ, потребовали у епархіального суда наказать доминиканъ чрезъ экскоммуникацію (клятву, отлученіе) ¹⁾. Но доминикане и Рожанцовое братство и послѣ того, какъ и ранѣе, принимали денежныя приношенія подѣ условіемъ похоронъ жертвователей на ихъ кладбищъ, и духовныя завѣщанія объ этомъ утверждались подлежащею свѣтскою властію. Такъ, въ 1704 году внесено было въ варшавскія старостинскія книги духовное завѣщаніе вдовы Ядвиги Гемза, коимъ она отказывала 100 злотыхъ „братству при монастырѣ доминиканъ обсервантовъ“, съ тѣмъ, чтобы „тѣло ея было похоронено у оо. доминиканъ обсервантовъ въ костелѣ, называемомъ Московскою каплицей“ ²⁾; въ 1735 году было внесено въ тѣ же книги завѣщаніе Дембинской о пожертвованіи на похороны ея „на кладбищѣ при костелѣ преподобныхъ оо. обсервантовъ при Московскою каплицѣ“ ³⁾.

Такимъ образомъ, у доминиканъ возникло и было два мѣста погребенія: усыпальница для членовъ ихъ братіи, подѣ Каплицею, и кладбище, на которомъ хоронили и лицъ постороннихъ. Послѣ перестройки Каплицы въ 1741 г., кладбище находилось предѣ костеломъ. Въ формѣ полукруга выдаваясь передней своею частью на Краковское предмѣстье, оно бѣльшею своею боковой стороною, локтей съ 50, примыкало къ Александриі, откосомъ, явившимся при поднятіи и уравниеніи его площади, покатою сюда ⁴⁾.

¹⁾ Архивъ Варшавской римско-католической духовной консисторіи, Acta Consistorii Varsaviensis, XLII т., 801 л., 1712 г. 20 октября: „Depositio testimonii pro conventu ad Capellam Moschoviticam“; л. 837, 14 октября: „Missionarii varsavienses contra Dominicanos antiquae regularis observantiae violationis jurium parochialium“. Приложенія, кн. 1, № 21. Выраженіе „при костелѣ Московскою каплицей“ встрѣчается только въ этомъ документѣ; обыкновенно же: „при Московскою каплицѣ“, „при костелѣ, называемомъ Московскою каплицей“.

²⁾ Гл. Архивъ др. акт. при Варш. Суд. палатѣ, Juridica Bożidar, 62 кн., 12 л., 6 авг. 1704 г. („...było pochowane u оо. Dominikanów obserwantów w Kaplicy Moskiewskiej nazwanym kościele“).

³⁾ Тамъ же, 70 кн., 89 л., 1735 г. („...na smentarzu przy kościele ww. оо. obserwantów przy Kaplicy Moskiewskiej pochowane“).

⁴⁾ Такъ оно означается въ описяхъ локтевой подати Варшавы 1747, 1753,

У доминиканъ имѣлась библіотека, комната для пріема гостей и разные жилые помѣщенія и хозяйственныя и надворныя постройки ¹⁾; былъ и „пріютъ подкидышей Младенца Иисуса, при Московской капицѣ“ ²⁾.

Перестройки Капицы и время изглаживали память о начальной ея исторіи. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ XVII столѣтія посѣтившій Варшаву, извѣстный французскій путешественникъ сообщалъ: „Мы отправились въ Замокъ; въ немъ нѣтъ ничего красиваго, кромѣ сенатскихъ комнатъ и одной изъ мрамора, въ которой нарисовано взятіе поляками у москвитянъ Смоленска, гдѣ было большое сраженіе и взяли двухъ сыновей великаго князя и привели ихъ плѣнными въ Варшаву, гдѣ они и умерли; для нихъ была выстроена часовня, называемая еще Московскою капицей, которая стоитъ противъ того мѣста, въ которомъ мы жили“ ³⁾. Затѣмъ, въ концѣ того же вѣка, проездомъ чрезъ Варшаву въ Москву членъ австрійскаго посольства лаконически отмѣтилъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Недалеко отъ костела св. Креста находится часовня, называемая Московскою, потому что построена иждивеніемъ двухъ царей, взятыхъ въ старину въ плѣнъ во время войны и здѣсь похороненныхъ“ ⁴⁾. Если эти авторы не перепутали, а передали вѣрно, что говорили имъ, то должно признать, что достовѣрная исторія Капицы уже тогда сильно пострадала въ устной передачѣ. Но и изъ ихъ словъ видно, какъ еще прочно держалось прежнее названіе усыпальницы.

1755, 1756, 1758, 1759, 1764—1765, 1767, 1769, 1770, 1773—1774 и др. годовъ (тамъ же, Реестры доктовой подати за эти годы, 18 кн., 4 л., 19 кн., 4 л.; 21 кн., 36 л.; 22 кн., 3 л.; 24 кн., 28 л.; 30 кн., 3 л.; 32 кн., 39 л.; 35 кн., 40 л.; 38 кн., 3 л. и др.) и въ планахъ Варшавы Тирегайля и Клипша. См. Приложенія, кн. 1, № 17с, кн. 2, планы, №№ 19—20.

¹⁾ Приложенія, кн. 1, № 210.

²⁾ Архивъ Варшав. рим.-катол. дух. консисторіи, Protokoll. actor. Consistorii Varsaviensis, т. LXV, л. 83, отъ 26 іюня н. с. 1745 г.

³⁾ Oeuvres de m. Regnart, Nouvelle edition. A. Paris, 1750, I, 231—232 (біографія его въ предисловіи къ парижскому изданію 1758 г.).

⁴⁾ „Non procul ab ecclesia, ad Sanctam Crucem dicta, capella est, dicta Moscovitica; quoniam a duobus tzaris olim in bello captis, et ibidem sepultis aedificata est“. J. G. Korb, Diarium itineris in Moscoviam et cet., 156 стр., 8 сент. 1699 г., рус. перев. въ Чтен. М. О. И. и Др. Рос., 1867, I, 203, и примѣч.

Официальное церковное названіе постоянно соединялось съ названіемъ народнымъ, которое часто прямо замѣняло собою первое.

Въ судебныхъ актахъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ наименованіемъ „Варшавскій монастырь ордена проповѣдниковъ конгрегациі св. Людовика Бертранда при церкви Св. Дѣвы Маріи Побѣдоносной”¹⁾, встрѣчаемъ: „монастырь ордена проповѣдниковъ св. Доминика конгрегациі св. Людовика Бертранда при Московской капицѣ Св. Маріи Дѣвы Побѣдоносной въ Краковскомъ предмѣстьѣ Старой Варшавы”²⁾, или: „Варшавскій монастырь при Московской капицѣ конгрегациі св. Людовика Бертранда ордена проповѣдниковъ”³⁾, или: „отцы ордена проповѣдниковъ при Московской капицѣ”⁴⁾, и т. п. Въ надписяхъ надъ судебными актами видимъ: „отцы доминикане конгрегациі св. Людовика Бертранда при капицѣ Св. Маріи Дѣвы Побѣдоносной въ Варшавѣ”, или еще чаще: „отцы доминикане при Московской капицѣ”, „монастырь оо. доминиканъ при Московской капицѣ” (*Conventus pp. Dominicanorum ad Capellam Moschoviticam*)⁵⁾,

¹⁾ *Ordinis Praedicatorum congregationis s. Ludovici Bertrandi conventus varsaviensis Victoriosae Virginis Mariae* (Архивъ Варшавской р.-к. духовной консисторіи, *Acta Consistorii Varsaviensis*, 1678 г., XXVI т., 614 л.); „*Ordinis s. Dominici congregationis vero s. Ludovici Bertrandi ad ecclesiam B. M. V. Victoriosae conventus varsaviensis*” (тамъ же, 1680 г., XXVII т., 200 л.); „*Ordinis Praedicatorum congregationis s. Ludovici Bertrandi conventus varsaviensis ad ecclesiam B. M. Virginis Victoriosae*” (тамъ же, 1680 г., 211, 220 л.).

²⁾ „*Ordinis Praedicatorum s. Dominici congregationis s. Ludovici Bertrandi conventus ad Capellam Moschoviticam B. M. Virg. Victoriosae in suburbio Cracoviensi Antiquae Varsaviae*”. Тамъ же, 1682 г., XXVIII т., 287 л.

³⁾ „*Conventus varsaviensis ad Capellam Moschoviticam congr. s. Ludovici Bertrandi ord. Praedicatorum*”. Тамъ же, 1712 г., XLII т., 618 л. Или: „*Adm. r. p. Ambrosio Skorowski ordinis Praedicatorum et toti congregationi s. Ludovici Bertrandi hic Varsaviae ad Capellam Moschoviticam*” (тамъ же, *Protocollo actor. Cons. Varsav.*, 1705 г. 10 окт., XLI т.); „*Conventus varsaviensis ordinis Praedicatorum s. Ludovici Bertrandi ad Capellam Moschoviticam*” (тамъ же, *Acta Cons. Varsav.*, 1714 г., XLIV т., 302 л.); „*Conventus vero praefatus ordinis Praedicatorum ad Capellam Moschoviticam*” (тамъ же, 26 мая 1736 г., LXI т.).

⁴⁾ „*Patr. ordinis Praedicatorum ad Capellam Moschoviticam*”. Тамъ же, *Protocollo act. Cons. Vars.*, 1707 г. 24 ноября, XLI т. Или: „*Pat. Dominicani conventus ad Capellam Moschoviticam Varsaviae ordinis s. Bertrandi strictoris observantiae*”. Тамъ же, 1706 г. 21 июня.

⁵⁾ См. предыдущую главу.

и т. п. Судебною властію наложенъ былъ (1773 г.) арестъ на имущество одного изъ должниковъ — какъ значитса въ актѣ — „по требованію монастыря св. отца Доминика при костелѣ, называемомъ Московскою каплицею, находящемся на Краковскомъ предмѣстьѣ“¹⁾. Подъ судебнымъ актомъ, обязывавшимъ доминиканъ соблюдать въ церковныхъ ходахъ опредѣленныя правила, ихъ пріоръ подписался (26 мая н. ст. 1736 г.): „Гіацинтъ Грембергъ, лекторъ богословія и пріоръ варшавскій при Московской каплицѣ“²⁾.

Пожертвованія по духовнымъ завѣщаніямъ и не по завѣщаніямъ приносились „преподобнымъ оо. доминиканамъ Московскою каплицы“ (1727 г.), „на стройку костела преподобныхъ оо. доминиканъ, называемаго Московскою каплицею“ (1769 г.), или „для преподобныхъ оо. доминиканъ обсервантовъ при Московской каплицѣ, т. е. монастырю, чтобы помнили о душѣ, и на стройку костела“ (1771 г.), и т. п.³⁾. Иныя пожертвованія, какъ мы видѣли, вносились подъ условіемъ похорошъ „на кладбищѣ при костелѣ преподобныхъ оо. обсервантовъ при Московской каплицѣ“, и т. п.

Въ описяхъ Варшавы, полицейскихъ и для опредѣленія различныхъ городскихъ податей, почти не употреблялось наименованіе „костель“, удерживалось обыкновенно одно названіе „каплица“, или „монастырь“. Такъ, описью 1669 года отмѣчается „Московская каплица оо. доминиканъ“⁴⁾; въ описи для опредѣ-

¹⁾ „Na żądanie konwentu 8-go ojca Dominika przy kościele Moskiewska kaplica zwanym na Krakowskiem przedmieściu“... Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Juridika Kałęczyn, 27 апрѣля 1773 г., кн. 72, л. 369.

²⁾ „Hiasynthus Gremberk s. t. l. et prior varsaviensis ad Capellam Moschovitiscam“. Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи, Acta Consist. Varsav., 26 мая н. ст. 1736 г., LXI т.

³⁾ ...„WW. оо. Dominikanom Moskiewskiej kaplicy“... „Na fabrykę kościoła ww. оо. Dominikanów obserwantów, Moskiewska kaplica zwanego“... „Budkiewicz Jakob testamentem swym dla ww. оо. Dominikanów obserwantów przy Kaplicy Moskiewskiej, to jest konwentowi aby pamiętali o duszy, złotych 300, a na fabrykę kościelną złt. 400 leguje i zapisuje“... Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Juridika Wozydar, 69 кн., 530 л., 28 октября 1727 г.; 72 кн., 240 л., 28 іюля 1769 г.; 72 кн., 472 л., 12 янв. 1771 г.

⁴⁾ „Kaplica Moskiewska оо. Dominikanów“. Lustracya Starey Warszawy anni 1669 odprawiona, л. 43, въ томъ же Архивѣ, Lustracye z lat 1564—1722 mia-

ленія локтевой подворной подати 1747 года значатся: „ширина улицы у Московской каплицы“, „передъ кладбища каплицы Московской“, „сторона монастыря ксендзовъ Московской каплицы“, „выѣздъ изъ монастыря тѣхъ же“; такія же наименованія повторяются описями нѣсколькихъ послѣдующихъ десятилѣтій¹⁾. А если въ описи, напримѣръ, 1685 года и указываются „костель и монастырь преподобныхъ оо. доминиканъ“, то порядокъ означенія мѣстности все же ведется просто „отъ Московской каплицы“²⁾.

Подобнымъ же образомъ именовалось и существовавшее при костелѣ Рожанцовое братство. Въ судебныхъ актахъ и надписяхъ надъ ними читаемъ: „братство св. Рожанца при костелѣ преподобныхъ оо. доминиканъ конгрегациі св. Людовика Бертранда при Московской каплицѣ въ Варшавѣ“³⁾, „братство св. Рожанца при Московской каплицѣ“⁴⁾, и т. п. Въ записяхъ пожертвованій и тому подобныхъ актахъ оно называлось „архибратствомъ Рожанца Пресвятой Дѣвы Маріи и наисладчайшаго имени Исуса при Московской каплицѣ“ (1701 г.), „Рожанцовымъ братствомъ при Московской каплицѣ“ (1727 г.), „братствомъ св. Рожанца при костелѣ преподобныхъ оо. доминиканъ обсерван-

sta Starey i Nowey Warszawy, кн. В, 3/103. Люстрація 1669 года — первая изъ описей, означающихъ принадлежность Московской каплицы доминиканамъ. — Извлечение изъ нея см. въ Приложеніяхъ, кн. 1, стр. 55—56. Ссылка Wejnert'a (Starożytności Warszawy. Warszawa, 1854, II, № V, стр. 3) на нее не совсѣмъ точна.

¹⁾ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Локтевой тарифъ 1747 г. (Wymiar przedmieściów miasta Starey Warszawy, г. 1747, кн. 18, л. 4; Приложенія, кн. 1, стр. 58), также 1753 г., 19 кн., 4 л.; 1756 г., 22 кн., 3 л.; 1764—1765 г., 30 кн., 3 л.; 1773—1774 гг., 38 кн., 3 л.; 1776 г., 40 кн., 3 л., и др.

²⁾ Тамъ же: „Rewizya u pomierzenie na pręty ulic warszawskich do brukowania“, 1685 г., 5 л., кн. Люстрацій 1564—1722 г. Приложение, № 17b.

³⁾ ...„Confraternitatis s. Rosarii ad ecclesiam regularem religiosorum patrum Dominicanorum congregationis s. Ludovici Bertrandi ad Capellam Moschoviticam Varsaviae“ (Архивъ Варшавской р.-к. дух. консяторіи, Protocollon act. Consist. Varsav., 4 ноября 1707 г., XLI т.). Или: „Confraternitatis s. Rosarii in ecclesia religiosorum patrum ordinis Praedicatorum strictioris observantiae s. Ludovici Bertrandi conventus varsaviensis ad Capellam Moschoviticam existentis“ (тамъ же, 4 окт.); „Promotor s. Rosarii ad Capellam Moschoviticam ordinis Praedicatorum s. Ludovici Bertrandi de observantia“ (тамъ же, Acta Consist. Varsav., 1714 г., XLIV т., 298 л.).

⁴⁾ Примѣчанія въ предыдущей главѣ.

товъ на Краковскомъ предмѣстьѣ при каплицѣ, называемой Московскою“ (1770 года), и т. п. ¹⁾.

Первоначальное или „народное“ названіе памятника такъ устойчиво сохранялось до восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, собственно до 1783 года. Съ этихъ поръ оно дѣлается изъятымъ изъ оффиціального языка и продолжаетъ удерживаться отчасти въ бытовомъ обращеніи; если въ оффиціальныхъ документахъ и упоминается о немъ, то обыкновенно уже какъ о прежнемъ, болѣе не употребительномъ. Судебные и другіе юридическіе акты говорятъ лишь о „монастырѣ ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ“ (1798 г.), о „Доминиканской церкви“ (1798 г.), о костелѣ Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной“; о „братствѣ св. Рожанца при костелѣ ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ“ (1787 г.), объ „архібратствѣ Пресвятой Дѣвы Маріи Рожанцовой въ костелѣ доминиканъ обсервантовъ на Краковскомъ предмѣстьѣ“ (1787 г.), о „Рожанцовмъ братствѣ при костелѣ Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной“, и т. п. ²⁾. Въ общемъ локтевомъ тарифѣ 1784 г. значится: „монастырь преподобныхъ ксендзовъ доминиканъ“, „сторона колокольни тѣхъ же преподобныхъ ксендзовъ домини-

¹⁾ ...„bractwu Rożańcowemu przy Kaplicy Moskiewskiej“ (Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, Jurydika Bożudar, 69 кн., 350 л., 28 окт. 1727 г., также 157 л., 1733 г.); „bractwo Rożańca 4-go przy kościele w.w. oo. Dominikanów obserwantów przy Kaplicy Moskiewskiej“ (тамъ же, 70 кн., 149 л., 1736 г.); „dla bractwa 4-go Rożańca przy Kaplicy Moskiewskiej xx. Dominikanów obserwantów“ (тамъ же, Jurid. Warszaw., 70 кн., 152 л., 1736); „dla bractwa Rożańca 4-go przy tymże kościele (Jurydika Bożudar, 72 кн., 240 л., 28 июля 1769 г.); „bractwo Rożańca 4-go przy kościele w.w. oo. Dominikanów obserwantów na Krakowskiem przedmieściu przy Kaplicy Moskiewską zwanej“ (тамъ же, 416 л., 28 сентября 1770 г.). Тамъ же, въ актахъ за 1701 г. (эта выписка сообщена намъ покойнымъ проф. А. И. Павянскимъ, къ сожалѣнію, безъ означенія документа): ...„archikonfraternia bractwa Rożańca Najśw. Panny Maryi u państwodzego imienia Jezus, z Moskiewskiej kaplice“, и проч.

²⁾ Тамъ же, Jurydika Bożudar, 80 кн., 71 и 73 л., 15 и 18 ноября 1785 года (...„między przeoremъ у саіумъ konwentemъ xx. Dominikanów ściśleuzego zachowania“); Jurydika Aleksandra, 86 кн., 191 л., 6 марта 1787 г. („intromissya bractwa Rożańca 4-go przy kościele xx. Dominikanów obserwantów“...); въ другомъ актѣ того же 1787 г. ...„arcybractwo Najśw. Maryi Panny Różańca św. w kościele ichm. xx. Dominikanów obserwantów na Krak. przedmieściu“; Прусскія дѣла, Ипотечныя книги Варшавы недвижимостей №№ 1320—1321; Архивъ Варшавской р.-к. духовн. консисторіи, Acta Dominikanów Obserwantów, I—II.

канъ“¹⁾; въ реестрѣ локтевой подати за тотъ же годъ: „фасадъ костела кс. доминиканъ обсервантовъ“, въ реестрѣ 1787 г.: „сторона колокольни тѣхъ же ксендзовъ доминиканъ“²⁾, и проч. За періодъ прусскаго владычества Варшавою иногда проскальзываетъ въ юридическихъ актахъ наименованіе „церкви“ (d. Kirche) „Русскою каплицею“ (d. Russische Kapelle), но уже въ прошедшемъ времени³⁾. Пріоръ конвента, бывшій въ ту пору, подписывался: „ксендзъ Раймундъ Конецкій, пріоръ монастыря варшавскихъ кс. доминиканъ обсервантовъ“⁴⁾. Опись инвентарная, составленная духовною властью въ мартѣ 1813 года, незадолго до закрытія монастыря, носила заглавіе: „Описаніе костела Пресвятой Дѣвы Побѣдоносной, прежде называемаго Московскою каплицею, а также монастыря ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ при томъ же костелѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ“⁵⁾.

Рѣзкая перемѣна въ судьбѣ наименованія зданія обусловливалась окончательною перестройкой костела, когда, къ 1783 г., онъ достигъ вершины въ своемъ виѣшнемъ благолѣпіи, къ существенному ущербу своей прямой исторической цѣнности.

Въ главѣ монастыря сталъ нѣкто ксендзъ Даміанъ Грохальскій. О немъ такъ отзывался генеральный викарій, въ доношеніи генералу ордена о своей ревизіи монастырей, въ 1759 году: „Въ Варшавскомъ монастырѣ, гдѣ живетъ 14 ксендзовъ, клирики и др., должность викарія (вмѣсто пріора) исполняетъ о. Даміанъ Грохальскій, и относительно исполненія имъ должности

¹⁾ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ: „Taryfa lokciowego miast obozga Warszawy, roku 1784“, списокъ Прокураторія, № 2, стр. 95—96 (Приложенія, кн. 1, стр. 59—60).

²⁾ Тамъ же, кн. 46, л. 69; кн. 51: „Regestr wybranego lokciowego od posesorów miasta y przedmieść Starey Warszawy... z roku 1787 podany“, л. 79.

³⁾ Тамъ же, Попрусскія дѣла, Ипот. книга недвиж. № 2768, дѣло 1799 г.

⁴⁾ Acta Dom. Observ., I, 3, ср. 1; Приложенія, кв. 1, № 22.

⁵⁾ Но и данное заглавіе было только на оберткѣ описи; на самомъ же документѣ надпись была: „Инвентарная опись всѣмъ вещамъ, принадлежащимъ какъ костелу Пресв. Дѣвы Побѣдоносной, такъ и монастырю ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ“. Объ этой описи, хранящейся въ Архивѣ Варш. р.-к. дух. консисторія, и подлинныя надписи на ней см. ниже, стр. 239—240, и въ Приложеніяхъ, кн. 1, № 25. Другіе многочисленныя примѣры такого наименованія костела см. въ тѣхъ же Приложеніяхъ, въ документахъ о закрытіи костела и монастыря.

я никакихъ замѣчаній не дѣлаю“¹⁾. При предпринимаемомъ перестроеніи костела требовалось занять часть сосѣдней земли, отъ улицы, и на просьбу о томъ Грохальскаго коронный маршалъ изъявилъ (1 іюня 1660 г.) согласіе, по мотиву, что „взятіе этого участка, не дѣлая ущерба общественному удобству, будетъ служить къ украшенію города“²⁾. Кс. Даміанъ сумѣлъ привлечь и иныхъ жертвователей, и, „благодаря его старанію и заботливости, Каплица была расширена“³⁾. Главною жертвователницею на стройку и освященіе оказалась виленская кастелянша, престарѣлая Елена Огинская. Торжественное освященіе происходило 2/13 іюля 1783 года, причемъ костелу со всею рѣшительностію было придано его церковное названіе во имя Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной. Два современныхъ описанія торжества одинаково согласно говорятъ о фактѣ.

Одно изъ этихъ сообщеній появилось тогда въ мѣстной газетѣ; судя по его тону и подробностямъ, оно вышло изъ стѣнъ монастыря, почему изъ него узнаемъ также и о томъ, какъ доминикане смотрѣли на свое дѣло. Упомянувъ, что „благодаря щедрости набожныхъ людей“, обсерванты перестроили Московскую каплицу въ „маленькій костель“, который былъ освященъ въ 1741 году, сообщеніе продолжаетъ:

„Впослѣдствіи для Варшавы, необыкновенно разросшейся (въ особенности во время нынѣ царствующаго короля Станислава Августа), потребовался бѣльшій костель³⁾, и вотъ, опять

¹⁾ Архивъ общаго управленія доминиканъ въ Римѣ, Конгрегація св. Людовика Бертранда въ Польшѣ, 1759 г., Отчетъ о визитаціяхъ генеральнаго викарія о. Евгенія Гуртманъ. Приложенія, кн. 1, № 122 (изъ рукоп. Коротынскаго).

²⁾ Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи, *Acta Dominikanów Obserwantów*, II т., 281 л., Прошеніе сеніора Рожанцоваго братства Вербуша къ администратору варш. епархіи епископу Воловичу, отъ 30 дек. в. ст. 1616 г. Хлопоча объ отдачѣ закрываемаго костела братству, Вербушъ просилъ епископа сдѣлать распоряженіе о розыскѣ книжки, въ которой, среди другихъ жертвователей, вписаны члены братства, жертвовавшіе на перестройку и поддержаніе костела. „*Powtórę xiążkę czyli rejestra utrzymujące przez xiędza Damiana, pod ten czas będącego prokuratora, percepty i expensy, gdyż za jego staraniem i pracą ta Kapliczka rozszerzoną została*“...

³⁾ Замѣтимъ однако, что въ Варшавѣ даже къ концу XVIII и началу XIX в. было однихъ монастырей 25 (Holsch, *Geographie und Statistik von West-Süd-und Neu-Ostpreussen*, Berlin, 1804, II, 372—373), не считая приходскихъ и домашнихъ

благодаря щедрости набожныхъ людей, тотъ же самый костель былъ расширенъ и нынѣ изящно украшенъ. Новое освященіе это состоялось въ прошлое воскресенье на средства почтенной въ нашемъ отечествѣ ветеранки (которая достигла преклонныхъ и рѣдкихъ въ наше время лѣтъ, одарена высокими качествами, природными и приобрѣтенными, что ни одна женщина не можетъ сравняться съ нею), г-жи Елены Огинской, жены виленскаго кастеляна, которая и на постройку того же костела принесла большія пожертвованія. Освятилъ теперь этотъ костель ксендзь Ма-линовскій, доминиканецъ, цинненскій епископъ, медницкій суфраганъ, давъ ему названіе во имя Св. Маріи Побѣдоносной, т. е. Пресвятой Дѣвы Рожанцевой; онъ же послѣ вечерни совершалъ надъ вѣрными таинство миропомазанія. Проповѣдь во время торжественной обѣдни произнесъ ксендзь Дзевановскій, варшавскій каноникъ, давно извѣстный всѣмъ своимъ ораторскимъ искусствомъ и ученостію; на вечерней же службѣ — ксендзь Малеченскій, проповѣдникъ того же костела“¹⁾.

Указавъ, какъ и это описаніе, сначала на передѣлку древней Каплицы въ костель, другое современное сообщеніе, оффи-

костеловъ, и что около самой Московской каплицы стоялъ обширный костель св. Креста ксендзовъ миссіонеровъ.

1) Z Warszawy dnia 19 Lipca: „Jeszcze za panowania Jana Kazimierza, króla polskiego, wprowadzeni do Warszawy j. j. xx. Dominikani obserwowani y przy sławney w polskich dziejach Zygmunta III tuteyszey Kaplicy Moskiewskiej osadzeni, hoynością pobożnych ludzi też Kaplicę powiększyli y na kościółek przeistoczyli, który konsekrowany był w roku 1741, dnia 11 czerwca, przez księcia jmcі Stanisława Grabowskiego, biskupa warmińskiego. Powiększona potym (zwłaszcza za panującego dziś Stanisława Augusta) nierównie Warszawa, obszerniejszego kościoła potrzebowała; przetoż znowu hoynością pobożnych osób, tenże kościół rozpostrzeniony y kształtnie jest teraz przyozdobiony. Nowa więc iego konsekracya odprawiła się w przeszłą niedzielę, a to kosztem zacney w oyczyźnie naszej weteranki (która, iak w pięknym y rzadkim dziś nader wieku, tak w wysokich natury y enoty przymiotach, wyższej za siebie niema) jeymé pani Heleny Ogińskiej, kasztelanowcy wileńskiej, która oraz do fabryki tegoż kościoła znacznie się przełożyła. Konsekrował teraz ten kościół jmcі ksiądz Malinowski z zakonu s. Dominika, biskup cyneński, suffragan miednicki, nadając mu tytuł S. Mariae de Victoria, to iest Najswiętszey Panny Rożancowey; gdzie też po niesporach dawał sakrament bierzmowania. Kazanie na summie miał z wiadomą z dawna wszystkim swą gorliwością y uczoną wymową jmcі ksiądz Dzewanowski, kanonik warszawski; na niesporach zaś j. x. Malczewski, kaznodzieia y ordynaryusz tegoż kościoła”. Gazeta Warszawska, 1783, № 58, Supplement, w Sobotę dnia 19 lipca.

ціального характера, заключающееся въ запискѣ 1784 года о тогдашнемъ состояніи костела и монастыря, удостовѣряетъ:

„Когда и сія церковь оказалась слишкомъ тѣсною для того, чтобы помѣститъ въ себѣ народъ, который въ очень значительномъ числѣ собирается, особенно въ болѣе важные праздники, то опять стали ее передѣлывать и расширять, въ 1760 году, а въ слѣдующіе затѣмъ годы она была окончена и вновь была освящена 13 іюля 1783 года его преосвященствомъ Малиновскимъ, епископомъ цинненскимъ, самогитской епархіи, прежде членомъ нашего ордена. Церковь эта находилась нѣкогда за городомъ, нынѣ же она какъ бы въ срединѣ разросшагося города, при началѣ самой лучшей улицы, Новый Свѣтъ, и служитъ тутъ настоящимъ украшеніемъ. Названа она именемъ Св. Маріи Побѣдоносной; въ ней находится славящійся чудесами образъ сей же Пресвятой Дѣвы Маріи, который нѣкогда изъ Смоленска, теперь города московскаго, чудеснымъ образомъ, какъ говорятъ, перешелъ въ лагерь поляковъ, осаждавшихъ данный городъ, и наконецъ пресвѣтлѣйшими королями былъ навсегда подаренъ сему костелу, между тѣмъ прежде хранился въ капеллѣ королевскаго замка.

„Прилегающій къ этому костелу монастырь—продолжается въ документѣ—каменный, построенный тоже на пожертвованія благочестивыхъ, занимаетъ далеко не такое обширное мѣсто, со всѣхъ сторонъ окруженъ дворцами и домами вельможъ, площадь его въ 100 шаговъ длины и около шаговъ 20 ширины“¹⁾.

Какъ ни торжественно было справлено освященіе, довершеніе работъ по костелу отлагалось къ дальнѣйшему времени. Его фасадъ съ Краковскаго предмѣстья не былъ оконченъ и не доведенъ до надлежащей красоты: „каменный, въ хорошемъ состояніи“, „костелъ кс. доминиканъ обсервантовъ“, „подъ № 1321-мъ на Новомъ Свѣтѣ“ еще въ 1792 году стоялъ „съ колокольнями недостроенными“²⁾.

1) Приложенія, кн. 1, № 10: „Annotatio... anno 1784“ (изъ Архива центрального управленія доминиканъ въ Римѣ).

2) Гл. Архивъ древн. акт. при Варш. Суд. палатѣ: „Protokol rewizyi miasta wolnego Warszawy uskutecznionej r. 1792“, № 1321.

Вновь отстроенный костелъ Пресв. Дѣвы Побѣдоносной, съ обрамлявшими его двумя колокольнями, сравнительно съ прежнимъ выдвинулся и расширился къ Краковскому предмѣстью, на счетъ улицы и кладбища, бывшаго предъ папертью и теперь едва ли не закрывшагося¹⁾. Главный входъ въ костелъ былъ прямо съ Предмѣстья. Съ Новаго же Свѣта виднѣлись: сторона колокольни, стоявшей въ углу Новаго Свѣта и Краковскаго предмѣстья, далѣе, по порядку, — домъ, принадлежавшій монастырю, и самый монастырь, съ калиткою въ немъ и со въѣздомъ на дворъ. Домъ былъ каменный, трехъэтажный²⁾, пятиоконный нижніе два этажа назначались для квартирантовъ, верхній этажъ занимали монастырскія келии. Въѣздъ во дворъ былъ по прежнему переулку, нѣкогда ведшему съ Новаго Свѣта на Александрию. На послѣднюю выходили: боковая сторона другой колокольни, стоявшей въ углу Александрии и Краковскаго предмѣстья, затѣмъ—каменный домикъ и монастырская стѣна. Зданія, съ относящимися къ нимъ земельными участками, при первой общей нумераціи недвижимостей Варшавы, 1784 года, получили номера: по Новому Свѣту, монастырскій домъ былъ означенъ № 1321-мъ, сюда же отнесли и колокольню, а монастырь со въѣздомъ получилъ 1320-й №; домъ, бывшій по Александрии, попалъ подъ № 2767-й³⁾.

Значительно видоизмѣнилась и мѣра недвижимости по обѣимъ боковымъ улицамъ. Между тѣмъ какъ прежде ее опредѣляли—по Новому Свѣту въ локтей 130 или 108⁴⁾, по Але-

¹⁾ Въ описяхъ и другихъ документахъ послѣдующаго времени о немъ уже не упоминается.

²⁾ Въ подлинникѣ: „двухъэтажный“. Въ Варшавѣ числовой счетъ этажей начинается со втораго этажа, такъ что „нижній“ этажъ равняется нашему первому, „первый“—второму, „второй“—третьему, и т. д. Мы повсюду будемъ означать по общерусскому обычаю.

³⁾ Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ: „*Tabuła lokajowego miast obouga Warszawy roku 1784*“. Приложенія, кн. 1, № 17d.

⁴⁾ По описи для локтевой подати 1747 г., она была въ 130 локтей, именно: „сторона монастыря ксендзовъ Московской каплицы“ 114 л. и „выѣздъ изъ монастыря тѣхъ же“ 16 л. (Приложенія, кн. 1, № 17с). Лѣтъ черезъ десять „сторону монастыря“ стали означать въ 92 л., въ 70-хъ годахъ—въ 92 $\frac{1}{2}$ л.; „выѣздъ изъ монастыря“ удерживалъ прежніе 16 л. (Гл. Архивъ древн. акт. при Варш. Суд. палатѣ, Реестры локтевой подати, 1756 г., 22 кн., 3 л.; 1764—1765 г., 30 кн., 3 л.;

ксандрии— въ 116 локтей ¹⁾, теперь стали опредѣлять — по Новому Свѣту, начиная со въѣзда на монастырскій дворъ и кончая переднимъ угломъ колокольни, въ 75½ л. ²⁾, по Александрии — въ 87¼ локтей ³⁾. Сокращеніе показанной длины обусловливалось главнымъ образомъ, конечно, тѣмъ, что въѣздъ на монастырскій дворъ сузился ⁴⁾, и не бралась въ расчетъ оставшаяся незастроенною костеломъ часть прежняго кладбища, которую вскорѣ позаняли разными небольшими лавками, расположившимися впереди костела, по обѣимъ сторонамъ главнаго входа въ него, и портившими общій видъ мѣстности ⁵⁾.

Группа новыхъ и обновляемыхъ зданій, мало по малу выстроившихся и теперь виднѣвшихся на доминиканской землѣ, и частыя тутъ измѣненія неволью останавливали вниманіе наблюдателей лишь на томъ, что было предъ глазами. О первоначаль-

1773—1774 г., 38 кн., 3 л.; 1776 г., 40 кн., 3 л., и др.). Ранѣе, въ XVII в., показывали еще бѣльшую мѣру. По ревизіи 1685 г., „костель и монастырь преподобныхъ оо. доминиканъ“ имѣли 20 прентовъ (Приложенія, кн. 1, № 17b), т. е. 150 л.

¹⁾ Вслѣдъ за описью 1747 г., означившей „сторону кладбища преподобныхъ оо. доминиканъ обсервантовъ“ въ 52 л. и „монастырь ихъ же“ въ 64 л. (Приложенія, кн. 1, № 17c), мѣра эта устойчиво держалась до 80-хъ годовъ. Реестры локтевой подати, 1755 г., 21 кн., 36 л.; 1758 г., 24 кн., 28 л.; 1767 г., 32 кн., 39 л.; 1770 г., 35 кн., 40 л., и далѣе.

Планы Варшавы Тирегайли (1762 г.) и Клипша (1772 г.) означаютъ доминиканскую площадь, до переулка, въ 100 л. длины и 40 л. ширины. Приложенія, кн. 2, планы №№ 19—20. — Отсюда ясно, съ какою осторожностью должно вообще относиться ко всѣмъ показаніямъ мѣры мѣста.

²⁾ Именно: „сторона колокольни преподобныхъ оо. доминиканъ“ была означена въ 11 локтей, „каменный домъ, принадлежащій монастырю“—36½ л., „монастырь съ калиткою“—20 л., „ширина въѣзда во дворъ преподобныхъ оо. доминиканъ обсервантовъ“—8 локтей. „Таруфа... г. 1784“; Приложенія, кн. 1, № 17d.

³⁾ „Сторона колокольни преподобныхъ кс. доминиканъ обсервантовъ“ 8¾ л., „каменный домикъ тѣхъ же ксендзовъ“ 42¼ л. и „сторона монастыря тѣхъ же ксендзовъ“, относящаяся къ 1320-му №, въ 36¼ л. Тамъ же.—Мѣры тарифа 1784 года были приняты послѣдующими описями локтевой подати. Напр., 1787 г., 51 кн., 1791 г., 56 кн., 1795 г., 59 кн., вездѣ 79 и 172 листы.

⁴⁾ Означавшійся прежде въ 16 локтей, въѣздъ въ монастырь опредѣлялся со времени тарифа 1784 г. въ 8 л., а другіе 8 л. относились къ въѣзду въ сосѣдній миссіонерскій домъ, подъ № 1319-мъ.

⁵⁾ См. планъ Варшавы Пистора, 1794 г. (Приложенія, кн. 2, планы № 23a, b; K o r z o c, къ стр. 291) и въ особенности видъ костела обсервантовъ ок. 1800 г. (Приложенія, кн. 1, рисунки №№ 8—9, и у K r a u s h a g'a),

ной исторіи мѣста, даже въ официальной рѣчи и якобы со ссылкой на документы, стали сообщать, будто на этой землѣ до занятія ея доминиканами не было никакой стройки, не было никакого историческаго памятника. Возможно, что такъ говорить иногда побуждали и особыя причины, а не одно измѣненіе вида мѣстности или простое забвеніе прежнихъ фактовъ: наступала въ государствѣ и краѣ пора сильныхъ стороннихъ вліяній, сторонняго господства.

Когда, при прусскомъ господствѣ, вводилась въ Варшавѣ ипотека, ипотечное управленіе затребовало (1798 г.) отъ доминиканъ акты и свѣдѣнія, оправдывавшіе владѣніе недвижимостію. Неохотно и лишь въ послѣдній срокъ явившись въ управленіе, пріоръ монастыря кс. Раймундъ Конецкій объявилъ: землею доминикане владѣютъ по волѣ короля Яна-Казимира, который, согласно-де представляемому учредительному акту отъ 9 іюля 1668 года, подарилъ „доминиканскому священнику“ (очевидно, Амвросію Скоповскому) на правахъ собственности и наслѣдства „пустую площадь“ (einen leeren Platz), на которой потомъ доминикане, на свои скудныя средства, и устроили какъ имѣющіяся зданія, такъ и все относящееся къ нимъ.

Въ „Московской капицѣ“ какъ бы не было никому интереса; о памятникѣ, сооруженномъ Сигизмундомъ и хранившемъ нѣкогда царско-княжескіе останки, умалчивалось, чуть не прямо отвергалось самое существованіе его.

Показанія и объясненія пріора были записаны и на полѣ записи нарисованъ чертежъ недвижимости: впереди, къ Краковскому предмѣстью, „Доминиканская церковь“ со входомъ съ Предмѣстья; за нею „монастырь или жилое строеніе общества духовныхъ“, входъ въ него съ Новаго Свѣта; далѣе, деревянные сараи и конюшня, открытый дворъ и небольшой церковный садикъ; къ церкви или костелу, по угламъ, примыкали два зданія: шинокъ, съ улицы Новый Свѣтъ, и пивная, съ угла Краковскаго предмѣстья и Александріи. Относительно сихъ распивочныхъ заведеній пріоръ пояснилъ: было бы противъ монастырскаго устава, еслибъ монахи жили за монастырскими воротами, потому эти зданія и обращены въ распивочныя заведенія... Шинокъ, всего въ одну ком-

нату, значился на рисункѣ подь № 1321-мъ; прусскими властями и пріоромъ найденъ этотъ номеръ достаточнымъ для означенія ипотеки всей недвижимости доминиканъ, а остальные номера, съ Предмѣстья и съ Александріи, лишними и ненужными¹⁾. Впрочемъ, подобное „упрощеніе“ ипотечнаго счета не удержалось: въ статистикѣ Варшавы за время прусскаго господства „Доминиканскій монастырь“ значится подь 1320-мъ номеромъ²⁾, затѣмъ встрѣчаемъ оба прежнихъ номера 1320 и 1321 по Новому Свѣту и № 2767 по Александріи³⁾.

Московская каплица была первоначально круглою и еще въ первой половинѣ XVIII вѣка увѣнчивалась круглымъ куполомъ; замѣнившій ее костелъ 1783 года своею внѣшнею архитектурою походилъ на обычные въ ту пору храмы⁴⁾. Это было довольно обширное и продолговатое зданіе, длину котораго официально потомъ опредѣляли въ 50 локтей, ширину—въ 30¹/₂ локтей; длину монастыря—въ 60, ширину—въ 14 локтей⁵⁾.

¹⁾ Гл. Архивъ др. акт. при Варш. Суд. пал., Ипотечныя книги Варшавы въ періодъ прусскаго господства, № 1321, актъ 28 ноября 1798 г. См. Приложенія, кн. 1, № 18.

²⁾ Holsch, II, 373.

³⁾ Архивъ при Варшавской Казенной палатѣ, № 2958, Wol. Mazowieckiego „Acta tycaące się funduszów xx. Dominikanów Obserwantów w Warszawie“, 28, vol. I rok od 1818 do 1832; Архивъ Варшавскаго городского Магистрата, дѣла о недвижимо-стяхъ №№ 1320—1321 и 2767/8, т. I—II (извлеч. въ Приложеніяхъ, кн. 1, №№ 141, 144); планы Варшавы въ Приложеніяхъ, кн. 2, № 24.

⁴⁾ Рисунокъ его около и послѣ 1880 г., Приложенія, кн. 1, №№ 8—9. Къ сожалѣнію, тутъ видъ только съ фасада.

⁵⁾ Такую мѣру ихъ указывалъ Варшавскій магистратъ въ своей официальной выпискѣ, нарочито и старательно сдѣланной изъ прежнихъ документовъ о недвижимо-сти доминиканъ обсервантовъ (Архивъ Варшавскаго городского Магистрата, по-земельное дѣло о варшавской недвижимо-сти № 2667/8, т. I, л. 209—210. Приложенія, кн. 1, № 141). Но въ статистической вѣдомости 2 ноября 1815 г., составленной для опредѣленія городскихъ податей, костелъ, съ относящейся къ нему землей, означался въ ширину въ 46¹/₂ л., въ длину въ 63 л., монастырь, съ его дворомъ и огородомъ, опредѣлялся въ 70 л. ширины и 63 л. длины (тамъ же, поземельное дѣло недвижимо-сти № 1319—1321, т. 1, л. 9—10: „Wiadomości statystyczne tycaące się posiadzuyi № 1320/21, przy ulicy Nowy Świat... spisane i podane dnia 2 meá listopada 1815 roku“. Заключающіяся въ документахъ мѣры недвижимо-сти, принадлежащей обсервантамъ, вообще весьма разнятся между собою не только вслѣдствіе измѣненій въ объемъ поземельнаго владѣнія, но и вслѣдствіе неточностей и отъ различія практиковавшихся пріемовъ и системъ измѣренія и описанія имущества. Необходимымъ пособіемъ для опредѣленія размѣровъ и формы доминиканской земельной недвижи-

Костель этотъ былъ даже слишкомъ достаточенъ для отправления въ немъ всѣхъ церковныхъ службъ. Богослуженіе совершалось въ немъ въ такомъ порядкѣ. Начиналось оно заутреней, по буднямъ съ 4 часовъ по полуночи, по праздникамъ и въ дни табельные раньше; съ половины 6-го утра отправлялось пѣніе Рожанца свѣтскимъ Рожанцовымъ братствомъ и его промоторомъ, ксендзомъ-монахомъ; непосредственно затѣмъ шла первая обѣдня, за которой слѣдовали всѣ остальные обѣдни, смотря по наличному числу ксендзовъ, за исключеніемъ больныхъ изъ нихъ; съ 10 часовъ утра читались часы (*horaе canonicæ*), за которыми совершалась обѣдня съ пѣніемъ, для всего монастыря; въ три часа по полудни шли вечерня и затѣмъ навечеріе; по воскресеньямъ между часами и большой обѣдней говорилась проповѣдь, которая по большимъ праздникамъ произносилась во время самой обѣдни, послѣ „Вѣрую” ¹⁾. Подъ конецъ существованія костела, съ уменьшеніемъ и прекращеніемъ ксендзовъ обсервантовъ, костель, какъ увидимъ потомъ, представлялся уже бременемъ, гдѣ богослуженіе отправлялось не все или совсѣмъ не отправлялось.

Съ состояніемъ и внутреннимъ устройствомъ костела и монастыря за послѣднее время ихъ существованія обстоятельнѣе всего знакомятъ насъ инвентарныя имъ описи, произведенныя въ 1810 и 1813 годахъ по распоряженію епархіальной власти ²⁾.

мости поэтому служатъ сохранившіеся планы и рисунки (снимки въ нихъ въ Приложеніяхъ).

Отмѣтимъ также, что мѣру фасада всей земли костела св. Креста, принадлежавшаго давнимъ соперникамъ обсервантовъ, ксендзамъ миссіонерамъ, планъ миссіонерской недвижимости половины XVII вѣка, въ отличіе отъ описей, опредѣлялъ въ 132 сажени или 396 локтей. Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи, *Acta Consist. Varsoviensis*, 1750 г., 66 т., 44 л. об.

¹⁾ Свѣдѣнія имѣются только отъ 1800 года, въ „Raport'ъ xiędza R. Kopieckiego”, Приложенія, кн. 1, № 22.

²⁾ Первую инвентарную опись Варшавскаго костела и монастыря кс. доминиканъ обсервантовъ составили въ маѣ 1810 года командированный Варшавскою консисторіей варшавскій каноникъ кс. Латецкій, пріоръ монастыря кс. Стапиславъ Вноровскій, завѣдующій ризницей кс. Балтасаръ Кяцкій и командированный Муниципальнымъ совѣтомъ Адрианъ Лучинскій (Архивъ Варш. р.-к. дух. консисторіи, *Acta Dominikanów Obserwantów*, т. I, л. 24—27, 42: „Inwentarz wszelkichъ rzeczy, które należą do Warszawskiego kościoła i konwentu xiędzъ Dominikanów na Krakowskiemъ przedmieściu w roku 1810 spisany”). Вторую опись, подробную, составили въ маѣ 1813 года по распоряженію вицеадминистратора варшавской епархіи епископа Заха-

Изъ нихъ видно, что костелъ былъ каменный, въ три предѣла¹⁾. Къ главному, большому алтарю привлекала богомольцевъ важнѣйшая святыня храма: образъ Пресвятой Дѣвы, въ богатой серебрянной ризѣ, находившійся въ самомъ олтарѣ, и частицы мощей, помѣщавшіяся подъ стекломъ, въ стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ олтаря. Мы уже знаемъ, какая легенда ходила относительно этой иконы. Въ опись 1810 года занесено другое преданіе: образъ этотъ, „какъ говорятъ“, былъ написанъ евангелистомъ Лукою... На правомъ предѣлѣ костела располагались 1 каплица и 4 олтаря, столько же олтарей было на лѣвой сторонѣ костела. Почти всѣ олтари были посвящены признаваемымъ святыми одною католическою церковью и особенно чтимымъ доминиканами.

Каплица, бывшая во имя Господа Иисуса²⁾, занимала мѣсто возлѣ главнаго олтаря. Въ ней, на правой сторонѣ ея, было Распятіе Иисуса Христа съ деревяннымъ золоченымъ вѣнцомъ; на стѣнѣ, съ краю, въ позолоченой рамѣ висѣлъ написанный на полотнѣ образъ Божіей Матери Скорбящей, надъ нимъ портретъ витебскаго воеводы Солмогуба³⁾. Въ каплицу вели два входа, обнесенные желѣзными рѣшетками, запиравшимися замками. У выхода изъ нея, вправо, находился олтарь Викентія Ферерія, на

ріашевича каноникъ коллегіаты св. Михаила въ Краковѣ кс. Іосифъ Даниковскій и экономъ доминиканъ въ Варшавѣ на Новомъ Мѣстѣ кс. Игнатій Маріанскій (тамъ же, I, 213—231: „Opis kościoła pod tytułem Najświętszej Panny od Zwycięstwa, dawniej Moskiewską kaplicą zwanego, ... w roku 1813 w miesiącu marcu sporządzony“). См. извлечение изъ нея въ Приложеніяхъ, кн. 1, № 25.

¹⁾ Авторъ статьи въ сборникѣ *Pamiętnik religijno-moralny* (W Warszawie, 1841, I, 242), *x. K u g o w a k i*, утверждалъ, что костелъ состоялъ изъ навѣ—главной коринтскаго стиля, и двухъ боковыхъ, дорическаго стиля; то же буквально повторилъ за нимъ *x. S a d o k W a g a s z*, 1861, II, 338. Указаній на архитектурные стили предѣловъ костела нѣтъ въ архивныхъ документахъ.

²⁾ Въ описи 1813 года она называется „каплица“, „капличка“ и „каплица Господа Иисуса“ (см. Приложенія, кн. 1, № 25); опись 1810 г. называетъ ее „каплицою въ честь Господа Иисуса“, „каплицей Господа Иисуса“ (W Kaplicy u P. Jezusa w ołtarzu jest figura Ukrzyżowanego P. Jezusa, na której przepaska i korona drewniana rozłascana od Malarza“... „W Kaplicy u P. Jezusa obraz Najświętszej P. Bolesney na boku na płótnie malowany, a nad tym obrazem malowany na płótnie portret jaśnie wielmożnego ś. p. Sołhouba, wojewody witepskiego“... „U obydwu wchodów do Kaplicy P. Jezusa kraty żelazne z zamkami. Jest także ławka drewniana z zamkiem“ (Архивъ Варшавской р.-к. дух. консисторіи, *Acta Dominikanów Obserwantów*, 25 л.).

³⁾ О портретѣ упоминаетъ только въ описи 1810 года.

полотнѣ, другой образъ былъ здѣсь Людовика Бертранда. Третій олтарь имени Иисуса Христа, гдѣ помѣщался также образъ Сердца Иисусова. Четвертый олтарь Эразма и Токлы, на полукругломъ столбѣ въ немъ былъ образъ Пресвятой Дѣвы. Пятый олтарь Валентина и Антонія, рядомъ съ образомъ послѣдняго висѣлъ на стѣнѣ большой образъ Флоріана, на полотнѣ. По лѣвой, отъ входа, сторонѣ костела располагались олтари: Казтана, гдѣ виднѣлись еще два образа Божіей Матери Ченстоховской, одинъ изъ нихъ побольше, прибитый къ стѣнѣ; олтарь св. (вм.) Барвары, съ образомъ еще Яна Непомуцена; олтарь Яцка и Иосифа, тутъ висѣлъ также, на кругломъ столбѣ, въ рамѣ образъ Иисуса Христа; олтарь Доминика, съ образами Томы Аквината и Божіей Матери Ченстоховской. Олтари были каменные, съ деревянными ступенями, полъ въ костелѣ изъ мраморныхъ плитъ.

На обычномъ мѣстѣ высилась проповѣдническая каеэдра, желѣзная, рѣшетчатая, подъ образомъ Викентія. Хоры были сверху и внизу. Нижній хоръ служилъ для ксендзовъ и помѣщался около олтаря. Въ немъ виднѣлись образъ Божіей Матери Ченстоховской и большой крестъ¹⁾, висѣла монастырская кружка, уставленъ былъ онъ деревянными скамьями. На хорѣ верхнемъ, обнесенномъ желѣзною рѣшеткой, помѣщался органъ, въ 21 тонъ. По костелу, въ разныхъ мѣстахъ его, стояли хоругви, ютились исповѣдальныя будки („конфессіоналы“), числомъ до 6-ти; вдоль его, отъ главнаго олтаря до дверей, по обѣимъ сторонамъ, у столбовъ, тянулись одна за другой дубовыя скамьи; на столбахъ, ближайшихъ къ выходу, висѣли большія кружки Рожанцоваго братства. Главный входъ въ костелъ, съ Краковскаго предмѣстья, замыкался двойными дверьми: наружныя были дубовыя, массивныя, крѣпко запиравшіяся замкомъ, внутреннія — на половину стеклянныя. Вокругъ крыльца шла рѣшетка. Надъ костеломъ висѣли два небольшихъ колокола и двѣ сигнатурки. Колокола висѣли, конечно, въ башняхъ или колокольняхъ, обрамлявшихъ собою костелъ, надъ фасадомъ котораго, какъ видно на изобра-

¹⁾ Такъ по описи 1813 года; по описи же 1810 года, здѣсь находилось два большихъ образа: одинъ епископа св. Станислава, воскрешавшаго Петровино, другой—изображалъ обрученіе Пресвятой Дѣвы Маріи.

женіяхъ его, стояла статуя Божіей Матери съ Младенцемъ въ рукахъ, быть можетъ, та же, которая была еще въ 1731 году. Утварь костела составляли лампы, подсвѣчники, облаченія и прочее; всего богаче были облаченія.

Монастырь, то же каменный, отштукатуренный снаружи и внутри, былъ въ три этажа: въ первомъ или нижнемъ помѣщались пріемный залъ, трепеза, кухня и т. п., къ костелу вели изъ него особые выходы; во второмъ и третьемъ этажахъ располагались келіи—во второмъ семь, въ третьемъ четырнадцать. Съ 1807 года верхній этажъ занимался подъ казармы, былъ сильно попорченъ, ключъ отъ него хранился у надзирателя за казарменными помѣщеніями. Главный входъ въ монастырь и въѣздъ на монастырскій дворъ шли съ Новаго Свѣта. По обѣимъ сторонамъ въѣзда, запиравшагося большими деревянными воротами, помѣщались погребя, одинъ изъ нихъ, лѣвый, подъ монастыремъ; за правымъ погребомъ, подъ одною съ нимъ крышей, стояли три конюшни и четыре сарая; за конюшнями садикъ, въ которомъ росло нѣсколько молодыхъ фруктовыхъ деревьевъ и тополей, прежде его огораживала каменная стѣна, а теперь деревянная рѣшетка, попорченная. Колодець во дворѣ былъ совершенно испорченъ.

Костель и монастырь крыты череницей, крыша требовала исправленія, многія балки были погнившія. Возлѣ, по Новому Свѣту, стояли принадлежавшія монастырю лавочки съ небольшими жилыми помѣщеніями; съ другой стороны, отъ улицы Александріи, примыкалъ къ костелу крытый гонтомъ каменный домикъ, сдаваемый, какъ и лавочки, въ аренду.

Въ монастырѣ имѣлась библіотека, въ 1813 году изъ 800 книгъ, иныя во многихъ экземплярахъ, содержанія большею частию религіознаго: книги Св. Писанія, богословія догматическаго, полемическаго, нравственнаго, аскетическія, проповѣди и т. п., но были книги и по философіи, исторіи, поэзіи и 11 книгъ запрещенныхъ авторовъ или изданій по преимуществу по церковной исторіи. Къ келіи настоятеля хранились, въ коробочкахъ, 5 королевскихъ учредительныхъ грамотъ монастырю, изъ которыхъ три Яна-Казимира и двѣ отъ Михаила и Августа II; нѣсколько

привилегій и постановленій, данныхъ консисторіей, части мощей съ документами на нихъ, 18 индульгенцій, документы о долговыхъ обязательствахъ, счета и т. п.

Къ дѣламъ своимъ доминикане прикладывали церковную печать, которая была въ двухъ видахъ, большая и малая. На большой печати ¹⁾ въ срединѣ было изображеніе Божіей Матери съ Младенцемъ, въ рукахъ Ихъ четки, въ подножіи Богоматери знамена, пушки, пули, барабаны и мечи. Четки служили символомъ одного названія Пресвятой Дѣвы—Рожанцовой (*roźaniec*—четки), военныя принадлежности символизировали другое названіе Ея—Побѣдоносной. Кругомъ изображенія шла надпись: „SIGILL. MAI. CONV. VARS. ORD. PRAED. S. MARIAE DE VICTORIA“ — т. е. „Большая печать Варшавскаго монастыря ордена проповѣдниковъ Св. Маріи Побѣдоносной“.

За исключеніемъ королевскихъ грамотъ, сохранившихся въ келии настоятеля, мало кому извѣстныхъ и, быть можетъ, не безъ намѣренія перетолковываемыхъ, — ни въ костелѣ, ни въ монастырѣ доминиканъ обсервантовъ не было уже ничего, явно напоминавшаго о прежней царско-княжеской усыпальницѣ, какъ равно и о лицахъ, которыя нѣкогда покоились подъ ней, и объ ея устроителѣ. Имѣвшаяся „каплица“ — обычная часть и принадлежность костеловъ, явившаяся, очевидно, вмѣсто прежняго алтаря имени Іисуса, и въ ея названіи и въ предметахъ нѣтъ никакого указанія на тожество или связь ея съ историческимъ памятникомъ. И ни самъ костелъ, и ни одна часть его, столь много разъ перестраивавшіеся, официально не именовались уже Московскою каплицею, и въ числѣ доминиканскихъ строеній не стояло тогда никакой особой хоромины, даже какой-либо простой садовой каменной бесѣдки, которую нынѣ, еслибъ сохранялась она, можно было бы, хотя по ошибкѣ, по незнанію ближайшихъ

¹⁾ Оттискъ ея въ дѣлахъ Варшавской р.-кат. дух. консисторіи, *Acta Dominikanów Obserwantów*. I, л. 1; снимокъ въ Приложеніяхъ, кн. 1, рис. № 10.

историческихъ обстоятельствъ, выдать за подлинную Московскую капицу.

Учрежденіе, утратившее историческую цѣнность и отрицавшееся отъ нея, не удержалось и само.

ХІІ ГЛАВА.

Упадокъ благосостоянія монастыря и костела и ближайшія причины этого. Дѣло администратора ксендза-каноника Іосифа Даниковскаго.

Положеніе вопроса въ исторической литературѣ. — Испытываніе монастыремъ недостатка въ средствахъ въ концѣ XVIII и въ первые годы XIX в.—Положеніе монастыря во время Варшавскаго герцогства. — Со-кращеніе числа братіи.—Непорядки въ братствѣ Рожанца.—Учрежденіе администраціи.—Монастыремъ завѣдуетъ кс.-каноникъ Іосифъ Даниковскій.—Его дѣятельность. — Дальнѣйшая запутанность дѣлъ.—Борьба Даниковскаго съ Рожанцовымъ братствомъ.—Роль Вербуша, сеніора братства.—Замѣна Даниковскаго кс. Пржевлочкимъ. — Ревизіи. — Отчаянная самозащита Даниковскаго.—Его самоубійство въ олтарѣ костела.—Сужденіе о немъ ближайшей власти.

Разсказывалось, что и послѣ того, какъ тѣла князей Шуйскихъ, по перенесеніи изъ Гостынина въ Варшаву похороненныя-де „въ костелѣ доминиканъ, въ каплицѣ, называемой съ той поры Московскою каплицею“, были при Михаилѣ Θεодоровичѣ перевезены отсюда въ Москву и надгробная доска съ надписью, будто бы остававшаяся въ костелѣ, была-де, по требованію Екатерины II, разбита, что и „послѣ всего этого, царь Александръ I и братъ его великій князь Константинъ не могли терпѣть даже существованія костела. Когда, въ 1819 году, одинъ изъ монаховъ доминиканъ имѣлъ несчастіе застрѣлиться въ одной изъ келій монастыря, московская полиція распустила слухъ, что онъ учинилъ самоубійство въ олтарѣ костела. Изъ такой профанаціи вывели заключеніе, что слѣдуетъ совершенно уничтожить церковь, и приложили руку къ дѣлу. Въ 1820 году этотъ историческій памятникъ исчезъ“¹⁾.

¹⁾ Léonard Chodźko, Histoire populaire de la Pologne. Paris, 1864, 149; ссылка Бодянскаго на этотъ разсказъ, какъ бы на достовѣрный, въ приложеніи къ русскому переводу Дневника Корба, въ Читаніяхъ Моск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1867, III, 376—377.

Въ другихъ разказахъ о судьбѣ костела и монастыря доминиканъ обсервантовъ то упоминалось лишь о нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ въ ихъ существованіи, съ указаніемъ болѣе точной даты, то подчеркивалось значеніе самоубійства ксендза въ олтарѣ церкви, и при этомъ до недавняго времени настойчиво передавалось, что стѣны зданій были куплены Сташицемъ, построившимъ домъ для Общества любителей наукъ ¹⁾.

Отъ сообщеній, сдѣланныхъ какъ бы мимоходомъ и основанныхъ больше на преданіяхъ и слухахъ, мы, чтобы узнать, какъ происходило дѣло, снова обратимся къ подлиннымъ архивнымъ документамъ, изъ эпохи упадка и разрушенія костела и монастыря сохранившихся уже въ весьма значительномъ количествѣ ²⁾. Благодаря имъ, открывается дѣйствительность, цѣн-

¹⁾ Безъ упоминанія о самоубійствѣ Даниковского излагаетъ кс. Кигowski: „Spustoszałe mury“, писалъ онъ, „zaniedbane dachy groziły niebezpieczeństwem; brak funduszków dźwignąć okazałej budowy nie pozwalał; w roku 1808 klasztor zajęty został na koszary. Zaprowadzenie administracyi nad kościołem, nieporozumienia bractwa, przyspieszyły zamknięcie w r. 1816 kościoła, który następnie wraz z klasztorem rozebrany został“. Pamiętnik religijno-moralny. W Warszawie, 1841, 243. Его повторяетъ кс. Вагазъ, 1861, II, 338. Но академикъ П. Дубровскийъ отмѣтилъ: „Въ 1808 году ея (церкви) стѣны и кровли уже грозили разрушеніемъ; но такъ какъ не было суммъ для ихъ перестройки, то монастырь и обращенъ былъ въ казармы. Несогласіи между монахами, вслѣдствіе которыхъ послѣдній священникъ застрѣлился на олтарѣ, въ 1816 году, ускорили закрытіе церкви, которая, вмѣстѣ съ монастыремъ, наконецъ была разобрана“ (Описание Варшавы и ея окрестностей. Варшава, 1850, 79—80). Дубровскому сообщилъ это Собѣщанскій; ему слѣдуютъ гг. Устимовичъ (Варшавскій Дневникъ, 1893, № 7) и Стефановичъ (Записка о первыхъ Мужской и Женской гимназіяхъ въ Варшавѣ. Варшава, 1893, 36). Ср. также нѣсколько отличающіяся краткія сообщенія въ изд. Orgelbranda Encyklopedya powszechna, Warszawa, 1867, XXVI, 429, и въ брошюрѣ A, Z dziejów Warszawy, Kraków, 1894, 28, и др. Послѣ нашей монографіи „Закрытіе Варшавскаго монастыря доминиканъ обсервантовъ“ (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1897, VII, 1898, I), авторами, касавшимися даннаго предмета (гг. Устимовичемъ, Либровичемъ и др.), вкраткѣ упоминается обыкновенно согласно съ нашимъ изложеніемъ.

²⁾ Архивъ Варшавской рим.-кат. духовной консисторіи, Acta Dominikanów Obserwantów suppremowanuch, I—II: самая ранняя бумага здѣсь отъ 27 окт. 1798 года, сплошная масса документовъ идетъ съ 1813 г.; Гл. Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, магистратскія дѣла, касающіяся домовъ №№ 1320 и 1321; Архивъ Варшавскаго городского Магистрата, дѣла недвижимостей подъ №№ 1320—1321 и 2767; Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора, Acta Rady Administracyjnej, III. 8. A, № 143: Względem

ная также и для характеристики мѣстной жизни и польско-русскихъ отношеній въ ту, столь важную въ исторіи края, эпоху.

Монастырь обсервантовъ, даже въ лучшую пору своего существованія, не былъ, какъ мы уже видѣли, особенно богатымъ. Не владѣя ни помѣстьями, ни угодьями, онъ содержался на проценты съ капитала и разными пожертвованіями ему, причемъ проценты, упавшіе на половину въ своей нормѣ, уплачивались должниками неисправно. Переживаемое, затѣмъ, Варшавой и краемъ, на исходѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ, въ области политической, экономической, церковной и т. п., не могло не отражаться на матеріальномъ благосостояніи монастыря и на его внутреннемъ строѣ. Возстаніе 1794 года унесло цѣнную церковную утварь, изъ которой сохранилась небольшая часть, достаточная лишь для отправленія обычныхъ богослуженій¹⁾; оно унесло бы и капиталы, еслибъ находились они въ наличности. При прусскомъ господствѣ въ краѣ монастырь оказался уже не въ состояніи содержать себя по прежнему и уплачивать исправно городскія подати.

Пріоръ монастыря кс. Раймундъ Конецкій указывалъ (1798 года) Варшавскому городскому магистрату, что, за недостаткомъ средствъ, онъ не можетъ внести локтевую мостовую подать, потому что хотя монастырскіе капиталы обезпечены залогомъ варшавскихъ недвижимостей, однако проценты съ нихъ за послѣдніе лѣтъ болѣе десяти не получаютъ, несмотря на судебные иски съ должниковъ; онъ встрѣчаетъ затрудненія и въ содержаніи братіи и въ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ нуждъ ея. Пріоръ обѣщалъ и надѣялся урегулировать взносъ податей лишь подъ условіемъ, если магистратъ найдетъ средства взыскать долги съ

kościola i zabudowań po xx. Dominikanach obserwantach w Warszawie pozostałego; Protokoły posiedzeń Rady Administracyjnej, съ 1816 года; Постановленія намѣстника за 1816 и слѣд. годы; Архивъ Варшавскаго Окружнаго суда; Архивъ Рожанцоваго братства; рукописи Библіотеки г. Коротынскаго, и др. Соотвѣтственныя извлеченія въ Приложеніяхъ.

¹⁾ На монетный дворъ было тогда взято серебра, принадлежащаго костелу и Рожанцовому братству, 235 фунтовъ и 1 лоть, по кельскому вѣсу, и золота на 8 дукатовъ. Acta Dem. Obserw., I т., 4, 42 лл.

заложенныхъ монастырю недвижимостей. Представленіе пріора о бѣдности монастыря подтвердилъ полицейскій контроль, который донесъ (23 октября) магистрату: монастырь дѣйствительно лишенъ почти всякихъ средствъ, за исключеніемъ 90 червонцевъ въ годъ за сдачу квартиръ; значится у него 80,000 злотыхъ, подъ залогомъ недвижимостей, только доходовъ съ нихъ не получаетъ; въ помѣщеніи пріора вся обстановка крайне бѣдна, взять тутъ нечего ¹⁾. Далекое не въ розовомъ свѣтѣ, хотя и не въ такой степени, изображалъ (1800 г.) матеріальное благосостояніе монастыря пріоръ Конецкій и въ своемъ доношеніи духовной власти ²⁾, объявляя ей, что средства монастыря составляли доходы „съ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ капитала“, квартирная плата за два шинка, милостыня, жертвуемая въ ризницу и собираемая по городу, и случайныя приношенія.

Притокъ пожертвованій сокращался. Связь монастыря съ прочими монастырями того же ордена ослабѣла. Генераль ордена жилъ тогда не въ Римѣ, а въ Венеціи; генеральный викарій конгрегации Бертранда въ Польшѣ послѣ послѣдняго раздѣла Рѣчи Посполитой предпочелъ остаться при монастыряхъ, отошедшихъ къ Россіи, и варшавскій монастырь очутился подъ вѣдѣніемъ своего пріора, которому поручилъ наблюденіе надъ монастыремъ въ Горѣ Кальваріи, вскорѣ (1806 г.) закрывшемся, такъ что въ прусской части Польши онъ изъ монастырей обсервантовъ остался единственнымъ. Правительствомъ Варшавскаго герцогства часть его была взята (съ 1 мая нов. ст. 1707 года) подъ военный постой, по условію за 1,260 зл. въ годъ. Но касса герцогства, испытывавшаго экономическія потрясенія и разореніе и вынуждаемаго служить источникомъ для военныхъ приготовленій и орудіемъ выполненія замысловъ Наполеона, была бѣдна и весьма не исправна въ удовлетвореніи своихъ денежныхъ обязательствъ, и обѣщанная казной сумма за помѣщеніе войска монастырю не платилась.

¹⁾ Взыскать подать магистратъ предписалъ (4 декабря) полиціи съ квартирнаго дохода, 51 талеръ 9 грошей 61½ пфениговъ. Магистратскія дѣла Арх. при В. Суд. пал., касающіяся домовъ №№ 1320 и 1321, годъ 1798.

²⁾ Приложенія, кн. 1, № 22.

Экзальтированные мыслию о воскресеніи Польши и считая такимъ воскресителемъ Наполеона, привилегированные классы населенія легко вовлекались имъ въ готовность на непосильные жертвы и расходы. Съ своей стороны, „смотря на Варшавское герцогство, какъ на свое созданіе и какъ на обширный военный лагерь на границахъ Россіи, Наполеонъ не стѣснялся съ поляками и высасывалъ изъ жителей послѣдніе соки, требовалъ отъ нихъ чрезвычайныхъ напряженій... Содержаніе войскъ, постройка новыхъ литейныхъ заводовъ и арсеналовъ, работы на нихъ истощили казначейство и повели къ истребленію государственныхъ лѣсовъ. Цѣны на всѣ сельскія произведенія упали вслѣдствіе дороговизны денегъ. Для покрытія усиленныхъ расходовъ на военныя потребности, Наполеонъ приказалъ сдѣлать за счетъ герцогства заемъ въ 12 милліоновъ, еще болѣе разорившій населеніе“... Поставленный имъ саксонскій король не могъ ссудить средствами, „денегъ не давалъ полякамъ и Наполеонъ, по распоряженію котораго производились вооруженія. Онъ поскунился даже и тогда, когда Биньенъ донесъ ему, что большой смотръ войскъ отложенъ и не состоялся потому, что у солдатъ не было сапоговъ. Французскій императоръ требовалъ только вооруженія и заготовленія запасовъ продовольствія“. Созванный въ концѣ 1811 г. сеймъ вынужденъ былъ „увеличить налоги по многимъ статьямъ доходовъ, запретить вывозъ хлѣба за границу, объявить военную конскрипцію, а съ евреевъ, вмѣсто рекрутъ, взять 700.000 злотыхъ. Вслѣдъ затѣмъ, по настоянію Наполеона, учреждена національная гвардія, къ службѣ въ которой призывались всѣ обыватели отъ 18 до 50 лѣтъ отъ роду, и объявлено, что въ случаѣ, если война приметъ обширные размѣры, то всѣ мирные жители могутъ быть потребованы на службу... Всеобщая нищета, безпорядки въ администраціи, разногласіе во мнѣніяхъ — вотъ состояніе, въ какомъ находилось герцогство Варшавское. Какъ городскіе жители, такъ и земледѣльцы стонали подъ тяжестію налоговъ, говорили, что работаютъ единственно для содержанія многочисленныхъ войскъ, цифрою своею превышавшихъ средства страны. Многие владѣльцы

добровольно отдали свои имѣнія въ управленіе правительству, потому что доходовъ съ нихъ не хватало на уплату податей“¹⁾).

При такомъ экономическомъ положеніи герцогства, особенно должно было потерпѣть монастырское достояніе, независимо отъ господствовавшего тогда взгляда на монастыри и ихъ имущества. Монастыри быстро слабѣли, а Варшавскій нѣмецко-католическаго братства Венона былъ закрытъ Наполеономъ по обвиненію монаховъ въ политическихъ и моральныхъ преступленіяхъ и въ своекорыстіи²⁾).

Не получая ни отъ казны условленной за постою платы, ни процентовъ съ должниковъ, ни достаточныхъ пожертвованій, монастырь доминиканъ обсервантовъ впадалъ въ безвыходные долги, которые совсѣмъ одолѣвали его. Зданія, плохо поддерживаемыя, ветшали, содержались неопратно, нуждались въ капитальной поправкѣ; полиція приступала съ требованіями и понудительными мѣрами по дѣлу уплаты податей и очистки и исправленія двора и зданій.

Бѣдность и невыгодность монастырской жизни и увлеченія современнаго общества круговоротомъ политическихъ и военныхъ страстей и цѣлей повели къ быстрому сокращенію числа монашествующей братіи. Къ 1812 г. въ немъ жило всего два монаха: пріоръ Станиславъ Вноровскій и проповѣдникъ и промоторъ Семенъ Абрамовичъ, трое служителей (одинъ при ризницѣ, другой при костелѣ, третій сторожъ) и двѣ служившія при костелѣ старухи.

Вноровскій закончилъ собою рядъ пріоровъ. Уроженецъ Подлясья, Ломжинскаго уѣзда, пройдя свѣтское училище въ Ломжѣ, поступилъ (въ 1777 году) въ варшавскій монастырь, принялъ здѣсь монашество и обучался философіи и богословію, затѣмъ былъ учителемъ догматическаго богословія и наконецъ пріоромъ. После его смерти (3 марта н. ст. 1813 года) остался въ живыхъ

¹⁾ Русская Старина, 1902, X, 19—23, монографія Н. О. Дубровина. Ср. Н. А. Попова Варшавское герцогство, Русский Вѣстникъ, 1866, тт. 61—62; K o n i c a, Rolnictwo i handel x. Warszawskiego. Warszawa, 1880; Żółtowskiego, Die Finanzen des Herzogtums Warschau. Pozen, 1890 и слѣд.

²⁾ Указъ Наполеона отъ 30 іюля н. с. 1808 г. о закрытіи монастыря, Gazeta Warszawska, 1808 г., прибавленіе къ 61 №-ру, стр. 995—996.

лишь одинъ доминиканинъ обсервантъ Абрамовичъ, человекъ еще довольно молодой, лѣтъ 38, но болѣзненный¹⁾.

Монастырь видимо разрушался, замиралъ. Явно распадалось и его Рожанцовое братство, которое хотя проявляло большую жизненность, нежели конвентъ, но его крайне разѣдали несоответственные обычаи и разные непорядки, свившіе въ немъ себѣ прочное гнѣздо еще въ пору цвѣтущаго состоянія монастыря. Когда конвентъ готовился къ освещенію своего отстраиваемаго костела, генеральный викарій епископъ, обративъ вниманіе на денежные отчеты по братству, нашелъ (1782 г.), что иные расходы записывались въ книги по нѣскольکو разъ, или же дѣлались совершенно произвольно, не вызываемые ни обстоятельствами, ни потребностями. Записывались большія платы приглашаемымъ на праздники проповѣдникамъ, которые, какъ монахи, должны были служить даромъ или по цѣнѣ незначительной; братчики и сестры на общественный счетъ угощались послѣ богослуженій и засѣданій; засѣданія посѣщались мало, заупокойныя богослуженія по вкладамъ и пожертвованіямъ совершались неаккуратно, и проч. Для возстановленія порядка, епископъ подтвердилъ прежнія и предписалъ новыя правила²⁾, выполненіемъ которыхъ однако братство не стѣсняло себя, особенно съ ослабленіемъ авторитета въ конвентѣ. Финансовыя дѣла братства пришли въ разстройство, выбывавшіе старшины не отдавали въ нихъ отчета своимъ преемникамъ. Члены близкой къ братству общины милосердія не считали болѣе возможнымъ дѣйствовать въ согласіи съ нимъ. Монастырской власти старшины братства отказывали въ какомъ-либо подчиненіи.

Дальнѣйшее существованіе монастыря казалось невозможнымъ. Ближайшую причину такого упадка современный свидѣтель, пріоръ Варшавскаго августиніанскаго монастыря, видѣлъ въ отношеніи къ монастырю со стороны поляковъ и въ отдачѣ ими его подъ военный постой. По его словамъ, поляки, не смотря на то, что имѣли много казармъ, отдали монастырь подъ по-

¹⁾ О числѣ монаховъ, о Вноровскомъ и Абрамовичѣ см. Приложенія, кн. 1, №№ 22—24.

²⁾ Приложенія, кн. 1, №№ 126—127.

стой солдатъ, взявъ предъ тѣмъ всѣ его доходы, и тѣмъ такъ опустошили его, что когда задумано было произвести поправку, то понадобилось бы болѣе половины, чѣмъ израсходовано при его постройкѣ. Отъ огорченія, пріоръ умеръ, оставивъ одного монаха; доминикане не могли содержать монастыря, ни платить податей, и монастырь, послѣ смерти двухъ послѣднихъ изъ нихъ, былъ отданъ въ администрацію ксендзамъ свѣтскимъ ¹⁾.

Дѣйствительно, убѣждаясь въ неминуемо требовавшейся сторонней помощи доминиканскому монастырю, вицеадминистраторъ варшавской епархіи ловичскій епископъ - суфраганъ Захаріашевичъ поручилъ завѣдываніе монастыремъ жившему подъ Варшавой ксендзу канонику Михайловской коллегіаты въ Краковѣ Іосифу Даниковскому.

Но и роль Даниковского вышла не на пользу, неожиданной и крайне печальной.

Родомъ изъ польской окраины, пограничной съ Венгріей, въ молодости онъ служилъ лѣтъ 7 въ австрійскомъ гусарскомъ полку. По принятіи монашества, среди новой собратіи Даниковский казался лицомъ бывалымъ, практическимъ, знавшимъ дѣла экономическія. Краковскій кафедральный капитулъ при веденіи своихъ дѣлъ пользовался его услугами. Это помогало ему завязать тутъ полезныя для себя знакомства и пріобрѣсть вліятельныхъ покровителей, кругъ которыхъ постепенно увеличивался; онъ возведенъ былъ въ архидіаконъ калишской коллегіаты Іосифа, потомъ въ ксендза каноника краковской коллегіаты Михаила и получилъ въ управленіе одну церковную собственность въ калишскомъ воеводствѣ, которою вѣдалъ до поры, пока прусское правительство не конфисковало ее вмѣстѣ съ другими церковными имѣніями. Даниковский, скопивъ уже достаточныя средства, переселился въ Варшаву и купилъ близъ нея, подъ Уяздовомъ, имѣніе. Отдавшись хозяйству и своимъ частнымъ дѣламъ, мѣстной епархіальной власти онъ не изъявлялъ желанія о дозволеніи ему отирать въ ся епархіи духовныя обязанности. Такъ прошло лѣтъ 8. У Даниковского развился кругъ знакомыхъ и въ Варшавѣ, но

¹⁾ Тамъ же, № 123.

подъ конецъ пошатнулось, кажется, его благосостояніе. Не дозрѣвая, очевидно, о послѣднемъ обстоятельствѣ, епископъ Захаріашевичъ, знавшій Даниковскаго и покровительствовавшій ему, опредѣлилъ его, съ утвержденія гнѣздненскаго архіепископа, администраторомъ монастыря обсервантовъ, при опредѣленіи выразивъ ему свою увѣренность, что онъ сумѣетъ поправить разстроившіяся монастырскія дѣла. За администрацію ему назначено по 10% съ монастырскихъ доходовъ. Члены Рожанцоваго братства избрали его своимъ протекторомъ. Ему тогда было 60 лѣтъ.

Считалось надобнымъ, прежде всего, привести въ извѣстность монастырское имущество. Даниковскій немедля опечатавъ келью умершаго пріора, а Захаріашевичъ предписалъ ему составить всему надлежащую инвентарную опись, на помощь къ нему прикомандировалъ лектора богословія и эконома варшавскихъ доминиканъ на Новомъ Мѣстѣ кс. Игнатія Маріанскаго и ксендза обсерванта Абрамовича. Послѣднему роль Даниковскаго, какъ лица сторонняго и ксендза-немонаха, правиться не могла, и онъ, подъ предлогами болѣзни и что ему неизвѣстны дѣла его монастыря, въ работѣ участія не принялъ; опись Даниковскій и Маріанскій составили вдвоемъ, подробно означивъ въ ней, что было на лицо и числилось по бумагамъ въ пользу монастыря и Рожанцоваго братства, не опредѣливъ, впрочемъ, сколько монастырь былъ долженъ самъ и сколько могъ получить онъ долгу¹⁾.

Составленіемъ инвентарной описи однако почти и ограничилась положительная заслуга администратора предъ ввѣреннымъ ему учрежденіемъ.

Поправить средства монастыря Даниковскій думалъ главнымъ образомъ освобожденіемъ монастырскихъ зданій отъ военнаго постоя, полученіемъ съ казны денегъ, не выплачиваемыхъ ею съ самаго начала помѣщенія войска, т. е. съ мая 1807 года, и сдачей монастырскихъ помѣщеній въ наемъ частнымъ лицамъ.

На неоднократныя его просьбы о платѣ за постоя войска однако получилось (15 дек. н. ст. 1813 г.) имъ отъ президента

¹⁾ Составленная ими въ мартѣ 1813 г. опись самая подробная изъ сохранившихся инвентарныхъ описей монастыря и костела, занимаетъ въ подлинникѣ 215—231 лл. I т. Acta Dom. Obs. Важнѣйшую часть ея см. въ Приложеніяхъ, кн. I, № 25.

варшавской городской полиціи лишь предложеніе представить все соотвѣтствующіе документы и немедленно заняться капитальной починкой обрушившагося монастырскаго зданія на Александріи № 2767; требованіе о ремонтнровкѣ было не впервые, и оно повторилось теперь съ угрозой, въ случаѣ невыполненія, произвести ее путемъ экзекуціи. Объ уплатѣ монастырю за военный постой ходатайствовала предъ правительствомъ Варшавскаго герцогства духовная власть. Это была пора, когда герцогство, занятое русскими войсками, преслѣдовавшими Наполеона, управлялось Верховнымъ временнымъ совѣтомъ, учрежденнымъ по указу (1 марта 1813 г.) императора Александра I и находившимся подъ президентствомъ русскихъ людей¹⁾. Часть войскъ жила въ Варшавѣ и подъ Варшавой (съ февраля), въ монастырѣ обсервантовъ стояли казаки. Къ претензіямъ за содержаніе русскаго войска герцогство должно было относиться предупредительнѣе, и варшавская префектура, по предписанію Совѣта, выдала ксендзу Даниковскому 1,155 злотыхъ, слѣдуемыхъ монастырю за 11 мѣсяцевъ найма въ немъ квартиры подъ русскій военный постой, съ февраля 1813 года, а плату за наемъ въ предыдущіе годы записала по книгамъ въ отдѣлѣ долговъ казны.

1) Утвердивъ, въ бытность въ г. Калишѣ, поднесенное княземъ Кутузовымъ— Смоленскимъ „Образованіе Верховнаго временнаго совѣта, учреждаемаго для управленія Варшавскимъ герцогствомъ“, имп. Александръ I, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ (2 марта) на имя князя особый рескриптъ, которымъ назначалъ составъ Совѣта: президентомъ дѣйств. т. сов. сенатора Вас. Серг. Ланскаго, „съ званіемъ генераль-губернатора герцогства Варшавскаго“, вице-президентомъ тайн. сов. сенатора Н. П. Новосильцева, совѣтниками: т. сов. Вавржецкаго, д. ст. сов. князя Любецкаго и совѣтникомъ по части финансовъ управлявшаго имѣніями саксонскаго короля въ герцогствѣ де-Коломба. Цѣлю Совѣту ставилось, „чтобы устранима была анархія, установились равные и неотягчительные поборы и обезпечивалось общественное спокойствіе“. Правилами образованія Совѣта устанавливалось: „Совѣту сему ввѣряется управленіе, именемъ императорскаго величества, всеми землями герцогства Варшавскаго, занятыми уже войсками нашими, и тѣми, кои впредь заняты будутъ... Кромѣ именныхъ высочайшихъ указовъ и предписаній главнокомандующаго арміями, Совѣтъ ни отъ чьихъ болѣе повелѣній не зависить“.

Архивъ стар. дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго ген.-губ., документы по герцогству Варшавскому и Временному управленію; Архивъ новыхъ дѣлъ при той же Канцеляріи, дѣла канцеляріи графа Новосильцева, № 2, част. № 1: „Дѣло объ учрежденіи Верховнаго временнаго совѣта“, № 111, № отд. 18: „Дѣло объ утвержденіи штатовъ Верховному совѣту и чиновникамъ генераль-губернатора герцогства, 1813 г.“. Указъ объ учрежденіи Совѣта и правила образованія и занятій его, и о личномъ составѣ, на русскомъ языкѣ, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1871 г., 1569—1583 стр.

Полученною суммой, выданной подъ условіемъ произвести на нее ремонтъ зданія по Александріи, администраторъ монастыря распорядился по своему. Противъ выставленныхъ ему условій онъ замѣтилъ, что не намѣренъ отдавать отчета, на что именно онъ употребилъ деньги, и только нѣсколько спустя сказалъ (27 дек. н. с.) префекту варшавскаго департамента, что деньгами онъ покрылъ расходы, произведенные имъ ранѣе, на собственные средства. Такое объясненіе префектура поняла въ томъ смыслѣ, что Даниковскій взялъ деньги себѣ. На дальнѣйшія представленія его муниципальному управленію счетовъ, поэтому, было прислано (29 апр. н. с. 1814 г.) ему утвержденное президентомъ городской полиціи заключеніе городского архитектора о неотложныхъ починкахъ въ монастырѣ. Архитекторъ Лессель находилъ, что крыша въ монастырскихъ зданіяхъ изветшала, череницу на монастырѣ и колокольныхъ слѣдовало замѣнить новой, голландской, одна изъ колоколенъ, у Александріи, погнулась, домъ около нея обрушился, въ другой колокольніѣ надобно было устроить двери для кладовой. Равнымъ образомъ, муниципальное управленіе и уѣздное казначейство не разъ грозили экзекуціями и жаловали ихъ за недоимки въ податяхъ.

Нѣкоторую постройку по Александріи Даниковскій сумѣлъ произвести главнымъ образомъ путемъ сдѣлки съ постояльцемъ Валежинскимъ, подъ условіемъ права жить этому въ теченіе шести лѣтъ, безъ ежегодной платы. Относительно же податей Даниковскій хлопоталъ (25 октября н. ст. 1815 г.) предъ президентомъ, чтобы сдѣланъ былъ полный расчетъ, какія слѣдуютъ съ монастыря недоимки и что долженъ получить онъ за помѣщеніе въ немъ войска. Съ состоявшимся освобожденіемъ монастыря отъ военнаго постоя, положеніе дѣла облегчалось мало: монастырскія зданія не могли уже приносить серіознаго дохода. Муниципальное управленіе, произведя расчетъ казенныхъ и городскихъ податей и налоговъ съ доминиканскаго имущества и распредѣливъ внесеніе ихъ на 10 сроковъ, просило (13 мая нов. ст. 1816 года) енархіальную власть о принятіи мѣръ къ аккуратному взносу ихъ администраторомъ монастыря.

Это было за полмѣсяца до смерти Даниковского.

Хлопоты его о видимомъ поддержаніи и упорядоченіи экономическаго положенія монастыря и костела ослаблились зану-танностію его собственныхъ дѣлъ, вызывавшихъ его на неправильное употребленіе монастырскихъ средствъ, его распрей съ Рожанцовымъ братствомъ и утратою имъ довѣрія и покровительства со стороны духовной и свѣтской власти.

Около той поры, какъ были присвоены имъ казенные 1,155 золотыхъ, онъ разошелся съ одною, прежде близкою ему, особою, нѣкоею вдовою Козминской, которая поступила подъ опеку нѣкогого Яна Зелинскаго. Начавшіяся разныя препирательства повели къ жалобѣ Зелинскаго епископу, приподнявшей занавѣсъ съ личныхъ обстоятельствъ Даниковскаго.

Ксендзь администраторъ, доносилъ (16 апрѣля н. ст. 1814 года) на него Зелинскій, уже нѣсколько мѣсяцевъ интригуетъ противъ него, какъ опекуна Козминской, всячески преслѣдуетъ и оскорбляетъ его; напившись, врывается въ квартиру сей честной вдовы, безъ причины роняя ея доброе имя; произноситъ тамъ срамныя слова, которыми соблазняетъ въ томъ домѣ невинныя уши; безчинствуетъ, точно разбойникъ, не признавая никакихъ законовъ. Такими способами онъ старается замучить эту госпожу, чтобы только не платить ей долга, въ нѣсколько тысячъ золотыхъ. Она, какъ многимъ извѣстно, помогала ему прежде въ разныхъ нуждахъ, въ болѣзни и т. п., не щадила трудовъ для его пользы, надѣясь найти у него спокойный пріютъ, гдѣ бы приклонить голову; а онъ своимъ пьянствомъ и грубымъ обращеніемъ до того разстраиваетъ ея здоровье, что она болѣетъ послѣ каждаго посѣщенія его. По отношенію къ ней онъ—хитрый убійца! Его же, опекуна, онъ, не довольствуясь разными оскорбленіями, обвиняетъ, вопреки собственному убѣжденію, даже въ прелюбодѣянніи со вдовою, и это единственно по тому, чтобы у нея не осталось никакого защитника, и чтобы тогда ему легче было вредить ей въ ея имуществѣ и ея славѣ и здоровью. Епископа Замбжицкаго Зелинскій просилъ унять Даниковскаго, заявляя, что если этотъ не угомонится, то онъ позоветъ его на судъ свѣтскій, гдѣ докажетъ, что онъ — человекъ безъ религіознаго чувства и недостойнъ быть администраторомъ, причемъ иронизировалъ,

что возрастъ не позволяетъ Даниковскому быть глупымъ, и что Даниковскій, когда не на что будетъ сему пить, перестанетъ быть столь склоннымъ къ ярости и занальчивости...

Плохо скрываемое, стремленіе Зелинскаго лишить Даниковскаго администраціи, обезпечивавшей послѣднему лучшую возможность къ уплатѣ долговъ Козминской и другимъ лицамъ, едва ли въ извѣстной мѣрѣ не объясняется зависимостью отъ происковъ Рожанцоваго братства.

Занутываясь въ долгахъ и расходахъ, изъ-за которыхъ потерялъ даже свое земельное владѣніе подъ Варшавой, и связываясь съ подобными людьми, какъ Козминская и Зелинскій, нервный, порывистый, терявшій самообладаніе администраторъ вель съ братствомъ упорную борьбу, принявшую прямо ожесточенный характеръ послѣ избранія (18 сентября н. ст. 1814 г.) братствомъ въ свои сеніоры Доминика Вербуша.

Если братство и прежде поступало своевольно, то теперь старшины его хотѣли считать протектора и промотора только номинальными, рѣшительно не переносили вчинаемыхъ съ ихъ стороны контроля и требованій, тѣмъ болѣе, что Даниковскому они и не довѣряли. У старшинъ создался даже планъ совсѣмъ освободиться отъ Даниковскаго (какъ протектора и администратора) и Абрамовича (промотора); они начали хлопотать, чтобы, для отпращиванія церковныхъ обязанностей, даны были братству ксендзы доминикане съ Новаго Мѣста или же костель обсервантовъ съ монастыремъ и братствомъ былъ прямо присоединенъ къ этой доминиканской общинѣ. Вербушъ, новый сеніоръ, подобно Даниковскому властолюбивый и несдержанный, но еще менѣе его утонченный и менѣе его умный и довольно фанатизованный, сталъ добиваться этого со всею назойливостью.

Отъ протекторства надъ братствомъ Даниковскій отказался, но этимъ дѣлу не помогъ. Иза монастырскихъ стѣнъ борьба перешла на судебную арену. Въ своихъ доношеніяхъ консистеріи, слѣдовавшихъ одно за другимъ (осенью 1814 г.), Вербушъ жаловался, что отъ прежнихъ старшинъ братства онъ никакъ не можетъ получить ни инвентаря, ни прихода-расходныхъ книгъ, безъ чего ему нельзя узнать, что принадлежитъ братству, какія

имѣются суммы и сколько дохода должно получаться съ нихъ; что бывший протекторъ Даниковскій не выдаетъ книжки, которую запечаталъ въ келіи послѣ смерти Вноровскаго и въ которой были братскія записи, удерживаетъ у себя и другіе документы, произвольно и дерзко вмѣшивается въ дѣла братскія, захватываетъ и тратитъ братскія суммы и проценты, и проч. Жалующійся сеніоръ просилъ енархіальную власть вмѣнить Даниковскому и Абрамовичу, не касаясь дѣлъ братства, заниматься лишь исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей по костелу. Всѣ три доношенія Вербуша новый предсѣдатель консисторіи, преемникъ Захаріашевича, епископъ Замбжицкій, сообщилъ Даниковскому, для объясненія по нимъ.

У Вербуша не остался Даниковскій въ долгу. Если бы Богъ —писалъ (6 декабря нов. ст. 1814 г.) онъ консисторіи въ свое оправданіе—одарилъ его Своею благодатию въ такой мѣрѣ, какъ св. Станислава, епископа краковскаго, то онъ пошелъ бы къ гробу бывшаго вицеадминистратора варшавской епархіи, епископа Захаріашевича, и просилъ бы во имя Божіе возстать изъ гроба и подтвердить предъ г-номъ Вербушемъ, что онъ нимало не старался, чтобы ему была предложена администрація надъ костеломъ и монастыремъ доминиканъ обсервантовъ; напротивъ, занятый по земельному хозяйству, онъ отказывался отъ предложенія и принялъ его, лишь уступая настояніямъ епископа, который убѣждалъ его: „вы хорошо управляли въ епархіи большимъ приходомъ, то сумѣете хорошо управить бѣднымъ и разореннымъ монастыремъ“. Назначеніе его въ администраторы было утверждено архіепископомъ гнѣздненскимъ. Состоя въ священническомъ санѣ 38 лѣтъ, онъ смѣло говоритъ г. Вербушу, что этотъ во всѣхъ своихъ обвинительныхъ пунктахъ запятналъ свою совѣсть. Завѣдываніе костеломъ принялъ онъ послѣ смерти кс. Станислава Вноровскаго, который однако былъ пріоромъ костела и монастыря, а не промоторомъ братства, промоторомъ же съ 1806 г. состоитъ кс. Абрамовичъ ¹⁾. Хвалиться онъ не станетъ;

¹⁾ Книги, документы и отчеты братства могли находиться именно у промотора, съ котораго потому ихъ слѣдуетъ требовать.

но несомнѣнно, не прими и не правь онъ администраціи, монастырь былъ бы уже запертъ и стоялъ бы пустымъ, какъ пещера; то же самое было бы и съ костеломъ, чрезъ который уже протекала вода. Своими стараніями онъ освободилъ монастырь отъ военнаго постоя и уплатилъ недоимокъ 5,751 зл. 11½ грошей. У г-на Вербуша нѣтъ свидѣтеля, будто онъ превышалъ свою власть или неправильно распоряжался имуществомъ. Избранный въ протекторы, онъ долженъ былъ вмѣшаться въ одно братское дѣло. Никакой братской книги, касающейся суммъ, онъ не видалъ, кромѣ общаго инвентаря, составленнаго правительствомъ и находящагося теперь въ консисторскомъ архивѣ, — въ этомъ онъ готовъ присягнуть передъ всякимъ судомъ. Въ комнатѣ покойнаго Вноровскаго былъ всего одинъ сундучекъ, раскрывъ который, онъ нашелъ въ немъ съ десятокъ проповѣдей пріора, три богословскихъ сочиненія и книгу сестеръ братства; послѣднюю онъ передалъ сестрамъ, и она теперь у промотора кс. Абрамовича. О движимостяхъ, принадлежащихъ костелу и монастырю, пусть Вербушъ получить объясненія отъ доминиканца кс. Маріанскаго, пересматривавшаго каждую вещь, когда писалась инвентарная опись (въ мартѣ 1813 г.). Вербушъ не имѣетъ свидѣтеля, будто онъ тратилъ капиталы или взыскивалъ проценты братства; бывшіе случаи пріема процентовъ записаны въ книгу и послужили для пользы братства. Скорѣе всего, завѣдываніе Вербуша принесетъ братству разореніе — это онъ предсказываетъ. Уже члены братства милосердія, разочаровавшись въ семъ сеніорѣ, не хотятъ ходить по праздникамъ на засѣданія братства, и онъ, не дожидаясь просьбы о томъ Вербуша, отказался отъ протекторства. Чтó онъ не присвоивалъ себѣ и не удерживаетъ ничего изъ братской собственности, въ этомъ проситъ онъ консисторію велѣть ему, для успокоенія Вербуша, принести присягу, и пусть о томъ удостовѣрятъ бывшіе старшины.

Не ограничиваясь подобною защитой противъ обвиненій Вербуша, Даниковскій въ своихъ объясненіяхъ перешелъ въ наступленіе. Онъ утверждалъ: обвиненія изобличаютъ лишь фарисейство самого доносчика; очевидно, никакая другая тварь не можетъ нагать такъ, какъ человѣкъ въ преклонномъ возрастѣ;

изъ наличныхъ братскихъ старшинъ онъ никого не подговаривалъ, и сеніоръ сошлетя тутъ развѣ на свидѣтеля фарисея или лицемѣра.

„Вербушъ — писалъ Даниковскій—приписываетъ мнѣ слова: «вся собственность братства должна принадлежать управителю монастыремъ; такъ было до Станислава (Вноровскаго), такъ должно быть и при мнѣ». Это не мои слова; я же говорилъ: «какъ видно изъ самыхъ старыхъ монастырскихъ книгъ, на отпустъ Рожанца, длившійся недѣлю, братья, чтобы угощать ксендзовъ, приглашаемыхъ для совершенія литургіи, давали 33 злотыхъ, сестры 30; такой праздникъ приближается, и я прошу дать мнѣ то, что было обязательно съ давнихъ поръ». На это Вербушъ, не какъ человѣкъ разсудительный, а какъ разсвирѣпѣвшій, крикнулъ: «а гдѣ деньги?» Я возразилъ: «пусть ихъ ищетъ братство; меньше не было и не будетъ; если братство хочетъ справлять свои отпусты, то должно давать, что давало». Вотъ какой былъ разговоръ между нами“.

„Съ своей стороны я—продолжалъ администраторъ—очень жалѣю г-на Вербуша въ его дряхломъ возрастѣ. Онъ представляется благочестивымъ, но мало людей, которые бы признавали его добродѣтель; представляется онъ святымъ, садится подъ фигурой, а имѣетъ стараго змѣя за шкурой¹⁾, который возбуждаетъ его своимъ тлетворнымъ ядомъ. Этотъ господинъ, обладающій будто бы природнымъ умомъ, можетъ еще ходить въ училище учиться; я же, когда наступитъ и моя очередь обучать его, научу его съ кафедры. Еслибъ у него былъ природный умъ, онъ не клеветалъ бы такъ на почтенныхъ лицъ. Да изволитъ онъ припомнить себѣ, какъ и что говорилъ онъ про покойнаго еписк. Захаріашевича: «онъ, на своей должности, получаетъ и съѣдаетъ много духовнаго хлѣба, а ничего не предпринимаетъ противъ масоновъ». Сему почтенному епископу онъ препроводилъ чрезъ меня письмо и масонскую книгу. Но странное дѣло: нарѣкать на масоновъ, и самому, какъ носится молва, имѣть сына ма-

¹⁾ „Siaduje on pod figura, ale ma starego węza za skórą“ (sic)—видозамѣненіе польской поговорки: „modli się pod figurą, a nosi djabła za skórą“. Подъ „фигурой“ подразумѣвается изображеніе Христа, Распятіе.

сономъ¹⁾! Пусть припомнить онъ также, что въ томъ же 1813 г. говорилъ онъ еще объ архіепископѣ гнѣздненскомъ и варшавскомъ администраторѣ, что онъ большой скряга, духовнаго хлѣба имѣеть въ изобиліи, и съѣдаетъ его, конитъ огромныя деньги, забывая о своихъ обязанностяхъ; но приходамъ у него настоятели не учатъ катихизису и не произносятъ проповѣдей, даромъ поѣдаютъ хлѣбъ Христа. Говорилъ онъ и еще противъ князя примаса архіепископа, и. ч. этотъ не отвѣтилъ ему на его письмо. Г-нъ Вербушъ въ своихъ письмахъ, которыя находятся въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, ставилъ меня первымъ, въ примѣръ другимъ духовнымъ, а теперь онъ выставляетъ меня самымъ худымъ. Онъ—гонитель духовныхъ“...

Вицеадминистраторъ епархіи, епископъ Замбжицкій, и безъ того болѣе склонявшійся къ Даниковскому, теперь, когда Вербушъ захотѣлъ было узнать отъ него о результатѣ своихъ доношеній, сказалъ ему: „вотъ вамъ ваши прошенія съ отвѣтомъ на нихъ ксендза каноника Даниковского; отправьтесь къ нему и постарайтесь войти съ нимъ въ соглашеніе, и тогда все дѣло уладится между вами“.

Видя здѣсь полную безуспѣшность своихъ хлопотъ, Вербушъ обратился (28 декабря нов. ст. 1814 г.) къ архіепископу гнѣздненскому, жалуясь ему и на прежнихъ чиновъ братства, и на Даниковского съ Абрамовичемъ, и на предсѣдателя консисторіи, объявляя, что при такихъ не порядкахъ братству грозитъ окончательное паденіе. „Въ отвѣтѣ Даниковского на мои просьбы предсѣдателю консисторіи—увѣрялъ онъ архіепископа—вы найдете такое, что не повѣрите, что онъ далъ его, еслибъ отвѣтъ не былъ подписанъ его рукою. Онъ, 38 лѣтъ правящій священническую должность, безъ причины оклеветалъ мой характеръ, честь и славу мою. Ему я оказывалъ почтеніе, просилъ его не оставлять братство своимъ попеченіемъ, а онъ называетъ меня фарисеемъ!... Я не знаю, кто могъ бы на моемъ мѣстѣ равнодушно смотрѣть на явное разореніе архибратства!“.

¹⁾ Подлинныя документы о масонахъ въ Польшѣ — уставы, протоколы, списки, рукописи и проч., въ дѣлахъ Канцеляріи Новосильцева, хранящихся въ Архивѣ нов. дѣлъ при Канцеляріи Варшав. ген.-губернатора.

умолялъ архієпископа принять дѣло подъ свое покровительство, освободить братство отъ Даниковскаго и Абрамовича и передать монастырь обсервантовъ въ вѣдѣніе доминиканскаго провинціала, съ тѣмъ, чтобы этотъ назначилъ на жительство въ монастырѣ покрайней мѣрѣ 5 своихъ ксендзовъ, которые своею ученостію и примѣрною жизнью исправили бы порядокъ и привели бы архибратство въ прежнее его блестящее состояніе.

Въ Гнѣзднѣ вѣсы склонились въ пользу просителей. Состоявшееся распоряженіе архієпископа гласило объ изъятіи костела и монастыря обсервантовъ изъ-подъ администраціи Даниковскаго, о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе варшавскихъ доминиканъ на Новомъ Мѣстѣ и о производствѣ строгой ревизіи.

Ревизіонная комиссія состоялась изъ 3-хъ варшавскихъ ксендзовъ: кафедральнаго каноника, пражскаго декана и доминиканскаго пріора ¹⁾. И между тѣмъ какъ братство осаждало епископа Замбжицкаго просьбами о выполненіи распоряженія архієпископа относительно удаленія Даниковскаго отъ администраціи, неугомонный и мстительный сеніоръ братства съ своими жалобами и требованіями присталъ къ комиссіи, высчитывая предъ ней убытки и потери братства и личныя ему оскорбленія отъ Даниковскаго, надѣющагося-де на свои громадныя средства, безчетное число друзей духовнаго и свѣтскаго званія и на свое значеніе.

Но члены комиссіи не безъ причины начали свой протоколъ (4 сентября н. ст. 1815 г.) указаніемъ, что Даниковскій назначенъ въ управители по волѣ самого архієпископа гнѣздненскаго, администратора варшавской епархіи. Не касаясь ни распри между Даниковскимъ и Рожанцовымъ братствомъ и ни въ чемъ не вина Даниковскаго, всѣ упущенія и передержки они свалили на независящія отъ него обстоятельства: 1,155 злотыхъ, выданныхъ ему префектомъ, за русскій военный постой въ монастырѣ, онъ употребилъ на ремонтъ костела, по контракту его съ архитекторомъ на 3,600 злотыхъ; съ 3 марта 1813 г. до 1 сентября

¹⁾ Именно: Мацѣя Вейгерскаго, Франца Верховскаго и Даміана Держковскаго.

1815 г. получено, по вѣдомостямъ, почти 20,000 зл., израсходовано около 27,000 зл., передержка вышла на 7,065 зл. 26½ грошей, изъ-за необходимости уплатить, въ отстраненіе судебного иска, 3,000 злотыхъ долга умершаго пріора Вноровскаго, дѣлать, по требованіямъ полиціи, значительныя починки, выполнять обязательства по отслуживанію обѣденъ (и. ч. за недостаткомъ своихъ ксендзовъ приглашались ксендзы со стороны, за особую плату) и производить другія большія непредвидѣнныя траты при совершеніи обычныхъ и торжественныхъ службъ; за то увеличенъ квартирный доходъ, устроены новыя и поправлены прежнія жилыя помѣщенія.

Выгородивъ такимъ образомъ администратора, члены пришли къ тому заключенію, что костелъ вмѣстѣ съ своими строеніями не можетъ существовать, развѣ только, если власть отдастъ его какому-либо распорядительному обществу, которое сумѣло бы выполнять его обязательства и поддерживать въ исправности костелъ и монастырскія постройки ¹⁾).

Принять монастырь въ свое вѣдѣніе ближе всего было доминиканамъ, жившимъ въ Варшавѣ на Новомъ Мѣстѣ. Объ этомъ хлопотало Рожанцовое братство, такъ распорядился было и гиѣздненскій архіепископъ. Но чрезъ своего пріора Держковскаго, участвовавшаго въ комиссіи, убѣдившись въ невыгодности пріема, доминикане не соглашались на это. Фактически управленіе какъ бы должно было оставаться въ рукахъ Даниковскаго. Пріободренный такимъ оборотомъ дѣла и благопріятствующимъ отношеніемъ членовъ комиссіи и ближайшей епархіальной власти, Даниковскій надѣялся справиться теперь съ непокорнымъ Рожанцовымъ братствомъ, измѣня въ немъ составъ старшинъ. Немедля онъ увѣдомилъ (8 сентября н. ст.) Вербуша, что вслѣдствіе отказа доминиканъ на пріемъ монастыря въ свое управленіе, еписк. Замбжицкій оставилъ и утвердилъ его администраторомъ и поручилъ ему надзоръ надъ братствомъ, почему

¹⁾ „Kościół ten, iakośmy poznali, utrzymywany i z swemi budowlami być nie może, tylko jeżeli illustriſſimum officium odda go w ręce iakiemu rządmemu zgromadzeniu, któreby i obligacyom funduszowym uczynić zadosyć i utrzymywaniu kościoła i murów klasztornych zaradzić by mogło“. Acta Domin. Obserw., II, 29.

будетъ объявлено съ кафедры повелѣніе епископа объ избраніи новыхъ чиновъ братства.

Вербушу не сулило это ничего пріятнаго, и онъ, чтобы удоволѣриться, такъ ли дѣйствительно обстоитъ дѣло, отправился къ вицеадминистратору епархіи. Замбжицкій сказалъ ему, что онъ не помнитъ точно, но кажется, что не давалъ такого своего распоряженія. Говоря это, онъ развернулъ связку счетовъ, полученныхъ отъ предсѣдателя ревизіонной комиссіи, и замѣтилъ, что надъ ними придется еще ему много поработать. Вербушъ назвалъ это напраснымъ трудомъ, такъ какъ счета подведены не по правиламъ. Онъ хотѣлъ было уже откланяться, какъ тутъ случилось одно обстоятельство,—и между сеніоромъ и епископомъ вышла совсѣмъ необычная сцена.

До сихъ поръ держась осторожно и отвѣчая на вопросы Вербуша уклончиво, Замбжицкій теперь какъ бы нечаянно проговорился, что костель и монастырь обсервантовъ должны оставаться подъ управленіемъ Даниковскаго, потому что доминикане не хотятъ принять ихъ въ свое владѣніе.

„Вы ошибаетесь“, запальчиво возразилъ задѣтый такимъ сообщеніемъ Вербушъ. „Я лучше знаю отъ нихъ самихъ, что они примутъ; а хотя бы даже и не пожелали, то все же кс. Даниковскій не останется: мы подадимъ жалобу на безнравственное его поведеніе, и будемъ просить ваше высокопреподобіе разсудить это дѣло“.

Епископъ замѣтилъ: „Вамъ не долго бушевать; ожидаю не далѣе какъ недѣли черезъ три изъ Рима рѣшенія; возьмемъ монастырь для свѣтскихъ ксендзовъ-эмеритовъ“.

Вербушъ: „Такъ почему же вы, господа, не взяли для нихъ поіезуитскаго костела, а нашъ, на постройку котораго братство жертвовало также и свои средства?“.

Епископъ: „Разберите его по кирпичу, если онъ вашъ; только мнѣ извѣстно, что вы ничего не дали“.

Вербушъ: „Удивляемся, что ваше высокопреподобіе такъ поступаете съ нами; это не подобаетъ высокому достоинству священника. Лучше было бы, еслибъ вы намъ прямо сказали:

«я послалъ уже въ Римъ, вамъ нечего клонотать». Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, и мы нашли бы въ Римъ дорогу?».

„За чѣмъ же хотѣли бы вы послать туда?“ возразилъ Замбжицкій. „Развѣ не все равно—свѣтскій ксендзъ или доминиканинъ? Вотъ каковы вы фанатики!“

Сославшись на уставы религіи, Вербушъ продолжалъ: „А если вы послали въ Римъ, то развѣ лишь для того, чтобы удержать кс. Даниковскаго въ управленіи костеломъ?“

„Что́ это значитъ?!“ прикрикнулъ вицеадминистраторъ. „Вы осмѣливаетесь принисывать мнѣ свои миѣнія, потому что мы здѣсь только вдвоемъ?“.

„Да Богъ же присутствуетъ здѣсь Третьимъ“, вставилъ Вербушъ.

Чувствуя, что сказалъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, Замбжицкій старался иначе истолковать свои слова. „Еслибъ я сказалъ, что я послалъ въ Римъ, въ такомъ случаѣ мнѣ нечего было бы даже объясняться съ вами“, излагалъ епископъ.

„Я нахожусь“, возразилъ Вербушъ, „при полномъ сознаніи, въ жизни никогда не бывалъ пьянымъ и теперь то же; а если вы произнесли эти слова въ запальчивости, это не моя вина. Прощайте, ваше высокопреподобіе! Вижу, что тутъ ничего не добьюсь“.

При этихъ словахъ Вербушъ немедля вышелъ въ другую комнату. Высунувъ голову за дверь, ксендзъ епископъ громко крикнулъ ему въ слѣдъ: „вы лжете! Я не говорилъ того, что послалъ въ Римъ“¹⁾.

Замбжицкій вскорѣ былъ замѣненъ Воловичемъ, съ званіемъ номината варшавской епископіи, генеральнаго администратора. Съ устраненіемъ Замбжицкаго отъ управленія епархіей Даниковскій лишился главнаго своего покровителя, чѣмъ слѣшилъ воспользоваться Вербушъ. Свои просьбы епископу Воловичу объ устраненіи Даниковскаго и о передачѣ костела и монастыря доминиканамъ на Новомъ Мѣстѣ онъ, кромѣ ссылки на копію съ

¹⁾ Такою покрайней мѣрѣ изобразилъ всю сцену самъ Вербушъ, въ своемъ доношеніи власти. Приложенія, кн. 1, № 26.

изложенія своихъ переговоровъ съ Замбжицкимъ и на другіе документы, обосновывалъ тѣмъ, что у братства для выполненія своихъ обязанностей нѣтъ уже ни промотора, ни проповѣдника, ни достаточнаго числа ксендзовъ. Генеральный администраторъ передалъ прошеніе Вербуша духовному судѣ („сурогату“) кс. Шанявскому, который нашелъ (13 дек. н. с. 1815 г.), что „на прошеніе можно бы дать отвѣтъ въ такомъ родѣ: представленія г. сеніора Вербуша взяты на разсмотрѣніе и будутъ сравнены со всѣми прежними актами дѣла о подоминиканскомъ костелѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, чтобы для пользы этого костела можно было принять соотвѣтственныя мѣры“.

Ближайшею „соотвѣтственною мѣрою“ теперь оказалась именно та, которой давно и столь настойчиво добивалось Рожанцовое братство: немедленное удаленіе Даниковскаго отъ должности администратора. Послѣдній обсервантъ, кс. Семень Абрамовичъ, уже умеръ¹⁾, и временное завѣдываніе совершенно опустѣвшими костеломъ и монастыремъ епископъ Воловичъ поручилъ (13 генв. н. ст. 1816 г.) кс. Доминику Пржевлотскому, новому пріору варшавскихъ доминиканъ на Новомъ Мѣстѣ.

За невозможностью жить и управлять тутъ самому, Пржевлотскій водворилъ сюда 3-хъ своихъ ксендзовъ-монаховъ: одного въ качествѣ замѣстителя себя по части административно-распорядительной, другаго — проповѣдникомъ въ костелѣ, третьяго — промоторомъ Рожанцоваго братства, и занялся, вмѣстѣ съ Теофиломъ Османскимъ, викаріемъ кафедральнаго костела, свѣрккой прежней инвентарной описи (1813 г.), произведенной при вступленіи Даниковскаго въ должность администратора, съ наличнымъ имуществомъ, оставшимся послѣ управленія Даниковскаго. По повѣркѣ объявилось: 1) недостача многихъ вещей, знача-

¹⁾ Родомъ изъ Сандомирскаго воеводства, гдѣ получилъ образованіе въ свѣтскомъ училищѣ, этотъ послѣдній обсервантъ поступилъ въ орденъ лѣтъ 17-ти, въ Высокольекомъ монастырѣ, откуда перешелъ (1794 г.) въ Варшавскій монастырь. По вѣдомости 1 апрѣля 1813 г., ему было 38 лѣтъ. Когда онъ умеръ, изъ документовъ не видно. Вербушъ въ своей просьбѣ Воловичу 9 дек. н. ст. 1815 г. указывалъ, что у братства нѣтъ промотора уже болѣе года. Если Абрамовичъ оставался промоторомъ до своей смерти, то онъ умеръ осенью 1814 года, къ какому времени должно быть отнесено и пересѣченіе Варшавской общины доминиканъ обсервантовъ.

щихся въ описи; 2) большая порча монастырскихъ строеній, поправка которыхъ потребовала бы значительныхъ издержекъ; 3) недоимки во всѣхъ податяхъ, казенныхъ и городскихъ, съ 180го/7 годовъ, достигшія по 1815 годъ болѣе 6,869 злотыхъ; 4) долгъ частнымъ лицамъ, ок. 1,810 зл., и 4) искъ Даниковского объ уплатѣ ему ок. 7,109 злотыхъ. Всего за монастыремъ долга было 15,789 зл. 7 грошей и 2 шелленга, не считая суммы, надобной на неотложный ремонтъ монастырскихъ строеній, грозившихъ паденіемъ, между тѣмъ какъ и квартирныя деньги прежнимъ администраторомъ забраны съ квартирантовъ впередъ, на разные сроки, съ одного до 1820 года, почему нѣтъ средствъ на обезпеченіе даже опредѣленной къ монастырю братіи, которую приходилось содержать на собственные средства. Прежде Пржевлоцкій слышалъ отъ Даниковского, что изъ долга въ 7,245 злотыхъ слѣдуетъ дополучить съ казны 6,090 злотыхъ, но и ими нельзя воспользоваться: въ счетъ главнаго долга Даниковский взялъ принадлежащіе обсервантамъ 1,155 злотыхъ, истративъ ихъ, неизвѣстно на что; долгъ по распоряженію Верховнаго совѣта помѣщенъ въ роспись долговъ, не выплаченныхъ казною, а когда будетъ отданъ, то же неизвѣстно. Съ принятіемъ Пржевлоцкимъ подоминиканскаго костела въ свое управленіе пришлось бы очищать долги и производить ремонтровку на счетъ его монастыря. Въ виду этого онъ благодарилъ епископа за оказанное ему довѣріе, выразившееся въ порученіи ему новой администраціи, просилъ о снятіи съ него таковой должности и представилъ въ распоряженіе его преосвященства ключъ отъ костела и инвентарную опись... ¹⁾).

Отказъ былъ настолько рѣшителенъ, что Воловичъ взялъ назадъ свое прежнее распоряженіе, оставивъ за Пржевлоцкимъ, до назначенія новой ревизіонной комиссіи, лишь попеченіе о томъ, чтобы не прерывалось въ костелѣ богослуженіе.

За неуплату казенныхъ долговъ и податей городская полиція наложила на монастырь экзекуцію, и комнаты, въ которыхъ Пржевлоцкій помѣстилъ было своихъ 3 монаховъ, были взяты

¹⁾ Приложенія, кн. 1, № 28.

подъ военный постой. Возвративъ монаховъ въ свой монастырь, пріоръ для отправления службъ посылалъ въ костель по два монаха ежедневно и по три въ дни праздничные.

Депутатами новой ревизионной комиссіи были люблинскій каноникъ кс. Іосифъ Добровольскій и кс. Османскій, прежній сотрудникъ Пржевлочкаго. Уже одно послѣднее обстоятельство указывало, въ какомъ направленіи поведется все дѣло.

Болѣе полутора мѣсяца ревизовали они. Крайне затрудняемые неточностію найденнаго ими и предложеннаго имъ матеріала, они то привлекали Даниковскаго къ объясненіямъ и требовали съ него дополнительныхъ и болѣе точныхъ документовъ и доставки недостающихъ вещей, то опрашивали старшинъ Рожанцоваго братства или обращались къ кредиторамъ и другимъ стороннимъ лицамъ, то просили Пржевлочкаго извлечь изъ имѣнагося у него архива обсервантовъ вѣрныя свѣдѣнія о количествѣ отслуженныхъ обѣднъ и провѣрить по описи книги бібліотеки, ключи отъ которой хранились у него, и т. п. Даниковскій велъ себя вызывающе, отвѣчалъ или уклончиво или насмѣшливо, отсылалъ къ дѣламъ прежнихъ двухъ комиссій, оправдывался, что расходовалъ съ вѣдома и разрѣшенія покойнаго епископа Захаріашевича, требовалъ отсрочекъ, доставлялъ документы, написанные сразу и несвоевременно, и проч. Члены братства доказывали, что Даниковскій напрасно начелъ на нихъ 800 злотыхъ, будто бы израсходованныхъ имъ на торжества братскихъ праздниковъ Рожанцовой Божіей Матери и др., что предъ праздниками, вмѣсто совѣщанія съ ними, требовалъ онъ лишь денегъ, и братчики сами несли всѣ расходы, что приношенія богомольцевъ были значительнѣе, нежели означены въ его книгахъ. Что касается большихъ расходовъ на угощенія ксендзовъ, приглашаемыхъ и пріѣзжавшихъ на праздники, то одинъ изъ нихъ, кс. Шамборскій, письменно удостовѣрялъ, что ему не было никакихъ особыхъ угощеній, кромѣ пяти разъ по одной бутылкѣ, когда онъ, въ 1814—1815 гг., пріѣзжалъ служить обѣдни въ костелѣ доминиканъ обсервантовъ. Не менѣе своеобразны были показанія разныхъ купцовъ, поставщиковъ и т. п. лицъ.

Справившись по мѣрѣ возможности со всею этою работой,

члены комиссіи занесли въ свой протоколь (29 марта н. ст. 1816 года): „По тщательномъ разсмотрѣніи бумагъ, представленныхъ администраціей костела и монастыря послѣ доминиканъ обсервантовъ, оказывается, что ксендзъ каноникъ Даниковскій, бывшій администраторъ, ввѣренною ему чужою собственностью управлялъ не такъ, какъ требуютъ законъ и обязанности хорошаго управителя“. 1) Счетовъ дохода и расхода онъ не велъ, съ означеніемъ дня, мѣсяца и того, что и откуда поступало. 2) Изъ представленныхъ счетовъ едвали найдется половина съ росписками получателей по нимъ и потому не подлежащихъ сомнѣніямъ и возраженіямъ; прочіе же лишь съ отмѣтками на нихъ: „получено“ (т. е. счетъ) „и ушложено Даниковскимъ“, между тѣмъ обнаруживалось, что по многимъ изъ нихъ не было уплаты. 3) О томъ, что Даниковскій, не очищая казенныхъ долговъ и податей, какъ прежнихъ, такъ и за время его администраціи, очищалъ долги частные и второстепенные, депутаты, за невозможностью пригласить и допросить всѣхъ, кому онъ платилъ, воздерживаются отъ выраженія своего сужденія, лишь дѣлаютъ замѣчаніе, что ни по одному счету кунца, аптекаря, ремесленника нѣтъ отказовъ въ пользу монастыря, означено все ушлоченымъ сполна, тогда какъ прежде были такія жертвованія. Отдавать преимущество долгамъ частнымъ предъ важнѣйшими онъ никѣмъ уполномоченъ не былъ, и его отвѣтъ, будто бы правительство не напоминало ему объ уплатѣ податей и экзекуцій не присылало, противорѣчитъ количеству находящихся экзекуціонныхъ требованій и оплаченныхъ экзекуцій. 4) Нерадѣніе по исправленію обрушившихся и обрушавшихся строекъ, тѣмъ болѣе тѣхъ, на кои отпущена была префектурою сумма, ничѣмъ нельзя оправдать, зданія отъ него пришли въ совершенный упадокъ. Пусть администраторъ и писалъ, въ бумагѣ къ префекту: „общепринято у людей—прежде выстроить корчму, а затѣмъ уже сооружать или починять костель“, все же, несмотря на таковой свой принципъ, слѣдовало ему поддержать зданіе существующее и необходимое, а не заниматься постройкой ненужнаго флигеля и на занятыя деньги. Отговорка, будто онъ не зналъ, на что выдана ему сумма, слишкомъ неправдоподобна и опровергается до-

кументами. 5) Контракты съ квартирантами не въ исправности и нѣкоторые не на надлежащіе сроки. 6) Издержки на празднества, освѣщеніе, вино и проч., хотя и тутъ замѣтны передержки, признаются. 7) Прислуга содержалась не во всей исправности; дворнику слѣдовало бы платить пополамъ изъ церковныхъ суммъ и съ самого Даниковскаго.

Едва комиссія закончила свои занятія, пріоръ Пржевлочкій, ссылаясь, что ею подтверждается прежнее его доношеніе о безвыходномъ положеніи монастыря, спѣшилъ (4 апрѣля н. ст.) съ своимъ отказомъ отъ возложенной на него обязанности по отправленію богослуженій въ костелѣ, и просилъ командировать немедля лицо, которое приняло бы отъ него эту обязанность вмѣстѣ съ ключами отъ костела и ризницы и уплатило бы ему, деньгами или церковною утварью, издержки по прежней его администраціи, когда въ монастырѣ обсервантовъ онъ содержалъ своихъ монаховъ. Освободиться отъ всякихъ здѣсь официальныхъ отношеній онъ желалъ, чтобы избавиться и отъ непріятностей, навлекаемыхъ ими на его собственный монастырь: за отказы его платить долги опустѣвшаго монастыря обсервантовъ на Новомъ Свѣтѣ муниципальное управленіе грозило наложить секвестръ на доходы его монастыря на Новомъ Мѣстѣ.

Объ ускореніи окончанія процесса хлопоталъ самъ Даниковскій, пускавшійся, для обѣлѣнія себя, на послѣднія средства. Показывая видъ, будто не догадывается или не знаетъ о неблагоприятномъ для него сужденіи комиссіи, онъ неистощимо рассыпалъ похвалы себѣ, указывая, какого высокаго мнѣнія были всѣ люди, знавшіе его, какъ образцово проходилъ онъ всѣ должности, что и послѣднюю должность по администраціи монастыря онъ выполнилъ съ матеріальными для себя убытками и самопожертвованіемъ, что виновникъ всему лишь Вербушъ, почему приговоръ власти только завяжетъ языкъ этому клеветнику на него.

„Какъ сынъ отечества и сынъ повиновенія“, писалъ (4 мая н. с.) онъ Варшавской генеральной консисторіи, „симъ исполняю двоякій законъ, коему обязанъ я подчиняться по уставамъ боже-

скимъ и отечественнымъ. Я не желаю хвалиться¹⁾. Ибо похвальба отвратительна“.

„Не будучи монархомъ, святымъ напою, ни даже епархіальнымъ епископомъ, не имѣю права дѣлать указанія генеральной консисторіи; напротивъ, я обязанъ повиноваться церковному праву, и подчиняюсь ему. Жизни моей исполнилось 63 года, и тридцать три года я священникомъ. Зналъ меня покойный северскій князь, краковскій епископъ, который посвятилъ меня въ священника и желалъ имѣть своимъ канцеляномъ — отъ послѣдняго я отказался; зналъ меня покойный князь Понятовскій, примасъ Польскаго королевства, гнѣздненскій архіепископъ, по милости коего я былъ опредѣленъ въ архидіаконы калишской коллегіаты св. Іосифа; зналъ меня покойный преосвященный Рыбинскій, епископъ куявскій, по милости коего я послѣ смерти покойнаго ксендза Яцка Тромбскаго, каноника, назначенъ былъ первостепеннымъ каноникомъ коллегіаты св. Михаила въ Краковскомъ замкѣ съ полученіемъ деревни, принадлежащей къ сей должности; зналъ меня покойный князь Красицкій, архіепископъ гнѣздненскій, — однимъ словомъ, знали меня всѣ епископы въ королевствѣ Польскомъ — хвалиться я не хочу — они одобряли меня, я былъ пріятель имъ, и всюду меня почитали. Управлялъ я дѣлами въ имѣніи; по довѣрію, графа Сераковскаго, бывшаго кустоша короннаго и настоятеля въ архіепископіи гнѣздненской. Какъ духовныя лица, такъ и почтенныя землевладѣльцы въ калишскомъ воеводствѣ знали, любили и уважали меня. Покойный епископъ Захаріашевичъ зналъ мою самую примѣрную дѣятельность, былъ мнѣ признателенъ, и я былъ пригоденъ ему по дѣламъ духовнымъ. Возлюбленной моей краковской епархіи я не причинилъ ни малѣйшаго стыда и срама; всегда жилъ честно и заслуживалъ похвалы. Только нынѣ, когда я защищаю авторитетъ ксендзовъ, г-нъ Вербушъ, сеніоръ Рожанцоваго братства, по своей мести, фанатизму и ханжеству мараеетъ мою честь, чернитъ характеръ и безславить меня самымъ несправедливымъ образомъ. Накажетъ его за это Богъ, такъ какъ нѣтъ въ столицѣ

¹⁾ Посланіе къ Галатамъ, гл. 6, ст. 14.

лица, которое замѣтило бы меня въ чемъ либо худомъ; я руководствуюсь закономъ религіи, правиломъ нравственности и всегда подчиняюсь правительственнымъ законамъ“.

Не поскунившись въ аттестаціи себѣ, Даниковскій послѣ нея изложилъ свои денежныя претензіи. По его словамъ, за время трехлѣтней своей администраціи онъ истратилъ на костель и монастырь собственныхъ 7,100 злотыхъ. Именно: покрылъ онъ долговъ прежнихъ пріоровъ 3,044 зл. 2½ гроша; за администрацію, согласно уполномочію и условію, ему слѣдуетъ за три года 1,754 зл. 19 гр.—обѣ эти суммы составляютъ 4,798 зл. 21½ гр.; кромѣ того, на разныя нужды издержалъ онъ 2,301 зл. 9 гр., отъ возврата послѣднихъ онъ отказывается, даритъ ихъ, но относительно суммы 4,798 зл. 21½ гр. онъ проситъ консисторію распорядиться о выплатѣ ему ея изъ монастырскихъ средствъ.

Затѣмъ онъ снова принимается за похвалы себѣ и за обвиненія Вербуша. При немъ монастырскій годовой доходъ возросъ до 2,636 зл., не считая прежнихъ квартирныхъ, самъ онъ отъ администраціи не разбогатѣлъ, а обѣднѣлъ, имѣлъ прежде въ Уяздовѣ подъ Варшавой землю, а теперь, вслѣдствіе администраціи, уже нѣтъ ея у него: „потому что двумъ господамъ хорошо служить нельзя“. Его, ни въ чемъ худомъ не замѣченнаго священника, нашелся злословить лишь одинъ фанатикъ, ханжа и лицемѣръ Вербушъ, за то, что онъ первый указалъ ему не относиться къ духовнымъ съ пренебреженіемъ. Этотъ шпионъ, преслѣдующій духовныхъ, осмѣлился въ ризницѣ сказать покойному Абрамовичу: „вы будете ползать на колѣняхъ у моихъ ногъ!“ А какъ онъ отзывался объ архіепископѣ гнѣздненскомъ Рачинскомъ и епископѣ варшавскомъ Захаріашевичѣ—объ этомъ уже извѣстно консисторіи.

Свое „пространное и тягостное“ для него письмо онъ закончилъ просьбой консисторіи „не вѣрять льстецамъ, поступающимъ нечестно“, и ускорить рѣшеніе по денежному его иску—онъ не хочетъ пренятствовать Вербушу въ управленіи, во время котораго что происходитъ, стыдно и пересказать!

Вербушъ былъ тоже безпощаденъ и грозилъ прибѣгнуть къ послѣдному средству.

Онъ представлялъ (11 мая н. ст.) консисторіи: Даниковскій пусть возвратитъ недостающее въ ризницѣ и книгу записей братскихъ суммъ, значащюся въ инвентарѣ подъ 30 №-ромъ; въ послѣднемъ своемъ отчетѣ онъ показалъ приношеній въ костель за цѣлый годъ всего около 100 злотыхъ, а братство въ продолженіе лишь двухъ дней, въ Великую Пятницу и Великую Субботу, собрало, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, до 250 злотыхъ, хотя въ эти дни дьяконъ, дававшій цѣловать древо св. Креста, былъ у братства лишь 3 часа, а Даниковскій все время сидѣлъ самъ, собирая деньги и наблюдая, чтобы онѣ не шли на сторону. Подобное же и въ статьѣ отчета объ уплатѣ за монастырскія миссы. На столь важное и рѣдкое дѣло обратило уже свое вниманіе здѣшнее общество, съ громаднымъ интересомъ ожидая, чѣмъ кончится оно. Съ осени 1814 года напрасно ища справедливости къ себѣ, братство проситъ консисторію ускорить приговоръ, согласный съ божескимъ закономъ, чтобы оно не было вынуждено обратиться къ содѣйствию свѣтской власти, даже на основаніи только доказательствъ, данныхъ послѣднею комиссіей, слишкомъ вообще достаточныхъ и убѣдительныхъ для совѣсти каждаго честнаго человѣка.

Донесенія послѣдней ревизіонной комиссіи были, дѣйствительно, тяжелы для Даниковского по воззрѣнію самой консисторіи, такъ что не было надобности въ какомъ-либо еще содѣйствіи свѣтскаго суда. Позванный въ консисторію, въ день подачи Вербушемъ прошенія, для объясненій, бывшій администраторъ увидѣлъ, какъ въ отчетѣ комиссіи подобраны были противъ него улики. Отъ явки на слѣдующее засѣданіе (14 мая н. ст.) консисторіи онъ уклонился, подъ предлогомъ болѣзни, прося отсрочки на нѣсколько дней (до 18 мая н. ст.), но не явился и въ этотъ срокъ.

Вмѣсто личныхъ объясненій онъ прислалъ (20 мая нов. ст.) письмо. Оно оказалось послѣднимъ изъ всего, поданнаго имъ властямъ. Какъ всегда и во всемъ не находя въ себѣ ни малѣйшаго порока, онъ и на этотъ разъ обвинялъ лишь другихъ: депутатовъ, общину доминиканъ и консисторію. Онъ писалъ:

„11 сего мѣсяца (мая), бывши на засѣданіи въ консисторіи,

я вполне убѣдился, что счета моей администраціи, переданные мною комиссіямъ, ксендзомъ-каноникомъ люблинской коллегіаты Добровольскимъ искажены наименее справедливо и безсовѣстно. Всякій исполнительный, честный и добросовѣстный контролеръ, если въ имѣніяхъ дѣлаются расчеты съ экономомъ и письмоводителемъ и если встрѣчается какое-либо сомнѣніе, всегда приглашаетъ къ себѣ каждаго для объясненія. А между тѣмъ каноникъ Добровольскій, бывшій прежде доминиканиномъ, состоящій въ знакомствѣ съ доминиканами и склонный къ нимъ, самовольно и самоуправно обойдя законъ, нарушая католическую совѣсть и—что еще важнѣе—совѣсть священническую, поступалъ точно такъ, какъ всегда дѣлаютъ евреи и выкресты. Благоразумные католики, чиновники, умные и справедливые судьи поступать такъ не должны, а тѣмъ болѣе священники. Выродъ избранный, царственное священство, народъ святой¹⁾. Подлежащія имъ дѣла они должны рѣшать самымъ благоразумнымъ, справедливымъ и добросовѣстнымъ образомъ. Однакожь не всѣ дѣлаютъ такъ, иные берутъ за правило слова Наполеона: „ступай, бей, убивай, грабь, лишь бы отобрать край, взять съ него контрибуцію, пусть и не по праву“. Бывшій доминиканинъ и эксъ-настоятель кс. каноникъ Добровольскій поступилъ не по правдѣ, чтобы прислужиться ксендзамъ доминиканамъ и варшавской консисторіи; меня, ксендза нравственнаго, руководствующагося законами, человѣка лойяльнаго, никогда не подвергавшагося наказаніямъ, осудилъ, самыя вѣриѣйшія мои денежныя статьи безсовѣстно призналъ ложными“.

Приведа нѣсколько примѣровъ, по его мнѣнію, подтверждающихъ это, гдѣ, между прочимъ, кинулъ тѣнь и на Держковского, провинціала доминиканъ, а прежде ихъ пріора, который на похоронахъ пріора Вноровскаго взялъ съ администратора два злотыхъ за панихиды, которыхъ не служилъ, Даниковскій продолжалъ:

„Ясно, кс. Добровольскій — судья несправедливый. И нимало не удивительно! Ибо, подобно тому, какъ евреи совѣщались

¹⁾ Первое Посланіе Петра, гл. 2, ст. 9.

между собою, какимъ образомъ взять Христа, бичевать и распять Его, и кс. Добровольскій, эксъ-доминиканинъ, вмѣстѣ съ доминиканами совѣщался, какимъ способомъ меня осудить, лишить содержанія; онъ поступалъ поистинѣ пожидовски, лвно примѣняя ихъ способы дѣйствія, какъ вышедшій изъ евресвъ-выкрестовъ“.

„На каждую статью запроса я далъ бы отвѣты самыя вѣрныя и по совѣсти, еслибъ каноникомъ Добровольскимъ правильно былъ приглашенъ для объясненія. Но теперь уже слишкомъ поздно. Ибо пришелъ я къ заключенію, что генеральная консисторія сочувствуетъ несправедливости, любитъ фанатиковъ, фарисеевъ и льстецовъ. Она медлитъ постановить рѣшеніе судебнымъ порядкомъ, значитъ, она опасается рѣшить дѣло по правдѣ; она не знаетъ формъ судебного производства... Я уже осужденъ; долженъ бы восхваляться, но долженъ страдать, потому что мои враги несправедливы и безсовѣстны. Ксендзы да кормятся, насутся, насыщаются моимъ трудомъ, моими, кровью пріобрѣтенными, деньгами, наконецъ, самою моею кровью; но да изнаютъ, что они находятся вѣ возможности выполненія своихъ обязанностей, особенно же кс. Добровольскій! Варшавскую королевскую столицу я уже оставляю“¹⁾.

Написать подобное письмо могъ лишь человѣкъ отчаявшійся, утратившій подъ собою всякую твердую почву. Духовная власть назначила управителемъ опустѣлыми костеломъ и монастыремъ обсервантовъ доминиканина съ Новаго Мѣста кс. Клята.

Получивъ увѣдомленіе объ этомъ, бывшій администраторъ не поѣхалъ изъ Варшавы, какъ объявлялъ, а задумалъ въ ней же отомстить своимъ недругамъ. Онъ распорядился съ своими вещами, оставивъ сундукъ съ ними у знакомой ему нѣкоей Лянганць для своего племянника, жившаго въ Границѣ, предупредивъ его письмомъ (отъ 23 мая н. с.) о наслѣдствѣ. Противъ же недруговъ онъ написалъ письма, въ очевидномъ расчетѣ, что онѣ сдѣлаются извѣстными публикѣ. Когда было все окончено имъ,

¹⁾ Приложенія, кн. 1, №№ 29—30.

онъ 17/29 мая, тайно, чрезъ заднія двери, пробрался въ костелъ, заперъ его, облачился поксендзовски, какъ для совершенія обѣдни, и въ такомъ облаченіи влѣзъ на престолъ въ главномъ олтареѣ, гдѣ хранились св. Дары, легъ вдоль его и... застрѣлился изъ пистолета („ksiądz Józef Danikowski kanonik... w kościele wspomnianym dominikańskim, wzdłuż na wielkim ołtarzu położywszy się, gdzie przenajświętszy Sakrament w ciborium zachowane bywa, z pistoletu się zabił“ — официальное доношение ксендза Клята;... „przyszedłszy do kościoła, ubrał się po kapłańsku, jak do mszy, zamknąwszy się w kościele, w ornacie położył się na ołtarzu, i leżący w łeb sobie strzelił“ — сообщение пріора Варшавскаго августиніанскаго монастыря Недѣльскаго ¹⁾).

Въ такомъ положеніи, на престолѣ главнаго олтара костела Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной, тѣло ксендза каноника краковской Михайловской коллегіаты Іосифа Даниковскаго нашли въ 12 часовъ дня. О случившемся дали знать приставу мѣстнаго, VI участка, который, прибывъ въ костелъ, составилъ протоколъ. Въ присутствіи гражданскихъ чиновниковъ тѣло самоубійцы было, чрезъ нѣсколько часовъ, внесено въ монастырскую пріемную комнату. Послѣ медицинскаго осмотра и выполненія формальностей, требуемыхъ гражданскими установленіями, оно, по распоряженію присутствовавшихъ чиновниковъ, было, въ 10 часовъ ночи, сдано для преданія землѣ, и этою же ночью было свезено въ лѣсъ.

По католическому каноническому праву, костелъ, подвергшійся оскверненію чрезъ самоубійство и т. п., долженъ быть закрытъ, и богослуженія могутъ начаться въ немъ не ранѣе, какъ послѣ новаго освященія его, почему св. Дары были съ процесією около 8 часовъ вечера перенесены изъ костела обсервантовъ въ костелъ св. Креста миссіонеровъ и самый костелъ былъ закрытъ и опечатанъ лицами, командированными духовною и свѣтскою властью.

При обыскѣ квартиры самоубійцы никакого его имущества чины гражданской власти не нашли, кромѣ нѣсколькихъ приходо-расходныхъ книгъ и счетовъ и разныхъ писемъ, вынутыхъ

¹⁾ Приложенія, кн. 1, №№ 31 и 123.

изъ конвертовъ, такъ и запечатанныхъ, касавшихся лицъ свѣтскихъ и духовныхъ и духовной консисторіи. Найденное было опечатано и взято полиціею для передачи въ судъ. По полученіи официального доношенія (30 мая нов. ст.) отъ ксендза Клята духовная власть не медлила съ своею просьбой (31 мая нов. ст.) къ предсѣдателю гражданскаго трибунала первой инстанціи Мазовецкаго воеводства распорядиться о скорѣйшей выдачѣ опечатанныхъ бумагъ и книгъ командированному для ихъ приѣма кс. Шанявскому, духовному слѣдователю и судѣ („сурогату“) консисторіи. Для вскрытія ихъ предсѣдатель командировалъ чиновника и пригласилъ на это вскрытіе (6 іюня, къ 4 часамъ по полудни) кс. Шанявскаго, предупреждая, что если онъ не явится, будетъ приступлено къ осмотру и безъ его участія¹⁾. Изъ вскрытаго адресованное на имя консисторіи было передано Шанявскому, прочее осталось въ трибуналѣ. Между тѣмъ подо- сиѣлъ племянникъ Даниковскаго. Ссылаясь на письмо, въ кото- ромъ сообщалось о сундукѣ, оставленномъ для него у Лянганць, и на слухи, что разныя вещи его дяди забрала изъ квартиры бывшая служанка, онъ просилъ судъ объ обезпеченіи за нимъ его наслѣдства. Куда дѣвалась служанка съ вещами, ни судъ, ни полиція узнать не могли; почему то не было отдано по при- надлежности даже и имущество, лежавшее въ трибуналѣ и зна- чившееся тамъ еще въ 1833—1834 годахъ²⁾.

Уже называемый нами современный свидѣтель, пріоръ, ав- густиніанецъ, Недѣльскій, впрочемъ самъ несочувствовавшій, что администраторомъ доминиканскаго монастыря былъ постав- ленъ ксендзъ свѣтскій, такъ объяснялъ мотивы къ дѣлу и само- убійству Даниковскаго: „Когда правительство захотѣло, чтобы ксендзы доминикане взяли достояніе, возникъ споръ между ними

¹⁾ Объ этихъ сношеніяхъ духовной власти съ предсѣдателемъ трибунала Волицкимъ узнаемъ изъ актовъ Архива духовной консисторіи (Acta Domin. Obserw., II, 201, 203); о дальнѣйшемъ узнаемъ изъ актовъ Центрального Архива древнихъ дѣлъ при Варшавскомъ окружномъ судѣ, № отдѣла 11, шк. 30, полк. D, т. I, г. 1816: „Acta Trybunału cywilnego 1 instancji gubernii mazowieckiej tyczące się pozostałości Józefa Danikowskiego“. Извлечения отсюда см. въ Приложеніяхъ, кн. 1, №№ 38—41.

²⁾ „Acta... pozostałości Józefa Danikowskiego“. Однако ни въ этомъ дѣлѣ,

и администраторомъ; а когда сему администратору судебнымъ порядкомъ велѣли дать отчетъ, а этотъ не согласовался съ требованіями, то онъ, по корыстолюбію не желая оставить ни костела, ни монастыря, котораго всѣ помѣщенія имъ отданы въ наемъ, разсердившись“ и застрѣлился на олтаре костела ¹⁾. Причины дѣла, какъ мы видѣли, были и шире, и глубже, и все оно имѣло весьма много драматизма.

О дѣлѣ Даниковскаго, какъ изъ ряда выходявшемъ, было своевременно доложено (8 іюня н. ст.) намѣстнику царства, Заіончеку, Правительственною Комиссіею духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По ея словамъ, Даниковскій, въ качествѣ администратора монастыря, 1) въ теченіе 3 лѣтъ не платилъ податей, 2) самовольно занимаясь ненадобными постройками, не радѣлъ о должной ремонтнровкѣ зданій, 3) такъ близко отъ костела поставилъ шинокъ, что это производило общій соблазнъ, и 4) изъ-за такихъ построекъ онъ хотя нарушилъ основной капиталъ, однако еще предъявилъ искъ, только не доказано, чтобы онъ помѣстилъ туда своихъ собственныхъ 7,000 злотыхъ; администраторъ епархіи хотѣлъ, по отношенію къ представленнымъ претензіямъ, условиться путемъ мирнымъ, предлагалъ рѣшить полюбовнымъ соглашеніемъ или, въ случаѣ не возможности, судебнымъ порядкомъ.

Правительственная Комиссія видимо стущала вины Даниковскаго и смягчала отношеніе къ нему Воловича. Что касается, напримѣръ, обвиненія въ устройствѣ Даниковскимъ шинка, то еще много ранѣе, при пріорѣ Конецкомъ, было цѣлыхъ два распивочныхъ заведенія — шинокъ и пивная, по обѣимъ сторонамъ костела ²⁾; мы также видѣли уже, какъ ставился вопросъ и о 7,000 злотыхъ и относительно уплаты податей.

ни въ дѣлахъ другихъ варшавскихъ архивовъ—духовной консисторіи, прокураторіи и проч., нѣтъ ни одного изъ посмертныхъ писемъ Даниковскаго. О содержаніи ихъ можно лишь нѣсколько догадываться изъ донесеній Кляты консисторіи (Приложенія, кн. 1, № 31) и Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія намѣстнику (тамъ же, № 52).

¹⁾ Приложенія, 1, № 123.

²⁾ Выше, 237—238 стр.

Свой доклад Комиссія заключила выраженіемъ своего мнѣнія, что съ освященіемъ костела, послѣ самоубійства Даниковскаго закрытаго соотвѣтственно церковнымъ законамъ, „благо-разумнѣе будетъ повременить, пока впечатлѣніе отъ соблазна не ослабнетъ въ народѣ“ ¹⁾.

¹⁾ Приложенія, кн. 1, № 52.

ХІІІ ГЛАВА.

Планы о передачѣ и разрушеніе подоминиканскихъ зданій и вопросъ объ устройствѣ церкви для русскихъ въ Варшавѣ.

Общее обозрѣніе.—Политика Александра I и установленіе русско-польскихъ отношеній въ царствѣ Польскомъ.—Отраженіе этого на вѣроисповѣдномъ положеніи русскаго населенія.—Потребность въ достаточной церкви и предположеніе воспользоваться для нея подоминиканскимъ костеломъ.—Двойкость дѣйствій католической духовной власти до и послѣ утвержденія конституціи.—Выдвиганіе надобности удовлетворенія „общественныхъ нуждъ“.—Постановленіе намѣстника Заіончека о передачѣ костела „въ пользованіе греко-россійскаго обряда“.—Новые претенденты на костель и монастырь, и дѣйствія правительственныхъ органовъ не въ пользу русскихъ.—Переходныя распоряженія.—Постановленіе намѣстника о снесеніи подоминиканскихъ зданій и о назначеніи строительнаго матеріала.—Состояніе площади.—Причины, по которымъ не осуществился планъ о превращеніи костела въ церковь.—Русскія церкви въ Варшавѣ и дальнѣйшее развитіе вопроса о вѣроисповѣдномъ положеніи русскаго населенія.

Духовная власть была озабочена, какъ поступить съ тяжелымъ бременемъ, какимъ стали для нея опустѣвшіе костель и монастырь доминиканъ обсервантовъ. Что сдѣлать съ этими зданіями, своимъ видомъ портившими одну изъ лучшихъ мѣстностей Варшавы, не знала и власть гражданская. Изъ различныхъ проектовъ, которые соотвѣтственно съ обстоятельствами времени и интересами дѣйствовавшихъ лицъ, возникли тогда, власт-

*) Кромѣ документовъ, означенныхъ въ началѣ предыдущей главы, архивными источниками здѣсь служатъ: Архива Варшавской казенной палаты: *Archivum Komisyyi rządowej przychodów i skarbu*, № 6, *Woj. Mazowieckiego, Acta tyczące się funduszów xx. Dominikanów obserwantów w Warszawie*, № 23, т. 1; Архива при Штабѣ Варшавскаго военнаго округа, №№ 2, 52, 504, 511, 514 и 420,

нѣе другихъ былъ сначала заявленъ проектъ о превращеніи костела въ церковь для русскихъ, жившихъ въ Варшавѣ. О передачѣ костела „въ церковное пользованіе греко-россійскаго обряда“ послѣдовало, въ Государственномъ совѣтѣ царства, постановленіе намѣстника. Масса затрудненій и издержекъ къ выполнению этого распоряженія вызвали новое постановленіе намѣстника объ обращеніи подоминиканской недвижимости въ пользу эдукационнаго фонда, подѣ условіемъ совершеннаго снесенія зданій. Рѣшеніе вопроса въ этомъ направленіи подготовило, послѣ различныхъ перипетій, почву для осуществленія проекта, о которомъ его авторы громко и опредѣленно заявили лишь тогда, когда на мѣстѣ снесенныхъ подоминиканскихъ зданій виднѣлась голая, выстланная камнемъ, довольно обширная площадь. Къ такому результату все было постепенно приведено мѣстными дѣятелями съ большимъ искусствомъ, и ниоткуда не видно, чтобы тогдашніе носители русской власти могли сознавать историческую и національную важность дѣла. Допустивъ затираніе первоначальныхъ предположеній и распоряженій о превращеніи бывшей Московской каплицы въ русскій храмъ, имъ пришлось озаботиться или принять участіе въ устройствѣ церквей въ другихъ мѣстахъ.

Ожиданія и опасенія, что Россія въ новопріобрѣтенномъ краѣ вступить твердою ногою, были здѣсь непродолжительны. Послушный ученикъ Лагарна, другъ Чарторыскаго и внукъ причастной къ энциклопедизму Екатерины II и Петра III, столь да-

гг. 1816, 1831 и слѣд. (дѣла о православныхъ церквахъ въ царствѣ Польскомъ); Архива Варшавской православной духовной консисторіи, № 8, г. 1835 г.: „Дѣло о устройствѣ православныхъ въ царствѣ Польскомъ церквей“; Архива Свято-Троицкой церкви, на Подвальной улицѣ, связка документовъ № 1; Архива Уяздовскаго военнаго госпиталя, книги съ документами и дѣлами о духовенствѣ и церкви; Архива старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора: *Acta Rady Administracyjnej*, III. 8 A, № 1408: *O lokalu dla Kommissaryatu roszyjskiego na sklad efektow w gmachu po Wenonach*; Архива древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ, приложенія къ книгамъ попрусской ипотеки („Grund—und Beylage — Acten“ и проч.) варшавскихъ недвижимостей подѣ №№ 497с, 624, 1877 и 2553; Ипотечнаго Архива при Варшавскомъ Окружномъ судѣ, книги подѣ тѣми же №№-ми; Архива Рожанцоваго братства въ костелѣ св. Іосифа Обручника (покармелитскомъ) на Краковскомъ предмѣстьѣ, книги и документы братства; Слб. Синодальнаго Архива. Соотвѣтственныя извлеченія—въ Приложеніяхъ.

лекаго отъ русскаго самосознанія, въ своемъ планѣ устройства западныхъ окраинъ государства отдавалъ тогда щедрую дань своему увлеченію современными теоріями о представительныхъ учрежденіяхъ и своему служенію силами и средствами Россіи нерусскимъ интересамъ. Это не замедлило надолго отразиться на установкѣ и складѣ отношеній въ Польшѣ ко всему русскому и общегосударственному. Судьба развившихся изъ царско-княжеской усыпальницы подоминиканскихъ зданій, назначенныхъ было въ русское пользованіе, испытали на себѣ все дѣйствіе такой политики.

Когда епархіальная власть, производи ревизію администраціи Даниковскаго и всему подоминиканскому имуществу, убѣждалась, что „костель доминиканъ обсервантовъ самъ собою болѣе существовать не можетъ“, доживало свои дни Варшавское герцогство, фактически уже принадлежавшее русской власти, и возникало Польское царство или королевство, съ его своеобразными учрежденіями, которыя должны были еще выработаться¹⁾.

¹⁾ Указы имп. Александра, опредѣлявшіе управленіе герцогствомъ, вышли 1—2 марта 1813 г. (см. выше, 275); на Вѣнскомъ конгрессѣ соглашеніе о Польшѣ состоялось 30 января/11 февраля 1815 г., до высадки Наполеона, въ мартѣ; на основаніи соглашенія были 21 апрѣля/3 мая подписаны отдѣльные по этому предмету трактаты Россіи съ Австріей и Пруссіей, объединенные и повторенные въ главномъ актѣ конгресса, подписанномъ 28 мая/9 іюня. Относительно устройства царства опредѣлялся на конгрессѣ лишь общій принципъ, а форма предоставлялась добровольному усмотрѣнію государя. „Его императорское величество—говорилось въ актѣ—предполагаетъ даровать, по своему усмотрѣнію, внутреннее благоустройство сему государству, имѣющему состоять подъ особымъ управленіемъ... Поляки, какъ російскіе подданные, такъ равномѣрно и австрійскіе и прусскіе, будутъ имѣть пародныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ вышелоименованныхъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ, въ кругу его владѣній“ (Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Спб. 1876, III, 237). 13/25 мая, въ день своего выѣзда изъ Вѣны къ Рейну, имп. Александръ I утвердилъ для учреждаемаго имъ царства Польскаго „Основы конституціи“ и подписалъ соответственный манифестъ жителямъ царства о дарованіи имъ конституціи, свободы печати и т. п. 9/21 іюня происходило въ Варшавѣ торжество объявленія царства Польскаго и принесенія жителями присяги. Такъ какъ ни въ „Основахъ“, ни въ манифестѣ еще не было точныхъ опредѣленій формы, и ее предстояло выработать, то по объявленіи царства комитетъ изъ польскихъ членовъ, подъ предѣдательствомъ гр. Островскаго, безъ участія русскихъ людей, занялся по порученію государя составленіемъ конституціоннаго устава, причемъ имп.

До изготовленія и утвержденія конституціоннаго устава дѣйствовало пока временное правительство, причемъ положеніе и значеніе русскихъ, какъ служившихъ къ проведенію общей государственности, были Александромъ Гуронены, и уже порѣшенъ имъ вопросъ объ удаленіи русскихъ служащихъ въ краѣ. Учреждая (1—2 марта 1813 г.), при участіи князя Кутузова-Смоленскаго, для Варшавскаго герцогства Верховный временный совѣтъ, Александръ, какъ мы видѣли, во главѣ его поставилъ русскихъ дѣятелей, и Ланскому, чтобы онъ не былъ затрудненъ „и при самомъ уже началѣ прибытія въ Варшаву по производству дѣлъ, къ должности генераль-губернатора относящихся“, дозволялось взять съ собою „всѣхъ чиновниковъ“, имѣвшихся въ его канцеляріи. Другихъ мыслей и плановъ на этотъ вопросъ держался государь теперь, въ виду принятаго имъ намѣренія возстановить Польшу на основахъ отдѣльной конституціи. Извѣстно, какъ, возбуждаемый Чарторыскимъ, онъ вопреки совѣтамъ другихъ и разнымъ пренятствіямъ, проводилъ это на Вѣнскомъ конгрессѣ; извѣстно, насколько напраснымъ оказалось пре-

Александръ желалъ видѣть въ управленіи формы возможно „либеральныя“. Хорошо зная о настроеніи русскаго общества, въ которомъ подъ дѣйствіемъ только-что вынесенныхъ испытаній и потерь за отечество, пробудилось сильное народное чувство, и близко знакомые съ тайнами европейской дипломатіи, польскіе руководители болѣе всего рассчитывали здѣсь на личное усмотрѣніе и волю Александра, о которомъ, еще съ конгресса, во время переговоровъ по польскому вопросу, кн. Адамъ Чарторыскій увѣдомлялъ своего отца: „Императоръ продолжаетъ держаться своего намѣренія; его твердость и непоколебимость относительно Польши служатъ для меня предметомъ удивленія и уваженія. Всѣ кабинеты противъ него; никто не говоритъ намъ добраго слова, не помогаетъ намъ искренно. Здѣшніе русскіе то же страшно негодуютъ и не извиняютъ императора; этотъ хоръ изъ чужихъ и своихъ старается перекричать одинъ другаго“ (*Alexandre 1-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations — 1801—1823 — publiées par le prince Ladislas Czartoryski avec une introduction par Charles de Masade. Paris, 1865*; переводы-извлеченія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1865—1866 гг., „Русскомъ Архивѣ“, 1871, трудахъ Соловьева, Надлера, Шидлера и др.; отсюда берутся нами и дальнѣйшія выдержки изъ переписки Чарторыскаго. Польская литература о Чарторыскомъ недавно полно указана въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, Спб., 1896, II, предисл. стр. 49—52; остальное о немъ, какъ и объ учрежденіи вообще царства на основахъ конституціи — у Finkel'я). Среди членовъ временнаго правительства въ новоучрежденномъ царствѣ Чарторыскій получилъ отъ государя особья полномочія.

достереженіе его со стороны самого Ланского ¹⁾. Наканунѣ подписанія Основъ конституціи, Александръ подписалъ именной указъ (12/24 мая 1815 г.) Ланскому о „постепенномъ увольненіи“ русскихъ чиновниковъ, въ теченіе менѣе полугода, „отъ исправляемыхъ ими должностей“, за исключеніемъ „тѣхъ, которые, отличными качествами успѣвъ пріобрѣсти особенное жителей уваженіе, изъявляютъ желаніе получить“ мѣстное „право гражданства“ ²⁾...

Имя Александра было необыкновенно популярно въ Польшѣ. Громадная масса населенія была весьма довольна, что избѣгла опасности новаго раздѣленія между сосѣдними державами и осталась подъ властью русскаго императора. Къ русскимъ, находившимся въ Варшавѣ и вообще въ предѣлахъ царства и прибывавшимъ сюда, польскіе руководители видимо держались, до довершенія дѣла конституціи, такъ, чтобы поддержать въ императорѣ мысль, что своими дарами и уступками въ пользу Польши онъ создаетъ прочную почву для дружественныхъ русско-польскихъ отношеній. По прибытіи (осенью 1814 г.) великаго князя Константина Павловича съ его военной свитой, „поляки, заискивая расположеніе русскихъ“, по наблюденію современника, члена этой свиты ³⁾, „ничего не щадили для достиженія“ того, чтобы гости были довольны. „Знатнѣйшіе магнаты поспѣшили открыть свои богатые хоромы для принятія новыхъ гостей—и загремѣли празднества. Забывая временные раздоры, старались они заглушить ихъ въ роскошныхъ пирахъ, гдѣ испивалось полными чашами вино за дружественное соединеніе двухъ славянскихъ племенъ. Соревнуя въ гостепрѣимствѣ, наши русскіе, кто какъ могъ, не желая оставаться въ долгу, отплачивали имъ тѣмъ же“.

Такое польско-русское общеніе достигло своего высшаго выраженія въ первый прїездъ (31 окт.—18 ноября с. ст. 1815 года) Александра въ Варшаву, въ качествѣ общепризнаннаго

¹⁾ „Вселоданнѣйшее письмо В. А. Ланского къ Александру I“, отъ 4 мая 1815 г., въ Русскомъ Архивѣ, 1863 г., 839—841 стр.

²⁾ Предписаніе кн. Кутузова Ланскому, изъ Калиша, отъ 4 марта 1813 г., и именной указъ Александра I Ланскому отъ 12 мая 1815 г., изъ Вѣны, хранящіяся въ дѣлахъ бывшей Канцеляріи Новосильцева, будутъ изданы нами въ Русской Старинѣ.

³⁾ Воспоминанія Колзакова о пребываніи русскихъ въ Польшѣ, 1814—1830 гг., Русская Старина, 1873, VII, 425.

царя польскаго. При видѣ Александра среди варшавскаго общества, княгиня Чарторыская въ упоеніи записала въ своемъ дневникѣ: „все это казалось мнѣ сновидѣніемъ: существуетъ Польша, король польскій, въ національномъ мундирѣ и цвѣтахъ. Слезы полились изъ моихъ глазъ, у меня есть родина, и я оставляю ее моимъ дѣтямъ“. Государь подписалъ (15/27 ноября) конституціонную хартію, составленную польскими дѣятелями ¹⁾, и назначилъ своимъ намѣстникомъ польскаго генерала князя Заіончека.

Владѣя большимъ жизненнымъ опытомъ и значительной прямою, нечуждый и общихъ государственныхъ воззрѣній, старый ветеранъ довольно близко понималъ дѣйствительные факты исторической жизни и, признавъ задачу реставраціи самостоятельной шляхетской Польши опаснымъ миражемъ, надѣялся до нѣкоторой степени согласовать и примирить возникшіе русско-польскіе интересы. „Я долженъ засвидѣтельствовать“, говорилъ о немъ современникъ, близко знавшій его, „что свои надежды и такой образъ своихъ дѣйствій онъ опредѣлилъ убѣжденіемъ, что Польша можетъ существовать, имѣть значеніе и сохранять свою народность лишь только въ соединеніи съ Россією; онъ полагалъ, что отъ нашихъ усилій возстановить полную независимость, причинившихъ столько бѣдствій нашему краю, слѣдуетъ отказаться, и слѣдуетъ въ соединеніи съ Россіей искать навсегда обезпеченія права польской народности и достиженія матеріальнаго благосостоянія; и этой цѣли онъ посвятилъ всѣ свои силы“ ²⁾.

Совсѣмъ иного желали бы многіе изъ другихъ видныхъ польскихъ дѣятелей, которые, послѣ торжественнаго объявленія конституціоннаго устава и врученія его сенату (12/24 дек.), поступали уже съ большею рѣшительностію. „Никогда завоеванная нація, говорилъ Прудонъ, не была въ такомъ счастливомъ

¹⁾ Мнѣніе о ней Новосильцева—въ нашемъ сообщеніи „Новосильцевъ о Конституціи царства Польскаго. По новымъ архивнымъ даннымъ“, Русская Старина, 1905, III.

²⁾ Pamiętniki K a j e t a n a K o ź m i a n a, obejmujące wspomnienia od roku 1815. Kraków, 1865, III, 126—127. Оцѣнка этихъ записокъ и подробныя извлеченія изъ нихъ—въ „Русск. Вѣстн.“, 1865, т. 58, и въ Историческихъ Сочиненіяхъ Иловайскаго, М. 1897, II.

положеніи“, между тѣмъ „мечты поляковъ послѣ 1815 г. направлены единственно къ тому, чтобы воспользоваться дарованною имъ Александромъ I конституціей, какъ орудіемъ противъ него же“. Подъ покровомъ этой конституціи, которая, по намѣреніямъ государя, должна была служить помостомъ къ объединенію царства съ имперіей, большинство польскихъ руководителей разными мѣрами старались развивать отдѣльность, обособленность царства, иные стали проводить идеи прямо республиканскія. Наиболее усердно дѣйствовала партія Чарторьскихъ, о которой еще въ 1816 г. Заіончекъ доводилъ до свѣдѣнія государя, что она „походитъ на заговоръ и можетъ имѣть всѣ послѣдствія онаго, ежели не обратятъ на оную вниманія“. Присутствіе русскихъ стѣсняло подобную дѣятельность, и усилились хлопоты, прежде всего, объ удаленіи ихъ. Добившись отозванія въ имперію большей части русскихъ чиновниковъ, кн. Чарторьскій убѣждалъ (еще въ 1815 г.) государя: „Въ настоящую минуту не могу скрыть отъ вашего императорскаго величества, что вся страна ожидаетъ и нетерпѣливо желаетъ того дня, когда, сообразно съ основами конституціи, всѣ безъ изъятія русскіе чиновники покинутъ страну. Лишь съ этого дня страна будетъ считать дѣйствительное свое существованіе“. Въ особенности ему хотѣлось бы удалить главныхъ русскихъ лицъ, императорскаго комиссара Новосильцева и главнокомандующаго в. кн. Константина Павловича. „Г. Новосильцевъ—писалъ (6 февр. н. с. 1816 года) Чарторьскій государю — сильно желаетъ переселиться въ Петербургъ: здѣсь онъ праздненъ, а тамъ онъ надѣется быть вамъ болѣе полезнымъ. Сверхъ того, онъ тутъ не получаетъ жалованья и вынужденъ жить на собственныя средства... Повѣрьте, государь, что преданный вамъ слуга не можетъ дать вамъ лучшаго совѣта, какъ удалить отсюда великаго князя... Пусть жители царства видятъ и чувствуютъ, что они поляки, что они у себя хозяева“. При подобныхъ стремленіяхъ люди этой партіи были крайне недовольны и Заіончекомъ, котораго Чарторьскій обвинялъ (1/13 мая 1816 г.) предъ государемъ въ угодничествѣ великому князю, въ стараніяхъ найти опору у Новосильцева и въ непоиманіи конституціи. Держась „относительно

существенныхъ пунктовъ законодательства и управленія началъ или предубѣжденій совершенно противоположныхъ мнѣніямъ всѣхъ прочихъ лицъ, входящихъ въ составъ правительства“, „мало смысла въ вопросахъ управленія и организаціи“, „намѣстникъ“, доносилъ за него Чарторыйскій, „не перестаетъ повторять, что конституція есть уставъ безначалія и что слѣдуетъ ее измѣнить“. Въ этихъ отзывахъ слѣдуетъ многое отнести къ досадѣ неудовлетвореннаго честолюбія Чарторыйскаго, который, обманувшись въ своихъ расчетахъ сдѣлаться намѣстникомъ, смотрѣлъ на Заіончека, какъ на счастливаго соперника; но, несомнѣнно, главное обуславливалось разностию воззрѣній, принадлежавшихъ извѣстной польской партіи. Одинъ изъ вліятельныхъ въ ней лицъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи, Мостовскій, выражался потомъ, въ интимномъ кругу: „сохранимъ для потомства свободу и независимость Польши въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ онѣ ей дарованы; пусть другіе сдѣлаютъ болѣе насъ, и... приготовимъ себѣ болѣе славную будущность“. Министръ финансовъ князь Друцкій-Любецкой ¹⁾ ставилъ себѣ въ особую заслугу упорное противодѣйствіе императорскому комиссару Новосильцеву.

Нельзя упускать изъ вниманія и тяжелаго финансово-экономическаго состоянія, въ какомъ находился край вслѣдствіе неурядицы, царившей въ Рѣчи Посполитой, и послѣ пережитыхъ имъ послѣ ея паденія невзгодъ и продолжительныхъ войнъ. Въ противоположность Наполеону, деспотически распорядившемуся средствами поляковъ, Александръ не разъ оказывалъ большую помощь царству изъ суммъ имперіи, хотя Россія сама нуждалась послѣ разоренія, причиненнаго вторженіемъ Наполеона. Денежную сумму, назначенную государю изъ казны царства, онъ, по благоволенію къ краю и по заботамъ о его благосостояніи, пожертвовалъ на его нужды. Польскому войску щедро высылалъ оружіе изъ Россіи. Гражданское же управленіе сорганизовалось тѣсно польское. „Языкъ польскій былъ господству-

¹⁾ Послѣдняя монографія о немъ Szum. A skenazy z działalności ministra Lubckiego, Dwa stulecia. Warszawa, 1903.

ющимъ во всѣхъ административныхъ сферахъ; даже русскіе должны были подчиняться общему порядку и въ своихъ дѣлахъ подавать просьбы на чужомъ, часто непонятномъ имъ, языкѣ¹⁾. Самъ великій князь²⁾, сначала получившій только главное командованіе надъ войскомъ, не могъ пока официально принимать прямого участія въ гражданскомъ управленіи царства, и былъ болѣе чувствителенъ къ интересамъ своего личнаго положенія; вносльдствіи яснѣе обрисовались и его взгляды на національные вопросы...

Понятно, какъ все это должно было отразиться вообще на бытѣ и въ частности на церковно-вѣроисповѣдномъ положеніи русскаго населенія въ Варшавѣ, составившагося изъ русскаго гвардейскаго отряда и изъ группы чиновниковъ и торговцевъ, переселившихся сюда большею частію въ переходную эпоху Варшавскаго герцогства. Придать имъ прочность не были въ состояніи даже довольно оживленныя общественныя соотношенія, нерѣдко завершавшіяся смѣшанными браками между лицами русскаго и польскаго происхожденія. Русскіе гвардейцы постоянно жаловались на помѣщенія и квартиры, отводимыя имъ. Учрежденіе по комиссаріатству крайне терпѣло отъ помѣщеній, и русская военная власть долго не была въ силахъ добиться для него чего-либо лучшаго. А потому, могло ли состояться тогда устройство въ Варшавѣ фундаментальной русской церкви, тѣмъ болѣе чрезъ превращеніе въ нее прежняго костела? Какъ говорившему бы если не о господствѣ русскихъ въ царствѣ, то, во всякомъ случаѣ, объ укрѣпленіи ихъ здѣсь, легко ли было ему найти содѣйствіе въ мѣстныхъ административныхъ инстанціяхъ, отъ которыхъ зависѣло осуществленіе его? Конституція, которою были гарантированы за прежними владѣльцами ихъ соб-

¹⁾ Воспоминанія Колзакова, 427—428.

²⁾ О немъ и о русскихъ въ Варшавѣ, Карновича Цесаревичъ Константинъ Панловичъ, въ Русской Старинѣ, томы XIX—XXI, и отдѣльно, Спб. 1899, Уманца Александръ I и русская партія въ Польшѣ, въ Историч. Вѣстникѣ, XIV т., Крестовскаго Исторія Уланскаго полка, Маркграфскаго Исторія л.-гв. Литовскаго полка, Варшава, 1887, А. А. Сидорова Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ, Варшава, 1899, I, и втор. изд. Въ официальныхъ бумагахъ за первые годы цесаревичъ подписывался лишь „генераль-инспекторомъ всей кавалеріи“.

ственность и за католичествомъ особое попеченіе правительства, напротивъ, давала польскимъ руководителямъ удобныя средства для отклоненія дѣла, особенно же благодаря тому, что со стороны тогдашнихъ представителей русской власти не было по этому вопросу проявлено достаточной настойчивости.

Вопросъ о церкви поднялся немедленно послѣ отъѣзда (18/30 ноября) Александра изъ Варшавы, когда, по утвержденіи конституціи, русское населеніе должно было получить опредѣленное положеніе. Назначеніемъ въ намѣстники Заіончекъ былъ обязанъ, какъ есть основаніе предполагать, содѣйствию великаго князя Константина Павловича; конституціонная хартія еще не была обнародована, и заявленія главнокомандующаго временно имѣли теперь особенно вѣское значеніе, и не въ одной чисто военной только сферѣ.

Вниманіе невольно привлекалось костеломъ и монастыремъ послѣ вымершихъ доминиканъ обсервантовъ. Хотя подлинная исторія учрежденія забылась, однако въ военномъ обществѣ ходило преданіе (очевидно, со словъ Корба), будто костель этотъ былъ основанъ „русскими князьями“¹⁾. Зданія казались достаточно помѣстительными, на видномъ и красивомъ мѣстѣ, и были уже извѣстны русскимъ, такъ какъ предъ тѣмъ въ монастырѣ нѣкоторое время стояли казаки.

Все это, въ смыслѣ удобства, давало опустѣвшему учрежденію преимущество предъ другими мѣстами.

При главнокомандующемъ имѣлась Походная церковь Воздвиженія креста Христова. Иконостасъ ея, писанный на холстѣ и складываемый, былъ подаренъ Александромъ I изъ Военнопоходной церкви, въ которой онъ со своею свитою слушалъ богослуженіе во время походовъ во Францію послѣ Отечественной войны 1812 года; рассказывалось, что этотъ иконостасъ былъ изъ Походной церкви Суворова. Помѣстили церковь въ одной изъ небольшихъ комнатъ бывшаго Королевскаго замка. Вскорѣ потомъ возникла мысль о переустройствѣ ея. Государь утвердилъ (въ февралѣ 1816 г.) планъ и профили на устройство, вмѣ-

¹⁾ Приложенія, I, 55.—О сообщеніи Корба см. выше, 226 стр.

сто нея, постоянной Придворной церкви во имя Христа Спасителя. Профессорами С.-Петербургской Академіи художествъ были написаны образа. Впрочемъ, они не успѣли еще окончить работы, какъ министръ финансовъ и статсъ-секретарь царства достигли того, что, по ихъ представленіямъ, государь, „во вниманіе къ настоящему недостатку средствъ въ государственной казнѣ царства Польскаго“, указалъ (въ апрѣлѣ) отдѣлку церкви остановить, впредь до повелѣнія...; написанные образа были снесены въ Эрмитажъ ¹⁾.

Богослуженіе для русскихъ военныхъ нѣкоторое время совершалось предъ тѣмъ также въ зданіи прежняго варшавскаго костела нѣмецко-католическаго братства Бенона, на Новомъ Мѣстѣ. Закрытый (1808 г.) еще Наполеономъ ²⁾, бенонскій монастырь, находившійся между двумя другими католическими костелами и потому мало надобный мѣстнымъ жителямъ для богослуженія, назначался сначала подъ школу, пока не послѣдовалъ (1811 г.) указъ о помѣщеніи въ немъ архивовъ герцогства. Церковныя вещи передали изъ него въ костель поіезуитскій; но архивы въ монастырь не были перенесены, такъ какъ оказались неудобства для нихъ. Его зданія пустовали. Когда Варшава сдалась нашимъ войскамъ, русскій военный комиссаріатъ сложилъ тамъ разные предметы; затѣмъ Верховный временный совѣтъ герцогства распорядился, чтобы устроить тутъ временную церковь для русскихъ резервныхъ баталіоновъ. Бывшій костель приспособили и освятили, въ поновленныхъ монастырскихъ покоехъ отвели квартиры духовенству. Съ выходомъ резервныхъ баталіоновъ изъ Варшавы, опустѣвшее зданіе осталось, по волѣ великаго князя, въ вѣдѣніи варшавскаго коменданта ³⁾.

¹⁾ Приложенія, кн. 1, №№ 42—47, также дѣло Архива н. д. при Канцел. Варш. г.-губ., по описи № 359, № 106. Лотоцкій, Церковно-историческое и статистическое описаніе Варшавской православной епархіи. Почаевъ, 1863, 352—353; Корженевскій, Исторія Холмско-Варшавской епархіи. Варшава, 1881, 303.

²⁾ Выше, стр. 250.

³⁾ Приложенія, кн. 1, № 53—55. Монастырь находился близъ Стараго Мѣста, на Пѣшей ул., подъ ипотечн. № 1877, по ул. Рыбаки подъ № 2553; между приходскимъ костеломъ Пресвятой Дѣвы Маріи и монастыремъ дѣвиць Сакраментокъ, стоящими доселѣ. Мѣру монастырской земли, для локтевой подати, опредѣ-

Находилась еще въ Варшавѣ Греческая церковь ¹⁾. Основанная въ концѣ XVII вѣка занимавшимися здѣсь торговлей выходцами изъ турецкихъ владѣній, греками и славянами, она помѣщалась сначала на Закрочимской улицѣ, въ Сапежинскомъ домѣ; но когда французы пришли въ Варшаву и заняли этотъ домъ, греки вынуждены были помѣстить ее на Козьей улицѣ, въ домѣ грека Дадани (подъ ипотечнымъ № 624), въ деревянномъ флигелѣ. Служили въ ней іеромонахи, призываемые изъ Буковины и проч., съ 1814 года въ ней стали также служить и исполнять требы по ея приходу и опредѣляемые къ ней полковые русскіе священники ²⁾. Удовлетворявшая еще нуждамъ своихъ прихожанъ, изъ которыхъ особенно состоятельныхъ жило въ Варшавѣ всего нѣсколько семей ³⁾, эта Свято-Троицкая церковь была совершенно недостаточна для русскихъ. По духу требованій прежняго польскаго правительства, снаружи она не имѣла вида храма: была безъ колоколовъ и безъ креста; сама мѣстная власть, какъ увидимъ ниже, находила ее „весьма тѣсною и стоящею въ неприличномъ мѣстѣ“.

И вотъ, епископъ Воловичъ, администраторъ варшавской епархіи, 6 декабря н. ст. 1815 года писалъ ⁴⁾ лицу, управлявшему подоминиканскимъ костеломъ, очевидно, ксендзу-канонику Да-

ляли въ 1796 г.—по ул. Пѣшей 61 л., по ул. Рыбаки 45 л.; затѣмъ часть его недвижимости была продана. Архивъ старыхъ дѣлъ при Канц. Варш. г.-губ., II, 8 А., № 1408; Архивъ древнихъ актовъ при Варш. Суд. палатѣ, Г. 59/58: *Podatek lokciowego od posesorów miasta Starey Warszawy...* г. 1796, л. 120 и 155; попрусская ипотека недвижимостей подъ №№ 1877 и 2553.

¹⁾ Архивъ Свято-Троицкой церкви, метрич. кн. № 1 и связка докум. № 1; ипотечныя книги недвижимостей подъ №№ 1826 и 624 въ Архивѣ Суд. палаты и подъ № 624 въ Архивѣ Окруж. суда; Л о т о ц к і й, 145—150; К о р ж е н е в с к і й, 237.

²⁾ Таковъ, наприм., былъ Стефанъ Подгорскій, въ официальныхъ бумагахъ 1814—1815 гг. назывался „II-го Егерскаго полка священникомъ при Варшавской Греческой церкви“, „города Варшавы Греческой церкви настоятелемъ“, „варшавскимъ греческимъ священникомъ“, и т. п., таковъ „Греческой Варшавской Троицкой церкви приходскій священникъ Ѳеодоръ Боборыкинъ“ (записи его 1816—17 гг.). Архивъ церкви, связка докум. № 1. Ср. ниже, въ концѣ главы.

³⁾ По современному свидѣтельству, въ Варшавѣ жило тогда всего 3 греческихъ семейства, на содержаніи коихъ были священнослужители (Приложенія, 1, № 43). Самымъ вліятельнымъ и дѣятельнымъ членомъ прихода, строителемъ и попечителемъ церкви былъ Добричъ, называвшій себя „сербскимъ дворяниномъ“. (Архивъ церкви, метрич. кн. № 1).

⁴⁾ Приложенія, 1, № 27.

никовскому: „Угодно было его высочеству, великому князю Константину, распорядиться, чтобы одинъ изъ костеловъ, находящихся въ чертѣ города Варшавы, былъ назначенъ для военныхъ на слушаніе богослуженія въ воскресные и праздничные дни, и выборъ для этой цѣли палъ на костель ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ, который ввѣренъ вашему управленію. Посему я поручаю вамъ, дабы вы озаботились сдѣлать все, что въ этомъ отношеніи окажется надобнымъ“.

Воловичъ не означилъ здѣсь, какихъ военныхъ разумѣлъ онъ. Определенно онъ не замедлилъ высказаться по объявленіи конституціоннаго устава, когда власть и значеніе главнокомандующаго и императорскаго комиссара быстро стали терять разныя ограниченія: главнокомандующаго мечтали поставить въ зависимость отъ военнаго министерства, а Новосильцева, который въ качествѣ императорско-царскаго комиссара долженъ былъ засѣдать въ Совѣтѣ управленія, не приглашали на засѣданія ¹⁾. Въ эту пору Воловичъ отписалъ главному ксендзу военнаго духовенства, Пракмовскому, что подоминиканскій костель долженъ... остаться въ вѣдѣніи католической церкви ²⁾. Костела не передавали русскимъ, несмотря на то, что о томъ просилъ и варшавскій комендантъ, генераль Левицкій ³⁾.

Однако и для католической церкви подоминиканскій костель былъ слишкомъ неудобною собственностью, особенно когда къ экономической безнадежности его присоединился соблазнъ въ

¹⁾ Потребовалось потомъ особое постановленіе (3/15 мая 1816 г.) намѣстника Заіончека, которымъ официально было признаны за Новосильцевымъ право и обязанность присутствовать на засѣданіяхъ Совѣта управленія. Въ протоколахъ засѣданій онъ означался комиссаромъ. Имп. Александръ I назначилъ его собственно своимъ уполномоченнымъ при Государственномъ совѣтѣ царства, въ каковомъ достоинствѣ утвердилъ его и Николаи I („delegowanym i pełnomocnikiem naszym przy Radzie stanu naszego królestwa Polskiego“). Архивъ н. д. при Канцел. Варш. г. губ., дѣло по общей оп. № 210, частный № 39. Наше сообщеніе въ Русской Старинѣ, 1905, XII, 726. Приложенія, 1, №№ 56, 62, 66.

²⁾ Къ сожалѣнію, этой отписки Воловича Пракмовскому мы не нашли въ архивахъ; о ней узнаемъ уже изъ вторичной его отписки, отъ 19 іюня н. с. 1816 года, на имя Пр. Комиссіи дух. дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Приложенія, 1, № 32.

³⁾ Объ этой просьбѣ Левицкаго также узнаемъ изъ сохранившейся только вторичной его просьбы, отъ 7 августа н. с. 1816 г., на имя намѣстника. Приложенія, 1, № 55. Левицкій былъ полякъ родомъ и католикъ по вѣроисповѣданію.

польскомъ обществѣ, произведенный самоубійствомъ (17/29 мая 1816 г.) ксендза каноника Даниковскаго въ олтарѣ костела. Духовной власти понадобилось не только закрыть костель, но и удерживаться отъ освященія и открытія его, а власть свѣтская помимо ея создавала все новые проекты употребленія зданій.

Ими думали воспользоваться „для общественныхъ потребностей“. Указывая, что „костель и монастырскія строенія кс. доминиканъ обсервантовъ на Новомъ Свѣтѣ, лишенные монаховъ, совершенно опустѣли“, обязанная наблюдать за благоустройствомъ зданій и заботиться объ удовлетвореніи разныхъ общественныхъ нуждъ Правительственная Комиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи теперь, „съ цѣлю обращенія этихъ строеній на пользу общественную и для предохраненія ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія“, отнеслась (9 іюня н. с. 1816 г.) къ Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, чтобы эта предписала управляющему зданіями не препятствовать осмотру ихъ лицамъ, какія будутъ командированы ею.

Подобное назначеніе зданій тоже не могло удовлетворить духовную власть. На предписаніе Комиссіи духовныхъ дѣлъ облегчить затрудненія къ осмотру зданій, еп. Воловичъ не ограничился (7/19 іюня) увѣдомленіемъ, что осмотръ былъ уже произведенъ и что въ случаѣ новаго будетъ, на помощь посланнымъ, служить временный управитель зданіями кс. Клятъ, лишь бы у костела, какъ, по требованіямъ церковнаго устава, опечатаннаго, не открывать дверей съ улицы: онъ теперь настойчиво повторилъ также то, что писалъ предъ тѣмъ Пракмовскому, съ присоединеніемъ, очевидно, новыхъ соображеній. Именно: костель и монастырь не покинуты, все еще принадлежать духовной власти, право владѣнія которой обезпечено 13 статьею конституціи; костель закрыть только временно, въ отстраненіе соблазна, недавно случившагося въ немъ; управленіемъ зданій при костелѣ уплачиваются подати текуція, и недоимочныя до 7000 злотыхъ, и разные прежніе долги, и производятся также расходы, необходимыя, чтобы вынолнить волю жертвователей; многіе изъ варшавянъ, по своей набожности, желаютъ свои духовныя требы справлять въ семъ костелѣ; наконецъ, его власть, какъ админи-

стратора епархіи, не настолько обширна, чтобы производить перемѣны въ назначеніи церковныхъ зданій на цѣли стороннія, не религіозныя.

Какую общественную нужду имѣла въ виду Комиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи, неизвѣстно; впоследствии обнаружилось, что она, выполняя постановленіе (19 февр./2 марта 1816 г.) намѣстника о льготахъ, поощряющихъ иностранныхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ къ переселенію въ царство, была озабочена пріисканіемъ помѣщеній подъ открывающіяся вновь фабрики и заводы, подъ которые потомъ обратила побенонскія монастырскія зданія и хотѣла воспользоваться для этой цѣли частью подоминиканскихъ монастырскихъ строеній. Определеніе высказало свои претензіи на подоминиканскій монастырь Варшавское муниципальное управленіе, заявившее, что его слѣдуетъ обратить подъ военный лазаретъ. Но тутъ вступилась уже Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которая, опираясь на свою обязанность, въ силу 13 статьи конституціоннаго устава, защищать духовныя имущества, возразила (11/23 іюля) управленію, что бесплатное взятіе монастыря наносило бы явный ущербъ монастырскому фонду, обремененному долгами и составляющему собственность духовной власти, и что потому не считаетъ она себя въ правѣ уступать зданій, хотя бы на время, подъ военный лазаретъ, развѣ только за добровольно условленную плату найма; присоединяла, что не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности за нарушеніе контрактовъ съ проживающими тамъ квартирантами ¹⁾).

При такой постановкѣ дѣла о костелѣ и монастырѣ епархіальной властью и правительственными комиссіями оно могло рѣшиться только въ болѣе высшемъ учрежденіи въ царствѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ Заіончекъ. Обстоятельства складывались къ рѣшенію его въ пользу русскихъ.

Константинъ Павловичъ побывалъ (лѣтомъ 1816 г.) въ Петербургѣ для доклада государю о своей дѣятельности по устройству арміи. Къ его трудамъ по этой части государь отнесся съ

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 32 и 33. Отвѣтъ былъ, за отсутствіемъ Потоцкаго, подписалъ временно замѣщавшимъ его статсъ-министромъ Венгленскимъ.

большимъ сочувствіемъ ¹⁾, послѣ чего должна была исчезнуть всякая надежда на непрочность положенія великаго князя. Новосильцевъ неопустительно присутствовалъ въ Совѣтѣ управленія; Чарторыскій и нѣкоторые изъ другихъ подобныхъ лицъ находились въ отпуску; министръ внутреннихъ дѣлъ, испытавшій непріятности по своему проекту обращенія подоминиканскихъ зданій на пользу общественную, теперь, при нѣкоторыхъ уступкахъ въ пользу русскихъ, легче могъ достигнуть осуществленія своихъ плановъ по занятію монастырскихъ зданій, остающихся свободными.

Варшавскій комендантъ, ген. Левицкій настойчиво возобновилъ (26 іюня/7 августа 1816 г.) ²⁾ свое ходатайство о предоставленіи русскимъ, проживающимъ въ Варшавѣ, удобствъ въ вышолненіи ими религіозныхъ обязанностей. Имъ совершенно справедливо отмѣчалось, что въ единственной въ Варшавѣ своей церкви, въ Королевскомъ замкѣ, всѣмъ русскимъ помѣщаться невозможно, а Греческая собственно церковь тоже „весьма непомѣстительна“ и, кромѣ того, „находится въ неприличномъ мѣстѣ“. Для устраненія неудобствъ комендантъ предлагалъ двойную комбинацію: или, чтобы намѣстникъ велѣлъ Греческую церковь перенести въ зданіе побенонскаго костела, болѣе просторное и состоявшее, по волѣ великаго князя, въ его владѣніи; или же, еслибъ намѣстникъ не согласился на это, была бы удовлетворена его прежняя просьба—объ отдачѣ, для богослуженія по греко-россійскому обряду, костела доминиканъ обсервантовъ, потому что костель этотъ стоитъ закрытымъ, и въ особенности же потому, что основателями его были русскіе князья.

Заіончекъ затребовалъ у Комиссіи духовныхъ дѣлъ мнѣнія. Она высказалась за передачу русскимъ собственно костела побенонскаго. Этотъ костель — мотивирова она — какъ уже при-

¹⁾ 11-го іюня 1816 г. Константинъ Павловичъ увѣдомилъ изъ Стрѣльни Новосильцева: „принять былъ такъ милостиво государемъ императоромъ, что даже этого никакъ не заслуживаю, и, лучше сказать, государь изволилъ особенною своею ко мнѣ ласкою, будто бичомъ, подгонять, чтобъ я еще болѣе старался хлопотать“. Р. Ст. XIX, 555, отдѣл., 119—120.

²⁾ Приложенія, I, № 55.

знанный общественною собственностію, зависѣвшею отъ распоряженій правительства, былъ Верховнымъ совѣтомъ Варшавскаго герцогства временно отданъ подъ русскую церковь, почему и „дальнѣйшее назначеніе его зависитъ единственно отъ воли правительства, и исповѣдующіе греко-россійскій обрядъ могли бы тамъ совмѣстно съ гарнизономъ совершать свое богослуженіе, взамѣнъ неудобнаго дома Дадани“; что же касается „доминиканскаго костела предъ св. Крестомъ“, то онъ, будучи собственностію, гарантированою конституціей, можетъ быть употребленъ на потребность только католическаго духовенства; всего удобнѣе было бы воспользоваться имъ подъ будущее помѣщеніе семинаристовъ богословскаго факультета. Мнѣніе Комиссіи было представлено намѣстнику за подписю Венгленскаго.

Дѣло немедленно было внесено въ Совѣтъ управленія. На засѣданіи (29 іюля/10 августа), подъ предсѣдательствомъ намѣстника, присутствовали: императорскій-царскій комиссаръ Новосильцевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи, статсъ-министръ, статсъ-секретарь и замѣстители отсутствовавшихъ министровъ духовныхъ дѣлъ, юстиціи, военнаго и финансовъ. Когда выслушано было мнѣніе, предложенное Венгленскимъ за министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, то въ Совѣтѣ не согласились съ нимъ. Было найдено, что предлагаемое средство — предоставленіе русскимъ побенонскаго костела — не отстраняетъ всѣхъ существующихъ неудобствъ: „костеликъ“ лишь немногимъ болѣе „часовни“ въ домѣ Дадани; выяснилось также, что костель доминиканъ обсервантовъ, какъ запечатанный, по случаю происшедшаго въ немъ самоубійства, и нуждающійся въ значительной ремонтнровкѣ, надолго еще будетъ оставаться безполезнымъ для католическаго духовенства. Замѣтимъ также, что большой потребности собственно въ семинаріи для воспитанниковъ богословскаго факультета тогда не чувствовалось: не существовало и самаго университета, и еще надѣялись, что и безъ нея наберется на проектируемомъ богословскомъ факультетѣ достаточное количество слушателей.

Соотвѣтственно съ мнѣніемъ членовъ Совѣта предсѣдатель опредѣлилъ: уполномочить Комиссію внутреннихъ дѣлъ и поли-

ціи, чтобы она доминиканскій костель, съ частію надобнаго монастырскаго строенія, передала „въ пользованіе греко-россійскаго обряда“ и взяла въ свое распоряженіе отданныя прежде костель и монастырь кс. беноновъ ¹⁾). Послѣдовало постановленіе:

„Именемъ его величества Александра I, императора все-россійскаго, царя польскаго, и проч., и проч., и проч.

„Намѣстникъ въ царствѣ по Государственному Совѣту.

„На представленіе исповѣдующихъ вѣру по греко-россійскому обряду объ отведеніи имъ въ здѣшней столицѣ костела, въ который они могли бы ходить на богослуженіе, мы, принимая во вниманіе, что часовня, находящаяся до сихъ поръ въ домѣ Дадани, по своему положенію и по крайней тѣснотѣ, не соотвѣтствуетъ своему назначенію, а также принимая во вниманіе, что достоинство религіи требуетъ, дабы ея обряды были совершаемы на мѣстѣ, по возможности отвѣчающемъ высотѣ назначенія, постановили и постановляемъ слѣдующее:

„§ 1. Костель кс. доминиканъ обсервантовъ въ Варшавѣ, расположенный около св. Креста, долженъ быть безотлагательно переданъ, вмѣстѣ съ частію требующагося строенія, въ церковное пользованіе греко-россійскаго обряда.

§ 2. Костель же вмѣстѣ съ монастыремъ, нѣкогда кс. беноновъ, предназначенный прежде для совершенія въ немъ богослуженія по тому же обряду для русскаго гарнизона, возьметъ въ свое вѣдѣніе Комиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

„Исполненіе сего постановленія нашего возлагается на Правительственныя комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а равно и внутреннихъ дѣлъ и полиціи, въ чемъ до которой изъ нихъ оно надлежитъ.

„Состоялось въ Варшавѣ, на засѣданіи Совѣта управленія, августа 10 дня 1816 года.

„Заіончекъ. За министра, статсъ-министръ Венгленскій. Статсъ-секретарь, бригадный генералъ Коссецкій“ ²⁾).

Проекты постановленій обыкновенно заготовлялись до за-

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 53, 54, 56.

²⁾ Приложенія, 1, № 57.

сѣданій и потомъ выходили въ большинствѣ безъ всякихъ измѣненій. Данное постановленіе, судя по сохранившемуся его черновику ¹⁾, въ окончательной своей формѣ вылилось не вдругъ. Первоначально онъ былъ изъ одного (I-го) параграфа ²⁾; въ свою очередь, въ первомъ параграфѣ сначала стояло: „съ требующимся строеніемъ“ („z potrzebnychъ zabudowaniem“), что потомъ замѣнено: „съ частью требующагося строенія“ ³⁾; сначала стояло: „временно („tymczasowicie“), отданъ“, затѣмъ слово „временно“ зачеркнуто ⁴⁾, и т. п. Измѣненія вызывались требованіями не стилистическими только, а и реальными; они служатъ отраженіемъ различныхъ мнѣній и взглядовъ.

Даннымъ постановленіемъ въ пользу русскихъ въ сущности здѣсь все и ограничилось: оно, при всей его авторитетности, осталось лишь на бумагѣ. Въ царствѣ не нашлось вѣдомства, которое бы, признавая своею обязанностію заботиться объ ихъ религіозныхъ нуждахъ, постаралось о дѣйствительномъ выполненіи опредѣленія,—и чрезъ годъ относительно костела и монастырскихъ зданій вышло совсѣмъ иное распоряженіе.

Казалось, правда, со стороны формальной приложено было немало стараній о выполненіи акта. Копіи съ него были немедленно разсланы изъ Совѣта управленія въ подвѣдомственные учрежденія; Комиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи сообщила (16/28 авг.) точную копію, для свѣдѣнія и руководства, президенту муниципальнаго управленія ⁵⁾, а Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предписала (5/17 сент.) епископу Воловичу ⁶⁾, чтобы, въ исполненіе постановленія намѣстника отъ 10 августа о назначеніи „костела доминиканъ обсервантовъ въ

¹⁾ Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора: III, 8 А, в. 143.

²⁾ Второй параграфъ вписанъ послѣ, на полѣ.

³⁾ Другой рукой, нежели текстъ; почеркъ, повидимому, Венгленскаго.

⁴⁾ Подъ текстомъ поднясь Заіончекъ; чернила подписи и черты, устранившей слово tymczasowicie („временно“), одинаковы, почему можно предполагать, что эту поправку сдѣлалъ самъ Заіончекъ.

⁵⁾ Приложенія, 1, № 130 (изъ Архива Магистрата).

⁶⁾ Приложенія, 1, № 34.

Варшавѣ при св. Крестѣ вмѣстѣ съ частью надобнаго строенія на церковное пользованіе греко-россійскаго обряда“, велѣлъ онъ забрать оттуда всѣ церковныя вещи и ризницу, увѣдомилъ, какъ онъ распорядится ими, представилъ проектъ о регуляціи доминиканскихъ суммъ, и „самый костель съ частью необходимаго строенія отдалъ, для дальнѣйшаго распоряженія, Комиссіи мазовецкаго воеводства“. Свое предписаніе о немедленной передачѣ костела и части строенія Воеводской комиссіи она подтвердила Воловичу дважды (22 и 26 окт. н. ст.). Епископъ отвѣчалъ (23 и 29 окт. н. ст.), что Комиссія мазовецкаго воеводства не принимаетъ ихъ и что отъ нея онъ не получаетъ никакого требованія¹⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отнесся (17/29 окт.) къ Воеводской комиссіи, что онъ давно готовъ сдать ей костель съ частью строенія, только бы она сообщила ему, кто будетъ командированъ ею для приѣма и когда должна быть произведена передача.

Пока Воеводская комиссія молчала, одинъ за другимъ являлись претенденты на подоминиканскія зданія.

Началось съ претензій на зданія монастырскія, тѣмъ болѣе, что часть ихъ считалась свободною, непредназначенною для русскихъ. Комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи теперь удобно было поднять вопросъ о помѣщеніи здѣсь какого-либо фабричнаго заведенія. Генеральный директоръ отдѣленія въ ней промышленности и торговли, статскій совѣтникъ (ксендзь) Сташиць, потребовалъ (16/28 окт.) отъ администратора монастыря, кс. Клята, отвести въ монастырскомъ домѣ двѣ комнаты подъ открываемую Шубертомъ хлопчатобумажную фабрику. Но вышло затрудненіе: не было еще извѣстно, какая часть зданій окажется не отданною русскимъ. По ходатайству Комиссіи, намѣстникъ указалъ (7/19 ноября) Правительственнымъ комиссіямъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ неотложно заняться „обозначеніемъ части строенія, надобной на церковное пользованіе греко-россійскаго обряда“, а остальную часть строеній онъ отдалъ „въ управленіе и пользованіе Правительствен-

¹⁾ Тамъ же, № 35. Ср. ниже, въ слѣдующей главѣ.

ной Комиссії внутреннихъ дѣлъ и полиціи, для устройства, по мѣрѣ надобности, фабричнаго или ремесленнаго заведенія“¹⁾.

Дошла очередь до самаго костела. О „возвращеніи“ его энергично толкнулся (21 ноября/3 дек.) въ Воеводскую комиссію сеніоръ Рожанцоваго братства, извѣстный Доминикъ Вербушъ. Упорно молчавшая дотолѣ, Комиссія откликнулась: по своему отдѣленію духовному и народнаго просвѣщенія она признала (10 дек. н. с.), что просьбѣ можетъ быть дано дальнѣйшее движеніе, если братство докажетъ свои права на костель.

За поиски доказательствъ Вербушъ принялся со всею, свойственною ему, назойливостію. Такъ какъ письменные документы о прежнихъ отношеніяхъ братства къ костелу были въ архивѣ доминиканъ обсервантовъ, по распоряженію енархіальной власти взятомъ въ консисторію, то онъ приступилъ (18/30 дек.) къ еп. Воловичу, чтобы въ забранномъ подоминиканскомъ архивѣ онъ велѣлъ розыскать „книгу in 4°, въ красной кожѣ съ позолоченнымъ обрѣзомъ, въ которой записаны всѣ братья и сестры святаго Рожанца по имени, фамиліи, съ означеніемъ, кто сколько внесъ“, такъ равно и „книгу или приходорасходную записку, веденную ксендзомъ Даміаномъ (Грохальскимъ), потому что по старанію и заботамъ сего была расширена Каплица“. Книгами этими онъ думалъ доказать, что „Рожанцовое братство, въ теченіе полутора вѣка безъ двухъ лѣтъ существующее, въ значительной части содѣйствовало увеличенію Каплицы, дарованной въ 1668 году доминиканамъ обсервантамъ королемъ Яномъ-Казимиромъ, и устройству костела въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ“. „Не удостоившись резолюціи“ епископа на свою просьбу, Вербушъ затребовалъ (22 генв./3 февр. 1817 г.) книгъ отъ консисторіи, грозя ей: „пусть она будетъ убѣждена, что впоследствии она сдѣлаетъ болѣе непріятностей для самой себя, нежели затрудненій братству, если не выдастъ ему двухъ книгъ, столь безотлагательно надобныхъ: потому что братство тутъ ничѣмъ инымъ не руководствуется, какъ только тѣмъ, чтобы, во имя своей обязанности, вновь получить костель, при которомъ суще-

¹⁾ Приложенія, 1, № 58—59.

ствовало до полутора вѣка, и это единственно для прославленія въ немъ Бога и Пресв. Дѣвы Маріи и исполненія религіозныхъ обрядовъ; духовная власть пусть дѣлаетъ въ столь святомъ и религіозномъ дѣлѣ, какъ ей благоугодно, однакожъ да и помнитъ, что нѣтъ ничего такого подъ солнцемъ, что не имѣло бы своего конца“.

Воловичъ отвѣтилъ (23 генв./4 февр.) Вербушу, что онъ „распорядился пересмотрѣть архивъ кс. доминиканъ обсервантовъ, но просимой красной книжки тамъ не нашлось“. Кс. Добровольскій, производившій справки, дѣйствительно, донесъ предъ тѣмъ епископу: книги in 4° въ красномъ переплетѣ въ подоминиканскомъ архивѣ нѣтъ; навѣрное, она вмѣстѣ съ вещами Даниковскаго, который взялъ ее себѣ послѣ смерти Симона Абрамовича; но веденная Грохальскимъ книга приходовъ и расходовъ при постройкѣ костела, гдѣ записаны пожертвованія разныхъ лицъ, нашлась, и, благодаря ей, нѣтъ большой надобности въ первой книжкѣ: теперь можно догадываться, что собиратели пожертвованій, сами обсерванты и лица, назначенныя отъ братства, складывали собранныя деньги въ одну кассу. При этомъ Добровольскій представилъ епископу и книгу Даміана Грохальскаго ¹⁾).

¹⁾ Книги кс. Грохальскаго мы нигдѣ не нашли: повидимому, она утрачена; книгу въ красной кожѣ, съ позолоченнымъ обрѣзомъ, мы отыскали въ 1897 г. въ Архивѣ Рожанцоваго братства въ костелѣ Юсіфа Обручника, на Краковскомъ предмѣстьѣ. На первомъ листѣ, украшенномъ затѣйливою виньеткой, надпись: „Album Archiconfraternitatis ssimi Rosarii B. V. M. in Conventu Varsaviensi S. Mariae Victoriosae ordinis Praedicatorum congregationis s. Ludovici Bertrandi. Anno salutis MDCLXIX“. Этотъ листъ, какъ извѣтавшій, подклеенъ. Запись имѣетъ идти съ октября 1670 г. по 1897 годъ. Имена по 1703 г. написаны одной рукой и одинаковыми чернилами: ясно, что они переписаны позднѣе, причемъ самаго начала, повидимому, нѣтъ; записи съ 1704—5 гг. внесены разными руками, по небольшимъ частямъ. Однако въ этой книгѣ только имена, безъ означенія пожертвованій. Съ противоположной стороны книги неожиданно встрѣчаемъ: „Album Archiconfraternitatis dulcissimi Nominis Jesu in Conventu Varsaviensi S. Mariae Victoriosae ordinis Praedicatorum congregationis s. Ludovici Bertrandi. Anno salutis MDCLXIX“. Это — на первомъ листѣ, тоже украшенномъ виньеткой и подклеенномъ; со втораго идетъ запись: „Nomina fratrum et sororum Archiconfraternitatis Dulcissimi Nominis Jesu, quae eidem in servitium aeternum consecrando, huic albo inscribi fecerunt. Anno salutis MDCLXIX“. Первые листы съ именами опять переписаны одной рукой. До 1687 г. значится лишь нѣсколько именъ, съ этого года

Не получивъ отъ епархіальной власти ни документовъ, ни объясненій, кромѣ увѣдомленія, что красной книжки не нашлось въ архивѣ, братство не могло имѣть успѣха у Мазовецкой комиссіи: вторичныя просьбы (3/15 и 9/21 февр.) остались безъ отвѣта. У членовъ его не терялась еще надежда на Комиссію духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. И предъ ней излагали (18/30 іюня) они: Духовная власть удерживаетъ документы братства и тѣмъ лишаетъ его своихъ попеченій въ религіозномъ дѣлѣ, отъ Воеводской комиссіи они доселѣ не имѣютъ отвѣта, а между тѣмъ „костель уже получилъ иное назначеніе“; запечатанный единственно вслѣдствіе самоубійства Даниковскаго и взятый у нихъ безъ всякой вины съ ихъ стороны, онъ долженъ быть имъ возвращенъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ отобранъ, потому что, по конституціи, всякая собственность должна быть неприкосновенна. „Допустимъ даже, что архибратство св. Рожанца не имѣетъ никакого права считать этотъ костель своею собственностію. Но вѣдь оно по религіознымъ обязанностямъ обращается къ правительству съ покорнѣйшею просьбою, чтобы костель, стоящій безъ употребленія, былъ отданъ ему. Справедливѣйшее правительство развѣ могло бы отказать въ таковой милости намъ, католикамъ, гарантированнымъ въ своихъ правахъ конституціей, обезпечившей за римско-католической религіей особое покровительство его?“ Кромѣ Вербуша и двухъ старшихъ членовъ братства, прошеніе было подписано нѣсколькими сторонними лицами, съ заявленіемъ, что всѣ они „ревностные христіане-католики“.

На епархіальную власть просители бросили слишкомъ густую тѣнь, такъ что Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія бумагу ихъ переслала (19 іюня/1 іюля) къ Воловичу, чтобы онъ далъ свое объясненіе; предложеніе было за подписью Сташица.

Выведенный изъ терпѣнія, епископъ Воловичъ объяснилъ

ихъ болѣе, случаются и перерывы; въ 1897 году опять возобновлена запись именъ. Надо предполагать, что это братство называлось также братствомъ Милосердія (см. выше, 259 стр.).

(29 іюня/11 іюля) ¹⁾: Г-нъ Вербушъ и въ прошломъ, и въ нынѣшнемъ году подавалъ просьбы о выдачѣ ему книги, переплетенной въ красную кожу, съ позолоченнымъ обрѣзомъ; во всемъ подоминиканскомъ архивѣ ея не нашлось. Взносы на постройку костела дѣлались разными польскими панами, въ этихъ пожертвованіяхъ братство участвовало мало. Собственности братствъ костелы отнюдь не составляютъ, и кто разъ пожертвуетъ что либо, тотъ не можетъ требовать возврата ему. Никакого права на подоминиканскій костель Рожанцовое братство никоимъ образомъ не предъявить: тутъ одна лишь досадная назойливость Вербуша, который, не умѣя понять значенія словъ, совершенно напрасно беспокоитъ своими письмами и рѣчами...

Столь сильное раздраженіе искъ Вербуша возбуждалъ не одною назойливостью: имъ задерживался успѣхъ комбинаціи, постепенно подготавливавшейся въ разныхъ административныхъ учрежденіяхъ.

Мы видѣли уже, какъ настойчиво Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предписывала (17 сент., 22 и 26 окт. н. с. 1816 г.) Воловичу „костель съ частію необходимаго строенія, согласно постановленію намѣстника, отдать Комиссіи мазовецкаго воеводства для дальнѣйшаго распоряженія“ и какъ епископъ каждый разъ выражалъ свою готовность выполнить это, если Воеводскою комиссіею будутъ командированы уполномоченныя лица. Воеводская комиссія молчала, пока, наконецъ, не отнеслась (7 янв. н. с. 1817 г.) къ епископу, что, „принимая, на основаніи предписанія ей Прав. Комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, въ свое вѣдѣніе бывшую подоминиканскую собственность на Новомъ Свѣтѣ“, просить его выслать ей документы о податяхъ. При отсылкѣ бумагъ епископъ выразилъ желаніе, чтобы духовная администрація была освобождена отъ завѣдыванія костеломъ со всѣми строеніями, и чтобы переходъ ихъ въ вѣдѣніе Мазовецкой комиссіи былъ законно оформленъ: составленъ былъ бы приѣмно-сдаточный протоколъ, и проч. Не дожидаясь отвѣта, епископъ представилъ (1/13 янв. 1817 г.) Комиссіи ду-

¹⁾ Приложенія, 1, № 37.

ховныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: „Костель послѣ варшавскихъ доминиканъ обсервантовъ и часть строеній, имѣющихся при этомъ костелѣ, по постановленію намѣстника отъ 10 августа прошлаго года, должны бы быть взяты для греко-россійскаго церковнаго обряда; до сихъ поръ это не исполнено, Комиссія мазовецкаго воеводства даже увѣдомила меня, что Министерство внутреннихъ дѣлъ предписало ей принять въ свое вѣдѣніе и сей костель, а также и всѣ стройки при немъ. Считаю долгомъ донести объ этомъ Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и просить ее объ исходатайствованіи соотвѣтственнаго вознагражденія за эту духовную собственность, на основаніи 13 § конституціи“¹⁾). Такимъ образомъ, изъ словъ Воловича выходило, что Комиссіи мазовецкаго воеводства передавалась подоминиканская недвижимость какъ бы не на церковныя нужды и не для передачи русскимъ...

Къ послѣднему мало по малу все и велось, хотя Мазовецкая комиссія сначала и показывала, что, принимая подоминиканскую недвижимость, она понимала свои обязанности иначе, именно близко къ тому, какъ требовалось это постановленіями намѣстника.

Ея архитекторъ, осмотрѣвъ костель и монастырь, нашель, что необходимо или немедля капитально отремонтировать ихъ, дабы предохранить ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія въ нихъ сводовъ и стѣнъ, или же совершенно снести всѣ эти зданія, для украшенія, какъ онъ полагалъ, города. Представленную имъ смѣту по ремонту монастыря Воеводская комиссія сообщила Комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, а относительно костела предложила (9/21 февр. 1817 г.) ей, чтобы „во избѣжаніе необходимой его ремонтровки она изволила ускорить отдачу его въ пользованіе греко-россійскаго обряда, согласно постановленію намѣстника отъ 19 ноября прошлаго года, каковое принятіе его, насколько ей извѣстно, высшей русской властью поручено коменданту города генералу Левицкому“. За распоряженіями, для охраненія костела отъ дальнѣйшихъ поврежденій, гр.

¹⁾ Приложенія, 1, № 36.

Потоцкій обратился къ Заіончеку; этотъ предписалъ (6/18 марта) Комиссіи духовныхъ дѣлъ приказать строительному совѣту опредѣлить, въ какихъ исправленіяхъ безотлагательно нуждается костелъ и на какую сумму, и о томъ донести ему.

Между тѣмъ изъ монастырскихъ зданій, считаемыхъ теперь собственностью казны, Мазовецкая комиссія старалась извлечь выгоды. Взыскавъ, экзекуціоннымъ порядкомъ, долги съ квартирантовъ монастырскаго дома, бывшаго на Новомъ Свѣтѣ, она сдала (съ 1 іюля н. с. 1817 г.) его, по произведенной предъ тѣмъ описи, въ аренду Генеральной варшавской инженерной дирекціи, которая и стала платить причитающіяся подати и аренду. Однако требуемая полиціей починки по дому никто не хотѣлъ производить: ни дирекція, ни муниципальное управленіе, ни сама Воеводская комиссія.

Понятно, въ какомъ видѣ относительно средствъ на поправку костела и о состояніи всѣхъ вообще подоминиканскихъ зданій Правительственная Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія нашла соотвѣтственнымъ представить дѣло. Объ этомъ можно судить по опредѣленіямъ, состоявшимся вслѣдствіе ея представленія. На засѣданіи (4/16 авг. 1817 г.) Совѣта управленія, гдѣ обсуждалось и было принято это представленіе, присутствовали, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, и замѣщающіе министровъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, военнаго и финансовъ, и статсъ-секретарь; Новосильцева не было. Ссылаясь на прежній императорскій указъ о достойномъ помѣщеніи для будущаго царскаго университета и „принимая во вниманіе какъ украшеніе столицы, такъ равно и извлеченіе пользы изъ приходящихъ въ упадокъ зданій, которыхъ нельзя ремонтировать по ихъ плохому состоянію и по недостатку надлежащаго фонда“, намѣстникъ постановилъ: „опустѣвшій костелъ послѣ кс. доминиканъ обсервантовъ вмѣстѣ съ монастырскими зданіями, при немъ находящимися, и со всѣмъ, принадлежащимъ къ нимъ, назначаемъ въ пользу эдукационнаго фонда, зданія имѣютъ быть снесены и матеріаль отъ нихъ долженъ быть употребленъ по распоряженію Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго

просвѣщенія; площадь по снесеніи сихъ подоминиканскихъ зданій принадлежитъ эдукаціонному фонду и называется впродъ площадью Академическою, со свободнымъ употребленіемъ ея по усмотрѣнію той же Правит. Комиссіи“¹⁾.

Однако едва измѣнилось назначеніе костела, какъ измѣнилось и сужденіе о немъ. Вскорѣ онъ снова былъ признанъ годнымъ: опредѣлили сдѣлать его Академическимъ²⁾.

Съ исправленіемъ его Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія медлила подъ предлогомъ устройства зданій для университета и разныхъ другихъ учрежденій. Варшава тогда быстро обстраивалась. Обветшавшій костелъ, на видномъ мѣстѣ, по близости съ учрежденнымъ царскимъ университетомъ, слишкомъ сильно поражалъ глазъ наблюдателя, особенно, конечно, во время прибытія императора³⁾, на открытіе польскаго сейма. Торжественное открытіе университета, вскорѣ по выѣздѣ государя изъ Варшавы происходившее въ сосѣднемъ костелѣ св. Креста, въ присутствіи Заіончека и Новосильцева⁴⁾, должно было еще снова отгнѣнить ненормальность въ положеніи подоминиканскаго костела. На одномъ изъ ближайшихъ послѣ того засѣданій (18/30 мая 1818 г.) Совѣта управленія, на которомъ былъ Новосильцевъ, намѣстникъ со всею настоятельностью опредѣлилъ: „поручить Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 60 61. Остальное въ постановленіи намѣстника касалось прямо университетскихъ помѣщеній и ботаническаго сада. Исполненіе его вмѣнялось комиссіямъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

²⁾ О ближайшихъ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось это назначеніе, нѣтъ ничего въ архивныхъ документахъ.

³⁾ *Gazeta Warszawska*, 1818, marzec, dodatek ad №-rum 25; Рус. Стар. VII, 612; Сидорова, Русскіе государи въ Варшавѣ. Варшава, 1897.

⁴⁾ *Dodatek do Gazety Warszawskiej*, 1818, ad №-rum 40; И. П. Щелковъ, Очеркъ исторіи высшихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, Варшав. Университетскія Извѣстія, 1893, VIII. Указъ Александра объ учрежденіи царскаго университета состоялся 7/19 ноября 1816 г., 1 февр. н. с. 1817 г. университетъ открылъ свою дѣятельность въ полномъ числѣ факультетовъ, уставъ его утвержденъ 15 апрѣля, торжественное открытіе университета произошло 14 мая 1818 года. Высочайшій указъ объ учрежденіи университета и университетскій уставъ, въ русскомъ и польскомъ текстахъ, — въ Сборникѣ административныхъ постановленій царства Польскаго, Вѣдомство просвѣщенія, т. VI, 80—153. Университетъ помѣщенъ въ бывшемъ Казимировскомъ дворцѣ. См. выше, стр. 106.

просвѣщенія, чтобы она (отложивъ другія строительныя работы), тѣмъ дѣятельнѣе занялась поправкою подоминиканскаго костела на Краковскомъ предмѣстьѣ въ Варшавѣ, назначеннаго на костель Академическій, такъ чтобы еще въ текущемъ году зданіе это, прилично отдѣланное, перестало своимъ запустѣлымъ видомъ обезображивать красивую улицу, на которой стоитъ“¹⁾).

И дѣйствительно, въ томъ же году костель этотъ „пересталъ обезображивать“ собою красивую улицу.

Въ ту пору, у другаго конца Новаго Свѣта, на Александровской площади²⁾, строился костель св. Александра, въ память перваго посѣщенія Варшавы императоромъ³⁾. По недостаточности собранной суммы, воспользовались для стройки его упраздненнымъ уяздовскимъ костеломъ; затѣмъ, вмѣсто того, чтобы исправлять подоминиканскій костель, назначили на сооруженіе Александровскаго костела и... половину костела обсервантовъ.

Именно, мѣсяца чрезъ полтора по закладкѣ Александровскаго костела, 4 августа н. ст. 1818 года на засѣданіи Совѣта управленія „князь намѣстникъ поручилъ Комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи сдѣлать требующіяся распоряженія, чтобы съ 10 сего мѣсяца текущаго года было приступлено къ снесенію подоминиканскаго костела на Краковскомъ предмѣстьѣ; изъ кирпича, который останется отъ этого костела, должна быть одна половина употреблена на окончаніе костела св. Александра у улицы

1) Приложенія, 1, № 62.

2) Улица Новый Свѣтъ начиналась отъ подоминиканской площади у Краковскаго предмѣстья и оканчивалась у площади Трехъ Крестовъ, получившей потомъ названіе Александровской; отъ противоположной стороны послѣдней площади идетъ улица Уяздовская аллея, на окраину города.

3) Костель св. Александра былъ заложенъ 3/15 іюня 1818 г., оконченъ въ 1826 г. Первый камень положилъ Заіончекъ. Костель былъ построенъ „вмѣсто триумфальныхъ воротъ, которыя государь не принялъ и для которыхъ сдѣланы были общественныя, добровольныя приношенія“. Въ письмѣ на имя президента сената государь указалъ способъ, какимъ народъ лучше всего можетъ передать о событіи послѣдующимъ поколѣніямъ, именно, чтобы собранная сумма была обращена на устройство костела, въ которомъ такъ нуждалась та часть города. *Wartowski, Kościoły warszawskie rzymsko-katolickie. Warszawa, 1855, 337, 339; академ. Дубровскій, Описаніе Варшавы и ея окрестностей. Варшава, 1850, 64—65.*

Новый Свѣтъ, а другая половина отдана въ распоряженіе Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія для постройки зданія, проектированнаго на мѣстѣ подоминиканскаго костела“. На засѣданіи Новосильцевъ не присутствовалъ¹⁾; отсутствующаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, какъ и ранѣе (на засѣданіи 18/30 мая), замѣщаль Стациць²⁾. Значеніе участія тутъ Сташица объяснится потомъ.

Къ 1620 году король Сигизмундъ устроилъ, „на всеобщую память въ потомствѣ“, памятникъ-усыпальницу для останковъ бывшаго московскаго государя. Спустя два вѣка остатки памятника по волѣ мѣстнаго польскаго правительства назначаются на устройство костела, сооружаемаго въ увѣковѣченіе памяти о первомъ торжественномъ посѣщеніи бывшей королевской столицы русскимъ государемъ въ качествѣ общепризнаннаго царя польскаго.

Постановленіе о назначеніи половины матеріаловъ на костель, сооружаемый на воспоминаніе о такомъ событіи, не могло быть уже не выполнено, и разборка подоминиканскихъ зданій повелась быстро. Когда, на третій день послѣ срока, определеннаго для начала сломокъ, явился (1/13 авг. 1818 г.) уполномоченный Мазовецкой воеводской комиссіи, чтобы произвести счеты по арендѣ монастырскаго дома Генеральною инженерною дирекціей, то пріема дома по прежней описи онъ сдѣлать не могъ, потому что домъ былъ уже въ нѣкоторыхъ частяхъ разобранъ, двери, принадлежности оконъ и т. п. лежали въ костелѣ, подъ надзоромъ смотрителя³⁾. Сломкой вѣдала Комиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи, поручившая дѣло своему архитектору Долингеру. Муниципальнымъ управленіемъ понималось потомъ, что всѣ эти подоминиканскія зданія снесены по волѣ и распоря-

¹⁾ Хотя на предыдущемъ (1 авг. н. с.) и на послѣдующемъ (8 авг. н. с.) засѣданіяхъ Совѣта управленія онъ былъ. *Protokóły posiedzeń Rady Administracyjnej*, 1818 г., тт. 294 и 306.

²⁾ Приложенія, 1, № 63. *Wartozzewicz*, у котораго находится сообщеніе объ употребленіи уяздовскаго костела на постройку костела Александра, не упоминаетъ объ отдачѣ на это также половины костела подоминиканскаго: очевидно, послѣднее не было извѣстно ему.

³⁾ Приложенія, кн. 2, № 10 (изъ Архива Варшавской казенной палаты).

женію правительства, чтобы увеличить тамъ площадь для украшенія города ¹⁾. Изданіе перваго намѣстническаго указа (въ авг. 1817 г.) о снесеніи зданій, дѣйствительно, мотивировалось потребностью „украшенія столицы“ ²⁾.

Кирнича послѣ разборки вышло 1.682.300 штукъ. Половина ея была отпущена на стройку костела св. Александра; Комиссія же духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія получила всего 774.900 кирпичей, изъ которыхъ должна была еще уступить 40.000 на расширение намѣстническаго дворца, почему она просила (5/17 апр. 1819 г.) намѣстника возмѣстить ей 106.250 штукъ, не достающія до половины. Часть матеріаловъ Долингеръ продалъ на 12.502 злотыхъ, понадобившихся на рас-

¹⁾ „Dnia 23 marca 1819. Do Kommissyi rządowej przychodów i skarbu Urząd M(unicypalny miasta stołecznego Warszawy). Posessye №-ra 1320 i 1321 do funduszów xx. Dominikanów obserwantów należące, z woli rządu na rozszerzenie placu przed ś. Krzyżem przy ulicy Krakowskie przedmieście w roku zeszłym rozebrane zostały“... W(oyda). Архивъ Варшавскаго Магистрата: Acta Magistratu miasta stołecznego Warszawy, тучаще się №№ 1319/20/21, поземельныя, I, л. 75. „Wykaz podatku podymnego z posessyów pod №-mi 1320, 1321 sytuowanych, dawniej xx. Dominikanów obserwantów własnością funduszową będących, a w roku 1818 z woli rządu dla upiększenia miasta i rozszerzenia placu rozebranych zalegającego“. 23 maja 1819 roku. Тамъ же, л. 76—77. „Gdy kościół księży Dominikanów pod № 2767 będący, z woli rządu rozebrany został“... 14 kwietnia 1819. Тамъ же, л. 88.

²⁾ О ви́шнемъ видѣ костела за послѣднюю пору его существованія, со стороны Краковскаго предмѣстья, можно, до нѣкоторой степени, судить по снимкамъ, въ Приложеніяхъ, I, рис. №№ 8 и 9. Первый изъ нихъ изъ собранія М. П. Ольшинскаго, второй изъ собранія А. Г. Краусгара. Г-номъ Krauschar'омъ изданы эти снимки въ уменьшенныхъ размѣрахъ; нами издаются безъ уменьшенія размѣровъ. Подлинный рисунокъ перваго снимка былъ сдѣланъ, несомнѣнно, съ натуры, въ періодъ прусскаго господства въ краѣ, ок. 1800 г.; второй, очевидно, позднѣе, но когда, неизвѣстно: надписи на указанныхъ снимкахъ и на изданіяхъ ихъ — недавнія, сдѣланы предположительно. Близъ доминиканскихъ зданій, нѣсколько впереди ихъ, по правой сторонѣ Краковскаго предмѣстья видны часть фасада костела св. Креста и сплошной рядъ домовъ (улицы гр. Берга тогда еще не было); по лѣвой сторонѣ предмѣстья виднѣтся рядъ зданій, изъ коихъ ближайшее къ доминиканскому костелу, такъ называемый, домъ Карася, а ближайшее къ зрителю — домъ гр. Потопкихъ, по срединаѣ, близъ фонаря, ходъ къ стоявшимъ въ углубленіи зданіямъ, бывшимъ дворцовымъ, нынѣшнимъ университетскимъ. Самъ доминиканскій костель, судя по снимкамъ, былъ сходенъ не съ сосѣднимъ костеломъ Креста, а болѣе съ костелами визитокъ и кармелитскаго, стоящими на томъ же предмѣстьѣ. Припомнимъ, что, по извѣстнымъ уже намъ архивнымъ документамъ, главный входъ въ костель, съ предмѣстья, обрамлялся, въ 1792 г., двумя колокольнями, недостроенными (см. выше, 234 стр.), и что въ 1814 г. обѣ онѣ стояли покрытыя обветшавшей черепицей, причемъ одна изъ нихъ была погнувшись (255 стр.).

ходы по сломкѣ¹⁾; остальную долю ихъ — черепицу, капители, базы и др. камни, оцѣненную имъ въ 12.931 зл., онъ сложилъ пока на краю площади, освободившейся отъ зданій. Въ возмѣщеніе недостающаго, Комиссія просила предоставить этотъ остатокъ въ пользу эдукаціоннаго фонда. Не получая отвѣта, она снова, подѣ предлогомъ окончанія счетовъ о разрушенныхъ подоминиканскихъ зданіяхъ, повторила (4 іюля н. с. 1820 г.) свою просьбу²⁾. Выслушавъ мнѣніе Комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, намѣстникъ рѣшилъ (20 іюля/1 авг.), что возмѣщать недостающее не надобно: оба расхода въ кирпичахъ—и передержку ихъ Комиссіей внутреннихъ дѣлъ, и отпускъ ихъ на дворецъ—должно считать произведенными правильно.

Представлявшія цѣнность, каменные плиты отъ пола костела министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія гр. Станиславъ Потоцкій взялъ въ свое подѣ-варшавское имѣніе Виляново, ограничившись выдачей квитанціи (18/30 іюня 1819 г.), удостовѣрявшей, что плиты имъ получены. Лѣтъ чрезъ шесть, послѣ уже смерти своего предсѣдательствующаго министра, Комиссія предложила (31 іюля/12 авг. 1825 г.) сенатору Потоцкому внести за плиты 1891 злотый³⁾. Цѣну сенаторъ нашелъ слишкомъ дорогой: стоятъ-де вдвое дешевле новыя плиты, взятыя же покойнымъ графомъ были старыя. Конію съ квитанціи графа Комиссія переслала (въ янв. 1826 г.) къ его вдовѣ, чтобы она очистила дѣло, выплативъ деньги цѣликомъ, потому что цѣна опредѣлена архитекторомъ. Графиня отмалчивалась, пока, по вторичному и уже настойчивому требованію Комиссіи, не была вынуждена внести (въ іюнѣ) всю сумму.

Площадь, образовавшаяся (осенью 1818 г.) послѣ костела и монастыря, не вдругъ послужила „къ украшенію города“. Сначала оставалась она неуравненной, съ большими ямами. Сосѣд-

¹⁾ Вся разборка зданій, по исчисленіямъ въ декабрѣ 1818 г., стоила 13.843 зл. 6½ грошей; часть матеріаловъ, проданныхъ Долингеромъ, пошла подѣ постройку новаго монетнаго двора. Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варш. ген.-губ., III, 8 А, в. 143.

²⁾ Приложенія, 1, № 64.

³⁾ Приложенія, кн. 2, № 15 (изъ Архива при Казенной палатѣ).

ніе домовладѣльцы воспользовались ею какъ бы мѣстомъ свалки для навоза, мусора, снѣга и т. п. Пока была зима, терѣлось это; съ наступленіемъ весны площадь совершенно портила всю мѣстность. Пришлось заровнять и замостить ее, на городскія средства, разумѣется, также не безъ затрудненій и не безъ проволочекъ.

Президентъ города, Войда, предписалъ (въ мартѣ 1819 г.)¹⁾ приставамъ полицейскихъ участковъ, въ вѣдѣніи коихъ находилась площадь²⁾, уравниять ее и потомъ наблюдать, чтобы не сваливали болѣе на нее ни навоза, ни мусора; могли сваливать землю, и то не въ кучи, а разравнивая. Не зная, какимъ способомъ и на какія бы суммы произвести работы, одинъ изъ приставовъ попросилъ знакомаго ему мастера по землянымъ работамъ пока прислать нѣсколько его землеконовъ. Взять рабочихъ президентъ велѣлъ приставу съ тѣхъ домовъ, владѣльцы которыхъ засорили площадь; домовладѣльцы заспорили, отказались, и работы были оставлены за мастеромъ, за условленную плату (250 злотыхъ). Площадь заровнялъ онъ, но къ лѣту она стала осѣдать, показались бугры и ямы; когда свой счетъ представилъ онъ въ муниципальное управленіе, оно сдѣлало (4 мая н. ст.) городскому архитектору и участковому приставу строгій выговоръ и приказало имъ позвать подрядчика для окончанія работы, такъ чтобы площадь была одинаковаго уровня съ сосѣдними улицами и чтобы не понадобилось снова уравнивать, когда придется замостить ее. Ни со своей стороны, ни со стороны подрядчика никакой неправомерности архитекторъ Лессель, въ своемъ оправданіи предъ муниципальнымъ управленіемъ, не призналъ, указывая, что не ихъ вина, если, не смотря на ихъ запреты, вмѣсто земли и песку привозили туда навозъ, снѣгъ и ледъ. Впрочемъ, подрядчикъ, чтобы поскорѣе получить деньги, согласился докончить работы. Въ виду этого муниципальное управленіе предписало (въ томъ же маѣ) Лесселю сготовить смѣту на замощеніе площади. Между тѣмъ отъ великаго князя Константина Павловича

¹⁾ Приложенія, кн. 1, №№ 132—135 (изъ Архива Магистрата).

²⁾ Съ Новаго Свѣта она относилась къ VI полицейскому участку, а со стороны Александріи—къ VII.

получилось президентомъ города повелѣніе, чтобы она была замощена возможно скорѣе, и управление вмѣнило архитектору понижить съ представленіемъ смѣты мостильнымъ работамъ и указать мостильному мастеру границу, до которой площадь можетъ быть застроена, оставляя мѣсто и на тротуаръ предъ новымъ домомъ, владѣлецъ котораго долженъ будетъ самъ вымостить это. Камень на мощеніе взяли не изъ матеріаловъ отъ прежнихъ зданій, а былъ навезенъ новый. Когда площадь вымостили, намѣстникъ повелѣлъ (въ авг.) муниципальному управленію обнести ее заборомъ. Деньги на это оно отпустило изъ городской кассы, до возврата ихъ, какъ предполагало, „покунщикомъ недвижимости“. Расчетъ управленія оказался потомъ (въ 1820 году), какъ увидимъ, напраснымъ, потому что новый собственникъ приобрѣлъ площадь не покупкой...

Отъ подоминиканскихъ зданій, такимъ образомъ, не осталось на поверхности ихъ земли камня на камень. Обязанный своимъ началомъ усыпальницѣ царя Шуйскаго, сооруженной Сигизмундомъ III и бывшей, до передачи королемъ Яномъ Казимиромъ общинѣ доминиканъ обсервантовъ, государственною собственностію, вполне зависѣвшею отъ воли правительства, такъ что еще Владиславъ IV, по увѣреію польскаго посла (1647 г.) въ Москвѣ, „ту Каплицу хотѣлъ было дать на церковь Греческой вѣры“¹⁾, доминиканскій костель, оставшійся послѣ прекратившейся общины, не былъ теперь переданъ русскимъ для совершенія въ немъ богослуженія, несмотря на извѣстное постановленіе императорскаго-царскаго намѣстника и на предъявленныя съ русской стороны нѣкоторыя претензіи на полученіе его. Понятны мотивы ближайшихъ правительственныхъ учрежденій. Но не замѣтно, чтобы особенно настаивали на томъ и сами русскіе. Независимо отъ политики „единенія“, которой придерживались въ царствѣ носители и представители русской власти, замѣтившіе, очевидно, какъ отзывалось данное дѣло въ мѣстномъ польскомъ обществѣ, на это могло оказывать свое вліяніе то, что костель предназначался только „въ пользованіе“, безъ обра-

¹⁾ См. выше, VII гл., стр. 137.

щенія въ собственность, и что онъ нуждался не въ одной починкѣ, но и въ совершенной перестройкѣ: главный олтарь у него былъ къ югозападу, главный входъ съ сѣверовостока; для православнаго храма требовалось скорѣе обратное расположеніе. Находившіе средства и въ имперіи къ широкому поддержанію даже мѣстнаго войска, властные люди какъ-то не умѣли найти ихъ на потребности крѣпостного русскаго солдата, который, неся долгую службу въ чуждомъ краѣ внѣ родной и привычной обстановки, не имѣлъ и не получалъ себѣ и храма.

Не могла оказать воздѣйствія, благопріятнаго для русскихъ, и исторія памятника и мѣста. Какъ бы въ отнятіе у зданій первоначальнаго государственнаго происхожденія, носитель мѣстной научно-исторической учености того времени, извѣстный Нѣмцевичъ, выдалъ за достовѣрное, будто костелъ доминиканъ обсервантовъ существовалъ еще до перенесенія въ него тѣлъ Шуйскихъ ¹⁾. Подлинная исторія памятника не была извѣстна русскимъ варшавянамъ, да едвали кто-либо изъ нихъ усиленно и старался или имѣлъ возможность точнѣе узнать ее, тѣмъ менѣе они могли знать о надеждахъ бывшаго королевскаго посла, кіевскаго кастеляна Киселя, и московскихъ правительственныхъ лицъ, что изъ „той Каплицы“ со временемъ удобнѣе всего учредить первую въ Варшавѣ русскую церковь... Устройство постоянной русской церкви не только изъ „Московской каплицы“, но и на землѣ, подаренной къ ней королями, очевидно, еще предупреждало бы историческія обстоятельства.

Не удержалось за русскими и зданіе бывшаго побенонскаго костела, освященное по православному обряду и служившее церковью для русскихъ резервныхъ баталіоновъ до выхода ихъ изъ Варшавы. По опредѣленію Совѣта управленія и по постановленію намѣстника (29 іюля/10 августа 1816 г.), побенонское наслѣдство, признанное лишнимъ для русскихъ въ виду назначенія имъ въ „церковное пользованіе“ бывшаго костела и части

¹⁾ Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa, 1819, 195. Какимъ образомъ онъ сдѣлалъ это вопреки источнику, которымъ пользовался, указано нами выше, V гл., 115 стр.; ср. Приложенія, I, № 1, стр. 3, и въ изслѣдованіи стр. 143.

монастыря доминиканъ обсервантовъ, приняла въ свое распоряженіе Прав. Комиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи и стала отдавать его разнымъ ремесленникамъ и заводчикамъ. Нѣсколько лѣтъ (съ 1818 г.) тамъ помѣщалось, съ большими затрудненіями, не имѣвшее своего опредѣленнаго дома Русское комиссаріатское комиссіонерство ¹⁾, пока не было оно переведено въ другое мѣсто, и Правительственная Комиссія снова начала сдавать побенонскія зданія подъ фабричныя и ремесленныя заведенія въ аренду, преимущественно долгосрочную. Спрошенная на счетъ этого Пр. Комиссія духовныхъ дѣлъ отозвалась (1823 г.), что она ничего не имѣетъ противъ такой отдачи ²⁾.

¹⁾ Начальникъ Главнаго штаба цесаревича генералъ Курута рапортовалъ (9 сентября 1820 г.) намѣстнику: „Строеніе кляштора беноновъ, занимаемое Россійскимъ комиссаріатскимъ комиссіонерствомъ, отъ времени приходитъ въ худшее положеніе, а правительствомъ царства Польскаго никакихъ распоряженій понынѣ не сдѣлано на щетъ исправленія того строенія передѣлкою или починкою, либо объ отводѣ другаго дома для помѣщенія Комиссіонерства и казенныхъ вещей, теперь складываемыхъ въ трехъ мѣстахъ... Хотя переписка о ветхости того строенія продолжается болѣе пятнадцати мѣсяцевъ и главное начальство, удостовѣрившись лично о крайне неудобномъ пребываніи Комиссіонерства, еще въ прошломъ 1819 году дѣлало сношенія свои съ здѣшнею мѣстною властію объ отводѣ другаго строенія; но за всѣмъ тѣмъ никакихъ распоряженій на щетъ сего и понынѣ не учинено. А какъ по ветхости кровли, трубъ и внутри печей и оконныхъ рамъ, половъ и самыхъ стѣнъ въ продолженіи прошлой зимы и при ненастныхъ погодахъ было препятствіемъ Комиссіонерству ко всегдашнему отправленію службы и даже сопряжено съ крайнею опасностію отъ пожарнаго случая (при всѣхъ починкахъ, сдѣланныхъ Комиссіонерствомъ по необходимости), изъ-за чего если останется Комиссіонерство въ семъ строеніи и на будущую зиму, то всякую отвѣтственность въ несчастномъ случаѣ отъ себя отклоняетъ... Въ комнатахъ, гдѣ помѣщается канцелярія, внутри оконныя рамы, полы, а равно и самыя стѣны и печи разваливаются, такъ что въ зимнее время производить топку печей въ тѣхъ комнатахъ безъ совершенной опасности не возможно“. Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи, цесаревичъ Константинъ Павловичъ отнесся потомъ (5 ноября того же 1820 г.) къ Заіончеку: „Въ покояхъ, занимаемыхъ въ бенонскомъ клясторѣ упомянутымъ Комиссіонерствомъ, безъ починки оконъ и безъ передѣлки печей, трубъ и крыши при наступившемъ нынѣ холодномъ времени и особенно зимою Комиссіонерству пребываніе имѣть вовсе невозможно, и потому необходимо нужно поправить прописанную ветхость въ самонаскорѣйшемъ времени, а безъ того производство дѣлъ совершенно остановится“. Намѣстникъ „представилъ его императорско-царскому величеству объ опредѣленіи суммы или на покупку дома, или на наемъ и передѣлку“, а необходимую починку велѣлъ произвести изъ суммы, опредѣленной на слѣдующій годъ „въ распоряженіе его императорскаго высочества на общіе расходы“. Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варш. г.-губ., III, 8 А, в. 1408.

²⁾ Съ разрѣшенія Совѣта управленія въ 1853 г., Прав. Комиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ эти, принадлежащія казнѣ, побенонскія зданія продала (за

Греческая церковь тоже вышла было изъ-подъ вѣдѣнія русской власти. Подчиненіе, устанавливавшееся съ опредѣленіемъ (съ 1814 г.) къ ней полковыхъ русскихъ священниковъ, само по себѣ не могло быть прочнымъ ¹⁾. Ходатайство же о перенесеніи ея изъ дома частнаго владѣльца Дадани въ зданіе побенонскаго костела было, какъ мы видѣли ²⁾, отклонено. Напрас-

6005 зл.) въ собственность арендовавшему ихъ фабриканту (тамъ же, и ипотечная кн. подвижности подъ № 1877 въ Ипотечномъ Архивѣ Окружнаго суда). Въ настоящее время тамъ небольшая фабрика стальныхъ издѣлій Бѣньковскаго. Своею внѣшнею архитектурою зданіе напоминаетъ прежній костелъ. Зданіе небольшое, молящихся едва ли могло помѣщаться въ немъ болѣе человекъ двухъ сотъ. Внутри оно раздѣлено на этажи. Въ бывшей предъ-олтарной части его производятся работы, а впереди, на мѣстѣ бывшаго алтаря, находятся контора и складъ приготовленныхъ издѣлій — ножей, вилокъ и т. п.

¹⁾ О степени этой зависимости можно судить по сохранившемуся ордеру полевого оберъ-священника Моджугинскаго, отъ 26 янв. 1815 года: о. Моджугинскій „предлагаетъ“ о. Подгорскому (о немъ выше, стр. 291, примѣч. 2) „въ Греческой церкви обвинять“ одного порутчика (Архивъ Свято-Троицкой Подвальной церкви, связка докум. № 1). Полевой оберъ-священникъ „прикомандировалъ“ о. Подгорскаго къ церкви по просьбѣ ся прихожанъ, заключившихъ съ нимъ годичный контрактъ, съ августа 1814 года, на мѣсто бывшаго ихъ іеромонаха изъ Буковины, Иполита Якубовича. Это было еще до конституціи, и о. Моджугинскій послалъ въ Синодъ представленіе объ утвержденіи этого назначенія. Учреждавшійся порядокъ, очевидно, кому-то не нравился. Не успѣло получиться синодальное утвержденіе Подгорскаго, какъ въ священники въ общину проникъ инокъ, называвшій себя Никаноромъ Скаржинскимъ, якобы протоіереемъ, явившимся изъ Греціи, личность загадочная, старавшаяся посвятить въ общинѣ какую-то смуту. Онъ — сообщалось о немъ о. Моджугинскимъ Синоду — „не признаетъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, и на Великомъ выходѣ, равно какъ и на ектеніяхъ всей императорской фамиліи, кромѣ одного государя, не произноситъ, и при томъ позволяетъ въ своей Греческой церкви незаконные браки—отъ мужей живыхъ женъ вѣнчать“ (Архивъ Св. Синода, 1815 г., №№ 405 и 779). Метрическія записи его имѣются отъ авг. и сент. 1815 г. (Архивъ церкви, св. № 1), т. е. во время, когда, по объявленіи ц. Польск., выработывалась конституція (выше, 282). Не удержавшись при Варшавской церкви, онъ, выдавая себя уже за греческаго архимандрита, „старался взять въ свое управленіе“ Яблочинскій монастырь, на Бугѣ (Архивъ Канцеляріи варш. ген.-губ., по описи № 798). По свидѣтельству отъ 21 іюня 1816 г., въ церкви не было своего священнослужителя (Приложенія, 1, № 43). Затѣмъ, служилъ священникъ Ѳеодоръ Боборыкинъ, изъ полковыхъ (о немъ выше, 291 стр., примѣч. 2, и въ Архивѣ церкви, св. № 1 и метрич. кн. № 1: послѣднія записи его въ метрикахъ относятся къ маю 1717 г.). „Русской гвардіи священникъ Исидоръ Коношевичъ“ служилъ въ іюнѣ 1817 г. (Метрика, № 1). Иногда заявлялся прежній іеромонахъ Якубовичъ (метрич. записи его въ авг. 1815 и въ дек. 1817 г., метрич. кн. № 1). 18 марта 1817 г. первая метрич. запись Евгенія Павловскаго—лица, приглашеннаго уже изъ Буковины. За 1817 г., впрочемъ, его всего одна запись, гдѣ онъ названъ „священникомъ“; съ 1818 г. его записи сплошныя, и онъ именовался „іеромонахомъ, капеланомъ“ (тамъ же, св. № 1).

²⁾ Выше, 295—296.

ными оказались и расчеты на скорое упорядочение отношений къ церкви и внутреннихъ дѣлъ въ ней чрезъ подчинение всѣхъ православныхъ церквей въ царствѣ вѣдѣнію Св. Синода.

Рѣшеніе этого общаго вопроса о церковномъ управленіи въ царствѣ ¹⁾ затянулось до крайности. Получая просьбы грековъ о присылкѣ имъ духовныхъ лицъ и вспомоствованій, Синодъ поручилъ (въ мартѣ 1816 г.) оберъ-прокурору кн. Голицыну доложить государю, не повелитъ ли онъ собрать, чрезъ кого слѣдуетъ, свѣдѣнія о числѣ и состояніи православныхъ церквей и монастырей въ царствѣ и „распоряжать ему оными“. До „высочайшаго разрѣшенія“ Синодъ не находилъ возможнымъ „приступить къ дальнѣйшимъ съ своей стороны движеніямъ“. Собранныя свѣдѣнія Голицынъ представилъ государю, вмѣстѣ съ мнѣніемъ Синода, что въ случаѣ, „если дозволено будетъ ему входить въ распоряженіе духовною частію въ царствѣ Польскомъ, то управленіе ею предоставитъ, по удобности, минскому архіерею“. Государь повелѣлъ Новосильцеву „снестись съ правительствомъ царства Польскаго о принятіи мѣръ, общимъ правиламъ и общему порядку соотвѣтственныхъ, къ выполненію предположенія Св. Синода“. Но по проекту, составленному (8/18 сентября) вслѣдствіе этого въ Государственномъ Совѣтѣ царства, предлагалось, чтобы всѣ сношенія Синода съ православнымъ духовенствомъ производились не иначе, какъ чрезъ посредство мѣстнаго правительства. Новосильцевъ опротестовалъ, указывая, что сношенія по дѣламъ чисто духовнымъ должны быть изъяты изъ такого посредства, и предложилъ, чтобы въ помощь для точнаго разграниченія дѣлъ церковныхъ и гражданскихъ было приглашено ученое лицо изъ русскаго духовенства.

¹⁾ Подробно данный предметъ будетъ изложенъ нами въ особой спеціальной работѣ о немъ. Важнѣйшіе документы—въ архивахъ: 1) Святѣйшаго Синода (1815 г. и слѣд., №№ 405 и 779; 1827 и слѣд. г., бумаги протопресвитера Якова Дмитриева Никольскаго, протоколы засѣданій Св. Синода отъ 9 ноября 1827 г. и друг.), 2) Варшавской православной духовной консисторіи (акты бывшей Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, №№ 3311, 3320 и 3329), 3) старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора (Протоколы засѣданій Совѣта управленія и Постановленія намѣстника), 4) новыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора (по описи 798, ч. II, къ № 543; по оп. 238, № 48, по оп. 815, и др.), и 5) Штаба варшавскаго военнаго округа (№ 50, 52, 511 и др.).

Дѣло затормозилось. Сготовленный потомъ проектъ указа о подчиненіи православнаго духовенства и церквей въ царствѣ вѣдѣнію Св. Синода съ порученіемъ завѣдыванія ими минскому епископу и о присылкѣ послѣднимъ требующейся ученой духовной особы остался, въ сущности, проектомъ, несмотря на то, что декретъ о томъ былъ собственноручно подписанъ (24 февр./8 марта 1825 г.) императоромъ Александромъ. Данный проектъ явился, наконецъ, въ качествѣ именнаго указа Николая I Св. Синоду (3/15 нояб. 1827 г.), съ замѣною только іерархическаго подчиненія духовенства, вмѣсто минскаго, епископу волынскому. Тѣмъ не менѣе, Совѣтъ управленія, подъ предсѣдательствомъ гр. Соболевскаго, старался кассировать выработанное, согласно съ этимъ, „Положеніе о дѣлахъ Греко-Россійской церкви“, и при личномъ объясненіи съ великимъ княземъ „графъ Соболевскій“ — какъ секретно сообщалъ государю самъ Константинъ Павловичъ, 9 марта 1829 года—„старался коварнымъ образомъ опровергать существующее постановленіе о подчиненности здѣшняго греко-россійскаго духовенства волынскому епископу“. Дѣйствія предсѣдателя Совѣта управленія великій князь прямо объяснялъ „намѣреніемъ его все здѣшнее отдѣлять отъ Россіи“.

При такихъ условіяхъ просьбы старшинъ Варшавской Греческой церкви о священникахъ изъ сосѣднихъ русскихъ епархій долго оставались безъ удовлетворенія ¹⁾. Община купила на

¹⁾ Въ первый разъ „старшины церкви Варшавскаго греко-католическаго общества“ просили о томъ епископа волынско-житомірскаго въ іюнь 1816 г., послѣ неудачи со Скаржинскимъ. „Приходская церковь Греко-Католическаго общества — писали они — не имѣетъ непремѣннаго священника. Находившіеся при ней доселѣ запрашиваемы были Обществомъ наиболѣе изъ монастырей за границею, въ австрійскихъ владѣніяхъ лежащихъ. Къ намъ присылали по большей части людей, которые ни поведеніемъ, ни знаніями не соотвѣтствовали назначенію своему и которые по однимъ прихотямъ оставляли церковь нерѣдко при самыхъ большихъ праздникахъ или постахъ безъ богослуженія и исправленія требъ христіанскихъ; только одинъ изъ таковыхъ священниковъ, пробывъ у насъ 14 лѣтъ, по причинѣ престарѣлости своей перемѣстился въ монастырь для окончанія своей жизни, положи въ ономъ нѣкоторую сумму изъ собранныхъ денегъ. Нынѣ, по благополучномъ присоединенія царства Польскаго къ имперіи Россійской, Греко-Католическое общество наше, желая имѣть у себя священника всегдашняго и непремѣннаго, приемлетъ смѣлость обратиться къ вашему преосвященству съ всепокорнѣйшею просьбой объ опредѣленіи такового изъ ввѣренной паствѣ вашей епархіи. Обществу желательно, чтобы избираемый священникъ, при испытанномъ благоправіи и основательномъ знаніи догматовъ Православ-

Подвальной улицѣ домъ (подъ ипотечнымъ № 497с), перенесла на его дворовое, перестроенное ею, здание свою церковь ¹⁾; часть денегъ была, по ходатайству Новосильцева, пожертвована государемъ, который велѣлъ написать въ Академіи художествъ и образа для иконостаса ²⁾. Послѣ напрасной попытки, чтобы перенесеніе и освященіе церкви было совершено съ разрѣшенія и

пой вѣры, былъ свидуць, кромѣ російскаго, въ польскомъ и, если можно, въ латинскомъ языкахъ, чтобы снабженъ былъ отъ вашего преосвященства достаточною инструкціею, которая служила бы ему руководствомъ во всѣхъ его дѣлахъ"... (Архивъ при Канцел. варш. ген.-губ., по описи № 798, ч. II, къ № 543, л. 25—26). Епископъ отнесся къ Синоду, который препроводилъ (21 авг. 1816 г.) прошеніе къ оберъ-прокурору для приобщенія „къ дѣлу, по которому требуютъ имѣ свидѣнія о числѣ состоящихъ въ царствѣ Польскомъ церквяхъ и монастыряхъ греко-россійскаго исповѣданія“ (Архивъ Св. Синода, дѣло 1815 г., № 779).

¹⁾ Эту недвижимость, подъ № 497с, купило 21 марта н. с. 1817 г. „товарищество мѣстныхъ купцовъ Стефанъ Добричъ, Маріанна, урожденная Питтъ, вдова Дадави, Михаилъ Кирковъ, Амвросій Дузи, исповѣданія греко-восточнаго, отъ Ивана и Бригиды, урожденной Романовской, супруговъ Шнайде“, за 64.000 злотыхъ; они покупали по довѣренности, какъ „представители гмины города Варшавы обряда греко-восточнаго, не-уніатскаго, и въ собственность этой гмины“, за которою недвижимость и была укрѣплена 30 іюля 1817 г. На расходы по покупкѣ, перестройкѣ и поправкѣ и по укрѣпленію недвижимости Добричъ съ своей стороны ссудилъ въ долгъ 101.897 злотыхъ. 14/26 іюня 1820 г. недвижимость, съ правомъ собственности и обязательствъ, была по ипотекѣ записана за той же „гминой“. Отъ долговыхъ обязательствъ гмина окончательно освободилась въ 1838 г., когда долгъ Добрича былъ погашенъ изъ доходовъ церкви и дома, послѣ чего церковь стала полною владѣтельницей собственности. Относительно наименованій, въ ипотечномъ актѣ 26 іюня н. с. 1820 г. читаемъ: „kamienicę..., w której znajduje się Kaplica dla gminy miasta Warszawy grecko-orientalnej, nie-unickiej“; „posiada gmina miasta Warszawy obrzędu grecko-orientalnego, nie-unickiego, prawem własności“ (Ипотечный Архивъ Варшавскаго Окружнаго суда, книга недвижимости подъ № 497с). Приобрѣтеніе и устройство стоило всего 146.780 зл. или 22017 р. (О томъ, какъ составила эта сумма, см. Архивъ Канцел. варш. ген.-губ., № 543, л. 122 и слѣд.). О надворной стройкѣ, куда перенесена была церковь, „говорятъ, что это было простое строеніе для складки вещей, состоявшее только изъ двухъ боковыхъ стѣнъ, пристроенныхъ къ стѣнамъ чужаго дома“ (Лотокій, 150—152). Перестройка здания подъ церковь была начата весной 1818 года (Приложенія, 1, № 131, изъ Архива Магистрата).

²⁾ „Do tej summy (т. е. къ наличной суммѣ въ 47313 злот., составившейся изъ церковныхъ сбереженій и изъ пожертвованій прихожанъ на стройку) przysyła się obdarowane przez ś. p. państwa cesarza Aleksandra, a przez j. o. Nowosylcowa wupiasone zr. 5615 gr. 15“ (Архивъ Варш. прав. дух. конс., актъ Пр. Комиссіи дух. дѣлъ и нар. просв., № 3320, л. 72). „Въ 1819 году, по всеподданнѣйшему докладу моему, всемилостивѣйше пожаловано 300 червоиныхъ пособія Варшавскому православному обществу на строеніе приходской церкви и повелѣно написать въ Академіи художествъ образа для иконостаса“ (Записка 1827 г. Новосильцева къ цесаревичу Константину Павловичу, въ Архивѣ н. д. Канц. варш. г.-губ., по описи № 798, л. 77).

по благословенію архієпископа сосѣдной русской епархіи ¹⁾, община пригласила къ себѣ іеромонаха изъ Буковины, русскаго родомъ, который, по благословенію буковинскаго епископа, и освятилъ (очевидно, въ концѣ 1818 г.) церковь въ новомъ помѣщеніи. Іеромонахи, одинъ за другимъ, служили въ ней около 8 лѣтъ. Полными распорядителями по ней были ея устроители, представители прежнихъ прихожанъ, купцы, греки и славяне. Называлась она Свято-Троицкою церковію греко-восточнаго, не уніатскаго, вѣроисповѣданія.

Впервые былъ опредѣленъ къ ней священникъ изъ сосѣдной русской епархіи не ранѣе 1825 года, и это послужило началомъ къ урегулированію отношенія къ ней русскихъ. Сама церковь, получившая оффиціальное названіе Свято-Троицкой Подвальной приходской церкви греко-россійскаго исповѣданія, была, по описи 1828 года, безъ колокольни и колоколовъ, безъ купола и главы съ крестомъ и, помѣщаясь не на открытомъ мѣстѣ, а на дворѣ, въ обыкновенномъ корпусѣ, снаружи почти ничѣмъ не отличалась отъ частныхъ строеній. Трехъ-ярусный иконостасъ въ ней, деревянный, не былъ ни росписанъ, ни покрытъ краскою; такъ какъ пожертвованныя государемъ иконы не были почему-то доставлены изъ Академіи художествъ, то образовъ въ немъ было мало, а имѣвшіеся, какъ взятые изъ старой церкви, стояли не по мѣрѣ мѣстѣ, сдѣланныхъ въ немъ. Приходскихъ домовъ, греческихъ и русскихъ, считалось 11, прихожанъ до 60 человекъ обо-

Здѣсь говорится о той же суммѣ (300 червонныхъ = 5615 зл. пол. и пѣск. грот.). Образа же однако почему-то не были доставлены, такъ что еще 12 мая в. с. 1828 г., по просьбѣ старшинъ церкви, Комиссія мазовецкаго воеводства писала въ Пр. Комиссію духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: „Wreszcze uprasza o wstawienie się do tronu, ażeby przyrzeczone i darowane przez wiekopomnej pamięci najjaśniejszego Aleksandra i dla Kaplicy grecko-orientalnej w Warszawie obrazy, na które w ikonostasie próżne miejsca od dawna znajdują się, dla tejże Kaplicy dostawione zostały“ (указ. выше актъ № 3320, лл. 75—76).

¹⁾ Намѣреваясь перенести церковь въ приобрѣтенный домъ, „жители города Варшавы греко-униатскаго исповѣданія“ просили на это „благословенія и резолюціи“ минскаго и литовскаго архієпископа. Не зная, не принадлежитъ ли та церковь къ другой заграничной епархіи и вѣтъ ли на предполагаемое перемѣщеніе препятствій со стороны правительства царства Польскаго, но и „почитая за неприличное таковую просьбу оставить безъ послѣдствій“, архієпископъ представилъ се „на благоусмотрѣніе“ Синода, который однако непосредственно не могъ тутъ ничего сдѣлать. Архивъ Св. Синода, дѣло 1815 г. и слѣд., № 779.

его пола и съ дѣтьми, „всѣ купечествующіе, постоянные жители города Варшавы“; къ богослуженію къ ней ходили и тѣ русскіе, которые пріѣзжали по дѣламъ торговли и промышленности, „а также и войска русскаго, стоявшаго въ Варшавѣ, бывало довольно“¹⁾. Съ 1827 года въ нее, по почину командира Вольнскаго полка, начали водить русскихъ юнкеровъ, учившихся въ Варшавской военной школѣ: до этого же времени ихъ по праздникамъ посылали въ костель... Ни въ одной изъ Варшавскихъ школъ не было православнаго законоучителя²⁾.

Войска ходили къ богослуженію въ извѣстную уже намъ временную Замковую церковь, куда по праздникамъ, воскреснымъ и табельнымъ днямъ, а Великимъ постомъ къ исповѣди и причащенію посылались наряды отъ всѣхъ частей варшавскаго русскаго отряда. Наряды не могли быть одновременно значительными. Церковь, благодаря помѣщенію ея, имѣла характеръ какъ бы домовою, не всегда и всѣмъ доступной, и была небольшою, численность же русскихъ войскъ въ Варшавѣ, по сформированіи всѣхъ частей, простиралась до 7.000 человекъ. Въ 1823 году была учреждена еще Лагерная церковь, во имя Спиридонія, епископа Тримифійскаго. Не принадлежа полкамъ, обѣ онѣ

¹⁾ Архивъ нов. д. Канцел. Варш. ген.-губ., № 547. О видѣ и состояніи церкви важны также документы Архива Варш. прав. дух. консисторіи, по Архиву № 8, по отдѣлу Варшавскаго духовнаго правленія № 5; о составѣ прихожанъ и исправлявшихъ въ ней требы всего точнѣе можно судить по метрикамъ, сохраняющимся, съ пропусками, съ 1790 г., въ Архивѣ церкви; большая часть метрическихъ записей до времени подчиненія церкви Св. Синоду велась на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ; русскими священниками за 1814—1817 гг. онѣ писались обыкновенно на одномъ русскомъ. О дальнѣйшемъ см. Лотоцкаго, 149 и слѣд.; Корженевскаго, 237 слѣд.; Устимовича, Варшавскій Православный кафедральный Свято-Троицкій Соборъ. Варшава, 1887. Церковь и въ настоящую пору легко не замѣтить съ улицы: когда отворены ворота дома, видна только небольшая часть ея; а если они затворены, то ее совсѣмъ не видно. Однако на существованіе тамъ церкви указываетъ недавно сдѣланный надъ воротами навѣсъ съ церковными изображеніями.

²⁾ Макаровъ, Воспоминанія, IV; Лотоцкій, 183—185. Впервые русскій законоучитель былъ опредѣленъ по распоряженію уже гр. Паскевича, въ 1834 году, священникъ Подвальной церкви. — Сначала не считалось какъ бы надобнымъ даже русскихъ учениковъ обучать русскому языку. Тотъ же Макаровъ писалъ о себѣ: „При выходѣ изъ училища я превосходно зналъ польскій языкъ, но за то до того отвыкъ отъ своего роднаго языка, что дѣлалъ большія ошибки, говоря порусски, и постоянно употреблялъ полонизмы“.

считались церквами—одна Походною, другая Лагерною русскаго гвардейскаго отряда въ царствѣ ¹⁾).

Своего особаго кладбища не имѣлось; оно было общее съ лютеранами, гдѣ хоронились „россійскіе подданные всякаго состоянія греко-россійскаго исповѣданія“ ²⁾).

Вся несоотвѣтственность церковнаго положенія русскихъ почувствовалась властями въ первый же приѣздъ (въ маѣ 1829 г.) Николая Павловича ³⁾ въ Варшаву, на коронацію... Государь „положилъ твердую свою мысль соорудить въ Варшавѣ приличный соборный храм“. По его отъѣздѣ немедля начались поиски мѣста и денежныхъ средствъ на постройку собора ⁴⁾; возобновился и заглохшій было вопросъ о перестройкѣ Походной церкви въ Замкѣ въ постоянную Придворную. Работу, останов-

¹⁾ Объ этихъ церквахъ—выше, стр. 290, прим. 1. Утварь и ризницы были доставлены въ нихъ гл. обр. изъ Придворной конторы Высочайшаго двора.

²⁾ Архивъ н. д. при Канцел. варш. ген.-губ., по описи № 798, л. 85: „Вѣдомость о церквахъ греческаго исповѣданія въ царствѣ Польскомъ, 1827 г.“. Въ числѣ погребенныхъ тамъ покоятся настоятель Свято-Троицкой церкви Михай Пигулевскій и нѣкоторые офицеры изъ убитыхъ при штурмѣ Варшавы въ 1831 г.

³⁾ *Gazeta Warszawska*, 1829, та; Жуковскаго, Собраніе сочиненій, изд. 6, т. VI, стр. 319—321: Отрывокъ письма изъ Варшавы отъ 13-го мая 1829 г. о коронаваніи гос. имп. Николая Павловича; Рус. Старина, VII, 448—455; Сидорова, Русскіе государи въ Варшавѣ. Варшава, 1897.

⁴⁾ Министръ статсъ-секретарь гр. Грабовскій сообщилъ (17/29 мая 1829 г.) Совѣту управленія высочайшую волю: „Его императорское и царское величество, узнавъ о числѣ народонаселенія греко-россійскаго исповѣданія въ здѣшнемъ городѣ, которое постепенно увеличивается и уже очень значительно, чтобы могло обойтись безъ новой церкви, пожелалъ, чтобы таковая возможно скорѣе была выстроена на соотвѣтственномъ мѣстѣ. Планъ и смѣта для нея должны быть составлены безотлагательно и вмѣстѣ съ заключеніемъ о мѣстности, на которой имѣеть быть она построена, представлены на высочайшее усмотрѣніе; министры духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и финансовъ снесутся между собою о покрытіи расходовъ, требующихся на постройку“. Планъ, составленный мѣстнымъ архитекторомъ, государь не одобрилъ, обѣщавъ прислать другой, изъ С.-Петербурга. Ни на одномъ изъ мѣстъ для храма, указываемыхъ Пр. Комиссіей духовныхъ дѣлъ и муниципальнымъ управленіемъ, великій князь не остановился; онъ избралъ костелъ съ двумя домами по бернардинкахъ (ипот. №№ 365 и 366, на Краковскомъ предмѣстьѣ, близъ Замка), занятыми консерваторіей. Сумма на покупку недвижимости и на стройку была казною ассигнована почти въ 600000 пол. злотыхъ (черезъ Польскій банкъ 520000 зл. въ облигационныхъ 6% листахъ съ купонами и 4550 зл. 10 гр. наличными); дома были уже куплены. — Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи варш. ген.-губ.: III, 8 А, № 3574: „O budowie cerkwi wyznania grecko-rosyjskiego w Warszawie“; Архивъ н. д. при Канцеляріи ген.-губ., по описи № 3, по входящему журналу № 112.

ленную Александромъ I весной 1816 г. и послѣ того не возобновлявшуюся, теперь вѣрно было безотлагательно выполнить, какъ и прежде, „на счетъ суммъ царства“¹⁾. Послѣдовавшее затѣмъ „бурное время“ прервало выполнение дѣла, но не надолго.

Постоянныя русскія церкви стали возникать въ Варшавѣ именно послѣ пережитыхъ печальныхъ событій, побудившихъ общеимперскую русскую власть не освобождать себя отъ управленія западными окраинами государства. Походная и Лагерная церкви, оказавшіяся въ пренебреженіи, причѣмъ вторая изъ нихъ, по распоряженію мятежническаго правительства, лежала сложенной въ мебельномъ дворцовомъ амбарѣ, съ возвращеніемъ русской власти были превращены въ Постоянныя — первая въ томъ же б. Королевскомъ замкѣ, вторая — съ перенесеніемъ ея въ Александровскую цитадель; нѣкоторые изъ образовъ и часть утвари второй церкви послужили къ учрежденію храма въ Уяздовскомъ госпиталѣ. Подъ Соборную церковь перестроенъ костелъ бывшаго піарскаго монастыря (за переводомъ піаровъ въ поіезуитскій монастырь и съ приплатой имъ болѣе 53.575 руб.); Свято-Троицкая Подвальная церковь улучшена, на средства, опредѣленныя государемъ. Учреждено особое кладбище, въ бывшемъ варшавскомъ укрѣпленіи на Волѣ, и приступлено къ устройству тамъ церкви, изъ бывшаго костела, съ надписями въ ней именъ воиновъ, павшихъ въ дни штурма варшавскихъ укрѣпленій... Все это произошло въ 30-хъ годахъ, когда прибылъ (1834 г.) въ Варшаву и православный епископъ, Антоній; съ учрежденіемъ епископіи, возведенной затѣмъ въ архіепископію, церковно-религіозная жизнь русскаго населенія въ Варшавѣ и царствѣ стала постепенно устраиваться на общихъ съ имперією основаніяхъ. Въ настоящую пору сооружается зданіе новаго собора, соотвѣтствующее своему назначенію; къ бывшей Греческой церкви принадлежитъ обширный приходъ; на Вольскомъ кладбищѣ двѣ церкви — прежняя, неотопливаемая, и новая, теплая, недавно выстроенная на личныя средства архіепископомъ

¹⁾ Архивъ нов. д. при Канцел. Варш. г.-губ., по описи № 54, кн. № 528, и Приложенія, 1, №№ 44—46. Повелѣніе и утвержденные планы и профили получились въ Варшавѣ „за три дня до произшедшаго въ ней мятежа“.

Геронимомъ († 1905 г.; родомъ изъ владиміро-суздальской земли), посему подъ ней и погребеннымъ; иконостасъ, бывшій въ походныхъ церквахъ Суворова и Александра и потомъ въ церкви Замковой, теперь въ церкви обширной школы для русскаго военнаго юношества. Количество всѣхъ православныхъ церквей въ Варшавѣ — приходскихъ, полковыхъ, штабныхъ и домовыхъ — теперь уже превзошло не только число годовъ царствованія Александра I-го, но и число лѣтъ государстванія Николая I-го. Что возникало и находится на бывшей подоминиканской площади, увидимъ впоследствии.

XIV ГЛАВА.

Распределение движимаго имущества и денежных суммъ и погашение долговъ, остававшихся послѣ общины доминиканъ обсервантовъ *).

Затруднительность ликвидаціи.—Претензіи доминиканъ на Новомъ Мѣстѣ и Рожанцоваго братства.—Распределение подоминиканскаго имущества по костеламъ и на содержаніе католическаго духовенства.—Послѣднее извѣстіе объ иконѣ Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной или Рожанцовой и судьба Рожанцоваго Братства.—Покрытіе долговыхъ обязательствъ обсервантовъ частнымъ лицамъ и казеннымъ и городскимъ учрежденіямъ.—Общій результатъ.

Одновременно съ распоряженіями о зданіяхъ и ихъ мѣстѣ шло окончательное распределение подоминиканскаго движимаго имущества и суммъ, съ погашеніемъ разныхъ казенныхъ и частныхъ долговъ; ликвидація эта длилась и позднѣе, когда уже не было зданій.

Если были наслѣдники и просители относительно недвижимаго имущества доминиканъ обсервантовъ, то объявилось ихъ еще болѣе относительно имѣнія движимаго и фондовъ. Здѣсь встрѣтились непримиримые интересы епархіальной власти и разныхъ общинъ; а безнадежная неоплатность должниковъ монастырю и обязательства, лежавшія на оставшемся имуществѣ, дѣлали невозможнымъ должное удовлетвореніе запутанныхъ и запущенныхъ денежныхъ расчетовъ.

*) Относящіяся сюда документы означены въ началѣ двухъ предыдущихъ главъ; изъ нихъ наиболѣе важны: Acta Dominikanów obserwantów, I—II, „Względem kościoła i zabudowań po xx. Dominikanach obserwantach w Warszawie pozostałego“ и Acta tyczące się funduszów xx. Dominikanów obserwantów w Warszawie, а также въ Архивѣ старыхъ дѣлъ при Варшав. Казенной палатѣ, № 2538: Acta tyczące się mająt. i fund. ka. Dominikanów w Warszawie.

Городское управленіе не было еще увѣдомлено объ указѣ, назначавшемъ костель съ частью монастырскихъ строеній въ „церковное пользованіе“ русскихъ, какъ пріоръ варшавскихъ доминиканъ на Новомъ Мѣстѣ, кс. Доминикъ Пржевлочкій, отъ лица членовъ своей общины, обратился (9/21 авг. 1816 г.) къ епископу Воловичу: „Ходятъ слухи по городу, что костель послѣ доминиканъ обсервантовъ будетъ взятъ для введенія въ немъ богослуженія по греческому обряду“. Доминикане поэтому просятъ: перевести, съ разрѣшенія правительства, въ ихъ монастырь весь капиталъ этихъ ксендзовъ; слить въ одно съ ихъ братствомъ Рожанцовое братство, со всѣмъ его имуществомъ; перенести къ нимъ оставшуюся бібліотеку; возвратить имъ облаченія, взятые у нихъ въ монастырь обсервантовъ; отдать имъ образъ Божіей Матери изъ главнаго алтаря и выплатить имъ 258 зл. 29 грошей за службу ихъ 2-хъ ксендзовъ въ костелѣ съ 24 янв. до 25 мая н. ст., въ мѣсяцы самыя ненастные, и т. п. Просьба подкрѣплялась ими ссылкой на то, что они съ обсервантами братья одного ордена, и что потому должны слиться, какъ сливались прежде другіе доминиканскіе монастыри, въ случаѣ закрытія одного изъ нихъ. Недолго спустя, они спѣшили (15/27 авг.) съ дополнительной просьбой, чтобы имъ, какъ „сыновьямъ одного отца, св. Доминика“, съ 1668 г. для костела обсервантовъ несшимъ разныя обязанности и оказывавшимъ разныя услуги, отдали пока, хотя бы на время и въ качествѣ депозита, нѣкоторые образа и вещи изъ костела и ризницы.

Прежде, года два тому назадъ, когда впервые обнаружилась матеріальная безнадежность монастыря обсервантовъ и когда епархіальная власть предлагала доминиканамъ присоединить его къ ихъ монастырю на Новомъ Мѣстѣ, они не согласились на объединеніе; теперь же, когда можно было толковать объ однихъ денежныхъ суммахъ и движимомъ имуществѣ, безъ обязательства поддерживать монастырскія зданія, доминикане сами искали наслѣдства, охотно напоминая, что они съ прежними его владѣльцами дѣти одного отца и братья одного ордена. Неудивительно, что эти просьбы оставались епархіальною властью безъ отвѣта.

Движимое имущество уже распределялось и выносилось. Свое имущество и свои суммы немедленно взяло съ собой Рожанцовое братство, перешедшее въ Варшавскій костелъ дѣвиць визитокъ, на Краковскомъ предмѣстьѣ; туда, съ разрѣшенія намѣстника, оно торжественно перенесло потомъ (въ концѣ сент.) и икону Рожанцовой Божіей Матери, находившейся въ главномъ олтарѣ доминиканскаго костела. Лучшія облаченія намѣстникъ велѣлъ (22 авг./3 сент.) забрать главному войсковому капеллану, для раздачи ксендзамъ, служащимъ при войскахъ. Вскорѣ было все убрано изъ костела и ризницы и временно сложено въ складѣ кафедральнаго собора св. Яна. Библіотека предназначалась въ мѣстную духовную семинарію; имущество, сложенное въ кафедральномъ складѣ, т. е. облаченія, утварь и проч., епископъ предполагалъ раздѣлить по бѣднымъ костеламъ. Деньги же Воловичъ желалъ бы употребить на содержаніе неимущихъ и престарѣлыхъ ксендзовъ. Суммы костела—писалъ (11/23 окт.) онъ ¹⁾ Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, на запросъ (5/17 сент.) ея къ нему о движимомъ имуществѣ и суммахъ подоминиканскихъ — суммы состоятъ изъ капиталовъ, помѣщенныхъ у разныхъ лицъ, по частямъ, подъ проценты, и изъ платы за лавочки и квартиры при костелѣ. Проценты собираются нелегко, потому что должники не хотятъ платить ихъ назначенному имъ администратору. Капиталы простираются до 70-ти съ чѣмъ-то тысячъ, какъ можно заключить изъ найденныхъ при костелѣ бумагъ, въ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ правильнаго порядка; съ процентами соединена у монастыря обязанность отслуживать обѣдни, коихъ слишкомъ 700, и уплачивать подати. Комиссія мазовецкаго воеводства до сихъ поръ не принимаетъ въ свое вѣдѣніе костела и части строеній; неизвѣстно, что останется изъ нихъ и какой доходъ будетъ получаться изъ оставшагося. Всего желательнѣе было бы, чтобы всѣ фонды костела находились, хотя бы временно, подъ строгой администраціей варшавской консисторіи, и чтобы доходъ съ нихъ употребленъ былъ на ксендзовъ, неимѣющихъ чѣмъ содержаться. Такихъ ксендзовъ часто

¹⁾ Приложенія, кн. 1, № 35. Ср. выше стран. 298—299.

много бываетъ въ епархіи, и особенно въ Варшавѣ; они обыкновенно поведенія неодобрительнаго, и ихъ можно бы размѣщать въ монастыри подъ строгій надзоръ, гдѣ они отслуживали бы обѣдни, слѣдуемая за проценты съ фондовъ, а монастырямъ платила бы за ихъ содержаніе консисторія. Это была бы самая цѣлесообразная мѣра для исправленія ксендзовъ, не исполняющихъ своихъ обязанностей и лишенныхъ, по правиламъ церкви, возможности измѣнить свое званіе. Остатокъ отъ доходовъ, еслибъ оказался онъ, можно было бы употреблять на пособіе ксендзамъ-старикамъ и эмеритамъ, живущимъ въ бѣдности.

Мнѣніе епископа было принято Комиссіей: она поручила (14/26 окт.) ему представить ей къ утвержденію распредѣленіе подоминиканскихъ суммъ и движимости, согласное съ этими его соображеніями. Администрацію надъ фондами епископъ временно поручилъ извѣстному кс. Кляту, теперь уже викарію соборнаго костела, съ тѣмъ, чтобы собираемые имъ проценты онъ доставлялъ въ консисторію, откуда должна производиться плата бѣднымъ ксендзамъ за отслуживаемыя ими обѣдни.

Несмотря на то, доминикане не теряли надежды на полученіе денежныхъ суммъ и церковной утвари и ризницы. Потерпѣвъ предъ тѣмъ неудачу у епархіальной власти, пріоръ Пржевлецкій перенесъ поиски въ Комиссію духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которая, естественно, пожелала (14/26 нояб.) теперь узнать мнѣніе епископа. Оно опять оказалось не въ пользу просителей. Воловичъ разъяснялъ (28 нояб./10 дек.): Община доминиканъ обсервантовъ — упавшая сама собою; по приѣмѣ управленія епархіей онъ, стараясь устранить безпорядки при оставшемся костелѣ, между прочимъ, поручилъ было (1/13 января текущаго года) кс. Пржевлецкому администрацію надъ нимъ, какъ этотъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отказался (4 апр. н. с.) отъ нея. Монашескія общества, разнящіяся своими уставами хотя бы не во многомъ, одни послѣ другихъ не наследники. При закрытіи монастырей члены братіи переходятъ въ другой монастырь, и монастырскія суммы присоединяются къ нимъ; совсѣмъ иное дѣло, если монастырь упраздняется самъ собою и отъ него не остается ни одного монаха. Въ виду этого, епископъ повто-

рилъ свое прежнее представленіе (отъ 11/23 окт.): ризницу роздать по бѣднымъ костеламъ; суммы, для прекращенія напраснаго тасканія ксендзовъ по Варшавѣ, употребить на содержаніе нуждающихся изъ духовенства.

Не успѣла епархіальная власть вполнѣ отдѣлаться отъ притязаній доминиканъ, какъ сталъ осаждать ее другой наслѣдникъ, предъявившій свои притязанія на „возвращеніе“ ему костела со всѣмъ его имуществомъ. Мы уже знаемъ, какія доказательства приводило въ подкрѣпленіе своихъ поисковъ Рожанцовое братство и какъ опровергалъ законность этихъ претензій тотъ же Воловичъ ¹⁾. Когда епископъ изложилъ (29 іюня/11 іюля 1817 года) Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія свое мнѣніе по данному предмету, то сеніоръ Доминикъ Вербушъ вмѣстѣ съ семью членами братства отвѣтилъ ему язвительнымъ письмомъ. Адресовавъ его просто „ксендзу-администратору варшавской епархіи“, они писали въ немъ: „Ваше высокопреподобіе увѣрены уже, что Рожанцовое братство хотя немного, но причастно возведенію костела, при коемъ оно существовало: вы сами изволили даже сказать это, въ своемъ объясненіи, представленномъ вами Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Будьте, ваше высокопреподобіе, вполнѣ убѣждены и теперь, что архибратство сіе участвовало не въ одной постройкѣ костела, но и въ обзаведеніи его находящимися въ немъ украшеніями. Еще и доселѣ живы лица, которыя засвидѣтельствуютъ это. Своими вкладами оно помогло устроить чугунный амвонъ, входы и двери въ капищѣ Распятія Іисуса Христа, помогло въ приобрѣтеніи органовъ, купило двѣ чаши и двѣ потыни (т. е. по два потира и дискоса), имѣющіяся еще и теперь. И хотя эти и другія принадлежности костела, обзаведенныя сообщами, не значатся въ инвентарныхъ описяхъ братства, но это потому, что при отдачѣ ихъ ксендзамъ доминиканамъ обсервантамъ никому не приходило и въ голову, чтобы могло случиться то, что случилось нынѣ, т. е. чтобы произошло отдѣленіе Рожанцоваго архибратства отъ кс. доминиканъ обсервантовъ. Посему мы имѣ-

¹⁾ См. выше, стр. 300—301.

емъ честь просить избавить братство отъ потерь и соблагово-
лите распорядиться о возвращеніи намъ органа, одной чаши и
потыни“. Язвительностію тона прикрывалось чувство неудачи:
начавъ съ требованій себѣ костела со всѣмъ его имуществомъ,
братство сводило теперь свои претензіи на полученіе лишь нѣ-
сколькихъ церковныхъ вещей, и Воловичъ отмѣтилъ на полѣ бу-
маги: „Прошеніе это безъ числа, на счетъ чаши, потыни и ор-
гана; могу на него лишь отвѣтить, что со всѣми вещами послѣ
варшавскихъ доминиканъ обсервантовъ поступлено уже по выс-
шему распоряженію“.

„Высшее распоряженіе“ это вышло изъ Комиссіи духов-
ныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которая разрѣшила теперь
(28 авг./9 сент. 1817 г.) епископу подоминиканскія облаченія и
прочія вещи раздать по костеламъ, какъ просилъ и проектиро-
валъ онъ предъ тѣмъ, и поручила ему, впредь до общаго устрой-
ства всѣхъ церковныхъ суммъ, опредѣлить надъ подоминикан-
скими фондами администратора постоянного.

Денежныхъ суммъ и вещей самого братства это не каса-
лось. Перейдя къ костелу дѣвицъ визитокъ, оно, какъ и при об-
сервантахъ, завѣдывало своими фондами и доходами само и из-
брало себѣ промотора, на этотъ разъ одного изъ ксендзовъ общины
миссіонеровъ. Здѣсь оно соединилось (1817 г.) съ братствомъ
сердца Іисусова и пѣло свой Рожанецъ по воскресеньямъ послѣ
полудня. Пѣнія продолжались менѣе года, какъ визитки предло-
жили братству выдти отъ нихъ. Съ устройствомъ его епархіаль-
ная власть предлагала (въ февр. 1818 г.) министру гр. Потоц-
кому отложить до общаго устройства всѣхъ варшавскихъ
братствъ, и оно перебралось въ сосѣдній костелъ св. Іосифа Об-
ручника, кармелитскій. Члены братства сердца Іисусова не вы-
давали ему однако ни имущества, ни даже образа Рожанцовой
Божіей Матери. Завязалась тяжба. По рѣшенію епархіальной
власти икона была, наконецъ, перенесена (1826 г.) въ кармелит-
скій костелъ ¹⁾. О ней теперь сообщалось, что она была приве-

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 128—129 (изъ Архива Рожанцоваго братства). Ср.
Acta Dom.-obserw. I, 73.

зена Собѣскимъ изъ вѣнскаго похода ¹⁾—разсказъ, не сходный съ другими болѣе ранними, уже извѣстными намъ ²⁾, преданіями о происхожденіи ея. Она оказалась затѣмъ очень обветшавшей, непрочной. „Образъ Божіей Матери Рожанцовой истлѣлъ отъ ветхости, а потому, если бы когда-нибудь потребовалось поправить этотъ образъ, пусть братья и сестры помнятъ, чтобы обходиться съ нимъ съ величайшей осторожностью“—таково послѣднее документальное упоминаніе о данной иконѣ ³⁾. При костелѣ Іосифа (такъ называемомъ теперь, покармелитскомъ) братство существуетъ до сихъ поръ ⁴⁾.

Пользуясь распоряженіемъ Комиссіи духовныхъ дѣлъ, епископъ Воловичъ постояннымъ администраторомъ надъ подоминиканскими фондами утвердилъ и прежде вѣдавшаго ими кс. Клята. Церковнымъ же вещамъ была, прежде всего, произведена новая опись (26 сент./8 окт. 1817 г.). Изъ оказавшагося въ наличности, серебро и лучшія облаченія епископъ подарилъ своему кафедральному собору; сюда хотѣлъ было присоединить и облаченія, отобранныя, съ разрѣшенія намѣстника, для военныхъ капеллановъ, подъ предлогомъ, что для послѣднихъ заказаны облаченія новыя. Остальное онъ роздалъ или предположилъ къ раздачѣ въ приходскіе костелы, въ три-четыре варшавскихъ (на Прагѣ, Волѣ, реформатскій на Сенаторской) и въ нѣсколько сельскихъ (Ясеницахъ и Содковицахъ), не считая тѣхъ крестовъ, иконъ и облаченій, которыя были ранѣе выпрошены Благотворительнымъ человеколюбивымъ обществомъ въ часовню на Гржибовой Волѣ, начальникомъ штаба для Гвардейскаго костела за Новымъ Мѣстомъ, прихожанами костеловъ въ Прушинѣ и Пя-

¹⁾ Архивъ братства, книга безъ нумераціи.

²⁾ Выше, стр. 234 и 240.

³⁾ Приложенія, 1, № 129 (изъ Архива Рож. братства). Упоминаніе это написано въ концѣ 1860-хъ годовъ.

⁴⁾ На пѣніе Рожанца, заунывно-монотонное, нынѣ собирается въ покармелитскій костелъ обыкновенно человекъ 20—30 обоюго пола, простолюдныя. Имѣющійся въ костелѣ образъ Рожанцовой Божіей Матери не сходенъ съ изображеніемъ на бывшей церковной печати доминиканъ обсервантовъ (см. выше, 243 стр. и Приложенія, 1, рис. № 10), на видъ не изъ древнихъ, безъ символическихъ изображеній военныхъ предметовъ и безъ всякихъ дорогихъ украшеній. О происхожденіи этого образа мнѣ никто въ костелѣ не могъ дать какихъ-либо опредѣленныхъ сообщеній.

сечно; нѣсколько предметовъ было выдано (въ авг. 1818 г.) Рожанцовому братству, на его новую, болѣе деликатную, чѣмъ прежде, просьбу.

Администраціи Клята не посчастливилось. При разсмотрѣніи перваго же консисторскаго отчета (за 1817 г.) объ комиссіи — и духовныхъ дѣлъ, и мазовецкаго воеводства — остались недовольны. Мазовецкая, на примѣръ, комиссія недоумѣвала, почему имѣются квитанціи квартирантамъ отъ Клята, за время, когда подоминиканскій домъ находился подъ ея управленіемъ; почему иные проценты онъ взыскивалъ, и притомъ чрезъ экзекуцію, или въ бѣльшихъ размѣрахъ или же уплаченные; почему нѣкоторымъ должникамъ выдавалъ въ пріемъ отъ нихъ платы лишь свои частныя квитанціи, а получаемые проценты отъ иныхъ совсѣмъ не записывалъ на приходъ, и проч. Когда Воловичъ былъ переведенъ на калишскую епархію и его замѣнилъ другой епископъ, Головчицъ, то за управленіе Клятомъ обнаружались и прямыя денежныя недочеты. Явились также должники, совсѣмъ отказывавшіеся отъ уплаты долга: таковы, на примѣръ, были Станишевскіе, не желавшіе вносить процентовъ съ 6000 злотыхъ, значащихся за ними; подобныхъ должниковъ объявилось особенно много послѣ разрушенія костела и монастыря, и духовная власть сама по себѣ тутъ болшею частію ничего не могла добиться ни отъ епархіальной власти, ни отъ Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Всѣхъ суммъ, по бумагамъ, по ипотекамъ на имѣніяхъ и домахъ, насчитывали (въ маѣ 1818 г.) до 76.478 злотыхъ, а обѣденъ, за отслуживаніе которыхъ слѣдовало платить, оказалось 871. Это число обѣденъ Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія установила (21 мая/2 іюня) на будущее время, какъ норму для платы за отслуживаемыя обѣдни, въ 1742 злотыхъ, съ ассигнованіемъ ихъ консисторіи изъ средствъ, собираемыхъ Комиссіей мазовецкаго воеводства. Но въ послѣдствіи самой Комиссіи духовныхъ дѣлъ, снова принявшей фонды въ свое вѣдѣніе, пришлось, частію успѣшно, а чаще безъ пользы, непосредственно прилагать усилія, чтобы воротить или поправить подоминиканскія суммы.

Дѣло осложнилось долговыми взысканіями къ самому подоминиканскому наслѣдію, со стороны частныхъ лицъ и разныхъ казенныхъ и городскихъ учрежденій. Претензіи эти, представляемыя послѣ смерти Даниковскаго, не прерывались не только, когда костель и монастырь еще стояли, но и по снесеніи всѣхъ подоминиканскихъ зданій.

Съ исками частныхъ долговъ еще легче было справиться, или, точнѣе говоря, расправиться.

Докторъ хирургъ Іосифъ Левицкій просилъ (въ авг. 1816 г.) администрацію монастыря выплатить ему 70 червонцевъ, за навѣщанія и лѣченіе монаховъ съ 1807 по 1812 годъ. Долго не утомонялся также дворникъ, просившій объ уплатѣ ему жалованья, зажитаго имъ. Комиссію мазовецкаго воеводства, когда ей было предложено завѣдываніе фондами, осадилъ одинъ за другимъ купцы, торговцы и мастера: тотъ хотѣлъ получить за вино, взятое Даниковскимъ на костель въ 1815 году и въ январѣ 1816 года; другой представлялъ счеты за 98 бочекъ пива, выпитаго монастыремъ съ 1807 по 1811 годъ; третій требовалъ уплаты за гвозди, доставленные имъ Даниковскому на починку костела; четвертый жаловался, что не оплачены ему столярныя работы, и т. д. Воеводская комиссія сносилась съ Комиссіей духовныхъ дѣлъ, епархіальною властью и прокураторіей, пока послѣдняя не присудила (1819 г.) всѣмъ этимъ просителямъ въ ихъ искахъ, какъ несвоевременныхъ и въ большинствѣ безъ должныхъ документовъ, отказывать; счетъ виноторговца въ 366 злотыхъ за вино въ январѣ 1816 г. возбудилъ вопросъ, можно ли было въ одинъ мѣсяць издержать на потребности костела столько вина. Претензіи Валежинскаго, за свои стройки при Даниковскомъ имѣвшаго, по контракту, право жить до 1820 года даромъ въ доминиканскомъ домѣ по ул. Александріи, неоднократно восходили на разсмотрѣніе и рѣшеніе намѣстника царства; не надѣясь получить деньги, Валежинскій добивался, чтобы вознаградили его хотя бы матеріалами отъ разобранныхъ зданій, и опять напрасно: матеріалы получили уже иное назначеніе.

Трудиѣе было очищать счеты по казеннымъ и городскимъ обязательствамъ, потому что заинтересованныя учреж-

денія прибігали къ секвестрамъ, нерѣдко ставившимъ администрацію надъ подоминиканскимъ имуществомъ въ весьма неудобное положеніе. Такъ, Комиссія мазовецкаго воеводства, еще не принимая доминиканскихъ зданій, велѣла (въ ноябрѣ 1816 г.) квартирантамъ, „въ виду предстоящаго предназначенія монастыря правительствомъ на другія цѣли“, удержаться пока съ уплатою монастырю слѣдуемыхъ съ нихъ квартирныхъ денегъ. Ссылаясь на это запрещеніе, ксендзь Кляту ходатайствовалъ у президента муниципальнаго управленія о пріостановкѣ взысканія городскихъ податей, до устройства дѣлъ монастыря; но президентъ приказалъ положить секвестръ на доходы съ подоминиканскаго дома на ул. Александрии, подъ № 2767, и часть податей пришлось Кляту внести по неволѣ. Подобное повторялось и съ самой Воеводской комиссіей, когда она вступила въ управленіе зданіями. По снесеніи зданій исполнительныя мѣры не могли болѣе примѣняться, и президентъ города просилъ (въ мартѣ 1819 года) Правительственную Комиссію финансовъ и казначейства или указать дѣйствительный источникъ для покрытія недоимокъ по городскимъ податямъ, или же сложить недоимки со счетовъ. Финансовая комиссія указала (27 марта/8 апрѣля) ему недоимки по податямъ до 1818 года взыскать съ монастырскаго имущества и снестись съ Комиссіей духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Отношенія за отношеніями циркулировали изъ одной комиссіи въ другую и въ муниципальное управленіе. Сложились со счетовъ подати, слѣдовавшія послѣ разборки зданій; прилагались разныя мѣры о долгахъ болѣе раннихъ. Комиссія мазовецкаго воеводства удостовѣряла, что недоимки офяры и подымной подати съ 1807 года до разборки зданій не сокращаются далѣе 5200 злотыхъ 5⁵/₆ грошей. Прав. Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обратилась (въ іюнѣ 1819 г.) къ намѣстнику съ просьбой о снесеніи этихъ недоимокъ, „такъ какъ подати не были уплачены еще съ военнаго времени, а зданія, уже несуществующія, съ которыхъ слѣдуетъ эта подать, большею частью были занимаемы въ пользу войска“; она присоединила и проектъ намѣстническаго постановленія о такомъ снесеніи долга, со всѣхъ подоминиканскихъ недвижимостей (подъ №№ 1320, 1321

и 2767). Проектъ получилъ утвержденіе, вышелъ въ видѣ постановленія (17/29 февр. 1820 г.), хотя Прав. Комиссія финансовъ и возражала, что податныя недоимки до снесенія зданій, т. е. до 1818 года, должны быть удовлетворены изъ фондовъ, принадлежавшихъ доминиканамъ обсервантамъ, или же изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи матеріаловъ.

Какъ бы то ни было, къ лѣту 1820 года все прежнее мѣсто Московской каплицы, на которомъ до того стояла она и которое принадлежало ей по дарамъ королей, представляло изъ себя порожнюю площадь, замощенную камнемъ, обнесенную заборомъ и свободную отъ долговыхъ обязательствъ.

Надолго ли, однако?

При мощеніи намѣчалось мѣсто для постройки дома; на обнесеніе заборомъ отпускались городскія деньги подъ условіемъ уплаты ихъ будущимъ владѣльцемъ площади.

Кто же этотъ новый собственникъ историческаго мѣста и строитель новаго на немъ зданія? И что за зданіе имѣлось въ виду устроить тутъ?

Матеріалы отъ разрушенныхъ доминиканскихъ зданій сначала отданы были цѣлостію въ распоряженіе Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, гдѣ министромъ-предсѣдательствующимъ служилъ гр. Потоцкій, а самымъ дѣятельнымъ членомъ былъ Сташиць; она же усерднѣе всѣхъ хлопотала о снесеніи съ подоминиканской недвижимости всякихъ долговъ и податей. Сташиць былъ также предсѣдателемъ Варшавскаго Общества любителей наукъ, а Потоцкій виднымъ тутъ членомъ.

Здѣсь и слѣдуетъ искать новыхъ владѣльцевъ мѣста и строителей на немъ новаго зданія.

XV ГЛАВА.

Передача подоминиканской площади Варшавскому Обществу любителей наукъ для устройства на ней дома *).

Представленіе вопроса въ литературѣ. — Взглядъ Варшавскаго муниципальнаго управленія на свое отношеніе къ подоминиканской площади и старанія отдать ее въ вѣчную аренду подъ условіемъ постройки на ней красиваго дома. — Явившіеся частные предприниматели. — Отдача площади правительствомъ Варшавскому Обществу любителей наукъ и закрѣпленіе ея за нимъ.

О судьбѣ варшавскихъ доминиканскихъ зданій, ведшихъ свое начало отъ усыпальницы царя Василя Шуйскаго или Московской каплицы, и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ мѣста читаемъ, въ современной намъ литературѣ: „Монастырскія развалины вмѣстѣ съ мѣстностью куплены были извѣстнымъ Сташицемъ, который построилъ домъ и подарилъ его вѣдомству на-

*) Архивъ Варшавскаго городского магистрата: отл. 14, № 22: Acta Muni-
cipalności, tyczące się nabycia placu podominikańskiego, niemniej zabudowania ta-
kowego. 1819 r.; поземельныя и строительныя дѣла недвижимостей № 1819/20/21;
Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора: Acta
Rady Administracyjnej: III, 8 A, № 143: Względem kościoła i zabudowań po xx.
Dominikanach obserwantach w Warszawie pozostałego; III, 9, № 4150: O zabez-
pieczeniu bytu i swobód Towarzystwu Królewsko-Warszawsk. przyjaciół nauk; Pro-
tokóły posiedzeń Rady Administracyjnej królestwa Polskiego, 1819—1820; Różne
prządzenia (Постановленія намѣстника по разнымъ дѣламъ), за тѣ же годы; Ар-
хивъ новыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора, Намѣстни-
ческія дѣла, по сл. №№ 23 и 61; Архивъ Варшавской Казенной палаты, опись № 2956,
№ 28: Acta tyczące się funduszów xx. Dominikanów obserwantów w Warszawie, I;
Ипотечный Архивъ Варшавскаго Окружнаго суда, книга недвижимости № 1320/1;
собраніе документовъ В. В. Коротынскаго. Соответственныя извлеченія въ При-
ложеніяхъ.

роднаго просвѣщенія и въ частности Обществу любителей наукъ¹⁾. Домъ этотъ, принадлежащій нынѣ I Мужской гимназій, потому называютъ обыкновенно домомъ или дворцомъ Сташица („pałac Staszica“).

Дѣйствительная же исторія всего этого, какъ показываютъ архивные документы, была значительно иная.

Мы видѣли уже, какъ было поступлено съ подоминиканскимъ имуществомъ. Несмотря на то, что площадь, постановленіемъ (4/16 авг. 1817 года) намѣстника, была опредѣлена въ пользу эдукаціоннаго фонда, муниципальное управленіе полагало, что она, какъ очищенная отъ костельно-монастырскихъ строеній съ цѣлію „украшенія города“, представляетъ уже такую недвижимость, заботы о которой подлежатъ его вѣдѣнію²⁾, и оно задумало сдать ее въ вѣчную аренду, подъ условіемъ, чтобы новымъ владѣльцемъ были выстроены тамъ красивыя зданія; такую точку зрѣнія на дѣло принялъ и намѣстникъ. Этимъ пожелали воспользоваться ближайшіе сосѣди подоминиканской площади.

Изъ сосѣднихъ владѣній одно было по улицѣ Александріи, другое по Новому Свѣту. Первая недвижимость, значившаяся подъ ипотечнымъ № 2768-мъ, принадлежала Лукѣ Зентецкому, пріобрѣтшему ее отъ наслѣдниковъ Томы Длускаго; другая сосѣдняя недвижимость, по Новому Свѣту, подъ ипотечными №№ 1319 и 1318-мъ, продолжала принадлежать общинѣ ксендзовъ миссіонеровъ костела св. Креста³⁾. Узнавъ о намѣреніяхъ муниципальнаго управленія, Зентецкій не замедлилъ съ предложеніемъ (16 февр. н. с. 1819 г.) къ нему; въ случаѣ согласія управленія на передачу ему площади въ вѣчную аренду для постройки ея красивыми зданіями, онъ просилъ тотчасъ увѣдомить его,

¹⁾ О покункѣ „развалинъ“, или „зданій“, „стѣнъ“ (murów) подоминиканскихъ монастыря и костела Сташицемъ и о дарѣ имъ выстроеннаго на ихъ мѣстѣ „своего“ дома Обществу любителей наукъ особенно настойчиво говорилось въ произведеніяхъ 1893 и ближайшихъ затѣмъ годовъ. У авторовъ, пользовавшихся нашею монографіей „Варшавское Общество любителей наукъ“ (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1899 г., кн. VII и IX), повторенія этого уже не встрѣчаемъ. Ср. въ концѣ XVII гл.

²⁾ Выше, стр. 305, 309, 313—314.

³⁾ Выше, 189, 204—205.

такъ чтобы онъ могъ уже возить туда строительные матеріалы. Предложеніе его было принято.

Архитекторы начали готовить планы. Своему архитектору Лесселю, на начерченномъ имъ планѣ площади отмѣтившему мѣсто, гдѣ Зентецкій могъ бы выстроить себѣ домъ, муниципальное управленіе поручило принять во вниманіе ситуационный планъ всей подоминиканской площади, составленный архитекторомъ Шпилевскимъ. Было подано въ управленіе три проекта плановъ. Президентъ города Войда представилъ ихъ намѣстнику кн. Заіончеку. Разсмотрѣвъ ихъ, намѣстникъ утвердилъ (14 апр. н. с.) планъ архитектора Айтглера и предложилъ управленію войти въ переговоры съ Зентецкимъ и миссіонерами объ уступкѣ имъ площади, на условіяхъ, если они согласятся все выстроить соотвѣтственно утвержденному имъ плану. На долю миссіонеровъ приходилась часть площади къ Новому Свѣту; на долю Зентецкаго—остальное, вмѣстѣ съ оставшимися еще задними надворными строеніями, коюшнями и сараями, бывшими на земельной полосѣ позади прежняго проулка ¹⁾ и оцѣненными Лесселемъ въ 5843 зл. 15 гр. Предполагалось, что Зентецкій выстроить на улицу новый красивый домъ, а миссіонеры лучше отдѣлаютъ свой домъ подъ № 1319-мъ, смежный съ площадью. Приглашенные въ управленіе для заключенія условій, Зентецкій и повѣренный миссіонеровъ заявили (22 апр. н. с.) здѣсь, что стоимость построекъ, по плану Айтглера, будетъ около 100.000 злотыхъ, такой суммы они затратить не въ состояніи, и просили дать имъ точную смѣту. Лессель нашелъ, что составить ее нельзя: въ планѣ много ошибокъ; онъ хотѣлъ, чтобы составленіе ее поручили Шпилевскому. Дѣло затянулось. Въ виду того, что ни Зентецкій, ни миссіонеры не дѣлали никакихъ приготовленій къ застройкѣ площади, президентъ города Войда просилъ намѣстника о разрѣшеніи сдать эту площадь въ вѣчную аренду чрезъ публичные торги. Намѣстникъ разрѣшилъ (14 авг. н. с.), на усло-

¹⁾ Т. е. на полосѣ, прибрѣтенной доминиканами отъ наслѣдниковъ Филиппони и др. частныхъ владѣльцевъ; на землѣ же, принадлежавшей къ Московской капліцѣ и доминиканамъ по дарамъ королей, не было уже, какъ видѣли, никакихъ зданій. Выше, гл. XIV и стр. 193—194, 204—205.

віяхъ, чтобы пріобрѣтавшіе площадь застроили ее зданіями по плану, утвержденному правительствомъ.

Войда поручилъ Лесселю обнести ее заборомъ, какой дѣлается предъ построеніемъ домовъ, и произвести измѣреніе и оцѣнку ея. Архитекторъ насчиталъ въ ней 4739 кв. локтей; суженная на передней своей сторонѣ, съ Краковскаго предмѣстья, она была шире въ дальней отъ него половинѣ, и затѣмъ, между недвижимостями Зентецкаго и миссіонеровъ, тянулась узкой полосой; вся длина ея была въ 145½ локтей. Въ этотъ счетъ вносилось лишь предназначаемое къ отдачѣ въ вѣчную аренду: боковыя части площади, по снесеніи монастырскихъ зданій, отходили на расширеніе улицъ ¹⁾. Стоимость ея, безъ оставшихся надворныхъ построекъ, опредѣлена Лесселемъ въ 14.217 пол. злотыхъ, т. е. приблизительно по 3 злота (45 коп.) за локоть.

Публичные торги площади были объявлены въ этой мѣрѣ и оцѣнкѣ ея.

„На основаніи — говорилось въ условіяхъ (въ сентябрѣ 1819 г.) къ торгамъ — постановленія князя намѣстника въ царствѣ отъ 14 августа сего года отдается въ аренду на вѣчное время площадь, расположенная подъ № 1320 и 1321 по улицѣ Краковское предмѣстье, съ условіемъ, чтобы передняя часть ея была застроена каменнымъ домомъ, по плану, утвержденному правительствомъ и при семъ прилагаемому“; вся площадь въ 4739 кв. локтей; и „такъ какъ на постройку на ней каменнаго дома съ изящнымъ фасадомъ, по линіи, обозначенной на главномъ планѣ, потребуются значительные расходы, то, для облегченія конкурентамъ выполнить это главное условіе, вся эта площадь, оцѣненная городскимъ архитекторомъ въ 14.217 пол. злотыхъ, должна быть отдана въ постоянный чиншъ, подлежащій уплатѣ ежегодно напередъ по 150 пол. злотыхъ въ кассу, какую

¹⁾ Форму площади см. въ Приложеніяхъ, кн. 2, планъ № 18; о прежнихъ мѣрахъ см. выше, гл. IX—XI. Различіе въ длинѣ обусловливается тѣмъ, что теперь считалась не только земля, принадлежавшая доминиканамъ вѣдѣствіе дара королей, но и узкая полоса, пріобрѣтенная ими отъ Филиппони и др. частныхъ владѣльцевъ.

укажетъ правительство; предметомъ же торговъ будетъ пріобрѣтеніе въ собственность находящихся тамъ каменныхъ конюшенъ и каретныхъ сараевъ, оцѣненныхъ архитекторомъ въ 5843 зл. 15 грошей; пріобрѣтатель плаца долженъ, тотчасъ по полученіи увѣдомленія о результатѣ торговъ, озаботиться заготовкою матеріаловъ, окончить и сдѣлать пригодными для жилья строенія, согласно утвержденному плану, не позже 1821 года“. Для поднятія въ Варшавѣ строительной предпріимчивости былъ, незадолго предъ тѣмъ, учрежденъ (1816 г.) фондъ, изъ котораго строителямъ домовъ выдавались ссуды на различныхъ льготныхъ условіяхъ; „допущеніе къ ссудѣ, предназначенной изъ казны лицамъ, возводящимъ новыя строенія“, обѣщалось и соискателямъ на площадь, какъ равно и право пользованія разными льготами по несенію съ недвижимости всякихъ податей и общественныхъ повинностей ¹⁾).

Торги однако не состоялись, хотя были назначаемы нѣсколько разъ. Основываясь на этомъ, выступилъ съ своими предложеніями нѣкто Кіокъ, соглашавшійся на условія, объявленныя муниципальнымъ управленіемъ, за исключеніемъ требованія относительно фасада, какъ слишкомъ дорогого, если строить соотвѣтственно плану. Управление молчало, и Кіокъ обратился (17 ноября н. с.) къ самому намѣстнику. „Желая — писалъ онъ — удовлетворить желанію и волѣ вашего сіятельства, а также соблюсти и свою пользу, я готовъ прибавить и этотъ фасадъ, лишь бы только мнѣ ссудили изъ казны 75.000 зл. на стройку. Постройка обойдется дорого и послужитъ къ украшенію города, и посему честь имѣю просить изъявить согласіе на мое предложеніе“.

Ни отвѣта, ни согласія не послѣдовало. Все яснѣе и яснѣе выступалъ въ правительственныхъ кругахъ съ своими планами другой искатель подоминиканской площади. Неудачи съ торгами и предложенія Кіока, показавшія, что каменное зданіе съ красивымъ фасадомъ можно строить лишь подъ условіемъ крупной денежной ссуды, служили ему въ пользу. Зданіе имѣлось имъ

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 135—136.

въ виду соорудить возможно массивное и красивое. Кромѣ денегъ, на выгодныхъ условіяхъ, желалось ему получить подъ стройки всю площадь и безъ всякой платы за нее, единовременной или постоянной, чиншевой. На встрѣчу желаніямъ его о домѣ и какъ бы предупреждая ихъ шель теперь самъ намѣстникъ, побуждаемый—какъ узнаемъ потомъ—строительными комбинаціями по Замку, почему этотъ претендентъ былъ теперь въ такой мѣрѣ увѣренъ въ своемъ усиѣхѣ, что еще до полученія площади закунилъ сосѣдній домъ миссіонеровъ, обязываясь предъ ними, въ обезпеченіе уплаты за него, записать тотъ домъ, который будетъ выстроенъ имъ на подоминиканской площади....

Сильный покровитель этого претендента, Правительственная Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, къ администраціи которой принадлежали и главные его дѣятели, представила (31 июля/12 августа 1820 г.) намѣстнику въ царствѣ, князю Заіончеку:

„Постановленіемъ князя царскаго намѣстника отъ 16 августа 1817 года площадь послѣ снесенныхъ костела и строеній прежнихъ доминиканъ обсервантовъ въ Варшавѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ отдана была въ эдукаціонную собственность. Такъ какъ на этой площади предполагается постройка дома для Королевско-Варшавскаго Общества любителей наукъ, то Прав. Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія ходатайствуетъ предъ княземъ царскимъ намѣстникомъ о передачѣ ея въ собственность тому же Обществу, для чего прилагаетъ и проектъ“.

На засѣданіи (10/22 августа 1820 г.) Совѣта управленія, на которомъ было предложено ходатайство Комиссіи, присутствовалъ, въ числѣ другихъ, императорскій-царскій комиссаръ сенаторъ Новосильцевъ, почетный членъ (съ 1817 г.) Общества; проектъ былъ принятъ безъ измѣненій и появился въ видѣ намѣстническаго постановленія.

„Именемъ его величества Александра I, императора все-россійскаго, царя польскаго, и проч., и проч., и проч.

„Князь намѣстникъ въ царствѣ, по Государственному Совѣту.

„На представленіе Правит. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія постановляемъ слѣдующее:

„Площадь послѣ снесенныхъ костела и строе-
ній, принадлежавшихъ прежде общинѣ ксендзовъ
доминиканъ обсервантовъ въ Варшавѣ на Краков-
скомъ предмѣстьѣ, въ цѣломъ ея размѣрѣ предна-
значаемъ въ полную собственность Королевскому
Обществу любителей наукъ и дозволяемъ построй-
ку на ней дома для Общества.

„Исполненіе сего постановленія нашего возлагается на Пра-
вительственныя Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣ-
щенія, а равно и внутреннихъ дѣлъ и полиціи, въ чемъ до кото-
рой оно надлежитъ.

„Состоялось въ Варшавѣ, на засѣданіи Совѣта управленія,
августа 22 дня 1820 года.

„Заіончекъ. Министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія С.
Потоцкій. Статсъ-секретарь, бригадный генераль Коссецкій”¹⁾.

Постановленіе немедля было сообщено въ соотвѣтствующія
учрежденія²⁾ и самому Обществу любителей наукъ³⁾, которому
Прав. Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по
стараніямъ Сташица, передала (16 сент. н. с.) также документы,
въ силу которыхъ доминикане обсерванты владѣли прежде этою
мѣстностью, это именно: 5 королевскихъ грамотъ (изъ нихъ двѣ
Яна-Казимира отъ 1668 г., одна Яна-Михаила 1679 г. и двѣ Августа
II отъ 1698 г.), и 14 актовъ, объяснявшихъ подоминиканскія по-
земельныя права и границы⁴⁾. Землю эту администрація Обще-

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 65—67 (изъ Архива ст. д. при Канц. Варш. г.-губ.).

²⁾ Копію съ него Муниципальное управленіе получило изъ Прав. Комиссіи
внутреннихъ дѣлъ и полиціи, при отношеніи отъ 7 сент. н. с. 1820 г. Приложенія,
1, № 140 (Архивъ Магистрата).

³⁾ На присланномъ сюда постановленіи была приложена большая намѣст-
ническая печать; на сообщеніи Комиссіи Обществу о посылкѣ постановленія под-
пись предсѣдательствующаго въ Комиссіи, министра Стан. Потоцкаго: „Minister
prezujący S. Potocki“ (Архивъ н. д. при Канц. г.-губ., по оп. 23, и Приложе-
нія, кв. 1, № 113, кн. 2, стр. 112).

⁴⁾ Приложенія, кн. 1, № 124 (собраніе г. Коротыцкаго), кн. 2, № 11 (Ар-
хивъ при Казен. палатѣ), № 22 и стр. 113 (Архивъ н. д. при Канц. г.-губ.). Документы

ства постаралась немедля записать за нимъ въ ипотеку, подтверждая въ своей довѣренности уполномочиваемому на веденіе дѣла, что данная площадь—даръ правительства ¹⁾).

Такъ прежняя доминиканская площадь, на которой нѣкогда красовалась усыпальница Шуйскихъ, поступила теперь въ полное владѣніе Варшавскаго Общества любителей наукъ. Что же касается значенія здѣсь Сташица, то онъ не былъ не только собственникомъ ея, но даже и въ числѣ лицъ, прицѣнявшихся къ ней и желавшихъ приобрести ее себѣ. Служа въ Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, чрезъ которую шло все дѣло, онъ, въ качествѣ вліятельнаго должностнаго лица, содѣйствовалъ лишь такой передачѣ. Всѣ рассказы, что онъ купилъ себѣ эту землю вмѣстѣ съ монастырскими зданіями или развалинами и подарилъ ее Обществу, должны быть оставлены. Какъ собственность казны, не бывшая ничьей частною собственностью, площадь была подарена Обществу самимъ правительствомъ.

на владѣніе обсервантами были предъ тѣмъ вытребованы Комиссіей отъ Депутатин бывшихъ духовныхъ учреждений. Затребованіе это, какъ и отношеніе Комиссіи Обществу при отсылкѣ документовъ, были за подписями Сташица: „*Za ministra prezydującego, gadca stanu Staszic*“.

¹⁾ Внесеніе площади по ипотеку на Общество любителей наукъ велъ апелляціонный судья въ царствѣ Станиславъ Венгржецкій, по спеціальному нотаріальному уполномоченію (25 сент. н. с. 1820 г.) ему административнаго совѣта Общества. Предсѣдатель и члены административнаго совѣта (Сташицъ, еп. Пражмовскій, совѣтникъ Пр. Ком. дух. д. и нар. просв. Суровецкій и ректоръ университет. кс. Шаявскій) уполномочивали Венгржецкаго, чтобы онъ, выполняя, вмѣсто ихъ, всѣ формальности, требуемыя ипотечнымъ уставомъ, записалъ площадь „на имя и въ пользу Королевско-Варшавскаго Общества любителей наукъ, съ правомъ собственности, въ новыхъ ипотечныхъ книгахъ Мазовецкаго воеводства“ именно „на основаніи постановленія царскаго намѣстника отъ 22 августа 1820 г., помѣченнаго № 10895, Правительственною Комиссіею духовныхъ дѣлъ препровожденнаго Обществу любителей наукъ 29 того же мѣсяца и года, предоставляющаго значающуюся по тарифу подъ №№ 1320 и 1321-мъ площадь послѣ снесеннаго костела и зданій, принадлежавшихъ нѣкогда общинѣ кс. доминиканъ обсервантовъ, въ Варшавѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ цѣлыхъ ея границахъ, въ собственность Общества любителей наукъ и разрѣшающаго построеніе на сей площади дома для названнаго Общества“. Приложенія, 1, № 113—114 (изъ Ипотечнаго Архива). Ведшіе дѣло по записи площади въ ипотеку довѣренный Венгржецкій и нотаріусъ Маевскій были члены Общества. Тамъ-же, кн. 2, стр. 112 (изъ протоколовъ засѣданій Общества).

ХVІ ГЛАВА.

Варшавское Общество любителей наукъ — новый владѣлецъ историческаго мѣста *).

Основаніе Общества и обстоятельства, при которыхъ создано оно.—Время предсѣдательства Альбертранди.—Старанія Общества объ утвержденіи своего положенія со стороны прусскаго правительства и напрасность попытокъ получить королевскую грамоту.—Первые уставы.—Публичныя рѣчи. Литературныя, научныя и практическія работы.—Полученіе декрета отъ саксонскаго короля.—Мѣсто собраній.—Имущество.—Предсѣдательство Сташица. Личность предсѣдателя.—Отношеніе Общества къ Россіи.—Новый уставъ.—Грамота Александра I и другія привилегіи Обществу.—Развитіе и характеръ дѣятельности.—Потребность въ соотвѣтственномъ помѣщеніи.

Варшавское Общество любителей наукъ, которому въ 1820 г. была правительствомъ подарена подоминиканская площадь, съ тѣмъ, чтобы оно выстроило на ней себѣ домъ, возникло много раньше, въ пору, когда Варшава, послѣ раздѣловъ Польши, находилась подъ прусскимъ господствомъ.

*) Главная и сплошная масса документовъ къ исторіи Общества хранится въ Архивѣ новыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генераль-губернатора, Историческія дѣла: Archiwum Towarzystwa Królewskiego Warszawskiego przyja-сіół nauk (отсюда изданы нами въ Приложеніяхъ, кн. 2, стр. 75—247, отчетъ Альбертранди о возникновеніи и первоначальной дѣятельности Общества, уставы и инструкціи Общества и его отдѣловъ и секцій, извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Общества, изъ бумагъ о положеніи его, изъ переписки съ русскими, южно-славянскими и нѣкоторыми другими избираемыми членами, документы о сооруже-ніи памятника Коперника и проч.); затѣмъ важны Архивъ старыхъ дѣлъ при той же Канцеляріи, имѣющіяся въ немъ Высочайшія повелѣнія, Acta Rady Administra-cyjnej, Odezwy ministra sekretarza stanu и др. (Приложенія, кн. 1, №№ 65 и слѣд.); Архивъ Варшавскаго учебнаго округа, дѣло № 1620: Acta dotyczące się Towarzy-stwa przyjaściół nauk w Warszawie, od 9-go czerwca 1808 do 1-go maja 1835, vol. 1 (Приложенія, кн. 2, стр. 317 и слѣд.).—Roczniki Towarzystwa Warszawskiego przy-jaciół nauk, преимущественно томы 1, 2, 10, 11, 12 и 13 (въ послѣднемъ панеги-

Прусскимъ правительствомъ круто производилось оиѣмече-
ніе новопріобрѣтеннаго польскаго края: повсюду сожались здѣсь
прусскіе чиновники, снаряжались и отпущались сюда колонисты,
вводились нѣмецкіе уставы, порядки, языкъ. У высшихъ классовъ
населенія весьма скоро образовалась склонность предпочитать
нѣмецкую рѣчь польской, между тѣмъ какъ великосвѣтская поль-
ская молодежь, получившая модное французское воспитаніе, пред-
почитала все французское, подъ давленіемъ нѣмецкаго вліянія то-
же ослаблявшееся или исчезающее въ польскомъ обществѣ.

Оказать поддержку польскому языку и національной куль-
турѣ поставилъ въ Варшавѣ своею задачею особый кружокъ.

По утратѣ Польшею самостоятельной политической жизни,
въ нѣкоторой части польскаго общества, въ противодѣйствіе но-
вому положенію и теченіямъ, пробуждалось сознаніе о необходи-
мости усиленія просвѣщенія. Мысль однихъ уносила въ про-
шедшее, казавшееся заманчивымъ и блестящимъ, и они старались
сохранить отъ утраты и забвенія памятники польской литерату-
ры, пріобрѣтали ихъ; другіе думали о развитіи и процвѣтаніи ли-
тературы современной, иные считали своею обязанностію распро-
страненіе литературы и научныхъ познаній между своими со-
братьями. Призывы о сохраненіи и развитіи польскаго языка,
польской науки и литературы, объ установкѣ національнаго вос-
питанія, отличаясь экзальтированностью, должны были находить

рикъ Яну Альбертранди); *Nowy pamiętn. Warsz.*, 1801, II, 187 и слѣд.; *Dzieła Stanisława Staszica*, праямущ. т. IV; *Pamiętniki Kajetana Koźmiana*. Poznań, 1858, т. II, Poznań, 1878; *Rocznik Ces. Król. Towarzystwa naukowego Krakowskiego*. Kraków, 1860, т. IV, 95—124 (*Skarbka Wspomnienie o Warszawskim Towarzystwie przyjaciół nauk*); *Biblioteka Warszawska*, 1875, т. III—IV (*Wójcickiego Społeczność Warszawy*); *Wojewódzkiego Stanisław Wawrzyniec Staszic*. Warszawa, 1879; послѣдній большой трудъ *Alex. Kraushara Towarzystwo Warszawskie przyjaciół nauk*. Kraków, Warszawa, 1900 и слѣд. (автору было сообщено нами о находженіи въ Архивахъ при генералъ-губернаторской Канцеляріи документовъ Архива Общества); *Русскій Вѣстникъ*, 1866, т. 61—62 (проф. Н. А. Попова Варшавское герцогство), *Историческій Вѣстникъ*, 1883, т. 14 (Уманца Александръ I и русская партія въ Польшѣ), *Русское Обозрѣніе*, 1894, т. 47 (Ю. О. Крачковскаго Сотрудники кн. А. Чарторыйскаго въ дѣлѣ устройства народнаго просвѣщенія въ Виленскомъ учебномъ округѣ); *Русская Старина*, 1904, февр. кн. (Н. О. Дубровина Послѣ отечественной войны); А. Н. Пыпинъ и Спасовичъ, *Исторія славянскихъ литературъ*, II, и друг.

себѣ удобную почву особенно въ Польшѣ прусской, усиленно подвергавшейся нивелировкѣ и денаціонализаци; здѣсь же была прежняя столица, въ которой предъ тѣмъ сосредоточивалась политическая и культурная жизнь народа и гдѣ осѣдали теперь также и наиболѣе крѣпкіе остатки польскаго общества, которые, сообразуясь съ новыми условіями, мало по малу начинали группироваться въ новыя сочетанія.

Въ противоположность офранцузенной молодой элегантною компаніи, стекавшейся, для веселья, во флигель Варшавскаго королевскаго замка, носившій названіе „Подъ бляхой” и занимаемый племянникомъ бывшаго короля кн. Госифомъ Понятовскимъ, чисто польское общество для времяпровожденія и бесѣдъ собиралось у Станислава Солтыка, подобно тому, какъ у кн. Чарторыскаго въ Пулавахъ (нынѣ Ново-Александрійскій сельско-хозяйственный институтъ, Люблинской губ.) шумно блистала цвѣтъ польской аристократіи и образованности. Человѣкъ дов. знатнаго шляхетскаго рода, состоятельный и настойчивый, Солтыкъ поддерживалъ въ Варшавѣ національную сцену, и его же домъ, устроенный строго попольски, послужилъ, какъ передаютъ, мѣстомъ зарожденія учено-литературнаго Общества, на почвѣ національно-польской.

4 (16) ноября¹⁾ 1800 года собравшимися здѣсь гостями были набросанъ списокъ желательныхъ членовъ-учредителей будущаго Общества, числомъ до 36 человѣкъ, и намѣчены были принципы и правила для его дѣятельности. Въ число основателей записали епископа зенополитанскаго Яна Альбертранди, кн. Адама Чарторыскаго, графовъ Игнатія и Станислава Потоцкихъ, Солтыка, Сташица, Дмоховскаго, кс. Воронича, кс. Осинскаго, Снядецкаго, Линде, Чацкаго и др., лицъ, извѣстныхъ своими печатными или педагогическими трудами, или видныхъ по положенію,

¹⁾ Эту дату даетъ учредитель и первый предсѣдатель Общества еписк. Альбертранди въ своемъ отчетѣ о возникновеніи и первыхъ годахъ дѣятельности Общества: Приложенія, кн. 2, стр. 77. Хотя въ послѣднемъ печатномъ трудѣ объ Обществѣ дается, какъ бы словами того же источника, другая дата; но измѣнять текстъ подлинника нельзя. Въ изложеніи о времени и о характерѣ слѣдующихъ ближайшихъ засѣданій необходимо точно основываться на тѣхъ же показаніяхъ Альбертранди.

вообще признаваемыхъ пригодными для намѣченной задачи— „побуждать занимающихся науками и литературой излагать и распространять полезныя свѣдѣнія на родномъ языкѣ и тѣмъ самымъ уберечь его отъ гибели и все дальше его совершенствовать”. Члены его намѣчены были изъ жившихъ не только въ Варшавѣ и въ прусской Польшѣ, но и въ областяхъ, принадлежавшихъ Россіи и Австріи, чтобы оно не было лишь мѣстнымъ Варшавскимъ учрежденіемъ, а чтобы стремилось сдѣлаться средоточіемъ умственной жизни всего польскаго общества или чтобы по крайней мѣрѣ нашли въ немъ себѣ объединеніе представители этой жизни. Зародившись въ частномъ кружкѣ, оно въ первые члены невольно включило людей преимущественно изъ наиболее близкихъ къ инициаторамъ, почему первый списокъ оказался неполнымъ и одностороннимъ, понадобилось вскорѣ добавлять его внесеніемъ такихъ лицъ, какъ Андр. Снядецкій, Колонтай, Нѣмцевичъ и др., нѣкоторые изъ значившихся въ немъ не отличались достаточными качествами и заслугами, иные, не имѣя или не считая возможности принимать участіе въ дѣятельности Общества, не отвѣтили на оповѣщеніе объ ихъ избраніи или отказались отъ участія въ немъ. Въ предсѣдатели избранъ былъ епископъ Альбертранди. Родившійся въ Варшавѣ, въ итальянской семьѣ, сроднившійся съ Польшей, хотя и далекій отъ современности, Альбертранди (1731—1808), епископъ зенополитанскій, знавшій древніе языки и производившій компіляціи по исторіи старины, непомѣрно идеализируя ее, представлялъ среди наличныхъ инициаторовъ-учредителей главную ученую силу; казался онъ полезнымъ и по соображеніямъ внѣшняго свойства.

Возникавшее учрежденіе приняло названіе Варшавскаго Общества любителей наукъ. Такъ какъ прусское правительство устало себѣ правиломъ не открывать въ своей Польшѣ высшихъ учебныхъ заведеній (этой системы оно держится и до сихъ поръ), и ученныя и просвѣтительныя общества допускать со всею осмотрительностію, безъ особаго покровительства имъ, а о данномъ Обществѣ скоро послышались сужденія, что его члены, „не будучи въ состояніи возстановить политическую жизнь своего павшаго отечества, хотятъ по крайней мѣрѣ, подѣ

видомъ наукъ, обезпечить ему какое-то существованіе“, то основатели его должны были дѣйствовать очень осторожно. „Мы —излагалъ предсѣдатель Общества въ исторіи - отчетѣ за первые годы его дѣятельности — мы всегда громко заявляли, что изъ цѣлей нашего Общества должно быть устранено все, имѣющее связь съ политикой“. Намѣренія учредителей были выше сего и состояли въ томъ, чтобы возобновить изученіе наукъ и прикладныхъ знаній, процвѣтавшее въ Польшѣ прежде, преимущественно въ правленія Сигизмундовъ. „Отъ такими похвальными мыслями, столь далекими отъ всякихъ намѣреній, могущихъ сопротивляться настоящимъ обстоятельствамъ“, основатели сплочивались въ одно Общество, составили списокъ желательныхъ членовъ, числомъ 36 человекъ, и въ отстраненіе какихъ-либо подозрѣній оно постаралось „украсить“ себя избраніемъ нѣсколькихъ членовъ почетныхъ, изъ нѣмцевъ, занимавшихъ высшія правительственныя мѣста въ берлинскихъ министерствахъ и въ Варшавѣ ¹⁾.

Относительно избранія почетныхъ членовъ такъ поступало Общество и потомъ, по мѣрѣ перемѣнъ правленія помѣщая въ свои списки французовъ, саксонцевъ и русскихъ, имѣвшихъ власть и вліяніе въ управленіи края или сильныхъ при дворѣ. Въ прусскую пору это средство далеко не оправдывало возлагаемыхъ на него расчетовъ.

Когда пребываніе императора Александра I въ Вильнѣ и Гроднѣ вызвало необыкновенный восторгъ, отражавшійся и въ Варшавѣ, прусскій король съ своей супругой посѣтилъ Варшаву, чтобы тѣснѣе посблизиться съ польскимъ населеніемъ. Воспользовавшись посѣщеніемъ Фридриха Вильгельма III Варшавы, Общество, для лучшаго утвержденія своего со стороны правительства, преподнесло королю первыя работы своихъ членовъ, прося объ уполномоченіи заниматься научными трудами. „Его величество король прусскій, получило въ отвѣтъ (изъ Познани, 1 іюля н. ст. 1802 г.), весьма благосклонно принялъ

¹⁾ Приложенія, кн. 2, стр. 75—78.

диссертации и рѣчи, которыя Общество любителей наукъ въ Варшавѣ представило ему чрезъ своего президента Альбертранди, епископа зенополитанскаго, 25 числа прошлаго мѣсяца. Посему онъ дастъ названному Обществу совершенное подтвержденіе свое и убѣжденный, что оно не перестанетъ стараться заслуживать покровительство его, съ удовольствіемъ завѣряетъ его въ томъ и просить Бога, чтобы Онъ имѣлъ его въ Своемъ святомъ и благомъ попеченіи“. Общество хлопотало собственно о королевскомъ дипломѣ или патентѣ. Была избрана особая коммисія, которая должна была стараться найти способы получить его. Въ выработанной ею инструкціи внесено было правило о строгой осторожности, которая рекомендовалась и лицамъ (гр. Ал. Потоцкому и др.), уполномочиваемымъ дѣйствовать при Берлинскомъ дворѣ, гдѣ чрезъ министровъ зондировалась почва. На исходѣ четвертаго года своего существованія Общество сочло своевременнымъ сдѣлать рѣшительный шагъ, но на представленіе предсѣдателя отъ имени Общества (10/22 окт. 1804 г.) получился такой отвѣтъ короля:

„Достопочтенный, предупредительно любезный, вѣрный.

„Я съ истиннымъ удовольствіемъ вычиталъ въ вашемъ письмѣ отъ 22 прошлаго мѣсяца о томъ, какъ основанное подъ вашимъ предсѣдательствомъ Общество любителей наукъ заботится о достойномъ ихъ блескѣ, и не могу не засвидѣтельствовать вамъ и самому учрежденію своего полного расположенія относительно столь похвальныхъ стараній. Такое, всюду полезное, Общество, которое въ самомъ себѣ заключаетъ средства долговѣчности, не нуждается, кажется мнѣ, въ желаемомъ особомъ дипломѣ, тѣмъ болѣе, что ничего не нахожу возразить противъ принятаго Обществомъ устава. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Въ Потсдамѣ, 5 ноября 1804 года“.

Отвѣтъ этотъ былъ прочитанъ на ближайшемъ засѣданіи Общества, и оно признало всю безуспѣшность тутъ своихъ хлопотъ ¹⁾.

¹⁾ Приложенія, 2, стр. 80—81, 95, 97—98.

Упоминаемый королемъ уставъ Общества былъ уже вторымъ, передѣланнымъ изъ перваго. Надъ составленіемъ ихъ оно много работало. Первый уставъ готовило и утвердило оно только въ октябрѣ 1802 года. Цѣлю занятій Общества имъ опредѣлялось: „сохранять польскій языкъ въ своей чистотѣ“ (п. 1), для чего должно на немъ „распространять средства просвѣщенія изложеніемъ наукъ и знаній“ (п. 2), „издавать изслѣдованія о предметахъ, полезныхъ краю или выясняющихъ какой-либо вопросъ въ наукѣ, трудиться надъ переводами классическихъ писателей и привлекать соотечественниковъ къ подобной дѣятельности, оцѣнивать, предъ печатаніемъ, сочиненія членовъ, предлагаемыя къ изданію отъ имени Общества, и давать отзывы о другихъ сочиненіяхъ, перепечатывать сочиненія съ такимъ расчетомъ, чтобы пріобрѣтеніе ихъ было покупателямъ по недорогой цѣнѣ, передавать потомству память умершихъ членовъ сообщеніемъ объ ихъ литературныхъ трудахъ“ (3—7 п.), причемъ „Общество запрещаетъ себѣ обсуждать вопросы, противныя вѣрѣ христіанской, настоящему правительству и обычаямъ“ (8 п.). Число дѣйствительныхъ членовъ ограничивалось 60, „изъ мѣстныхъ уроженцевъ“, затѣмъ дозволялось выбирать членовъ соревнователей; количество почетныхъ членовъ не ограничивалось, смотря потому, кто окажется достойнымъ такого выбора. „Такъ какъ только истинная заслуга и усердіе даютъ право состоять членомъ Общества, то избраніе должно происходить рѣдко и съ надлежащимъ вниманіемъ, чтобы самая трудность въ этомъ указывала почтеніе къ особѣ, избираемой въ составъ его“. Кромѣ того, „въ составъ Общества будутъ входить молодые люди, подъ именемъ допущенныхъ; они не будутъ имѣть дѣйствительнаго голоса, но могутъ присутствовать на всѣхъ частныхъ засѣданіяхъ Общества и отдѣловъ, кромѣ засѣданій, занимающихся выборами“. Подвергаясь неоднократно пересмотру, исправленіямъ и дополненіямъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, уставъ, во второй своей редакціи, былъ принятъ лѣтомъ 1804 г., переведенъ членомъ Линде на нѣмецкій языкъ и въ переводѣ представленъ прусскому королю, который, ничего не выражая противъ устава и тѣмъ какъ бы одобряя его, однако не

далъ патента. Этотъ уставъ издали и печатно (Варшава, 1805 г.). По нему, „Варшавское Общество любителей наукъ ставить себѣ главною цѣлю стараться о распространеніи на польскомъ языкѣ наукъ и знаній” (§ 1, п. 1); „оно запрещаетъ себѣ касаться предметовъ, относящихся къ отечественной религіи и настоящаго правительства” (п. 2); „дѣлится на три отдѣленія: 1) математическое, 2) философско-математическое, и 3) исторіи, литературы и языковъ, особенно славянскихъ, и свободныхъ искусствъ” (п. 3). Каждому изъ отдѣловъ вмѣнялись основныя задачи, которыя прежде ставились для всего Общества, и каждое изъ нихъ должно было „для поощренія живущихъ передавать потомству память умершихъ, изображая ихъ добродѣтели и научныя заслуги”. Отдѣленіе философско-математическое возникло въ годъ напечатанія устава¹⁾.

Свойства Общества постепенно выяснялись и развивались въ самой его дѣятельности. По сходству стремленій, оно вошло въ тѣсное общеніе съ Варшавскою общиной кс. піаровъ, чрезъ воспитаніе юношества, проповѣди, составленіе и изданіе книгъ пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ краѣ. Для своихъ засѣданій оно часто пользовалось піарскою бібліотекою или вообще піарскимъ домомъ, на Долгой улицѣ (нынѣ русскій соборный домъ). Изъ 36 человекъ, вошедшихъ въ начальный списокъ его членовъ, на первое засѣданіе, частное (23 ноября н. ст. 1800 г.), явилось всего 14 лицъ. Положено было на немъ увѣдомить не находившихся членовъ объ ихъ выборѣ и пригласить ихъ къ совмѣстной дѣятельности, а еп. Альбертранди произнесъ обширную рѣчь, на тему, требовавшую тогда ближайшаго разъясненія.

Выражая надежду, что подъ воздѣйствіемъ возникшаго Общества можетъ возвратиться тотъ вѣкъ польской литературы, которымъ прославились времена двухъ Сигизмундовъ, и что на умы, составляющіе это Общество, бессмертная слава именитыхъ въ наукѣ произведетъ то же вліяніе, какъ и побѣдоносные знаки Мильтіада, ораторъ говорилъ: „не будемъ допускать, чтобы у насъ выскользнулъ изъ рукъ этотъ единственный способъ удер-

¹⁾ Оба эти устава въ Приложеніяхъ, 2, №№ 78—79, стр. 171—189.

жанія чести нашей старинной славы...; сохранимъ же эту славу, пріобрѣтенную точною, изящною и обширною наукою, не испытавшею еще ущербъ отъ какой либо случайности... Не измѣнилось и бьется еще въ вашей груди сердце, живущее прежде всего для отечества и никогда не умирающее, а это сердце не позволитъ, чтобы совершенно изгладилась изъ памяти та отчизна, чтобы ея памятники были истреблены и чтобы имя ея покрылось стыдомъ... Совѣты по выборамъ, публичныя сѣзды, политическія собранія, высшее судопроизводство, гражданская жизнь, законодательныя занятія у васъ отняты; нельзя даже думать о томъ, чтобы могли, посредствомъ ихъ, составлять честь для вашего отечества и быть ему полезнымъ, какъ это бывало прежде... Живая сила чувствъ однако существуетъ; имѣются страсти, утвердившіяся отъ обыкновенія и требующія пищи: единственная не заподозриваемая пища ихъ можетъ состоять въ наукахъ и искусствахъ. Вотъ это-то—цвѣты, неувядшіе въ продолженіе вѣковъ; ими только, ими можетъ быть вами осыпанъ достойный почитанія мавзолей отечества!“

Рѣчь, по обычаю того времени, была уснащена многочисленными цитатами, показывавшими внѣшнюю ученость оратора; но проведенная въ ней мысль, что потеря польскимъ народомъ самостоятельности и перемѣна правительства еще не уничтожаютъ народа и не могутъ и не должны препятствовать успѣхамъ въ наукахъ и просвѣщеніи, была понята собраніемъ.

При открытіи перваго публичнаго засѣданія (9 мая нов. ст. 1801 г.) Альбертранди снова заговорилъ о польскомъ языкѣ, объ его достоинствахъ, и о проистекавшихъ отсюда задачахъ для Общества. „По истинѣ, говорилъ онъ, достойно людей, любящихъ науку, стараніе сохранить отъ гибели языкъ, который чрезъ посредство другихъ, родственныхъ съ нимъ, языковъ, простирается отъ Новой Земли до Венеціи, отъ Рагузы до границъ Китая, языкъ, имѣющій качество, не принадлежащее ни одному изъ живыхъ языковъ, именно, что онъ 300 и даже болѣе лѣтъ тому назадъ былъ обработанъ, усовершенствованъ и въ употребленіи одаренъ неизмѣнностію“. Тогда какъ большая часть европейскихъ народовъ едва можетъ понимать собственныхъ пи-

сателей, относящихся къ тѣмъ вѣкамъ, и свою рѣчь стараются они усовершенствовать лишь чрезъ удаленіе отъ говора своихъ предковъ, польскіе авторы дѣлаются тѣмъ лучшими, чѣмъ сходнѣе пишутъ съ образцами того времени. „Полякъ, въ своихъ литературныхъ сочиненіяхъ приближающійся къ Буднымъ, Гурницкимъ, Кохановскимъ и другимъ, жившимъ во времена двухъ первыхъ Сигизмундовъ, тѣмъ большую пріобрѣлъ бы славу, чѣмъ болѣе бы онъ сталъ въ сочиненіяхъ походить на нихъ”.

Главною задачею Общества любителей наукъ потому должно быть, по опредѣленію предсѣдателя, сохраненіе такого языка и усовершенствованіе родной рѣчи, для осуществленія чего оно, какъ сообщилъ Альбертранди, считаетъ необходимымъ заняться отысканіемъ и изданіемъ древнихъ памятниковъ польской литературы, частію уже забытыхъ, частію скрывавшихся въ бібліотекахъ мѣстныхъ и заграничныхъ.

Рѣчи явились векорѣ той областію, гдѣ Общество могло показывать себя предъ публикой съ наиболѣе выгодной стороны. На собраніяхъ, особенно торжественныхъ, выступали члены, отличавшіеся краснорѣчіемъ; развивая идеи о національномъ просвѣщеніи, они призывали къ высшей работѣ духа.

„Прочь отъ васъ, ученые мужи”, провозглашалъ гр. Станиславъ Потоцкій на засѣданіи 15 мая (н. с.) 1802 г., „прочь отъ вашего Общества убійственный духъ равнодушія, духъ боязливаго безсилія! Нѣтъ спору, что въ настоящее время труднѣе, чѣмъ когда бы то ни было, сохранить въ Польшѣ славу языка и наукъ; но трудность исчезаетъ и за вами останется благородная, смѣлая, славная заслуга, если только разъединенныя предъ тѣмъ старанія ваши вы объедините теперь въ одной цѣли. Предъ громадностію предпріятія останавливается слабый и малодушный..., и кто ищетъ только легкаго, тотъ никогда не совершитъ ничего великаго... Прежде полякъ учился своему языку на основаніи обычая и потребности; и еслибъ даже не существовали болѣе этотъ обычай и потребность, онъ по обязанности долженъ былъ бы изучать его, возбуждаемый тѣмъ благоговѣніемъ, которое сама природа вливаетъ въ души добрыхъ дѣтей по отношенію къ родителямъ, особенно если они находятся въ несчастіи. И ранѣе

занимался полякъ науками, въ которыхъ видѣлъ для себя одно изъ украшеній; тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ долженъ отдаться имъ теперь, чтобы въ нихъ себя прославить и обезсмертить ими свое имя: это единственный, оставшійся для него, путь славы”.

Другой ораторъ, ксендзъ Вороничъ, указавъ на необходимость, между прочимъ, составленія сборника пѣсенъ польскаго народа, обратился къ присутствующимъ (на засѣданіи 5 мая н. с. 1803 г.): „Да позволено будетъ намъ взывать о помощи ко всѣмъ вамъ, потомки исчезнувшихъ поляковъ, просить васъ и заклинать святостію праха отцовъ вашихъ, чтобы вы, при вашихъ стремленіяхъ и усиліяхъ удержать, расширить и увѣковѣчить ихъ память и славу, оставленныя вамъ, какъ самое дорогое наслѣдство, пособляли намъ тѣмъ по крайности способомъ, который остался въ нашихъ рукахъ. Съ такою цѣлію соединяйте во едино всѣ таланты, все, что свидѣтельствуется о завѣтныхъ памятникахъ и предпріятіяхъ вашихъ отцовъ. Даже вы (обращеніе къ артистамъ), которые при другихъ условіяхъ своимъ вкусомъ и знаніями доставляете музыкальному искусству такой почетъ, обратите его прелести и упоительную сладость въ средство для умиленія надъ почивающимъ прахомъ нашихъ отцовъ. Пусть эта славянская Эвтернія, вмѣстѣ съ другими музами, разноситъ духъ и дѣянія поляковъ на всѣхъ лютняхъ, цитрахъ, струнахъ и органахъ.

„Вы, юноши, цвѣтущіе лѣторосли тѣхъ домовъ, которые умиляютъ насъ при одномъ воспоминаніи объ ихъ славѣ. Ваше время, таланты, издержки вашихъ родителей могутъ ли быть употреблены съ большею пользою, какъ на изученіе и усвоеніе доблести, духа и обычаевъ вашихъ отцовъ? Но, увы! вы еще плакали въ колыбели, когда наша общая мать въ наслѣдство оставляла намъ горькое сиротство. И какъ вы о ней узнаете? Гдѣ насладитесь ея лицезрѣніемъ? Прочитывайте ежедневно первое открытіе нашего Общества, когда нашъ почтенный предсѣдатель и товарищъ научно и основательно, дѣяніями всего міра, доказалъ вамъ, что перемѣна правленія и политическаго строя еще не уничтожаетъ народъ...

„Но что пользы во всѣхъ нашихъ стремленіяхъ, если ты, другая половина человѣческаго рода, вы, почтенныя матери и подростаящія дѣвицы, если вы хотя на минуту забудете о томъ, что вы—польки? Въ вашихъ рукахъ судьба этихъ поколѣній, въ которыя мы силимся перелить духъ народный. Какимъ предварительно заговорите съ ними языкомъ, какимъ вдохновите ихъ чувствомъ, какую назначите для нихъ границу славы, такими и явятся они обывателями”.

„Настоящія минуты”, убѣждалъ (1804 г.) третій ораторъ, „когда мы свободны отъ военныхъ и административныхъ занятій, совершенно должны быть посвящены наукамъ. Пользуясь такими благопріятными обстоятельствами, наше Общество собираетъ, пишетъ, печатаетъ польскія книги, чтобъ изъ нихъ составить польскую памятную святыню... Наука впишетъ польское имя въ (вѣчную) книгу ученыхъ”.

Научныя занятія эти должны быть однако не для науки самой по себѣ: онѣ должны служить дѣлу народности, дѣлу будущаго: „Съ прошедшимъ, говорилъ въ Обществѣ Потоцкій, связываетъ нашу жизнь воспоминаніе, съ будущимъ—надежда; изъ этого почти и слагается все наше настоящее счастье”.

Подобные призывы производили на слушателей сильное впечатлѣніе, возбуждая восторгъ и сочувствіе; рѣчь Воронича была прерываема рыданіями.

Краснорѣчіе было издавна излюбеннымъ свойствомъ въ польскихъ общественныхъ классахъ. Имъ блистали, часто во вредъ дѣлу, еще на сеймахъ, и теперь вопросы о поддержаніи славы павшей отчизны давали самую благодарную пищу ораторамъ, которые легко могли возбуждать чувства и мысли и безъ того наэлектризованныхъ слушателей. Труднѣе было Обществу справляться съ научными задачами. По прочтеніи первой книжки его журнала „Ежегодники” (*Roczniki Towarzystwa Warszawskiego*), практическій Колонтай, обративъ вниманіе на разносоставность статей по предметамъ и слабость содержанія, написалъ (1803 г.) Снядецкому: „Я очень опасаясь за Варшавское Общество; надлежало бы, чтобы это усердное собраніе опредѣлило себѣ точно предметы трудовъ и не переступало за ихъ границы,

иначе сборники его „Ежегодниковъ” окажутся рынкомъ въ ветошь, на которомъ ничего нельзя достать новаго, а все только вещи выцвѣтшія или передѣланныя изъ старья”. Часть членовъ предложила писать по тѣмъ или инымъ предметамъ, на долю предсѣдателя выпали древности; только „не всѣ эти намѣренія—удостоверяетъ Альбертранди—осуществились, по разнымъ причинамъ: нѣкоторые члены умерли, иные слишкомъ заняты были другими неотложными дѣлами”. Изъ древностей постановили ограничиться работами по нумизматикѣ. Въ заботахъ о важнѣйшей задачѣ, объ усовершенствованіи и обогащеніи отечественнаго языка, Общество обсуждало на засѣданіяхъ существовавшую тогда научную терминологию, признало необходимымъ пріобрѣсти грамматики, словари и сочиненія по этому предмету на всѣхъ славянскихъ языкахъ, оригинальныя и переводныя; обращено было вниманіе на потребность изученія литовскаго языка; признано полезнымъ имѣть новое изданіе образцовыхъ латинскихъ и греческихъ писателей и необходимымъ перевести на польскій языкъ гражданскіе законы Прусскаго королевства; постановлено издать съ переводомъ на польскій языкъ Исторію Мартина Галла и постараться также о составленіи сборника пѣсенъ на отечественномъ языкѣ. Въ Общество или сами члены представляли разныя работы, большею частію изъ задуманныхъ или выполненныхъ ранѣе, или стороннія лица присылали свои труды для оцѣнки. На конкурсныя темы, объявленныя еще на первомъ засѣданіи, Ст. Цотоцкій представилъ свою работу объ искусствѣ у древнихъ, а Янъ Снядецкій далъ монографію о Коперникѣ, возбуждавшую восхищеніе въ польскомъ обществѣ и вскорѣ переведенную на языки французскій, итальянскій и др. Чаше всего представлялись переводы или компиляціи, каковы переводы разсужденія Ж. Ж. Руссо О вліяніи наукъ на нравы, комедіи Теренція „Андрія”, книги „Эрастъ, другъ молодости”, „Домашній врачъ” и т. п. Хотя количество и переводовъ было небольшое и въ лучшихъ изъ нихъ бросалась въ глаза невыдержанность точности сравнительно съ подлинниками, однако Общество не скупилось оцѣнкой своей тутъ дѣятельности. Когда Онуфрій Копчинскій подалъ мысль исправлять старыя переводы съ разныхъ язы-

ковъ, то рѣшено, что каждый имѣетъ право заниматься этимъ, но что Копчинскому и почти всѣмъ членамъ Общества, по ихъ достоинствамъ, не годится быть прачками чужой грязи, какъ называлъ себя Волтеръ относительно произведеній Фридриха Великаго. Янъ Снядецкій поднесъ Обществу новый свой трудъ Физико-математическое описаніе земли, который опредѣлили издать. Докторъ Дзязковскій представилъ для оцѣнки диссертацию „о болѣзни, изъ предразсудка называемой иностранцами польской” (разумѣется, колтунъ), что онъ опровергалъ. Предполагали прочесть его диссертацию на публичномъ засѣданіи, но потомъ рѣшили только напечатать ее въ „Ежегодникахъ”, не желая оскорблять „деликатнѣйшихъ ушей” описаніемъ этой болѣзни, возбуждающей отвращеніе. Самъ Альбертранди читалъ на нѣсколькихъ засѣданіяхъ свой переводъ съ испанскаго „О началѣ, развитіи и современномъ состояніи всеобщей литературы”, признавая это сочиненіе патера Андреса вполне достойнымъ скорѣйшаго отпечатанія; онъ же составилъ и довелъ почти до конца Исторію Польши трехъ послѣднихъ вѣковъ, объясненную и посвидѣтельствованную медалями.

Чтобы общая работа двигалась успѣшнѣе, принимались мѣры относительно членовъ, непосѣщавшихъ засѣданія. Кс. Стащицею предлагалось совсѣмъ исключать такихъ и на ихъ мѣсто выбирать новыхъ; противъ тѣхъ, которые уклонялись отъ членскихъ обязанностей и не возвращали своихъ патентовъ, секретарь уполномочивался (3 ноября н. с. 1805 г.) возвращенія патента искать судомъ. Смущавшею малочисленностію особенно отличались засѣданія отдѣловъ, гдѣ число присутствовавшихъ падало до лицъ четырехъ. Въ интересахъ Общества предлагалось (кн. Ал. Сапѣгою) увольнять изъ числа членовъ его тѣхъ изъ нихъ, которые позволяли себѣ отзываться о немъ неодобрительно¹⁾.

Когда, по учрежденіи Варшавскаго герцогства, управленіе имъ принялъ король Фридрихъ Августъ, министръ юстиціи Лубеньскій, пользуясь своимъ положеніемъ при новомъ дворѣ, вы-

¹⁾ Приложенія, 2, №№ 40—41, 87.

хлопоталъ у него актъ, выданный уже въ формѣ королевскаго декрета (въ Дрезденѣ, 30 апр. н. с. 1808 г.), по которому Общество не только утверждалось въ существованіи для занятій надъ усовершенствованіемъ и обогащеніемъ польскаго языка, но приобрѣтало еще право именоваться Королевскимъ¹⁾. Получивъ такой титулъ и принеся королю признательность, Общество стало хлопотать о правѣ, по примѣру Берлинской академіи, обращать въ свое распоряженіе доходъ съ гербовыхъ сборовъ, но напрасно, и избрало (29 іюня н. с.) себѣ административный совѣтъ, изъ пяти членовъ („пентархію”), все изъ лицъ духовныхъ, возлагая на нихъ обязанности по управленію текущими дѣлами и заботы объ удовлетвореніи ближайшихъ нуждъ и потребностей учрежденія; совѣтъ былъ утвержденъ правительствомъ²⁾.

На свои засѣданія Общество продолжало собираться въ библиотекѣ кс. піаровъ. Обзавестись собственнымъ помѣщеніемъ помогъ ему Сташиць. У варшавскаго капитула онъ купилъ (24 ноября н. с. 1806 г.) на свое имя домъ, на чиншевомъ правѣ, за 4.800 злотыхъ или 800 таларовъ, и тогда же подарилъ его Обществу, съ тѣмъ же ограниченіемъ права собственности, на какомъ приобрѣлъ самъ, т. е. съ обязательствомъ ежегодной чиншевой платы капитулу по 60 злотыхъ. Обществу отдавался домъ на все время существованія учрежденія, но оно не могло заключать никакихъ новыхъ сдѣлокъ, и, въ случаѣ закрытія его, подаренная ему недвижимость поступала во владѣніе Александра Сапѣги или его наслѣдниковъ для устройства ими больницы для бѣдныхъ³⁾. Недвижимость эта, подъ ипотечными №№ 85,

¹⁾ Приложенія, 1, № 76. Постановили (22 мая н. с. 1808 г.) этотъ дипломъ, какъ актъ монаршей милости, хранить въ отдѣльномъ архивѣ, гдѣ должны были сохраняться и документы основанія и организаціи Общества, даваемыхъ правительствомъ пособій, значительныхъ даровъ со стороны членовъ, и т. п. Тамъ же, 2, стр. 100.

²⁾ Тамъ же, кн. 1, № 77—78, кн. 2, № 149.

³⁾ Контрактъ купчей и дарственную запись объ заинтересованныхъ стороны — Сташиць и Общество — приняли полностью, со всѣми условіями, подтвердивъ актомъ, составленнымъ 8 авг. н. с. 1808 г. у нотариуса Маевского. Въ книгахъ по прусской ипотеки и приложеніяхъ къ нимъ, за №№ недвижимостей 85—87 (Глав-

86 и 87, находилась на улицѣ Каноніи, по сосѣдству съ Королевскимъ замкомъ; здѣсь Сташиць, какъ потомъ сообщалось, отстроилъ залъ для публичныхъ собраній и нѣсколько комнатъ для еженедѣльныхъ засѣданій и зарождавшейся библіотеки и научныхъ коллекцій. Залъ публичныхъ засѣданій былъ украшенъ бюстами Коперника и др. знаменитыхъ людей, колоннами и орнаментами. 1 дек. н. с. 1806 г. объявлялось, что слѣдующее публичное засѣданіе состоится уже въ этомъ залѣ.

Прочнымъ основаніемъ для библіотеки послужило пожертвованіе кн. Александра Сапѣги, который далъ (1803 г.) 4000 кн., съ условіемъ, что въ случаѣ уираздненія Общества должны быть возвращены ему или получающему наслѣдство; всего подарилъ ок. 6.000 книгъ и записалъ на своихъ имѣніяхъ, въ августовскомъ воеводствѣ, 100.000 злотыхъ, проценты съ которыхъ, по 5.000 зл., должны были ежегодно въ теченіе 50 лѣтъ (съ 1809 г.) идти на ея пополненіе. Вдовою доктора Лафонтена принесено было въ даръ оставшееся послѣ ея мужа собраніе медицинскихъ книгъ. Членъ административнаго совѣта Общества, виленскій прелать кс. Ксаверій Богушь отказалъ, по своему духовному завѣщанію, свою библіотеку и капиталъ¹⁾, съ тѣмъ, чтобы проценты шли въ видѣ премій на конкурсныя сочиненія, написанныя на темы, назначаемыя Обществомъ. Уже къ 1812 г. библіотека Общества состояла приблизительно изъ 15.000 томовъ, и она открывалась по два раза въ недѣлю для публики. Въ минералогическій кабинетъ, не достигшій, впрочемъ, значительныхъ размѣровъ и соотвѣтствія требованіямъ науки, вошло собраніе Сташица. Въ коллекціи древностей края самымъ виднымъ былъ вкладъ генерала Домбровскаго.

Имущество и средства Общества, увеличивавшіяся, кромѣ пожертвованій, и обязательными членскими взносами, были та-

ный Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ; срав. дѣла въ Архивѣ Прокураторіи), находятся документальныя данныя о предыдущей исторіи этого мѣста.

¹⁾ Духовное завѣщаніе Богуша было написано въ 1811 г., вскрыто въ 1820 г.; пожертвованная сумма, съ наращеніями, числилась 18.000 злотыхъ, началась она съ 1000 дукатовъ, пожертвованныхъ въ 1807 г.

ковы, что за сочиненія на объявляемыя имъ темы оно могло предлагать значительныя преміи, и одна изъ такихъ тѣмъ, которая была дана въ 1809 году и за которой потомъ сама Прав. Комиссія народнаго просвѣщенія признавала особый интересъ, носила заглавіе: „Какое было общественное воспитаніе въ Польшѣ съ древнѣйшихъ временъ до нынѣшнихъ и какое вліаніе имѣли перемѣны въ системѣ этого воспитанія на характеръ и обычаи населенія, а также на успѣхи и бѣдствія страны?“

Это было уже въ предсѣдательство Сташица.

Лицо духовное, ксендзъ, въ силу внѣшней необходимости, такъ какъ не шляхтичу въ Польшѣ не было движенія, Сташиць (1755—1826), мѣщанинъ родомъ, получивъ образованіе въ Германіи и Парижѣ, по возрѣніямъ былъ человѣкомъ совершенно свѣтскимъ—въ духѣ французскаго энциклопедизма, по научнымъ склонностямъ—натуралистъ; врагъ шляхетскаго самоуправства и демократъ по убѣжденіямъ, онъ болѣе всего думалъ объ улучшеніи быта и благосостоянія низшихъ классовъ населенія и о широкомъ просвѣщеніи своихъ соотечественниковъ. „Въ замыслахъ своихъ онъ радикальнѣе кого-бы то ни было изъ современниковъ; но всѣ нововведенія проектируются сверху въ внизъ и имѣютъ задачей нравственную дрессировку призываемыхъ къ общественной дѣятельности массъ“. „Въ жизни общественной и частной онъ, по опредѣленію другаго біографа, былъ человѣкомъ либеральнымъ, но не анархистомъ, былъ за сильное правительство, стоялъ за свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за порядокъ; чуждъ колебаній, хотя умѣлъ и ради общей пользы долженъ былъ сообразоваться съ обстоятельствами времени“.

На польскій національно - политическій вопросъ онъ смотрѣлъ съ общеславянской точки зрѣнія, подъ призмою борьбы между славянскими и германскими и вообще западными народами, въ польскомъ народѣ видѣлъ свѣточъ просвѣщенія, въ русскомъ—лучшую опору для поляковъ и всего славянства. Къ послѣднему онъ, впрочемъ, опредѣленнѣе подошелъ, когда звѣзда Наполеона померкла на поляхъ Россіи. По занятіи русскими войсками Варшавскаго герцогства и въ эпоху Вѣнскаго конгресса

онъ энергично и съ полною убѣжденностію провозглашалъ¹⁾ идею единенія всѣхъ славянъ подъ властью русскаго императора и безусловной необходимости для поляковъ соединенія съ Россіей и просвѣщенія. „Послѣ того какъ—писалъ онъ въ заключеніи своей политической брошюры этой поры: „Послѣднія мои слова соотечественникамъ”—послѣ того, какъ Европа на этомъ славномъ судѣ народовъ (т. е. на Вѣнскомъ конгрессѣ) выразила по отношенію къ намъ полное равнодушіе, поставивъ на одну ступень наше существованіе и уничтоженіе, а воскреситель и первый по возрожденіи король нашъ указалъ намъ наше назначеніе—въ братствѣ съ русскими, въ соединеніи съ нашей древней славянской семьей,—не забывайте никогда, любезные соотечественники, этихъ моихъ послѣднихъ къ вамъ словъ: соединяйтесь и просвѣщайтесь (*Łączcie się i oświecajcie się*)”! Въ такомъ же направленіи онъ старался дѣйствовать на своихъ соотечественниковъ и потомъ. Къ членамъ, на примѣръ, одной изъ сеймовыхъ комиссій, пустившихся въ слишкомъ рѣзкія сужденія противъ правительства, Сташиць, присутствовавшей на засѣданіи, не стѣснился обратиться со словами: „Ради Бога, господа, образумьтесь: вы возобновляете съ престоломъ ссоры и споры тѣхъ давнихъ польскихъ сеймовъ, которые погубили Польшу. Бога ради, вспомните, кѣмъ вы недавно были. Насъ завоевали, и мы не существовали; великодушный императоръ поднялъ насъ, одарилъ привилегіями, какихъ только мы сами себѣ могли пожелать. Едва возвращенные къ жизни, мы, вмѣсто того, чтобы выказывать благодарность и разумное послушаніе, возстаемъ, волнуемся—и противъ кого и чего? противъ могущества, которое, подобно тому какъ создало, можетъ однимъ мановеніемъ и уничтожить насъ”.

Поступивъ на государственную службу еще во время Варшавскаго герцогства, гдѣ выдвинулся въ глазахъ современниковъ особенно своею защитою школьныхъ фондовъ, Сташиць долженъ былъ, при русскомъ господствѣ въ краѣ, найти весьма

¹⁾ Въ брошюрахъ: „Myśli o równowadze politycznej w Europie” и „Ostatnie moje do współrodaków słowa”, 1814—1815 г., въ *Dzieła Stanisława Staszica*, IV.

широкое примѣненіе своимъ недюжиннымъ силамъ. При самомъ учрежденіи (въ іюні 1815 г.) Александромъ I временнаго правленія для создаваемого царства Польскаго, наименованный статскимъ совѣтникомъ царства, онъ скоро былъ, въ качествѣ члена отдѣленія народнаго просвѣщенія, приглашенъ (въ окт. того же 1815 г.) въ председатели наблюдательнаго совѣта юридической школы, затѣмъ получилъ (1816 г.) генеральное директорство отдѣленія промышленности и искусствъ въ Прав. Комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи и былъ назначенъ (1817 г.) членомъ Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, гдѣ, въ случаяхъ отсутствія мин. председательствующаго гр. Станислава Потоцкаго, онъ замѣщалъ его, являясь на засѣданія и Совѣта управленія. По отказѣ (1824 г.) имъ отъ обязанности по дирекціи промышленности и искусствъ, онъ былъ удостоенъ государемъ званія статсъ-министра съ правомъ засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Совѣтѣ управленія царства. Во всѣхъ вопросахъ по открытію и организаціи школъ — университета, института глухонѣмыхъ, гимназій и проч., въ вопросахъ по устройству фабрикъ, объ усиленіи и развитіи промысловъ и искусствъ онъ принималъ дѣятельное участіе.

Общество любителей наукъ, по смерти Альбертранди единогласно избравшее (1808 г.) его въ свои председатели, достигаетъ теперь высшаго своего разцвѣта.

Для успѣховъ учрежденію Станицъ не останавливался предъ рѣшительными мѣрами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ провелъ въ члены Общества Новосильцева, онъ вынужденъ былъ сдѣлать (18 мая 1817 году) Обществу даже такое заявленіе: Такъ какъ ему посчастливилось здѣсь пользоваться постояннымъ уваженіемъ и довѣріемъ не всѣхъ членовъ, а одного только отдѣленія знаній, то, при всей заботливости объ успѣхахъ и славѣ Общества, онъ думаетъ, что будетъ трудиться напрасно, обрекая себя на непріятности, униженія и безпокойства. „Съ 1813 г. проникли въ наше собраніе очень вредные недостатки: появляется въ немъ тотъ мелкій, но строптивый духъ педантизма, который не умѣетъ подняться до важныхъ предметовъ, а въ пустякахъ полонъ безпокойства, шумитъ и воз-

мущаетъ, который останавливаетъ развитіе наукъ и разъединяетъ учсныя общенія. Замѣчаю, что съ того времени начинаютъ въ нашемъ Обществѣ исчезать давнишнее единодушіе и согласіе и необходимыя всѣмъ Обществамъ деликатность и взаимное уваженіе, а вслѣдъ за этимъ обнаруживается равнодушіе, гибнетъ духъ Общества, и дошло до того, что мы не уважаемъ собственныхъ постановленій. Предсѣдатель, по обязанности своей настаивая на ихъ исполненіи и наблюдая за таковымъ, подвергается публичному преслѣдованію и непристойнымъ клеветамъ. Нѣкоторые коллеги грозятъ, что бросятъ все, если онъ будетъ исполнять то, что постановлено, а другіе объявляютъ, что возвратятъ дипломъ, если онъ тѣхъ же постановленій не исполнитъ". Въ виду такого нестроенія, не встрѣчая общаго уваженія и довѣрія, въ чемъ предсѣдателю пришлось дважды убѣдиться и публично, онъ, занятый другими многочисленными отечественными дѣлами и не имѣя времени на пустяки и ссоры, проситъ „во имя любви къ наукамъ и народу и въ предупрежденіе зла" выбрать другаго предсѣдателя, который пріобрѣлъ бы должное отношеніе со стороны всѣхъ членовъ.

Когда Сташицъ поставилъ такъ вопросъ, постарались сгладить инцидентъ; въ дальнѣйшихъ очередныхъ выборахъ онъ избирался присутствовавшими съ рѣдкимъ единогласіемъ, тѣмъ болѣе, что заслуги его предъ Обществомъ дѣлались все ощутительнѣе и значительнѣе. Вліяніе Сташица на Общество сказывалось и на организаціи, и на учено-литературной дѣятельности, и на благосостояніи его.

Важное содѣйствіе Сташицу оказывало здѣсь то, что само Общество далеко непрочь было пользоваться разными выгодами со стороны русскаго правительства и что оно еще до присоединенія края къ Россіи старалось завести въ ней себѣ благопріятныя отношенія и связи. Заведенію такихъ связей сначала ему помогали его члены, служившіе въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Одинъ изъ ревностныхъ учредителей Общества, визитаторъ училищъ Ѡаддей Чацкій, имѣя отъ русскаго правительства порученіе избрать двухъ молодыхъ людей для отсылки на казенный счетъ за границу съ цѣлію спеціальнаго образованія въ наукахъ

по лѣсоводству и экономической, обратился въ маѣ (1803 года) къ Обществу, чтобы оно избрало достойныхъ кандидатовъ, и оно охотно занялось выполненіемъ порученія. Отъ Виленскаго университета оно получило (лѣтомъ того же г.) грамоту, дарованную ему Александромъ, утвержденный уставъ, свѣдѣнія о новыхъ вакантныхъ профессорскихъ кафедрахъ съ приглашеніемъ къ участию въ осуществленіи высокой задачи распространенія свѣта въ такомъ обширномъ по пространству государствѣ. Когда окончился извѣстный трудъ Линде Словарь польскаго языка, а на изданіе его у составителя не оказывалось средствъ, то по совѣту Солтыка было предложено (въ ноябрѣ) ему посвятить свой трудъ русскому императору, „великодушіе котораго обнимаетъ всякія предпріятія для развитія и усовершенствованія славянскихъ языковъ”; Словарь былъ потомъ представленъ государю и отъ него удостоился вниманія и поддержки. Едва Северинъ Потоцкій получилъ назначеніе въ попечители Харьковскаго учебнаго округа, Общество не замедлило (въ томъ же г.) съ избраніемъ его въ свои члены и съ поздравленіемъ по случаю назначенія. Избраны были (1805 г.) почетными членами Державинъ и Карамзинъ. На письменное увѣдомленіе чрезъ Чацкого объ избраніи ихъ Державинъ отвѣтилъ съ любезностію о своемъ согласіи; Карамзинъ же не далъ отвѣта, и въ члены онъ не могъ быть занесенъ. Съ учрежденіемъ царства избранія дѣлались какъ бы обязательными. Сташицъ предложилъ (въ январѣ 1817 г.) въ почетные члены императорскаго комиссара Новосильцева, называя его „мужемъ ученымъ, другомъ и покровителемъ наукъ”. При Сташицѣ избранъ былъ (1821 г.) также графъ Румянцевъ, который чрезъ министра статсъ-секретаря Соболевскаго ранѣе того имѣлъ сношеніе (1817 г.) съ Обществомъ при собираніи требовавшихся ему свѣдѣній о двухъ католическихъ монахахъ, находившихся при Самозванцѣ I, когда онъ прибылъ въ Москву. По доставленію свѣдѣній о замѣчательныхъ событіяхъ въ Польскомъ народѣ за послѣднія 50 лѣтъ Общество привлекалось (1821 г.) къ содѣйствію министру просвѣщенія кн. Голицыну, который хотѣлъ оказать тутъ помощь одному изъ французскихъ писателей. На заявленіе Петербург-

скаго Вольнаго Общества любителей словесности дѣлиться своими изданіями Общество постановило (20 апр. 1823 г.) посылать взаимно свои „Ежегодники“¹⁾.

Хотя во время вторженія Наполеона въ Россію Общество промкнуло (въ іюль 1812 г.) къ генеральной конфедераціи Польскаго королевства, но съ занятіемъ Варшавскаго герцогства русскими войсками оно скоро поняло свое положеніе, признало, что „война не должна удерживать его членовъ отъ научныхъ занятій“. Оно приступило къ переработкѣ прежнихъ уставовъ, причемъ, при обсужденіи того печальнаго факта, что рѣчи и произведенія иногда носили слишкомъ личный характеръ, предлагалось, чтобы предсѣдатель останавливалъ членовъ Общества, позволявшихъ себѣ читать свои произведенія, въ которыхъ, нарушая приличія, касались или другихъ членовъ или лицъ стороннихъ. Выработанный подъ руководствомъ Сташица, уставъ былъ принятъ на засѣданіи 5 іюня н. с. 1814 г. и съ осени того же года онъ, по отпечатаніи, вошелъ въ дѣйствіе²⁾. Это былъ послѣдній общій уставъ Общества, подробно опредѣлившій строй и занятія Общества.

„Королевское Варшавское Общество любителей наукъ—устанавливалось этимъ уставомъ—ставитъ себѣ основною цѣлью содѣйствовать распространенію наукъ и знаній на польскомъ яз. (§ 1, статья 1). Для правильнаго выполненія предположенныхъ трудовъ Общество дѣлится на два отдѣленія: 1) познаній физическихъ, математическихъ и искусствъ и 2) наукъ (ст. 2). Сообразно съ характеромъ наукъ обоихъ отдѣленій весь составъ Общества подраздѣляется на секціи, члены коихъ должны тру-

¹⁾ Румянцевъ обращался собственно къ Соболевскому, который въ свою очередь письменно снесся съ Обществомъ, которое поручило отысканіе свѣдѣній своимъ членамъ гг. Вороничу, Линде и Сераковскому. Правит. Комmissія духовн. дѣлъ и народн. просвѣщенія написала Обществу о желаніи кн. Голицына получить свѣдѣнія о событіяхъ изъ жизни Польскаго народа, требующіяся ему для сочиненія французскаго писателя; письмо Комиссіи было прочтано на засѣданіи (7 октября н. ст. 1821 г.) Общества. Въ вопросѣ объ обмѣнѣ изданіями инициатива шла также отъ общества Петербургскаго.

²⁾ Приложенія, кн. 2, №№ 41, 42, 43, 88, 94, 97, 98.

дяться подъ непосредственнымъ руководствомъ отдѣленія (ст. 3). Каждому отдѣленію Общества указываются въ особенности слѣдующіе труды и занятія: *a)* составлять сочиненія, надобныя для края, имѣя всегда въ виду обогащеніе и усовершенствованіе языка, а равно всячески содѣйствовать развитію искусствъ и промышленности; *b)* переводить образцовыхъ авторовъ; *c)* перепечатывать болѣе важныя сочиненія, преимущественно старыхъ писателей, съ добавленіемъ необходимыхъ примѣчаній, и облегчать дешевое приобрѣтеніе ихъ; *d)* собирать всякіе для этого матеріалы и *e)* поощрять соотечественниковъ къ такимъ трудамъ (ст. 4). Общество состоитъ изъ членовъ: *a)* дѣйствительныхъ, *b)* корреспондентовъ и *c)* почетныхъ" (§ II, ст. 5). Число членовъ первой группы опредѣлялось въ 60 человекъ, второй—40, послѣдней не ограничивалось. О запрещеніяхъ Обществу, вносившихся въ прежніе уставы, касаться христіанской вѣры и настоящаго правительства, теперь не упоминалось.

Во время перваго пребыванія императора въ Варшавѣ въ качествѣ государя царства Общество, чрезъ свою депутацію изъ 16 человекъ въ главѣ со Сташицемъ, Чарторыскимъ и Стан. Потоцкимъ, изъявило (12/24 ноября 1815 г.) Александру свою преданность. Удостоенное внимательнаго пріема, оно подало Чарторыскому письмо съ просьбой, чтобы онъ, какъ членъ правительства и Общества, исходатайствовалъ у государя дипломъ о подтвержденіи Общества и предоставленіе разныхъ льготъ. По объявленіи конституціи царства, Общество просило вообще не только 1) объ утвержденіи его въ правахъ, полученныхъ отъ саксонскаго короля, но также 2) установить сношенія его съ иностранными государствами и разрѣшить ему безпрепятственно распространять по имперіи книги, напечатанныя въ Варшавѣ съ разрѣшенія мѣстной цензуры, 3) освободить его отъ пошлины за выписываемыя изъ - за границы книги и машины и 4) обязать мѣстныя типографіи присылать въ его бібліотеку по экземпляру каждой изъ выпускаемыхъ ими книгъ. Безусловно утвердивъ (15/27 марта 1816 г.) Общество въ прежнихъ его правахъ, государь предложилъ намѣстнику относительно прочихъ пунктовъ просьбы, особенно 2-го и 3-го, снестись съ Прав. Комис-

сіей народнаго просвѣщенія и проекты о томъ представить ему. При написаніи проектовъ къ указамъ болѣе всего затрудненій вызывалъ 2-й пунктъ, который пришлось раздѣлить. Представленіе (24 апр. н. с.) Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Заіончеку, выраженное теперь хотя и опредѣленнѣе, „исходатайствовать урегулированіе сношенія Общества по ученымъ дѣламъ съ заграничными государствами“, намѣстникомъ „оставлено безъ движенія“.

Высочайшій указъ, утверждавшій Общество въ прежнихъ правахъ и упрочивавшій теперь его существованіе, былъ почти буквальнымъ повтореніемъ декрета, выданнаго саксонскимъ королемъ. Дополненіе коснулось опредѣленія значенія польскаго языка, какъ имѣющаго большое сходство съ русскимъ языкомъ, и происходящей отсюда для ихъ обоихъ пользы.

„Божіею милостію, мы, Александръ I, императоръ всероссійскій, царь польскій и проч. и проч.

„Все, что можетъ содѣйствовать въ народахъ, врученныхъ нашему попеченію, умноженію свѣта и распространенію полезныхъ наукъ, какимъ-бы то ни было образомъ, никогда не казалось далекимъ отъ нашего вниманія и нашего высочайшаго покровительства. А когда къ этому присоединяется еще приобщеніе лучшей обработки и усиленнаго богатства польскому языку, имѣющему столь большое сходство съ языкомъ, употребляемымъ во Всероссійской имперіи, и тѣмъ болѣе привлекающему къ себѣ наши заботы, что при настоящемъ соединеніи новыми узами двухъ народовъ можетъ отсюда возникнуть новая для обоихъ языковъ польза,—мы признали своею обязанностію содѣйствовать сему всею полнотою нашей власти, чтобы благородныя намѣренія не были лишены благоприятныхъ результатовъ, а напротивъ, чтобы были заботливо сохранены и доведены до совершенства.

„Посему, когда до нашего свѣдѣнія дошло, что Варшавское Общество любителей наукъ создано по доброй волѣ выборныхъ членовъ, соединившихся между собою единственно съ тою цѣлію, чтобы удержатъ въ цѣлости остатки своей національной литературы, сохранить отъ опасности гибели свой родной языкъ,

совершенствовать всѣ науки, и точныя, и изящныя, сообразно съ остроумными открытіями и потребностями времени и при содѣйствіи этихъ наукъ внести въ языкъ новое богатство; когда въ этомъ мы достаточно убѣдились чрезъ разсмотрѣніе уставовъ, которые Общество приняло для себя и которыхъ доселѣ придерживается, а также чрезъ разсмотрѣніе „Ежегодниковъ”, издаваемыхъ доселѣ Обществомъ, и намъ преподнесенныхъ,—мы сочли справедливымъ и приличествующимъ низойти на ходатайство Общества, представленное намъ съ глубокою почтительностію, и позволить имъ испытать на себѣ благопріятныя послѣдствія нашей королевской къ нимъ благосклонности. Для сего Варшавское Общество любителей наукъ, со всѣми входящими въ него лицами, живущими въ нашихъ владѣніяхъ или принадлежащихъ по какому либо случаю къ нашимъ государствамъ, поскольку они будутъ вести себя согласно съ своими уставами, а равно и тѣ самые уставы и все движимое и недвижимое имущество этого Общества принимаемъ мы подъ наше королевское попеченіе и завѣряемъ его въ нашемъ высочайшемъ благосклонномъ покровительствѣ, сверхъ того соизволяя, чтобы названное Общество въ своихъ сочиненіяхъ, патентахъ, засвидѣтельствваніяхъ, печатяхъ употребляло титулъ Королевскаго Варшавскаго Общества любителей наукъ.

„Надѣясь, что этою честію они воспользуются, какъ требуетъ достоинство сего наименованія, обращаемся мы къ лицамъ, принадлежащимъ къ этому собранію и имѣющимъ принадлежать къ нему, чтобы они, съ удвоеннымъ стараніемъ и рвеніемъ стремясь къ намѣченной для себя цѣли, дѣлались достойными дальнѣйшихъ нашихъ королевскихъ вниманія и милостей.

„Данъ въ С.-Петербургѣ, 15/27 дня мѣсяца марта 1816 г. Александръ, императоръ и царь (Alexandre l'Empereur et Roi).

Министръ статсъ-секретарь Игнатій Соболевскій ¹⁾”.

¹⁾ Издавъ нами на французскомъ и польскомъ языкахъ въ Приложеніяхъ, кн. 1, № 80.

Указъ этотъ былъ прочтенъ на ближайшемъ годичномъ засѣданіи (30 апр. н. с.) Общества. Чтеніе его предсѣдатель Сташиць сопровождалъ заявленіемъ: „Празднуя нынѣ годовщину основанія нашего Общества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно выражаемъ благодарность нашему учредителю. Съ этихъ поръ торжество сіе станетъ для насъ и преемниковъ нашихъ тѣмъ священнѣе, что именно въ это же время милостиво царствующій нашъ императоръ и король соизволилъ выдать актъ, подтверждающій наше Общество и нашъ уставъ... Благодареніе это, полученное изъ рукъ безсмертнаго воскресителя народа и королевства Польскаго, изъ рукъ, по согласному признанію цѣлой Европы, величайшаго покровителя наукъ, будетъ для Общества любителей наукъ наисильнѣйшимъ побужденіемъ въ научныхъ занятіяхъ”. Установили, чтобы 30 апрѣля ежегодно праздновать публичнымъ засѣданіемъ, въ знакъ чести и благодарности „великодушнымъ монархамъ”, даровавшимъ грамоты, т. е. Александру и королю Фридриху Августу. Предсѣдатель предложилъ украсить залу публичныхъ засѣданій портретомъ или бронзовымъ бюстомъ Александра.

Въ своихъ научно-литературныхъ занятіяхъ Общество любителей наукъ въ президентство Сташица, дѣйствительно, пережило новый сравнительно съ прежнимъ фазисъ. Тогда какъ Альбертранди, приверженецъ классической литературы и археологій, направлялъ интересы членовъ Общества на излюбленные имъ предметы, Сташиць цѣнилъ въ наукѣ практическую пользу для народа и ея вліяніе на общественныя отношенія, на экономику и нравственность, къ чему старался клонить и работу Общества. Компиляціи по иностраннымъ сочиненіямъ, съ чуждымъ содержаніемъ, и переводы иностранныхъ писателей значительно уступаютъ теперь свое мѣсто работамъ, предметы для которыхъ берутся изъ польскаго прошлаго и настоящаго, и отводится бѣльшее значеніе естествознанію и техникѣ въ примѣненіи ихъ къ пользѣ края. Оставленную Нарушевичемъ „Исторію Польскаго народа”, доведенную до Владислава Ягайлы, Общество приготавлило къ печати, а выполненіе работы надъ послѣдующимъ временемъ разобрали, по отдѣльнымъ царство-

ваніямъ, нѣкоторые его члены. Счастливіѣ всѣхъ справился съ задачей Нѣмцевичъ, къ 1819 году издавшій „Исторію царствованія Сигизмунда III“, въ трехъ томахъ. Его работу предсѣдатель Общества призналъ (1820 г.) „образцовою, достойною общей благодарности поляковъ, въ каковой не откажутъ ему и позднѣйшіе соотечественники“, и приглашалъ его, чтобы онъ, „для добра и славы польскаго народа“, пожелалъ заняться написаніемъ исторіи тѣхъ царствованій, которыхъ не коснулось ни одно перо приглашенныхъ къ сему членовъ, а въ особенности правленій королей Ягеллоновскаго рода. Кс. Краевскій прислалъ рукопись о Янѣ Казимірѣ, Квятковскій—о Владиславѣ IV; иные же, какъ Делынскій, ограничились собираніемъ матеріаловъ и ничего не написали. Трудъ Нарушевича издало Общество въ 1824 году, въ двухъ томахъ. Направленіе всѣхъ этихъ сочиненій было хвалебно-патріотическое, далекое отъ научной критики, риторское.

Тѣмъ же характеромъ еще въ большей степени должны были отличаться произведенія поэзіи. Имѣлось въ виду популяризовать исторію посредствомъ нарочитыхъ „Историческихъ пѣсенъ“, въ которыхъ прославлялись бы славнѣйшія событія въ прошлой жизни народа и подвиги и побѣды польскихъ королей и государственныхъ дѣятелей. Преимущественно рассчитывалось на воспитательное значеніе такихъ пѣсенъ для подрастающаго поколѣнія. Риѣмы вмѣстѣ съ пѣніемъ и музыкой должны были дѣлать знаніе отечественной исторіи привлекательнымъ для молодости и общедоступнымъ. Авторъ изготавленныхъ „Историческихъ пѣсенъ“, по своему появленіи (1816 г.) принятыхъ восторженно, Нѣмцевичъ писалъ: „Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его съ свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для прівитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнютъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта“. И пусть, по оцѣнкѣ современной намъ критики, Нѣмцевичъ оказы-

вается въ этихъ „Историческихъ пѣсняхъ“ очень узкимъ по своимъ воззрѣнiямъ, „поэтомъ шляхты и для шляхты“, лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и мимоходомъ упомянувшимъ „объ убогихъ кметахъ“, что онъ, какъ сынъ французскаго ложноклассицизма, „стоялъ на ложной дорогѣ, витая почти исключительно въ области общихъ чувствъ и мыслей и не имѣя понятiя о личной и народной окраскѣ своихъ героевъ“, а самыя произведенiя его оказываются чуждыми поэтическаго творчества, надлежащей художественности и истиннаго проникновенiя въ дѣйствительную жизнь, что въ нихъ „вмѣсто живыхъ, врѣзывавшихся въ память образовъ народныхъ героевъ или историческихъ картинъ получается сухой стихотворный перечень дурно между собою связанныхъ событiй; вмѣсто художественнаго творчества — жалкое виршенлетство“¹⁾. О произведенiяхъ слѣдуетъ судить еще въ современной имъ исторической обстановкѣ и обращая вниманiе на впечатлѣнiе, производившееся ими на тѣхъ, для кого писались они. А тенденцiя поэтическихъ произведенiй Нѣмцевича „возбуждать въ сердцахъ гражданскiя чувства“, дѣлавшая ихъ особенно прiятными и распространенными въ свое время, поддерживается тутъ ихъ цѣну еще и доселѣ²⁾.

Отъ общаго тона не оставали рѣчи и трактаты по исторiи литературы. Но появлялись и сочиненiя, съ проблесками стремленiй ихъ авторовъ къ сближенiю и общенiю съ восточными единоплеменниками на почвѣ славянской идеи. Адамъ Чарнецкiй († 1825) путешествовалъ по славянскимъ землямъ для уясненiя доисторическаго быта славянскаго племени. Ксендзъ Чайковскiй, взявшiйся дополнить начало „Исторiи“ Нарушевича, представилъ въ Общество рукопись о древнемъ бытѣ славянъ и поляковъ. Игнатiй Раковецкiй напечаталъ свое изслѣдованiе о Русской Правдѣ (Варшава, 1820).

Съ открытiемъ въ Варшавѣ Университета, въ составѣ пяти факультетовъ, въ Общество вступаютъ университетскiе профес-

¹⁾ Статья „Рылѣвъ и Нѣмцевичъ“ въ Русскомъ Архивѣ, 1898, I, 67—82. — Пыпинъ и Спасовичъ (изд. 2, т. II, 600) отзываюся также: „Нѣмцевичъ сочинялъ лишеныя всякой правды и таланта Историческiя пѣсни“.

²⁾ Zdanowicz i Sowiński, Rys dziejów literatury polskiej, 145—146.

сора, и число его членовъ вдругъ быстро возрастаетъ. Много-численные виды и отрасли наукъ, литературы и искусства имѣли уже въ Обществѣ своихъ представителей. И если существованіе высшаго учебнаго заведенія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими условіями того времени, дѣлало вліяніе Общества на умственную жизнь въ краѣ менѣе надобнымъ, за то оно все замѣтнѣе и замѣтнѣе превращалось въ мѣсто собранія разнородной интеллигентной массы, встрѣчавшейся тамъ и обмѣнивавшейся своими познаніями и мыслями. Въ 1820 году состояло всѣхъ членовъ до 170 человекъ, изъ которыхъ 53 дѣйствительныхъ, 22 почетныхъ; всѣхъ засѣданій было до 46. Общество стало усиленнѣе приравнивать себя къ академіямъ наукъ; имѣвшая къ 1820 году болѣе 12000 томовъ, бібліотека его, которой начали придавать названіе академической, и разныя коллекціи, все увеличиваясь и дѣлаясь доступными публикѣ, обѣщали въ будущемъ стать еще значительнѣе.

Почувствовалась надобность въ помѣщеніи, которое соответствовало бы намѣчавшемуся положенію и состоянію Общества.

ХVІІ ГЛАВА.

Постройка Обществомъ любителей наукъ себѣ дома *).

Благопріятныя обстоятельства и условія для постройки.—При даровомъ полученіи подоминицкачской земельной площади пріобрѣтеніе сосѣдняго дома ксендзовъ миссіонеровъ костела св. Креста.—Планъ новаго дома, составленный Кароци.—Условія полученія ссуды подъ постройку.—Продажа дома на Каноніи въ собственность государя на потребности Замка.—Собранныя средства, закладка и строители.—Благодарность Сташицу.—Сооруженіе новаго дома, первая его опись и помѣщеніе въ немъ.—Перестройка дома миссіонерскаго.—Общій видъ и части зданія.—Размѣщеніе.—Критическая оцѣнка мнѣній о происхожденіи и названіи зданія.

Въ пору, когда у Общества любителей наукъ созрѣвала потребность въ большемъ зданіи, освобождалась отъ своихъ построекъ бывшая подоминицанская площадь. Открытое съ трехъ сторонъ, съ красивымъ видомъ вдоль Краковского предмѣстья, вблизи съ только-что учрежденнымъ Университетомъ и важное въ историческомъ отношеніи, мѣсто это должно было обратить

*) Архивъ Варшавской католической консисторіи, дѣло о домѣ общины кс. миссіонеровъ Варшавскихъ подъ № 1319; Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи ген.-губернатора: Постановленія намѣстника, съ 1820 г.; *Odezwy ministra sekretarza stanu* 1820 г.; дѣла П. 8. А, №№ 143 и 1412; Архивъ нов. дѣлъ при той же Канцеляріи, бумаги Архива Общества; Архивъ Магистрата, дѣла строительныя и поземельныя недвижимости № 1319/20/21; Ипотечный Архивъ Варшавскаго Окружнаго суда, книги недвижностей №№ 85, 86, 87, 1319 и 1320/1; Архивъ Казенной палаты: *Akta ogólne domu po Towarzystwie przyjaciół nauk. Nabycie i utrzymanie. Rok założenia 1821*; Архивъ Рожанцоваго братства при костелѣ св. Іосифа Обручника (покармелитскомъ). — Соответственныя извлеченія — въ Приложеніяхъ.

особенное вниманіе Общества. Поиззабывшаяся подлинная исторія его, теперь, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, прояснилась¹⁾, и это еще болѣе поднимало цѣнность мѣста и усиливало стремленіе, чтобы получить его и возможно лучше застроить.

Но на подоминиканское наслѣдство, какъ мы видѣли, считывало много лицъ и учреждений: подоминиканскія зданія, не исключая и костела, не были удобны. Руководимая главнѣйшими дѣятелями Общества, Правительственная Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обратилась къ намѣстнику съ просьбой о передачѣ мѣста Обществу, когда всѣ конкуренты на наслѣдство были уже мало по малу отстранены или отстранились, зданія, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ надворныхъ построекъ, были сломаны, площадь послѣ нихъ заровнена и вымощена и долги на бывшемъ имуществѣ снесены со счетовъ. Ходатайство Комиссіи было удовлетворено: 10/22 августа 1820 года подоминиканская площадь была „предоставлена“ Обществу и 13/25 октября того же года была записана за нимъ по ипотекаѣ на правахъ собственности²⁾.

Зная заранѣе объ успѣхѣ, Общество, еще до полученія площади, увеличило будущую тутъ собственность, закунивъ сосѣдній домъ ксендзовъ миссіонеровъ св. Креста, на Новомъ Свѣтѣ, значащійся по ипотекаѣ подъ № 1319. Подобно другимъ варшавскимъ духовнымъ институціямъ, испытавъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., ограниченія въ доходахъ, миссіонерская община давно уже не прочь была продать этотъ домъ, который, стоя

¹⁾ О кругѣ и характерѣ историческихъ тогда свѣдѣній о мѣстѣ можно судить по весьма неточнымъ сообщеніямъ Нѣмцевича (*Dzieje rapania Zygmunta III*, т. III, 195—196), явившимся въ печати въ 1819 году (См. критическую замѣтку на нихъ выше, стр. 115). Администраціей Общества добыты были потомъ (1820 г.) доминиканскіе документы на земельзавладѣніе (выше, 341; Приложенія, 2, №№ 11, 23 и 113), которые, какъ показываютъ разныя замѣтки на нихъ и выписки, и помогали ей ближе выяснить себѣ подлинную исторію мѣста и стоявшаго тутъ предъ тѣмъ историческаго памятника. Съ возможною же детальностію изучить эту исторію пришлось администраціи во время послѣдовавшей тяжбы съ сосѣдомъ Зентецкимъ, когда были получены (тамъ же, кн. 1, стр. 135; кн. 2, стр. 119) и привлечены и другіе старые документы. См. ниже, гл. XVIII.

²⁾ Выше, гл. XV.

поодаль отъ костела и на противоположной отъ него сторонѣ улицы, былъ мало сподрученъ ей и сдавался ею подъ частныя квартиры. Однако, чтобы уладить покупку его Обществомъ за сходную цѣну, потребовалось содѣйствіе власти¹⁾. По договору купли-продажи, заключенному (10/22 іюля 1820 г.) председателемъ и членами административнаго совѣта Общества съ главнымъ визитаторомъ общины, недвижимость опредѣлена была въ 70.000 пол. злотыхъ. вмѣсто уплаты этой суммы, Общество обязывалось вносить прежнимъ владѣльцамъ ежегодно 5% съ нея, т. е. вѣчный чиншъ въ 3.500 злотыхъ, записавъ подъ обезпеченіе не только данный домъ, но и тотъ, который предполагалось выстроить на подоминиканской площади; оба дома должны составлять неотъемлемую частную собственность Общества, пока оно исправно платитъ чиншъ, причемъ выражалось, что Королевское Варшавское Общество „хотя далеко отъ опасенія, чтобы таковая частная собственность его могла быть когда-нибудь сочтена исключительною собственностью правительства”,

¹⁾ Миссіонеры сначала требовали за домъ постоянный ежегодный чиншъ въ 4.000 злотыхъ. Побудить ихъ на сбавку постарались путемъ административнымъ. Ссылаясь надъ предписаніе намѣстника (15 марта п. с. 1820 г.), Прав. Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отнеслась къ миссіонерамъ, чтобы они представили ей свои условія объ уступкѣ своего дома, подъ № 1319, части его или всего. Миссіонеры представили ихъ. Комиссія нашла, что требованіе чинша въ 4.000 зл. слишкомъ велико: домъ, за покрытіемъ постоянныхъ податей, даже по официальной оцѣнкѣ доходовъ, приноситъ, и то не всегда, всего 3.807 зл. 26 грошей въ годъ; что, если принять во вниманіе неизмѣнность чинша и вычетъ квартирныхъ денегъ на 2 офицеровъ, будетъ совершенно достаточно получать миссіонерамъ 3.407 зл. 26 грошей. Миссіонеры стояли (13 апр. п. ст.) на своемъ. Сташицъ обзывалъ ихъ требованіе, какъ не подтверждаемое официальными данными, неосновательнымъ. Письменные условія миссіонеровъ, возраженія Сташица и свои собственныя замѣчанія Прав. Комиссія представила (15 апрѣля п. с.) намѣстнику, присоединяя, что ей ничего не остается дѣлать, какъ оставить дѣло до его рѣшенія. Бумага отъ имени Пр. Комиссія была за подписью гр. Стапислава Потоцкаго. Сочли нужнымъ обратиться къ посредничеству варшавскаго архіепископа, который и склонилъ (въ маѣ) миссіонеровъ удовлетвориться за вѣчную аренду ихъ дома ежегодною имъ платою 3.500 злотыхъ. Сообщая объ этомъ Пр. Комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, намѣстникъ уполномочивалъ (16 іюня п. с. 1820 г.; Приложенія, 1, № 68) ее заключить условія между ксендзами миссіонерами, съ одной стороны, и стат. совѣт. Сташицемъ, председателемъ Общества, съ другой.

однако присоединяетъ, что въ случаѣ прекращенія его существованія купленный домъ или доходы съ него принадлежатъ больницѣ или вообще институціи Младенца Іисуса въ Варшавѣ, съ условіемъ уплаты чинша миссіонерамъ.

Нанесеніемъ въ договорѣ чинша, обезпечиваемаго не только приобрѣтаемымъ домомъ, но и тѣмъ, который будетъ выстроенъ на подоминиканской площади, администрація Общества заинтересовывала въ устанавливавшемся землевладѣніи другую общину, чисто духовную. Договоръ, съ нѣкоторыми сокращеніями, былъ утвержденъ (11/23 сент.) Пр. Комиссіею духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія¹⁾. Условіе о ежегодной платѣ чинша въ 3.500 зл. внесли (8 ноября н. с.) въ ипотечную книгу, въ отдѣлъ ограниченій правъ собственности Общества на недвижимость подъ № 1319-мъ²⁾.

Такъ въ 1820 году къ старому историческому мѣсту Московской каплицы присоединилась сосѣдняя съ нимъ собственность общины ксендзовъ миссіонеровъ, нѣкогда долго и упорно враждовавшихъ и спорившихъ съ прежними владѣльцами мѣста и Московской каплицы на немъ, ксендзами доминиканами обсервантами. За исключеніемъ передней части подоминиканской площади, оба эти землевладѣнія, какъ постепенно увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, остаются съ тѣхъ поръ слитыми до настоящаго времени.

Соотвѣтственно съ выраженнымъ предъ тѣмъ требованіемъ правительства, новый домъ свой Общество должно было вы-

¹⁾ Она утвердила его безъ новаго представленія договора намѣстнику, на основаніи намѣстническаго уполномоченія ей отъ 16 іюня н. с. того же года, хотя намѣстникъ зналъ тогда только о суммѣ чинша, а о другихъ условіяхъ, какъ передача недвижимости въ пользу больницы, тогда еще не было рѣчи.

²⁾ Остальные условія ограниченій остались лишь въ договорѣ, а въ ипотечную книгу не были вписаны. Дѣло о внесеніи въ ипотечную книгу недвижимости № 1319 на имя и въ собственность Общества велъ членъ его, апелляціонный судья Венгржецкій, по нотаріальной довѣренности (24 окт. н. с.) ему административнаго совѣта Общества. Приложенія, кн. 1, №№ 108—111, докум. изъ ипотечной книги недвижимости № 1319.

строить весь каменный, значительныхъ размѣровъ и съ красивымъ фасадомъ на Краковское предмѣстье. Прежній планъ, Айгнера, замѣнялся другимъ, составленнымъ недавно прибывшимъ въ Варшаву архитекторомъ - художникомъ италіанцемъ Антоніемъ Кароцци. По пересмотрѣ и утвержденіи этого плана городскимъ архитекторомъ Лесселемъ, представили его намѣстнику. Зданіе, старательно убранный съ передней стѣны и завершенное большимъ круглымъ куполомъ, обѣщало быть красивымъ, и планъ былъ одобренъ и утвержденъ и затѣмъ переданъ Сташицу.

Произвести стройку предполагалось на крупную сумму, тысячъ въ триста злотыхъ. Денегъ у Общества почти не было. Достать ихъ думали изъ строительнаго фонда Варшавы и отъ продажи дома на Каноніи.

Все это было выяснено и подготовлено также заблаговременно. Считая надобнымъ не медлить съ началомъ стройки, лишь откроется для того возможность, Общество обратилось въ муниципальное управленіе о ссудѣ 50.000 злотыхъ. Управленіе пожелало точно оформить дѣло. Ему, прежде всего, требовалось знать о правахъ Общества относительно стройки, и Прав. Комиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи увѣдомила его, что „князь царскій намѣстникъ утвердилъ уже планъ, по которому Королевское Общество любителей наукъ построить домъ на площади послѣ разобраннаго доминиканскаго костела“. Тогда оно (8 июля н. с. 1820 г.)¹⁾ сообщило Обществу, что требуемая ссуда получитъ имъ изъ суммы фонда, опредѣленной на строительныя нужды въ 1820 году, но что, согласно правиламъ, будутъ выдаваться первая четверть ссуды—до начала постройки, а остальные—по мѣрѣ выполненія работы, для чего Общество должно, предъ полученіемъ первой четверти, внести ипотечный залогъ на всю испрашиваемую сумму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, управленіе предложило ему обязаться начать стройку дѣйствительно въ текущемъ году, выполнить ее, согласно утвержденнымъ планамъ и вѣдомостямъ расходовъ, и привести домъ въ жилое состояніе

¹⁾ Приложенія, 1, № 138.

до истеченія трехъ лѣтъ (т. е. не позднѣе 1823 г.), уплачивать сеуду въ двадцатилѣтній срокъ (1823—1842 г.) по 6% въ Варшавскую экономическую кассу серебряною монетою, изъ коихъ 5% казнѣ, для возврата займа, а 1% на „желѣзный” (неприкосновенный) фондъ; не дѣлать, безъ вѣдома и согласія магистрата, на эту недвижимость никакихъ новыхъ долговъ, и т. п. Всѣ условія были приняты Обществомъ. Подъ ипотечный залогъ, впрядь до отстройки новаго дома, поступили грубешовскія имѣнiя Сташица, въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Свободной своей недвижимости, которую можно было бы отдать подъ обезпеченiе займа, Общество не имѣло: домъ на Канонiи предназначался къ продажѣ. Купленный у Варшавскаго капитула въ 1806 г. на эмфитевтичномъ правѣ за 4.800 злотыхъ съ обязательствомъ ежегодной уплаты чинша по 60 злотыхъ, послѣ капитальной починки и передѣлки онъ страховался Обществомъ, за послѣднiе годы, въ 5.750 талеровъ¹⁾; страховая оцѣнка должна была служить теперь доказательствомъ его настоящей стоимости. Благодаря сосѣдству его съ Королевскимъ замкомъ, всего выгоднѣе можно было продать его въ дворцовое вѣдомство. Замокъ украшался. На строительныя нужды по дворцовому вѣдомству отпускались тогда значительныя суммы, и между намѣстникомъ и Сташицемъ завелись соотвѣтственныя сношенiя. Въ интересахъ болѣе выгодной операцiи по продажѣ дома, дѣло пока изображалось Сташицемъ и Обществомъ такъ, что оно выполняется лишь въ угоду правительству, какъ бы чуть не по принужденiю.

На засѣданiи Общества, на которомъ подробно обсуждались желательныя условiя, докладывалось (4 iюня н. с. 1820 года)²⁾: „Князь королевскiй намѣстникъ объявилъ предсѣдателю Общества, что домъ Общества можетъ быть купленъ правительствомъ для Королевскаго двора, причемъ сдѣлалъ предложенiе,

¹⁾ Какъ показывалось въ свидѣтельствѣ главной администрацiи Страховаго общества отъ 27 мая н. с. 1816 г., въ этотъ счетъ входила и плата за уборку мусора и т. п.

²⁾ Приложенiя, кн. 2, стр. 111—112.

чтобы Общество постаралось выстроить себѣ новый домъ на подоминиканской площади и для этой цѣли предложилъ Обществу денежную ссуду отъ казны; даже планъ будущей постройки, по желанію кн. намѣстника, уже составленъ, а расходъ на нее высчитанъ въ 350.000 злотыхъ. Предсѣдатель Общества, склоняясь (*przycyłaając się*) къ предложенію князя намѣстника, переговоривъ со многими членами Общества, попросилъ товарища Кубицкаго о составленіи смѣты дома". Требуемую смѣту Кубицкій, генеральный интендантъ, представилъ на данное засѣданіе Общества. Стоимость дома на Каноніи онъ опредѣлилъ въ 180.000 злотыхъ. „Примѣняясь къ прежнимъ расходамъ, сдѣланнымъ при покупкѣ дома, и къ увеличенію цѣны матеріаловъ въ нынѣшнее время", предсѣдатель вывелъ сумму въ 200.000 злотыхъ. „Товарищъ Кубицкій высказалъ, что правительство, вѣроятно, согласится на справедливое требованіе предсѣдателя, принимая во вниманіе и то, что Общество не имѣетъ нужды въ продажѣ своего дома, а желаетъ лишь угодить правительству; что на постройку новаго дома не будетъ имѣть надобной суммы денегъ, что при этой стройкѣ оно много должно вынести трудовъ и претерпѣть неприятностей, что ожидаются немалые расходы при переноскѣ библіотеки и кабинета естественныхъ наукъ и что, наконецъ, постройкою новаго зданія, предъ которымъ можетъ быть поставленъ памятникъ Коперника, Общество будетъ значительно способствовать украшенію столицы. Послѣ такого заявленія предсѣдатель спросилъ членовъ, позволяютъ ли они продать домъ правительству и построить новый на Краковскомъ предмѣстьѣ и уполномочиваютъ ли они его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ въ этомъ дѣлѣ". Изъ благодарности къ предсѣдателю за его прежнія заслуги и по довѣрію къ его ревности, собраніе просило его „руководить этимъ дѣломъ для общаго блага". На этомъ основаніи Сташиць поручилъ Кубицкому доложить намѣстнику о смѣтѣ дома, представить, что „200000 зл. требуются правильно, тѣмъ болѣе, что новый домъ будетъ построенъ изъ кирпича по плану, предложенному правительствомъ". Съ своей стороны Кубицкій, обращая вниманіе на внѣшнее украшеніе дома, касавшееся фасада и отштукатурки,

сдѣлалъ замѣчаніе, что „коль скоро это должно быть выполнено согласно волѣ правительства, то надо будетъ составить счетъ расходамъ, чтобы правительство изыскало на это сумму для Общества”, которое само по себѣ не можетъ нести значительныхъ и дорогихъ издержекъ, довольно и того, что Общество, по стараніямъ предсѣдателя, будетъ имѣть домъ хорошо и экономично устроенный внутри и удобный. Назначили изъ своей среды уполномоченнаго апелляціоннаго судью Венгржецкаго составить контрактъ продажи на случай, „если наияснѣйшій императоръ и король изволить на покупку дома Общества для своей пользы”. Въ контрактѣ должны быть помѣщены условія о срокахъ уплаты правительствомъ договоренной цѣны за продаваемый домъ, о томъ, что новый „домъ будетъ совершенно свободенъ навсегда отъ квартирной подати, натурою и деньгами”, съ распространеніемъ этой льготы и на жильцовъ его, что Общество можетъ оставаться въ прежнемъ домѣ, пока новый не будетъ вполне оконченъ, и означено, кому долженъ принадлежать новый домъ Общества, еслибъ оно случайно закрылось; послѣднее условіе можетъ быть заимствовано изъ контракта покупки дома на Каноніи. Венгржецкому въ его дѣйствіяхъ относительно сего вмѣнялось обращаться къ предсѣдателю, который въ свою очередь будетъ обращаться къ административному совѣту Общества.

По полученіи соотвѣтственныхъ докладовъ, намѣстникъ, по ходатайству Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, сдѣлалъ представленіе (30 іюня н. ст.) государю, не угодно ли будетъ ему согласиться купить на потребности Замка домъ на Каноніи №№ 85, 86 и 87. Согласіе государя (7/19 іюля) получилось ¹⁾. Намѣстникъ увѣдомилъ (5 авг. н. с.) объ этомъ предсѣдателя Общества, Сташица.

Образована была комиссія для составленія договора купли-продажи. Отъ имени правительства участвовали въ ней совѣтникъ генеральной прокураторіи Бораковскій и генеральный интендантъ Кубицкій, а со стороны и отъ имени Общества члены

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 69—70.

его административнаго совѣта во главѣ съ предсѣдателемъ. Проектъ договора былъ готовъ у нихъ въ тотъ день, какъ въ Совѣтѣ управления состоялось постановленіе намѣстника объ отдачѣ Обществу всей подоминиканской площади, т. е. 10/22 августа 1820 года. По утвержденіи договора государемъ¹⁾, комиссіи было указано заключить купчую на имя государя. Дѣйствовать отъ имени правительства намѣстникъ поручилъ одному Бораковскому.

Нотаріальною купчей, составленной комиссіею 21 дек. н. с.²⁾, опредѣлялось: Королевское Варшавское Общество любителей наукъ свой домъ на Каноніи подъ №№ 85, 86 и 87, находящійся на чиншевой землѣ капитула Варшавской митрополи, подаренный Сташицемъ и признанный за нимъ на правахъ собственности при учрежденіи новой ипотеки³⁾, продаетъ его величеству въ полную собственность со всѣми постройками и со всѣми правами, какими оно пользовалось, безъ всякаго изъятія, по цѣнѣ 200.000 пол. злотыхъ, серебряною монетою; уплата ея Обществу должна производиться казною въ теченіе 1821 года, въ четыре срока (30-ья числа января, іюля, сентября и декабря), по 50.000 зл. въ каждый, изъ средствъ, какія государь назначить къ этому году на разныя постройки; его величество становится собственникомъ дома со дня заключенія купчей, но такъ какъ Общество не имѣетъ пока другаго помѣщенія и предполагаетъ постройку новаго своего дома вышолнить лишь въ два года, то государь разрѣшаетъ ему оставаться тутъ до этого срока, т. е. до 31 декабря 1822 г., послѣ чего домъ должно сдать въ томъ состояніи, въ какомъ былъ при заключеніи купчей; освобожденіе

¹⁾ Отношеніе статсъ-секретаря царства объ этомъ къ намѣстнику отъ 22 сент. 2 окт. 1820 г., Приложенія, 1, № 71.

²⁾ Она была составлена въ домѣ Общества, на Каноніи, предъ актовымъ писаремъ и нотаріусомъ Скороходъ-Маевскимъ.

³⁾ Начатое 17 ноября 1819 г., устройство новой ипотеки на имя Общества окончательно состоялось лишь 13 октября н. с. 1820 г., въ книгу вписаны были прежнія чиншевыя обязательства въ пользу Варшавскаго капитула и ограничительныя условія, на какихъ въ 1806 г. Сташиць дарилъ домъ Обществу.

отъ военнаго постоя, какимъ пользуется домъ, будетъ перенесено и на новый домъ Общества; Сташиць и Общество изъявляютъ согласіе одновременно съ этимъ актомъ составить особый актъ на изъятіе (*extabulacuja*) въ ипотечной книгѣ прежнихъ ограничительныхъ условій дара Сташица; Общество удостовѣряетъ, что, кромѣ этихъ условій, которыя должны быть снесены, и кромѣ эмфитевтичнаго чинша Варшавскому капитулу по 60 польскихъ злотыхъ ежегодно, нѣтъ никакихъ ни ограниченій, ни постоянныхъ налоговъ, ни долговъ; чиншъ будетъ уплачиваться съ продаваемаго дома; продажѣ не подлежатъ вещи, принадлежащія Обществу, а равно статуи, портретъ саксонскаго короля и мраморная доска въ большой залѣ; внесеніе въ ипотеку поручается Бораковскому и апелляціонному судѣ въ царствѣ и члену Общества Венгржецкому.

Въ особомъ актѣ, тутъ же написанномъ, излагалось: На продаваемомъ домѣ имѣются, по дарственной записи (24 ноября н. ст. 1806 г.) Сташица, условія: 1) Общество будетъ владѣльцемъ дома, пока оно существуетъ; 2) оно не можетъ дѣлать никакихъ переуступокъ; 3) въ случаѣ его закрытія, владѣніе переходитъ къ кн. Александру Салѣгѣ или его наслѣдникамъ, съ тѣмъ, чтобы они или выстроили госпиталь для бѣдныхъ, или обращали доходы на такое дѣло. Между тѣмъ, въ силу только что заключеннаго договора купли-продажи, домъ поступаетъ въ собственность его величества свободнымъ отъ этихъ обязательствъ, и Сташиць, какъ даритель, а Общество, какъ сторона, получившая даръ, признаютъ дальнѣйшее существованіе ихъ излишнимъ и ненужнымъ, и въ виду также того, что Общество на сумму, вырученную отъ продажи дома, намѣрено построить на Краковскомъ предмѣстьѣ новый домъ, и уже начало постройку его, и тѣмъ самымъ прежній домъ замѣняется уже новымъ, — вслѣдствіе всего этого предсѣдатель Общества устраняетъ эти ограничительныя условія и соизволяетъ на изъятіе (*extabulacuja*) ихъ изъ ипотечной книги, а Общество съ благодарностію принимаетъ такое устраненіе и изъятіе условій. Выполненіе по дан-

ному акту формальностей по ипотека́ возлагаетъ Общество на Бораковскаго, безъ дальнѣйшаго въ томъ участія Общества ¹⁾).

Уполномоченные точно выполнили возложенныя на нихъ обязанности. Продаваемый домъ былъ записанъ по ипотека́ „въ собственность его величества Александра I, императора всероссійскаго, царя польскаго“. Эмфитевтическое право владѣнія съ ежегодною уплатою чинша по 60 злот. Варшавскому капитулу оставлялось по прежнему, но условія, ограничивавшія владѣніе недвижимостью по дару ея Сташицемъ Обществу, были совсѣмъ исключены, такъ что о снесеніи ихъ записано было (26 января н. ст. 1821 г.) въ ипотечной книгѣ недвижимости подъ №№ 85, 86 и 87, а въ ипотечной книгѣ новаго дома Общества о нихъ, какъ уже не существующихъ, не упоминалось ²⁾. Перенесеніе на новый домъ прежнихъ условій, налагавшихся частнымъ лицомъ, едвали было бы и возможно: домъ на Краковскомъ предмѣстьѣ ставился на казенной землѣ, подаренной Обществу, и сооружался при помощи, содѣйствіи и участіи правительства.

Въ недвижимости на Каноніи, купленной казною у Сташица и Общества въ собственность государя и на потребности Замка за высокую цѣну, для Замка не чувствовалось большой надобности, такъ что впоследствии дворцовое вѣдомство оставило себѣ изъ нея лишь одинъ домъ (№ 87), прилегавшій къ замковымъ воротамъ, части же, подъ №№ 85 и 86, т. е. домъ съ флигелемъ, продало (1843 г.) въ частныя руки ³⁾. Дорогая покупка служила фактически денежной правительственной помощью Обществу.

¹⁾ Этотъ актъ 21 дек. н. с. 1820 г., составленный также въ домѣ Общества на Каноніи и предъ тѣмъ же актовымъ писаремъ Скороходъ-Маевскимъ, въ Приложеніяхъ, 1, № 107.

²⁾ Приложенія, извлеченія изъ ипотечныхъ книгъ недвижимости подъ №№ 85, 86 и 87 и 1820/1. О стараніяхъ же обезпечить дальнѣйшее, но отъ имени самого Общества, а не отъ лица Сташица, см. выше, ипотечныя условія недвижимости № 1319.

³⁾ За 3.243 р. съ присоединеніемъ чинша. Чиншь съ этихъ недвижимостей платился капитулу до 1865 г., послѣ чего право полученія его поступило въ собственность казны; съ 1881 г. вмѣсто чинша „пріобрѣтатель при каждой продажѣ обязанъ вносить въ казну ляудеміальный платежъ въ размѣрѣ 13 р. 50 к.“. Дома подъ №№ 85 и 86, изъ коихъ одинъ выходитъ на улицу и имѣетъ въ рядъ 7 оконъ,

Отъ продажи дома или домовъ и благодаря обѣщанной ссудѣ теперь у Общества на его строительныя нужды оказывалось до 250.000 злотыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему дарилась масса строительнаго матеріала. Послѣ разборки костельныхъ и монастырскихъ доминиканскихъ зданій было, какъ мы видѣли уже ¹⁾, 1.682.300 штукъ кирпича, изъ коихъ половина пошла на постройку костела св. Александра, а почти вся другая половина, до 774.900 кирпичей, поступила въ вѣдѣніе Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ пользу эдукціоннаго фонда. Полученный запасъ кирпича Прав. Комиссіи подарила Обществу любителей наукъ подъ сооруженіе дома. На доминиканской площади оставалось нѣсколько надворныхъ построекъ, которыя тоже были отданы въ распоряженіе Общества.

Пользуясь благопріятно складывавшимися обстоятельствами, Общество приступило къ сооруженію дома много ранѣе, чѣмъ окончились всѣ формальности по продажѣ прежняго имущества. Закладка состоялась 16/28 сентября 1820 года, въ 2½ часа пополудни²⁾. Предсѣдатель Сташицъ положилъ первый камень, подъ которымъ помѣстилъ особый сосудъ съ разными новыми и старыми монетами, медалями и пергаментъ съ означеніемъ, при какомъ государѣ и въ какой день, мѣсяцъ и годъ состоялась закладка и въ присутствіи какихъ членовъ; намятки въ медаляхъ и на письмѣ предполагалось помѣстить въ разныхъ частяхъ фундамента, между прочимъ медаль 1808 г. въ воспоминаніе учрежденія Общества и дарованія саксонскимъ королемъ наименованіе Королевское. Строилъ домъ составитель плана архитекторъ Кароци, которому Варшава была постепенно обязана и другими своими красивыми зданіями, каковы нынѣ Государственный банкъ, Большой театръ, домъ Министерства внутреннихъ дѣлъ

а другой, флигель, стоитъ за нимъ во дворѣ, доселѣ имѣются въ частномъ владѣніи; а домъ подъ № 87, рядомъ съ замковыми воротами, въ 4 окна на улицу, остается казеннымъ, въ немъ помѣщается отдѣленіе канцеляріи по иностраннымъ вѣроисповѣданіямъ.

¹⁾ Выше, 309—310.

²⁾ Приложенія, 2, стр. 114.

и проч.; лѣпныя работы производилъ тоже итальянецъ, Боретти. Со стороны Общества непосредственное наблюденіе имѣлъ его членъ и секретарь, ксендзъ Эдуардъ Чарнецкій.

Видя осуществленіе своихъ желаній, Общество не замедлило принести свою благодарность главному виновнику дѣла. На одномъ изъ ближайшихъ засѣданій (1 ноября н. с.) былъ составленъ благодарственный адресъ Сташицу. Тутъ вспоминались и другія важнѣйшія заслуги Сташица; устройство дома приписывалось ему иначе, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, теперь безъ всякаго даже указанія на вліяніе и дѣйствія правительства.

„Давать — говорилось въ адресѣ—доказательства гражданства и привязанности къ отечеству, посвящать для его блага труды и силы, не щадить собственнаго имущества для общественной пользы, это—заслужить себѣ при жизни уваженіе и благодарность современниковъ, славу въ грядущихъ вѣкахъ. Королевское Общество любителей наукъ, какъ свидѣтель этихъ дѣяній и выразитель такихъ чувствъ, изъявляетъ почтенному своему предсѣдателю благодарность за его столько разъ повторяемые щедрые дары ему и публикѣ. Да, сему предсѣдателю Общества было обязано первымъ домомъ своихъ засѣданій, его щедрости оно вскорѣ будетъ обязано великолѣпнымъ, предназначеннымъ для той же цѣли, зданіемъ, уже строящимся; первому почину сего мужа, его значительнымъ пожертвованіямъ Польша будетъ обязана увѣковѣченіемъ памяти великаго соотечественника своего, того мудреца, который первымъ предначерталъ вѣрное теченіе небесныхъ свѣтилъ, однимъ словомъ, увѣковѣченіемъ великолѣпнымъ манументомъ славнаго въ мірѣ Коперника. Жертвовать свое имущество на такія дѣянія, на такіе великіе памятники—значитъ сочетать имя свое съ именами тѣхъ, которыхъ они будутъ напоминать, которые покрыли свою страну славою. Да будутъ эти чувства Королевскаго Общества уплатою мужу, не желающему иной награды, какъ всецѣло посвящать себя благу соотечественниковъ и славѣ своего отечества”.

Подъ адресомъ подписалось 53 лица. Когда, на слѣдующемъ засѣданіи (12 ноября н. ст.), предсѣдатель отдѣла физиче-

скаго прочелъ его и подписи и обратился къ чествуемому съ просьбою отъ Общества принять выраженія ихъ чувствъ, разстроганный Сташицъ въ благодарность заявилъ, что онъ, „считаетъ всегда священнѣйшимъ для себя долгомъ служить по мѣрѣ возможности своему возлюбленному отечеству, и особенно въ патріотическомъ Обществѣ любителей наукъ, старанія и научные труды котораго обезпечиваютъ на долгія времена народную славу и существованіе имени поляковъ”. По желанію членовъ, адресъ, „хотя на этотъ разъ съ оскорбленіемъ скромности почтеннѣйшаго предсѣдателя”, былъ переданъ мѣстной періодической печати.

Несмотря на это, планъ строящагося дома удовлетворялъ далеко не всѣхъ. Официальная рѣчь съ правительствомъ и административными учрежденіями долго шла о домѣ собственно по плану Айгнера, составленному примѣнительно къ плану мѣстности, начерченному архитекторомъ Лесселемъ, между тѣмъ домъ строился по плану Кароцци. Замѣна вышла для многихъ неясно и неожиданно, а составитель перваго проекта, повидимому, не скрывалъ своего недовольства. На томъ же засѣданіи, на которомъ писали адресъ Сташицу, поручили Айгнеру сдѣлать свои замѣчанія относительно плана постройки. Архитекторъ указалъ потомъ на необходимость нѣкоторыхъ перемѣнъ. Принявъ его поправки аркадъ въ фасадѣ дома, чтобы лавки, помѣщавшіяся въ нижнемъ этажѣ, не были затемнены, и поправки въ увеличеніи размѣра бібліотеки, сдали письменныя его замѣчанія въ архивъ. Замѣчательно, что неясность представленія, по какому плану строится домъ, держалась долго и среди большихъ административныхъ лицъ, пока завѣдывавшій стройкой секретарь Общества Чарнецкій не нашелъ потомъ своевременнымъ пояснить (22 окт. н. с. 1821 г.), что домъ строится по плану Кароцци, только утвержденному Лесселемъ¹⁾.

На начало стройки пошла первая часть ссуды изъ городской кассы (выдана въ августѣ 1820 г.). При дальнѣйшей работѣ ис-

¹⁾ Приложенія, кн. 2, стр. 115—116, 127, кн. 1, № 73.

пытывались затрудненія, отъ несвоевременной получки денегъ за домъ на Каноніи. Деньги эти должна была уплачивать Обществу Прав. Комиссія финансовъ и казначейства¹⁾. Хотя сроки на уплату ею 200.000 зл. были опредѣлены точно, однако Общество долго ничего не получало, и кс. Чарнецкій обратился къ министру предсѣдательствующему въ ней: „Общество, согласно съ планомъ, поданнымъ правительствомъ, начало постройку новаго для себя дома на Краковскомъ предмѣстьѣ, на бывшей доминиканской землѣ; но оно вынуждено будетъ приостановиться со стройкой, по несвоевременной уплатѣ казною за домъ на Каноніи, приобрѣтенный на имя его величества. Перерывъ въ постройкѣ вредно отзовется на Обществѣ въ матеріальномъ отношеніи, особенно въ виду того, что оно должно будетъ, по условіямъ контракта, выселиться изъ проданнаго имъ дома, не имѣя готоваго новаго”²⁾. Отвѣта не послѣдовало. Въ дальнѣйшихъ своихъ просьбахъ, уже болѣе настойчивыхъ, Чарнецкій, объявляя, что „Общество не имѣетъ средствъ для дальнѣйшаго производства работъ”, добивался ассигновокъ пока хотя неполныхъ. Прав. Комиссія финансовъ предписала Генеральной кассѣ расходовъ выплачивать тысячъ по 10 въ мѣсяцъ, изъ суммъ, назначенныхъ на стройки по дворцу. Въ теченіе всего 1821 года было выдано менѣе половины. Указывая, что остается недополученными 110.000 зл., Сташиць, въ началѣ слѣдующаго 1822 г.³⁾, просилъ министра кн. Любецкаго о немедленной ихъ уплатѣ, какъ необходимой на скорѣйшее окончаніе стройки дома, потому что Обществу слѣдуетъ къ концу этого года выдти изъ прежняго помѣщенія, „что будетъ затруднительно, изъ-за того, что не окончатъ новаго дома, который, строясь согласно съ правительственнымъ планомъ, обойдется тысячъ въ триста злотыхъ”. Уплата подвинулась, но не совсѣмъ: съ выдачей послѣднихъ 30.000 злотыхъ дѣло опять приостановилось. На просьбу о нихъ

¹⁾ Уполномоченіе намѣстника Прав. Комиссіи о таковой уплатѣ Обществу, 17 февр. н. ст. 1821 г., въ Приложеніяхъ, 2, № 12.

²⁾ Тамъ же, № 13, просьба Чарнецкаго 17 марта н. с. 1821.

³⁾ Тамъ же, № 14, просьба Общества 8 янв. н. с. 1822.

отъ имени Общества (въ сентябрѣ) Чарнецкій не получилъ отвѣта, почему прибѣгъ (29 янв. н. ст. 1823 г.) къ угрозѣ, что Общество вынуждено будетъ подать жалобу намѣстнику: оно и такъ уже понесло ущербъ въ своихъ дѣлахъ; не докончивъ новаго дома, оно не можетъ освободить прежняго помѣщенія, что обязано было бы сдѣлать еще въ декабрѣ минувшаго года, и отъ этого происходятъ споры съ комиссіей по постройкѣ королевскихъ зданій о томъ, кто долженъ покрывать подати и другіе расходы съ дома на Каноніи; комиссія требуетъ, чтобы Общество немедля удалилось отсюда, а оно требуетъ денегъ, чтобы окончить свой домъ. „Непрестанно ходатайствуя у Прав. Комиссіи финансовъ — заключилъ онъ — объ уплатѣ слѣдуемой остальной части вознагражденія, Общество израсходовало свыше 24 злотыхъ на одну бумагу и, можетъ быть, должно потратить еще больше въ подобныхъ поискахъ своей суммы, если такимъ порядкомъ, т. е. по 5 мѣсяцевъ, не станетъ удостоиваться отвѣта на свои прошенія”. Прав. Комиссія велѣла удовлетворить просителей.

Значительно въ иномъ видѣ представлялъ кс. Чарнецкій положеніе и ходъ постройки, когда добивался отпуски ссуды. Ссуда отпускалась по мѣрѣ выполненія работъ, и Чарнецкій еще въ маѣ 1821 года доносилъ муниципальному управленію объ окончаніи кладки фундамента, а въ ноябрѣ присоединялъ, что возведена и крыша. Наконецъ, 25 сентября н. с. 1822 г., т. е. слишкомъ за четыре мѣсяца до указанной выше послѣдней его просьбы Прав. Комиссіи финансовъ, писалъ онъ, что на постройку дома на Краковскомъ предмѣстьѣ, на площади послѣ разобранныхъ костела и монастыря, бывшей во владѣніи ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ, подъ №№ 1320 и 1321, Королевское Общество любителей наукъ получило уже три срочные платежа, и что теперь, когда зданіе это не только покрыто крышей, но въ части обращено уже въ жилое помѣщеніе¹⁾, просить онъ, отъ имени

¹⁾ Gdy gmach w mowie będący nie tylko dachem nakryty, ale już po części służy ku użytkowi mieszkańców i Towarzystwa samego.

Общества, объ ассигнованіи послѣдней четверти займа. Окончаніе стройки дома засвидѣтельствовалъ (въ ноябрѣ) и главный городской архитекторъ Грофе.

Для формальнаго утвержденія дома за Обществомъ и перенесенія на него долга въ 50.000 злотыхъ, значившагося пока на ипотекѣ на грубешовскихъ имѣніяхъ Сташица, была произведена (20 февр. н. ст. 1823 г.) тѣмъ же архитекторомъ оцѣнка¹⁾; по которой стоимость дома съ пристройками опредѣлилась въ 273.990 злотыхъ, не считая стоимости земли въ 39.678 злотыхъ (всего так. обр. 313.668 злот.). Домъ оказался весь каменный, трехъэтажный²⁾, съ антресолями и куполомъ, крытый жестью, высоты, включая и антресоли, до 23 локтей и 75 дюйм.³⁾. „Весь фронтъ“ его былъ въ коринфскомъ стилѣ, занимая по Краковскому предмѣстью 67 локтей, по Новому Свѣту 27 1/2 локт., а по улицѣ Александріи 17 1/2 локтей. Поверхность площади, принадлежавшей Обществу, измѣрялась въ 6.613 кв. локтей. Утвержденная (28 апр. н. ст.) по ипотекѣ подъ прежними №№ 1320 и 1321 за Обществомъ на правахъ собственности, недвижимости эта послужила (въ маѣ) обезпеченіемъ долга строительному фонду, съ обязательствомъ Общества не обременять ее новыми долгами безъ вѣдома и согласія муниципальнаго управленія⁴⁾.

Побуждаемое комиссіей надзора за королевскими строеніями, Общество начало теперь переносить свое имущество съ Каноніи въ новый домъ, и 5 октября н. ст. 1823 г. состоялось первое здѣсь засѣданіе.

Переносясь въ новое помѣщеніе, Общество принялось за перестройку своего сосѣдняго, купленнаго у миссіонеровъ, дома, подъ № 1319, на Новомъ Свѣтѣ. Имѣвшіяся средства оно дополнило опять ссудою изъ варшавскаго строительнаго фонда. Статсъ-секретарь царства генераль Коссецкій увѣдомлялъ (въ

¹⁾ Приложенія, 1, № 115, оцѣнка дома архитекторомъ Грофе.

²⁾ По мѣстному счету, изъ „низа“ и „перваго“ и „втораго“ этажей.

³⁾ Низъ или фундаментъ 5 локтей и 22 пал., первый этажъ 8 л. 18 пал., второй этажъ 6 л. 13 п., антресоли 9 л. 22 пал.

⁴⁾ Приложенія, 1, №№ 112 и 116; ср. кн. 2, стр. 119--120.

апрѣль 1823 г.) Войду: „Имѣю честь довести до свѣдѣнiя президента муниципальнаго управленiя и полицiи, что князь королевскiй намѣстникъ изволилъ согласиться, по представленiю ст. сов. Сташица, на утвержденiе плана дома, имѣющаго быть построенымъ съ улицы Новый Свѣтъ, въ соприкосновенiи съ домомъ Варшавскаго Королевскаго Общества любителей наукъ, и притомъ желаетъ, чтобы сумма 50.000 злотыхъ на постройку этого дома была готова изъ фонда на пособiя, предназначенныя на новыя постройки за 1824 годъ”¹⁾. Сумму эту Общество записало (въ маѣ 1824 г.) по ипотекѣ²⁾ на домъ, уже выстроенный подъ № 1320/1, на которомъ всего строительнаго долга стало такимъ образомъ 100.000 злотыхъ. Ссуда была получена подъ такiе же проценты и на такой же продолжительный срокъ, какъ первая, такъ что въ ближайшiя десятилѣтiя, впредь до погашенiя всего долга, Общество обязывалось уплачивать муниципальному управленiю до 6.000 зл. ежегодно. Вся перестройка и постройка недвижимости подъ № 1319-мъ должна была, по исчисленiямъ архитектора, обойтись тысячъ во сто злотыхъ. Работы по дому и надворнымъ зданiямъ покончили къ сентябрю 1824 года, оставивъ на 1825 годъ починку и увеличенiе забора и т. п. мелочи.

Едва окончились всѣ эти работы по сооруженiю и перестройкѣ зданiй, какъ кончилъ свои дни и Сташиць (8/20 января 1826 г.). Преемникомъ ему Общество избрало Нѣмцевича.

Относительно зданiй теперь требовалось точнѣе опредѣлить расходы по нимъ, доходы съ нихъ и т. п. Дома, выстраиваемые при помощи ссуды изъ строительнаго фонда, освобождались на нѣсколько лѣтъ отъ разныхъ казенныхъ и городскихъ податей и повинностей; размѣры льготы зависѣли отъ величины зданiй и количества этажей. Поэтому, по просьбѣ Чарнецкаго была городскимъ архитекторомъ Драцемъ составлена (24 апрѣля н. с. 1826 г.) опись³⁾ всей недвижимости (подъ № 1319²⁰/₂₁) Общества.

¹⁾ Отношенiе Коссецкаго отъ 10 апр. н. ст. 1823 г. въ Приложенiяхъ, 1, стр. 239.

²⁾ Тамъ же, 1, стр. 195, кн. 2, стр. 120—121.

³⁾ Опись Драца въ Приложенiяхъ, 1, стр. 241.

По данной описи, трехэтажный домъ, „выстроенный со стороны Замка, на мѣстѣ бывшаго доминиканскаго костела, былъ длиною 71 локоть, шириной 29 л., въ высоту вмѣстѣ съ балюстрадою отъ мостовой 34 локтя”. Домъ, фасадомъ на Новый Свѣтъ, бывший миссіонерскій, перестроенный и надстроенный, теперь состоялъ изъ двухъ этажей и антресолей, крытъ черепицей и имѣлъ длины 79, ширины $20\frac{1}{4}$ и вышины, отъ мостовой до карниза, 19 локтей. За ними, на ихъ двухъ дворахъ, находились два флигеля, конюшни, сараи, также все каменные; одинъ изъ этихъ флигелей такой же высоты и во столько же этажей, какъ помиссіонерскій домъ; другой флигель, тянувшійся поперекъ перваго двора, противъ воротъ, былъ одноэтажный, узкій и продолговатый. Ворота стояли съ улицы Новый Свѣтъ и были одни; во второй дворъ въѣздъ былъ не съ улицы, а изъ перваго двора, между флигелями¹⁾.

По величинѣ, красотѣ и отдѣлкѣ лучшимъ былъ первый домъ, съ Краковскаго предмѣстья, подъ № 1320/1. Парадный ходъ въ него, съ Предмѣстья, велъ въ большую круглую комнату — залу засѣданій Общества; занимая средину зданія, во 2 и 3 этажахъ, она была въ два свѣта, ярко освѣщавшіе всю ее и ея убранство, коллонны въ ней, лѣпную работу миѳологическаго содержанія; въ сосѣднихъ съ ней комнатахъ размѣщались библіотека, музей и т. п.²⁾. Часть дома была жилая. Помиссіонерскій домъ весь сдавался подъ частныя квартиры и служилъ доходной статьей для покрытія расходовъ по содержанию и управленію зданій, уплатѣ ипотечнаго долга и т. п.

Доходъ со зданій, еслибы считать все занятымъ, управленіе ими опредѣляло (въ 1829 г.) тысячъ въ восемнадцать злотыхъ. Чтобы увеличить доходность, Общество сдало (съ января 1830 г.) своимъ квартирантамъ, нѣкимъ Блюму и Якубовскому, въ 25-лѣтнюю аренду пустую огородную землю, у втораго двора, въ 31 локоть длины и $25\frac{3}{4}$ л. ширины, или всего 798 кв. локтей. Арендаторы обязывались выстроить тамъ на свой счетъ нѣсколь-

¹⁾ См. также планы №№ 25—26, въ Приложеніяхъ, кн. 2.

²⁾ Ср. *Golebiewskiego E. Opis. Warszawy*, 155—156.

ко каменныхъ зданій и платить за нихъ ежегодный чиншъ; по истеченіи срока аренды, всё строики поступали въ собственность Общества. Такъ какъ непосредственнаго выхода и выѣзда на улицу изъ огорода не имѣлось и, по контракту, нельзя было тамъ устроить ни шинка, ни кофейни и ничего подобнаго, то арендаторы нашли болѣе выгоднымъ для себя ограничиться возведеніемъ однихъ сараевъ и конюшенъ, а не жилыхъ помѣщеній.

Таково дѣйствительное происхожденіе и таковъ составъ того, чѣмъ владѣло Общество и что со временемъ начали называть „палацемъ Сташица“. Частною собственностію Сташица эта недвижимость никогда не была, и его заслуга здѣсь существенно иная и, при всей ея значительности, много скромнѣе, нежели какъ она теперь представляется.

Прежде всего, земельная собственность Общества составила не только изъ подоминиканской, но изъ двухъ частей: подоминиканской, подъ № 1320|1, и миссіонерской, подъ № 1319-мъ, и ни одна изъ нихъ не была куплена Сташицемъ и не дарилась имъ Обществу: первую отдало въ даръ Обществу правительство, вторую, съ находившимися на ней строеніями, купило у кс. миссіоверовъ само Общество въ долгъ съ обязательствомъ уплаты вѣчнаго чинша. Не покупалъ Сташиць, чтобы подарить Обществу, также ни „зданій“, ни „стѣнь“, ни „развалинь“ доминиканскаго монастыря и костела: отъ нихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ надворныхъ построекъ, не оставалось къ 1820 г. уже камня на камнѣ; вся, такъ называвшаяся въ общезитіи, „Московская каплица“, по распоряженію намѣстника Заіончека и Совѣта управленія царства, была предъ тѣмъ разружена и снесена, мѣстность заровнена, причемъ половина кирпича отдана на устройство костела св. Александра, другая почти половина Прав. Комиссіею духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія была потомъ употреблена на постройку главнаго дома Общества любителей наукъ; остальные матеріалы были распроданы или розданы преимущественно

на покрытіе расходовъ по сломкѣ зданій, часть кирпича пошла на перестройки дворца, плиты изъ пола костела попали въ имѣніе гр. Потоцкаго Виляново, и т. п.

Кромѣ кирпича и надворныхъ построекъ, остававшихся отъ доминиканскихъ зданій, на сооруженіе и передѣлки зданій Общества пошли: 100.000 зл., занятыхъ Обществомъ въ долгъ изъ строительнаго фонда Варшавы, 200.000 зл., вырученныхъ отъ продажи дома на Каноніи, а также 29.400 зл. сбереженій изъ складочныхъ суммъ Общества и „18 000 злот. изъ записи кс. Богуша на медали“ за конкурсныя сочиненія,—всего 347.400 злотыхъ¹⁾. Часть надворныхъ построекъ сдѣлана была, при Нѣмцевичѣ, арендаторами.

Домъ, съ самаго начала его закладки, во все время существованія Общества и въ ближайшее затѣмъ время, носилъ названіе дома Королевскаго Варшавскаго Общества любителей наукъ. Общество не только никогда не называло его, да и не могло называть, „палацемъ Сташица“, но еще, когда считало то для себя полезнымъ, усиленно подчеркивало участіе и покровительство въ сооруженіи его со стороны правительства, указывая на дарованіе земли, обязательность плана главнаго зданія, на выдачу строительнаго матеріала и вообще на разнообразное покровительство и содѣйствіе Обществу въ этомъ дѣлѣ²⁾. Не называли дома „палацемъ Сташица“ и такіе близкіе къ событію авторы, какъ Нѣмцевичъ, Козьмянъ и Скарбекъ.

Но какъ и на какія средства созданъ у Общества этотъ домъ и какимъ образомъ получена была подоминиканская земля, извѣстно было не многимъ, и личность главнаго здѣсь организатора и жертвователя мало по малу заслоняетъ въ народной памяти все остальное. Складывавшаяся легенда, что все это —

¹⁾ Эти именно суммы назывались администраціей имущества Общества, производившей въ началѣ 30-хъ годовъ ликвидацію по его дѣламъ, и тогдашнимъ мѣстнымъ правительствомъ. Объ этомъ будетъ сказано нами потомъ, въ сообщеніи о закрытіи Общества и конфискаціи дома.

²⁾ Какъ это мы видѣли уже выше, но еще подробнѣе увидимъ потомъ, въ XVIII главѣ, при изложеніи посемельнаго и денежнаго спора Зентецкаго.

дѣло и даръ одного лица, именно Сташица, росла и укрѣплялась, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе.

Уже члены Рожанцоваго братства, по своей исторіи тѣсно связанные съ доминиканами обсервантами, полагали, что ихъ „костелъ и монастырь были проданы г-ну Сташицу” ¹⁾. Младшій современникъ Сташица, но принявшійся за свои „Воспоминанія” въ позднѣйшее время, Дембовскій, полагалъ, что „ксендзь Сташиць купилъ на свои средства (доминиканскую) развалину, построилъ тамъ зданіе, существующее доселѣ, и подарилъ его Обществу любителей наукъ” ²⁾. Другой младшій современникъ Сташица, не только лично помнившій его, но и авторъ наиболѣе подробнаго историческаго очерка Общества, утверждалъ: „Оно (Общество) перешло въ великолѣпное зданіе на Краковскомъ предмѣстьѣ, которое Сташиць построилъ на свой собственный счетъ на мѣстѣ по снесенныхъ костелѣ и монастырѣ кс. доминиканъ обсервантовъ и подарилъ этому Обществу” ³⁾. Въ современной же литературѣ, основывающейся на печатныхъ данныхъ и на устныхъ разсказахъ, покупка Сташицемъ доминиканской земли вмѣстѣ съ бывшими на ней стѣнами или развалинами костела и монастыря, устройство имъ тутъ на свой счетъ дома и даръ его Обществу обыкновенно считаются уже несомнѣннымъ фактомъ, не подлежащимъ ни ограниченію, ни спору, ни провѣркѣ. Когда, по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, мы, предупреждая появленіе нашего изслѣдованія, подѣлились въ печати (1898 г.), въ видѣ тезисовъ, результатами своего изученія архивныхъ документовъ, между прочимъ, и относительно возникновенія дома Общества, то даже отъ одного изъ русскихъ авторовъ, интере-

¹⁾ Приложенія, 1, стр. 224, докум. изъ Архива Рожанцоваго братства.

²⁾ „Książdz Staszyc z własnych funduszów ruinę zakupił, wystawił gmach do dzisiejszego dnia istniejący i darował go Towarzystwu przyjaciół nauk, po którego zniesieniu dyrekcją Loteryi tu umieszczono“. Leon Dembowski, *Moje wspomnienia*, I, 212.

³⁾ ...już się przeniosło do wspaniałego gmachu na Krakowskiem Przedmieściu, które tenże Staszyc, w miejscu po zburzonym kościele i klasztorze księży Domikanów obserwantów, własnym kosztem zbudował i pomienionemu Towarzystwu ofiarował“. K. Wł. Wójcicki, въ *Bibl. Warsz.*, т. 139, стр. 392.

сующагося варшавскою стариною по печатнымъ даннымъ, встрѣтили потомъ на страницахъ того же историческаго журнала выраженіе крайняго недоумѣнія и удивленія, что мы говоримъ даже, „что настойчивые рассказы, будто ксендзъ Сташиць приобрѣлъ или купилъ себѣ подоминиканскія зданія и земли, выстроилъ домъ и подарилъ все это Обществу любителей наукъ, — не точная легенда; (что) ни площадь, ни домъ никогда не были собственностью Сташица, и таковыми не считали и не называли ихъ ни Общество, ни Сташиць”!

Эти и подобныя выраженія и сообщенія, а равно и тонъ съ какимъ излагались они, свидѣтельствуютъ лишь, въ какой мѣрѣ изгладилась изъ памяти дѣйствительная исторія сооруженія дома и какъ, подъ вліяніемъ и нѣкоторыхъ стороннихъ обстоятельствъ, привилась къ сознанію и чувству замѣнившая ее легенда ¹⁾.

Документальное изученіе состава и судьбы подоминиканскихъ владѣній и состава того, что строило Общество, помогаетъ къ должной оцѣнкѣ и другой современной легенды: будто извѣстная, стоящая нынѣ за бывшимъ домомъ Общества, каменная садовая бесѣдка — подлинная Московская каплица, подлинная усыпальница Шуйскихъ. Но еще яснѣе это раскроется, когда обратимъ вниманіе на мѣстоположеніе дома Общества и прежняго, выросшаго изъ Каплицы, доминиканскаго костела.

¹⁾ Ср. выше, стр. 336. Однако и доселѣ, по прежней инерціи, встрѣчаются не только въ польской, но и въ русской печати такія сообщенія: „Монастырскія развалины, вмѣстѣ съ мѣстностью, куплены были извѣстнымъ Сташицемъ, который построилъ домъ и подарилъ его вѣдомству Народнаго Просвѣщенія и въ частности Обществу любителей наукъ“ (Недѣля Окраны, 1907 г., № 3: О мѣстѣ первой усыпальницы царя Василя Іоановича Шуйскаго, стран. 3). Ср. *Miesięcznik Kurjera Polskiego*, 1900, 205—206; *Warszawa w obrazach*, 1903, и др.

XVIII ГЛАВА.

Положеніе дома Общества на подоминиканской площади и судебная тяжба изъ - за земли и стройки съ сосѣдомъ *).

Мнѣніе, что новый домъ Общества поставленъ впереди мѣста Московской каплицы.—Дѣйствительное положеніе дома Общества и подлинной и мнимой Московскихъ каплицъ.—Условія, вызывавшія постановку этого новаго дома на занимаемомъ имъ мѣстѣ.—Поднявшійся споръ изъ-за земли и стройки съ Зентецкимъ.—Измѣреніе недвижимостей Зентецкаго и подоминиканской.—Показанія Зентецкаго и понужденія его къ очисткѣ застроеннаго имъ спорнаго участка.—Вопросъ о вознагражденіи его.—Продажа Зентецкимъ части своей земли.—Ситуаціонный планъ подоминиканской площади и недвижимости Зентецкаго, съ означеніемъ положенія дома Общества сравнительно съ положеніемъ прежняго костела.—Требованія уплаты Зентецкому отъ Общества и апология Общества.—Уплата Зентецкому муниципальнымъ управленіемъ.—Выводы относительно мѣстоположенія дома и Московской каплицы; показаніе купчей о зданіи, выдаваемомъ нынѣ за Каплицу.—Свидѣтельство податныхъ документовъ о мѣстѣ, занятомъ домомъ Общества, и объ освободившейся предъ нимъ передней части подоминиканской земли.

Въ предыдущихъ главахъ раскрыто нами, на основаніи архивныхъ, данныхъ, какую землю и съ какими зданіями получило и приобрѣло Общество любителей наукъ и какія зданія имъ были построены и перестроены тутъ. За послѣднее время съ безусловнымъ убѣжденіемъ высказывается въ печати, что подобно

*) Архивъ Магистрата: Akta Muniyapalności, tyżące się nabycia placu podominikańskiego, piwniej zabudowania takowego; дѣла недвижимостей подъ №№ 2767. 1319, 1320 и 1321. Документы дѣла съ Зентецкимъ разсѣяны по варшавскимъ архивамъ въ нѣсколькихъ тысячахъ листовъ. Тамъ же, Akta, tyżące

доминиканамъ обсервантамъ, свой монастырскій костелъ выдвинувшимъ „далеко впередъ” къ Краковскому предмѣстью, Сташицъ, при постройкѣ дома для Общества, „тоже прихватилъ части площади”, т. е. выдвинулъ домъ еще болѣе впередъ. Сообщенія эти стали являться съ тѣхъ поръ, какъ бесѣдку, стоящую нынѣ за домомъ I Мужской гимназiи (бывшимъ домомъ Общества), начали выдавать за сохраняющуюся, принадлежавшую доминиканамъ обсервантамъ, подлинную усыпальницу Шуйскихъ, такъ называемую „Московскую каплицу”, и понадобились они для того, чтобы объяснить, „вслѣдствіе чего (эта) усыпальница Шуйскихъ осталась въ глуби и заслонена зданіями”. Такъ утверждается и въ русской, и въ польской литературѣ ¹⁾.

Исслѣдователь не можетъ поэтому обойти теперь вопроса о томъ, какъ расположились сооруженія Общества и дѣйствительно ли новый домъ Общества выдвинулся впередъ даже сравнительно съ бывшимъ до него костеломъ, развившимся, какъ мы видѣли, изъ подлинной усыпальницы Шуйскихъ и стоявшимъ и на ея мѣстѣ.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія, прежде всего, на то, что еслибъ указываемая садовая бесѣдка была именно тѣмъ историческимъ зданіемъ, за какое теперь признаютъ ее, то Общество, какъ получившее всю подоминиканскую землю („въ цѣломъ ея размѣрѣ”), имѣло бы ее въ своемъ владѣніи. Но такого зданія у Общества, какъ уже знаемъ, не было. Еще ко времени публичныхъ торговъ площади (1819 г.), до передачи ее Обществу, на ней, изъ всѣхъ бывшихъ у доминиканъ зданій, уцѣлѣло лишь нѣсколько надворныхъ монастырскихъ построекъ:

wię powieszuow pod № 2767/8, v. I—IV (здѣсь главная масса документовъ); Архивъ Окружнаго суда, отдѣлъ старыхъ дѣлъ: Księga wyroków wydziału II. Kwiecień, 1822 (книга рѣшеній 2-го отдѣленія бывшаго апелляціоннаго суда за апрѣль мѣсяць 1822 г.), № 66; Księga wyroków sądu najwyższej instancji Królestwa Polskiego. Od d. 3 stycznia do d. 31 maja 1824 (книга рѣшеній высшаго суда за январь-май 1824 года), № 18, и др. соотвѣтственныя книги; Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи генераль-губернатора, главн. образ. Намѣстническія постановленія и дѣло III. 8 A, № 143; Архивъ новыхъ дѣлъ при Канцеляріи генераль-губернатора, дѣла Намѣстническія, изъ Архива Общества. — Планы и важнѣйшіе для насъ документы—въ Приложеніяхъ.

¹⁾ Напримѣръ, Z dziejów Warszawy, przez A., 1894, 26—27; Przewodnik naukowy i literacki, XXII, 862—863, и др.; Устимовичъ, 1859, 30, Воробьевъ и др.

конюшенъ, сараевъ. И не только изъ полученныхъ или приобретенныхъ, но и изъ выстроенныхъ Обществомъ зданій ни одно не походило на подлинную, первоначальную Каплицу: своею круглою формою напоминали ее развѣ нѣкоторыя части новаго главнаго дома, именно залъ засѣданій и красивый куполь. Какъ стоявшая на сосѣдней землѣ, подъ ипотечнымъ № 2768, и не принадлежавшая потому ни доминиканамъ, ни Обществу, нынѣшняя шестигранная бесѣдка находилась тогда по прежнему еще въ сосѣднемъ частномъ владѣніи¹⁾; этимъ сосѣднимъ участкомъ земли въ ту пору владѣлъ нѣкто Зентецкій, купившій его у наследниковъ извѣстнаго Длускаго.

Изъ плановъ мѣстности и архивныхъ документовъ узнаемъ также, что домъ Общества, сравнительно съ бывшими тамъ прежде доминиканскими зданіями, не только не выдвинуть впередъ на Краковское предмѣстье, но стоитъ много позади ихъ передней линіи. Фасадъ костела лежалъ почти въ линіи боковой Обозной улицы, а фасадъ дома очень далеко отъ нея. При сооруженіи дома не выдвигались, а много отступили, такъ что громадная доля подоминиканской земли, бывшая прежде застроенною, осталась свободной.

Требовалось это условіями красоты вида. Цѣль сломки доминиканскихъ зданій официально объяснялась украшеніемъ города чрезъ увеличеніе тамъ свободнаго мѣста²⁾. При новой застройкѣ площади надобно было поэтому оставить часть ея свободной. Доминиканская земля была сужена впереди³⁾; а застроить ее желали домомъ массивнымъ, чтобы лицевая сторона его, на Краковское предмѣстье, была возможно широкой. Такъ ставился вопросъ, когда еще думали о сдачѣ площади подъ аренду съ

¹⁾ Ниже будетъ нами изложено, какъ эта часть сада вмѣстѣ съ стоящею на ней бесѣдкой была присоединена (1871 г.) къ I Гимназіи, которая владѣть позади своихъ зданій большою площадью земли, чѣмъ владѣли, по дару королей, доминикане обсерванты и что имѣло Общество.

²⁾ Выше, 308—309.

³⁾ Выше, 205, 236, и Приложенія, кн. 2, планы №№ 17, 19, 20, 23.

торговъ; тѣмъ безусловнѣе было это при сооруженіи дома Обществомъ, потому что интересы красоты вида и удобства размѣщенія тогда особенно наблюдались. Достигнуть всего этого можно было не иначе, какъ поставивъ домъ въ глуби площади, далѣе отъ ея передней выгнутой линіи, врѣзывавшейся въ Краковское предмѣстье и своими прежними зданіями стѣснявшей тутъ улицу.

Такъ и было сдѣлано.

Хотя Общество получило всю подоминиканскую площадь, однако размѣры выстроеннаго имъ на ней дома много менѣе ея. Домъ занялъ по Краковскому предмѣстью около 70 локтей, по Александріи $17\frac{1}{2}$, по Новому Свѣту танулся онъ, по направленію къ бывшему миссіонерскому дому, на $27\frac{1}{2}$ —29 локтей ¹⁾, между тѣмъ какъ передняя сторона площади была много ѳже 67 локт., а костель и монастырь занимали по Новому Свѣту и Александріи болѣе длинныя линіи ²⁾. Различіе мѣръ преимущественно произошло отъ того, что вся передняя часть площади осталась не застроенною.

Отступая отъ передней части прежней подоминиканской площади, стройка новаго дома не двинулась далеко и назадъ: тутъ, кромѣ прикупленнаго у миссіонеровъ дома, стоявшаго по Новому Свѣту, препятствовала сосѣдняя, бывшая по улицѣ Александріи, частная собственность Зентецкаго, съ которымъ изъ-за стройки новаго дома поднялся горячій и сложный судебный процессъ.

Надо замѣтить, что архивные документы и планы, означающіе мѣстоположеніе дома Общества сравнительно съ прежними доминиканскими зданіями и съ сосѣдними недвижимостями, сохранились попреимуществу въ этомъ тяжёбомъ процессѣ, между тѣмъ какъ планы подоминиканской площади и сооружаемыхъ на ней Обществомъ зданій и самыя строительныя книги, бывшія въ архивѣ Общества, уже утрачены. Развитіе и ходъ

¹⁾ Описи дома архитекторовъ Грофе, Шуха и Драца, 1823—1826 гг., въ Приложеніяхъ, кн. 1, №№ 115, 144 и 147; выше, 389, 390.

²⁾ Выше, 235—236.

процесса постепенно освѣщали вопросъ о мѣстности для судебныхъ и административныхъ инстанцій; обстоятельства, при которыхъ писались документы и составлялись планы или находились планы прежніе, даютъ возможность точнѣе видѣть и опредѣлить цѣну cadaго изъ этихъ показателей. Служа существеннымъ теперь источникомъ при изученіи вопроса о мѣстности, бумаги эти проливаютъ яркій свѣтъ и на многія неизвѣстныя доселѣ обстоятельства и условія, при которыхъ сооружался новый домъ Общества, а равно и на относящіяся сюда возрѣнія самого Общества, администрація котораго со всею настойчивостью не однажды высказывала, во время процесса, что доминиканская площадь была подарена правительствомъ и что устройство и перестройка зданій производилась при необыкновенно широкомъ покровительствѣ и содѣйствіи правительства—начиная съ обязательности плана главнаго зданія, продолжая полученіемъ строительныхъ матеріаловъ и денежной ссуды или полученіемъ старыхъ документовъ по землевладѣнію и кончая защитой отъ всякихъ стороннихъ нападковъ, непріятностей и претензій. Посему, уясненіе вопроса о топографіи всей мѣстности и о владѣніи Общества необходимо здѣсь вести въ связи съ даннымъ процессомъ Зентецкаго¹⁾.

Припомнимъ²⁾, что между землей Луки Зентецкаго, приобрѣтенной послѣ Оомы Длускаго, и землей доминиканской, въ первоначальныхъ ея предѣлахъ, нѣкогда пролегалъ небольшой и узкій проулокъ, по которому велось прямое сообщеніе между Новымъ Свѣтомъ и Александріей. Пожалованный въ 1698 году королемъ Августомъ II доминиканамъ обсервантамъ, служа имъ для вѣзда въ монастырь со стороны Новаго Свѣта и мало по малу позастроенный ими, онъ былъ близъ Александріи совсѣмъ перегороженъ ими, и отъ него остался здѣсь внѣ ихъ владѣній лишь самый конецъ, упиравшійся въ Александрію. На этомъ свободномъ концѣ Лука Зентецкій въ 1804 году, во время прусскаго господства въ краѣ, выстроилъ небольшой каменный

¹⁾ Подробно онъ составлялъ предметъ особой нашей монографіи: „Судебное дѣло Зентецкихъ. Къ характеристикѣ прежнихъ судовъ и судебныхъ правовъ“ (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1900 г., и отдѣльно).

²⁾ Выше, гл. X, стр. 187 и дал., 193—205.

домикъ. Когда доминиканскія зданія были потомъ разобраны и площадь послѣ нихъ, предназначавшаяся подъ новый большой красивый домъ, была муниципальнымъ управленіемъ заровнена и обнесена заборомъ, то домикъ этотъ своимъ невзрачнымъ видомъ сталъ крайне непріятно рѣзать глаза. Муниципальное управленіе нашло, что онъ слишкомъ выдвигается въ улицу, и безъ того тутъ узкую, и что, по предполагаемому сооруженію дома, онъ будетъ нарушать красоту мѣстности, объ улучшеніи которой тогда хлопотали правительственныя и общественныя власти. Старанія эти особенно усилились, когда дѣло склонялось къ отдачѣ мѣстности подъ домъ Общества; всѣ препятствія, которыя мѣшали сооруженію и болѣе удобной и красивой постановкѣ его, заботливо устранялись заранѣе. Президентъ Войда полагалъ, что домикъ можно снести, не платя за него владѣльцу, и что городской архитекторъ начертитъ планъ, на которомъ указывалось бы, какъ поставить новый домъ, не закрывая остальную недвижимость Зентецкаго.

Началось съ того, что по распоряженію (11 марта н. стили 1820 г.) Войды въ управленіи сдѣлали изъ земельныхъ актовъ 1790 года выписку о недвижимостяхъ Зентецкаго и подоминиканской¹⁾. Вмѣстѣ съ двумя старыми планами²⁾ Войда передалъ ее архитектору Лесселю, поручивъ ему провѣрить ихъ на мѣстѣ и отмѣтить на планѣ границы подоминиканской недвижимости, а равно и зданія, какія еще находятся тамъ. Оказалось (28 м. н. с.), что Зентецкимъ подъ его домикъ занята „часть земли, принадлежавшей костелу и монастырю доминиканъ обсервантовъ”, и президентъ тотчасъ же распорядился, чтобы „строеніе это, какъ поставленное не на собственной землѣ и портя-

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 141—142, извлеченія отъ 13 марта н. с. 1820 г. изъ межевыхъ реестровъ 1790 года касательно недвижимостей подъ №№ 1320, 1321 и 2767 и № 2768. Межевые акты - реестры варшавскихъ недвижимостей были въ 1790 г. произведены по распоряженію правительства, съ цѣлью лучшаго установленія и распредѣленія податей. См. также ниже, стр. 405.

²⁾ Приложенія, 2, планы №№ 14 — 15. Замѣтки на 15-мъ планѣ сдѣланы потомъ рукою Лесселя.

щее видъ улицы”, Зентецкій разобралъ немедленно послѣ Пасхи и землю возвратилъ въ распоряженіе правительства, или же, если имѣются у него какія либо права, представилъ бы доказательства на нихъ въ теченіе трехъ дней. Приложивъ измѣреніе доминиканской площади, выведенное по земельнымъ актамъ 1790 года, и ситуационный планъ ея, составленный Лесселемъ, президентъ о своемъ распоряженіи донесъ (29 марта н. с.) намѣстнику; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ приставу участка, въ вѣдѣніи котораго находились зданія по Александріи, побудить Зентецкаго къ исполненію распоряженія.

Снести свое зданіе Зентецкій наотрѣзъ отказался, объясняя, что строеніе его вовсе „не конюшенка”, какъ оно названо въ предписаніи о сломкѣ, а каменный домъ, приносящій ему ежегодно квартирнаго дохода 36 дукатовъ, и стоитъ на собственной землѣ, доказательствомъ послѣдняго служить купчая отъ прежняго владѣльца съ планомъ при ней. Для изобличенія его президентъ направилъ къ нему Лесселя съ старымъ планомъ мѣстности, удостоверяющимъ, что на мѣстѣ, занимаемомъ стройкой, была прежде „уличка”, въ 12 локтей шириною. „Это возможно, но это было въ 1699 году, 121 годъ тому назадъ”, возразилъ (13 апрѣля н. с.) Зентецкій¹⁾. Утверждая, что возвелъ строеніе съ разрѣшенія, полученнаго имъ при прусскомъ правительствѣ, онъ изъявилъ теперь согласіе на сносъ стройки лишь подъ условіемъ, если ему вышлатятъ за нее по оцѣнкѣ и если, какъ ему обѣщано, зданіе, которое соорудятъ на площади, не будетъ надвигаться на его строенія и закрывать ихъ. Но президентъ, еще разсчитывавшій очистить мѣсто даромъ, позвалъ Зентецкаго въ муниципальное управленіе для доказательства права, по которому занята имъ подъ домикъ часть доминиканской земли.

Подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ Лесселемъ и за неимѣніемъ оправдательныхъ документовъ, Зентецкій сдѣлалъ (21 апр. н. с.)

¹⁾ Приложенія, 1, № 137, рапортъ Лесселя президенту о переговорахъ съ Зентецкимъ отъ 13 апр. н. с. 1820 г. Ср. выше, стр. 188, 191—192, 197—198.

въ управленіи заявленіе, которое потомъ послужило не въ его пользу. Земля, на которой возведенъ его домикъ, не принадлежала—показалъ онъ—къ недвижимости № 2768, купленной имъ въ 1800 г. отъ Длускаго, и документовъ на право владѣнія у него нѣтъ, но 16 лѣтъ владѣлъ онъ ею безспорно и безъ всякаго чинша, и потому считаетъ ее своею собственностью. Перешла же она къ нему по примѣру доминиканъ: маленькую улочку, нѣкогда, позади ихъ костела, ведущую съ Новаго Свѣта на Александрію, они закрыли съ Новаго Свѣта и совсѣмъ застроили ее до того мѣста, гдѣ теперь стѣна его домика, почему и онъ пожелалъ воспользоваться улочкой и на ея части, по линіи его недвижимости № 2768, выстроилъ въ 1803 или 1804 г. домикъ, съ дозволенія тогдашняго прусскаго магистрата и по предварительному мнѣнію городского архитектора Шица; документы, разрѣшавшіе это, затерялись. Получая съ дома дохода 648 злотыхъ, онъ считаетъ себя въ правѣ добиваться соотвѣтственнаго вознагражденія, но такъ какъ домикъ долженъ быть снесенъ по распоряженію правительства, то онъ готовъ снести его на собственные средства въ теченіе 10 дней по полученіи всего лишь 3900 злотыхъ, если матеріалы послѣ разборки оставятъ за нимъ и если непременно обѣщаютъ, что освобожденное мѣсто никѣмъ не застроится, потому что иначе онъ не имѣлъ бы къ своему дому ни въѣзда, ни вида.

Къ доминиканамъ обсервантамъ Зентецкій приравнялъ себя совершенно напрасно: улочку они занимали и застраивали по праву, получивъ ее въ даръ отъ короля. Но объ этомъ дарѣ ничего не знали ни Зентецкій, ни въ муниципальномъ управленіи, и президентъ пришелъ теперь къ мысли, что нельзя иначе раздѣлаться съ Зентецкимъ, какъ, оставивъ за нимъ матеріалы отъ домика, доплатить ему 3000 зл. изъ суммы, полученной отъ продажи матеріаловъ послѣ доминиканскаго костела. Намѣстникъ кн. Заіончекъ, которому Войда вмѣстѣ съ такимъ своимъ мнѣніемъ представилъ дѣло на рѣшеніе, не согласился съ нимъ и опредѣлилъ (19 апр./1 мая) понудить Зентецкаго снести домикъ безъ всякаго вознагражденія, въ виду того, что онъ самъ въ муниципальномъ управленіи сознался, какъ

захватилъ чужую землю, и не предъявилъ на ея застройку никакого разрѣшенія прусскаго магистрата. И какіе предлоги къ отъѣнѣ или отсрочкѣ выполненія приказа ни придумывалъ Зентецкій, онъ вынужденъ былъ (въ концѣ мая) разобрать свой домикъ.

Объявивъ освободившееся мѣсто казеннымъ, его немедля начали обносить заборомъ, для передачи его на потребности предполагавшагося къ постройкѣ дома Общества любителей наукъ. Зентецкій запротестовалъ. Ближайшимъ къ прежней доминиканской площади зданіемъ, стоявшимъ на его собственной землѣ, была кухня, которую онъ теперь обращалъ въ лавку, пробивъ, съ дозволенія муниципальнаго управленія, въ ея наружной стѣнѣ окно и входную дверь. Строящійся заборъ загораживалъ ихъ, и Зентецкій разломалъ его. Хотя Общество любителей наукъ еще не получило тогда доминиканской площади, однако секретарь его кс. Чарнецкій о такомъ поступкѣ довелъ до свѣдѣнія намѣстника. Зентецкій — жаловался на него секретарь — отрицаетъ принадлежность казнѣ части доминиканской площади, потому что въ стѣнѣ, къ которой, по плану, утвержденному намѣстникомъ, долженъ прилегать новый домъ, онъ противозаконно велѣлъ сдѣлать дверь и окно и не дозволяетъ поставить на надлежащемъ мѣстѣ забора, необходимаго для предохраненія свозимыхъ строительныхъ матеріаловъ отъ кражи. Намѣстникъ поручилъ (14/26 іюня) президенту муниципальнаго управленія снарядить на спорное мѣсто комиссію, которая, справясь съ старыми актами, обозначила и окончательно установила бы должныя границы, и затѣмъ неправыя и незаконныя дѣйствія Зентецкаго прекратить мѣрами полицейскими, такъ, чтобы къ постройкѣ новаго зданія не встрѣчалось уже никакихъ препятствій.

Командированные два комиссара, въ томъ числѣ архитекторъ Лессель, пришли къ убѣжденію, что чужаго грунта Зентецкій не занимаетъ, границы его земли оканчиваются у пробитой имъ стѣны домика, съ которою прежде соприкасался монастырь, бывший на доминиканской площади; въ доказательство своего наблюденія они ссылались на прежній ситуационный планъ Лесселя. Удостовереніе комиссаровъ намѣстникомъ было

понято въ томъ смыслѣ, что оно, къ ущербу казны, противорѣчитъ даже прежнему сознанию самого Зентецкаго, почему онъ приказалъ (25 іюня/7 іюля) за такое дѣйствіе сдѣлать имъ выговоръ и „границу площади подъ постройку зданія Общества установить въ такой мѣрѣ, какъ это было до самовольной сломки забора Зентецкимъ, т. е. съ занятіемъ всего мѣста послѣ разобраннаго домика”.

Видя, къ какимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ привело сознание въ занятіи подѣ домика чужой земли, Зентецкій возвратился къ первоначальному своему показанію и возбудилъ противъ муниципальнаго управленія судебный искъ. Защитникъ его интересовъ потребовалъ, чтобы снесенъ былъ заборъ, какъ своевольно построенный на землѣ, которою безспорно около 20 лѣтъ владѣлъ его довѣритель, и какъ загораживающій входъ и свѣтъ въ устраиваемую лавку; чтобы воспрещена была кладка фундамента, какъ возводимаго на участкѣ того же Зентецкаго, и чтобы взысканы были съ муниципальнаго управленія судебныя издержки.

Спорный участокъ земли судъ (трибуналь первой инстанціи Мазовецкаго воеводства) призналъ взятымъ подѣ постройку зданія для общественной пользы, а такъ какъ владѣльцамъ частной собственности нельзя не уступать части своей земли въ казну на общественныя цѣли, и они пользуются лишь правомъ на вознагражденіе за нее, о чемъ однако истецъ не ходатайствовалъ, то Зентецкій получилъ (22 янв. н. с. 1821 г.) отказъ въ его дѣлѣ. Прекращая, въ виду сего, свои домогательства о сохраненіи права на владѣніе земельнымъ участкомъ изъ-подѣ сломаннаго домика, Зентецкій сталъ теперь добиваться у платы ему его убытковъ. Онъ хотѣлъ получить не только за землю, домикъ и произведенную имъ на свой счетъ разборку домика, но и за загражденіе свѣта и доступа къ его лавкѣ и за закрытіе фасада его дома и подъѣзда къ нему. Какъ ни разнообразны были предъявленныя имъ претензіи, тотъ же трибуналь склонился (26 іюля и 1 авг. н. с.) въ пользу удовлетворенія ихъ.

Тяжба принимаетъ новую форму, идетъ уже преимущественно изъ-за вопроса о вознагражденіи.

Охранять интересы городских общественных и казенных учреждений лежало на генеральной прокуратуре, которая теперь интересы города и приняла под свою защиту. Съ целью обжалованія рѣшенія трибунала предъ апелляціоннымъ судомъ она потребовала отъ муниципальнаго управленія оправдательныхъ документовъ, именно: формально утвержденныхъ копій съ прежнихъ описей недвижимостей доминиканской и Зентецкаго, ситуационнаго плана отъ городского архитектора съ означеніемъ на немъ спорнаго мѣста и прежней, пролегавшей за монастыремъ, улочки, и кунчую съ планомъ, заключенную между Зентецкимъ и Длускимъ, а также указать свидѣтелей, которые могли бы дать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи улочки и о снесенныхъ около нея и съ нея постройкахъ, и т. п. Не найдя прежняго ситуационнаго плана Лесселя¹⁾, взяли планъ Кароци, нѣкогда пересмотрѣнный и утвержденный Лесселемъ. Свой планъ Кароци прислалъ съ поясненіемъ, что Общество при постановкѣ своего дома удовлетворило просьбу Зентецкаго расширить входъ къ его дому, но освободившагося мѣста не уступало, и оно, бывши прежде публичнымъ, нынѣ считается собственностію Общества и служить къ болѣе удобному входу въ домъ Зентецкаго, такъ и къ увеличенію свѣта для дома Общества. На планѣ²⁾ Лессель намѣтилъ мѣсто, занятое было Зентецкимъ подъ свой домикъ.

Добытые документы — планъ Кароци, утвержденный Лесселемъ, засвидѣтельствованныя копіи³⁾ съ описей недвижимостей и т. п. — оказались достаточными, чтобы генеральная прокуратура отстояла пока интересы муниципальнаго управленія. На ихъ основаніи и въ виду того, что самъ Зентецкій не только не представилъ никакихъ доказательствъ на право владѣнія спорною землею и постройку на ней домика, но еще и призналъ, что домикъ былъ поставленъ имъ не на собственной землѣ, а на части улочки, не застроенной доминиканами, апелляцион-

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 72—73.

²⁾ Приложенія, 2, планъ № 15.

³⁾ Приложенія, 1, стр. 236.

ный судъ кассировалъ (въ августѣ 1822 г.) рѣшеніе трибунала объ уплатѣ Зентецкому убытковъ. Это не убѣдило истца. Онъ немедленно перенесъ дѣло въ высшій судъ, который, основываясь „единственно на предположеніи“, что не было обязанности Зентецкаго, какъ спокойно владѣвшаго недвижимостью, представлять какія либо доказательства, рѣшеніе апелляціоннаго суда отмѣнилъ и призналъ претензіи Зентецкаго правильными (въ февралѣ 1823 г.), приговоривъ, чтобы городское управленіе возвратило Зентецкому судебныя издержки и вышлатило ему за снесенный домикъ и землю.

Получить нельзя было скоро, и Зентецкій, обнеся спорную землю заборомъ и нуждаясь въ деньгахъ, запродавъ (въ январѣ 1824 г.) часть своей недвижимости адвокату Петровскому. Вся его недвижимость, значившаяся подъ ипотечнымъ № 2768, была теперь подраздѣлена на три доли, подъ буквами А, В, С; доли А и С остались за Зентецкимъ, остальная часть, менѣе трети, подъ буквою В, перешла къ супругамъ Петровскимъ, за 40.000 зл. Кроме того, на недвижимости лежалъ давнишній долгъ въ 6.000 зл., съ ежегодными 5% со ста, въ пользу обсервантовъ¹⁾; по закрытіи монастыря, сумма эта перешла въ распоряженіе Прав. Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и теперь, по ипотекаѣ, записана была на земельныя доли, оставшіяся за Зентецкимъ.

Счастливый въ судебной тяжбѣ, Зентецкій приставалъ къ муниципальному управленію съ требованіями уплаты. Готовый въ началѣ тяжбы удовольствоваться, кроме 600 зл. за судебныя издержки, суммою менѣе 4.000 злотыхъ, теперь онъ, что называется, заломилъ, предъявляя разные иски въ общей суммѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ зл., причемъ во многомъ его поддержали (31 авг. н. с. 1824 г.) позванные оцѣнщики, таксировавшіе все—разобранный домикъ, землю, издержки и прочее въ 39.249 зл.

Не имѣя ничего возразить противъ требованія суммы за

¹⁾ См. выше, стр. 201, 204—205.

судебныя издержки, муниципальное управление и генеральная прокуратура старались понизить цѣну убытковъ. Достигнуть этого прокуратура надѣялась указаніемъ на то, что при оцѣнкѣ не принято во вниманіе, какое положеніе занимали домикъ и вся недвижимость Зентецкаго до разборки монастыря и костела. По ея мнѣнію, снесенный домикъ и земля подъ нимъ оцѣнены слишкомъ высоко, какъ будто домикъ былъ впереди, но онъ фронтнымъ никогда не былъ, находился въ самой задней части монастыря, а если по снесеніи монастыря и оказался переднимъ, то своимъ видомъ только безобразилъ мѣсто ¹⁾; видъ въ лавку загораживался и прежде, а видъ и въѣздъ на всю недвижимость Зентецкаго были стѣснены и загораживались прежде еще больше, потому что доминиканскія зданія занимали къ Александрии и особенно къ Краковскому предмѣстью много болѣе мѣста, чѣмъ занято домомъ Общества, такъ что недвижимость Зентецкаго теперь еще выиграла, стала болѣе открытой. Чтобы обосновать все это предъ судомъ, прокуратура начала искать документовъ, которые показывали бы „обширность, положеніе и смежность прежняго костела ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ и другихъ ихъ построекъ въ отношеніи къ сосѣдней землѣ прежде Длускаго, нынѣ Зентецкаго”.

Не получивъ желаемыхъ документовъ ни отъ Прав. Комисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія ²⁾, ни отъ Общества любителей наукъ ³⁾, къ которымъ обратилась за содѣй-

¹⁾ Если оцѣнщики, наприм., признавали, что „квадратный локоть площади считается по 30 вл.“, то адвокатъ прокуратуры утверждалъ, что „было бы дорого, еслибы землю подъ этимъ домикомъ, какъ не подъ фронтнымъ, цѣнили по злотому за локоть“.

²⁾ На просьбу (15 февраля н. ст. 1825 г.) прокуратуры она отвѣтила (19 марта н. с.), что „чертежи построекъ и площадей послѣ доминиканъ были 24 февраля 1819 г. представлены ея предсѣдательствующимъ князю королевскому намѣстнику, документы же, относящіеся къ владѣнію кс. доминиканъ обсервантовъ и находившіеся въ рукахъ Депутаціи упраздненныхъ духовныхъ учреждений, при отношеніяхъ отъ 16 сентября 1820 г. и 20 августа 1823 г. переданы Королевскому Варшавскому Обществу любителей наукъ“.

³⁾ Къ Обществу обратилась (26 марта н. с. 1825 г.) прокуратура вскорѣ по полученіи отвѣта отъ Комисіи. Въ интересахъ Общества было держаться по возможности въ сторонѣ отъ судебного процесса; къ тому же, современный планъ,

ствіемъ, генеральная прокураторія затребовала подобныхъ плановъ мѣстности у муниципальнаго управленія. „Вслѣдствіе отношенія прокураторіи—наказывало (2 мая н. с. 1825 г.) управленіе своему архитектору Шуху, — препровождая къ вамъ ситуаціонный планъ бывшаго костела кс. доминиканъ обсервантовъ, на мѣстѣ коего нынѣ возведено зданіе Общества любителей наукъ, муниципальное управленіе поручаетъ вамъ сообразно съ симъ немедленно составить ситуаціонный планъ, ясно и точно показывающій расположеніе прежняго костела и строеній доминиканскихъ, нынѣшняго зданія Общества любителей наукъ и недвижности Зентецкаго, такъ чтобы изъ одного лишь этого плана опредѣленно обнаружилось положеніе названныхъ трехъ предметовъ“. „Во исполненіе предписанія муниципальнаго управленія, отвѣчалъ (9 мая) Шухъ, имѣю честь представить составленный мною ситуаціонный планъ зданія, выстроеннаго Обществомъ любителей наукъ, и граничащей съ нимъ недвижности Зентецкаго; на немъ также означено архитекторомъ Шнилёвскимъ расположеніе прежняго костела кс. доминиканъ обсервантовъ”¹⁾.

Планъ сохранился. Онъ раскрашенъ. Красною краскою наведена вся подоминиканская площадь, на которой особо отмѣчены буквою А мѣсто бывшаго костела и монастыря, буквою В мѣсто бывшихъ двора и огорода; чертами отграничено все, что

сдѣланный Кароци, уже отсылался, а къ исторической старинѣ мѣста администрація Общества не привлекала тогда вниманія постороннихъ. Среди старыхъ документовъ въ его Архивѣ были, между прочимъ, инвентарная опись и планъ 1699 года со сѣдней съ доминиканами недвижности, во время разсматриваемаго судебного спора принадлежавшей Зентецкому. Съ плана сняты были двѣ точныхъ копии и засвидѣтельствованы (дек. н. с. 1825 г.) потаріусомъ, но и онѣ остались въ Архивѣ Общества. Планъ и инвентарная опись изда ны нами въ Приложеніяхъ. (На планѣ Приложенія, кн. 2, планъ № 16) значится, а въ инвентарѣ (тамъ же, докум. № 26; см. выше, 197—198) описывается бывшая тамъ же въ 1699 году каменная садовая бесѣдка, вызывающая нынѣ несоотвѣтственныя теоріи относительно ея историческаго происхожденія и значенія.

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 145 — 146, предписаніе Шуху и отвѣтъ его, 2 и 9 мая н. с. 1825 года.

занималось на площади новымъ домомъ Общества; указано и мѣсто для предполагавшагося памятника кн. Понятовскому ¹⁾).

Своимъ происхожденіемъ и наглядностью планъ этотъ ставитъ въ всякихъ сомнѣній и споровъ вопросъ, что домъ Общества сталъ и стоитъ очень далеко позади фасада бывшаго доминиканскаго костела, доходившаго почти до линіи Обозной улицы. Отсюда—полный интересъ его для современной намъ научной задачи. Но онъ имѣлъ значеніе и для тяжущихся. На немъ очень наглядно показывалось, что недвижимость Зентецкаго, когда монастырь еще стоялъ, была собственно на улицѣ Александріи и очень заслонена отъ Краковскаго предмѣстья, а съ устройствомъ дома Общества она сдѣлалась болѣе открытою съ Краковскаго предмѣстья и какъ бы ближе къ нему.

Денежныя претензіи Зентецкаго были судомъ сокращены, и наступило время расчета. Нерѣдко роковой для дружбы, вопросъ объ уплатѣ рѣзко повліялъ и на отношенія между учрежденіями, дѣйствовавшими дотолѣ согласно противъ Зентецкаго. Каждый изъ союзниковъ теперь началъ доказывать, что судебное дѣло для него постороннее, къ нему не относящееся; во взаимныхъ объясненіяхъ и прерѣканіяхъ и въ разныхъ судебныхъ и административныхъ инстанціяхъ Общество сваливало вину и уплату на муниципальное управленіе, а управленіе сваливало это на Общество. Такъ было во время тяжбы съ Лукою Зентецкимъ, такъ было и послѣ, когда, за его смертію, о взысканіи долга хлопоталъ его сынъ. Наконецъ, когда управленіе объявило (6/18 апр. 1827 г.) Обществу, что оно въ послѣдній разъ посылаетъ ему предложеніе покончить съ Зентецкимъ, что иначе оно будетъ вынуждено принять другія мѣры, Общество сочло необходимымъ апеллировать Совѣту управленія, предыдущее рѣшеніе котораго повліяло на подобную требовательность муниципалитета.

¹⁾ Приложенія, 2, планъ № 18.—Другіе планы, упоминаемые въ данномъ судебномъ процессѣ, т. е. планы Кароци, Лесселя и др., не сохранились.

Апология эта (12/24 апр.) очень характерна: она раскрывает точку зрѣнія Общества на весь процессъ съ Зентецкимъ и на собственное положеніе, на дѣло устройства имъ себѣ дома и т. п.

Общество излагало: Неправильныя дѣйствія и угроза муниципальнаго управленія побуждаютъ его непосредственно обратиться къ высшему Совѣту управленія въ царствѣ, представить ему свою жалобу и просить о справедливости и о покровительствѣ, обезпеченныхъ за нимъ актами императора Александра I и Николая I. Принять свое рѣшеніе Совѣтъ управленія склонился, основываясь на представленіи муниципальнаго управленія: но въ этомъ представленіи изображено все дѣло односторонне и невѣрно. Чтобы по достоинству оцѣнить его и приводимые въ немъ мотивы, слѣдуетъ не упускать изъ виду (о чемъ однако муниципальное управленіе умолчало), что Общество по постановленію намѣстника отъ 22 августа 1820 г. получило подоминиканскую площадь во всей ея цѣлости и безъ какихъ-либо ограничительныхъ условій, что оно, затѣмъ, имѣло единственную только обязанность, вытекающую изъ благодарности и права, построить новое зданіе согласно съ волею и планомъ, указанныхъ намѣстникомъ; что, исполняя эту обязанность и право, оно получало отъ намѣстника и благодѣтельнаго и покровительствующаго наукамъ правительства ссуду, матеріаль, оставшійся отъ разобранныхъ зданій, и защиту отъ всякихъ напастей, неосновательныхъ требованій, какъ удостовѣряютъ въ томъ протоколъ засѣданія Совѣта управленія отъ 4 авг. 1818 г. и постановленія царскаго намѣстника отъ 26 іюня и 7 іюля 1820 г., данныя президенту муниципальнаго управленія ¹⁾. До затре-

¹⁾ „Aby rozpoznać i ocenić przełożenia urzędu Muncypalnego i powody w nich wyrażone, jednostronnie i mylnie rzecz wystawiające, które skłoniły Wysoką Radę Administracyjną Królestwa Polskiego do postanowienia powyżej przytoczonego, należy mieć głównie na uwadze, o czem urząd Muncypalny przemilezał, że Towarzystwo Królewskie przyjaściół nauk postanowieniem namiestnika królewskiego z dnia 22 sierpnia 1820 roku zostało nadane placem po xx. dominikanach utworzonym, w całym ograniczeniu, bez najmniejszego warunku, bez jakiegokolwiek zastrzeżenia lub ścieśnienia; nadto: że Towarzystwo Królewskie przyjaściół nauk miało jedynie obowiązek,

бованій со стороны муниципальнаго управленія, Общество ничего не знало ни о претензіяхъ управленія относительно захваченной площади, ни о разборкѣ имъ зданія и т. п., ни о тяжёбомъ дѣлѣ, возбужденномъ сосѣдомъ Лукою Зентецкимъ противъ управленія. Его никто не увѣдомлялъ объ этомъ, и никто не привлекалъ его къ суду, ни управленіе, ни генеральная прокураторія, ни Зентецкій; и нельзя тутъ видѣть упущенія со стороны кого-либо изъ нихъ, потому что Зентецкій хорошо зналъ, противъ кого ему слѣдуетъ вчинать искъ. Обществу, при его поискахъ защиты себѣ, стало теперь извѣстно, что самъ Зентецкій призналъ въ управленіи, 21 мая 1820 года, что земля подъ его домикомъ не была его собственностію, и что онъ не представилъ документа о разрѣшеніи ему прусскимъ магистратомъ на стройку, почему намѣстникъ приказалъ 1 мая того же 1820 года снести домъ безъ всякаго вознагражденія. Воспользовалось ли на судѣ этими аргументами муниципальное управленіе, Обществу неизвѣстно. Домъ безобразилъ своимъ видомъ одну изъ красивыхъ улицъ и стѣснялъ въѣздъ на ул. Александрію; по снесеніи его, мѣсто изъ-подъ него пошло подъ публичную площадь. Общество тутъ не имѣло неудобствъ и не получило никакой пользы. Совершенно напрасно утверждая, что это послужило въ пользу Общества, муниципальное управленіе еще выставляетъ, что въ чью пользу веденъ процессъ, тотъ и долженъ нести послѣдствія его, и что оно само тутъ сторона третья. Но Общество и есть именно третья сторона, не заинтересованная въ дѣлѣ, которое и начато, и было ведено безъ его порученія, просьбы и участія. Заботиться объ общественной землѣ—интересъ муниципальнаго управленія

z wdzięczności i prawa konieczny, wystawienia nowego gmachu podług woli i planu przez namiestnika królewskiego wskazanych. Tego prawa i tego obowiązku trzymając się, Towarzystwo Królewskie przyjaciół nauk było, przez namiestnika królewskiego i rząd dla nauk opiekuńczy i dobroczynny, wspierane pożyczką, materiałem, z rozebranych gmachów pozostałym, i odpieraniem napaści, jak przekonywa protokół posiedzeń Wysokiej Rady Administracyjnej z d. 4 sierpnia 1818 roku i postanowienia namiestnika królewskiego 26 czerwca i 7 lipca 1820 r., do jw. rady stanu prezydenta urzędu Muncyपालnego wydane“.

и правительства. Нѣтъ закона, который бы давалъ право какому-либо учрежденію брать подъ свою опеку какой-нибудь институтъ или частное лицо безъ справки даже, желаютъ ли его защиты, самовольно вчинять процессъ, и въ случаѣ проигрыша объявлять себя третьимъ лицомъ, а въ случаѣ выигрыша считать его въ своихъ интересахъ; тѣмъ болѣе собственный интересъ не слѣдуетъ выдавать за чужой въ случаѣ проигрыша: а такъ и поступаетъ муниципальное управление. На основаніи всего этого Общество проситъ Совѣтъ управленія разсмотрѣть дѣло по существу и издать постановленіе, которымъ освободилъ бы его отъ требованій муниципального управленія ¹⁾.

Изъ-за матеріальныхъ своихъ расчетовъ Общество утверждало тутъ, что тяжба съ Зентецкимъ будто бы велась не для его пользы и что оно стояло внѣ ея и совсѣмъ не знало о ней. Его администрація и самъ Сташицъ однако не разъ обращались противъ Зентецкаго то къ покровительству намѣстника, то къ содѣйствию президента муниципального управленія или къ судебной защитѣ, и въ цѣляхъ лучшаго успѣха оно, чрезъ нарочно избранныхъ лицъ, опиралось на изученіе и прежнихъ документовъ о мѣстности, стараясь собрать и изслѣдовать ихъ въ возможной полнотѣ ²⁾. Но явно оно ста-

¹⁾ „Na tych zasadach uprasza więc Towarzystwo Król. przyjaciół nauk, aby Wysoka Rada Administracyjna Król. Polskiego, wszedłszy w słuźność rzeczy, raczyła Towarzystwo Król. od wniosków i nalegań urzędu Muncypalnego uwolnić i wydać postanowienie swe do tego zmierzające“.

²⁾ Еще до полученія подоминиканской площади и начала стройки собѣ дома на ней, Общество, какъ мы уже видѣли (выше, 403 стр.), жаловалось (въ іюнѣ 1820 г.) чрезъ своего секретаря намѣстнику на Зентецкаго, принявшагося ломать заборъ, которымъ обносили мѣсто, освободившееся по снесеніи домика Зентецкаго, и намѣстникъ поручилъ президенту Войдѣ остановить дѣйствія будущаго соедѣя Общества. Затѣмъ, когда въ судебной тяжбѣ о вознагражденіи за домикъ и землю счастье стало клониться въ пользу Зентецкаго и этотъ самъ началъ обносить каменной стѣной спорную землю, грозя тѣмъ заслонить нѣкоторыя окна уже строявшагося дома Общества, то Общество нашло надобнымъ (23 окт. и. с. 1822 г.) разобратъ въ имѣвшихся у него старыхъ документахъ о подоминиканской землѣ, именно въ королевскихъ грамогахъ и др. актахъ, объяснявшихъ доминиканскія земельныя права и границы и полученныхъ, благодаря Сташину, Обществомъ отъ Прав. Комиссіи дух. д. и нар. просвѣщенія вскорѣ послѣ того,

ралось дѣйствовать и вести дѣло преимущественно черезъ стороннія инстанціи и стороннихъ лицъ, и его аналогія достигла теперь своей цѣли. Полагаясь на нее, Совѣтъ управленія пришелъ къ убѣжденію, что долга напрасно требуютъ отъ Общества: Общество не участвовало ни въ снесеніи дома, ни въ тяжебномъ дѣлѣ, площадь приняло по волѣ правительства и всѣ условія выполнило, почему отвѣтственность въ настоящемъ случаѣ его не касается. На этомъ основаніи „Совѣтъ, отвергая первоначальное свое постановленіе, объявилъ, что сумма, о которой рѣчь, должна быть заплачена изъ городской кассы”¹⁾.

Муниципальное управленіе должно было подчиниться, вы-

какъ памѣтникъ подарилъ Обществу доминиканскую площадь (иначе, 341 стр.). На основаніи этихъ документовъ старались, чрезъ секретаря и нѣкоторыхъ еиныхъ сочленовъ, опредѣлить на мѣстѣ точную границу между землей Зентецкаго и доминиканскою площадью, подаренной памѣтникомъ Обществу, чтобы выяснитъ, по какому праву Зентецкій ведетъ стройку въ явный ущербъ для интересовъ Общества (Приложенія, кн. 2, стр. 129). Препятствія со стороны администраціи Общества не дѣйствовали на Зентецкаго, предсѣдатель Станицъ обратился (20 мая п. с. 1823 г.) къ муниципальному управленію и высшему суду, чтобы Зентецкій былъ удержанъ мѣрами полицейскими. Работу Войда остановилъ чрезъ пристава, но искорѣвъ онъ долженъ былъ отмѣнить свое распоряженіе, въ виду получившагося заинтересованными сторонами опредѣленія вышшаго суда въ пользу Зентецкаго объ уплатѣ за домъ и землю (Архивъ Магистрата, дѣла варшав. недвиж. № 2767/8.). Тогда Общество учредило (1 іюня п. с.) у себя особый комитетъ, который бы занимался тяжебными дѣлами, въ затрудненіяхъ, могущихъ встрѣтиться Обществу, и назначило, чтобы онъ, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ собрался (4 іюня п. с.) для сужденія по дѣлу о границахъ съ Зентецкимъ и пригласилъ свидѣтелей, такъ какъ прежде проиграла тяжбу и теперь слѣдуетъ уже надлежаще подготовиться къ дѣлу (Архивъ п. д. при Канцеляріи Варш. ген.-губ., дѣла Архива Общества, № 62 Протоколы, стр. 69). Оно достало (20 авг. п. ст.) изъ Прав. Комиссіи дух. д. и н. просвѣщенія остальные документы, относившіеся къ костелу и монастырю доминикантъ. По его порученію (5 окт. п. с.), юридическій комитетъ долженъ былъ изучить и эти документы для приготовленія защиты по дѣлу съ Зентецкимъ о стѣнѣ, нѣкоторые члены его должны были справиться и въ дѣлахъ за время прусское, не найдется ли чего и въ нихъ о стѣнѣ, отдѣлявшей монастырь отъ недвижимости Зентецкаго (тамъ же, № 62. Протоколы, стр. 99; Приложенія, 2 кн. 118—119 стр.) И т. д. Замѣтимъ также, что нѣкоторые члены Общества старались для себя опредѣлить, на основаніи прежнихъ документовъ, и мѣстоположеніе бывшей Успенъницы Шуѣйскаго (бумаги собранія г. Коротынскаго).

¹⁾ „Kada, uchylajac pierwszą swą w tej mierze decyzją, oświadczyła, iż summa w mowie będąca z kassy miejskiej zapłacona być winna“. Protokół posiedzenia Rady Administracyjnej dnia 29 miesiąca maja 1827 roku.

платить все, что постепенно определялось съ него въ пользу истцовъ, именно до 22.000 (600+11.426+10.444) польскихъ злотыхъ.

Городскому управленію, несомнѣнно, много повредила неизвѣстность тогда документальной исторіи спорнаго мѣста. Еслибы оно знало о жалованной грамотѣ короля Августа II, въ силу которой проулокъ былъ собственностью доминиканъ-обсервантовъ, то, представивъ ее или сославшись на нее, оно сразу же съ убѣдительностію для власти и суда открывало бы, что Зентецкій не имѣлъ права занимать своимъ домикомъ конца этого проулка. Вопросы о снесеніи домика и о различныхъ видахъ вознагражденія предрѣшались бы много легче. При отсутствіи ссылки на грамоту, не помогли управленію и найденные имъ нѣкоторые старые планы мѣстности ¹⁾. Но если въ процессѣ мало было выяснена прежняя исторія мѣста, за то подробно и наглядно определялось современное его состояніе: размѣры, форма и границы поддоминиканской, полученной Обществомъ, земельной площади и отношеніе ея къ сосѣднимъ землевладѣніямъ, такъ равно и расположеніе на ней дома Общества сравнительно съ прежними доминиканскими зданіями.

Было удостовѣрено, что Общество по постановленію намѣстника отъ 22 августа 1820 г. получило всю поддоминиканскую площадь подъ условіемъ, чтобы на ней „выстроить зданіе, которое должно имѣть 70 локтей ширины”; удостовѣрено, что фасадъ прежняго костела находился на одной линіи съ боковой Обозной улицей, новый же домъ Общества былъ далеко отъ этого мѣста и занялъ собою на площади „поперечное положеніе по отношенію къ прежнему костелу”, стоявшему вдоль площади. Застроивъ далеко не всю полученную доминиканскую площадь, оставивъ среди доли ея свободной, Общество не могло по своей волѣ или въ своихъ интересахъ и отодвигать свои зданія на-

¹⁾ Приложенія, 2, планы №№ 14 и 15.

задъ за черту подоминиканской земли, присвоивать чужую тамъ собственность: сосѣдній владѣлецъ умѣлъ энергично отстаивать свои права. Положеніе дома и подоминиканской площади Общества въ отношеніи къ этой сосѣдней недвижимости съ особенною детальностію обрисовалось судебнымъ процессомъ. Послѣ ознакомленія съ нимъ, по его документамъ, нельзя уже говорить не только о томъ, будто домъ Общества выдвинулся впередъ сравнительно съ прежнимъ доминиканскимъ костеломъ, но и о томъ, будто сохранялась тогда усыпальница царя Василя Ивановича Шуйскаго: зданіе, выдаваемое нынѣ за такую усыпальницу, находилось далеко за чертой владѣній Общества, хотя этимъ получено было все подоминиканское наслѣдство; зданіе составляло еще тогда, какъ долго продолжало составлять и потомъ, часть сосѣдней недвижимости, подъ ипотечнымъ 2768 №-ромъ, во время процесса принадлежавшей Зентецкому. Подъ конецъ процесса Зентецкій продалъ свою недвижимость (№ 2768 А и С) нѣкому Игнатию Стефановичу, который однако владѣлъ ею очень недолгое время. Въ официальномъ актѣ, составленномъ (1832 г.) при новой перепродажѣ, значится, между прочимъ, что за домомъ въ саду была „бесѣдка каменная (*altana murowana*), круглая, крытая гонтомъ, въ ней дверь одна, обложена камнемъ, два окна, обыкновенныхъ, съ подьоконниками внизу, выложенными камнемъ, потолокъ лѣнной, плохъ, штукатурка старомодная, полъ мраморный, изъ черныхъ и бѣлыхъ плитокъ; подъ ней каменный ледникъ (*pod tą jest lodownia murowana*), лѣстница въ который совсѣмъ испорчена; пространства имѣетъ 16 квадратныхъ локтей”¹⁾. При наличности такихъ несомнѣнныхъ условій, никто тогда еще не называлъ, да и не могъ называть, это зданіе прежней усыпальницей Шуйскаго или Московскою каплицей.

¹⁾ Приложенія, 1, № 151, стр. 246.—Нѣкогда, какъ видно, напримѣръ, изъ инвентарной описи 1699 года, въ бесѣдкѣ было четыре окна (См. выше, стр. 197—198; Приложенія, 2, № 26); но впоследствии два изъ нихъ были заложены кирпичемъ и заштукатурены, слѣды чего, по формѣ заложенаго, замѣтны и доселѣ.

О застройкѣ новымъ домомъ Общества задней части доминиканской площади и объ освободившейся предъ нимъ передней ея доли съ несомнѣнностію подтверждають также тогдашніе официальные документы по наложенію и взысканію городскихъ податей и повинностей.

Недвижимость доминиканъ, какъ знаемъ,¹⁾ значилась подъ ипотечными №№ 1320, 1321 (съ Новаго Свѣта) и 2767 (по Александріи); недвижимость Общества носила №№ 1320, 1321 (подоминиканскіе) и 1319 (бывшій миссіонерскій). Когда, по окончаніи строительныхъ работъ по домамъ Общества, поднялся вопросъ объ установленіи податей и льготъ, президентъ Войда затребовалъ отъ городского архитектора Шуха свидѣтельство „о всѣхъ трехъ домахъ подъ №№ 1319, 1320, 1321 и 2767“. Архитекторъ отвѣтилъ (6 апр. н. с. 1825 г.), что „Варшавское Общество любителей наукъ заявляетъ о владѣніи недвижимостями подъ №№ 1319, 1320 и 1321, а о № 2767 совершенно не упоминаетъ, и таковой, судя по документамъ и кунчей, не принадлежитъ ему“. Но лица, завѣдывавшія въ муниципальномъ управленіи раскладкой податей, предполагали, что „всѣ площади, оставшіяся послѣ снесенныхъ доминиканскихъ костела и строеній и значащіяся по городскимъ тарифамъ подъ №№ 1320, 1321 и 2767, нѣсколько лѣтъ уже застроены Королевскимъ Варшавскимъ Обществомъ любителей наукъ и обитаемы“. При дальнѣйшемъ движеніи дѣла о податяхъ, управленіе предписало (въ іюнѣ 1826 г.) приставу участка, въ вѣдѣніи котораго находились дома на Александріи, чтобы онъ „безотлагательно самымъ точнымъ образомъ донесъ, значится ли въ городскомъ тарифѣ площадь подъ № 2767 пустою или застроенною и, въ послѣднемъ случаѣ, кому принадлежитъ стройка“. Приставъ немедленно донесъ: „Подъ № 2767, на улицѣ Александріи, противъ дома Карася, у доминиканскаго костела, возлѣ колокольни съ лѣвой стороны, прилегая бокомъ къ сему костелу, существовалъ небольшой каменный домикъ, вмѣстѣ съ костеломъ разобранъ, и съ того

¹⁾ Выше, стр. 205—206.

времени тамъ пустая площадь, открытая предъ домомъ Общества любителей наукъ”¹⁾.

Отсюда ясно, что Общество соорудило свой главный домъ не на передней, суженной, части подоминиканской площади, а значительно отступя, благодаря чему получался съ Краковскаго предместья лучшій, болѣе открытый видъ на домъ; этимъ же объясняется, почему домъ былъ записанъ по ипотекаѣ лишь подъ №№ 1320 и 1321, съ опущеніемъ № 2767-го. А въ какой мѣрѣ при постановкѣ фронта дома отступили къ задней, болѣе широкой, части подоминиканской земли и насколько освободилась отъ всякихъ строеній передняя доля этой площади, занимаемая прежде костеломъ и боковымъ домикомъ доминикантъ, нагляднѣе всего изображаетъ указанный уже ситуационный планъ городскихъ архитекторовъ Шуха и Шилевскаго отъ 1825 года, а также ясно видно и на общихъ планахъ Варшавы²⁾.

Получивъ доношеніе пристава о явившейся пустой площади послѣ доминиканскихъ костела и бокового съ нимъ домика, муниципальное управленіе пожелало еще узнать, „площадь подъ № 2767 пригодна ли для застройки”. „Площадь, отвѣтилъ (1 іюня н. с. 1826 г.) приставъ, лежащая предъ новымъ домомъ Общества любителей наукъ, вымощенная, не можетъ быть застроена”³⁾.

Неудобная подъ постройку на ней дома или иного подобнаго помѣщенія, эта освободившаяся передняя площадь казалась необыкновенно удобною для не особенно большого намятника,—къ каковому дальнѣйшему употребленію Сташиць и нѣкоторые другіе члены Общества намѣчали ее даже еще задолго до возникновенія дома и до начала строительныхъ работъ по нему.

¹⁾ Приложенія, I, № 148, документы сношенія муниципальнаго управленія о площади подъ № 2767, г. 1826.

²⁾ Тамъ же, кн. 2, планы №№ 18—22.

³⁾ Приложенія, I, стр. 243.

Сооруженіе и постановка памятника Копернику предъ домомъ Общества, на мѣстѣ бывшаго доминиканскаго костела.

Неосуществившееся предположеніе поставить здѣсь памятникъ кн. Іосифу Понятовскому.—Ходъ сложнаго дѣла сооруженія памятника Копернику.—Заложеніе памятника въ Торнѣ и сборы на него.—Рѣшеніе поставить его въ Варшавѣ.—Проектъ Айгнера.—Старанія по устройству согласно съ даннымъ проектомъ. Опасность предпріятію. Сташицъ беретъ его въ свое ближайшее попеченіе.—Договоръ съ Торвальдсеномъ о созданіи имъ модели статуи Коперника и объ изготовленіи чертежа пьедестала.—Заботы о сооруженіи памятника по проекту Торвальдсена.—Хлопоты о пьедесталѣ.—Условіе съ Норблиномъ и выполненіе работъ Грегуаромъ.—Разрѣшеніе поставить памятникъ предъ домомъ Общества.—Постановка и торжественное открытіе памятника.—Судьба монумента Понятовскому.—Видъ памятника Копернику.

Сооруженіемъ дома не закончилась дѣятельность Общества по застройкѣ своей земли. Передняя часть подоминиканской площади, занимаемая прежде костеломъ и теперь оставшаяся незастроенною и справедливо признанная неудобною для возведенія на ней жилого помѣщенія, какъ бы просилась подъ постановку на ней не особенно большого памятника, который, не закрывая собою вида на домъ со стороны Краковскаго предмѣстья, служилъ бы еще къ лучшему украшенію мѣста и напоминанію о какомъ-либо важномъ историческомъ событіи или чествованію и прославленію значительнаго лица.

Тогда шелъ вопросъ о постановкѣ въ Варшавѣ памятниковъ князю Іосифу Понятовскому и Николаю Копернику.

Проводя свои мечтательные планы устройства Польши и русско-польскихъ отношеній, императоръ Александръ I отнесся со всѣмъ великодушіемъ къ польскимъ войскамъ, сра-

жавшимся противъ него подъ знаменами Наполеона, и къ памяти ихъ популярнаго главнаго предводителя, погибшаго (7 окт. 1813 г.) въ несчастномъ для Наполеона сраженіи подъ Лейпцигомъ, князя Юсифа Понятовскаго. „Я—сказаль онъ депутаціи отъ нихъ, явившейся къ нему въ Парижѣ—предлагаю забвенію прошлое, и хотя имѣю право жаловаться на многихъ лицъ вашей національности, но хочу все забыть; желаю видѣть однѣ ваши добродѣтели“. Другой депутаціи государь сказалъ: „Обѣ сосѣднія націи, которыхъ сближаютъ обычаи и языкъ, будучи разъ соединены между собою, должны полюбить другъ друга навсегда“. Онъ разрѣшилъ возвратиться войскамъ въ Варшавское герцогство съ ихъ знаменами и дозволилъ не только перевезти въ Варшаву останки князя Понятовскаго, но потомъ, въ праздничную эпоху утвержденія конституціи царства, изъявилъ согласіе на удовлетвореніе просьбы родственниковъ и почитателей князя о сооруженіи ему въ Варшавѣ памятника. Опираясь на данное высочайшее соизволеніе устройства монумента, отнимавшее „всякое сомнѣніе относительно приведенія въ исполненіе этого предпріятія“, строительный комитетъ, организовавшійся (весной 1816 г.) изъ нѣсколькихъ лицъ, съ кн. Адамомъ Чарторыскимъ во главѣ, разсчитываль на притокъ значительныхъ пожертвованій; надѣялись воздвигнуть, отъ имени всей Польши, монументъ, „который бы, увѣковѣчивая имя покойнаго, былъ въ то же время и извѣстнѣйшимъ памятникомъ изящныхъ искусствъ“. Дѣтъ чрезъ десять набралась (къ 1826 г.) сумма до 265.257 пол. злотыхъ. Соотвѣтственно съ симъ, комитетъ, еще до притока такихъ большихъ средствъ, уполномочилъ гр. Леона Потоцкаго войти въ соглашеніе съ Торвальдсеномъ¹⁾.

¹⁾ Эти и дальнѣйшія свѣдѣнія о сооруженіи памятника Понятовскому—въ дѣлѣ о немъ, хранящемся въ Архивѣ при канцеляріи Варшавскаго ген.-губернатора, дѣла памѣстническаго; небольшое извлеченіе изъ него въ Приложеніяхъ, кн. 2, № 130; ср. также стр. 123. Отсюда, между прочимъ, видно, какъ неточно въ „Мемуарахъ“ гр. Потоцкой (Истор. Вѣсти. 1897, VI, 219) передаются ближайшія обстоятельства дѣла. Объявленіе комитета о разрѣшеніи памятника государемъ

Имя этого знаменитаго скульптора уже пользовалось тогда почетной извѣстностію. Датчанинъ родомъ, нашедшій себя, какъ художника, въ Италиі, погружившей его въ изученіе античнаго искусства и Рафаэля, онъ создавалъ произведенія сначала преимущественно по сюжетамъ изъ греческой и римской мифологіи, потомъ въ духѣ христіанскомъ и памятники и статуи историческимъ и современнымъ лицамъ. Отъ его разнообразныхъ произведеній одинаково вѣяло „духомъ мира, высшей гармоніи и красоты. Статуи-памятники, созданные имъ, отнюдь не являлись, какъ его портретныя бюсты современниковъ, простыми портретами; они—идеальные, въ классическомъ духѣ, олицетворенія физическаго и, главное, духовнаго существа данныхъ лицъ”. Характерными чертами его творчества были „классическое благородство позъ, необычайная гармонія всѣхъ частей каждой отдѣльной статуи или цѣлой группы, чисто античная красота линий и общій духъ цѣломудрія и глубокаго душевнаго равновѣсія или не возмутимаго мира”. Мало понимая существенныя свойства его творчества, варшавскіе заказчики желали, чтобы Понятовскій былъ на памятникѣ представленъ въ уланской формѣ, въ которой онъ обыкновенно ходилъ подъ конецъ жизни, но художникъ вовсе отказался отъ работы на предлагаемомъ условіи, обѣщая создать все по своему замыслу. Торвальдсонъ обязался (8 іюня 1818 г. въ Римѣ) „сдѣлать колоссальную конную статую (aequestri) князя Юсифа Понятовскаго такого размѣра, какъ статуя Марка Аврелія въ Капитоліи, и приготовить модель для отлитія бронзоваго памятника и сдать все это, кому поручитъ комитетъ”; обѣщая онъ также сдѣлать бесплатно два барельефа. За модель ему слѣдовало заплатить 12.000 экю (около 114.000 зл.).

Предполагали, что памятникъ сдѣлается скоро. Изъ Па-

было сдѣлано въ мартѣ 1816 г. (*Gazeta korespondenta warszawskiego i zagranicznego*, № 20, d. 9 marca 1816 г.), очевидно, векорѣ по полученіи разрѣшенія. Ср. *Przyjaciel Ludu. W Lesznie*, 1840, II, 329, рисун.; *Askenazy, Ks. Poniatowski*, 325—327; *Рус. Старина*, 1903, II, 412—413; *Истор. Вѣсти.*, 1890, VI, 647 и сл., VIII, 460. Шильдеръ, III, 235—7. О Торвальдсенѣ въ *Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза*, т. 66, стр. 536—539.

рижа вызвали (1819 г.) въ Варшаву бронзовщиковъ Норблина и Зиера, чтобы они завели въ ней бронзовую фабрику и занялись отливкой памятника. Торвальдсенъ обязался вышолнить заказъ въ теченіе года, считая съ того времени, какъ его рисунки монумента будутъ утверждены въ Варшавѣ и обратно присланы въ Римъ. Но при всей неумоимости въ работѣ, онъ обыкновенно много разъ, иногда разъ до 20 и болѣе, набрасывалъ задуманную модель карандашемъ и разрабатывалъ въ эскизахъ, прежде чѣмъ приступить къ лѣнкѣ модели, а предпринятая имъ поѣздка изъ Рима на родину, въ Коненгагенъ, послѣ 23-хъ-лѣтняго отсутствія, совсѣмъ отвлекла его отъ исполненія заказа, и онъ прибылъ (осенью 1820 г.) въ Варшаву, чтобы заключить дополнительный контрактъ, а также, вѣроятно, и за тѣмъ, чтобы осмотрѣть мѣсто постановки памятника; теперь онъ обязался все сдѣлать въ продолженіе года отъ подписанія контракта.

Мѣстомъ для памятника комитетъ намѣчалъ то площадь Красинскаго, то иную, испросивъ (1819 г.) на постановку на этой площади и высочайшее разрѣшеніе, вопреки желанію цесаревича Константина Павловича, не хотѣвшаго, чтобы памятникъ былъ поставленъ тутъ; затѣмъ, когда выстроился домъ Общества любителей наукъ, обратили вниманіе на образовавшуюся предъ нимъ свободную площадь, занимаемую прежде доминиканскимъ костеломъ.

Проникнутое національно - политическими тенденціями и связанное чрезъ нѣкоторыхъ своихъ членовъ съ личностію Понятовскаго, Общество смотрѣло на князя, какъ на народнаго героя и патріота, поддерживать и увеличивать славу котораго оно считало въ числѣ своихъ обязанностей. При встрѣчѣ его гроба въ Варшавѣ и отпущкѣ его въ Краковъ нѣкоторые члены Общества, какъ лица духовныя, говорили рѣчи; на засѣданіи отдѣленія наукъ гр. Станиславъ Потоцкій произнесъ (26 февр. н. с. 1816 г.) въ честь его рѣчь, длившуюся два часа; на другомъ засѣданіи (1818 г.) Общество занималось приготовленіемъ надписи для памятника, поставленнаго на берегу Эльстера, близъ того мѣста, гдѣ, въ по-

снѣшномъ своемъ отступленіи, утонулъ Понятовскій. Въ новомъ домѣ Общества, въ залѣ Домбровскаго, открытой для посѣтителей, между другими вещами, возбуждавшими патріотическія воспоминанія, находилась картина, изображавшая катафалкъ, на которомъ лежало тѣло кн. Понятовскаго въ варшавскомъ костелѣ св. Креста, съ надписью въ честь ему, „какъ главнокомандовавшему польскими войсками, возлюбленнѣйшему сыну отечества, правъ и свободы онаго неопобѣдимому защитнику” и проч. Предсѣдателемъ строительнаго комитета былъ вліятельный членъ Общества кн. Адамъ Чарторыскій, въ составъ комитета вошелъ и президентъ города Карлъ Войда. И на извѣстномъ уже намъ ¹⁾ официальномъ ситуационномъ планѣ (1825 г.) подоминиканской, принадлежавшей Обществу, мѣстности, изготовленномъ въ муниципальномъ управленіи, было занесено, гдѣ долженъ стоять памятникъ Понятовскаго. Намѣченное мѣсто — на площади, оставшейся предъ главнымъ домомъ Общества, но не по срединѣ ея, а на сторонѣ, прилегавшей къ Новому Свѣту.

При всѣхъ, казалось, столь благопріятно складывавшихся условіяхъ, дѣло не осуществилось. Но оно подготовило художника, мастеровъ и бронзовую фабрику, а отчасти также указывало и мѣсто для другого монумента, который потомъ и былъ тутъ поставленъ и украшаетъ эту площадь и доселѣ.

Многочисленныя занятія Торвальдсена, свойства процесса его творческой и технической работы, въ силу котораго онъ не разъ передѣлывалъ чертежъ монумента и, недовольный моделью лошади для памятника, разбилъ ее, хотя римская публика восхищалась ею, надолго замедлили вышнеленіе имъ всей модели. Скорѣе сготовился памятникъ Копернику, вопросъ о которомъ былъ поднятъ еще при жизни Понятовскаго и которому было свойственнѣе, нежели монументу „главнокомандующаго польскихъ войскъ”, занять мѣсто предъ фасадомъ дома Варшавскаго Общества любителей наукъ ²⁾.

¹⁾ Выше, 407—409 стр.; Приложенія, кн. 2, планъ № 18.

²⁾ Въ томъ же Архивѣ, обширное дѣло, въ двухъ большихъ томахъ: Akta,

Свое почтеніе къ памяти великаго астронома Общество, какъ мы видѣли, заявило еще на первомъ публичномъ своемъ засѣданіи, давъ о Коперникѣ одну изъ конкурсныхъ темъ; написанная на нее диссертация Снядецкого была первымъ сочиненіемъ, появившимся на задаваемые Обществомъ темы. Обществу, и главнымъ образомъ его предсѣдателю Сташицу, пришлось много послужить къ созданію ему памятника.

По сложившимся обстоятельствамъ начало дѣлу положено не самимъ Обществомъ и даже не въ Варшавѣ.

Когда австрійцы, весной 1809 года, объявивъ войну Наполеону и его союзникамъ, внезапно вторглись въ Варшавское герцогство и быстро заняли Варшаву, польское правительство герцогства перенеслось въ г. Торнъ. Тамъ, на родинѣ Коперника, вспомнило оно о знаменитомъ своемъ соотечественникѣ. И главное государственное учрежденіе, на особомъ засѣданіи, постановило:

„Государственный совѣтъ, по случаю вторженія австрійскихъ войскъ переѣхавъ въ Торнъ, среди важныхъ своихъ совѣщаній не могъ позабыть, что городъ этотъ—мѣсто рожденія Коперника, и пожелалъ онъ воздать подобающую честь гению этого великаго человѣка. Съ сею цѣлію онъ опредѣляетъ, чтобы ему былъ поставленъ по срединѣ рынка Стараго-города общественный памятникъ. Торжественная закладка основнаго камня состоится 15 августа. Средства на сооруженіе памятника члены Государственнаго совѣта опредѣлили дать изъ собственныхъ суммъ ¹⁾. Выполненіе сего по-

tyszace się wystawienia pomnika dla Kopernika, и протоколы засѣданій Общества; подробныя извлеченія изъ дѣла и протоколовъ въ Памятникахъ, кн. 2, стр. 101 и слѣд., 133—170.—Roczniki Tow. Warszaw., X, 105—106, XIV, 19 и слѣд.; Gazeta Warszawska, г. 1815, №№ 19, 47, г. 1828, № 299, г. 1830, №№ 121, 124, 127, 129; Gaz. Polska, Kur. Warsz., Dzień. Powsz. за соотв. года; Wejnert, Starożytności Warszawy, serya druga, VI; K r a u s h a r, кн. II.—III (здѣсь въ Appendix докумен-ты о сооруженіи монумента Копернику перепечатывались изданные въ нашихъ Памятникахъ безъ всякаго, къ сожалѣнію, упоминанія о такихъ замѣтваніяхъ или повтореніяхъ какъ этихъ, такъ и другихъ найденныхъ и изданныхъ нами документовъ; см. напримѣръ въ его книгѣ за 1824—1828 г. г. всѣ сподрядъ №№ XVII—XXXI, стр. 440—472, въ книгѣ за 1828—1830 г. г. №№ II, III, IV, VI, IX, X, XII, XIII, XIV, XV, XVI и др.); биографія Коперника, и др.

¹⁾ Въ первоначальномъ текстѣ было тутъ еще, но затѣмъ зачеркнуто: „до-

становленія поручается министру внутреннихъ дѣлъ. Состоялось на засѣданіи въ Торнѣ 11 мая 1809 года”¹⁾).

Предсѣдательствовалъ на засѣданіи гр. Станиславъ Потоцкій; въ числѣ присутствовавшихъ былъ, въ качествѣ референдарія (докладчика) Государственнаго совѣта, кс. Сташиць. Инициатива вышла, конечно, отъ этихъ именно лицъ, и прежде всего отъ Сташица.

Торжественную закладку памятника, назначенную на 15 августа (н. с.), какъ день именинъ Наполеона, потребовалось отложить. Она состоялась 8/20 сентября, при участіи властей бромбергскаго департамента и въ присутствіи гвардіи. Рѣчь произнесъ мѣстный префектъ. Въ фундаментѣ замуровали медаль Общества и мѣдную доску съ вырѣзаннымъ на ней постановленіемъ Государственнаго совѣта. Изъ трехъ тостовъ, поднятыхъ на обѣдѣ, данномъ по случаю торжества, одинъ былъ въ память Коперника, другой за здоровье военнаго министра кн. Юсифа Понятовскаго.

Обѣщанныхъ правительствомъ средствъ на стройку не было. Торжественно справивъ закладку, оно объявило добровольный сборъ по всему герцогству. Префекты, каждый въ своемъ департаментѣ, обратились къ жителямъ съ своими воззваніями. Едвали не самымъ энергичнымъ было воззваніе (19 марта н. с. 1810 г.) префекта бромбергскаго департамента, заканчивавшееся словами: „Достопочтенные земляки! Не давь себя опередить ни одной націи на поприщѣ военномъ, развѣ дозволимъ опережать насъ на поприщѣ увѣковѣченія имени поляка, который, прославившись столь необычайною ученостью, тѣмъ самымъ прославилъ и свой народъ? Нѣтъ, префектъ надѣется, что обыватели бигдоскаго (бромбергскаго) департамента, принеся такъ много жертвъ для блага отечества и сохраненія его самобытности, охотно пожелаютъ содѣйствовать увѣковѣченію и распространенію національной славы. Памятникъ Коперника будетъ свидѣтельствомъ всей Европѣ

пущенными къ складчинѣ могутъ быть и иныя лица, чтобы такимъ образомъ чѣмъ великолѣпнѣе было это дѣло, тѣмъ лучше отвѣчало бы величію своего назначенія“.

¹⁾ Приложенія, 2, № 47.

и позднѣйшимъ поколѣніямъ, что поляки умѣютъ надлежаще почитать не только мужество и храбрость, но также мудрость и добродѣтели, и

Что они достойны быть народомъ”¹⁾.

Съ своей стороны Общество любителей наукъ, опираясь на опредѣленіе Государственнаго совѣта о сооруженіи памятника и на извѣщеніе, что въ сборѣ на памятникъ могутъ участвовать стороннія лица, постановило произвести сборъ въ своей средѣ и обратиться съ „воззваніемъ къ польскому народу послѣдовать достойному подражанію примѣру лицъ, стоящихъ во главѣ правительства”. „Коперникъ—говорилось въ воззваніи²⁾—родомъ изъ поляковъ. Это тотъ геній, который произвелъ величайшую эпоху въ прогрессѣ человѣческаго разума, тотъ, который три вѣка тому назадъ высказалъ въ Польшѣ истины, безъ которыхъ не могли бы усовершенствоваться точныя науки. Безъ Коперника не было бы во Франціи Декарта, ни въ Англіи Ньютона. Кости своего мудреца французскій народъ перенесъ изъ-за моря на родную землю, похоронилъ ихъ въ Пантеонѣ и на государственнѣйшій счетъ воздвигъ ему памятникъ. Англія, на основаніи рѣшенія парламента, положила останки Ньютона въ усыпальницѣ своихъ королей и также поставила, на средства своего государственнаго фонда, великолѣпнѣйшую статую. Развѣ лишь въ Польшѣ прахъ Коперника не получитъ себѣ воздаянія чести отъ цѣлаго народа? Коперникъ—гордость просвѣщенныхъ вѣковъ, честь нашего народа, слава поляковъ, — достаточно только это сказать нашимъ землякамъ”.

Сборы производили также нѣкоторые отдѣльные члены Общества, на мѣстахъ ихъ пребыванія и службы: Нѣмцевичъ,

¹⁾ „Ze są godni bydź narodem”; въ нѣмецкомъ текстѣ: „dass sie werth sind eine Nation zu seyn“. *Gazeta Bydgoska, Bromberger Zeitung*. Den 2 April 1810, № 26 (газета выходила на двухъ языкахъ, одинъ столбецъ страницы на польскомъ, другой на нѣмецкомъ).

²⁾ Написанное Сташицемъ, оно было сначала прочтено имъ на засѣданіи Общества (7 янв. н. с. 1810 г.; Приложенія, 2, 101), которое приняло его и постановило напечатать, препровождая его затѣмъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ новые департаменты и различнымъ отдѣльнымъ лицамъ.

секретарь сената, въ Варшавѣ, астрономъ Снядецкій, ректоръ Виленскаго университета, въ литовскихъ губерніяхъ, Өаддей Чацкій въ Волынской, Ржевускій въ Кіевской губерніяхъ и др. Воззваніе Снядецкаго носило характеръ похвальнаго слова Копернику.

По распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, испрошенному Обществомъ, собираемыя префектами суммы пересылались на имя предсѣдателя Общества. Сборы не оправдывали надеждъ. Какъ и правительство, общественные классы реализировали громкія рѣчи и воззванія о пожертвованіяхъ крайне слабо; вниманіе и средства современниковъ поглощались событіями военными и политическими. На публичномъ засѣданіи Общества, въ началѣ 1814 г., Сташиць, обозрѣвая дѣятельность учрежденія за предыдущее четырехлѣтіе, высказалъ: „Общество чувствуетъ, какая обязанность лежитъ на народѣ и его славѣ, чтобы единственная и общепризнанная въ потомствѣ наибольшая гордость поляковъ — Коперникъ получилъ въ нашемъ краѣ почеть, какую подобнымъ геніямъ воздали у себя народы Франціи, Англии и Швеціи. Съ этою цѣлію Общество задумало собирать средства на постановку ему памятника. Выпущено воззваніе къ націи. Но до сихъ поръ мы получили изъ департаментовъ всего около 1.600 злотыхъ; Общество вноситъ 2000 злотыхъ... Видимъ, что сборъ этотъ далекъ еще отъ своей цѣли, такъ какъ издержки будутъ простираться злотыхъ до тысячъ 36. Наиспокойное и счастливѣйшее будущее повелѣваетъ надѣяться, что намѣреніе сего великаго и отзывчиваго на свою славу народа осуществится щедростью“.

Непосредственное и руководящее участіе Варшавскаго Общества любителей наукъ въ выполненіи предпріятія привело къ полному измѣненію первоначальныхъ плановъ. Общество пришло къ мысли, что памятникъ слѣдуетъ поставить не въ Торнѣ, а въ Варшавѣ, и мысль эта встрѣтила сочувствіе и поддержку. Въ ея пользу располагало уже то, что по Вѣнскому конгрессу Торнъ не включался въ царство Польское и не былъ, какъ сначала думали, объявленъ вольнымъ

городомъ, а отдавался въ сферу вліянія и власти народа, который оспаривалъ польское происхожденіе Коперника и объявлялъ его своимъ. Были совсѣмъ оставлены и имѣвшіеся проекты самого памятника. Предполагалось сначала соорудить его въ видѣ пирамиды, украшенной изображеніемъ солнечной системы и солнечными часами. Снядецкій призналъ (1810 г.), что на сторонѣ пирамиды нельзя правильно и въ достаточныхъ размѣрахъ сдѣлать перваго, а чтобы пирамида служила солнечными часами, не соотвѣтствуетъ достоинству народнаго монумента въ честь столь великаго человѣка¹⁾. Остановились на проектѣ въ формѣ обелиска, начерченномъ извѣстнымъ Айгнеромъ. Но и этотъ проектъ, при сужденіяхъ о сооруженіи по нему памятника въ Варшавѣ, мало-по-малу постепенно измѣнялся и наконецъ былъ замѣненъ совершенно новымъ.

О движеніи вопроса о Польшѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ хорошо знали въ Варшавѣ. Едва учинилось тамъ предварительное тайное соглашеніе (30 янв./11 февр. 1815 г.) о ней, ²⁾ Сташиць на ближайшемъ общемъ засѣданіи (5 марта н. с.) заявилъ членамъ, что осуществленіе намѣреній Общества о постановкѣ памятника слѣдуетъ окончить скорѣе и что, въ виду того, что памятникъ, заложенный въ Торнѣ, не можетъ быть, по политическимъ событіямъ, выполненъ нынѣ, надо устроить его въ Варшавѣ. Высказанныхъ Сташицемъ въ пользу этого основаній и поводовъ не сочли еще удобнымъ занести въ протоколъ засѣданія. Полагая, что на проектируемый памятникъ-обелискъ потребуется злотыхъ тысячъ сорокъ, приняли предложеніе предсѣдателя, чтобы сборы, веденные по департаментамъ, закончить и чтобы привлечь къ нимъ своихъ сочленовъ ³⁾. Для этого Сташиць не замедлилъ искусно воспользоваться бывшимъ въ тотъ же день чествованіемъ Линде по случаю напечатанія имъ „Польскаго Словаря“. Какъ своему товарищу, члены Общества, жившіе въ

¹⁾ Приложенія, 2, № 48.

²⁾ Выше, 282 стр.

³⁾ Приложенія, кн. 2, стр. 104.

Варшавѣ, устроили ему обѣдъ, въ національномъ вкусѣ, съ польскими кушаньями и питьями, за исключеніемъ, конечно, венгерскаго вина. Посреди стола лежало 6 томовъ „Словаря“, увѣнчанные лаврами, присланными въ даръ графиней Потоцкой изъ подваршавскаго ея имѣнія Виляново, съ дерева, посаженнаго еще при королѣ Янѣ III Собѣскомъ. Настроеніе участниковъ было видимо повышенное. Когда распорядитель обѣда, Нѣмцевичъ, въ своемъ тостѣ за автора выразилъ ему благодарность народа за неоцѣнимый научный его трудъ и назвалъ пиръ національнымъ, какъ по случаю собранія сокровищъ родной рѣчи, а Линде въ отвѣтномъ тостѣ благодарилъ за такое выраженіе уваженія и дружбы къ нему, — всталъ Сташицъ и съ сильнымъ чувствомъ высказалъ, что цѣль настоящаго пира чествовать знаменитаго автора даетъ ему удобный поводъ напомнить о томъ, чтобы принятыя за исполненіе еще не осуществленнаго предположенія о сооруженіи, но не въ Торнѣ, а въ Варшавѣ, монумента безсмертной памяти Копернику, земляку достопочтеннаго Линде — оба они торунянина. „Слава народа нашего — говорилъ предсѣдатель — требуетъ отъ насъ этого, чтобы чужіе не вырвали его у насъ“. Тотчасъ предложилъ онъ присутствовавшимъ подписывать пожертвованія. ¹⁾ Самъ онъ занесъ 4.000 злотыхъ, всего записали 9.612 злотыхъ.

Явились лица съ предложеніями своихъ проектовъ памятника. Было постановлено (на засѣданіи 23 апр. н. с.) въ сооруженіи его держаться формы обелиска, на подобіе одного изъ римскихъ, по прежнему чертежу Айгнера. Относительно матеріала гр. Потоцкій совѣтовалъ брать не мраморъ, какъ предполагалось, а гранитъ, какъ болѣе прочный, если найдется мѣстный, съ Днѣстра. Чтобы удобнѣе собрать надобную сумму на построеніе, избрали (27 апр.) комиссію, изъ трехъ лицъ, съ Нѣмцевичемъ во главѣ, которая бы занялась напи-

¹⁾ *Gazeta Warszawska*, 1815 г., dodatek ad N-rum 19, сообщеніе объ обѣдѣ въ честь Линде; это первое заявленіе въ печати о постановкѣ памятника именно въ Варшавѣ.

саніемъ воззванія къ публикѣ, на основаніи и имѣвшихся въ Обществѣ матеріаловъ ¹⁾. Соответственно съ наказомъ, коммиссія изложила въ немъ побужденія прославить память Коперника достойнымъ монументомъ, и именно въ Варшавѣ, и свѣдѣнія о выработанномъ въ Обществѣ проектѣ памятника и объ имѣвшихся средствахъ. По прочтеніи его Нѣмцевичемъ на засѣданіи, оно было, отъ имени Общества, издано (4 іюня н. с.), въ дни, когда въ варшавскихъ высшихъ кругахъ открыто сообщалось о намѣреніяхъ и обѣщаніяхъ императора Александра возсозданія королевства (царства) Польскаго на основахъ особой конституціи.

„Съ того времени—гласило превыспреннее воззваніе ²⁾—какъ поляки начали получать обратно существованіе свое, вниманіе ихъ сразу было обращено на то, что только можетъ сохранить память отеческихъ дѣяній и упрочить утраченную національность и пренебреженную у стороннихъ нашу славу.

„Воздаяніе публичной благодарности соотечественникамъ, которые оружіемъ, совѣтомъ или наукой прославили имя Польши, настоящее поколѣніе считаетъ своимъ священнымъ долгомъ, оставленнымъ ему за пренебреженіемъ предковъ. Повѣтствованія о дѣяніяхъ королей и героев нашихъ уже разобраны по частямъ различными писателями Королевскаго Общества; не забыты въ нихъ земляки наши, славные наукой и познаніями. Снядецкій, ректоръ Виленской академіи, въ своей похвалѣ Копернику, равно ученой, какъ и краснорѣчивой, воздалъ подобающую честь этому великому мужу. Никто не былъ болѣе достойнымъ прославлять Коперника, какъ этотъ авторъ, который, какъ кажется, получилъ въ послѣдство его науку и его таланты. Не ограничиваясь этимъ блистательнымъ воздаяніемъ чести, правительство, Королевское Общество и всѣ усердные поляки пожелали воздвигнуть великолѣпный и вѣковѣчный памятникъ сему мужу, распространившему столь же далеко славу своего имени, сколь далеко простираются лучи этого солнца, которому онъ, какъ другой Іисусъ Навинъ, повелѣлъ остановиться”.

Почему памятникъ, начатый въ Торнѣ, должно поставить не тамъ, а въ Варшавѣ, на то, по словамъ воззванія, „много причинъ”.

¹⁾ Приложенія, 2, стр. 104—105, 122—123, 138—139; см. также ниже.

²⁾ Тамъ-же, № 55.

„Прежде всего, увѣковѣченіе на нашей землѣ памяти и славы согражданина-поляка, котораго напрасно старается вырвать у насъ злобная и алчная зависть. Въ вторыхъ, украшеніе столицы королевства великолѣпнымъ памятникомъ. Въ третьихъ, слава, которую выполненіе этого дѣла принесетъ нашему поколѣнію не только у чужихъ, но и у потомства. Произведеніе это, какъ и подобныя ему, просуществуетъ тысячи вѣковъ. Правнуки наши, смотря на этотъ камень, подымающійся въ небесныя лазури, скажутъ: „воздвигли его тѣ, которые, оружіемъ, неутомимостью, многочисленными жертвами обратно добившись утраченнаго уже существованія, среди страданій и опустошенія не забыли о славѣ народа“.

Оповѣщая, что памятникъ этотъ предположено поставить на площади предъ бывшимъ Казимировскимъ дворцомъ, среди площади ¹⁾, воззваніе сообщало, что онъ будетъ въ формѣ „obeliska, по образцу стоящаго въ Римѣ предъ костеломъ св. Петра, или же по образцу поставленнаго цесаремъ Августомъ на Марсовомъ полѣ“, — будетъ изъ мѣстнаго гранита, въ высоту 830 футовъ ²⁾. По утвержденной Обществомъ смѣтѣ архитектора Айгнера, издержки предполагаются въ 38.000 злотыхъ; на лицо еще менѣе трети этой суммы. Изъ департаментовъ получено 1859 зл. 23 гр., на литературномъ обѣдѣ въ честь Линде собрано 9.612 злотыхъ.

„Подписка, въ Варшавѣ и по департаментамъ, продолжается, но приростъ пожертвованій далекъ еще до той суммы, какая необходима на сооруженіе сего достойнаго памятника“.

Воззваніе было разслано по административнымъ, судебномъ и т. п. учрежденіямъ, по школамъ, опубликовано въ газетахъ. Изъ лицъ, получившихъ его и предложенія производить сборъ пожертвованій, нѣкоторые сами обращались съ новыми воззваніями. „Когда—писалъ“ ³⁾ своимъ товарищамъ одинъ изъ варшавскихъ адвокатовъ — но великодушному поне-

¹⁾ Тамъ, гдѣ нынѣ университетская бібліотека.

²⁾ Имено: 1-я подстава 90 ф., 2-я 60, постаментъ 175, 1-я часть пирамиды 171, 2-я часть 163, 3-я 171 ф.

³⁾ 14 іюня в. с. 1815 г. Приложенія, 2, № 56.

ченію его величества императора всей Россіи спасено отъ уничтоженія существованіе нашего народа, теперь будетъ самое надлежащее, чтобы каждый изъ насъ въ отдѣльности, пользуясь столь великимъ даромъ, какъ народность, намъ счастливо данная, старался сохранять достопамятности, которыя если дѣлу Коперника, великаго самаго по себѣ, не преумножать и не увеличать чести, то доставятъ честь усердію поляковъ, умѣющихъ цѣнить и уважать столь дорогую память, и внушать народамъ, завидующимъ славѣ нашей, болѣе правильное представленіе объ уваженіи, какое всегда и во все время мы соединяемъ съ великими и прекрасными дѣлами.”

Вмѣстѣ съ тѣмъ ревниво усиливалась литературная борьба съ распространенной на западѣ теоріей о нѣмецкомъ происхожденіи Коперника. Большія надежды тутъ возлагались на переводы „написаннаго столь вѣрно”¹⁾ сочиненія Снядецкаго; явившійся потомъ англійскій переводъ былъ препровожденъ для представленія государю.

Годъ, въ который было издано воззваніе, заключился личною суммою въ рукахъ предсѣдателя на сооруженіе памятника около 15600 зл.²⁾ Пріободренное увеличеніемъ притока пожертвованій, Общество задумало, въ цѣляхъ лучшей прочности и отдѣлки обелиска, заказать его въ Петербургѣ изъ финляндскаго гранита, мѣрою до 30 локтей вышины. Снеслись съ министромъ статсъ-секретаремъ Соболевскимъ, ходатайствовавшимъ въ ту пору у государя о дарованіи Обществу жалованной грамоты. Отсылая Обществу подписанный государемъ дипломъ и прилагая образчики гранита, Соболевскій увѣдомилъ, что изготовленіе гранитнаго обелискажелаемаго размѣра въ одномъ камнѣ, съ доставкой по водѣ въ Варшаву, станетъ болѣе 110.500 злотыхъ. Такія издержки Общество признало (на засѣданіи 21 апр. н. с. 1816 г.) выше тѣхъ, какія намѣчались

¹⁾ Тамъ же, 2, стр. 120.

²⁾ именно 207 дукатовъ и 11,742 зл. 10 гр. Сюда вошли 9612 зл. по подпискѣ на обѣдѣ въ честь Линде, 1859 зл. 23 гр. изъ департаментовъ (причемъ изъ Варшавскаго только 231 зл. 22 гр.), изъ губерній Кіевской, Волынской и Литвы 2140 зл. 7 гр. Ср. Weinert'a, VI, 321.

раньше и какія могутъ оказаться у него на это дѣло, почему поручило новой, по указанію предсѣдателя, комиссіи заняться изысканіемъ болѣе дешовыхъ и пригодныхъ способовъ сооруженія. Во главѣ ея очутился министръ дух. дѣлъ и нар. просвѣщенія, сенаторъ Потоцкій. На собраніи (5 мая н. с.) у него, ея члены высчитали, что проектируемый памятникъ-obeliskъ изъ гранита, петербургской работы, съ дополнительными расходами по доставкѣ камня съ Вислы на мѣсто, по установкѣ, обдѣлкѣ и проч., обойдется до 160,000 злотыхъ. Перебрали различныя части Польши, не имѣется въ ней гдѣ матеріала, годнаго для сооруженія подобнаго памятника, и приходили къ убѣжденію, что онъ или недостаточно проченъ, или же неизвѣстно, отыщется ли тамъ камень въ надобныхъ цѣльныхъ большихъ кускахъ, а развѣдки и перевозъ потребуютъ неосильныхъ средствъ. Тогда Потоцкій предложилъ свой проектъ, на который далъ ему мысль памятникъ въ честь французскихъ войскъ, на Вандомской площади, именно: поставить, на пьедесталѣ изъ порфира или гранита, желѣзную рѣшетчатую основу въ формѣ обелиска и облицовать ее мѣдными листами, толщиною въ полцала, скрѣпляя ихъ одинъ съ другимъ и доводя до возможной высоты; обелискъ будетъ казаться цѣльнымъ, и все будетъ удобно, прочно и красиво; это можно соорудить изъ мѣстныхъ матеріаловъ, своими мастерами, и стоимость всего не превыситъ тысячъ 14 злотыхъ, что, какъ кажется, наиболѣе соотвѣтствуетъ желаніямъ Общества и средствамъ, какими оно располагаетъ. Предложеніе было комиссіей принято и представлено Сташицу, какъ предсѣдателю Общества и вѣдающему горнымъ дѣломъ въ царствѣ. Независимо отъ того, что дальнѣйшая смѣта обнаруживала бóльшую стоимость, возникали сомнѣнія относительно долговѣчности памятника и возраженія относительно соотвѣтствія его славы лица и народа, и Общество положило (на засѣданіи 2 іюня н. с. 1816 г.) сдѣлать памятникъ изъ бронзы, тѣмъ болѣе, что ожидали, что вскорѣ выстроится въ Варшавѣ литейное заведеніе ¹⁾.

¹⁾ Приложенія, 2, стр. 106—108, 124, 142—144.

Отклоненіе проекта гр. Потоцкаго не могло, конечно, быть пріятно автору; замедлялось и возникновеніе литейни. Распри и вспышки внутри Общества, направленные значительно и противъ Сташица и едва не приведшія (въ маѣ 1817 г.) къ выходу его изъ предсѣдательства, хотя, относительно удержанія предсѣдательства, окончились для него почетно, однако онѣ доказывали, что далеко не всѣ подчиняются его авторитету, и чувствовалась подобность въ такихъ его новыхъ заслугахъ, которыя невольно покоряли бы и членовъ Общества, проникнутыхъ „строптивымъ духомъ”¹⁾. Самымъ важнымъ здѣсь дѣломъ „для Общества и общественной пользы” было получение и застройка историческаго подоминиканскаго наслѣдія.

Нами уже подробно изложено²⁾, что хотя доминиканскій костель вмѣстѣ съ частью монастыря, какъ бывшая „Московская каплица,” былъ опредѣленъ (1816 г.) намѣстникомъ на отправленіе богослуженія для русскихъ, но что путемъ испрашиваемыхъ новыхъ намѣстническихъ постановленій постепенно отклонялось это грушней мѣстныхъ заправителей и было въ концѣ концовъ искусно приведено (1820 г.) къ даровой передачѣ площади и половины кирпичача отъ разобранныхъ зданій Обществу на субсидируемую постройку дома. Когда выполнилось около половины этого процесса, именно, когда костель со зданіями назначенъ былъ (1817 г.) къ сноскѣ, съ тѣмъ, чтобы матеріаль отъ нихъ и площадь поступили въ распоряженіе Прав. Комиссіи дух. д. и нар. просвѣщенія на пользу эдукационнаго фонда, а площадь по снесеніи ихъ называлась Академическою³⁾, то Сташиць, бывши вліятельнѣйшимъ дѣятелемъ въ этой Комиссіи, полагалъ, что можно уже, чтобы эту площадь назначили подъ постановку на ней памятника Копернику. Проектъ этотъ однако оказался еще несвоевременнымъ: его легче было пока провести въ правительствѣ, чѣмъ въ Обществѣ, въ которомъ, очевидно, первоначальное

1) Тамъ же, стр. 225; изслѣдованіе, стр. 361—362.

2) Выше, гл. XIII и XV.

3) Выше, стр. 305—306.

мѣсто, предъ Университетомъ, считалось болѣе соответствен-
нымъ и еще надѣялись подоминиканскій костель превратить въ
университетскій или академическій (въ Университетѣ имѣлъ
быть богословскій факультетъ). Разладъ не замедлилъ отразить-
ся на положеніи суммъ на сооруженіе памятника. Несмотря на
то, что подспорьемъ служилъ теперь сборъ по школамъ, даже
съ русскимъ и литовскимъ составомъ учащихся¹⁾, гдѣ „добро-
вольность“ пожертвованій должна была по обычаю быть услов-
ной, только если къ маю 1817 года имѣлось въ кассѣ всего
23.883 зл. 25 гр., то наличность ея не увеличилась и къ марту
1818 г., потому что прибывавшія суммы оставались въ раз-
ныхъ рукахъ²⁾, а Сташиць, вѣдавшій дотолѣ сборомъ, уже, по-
видимому, не принималъ ихъ.

Раздосадованный неожиданнымъ отклоненіемъ своего про-
екта, Сташиць заявилъ Обществу (на засѣданіи 1 марта н. с.
1818 г.): „Выражаю истинное сожалѣніе, что въ такомъ важ-
номъ для польскаго народа, начатомъ уже 10 лѣтъ тому на-
задъ, дѣлѣ, для котораго готовъ пожертвовать значительную
часть своего имущества, разъ дѣло касается тутъ славы на-
родной, я неожиданно встрѣчаю препятствія, когда въ мѣстѣ на
Краковскомъ предмѣстьѣ, на которомъ до сихъ поръ стоитъ ко-

¹⁾ Еще осенью 1816 г. было прислано 1.393 зл. 15 гр., собранныхъ дирек-
торомъ гимназій и училищъ въ Бѣлостокскомъ обводѣ (Приложенія, 2, стр. 108).
Въ томъ же году одинъ изъ профессоровъ Виленскаго университета прислалъ
собранные имъ 130 дукатовъ, присоединивъ (тамъ же, 2, 111—112) къ нимъ въ
іюнь 1818 г. 200 дукатовъ. Лишь въ срокъ съ 20 марта 1817 до ноября 1818 г.
поступило изъ школъ 7.940 зл. 20 грошей. Наиболѣе дали: Копвикъ піаровъ въ
Желиборжѣ 1.653 зл.; Холмское училище 1.611 зл. 21 гр.; Варшавское піарское
училище 1.178 зл. 3 гр.; Плоцкая рыцарская школа 845 зл. 6 гр.; Варшавскій ли-
лей 652 зл. 25 гр.; Кѣлецкая воеводская школа 611 зл. 2 гр.; Калишская воевод-
ская школа 600 зл.; Сейвенская рыцарская школа 500 зл. 20 гр.; Люблинская школа
339 зл. 26 гр.; Калишскій кадетскій корпусъ 259 зл. 10 гр.; одною изъ наименѣе
жертвовавшихъ была Варшавская евангелическая школа, давшая 20 грошей. Ар-
хивное дѣло о сооруженіи памятника, I, л. 147. Отмѣтимъ, что какъ ни значи-
тельны были предыдущіе сборы въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края и въ Кіев-
ской и Волынской, они производились въ нихъ и въ школахъ холмской успѣшно
и потомъ.

²⁾ Приложенія, 2, стр. 109, 110.

стель кс. доминиканъ обсервантовъ и которое предназначено правительствомъ на постановку сего памятника, вдругъ мнѣ было отказано. Видя непріятныя для меня въ этомъ случаѣ затрудненія, я отказываюсь отъ дальнѣйшаго руководительства въ этомъ дѣлѣ и прошу, чтобы Общество взяло въ свое попеченіе сумму, собранную на памятникъ, и всевозможно старалось довести до конца столь важное предпріятіе”¹⁾. Къ данному заявленію Общество отнеслось иначе, чѣмъ къ отказу отъ предсѣдательства: принявъ его къ свѣдѣнію, оно хотѣло потомъ само обсудить и рѣшить вопросъ.

Дѣло сооруженія монумента должно было пережить серьезный и продолжительный кризисъ, во время котораго однако все яснѣе и яснѣе обнаруживалось, что осуществить его „соотвѣтственно величію ума и заслугъ мужа и славы народа” если не могъ одинъ Сташицъ безъ участія Общества, то и Общество совершенно терялось, какъ поступать ему безъ руководства и средствъ своего предсѣдателя. Напрасно одинъ изъ ревностныхъ почитателей Сташица старался подвинуть его воспользоваться собравшимся генеральнымъ сеймомъ, на который ожидали прибытія государя; въ свою очередь и у Общества, когда на его засѣданіяхъ поднимался въ отсутствіе Сташица вопросъ о памятникѣ, долго не доставало „времени” или „количества членовъ”²⁾. Опасность сооруженію достойнаго па-

¹⁾ „Przy tym raporcie o funduszu na pomnik dla Kopernika (этотъ „рапортъ” въ Памятникахъ, 2, стр. 110), prezes Towarzystwa sprawiedliwy żal swój wypowiedział, iż w tak ważnem dla narodu polskiego przedsięwzięciu, od lat dziesięciu rozpoczętem, dla którego gotów jest znaczną część swojego majątku ofiarować, gdzie idzie o sławę narodową, niespodziewanie znajdują przeszkody, gdy miejsce na Krakowskiem przedmieściu, gdzie dotąd jest kościół xx. Dominikanów obserwantów, przeznaczone od rządu na wystawienie wspomnionego pomnika, nagle odmówionem mu zostało. Widząc nieprzyjemne w tym razie dla siebie trudności wymówił się od dalszego przewodniczenia w tym interesie i żądał, aby Towarzystwo fundusz dotąd zebrany na pomnik wspomniony wzięło w swoją opiekę i starało się zamiar tak ważny do skutku zaszczytnie doprowadzić”. По архивной описи № 61: Protokul... z dnia 1 grudnia 1816 r., 153 стр.; Posiedzenie ogólne d. 1 marca 1818, art. III.

²⁾ Въ виду приближавшагося сейма, провинціальный почитатель Сташица, „убѣжденный, что никто въ этомъ вѣкѣ не оказался равнымъ ему, а тѣмъ болѣе превышающимъ его жертвою своего труда, имущества и стремленіями въ пользу

мятника и отклоненіе проекта Сташица о постановкѣ его на подоминиканской площади длились, пока Сташицъ не достигъ

народную, наукъ и славѣ поляковъ“, писалъ (18 марта п. с. 1818 г.) ему: возможно, что на этомъ сеймѣ можетъ добратся сумма, надобная для приведенія въ исполненіе „прекрасныхъ мыслей и чувствъ народа къ своему начальнику астрономическихъ наукъ“, а также въ интересахъ политическихъ, именно для утвержденія въ царствѣ счисленія по римскому календарю; на немъ же, быть можетъ, получился бы необыкновенно важный документъ—позволеніе на памятникъ отъ самого Александра. „Посему, заключаю оное свое письмо, я не вижу болѣе подходящей поры, чѣмъ время настоящаго сейма, для полученія помощи, авторитета и—такъ выражусь—дарованія сему рѣшенію сапкинъ народа и трона, а равно, не нахожу мужа, которому лучше могло бы быть поручено это дѣло для проведенія, какъ только ваша особа“ (Приложенія, 2, № 58). Но при томъ положеніи, въ какое взаимно тогда встали къ дѣлу памятника и Сташицъ, и Общество, нечего было и думать Сташицу о такой роли. За то и на ближайшемъ засѣданіи (12 апр. п. с.) Общества, въ дни сейма, когда Суровенскій, членъ комиссіи по сооруженію памятника, напомнивъ о предшествовавшемъ заявленіи Сташица по дѣлу сооруженія, „вкраткѣ изложилъ, насколько этотъ предметъ важенъ для Общества, чтобы предполагаемый и столь нетерпѣливо ожидаемый публичкой монументъ способомъ своей постройки и выборомъ мѣста, отвѣчающими величию предпріятія и польскому народу, желающему выразить долгъ почтенія одному мужу въ отечествѣ, могъ внѣшнимъ знакомъ достойно почтить нашего соотечественника, превзошедшаго другихъ силою своего творчества и своими неопѣнными заслугами“, то „обсужденіе этого вопроса не могло привести къ какому либо результату, такъ какъ время было позднее, хотя коллеги и желали этого“. Дѣло внесли и на экстренное засѣданіе (26 апр. п. с.), на которомъ то же потребовалось отложить его... „за малымъ числомъ присутствовавшихъ членовъ“ (тамъ же, 2, стр. 110). Затѣмъ и самый костелъ доминиканскій, площадь подъ которымъ, по предполагаемому скорому свесеніи его, намѣчалась Сташицемъ для поставовки памятника, Совѣтомъ управленія царства, какъ мы уже видѣли, было, въ присутствіи Сташица, повелѣно Прав. Комиссіи дух. д. и нар. просвѣщенія немедля исправить, какъ „назначенный на костелъ Академическій“. Казалось, проекту Сташица наступилъ такимъ образомъ уже конецъ. Только Пр. Комиссія, въ которой Сташицъ руководилъ, не только не думала о приведеніи въ исполненіе порученія ей объ исправленіи костела, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ намѣстникомъ въ присутствіи Сташица постановлялось (4 авг. п. с.) въ обязанность другой Правит. Комиссіи приступить къ полной сломкѣ костела, съ тѣмъ, чтобы половина кирпича отъ него „была отдана въ распоряженіе Прав. Комиссіи дух. д. и нар. просвѣщенія для постройки зданія, проектированнаго на мѣстѣ подоминиканскаго костела“ (выше, стр. 306—308; Приложенія, 1, №№ 61—62). Хлопоты муниципальнаго управленія о продажѣ освободившейся площади съ публичныхъ торговъ при условіи постройки дома по плану городского архитектора Айгнера, „одобренному намѣстникомъ“, оказались напрасными. Все въ концѣ концовъ было, неожиданно для муниципалитета, поставлено такъ, что самъ намѣстникъ сдѣлалъ извѣстное льготное предложеніе Сташицу о сооруженіи тутъ дома Обществомъ... (выше, гл. XV, стр. 375—378),

того, что самъ намѣстникъ „предложилъ” (весною 1820 года) ему, чтобы Общество выстроило себѣ новый, большой и красивый, домъ на этой площади съ денежной ссудой отъ казны; подразумѣвалось, что и вся площадь будетъ правительствомъ подарена Обществу. Избранныхъ членовъ Общества Сташиць тогда ознакомилъ съ предложеніемъ намѣстника и съ своими намѣреніями и планами сооруженія дома и предъ нимъ памятника Копернику. Широта высокополезнаго предпріятія, не требовавшего къ тому же для своего выполненія почти никакихъ пожертвованій со стороны Общества, не могла уже въ этомъ дѣлѣ не подчинить всѣхъ членовъ диктаторской волѣ своего председателя.

До сихъ поръ все предположенія о памятникѣ, объ его формѣ и матеріалѣ, шли отъ чертежей Айгнера, составителя проекта и дома на Краковскомъ предмѣстьѣ. Сооруженіе дома Сташиць, какъ мы видѣли, искусно провелъ по плану Корацци, а не Айгнера, авторитетъ котораго видимо колебался. За неимѣніемъ въ Польшѣ выдающагося скульптора, производившіяся въ ту пору сношенія аристократіи и уже заключенный чрезъ гр. Потоцкаго контрактъ съ Торвальдсеномъ о монументѣ кн. Понятовскому указывали Сташицу, куда ему съ Обществомъ лучше направить свое вниманіе, и онъ пришелъ къ мысли совсѣмъ отклонить проекты Айгнера не только касательно дома, но и памятника, и обратиться къ тому же Торвальдсену, не жалѣя на недостающіе расходы своихъ собственныхъ суммъ, если монументъ создастся по плану и модели этого знаменитаго художника. Копернику предполагалось поставить памятникъ въ видѣ пирамиды или обелиска; князю же Понятовскому памятникъ былъ запроектированъ бронзовый, въ формѣ фигуры, на конѣ, подъ которымъ большой пьедесталъ; соотвѣтственно съ этимъ, теперь задумали, чтобы и памятникъ Копернику былъ бронзовой фигурой астронома на высокомъ пьедесталѣ.

Комитетъ по сооруженію памятника Понятовскому поджидалъ пріѣзда Торвальдсена въ Варшаву къ маю 1820 года для окончательнаго выясненія деталей по выполненію заказа

и о мѣстѣ. Въ это время Сташиць уже въ такой степени былъ увѣренъ въ согласіи съ нимъ части Общества о планахъ относительно памятника Копернику, что, изъ-за служебныхъ обязанностей не имѣя возможности быть въ Варшавѣ и присутствовать на засѣданіи (10 мая н. с.) Отдѣленія познаній, онъ поручилъ секретарю просить предсѣдателя отдѣла, чтобы онъ, на случай прибытія въ эту пору Торвальдсена, переговорилъ съ нимъ о способѣ, какимъ этотъ памятникъ могъ бы быть лучше исполненъ. „Мысль предсѣдателя Общества“, продолжалъ докладывать секретарь по уполномоченію Сташица, „чтобы фигура Коперника была сдѣлана изъ бронзы, поставлена предъ домомъ Общества на высокомъ пьедесталѣ, на имѣющей застроиться подоминиканской площади близъ костела Св. Креста. Дѣло въ томъ, возьметъ ли на себя Торвальдсенъ эту работу и во сколько она будетъ стоить”¹⁾. При этомъ секретарь представилъ проектъ плана предполагаемаго новаго дома.

Задержавшись на своей родинѣ, Торвальдсенъ прибылъ въ Варшаву осенью, въ сентябрѣ, въ пору основанія новаго дома Общества на подаренной Обществу подоминиканской площади. Замѣтимъ, что въ дарственномъ постановленіи (10/22 авг. 1820 г.) намѣстника говорится лишь, что намѣстникъ дозволяетъ „постройку на ней дома для Общества“, и ничего не упоминается о постановкѣ на ней и памятника. Торвальдсенъ присутствовалъ на закладкѣ дома, и чрезъ два дня послѣ того былъ съ нимъ заключенъ (18/30 сент.) Сташицемъ договоръ,

¹⁾ „Sekretarz wymówił prezesa Towarzystwa z niemożności znajdowania się na posiedzeniu dzisiejszem, dla wielu razem zebranych urzędowych zatrudnień. Zaniósł przy tem prośbę do prezesa Działu umiejętności imieniem prezesa Towarzystwa, aby w czasie niebytności prezesa Towarzystwa, który na dni kilkanaście jutro wyjeżdża do kopalni Kieleckich, na przypadek przybycia do Warszawy w tym miesiąca sławnego rzeźbiarza Torwaldsona, rodem duńczyka, raczył pomówić z nim względem pomnika, który Towarzystwo nasze postawić zamierza, w jakim sposobie najdogodniej mógłby być takowy pomnik uskuteczniiony, aby był godną Kopernika pamiątką. Myślą prezesa Towarzystwa jest, aby był posąg Kopernika z brązu ulany i postawiony przed domem Towarzystwa, na wysokiej podstawie, mającym się budować na placu podominańskim, w bliskości św. Krzyża. Idzie o to, czy p. Torwaldson podejmuje się kierunku tą robotą i wiele całe dzieło kosztować będzie“? По архивной описи № 67: Protokul posiedzeń Działu umiejętności w Tow., 1817—1823 r., стр. 88, Posiedzenie Dz. um. d. 10 maja 1820.

по которому художникъ обязывался сдѣлать изъ гипса модель статуи Коперника, снабдить формы для отливки этой статуи изъ бронзы и приложить рисунокъ или планъ пьедестала; фигура должна быть колоссальной величины, сидящей въ креслѣ, въ академической тогѣ, съ армиллярной сферой въ одной рукѣ, съ глазами, обращенными къ небу. Окончить модель Торвальдсенъ обязывался въ 1½ года со дня подписанія контракта и по окончаніи переслать, въ хорошей упаковкѣ, самымъ удобнымъ путемъ въ Варшаву на имя Сташица. За трудъ Сташиць ему долженъ уплатить 2.000 голландскихъ дукатовъ (т. е. около 38.000 зл. или 5.700 р.), изъ коихъ треть (666 дук.) отдается при подписаніи контракта, остальное (1333 д. и 6 зл.) по полученіи въ Варшавѣ модели; издержки по упаковкѣ и доставкѣ всего изъ Рима въ Варшаву уплачиваются тоже Сташицемъ. О мѣстѣ памятника не говорилось въ контрактѣ.

Докладывая о происшедшей закладкѣ дома и прочтя контрактъ съ Торвальдсеномъ, секретарь кс. Чарнецкій сообщалъ (на засѣданіи 1 окт. н. с.) Обществу: памятникъ будетъ поставленъ предъ новымъ домомъ и вылитъ въ Варшавѣ изъ бронзы; собранной Обществомъ суммы, простирающейся всего до 36.099 зл. 5 грошей, не хватаетъ 100 дук. и 6 грош. на уплату одному Торвальдсену, что покроеся записями и депозитами; затѣмъ у Общества нѣтъ средствъ на покупку бронзы, которая потребуется для отливки статуи, нѣтъ ихъ и на уплату за эту отливку, на мраморъ подъ пьедесталь и даже на доставку модели изъ Рима,—всѣ эти и подобные расходы уплатить предсѣдатель, жертвуя на ихъ покрытіе 100.000 зл., чтобы такимъ образомъ „великій мужъ Коперникъ получилъ должную себѣ почесть отъ своихъ соотечественниковъ и былъ бы охраненъ отъ сосѣдей (пруссаконъ), желающихъ присвоивать его, какъ своего соотечественника“. Триумфъ Сташица, который хотя и не присутствовалъ на засѣданіи, былъ полный. Общество положило поднести ему извѣстный уже адресъ, поручивъ составленіе тому лицу, который ранѣе всего рѣзче высказывался противъ Сташица; въ адресѣ благодарили и про-

славляли своего предсѣдателя за заботы и жертвы на пользу Общества, въ особенности по созданію дома и памятника ¹⁾).

Достигшій столь доминирующаго положенія въ дѣлѣ устройства памятника, Сташицъ приступилъ къ заблаговременной заготовкѣ всего, что должно потребоваться, когда отъ Торвальдсена получится модель.

Въ Гостынинѣ, гдѣ нѣкогда скончался въ заключеніи и былъ первоначально погребенъ царь Шуйскій, сгорѣлъ (1819 г.) костелъ. Оставшійся отъ его колоколовъ и другихъ вещей мѣдный ломъ былъ теперь (1821 г.) купленъ по сходной цѣнѣ, съ публичнаго торга („kruszc po spalonym kościele w Gostyninie”, 5.939 фунтовъ за 5.167 зл. 14 гр.). По своимъ грубешовскимъ имѣніямъ Сташицъ находился въ особыхъ отношеніяхъ съ люблинскими духовными властями, и люблинскіе епископъ и канитулъ подарили (1822 г.) два колокола изъ села Краснаго Става. Кромѣ того, было куплено мѣди свыше 13.000 фунтовъ. Набралось всего около 23.000 фунтовъ ²⁾).

Запасая матеріаль для отливки бронзовой фигуры, Сташицъ хотѣлъ приготовить также пьедесталь изъ мрамора. Онъ предложилъ (3 іюня н. с. 1821 года) Айгнеру дать размѣры; этотъ отклонился, подъ предлогомъ, что надо сначала запросить Торвальдсена, какъ велика будетъ фигура астронома. Написать проектъ письма поручили ему.

Присылки модели напрасно ожидали такъ скоро. Заказъ Торвальдсеномъ не былъ исполненъ къ сроку, который пришлось продолжить на полгода. Приблизительно къ этому времени Сташицъ порадовалъ (на засѣданіи 13 окт. н. с. 1822 г.) Общество, что Торвальдсенъ окончилъ гипсовую модель Коперника, допустивъ въ ней лишь нѣкоторыя измѣненія: Коперникъ сидитъ не въ куріальномъ креслѣ, а на скамѣ, и производитъ свои астрономическія наблюденія. Тутъ же была принята Обществомъ проектируемая Сташицемъ надпись на памятникѣ: „Поляки своему соотечественнику Копернику“.

¹⁾ Приложенія, 2, № 59 и стр. 113—116; изслѣдованіе, стр. 341, 384.

²⁾ Архивное дѣло о сооруж. памятника, I, 4; Приложенія, 2, стр. 150.

Отъ Торвальдсена опять ничего не получилось, даже и послѣ того, какъ Сташиць, по порученію Общества (5 окт. н. с. 1823 г.), писалъ ему. Проекты пьедестала, дѣльныхъ три, представилъ архитекторъ Корацци. При разсмотрѣніи ихъ (на засѣданіи 14 ноябрю н. с. 1824 г.), члены Общества, не прійдя къ опредѣленному рѣшенію, согласились съ предложеніемъ предсѣдателя отослать рисунки съ нихъ для выбора самому Торвальдсену; внослѣдствіи былъ присоединенъ также рисунокъ проекта пьедестала архитектора Ицковскаго. О гипсовой же модели Сташиць тогда же сообщилъ, что она дѣйствительно уже готова и въ приближающемся (1825) году будетъ доставлена въ Варшаву ¹⁾.

Узнавъ отъ Торвальдсена, что статуя Коперника должна быть по его модели вылита изъ бронзы и что, для большей вѣрности, онъ предпочитаетъ, чтобы отливка и отдѣлка производились на его глазахъ, заручившаяся его согласіемъ, работавшая въ Римѣ берлинская фирма, предложила (1 мая н. с. 1825 г.) Сташицу свои услуги, за 40.000 франковъ. Какія доказательства въ высотѣ своихъ фабрикатовъ ни приводила она, Сташиць вошелъ въ сношеніе съ вызваннымъ для отливки памятника Понятовскому французомъ Норблиномъ, лейтѣня котораго къ этому времени уже нѣсколько лѣтъ работала въ Варшавѣ и который, послѣ отдѣленія отъ Зіера, продалъ ее своему компаніону Грегуару; имѣло тутъ значеніе, быть можетъ, то, что ему желалось также лично наблюдать за работой и что предлагавшая себя фирма была прусская. За статую безъ пьедестала Норблинъ запросилъ 80.000 зл. и мѣдь ²⁾.

Чтобы побудить художника, изъ-за котораго одного, казалось, теперь была остановка, Сташиць примѣнилъ послѣднее средство: покончилъ съ нимъ денежные счета. За расходами, у Общества оставалось къ 1824 году всего 330 дукатовъ и 1.191 зл. 8 гр.; въ этомъ году получилось членскихъ взносовъ 408 злотыхъ. Пожертвовавъ своихъ 1.003

¹⁾ Приложенія, 2, стр. 116, 117, 121, 151.

²⁾ Тамъ же, 2, № 60 и стр. 154.

дуката, Сташиць отправилъ (22 іюня н. с. 1825 г.) Торвальдсену чрезъ секретаря русскаго посольства въ Римѣ недоплаченные ему 1.333 дуката, т. е. тѣ двѣ трети условленной суммы, которую, по контракту, слѣдовало бы ему отдать уже по полученіи модели въ Варшавѣ. Изъ Рима пришло письмо банкировъ о полной выдачѣ ими Торвальдсену; отъ самого художника все же не было никакихъ вѣстей ¹⁾.

Такъ Сташицу и не посчастливилось видѣть ни мамятника, ни даже модели.

Предъ своею смертію онъ завѣщалъ на достройку монумента 70.000 злотыхъ. Предпріятіе казалось обеспеченнымъ, и Общество считало теперь себя полнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ въ этомъ дѣлѣ ²⁾, а главнымъ двигателемъ сталъ Нѣмцевичъ, стремившійся занять въ Обществѣ мѣсто Сташица. Отъ имени Общества онъ немедленно написалъ (22 февр. н. с. 1826 г.) Торвальдсену горячее письмо ³⁾, въ которомъ, отъ укоровъ за обманываемыя надежды Общества столь продолжительной просрочкой и за молчаніе, быстро перешелъ въ свой обычный лиризмъ. „Крайне обезпкоенные, въ виду приближенія лѣта, мы просимъ васъ не медлить болѣе съ отправкой, указаннымъ вамъ путемъ, нашего великаго Коперника. Избирая васъ для увѣковѣченія славы Коперника и Понятовскаго, не одно Королевское Общество, а и вся нація этимъ указали на васъ, какъ на самаго знаменитаго художника, наиболѣе достойнаго снасти отъ полнаго забвенія хотя бы нѣсколько воспоминаній о нашей прежней славѣ. Неужели столь благородная и возвышенная душа останется безучастной къ этому выбору? Бываетъ, что художники вынуждены прославлять надменность, не имѣющую заслугъ; но вы, работая для Польши, приняли порученіе найдостойное вашей души—обезсмертить

¹⁾ Тамъ же, 2, стр. 124, 146—147, 149—150.

²⁾ Рѣзкое отклоненіе администраціей Общества предписаній комиссіи Мазовецкаго воеводства (Приложенія, 2, № 64) и Прав. Комиссіи дух. д. и нар. просвѣщенія (Архивное дѣло о сооруженіи памятника, II, л. 88—90) о болѣе надежномъ храненіи пожертвованія Сташица. 70.000 зл. = 10.500 руб.

³⁾ Приложенія, 2, № 61.

самое возвышенное, творческій геній, доблесть и священную преданность отечеству. Да отзовутся въ душѣ вашей эти мотивы, и да вдохновятъ они вашъ геній и оживятъ вашъ творческій рѣзецъ! Присылайте же намъ возможно скорѣе ваши образцовыя творенія; и пусть Польша, созерцая своихъ героевъ, благословитъ художника, возвратившаго имъ жизнь. Сблаговолите отвѣтить на наше письмо и извѣстить насъ, безъ откладываній, когда вы рассчитываете отправить Коперника вмѣстѣ съ пьедесталомъ, который вы ему назначили“.

Думая подвинуть Торвальдсена, Нѣмцевичъ старался, чтобы работа шла и въ Варшавѣ. По иниціативѣ отдѣленія наукъ, гдѣ онъ продолжалъ еще быть предсѣдателемъ, образовали (въ мартѣ) комиссію, которой вмѣнялось непременно довести до конца предпріятіе, начатое въ 1809 году. Въ нее вошли самъ Нѣмцевичъ, еп. Пражмовскій, ректоръ университета Швейковскій и др. Увеличиваясь и отчасти мѣняясь въ составѣ, она въ важныхъ случаяхъ собиралась у Нѣмцевича; о результатахъ обсужденій, требовавшихъ утвержденія, докладывалось Обществу.

При вышолненіи возложенной задачи, комиссіи выпало много труда. На привлеченіе новыхъ пожертвованій не было надежды, и она должна была напрягать усилія, чтобы обойтись по возможности тѣмъ, что получилось отъ времени Сташица. Предъ Обществомъ она выяснила (15 марта н. с.) положеніе средствъ¹⁾. Всего поступило 62.153 зл. или 9.322 руб. 95 коп. (именно 2.285 дукатовъ и 18.738 зл.); за расходами, на уплату Торвальдсену, на приобрѣтеніе матеріала и проч., въ наличности имѣлось 1.396 зл. 23 гр., да 70.000 зл. по завѣщанію Сташица и лому и мѣди 22.428 фунтовъ²⁾. Предстоятъ: упаковка и перевозка модели, отливка ея, сооруженіе пьедестала, земляныя и каменныя работы, установка; стоимость всего этого пока еще нельзя было точно опредѣлить, но во всякомъ случаѣ было очевидно, какъ трудно было все это произвести на имѣвшіяся средства.

¹⁾ Приложенія, 2, стр. 130, 149—150.

²⁾ 62.153 и 70.000 зл. = 19.822 р. 95 к.

Между тѣмъ отъ Торвальдсена получился на письмо Пѣмцевича отвѣтъ, хотя и косвенный. Однимъ изъ членовъ Общества было заявлено (на засѣданіи 24 мая н. с.)¹⁾ о полученномъ отъ своего пріятеля въ Римѣ извѣстіи, что Торвальдсенъ этимъ же лѣтомъ вышлетъ въ Варшаву модель Коперника вмѣстѣ съ моделью Понятовскаго и что въ непродолжительномъ времени самъ прибудетъ въ Варшаву, чтобы лично присутствовать при отливкѣ и постановкѣ фигуры и что, кромѣ того, онъ, отбросивъ проекты пьедестала Корацци, желаетъ, чтобы пьедесталъ былъ выполненъ по рисунку Ицковскаго и возможно скорѣе, до пріѣзда его въ Варшаву.

Хотя извѣстіе о высылкѣ модели предстоявшимъ лѣтомъ и не оправдалось; такъ что осенью Пѣмцевичъ счелъ надобнымъ написать въ Римъ графинѣ Вонсовичъ, урожденной гр. Потоцкой, чтобы она лично переговорила съ Торвальдсеномъ о пересылкѣ модели, но чертежъ пьедестала Ицковскаго, съ подписью художника, получился, и комиссія занялась пока вопросомъ о пьедесталѣ. Отстраняясь отъ всякихъ другихъ проектовъ, начиная съ самаго ранняго, Айгнерова, она положила (2 ноября н. с.) держаться только этого проекта и брать мраморъ или гранитъ; не найдя породы, годной для пьедестала, она просила потомъ (въ февр. 1827 г.) министра финансовъ Любецкаго, чтобы онъ предписалъ мѣстнымъ властямъ по горнозаводству сообщить Обществу, не находится ли таковой въ ихъ копияхъ. Указывалось на разныя мѣста и породы и заявили подрядчики съ предложеніями своихъ услугъ. Такъ какъ этими вопросами занимались и ранѣе, то, чтобы лучше разобраться въ нихъ, комиссія взяла (12 марта н. с.) прежніе документы о сооруженіи памятника. Приглашенный ею, специалистъ по надгробнымъ и т. п. небольшимъ каменнымъ сооруженіямъ членъ Общества Метцель отозвался (2 мая н. с.) отрицательно о принятомъ ею рисункѣ пьедестала, присланномъ изъ Рима, указывая, что въ немъ не соблюдены пра-

¹⁾ По архивной опискѣ № 68, стр. 68, Posiedzenie Działu umiejętnosci d. 24 maja 1826 r.

вила архитектуры въ отношеніяхъ пропорціи высоты и ширины, и предложилъ свой проектъ его, пирамидальной формы, безъ ступеней. Соглашаясь, что еслибы авторомъ рисунка былъ самъ Торвальдсенъ, а не Ицковскій, то пьедесталь, вѣроятно, былъ бы иной, члены комиссіи однако не удовлетворились его пирамидой: памятникъ казался бы на ней меньше и недостаточно импозантнымъ, при ступенькахъ видъ лучше, и монолита для нея еще не отыскано ¹⁾).

Выяснилось, что при сужденіяхъ о памятникѣ надо имѣть въ виду не только рисунокъ его, но опредѣленно условиться и относительно мѣста постановки. Первоначальное рѣшеніе соорудить его на площади предъ Казиміровскимъ дворцомъ, по учрежденіи Университета называвшейся университетскою или академическою, еще при Сташицѣ колебалось проектомъ объ украшеніи имъ площади предъ новымъ домомъ Общества. Но на первое мѣсто было уже какъ-бы косвенное правительственное согласіе: сборы на сооруженіе тамъ производились Обществомъ не только съ вѣдома, но первоначально и при помощи правительства, и на то мѣсто не встрѣчалось никакихъ соперниковъ. Относительно же второго проекта хотя Сташицъ нѣкогда и заявлялъ, что оно „предназначено правительствомъ на постановку названнаго памятника“, но, очевидно, онъ разумѣлъ тутъ „правительство“, котораго самъ былъ членомъ, а еще не намѣстника, которымъ эта подоминиканская площадь была потомъ подарена подъ постройку на ней дома Общества безъ упоминанія о памятникѣ, и самъ Сташицъ не считъ возможнымъ внести въ свой оффиціальный контрактъ съ Торвальдсеномъ указаніе этого мѣста, предположеніе о постановкѣ на которомъ памятника гласно почти не выходило еще изъ круга Общества. Впослѣдствіи имъ стали интересоваться также члены комитета по сооруженію памятника Понятовскому, и въ числѣ ихъ президентъ города Карлъ Войда, такъ что, какъ мы вилѣли, на планѣ этой площади,

¹⁾ Приложенія, 2, стр. 131, 151; Архивное дѣло о постройкѣ памятника, II, л. 32.

начерченномъ въ муниципальномъ управленіи, было означено мѣсто для памятника князю. Торвальдсену желалось, чтобы изъ пьедестала памятника Понятовскому былъ открытъ фонтанъ; мысль о фонтанѣ на данной площади занимала также правительство. Уступая возраженіямъ родныхъ князя, Торвальдсенъ предпочелъ для пьедестала скалу; но городской фонтанъ могъ бы удобно дополнять картину; онъ могъ бы стоять тутъ и одинъ, къ чему въ концѣ концовъ, повидимому, болѣе и склонялись. Понятно, что комиссія почувствовала затрудненія, какъ въ томъ, на какой изъ площадей намѣтить памятникъ, такъ и въ выборѣ мѣста на площади предъ домомъ Общества, еслибы окончательно остановиться на ней. Памятникъ Понятовскому не безъ причины намѣчали поставить на краю ея, ближе къ Новому Свѣту. На засѣданіи (2 мая н. с.) комиссіи Метцель настойчиво говорилъ о тогдашнихъ обстоятельствахъ и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ правительства по устройству въ городѣ водопроводовъ и фонтана, вызвавъ замѣчанія, что какъ-бы главная городская потребность не взяла перевѣса надъ потребностью украшенія города и не побудила перенести или совсѣмъ устранить памятникъ и что о точномъ мѣстѣ лучше бы снестись съ президентомъ города. Комиссіи уже представлялось, не будетъ ли счастливѣе помѣстить монументъ на площади академической, по раннему проекту.

Вопросъ о мѣстѣ былъ настолько затруднительнымъ, что комиссія не рѣшила его, когда собралась (14 декабря н. с.) въ полномъ своемъ числѣ и подъ предсѣдательствомъ самого Нѣмцевича, и положила обсужденіе его перенести на общее засѣданіе Общества, поручивъ ректору Университета Швейковскому приготовить, съ профессоромъ перспективы, планы той и другой площади съ памятникомъ, какъ бы уже стоящимъ—на одной предъ фасадомъ Университета, на другой предъ домомъ Общества, такъ чтобы Общество могло лучше видѣть и опредѣлить по нимъ удобство и красоту и отправить эти чертежи государю, въ случаѣ обращенія къ нему съ просьбою о соизволеніи сооруженія памятника на мѣстѣ,

которое будетъ избрано. Комиссія считала надобнымъ не медлить: модель Коперника уже прибыла въ Гамбургъ, откуда направляли ее къ Берлину. Тѣмъ не менѣе Общество не нашло еще возможнымъ ни опредѣленно трактовать, ни обращаться въ официальные круги о мѣстѣ на площади предъ его домомъ.

При разсмотрѣннн предложеній подрядчиковъ и мастеровъ, бравшихся за сооруженіе пьедестала и предлагавшихъ матеріалы, слишкомъ различныя и не всегда извѣстной прочности, и смѣты, въ большинствѣ неполныя и неопредѣленныя или превышавшія суммы Общества, комиссія убѣдилась, что практичнѣе сдать въ однѣ надежныя руки, и именно въ тѣ, съ которыми вступилъ въ сношеніе еще Сташицъ, изготовленіе всего памятника, съ отдѣлкой и установкой. Норблина Нѣмцевичъ увѣдомилъ, что вмѣсто выговариваемыхъ имъ у Сташица 80.000 зл. и количества мѣди за статую безъ пьедестала можно дать лишь 70.000 зл. за весь памятникъ, и потребовалъ сообщенія о способахъ, какими онъ и Грегуаръ воспользуются при его сооруженіи. „Статуя, какъ и основаніе (кресло), на которомъ она сидитъ, будутъ — отвѣчалъ (18 сент. н. с. 1827 г.). Норблинъ—выполнены изъ бронзы, по модели Торвальдсена. Фигура будетъ вылита нѣсколькими частями по песочному способу, который теперь единственно и примѣняется въ такого рода работахъ; прежній способъ отливки по восковой модели совершенно оставленъ, какъ слишкомъ дорогой и требующій много времени. Статуя Іосифа II въ Вѣнѣ—последняя, выполненная такимъ образомъ. Съ этого времени всѣ другіе памятники этого рода были сдѣланы тѣмъ самымъ способомъ, какимъ мы намѣрены воспользоваться для памятника Коперника. Пьедесталъ будетъ отлитъ изъ чугуна и поставленъ на прочномъ кирпичномъ фундаментѣ. Наконецъ, ничтѣ не будетъ упущено въ выполненіи работы, чтобы обезпечить прочность памятника, который долженъ перейти къ потомству.

„Что касается платы, то во время моихъ переговоровъ по этому поводу съ г. статсъ-министромъ Сташицемъ, мною

была представлена ему просьба о выдачѣ мѣди и 80.000 зл. для статуи безъ пьедестала; но такъ какъ послѣ этого г. предсѣдатель извѣстилъ меня, что члены комиссіи не могутъ назначить болѣе 70.000 зл. за полное сооруженіе памятника, а съ нашей стороны ничего не добиваемся (желаемъ устранить всякое другое соображеніе), кромѣ чести быть исполнителями предпріятія, то мы согласны представить памятникъ совершенно законченнымъ за назначенную сумму въ 70.000 зл. и 23.328 фунтовъ мѣди, которые опредѣлены на этотъ предметъ, согласно запискѣ, полученной нами отъ Чарнецкаго¹⁾. Сумма должна уплачиваться частями, по мѣрѣ исполненія имъ заказа, модель должна быть доставлена ему въ его домъ (на ул. св. Георгія, № 1791 и 1792), планы и мѣры пьедестала отданы при подписи контракта.

„Совершенное знакомство, которое мы—заканчивалъ Норблинъ—имѣемъ съ этого рода работами, даетъ намъ возможность гарантировать полный успѣхъ”. Въ подтвержденіе указывалъ онъ на сдѣланные и дѣлаемые ими бюсты кн. Чарторыскаго, императора Николая, надгробные памятники и т. п.²⁾ Норблинъ изъявлялъ (20 сент. н. г.) готовность²⁾ за ту же цѣну украсить статую, какъ дополненіе, еще барельефами, сознавая, что это было бы съ его стороны большою смѣлостью ставить рядомъ съ пьедесталомъ Торвальдсена работу второ-разрядныхъ художниковъ.

Цѣна была не по средствамъ Общества. Стараясь, чтобы заготовленнаго мѣднаго матеріала и 70.000 зл. Сташица хватило, въ виду прекращенія новыхъ пожертвованій, на все расходы по памятнику, въ томъ числѣ и на обведеніе его желѣзной рѣшеткой, даже и на доставку модели изъ Рима, и на открытіе его и проч., комиссія то пыталась воспользоваться военной литейной, надѣясь произвести дополнительные тамъ расходы по приспособленію сообща съ комитетомъ постройки памятника Понятовскому, то добивалась, нельзя ли чего съз-

¹⁾ Приложенія, 2, стр. 130, 153—156, №№ 55—56.

²⁾ Архивное дѣло о постройкѣ памятника, II, л. 71.

кономить на пьедесталѣ, еслибъ его сдѣлать изъ какого иного матеріала и въ болѣе простой формѣ. Продолжительная и упорная торговля съ Норблиномъ и Грегуаромъ, сопровождавшаяся самымъ усиленнымъ нагнетаніемъ на этихъ художниковъ, чтобы они уменьшили требованія, закончилась взаимнымъ соглашеніемъ только тогда, когда получилось извѣстіе, что модель привезена въ Берлинъ, и Нѣмцевичъ принималъ мѣры къ безопасной отъ поврежденій переправѣ ея въ предѣлы царства ¹⁾).

¹⁾ Подробности всѣхъ этихъ переговоровъ, интересныя сами по себѣ, объясняютъ также встрѣчавшіяся техническія трудности и условія выполненія. Военною литейною комиссію полагала (14 дек. и с. 1827 г.) воспользоваться въ расчетахъ, что тутъ для Общества была бы значительная экономія по постройкѣ разныхъ сараевъ и печей; предсѣдатель обѣщалъ похлопотать объ этомъ у военнаго начальства и у вліятельныхъ генераловъ, чрезъ которыхъ, быть можетъ, удалось бы получить разрѣшеніе вел. кн. Константина Павловича. Присутствовавшему на ея засѣданіи члену комитета по постройкѣ памятника Понятовскаго поручалось переговорить съ остальными своими сочленами, нельзя ли общіе расходы произвести совмѣстно, причемъ одна треть падала бы на Общество, а двѣ трети на фондъ памятника князю. Такъ какъ результаты этихъ сношеній были еще гадательны, то нѣкоторые члены комиссіи брались убѣдить Норблина въ излишней дороговизнѣ представленной имъ смѣты и указать ему на всѣ удобства и выгоды, какія онъ можетъ имѣть, и, въ случаѣ согласія его, написать контрактъ (Приложенія, 2, стр. 155—156, № LVI). Пригласивъ Норблина и Грегуара на свое засѣданіе (въ янв. 1828 г.), комиссія изъ этихъ членовъ, утверждая, что у Общества нѣтъ на памятникъ другихъ ресурсовъ, кромѣ оставленныхъ Сташицемъ около 23.000 фунтовъ металла и 70.000 зл., заявила имъ, что оно не можетъ израсходовать болѣе 100.000 зл., со включеніемъ сюда стоимости металла въ 30.000 зл., а между тѣмъ одна доставка модели изъ Рима потребуетъ до 6.000 зл., и проч. Перебрали предлагавшіеся способы и смѣты сооруженія пьедестала. Оказалось, что съ работами земляными, каменничьими и др. пьедесталъ чугунный обошелся бы золотыхъ тысячъ 40, мраморный—тысячи 43, и для Норблина и Грегуара останется 60—57.000 зл.; пьедесталъ этихъ художниковъ, бронзовый, съ каменными ступеньками и желѣзной рѣшеткой, будетъ стоить золотыхъ тысячъ 55, и художникамъ наберется всего зл. тысячи 44. Этотъ пьедесталъ былъ бы самый прочный и видный, но Норблинъ и Грегуаръ не соглашались уменьшить цѣны за него, такъ что понадобилось бы искать у жертвователей по крайней мѣрѣ еще тысячъ 20 зл., и комиссія думала, уже не ограничиться ли пьедесталомъ, обложеннымъ мраморомъ желѣвскимъ, называемымъ также таляровымъ. На другой день послѣ засѣданія къ этимъ художникамъ явился каменщикъ изъ Слунца и посоветовалъ, какъ удобнѣе сдѣлать пьедесталъ. Тогда они соглашались въ теченіе 18 мѣсяцевъ за 70.000 зл. съ придачею всего заготовленнаго металла соорудить памятникъ на пьедесталѣ изъ желѣвскаго мрамора со ступеньками изъ мрамора слупецкаго и бронзовымъ карнизомъ. Комиссія полагала, что если Общество при-

Бравшій подрядъ на свое имя, французъ Норблинъ, имя котораго было еще извѣстно въ Польнѣ по работамъ его отца, обязывался (въ концѣ февраля 1828 г.): „Я, Александръ Иващъ Норблинъ, живущій на улицѣ св. Георгія, подъ № 1792, обязуюсь ¹⁾ изготовить фигуру Коперника изъ бронзы съ пьедесталомъ къ ней желѣзнымъ, по рисунку, подписанному Торвальдсеномъ, за 80.000 зл., т. е. 50.000 серебряною монетою и 30.000 въ мѣди и колоколахъ. Эта сумма будетъ выплачена Норблину, постепенно: 1) при подписи контракта металл, какъ означено выше, и наличными 20.000 зл.; 2) по отливкѣ статуи 5.000 зл.; 3) по отшлифовкѣ ея 5.000 зл.; 4) по ея составленіи 5.000 зл.; 5) когда все будетъ сполна окончено

метъ такой проектъ, а предсѣдатель пожелаетъ снестись съ горнымъ отдѣленіемъ Прав. Комиссіи финансовъ и казначейства о разрѣшеніи на выломку мрамора изъ казенныхъ горъ и о дозволеніи взять 20 арстантовъ въ Кельцахъ на помощь каменщику, то, по полученіи такого разрѣшенія, можно будетъ оформить эти условія съ Норблиномъ и Грегуаромъ. О всемъ этомъ комиссія представила Пѣмцевичу (10 Jan., а не Juni, какъ, по досадной ошибкѣ переписчика, напечатано въ Приложеніяхъ, 2, № 70, и какъ отнесенъ документъ къ июню и Kraushar'омъ, II, № X, при заимствованіи и перепечаткѣ имъ отсюда этого документа; въ июнѣ уже не было Норблина и въ живыхъ). Воспользоваться военной литейной не удалось. Модель прибыла уже въ Берлинъ. Пѣмцевичъ сн-ся съ прусскимъ консуломъ, чтобы, изъ-за опасенія повредить ее, не открывали ее въ Пруссіи; снесся онъ и съ министерствомъ финансовъ царства о подобномъ распоряженіи таможенными властями въ краѣ. Сообщая (на засѣданіи 22 февр. н. с. 1828 г.) объ этомъ комиссія, Пѣмцевичъ признавалъ, что надо успѣшить договориться съ Норблиномъ и Грегуаромъ, чтобы дать имъ время сложить печи и заключить, съ кѣмъ надобно, свои сдѣлки и договоры. Приглашенный на это засѣданіе, Норблинъ докладывалъ: если Общество будетъ настаивать на пьедесталѣ изъ мрамора, то оно сомнѣвается, успѣютъ ли они сдѣлать къ сроку, какъ это случилось и при другихъ стройкахъ; если же оно согласится на пьедесталъ изъ чугунныхъ плитъ, то они возмущаются изготовить весь памятникъ къ сроку за 60.000 зл. въ разсрочку и съ полученіемъ металла. Пошли новые торги, и наконецъ комиссія поставила: она соглашается на такой пьедесталъ и желѣзную рѣшетку; но, по той причинѣ, что издержки на доставку модели значительны и опредѣлить точно всѣ дальнѣйшіе расходы еще нельзя, уплатить Норблину можно не 60.000, а только 50.000 зл., кромѣ металла, по частямъ; затѣмъ, когда будетъ все сдѣлано, къ сроку и хорошо, то остатокъ отъ 70.000 зл., за расходами на перевозку модели, на открытіе памятника и проч., будетъ отданъ Норблину и Грегуару, какъ награда за ихъ усердные труды. Съ незначительными измѣненіями Норблинъ принялъ эти условія, и двумъ членамъ комиссіи поручалось написать и, по утверженіи Обществомъ, провести контрактъ съ ними (Приложенія, 2, стр. 156—158, № 67).

¹⁾ Приложенія, 2, № 68.

и поставлено на назначенномъ мѣстѣ, 15.000 зл. Обязуюсь сей памятникъ поставить въ теченіе одного года со дня подписанія договора”.

Изъ-за окончанія нѣкоторыхъ формальностей, подпись контракта задержалась, какъ въ эту пору умеръ Норблинъ. Его прежній компаніонъ, нѣсколько лѣтъ уже бывший владѣльцемъ его литейни, Грегуаръ считалъ необходимымъ оставить заказъ за собою. Комиссіи онъ доказывалъ (28 марта н. с. 1828 г.): Случись смерть Норблина нѣсколькими днями позднѣе, вся отвѣтственность по сооруженію памятника лежала бы на немъ одномъ. Попесенная потеря ни въ какомъ случаѣ не можетъ вліять на вышолненіе. Вѣдь дѣло здѣсь не въ томъ, чтобы создать модель, а въ томъ, чтобы по готовому образцу сдѣлать изъ бронзы. Еслибъ Норблинъ былъ живъ, работа все равно была бы ввѣрена ему, какъ это было съ бюстами кн. Адама Чарторыскаго, импер. Николая, памятниками, изъ коихъ нѣкоторые еще заканчиваются на фабрикѣ, и какъ вообще это было въ предыдущіе шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ сдѣлался единственнымъ владѣльцемъ заведенія,—въ чемъ свидѣтелемъ контрактъ, заключенный съ Норблиномъ 4 года тому назадъ. Самъ Норблинъ пришелъ въ Польшу въ качествѣ скульптора, а также мастера бронзовыхъ произведеній, а не какъ художникъ. У него, Грегуара, тѣ же люди, на которыхъ при исполненіи заказа рассчитывалъ Норблинъ; а чтобы работы ни въ чемъ не пострадали, онъ выишетъ изъ Парижа опытныхъ плавильщика и шлифовщика, даже въ бѣльшемъ числѣ, когда потребуется. Онъ не сталъ бы приводить столько доказательствъ, касайся вопросъ простой выгоды, а не репутаціи, которая создавалась во много лѣтъ и можетъ уничтожиться въ нѣсколько минутъ. При другихъ обстоятельствахъ никто не былъ бы удивленъ, что послѣ смерти Норблина памятникъ выполнялся бы инымъ лицомъ и даже въ другой странѣ; но когда въ официальныхъ бумагахъ объявлялось, что его должны будутъ сдѣлать и Норблинъ, и Грегуаръ, то на непродолженіе теперь работы Грегуаромъ каждый посмотритъ, что онъ не имѣетъ или средствъ, или спо-

собностей для нея. Дѣло же само совсѣмъ не выгодное. Въ-стѣ съ Норблиномъ они оба соглашались прежде соорудить весь памятникъ и съ пьедесталомъ, оставляя въ сторонѣ всякой иной мотивъ, кромѣ славы, которая должна быть слѣдствіемъ такого выполненія, потому что еще нѣтъ примѣра, чтобы за такую малую цѣну сооружался подобный памятникъ. Статуя Карла XII, самая дешевая, стоила въ сущности много дороже. Принявъ во вниманіе дополнительные расходы по доставкѣ, по пьедесталу, по плавкѣ и пр., можно лишь удивляться, какимъ образомъ Норблинъ исполнилъ бы все за 80.000 злотыхъ. Болѣзнь свела его въ могилу, но она имѣла вліяніе и на его способности и, быть можетъ, на его планъ взяться одному... Если члены комиссіи ввѣрятъ ему, Грегуару, сооруженіе памятника или, по крайней мѣрѣ, того, что имѣетъ отношеніе къ бронзѣ, то онъ готовъ начать работу и безъ всякаго аванса, только, когда голова, руки и ноги будутъ вылиты, онъ, буде средства не дозволятъ продолжать, обратится къ ихъ справедливости выдать ему, сколько пойдутъ надобнымъ, чтобы не задерживалась работа.

Уступчивость въ условіяхъ и гарантія слишкомъ были очевидны, чтобы отказывать ему. Поторговавшись еще, уполномоченные Общества заключили (17 апр. н. с. 1828 г.) съ Грегуаромъ контрактъ, въ который, не смотря на дѣловой характеръ документа, обычно внесли и восхваленіе Общества, которое поручало этому бронзовщику, какъ искусному и ревнующему о славѣ не только личной, но и края и народа, сооруженіе памятника, „издавна желая чрезъ монументъ, имѣющій воздвигнуться, отдать должную честь памяти своего соотечественника Николая Коперника, а чрезъ ея распространеніе усиливать теченіе на долгія времена безсмертной славы, какая обыкновенно сопутствуетъ наукамъ и глубокимъ замысламъ“. Грегуаръ обязывался, выписавъ изъ-за границы и держа на свой счетъ литейщика и шлифовщика, возможно лучше и совершеннѣе отлить, по модели Торвальдсена, бронзовую фигуру Коперника и соорудить и поставить, по утвержденному рисунку, весь памятникъ съ каменнымъ фунда-

ментомъ, со ступенями изъ густого куновскаго мрамора, а также пьедесталомъ и съ легкою, изъ желѣзныхъ прутьевъ въ каменныхъ столбахъ, оградой. Обществу вмѣнялось выдать ему около 23.328 фунтовъ мѣди и мѣднаго лома и уплатить звонкою монетою 50.000 зл. Памятникъ долженъ быть оконченъ къ 1 сентября н. с. 1829 года и поставленъ на Краковскомъ предмѣстьѣ предъ фасадомъ дома Общества, „но еслибъ неожиданно другое мѣсто было предназначено“, никакой перемѣнѣ договоръ не подлежитъ ¹⁾.

Вопросъ о мѣстѣ памятника выдвигался теперь самъ собою. Требовалось неотложно получить разрѣшеніе в. кн. Константина Павловича. Нѣмцевичъ обратился къ ходатайству барона Моренгейма, который отвѣтилъ (3/15 септ. 1828 г.) ²⁾: „Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 14 іюня, которое мы сдѣлали мнѣ честь прислать, снѣшу увѣдомить васъ, что его императорскому высочеству вел. кн. цесаревичу угодно было одобрить выборъ мѣста, предложеннаго вами для сооруженія памятника Коперника, и его императорское высочество считаетъ наиболѣе подходящимъ то мѣсто, которое указалъ покойный ксендзъ Сташиць и выбралъ самъ скульпторъ Торвальдсенъ. При семъ возвращаю вамъ планъ, который вы изволили сообщить мнѣ и который я имѣлъ честь представить его императорскому высочеству“.

Доложивъ въ административномъ засѣданіи (3 окт. н. с.) ³⁾ это письмо о разрѣшеніи цесаревичемъ на постановку памятника предъ домомъ Общества, Нѣмцевичъ передалъ его президенту города, чтобы Грегуаръ могъ приступить въ ту же осень къ закладкѣ и стройкѣ фундамента.

Закладка памятника состоялась торжественно, 23 окт./3 ноября 1828 года, въ присутствіи предсѣдателя и бывшихъ въ Варшавѣ членовъ Общества и почетныхъ гостей. Запись о томъ, на пергаментѣ, съ ихъ подписями, вложили въ сте-

¹⁾ Приложенія, 2, № 69; Kraushar, г. 1828, appendix, № VII.

²⁾ Приложенія, 2, № 71.

³⁾ Тамъ же, 2, № 72.

клянный сосудъ и вмѣстѣ съ нею современный списокъ членовъ Общества, диссертацию Снядецкаго о Коперникѣ на польскомъ языкѣ и въ переводахъ французскомъ и англійскомъ и по нѣскольکو медалей и монетъ, именно монеты тѣхъ королей, въ царствованія которыхъ жилъ Коперникъ, и изъ послѣднихъ временъ, медали въ честь Коперника, Малаховскаго, Костюшки и Понятовскаго, поднесенную Обществомъ саксонскому королю, въ память открытія Варшавскаго университета, въ память смерти Александра I, и др. Стекланный сосудъ положили въ каменномъ, засыпавъ пескомъ и замазавъ, принесли это и поставили на мѣсто, гдѣ на среднѣй подъ пьедесталомъ „должно оставаться на вѣчныя времена“. Предсѣдатель Общества, Нѣмцевичъ, предъ тѣмъ, какъ заложить это, произнесъ: „Да выдержитъ эта статуя бури слѣдующихъ вѣковъ не только политическія, но и самыхъ стихій и землетрясенія“¹⁾. Принявши отъ Грегуара серебряную кирку и стальной молотокъ, онъ положилъ и закрѣпилъ первый кирпичъ, за нимъ то же дѣлали кн. Чарторыскій и другіе члены Общества и видныя стороннія лица.

Продолжая кладку фундамента, Грегуаръ велъ свои работы по отливкѣ фигуры, по выдѣлкѣ мраморнаго пьедестала и проч. Бронза для отливки составлялась имъ изъ трехъ частей красной мѣди, 1 части цинка и 1 части лому изъ колоколовъ. По мѣрѣ выполненія заказа, Грегуаръ, примѣняясь къ условіямъ контрактовъ своего и съ Норблиномъ, просилъ комиссію о выдачахъ ему металла и денегъ; необходимое удовлетворялось комиссіей, которая наблюденіе надъ точностію счетовъ съ нимъ поручила секретарю, а ему вмѣняла, между

¹⁾ „Oby ten posag przetrwał nietylko burze polityczne wieków następnych, ale i same żywiołów i ziemi wstrząśnienia“. Такъ въ рукописномъ подлинномъ актѣ закладки памятника, собственноручно исправленномъ и подписанномъ Нѣмцевичемъ (Приложенія, 2, № 73); въ опубликованномъ же тогда актѣ (Gazeta Warszawska, 1828, № 299, стр. 3079—3080; отсюда перепечатанъ онъ у Weinert'a, VI; ср. Gazeta Polska, 1828, № 303) это читается: „Oby ten pomnik przetrwał wszelkie burze następnych wieków, a nawet fizyczne wstrząśnienia świata“ — „Да выдержитъ памятникъ этотъ всевозможныя бури слѣдующихъ вѣковъ и даже физическія потрясенія міра“.

прочимъ, не оглашать предъ посторонними о времени отливкѣ, чтобы не набиралось публики и не причинялось ни задержекъ, ни убытковъ ¹⁾).

Важнѣйшую часть работы, именно статую Коперника, Грегуаръ закончилъ за нѣсколько дней до своей смерти († 21 янв. н. с. 1829 г.). Искать другого бронзовщика не потребовалось, и весь заказъ благополучно довершался сыномъ Грегуара.

Открытіе памятника предполагалось весной 1830 года, въ дни съѣзда на сеймъ, на который обѣщано быть Государь. Составленіемъ церемоніала занималась особая комиссія. Тор-

¹⁾ Изъ сохранившихся просьбъ и опредѣленій о выдачѣ узнаемъ также, въ какіе сроки и какъ выполнялась первая часть статуи и производились нѣкоторыя другія работы. Увѣдомляя, что первая часть статуи Коперника, которую должно вылить, будетъ скоро совершенно отдѣлана, Грегуаръ просилъ (24 сент. н. с. 1828 г.) Нѣмцовича о разрѣшеніи для ея отливки взять изъ склада 4.000 фунтовъ красной мѣди и до 3.000 ф. колокольнаго лому. На слѣдующій день добавилъ: бронза, которая пойдетъ на выливку статуи, составитъ изъ 3 частей красной мѣди, 1 части цинка и 1 части металла изъ колоколовъ (Архивное дѣло о сооруженіи памятника, т. II, л. 97, 103). Въ виду трудности напередъ точно высчитать, сколько пойдетъ тутъ матеріала, опредѣлили (3 окт. н. с.) выдать ему пока около 3.243 ф. колокольнаго металла и 4.067 ф. мѣди, а также установили наблюденіе надъ точностію счетовъ съ нимъ и предосторожности, чтобы при производствѣ литья не было ущерба (Приложенія, 2, № 72). Теперь Грегуаръ, испытавшій большія затрудненія въ средствахъ, сталъ добиваться денежныхъ выдачъ ему. Онъ излагалъ (8 окт. н. с.) Нѣмцовичу: По условію съ комиссіей, онъ не долженъ касаться денегъ, пока не будутъ вылиты голова и руки; но ему кажется, что имъ уже выполнено это условіе, потому что голова, туловище до пояса и вся правая рука почти окончены и векорѣ выльются цѣльнымъ кускомъ. Пока однако эта первая отливка не будетъ окончена, онъ проситъ, указывая на то, что онъ далъ 1 мая 1.000 флоринновъ лицу, исполняющему каменные работы, заплатилъ изготовляющему мраморный пьедесталь, долженъ ѣхать къ нему, чтобы посмотрѣть качество мрамора, и дать ему еще 500 фл.; тутъ выходитъ 3.000 фл. за предметы, къ его работѣ не относящіеся; а начинаютъ литье, надобны новыя расходы, и ему необходимы 6.000 флоринновъ. Ихъ выдали ему. „Первая часть бронзовой статуи Коперника—писалъ онъ 3 декабря н. с. 1828 г.—вылита. Я вынуждаюсь обратиться къ членамъ комиссіи съ просьбой денегъ, равныхъ расходамъ, которые произведены мною, чтобы сдѣлать это. Я уже получилъ 6.000 фл., и теперь обращаюсь къ добротѣ председателя ассигновать мнѣ 14.000 фл., что составитъ полный авансъ, который долженъ быть выданъ по условіямъ съ Нерблиномъ. У меня имѣется счетъ моихъ расходовъ, которые простираются до 21.000 фл. Умоляю рассмотреть по справедливости эту просьбу мою!... (Архивное дѣло о сооруженіи памятника, т. II, л. 99, 106 и др.).

жеству желали придать характеръ широкаго національнаго праздника, съ участіемъ католической церкви. На выполненіе церемоніала надобно было поэтому получить разрѣшеніе правительства и условиться съ духовными властями. Подъ внѣшнимъ покровомъ легальности въ воздухѣ носились уже признаки приближавшейся политической грозы. Извѣстно, какія тяжелыя впечатлѣнія и предчувствія вынесъ государь Николай Павловичъ, когда выѣзжалъ въ предыдущемъ году изъ Варшавы послѣ своего коронованія польской короной („Мы были на вулканѣ”, сказалъ онъ государынѣ). Опасенія теперь усиливались, въ виду готовившейся оппозиціи на предстоявшемъ сеймѣ. Невольно привлекала вниманіе власти личность политически-экзальтированнаго Нѣмцевича, стремившагося играть на торжествѣ самую видную роль. Его рѣчь, которую онъ хотѣлъ произнести на улицѣ при открытіи памятника, должна была подвергнуться цензурѣ. Самъ онъ, съ крайне, правда, преувеличенной дозой мнѣнія о своемъ значеніи, тщеславно сообщаетъ, какъ Новосильцевъ предостерегалъ противъ него вел. кн. Константина Павловича, что-де „этотъ самый рьяный полякъ, важнѣйшій врагъ Россіи—готовъ употребить эту минуту, чтобы воспламенить всю публику и призвать къ возстанію“. Проектомъ его рѣчи вел. князь остался, дѣйствительно, недоволенъ. По словамъ самаго Нѣмцевича, князь отдалъ ему французскій текстъ ея, взявъ съ него слово, что онъ ничего не прибавитъ къ ней; по другимъ же извѣстіямъ, Нѣмцевичъ долженъ былъ замѣнить ее болѣе краткой. Занятыя оформленіемъ дѣла въ этомъ направленіи, устроители недостаточно уговорились съ католическимъ духовенствомъ.

На предшествовавшемъ празднеству засѣданіи Общества объявлено было объ окончаніи сооруженія памятника, о времени открытія и о медали, въ память этого событія, по предварительному порученію приготовленной въ Парижѣ граверомъ Олецинскимъ; на томъ же засѣданіи былъ избранъ въ почетные члены Общества Жуковскій, какъ наставникъ наследника трона, и было прочитано и одобрено, написанное Нѣмцевичемъ, выраженіе благодарности императору Николаю I за да-

рованіе Обществу по 8.000 зл. ежегодно на преміи за сочиненія на даваемыя Обществомъ темы.

Статую, подъ полотномъ, привезли на мѣсто передъ домомъ Общества и поставили на пьедесталѣ. Любопытствовавшіе зрители недоумѣвали, кого изображаетъ она и что это за личность Коперникъ ¹⁾. Прилагавшее столько стараній о міровой славѣ знаменитаго астронома, а чрезъ нее и объ общемъ прославленіи польскаго имени, ученое Общество, ни повседневная пресса, въ массѣ своей шляхетскія по воззрѣніямъ и симпатіямъ, не позаботились, чтобы путемъ популярныя сообщеній приблизить его къ своему народу; прежнія же многочисленные воззванія о пожертвованіяхъ, по своей вычурности, не давали простому уму никакого реальнаго представленія о лицѣ и его дѣлѣ; впрочемъ, нѣкоторымъ затрудненіемъ могла оказаться тутъ также католическая духовная цензура. Слишкомъ мало знали въ публикѣ и о томъ, какъ организовалось и велось дѣло сооруженія памятника на этомъ мѣстѣ. Когда у Общества появился здѣсь домъ, то „лишь догадывались, говорилъ Скарбекъ, что за огородомъ, окружавшей площадъ предъ зданіемъ, долженъ будетъ воздвигнуться памятникъ, произведеніе великаго скульптора“.

30 апрѣля/11 мая 1830 года утромъ члены Общества собрались въ своемъ домѣ. Отсюда, въ десятомъ часу, они торжественно двинулись въ сосѣдній костелъ св. Креста, къ обѣднѣ. Впереди шли, попарно, члены соревнователи и дѣйствительные, и въ ихъ числѣ евангелическій пасторъ, одѣтый въ духовное платье и въ церковномъ головномъ уборѣ; за ними, то же по два въ рядѣ, шли члены почетные, и въ ихъ рядахъ, въ своей блестящей формѣ, Новосильцевъ; далѣе, оба предсѣдателя отдѣленій, плочкій еп. Пражмовскій и гр. Плятеръ; шествіе замыкалъ предсѣдатель Общества Нѣмцевичъ, „въ треугольной шляпѣ, какъ секретарь сената“. За-

¹⁾ Одни говорили, что это св. Станиславъ, другіе, что какой-то славный докторъ, то опять, ученый, который открылъ одну часть свѣта; были такіе, которые твердили, что это какой-то заслуженный судебный приставъ (комогник); но больше было такихъ, которые, глядя на фигуру, уходили, говоря: „Богъ его знаетъ, кто онъ таковъ“ (Bóg wie, co to za jeden).

павъ въ костелѣ заранѣе опредѣленные мѣста, они ждали начала богослуженія. Въ нѣкоторыхъ газетныхъ отчетахъ о торжествѣ потомъ сообщалось, что мессу, предъ главнымъ алтаремъ, служилъ ректоръ Университета членъ Общества кс. Швейковскій и что члены Общества пошли изъ костела по ея окончаніи. Такъ и должно бы быть по разрѣшенному и заранѣе опубликованному (7 мая) церемоніалу. Но относительно его, очевидно, не уговорились должнымъ образомъ съ духовными властями. Главное твореніе Коперника „De revolutionibus orbium coelestium“ (О вращеніи небесныхъ міровъ) значилось еще въ „Индексѣ“ осужденныхъ и запрещенныхъ книгъ, какъ, по декрету конгрегациі, сочиненіе, преподающее „ложную, противную Божественному Писанію, пифагорейскую доктрину о движеніи земли и неподвижности солнца“ и должное быть изъятымъ изъ обращенія, „дабы это мнѣніе не распространялось болѣе къ великому ущербу католической истины“. Уклончиво-хитрый кс. Швейковскій увѣдомилъ, предъ самымъ богослуженіемъ, что онъ не будетъ „по болѣзни“. Попросили отслужить администратора-прелата. Видя, что въ числѣ членовъ евангелической пасторъ и притомъ въ церковномъ облаченіи, онъ будто бы „такъ былъ этимъ взволнованъ“, что рѣшилъ отслужить до ихъ прихода, и когда они входили, онъ уже кончалъ, — мотивъ явно придуманный: въ процессіи шель и католическій епископъ, предсѣдатель отдѣла. На вопросъ о причинѣ отсрочки, прелать отвѣтилъ, что „за неимѣніемъ времени“ отслужилъ раньше. Обратились къ мѣстнымъ ксендзамъ, изъ которыхъ каждый одинъ за другимъ отказывались, подъ предлогомъ, что „они все уже служили“. Такъ ксендзы миссіонеры, досаждавшіе нѣкогда владѣтелямъ Московской каплицы доминиканамъ обсервантамъ, привели теперь, въ самую торжественную минуту, въ смущеніе и наслѣдниковъ подоминиканской земли!

Ничего не добившись, члены Общества, „скрѣпивъ духъ“, направились, въ прежнемъ порядкѣ, съ соблюденіемъ внѣшней торжественности, къ памятнику. Многочисленная публика покрывала площадь, занимала нарочно выстроенную тутъ эстраду,

видѣлась на балконахъ и въ окнахъ сосѣднихъ домовъ. Высоко, на балконѣ вокругъ купола главнаго дома Общества, помѣстился хоръ. Члены, и въ числѣ ихъ почетный членъ Новосильцевъ, стали около самаго памятника. Раздалась рѣчь предсѣдателя:

„Почти три столѣтія протекли съ тѣхъ поръ, какъ мужъ сей, первый указавшій обращеніе нашей земли, вступилъ въ ея нѣдра. Подобно многимъ другимъ мужамъ, оказавшимъ міру заслуги великими открытіями, и нашъ Коперникъ долгое время оставался безъ подобающей почести. Никогда, однако же, не погибаетъ память великихъ людей: благодарное потомство, хотя поздно, воздаетъ имъ свой долгъ. Тотъ, который принесъ человѣчеству и наукамъ свое здоровье и имущество, блаженной памяти Станиславъ Сташицъ, бывшій президентъ Королевскаго Общества, былъ первымъ лицомъ, возымѣвшимъ мысль соорудить, на общественныя пожертвованія, памятникъ нашему бессмертному соотчичу Николаю Копернику и самъ внесъ большую половину всей собранной суммы. Знаменитѣйшій скульпторъ Торвальдсенъ сдѣлалъ модель; варшавскіе художники, гг. Грегуары, отлили ее въ бронзѣ. Наступилъ торжественный день, когда, послѣ 10-тилѣтнихъ трудовъ, это произведеніе будетъ открыто публично; насталъ день, когда солнце, на которое Коперникъ въ продолженіе полувѣка вперялъ свои взоры, броситъ благосклонные лучи свои на его изображеніе. Становишься ты, о, мужъ великій, нѣкогда служитель Всевышняго, слава земли нашей, предъ этимъ храмомъ наукъ и искусствъ; храни его отъ всякихъ невгодъ, не переставай воодушевлять духомъ твоимъ своихъ почитателей и соотечественниковъ¹⁾. Какъ счастливъ я, что хотя къ концу своей жизни дождался этого момента! Теперь отпусти раба Твоего, Господи! Да спадетъ полотно”.

Сквозь облаковъ, съ утра застилавшихъ небо, проглянуло теперь, по счастливой случайности, солнце и своими лучами

¹⁾ „Stajesz więc, o wielki mężu, kapłanie niegdyś Najwyższego, chwało ziemi naszej, przed tym przybytkiem nauk i umiejętności; strzeż go od wszelkich złych przygód, nie przestawaj zażywiać duchem twoim czcicieli i współziomków twoich“.

свѣтило открывшійся монументъ. Это явленіе въ природѣ было радостно замѣчено присутствовавшими. Съ верху понеслись мелодичные звуки нарочно изготовленной и хорошо сренетированной кантаты, заканчивавшейся словами:

Повтори, вмѣстѣ съ Польшей, вся земля:
 „Слава великому мужу,
 Слава Копернику,
 Слава, слава, слава“¹⁾!

Пѣніе и музыка, разнесшіяся по площади, освѣщенной лучами солнца, усилили пріятное впечатлѣніе участниковъ и зрителей торжества. Нѣмцевичъ объявилъ о снаряженіи депутацій, одной къ государю, а другой къ в. кн. цесаревичу, для поднесенія имъ медали, сдѣланной въ память открытія памятника. Торжество закончилось обѣдомъ членовъ Общества и нѣкоторыхъ почетныхъ гостей, въ одной изъ гостинницъ; участвовали Новосильцевъ („присутствіе котораго на этомъ торжествѣ и участіе въ подписномъ обѣдѣ — по признанію поляка современника — не можетъ помѣститься въ нашемъ умѣ“), Курута, Моренгеймъ и иностранные консулы. „Пили за здоровье его величества и его достойной сѣмьи“, былъ тостъ за благополучіе края. По желанію участвовавшихъ Осинскій продекламировалъ, недозволенную для чтенія въ театрѣ, свою оду „Коперникъ“²⁾.

Тѣмъ временемъ изготовлялся уже памятникъ Понятовскому, мѣсто для котораго государь, удовлетворяя новое ходатайство строительнаго комитета, назначилъ (въ іюнь 1829 г.) на томъ же Краковскомъ предмѣстьѣ, предъ дворцомъ намѣстника. По модели, полученной (вскорѣ послѣ разрѣшенія о мѣстѣ для памятника Копернику) отъ Торвальдсена, Грегуаръ — сынъ, согласно контракту (19 февр. 1830 г.), успѣлъ отлить

¹⁾ По другому варианту, послѣдній стихъ: „Chwała Polsce! światu chwała“ — „Слава Польшѣ, слава міру“!

²⁾ Кромѣ указаннаго выше, на 423 стр., см. Niemcewicz'a Pamiętniki czasów moich, изд. Bibliot. pisarzy polskich, т. 54, стр. 321—323; Kurjer Warszawski, 1830, № 123, стр. 625, № 127, стр. 645; Gaz. Warsz., 1830, № 118, стр. 1115, № 120, № 127, стр. 1199—1206.

почти весь памятникъ, именно 6 частей, оставалось вылить 7-ю, корпусъ лошади съ ногами, „какъ вспыхнулъ мятежъ“, и образовавшееся „мятежное правительство“ велѣло пріостановить работу, а фабричныя печи отдать арсенальнымъ мастерамъ для литья артиллерійскихъ орудій. Мѣсяца черезъ два по взятіи Варшавы, Грегуаръ, съ вѣдома комитета, не испросивъ разрѣшенія власти, возвратился къ выполненію прежняго заказа, и къ августу 1832 года памятникъ былъ готовъ. Оставалось свести расчеты по работамъ и поставить памятникъ на мѣстѣ. Но въ сферѣ административно-правительственной теиерь находили, что „Высочайшее соизволеніе послѣдовало въ такія времена, когда положеніе царства Польскаго, вновь силою оружія покореннаго, было вовсе различно отъ нынѣшняго. Памятникъ, какъ произведеніе великаго художника, заслуживаетъ вниманія. Но открытіе его, по прежде предназначенному плану, но даже и гдѣ индѣ въ Польшѣ, было бы, кажется, вовсе уже неумѣстнымъ, ибо сооруженіе его имѣло цѣлью поддерживать духъ національности, оказавшійся въ послѣднее время столько враждебнымъ престолу и столько неблагодарнымъ къ высокимъ благодѣяніямъ государей россійскихъ къ польскому краю. Жизнь князя Понятовскаго никакими великими подвигами не ознаменована и смерть его въ бѣгствѣ, послѣ пораженія подъ Лейпцигомъ приключившаяся, ничего достославнаго въ себѣ не представляетъ. Очевидно, онъ возвышенъ соотечественниками своими въ краѣ и почтенъ памятникомъ для того только, чтобы воспламенить патріотизмъ, котораго направленіе клонилось всегда и нынѣ даже клонится ни къ чему иному, какъ только ко вреду Россіи и къ расторженію узъ, народъ польскій съ нею связывающихъ“. Во исполненіе повелѣнія (въ сент. 1834 г.) государя, были по пріостановленнымъ работамъ произведены счеты и части памятника перевезены (въ янв. 1836 г.) въ Новогеоргіевскую крѣпость для помѣщенія въ арсеналѣ. Оттуда памятникъ былъ переданъ въ имѣніе гр. Паскевича, Гомель, гдѣ находится доселѣ¹⁾. На предназначавшемся для него мѣстѣ

¹⁾ Выше, примѣч. на 419—420 стр., а также Архивъ Варшавскаго магистрата: Akta, dotyczące pomnika księcia Józefa Poniatowskiego pod względem trans-

въ Варшавѣ, предъ бывшимъ намѣстническимъ дворцомъ, стоитъ теперь памятникъ кн. Варшавскому — гр. Паскевичу.

Памятникъ же Коперника, охраняемый и поддерживаемый поправками, неизмѣнно украшаетъ собою площадь предъ бывшимъ домомъ Общества. Ученый астрономъ представленъ сидящимъ въ древнемъ креслѣ, въ академической тогѣ, какъ членъ Краковской академіи, въ которой онъ первоначально обучался своей наукѣ. Лицо его обращено къ сѣверо-западу, по направленію къ сѣверной звѣздѣ, причемъ польскими писателями, впрочемъ, настойчиво присоединяется, что оно обращено къ памятнику Сигизмунда III, стоящему на другомъ концѣ Краковского предмѣстья, предъ бывшимъ Королевскимъ замкомъ; въ правой рукѣ статуи циркуль, въ лѣвой искусственная небесная сфера съ солнцемъ въ ея серединѣ. Темно-бронзовая статуя эта покоится на продолговатомъ, четырехугольномъ пьедесталѣ, красно-сѣраго мрамора. На передней сторонѣ пьедестала небольшой кругъ, какъ бы вѣнокъ, изъ 7 звѣздъ, по числу 7 планетъ солнечной системы, извѣстной во времена Коперника; по боковымъ сторонамъ надписи вызолочеными буквами; на одной латинская: *Nicolao Copernico grata patria*, на другой польская: *Mikołajowi Kopernikowi rodacy*. Къ пьедесталу вели три ступени изъ песчоваго мрамора. Памятникъ былъ огороженъ небольшою желѣзною рѣшеткой. Въ недавней его поправкѣ, какъ будетъ изложено потомъ, ему приданъ еще болѣе прочный и красивый видъ.

Подлинная модель статуи, сдѣланная Торвальдсеномъ, считается, какъ цѣна, важнѣйшею цѣнностію Музея гипсовыхъ фигуръ въ Варшавскомъ Университетѣ.

Хотя во время своей работы художникъ изобразилъ было Коперника не въ креслѣ и не на подобномъ пьедесталѣ, а на скалѣ и производящимъ астрономическія наблюденія, но затѣмъ онъ возвратился къ первоначальному плану и создалъ соотвѣт-

portu z Warszawy do twierdzy Nowo-Georgiewskiej. — Подробно будетъ изложено нами въ приготовляемой монографіи объ этомъ памятникѣ. — Представлялось, чтобы „памятникъ и модель отослать въ Москву, въ Оружейную Палату“; но государь указалъ „перевезти въ Новогеоргиевскій арсеналъ“.

ственно условіямъ контракта, за исключеніемъ того, что фигура по своимъ размѣрамъ близка къ обыкновенному росту человѣка, не колоссальная. Эта переработка, которою отличалось вообще творчество Торвальдсена, служила, вѣроятно, одною изъ главныхъ причинъ медленности выполненія модели. При всемъ томъ, памятникъ Коперника цѣнителями художествъ не относится къ лучшимъ его произведеніямъ: поза астронома довольно манерна, лицо слишкомъ женственно; пьедесталь узковатъ для фигуры и кресла. Что же касается собственно сооруженія памятника и его строителей, то лица администраціи и правительства, судившія послѣ возстанія 1830—1831 г. объ Обществѣ и его дѣйствіяхъ, считали надобнымъ отмѣтить: для постройки новаго дома Общества и памятника предъ нимъ было намѣренно избрано мѣсто историческое, напоминающее полякамъ побѣды времени Сигизмунда III и униженіе русскихъ въ лицѣ плѣннаго царя Василія Ивановича Шуйскаго и государева брата князя Дмитрія Ивановича, большаго воеводы русскихъ войскъ; чувствованіе научной славы знаменитаго астронома, нося излишне характеръ народно-тенденціозный, могло бы не затрагивать современнаго состоянія соотечественниковъ и обходиться безъ жалобъ на него; рѣчь Нѣмцевича, приготовленная на открытіе памятника, была исполнена такимъ духомъ узкаго польскаго патріотизма, что великій князь призналъ необходимымъ запретить ее; въ рѣчи, произнесенной на открытіи, Нѣмцевичъ не счелъ соответственнымъ вспомнить о покровительствѣ воскресителя Польши почившаго Александра I и царствовавшаго Николая I, хотя хорошо зналъ, что сооруженіе памятника произошло въ царствованіе этихъ двухъ царей и что постановка и открытіе монумента не могли бы состояться безъ Высочайшаго соизволенія; при такомъ торжественномъ случаѣ онъ не соблюлъ приличія, не просилъ покровительства монарха Обществу и дому, но поручалъ Копернику; умолчаніе о монархахъ и ихъ благодѣяніяхъ было и въ кантатѣ, пропѣтой на открытіи: не безъ умысла не занесено на памятникъ никакой даты, причемъ одна сторона пьедестала, задняя, осталась даже безъ надписи или орнамента;

въ самый годъ открытія памятника вспыхнуло возстаніе, огонь котораго поддерживали какъ главные дѣятели, такъ и другіе члены Общества.

Признанное правительствомъ такое участіе ихъ въ возстаніи повело къ закрытію самого Общества, и исторія варшавскаго мѣста погребенія Шуйскихъ и возникшихъ тутъ при Обществѣ зданій, соединяясь потомъ съ жизнью и дѣятельностію другихъ учрежденій, вступила въ новыя фазисы.

XX ГЛАВА.

Варшавское Общество любителей наукъ въ послѣдніе годы его существованія и его участіе въ польскомъ возстаніи.

Положеніе Общества любителей наукъ при императорѣ Николаѣ I. — Высочайшее покровительство Обществу. — Новыя права и привилегіи. — Добавленія къ уставамъ Общества и расширеніе его задачъ. — Свойства дѣятельности Общества; связь его съ политическими теченіями въ привилегированныхъ польскихъ слояхъ. — Участіе его и его членовъ въ возстаніи 1830—1831 годовъ.

Первымъ и роковымъ толчкомъ къ повороту въ судьбѣ историческаго мѣста въ новомъ направленіи послужило признанное правительствомъ участіе Общества любителей наукъ въ возстаніи 1830—1831 годовъ, бывшее для Общества и его членовъ дѣломъ не случайнымъ.

При покровительствѣ Александра I и подъ руководствомъ и при пожертвованіяхъ Сташица достигшее въ первые годы царства Польскаго широкаго своего развитія, и внѣшняго, и внутренняго¹⁾, Общество продолжало сначала пользоваться покровительствомъ и новаго государя, Николая Павловича. Князю Заіончеку министръ статсъ-секретарь Грабовскій сообщилъ (20 апр. / 2 мая 1826 года), что на просьбу Варшав-

¹⁾ Выше, стр. 340 и слѣд. и гл. XVI.

скаго Королевскаго Общества любителей наукъ о покровительствѣ (o względy) императорско-королевскаго величества, поданной чрезъ посредство сенатора епископа Пражмовскаго, члена того Общества, его величество императоръ и король указываетъ намѣстнику увѣдомить Общество, что онъ, по примѣру достойной памяти своего предшественника, утверждаетъ существованіе сего Общества и льготы, какія были предоставлены декретомъ саксонскаго короля отъ 30 апрѣля 1808 года, а также, что его величество государя не перестанутъ всегда интересоваться всѣ полезныя труды Общества". По распоряженію намѣстника увѣдомленіе Обществу послѣдовало въ томъ видѣ, что „его величество императоръ и король всемилостивѣйше соизволилъ подтвердить существованіе и льготы, какими Варшавское Королевское Общество любителей наукъ доселѣ пользовалось". Къ прежнимъ правамъ было потомъ присоединено нѣсколько новыхъ. У Общества не доставало средствъ на преміи за сочиненія на объявляемыя имъ темы. Образовавшіеся изъ пожертвованій кс. Богуша 18,000 зл., проценты съ которымъ предназначались на награды, были израсходованы еще на постройку дома. По случаю прибытія государя въ Варшаву на коронацію Общество чрезъ свою депутацію выразило ему „вѣрноподданническую преданность" и затѣмъ вошло съ просьбой о деньгахъ на преміи и о льготѣ безпрепятственнаго полученія книгъ изъ-за границы. И „государь императоръ и король—донесъ 6/18 іюня 1829 г. Совѣту управленія Царства Грабовскій—соизволилъ всемилостивѣйше снизить къ просьбѣ, повергнутой ему Королевскимъ Обществомъ пріятелей наукъ, даруетъ этому Обществу, начиная съ слѣдующаго года, постоянное ежегодное пособіе въ суммѣ 8,000 зл. съ назначеніемъ на награды тѣмъ, которые на объявленныя конкурсныя темы лучше напишутъ. Пособіе это будетъ помѣщено въ бюджетѣ 1830 и въ бюджетахъ слѣдующихъ годовъ. Его императорское королевское величество вмѣстѣ съ симъ позволяетъ Обществу получать изъ-за границы безъ всякаго препятствія книги и журналы, посвященные научнымъ предметамъ, но

только по одному экземпляру и подъ условіемъ, что они будутъ служить потребностямъ исключительно самого Общества и ни въ какомъ случаѣ не могутъ пускаться въ публичное обращеніе”¹⁾. Мѣстной администраціею и правительствомъ домъ Общества, хотя доходный, въ большей своей долѣ сдававшійся подъ частныя квартиры и магазины, былъ освобожденъ отъ части податей²⁾ и отъ военного постоя³⁾; муниципальнымъ управленіемъ было оказано Обществу содѣйствіе въ приостановкѣ строительныхъ работъ ксендзовъ миссіонеровъ, опиравшихъ надстройку своего дома (№ 1318) на Новомъ Свѣтѣ къ стѣнѣ сосѣдняго дома (№ 1319) Общества⁴⁾; утверждена сдача Обществомъ въ аренду участка земли⁵⁾.

Обеспечиваемое и обеспеченное матеріально и морально, Общество къ 1831 году состояло изъ 226 членовъ, всего за время его существованія ихъ было 416⁶⁾. Среди почетныхъ и корреспондентовъ значились нѣкоторые русскіе, чехи,

¹⁾ Приложенія къ изслѣдованію, кн. 1, №№ 81—83, 75; кн. 2, № 18. Архивныя дѣла указаны въ примѣчаніяхъ къ этимъ документамъ. Обществомъ получалось въ ту пору (1829 г.) 17 названій журналовъ и газетъ; изданія, которыя оно намѣтило выписать съ слѣдующаго (1830) года, вел. кн. Константинъ Павловичъ, по докладу бар. Моренгейма, разрѣшилъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ (*La Revue Britanique, Le Globe, La Gazette Litteraire de Leipzig* и нѣк. др.). Что касается отпуска жалусемыхъ денегъ, то, согласно желанію администраціи Общества получать ихъ въ началѣ каждаго года, Прав. Комиссія финансовъ предписала (въ февр. 1830 г.) Генеральной кассѣ немедля уплатить ихъ лицу, уполномоченному Обществомъ. Израсходованными на преміи они тогда быть не могли; но предсѣдатель Общества въ февралѣ 1831 года, когда возстаніе противъ власти императора Николая I было въ полномъ разгарѣ, просилъ Пр. Комиссію объ ассигнованіи 8,000 зл. и на текущій годъ, и Комиссіей было дано (18 февр. н. ст.) кассѣ соответственное распоряженіе.

²⁾ Наприм., отъ подъемной подати, на 8 лѣтъ, съ 1825 г. Архивъ Варш. магистрата, дѣла недвижимости № 1319, 1320 и 1321, ч. II, лл. 17—18, 39—47.

³⁾ Постановленіемъ Совѣта управл. Царства, 11/23 іюня 1829 г. Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варш. ген.-губернатора: III, 9, № 4150, лл. 5—9; Архивъ нов. дѣлъ при Канцеляріи, дѣла намѣстническія, № 199, лл. 90—92.

⁴⁾ Архивъ Магистрата, дѣло недвижимости № 1318, т. 1.

⁵⁾ Сланы на 25 лѣтъ съ 1 января 1830 г. 798 кв. локтей свободной огородной земли, на 3-мъ дворѣ, для возведенія каменныхъ служебныхъ построекъ. Архивъ ипотeki, кн. недвижимости. № 1320/1, прил. L. I.

⁶⁾ Приложенія, 2, стр. 244, и общій алфавитный списокъ членовъ Общества, составленный Красовскимъ для Паскевича (о Красовскомъ см. ниже).

нѣмцы ¹⁾ и др., только роль всѣхъ ихъ была номинальная: фактическое значеніе въ дѣлахъ Общества имѣли члены дѣйствительные и члены администраціи, куда всегда выбирались одни поляки-католики. Въ библіотекѣ накопилось до 30,000 книгъ, преимущественно на иностранныхъ языкахъ (на русскомъ ихъ было всего нѣсколько десятковъ) ²⁾, составившись главнымъ образомъ на пожертвованія книгами и деньгами князя Александра Сапѣги, изъ библіотекъ Варшавскаго архіепископа Головчица, кн. Бергонзони, кн. Коссаковскаго и др. ³⁾. Изъ кабинетовъ, хотя и не достигшихъ желаемой полноты, наиболѣе отличался естественно-историческій.

Начавшись съ задачи сохраненія и совершенствованія родного языка, Общество, дѣлаясь все энциклопедичнѣе, болѣе и болѣе стремилось охватывать возможно весь циклъ извѣстныхъ тогда въ Польшѣ отраслей въ области наукъ, литературы и искусствъ, стараясь воздѣйствовать и за предѣлы своего круга, годовыя и многія другія свои засѣданія дѣлая публичными, задавая темы, поддерживая работы и работниковъ, и т. п. Своего ученаго органа (*Koczniki*), заключающаго въ себѣ отчеты, рѣчи, панигирики, доклады, рецензіи, матеріалы и изслѣдованія членовъ, Общество за всѣ 30 лѣтъ своего существованія издано, впрочемъ, всего 21 небольшую книжку; на конкурсныя темы представлено было всего 6 сочиненій. Состоя, согласно уставу 1814 года, изъ двухъ отдѣленій: 1) познаній физическихъ, математическихъ и искусствъ и 2) наукъ, Общество продолжало ихъ дальнѣй-

¹⁾ Среди почетныхъ членовъ его были Державинъ, Румянцевъ (выше, 363 стр., но Карамзинъ предложенія вступить въ члены не принялъ), къ концу существованія — Новосильцевъ, Шторхъ, Жуковский, Гумбольдъ, Гете, членами корреспондентами Кеппелъ, кн. П. Вяземскій, Булгаринъ, Ганка, Юнгманъ, Шафарикъ и др. Приложенія, №№ 2, 94, 99—114, 116—117, и общій списокъ членовъ.

²⁾ По ревизіи 1832 г. (историческая записка объ Обществѣ, Красовскаго, для гр. Паскевича, въ намѣстническихъ дѣлахъ); къ концу 1827 г. находилось въ библіотекѣ 23,725 томовъ, изъ которыхъ слишкомъ 17,000 было на иностранныхъ языкахъ (Архивъ старыхъ дѣлъ при Казенной палатѣ: *Akta, tyczące się etatów Towarzystwa*, I, л. 44).

³⁾ Приложенія, 2, стр. 252; ср. выше, стр. 358, 371.

шую внутреннюю организацію и подраздѣленіе ихъ на секцій, опредѣляло ихъ занятія. Конечно, задачи легче было ставить, нежели выполнять. На обширномъ планѣ научныхъ и литературныхъ занятій секцій отдѣленія наукъ, принятомъ на засѣданіи отдѣленія 16 мая 1827 г., была сдѣлана скептическая замѣтка: „проектъ — *primum desiderium*, горохъ къ стѣнѣ, далекія надежды, мечтанія, или какъ угодно кому назвать”¹⁾. При этомъ требованія строгой науки мало были понятны даже самымъ виднымъ дѣятелямъ Общества. По свидѣтельству его члена и автора обстоятельныхъ воспоминаній о немъ, главная цѣль этого „кружка”, „воодушевленнаго гражданскимъ долгомъ”, была „болѣе гражданского, нежели литературнаго характера” (Skarbek). „Общество, по оцѣнкѣ историка польской литературы, не выдвинуло ни одного великаго мыслителя, вродѣ Гегеля, Гизо, Рикардо и т. п., не дало поэтому и ни одного научнаго труда, имѣющаго міровое значеніе, и все, что сдѣлано имъ, было важно главнымъ образомъ для польскаго народа... Оно заставляло науки спускаться съ высоты отвлеченности на землю и служить людямъ” (Tagnowski). „Съ начала и до конца своего существованія Общество, какъ отмѣчаетъ его позднѣйшій историкъ, старалось поддерживать тѣсную связь съ своимъ народомъ... и проводя научныя теоріи въ практическую жизнь” (Kraushar).

Изъ-за подражанія литературѣ французской, Общество, по оцѣнкѣ и характеристикѣ другихъ авторовъ, упорно держалось формъ ложно - классицизма, которыя, превратившись въ непреложный канонъ, давили содержаніе и отстраняли отъ усвоенія новыхъ литературныхъ теченій. Къ самому Мицкевичу оно относилось косо, и не ранѣе приняло его, и притомъ въ члены - корреспонденты, какъ въ пору возстанія, когда могло открыто цѣнить его противо - рус-

¹⁾ Выше, 364—366 стр.; Приложенія, 2, №№ 82—86, 17. Данные дополнительные уставы были отсюда перепечатаны Краушаромъ, безъ упоминанія объ этомъ; всего нагляднѣе это на заимствованія №№ 86 и 17.

скую политическую дѣятельность. Надлежащей критики произведеній его членовъ не допускалось. Когда кс. Сярчанскій подвергъ, во Львовѣ, довольно справедливой оцѣнкѣ крайне неточную, патріотически-тенденціозную публицистическую „Исторію царствованія Сигизмунда III” Нѣмцевича, авторъ критики вызвалъ въ кружкѣ сильнѣйшее противъ себя негодованіе.

Въ Обществѣ, какъ бывшемъ плоть отъ плоти привилегированныхъ польскихъ слоевъ, находили себѣ отраженіе всѣ современные ему теченія въ этихъ слояхъ, а отчасти оно давало имъ тонъ и направленіе, особенно благодаря тому значенію, какое пріобрѣла тогда литература. „Немногими стихами, съ чисто внѣшними достоинствами, можно было угождать въ геніи, слѣдовало только соблюдать правила (ложно-классическія), не быть новаторомъ. Разумѣется, творчество было въ загонѣ, вспыльвали однѣ посредственности, и высшія почетнѣйшія мѣста занимали не настоящіе поэты, а критики и рецензенты. Чтобы быть причисленнымъ къ лику записныхъ цѣнителей искусства, не требовалось глубокихъ и разностороннихъ познаній, ни методовъ науки, достаточно было имѣть апломбъ, быть пріятнымъ собесѣдникомъ въ варшавскихъ салонахъ, имѣть звучную и эффектную дикцію. Литература образовала нѣчто въ родѣ общества взаимнаго поклоненія... Страсть къ писательству была весьма распространена, заслуги литературныя смѣшались съ гражданскими; при отсутствіи критическаго духа и положительныхъ знаній, вся эта варшавская литература сдѣлалась крайне отсталою. Бросая ей перчатку въ 1828 г., Мицкевичъ имѣлъ полное основаніе, цитируя Байрона, сказать, что спорить съ кѣмъ-либо изъ признанныхъ варшавскихъ критиковъ значитъ то же самое, что разсуждать въ Ая-Софіи о бессмыслицахъ въ коранѣ, полагаясь на просвѣщеніе и вѣротерпимость улемовъ” Цыпинъ и Сласовичъ, Исторія славянскихъ литературъ, изд. второе, II, 600—601). Рука объ руку съ этимъ шло національно-политическое восхваляніе, ослабленіе пониманія и оцѣнки дѣйствительныхъ силъ и фактовъ; шло усиленіе оп-

позиціонныхъ и крайнихъ теченій и политическихъ претензій, существенно поддерживаемыхъ и растяжимой неопредѣленностью самой Конституціи, по мѣткому сужденію Новосильцева, не имѣвшей „гармоническаго соотвѣтствія съ истиннымъ существомъ правительства Царства”¹⁾).

Узко-польскія національно - политическія тенденціи, проникавшія литературно-просвѣтительскую дѣятельность Общества, получаютъ теперь явное преобладаніе. Достигшій въ немъ, чрезъ нѣкоторое время послѣ смерти Сташица, предсѣдательства, Нѣмцевичъ, въ своихъ произведеніяхъ и дѣятельности „прежде всего и единственно гражданинъ края” (Здановичъ, въ обработкѣ Совинскаго, 143 и слѣд.), оказывался очень нецѣлесообразнымъ кормчимъ такого учрежденія; да предсѣдатель съ инымъ характеромъ, вродѣ Сташица, не былъ бы теперь популяренъ въ Обществѣ и не могъ бы прочно держаться въ немъ. Изготавлиаемыя Обществомъ или по его порученію, работы по исторіи и литературѣ все чаще и чаще отличались такими свойствами, что не могли появляться въ печати. Въ рѣчи на торжественномъ засѣданіи 1828 года Нѣмцевичъ говорилъ: „Бываютъ времена, въ которыя, какъ экзотическія растенія въ суровую зимнюю стужу, должно прятать произведенія, пока не покажется болѣе ясное и теплое небо” (Skarbek, Rocznik, 1860, 117).

„Экзотичность” произведеній не устранялась довѣріемъ и покровительствомъ, какія оказывалъ Обществу Николай I, ни неоднократными заявленіями Нѣмцевича и членовъ своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ. До какой степени подобныя тенденціи и возрѣнія, все болѣе и болѣе явно и тайно охва-

¹⁾ Не безъ причины, въ отстраненіе политической бури, императорско-царскій комиссаръ Новосильцевъ, еще послѣ втораго сейма (1820 г.), когда впервые наглядно обнаружилась неумѣренно-оппозиціонныя проявленія, вызвавшія было у Александра мысль объ отмѣнѣ своего дара, считалъ необходимымъ легально произвести въ текстъ Конституціи соотвѣтственныя поправки и дополненія (Наша статья: „Новосильцевъ о Конституціи царства Польскаго. По новымъ архивнымъ даннымъ“, Русская Старина, 1905, III, 599—605). Точно несурегулируемыя и осложняемыя слѣдовавшими довольно случайными частичными распоряженіями, отношенія все болѣе и болѣе расходились, вызывая

тывавшія тогда разные круги высшихъ польскихъ классовъ, владѣли сознаниемъ важнѣйшихъ членовъ Общества, нагляднѣе всего видно на сенаторѣ кастелянѣ Станиславѣ Солтыкѣ, въ домѣ и кружкѣ котораго зародилось и получило свое основаніе Общество. Въ половинѣ 20-хъ годовъ Солтыкъ вошелъ въ составъ „центрального комитета“ или „верховнаго совѣта“ тайнаго политическаго „Патріотическаго Общества“, имѣвшаго, между прочимъ, задачей возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года. Подвергнутый суду, какъ „государственный преступникъ“, и, по утвержденіи оправдательнаго сеймоваго приговора императоромъ Николаемъ I, выпущенный изъ заключенія, онъ отпечаталъ (1830 г.) Воззваніе къ народу о согласіи съ диктаторомъ Хлопицкимъ, выставляя, что одно только единодушіе можетъ спасти поляковъ отъ угрожающихъ имъ бѣдствій; его сынъ первый подалъ голосъ объ удаленіи государя съ его потомствомъ отъ престола царства Польскаго. Съ лишеніемъ кн. Чарторыскаго попечительства Виленскимъ учебнымъ округомъ центръ дѣятельной широкой политической польской пропаганды перенесся, вмѣстѣ съ переселившеюся частью вліятельныхъ виленскихъ дѣятелей, въ Варшаву. Среди нихъ, профессоръ Іоакимъ Левель, удаленный изъ Виленскаго университета за политическія агитаціи, былъ избранъ въ инспектора бібліотеки Общества и энергично проводилъ свое экзальтирующее вліяніе. Ему стало хорошо извѣстно о заговорѣ въ тайномъ обществѣ военной молодежи, и онъ, принимая въ самой бібліотекѣ Общества главныхъ организаторовъ готовившагося вооруженнаго возстанія, Высоцкаго съ товарищами, „ободрялъ ихъ своими совѣтами къ скорѣйшему начатію бунта“. Самъ предсѣдатель Нѣмцевичъ, бывшій сподвижникъ Костюшки, одобрялъ намѣренія тайнаго общества, когда Высоцкій прислалъ

нареканія противъ главныхъ представителей мѣстной русской власти, хотя имп. Николай I на первыхъ же порахъ своего царствованія и ясно высказалъ Новосильцеву свои возрѣнія на должный характеръ взаимныхъ отношеній (Оффиціальныя бумаги Новосильцеву 1826 г., извлеченныя нами изъ бумагъ Архива н. д. при Канцеляріи ген.-губ., № 210, Русск. Старина 1905, XII, 724—726). Ср. выше, стр. 382—383).

къ нему за совѣтомъ, и только предостерегалъ, чтобы повременили съ осуществленіемъ ихъ. „Еще не пора“, сказалъ онъ, „но придетъ нашъ часъ“. Слова его „ободрили“ запрашивавшихъ и „новыя придали имъ силы къ продолженію начатаго дѣла, ибо всѣ, бывшіе въ заговорѣ, видѣли въ Нѣмцевичѣ представителя желанія и надеждъ народа”¹⁾).

Естественно поэтому, что лишь на ночь 17/29 ноября 1830 года пробилъ часъ для явнаго возстанія, Общество неразрывно очутилось въ круговоротѣ политическихъ событій и его главные руководители и дѣятели и масса другихъ его членовъ оказались въ числѣ участниковъ и двигателей революціи, которая, подъ первоначальнымъ лозунгомъ „возстановленія конституціи“, стремилась къ реставраціи Польши въ прежнихъ предѣлахъ, затѣмъ и къ полной ея независимости отъ Россіи и самостоятельности.

На открытыя требованія матеріальной помощи движенію революціи Общество, какъ учрежденіе, хотя и владѣвшее значительными негласными суммами, но непривыкшее, что-

¹⁾ Объ участіи Общества и его членовъ собственно въ возстаніи излагаемъ на основаніи найденныхъ нами официальныхъ документовъ, хранящихся въ намѣстническихъ и политическихъ дѣлахъ Архива нов. дѣлъ при Канцеляріи Варш. ген.-губ. и значительно изданныхъ въ Приложеніяхъ, 2, №№ 118, 130—139. Въ черновыхъ бумагахъ имѣются также и замѣтки дов. частнаго свойства. Таковы, напр., характерныя летучія замѣтки отъ 1833 г. одного изъ служившихъ при Варшав. воен. губернаторѣ на списокъ членовъ Общества: „Ксендзъ Войцехъ Швейковскій, ректоръ Варшавскаго университета. За двѣ недѣли предъ симъ получилъ 12,000 злот. пенсіи, хотя во время революціи былъ выбранъ студентами ректоромъ. Станиславъ Венгржецкій, бывшій апелляціонный судья. Былъ президентомъ Варшавы во время революціи; честный, но самый пустой 80-ти-лѣтній старикъ. Ромуальдъ Губе, бывшій профессоръ Варшавскаго университета. Шельма, а теперь по милости Косицкаго прокуроръ варшавскихъ уголовныхъ судовъ. Христіанъ Ляхъ Ширма, профессоръ Варшавскаго университета. Повѣситъ. Юзефъ Голуховскій, бывшій профессоръ Виленскаго университета. Велькій хлопь; выгнанъ съ Лелевелемъ изъ Вильно; лежитъ теперь въ колтунахъ въ Сенд. воеводствѣ. За него хотѣли повѣситъ всѣхъ плѣнныхъ, а въ особенности Кривцова. Николай Мянковскій, докторъ медицины въ Вильнѣ. Деканъ медицинскаго факультета, акушеръ; человекъ любящій деньги и ихъ имѣющій, слѣдовательно спокойный. Симонъ Жуковскій, профессоръ Виленскаго университета. Еврейскаго языка профессоръ; будетъ участвовать въ революціи, когда сверенъ что предпримуть. Ксендзъ Давгардъ, профессоръ Виленскаго университета. Старый человекъ, въ политическую поэзію не вдавался“.

бы имъ руководили со стороны, ссылалось на недостатокъ средствъ. Муниципальному управленію, на требованія о внесеніи доли (3,735 злотыхъ 24 гроша), причитавшейся съ дома Общества въ складчину домовладѣльцевъ на снаряженіе двухъ варшавскихъ полковъ, администрація Общества, ничего не имѣвшая противъ такого снаряженія, самую сумму заплатила лишь послѣ уклоненій, съ рѣзкими ссылками на бѣдность Общества. „Прошу объ отмѣнѣ сего распоряженія”, собственноручно отмѣтилъ на вторичномъ настойчивомъ отношеніи управленія предсѣдатель Нѣмцевичъ: „Общество не въ состояніи дать и шиллинга, потому что оно безъ средствъ; а если нѣтъ, то, какъ вестготы, возьмите наши книги и Коперника”¹⁾).

Содѣйствовало революціи Общество несравненно болѣе морально. Въ главной массѣ шляхетское по составу и возрѣніямъ, оно, конечно, не отличалось въ цѣломъ такимъ революціоннымъ радикализмомъ, какъ желала бы группа „Новой Польши”, гдѣ, вмѣстѣ съ горячимъ фантастомъ Мохнацкимъ, сталъ руководить членъ Общества Делевель и откуда неслись партійные съ нимъ счеты; но отъ активной роли въ дѣлахъ возстанія оно не только не удерживало своихъ членовъ или не отгораживалось отъ таковыхъ, но еще ставило имъ такую дѣятельность въ заслугу, возводя въ свои члены или повышая въ членскомъ рангѣ наиболѣе отличавшихся тутъ. Когда, въ виду приближавшагося весною 1831 года торжественнаго годичнаго засѣданія Общества, намѣчались новые члены, комиссія изъ ректора кс. Швейковскаго и профессоровъ Университета Бентковскаго, Бродзинскаго и Миле подъ предсѣдательствомъ еп. Пражмовскаго, занимавшаяся разсмотрѣніемъ списка кандидатовъ, предложенныхъ въ разные разряды членовъ, въ своемъ протоколѣ, подписанномъ ею 23 апрѣля н. ст. 1831 года, „одобрила къ принятію въ члены

¹⁾ Приложенія, 2, №№ 149—150. Удостовереніе экономической кассы Муниципальному управленію о внесеніи суммы Обществомъ — Архивъ Магистрата, дѣло недвижимости № 1319—20—21, т. II, л. 49—51. О негласной суммѣ Общества, бывшей на рукахъ казначея, въ 90—63,500 зл., въ слѣдующ. главѣ.

Общества много такихъ лицъ, которыя принимали дѣятельное участіе въ польскомъ мятежѣ, на примѣръ: главнокомандовавшаго польскими мятежническими войсками Ивана Скржинецкаго, служившихъ въ нихъ: Прондзинскаго и Хржановскаго, Осипа Пашковскаго, Станислава Ржевускаго, профессора Ляха-Ширмы, Викентія Нѣмоевскаго, Брунона Кицинскаго и многихъ подобныхъ имъ¹⁾, и „которыхъ такое участіе поставлено тамъ въ заслугу”. Объ избраніи ихъ въ члены Общества объявлено потомъ въ газетахъ. Скржинецкій былъ избранъ въ почетные члены, и мотивомъ къ такой выдающейся чести избирательная коммиссія выставила: „Еслибъ можно было, Общество давно бы считало для себя обязанностію избрать къ себѣ его, Яна Скржинецкаго, который отличился исключительнымъ увлеченіемъ науками, въ такой мѣрѣ, что оно навлекло на него подозрительность и немилость бывшаго вождя (в. кн. Константина). Теперь онъ самъ единогласно возведенъ народомъ въ это достоинство (послѣ неспособнаго неудачника кн. Радзивилла); быть можетъ, съумѣетъ устроить судьбу отчизны, какъ въ нѣсколько дней покрылъ ее новой славой (очевидно, намекается на битвы подъ Вавромъ и Сѣдлецомъ, въ мартѣ и апрѣлѣ) и заслужилъ одобреніе Европы. Общество спѣшитъ немедленно отдать доказательство своего почтенія этому уже историческому имени”¹⁾. Возвышавшихся въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ войскъ, Прондзинскаго и Хржановскаго коммиссія вела въ члены-пріобщники, какъ лицъ, „которыхъ столь недавнія побѣды и восхожденіе на столь высокія служебныя ступени являются лучшими рекомендаціями”. Въ члены этого разряда были приняты и Пашковскій съ Ржевускимъ. Первый рекомендованъ, какъ „подполковникъ, профессоръ артиллеріи въ

¹⁾ Но онъ возлагаемая на него надежды разрушилъ, какъ извѣстно, уже въ срединѣ мая, подъ Остроленкой, катастрофа подъ которой, по свидѣтельству даже Мохнацкаго, „сломила нравственную силу возстанія, лишила популярности главнокомандующаго, уменьшила число стараго войска, лишила насъ самихъ дѣльныхъ офицеровъ”. О Скржинецкомъ и о битвахъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, ср. мнѣнія Пузыревскаго Русско-польская война въ 1831 г., 2 изд., гл. V и сл., особ. стр. 160, 226, 272, и у Подвинскаго, М., 1907, 90.

высшей школѣ; издалъ сочиненіе Обѣ артиллеріи и другія менѣе значительныя, относящіяся къ военному искусству; со времени революціи преподавалъ въ Университетѣ, по собственному желанію, для академической молодежи, которая готовилась въ бой, соотвѣтственную военную науку”; Ржевускаго аттестовали: „извѣстный въ обычной жизни, какъ свѣтлая, работающая и нравственная личность; въ повременихъ изданіяхъ помѣстилъ много произведеній, доказывающихъ его всестороннюю освѣдомленность”. Ляхъ-Ширма и Нѣмоевскій рекомендованы въ дѣйствительные члены, Кицинскій Бруно—въ члены корреспонденты. Профессоръ Варшавскаго университета Ширма за годъ до возстанія былъ избранъ въ члены-сотрудники, и комиссія, рекомендуя его теперь возвести въ дѣйствительные члены, писала: „Памятны заслуги, за которые Общество привлекло его въ свои члены; съ того времени онъ принадлежалъ къ ревностнѣйшимъ сотрудникамъ его и участвовалъ въ развитіи благородныхъ чувствъ въ народѣ”. О второмъ кандидатѣ комиссія дала такое одобрительное мнѣніе: „Общество, при всемъ вниманіи къ извѣстнымъ гражданскимъ и ученымъ заслугамъ Викентія Нѣмоевскаго, мужа, отличившагося особенною твердостью характера и знаніемъ духа нынѣшняго времени, не могло однакожь донинѣ отдать ему должной справедливости и пользоваться его просвѣщеніемъ. Сочиненія его, запрещенныя прежнимъ правительствомъ, издаются нынѣ въ публику и весьма много содѣйствовать будутъ просвѣщенному направленію общественнаго мнѣнія. Комитетъ полагаетъ, что, предлагая Викентія Нѣмоевскаго въ дѣйствительные члены, онъ предупреждаетъ тѣмъ желанія своихъ сочленовъ”. Бруно Кицинскій рекомендовался за его переводы различныхъ классическихъ произведеній, не выбираемый ранѣе изъ-за мнѣнія прежняго правительства за изданіе имъ Бѣлаго Орла.

Какого мнѣнія должны были держаться русскіе и русское правительство о „военной дѣятельности” и о „патріотическихъ заслугахъ” во время возстанія первыхъ четырехъ названныхъ кандидатовъ, изъ которыхъ трое во время воз-

мущенія командовали польскимъ войскомъ или его отрядами, а четвертый, профессоръ военной аппликаціонной школы, „въ продолженіе польскаго возмущенія преподавалъ курсъ артиллеріи для мятежниковъ”, или какъ смотрѣли на личность и „всестороннюю освѣдомленность” пятаго кандидата, понятно и извѣстно. Что же касается остальныхъ названныхъ лицъ, то они представлялись у правительства въ такомъ видѣ. Профессоръ Ширма Ляхъ Христіанъ былъ предводителемъ взбунтовавшихся студентовъ. По случаю увольненія его отъ сей должности командованія ими, они дали для него обѣдъ, подарили ему перстень и съ торжествомъ несли его на своихъ рукахъ по улицамъ города до самой квартиры. Подписалъ актъ согласія мятежныхъ поляковъ, хранившійся у нотариуса Маевского. Издавалъ (съ янв. 1831 г.) газету Дневникъ почетной гвардіи, которая, существуя нѣсколько дней, подобно прочимъ мятежническимъ изданіямъ была наполнена враждою къ законному правительству. Произносилъ возмущавшія рѣчи: на поминованіи убитыхъ въ 1794 году поляковъ, при отправленіи паннихиды за казненныхъ въ 1826 г. русскихъ декабристовъ, на ежемѣсячно повторявшихся торжествахъ въ память начала варшавскаго мятежа 17/29 ноября 1830 г., послѣднія рѣчи обыкновенно печатались въ газетахъ и отдѣльно. Его дѣятельность въ этомъ направленіи и обратила признательное вниманіе Общества. Нѣмоевскій Викентій до мятежа былъ извѣстенъ, какъ писатель запрещенныхъ законнымъ правительствомъ сочиненій; во время мятежа исправлялъ должность директора администраціи въ Прав. Комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, былъ предсѣдателемъ счетной палаты, потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи и наконецъ (съ 30 января 1831 г.) членомъ мятежническаго народнаго правленія (*rządu narodowego*); сотрудничалъ въ Польскомъ Курьерѣ, сочинялъ революціонныя статьи, перевелъ и издалъ сочиненіе Константа О конституціонной монархіи, перевелъ одну изъ мессинскихъ пѣсенъ Делавиля Къ Наполеону. Принятый въ члены корреспонденты Общества, Кицинскій графъ Бруно старался во время возстанія возбуждать своими

рѣчами и стихотвореніями. На первомъ мѣсячномъ праздникѣ (17/29 дек. 1830 г.) въ память открытія мятежа читалъ революціонныя стихи, на второмъ — произнесъ рѣчь; подобную же патріотическую рѣчь сказалъ при отправленіи паннихиды о полякахъ, умершихъ въ заключеніи; вступилъ рядовымъ въ первый пѣхотный полкъ польской арміи и по этому поводу напечаталъ революціонное Воззваніе къ полякамъ; переводилъ онъ чужіе стихи: Делавиля на открытіе польскаго мятежа, Марсельскій маршъ; или сочинялъ собственныя стихотворенія: Два дня побѣды, гимнъ Алтарь свободы, Военный мазуръ, называемый мазуромъ Хлопицкаго; нѣкоторыя изъ этихъ игрались или пѣлись въ театрѣ и на собраніяхъ мятежниковъ.

Первымъ въ члены корреспонденты былъ теперь избранъ Мицкевичъ, съ которымъ у Общества дотолѣ былъ сильный литературный разладъ. О немъ въ протоколѣ занесли: „подозрѣнія и преслѣдованія, какія навлекъ онъ на себя у русскаго правительства, не дозволили до сихъ поръ отдать доказательства уваженія его столь знаменитому таланту”.

Характерно, что хотя природныхъ русскихъ ученыхъ почти совсѣмъ не избирали, теперь, „въ часъ войны”, когда даже объявленъ уже былъ написанный Нѣмцевичемъ актъ отрѣшенія русскаго императорскаго дома отъ польскаго престола, а еп. Пражмовскій подкрѣпилъ этотъ актъ своимъ воззваніемъ къ наствѣ, занесены были въ члены, но и то лишь въ корреспонденты и на послѣднемъ по порядку мѣстѣ, цѣлыхъ шесть человекъ, а именно: Калайдовичъ, Строевъ, Качановскій, митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, Полевой и Гулакъ-Артемовскій, какъ будто бы они, „забывая честь и присягу”, могли теперь принять членство и встать вмѣстѣ съ названными лицами. Подъ выкинутымъ флагомъ якобы служенія высшей наукѣ, приторное іезуитское двуличіе и нарушеніе здороваго чувства здѣсь проявились уже во всей яркости, показывая лишь силу переживаемаго политическаго наркоза.

День польской „конституціи 3 мая” 1791 года собирались въ Варшавѣ отпраздновать въ 1831 году съ наибольшимъ торжествомъ. Перенеся свое годовое засѣданіе на

этотъ день, Общество поручило было своему члену Тимовскому, сочинявшему „во время мятежа возмутительныя пѣсни“, написать патріотическое стихотвореніе, отъ чего этотъ однако „отговаривался краткостію времени“, принявъ участіе въ празднествѣ, „данномъ въ Варшавскомъ замкѣ подѣ Бляхою мятежническимъ сенатомъ и посольскою палатою“; главную роль на засѣданіи Общества велъ самъ предсѣдатель. Въ воспоминаніе конституціи онъ произнесъ рѣчь, и были прочитаны два стихотворенія его, изъ которыхъ одно, „Надежда“, вызвало „рукоплесканія“, по опредѣленію тогдашней „Польской Газеты“, „достойныя достойнаго сподвижника Костюшки“. Отличавшійся сравнительною сдержанностію и трезвостію взгляда, въ университетскихъ лекціяхъ знакомившій съ важнѣйшими поэтами новѣйшихъ народовъ и въ прежнихъ своихъ критическихъ статьяхъ отмѣчавшій, что, „выродившись политически, мы исказились и нравственно“, профессоръ литературы Казимиръ Бродзинскій, увлеченный экзальтированной настроенностью въ Обществѣ, въ своей „Рѣчи о народности поляковъ“ восклицалъ теперь: „Naród polski jest Kopernikiem w świecie moralnym“ — Народъ польскій между народами—то же, что Коперникъ между людьми, т. е. что онъ открылъ законъ тяготѣнія всѣхъ народовъ вокругъ моральнаго центра, идеи человечества; ему дано было уравнивать право трона и народа на вѣсахъ, къ самому небу прикрѣпленныхъ, и т. п. На засѣданіи были объявлены и имена вновь выбранныхъ членовъ.

Когда Общество въ своихъ собраніяхъ поддерживало и развивало такую національно-политическую стихію, члены его, въ важнѣйшей своей массѣ, содѣйствовали движенію, каждый въ доступной ему сферѣ. Уже въ первомъ небольшомъ, еще наскоро составленномъ для намѣстнической канцеляріи, систематическомъ спискѣ членовъ Общества, участвовавшихъ въ возстаніи и оказывавшихъ на его дѣла свое непосредственное вліяніе, отмѣчалось, что изъ перечисляемыхъ тутъ служили въ мятежѣ пять человекъ министрами, четверо сенаторами, не считая тѣхъ, кто занималъ менѣе важныя долж-

ности и званія; двое предводительствовали варшавскими студентами, одинъ стоялъ главою, маршаломъ мятежническаго сейма; „предсѣдатель Общества употребилъ свое перо на сочиненіе преступнѣйшаго акта объ удаленіи государя императора и августѣйшихъ его преемниковъ отъ престола царства Польскаго”, двое „дерзнули приложить свои руки къ сей измѣннической хартіи”, а „всѣ прочіе сотрудники Варшавскаго Общества любителей наукъ способствовали успѣхамъ бунта и вмѣстѣ бѣдствіямъ отечества разными другими унижительными услугами дѣлу мятежниковъ”. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ ихъ дѣятельности число подобныхъ членовъ и факты участія ихъ пополнялись все болѣе, и участіе ихъ представлялось потомъ русской власти вообще въ такомъ видѣ.

Предсѣдатель Общества Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ, принадлежавшій къ числу поляковъ, „оказывавшихъ всегда вражду и ненависть къ Россіи”, и, въ бытность секретаремъ сената царства Польскаго, державшій себя съ двусмысленною осторожностію, въ началѣ бунта былъ призванъ, какъ человѣкъ уже извѣстный и пользовавшійся у мѣстныхъ довѣриемъ, въ члены административнаго совѣта, въ члены временнаго управленія, состоящаго изъ 7 лицъ, чрезъ три дня по открытіи мятежа сталъ уже предсѣдателемъ комитета для разбора и разсмотрѣнія бумагъ, оставленныхъ въ Варшавѣ русскимъ правительствомъ; изъ нихъ многія были потомъ, съ оскорбленіями русскому правительству, напечатаны мятежниками въ газетахъ и отдѣльно. На соотвѣтственное впечатлѣніе были рассчитаны и собственныя его сочиненія, печатаемая имъ тогда. Сейму, объявившему возмущеніе 17/29 ноября 1830 г. дѣломъ всего польскаго народа, онъ не замедлилъ выразить свое сочувствіе, представивъ его маршалу графу Островскому 200 червонцевъ (4000 злотыхъ) „на потребности отечества” и персидскій кинжалъ въ награду тому, кто въ первомъ сраженіи противъ русскихъ наиболѣе отличится храбростію. Подъ издаваемыми сеймомъ воззваніями къ польскимъ войскамъ, постановленіями объ учрежденіи народнаго правленія, о при-

влеченіи къ возстанію другихъ областей Имперіи и проч. находились подписи Нѣмцевича. Когда на сеймѣ было положено (25 генв. 1831 г.), чтобы не признавать болѣе власти императора Николая I въ царствѣ Польскомъ, то онъ, въ качествѣ секретаря сената, составилъ по порученію сейма проектъ акта - манифеста объ устраненіи государя и всего дома Романовыхъ отъ престола царства Польскаго, объявляя въ немъ, что присяга, данная на вѣрность монарху, уничтожается. За подобныя дѣянія онъ избранъ былъ (4 іюня) въ сенаторы; затѣмъ ушелъ (въ іюль) за границу, не изъявляя покорности законному правительству.

Предсѣдатель отдѣленія познаній или словесности, епископъ плоцкій Адамъ Пражмовскій, по своему образованію занимая первое мѣсто въ кругу римско - католическаго духовенства по Царству, но своимъ образованіемъ не принося законному правительству никакихъ услугъ, по открытіи мятежа издалъ къ римско - католическому духовенству воззваніе, приглашавшее духовенство молиться въ церквахъ о благоуспѣшеніи революціи; говорилъ проповѣдь на церковномъ служеніи по случаю открытія мятежническаго сейма; объявлялъ въ газетахъ, что будетъ довольствоваться по 15,000 зл. въ годъ, отдавая прочіе свои доходы „на потребности отечества“. Во все время мятежа оставался членомъ сената. Засѣдая въ мятежническомъ сеймѣ, редактировалъ и подписалъ посланный потомъ къ западноевропейскимъ дворамъ сеймовый манифестъ 20 декабря 1830 года о причинахъ, побудившихъ поляковъ къ возстанію; подписалъ актъ объ упраздненіи польскаго престола, и ему, по особому довѣрію къ нему сейма, было поручено написать о томъ манифестъ. Былъ предсѣдателемъ комитета, разсматривавшаго списки кандидатовъ, предложенныхъ къ избранію въ члены Общества любителей наукъ, и одобрилъ, въ подписанномъ имъ протоколѣ отъ 23 апрѣля 1831 г., къ принятію въ члены этого Общества много такихъ лицъ, которыя принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ.

Предсѣдатель другого отдѣленія Общества, отдѣленія наукъ, сенаторъ кастелянъ, главный директоръ Правительственной Комиссіи финансовъ графъ Людвикъ Плятеръ по открытіи возстанія оказался принадлежащимъ „къ числу самыхъ вредныхъ людей и иступленныхъ мятежниковъ”. Нѣкоторое время исправлялъ должность министра финансовъ, затѣмъ состоялъ статсъ-секретаремъ при диктаторѣ, но нѣсколько дней. Вскорѣ, именно въ декабрѣ 1830 года, былъ, вмѣстѣ съ генераломъ Княжевичемъ, отправленъ въ качествѣ посла за границу, главнымъ образомъ во Францію, съ дипломатическимъ порученіемъ мятежническаго правительства; тамъ онъ агитировалъ предъ французскимъ правительствомъ, чтобы оно принудило къ нейтралитету Австрію и Пруссію и склонило Россію на уступки въ пользу Польши, подъ видомъ выгодъ цѣлой Европы, и чтобы участіе въ тогдашнихъ дѣлахъ Бельгіи и Польши было нераздѣльно; старался возбуждать умы въ пользу польскаго возстанія и путемъ печати, имѣлъ связи съ другими польскими заграничными агентами и сообщалъ революціонному правительству соотвѣтственные документы и свѣдѣнія о своихъ переговорахъ, и проч. Не возвращаясь съ своей семьей изъ-за границы на родину и не изъявивъ къ назначенному сроку (1 сентября 1831 г.) своей покорности законному правительству, онъ, вмѣстѣ съ кн. Чарторыскимъ и другими, образовалъ тамъ кругъ, выставлявшій себя какъ бы за представителей всего польскаго общества.

Бывшій министръ и членъ Государственнаго Совѣта въ Имперіи и попечитель Виленскаго учебнаго округа, оберъ-камергеръ, съ учрежденія царства Польскаго сенаторъ, воевода и членъ Административнаго совѣта, дѣйствительный членъ Общества, не разъ оказавшій ему мощное содѣйствіе въ приобрѣтеніи правъ и выгодъ, князь Адамъ Чарторыскій во время мятежа безсмѣнно находится во главѣ смѣнявшихся правительствъ и высшихъ учреждений — предсѣдателемъ временнаго правленія, предсѣдателемъ сенаторской палаты, по удаленіи Хлопицкаго предсѣдателемъ народнаго правленія, управляющимъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ, пока, въ

концѣ, не вынужденъ былъ [(3/15 авг.)] спастись бѣгствомъ отъ своихъ же. Прекративъ посѣщенія засѣданій въ Административномъ совѣтѣ Царства лѣтъ съ 12, онъ возобновилъ свои присутствія въ немъ въ ночь 17/29 ноября 1830 г. и, ставъ предсѣдателемъ правительства, былъ избранъ депутатомъ къ цесаревичу Константину Павловичу. Состоялъ членомъ депутаціи сейма къ диктатору Хлопицкому и подписалъ объявленіе о назначеніи на мѣсто Хлопицкаго временнымъ главнокомандующимъ генерала Вейсенгофа. Былъ членомъ комитета, назначеннаго сеймомъ, для разсмотрѣнія редакціи сеймоваго манифеста 20 декабря 1830 года и потомъ подписалъ этотъ актъ. По его предложенію проектъ опредѣленія о лишеніи дома Романовыхъ польскаго престола сначала отослали въ комиссію, учрежденную при сеймовыхъ палатахъ; актъ имъ подписанъ. За его подписью вышли отъ верховнаго правительства обращеніе къ польскому народу, приглашавшее всѣхъ жителей защищать Польшу противъ русскихъ и не принимать никакихъ предложеній со стороны русскаго правительства, объявленіе (18 февр. / 2 марта 1831 г.) благодарности арміи за оказанную предъ тѣмъ храбрость, постановленіе (19 апр. / 3 мая), что каждый мужчина отъ 17 до 50 лѣтъ жизни долженъ вооружаться къ общему возстанію, возваніе (13 мая) къ жителямъ литовско-русскихъ губерній и проч. Для распространенія въ литовскихъ губерніяхъ возмущенія онъ составилъ проектъ о высылкѣ туда партизанскаго отряда, почему и отправленъ былъ въ Литву съ отрядомъ Хлаповскій. Находился въ сраженіи подъ Дембомъ. Пожертвовалъ „возмутившимся полякамъ 50,000 зл.“, и еще „на надобности мятежнической войны 120,000 злотыхъ“. Удалился за границу и, находясь во Франціи, дѣйствовалъ съ гр. Плятеромъ и другими. Словомъ, какъ сказано въ одной изъ редакцій, „дѣйствія его, прежнія въ понущеніи или даже способствованіи къ подготовленію въ Виленскомъ университетѣ (котораго онъ долго былъ попечителемъ) молодыхъ студентовъ для польской революціи, распространенной въ 1831 году въ литовскихъ и другихъ пограничныхъ губер-

ніяхъ, и особенно послѣднія преступленія, какъ одного изъ главныхъ мятежниковъ, столь гласны и извѣстны, что объ оныхъ не нужно здѣсь распространяться”.

Вмѣстѣ съ этими шелъ длинный рядъ другихъ, должностныхъ и недолжностныхъ, членовъ Общества, принимавшихъ въ возстаніи участіе и ему содѣйствовавшихъ, какъ кому изъ нихъ было свойственнѣе—рѣчами, лекціями, публицистикой, сочиненіями, матеріальными приношеніями, службою въ правительствѣ, администраціи, военныхъ отрядахъ и т. п. Весьма компактную группу между ними представляли профессора, деканы и инспекція Варшавскаго Университета—Феликсъ Бентковскій, Казиміръ Бродзинскій, Иванъ Миле, Христіанъ Ляхъ Ширма, Каетанъ Гарбинскій, Людвигъ Осинскій, Ромуальдъ Губе, Адрианъ и Янъ Крыжановскіе, Михаилъ Шубертъ, Иванъ Викентій Бантке, Альбертъ Ястржембовскій, бывший профессоръ Доминикъ Крысинскій, сначала во главѣ съ ректоромъ ксендзомъ Альбертомъ Швейковскимъ, который вскорѣ получилъ назначеніе въ члены Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и главнымъ директоромъ народнаго воспитанія. По случаю новаго вида его дѣятельности издатели „Польскаго Курьера” сообщали: „Трогательное представлялось зрѣлище, когда кс. Швейковскій поручилъ новому начальнику юношество, коего онъ былъ главнымъ руководителемъ, и вмѣстѣ съ симъ юношествомъ ввѣрялъ ему надежду отечества; какъ Швейковскій, Лаговскій и Ширма, представляя три государственныя сословія: духовное, военное и ученое, обнявшись и воздѣвъ къ небу свои руки, давали клятву вѣчной ревности единодушія и согласія въ святомъ дѣлѣ возстанія отечества” и проч. Изъ бывшихъ профессоровъ Виленскаго университета наиболѣе дѣйствовали въ Варшавѣ Іоакимъ Лелевель („мятежникъ кровожадный”, по опредѣленію изслѣдовавшихъ его дѣло) и Іосифъ Голуховскій.

Весьма вліятельнымъ оказался подполковникъ быв. польскихъ войскъ гр. Владиславъ Островскій, проявлявшій „въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ своихъ непримиримую вражду противъ Россіи”. По открытіи возмущенія, онъ, ставши членомъ пра-

вительства, находился въ числѣ депутатовъ отъ него къ в. кн. Константину, былъ „маршаломъ мятежническаго сейма“, „членомъ верховнаго мятежническаго народнаго совѣта“, на сеймѣ подущалъ къ войнѣ противъ Россіи и предложилъ привести въ исполненіе представленный графомъ Солтыкомъ проектъ объ отреченіи отъ престола императора и всей царствующей фимиліи; „въ пользу мятежа“ пожертвовалъ всѣхъ своихъ лошадей и 30,000 злотыхъ; крестьянамъ своихъ помѣстій объявилъ, что каждому изъ нихъ, [который служитъ въ рядахъ возставшихъ, онъ даритъ участокъ земли, въ 6 морговъ (ок. 3 десятинъ), для каждаго, кто отличится храбростію, будетъ построенъ домъ съ обзаведеніемъ, всѣмъ имъ по возвращеніи изъ похода будетъ произведена денежная награда, и т. п.; былъ депутатомъ закочимскаго сейма, возобновленнаго по взятіи русскими войсками Варшавы, и удалился въ Богемію. Затѣмъ отличались: бригадный генераль Францискъ Моравскій, который „служилъ у польскихъ мятежниковъ военнымъ министромъ“, сенаторъ кастелянъ Антонъ Глицинскій былъ „назначенъ мятежническимъ правительствомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ“, членъ калишкаго совѣта Алоизій Бернацкій „назначенъ мятежниками министромъ финансовъ“, рекетмейстеръ Городынскій былъ „во время мятежническаго правленія министромъ иностранныхъ дѣлъ“ и напечаталъ „съ возмутительнымъ предисловіемъ“, на французскомъ и польскомъ языкахъ конституцію для Россіи; Андрашекъ Эдуардъ, ксендзъ, преподаватель пиарскихъ училищъ въ Варшавѣ, Венджикъ, бывший судья, Водзицкій Станиславъ, президентъ Кракова, Горецкій Антонъ, капитанъ, Глотсъ Карль, Дзялынскій Титъ, графъ, Козмякъ Каетанъ, сенаторъ кастелянъ, Ржевускій Венцеславъ, графъ, Свѣнцкій Тома, адвокатъ, Тарновскій Янь, графъ, сенаторъ кастелянъ, Тымовскій Канторберій, бывший аудиторъ Государственнаго Совѣта, Хржановскій Игнатій и др.

Изъ лицъ, дѣятельно помогавшихъ прежде Обществу въ оформленіи дѣлъ по дому и матеріальному благосостоянію, наиболѣе теперь заявляли себя нотаріусъ Валентинъ Ско-

роходъ Маевскій, бывший членъ апелляціоннаго суда Станиславъ Венгржецкій, архитекторъ Адольфъ Шухъ; авторъ кантаты на открытіе памятника Копернику Куршинскій принялъ участіе въ литературѣ. Бывшій членъ Общества съ года основанія его и усердно поддерживаемый имъ, авторъ капитальнаго Словаря польскаго языка, изданнаго при помощи императора Александра, предсѣдатель главной евангелической консисторіи, ректоръ Варшавскаго лицея и членъ Правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Богумиль Готлибъ Линде остался членомъ комиссіи, когда министромъ ея былъ Іоахимъ Лелевель. Присягнувъ „мятежническому правленію“, издалъ воззваніе къ евангелическимъ пасторамъ, чтобы они „внушали народу протестантскаго исповѣданія преданность и повиновеніе мятежническимъ властямъ, называя преступнымъ нерасположеніе къ тогдашнему состоянію польскаго народа“ и восхваляя дѣло возстанія. Приглашая публику на публичное испытаніе учениковъ Варшавскаго лицея въ іюнѣ 1831 г., онъ въ печатной программѣ испытаній предувѣдомлялъ ее: „Мы полагаемъ, что на сей разъ будетъ всего приличнѣе, къ показанію порядка, какимъ имѣетъ здѣсь производиться испытаніе, присовокупить списокъ учениковъ, которые изъ нашего училища поступили въ ряды защитниковъ отечества и которыхъ имена внесены въ нашу золотую книгу и занимаютъ въ ней первое мѣсто.“

XXI ГЛАВА.

Закрытіе Общества любителей наукъ и передача его имущества другимъ учрежденіямъ *).

Высочайшее повелѣніе о конфискаціи бібліотеки Общества. — Старанія о сохраненіи бібліотеки и другихъ собраній. — Высочайшее повелѣніе о закрытіи Общества съ конфискаціей его дома и остального имущества. — Исполненіе его. — Опис. — Прекращеніе дѣятельности администраціи. — Несостоявшіяся предположенія о передачѣ дома. — Продажа его Прав. Комисіи финансовъ подъ помѣщеніе Главной дирекціи лотерей. — Употребленіе суммъ Общества на учебныя цѣли.

Послѣ того, какъ варшавскія городскія ворота отворились (27 авг. 1831 г.) предъ побѣдителями, взявшими штурмомъ варшавское укрѣпленіе Волю, и водворившаяся болѣе прочно, нежели прежде, русская власть стала поразбираться въ окружающемъ, такое участіе Варшавскаго Общества любителей наукъ и его членовъ въ возстаніи неминуюемо должно было отразиться на судьбѣ самого Общества, его членовъ и имуществѣ; важнѣйшія указанія давались самимъ государемъ, котораго въ возстаніи старались лишить польскаго трона.

Сначала дѣла пошли у Общества, какъ бы передъ тѣмъ не случилось ничего особеннаго. По свидѣтельству Скарбека, оно стало „собираться на обычныя свои засѣданія, и даже одно центральное, подъ предсѣдательствомъ еп. Пракмовскаго, состоялось въ присутствіи двухъ русскихъ генераловъ, приглашенныхъ на это засѣданіе”. Однако, еще фельдмаршалу

*) Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго ген.-губернатора: Журналы засѣданій Совѣта управленія, за соотвѣтственные годы; III, 9, N vol. 4150: Akta Rady Administracyjnej król. Polskiego. O zapewnieniu bytu i swobod Towarzystwa Król.-Warsz. przyjac. nauk; Архивъ новыхъ дѣлъ при той-же Канцеляріи, № 199 и 300: „Дѣло собственной Канцеляріи намѣстника его имп.-цар.

Дибичу государь указывалъ (21 февраля 1831 г. ¹⁾), въ случаѣ капитуляціи Варшавы, опечатать всѣ библіотечныя собранія Университета и Общества любителей наукъ и задержать важнѣйшихъ виновниковъ—кн. Чарторыскаго, Лелевеля и др., и Временное Управленіе въ Царствѣ опечатало теперь (въ ноябрѣ) домъ Общества. За отсутствіемъ формальной отмѣны конституціи, секвестрація различныхъ имѣній и домовъ производилась пока по высочайшимъ повелѣніямъ; библіотеки Публичную и Общества и др. подобныя собранія императоръ предназначилъ (въ декаб.) перевезти въ С.-Петербургъ. Для выношенія этого, министромъ народнаго просвѣщенія были командированы (въ янв. 1832 г.) въ Варшаву пять лицъ, изъ которыхъ, по приведенію въ извѣстность и описанію всего имущества, а равно по разбору въ архивныхъ документахъ и по выясненію дѣятельности членовъ, самымъ дѣятельнымъ оказался библіотекаръ Императорской Публичной библіотеки Александръ Красовскій; много помогли имъ члены Общества Іосифъ Шанявскій и Богумиль Линде, который, всегда держась стороны сильнѣйшей, какъ бы старался теперь загладить свое участіе въ бывшемъ возстаніи. Оставшіеся члены администраціи Общества, сначала во главѣ съ еп. Пражмовскимъ, послѣ ухода Нѣмцевича за границу фактически замѣнявшимъ предсѣдателя, употребляли, напротивъ, всѣ усилія отстранить конфискацію или по крайней мѣрѣ держать не

велич. въ ц. Польскомъ о домѣ и капиталахъ, принадлежащихъ Обществу л. и. н., и другія дѣла и бумаги объ Обществѣ; Архивъ Варшав. Казенной палаты, III, T, 3: Dyrekcya Kontrolli. Akta ogólne. Towarzystwo prz. nauk; № 35: Wydział dóbr zasekwestrowanych. Akta, tyczące się domu Tow. prz. nauk w Warsz. i innych funduszów, do niego należących; Архивъ Магистрата, дѣло недвижимости № 1319—20—21, ч. 2; Ипотечный Архивъ, книги недвижим. № 1319 и № 1320 и 1321; Архивъ Варшав. Учебнаго Округа, № 1626, т. I—II, IV: Akta Kom. Rząd. prz. wewn., duchow. i oświec. puol.; Дѣло Правленія Варш. Учебн. Округа, объ Обществѣ л. и. н. и объ его фундамахъ; Библіотека ординаціи Красянскихъ, док. изъ врем. закрытія Общества. — Извлеченія въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію, кн. 1 и 2.—Krauschar, въ кн. Sztazy polistopadowe. Кн. Щербатовъ, Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и сочиненія, IV—V.

¹⁾ Н. К. Шильд е р ь, Императоръ Николай I, т. II, 476—477; ср. 589.

открытымъ, что петербургскими уполномоченными не находилось изъ имущества.

Найдя поддержку въ фонъ-Раутенштраухѣ, главномъ директорѣ предсѣдательствующемъ въ Правит. Комиссіи внутр. и духовн. дѣлъ и нар. просвѣщенія, еп. Пражмовскій, защищая репутацію Общества, едва объявлена была (13/15 марта 1832 г.) уставная грамота, обезпечивавшая право владѣнія частныхъ лицъ и общественныхъ учреждений, достигъ того, что не только Совѣтъ управленія постановилъ (на засѣданіи 18/28 марта) „просить государя императора о снисхожденіи” на его просьбу о сохраненіи за Обществомъ библіотечныхъ и другихъ собраній, но и гр. Паскевичъ, присоединяя представленіе Раутенштрауха, вошелъ съ соответственнымъ отношеніемъ (26 марта / 7 апрѣля) къ министру статсъ-секретарю Грабовскому объ исходатайствованіи такого высочайшаго соизволенія. „Государь императоръ — на это отписалъ (6 апр.) Паскевичу военный министръ управляющій Главнымъ штабомъ ген. Чернышевъ — высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ отвѣтствовать вамъ, что его императорское величество съ своей стороны не можетъ признать основательнымъ показанія, изложенныя въ означенномъ представленіи г. Раутенштрауха, что будто бы Общество сіе въ продолженіе революціоннаго въ Царствѣ правительства оставалось вѣрнымъ цѣли своего учрежденія и занималось единственно изысканіями по части словесности и усовершенствованіемъ оной: ибо главнѣйшіе члены сего Общества, какъ то князь Адамъ Чарторыскій и извѣстный Нѣмцевичъ, были первыми дѣйствующими лицами въ несчастномъ переворотѣ, въ Царствѣ произведенномъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ возмутителей находилось и много другихъ сего Общества членовъ, его величеству неизвѣстныхъ. По симъ уваженіямъ государь императоръ изволить: Варшавское Общество словесности не слѣдуетъ уже признавать существующимъ”. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь повелѣвалъ доставить списокъ лицъ, сдѣлавшихъ приношенія Обществу, чтобы можно было судить, до какой степени допустимо исполненіе ихъ условій о возвратѣ пожер-

твованій, а также свѣдѣнія о домѣ и капиталахъ Общества, съ показаніемъ, „какое употребленіе можно будетъ сдѣлать изъ дома”¹⁾).

Привлеченная къ дачѣ свѣдѣній о владѣніяхъ Общества, администрація его, имѣя въ виду права, обезпечиваемыя уставной грамотой, донесла (25 іюня н. с.)²⁾, что все имущество Общества—частное, подлежащее возврату; состоитъ оно изъ дома и бібліотеки съ различными при ней собраніями, цѣнность дома 347,400 зл., составившаяся изъ 200,000 зл. отъ продажи правительству дома на Каноніяхъ, 18,000 зл. отъ записи кс. Богуша на медали, 29,400 зл. отъ членскихъ складокъ и отъ продажи изданій, и 100,000 зл. отъ городского займа. Очень значительная сумма (до 127,000 зл.) составила изъ пожертвованій кн. Салѣги, далеко не израсходованная, но недостающія изъ нея деньги получили какое-то неясное, другое употребленіе, и администрація не могла оправдать ее счетами. На донесеніе администраціи Прав. Комиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлала нѣкоторыя свои замѣчанія и поясненія. Собственность Общества состоитъ изъ двухъ половинъ: одна (подъ № 1319) приобрѣтена отъ варшавскихъ ксендзовъ миссіонеровъ за 70,000 злот., и Общество навсегда обязано ежегодно уплачивать имъ съ этой суммы процентовъ по 3500 зл.; вторая половина (подъ №№ 1320 и 1321) пожертвована была Обществу правительствомъ, какъ собственность послѣ уничтоженнаго монастыря кс. доминиканъ обсервантовъ, и на этомъ мѣстѣ оно построило себѣ двухъ - этажный домъ съ куполомъ, оцѣненный правительственнымъ архитекторомъ въ 313,668 зл.; часть суммы, занятой у муниципальнаго управленія, выплачена, въ ипотечныхъ книгахъ записа-

¹⁾ Приложенія, кн. 1, №№ 84—87; копии съ отношенія Чернышева также въ Архивахъ нов. д. при Канц. ген.-губ. (№ 199) и Казенной палаты (№ 35, л. 4—5). Ср. выше, 474 и слѣд.

²⁾ Приложенія, 2, № 120 (изъ Архива при Канц. ген.-губ.); копія съ него въ Архивѣ Учебн. Окр., т. 1, л. 80 и слѣд. Ср. выше, 392 стр.

ны только эта сумма и вѣчный чиншъ миссіонерамъ; остальное — пожертвованія или условныя, или обязательства по нимъ недоказанныя. Ко всему этому въ своемъ доношеніи гр. Паскевичу гр. Строгоновъ, назначенный на мѣсто Раутенштрауха, присоединялъ отъ себя относительно дома, что онъ не находитъ „соотвѣтственнѣйшей пользы для употребленія строенія, принадлежащаго нынѣ Обществу, какъ помѣщеніемъ въ ономъ какого-либо нравоучительнаго института, который бы въ планѣ будущаго воспитанія оказался нужнымъ и учрежденъ былъ правительствомъ”. Препровождая ген. Чернышеву донесеніе администраціи Общества и представленіе Прав. Комиссіи, намѣстникъ, подробно уже освѣдомленный о дѣйствіяхъ Общества въ возстаніи Красовскимъ и слѣдователями, писалъ (30 генв. / 11 февр. 1833 г.), что онъ не можетъ не согласиться „съ законными доводами Комиссіи внутреннихъ дѣлъ, силою которыхъ устраняется возвратъ пожертвованій и приношеній, слившихся въ заведеніи общественномъ: ибо — какъ пишетъ Комиссія — „всѣ сіи пожертвованія безусловныя, и администрація Общества не представляетъ доказательствъ, дабы, въ случаѣ уничтоженія онаго, какое-либо изъ вношеній подлежало возвращенію””. Общество перестало существовать по благоусмотрѣнію государя императора. Оно само стремилось къ разрушенію своему по духу, направленію и дѣйствіямъ главнѣйшихъ членовъ его во время мятежа въ царствѣ Польскомъ, и присвоиваемые предметы администраціей Общества, будучи не частною собственностію, но имуществомъ общественнымъ Царства, содѣлалось нынѣ достояніемъ Россіи, по праву войны, ибо російскія войска заняли Варшаву силою оружія¹⁾. „Его императорское величество, соглашаясь совершенно съ мнѣніемъ вашимъ и заключеніемъ Прав. Комиссіи — сообщалъ (19 февр. 1833 г.) намѣстнику Чернышеву²⁾ — высочайше соизволилъ повелѣть привести оное распоряженіемъ вашей свѣтлости въ

1) Приложенія, 2, № 119; кн. 1, №№ 88—89.

2) Приложенія, 1, № 90.

должное исполненіе, перевезя книги и прочія принадлежащія Обществу собранія въ С.-Петербургъ”; книги и прочія собранія доставить къ министру народнаго просвѣщенія, медальный и оружейный кабинеты передать въ вѣдѣніе министра Императорскаго двора. Намѣстникъ распорядился объ исполненіи повелѣнія и, узнавъ, что о закрытіи Общества не было объявлено въ газетахъ, предписалъ опубликовать. Объявленіе о закрытіи, за подписями гр. Строгонова и Линде, сдѣлано въ газетѣ Dziennik Powszechny: „Во исполненіе высочайшей воли его императорскаго величества, Варшавское Общество любителей наукъ и словесности не слѣдуетъ уже признавать существующимъ. Варшава, 6 марта 1833 года”¹⁾.

По официалномъ объявленіи о закрытіи Общества, выступило въ первую очередь дѣло объ имуществѣ и домѣ этого учрежденія, и должно было получить то или иное рѣшеніе. Назначеніе библіотеки и другихъ научныхъ собраній было высочайше опредѣлено, и это облегчало направленіе ихъ еще и раньше; но о домѣ не было такого категорическаго указація. Въ своемъ представленіи (30 генв. / 11 февр.) ген. Чернышеву объ имуществѣ и домѣ Общества гр. Паскевичъ почему-то не упоминалъ о мнѣніи гр. Строгонова относительно дальнѣйшаго назначенія дома, и послѣдовавшее высочайшее согласіе (19 февр.) на представленіе намѣстника допускало поэтому относительно дома разныя толкованія, что вызвало массу всякихъ проектовъ и притязаній, осложнявшихъ дѣло и задерживавшихъ возможность окончательнаго рѣшенія его.

Выполнивъ порученіе о публичной библіотекѣ при Университетѣ, петербургскіе уполномоченные должны были, по

¹⁾ Приложенія, 2, №№ 121—126. — Оказалось, что ген. Раутенштраухъ, которому было поручено исполненіе отношенія ген. Чернышева отъ 6 апр. 1832 г., ничего не сдѣлалъ для опубликованія его (тамъ же, стр. 254). Личный другъ Паскевича, Раутенштраухъ былъ не на высокомъ мнѣніи у государя, который писалъ (26 мая 1832 г.) о немъ Паскевичу: „про него доходятъ до меня отъ всѣхъ привѣзжающихъ весьма невыгодныя слухи; всѣ жалуются на его грубость и несправедливость, такъ что сомнѣваются даже въ искренности его намѣреній”. Щербатовъ, V, 61—62, и прилож. № 1.

распоряженію намѣстника (5 іюня 1832 г.), заняться бібліотекой и собраніями Общества. На предписаніе Прав. Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія членамъ администраціи Общества о содѣйствіи имъ, эти продолжали доказывать, что бібліотека должна оставаться за Обществомъ и выдвинули гр. Замойскую, урожденную княжну Сапѣгу, которая предъявила искъ на полученіе дома или 200,000 зл. за него, на часть бібліотеки и на сумму до 130,000 злотыхъ, составившуюся изъ пожертвованій кн. Сапѣги. Отстраняя ея претензіи, Строгоновъ и Линде не разъ вынуждены были побуждать членовъ администраціи къ исправной помощи петербургской комиссіи. При разборѣ, на примѣръ, медалей то не находилось ключей отъ нѣкоторыхъ шкафовъ, то доказывалось, что онѣ лежатъ депозитомъ, и только, когда Линде предписалъ секретарю Общества немедленно выдать все, Красовскій получилъ (13 декаб.) 434 мѣдныхъ польскихъ медали и 2 общихъ. Въ архивныхъ актахъ и бумагахъ Красовскимъ замѣчена была недостаца первостепенныхъ по назначенію: подлинныхъ дипломовъ Обществу Александра I и прусскаго и саксонскаго королей, важной части протоколовъ засѣданій Общества, именно засѣданій всѣхъ публичныхъ, общихъ съ 9/21 октября 1825 года и отдѣлений съ 1827 года, и всякіе ихъ поиски были напрасны. Среди рукописей и книгъ не доставало, между прочимъ, бумагъ, подаренныхъ Обществу бывшимъ генеральнымъ австрійскимъ консуломъ Дюшетомъ о русскихъ войскахъ, находившихся въ Польшѣ въ 1769—1772 годахъ, въ томъ числѣ подлинныхъ рапортовъ командовавшихъ войсками Вибикова и Веймарна. Часть такихъ документовъ вытребовали отъ еп. Пражмскаго и др.; часть книгъ нашлась у членовъ Общества; книжный складъ случайно открылся подъ кровлей дома. Доставляемымъ бумагамъ Красовскій производилъ опись; изъ протоколовъ и другихъ архивныхъ бумагъ онъ сдѣлалъ извлеченія, послѣдовательно рисующія дѣятельность Общества, и всѣ эти архивные документы и извлеченія изъ нихъ были сданы въ намѣстническую канцелярію; самому намѣстнику онъ предста-

вилъ особую, составленную имъ по порученію намѣстника, историческую записку объ Обществѣ¹⁾. Рукописи, русскія книги и нѣкоторыя другія Красовскій отобралъ для отсылки въ С.-Петербургъ, оставляя на мѣстѣ польскія и большую часть на иностранныхъ языкахъ, въ виду существовавшего предположенія объ учрежденіи въ домѣ какого-либо учебнаго заведенія. На упаковку и перевозку въ С.-Петербургъ отобранныхъ имъ книгъ и рукописей намѣстникомъ и Совѣтомъ управленія было отпущено (въ мартѣ 1833 г.) 1000 злот. (150 руб.) изъ резервнаго фонда.

Въ концѣ своего пересмотра бумагъ Общества Красовскій неожиданно замѣтилъ (въ янв. 1833 г.) въ нихъ, что членомъ и казначеемъ его Яномъ Кантіемъ Кржижановскимъ было въ началѣ возстанія сданъ (26 нояб. 1830 г.) председателю Нѣмцевичу отчетъ о сохранявшихся у него 90,000 зл., изъ которыхъ, за произведенными расходами, оставалось у него на рукахъ въ наличности билетами Кредитнаго Общества 63,500 злотыхъ. Объясненіе относительно этой суммы, вытребованное у членовъ администраціи Общества, возбудило у власти подозрѣніе, не укрывается-ли ими еще чего-либо, и намѣстникъ, согласно съ сужденіемъ Варшавскаго военнаго губернатора Витта²⁾, поручилъ (въ апр. 1833 г.) Строгонову заняться дальнѣйшимъ собираніемъ и охраненіемъ имущества бывшаго Общества, присоединяя, что домъ Общества „имѣетъ быть предназначенъ подѣ помѣщеніе какого-либо учебнаго заведенія“. „Для приведенія въ точное исполненіе повелѣнія его свѣтлости наряжены были чиновники къ немедленному занятію въ вѣдѣніе Прав. Комиссіи вн. дѣлъ и народнаго просвѣщенія собственности бывшаго Общества любителей наукъ и къ разысканію объ оборотѣ ввѣренной якобы Кржижановскому суммы 63,500 злотыхъ“.

¹⁾ Въ собираніи свѣдѣній онъ пользовался также данными, доставленными ему по повелѣнію намѣстника учрежденіями и лицами, занимавшимися собираніемъ этихъ свѣдѣній для уголовнаго суда и для намѣстника. Дѣла намѣстническія, № 51.

²⁾ Приложенія, 2, №№ 127—128.

Учрежденная Прав. Комиссією вн. и дух. дѣлъ и нар. просвѣщенія комиссія по приему и провѣркѣ имущества, подъ предсѣдательствомъ статсъ-референдарія Козловскаго, на первомъ же своемъ совмѣстномъ съ администраціей Общества засѣданіи (13 мая н. с.) у бывшаго ректора Университета кс. Швейковскаго въ Казимировскомъ дворцѣ, предложила членамъ администраціи объявить всѣ имѣющіяся у нихъ суммы Общества и внести наличное въ Банкъ; на уклоненія ихъ отъ сдачи денегъ Козловскій объявилъ имъ, что съ этого дня они уже не вправѣ безъ разрѣшенія правительства ни собирать доходы Общества, ни расходовать ихъ. Оказавшюся, за расходами, наличную сумму 36,799 зл. 16 гр. (именно закладными листами 32,300 зл. и звонкой монетой 4499 зл. 16 гр.) администрація Общества въ ближайшіе дни внесла въ Банкъ депозитомъ, квитанцію, вмѣстѣ съ документами, представила Комиссіи и съ тѣхъ поръ прекратила (22 мая н. с.) свою дѣятельность до дому Общества.

Въ ту же приемо-сдаточную комиссію архитекторомъ Идзковскимъ была принесена, составленная имъ (21 мая) по ея порученію, опись дома, съ приложеніемъ отчета смотрителя зданій о доходахъ расходахъ по нему. Домъ Общества, по описи, значился, какъ и прежде, подъ ипотечными №№ 1319, 1320/1, главнымъ фасадомъ на Краковское предмѣстье, въ 67½ локтей длины, фасадомъ по Новому Свѣту въ 102½ лок. длины, съ различными надворными постройками, граничилъ по ул. Александріи съ домомъ Зентецкихъ, по Новому Свѣту съ домомъ кс. миссіонеровъ. Подъ свои засѣданія, бібліотеку, кабинеты склады Общество занимало на „первомъ” этажѣ №№ 82—94, причемъ зала засѣданія была подъ № 92 на 1 и 2 этажахъ; другія части зданія сдавались подъ частныя квартиры или магазины ¹⁾; доходъ съ дома немного превышалъ расходы по нему.

¹⁾ Эта опись дома Общества отъ 21 мая н. ст. 1833 года издана въ Приложеніяхъ, 2, № 151, стр. 318—319. Она важна, какъ точно означающая, изъ чего состояли зданія въ дни прекращенія владѣнія ими администраціей Общества.

Со дня представленія „делегаціею рапорта (16 авг.) ближайшій надзоръ и попеченіе о собственности бывшаго Общества любителей наукъ Прав. Комиссія приняла на себя”. Донося намѣстнику, на основаніи этого отчета, о состояніи имущества и „находя нужнымъ учредить постоянное завѣдываніе” имъ, гр. Строгоновъ просилъ (4/16 ноября) „разрѣшенія, на какое именно казенное употребленіе и въ чье вѣдомство имѣетъ поступить эта принадлежность Общества, и въ особенности строенія его”. Намѣстникъ полагалъ, что изъ оставшихся денегъ можно бы выплатить нѣкоторые долги Общества, а въ домъ „нельзя ли перевести военную комиссію въ такомъ положеніи, какъ она будетъ”. Подобное предположеніе намѣстникъ высказалъ (3 дек. н. с.) и варшавскому военному губернатору, предписывая донести, „не можно ли обратить (остающіяся незанятыми) комнаты на удобное помѣщеніе для генераль-лейтенанта и нѣсколькихъ чиновниковъ”.

Между тѣмъ домомъ интересовались другія вѣдомства и учрежденія. Пыталась помѣститься въ немъ Комиссія Мазовецкаго воеводства; о стоимости и о состояніи дома справлялся Комитетъ по исчисленію казенныхъ потерь и убытковъ, причиненныхъ революціею. Стоимость недвижимости опредѣлилась (по новой описи 3 ноября н. с.) въ 409,020 злот. 2 $\frac{1}{2}$ гр. ¹⁾. Комитетъ получилъ (въ іюнѣ 1834 г.) въ домѣ пять комнатъ; кромѣ частныхъ квартиръ, въ немъ продолжала помѣщаться часть бібліотеки Общества и канцелярія Красовскаго. Военный губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя квар-

Какъ и въ предыдущихъ ихъ описяхъ за время владѣнія Обществомъ этимъ историческимъ мѣстомъ (Приложенія, 1, №№ 144, 147), въ ней нѣтъ упоминанія ни о зданіи „Московской каллицы”, котораго, какъ видѣли выше, уже давно не существовало, ни о „садовой бесѣдкѣ”, продолжавшей попрежнему стоять на частной, сосѣдней, часто мѣнявшей своихъ владѣльцевъ и никогда не принадлежавшей Обществу, недвижимости № 2768 (Приложенія, 1, № 151, стр. 246).

¹⁾ Эта опись отъ 3 ноября н. с. того же 1833 г., произведенная архитекторомъ Маркови и своимъ перечисленіемъ зданій подтверждающая предыдущую опись Пызковского, издана нами, тамъ же, кн. 2, № 152, стр. 319--320. Она насчитываетъ земли 8,666 кв. локтей и мостовой 21 кв. сажень.

тирной комиссіи, не имѣя возможности возстановить взиманіе съ дома поквартирнаго налога, отъ уплаты котораго Прав. Комиссія внутр. и дух. дѣлъ и народнаго просвѣщенія, считая себя временно завѣдующей, отказалась, просиль (30 сент./12 окт. 1834 г.) намѣстника, „не благоугодно ли будетъ исходатайствовать высочайшее государя императора повелѣніе, вслѣдствіе коего домъ сей получилъ бы по благоусмотрѣнію его свѣтлости постоянное назначеніе”. Однако возбудилось лишь недоумѣніе, „почему онъ думаетъ, что надо доносить государю”, и на представленіи его отмѣчено: „Не рѣшено, что́ будетъ съ домомъ; оставить въ настоящемъ положеніи”. Поднялся вопросъ, не продать ли дома съ аукціона; предполагалось просить за него 409,020 зл. 22 гр. (61,353 р. 11 коп.¹).

Такая неопредѣленность положенія длилась, пока на право владѣнія имуществомъ бывшаго Общества не предъявила своихъ претензій и плановъ Правительственная Комиссія финансовъ и казначейства. Основываясь на томъ, что всѣ имущества, конфискованныя въ казну, принадлежатъ ей въ администраціи ими и въ установленіи и сборѣ съ нихъ доходовъ, она стала упорно оспаривать у Прав. Комиссіи вн. и дух. дѣлъ и нар. просвѣщенія право завѣдыванія домомъ и имуществомъ; видя, что споръ ни къ чему положительному не приводитъ²), ея предсѣдатель Фурманъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ поднятіи вопроса объ аукціонѣ главнымъ мотивомъ служили финансовыя соображенія, обратился за рѣшеніемъ къ намѣстнику, поставивъ предъ нимъ все на почву матеріальной выгоды. Онъ представлялъ (23 ноября / 5 декабря 1835 г.)³): продажа такого своеобразнаго дома въ частныя руки не можетъ быть успѣшной, а отдача его подъ какое-либо казенное учрежденіе не принесетъ иной выгоды,

¹) По оцѣнкѣ Иззковскаго въ описи отъ 3 дек. 1833 года. Она въ Архивѣ Учебнаго Округа, № 1626, т. 1, л. 288.

²) Многочисленныя бумаги этого своеобразнаго и жаркаго спора—въ Архивахъ Казенной палаты (Akta, tyczące się do domu Towarz.) и Учебнаго Округа (№ 1626, т. II—III).

³) Приложенія, 1, № 91 (Изъ Архива при Канцел. ген.-губ.); копія въ Архивѣ Учебн. Окр., т. II, лл. 183—184.

кроме удобства помещенія; лишь съ одной Дирекціи лотереи Царства, занимающей теперь казенный домъ, для нея тѣсный, вдали отъ центра города и безъ Главной при ней Лотерейной конторы, можно будетъ ожидать, сверхъ удобства помещенія, еще увеличенія дохода, получаемого ею и съ дома: Дирекція тогда расширить свои операціи, будетъ въ одномъ домѣ съ своей Главной конторой, съ которой взималась бы плата за помещеніе, доходъ съ дома поддерживался бы также продолжающейся платой съ частныхъ квартирантовъ; казенный домъ, занимаемый теперь Дирекціей (на ул. Новолипки), можно выгодно продать Страховому отъ огня Обществу, желающему купить его. Все это—т. е. весь новый доходъ съ дома, если перевести его въ проценты на капиталъ, и выручка отъ продажи лотерейнаго дома — немного превыситъ сумму, въ которую, къ тому же едвали не слишкомъ высоко, оцѣниваютъ домъ Общества для продажи его съ аукціона.

Заручившись согласіемъ намѣстника, Фурманъ предложилъ Головину, чтобы лотерейный домъ продать Страховому отъ огня Обществу за 100,000 зл., домъ же Общества любителей наукъ уступить Прав. Комис. финансовъ за 409,020 зл. 22 гр. (61,353 р. 11), съ отчисленіемъ изъ данной суммы строительнаго долга городской кассѣ и чинша ксендзамъ миссіонерамъ. Предполагая, повидимому, что остатокъ поступитъ въ пользу Прав. Комиссіи вн. и дух. дѣлъ и нар. просвѣщенія, Головинъ охотно согласился съ Фурманомъ, присоединивъ, что напередъ надо только выпросить у Совѣта управленія разрѣшеніе на продажу дома Общества, и съ своей стороны еще выразилъ готовность передать домъ Прав. Комиссіи финансовъ, еслибъ онъ понадобился ей, и ранѣе заключенія акта о покупкѣ. Впустить въ домъ Главную дирекцію лотереи Фурманъ просить не замедлил, и Дирекція перешла въ домъ 15 января н. с. 1835 года и заняла его, пока кроме главнаго зала и нѣсколькихъ комнатъ, причемъ уполномоченными обѣихъ Прав. Комиссій была составлена подроб-

ная опись дома ¹⁾, указывавшая, изъ чего онъ состоялъ въ моментъ фактическаго принятія его новымъ владѣльцемъ.

На продажу дома потребовалось однако соизволеніе государя. Получивъ отъ Головина сообщеніе (9 / 21 янв. 1835 года), что „по высочайшему повелѣнію, изъясненному въ отзвѣ генер.-лейтен. Чернышева, Общество любителей наукъ упразднено и домъ онаго первоначально имѣлъ быть обращеннымъ подъ помѣщеніе какого-либо учебнаго заведенія, а нынѣ проектъ этотъ измѣняется”, Совѣтъ управленія не счелъ себя въ правѣ самому рѣшить судьбу дома. Совѣтъ призналъ (18 / 30 янв): представивъ, что „всѣ существующія въ Варшавѣ учебныя заведенія имѣютъ достаточныя помѣщенія”, а этотъ домъ требуетъ отъ правительства лишь разныхъ издержекъ, просить государя, „не благоугодно ли будетъ разрѣшить на приведеніе въ дѣйствіе предположенія” — уступить домъ Прав. Комиссіи финансовъ, нашедшей возможность помѣстить въ немъ Лотерейную дирекцію, „съ исполненіемъ чего и домъ будетъ употребленъ съ пользою, и правительство получить капиталъ, который можетъ быть обращенъ на другіе предметы”. Высочайшее согласіе послѣдовало (11/23 фев.), и домъ Общества немедля былъ проданъ Прав. Комиссіи финансовъ подъ помѣщеніе въ немъ Главной дирекціи лотереи, за условленную ранѣе по оцѣнкѣ сумму, съ вычетомъ изъ нея лежащихъ на ней долговъ ²⁾. Домъ по ипотекѣ потомъ внесенъ былъ на имя Комиссіи ³⁾.

¹⁾ Приложенія, 2, № 153, стр. 320—322. См. также прим. на стр. 495—496,

²⁾ Приложенія, 1, №№ 92—94, стр. 194 стр.

³⁾ Чтобы оформить продажу дома изъ одной Прав. Комиссіи въ другую, какъ значившагося по ипотекѣ за Обществомъ, сначала перевели его по ипотекѣ въ собственность Пр. Комиссіи вн. и дух. дѣлъ и нар. просвѣщенія (постановленіе Совѣта управленія 30 апр. / 12 мая 1835 г., внесеніе въ ипот. кн. 27 іюня / 9 іюля того же года въ Приложеніяхъ, 1, №№ 95—96, 108, 112). Осложненія съ продажей и перенесеніемъ по ипотекѣ дома Лотереи Страховому отъ огня Обществу и недоразумѣнія и споры изъ-за суммы за домъ Общества л. н. между этими Прав. Комиссіями немѣрно замедлили дальнѣйшее выполненіе дѣла, почему недвижимость эта перешла по ипотекѣ на Пр. Комиссію финансовъ только почти 10 лѣтъ спустя, въ 1845 г., и уже отъ имени Управленія Варшавскаго Учебнаго

Новый фактический владѣлецъ бывшаго дома Общества любителей наукъ, Главная дирекція лотереи, получившая впоследствии наименованіе Лотерейнаго управленія, вела управленіе и завѣдываніе всякаго рода мѣстными лотереями. Постоянныхъ лотерей существовало тогда двѣ. Одна изъ нихъ, номерная или генуэзская, была основана въ Варшавѣ въ 1768 году итальянцемъ Верцелли; упразднена высочайшимъ повелѣніемъ 1839 г. Другая лотерея, классная, имѣвшая несравненно большее значеніе первой и дѣйствующая до сихъ поръ, была учреждена во времена Варшавскаго герцогства, декретомъ саксонскаго короля отъ 29 апрѣля 1808 года. Отдавалась она въ откупное содержаніе частнымъ лицамъ и лишь съ 1863 г. поступила въ непосредственную казенную администрацію. Доходъ казны состоялъ изъ процентовъ (10% — 12%) съ выигрышей; на содержателя лотереи возложена была (съ 1824 г.) также обязанность выплачивать еще пособіе Варшавскому благотворительному обществу; постепенно увеличиваясь, размѣры пособія лотереи служатъ теперь для этого Общества однимъ изъ важныхъ непрерывныхъ доходовъ¹⁾.

Изъ 89 комнатъ въ домѣ Общества Главная дирекція лотереи заняла 22 комнаты подъ помѣщеніе своего управленія, Главной лотерейной конторы и директора, большую круглую залу засѣданій отвела на разыгрываніе лотереи, остальные 66 отдавала въ частный наемъ, обращая доходы въ свою собственную кассу²⁾. За исключеніемъ поправокъ и небольшихъ приспособленій для текущихъ потребностей, въ домѣ не производилось никакихъ серіозныхъ перестроекъ; служебныя постройки, на заарендованномъ у Общества небольшомъ огородномъ участкѣ земли были возведены арендаторами, срокъ аренды истекъ, и земля вмѣстѣ съ строе-

округа (контрактъ купли-продажи, утвержденный Совѣтомъ управленія, и постановленіе Совѣта 18 / 30 янв. 1844 г., внесеніе въ ипотеку 8 / 20 янв. 1845 г., въ Приложеніяхъ, 1, №№ 117, 103, 108, 112).

¹⁾ Сборникъ административныхъ постановленій ц. Польскаго. Вѣдомство финансовъ. Т. IX; и отчеты о лотереѣ.

²⁾ Приложенія, 1, № 98.

ніями была принята (въ 1856 г.) также въ собственность казны ¹⁾.

Такъ длилось до 1857 года, когда бывшая недвижимость Общества поступила опять къ другому владѣльцу.

Тѣмъ временемъ, т. е. за періодъ помѣщенія Лотереи въ домъ Общества, получили практическое примѣніе суммы, оставшіяся послѣ Общества и отъ продажи его дома. Мы видѣли, что предсѣдатель Прав. Комиссіи вн. и дух. дѣлъ и нар. просвѣщенія потому такъ легко согласился на уступку дома для Пр. Комиссіи финансовъ, что рассчитывалъ выручаемую сумму получить въ пользу своей Пр. Комиссіи. Однако Фурманъ, вмѣстѣ съ Раутенштраухомъ пользовавшійся у Паскевича большимъ вліяніемъ, принялъ свои мѣры. По продажѣ дома онъ заявилъ, что, согласно съ мнѣніемъ Совѣта управленія (5/17 мая 1836 г.), намѣстникъ словесно объявилъ ему, чтобы „остающаяся сумма всецѣло была сложена въ Польскій банкъ”, для приращенія процентами, „до дальнѣйшихъ высшихъ распоряженій”. Изъ 409,020 зл. 22 гр. (61,353 р. 11 коп.), за которые былъ проданъ домъ Общества, очистилось, съ вычетомъ долговъ, 290,270 зл. 22 гр. (44,540 р. 61 к.), которые постепенно и были внесены въ Польскій банкъ ²⁾. Здѣсь же, по распоряженію намѣстника, лежали депозитомъ деньги Общества, открытыя послѣ указанія Красовскаго.

Получить и израсходовать ихъ не удавалось ни одной изъ Прав. Комиссій, боровшихся за это наслѣдство, и они оставались безъ движенія, пока не былъ учрежденъ (1839 г.) Варшавскій Учебный округъ, съ подчиненіемъ его министру народнаго просвѣщенія Имперіи. Несмотря на мнѣніе государя, что не должно жалѣть средствъ на дѣло образованія ³⁾,

¹⁾ Ипотечный Архивъ, недвижим. № 1320—1321, прилож. Возведены были конюшня и два сарая. Эти зданія только и составили дополненіе къ тому, что было выстроено и куплено самимъ Обществомъ. См. выше, стр. 390—391, 467.

²⁾ Приложенія, 1, № 97 и стр. 169.

³⁾ Наше сообщеніе „Взглядъ императора Николая I на откускъ государственныхъ средствъ на образованіе”, Русск. Старина, 1901, I. Ср. за 1901 г. Варш. Дневн., № 10, Русск. Вѣдом., № 18, Kurjer Warszawski, № 25, Моск. Вѣд. № 24, Вилен. Вѣст., 103.

мѣстное управленіе долго было крайне сдержанно въ увеличеніи и выдѣленіи надобныхъ суммъ въ распоряженіе попечителя Учебнаго округа; первый попечитель ген. Окуневъ долженъ былъ самъ искать ихъ. Онъ обратилъ вниманіе на суммы послѣ Общества и отъ продажи дома. Накопилось ихъ, съ процентами, 382,458 зл. 1 гр. (57,368 р. $\frac{1}{2}$ к.)¹⁾. Мотивируя тѣмъ, „что на основаніи высочайшаго декрета конфискованный домъ Общества любителей наукъ предназначенъ въ пользу учебныхъ заведеній” и что необходимо изыскать суммы „на удовлетвореніе первыхъ потребностей, встрѣчающихся при устройствѣ школъ, сообразно новому образованію учебной части”, Окуневъ представлялъ въ Совѣтъ управленія, что всѣ эти суммы послѣ Общества и его дома должны идти „на устояство и улучшеніе учебныхъ заведеній въ Царствѣ”. Совѣтъ управленія удовлетворилъ (23 апр./5 мая 1840 г.) его ходатайство о выдачѣ ему этихъ суммъ для употребленія ихъ на указанную имъ цѣль²⁾.

Время императора Николая I отличалось прочностію и обширностію выстраиваемыхъ тогда казенныхъ сооруженій, въ томъ числѣ и для школъ. Мѣстными властями недавно признавалось, что „всѣ существующія въ Варшавѣ учебныя заведенія имѣютъ достаточныя помѣщенія”; но попечитель, подчиненный общеимперскому министру, найдя, что у нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ нанимаемыя ими помѣщенія крайне неудобны, заявилъ, что онъ употребитъ „всѣ старанія, дабы со временемъ тѣ же заведенія помѣщались въ собственныхъ зданіяхъ, построенныхъ соотвѣтственно потребностямъ и удобству”. Вскорѣ имъ было, между прочимъ, приобрѣтено обширное пустопорожнее мѣсто (болѣе 13,500 кв. локтей) на улицѣ Новолипки и построено на немъ новое зданіе для Вар-

¹⁾ Къ этому капиталу потомъ, по ходатайству (7 / 19 февр. 1841 г.) Окунева, были присоединены еще 1096 зл. 3 гр., которые Варшавское муниципальное управленіе, собравъ за наемъ квартиръ въ бывш. домѣ Общества, внесло въ 1834 г. въ Банкъ и которые лежали тутъ безъ приращенія. Приложенія, 1, № 102.

²⁾ Приложенія, 1, № 99. Объ этомъ Окуневъ немедленно уведомилъ министра народнаго просвѣщенія. Архивъ Учебн. Округа, т. III, л. 46—47.

шавской гимназіи (нынѣ II Мужская гимназія), которая находилась до этого на улицѣ Лешно „въ наняемомъ для нея весьма тѣсномъ и невыгодномъ домѣ“, требовавшемъ постоянныхъ напрасныхъ затратъ на поправки и приспособленія; куплена площадь на углу Уяздовской и Вейской улицъ, противъ костела св. Александра, и выстроено тутъ зданіе для Обводоваго училища (нынѣ IV Мужская гимназія), неудобно помѣщавшагося въ наемномъ домѣ на Новомъ Свѣтѣ, и т. п. Изъ суммъ послѣ Общества Окуневъ испросилъ на устройство Гимназіи слишкомъ 187,000 зл. (28,050 р.), но Обводовое (уѣздное) училище болѣе 106,000 зл. (15,900 р.), обѣщая, что къ началу 184½ учебнаго года обѣ эти школы перейдутъ въ собственные помѣщенія.

Употребленіе суммъ послѣ Общества любителей наукъ на училищныя помѣщенія, невольно поддержавъ въ памяти прежнія первоначальныя предположенія относительно назначенія бывшаго его дома, какъ бы указывало, на какую потребность долженъ быть обращенъ и самый домъ. Такое обращеніе дома состоялось при учрежденіи въ Варшавѣ высшей школы, когда, съ ослабленіемъ политическихъ опасеній и недовѣрія, снова признавалось цѣлесообразнымъ усиленіе и увеличеніе мѣстныхъ очаговъ просвѣщенія.

¹⁾ Приложенія, 1, №№ 100—101, и Архивъ стар. д. при Канц. г.-губ., III, 9, № 4150, л. 93—97.

XXII ГЛАВА.

Возвращеніе историческаго мѣста въ Вѣдомство народнаго просвѣщенія и занятіе его Медико - Хирургическою Академіею и Второю Мужскою Гимназіею.

Варшавская Императорская и Царская Медико-Хирургическая Академія. — Помѣщеніе ея въ занимаемомъ Лотереєю бывшемъ домѣ Общества любителей наукъ, съ передачею его изъ Финансоваго вѣдомства въ собственность Варшавскаго Учебнаго округа. — Приспособленіе главнаго зданія къ новымъ потребностямъ. — Покупка для Учебнаго округа на расширеніе помѣщенія Академіи еще сосѣдней недвижимости № 2768-ас, бывшей нѣкогда Служко. — Академія превращается въ медицинское отдѣленіе Главной Школы. — Помѣщеніе Второй Мужской Гимназіи въ бывшемъ домѣ Общества и Педагогической Семинаріи на бывшей недвижимости Служко. — Недовольство Гимназіи домомъ.

Со смертію гр. Паскевича, проведеншаго мѣры — основаніе (1840 года) Фармацевтической школы въ Варшавѣ и учрежденіе стипендій на счетъ казны Царства „для доставленія юношеству царства Польскаго способовъ къ приобрѣтенію ученаго и педагогическаго образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи”¹⁾, наступившія при императорѣ Александрѣ II новыя теченія въ отношеніяхъ къ польскому вопросу вскорѣ привели къ тому, что 4 іюня 1857 г. былъ Высочайше утвержденъ Уставъ Императорской и Царской Медико-Хирургической Академіи, воскресившей, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, медицинскій факультетъ бывшаго Александровскаго Варшавскаго Университета и потомъ разросшейся въ Главную Школу съ четырьмя университетскими отдѣленіями или факультетами.

¹⁾ Сборникъ административныхъ постановленій царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія, т. VI, № 32; Вѣдомство юстиціи, III, 70.

„Высшее учебное медицинское заведеніе” это было учреждено „для доставленія жителямъ царства Польскаго мѣстныхъ способовъ медицинскому образованію и устраненію чрезъ то недостатка врачей”. Не принадлежавшіе къ числу обывателей Царства принимались въ студенты Академіи только съ разрѣшенія намѣстника; удостоенные въ ней ученыхъ степеней пользовались правомъ свободной практики и въ Царствѣ, и въ Имперіи и всѣми преимуществами, присвоенными этимъ степенямъ въ Имперіи и Царствѣ.

Поставленная подъ собственное покровительство государя, она находилась подъ совмѣстнымъ наблюденіемъ намѣстника въ Царствѣ и имперскаго министра просвѣщенія и въ вѣдѣніи этого Министерства и попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Непосредственнымъ начальникомъ ея былъ президентъ, управленіе ея въ учебномъ отношеніи ввѣрилось конференціи, завѣдываніе хозяйственною частию поручалось правленію, подъ руководствомъ президента. Соотвѣтственно современному состоянію медицины, въ кругъ преподаванія введены были всѣ существенныя медицинскія науки, съ требовавшимся числомъ профессоровъ и ихъ помощниковъ. Къ Академіи присоединялась Фармацевтическая школа, и студенты раздѣлялись на студентовъ наукъ медицинскихъ и наукъ фармацевтическихъ; срокъ ученія первыхъ 5 лѣтъ, вторыхъ 2 года. Школа присоединялась съ своими коллекціями и лабораторіями; Академіи передавались также коллекціи, лабораторіи и кабинеты послѣ бывшаго медицинскаго факультета. Всѣхъ вспомогательныхъ учебныхъ учреждений полагалось до десяти. Постепенно увеличиваемый, штатъ въ полномъ его размѣрѣ опредѣлился въ 58,638 руб. (по дополненному Уставу 1860 г.; прежній факультетъ по штату 1818 года имѣлъ всего 9,085 р.), кромѣ суммы со студентовъ за слушаніе лекцій, шедшей на сверхштатныя надобности учрежденія¹⁾.

¹⁾ Сборникъ, VI, №№ 34—37; Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1893, VIII—IX (здѣсь означена печатная литература объ Академіи).

Сначала предполагено было помѣстить Академію въ тѣсномъ клиническомъ зданіи бывшаго Университета, занимаемомъ Фармацевтической школой, на Іезуитской улицѣ (ипотечный № 73, гдѣ нынѣ Реальное училище), съ придачей потомъ части въ Казимировскомъ дворцѣ (гдѣ нынѣ Университетъ). Но еще въ пору принятія прошеній о поступленіи въ студенты Академіи предсѣдатель временной устроительной комиссіи обратился (14 / 26 сент. 1857 г.) къ попечителю Варшавскаго учебнаго округа Муханову: уже принято кандидатами для слушанія медицинскихъ наукъ 70 студентовъ, по фармацевтической части явилось 50; надо предполагать, комплектъ достигнетъ до 150—160 человекъ; нѣкоторые предметы должны читаться совмѣстно медицинскимъ и фармацевтическимъ студентамъ, между тѣмъ достаточнаго зала нѣтъ, почему просить ходатайства о такомъ залѣ. Полагая, что домъ бывшаго Общества любителей наукъ, занимаемый теперь Лотерейнымъ управленіемъ, Высочайше былъ назначенъ въ пользу эдукационную, Мухановъ вошелъ съ представленіемъ (17 / 29 сент.) къ намѣстнику кн. Горчакову: „полагаю, что въ зданіи бывшаго Общества любителей наукъ можно было бы отдѣлить для сказанной аудиторіи залу, а также двѣ комнаты для помѣщенія учебныхъ пособій“. Кн. Горчаковъ рѣшилъ передать подъ Академію весь домъ. Наканунѣ торжественнаго ея открытія (19 сент. / 1 окт.) статсъ секретарь сообщилъ Правительственнымъ Комиссіямъ финансовъ и внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ: „Имѣю честь увѣдомить, что князь намѣстникъ королевства изволилъ назначить домъ бывшаго Общества любителей наукъ, въ Варшавѣ, на улицѣ Новый Свѣтъ, занятый нынѣ Управленіемъ лотереи, подъ помѣщеніе имѣющей открыться въ текущемъ году Медико-Хирургической Академіи“; предсѣдательствующему въ Пр. Комиссіи финансовъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось немедля прислать для Лотерейнаго управленія помѣщеніе въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему казенныхъ домовъ, а „также изслѣдовать, можно ли теперь же освободить обширный залъ, въ

которомъ съ открытіемъ Академіи началось бы преподаваніе курсовъ”.

Для данной Прав. Комиссіи распоряженіе было неожиданнымъ: времена были не тѣ, когда дѣйствовалъ вліятельный Фурманъ; ея предсѣдатель Лонскій Учебному вѣдомству уступилъ безъ сопротивленія. Делегация со стороны Комиссіи и Академіи признала залъ, въ которомъ производились лотерейные розыгрыши, наиболѣе соответственнымъ, и Лонскій увѣдомилъ попечителя: этотъ залъ можно передать въ ближайшіе дни, тотчасъ послѣ окончанія очереднаго розыгрыша (25 сент. / 7 окт.), о чемъ и сдѣлано имъ распоряженіе въ Лотерейное управленіе; передача же всего дома можетъ быть произведена, какъ только найдется помѣщеніе подъ Лотерейное управленіе и раздѣлаются съ частными лицами, занимающими въ немъ 11 квартиръ; въ домахъ, которыми вѣдаетъ Пр. Комиссія, нѣтъ свободнаго и удобнаго мѣста для Лотерейнаго управленія, нельзя ли отвести для него домъ Фармацевтической школы: казна за лотерейный домъ уплатила Учебному вѣдомству 61,353 р. 11 к., и потому, кажется, въ правѣ добиваться если не возврата суммы, то по крайней мѣрѣ безвозмездно помѣщенія, требующагося теперь для нея. Противъ постояннаго помѣщенія Лотерейнаго управленія въ зданіи Фармацевтической школы президентъ Академіи ничего не имѣлъ (теперь Лотерея уже въ зданіи Государственнаго банка). Домъ Лотереи, вмѣстѣ съ оставшимися еще отъ библіотеки Общества шкафами и полками, былъ переданъ для Академіи Учебному вѣдомству.

Бывшій большой залъ засѣданій Общества и розыгрыша лотереи, круглый, въ два свѣта, украшенный колоннами и миеологическими барельефами, приспособили для общей аудиторіи, получившей названіе Аула. Вмѣсто эстрады съ лотерейными колесами и т. д. устали скамьи съ юпитрами, лекціонный столъ съ приборами, и т. д. Предъ занятіемъ всего дома, по освобожденіи отъ него большинства квартирантовъ, нашли (въ февралѣ 1853 г.), что это „помѣщеніе въ настоящемъ

своемъ видѣ нисколько не отвѣчаетъ самымъ необходимымъ требованіямъ какъ для подлежащаго преподаванія лекцій по недостатку аудиторій, такъ и для соответствующаго для своей цѣли размѣщенія кабинетовъ и всѣхъ другихъ заведеній”, и что „самое зданіе требовало во многихъ частяхъ передѣлокъ и исправленій”, почему начальство Академіи предложило „совершенно новое внутреннее устройство для аудиторій, кабинетовъ, лабораторій, бібліотеки, канцеляріи и вообще всѣхъ заведеній Академіи”. Ограничивались пока приспособленіемъ одного главнаго дома, сооруженнаго Обществомъ и стоявшаго фасадомъ на Краковское предмѣстье (№№ 1320—1321). „При открытіи работъ въ этомъ зданіи оказались погрѣшности въ первоначальной его постройкѣ, произшедшія какъ отъ простаго неумѣнья, такъ и отъ нерадѣнія строившаго”; „предъначатіемъ работъ нельзя было предвидѣть ихъ, такъ какъ зданіе это выстроено только за 36 лѣтъ”. Сумму, ассигнуемую на приспособленіе и поправки, потребовалось увеличивать нѣсколько разъ; все стало болѣе 36,000 р., изъ которыхъ лишь 3,957 руб. пошло на устройство Анатомическаго театра при больницѣ Младенца Іисуса (по представленію попечителя отъ 8 / 20 февр. 1861 г. въ Совѣтъ управленія). Внутри зданія разныя мелкія комнаты были соединены въ большія, въ нижнемъ этажѣ размѣстили цѣнныя собранія — бібліотеку, научные кабинеты, лабораторіи, кассу, почему снаружи, со стороны Краковскаго предмѣстья, въ 17 окнахъ устроили желѣзныя рѣшетки, а между передними аркадами желѣзныя перила; произведены серіозныя поправки и въ верху зданія, и т. п.; въ Аулѣ повѣсили (въ іюнѣ 1858 г.) большой портретъ государя. Кромѣ аудиторій, кабинетовъ и лабораторій, помѣстились въ домѣ квартиры президента и нѣкоторыхъ другихъ членовъ администраціи. Измѣненія въ фасадѣ произведены съ разрѣшенія (апр. 1859 г.) кн. Горчакова ¹⁾.

¹⁾ Архивъ Импер. Варшавскаго Университета: Дѣло Имп.-Корол. Варшавскоѣ Медико-Хирургической Академіи, касающееся зданія Академіи; Дѣло И.-К. Варш. М.-Х. Академіи, касающееся комитета по переустройству академическаго зданія и устройству Анатомическаго театра; Архивъ Варшавскаго Учебнаго Округа: № 52, Akta Komisyyi Rządowej spraw wewnętrznych, duchownych i oświe-

Вскорѣ стало недостаточно и этого дома. Обратили вниманіе ¹⁾ на сосѣдную, отдѣленную заборомъ, недвижимость по ул. Александрии № 2768-ас, находившуюся нѣкогда за Московскою канлицей доминиканъ обсервантовъ недвижимостью Служко, послѣдовательно принадлежавшую потомъ цѣлому ряду постепенно мѣнявшихся ея частныхъ владѣльцевъ ²⁾. Теперь она принадлежала наследницамъ Франца Бернарда, его дочерямъ. Старинный главный домъ, „палацъ“, одноэтажный, каменный, фронтомъ къ Краковскому предместью, неизмѣненный, сохранялся. Частію прежніе, частію вновь выстроенные, виднѣлись еще 6 каменныхъ флигелей и группа надворныхъ построекъ. Они были заняты владѣльцами и еще болѣе разными постояльцами; евреи завели въ одномъ изъ флигелей синагогу.

Замѣчательно, что въ саду данной недвижимости сохранялась и стояла старинная, также хорошо уже извѣстная намъ ³⁾, бесѣдка (altanka), по незнанію точной исторіи ея и ея мѣста нынѣ выдаваемая за подлинную усыпальницу Шуйскихъ, принадлежавшую доминиканамъ Московскую канлицу. Въ официальной описи она означалась теперь: „Бесѣдка ка-

cenia publicznego, tyczące się Akademii Medyczo-Chirurgicznej w przedmiotach administracyjnych; Дѣло Правленія Варшавскаго Учебнаго Округа о Медико-Хирургической Академіи, по административной части; № 2275 D, Akta Komisji Rządowej wyznań religijnych i oświecenia publicznego, tyczące się domu rządowego edukacyjnego w Warszawie przy ulicy Nowy Świat; Архивъ ст. дѣлъ при Канцел. Варш. ген.-губ.: III, 9, № 4150, л. 118 и слѣд.; Протоколы засѣданій Совѣта управленія 19 / 31 окт. 1856 г., 11 / 23 февр., 13 / 25 мая, 15 / 27 дек. 1858 г., 14 / 16 авг. 1859, 24 янв. 1861 и др. Извлеченія въ Приложеніяхъ, кн. 1, № 104; кн. 2, № 156, и въ нашей статьѣ въ Русской Старинѣ, 1896, 1.

¹⁾ Архивъ Варшавскаго Учебнаго Округа: Дѣло Правленія Варш. Учебн. Округа о Мед.-Хир. Академіи, по административной части, т. 2, нач. 3 / 15 февр. 1859; № 2275 E: Akta Komisji Rządowej wyznań religijnych i oświecenia publicznego, tyczące się domu rządowego edukacyjnego w Warszawie przy ulicy Aleksandra, нач. 3 янв. 1861 до 5 сент. 1867; Ипотечный Архивъ, кн. варш. недвиж. № 2768; Архивъ Магистрата, дѣла недвижим. № 2767/8 и № 2768.

²⁾ Выжицкому, Потулицкому, Ростковскому, Гоголевскимъ, Длускому, Зептецкому, Стефановичу и др. См. выше, ст. 194—205, 336—337, 396—415.

³⁾ Выше, 194—195, 197—199, 396—397, 415, 496 стр.

менная, одноэтажная, крытая гонтомъ, въ формѣ шестиугольной, стоящая въ саду”¹⁾.

Съ разрѣшенія государя намѣстникъ повелѣлъ (19 / 31 окт. 1859 г.) главному директору финансовъ и казначейства „пріобрѣсть на расширеніе помѣщенія здѣшней Медико-Хирургической Академіи” всю эту сосѣднюю съ ней недвижимость. Пріобрѣли ее съ публичныхъ торговъ для эдукаціоннаго фонда за 60,131 р.; съ дополнительными расходами покупка стоила 61,605 р. Совѣтомъ управленія покупка была утверждена²⁾, и домъ былъ записанъ по ипотекаѣ на Варшавскій учебный округъ, который и принялъ (съ 19 іюня / 1 іюля 1860 г.) его въ свое владѣніе.

Новымъ пріобрѣтеніемъ Академія воспользоваться вполнѣ не успѣла. Пока тянулася ликвидація условій съ квартирантами, изъ которыхъ многихъ никакъ не могли выпроводить, и пока шли приспособленія нѣкоторыхъ освобождаемыхъ зданій, Академія уже завершала свое недолгое существованіе.

Разроставшееся тогда политическое броженіе, въ демонстративныхъ проявленіяхъ котораго приняли дѣятельнѣйшее участіе студенты Академіи („студентократія”), а ея домъ дѣлался пріютомъ революціонирующимъ элементамъ, русская власть еще думала уладить дальнѣйшими уступками и развитіемъ различныхъ началъ автономіи. Понечитель Мухановъ былъ замѣненъ Велепольскимъ³⁾ и возстановлена Прав. Комиссія дух. дѣлъ и народнаго просвѣщенія, неподчиненная министру просвѣщенія Имперіи. 8 / 20 мая 1862 г. былъ Высочайше утвержденъ „Уставъ о общественномъ воспитаніи

¹⁾ Опись недвижимости № 2768-ас отъ 23 марта / 4 апр. 1860 г. въ Приложеніяхъ, 2, № 157, стр. 325—326. См. въ концѣ главы, 513 стр.

²⁾ Приложенія, 1, № 105. Престій долгъ (202 стр.) возросъ до 11,400 р.

³⁾ О мѣнявшихся административныхъ лицахъ и политическихъ колебаніяхъ и направленіяхъ того времени сматри свѣдѣнія у А. А. Сидорова Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ, 1815—1895. Варшава, 1901, его же Польское возстаніе 1863 года. Спб., 1903; собственно о Велепольскомъ подробная, но панигиричная, монографія В. Д. Спасовича Жизнь и политика маркиза Велепольскаго. Спб., 1882.

въ царствѣ Польскомъ”, который, преобразовывая низшія и среднія учебныя заведенія, учреждалъ въ Варшавѣ высшее учебное заведеніе ¹⁾ подъ названіемъ Главной Школы въ составѣ четырехъ отдѣленій или факультетовъ, съ Педагогическою при ней Семинаріей. Сдѣлавъ первый и единственный выпускъ врачей, въ количествѣ 29 человекъ, Академія преобразовалась въ медицинское отдѣленіе Школы. Его вмѣстѣ съ отдѣленіемъ физико-математическимъ предполагалось помѣстить въ занимаемыхъ Академію недвижимостяхъ, но затѣмъ всю Главную Школу открыли въ прежнемъ университетскомъ зданіи, Казимировскомъ дворцѣ (нынѣ Университетъ).

Объ недвижимости Академіи—прежняя и вновь пріобрѣтенная — остались въ владѣніи Прав. Комиссіи дух. дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ бывшій домъ Общества перевели (къ учебному 1862/3 году) Вторую Мужскую Гимназію. Неудовольное помѣщеніемъ, ея начальство стало хлопотать, чтобы для нея былъ выстроенъ особый домъ на недвижимости № 2768-ас. Предполагалось, снеся тамъ ближайшій къ дому Академіи флигель, соорудить двухъ-этажное зданіе съ католической, на верху его, каплицей. Проектъ оказался неудобнымъ (въ мартѣ 1863 г.). По флигелямъ недвижимости размѣщали служащихъ въ Прав. Комиссіи и ея канцеляріи или примѣняли ихъ для учебныхъ цѣлей, но мѣрѣ освобожденія отъ частныхъ квартирантовъ ²⁾. Изъ учебныхъ заведеній здѣсь

¹⁾ Сборникъ, VI, №№ 41—42.

²⁾ Изъ квартирантовъ наиболѣе упирались 1) фабрикантъ хирургическихъ инструментовъ Густавъ Манъ, о выселеніи котораго (къ 8 апр. 1863 г.) Пр. Комиссія дух. д. и нар. просвѣщенія обратилась уже къ Магистрату, такъ какъ его помѣщеніе требовалось для стипендіатовъ Главной Школы, готовящихся къ учительскому званію, и 2) въ особенности еврей Вольфъ Ротюль, дѣло объ отказѣ которому обрисовываетъ отчасти и состояніе недвижимости. Проигравъ тяжбу въ Гражданскомъ трибуналѣ, Ротюль жаловался (27 окт. п. с. 1862 г.) Пр. Комиссіи: Въ ея домѣ подъ № 2768 уже 16 лѣтъ существуетъ синагога, возлѣ которой живетъ онъ, еврей, ея членъ, а безъ своего члена она не могла бы тутъ и находиться; нынѣ управляющій домою старается, по какой-то непонятной недоброжелательности, удалить синагогу и начинаетъ съ того, что силится замѣнить его другимъ квартирантомъ, христіаниномъ. Управляющій домою Псурскій объяс-

нашла себѣ мѣсто учрежденная при Главной Школѣ Педагогическая Семинарія, имѣющая интернатъ.

Между тѣмъ директоръ II Гимназіи Рогинскій, по окончаніи перваго же учебнаго года, представлялъ (21 іюля н. с. 1863 г.)¹⁾ Пр. Комиссіи: Во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, было записано съ начала года около 100 въ каждомъ классѣ. Число это слишкомъ велико для того, чтобы можно было вести правильно обученіе и поддерживать должный порядокъ; необходимо озаботиться объ устраненіи такихъ неудобствъ. Помѣщеніе хотя состоитъ изъ большихъ залъ, имѣющихъ много свѣта, но своему назначенію не соотвѣтствуетъ: окна классовъ выходятъ на три улицы — Новый Свѣтъ, Краковское предм. и Александрію, гдѣ постоянный проѣздъ и оттого шумно, что весьма плохо вліяетъ на школу, тѣмъ болѣе, что классы разбросаны на 3 этажахъ и входъ по двумъ лѣстницамъ. Если въ настоящемъ году найти для Гимназіи другого удобнаго помѣщенія нельзя, то необходимо по крайней мѣрѣ приступить къ передѣлкѣ хотя одного самого большого зала, Аулы: для класса онъ великъ, голосъ учителя разбивается, и до ушей доносится мѣшающееся съ голосомъ эхо; во время даже легкихъ морозовъ холодно въ немъ и ученикамъ, и учителю. Аула, если Пр. Комиссія отведетъ на классъ иной какой залъ, могла бы быть обращена на капищу для учениковъ. Требуютъ также безотлагательной поправки внутрен-

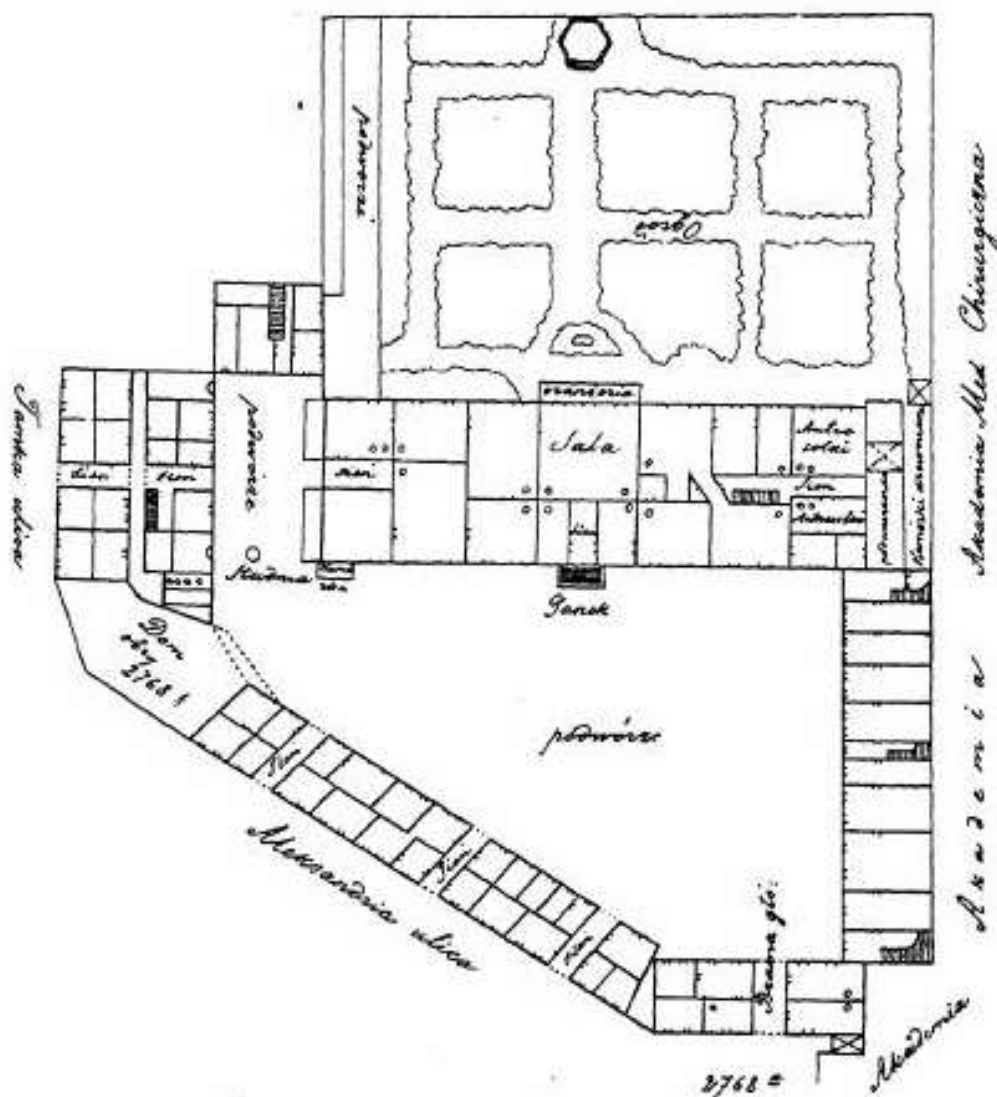
няя: Помѣщеніе, въ которомъ теперь божница, издавна арендовалось разными евреями, которые, неизвѣстно съ чьего разрѣшенія, устроили божницу, куда собирается большее количество молельщиковъ евреевъ, и ихъ скопленіе ведетъ къ порчѣ помѣщенія, загрязненію подворья, къ беспорядкамъ и вредно отзывается для другихъ квартирантовъ. Самъ Ротмюль живетъ всего годъ, на другой сторонѣ флигеля, и непричастенъ къ управленію божницей, за которую платитъ другой еврей; онъ принимаетъ къ себѣ до 20 соквартирантовъ и крайне портитъ и загрязняетъ зданіе, и приходится получать угрозы Магистрата. Поэтому и выслаивается онъ съ квартиры, какъ равно отказывается въ помѣщеніи и божницы, такъ какъ только съ очищеніемъ отъ евреевъ можно привести помѣщеніе въ надлежащій порядокъ. Архивъ Учебн. Окр., дѣло 2275 Е.

¹⁾ Приложеніи, 2, № 15¹.

нія стѣны и потолоки, каѳедры и вся учебная мебель, печи передѣлки.

Пока произведены были въ зданіи необходимыя поправки, на экстраординарныя эдукационныя суммы.

Неудовлетворявшаяся помѣщеніемъ въ немъ, Вторая Гимназія просуществовала здѣсь недолго, до 1865 года, когда домъ былъ переданъ подъ помѣщеніе трехъ русскихъ учебныхъ заведеній.

**Недвижимость № 2768ас („бывшій палацъ Служко”)
въ 1860 году,**

въ пору приобрѣтенія ея для Учебнаго вѣдомства подъ расширеніе помѣщенія
сосѣдней съ нею Медико-Хирургической Академіи.

Помѣщеніе на историческомъ мѣстѣ русскихъ учебныхъ заведеній и занимающая его теперь Первая Варшавская Мужская Гимназія *).

Потребность учрежденія въ Царствѣ русскихъ школъ. — Частная Русская Школа въ Варшавѣ. — Преобразование ея въ Русскую Мужскую Гимназію съ состоящими при ней Женскою Прогимназіею и Начальнымъ Училищемъ. — Помѣщеніе ихъ въ бывшемъ домѣ Общества любителей наукъ. — Соотвѣтственные въ немъ поправки и измѣненія. — Организация училищъ и перенесеніе Прогимназій въ отдѣльное помѣщеніе. — Устройство общей для нихъ домовою церкви, въ угловой комнатѣ верхняго этажа, и перенесеніе ея въ актовъ залъ. — Переименованіе Русскихъ гимназій въ Первыя Варшавскія гимназій и измѣненія въ ихъ положеніи. — Расширеніе территоріи Первой Мужской Гимназій чрезъ полученіе сада сосѣдней недвижимости и стоявшее въ этомъ саду старинное зданіе.

Учебное дѣло въ царствѣ Польскомъ далеко отстояло отъ общаго государственнаго русла, и революціонное движеніе начала 60-хъ годовъ, охватывая и мѣстныя школы, дало почувствовать русскимъ всю несоотвѣтственность для нихъ такого положенія.

„Русскіе, проживающіе въ Варшавѣ и царствѣ Польскомъ, до сихъ поръ” — излагалось тогда — „не имѣютъ такой

*) Къ этой и слѣдующей главамъ: Архивъ Первой Варшавской Мужской Гимназій, дѣла о Русской Школѣ, о Русской Мужской Гимназій, по первой описи за 1863—1873 гг. преимущественно №№ 25, 26, 31, 33, 37, 42, 71, 119; въ описяхъ съ 1874 г. нумерація идетъ за каждый годъ отдѣльно, суммарнѣе годовые отчеты и документы о строительствѣ; Архивъ Варшавскаго Учебнаго Округа: № 1626, ч. 4: Akta Komisji Rządowej wyznań relig. i oświecenia publicznego, *tytułowe się funduszów po b. Towarzystwie przyjac. nauk*; № 2275 D, № 2275 E, № 2275 Di (всѣ томы), и др.; Архивъ старыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшав. ген.-губернатора: Журналы Совѣта Управленія ц. Польскаго, съ 1865 г., наприм., 23 янв., 23 февр., 18 мая, 15 іюня, и др.; III, 3, № 127b: Akta Rady Administracyjnej Król. Polskiego. Etat Komisji Rządowej oświecenia publicznego; Архивъ Канцеляріи его же: III, отд. 2, № 172/1875, № 66/1879, и др.; Архивъ Православной Консисторіи, по столу епархіальнаго управленія: 1865, № 113: Дѣло объ устройствѣ въ Русской Варшавской Гимназій Православной церкви; 1878, № 13, и др.; Архивъ Варшавскаго Городскаго Совѣта общественнаго призрѣнія, дѣло о Частной Дѣтской лѣчебницѣ въ Варшавѣ; Архивъ Варшавской Дѣтской Больни-

школы, гдѣ дѣти воспитывались бы на родномъ отечественномъ языкѣ, почему большинство русскихъ дѣтей остается или безъ воспитанія, или же воспитывается въ польскихъ общественныхъ школахъ, или, за очень немногимъ исключеніемъ, русскія дѣти, получивъ домашнее воспитаніе, оканчиваютъ его внутри Россіи, всего болѣе въ С.-Петербургѣ и Москвѣ". Производимая учебная реформа (маркиза Велепольскаго) имѣетъ, по рескрипту, цѣлю сдѣлать образованіе доступнымъ „для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій и состояній" (*było dostępne dla osób wszelkiego wyznania i stanu*), но въ утвержденномъ „Уставѣ о общественномъ воспитаніи ц. Польскаго" (8/20 мая 1862 г.) не упомянуто о русскихъ школахъ и даже не положено штатныхъ законоучителей для русскихъ воспитанниковъ. Языкъ преподаванія и разговора польскій, съ соответственнымъ характеромъ всего строя. Колонизируются русскія дѣти систематически, приучаясь „говорить, мыслить

пы, дѣла объ ея устройствѣ и развитіи; Архивъ Варшавскаго Магистрата: Akta, tyczące się rozszczyów pod № 2767/s, v. 4; Akta, tyczące się poseszyów pod № 1319, 1320 и 1321, v. 2, и строительные. Извлеченія — въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію, кн. 2, въ Русской Старинѣ, 1903, янв. кн., 123—129; наша монографія: Къ исторіи Дѣтской Больницы въ Варшавѣ. По архивнымъ даннымъ, въ Трудахъ Русскаго Медицинскаго Общества при Импер. Варшав. Университетѣ, т. XIII, г. 1901, и отдѣльно, Варшава, 1902. — Исслѣдованія въ царствѣ Польскомъ, по Высочайшему повелѣнію, произведенныя подъ руководствомъ статсъ-секретаря М и л ю т и н а. Спб., 1864, IV: Предположенія и матеріалы по устройству учебной части (или: Матеріалы по дѣламъ царства Польскаго. IV, Свѣдѣнія по учебной части 1808—1864. Исслѣдованія въ ц. Польскомъ ст. секр. Милютинъ въ 1864); Сборникъ административныхъ постановленій ц. Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. IV. Варшава, 1866; Русскія школы и обученіе русскому языку въ Привислянскомъ краѣ до изданія указовъ 30 августа 1864, въ Собраніи сочиненій Е. М. Крыжановскаго. Кіевъ, 1890, III; Записка о Первыхъ Мужской и Женской Гимназіяхъ въ Варшавѣ, директора А. Л. Стефановича, при Циркулярахъ по Варшавскому Учебному Округу, 1893, № 6, и отдѣльно; Русская школа въ Привислянѣ, И. В. Скворцова, Отголоски, 1897, № 58 и сл.; Записка о домовой Церкви Варшавской Мужской Гимназіи, В., 1898; первое извѣстіе о пожертвованіяхъ на Русскую Школу въ Варшавѣ — Сѣверная Почта, 1863, № 162; сообщенія и статьи о ходѣ и по поводу сооруженій: Холмско-Варшавскій Вѣстникъ, 1878, № 22; Правительственный Вѣстникъ, 1894, № 119; Москов. Вѣдом., 1894, № 153; 1898, №№ 302—303; Церковный Вѣстникъ, 1895, № 3; Варшавскій Дневникъ, 1895, №№ 75, 219, 243; 1898, №№ 14 и 302; К. Москвитинъ, Полный путеводитель по Варшавѣ. В., 1902, 77—81; Варшавскій русскій календарь на 1904 годъ. В., 1904, 56—58; Недѣля Окраны, 1907, №№ 3 и 6, и др.

и дѣйствовать по польски”, и въ теченіе учебнаго курса не рѣдко „до того проникаются началами католицизма и іезуитизма, что, по окончаніи ими курса наукъ въ высшемъ польскомъ заведеніи, мы почти никакого права не имѣемъ назвать дѣтей нашихъ русскими; напротивъ, по духу это родовитые ляхи. Немудрено поэтому, что, при настоящихъ неопредѣленныхъ положеніяхъ царства Польскаго, дѣти русскихъ родителей оказываются въ бандахъ инсургентовъ”: тутъ и дочь русскаго офицера („Шустовойтова эксъ-адъютантъ Лангевича, воспитывалась въ бывшемъ Пулавскомъ институтѣ”¹⁾), и сыновья чиновника, купца. Съ русскихъ учениковъ производятъ въ пользу инсургентовъ сборы; не сочувствующіе возстанію подвергаются насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ. „Но полонизированіе русскихъ дѣтей въ польскихъ школахъ этимъ не ограничивается. Убивъ въ дѣтяхъ русскую рѣчь, стараются заглушить въ нихъ всѣ чувства православнаго христіанина и нерѣдко успѣваютъ въ этомъ такъ, что русскихъ дѣтей православнаго исповѣданія переводятъ въ латинство, въ католическую вѣру. Самые свѣжіе примѣры этого явилъ бывший варшавскій архіепископъ Фелинскій. Онъ присоединилъ къ латинской церкви двухъ коренныхъ русскихъ дѣвицъ изъ Александрійско-Маріинскаго Института въ Варшавѣ. Нужно ли послѣ этого доказательствъ болѣе очевидныхъ и болѣе осязательныхъ, чтобы убѣдиться въ необходимости русскихъ школъ для русскихъ дѣтей въ царствѣ Польскомъ?”

По своимъ типамъ, русскія школы должны быть: элементарныя, уѣздныя, мужскія гимназіи и институты (или гимназіи) для дѣвицъ. Для русскихъ дѣтей онѣ бесплатны, а дѣти католическаго и другихъ исповѣданій, при желаніи учиться въ нихъ, платятъ незначительную сумму. Открыть ихъ и дать на нихъ постоянныя средства должно правительство²⁾; дру-

¹⁾ О ней въ запискахъ Н. В. Берга Польское возстаніе въ 1863—1864 годахъ, Русская Старина, 1879, III, 410—416. По его сообщенію, отецъ ея умеръ до возстанія генералъ-майоромъ въ С.-Петербургѣ.

²⁾ „Вопросъ о средствахъ для русскихъ школъ — вопросъ чрезвычайной важности, и мы думаемъ, что существенно и основательно помочь этому дѣлу

гой источникъ средствъ — подписка по всей Россіи. Вѣдать устройствомъ училищъ всего удобнѣе особому „Комитету русскихъ школъ въ ц. Польскомъ”. Съ устройствомъ школъ соединено устройство приютовъ и больницъ. При Варшавской Русской Гимназіи Комитету предоставляется въ будущемъ устроить приютъ для бѣдныхъ сиротъ и дѣтей и возмужалыхъ, также училищную церковь и больницу для мужчинъ и женщинъ.

Все это излагалось въ „Запискѣ о необходимости устройства русскихъ школъ въ ц. Польскомъ собственно для русскихъ”, написанной „въ маѣ 1863 г.”, и на ней рукою ея автора, штабнаго доктора В. П. Орлова, было потомъ отмѣчено: „Это — первая основа для открытой нынѣ (1865 г.) Русской Гимназіи въ Варшавѣ”¹⁾. Многое изъ предложеннаго въ ней осуществилось, хотя и не вдругъ.

можетъ, прежде всего, русское правительство; оно должно не только открыть эти школы, но оно обязано и дать средства, необходимыя для ихъ существованія... Отъ него мы просимъ теперь помощи и поддержки русскимъ школамъ въ Варшавѣ по тому же праву, по какому русское правительство заботится объ улучшеніи быта православныхъ поклонниковъ въ Иерусалимѣ, поддерживаетъ Общество вспомошествованія православнаго христіанства на Кавказѣ и поддерживаетъ множество другихъ благотворительныхъ и промышленныхъ обществъ; наконецъ, русское правительство обязано уже потому открыть русскія школы для русскихъ дѣтей въ царствѣ Польскомъ, чтобы спасти русскій языкъ и русскую вѣру, всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые вдали отъ родины несутъ тяжелую службу царскую вѣрою и правдою и которые поэтому въ правѣ ожидать поддержки отъ правительства для своихъ дѣтей въ дѣлѣ воспитанія. И такъ, первыя средства и первую помощь должно дать русское правительство. Но, чтобы средства эти были вѣрны и постоянны, необходимо, чтобы сумма, которую правительство признаетъ нужнымъ отпускать для поддержки русскихъ школъ, была бы вносима наравнѣ съ прочими расходами въ государственную роспись доходовъ и расходовъ. По штату, ниже предлагаемому нами, исчислено всего 33,250 руб., каковая сумма и должна быть отпускаема правительствомъ ежегодно”.

¹⁾ Записка хранится въ Архивѣ Первой Варшавской Мужской Гимназіи, по первой описи № 25. Авторъ ея, Венедиктъ Петровичъ Орловъ — докторъ медицины, сынъ протоіерея Орловской губерніи, по окончаніи С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи былъ опредѣленъ сначала (1856 г.) на службу ординаторомъ въ Варшавскій Военный Госпиталь. Года черезъ два онъ получилъ степень доктора медицины, и его потомъ прикомандировывали то къ Академіи, съ ученою дѣлю, „какъ одного изъ отличнѣйшихъ и способнѣйшихъ врачей”, то къ разнымъ полкамъ и военнымъ госпиталямъ. На мѣсто постоянной своей службы

Намѣстникомъ Царства былъ тогда великій князь Константинъ Николаевичъ (въ Варшавѣ съ 20 іюня 1862 года), назначеніе котораго вызвало большія надежды въ полякахъ¹⁾ и отчасти и въ русскихъ. До свѣдѣнія его довели о печальныхъ для русскихъ дѣтей фактахъ, происходящихъ отъ отсутствія русскихъ училищъ, и съ его соизволенія, какъ сообщалось потомъ, былъ составленъ проектъ учрежденія въ Варшавѣ двухъ гимназій Мужской и Женской и Элементарнаго училища, а также шести начальныхъ училищъ въ другихъ значительныхъ городахъ Царства; находясь на попеченіи особаго Комитета, всѣ они должны быть въ вѣдѣніи намѣстника Царства и министра Имперіи и стоить казнѣ, по штату, 33,250 р.

Задумываемое дѣло весьма отступало отъ политической программы всесильнаго въ ту пору маркиза Велепольскаго, главноначальствующаго гражданскою частію въ Царствѣ. У самого высокаго намѣстника, подобно его предшественникамъ, интересъ собственно къ національнымъ русскимъ потребностямъ былъ болѣе теоретическій. „Извлеченіе изъ записки было докладываемо кн. К(онстантину) Н(иколаевичу), но безуспѣшно“. Существенную пользу вниманіе великаго князя принесло уже при ссылкахъ на него въ дальнѣйшихъ официальныхъ движеніяхъ дѣла, тѣмъ болѣе, что, отпустивъ Велепольскаго, Константинъ Николаевичъ вскорѣ отбылъ (27 авг. 1863 г.) за границу.

Образовывавшійся кружокъ русскихъ людей рассчитывалъ теперь на частную благотворительность, благодаря подъему русскаго самосознанія и чувства, вызываемому грустными

въ Варш. Уяздовскій Госпиталь онъ возвратился въ мартѣ 1862 г. и вскорѣ былъ назначенъ (въ іюль) для выполненія медицинскихъ обязанностей также въ Штабъ войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ. Поставленный теперь службою къ центру мѣстнаго русскаго военнаго міра, женатый на дочери офицера и бывая во многихъ семьяхъ, молодой врачъ, поражаясь печальными затрудненіями небогатыхъ военныхъ и вообще русскихъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія своихъ дѣтей, со всею энергіею отдался идеѣ учрежденія здѣсь русскихъ школъ.

¹⁾ Н. П. Павлицевъ, Седмицы польскаго мятежа. Спбургъ, 1887, IV, 89. Ср., впрочемъ, А. А. Сидорова Польское возстаніе 1863 года. Историческій очеркъ. Спб., 1093, 159.

фактами явнаго польскаго возстанія, и потому, что высшее мѣстное управленіе уже затруднилось бы не оказать своего властнаго содѣйствія учрежденію общеобразовательнаго русскаго училища, на русскихъ основахъ. Еще въ 1859 г. русскихъ православныхъ учениковъ училось въ общихъ заведеніяхъ въ краѣ 417, въ 1860 г. 450 человекъ¹⁾; теперь это число крайне упало, несмотря на то, что въ однихъ варшавскихъ приходахъ предполагалось болѣе 1500 русскихъ дѣтей²⁾. Подъ гнетомъ текущихъ обстоятельствъ, русскія дѣти повышли или были взяты изъ польскихъ школъ, и большинство ихъ оставалось „въ возможности продолжать курсъ ученія, въ особенности это бѣдствіе испытывали дѣти бѣдныхъ чиновниковъ и еще болѣе бѣднѣйшихъ нижнихъ чиновъ”. „Желая помочь имъ въ дѣлѣ образованія”, докторъ Орловъ, инициаторъ производства сбора на школы, едва поступили первыя пожертвованія, отъ русскихъ варшавянъ, тысячи двѣ рублей, выпросилъ (30 сент. / 12 окт. 1863 г.) чрезъ начальника Штаба у гр. Берга позволеніе „открыть въ Варшавѣ бесплатную Элементарную школу для русскихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобы школа эта могла помѣщаться въ одномъ изъ казенныхъ домовъ”, и „употреблять, по мѣрѣ надобности, на приобрѣтеніе книгъ и другихъ учебныхъ предметовъ ту сумму, которая собрана по подпискѣ на этотъ предметъ въ Варшавѣ”.

Русская Школа открыта была 7-го ноября 1863 года, съ 70-ою учащимися, число которыхъ въ первый же мѣсяць возросло до 154, изъ нихъ 99 мальчиковъ и 55 дѣвочекъ; тутъ были 50 дѣтей штабъ и оберъ-офицерскихъ, 65 нижнихъ чиновъ, остальные другихъ сословій и классовъ. Къ концу учебнаго года набралось 238 человекъ. Кромѣ приготовительнаго класса, гдѣ обучались дѣти, не умѣвшія читать, сьорганизовалось два отдѣленія: одно для мальчиковъ,

1) Матеріалы по дѣламъ ц. Польскаго, IV, тетр. вторая, № 3.

2) Записка Орлова.

другое для дѣвочекъ, съ первыми нормальными классами въ каждомъ отдѣленіи. Въ нормальныхъ классахъ предметы преподаванія приноровляли по возможности къ мужскимъ и женскимъ гимназіямъ Имперіи. Преподаваніемъ занимались преимущественно военные или гражданскіе служащіе и полковые священники или члены ихъ семей. Подъ помѣщеніе Школы, Орловымъ выпрошены были двѣ комнаты въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, на Мазовецкой улицѣ, домѣ Красинскихъ (ипотечный № 1347, противъ Лютеранской кирки), арендуемомъ подъ квартиры военныхъ; когда организовалось подраздѣленіе подт. классы, отвели для нея здѣсь семь комнатъ. Предполагалось израсходовать въ 1863/4 учебномъ г. 3567 р.; израсходовали, и съ пособіями учащимся, всего около 1800 р., такъ какъ завѣдующій Школою и большинство учащихся не брали никакого вознагражденія, получали лишь одни наиболѣе недостаточные.

Возникновеніе въ Варшавѣ Русской Школы привлекло къ ней сочувственное вниманіе за предѣлами края. Появившееся въ „Сѣверной Почтѣ“ извѣстіе о пожертвованіяхъ на нее русскихъ въ Царствѣ и объ ея нуждахъ вызвали приношенія на нее съ различныхъ концовъ Имперіи. Отчетъ о ней гр. Бергъ представилъ (январь 1864 г.) государынѣ Маріи Александровнѣ, гдѣ докладывалось также какъ о томъ, что „мысль объ учрежденіи русскихъ училищъ въ царствѣ Польскомъ вызвана многочисленными примѣрами не только совершенной утраты своей народности, но и вѣры русскими дѣтьми, родившимися въ Польшѣ, въ особенности отъ смѣшанныхъ браковъ, и здѣсь воспитанными“, такъ и о соизволеніи в. кн. Константина Николаевича о написаніи проекта учрежденія русскихъ гимназій и элементарныхъ училищъ¹⁾. Государыня вмѣстѣ съ своимъ августѣйшими дѣтьми пожертвовала на Школу 2000 р. Другія самыя большія пожертвова-

¹⁾ „Записка о Русской Школѣ въ Варшавѣ“, написанная Орловымъ, была, для доклада Государынѣ, гр. Бергомъ препровождена при письмѣ отъ 27 янв./8 февр. 1864 г. на имя Морица.

нія принесли видные русскіе дѣятели и жители въ Варшавѣ: сенаторъ д. тайн сов. И. И. Фундуклей обѣщаль вносить (съ дек. 1833 г.) по 100 р. ежемѣсячно, пока Школа не получитъ полнаго правительственнаго обезпеченія; архіепископъ Іоанникій, вліянію котораго она была много обязана своимъ учрежденіемъ, пожертвоваль на ея содержаніе также ежемѣсячно по 50 р.; домовладѣлецъ Истоминоу далъ 500 р.; приносили и бѣдные люди, съ различныхъ мѣстъ края и Россіи. Собралось (къ лѣту 1864 г.) 21,527 р. 77 коп., кромѣ вещей и книгъ. Главное наблюденіе (съ марта 1864 г.) за Школою принадлежало комитету, подѣ предсѣдательствомъ Фундуклея и подѣ особымъ попеченіемъ Іоанникія. Школа во второй годъ ученія (съ авг. 1864/5) вступила, имѣя 3-й классъ въ мужскомъ отдѣленіи, намѣчался и четвертый, въ женскомъ отдѣленіи намѣчался третій классъ; видѣлась необходимость подготовить ее для преобразованія въ среднюю школу.

Служащимъ въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ надобно было обученіе дѣтей не въ случайной начальной школѣ, а въ прочно поставленныхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ опредѣленнымъ штатомъ, съ профессиональными преподавателями, съ правами и т. п. Существовавшее въ Варшавѣ (съ 1840 г.) Духовное училище, съ его спеціальными задачами¹⁾, не могло отвѣчать такимъ потребностямъ. Подготовлявшіяся и наступавшія широкія преобразованія въ край, при выступавшей дѣятельности Н. А. Милютина, кн. В. А. Черкаскаго, Ю. Ѳ. Самарина и др. членовъ Учредительнаго комитета, имѣвшаго задачей своими реформами сближеніе и объединеніе края съ остальными частями Имперіи, обняли собою и сферу народнаго образованія, по которому также готовились уставы. Милютинымъ ярко раскрыта была ополячивающая система воспитанія Велеполь-

¹⁾ О немъ у Лотоцкаго и Корженевскаго (выше, 290 стр.), у Крыжановскаго, III, 261—262; Пятидесятилѣтній юбилей Варшавскаго Духовнаго училища, Холмско-Варшавскій Вѣстникъ, 1890, и отдѣльно.

скаго и, въ исправленіе и противовѣсъ, настойчиво предлагалась своеобразная педагогическая, но тоже на сильной политической подкладкѣ, система созданія, при помощи и покровительствѣ правительства, различныхъ національныхъ училищъ, въ томъ числѣ и русскихъ.

Основными началами системы общественнаго образованія въ царствѣ Польскомъ ему „казалось бы всего полезнѣе принять” — 1) „не примѣшивать къ преподаванію въ школахъ никакихъ прямыхъ политическихъ цѣлей; 2) принять начало полной равноправности всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Царствѣ, и, для охраненія иноплеменныхъ стихій отъ польской пропаганды, покровительствовать учрежденію отдѣльныхъ училищъ: русскихъ, нѣмецкихъ, литовскихъ и еврейскихъ; 3) дать русскому языку почетное мѣсто между предметами преподаванія, устраняя однако же мысль объ усиленномъ обрусѣніи польскаго юношества”.

„Послѣ 1856 года — излагалъ онъ — обнаружилось несомнѣнное стремленіе правительства улучшить систему общественнаго воспитанія въ Царствѣ и поднять въ немъ уровень преподаванія. Къ несчастію, исполненіе этой реформы не было совершаемо мѣстными дѣятелями въ духѣ прямой, безкорыстной заботливости о просвѣщеніи. Въ преобразованіи учебной части въ Польшѣ, предпринятомъ по мысли и подъ вѣдѣніемъ бывшаго главнаго директора духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія маркиза Велепольскаго, просвѣщеніе само по себѣ сдѣлалось, какъ и за 30 лѣтъ назадъ, предметомъ второстепеннымъ, а на первый планъ выдвинута политическая цѣль.... Маркизь Велепольскій... направилъ общественное образованіе къ тому, чтобы устранить всякое вліяніе Россіи надъ Польшею... Выходя изъ принципа, что всѣ жители Царства должны быть или сдѣлаться польскими гражданами, законодательство 1862 г. однимъ почеркомъ пера уничтожило все то, что мы, въ прежнее время, старались удовлетворить прочимъ племенамъ въ Польшѣ и ослабить въ самихъ полякахъ ихъ національную исключительность.

„При настоящихъ обстоятельствахъ было бы неудобно отмѣнять цѣлый Уставъ 1862 года, такъ какъ это дало бы, конечно, поводъ къ враждебнымъ правительству толкамъ. Остается лишь устранить въ означенномъ Уставѣ тѣ начала, которыя отличаются самымъ непріязненнымъ политическимъ направлениемъ. Мы обязаны немедленно устранить изъ дѣйствующихъ правилъ по учебной части всѣ тѣ постановленія, которыя рассчитаны для искусственной полонизаціи, и принять за основной принципъ нашъ въ этомъ отношеніи полную равноправность всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Царствѣ. Но этого мало: чтобы признаваемая нами равноправность не была только мнимою, чтобы полонизація не продолжалась въ дѣйствительности, благодаря нравственному давленію польскаго большинства въ училищахъ, необходимо поощрять, насколько возможно, учрежденіе отдѣльныхъ училищъ для непольскихъ жителей края. Это будетъ самымъ вѣрнымъ и едвали не единственнымъ средствомъ оградить отъ польской пропаганды всѣ инородные элементы, сохраненіе которыхъ въ Польшѣ столь же важно для насъ. Русское общество поняло настоятельную необходимость такого дѣла для защиты дѣтей русскихъ, живущихъ въ Царствѣ, отъ быстрого ополяченія, частная инициатива создала въ Варшавѣ Русскую Школу. Желательно, при первой возможности и сколь можно скорѣе, дать этой Русской Школѣ средства развиться въ Русскую Гимназію, держась того же начала въ отношеніи къ другимъ національностямъ, поспѣшить учрежденіемъ на первый разъ еще Нѣмецкой Школы въ Царствѣ, по образцу существующаго въ С.-Петербургѣ Петровлавскаго Училища”.

Представляя, изготовленные на изложенныхъ началахъ и планахъ, проекты уставовъ о начальныхъ училищахъ, о женскихъ училищахъ и „о Нѣмецкомъ Училищѣ въ Варшавѣ”, Милютинъ, въ заключенію, изъяснилъ, что если эти проекты удостоятся Высочайшаго утвержденія, „то необходимо будетъ, одновременно съ введеніемъ оныхъ въ дѣйствіе, при-

ступить къ составленію проектовъ: объ учрежденіи въ Варшавѣ Русской Гимназіи въ связи съ существующей тамъ Русскою Школою”, и друг.

Не безъ причины дѣло учрежденія въ Варшавѣ Русской Гимназіи статсъ-секретарь Царства Н. А. Милютинъ призналъ надобнымъ повести послѣ вопроса о проектѣ Нѣмецкой здѣсь школы. Этимъ цѣль достигалась вѣрнѣе. Сила нѣмецкаго интереса и вліянія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ была ему извѣстна хорошо; а проектъ „Главнаго Нѣмецкаго Евангелическаго Училища въ Варшавѣ, по примѣру существующаго въ С.-Петербургѣ Главнаго Нѣмецкаго Училища св. Петра” дѣлалъ и гр. Бергу, остзейцу по симпатіямъ, настолько близкою мысль о развитіи и преобразованіи основанной въ Варшавѣ Русской Школы и о насажденіи, при правительственномъ содѣйствіи, вообще національныхъ училищъ, чтобы и онъ хлопоталъ объ осуществленіи такого плана. На общегосударственную точку зрѣнія въ вопросѣ объ общественномъ образованіи тогда встать еще не могли: къ дѣлу объединенія государства чрезъ обязательное обученіе на окраинахъ на общегосударственномъ языкѣ и съ объединенною основною программой обученія невольно логически пришли нѣсколько позднѣе, когда выступили практическія неудобства отъ разноязычія школъ и выяснилось сознаніе, что воспитывать на казенныя средства инородческія національныя разновидности и исключительности значитъ дѣлать „чужую ненужную, быть можетъ, весьма вредную работу” и что это не можетъ быть задачей никакого правительства, а что школа и въ Привислинѣ должна служить „могучимъ факторомъ объединенія польской окраины съ центромъ”. Программа Милютина, направленная противъ польской политической системы Велепольскаго, послужила въ предѣлахъ Привислинскаго края историческою переходною ступенью.

Одновременно съ признаніемъ за справедливое, „чтобы нѣмецкимъ жителямъ открыты были въ царствѣ Польскомъ средства къ просвѣщенію, подобныя тѣмъ, какія дарованы

имъ въ предѣлахъ Имперіи”, и съ учрежденіемъ поэтому Главнаго Нѣмецкаго Евангелическаго Училища въ Варшавѣ по примѣру С.-Петербургскаго, Высочайшимъ указомъ отъ 30 августа 1864 года, дававшимъ сжато и историческія свѣдѣнія о положеніи школьнаго обученія для русскихъ, узаконилось ¹⁾: „Учрежденная въ Варшавѣ частною блатотворительностью, Русская Школа преобразовывается въ Варшавскую Русскую Гимназію”, семиклассную, съ годичнымъ курсомъ для каждаго класса. „При Варшавской Русской Гимназіи состоятъ: Русское Начальное (элементарное) Училище для дѣтей обоого пола и Русская Женская Прогимназія”, которая впоследствии должна быть преобразована „въ Русскую Женскую Гимназію”. „Принимаются” въ нихъ „преимущественно дѣти русскихъ, находящихся въ Царствѣ, безъ различія званій и сословій; преподаваніе всѣхъ предметовъ” въ нихъ „производится на русскомъ языкѣ” и „должно соот-

¹⁾ Высочайшіе указы о народномъ образованіи въ ц. Польскомъ, № 3; Сборникъ, IV, № 64. Въ исторической части этого указа импер. Александра II сообщалось: „Августѣйшіе предшественники наши, въ заботливости своей объ устройствѣ общественнаго образованія въ царствѣ Польскомъ, имѣли главнѣйше въ виду потребности польскаго населенія, какъ составляющаго большинство жителей края. Вслѣдствіе чего преподаваніе во всѣхъ, содержимыхъ правительствомъ, учебныхъ заведеніяхъ Царства производилось и производится исключительно на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, въ Царствѣ нѣтъ ни одного училища, въ которомъ дѣти пребывающихъ въ этомъ краѣ русскихъ могли бы получать образованіе, соответствующее потребностямъ русской народности и духу Православной вѣры. Столь ошутительный недостатокъ обратилъ на себя вниманіе бывшаго намѣстника въ Царствѣ, е. и. выс. вел. кн. Константина Николаевича, и по распоряженію его составлено было предложеніе объ учрежденіи въ городѣ Варшавѣ двухъ гимназій, Мужской и Женской, для русскихъ дѣтей. Между тѣмъ просвѣщенная благотворительность частныхъ лицъ положила начало этому полезному дѣлу открытіемъ въ Варшавѣ, на пожертвованныя суммы, Русской Школы для первоначальнаго образованія дѣтей обоого пола. Нынѣ, приступивъ къ прочному развитію и распространенію въ Царствѣ учебныхъ заведеній, примѣняемыхъ къ разнороднымъ потребностямъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, мы признали за благо, согласно съ желаніемъ учредителей помянутой Школы, дать и сему учебному заведенію большее развитіе преобразованіемъ онаго въ Гимназію съ особыми, состоящими при ней, Женскою Прогимназією и Начальнымъ Училищемъ”. Сборникъ, IV, 352—354. — Высочайшій указъ о Главномъ Нѣмецкомъ Евангелическомъ Училищѣ для дѣтей обоого пола, отъ того же 30 авг. 1864 г., въ Высочайшихъ указахъ, № 4, въ Сборникѣ, IV, № 65. Училище это ставилось въ непосредственное завідываніе мѣстной Евангелической Консисторіи и первымъ директоромъ ея былъ пасторъ. Открыто оно, съ Педагогич-

вѣтствовать курсу таковыхъ же учебныхъ заведеній въ Имперіи; причемъ, сверхъ обязательныхъ предметовъ обученія, въ Гимназіи и Прогимназіи „преподается, для желающихъ, польскій языкъ и словесность”. Школы „ввѣряются особому покровительству и попеченію архіепископа варшавскаго”, „подчинены Управленію Народнаго просвѣщенія въ Царствѣ” и „для ближайшаго завѣдыванія дѣлами” ихъ назначается Высочайшею властію, по представленію намѣстника, „почетный попечитель, изъ числа живущихъ въ г. Варшавѣ русскихъ, отличающихся особенною ревностію къ отечественному просвѣщенію”. Штатные расходы опредѣлялись въ 39,120 руб. Устройство и положеніе русскихъ учебныхъ заведеній обезпечивалось, и этому, при наблюденіи за ихъ интересами и въ центральномъ управленіи, не могла мѣшать тенденція противъ нихъ, продолжавшаяся въ служебной сферѣ около намѣстника¹⁾. Попечителемъ былъ назначенъ сенаторъ, членъ Учредительнаго комитета Ив. Ив. Фундуклей, директоромъ В. П. Орловъ; преподаватели приглашены изъ Имперіи.

Для учреждаемыхъ русскихъ школъ озаботились пріисканіемъ помѣщенія. Предполагалось было нанять подъ нихъ квартиру, но что Совѣтомъ управленія опредѣлено 4,000 р. въ годъ. По Высочайше утвержденнымъ штатамъ онѣ должны пользоваться помѣщеніемъ, „отводимымъ казною”, „въ казенномъ домѣ” (w zabudowaniu rządowém). Такое постоянное помѣщеніе представилось. По случаю закрытія (по Высочайшему указу 27 окт. 1864 г.) католическихъ монасты-

ческихъ классами и Начальнымъ училищемъ, по уставу и штатамъ 1866 г., и на него отпускалось 45,130 р. въ годъ. Обревизовавъ эту школу въ 1868 г., министръ гр. Толстой напомилъ, что „мѣсто ея гдѣ нибудь въ Кенигсбергѣ или въ Геттингенѣ, но никакъ не въ предѣлахъ Русской имперіи”. Изъ исторической о ней записки В. А. Истомина въ Варшав. Дневн. 1901, №№ 216—218, и отдѣльно.

¹⁾ Наше сообщеніе по дѣлу всеподданнѣйшаго представленія гр. Берга о суммахъ Вѣдомству просвѣщенія въ Царствѣ на 1865 г., Русская Старина, 1903, I, 123 — 129. Ср. Моск. Вѣдом., 1903, № 54. — Къ суммѣ въ 779,497 р. 81 коп., нечисленной на 1865 г., испрашивалось дополнительнаго 495,796 р., „по случаю введенія въ дѣйствіе преобразованій, постановленныхъ Высочайшими указами 30 августа (11-го сентяб., я) 1864 года”.

рей, „которые принимали явное и дознанное участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ”¹⁾, упраздняясь стоявшій на Краковскомъ предмѣстьѣ, почти противъ бывшаго дома Общества любителей наукъ, Варшавскій монастырь ксендзовъ миссіонеровъ, извѣстный намъ по жаркой его борьбѣ съ доминиканами - обсервантами, по продажѣ его дома на Новомъ Свѣтѣ (№ 1319) бывшему Обществу любителей наукъ и по демонстраціи противъ торжества открытія памятника Копернику²⁾. Монастырскій костель св. Креста превращался въ приходскій и дома его поступали въ вѣдѣніе казны или въ вѣдомство Правит. Комиссіи народнаго просвѣщенія. Недовольная своимъ помѣщеніемъ въ бывшемъ домѣ Общества, Вторая Мужская Гимназія, польская по языку преподаванія и по преимущественному составу учащихся, была переведена въ миссіонерскій домъ, рядомъ съ костеломъ³⁾, куда переселена и жившая тамъ прислуга Главной Школы. Освободившійся домъ Общества, какъ принадлежащій Вѣдомству просвѣщенія, былъ переданъ подъ помѣщеніе русскихъ учебныхъ заведеній. Всему дѣлу оказали вліятельное содѣйствіе Милютинъ и Черкасскій.

Русская Мужская Гимназія съ состоящими при ней Женской Прогимназіей и общимъ Начальнымъ Училищемъ была открыта здѣсь, въ историческомъ домѣ на улицахъ Краковское предмѣстіе, Новый Свѣтъ и Александрія, въ началѣ 1865 года, въ день основанія Московскаго Университета, 12 января. На торжествѣ присутствовали архіепископъ Іоанникій и мѣстное русское общество во главѣ съ высшими русскими служащими въ краѣ. Въ присутствовавшихъ чувствовались одушевленіе, подъемъ духа.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ данное историческое мѣсто — мѣсто бывшей Московской каплицы и погребенія царя Василія Ивановича Шуйскаго, принадлежавшее потомъ

¹⁾ Въ Дневникѣ Законовъ и V т. Исслѣдованій въ п. П., Милютина, 1864 г.

²⁾ Выше, стр. 139 и слѣд., 373—375, 388—389, 457—458.

³⁾ Нынѣ она — Третья Мужская Гимназія, домъ расширенъ въ 1903 г.

доминиканамъ и Обществу любителей наукъ — привело къ себѣ русскія учебныя заведенія, въ которыхъ, по учредительному ихъ указу императора Александра II, „дѣти пребывающихъ въ этомъ краѣ русскихъ могли бы получать образованіе, соотвѣтствующее потребностямъ русской народности и духу Православной вѣры“. Съ этихъ поръ въ исторіи его и его зданій наступаетъ новая, уже современная намъ, эпоха.

При тогдашнемъ состояніи исторической науки и руско-польскихъ отношеній, устроители руководились, повидимому, соображеніями лишь удовлетворенія назрѣвшимъ учебнымъ потребностямъ русскаго населенія: историческое значеніе мѣста возросло въ сознаніи русскаго и польскаго общества только впоследствии. Тогда же если директоръ Второй (польской) Гимназіи просилъ о переводѣ своей школы въ другое мѣсто, то и первый директоръ Русской Гимназіи, докторъ Орловъ, то же еще не упоминалъ имени Шуйскаго, а его преемникъ, слѣдующій директоръ, входилъ съ просьбой о постройкѣ для этой Гимназіи другаго дома. Въ ту и послѣдующую пору болѣе жила въ памяти легенда сравнительно изъ недавняго прошлаго, именно, что это „бывшій палацъ Сташица“, будто бы кунившаго разваливавшійся доминиканскій монастырь и перестроившаго его въ этотъ домъ для Общества ¹⁾.

Выстроенный для другихъ цѣлей, домъ былъ съ существенными недостатками для педагогическихъ и гигиеническихъ потребностей каждаго учебнаго заведенія; тѣмъ болѣе это должны были испытывать, когда въ немъ помѣстились три разнохарактерныя школы. Не представлялось возможности отдѣлить не только одну школу отъ другой, но и многіе

¹⁾ Даже въ официальномъ протоколѣ 1865 г. эта недвижимость № 1319/20 на углу Новаго Свѣта и Краковскаго прѣимѣстья названа „dawniej pałac Stawisza (Архивъ Учебн. Округа, № 2275 Е.); Орловъ думалъ, что это — „первоначально римско-католическій костелъ, потомъ частное аданіе (Сташица), поступившее загѣмъ послѣ перевороговъ 1831 года въ административное вѣдѣніе“ (Приложенія, 2, стр. 363); въ Консистеріи полагали, что въ этомъ зданіи была прежде церковь (дѣло № 113, л. 6). Ср. выше, стр. 335—336, 392—393.

классы. Красивое и даже роскошное снаружи, зданіе не имѣло корридорнаго расположенія, комнаты въ немъ въ трехъ этажахъ, что затрудняло надзоръ, почти все проходныя, неодинаковой величины, по уличной сторонѣ, гдѣ непрерывное движеніе и шумъ экипажей мѣшали занятіямъ съ учениками во время уроковъ, въ главномъ корпусѣ много мѣста терялось на лѣстницы и выходы, къ тому же холодные, и не было ни водопровода, ни сада, послѣднее особенно чувствовалось съ учрежденіемъ въ Гимназіи пансіона. За то положеніе дома въ центральной части города дѣлало его доступнымъ для живущихъ на всѣхъ концахъ Варшавы; классныя комнаты, за исключеніемъ самыхъ малыхъ, вообще просторны и высоки, воздуху и свѣта много, почему классы всегда свѣтлы, веселы, во время перемѣнъ между уроками ученики пользовались для отдыха на свѣжемъ воздухѣ гимназическимъ дворомъ, хотя и небольшимъ, но всегда чистымъ. Поэтому директоръ Орловъ находилъ, что „если устранить главнѣйшіе недостатки, то лучшаго помѣщенія и, можно сказать, болѣе роскошнаго для Гимназіи и желать нельзя“¹⁾. На поправки и приноврвленіе зданія издержали въ первые два года свыше 11,198 р. Прежняя Аула послужила заломъ для актовъ, экзаменовъ и другихъ педагогическихъ собраній: освѣщенный въ два свѣта, залъ сохранялъ прежнія, поновленные украшенія — колонны, капители, ниши, барельефы, карнизы и т. п. По зданію размѣстились классы, учебно-вспомогательныя учрежденія и квартиры администраціи и службы. Ежегодный чиншъ въ 3,500 зл. (525 р.), уплачиваемый съ недвижности монастырю ксендзовъ миссіонеровъ, перешелъ, по случаю закрытія монастыря, въ казну и Гимназіей не вносился²⁾.

¹⁾ Изагалъ въ январѣ 1866 г., когда въ зданіи оставалась только Мужская Гимназія, а Женская Прогимназія была уже въ другомъ мѣстѣ. Приложенія, 2, стр. 364, № 182.

²⁾ Чиншъ, какъ видѣли (373—374 стр.), образовался отъ покупки въ долгъ Обществомъ любителей наукъ сосѣдняго миссіонерскаго дома на Новомъ Свѣтѣ № 1319. На основаніи указа отъ 27 окт. / 8 нояб. 1864 г., чиншъ, по закрытіи

Гимназія открылась въ составѣ четырехъ классовъ, Женская Прогимназія въ составѣ трехклассномъ, съ тѣмъ, чтобы съ каждымъ годомъ открывались высшіе классы; въ Начальномъ Училищѣ обучались дѣти обоого пола. Училось¹⁾ въ Гимназіи въ 1865 году 279 человекъ. Главную массу ихъ составляли руссіе, православные, 216; но принимались дѣти и другихъ національностей и вѣроисповѣданій: католиковъ насчитывалось 40, лютеранъ 14, евреевъ 8. По званіямъ преимущественно были дѣти военныхъ и гражданскихъ чиновъ, 170 (изъ нихъ 17 дѣтей генеральскихъ и тайн. и дѣйств. ст. совѣтн.), затѣмъ 61 солдатскихъ, 10 духовнаго званія, 7 купцовъ, и проч. Первый классъ, въ которомъ собралось до 116 учениковъ, вскорѣ раздѣлили на два отдѣленія; послѣ лѣтнихъ каникулъ раздѣлили и второй классъ, въ 77 воспитанниковъ. Такимъ образомъ съ перваго же года образовались въ Гимназіи основные и параллельные классы. Для сиротъ, бѣдныхъ и такихъ, родители которыхъ жили внѣ Варшавы, устроили пансіонъ (за недостаткомъ средствъ и обособленнаго помѣщенія, впрочемъ, чрезъ недолгое время закрывшійся). Въ библіотекахъ находилось до 1705 книгъ. Дѣвочекъ училось въ Прогимназіи 116, то же различныхъ по происхожденію и вѣроисповѣданію, съ полнымъ преобладаніемъ русскихъ.

Кромѣ перешедшихъ изъ Русской Школы, въ составѣ учениковъ и ученицъ были переведенные изъ гимназій вну-

миссіонерскаго монастыря, поступалъ въ пользу казны, о чемъ, по предписанію (14 / 26 апр. 1865 г.) Прав. Комиссіи финансовъ, внесено (3 / 15 марта 1866 г.) въ ипотечную книгу, и сумма въ 525 р., ежегодно назначаемая въ смѣтѣ Учебнаго вѣдомства на уплату чинша монастырю, была съ 1866 г. исключена изъ смѣты расходовъ по Вѣдомству. Однако много лѣтъ спустя Казенная палата возбудила къ Гимназіи требованіе уплаты всего чинша, къ 1883 г. требуемая сумма возросла до 9490 р.; Казенная палата не переставала съ своими требованіями и потомъ, пока министръ просвѣщенія Деляновъ, по представленіямъ начальства Гимназіи и попечителя Учебнаго округа, прямо разрѣшилъ (7 ноября 1888 г.) всю насчитываемую недоимку съ 1866 г. снести со счетовъ и освободить Гимназію отъ недоимокъ чинша и на будущее время.

¹⁾ Статистическія данныя за первый годъ въ Приложеніяхъ, 2, стр. 365—366.

треннихъ губерній и изъ польскихъ и принятыя съ домашнимъ обученіемъ, очень различныя по подготовкѣ и воспитанію. Если одни хорошо владѣли русскою рѣчью, то находилось много такихъ, которые порусски только понимали, но говорили неправильно или почти не говорили, или же и совсѣмъ не понимали и не говорили. Учебный курсъ, къ тому же, начался со второго полугодія. Чтобы подровнять въ знаніяхъ и поустановить дисциплину, общій порядокъ, педагогамъ потребовалось приложить усиленныя старанія; иные занимались и не въ урочное время. И хотя послѣ перваго экзамена перевели въ слѣдующіе классы сравнительно немногихъ, но съ осени, т. е. съ начала 1865/6 учебного года, дѣло пошло уже ровнѣе. Подобное замѣчалось и въ Начальномъ Училищѣ, въ которомъ училось 175 дѣтей. Его раздѣлили на два отдѣленія: одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ; многочисленное отдѣленіе мальчиковъ понадобилось вскорѣ подраздѣлить на два отдѣленія.

Гимназія занимала 2-й этажъ дома, Прогимназія 3-й. Неудобства помѣщенія школъ въ одномъ зданіи, съ общими корридорами и съ однимъ внутреннимъ дворомъ для отдыха во время перемѣнъ, при увеличивавшемся числѣ классовъ и отдѣленій побудили перенести (7 ноября 1865 г.) Прогимназію на другое мѣсто, на Медовую улицу, съ оставленіемъ подъ прежней дирекціей. За недостаточностію новаго помѣщенія Прогимназіи, акты и другія важнѣйшія училищныя собранія оставались у ней общими съ Гимназіей. Была устроена и общая для всѣхъ учащихся церковь.

Какъ по воспитательнымъ задачамъ, которыя поставлены русскимъ учебнымъ заведеніямъ при ихъ учрежденіи, такъ и потому, что русское учащееся поколѣніе въ Варшавѣ удалено отъ непосредственнаго воспитательнаго вліянія преданій, правилъ и обычаевъ своей родины, заботы о гимназическомъ храмѣ очень занимали ближайшее начальство этихъ школъ, во все время съ учрежденія ихъ. Взаимно совѣтуясь, понемногу архіеп. Іоанникій и Фундуклей положили устроить церковь въ угловой комнатѣ верхняго этажа Гимназіи, для

чего воспользоваться оставшимися частями закрытой церкви Пулавскаго или Александринско - Маріинскаго Женскаго Института, переведеннаго изъ Александрии въ Варшаву. Архіепископъ согласился передать сюда иконостасъ съ образами, престолъ, жертвенникъ и прочую утварь и ризничія вещи, и ихъ, въ количествѣ 48-ми, доставили, по снесеніи съ главн. директоромъ Цр. Комиссіи вн. и дух. дѣлъ кн. Черкасскимъ, о томъ, что въ открытомъ „Пулавскомъ Политехническомъ Институтѣ” церковь не надобна, за неимѣніемъ въ немъ лицъ православнаго исповѣданія. Когда почетному попечителю казалось, что „домовая церковь при Русской Гимназіи окончена постройкою”, онъ письменно просилъ (15 февр. 1866 г.) архіен. Іоанникія сдѣлать распоряженіе объ освященіи ея, „назначивъ это освященіе, буде возможно, 20 текущаго февраля”. Епархіальною властію было командировано лицо для осмотра, и когда оно, послѣ вторичнаго посѣщенія, нашло церковь „совершенно готовою и всѣ необходимыя для богослуженія принадлежности имѣющею”, архіепископъ отписалъ (10 марта) Фундуклею: „я назначилъ днемъ освященія ея наступающее воскресенье, 13-го сего марта; Гимназическую церковь я приличнымъ нахожу освятить во имя преподобныхъ отецъ нашихъ, равноапостольныхъ Меѳодія и Кирилла, епископовъ моравскихъ, учителей словенскихъ, коихъ память совершается Церковію 11 дня мая”¹⁾. По назначенію архіепископа она освящена кафедральнымъ протоіеремъ и законоучителями Гимназіи и Прогимназіи.

Однако, дѣтъ черезъ 10, когда число русскихъ учащихся въ Варшавѣ достигло уже до 500—600, церковь оказалась слишкомъ малою. Изъ испытываемыхъ затрудненій дать ей помѣщеніе просторное помогъ выдти преемникъ Іоанникія архіепископъ Леонтій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій).

¹⁾ Приложенія, 2, №№ 178—179. Отсюда ясна неточность всѣхъ прежнихъ сообщеній въ печати, что церковь была устроена „ко дню открытія Русской Гимназіи” и „существовала съ 12 янв. 1865 г.”, или что она „была освящена въ томъ же 1865 г. 3 марта”.

Обративъ вниманіе, послѣ перваго своего богослуженія въ ней (22 окт. 1877 г., въ праздникъ Казанской Божіей Матери), на неудобство помѣщенія ея въ небольшой тѣсной комнатѣ, съ низкимъ потолкомъ, на третьемъ этажѣ, съ окнами на наиболѣе проѣздныя улицы, откуда постоянно доносится шумъ, „отчего богослуженіе не можетъ быть съ подобающимъ спокойствіемъ и благоговѣніемъ”, онъ рекомендовалъ помѣстить ее въ гимназическомъ залѣ, разрѣшая устроить предъ олтаремъ подвижную стѣнку или занавѣсъ. Хозяйственнымъ комитетомъ Гимназіи съ своей стороны присоединялось, что въ церкви, занимавшей обыкновенную классную комнату, не могло свободно помѣщаться и половины учащихся и что присутствующіе въ ней испытываютъ духоту и головокруженіе до обмороковъ и по выходѣ изъ нея зимой нерѣдко простуживаются. Перенесеніе и устройство церкви произвели на добровольные сборы со служащихъ и учащихся и на спеціальныя суммы Мужской и Женской Гимназіи ¹⁾. Освященіе совершилъ (8 октября 1878 г.) архіеп. Леонтій. Заль оставался въ два свѣта, со сводомъ во всю его длину; онъ соотвѣтственно росписанъ и украшенъ, сводъ изображалъ голубое небо со звѣздами; устроены хоры для пѣвчихъ, барельефы изъ классической мифологіи закрыты цинковыми листами, прочія украшенія сохранены. Олтарь загоразивался передвижною стѣной, раскрываемой на время службы, и въ остальной части зала по прежнему выполнялись акты и другія педагогическія собранія. Церковь стала очень посѣщаемой и родными учащихся. Торжество же устройства и освященія ея впервые вызвали у русскихъ варшавянь печатное указаніе на это мѣсто, какъ на признаваемое и почитаемое и ими мѣсто погребенія царя Василія Ивановича Шуйскаго²⁾.

¹⁾ Приложенія, 2, № 164.

²⁾ Основываясь на историческихъ сообщеніяхъ Weinert'a (Starożytności Warszawy. Serja druga. T. VI, 317, 216; III, 319, 336, 338) и Promyk'a (O księ-

На первых порахъ съ каждымъ новымъ учебнымъ годомъ прибавлялось по классу. Женскую Гимназію преобразовали (1866 г.) въ шестиклассную Прогимназію, впоследствии и въ полную Гимназію. Мужская Гимназія достигла полного состава, съ параллельнымъ отдѣленіемъ въ младшихъ классахъ. Въ ея зданіи открылась (1867 г.) бесплатная Воскресная школа русскаго языка для желающихъ изъ бѣдныхъ слоевъ населенія. Изъ Начальной Школы образовалось три отдѣльныхъ.

dzu Stanisławie Staszycu. Warszawa, 1877, стр. 19) и присоединяя свои предположенія и данныя, авторъ печатнаго отчета „Освященіе церкви 1-хъ Варшавскихъ Гимназій (Холмско-Варшавскій Вѣстникъ, 1878, № 22, и отдѣльный оттискъ) разсказывалъ объ исторіи мѣста и строеній: На мѣстѣ, гдѣ находится эта Церковь съ зданіемъ 1-ой Мужской Гимназій, „еще въ 16 вѣкѣ стояла Русская церковь (Karlica Moskiewska)“, неизвѣстно когда и кѣмъ устроенная; „въ ней именно похороненъ былъ вѣсчастнѣйшій московскій царь Василій Шуйскій, умершій въ плѣну у поляковъ въ смутное для Руси время“; она пережила послѣдующія неблагопріятныя для русскихъ и Варшавы событія, эпоху двукратнаго разоренія (1656—1657 гг.) Варшавы шведами, которые однако „ограбили эту церковь“, такъ какъ нѣкоторые изъ жителей Варшавы попрытали было въ нее свои дорогія вещи; въ 1657 г. король Янъ Казимиръ, совершивъ подлѣ нея необыкновенно торжественную процессію въ честь Божьяго Тѣла, тотчасъ отсюда началъ штурмъ Варшавы и выгналъ шведовъ изъ своей столицы; „такимъ образомъ мѣстность Русской церкви стала для поляковъ священною“, и „это обстоятельство рѣшило ея участь. 3-го іюня 1666 г. тотъ же король Янъ Казимиръ“, празднуя „свою побѣду надъ шведами“, „отдалъ Русскую церковь подъ Варшавою доминиканамъ обсервантамъ для устройства на ея мѣстѣ монастыри и костела въ воспоминаніе освобожденія Варшавы отъ шведовъ; костель построенъ былъ на мѣстѣ самой Церкви“; „католическій епископъ Станиславъ Сташиць, назначенный въ 1815 г. директоромъ тогдашней Варшавской Комиссіи просвѣщенія, купилъ опустѣвшія (къ тому времени) зданія и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ костель — бывшая Русская церковь, построилъ величественный домъ, составляющій нынѣ главное зданіе 1-й Варшавской Мужской Гимназій, и устроилъ въ немъ тотъ прекрасный залъ, въ которомъ нынѣ помѣщается Церковь 1-хъ Гимназій. Сташиць подарилъ этотъ домъ Варшавскому Обществу любителей наукъ“. По закрытіи Общества, домъ послѣдовательно занимали различныя польскія учрежденія, „пока наконецъ не заняли его давніе законныя наследники этой мѣстности съ своимъ православно-русскимъ учрежденіемъ“ (7—14 стр.). — Какъ ни существенны почти сплошныя неточности и баснословности этого историческаго повѣствованія (ср. выше, V, IX—X, XV, XVI гл. нашего изслѣдованія, въ особенности стран. 109—112, 114—115, 166, 207—208, 392—393), оно, показывая состояніе историческихъ свѣдѣній о данномъ мѣстѣ въ тогдашней русской и польской литературѣ, свидѣтельствуетъ, что жителями Варшавы обѣихъ національностей безусловно признавалось это мѣсто мѣстомъ погребенія царя Шуйскаго и что русскіе стали уже съ увѣренностью почитать эту мѣстность, какъ „дорогую по воспоминаніямъ“ для нихъ.

Съ постепенно слѣдовавшими объединительными мѣропріятіями по Вѣдомству народнаго просвѣщенія въ краѣ — введеніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія на общегосударственномъ русскомъ языкѣ (по Высочайшимъ повелѣніямъ 10 февраля 1868 г. и 1 мая 1869 г.), учрежденіемъ, подчиненнаго имперскому министру просвѣщенія, Варшавскаго учебнаго округа, съ соотвѣтственнымъ въ немъ строемъ управленія (1868 г.) и примѣненіемъ устава гимназій Министерства (гр. Толстого) къ гимназіямъ Варшавскаго округа (1872 г.) - привилегированно-обособленное положеніе русскихъ школъ измѣняется. Должность почетнаго попечителя упразднена, и его права и обязанности отошли (1868 г.) къ попечителю Округа. Всѣ варшавскія гимназіи получаютъ одну общую нумерацію, и Русскія Гимназіи переименовываются (1869 г.) въ Первыя Варшавскія Мужскую и Женскую Гимназіи. Прежніе возвышенные оклады Мужской Гимназіи отмѣнены (1873 г.). По учрежденіи при ней приготовительнаго класса, Начальная Школа, дѣлаясь общей городской, продолжалась недолго.

У новаго мѣстнаго начальства прежнія русскія школы перестали, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, пользоваться особыми заботами и вниманіемъ, на что оказало немалое вліяніе и случайное обстоятельство. Назначенный въ попечители, изъ главнаго директора Прав. Комиссіи народнаго просвѣщенія, преобразованной въ Учебный округъ, Фр. Фр. Витте, находясь въ антагонизмѣ съ бывшимъ почетнымъ попечителемъ, перенесъ свою неприязнь на подчиненнаго теперь директора Орлова, привыкшаго, въ качествѣ фактическаго устроителя русскихъ школъ и при благожелательномъ отношеніи Фундукля, къ большой независимости, и Орловъ вскорѣ вынужденъ былъ уѣхать въ С.-Петербургъ.

Сравнительно дешевая плата за ученіе (12 р. въ годъ), значительныя суммы на стипендіи и составъ учениковъ изъ русскихъ служебныхъ классовъ, при одномъ во всѣхъ гимназіяхъ языкѣ преподаванія, побуждали многихъ изъ мѣстнаго польскаго и еврейскаго населенія отдавать сюда своихъ дѣ-

тей. Вскорѣ инородныхъ стало въ Гимназіи обучаться около половины, въ нѣкоторыхъ классахъ они преобладали по количеству, и русскіе нерѣдко, по недостатку помѣщенія, не находили уже себѣ мѣста. Цѣльность склада Гимназіи очень ослаблялась такимъ наплывомъ инородныхъ учениковъ, вызывавшихъ у русскихъ товарищей, прежде всего, колебанія въ искренности отношеній къ педагогамъ. Привлеченіе наилучшихъ педагоговъ не поощрялось. Изъ русскихъ учениковъ стали по преимуществу поступать менѣе обеспеченные. Дѣти высшаго русскаго общества чаще опредѣлялись въ покровительствуемую мѣстнымъ начальствомъ и значительно удерживавшую прежній внутренній строй VI Мужскую Гимназію, переименованную изъ прежняго Нѣмецкаго Училища. Подобное переживалось въ бытѣ и Первой Женской Гимназіи, почему дочери видныхъ по служебному положенію родителей поступали въ III Женскую Гимназію, также бывшую прежде Евангелической.

Первая Женская Гимназія все еще не имѣла своего помѣщенія, переселяемая изъ одного временнаго и неудобнаго пристанища въ подобное же другое. Наслѣдница дома Медицинской Академіи на Краков. предм., Русская Мужская Гимназія надѣялась на полученіе сосѣдней, купленной для расширенія помѣщенія Академіи, недвижимости № 2768 по ул. Александрии (выше, 509—512 стр.), гдѣ могла бы помѣститься и Женская Гимназія, и неоднократно просила „о расширеніи гимназическаго двора, представляющаго, по своей тѣснотѣ и замкнутости, крайнія неудобства для Гимназіи въ хозяйственномъ и въ особенности въ гигиеническомъ отношеніи“. Надеждамъ, казалось, легче было осуществиться, когда, по учрежденіи (1869 г.) Университета вмѣсто Главной Школы, находившаяся на той недвижимости Педагогическая Семинарія Школы была закрыта, и домъ отдавался въ наймы частнымъ лицамъ, частью занимался чиновниками и служителями Университета и Учебнаго Округа, и когда Гимназія встала въ подчиненіе одного попечителя. Назначенный на мѣсто Орлова директоръ Теодоровичъ (1869—1870 г. г.) просилъ (10 іюля 1870 г.)

Витте „ходатайствовать у правительства о постройкѣ новыхъ зданій для I-хъ Варшавскихъ Гимназій или, по крайней мѣрѣ, о капитальной перестройкѣ теперешняго зданія I-ой Варшавской Мужской Гимназіи”, неудобныхъ для школьныхъ нуждъ и вызывающихъ своими неудобствами справедливыя нареканія родителей¹⁾. Но состоявшая подъ предѣдательствомъ барона Штакельберга Комиссія для распределенія казенныхъ зданій въ Варшавѣ (1870 г.) предположила, что изъ этой, принадлежащей Учебному округу недвижимости по ул. Александріи, можно отдать Гимназіи всего часть, для расширенія двора и сада, остальное же продать съ торговъ тому, кто пожелаетъ, за сумму въ пользу казны. Собственность Учебнаго округа попечитель Витте надлежаще не отстаивалъ, тѣмъ болѣе, что предполагалось, что подъ помещеніе Женской Гимназіи будетъ отданъ просторный архіепископскій домъ; явились было уже покупатели, изъ жителей Варшавы, съ разными предложеніями, какъ на всю эту мѣстность предъявила притязаніе частная Дѣтская лѣчебница доктора Сикорскаго, учредители которой — Сикорскій, вдова шталмейстера гр. Потоцкая и жена юриста Вротновская — подали, съ вѣдома и при поддержкѣ гр. Берга, просьбу на Высочайшее имя, чтобы учреждаемому ими „Обществу Варшавской Дѣтской больницы” былъ пожалованъ принадлежащій Учебному вѣдомству домъ по Александріи. Запрошенное Комиссіей прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, Министерство народнаго просвѣщенія затребовало мнѣнія попечителя Учебнаго округа. Хотя Витте и вытѣснилъ директора Орлова, но не успѣлъ еще надлежаще сблизиться съ бывшими Русскими гимназіями и достаточно сознать и принимать къ сердцу ихъ потребностей; чуткій болѣе къ желаніямъ въ Замкѣ, онъ не только не обратилъ никакого вниманія на то, что допущеніе устройства частной Дѣтской больницы смежно съ ввѣреннымъ его попеченію учебнымъ заведеніемъ грозило разными опасностями для здоровья учащихся, но и не

¹⁾ Приложенія, 2, № 159.

обусловили, чтобы Больница эта, получая собственность Учебнаго вѣдомства, по крайней мѣрѣ служила учебнымъ цѣлямъ, стала въ непосредственное отношеніе къ медицинскому факультету Университета¹⁾. На запросъ Министерства онъ отвѣтилъ: „такъ какъ въ настоящее время въ означенномъ домѣ особенной надобности для Варшавскаго Учебнаго округа не имѣется, то къ отдачѣ дома № 2768а для помѣщенія Варшавской Дѣтской больницы” съ его стороны „не встрѣчается препятствій”, если для расширенія сада и двора I-й Мужской Гимназіи будетъ прирѣзана часть мѣстности, предположенная бывшей въ 1870 г. Комиссіей для распредѣленія казенныхъ зданій въ Варшавѣ. Всеподданнѣйшая просьба учредителей Больницы была удовлетворена²⁾.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія (въ окт. 1871 г.), эта, принадлежащая Учебному вѣдомству, недвижимость № 2768ас, извѣстная подъ названіемъ „палаца Служко”, вскорѣ затѣмъ была размежевана и передана частію Гимназіи, частію „Обществу Варшавской Дѣтской больницы”. Къ Больницѣ отошла вся площадь съ зданіями и съ небольшою долею сада за главнымъ домомъ³⁾. Къ Гимназіи же отведены (23 марта 1872 г.) два участка: одинъ, бѣльшій, въ 475,55 кв. саж., заключалъ въ себѣ почти весь прежній садъ съ оставшимися еще нѣсколькими фруктовыми деревьями и кустарниками и стоявшею въ немъ „каменною бесѣдкою съ погребомъ, въ разрушенномъ видѣ”; съ трехъ сторонъ его границами

¹⁾ Изъ-за такой своевременной необусловленности произошло то, что медицинскій факультетъ до сихъ поръ не имѣетъ къ ней отношенія, къ существенному ущербу своихъ студентовъ оставаясь безъ соответственной клиники дѣтскихъ болѣзней, хотя изъ всѣхъ варшавскихъ больницъ располагается на бывшей землѣ Медико-Хирургической Академіи и Учебнаго округа именно эта Дѣтская больница.

²⁾ Приложенія, 2, №№ 160—162; наша монографія Къ исторіи Дѣтской больницы въ Варшавѣ, 1—8.

³⁾ Переданы и приняты (5 апр. 1872 г.) „въ пользу и вѣдѣніе Общества Варшавской Дѣтской больницы”, на которое было испрошено и Высочайшее соизволеніе объ отдачѣ. Учредителямъ и принимаемому потребовалось потомъ усиленно прикрывать фактъ несуществованія такого Общества. Тамъ же, I—III, 8—9 стр. и 2 и 3 гл.; Приложенія, 2, № 176.

были каменные стѣны и деревянные заборы, отдѣлявшіе его отъ сосѣднихъ владѣній, а сторона, прилегавшая къ недвижности, отъ которой выдѣлили его, была незагороженной, и тутъ предназначалось построить заборъ; другой участокъ, въ размѣрѣ всего 7,45 кв. сажень, состоялъ „изъ прирѣзка части фронтоваго каменнаго одноэтажнаго домика съ деревяннымъ чуланчикомъ”, которые, какъ ветхіе и ненужные, были предложены къ сломкѣ „для расширенія чернаго двора при Гимназіи”¹⁾.

Прирѣзанные части недвижности № 2768ас слились такимъ образомъ съ поземельною собственностію Учебнаго вѣдомства, занимаемой Гимназіею, и были вскорѣ отгорожены отъ ихъ прежней недвижности заборомъ²⁾.

Теперь исторически ясно, изъ чего и какъ составилось нынѣшнее (сплошное) землевладѣніе Первой Варшавской Мужской Гимназіи.

Сюда вошли:

- 1) бывшая недвижность Общества любителей наукъ (№№ 1320 и 1319) и
- 2) вновь прибрѣтенныя части сосѣдней недвижности № 2768ас, нѣкогда Служко (садъ съ бесѣдкой и часть двора).

Мы видѣли, что Общество любителей наукъ не владѣло бывшей недвижностью Служко (принадлежавшей тогда Зен-

¹⁾ Отмежеваніе и прирѣзку земли произвелъ, по порученію попечителя, архитекторъ Учебнаго округа Подчашинскій, вмѣстѣ съ управляющимъ домомъ № 2768аа, въ присутствіи должностныхъ лицъ Гимназіи. Приложенія, 2, № 163 и планъ № 27. Вышній видъ бесѣдки въ ту пору въ рисунокѣ въ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany*, 1869, № 103. Ср. также выше, 513 стр. изслѣдованія, планъ-рисунокъ недвижности № 2768.

²⁾ По представленіямъ директора Крыжановскаго разрѣшено (17 сент. 1872 г.) „отдѣлить часть переданнаго въ вѣдѣніе I Варшавской Мужской Гимназіи сада отъ остальной недвижности подъ № 2768а деревяннымъ заборомъ, а равно исправить бесѣдку, очистить садъ и привести оный въ надлежащее устройство”; черезъ нѣсколько лѣтъ деревянная ограда замѣнена (1878 г.) каменной. Тѣмъ же

тецкому), какъ не владѣли ею, по дару королей, и доминикане обсерванты. Московская каплица доминиканъ обсервантовъ и затѣмъ домъ Общества, стоявшіе впереди этой недвижимости, загорали ея собою отъ Краковскаго предмѣстья. Получивъ всю доминиканскую площадь („въ цѣломъ ея размѣрѣ”), Общество выстроило тутъ себѣ домъ (№ 1320), съ предоставленіемъ передней части земли подъ памятникъ Коперника, и прикупило еще домъ кс. миссіонеровъ (№ 1319). Это владѣніе (№№ 1320 и 1319) Общества и досталось, преемственно, Гимназіи. Въ немъ древняя основа — земля Московской каплицы, Царской усыпальницы¹⁾. Не таковъ составъ и не таковы судьбы сосѣдней съ нимъ недвижимости № 2768²⁾, части которой, со стоящею въ глубинѣ ея сада старинною каменною бесѣдкой, отдѣлены отъ нея и присоединены къ историческому мѣсту и слились съ нимъ только въ 1872 году, придавая нынѣшней земельной площади Гимназіи неправильную форму³⁾.

Этотъ историко-топографическій и историко-археологическій научный выводъ, обнаруживая, изъ чего составилось нынѣшнее землевладѣніе Гимназіи, также исторически показываетъ, что находящаяся теперь въ саду Гимназіи старинная каменная бесѣдка не была и не могла быть, нѣкогда принадлежавшею доминиканамъ, Варшавскою усыпальницей царя Шуйскаго.

Крыжановскимъ возведена (1876 г.) каменная стѣна для отдѣленія гимназическаго сада отъ мѣстностей, прилегающихъ къ нему съ задней стороны (недвижимости Острейхера, № 76/1316, и Ивашкевича, № 70/1315), такъ какъ прежнія деревянныя стѣны были ветхи и при неисправности ихъ „гимназическій садъ представлялъ мѣста сборища мальчишекъ изъ сосѣднихъ дворовъ”.

¹⁾ Выше, гл. IX, стр. 187 и слѣд., 205—206, 235—236, 334, 340—341, 373—375, 391, 397—398, 416—417, 418, 496, 506—507, 511, 526—528, 533—534.

²⁾ Выше, 194—205, 337, 396—415, 496, 506—510, 513 стр. и Приложенія, кн. 1, №№ 137, 142, 151, кн. 2, №№ 24—39, 157, 185, главы №№ 15, 16, 17, 19, 26, 27.

³⁾ Приложенія, 2, планъ № 28 и планъ недвижимости Гимназіи въ позиціи XXIV гл. изслѣдованія; ср. 408—409 стр. и Приложенія, 2, планъ № 19.

Не довольствуясь полученнымъ изъ недвижимости № 2768, учредители Дѣтской больницы пожелали, чтобы „Обществу“ Больницы была отдана и часть, отошедшая къ Гимназіи. Побуждаемый гр. Потоцкой, намѣстникъ гр. Бергъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ представленіе въ Министерство народнаго просвѣщенія, которое обратилось за мнѣніемъ къ попечителю. Тогда только-что вступилъ въ отправление обязанностей новый, третій по порядку, директоръ Гимназіи, энергичный и настойчивый Е. М. Крыжановскій (1871—1883)¹⁾, который, несмотря на доставленное ему представленіе Берга, письменно изъяснилъ (въ концѣ мая 1872 г.) попечителю всю надобность сада для Гимназіи и достаточность для Больницы отведеннаго ей мѣста и на этомъ основаніи ходатайствовалъ „объ оставленіи и на будущее время отведенной въ пользу Гимназіи части сада, въ особенности необходимаго въ виду предполагаемаго устройства при Гимназіи пансіона, въ которомъ чувствуется необходимость и который могъ бы быть устроенъ въ недалекомъ будущемъ“. Министру отвѣтилъ (3 іюня), за временнымъ отсутствіемъ Витте, управляющій Учебнымъ округомъ помощникъ попечителя Воронцовъ-Вельяминовъ²⁾, что онъ, съ своей стороны не можетъ не признать вполне уважительными доводы директора касательно необходимости оставленія и на будущее время участка сада въ пользованіи Первой Варшавской Гимназіи“.

Управленіе Больницы не уснокоилось. Сносъ прежнія зданія и постепенно сооружая вмѣсто нихъ новыя, оно рѣшило для дѣтей съ сыпными болѣзнями построить отдѣльный флигель, мѣстомъ для котораго намѣтило площадь гимназическаго сада. Объ исходатайствованіи разрѣшенія на передачу въ собственность Больницы если не всего, то части сада, оно обратилось (дѣтомъ 1879 г.) къ генералъ-губернатору

¹⁾ Затѣмъ онъ перешелъ на службу въ С.-Петербургъ, въ Учебный комитетъ при Св. Синодѣ, гдѣ широко развернулась его и литературная дѣятельность. „Собраніе сочиненій Е. М. Крыжановскаго“, въ трехъ томахъ (Кіевъ, 1890), въ предисловіи дана и обстоятельная біографія его.

²⁾ Впослѣдствіи попечитель Кіевского Учебнаго округа.

Коцебу, который поручилъ рассмотреть просьбу начальнику губернии барону Медему. Знакомый съ воззрѣніями генералъ-губернатора, „не скрывавшаго своихъ антипатій ко всему русскому“, Медемъ старался склонить на уступку только-что прибывшаго новаго попечителя А. А. Апухтина (1879—1897). Изучивъ дѣло, Апухтинъ самъ написалъ черновикъ всего отвѣта (18 сент. 1879 г.) губернатору¹⁾, гдѣ, между прочимъ, излагалъ: „если лѣченіе больныхъ дѣтей дѣло весьма благодѣтельное, то нельзя не согласиться, что предохраненіе здоровыхъ дѣтей отъ заразныхъ болѣзней дѣло еще болѣе благодѣтельное, заслуживающее еще бѣльшаго сочувствія“; къ тому же: 1) прирѣзка къ Гимназіи сада изъ мѣстности, принадлежащей Учебному вѣдомству, была произведена по Высочайшему повелѣнію; 2) если въ томъ же году, когда производилась эта прирѣзка, безуслѣшно поднимался вопросъ объ отдачѣ сада Больницѣ, то теперь подобная уступка была бы уже слишкомъ чувствительна для Гимназіи, имѣющей не 7 классовъ и около 200 учениковъ, какъ въ ту пору, а цѣлыхъ 12 классовъ съ 450 учениками; 3) положеніе Гимназіи въ сосѣдствѣ съ Дѣтской больницей и въ настоящее время „даетъ себя чувствовать весьма неблагоприятно: такъ, въ минувшемъ году часты были заболѣванія учениковъ, живущихъ на гимназическомъ дворѣ, корью и оспою, и былъ одинъ случай даже черной оспы, окончившійся смертію (дита служителя); тѣмъ болѣе можно ожидать вреда, если въ непосредственной близости съ Гимназіею будетъ еще устроена особая больница для сыпныхъ больныхъ, такъ какъ извѣстно, что сыпныя болѣзни крайне заразительны“; 4) гимназическая территорія совсѣмъ не такъ обширна, какъ представляется, и садъ, служащій единственнымъ мѣстомъ освѣженія дѣтей послѣ сидѣнья въ душныхъ классахъ, заключаетъ въ себѣ лишь около квадратной сажени на чело-вѣка, „чего весьма недостаточно не только для бѣганія и игръ,

¹⁾ Приложенія, 2, № 177.

но даже и для прогулки такой массѣ дѣтей". Поэтому попечитель заключилъ, что онъ не только не можетъ согласиться на отчужденіе сада или части его, но еще просить „совершенно отклонить устройство сыннаго отдѣленія въ Варшавской Дѣтской больницѣ, въ виду близкаго расположенія ея отъ Варшавской I-ой Гимназіи". Управленіе Больницы предлагало было произвести обмѣнъ части своего двора на часть гимназическаго сада, и какъ Медемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ни посылать свои ходатайства и запросы попечителю, и директоръ Крыжановскій не былъ бы прочь расширить этимъ гимназическій дворъ, Алухтинъ и Воронцовъ-Вельяминовъ утвердили мнѣніе большинства членовъ хозяйственнаго комитета Гимназіи, которые находили, что предлагаемая площадь слишкомъ мала, дворъ расширится немного и все равно будетъ замкнутъ и душенъ, необходимость въ саду усилится, при все возрастающемъ количествѣ учащихся и особенно съ устройствомъ интерната, а опасность отъ близости Больницы увеличивается. Въ послѣдній разъ отвѣтъ былъ данъ (30 апр. 1883 г., за подписью Воронцова-Вельяминова) въ томъ смыслѣ, что замѣна больничнаго двора на гимназическій садъ „не можетъ быть признана полезною" для учебнаго заведенія ¹⁾.

Послѣ того каждое учрежденіе — и Гимназія, и Дѣтская больница — спокойно остались при тѣхъ земельных участкахъ, на которыхъ онѣ стоятъ и которыми владѣютъ и въ настоящее время ²⁾. Въ 1882 году была составлена оцѣночная опись ³⁾ всей недвижимости Гимназіи, гдѣ всѣ зданія оцѣнены въ 66,370 р. и гдѣ, вмѣстѣ съ указаніями домовъ на Краковское предмѣстье и Новый Свѣтъ приблизительно

¹⁾ Подробности въ нашей монографіи Къ исторіи Дѣтской больницы въ Варшавѣ, 9—10, 40—45.

²⁾ Только Больницею была продана (1874—1879 гг., соотвѣтственно съ урегулированіемъ улицы въ 1872 г.) городу небольшая передняя полоса въ 501,81 кв. локт., для расширенія ул. Александрія. Тамъ же, 24—32, и въ Приложеніи, 2, планъ № 27.

³⁾ Приложенія, 2, № 183 (въ Архивѣ Гимназіи и Магистрата).

въ прежнихъ ихъ внѣшнихъ видахъ и размѣрахъ ¹⁾ и съ означеніями разныхъ надворныхъ построекъ, впервые занесена въ общую официальную городскую опись недвижимости №№ 1319/20/21 и садовая бесѣдка, по прежнимъ описямъ всегда значившаяся на сосѣдней недвижимости № 2768. И если въ приѣмно-сдаточномъ протоколѣ 23 марта 1872 года отмѣчалось: „въ саду находится каменная бесѣдка съ погребомъ, въ разрушенномъ видѣ“ ²⁾, то теперь въ оцѣночной описи 7 мая 1882 г., кромѣ означенія состоянія и матеріала бесѣдки, сообщается, какъ и въ старинныхъ описяхъ ³⁾, объ ея формѣ и размѣрахъ, и присоединяется еще ея стоимость. Именно: „Павильонъ въ саду весь каменный, ветхій, съ крышею изъ гонта, построенъ въ восьмиугольникъ, всего въ длину и ширину по 9½ локтей, вышина 8½ локтей; оцѣнивается вообще въ 100 рублей“ ⁴⁾.

Объ этомъ старинномъ зданьицѣ, которому дотолѣ не придавали никакой серьезной роли въ исторіи, вскорѣ потомъ создали, благодаря находженію его уже на гимназической землѣ, цѣлую легенду о необыкновенномъ историческомъ значеніи его; легенда пріобрѣла во мнѣніи многихъ такую вѣру, которая отстаивалась и отстаивается ими со всею энергіей и убѣжденностью. Произошло это при окончательномъ переустройствѣ занимаемаго Гимназіей дома.

¹⁾ Длина главнаго зданія по Краковскому предм. 70¾ локт., ширина по Новому Свѣту 29¾ л., по Александріи 20 л., оцѣненъ въ 38,100 р.; домъ по Новому Свѣту длиною по фронту 8½ л., ц. 18,350 р. Ср. размѣръ зданій и земли по Крак. предм. и Нов. Свѣту выше, стр. 187, 205, 340, 388, 390, 398, 495, 496. По Александріи домъ былъ рядомъ съ № 2768а (Дѣтская больница), по Нов. Свѣту съ № 1318. Послѣдній былъ прежде миссіонерскимъ (выше, стр. 189, 194, 315, 373—375), съ закрытіемъ монастыря — собственность казны, отъ которой въ 1866 году пріобрѣли частные владѣльцы. Ипотечный Архивъ, недвижимость № 1318.

²⁾ Выше, 538 стр.; Приложенія, 2, стр. 332.

³⁾ Выше, 194, 197—199, 415, 509—510; Приложенія, кн. 2, № 26, стр. 49, и слѣд. №№; стр. 326; кн. 1, стр. 246.

⁴⁾ Приложенія, 2, стр. 268 и № 185.

Окончательное переустройство Русской школы и памятника Копернику на землѣ бывшей Московской каплицы и состояніе ихъ въ настоящее время *).

Укрѣпленіе въ Привислинскомъ краѣ государственно-объединительныхъ реформъ и въ частности по Вѣдомству народнаго просвѣщенія — Мѣры по установкѣ быта Первыхъ Варшавскихъ Гимназій. — Помѣщеніе Женской Гимназіи въ собственномъ домѣ, съ перестройкой его и сооруженіемъ въ немъ церкви; учрежденіе педагогическихъ классовъ. — Дѣло пересооруженія зданія I Мужской Гимназіи съ устройствомъ церкви, не только для потребностей школы, но уже какъ и памятника на мѣстѣ бывшаго погребенія царя Василя Ивановича Шуйскаго. — Строительные проекты. — Старое зданіице въ саду Гимназіи, принятое за сохраняющуюся царскую усыпальницу, и документальное установленіе дѣйствительнаго мѣста погребенія ц. Шуйскаго. — Высочайшее утвержденіе проекта зданія съ фасадомъ въ русскомъ стилѣ. — Отпускъ дополнительныхъ казенныхъ средствъ. — Частныя пожертвованія. — Направленіе въ литературѣ противъ строительнаго дѣла чрезъ подрывъ историческихъ основаній. — Выполненіе сооружений. — Свойства живописи. — Освященіе. — Современное состояніе Гимназій. — Заботы о памятникѣ Коперника. — Поправки его. — Празднованіе 400-лѣтняго юбилея рожденія Коперника. — Капитальное пересооруженіе памятника и обнесеніе его скверомъ въ связи съ строительствомъ по Гимназіи, и современное его состояніе. — Заключение.

Устанавливаемые съ 60-хъ годовъ общегосударственныя объединительныя реформы по Привислинскому краю, во многихъ частяхъ осуществлявшіяся болѣе на бумагѣ, нежели на дѣлѣ, съ начала 80-хъ годовъ вводились въ жизнь съ тою настойчивою послѣдовательностію, какою вообще отличалась окраинная система въ царствованіе императора Александра III. Правительство видимо не желало и въ сферѣ

*) Литература въ примѣчаніи къ предыдущей главѣ, стр. 514—515, о памятникѣ — ниже.

Вѣдомства народнаго просвѣщенія повторить то, что случилось съ учебною реформой 1840 года, имѣвшею задачей „постепенное, хотя и не постепенное, слияніе народностей“. Тогда, съ оставленіемъ, въ учрежденномъ Учебномъ округѣ, прежняго внутренняго управленія и по „отсутствію прочной, строгой системы“, „полонизмъ вступилъ въ борьбу съ реформою“. „Достигнувъ скоро торжества въ цѣлой системѣ преподаванія и воспитанія, подчинивъ себѣ всѣ предметы русскаго обученія“, онъ уже „не находилъ болѣе нужнымъ удерживать себя“, такъ что въ принимаемыхъ мѣрахъ „къ обузданію мятежнаго духа учебныхъ заведеній“ „идея слиянія народностей постепенно уступала мѣсто заботамъ о внѣшнемъ порядкѣ“, и, послѣ преобразовательныхъ теченій конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, „все дѣло русскаго обученія пришло“ въ 1864 году „начинать какъ бы вновь“¹⁾. Введеніе общегосударственнаго русскаго языка, какъ органа преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, если въ 70-хъ годахъ и „закончилось“, какъ писалось, „самый трудный и важный свой періодъ“, то далеко не фактически, „вслѣдствіе недостатка русскихъ педагоговъ и другихъ причинъ;“ то же замѣчалось и во многихъ другихъ частяхъ учебной реформы.

Исполнителями системы императора Александра III были по общему управленію краемъ І. В. Гурко, по учебной части преемникъ Ф. Ф. Витте А. Л. Апухтинъ, вносящіе въ служебное дѣло большую энергію, а также и свое личное пониманіе государственныхъ задачъ. Относительно школы Гурко говорилъ: „Воспитывать молодое поколѣніе въ духѣ полной вѣрнопопданности монарху и вѣрнопреданности интересамъ Россіи, возбудить въ немъ глубокое сознаніе необходимости нераздѣльнаго единенія окраинъ съ центромъ отечества — вотъ великая задача дѣятельности Учебнаго вѣдомства“. Свою руководящую точку зрѣнія на тотъ же пред-

¹⁾ Русскія школы и обученіе русскому языку въ Привислянскомъ краѣ до изданія указовъ 30 августа 1864 года, директора Е. М. Крыжановскаго, въ III томѣ его Собранія сочиненій.

метъ попечитель Алухтинъ опредѣлилъ въ официальной запискѣ, поданной имъ по поводу бывшихъ толковъ объ обрусеніи „силою” и о пользѣ внушенія польскимъ юношамъ идей о „матеріальной” выгодѣ сближенія съ Россіей. „Какъ не дѣло русскихъ педагоговъ, писалъ онъ, брать на себя неисполнимую задачу — силою обрусить цѣлый край, каковая задача никакими постановленіями имъ не была и указана, такъ и не ихъ дѣло внушать польскому юношеству, что не по долгу и не въ силу исторической необходимости, а по сознанию матеріальной выгоды, могущей произойти отъ искренняго союза поляковъ съ Имперією, они должны быть русскими вѣрно подданными”. Если въ воспитаніи и образованіи польскаго юношества выдвигалось развитое сознание нравственнаго долга, то достиженіе подобной цѣли тѣмъ болѣе вмѣнялось при образованіи русскаго юношества. Царствованіе императора Александра III, который на международныя дѣла посматрѣлъ съ точки зрѣнія дѣйствительно національно-русскихъ и государственныхъ интересовъ¹⁾ и потому и во внутренней жизни поднималъ значеніе основной государственной народности, отразилось на Вѣдомствѣ просвѣщенія въ Царствѣ и этою стороною. „Въ теченіе 12 лѣтъ моей службы въ здѣшнемъ краѣ — призналъ (1894 г.) Гурко, на прощаньи съ членами Учебнаго вѣдомства²⁾ — я имѣлъ счастье радоваться, глядя на дѣятельность Учебнаго вѣдомства въ духѣ русской народности и ея интересовъ”.

Что касается собственно „преподаванія всѣхъ предметовъ какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на государственномъ русскомъ языкѣ”, то Алухтинъ продолжалъ и отстаивалъ его, какъ уже наслѣдованную имъ прямо обязательную³⁾, „систему, введенную съ такими

¹⁾ Паша монографія: Россія и Западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Къ исторіи царствованія императора Александра III. Варшава, 1904.

²⁾ Рѣчь помѣщена тогда же въ Варшав. Дневникѣ, 1894, дек.

³⁾ Въ другой его запискѣ, представленной по отставкѣ министру Н. П. Боголюбову, въ началѣ 1908 г.

усиліями и съ такимъ трудомъ исполнителемъ Высочайшихъ предначертаній попечителемъ, сенаторомъ Витте, съумѣвшимъ водворить во всеѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края, начиная съ начальнаго училища и до Университета, государственный языкъ.”

Соотвѣтственно съ этимъ продолжая количественное и качественное развитіе учебныхъ заведеній въ краѣ,— причемъ для средняго и высшаго школьнаго образованія мѣстные жители были поставлены въ несравненно болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ даже въ центрѣ, не говоря уже о другихъ частяхъ Имперіи, за исключеніемъ остзейской ¹⁾,— Учебное вѣдомство приложило большія старанія, чтобы лучше охранять русскихъ дѣтей отъ мѣстныхъ вліяній и прочнѣе обезпечить ихъ національное воспитаніе. При мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ учреждались для русскихъ должности законоучителей, заводились интернаты; прежнія Русскія Гимназіи въ Варшавѣ были поставлены въ такія условія, чтобы могли возможно ближе отвѣчать своему прямому назначенію.

¹⁾ Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета (правит. изданіе), XXI, 54 (развитіе учебныхъ заведеній за періодъ 1873—1904 г. г.; В. Власовъ, Центръ Россіи и ея окраины въ культурно-экономическомъ отношеніи (изданіе Русскаго Общества въ Варшавѣ на началахъ манифеста 17 октября), Варшава, 1906, 6—7, съ приложеніемъ сравнительныхъ статистическихъ таблицъ учебныхъ заведеній въ краѣ и въ другихъ частяхъ Имперіи. По этимъ таблицамъ, въ 1897 г. у Министерства просвѣщенія въ ц. Польскомъ одно среднее мужское учебное заведеніе приходилось на 110,766 населенія мужскаго пола и 3,281 кв. версту; въ центрѣ на 161,478 чел. и 19,928 кв. версть, въ Малороссіи на 191,307 мужчинъ и 6,277 кв. версть, и т. д. По статистическимъ вычисленіямъ начала 1900-хъ годовъ (Русскій Вѣстникъ, 1902, XI, 205), „на 9,400,000 жителей въ Привислинскомъ краѣ гимназій 21, т. е. одна гимназія на 450,000 жителей; въ Московскомъ округѣ на 18,000,000 жителей гимназій 23, т. е. одна гимназія на 800,000 жителей” и т. д.; „въ Москвѣ на 1,000,000 жителей 7 гимназій, въ Варшавѣ на 600,000 жителей 7 гимназій”. Въ Варшавскомъ Учебномъ округѣ за время управленія Алухтинымъ учреждены 3 мужскія гимназіи, реальное и ремесленное училище и при Варшавскомъ Реальномъ Училищѣ открыты параллельные классы, при женскихъ гимназіяхъ образованы седьмые классы, открыто 6 городскихъ училищъ и около 300 начальныхъ, и въ 1895 г., послѣ многократныхъ ходатайствъ Алухтина, рѣшено отпускать изъ казны добавочное пособіе въ 230,000 руб. въ годъ на улучшеніе постановки начальнаго образованія. Срав. Отголоски, 1897, № 58.

Сдѣлавшись въ 70-хъ годахъ школами для всѣхъ, Первыя Мужская и Женская Варшавскія Гимназіи до того, какъ мы видѣли ¹⁾, наполнились польскими, нѣмецкими и еврейскими дѣтьми, что въ нѣкоторыхъ классахъ, обыкновенно параллельныхъ отдѣленій, инородные элементы преобладали по количеству надъ русскими; русскимъ, за неимѣніемъ мѣста, приходилось отказывать въ пріемѣ; разроставшихся учебно-вспомогательныхъ учреждений негдѣ было помѣщать. Чтобы пріостановить искусственный наплывъ инородныхъ, плата была теперь уравнена съ другими гимназіями. Параллельные классы въ Мужской Гимназіи сокращались (съ 1884 г.), съ уменьшеніемъ новаго пріема или, отчасти, съ постепеннымъ переводомъ инновѣрцевъ въ другія гимназіи, взамѣнъ переводимыхъ оттуда русскихъ учениковъ; учащихся изъ евреевъ Министерство установило (1889 г.) совсѣмъ не принимать въ эти Гимназіи. Прилагались мѣры къ привлеченію сюда наиболѣе видныхъ преподавателей.

За неимѣніемъ своего помѣщенія странствовавшая изъ дома въ домъ, Первая Женская Гимназія ютилась временно въ ветхомъ домѣ Финансоваго вѣдомства (на Рымарской ул., рядомъ съ Банкомъ), въ бывшей квартирѣ главныхъ директоровъ, во второмъ этажѣ, когда въ нижнемъ оставались квартиры чиновниковъ, а въ верхнемъ польскіе мужскіе рисовальные классы, для взрослыхъ; во всѣ эти помѣщенія вела одна темная ветхая лѣстница; классы были проходные. Поднявшейся (1883 г.) перепискѣ о передачѣ этого дома въ собственность Женской Гимназіи, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ приспособленъ къ ея задачамъ, оказывалъ поддержку Гурко. При своемъ посѣщеніи (27 авг. 1884 г.) Гимназіи Государь, спрашивая объ ея нуждахъ, выразилъ желаніе, чтобы зданіе было передано Гимназіи и соотвѣтственно перестроено. Съ перестройкой дома (1885--1886 г. г.) сообразно съ потребностями учебнаго заведенія, изолированно помѣщенъ пан-

¹⁾ См. выше, стр. 535—536.

сіонъ съ лазаретомъ и устроена, посреди классовъ, красивая, въ русскомъ стилѣ, церковь во имя Казанской иконы Божіей Матери (дорогая икона — подлинный списокъ съ образа въ Казанскомъ соборѣ въ Москвѣ). Церковь сдѣлалась общею для всѣхъ православныхъ ученицъ гимназій и прогимназій Варшавы. Къ Гимназіи отошла часть сада Казенной палаты, особенно надобнаго для живущихъ въ пансіонѣ. Для оканчивавшихъ учреждены въ Гимназіи двухгодичные Педагогическіе курсы, подготовляющіе учительницъ новыхъ языковъ въ женскія среднія учебныя заведенія

По устройствѣ Женской Гимназіи приступили къ сложному дѣлу строительства въ Гимназіи Мужской. Если была настоятельная надобность въ пансіонѣ въ Женской Гимназіи, то она сильно чувствовалась и здѣсь. Русскихъ учащихся въ мужскихъ среднихъ и высшихъ варшавскихъ школахъ достигло до 1000 человекъ, и церковь Мужской Гимназіи становилась уже недостаточной. Надобно было также удовлетворить возраставшимъ учебнымъ и гигиеническимъ нуждамъ, улучшить расположеніе и размѣры классовъ, помѣщеніе бібліотеки, учебныхъ кабинетовъ, имѣть рекреаціонный залъ, и т. п. Тогда весьма пожалѣли, что Витте уступилъ въ стороннее владѣніе большую часть сосѣдней недвижимости, принадлежавшей Учебному вѣдомству: тамъ можно было бы расположить многія изъ дополнительныхъ сооружений, а въ самой Гимназіи удержать и развитъ параллельные классы, чтобы въ ней могъ учиться несравненно большій комплектъ воспитанниковъ; теперь же та уступленная недвижимость, съ ея новыми зданіями и бараками для больныхъ дѣтей даже съ сыпными и др. заразными болѣзнями, побуждала еще, въ предупрежденіе заразы оттуда, лишь прочнѣе отгораживаться отъ нея. Приходилось ограничиться имѣвшеюся площадью и стоящими на ней зданіями. Самый домъ, обветшалый, выстроенный не для школы и со многими техническими улущеніями и не разъ въ разныхъ частяхъ подираваемый и измѣняемый, представлялъ, кромѣ неудобствъ, и много опаснаго. Начатыя капиталныя работы по поправ-

камъ, перестройкамъ и надстройкамъ вели къ измѣненію внѣшняго вида зданія. Однако измѣненіе фасада главнаго дома вызвало упорное, тайное и явное, противодѣйствіе, главные мотивы къ которому инициаторы стройки предполагали въ стремленіи сохранить внѣшнее напоминаніе о дѣятельности бывшаго Общества любителей наукъ и въ надеждѣ со временемъ, при какихъ либо новыхъ обстоятельствахъ, получить этотъ домъ для подобнаго же польскаго учрежденія. Но несомнѣнно, при перестройкѣ встрѣчалась масса техническихъ трудностей по приспособленію новаго къ старымъ частямъ и средства долго не были достаточны для выполненія строительныхъ плановъ. Рѣшительную помощь предпринятому дѣлу по сооруженіямъ оказало покровительство Александра III, обратившаго вниманіе на потребности учебнаго заведенія и на государственное историческое значеніе мѣста, какъ мѣста погребенія русскаго государя Василя Ивановича Шуйскаго. Устраивалось теперь не только, какъ зданіе учебнаго заведенія, но уже, значительно, и какъ русскій государственный памятникъ, съ соотвѣтствовавшими тому внутренними и внѣшними свойствами.

Съ тѣхъ поръ какъ домъ Общества поступилъ подъ помѣщеніе учебныхъ заведеній, начальства ихъ указывали на его неудобства и недостатки и хлопотали о капитальныхъ его перестройкахъ; не было ни одного директора Гимназіи, который не старался бы о томъ же ¹⁾. Когда случился (1885 г.) въ Гимназіи пожаръ, въ зависимости отъ дымовыхъ трубъ, вопросъ о серіозныхъ исправленіяхъ въ домѣ немедля подняли архитектора, а за ними и директоръ. По осмотрѣ всего зданія, архитекторы, „руководствуясь условіями безопасности, а также гигиеническими и педагогическими соображеніями, относительно приведенія зданія Гимназіи въ надлежащее состояніе, пришли къ выводамъ” о необходимости исправить сооруженія и фундаменты въ разныхъ

¹⁾ Выше, 507—508, 512—513, 536—537.

частяхъ и „совершенно измѣнить внутреннее расположеніе какъ главнаго корпуса, такъ и боковаго”. Въ Управленіи Учебнаго округа намѣтили средства изъ специальныхъ строительныхъ суммъ по Округу, и директоръ Гимназіи А. Л. Стефановичъ (1883—1897 г. г.) вошелъ къ попечителю Анухтину, съ предварительнаго разрѣшенія его, съ вторичнымъ представленіемъ (9 марта 1888 г.), въ которомъ снова, опираясь на сужденія архитекторовъ, обрисовалъ крайне неудовлетворительное состояніе ветшающаго дома и изложилъ потребности Гимназіи относительно корридоровъ, пансіона, церкви и т. п.

Первоначальныя строительныя предположенія оставляли по возможности прежній фасадъ главнаго зданія, сооруженнаго Обществомъ любителей наукъ (№ 1320); они намѣчали внутреннюю передѣлку въ этомъ домѣ и существенныя перестройки втораго дома, прежняго миссіонерскаго, на Новомъ Свѣтѣ (№ 1319). Таковъ проектъ польскаго архитектора А. Яблонскаго, по чертежамъ котораго были произведены строительныя работы въ Первой Женской Гимназіи. Въ подкрѣпленіе и объясненіе своего проекта Яблонскій докладывалъ (20 дек. 1889 г.) Анухтину¹⁾: „Въ планѣ зданія, выстроеннаго для другихъ цѣлей, а служащаго теперь помѣщеніемъ Гимназіи, есть оромные недостатки. Классныя помѣщенія разбросаны по разнымъ этажамъ, что крайне затрудняетъ надзоръ за учащимися, тѣмъ болѣе, что по недостатку корридоровъ имѣются проходные классы. Такъ какъ нѣтъ ни корридоровъ, ни рекреационнаго зала, то ученики все время пребываютъ въ тѣхъ же классахъ, въ которыхъ вслѣдствіе этого воздухъ дѣлается невыносимымъ и крайне нездоровымъ. Этихъ недостатковъ плана безъ основательной перестройки зданія устранить нельзя”. Требуютъ исправленія „разные важныя конструктивныя недостатки” и самого зданія. „Фундаменты, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сложенные изъ матеріала, въ настоящее время сгнившаго и вываливающагося, что угро-

¹⁾ Приложенія, 2, № 165.

жасть устойчивости стѣнъ”, придется основательно реставрировать, или, гдѣ стѣны окажутся тонкими, выстроить фундаменты и стѣны соответственной толщины „совершенно новые, устранивъ старые”. У главнаго дома „лицевая стѣна со стороны площади Коперника и часть лицевой стороны Новаго Свѣта, сходной съ ней архитектуры, подлежащей толщины, выстроена крѣпко изъ доброкачественнаго матеріала, можетъ быть оставлена”, какъ вполне благонадежны и остальные наружныя стѣны, если бы даже соорудить новый этажъ; придется исправить лишь штукатурку и замѣнить новыми оконныя рамы и переплеты; средняя же стѣна, много разъ передѣлываемая и опасная въ пожарномъ отношеніи, ходы домовыхъ трубъ, представляющіе несообразности, полы, разрушающіеся отъ старости, опустившіяся балки подъ полами, а слѣдовательно и потолки, стоящія на полахъ печи, неодинаковый уровень половъ со ступенями изъ одного помѣщенія въ другое, — все это и подобное нуждается въ передѣлкахъ или новыхъ сооруженіяхъ. Новосвѣтскій флигель требуетъ серіозныхъ перестроекъ по состоянію своихъ стѣнъ и внутреннихъ частей. Яблонскому попечителю поручилъ составить согласныя съ докладомъ смѣты по проекту.

Но въ строительномъ отдѣленіи Варшавскаго Губернскаго правленія признали, что этотъ „проектъ перестройки зданія Варшавской I Мужской Гимназіи не вполне удовлетворяетъ правиламъ Устава строительнаго гражданской архитектуры и строительнаго искусства”; болѣе всего выразилось опасеніе, что многое нельзя выполнить безъ значительныхъ измѣненій въ фасадѣ главнаго зданія, который, конечно, долженъ быть непременно сохраненъ. Возвращая проектъ попечителю для новыхъ исправленій, варшавскій губернаторъ баронъ Медемъ сообщилъ (23 іюля 1890 г.), что онъ согласенъ съ заключеніемъ относительно техническихъ требованій, но не относительно измѣненій въ фасадѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, „нынѣшній фасадъ ничего замѣчательнаго не представляетъ и никакихъ препятствій къ его измѣненію не

встрѣчается". Исправленный проект перестройки дома со смѣтою въ 138,842 р. 40 к. былъ потомъ (въ окт.) утвержденъ строительнымъ отдѣленіемъ, а тѣмъ временемъ попечитель исходатайствовалъ у министра произвести надобный расходъ на счетъ ассигнуемой въ его распоряженіе суммы на строительныя, въ ближайшіе (1891—1893 г. г.) годы, нужды по Учебному округу и поручить перестройку особой строительной комиссіи, съ предоставленіемъ ей правъ, какія даны дѣйствовавшей комиссіи по сооруженію бібліотеки Варшавскаго Университета.

Образованная, съ Высочайшаго разрѣшенія (28 іюня 1891 г.), такая комиссія составилаь подъ предсѣдательствомъ директора Стефановича и съ участіемъ архитекторовъ Яблонскаго (университетскаго) и Покровскаго (незадолго до того опредѣленнаго въ Учебный округъ). Къ строительнымъ работамъ приступили съ ранняго строительнаго сезона 1892 года. Начали съ дома по Новому Свѣту. Но едва стали разбирать его дальнюю боковую стѣну, какъ она, неожиданно, оказалась общею съ домомъ сосѣдняго частнаго владѣльца, который поднялъ судебный искъ. Потребовалось точнѣе установить дѣйствительную границу землевладѣнія Гимназіи и производить стройку безъ вреда сосѣднему зданію ¹⁾. По ходатайству (30 апр. 1892 г.) попечителя министръ просвѣщенія разрѣшилъ построить новую стѣну, рядомъ съ оказавшейся общею. Весь флигель, какъ ветхій и не отличавшійся никакими архитектурными достоинствами, былъ разобранъ до основанія, и вмѣсто него выстроены новый четырехъ - этажный флигель ²⁾, обнимающій дворъ со всѣхъ сторонъ.

¹⁾ Новосвѣтскіе дома подъ №№ 1319 и 1318, какъ мы видѣли (стр. 189, 373—375, 467), принадлежали некогда ксенздамъ миссіонерамъ, которые, продавъ первый домъ Обществу любителей наукъ, возвели потомъ надстройку у оставшагося у нихъ втораго дома, оперши ее и на стѣну дома № 1319; послѣ закрытія монастыря домъ № 1318, поступивъ въ казну, былъ проданъ (1866 г.) въ частныя руки.

²⁾ Ниже, въ концѣ главы, планъ недвижимости Гимназіи; Приложенія, 2, № 175 и планъ № 128.

Важнѣйшія трудности встрѣтились по пересооруженіямъ въ главномъ домѣ, который стоялъ фасадомъ на Краковское предмѣстье. За невозможностью помѣщенію церкви придать такіе размѣры, чтобы въ ней одновременно были за богослуженіемъ православные воспитанники не только ея Гимназіи, но и учащіеся во всѣхъ варшавскихъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства просвѣщенія, предположили создать въ домѣ церковь съ тремя престолами, чтобы по праздникамъ совершалось въ ней послѣдовательно два и даже три богослуженія для учащихся; также сознавалась важность, кромѣ сохраненія прежняго олтара въ честь св. Кирилла и Меѳодія, сблизить храмъ какъ съ воспоминаніями о началѣ основанія Гимназіи и Московскаго Университета, такъ и съ переживаемымъ тогда русскими спасеніемъ Наслѣдника престола Николая Александровича отъ угрожавшей опасности въ Японіи, почему предполагалось устроить еще два престола—въ честь св. мученицы Татіаны (12 янв.) и во имя св. Николая Чудотворца. „Конкурсъ на составленіе проекта по устройству церкви съ тремя престолами въ старорусскомъ стилѣ въ зданіи Гимназіи” попечитель поручалъ (23 апрѣля 1892 г.) „учредить между архитекторами Цокровскимъ и Яблонскимъ”, съ условіемъ, чтобы „расходы по устройству сказанной церкви не превышали суммы 25,000 руб.”¹⁾ Узнавъ о такомъ планѣ и думая, что въ „величественномъ трехпрестольномъ храмѣ” имѣющійся теперь иконостасъ будетъ „лишнимъ для Гимназіи”, священникъ Пражской Маріинской церкви просилъ, чтобы въ устраиваемый въ ней новый придѣлъ былъ пожертвованъ иконостасъ Гимназической церкви, со всѣми въ немъ иконами, или по крайней мѣрѣ рамы иконоста. Но въ какой мѣрѣ можно будетъ замѣнить прежнія иконы новыми, пока еще не знали, и въ Пражскую церковь былъ пожертвованъ (въ концѣ апр.) лишь иконостасъ, а изъ иконъ переданъ всего одинъ образъ.

¹⁾ Приложенія, 2, №№ 168—169.

Когда принялись за работы по дому, обнаружилось, какъ недостаточна была экспертиза стѣнъ, данная архитекторомъ Яблонскимъ, старавшимся, чтобы перестройка была произведена съ сохраненіемъ внѣшняго вида зданія. „Оказалось, что весь аттикъ на боковыхъ частяхъ весьма плохъ и что кладка его толщиною въ одинъ, а мѣстами въ $1\frac{1}{2}$ кирпича, со слѣдами многихъ передѣлокъ, держалась въ разныхъ мѣстахъ только конструкціей стропиль, такъ что послѣ снятія крыши для безопасности пришлось аттикъ тотчасъ разобрать. То же самое оказалось и относительно верхней части лицевой стѣны на высоту 4 сажень, которая по первоначально утвержденнымъ чертежамъ показана толщиною въ $4\frac{1}{2}$ кирпича; въ дѣйствительности же оказалось частью въ $1\frac{1}{2}$, а частью въ одинъ толщиною и плохой кладки”. Далѣе обнаружилось крайне плохое состояніе разбитыхъ старыми балками тонкихъ перемычекъ надъ верхними окнами, „почему признавалось необходимымъ разобрать старыя стѣны вплоть до перемычекъ верхняго этажа”. Объявилась ненадежность и „нѣкоторыхъ внутреннихъ стѣнъ въ лицевой части зданія”, но „ихъ чрезвычайной легкости въ нижнихъ частяхъ, состоящихъ изъ небольшихъ устоевъ и тонкихъ столбовъ”. Вообще, „въ разныхъ частяхъ зданія нѣкоторыя старыя стѣны оказались настолько ненадежными и ветхими, что дѣлать къ нимъ пристройки или надстройки немыслимо”. Проектъ стройки, съ его смѣтой и неизмѣняемымъ фасадомъ, сталъ такимъ образомъ совершенно невыполнимымъ.

Добыть средства думали чрезъ продажу за 113,670 р. въ Финансовое вѣдомство участка земли Учебнаго округа на Королевской улицѣ, противъ Саксонской площади (№ 1076). Невольно выступила носившаяся прежде мысль о производствѣ стройки съ измѣненіемъ фасада. И хотя видѣли, что, въ интересахъ удобствъ и полной прочности новаго сооруженія, слѣдовало бы поступить съ этимъ домомъ, какъ сдѣлали относительно дома новосвѣтскаго, но рѣшительно не надѣялись получить ни достаточныхъ суммъ на постройку цѣлаго дома, ни дозволенія снести весь прежній, несмотря на не-

прочность и ветхость его фундамента и нижних стѣнъ. Могли лишь рассчитывать на возможность сооруженія новыхъ частей при сохраненіи и укрѣпленіи старыхъ. Прибывшій въ Варшаву по дѣламъ проектируемаго сооруженія новаго Собора, на Саксонской площади, профессоръ Кіевскаго Университета по исторіи искусствъ А. В. Праховъ, ознакомившись съ положеніемъ строительнаго дѣла по Гимназіи и сужденіями ся администраціи относительно мѣста погребенія царя Шуйскаго, изъявилъ почтителю готовность составить соотвѣтственный планъ лицеваго фасада дома и церкви въ русскомъ стилѣ. Архитекторъ Яблонскій вышелъ изъ строительнаго комитета. По изготовленному проф. Праховымъ проекту, зданіе завершалось 5-ю главами, изъ которыхъ 4 меньшія и 1, средняя, большая, какъ обыкновенно бываетъ въ церквахъ; передняя стѣна очень узорчатая, благодаря орнаментировкѣ (наличникамъ) оконъ; по ея срединѣ, противъ главнаго алтаря, грандіозное, болѣе въ италіанскомъ стилѣ, узорчатое окно съ разноцвѣтными дробными, какъ въ московско-кремлевскихъ теремахъ, стеклами. Разрѣшить производство работъ, если проектъ этотъ будетъ одобренъ Техническо-строительнымъ комитетомъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, и внести въ Государственный Совѣтъ о продажѣ, для строительныхъ потребностей Гимназіи, принадлежащей Учебному округу земли по Королевской ул., министръ просвѣщенія обѣщаль (24 іюня 1893 года) почтителю. По требуемая проектомъ грузная надстройка на старомъ основаніи, какъ архитекторъ ни старался сдѣлать ее легче¹⁾, и самый

¹⁾ Такъ какъ стѣны верхняго этажа — объяснялъ архитекторъ Покровскій — были слишкомъ тонки „и теперь сдѣлать ихъ толще невозможно безъ утолщенія стѣнъ нижнихъ этажей; утолщеніе же стѣнъ повело бы къ срытію всего стараго зданія и слѣдовательно къ слишкомъ большимъ расходамъ, поэтому предположено стѣны центральной части церкви вывести въ два кирпича толщиной изъ пустотѣлаго кирпича и не обременять эти стѣны никакой нагрузкой; куполъ же съ пятью главками сдѣлать изъ желѣзнаго остова и весь грузъ купола и главокъ передать на стѣны 2-го этажа посредствомъ желѣзныхъ подпирныхъ арокъ” и т. д.

видъ фасада были въ С.-Петербургѣ рѣзко забракованы (въ іюлѣ), и было признано „необходимымъ поручить совершенно передѣлать проектъ постройки и, по возможности, значительно удешевить ея исполненіе“. Техническая работа лежала теперь на одномъ Покровскомъ, которому и было предложено попечителемъ составить и самый проектъ, принявъ во вниманіе замѣчанія, сдѣланныя на проектъ Прахова.

Сохраняя основную идею — передѣлку фасада и устройство церкви въ русскомъ стилѣ — и удерживая многія изъ деталей проекта проф. Прахова, архитекторъ-художникъ Н. В. Покровский придалъ всему бѣльшее согласіе, упрощенность и легкость, съ завершеніемъ зданія одною небольшою выделенною главою; фасаду сообщенъ характеръ русскихъ теремныхъ построекъ XVII вѣка. Въ своемъ представленіи новаго проекта гр. Делянову Алухтинъ усиленно просилъ (28 окт.) его, чтобы „какъ разсмотрѣніе проекта въ Техническо-строительномъ комитетѣ, такъ и разрѣшеніе просьбы о средствахъ на окончаніе постройки зданія Гимназіи могли послѣдовать по возможности въ ближайшее время, дабы съ наступленіемъ весны можно было приступить къ работамъ“.

Понятна усиленность просьбы попечителя. Архитекторомъ-строителемъ ему доносилось, что „лицевая часть зданія, находящаяся въ неоконченномъ видѣ уже 2 года, недостаточно будетъ защищена отъ сырости и морозовъ устроеннымъ временнымъ прикрытіемъ и что потому необходимо исполнѣ закончить постройку въ предстоящій лѣтній сезонъ 1894 г. настолько, чтобы эту часть зданія можно было отапливать и вентилировать и что такое окончаніе зданія въ одинъ лѣтній сезонъ будущаго года возможно лишь при условіи, что работы начнутся съ самой ранней весны, т. е., по мѣстнымъ условіямъ, съ начала апрѣля мѣсяца”¹⁾.

Жившіе въ ту пору въ Варшавѣ помнятъ, какое впечатлѣніе, дѣйствительно, производилъ казавшійся точно за-

¹⁾ Приложенія, № 170.

брошенными руинами этотъ домъ, стоявшій безъ крыши, съ разобранными сверху стѣнами, съ полуотбитою штукатуркой, съ окнами, забитыми досками, безъ рамъ и стеколъ, обнесенный деревянными лѣсами, на самомъ видномъ мѣстѣ города, съ приостановленными работами, и какія появлялись корреспонденціи въ заграничныхъ польскихъ изданіяхъ и циркулировали сужденія и слухи, что проекты съ измѣненнымъ фасадомъ одобренія въ строительныхъ учрежденіяхъ не получаютъ.

Для огражденія дѣла отъ препятствій и выясненія дѣйствительнаго значенія его директоромъ А. Л. Стефановичемъ была, съ разрѣшенія попечителя, составлена „Записка о Первыхъ Мужской и Женской Гимназіяхъ въ Варшавѣ” и къ ней присоединены „Свѣдѣнія о временномъ погребеніи тѣла царя Василя Іоанновича Шуйскаго на мѣстности, нынѣ занимаемой Варшавскою 1-ю Мужскою Гимназіею”. Въ „Запискѣ” означались потребности для Гимназіи, которымъ должно удовлетворить перестраиваемое зданіе, а въ краткихъ „Свѣдѣніяхъ”, на основаніи данныхъ у историковъ Карамзина и Соловьева и академика Дубровскаго, авторъ пришелъ къ выводу, что Гимназія была „въ домѣ на бывшей могилѣ царя Василя Шуйскаго”. На это мѣсто, какъ мѣсто погребенія Шуйскаго, вкраткѣ прямо или косвенно и указывалось въ разныхъ польскихъ историческихъ сочиненіяхъ въ описаніяхъ Варшавы и этой мѣстности, хотя обыкновенно безъ ссылокъ на документы и въ легендарныхъ фабулахъ¹⁾; такъ думали и прежде въ Гимназіи въ пору перенесенія (1876 г.) Гимназической церкви въ актовъ залъ²⁾. Но Стефановичъ не остановился на этомъ. Ему теперь „хотѣлось найти и самое мѣсто могилы и вѣроятные слѣды кирпичной

1) Выше, стр. 115, 200, 373, 393; о наиболѣе рѣзкихъ фабулахъ, затмившихъ подлинную исторію мѣста и возникновенія здѣсь доминиканскаго костела, стр. 207—208; лучшее сообщеніе исторіи этого мѣста, какъ мѣста погребенія Шуйскаго, у академ. Дубровскаго, заглавіе выше, 112 стр.

2) Выше, 533—534 стр.

ея кладѣ". За отсутствіемъ въ архивѣ Гимназіи старыхъ плановъ и документовъ, историко-археологическій вопросъ рѣшилъ онъ путемъ собственныхъ догадокъ и предположеній, принявъ за подлинную усыпальницу Шуйскихъ стоявшую въ гимназическомъ саду, извѣстную уже намъ ¹⁾, старинную каменную бесѣдку и въ своихъ предположеніяхъ найдя поддержку и въ сужденіяхъ случайно заѣхавшаго въ Варшаву Кіевскаго ученаго археолога, проф. А. В. Прахова ²⁾. Предположенія раздѣлялъ и попечитель. „Записка" со „Свѣдѣніями" была приложена къ „Циркулярамъ по Варшавскому учебному округу" (1893, № 6), вынущена и отдѣльно (Варшава, 1893) и получила дальнѣйшее официальное движеніе ³⁾.

¹⁾ Выше, стр. 194—195, 197—199, 396—397, 415, 509—510, 540, 544.

²⁾ А. Л. Стефановичъ излагалъ: „Въ 1872 году, я, будучи помощникомъ директора бывшихъ русскихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, приглашенъ былъ однимъ изъ бывшихъ воспитателей Гимназіи къ ученику I класса, который, гуляя въ саду возлѣ старой каменной бесѣдки, упалъ и будто бы сломалъ себѣ ногу. Мальчикъ очень страдалъ; потребовалось сейчасъ же пригласить врача; оказалось, что она не была сломана, а только очень ушиблена и растянута. При разслѣдованіи того, какъ это случилось, оказалось, что мальчикъ, играя возлѣ бесѣдки, попалъ ногой въ дыру, причемъ упалъ и повредилъ ногу. Дыра оказалась въ сводѣ небольшого погреба, вполнѣ соответствующаго каменной палаткѣ подъ поломъ часовни, о которой говоритъ историкъ Соловьевъ, и въ которой могли помѣститься рядомъ только два гроба, третій же оказался нужнымъ поставить на верху одного изъ гробовъ. Тогда же у меня родилась мысль, не это ли могила царя Василія Шуйскаго. Бесѣдка находится въ саду очень далеко отъ всякаго жилого помѣщенія и устроенный подъ нею погребъ не могъ быть полезенъ ни для какихъ хозяйственныхъ надобностей, и вообще странно видѣть погребъ подъ бесѣдкою. Самая бесѣдка нисколько не похожа на обыкновенныя садовые постройки; съ перваго же взгляда на это зданіе, въ немъ видится строеніе церковное съ католическимъ характеромъ; задняя стѣна его представляетъ какъ бы нишу, очевидно, для большого образа и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ для католическаго алтаря. Въ текущемъ году я показавъ бесѣдку профессору Университета св. Владиміра А. В. Прахову, и онъ полагаетъ, что не только погребъ, находящійся подъ бесѣдкою, есть погребальный склепъ, въ которомъ помѣщался гробъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, но что и самая бесѣдка, судя по кирпичамъ и по характеру постройки, есть часовня, построенная Сигизмундомъ III надъ могилою царя Василія Шуйскаго, знаменитая *Kaplica Moskiewska*".

³⁾ „Свѣдѣнія о временномъ погребеніи тѣла царя В. І. Шуйскаго на мѣстности, нынѣ занимаемой Варшавскою I-ю Мужскою Гимназіею", съ означеніемъ: „Изъ представленія директора Гимназіи г-ну попечителю Варшавскаго учебнаго округа", помѣщены въ концѣ „Записки", на 33—37 страницахъ; тутъ и находится только-что приведенное нами изъ нихъ извлеченіе. Для своихъ „Свѣдѣній" Стефано-

Въ С.-Петербургѣ „Свѣдѣнія” не произвели желаемого убѣжденія въ подлинности открытой царской усыпальницы, и понечитель, сообщивъ брошюру Стефановича профессору Варшавскаго Университета по кафедрѣ русской исторіи Д. В. Цвѣтаеву, предложилъ ему, чтобы онъ далъ относительно ея исторической части свое заключеніе и представилъ „научное безусловно-доказательное документальное рѣшеніе, гдѣ находилось варшавское мѣсто погребенія плѣннаго царя Василя Ивановича Шуйскаго”. По окончаніи своей докторской диссертациі по русской исторіи и по защитѣ (1890 г.) ея въ Харьковскомъ Университетѣ, проф. Цвѣтаевъ занялся спеціальнымъ изученіемъ различныхъ вопросовъ изъ

ничъ пользовался одною печатною литературою, въ которой онъ не могъ найти прочныхъ основаній для рѣшенія вопроса о зданьцѣ, и ему оставался лишь путь догадокъ. Мы уже видѣли, что историко-топографическія и археологическія данныя о подлинной Московской каплицѣ съ ея землею и объ этомъ садовомъ зданьцѣ съ его мѣстомъ безусловно удостовѣряютъ, что Каплица и это зданьце были совершенно отдѣльными строенія, стоявшія на сосѣднихъ между собою земельныхъ владѣніяхъ — Каплица на землѣ, подаренной королями доминиканамъ обсервантамъ, зданьце же въ саду такъ называемой недвижимости Служко (выше, стр. 509, 540 и указанныя тутъ страницы). Директоръ Стефановичъ и проф. Праховъ свои предположенія о тождествѣ основывали на показавшихся имъ сходствѣ зданій и церковномъ характерѣ сохраняющагося стараго садоваго зданія. Еслибъ было даже и полное сходство зданій, то и оно, при наличности историческихъ о нихъ показаній, ни мало не говорило бы объ ихъ тождествѣ. Отъ сходства вообще далеко до тождества, да и оно здѣсь небольшое, очень условное. Сходство только въ томъ, что оба зданія каменные и изъ двухъ частей — верхней, надъ землею, и нижней, въ землѣ. Каплица была „mausoleum elegant”, „каменная большая хоромина”, „круглое зданіе въ видѣ церкви”, высокое, въ нѣсколько ярусовъ, ближайшія большія зданія не закрывали его, такъ что оно было видно издали (111—114, 120, 162 стр. и допел.; Приложенія, 1, рисунки №№ 2—3). Такого величественнаго памятника бесѣдка совѣмъ не напоминаетъ собою. Она шестигранная, сравнительно весьма скромная по виду, совѣмъ загораживаемая сосѣдними зданіями, лишь возвышающаяся надъ сосѣднимъ заборомъ, небольшая, тѣсная, въ длину и ширину по 9¹/₂ локтей, вышиной 8¹/₂ локтей (509, 513, 544; Приложенія, кн. 1, рис. № 11, кн. 2, стр. 368, №№ 16, 17, 27—28). Каплицу просили себѣ подъ храмъ русскіе униаты (выше, 164 стр.); для обращенія ея въ храмъ отдалъ (1668 г.) ее король доминиканамъ обсервантамъ, и такимъ храмомъ (kościółek) она первоначально, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и служила имъ, удовлетворяя ихъ потребности (166—170, 178 стр.). Но въ тѣсной бесѣдкѣ поставьте олтарь и священника съ прислуживающими — и для молящихся останется уже слишкомъ мало мѣста. Во внутренней ея задней стѣнѣ, противъ входной двери, продолговатое углубленіе — не „ниша”

исторіи русско-польскихъ отношеній и собиралъ данныя о пребываніи царя Шуйскаго въ Польшѣ. Выполненіе официально-служебнаго порученія побудило его заняться точнымъ, на основаніи документовъ и плановъ, опредѣленіемъ топографіи царской усыпальницы, въ чемъ ему существенное сотрудничество сначала оказалъ профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ Варшавскомъ Университетѣ и начальникъ Архива древнихъ актовъ Ад. Ив. Павинскій; также вмѣстѣ они тщательно осмотрѣли старое зданіе въ саду Гимназіи, спускаясь и въ подземное въ немъ помѣщеніе. Открываемые въ варшавскихъ архивахъ и частныхъ собраніяхъ старыя документы и планы вскорѣ обнаружили, что усыпальница царя Василя Шуйскаго находилась въ мѣстности и нѣсколько впереди главнаго зданія Гимназіи; а что такое собственно старинное зданіе, стоящее за Гимназіей, у дальней стѣны ея сада, документально вполне опредѣлилось значительно попозднѣе [именно, когда проф. Цвѣтаевъ

для образа или олтара, а, очевидно, освободившееся мѣсто камня или изразцовой печи, прежде бывшихъ въ ней (стр. 197), а потомъ уничтоженныхъ; въ ней также было прежде 4 окна, теперь осталось всего два, остальные два заложены, и слѣды каменной закладки видны ясно. Едва ли и нижнее помѣщеніе подъ Каплицей было столь малымъ, какъ подъ бесѣдкой. То положеніе, въ какомъ находились въ немъ гробы, могло, конечно, обуславливаться тѣснотой (112 стр.); но не вызывалось ли оно также желаніемъ оказать особую честь царскому гробу: по крайней мѣрѣ, сами доминикане потомъ находили тамъ мѣсто, чтобы хоронить своихъ умершихъ сочленовъ (220—221, 225 стр.). Въ погребѣ бесѣдки, какъ кругломъ, пришлось бы продолговатыя гробы поставить почти вплотную, по его срединѣ, безъ достаточнаго промежутка между ними. Полъ Каплицы, когда гробы Шуйскихъ вынимали изъ ея нижней „палатки“, разбирался (выше, 126 стр.); полъ бесѣдки держится на сводѣ погреба. Сводъ этотъ внутри въ формѣ шатра или конуса, съ острымъ верхомъ, въ немъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы онъ разбирался и закладывался: все сложено изъ кирпича съ такою правильностію, которая возможна только, если складывать все сразу, безъ передѣлокъ. И если разобрать въ немъ средину, на столько, чтобы можно было по его краямъ стоять людямъ, то отверстіе будетъ очень небольшое, узкое, въ которое нельзя иначе, какъ стоймя, ни спустить, ни вынуть гробовъ: и неужели столь непочетно и хоронили, и вынимали гробы Шуйскихъ? Да и нѣтъ причинъ выламывать пола, чтобы войти въ погребъ: съ правой стороны, снаружи, имѣлся и имѣется въ погребъ отдѣльный небольшой ходъ или отверстіе, нѣкогда запиравшееся дверью (стр. 197); отверстіе („дыра“) потомъ засыпалось землей и щебнемъ, чрезъ слой которыхъ, по сообщенію Стефановича, и „попалъ ногою“ въ него ученикъ Гимназіи.

для своихъ занятій получилъ доступъ въ архивы при Канцеляріи ген.-губернатора и тамъ въ старыхъ актахъ бывшаго Архива Общества любителей наукъ нашелъ соотвѣтственные документы и планы XVII и XVIII в. в.; изданы потомъ въ Приложеніяхъ, 2, № 26 и слѣд., планы №№ 16—17; эти документы также много помогли въ нахожденіи требовавшихся дополнительныхъ актовъ и въ другихъ архивахъ и въ уясненіи ихъ показаній].

О мѣстѣ бывшей подлинной усыпальницы царя Шуйскаго была подана попечителю историческая записка, въ изложеніи и выводахъ опиравшаяся на найденные архивные документы. Записку попечитель представилъ въ Министерство просвѣщенія. Въ виду того, что данное „ислѣдованіе проф. Цвѣтаева вполне доказываетъ историческое значеніе мѣстности“, онъ настойчиво уже изъяснялъ теперь (17 ноября 1893 года) Министерству особенную желательность перестройки въ русскомъ стилѣ фасада гимназическаго зданія и сооруженія церкви и ходатайствовалъ о внесеніи представленія объ этомъ и о средствахъ въ Государственный Совѣтъ.

О развившемся положеніи вопроса доведено было до свѣдѣнія и министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, который представилъ на воззрѣніе Государя Александра III. „Государь Императоръ, по всеподданнѣшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше соизволилъ 2-го декабря (1893 г.) одобрить фасадъ зданія съ церковью Варшавской I Мужской Гимназіи“. Сдѣланныя вновь Техническо-строительнымъ комитетомъ указанія „серіозныхъ улучшеній въ проектѣ и смѣтѣ предположенной постройки“ вызвали уже только нѣкоторую задержку, понадобившуюся на поправки, но не отстраненіе исполненія. „Разсмѣтрѣвъ представленіе Министерства народнаго просвѣщенія о расходѣ на перестройку зданія Гимназіи и о продажѣ принадлежащаго Министерству въ г. Варшавѣ участка земли на Королевской улицѣ“, „Государственный Совѣтъ“ 4 мая 1894 года „мнѣніемъ положилъ: отпустить изъ Государственнаго казначейства на расходы по перестройкѣ зданія Гимназіи сто тысячъ рублей“, съ передачей

участка земли на Королевской улицѣ въ вѣдѣніе Министерства финансовъ, и „Государь Императоръ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 23 день мая (1894 г.) Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить”. Къ исполненію мнѣнія Государственнаго Совѣта послужили также послѣднія свѣдѣнія объ исторіи и значеніи мѣста Гимназіи, на которомъ устройство школы и церкви должны выполняться „цѣлесообразно съ мѣстными потребностями и соотвѣтственно государственно-національному достоинству”¹⁾).

Высочайшее вниманіе, содѣйствіе правительства, значительныя дополнительныя средства и уясненіе историческаго значенія дѣла ободрили инициаторовъ стройки въ еще большемъ развитіи своихъ строительныхъ плановъ. На церковь сначала предполагалось израсходовать тысячъ 25; теперь думали обставить ее вдвое-втрое лучше. Подняли благоустройство и дома. Покрывая затраты по перестройкѣ зданія и устройства въ немъ общежитія отпущенными суммами, на сооруженіе церкви они собирали частныя благотворенія. Къ русскимъ жертвователямъ обращались: „Храмъ нашъ не только важенъ по тому, что крайне нуженъ для учащихся православныхъ юношъ, но и долженъ быть дорогъ для всякаго истинно русскаго и православнаго человѣка, какъ историческій памятникъ, созидаемый на могилѣ русскаго царя-плѣнника Василя Ивановича Шуйскаго и въ память спасенія жизни въ Японіи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора; поэтому и хотѣлось бы, чтобы и церковь наша была благолѣпна”. Починъ пожертвованій еще нѣсколько ранѣ сдѣлалъ протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ-Кронштадтскій, постепенно внесшій всего 18,000 руб.; съ Высочайшаго разрѣшенія Военное вѣдомство отпустило безвозмездно на колокола для церкви 800 пудовъ лова мѣди-бронзы. Поступали пожертвованія церковными предметами. Видѣвшіе въ укрѣпленіи русскаго знамени залогъ спокойствія

¹⁾ Приложеніи, 2, №№ 171, 172 и 173.

жизни и культурно-экономическаго развитія въ краѣ, большія приношенія дѣлали нѣкоторые нѣмецкіе промышленники: фабрикантъ и устроитель гимназіи въ Сосновицахъ Генрихъ Дитель пожертвовалъ „на это патріотическое дѣло болѣе 50,000 рублей”¹⁾.

Благодаря этому, заказы иконъ, иконостаса, утвари и проч. заблаговременно производились у лучшихъ художниковъ и фабрикантовъ Москвы и С.-Петербурга.

Но въ части польской печати все еще продолжали вести линію противъ сооруженія, причемъ приложено было стараніе примѣнить уже историко-научныя основанія. Кромѣ корреспонденцій изъ Варшавы, помѣщавшихся въ заграничныхъ польскихъ изданіяхъ, появилось (1894 г.) въ Краковѣ небольшое сообщеніе²⁾, въ которомъ авторъ, передавая о Шуйскомъ и объ его Варшавской усыпальницѣ нѣсколько историческихъ данныхъ и заимствуя, безъ упоминанія объ источникѣ, изъ „Свѣдѣній” Стефановича признаніе бесѣдки въ гимназическомъ саду за эту подлинную усыпальницу, направляетъ это противъ производившейся перестройки зданія Гимназіи „Будутъ ли—писалъ онъ—при нынѣшней перестройкѣ дома Сташица и постройкѣ новаго дома для училищнаго интерната развалины бывшаго мавзолея Шуйскихъ разрушены или возобновлены, какъ цѣнный историческій памятникъ, приносящій честь бывшимъ побѣдителямъ и побѣжденнымъ, это покажетъ близкое будущее”³⁾. Тенденція не

¹⁾ Приложенія, 2, № 174.

²⁾ На страницахъ иллюстрированнаго журнала *Świat* и отдѣльно: *Z dziejów Warszawy. Grobowiec sarów Szujskich. Przez A. Kraków, 1894, 16°, стр. 29.* Впослѣдствіи авторъ печатно объявилъ ее своей, это Alex. Kraushar. Въ брошюрѣ помѣщены также снимки съ перестраивающагося дома („*Ruiny pałacu Staszica, 1893*”) и бесѣдки („*Capella Mowchoviteca*”).

³⁾ Объ этомъ „о jednym z najwspanialszych pomników narodowej chwale”, объ его видѣ, значеніи и обстоятельствахъ открытія, авторъ писалъ:

„Z dawnym pałacem Staszica graniczy ogród, od lat dawnych już zaniedbany, przynależność owego pałacu, a przedtem klasztoru OO. Dominikanów stanowiący. W sąsiedztwie obecnie istniejącego szpitala dziecięcego widnieje mury, dziwnej struktury budyneczki, w rodzaju altanki, o drzwiach wiodowych ornamentowanych, filarkami płaskimi otoczonych, z wydatnem nad nimi kwadra-

могла не понравиться національно-политическому чувству польского общества, и польскою библиографією, не знавшею надлежащаго первоисточника „открытія“, это „нахожденіе

towem wyżłobieniem, jakby po wyjętej jakiejś tablicy pamiątkowej i dwoma bocznemi otworami okiennemi. Daszek budynku, gontami kryty, dawnego snadź pochodzenia, przytłoczony deskami, zachował się dosyć dobrze. Przed kilkoma laty, uczeń gimnazjum pierwszego, bawiąc się z towarzyszami w okolicach owej altany murowanej, potknął się i padł, przyczem noga jego dostała się w jakąś niewidoczną głąbię. Sprawdzono, iż pod altaną znajduje się piwnica marmurowa, rozległością swą zupełnie odwodowi zagadkowego budynku odpowiadająca. Wnętrze altanki stanowiło widocznie jakąś dawną kapliczkę, z zagłębieniem sklepieniem, wprost drzwi wchodowych, przeznaczonem prawdopodobnie na obraz i na ustawiony przed nim kłęcznik, lub też „oltarzyk“. Затѣмъ авторъ въ подтвержденіе, что это Московская каплица, дѣлаетъ ссылку и коментарій на сообщение Соловьева о нахожденіи гробовъ Шуйскихъ въ 1635 г., и продолжаетъ: Назва „*capella moschovitica*“ powstała prawdopodobnie z tego powodu, że ponaд sklepionym grobowcem Szujskich urządzono kapliczkę, z oltarzykiem i obrazem Matki Boskiej, i że tam odprawiano kiedy niekiedy nabożeństwo, za dusze pocłowanych w sklepieniu nieboszczyków. Miejsce wyżłobione kwadratowe nad drzwiami wchodowemi służyło jako oparcie dla tablicy pamiątkowej, ze znanym już nam napisem”.

Такимъ образомъ и поводъ „открытія“ памятника — случай съ ученикомъ Гимназіи, и церковный характеръ зданія, вплоть до назначенія ниши подъ образомъ или маленькій оltарь, и признаніе зданьяца усыпальней или Московской каплицей, со ссылкой на „Исторію“ Соловьева, повторяется здѣсь авторомъ изъ „Свѣдѣній“ и вслѣдъ за „Свѣдѣніями“ директора Стефановича. Отличіе лишь въ томъ, что Стефановичъ съ археологомъ относительно историческаго значенія бесѣдки высказалъ болѣе лишь гипотезу, предположеніе („очевидно“, „можетъ быть“, „полагаетъ“) и въ интересахъ предприимавшейся перестройки главнаго, перецвяго гимназическаго дома, а г. Краусгаръ высказываетъ, и отъ своего имени, уже утвердительно, какъ несомнѣнный фактъ, и съ тенденціей противъ предпринятой перестройки дома; при этомъ, къ усиленію оспиваній для своего утвержденія, онъ дополнительно приводитъ еще новыя подробности: надъ входной дверью зданьяца, снаружи, имѣется квадратное углубленіе, и оно служило для мраморной таблицы съ надписью Сигизмунда, погребъ подъ зданьяцемъ „мраморный“, и т. п. Указываемое углубленіе никоимъ образомъ не могло служить для такой дѣли. Красовавшаяся на Каплицѣ, вырѣзанная, на черномъ мраморномъ камнѣ, золотыми буквами, надпись, судя по копіи видѣвшаго и списавшаго ее Кобѣржицкаго, была въ 26 строкъ (Приложенія, 2, стр. 5), и изображена, по свидѣтельству другого очевидца, Крижанича, „великими словами“ (выше, 115 стр.); слѣдовательно, надпись была очень большихъ размѣровъ, на длинномъ камнѣ, который потомъ (1648 г.) и былъ съ почетомъ доставленъ въ Москву (142 стр.). И если бы она своимъ видомъ и размѣрами не особенно бросалась въ глаза, москвитяне едва ли бы такъ и хлопотали объ уничтоженіи ея. Углубленіе же надъ дверью бесѣдки — размѣромъ менѣе квадратнаго аршина: попробуйте вложить сюда мраморную доску съ надписью въ 26 строкъ — и окажется, что надпись могла бы быть настолько мелкой, что ее трудно было бы читать и вблизи. Что же касается до

гробницы” было принято съ нескрываемымъ сочувствіемъ ¹⁾, и, какъ бы уже польское ученое открытіе, выдвигалось и слѣпо отстаивалось и впоследствии, наперекоръ даже и изданнымъ (1901—1902 г. г.) несомнѣннымъ старымъ актамъ и планамъ ²⁾.

погребѣ, то онъ совсѣмъ не „мраморный“, а весь сложенъ изъ обычнаго для той поры строительнаго кирпича: никакого мрамора тутъ нѣтъ.

Гдѣ же, послѣ всего указаннаго (ср. выше, стр. 560—562), не только тождество, но и близкое сходство бесѣдки съ подлиннымъ памятникомъ-усыпальницей? И неужели такое именно скромное зданіе могъ воздвигнуть тщеславный Сигизмундъ III „на всеобщую память въ потомствѣ и для славы своего царствованія?“ Совсѣмъ иное дѣло, если оно — только садовая бесѣдка (*altanka*) съ погребомъ (*lodownia*) подъ ней, какъ называется и описывается оно во всѣхъ документахъ, съ тѣхъ поръ, какъ о немъ имѣются извѣстія, даже изъ времени, когда, вдали отъ нея, на сосѣдней землѣ, еще стояла самая Каплица: при такомъ назначеніи оно окажется не смѣшнымъ, но очень своеобразнымъ и нынѣ заслуживающимъ вниманія въ области варшавской старины и исторіи строительнаго искусства (ср. Приложенія, 2, № 185, стр. 373). Впрочемъ, въ такой мѣрѣ не повторяетъ своего мнѣнія и самъ г. Краусгаръ, въ слѣдующей своей статьѣ о Московской каплицѣ (*Tygodnik Polski*, 1898; ср. переизданіе статьи въ 1906 г.), куда онъ весьма внесъ указанія на литературу, цитаты и изложеніе изъ монографіи проф. Цвѣтаева о Шуйскомъ, Каплицѣ и Доминиканскомъ монастырѣ, къ тому времени уже появившихся въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (1894 г. кн. IV—V, 1895 г. кн. VIII—IX, 1897 г. VII кн., 1898, I; сравн. выше, 208 стр.).

¹⁾ Напрямѣрь, *Przewodnik naukowy i literacki*, 1894, XXII, 662—663, писалъ, что „авторъ нашъ ель эту гробницу съ открытою, велѣлъ скопировать ее, и для напоминанія народу о временахъ его славы разсказалъ исторію гробницы“.

²⁾ Особенно выразилось это у автора, подписавшагося инициалами Z. L. S. (подъ тѣми же инициалами *Historja dwóch lat, 1861—1862, Dzieje roku 1863*). Объявляя „фактъ постройки“ „исторически вопіющимъ“ и самую церковь — „Апхтинскою“ и „похожею на чайную коробку“ (*historycznie krzyczący fakt budowy cerkwi...; podobna do pudełka od herbaty, cerkiew prawosławna 1-go gimnazjum... Aruchtinowska cerkiew*), онъ, отуманенный своей политикой, авторитетнымъ тономъ знатока завѣрялъ, что всѣ изданные планы „неопровержимо доказываютъ“, что усыпальница нынѣшняя бесѣдка (выше, 199 стр.) и что „это единственный, вѣроятно, фактъ во всемірной историографіи, что авторъ, желая доказать впередъ предвзятый (?) тезисъ, доказалъ совсѣмъ противоположное“ (*Kwart. histor.*, 1903, II)... Подобная библиографія пожалуй что „to jedyny zapewne fakt w dziejach historyografii świata“. О нахожденіи дома Общества, нынѣ Гимназія, даже прямо на мѣстѣ погребенія прежде, какъ мы видѣли, безусловно утверждалось въ самой польской литературѣ. И теперь въ ней давались сужденія инаго характера. Наприм.: *Kurjer Warszaw.*, 1901, № 57; *Gazeta Warsz.*, 1903, № 61, и др.; ср. спокойное дов. фактическое сообщеніе *Wikt. Gomulickiego Opowiadania o Starej Warszawie. Warszawa*, 1900, 163 (*Bibliot. dzieł wybor.*, № 153, а прежде *Kraj*, 1897, № 8; поправку къ нему см. выше, 220 стр.), и др.

По причинѣ якобы сохраненія подлинной усыпальницы Шуйскихъ была, со словъ польской краковской брошюры и подъ ея вліаніемъ, произведена рѣзкая попытка дискредитировать строительное дѣло Гимназіи и въ русской печати, гдѣ русскій авторъ восклицалъ: „Итакъ, усыпальница Шуйскихъ существуетъ и существуетъ вотъ въ какомъ видѣ! Зачѣмъ же, спрашивается, было уродовать (sic) палацъ Сташица, да еще съ затратою на эту цѣль громаднѣхъ денегъ? Не проще ли было бы привести въ благопріятный видъ мавзолей Шуйскихъ? Этимъ былъ бы исполненъ указъ императора Александра I, удовлетворено національное достоинство и дана возможность каждой благочестивой душѣ вознести молитву за многомятежную душу Василя Ивановича Шуйскаго, на мѣстѣ его первоначальнаго царскаго погребенія”¹⁾... Выражаемое съ такою категоричностію, мнѣніе о существованіи усыпальницы сдѣлалось убѣжденіемъ уже и такихъ авторовъ, которые ни мало не направлялись противъ перестройки дома Гимназіи²⁾. Съ желаніемъ утвердить за

¹⁾ „Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ“, Г. А. В-въ (Историческій Вѣстникъ, 1897, XII; подъ слѣдующей своей статьёй авторъ написалъ свою фамилію полностью — Г. А. Воробьевъ). Первая историческая часть этой статьи — о Шуйскихъ въ Польшѣ и о мѣстѣ и начальномъ видѣ подлинной ихъ усыпальницы написана преимущественно на основаніи монографіи проф. Цвѣтасва „Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ“ (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1894 г. IV кн.; но конецъ монографіи, въ V кн. „Извѣстій“, Воробьеву не былъ извѣстенъ); сообщеніе же объ усыпальницѣ послѣ вывоза изъ нея тѣлъ Шуйскихъ и о современномъ будто бы ея состояніи взято г. Воробьевымъ изъ брошюры г. Kraushar'a и изложено имъ тоже отъ своего имени, какъ о самостоятельномъ научномъ открытіи (разъясненіе сущности вопроса и этого заимствованія дано въ Историч. Вѣстникѣ, 1898, II, 662—666, и V, 701—704. О другомъ „открытіи“ автора брошюры, а съ ея словъ и Воробьева см. Москов. Вѣдом., 1897 г. 1 окт., № 270, въ отдѣлѣ бібліографія; отмѣтимъ только, что самъ авторъ брошюры упоминаемую тутъ опись имущества Шуйскихъ неточно взялъ изъ „Актовъ Историческихъ“, II, № 340, опять безъ упоминанія о своемъ печатномъ источникѣ, а со ссылкой (стр. 17) прямо на рукопись, какъ она пропятирована въ „Актахъ“; Воробьевъ потомъ заимствовалъ и эту ссылку, какъ будто бы на другую опись, хотя никакой иной описи имущества нѣтъ. Ср. выше, 99 стр.).

²⁾ Не располагая документальными данными въ пользу мнѣнія, П. М. Устимовичъ (Гостыинскій замокъ. Варшава, 1899 года, 17, 30, 31 стр.) ссылался на распространенность его и на форму зданія и завѣрялъ, что о такомъ историческомъ значеніи зданія онъ зналъ много ранѣе Стефановича.

зданіемъ историческое значеніе и чтобы при реставрированіи былъ приданъ ему церковный характеръ, какой-то ревнитель русской исторической старины представилъ было въ Министерство Двора для поднесенія нынѣ царствующему Государю Императору рисунокъ зданія съ натуры, какъ

„Всѣмъ — пишетъ онъ — интересующимся этимъ вопросомъ, и русскимъ и полякамъ, людямъ просвѣщеннымъ, любознательнымъ, авторамъ и друг., извѣстно, что мавзолей, построенный Сигизмундомъ III, находится понынѣ на черномъ дворѣ, недавно садикѣ Гимназіи, въ крайне неприглядномъ видѣ... Въ началѣ пятидесятихъ годовъ истекающаго столѣтія, когда мы впервые заинтересовались этимъ, многіе знали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, что помянутое полуразрушенное зданіе было усыпальницей Шуйскихъ или Московскою каплицей"... Хотя бы дѣйствительно уже и въ ту пору на зданіе обращали подобное вниманіе и придавали ему такую историческую роль (ни въ документахъ, ни въ печати нѣтъ на это указаній, и странно, чтобы ничего не знали о томъ директора Гимназіи — см. выше, 509, 523, 533—4, 538, 540, 560 стр.); однако и все это, какъ, по словамъ самого же г. Устимовича, основывавшееся на преданіяхъ, нимало не служитъ подтвержденіемъ, когда старыя акты и планы, какъ мы видѣли (см. выше, 540 и 544 стр. и означенныя тутъ страницы), показываютъ иное. А какую цѣну могутъ имѣть преданія, отвергаемая документами, припомнимъ, что еще въ концѣ XVII столѣтія рассказывалось, будто Московская каплица была построена пѣвными московскими царями (226 стр.), а въ первой четверти XIX вѣка Нѣмцевичъ сообщалъ, что гробы Шуйскихъ были поставлены въ доминиканскомъ костелѣ (115 стр.). Г. Устимовичъ завѣрнетъ также, что „въ началѣ пятидесятихъ годовъ текущаго столѣтія на этомъ зданіи былъ еще желѣзный наклонившійся крестъ" (17 стр.). Но во всѣхъ извѣстныхъ описяхъ и въ изображеніяхъ зданія за всѣ XVII — XIX вв. креста не значится (выше, 513, 544 и указан. тутъ стран.; Приложенія, 2, № 185, планы №№ 16, 17, 27; *Tygodnik Ilustrowany*, 1869, № 103). Въ качествѣ историко-топографическаго доказательства подлинности сего мавзолея, Устимовичъ, вслѣдъ за другими, приводитъ, что эта „усыпальница Шуйскихъ осталась въ глубинѣ и заслонена аذانіями" потому, между прочимъ, что „въ 1820 году ксендзь Станиславъ Сташиць, при постройкѣ дома..., прихватилъ часть площади" (30 стр.): на самомъ же дѣлѣ при постройкѣ дома много отступили назадъ, оставивъ переднюю часть подоминиканской площади подъ памятникъ Коперника (выше, XVIII—XIX гл.). О другихъ утвержденіяхъ Устимовича — выше, стр. 115—116. Для выясненія того, откуда заимствованы г. Устимовичемъ акты о смерти Шуйскихъ и вѣрныя указанія литературы о нихъ (стр. 10—13), ср. предшествовавшую монографію проф. Цвѣтаева о Шуйскомъ въ Польшѣ (Варшав. Универс. Извѣст., 1894, IV, 3—4 стр.), какъ равно для выясненія и многихъ другихъ его сообщеній ср. ту же и другія монографіи того же автора — о Каплицѣ (тамъ же, 1895, VIII—IX) и о Гостыньскомъ замкѣ (Русское Обозрѣніе, 1898, V).

Распространеніе мнѣнія о зданіи, какъ усыпальницѣ, см. также монографію С. Ф. Либровича (1901 г.), статью, съ рисункомъ зданія, въ журналѣ „Нива", и др.

изображающій „Усыпальницу московскаго царя Василя Іоанновича Шуйскаго въ Варшавѣ”¹⁾).

Все это и подобное, не причиняя уже затрудненій строительному дѣлу, лишь усиливало собою его важность, а равно и надобность производящагося тщательнаго изученія исторіи подлиннаго историческаго мѣста и сосѣднихъ районовъ съ привлеченіемъ всей полноты плановъ и документовъ²⁾.

Строительныя работы шли и постепенно завершались. На главу церкви былъ воздвигнутъ (29 окт. 1895 г.) крестъ³⁾. Высота зданія, съ крестомъ, вышла до 23 сажень. На коло-

¹⁾ Въ интересахъ осторожности, Министерство Императорскаго Двора впередъ запросило отъ Варшавскаго генераль-губернаторскаго управленія „доставить свѣдѣнія о томъ, дѣйствительно ли существующее въ г. Варшавѣ зданіе составляло нѣкогда усыпальницу царя Василя Шуйскаго... и не имѣется ли въ архивахъ г. Варшавы данныхъ, прочно устанавливающихъ историческое его значеніе“. Какъ прежде управленіе Учебнаго округа, такъ теперь Генераль-губернаторское управленіе обратилось за такими свѣдѣніями къ проф. Цвѣтаеву, который, въ историческихъ запискахъ попечителю документально устанавливая лишь мѣсто и значеніе бывшей подлинной усыпальницы (выше, 561—4 стр.), теперь, располагая уже найденными имъ документами и планами относительно и этого строения, представилъ соответственную о зданіицѣ историческую записку (Приложеніе, 2, № 145). Вскорѣ затѣмъ онъ подалъ и попечителю подобную же историческую записку, въ которой, приведя важнѣйшіе архивные свидѣтельства о зданіицѣ, писалъ: „Архивные акты такимъ образомъ безусловно свидѣтельствуютъ, что это зданіе — лишь садовая бесѣдка, еще два вѣка тому назадъ бывшая уже далеко не новой. Какъ одно изъ старинныхъ варшавскихъ зданій, и притомъ своеобразной архитектуры, оно заслуживаетъ не только сохраненія, но и реставрированія съ возможнымъ удержаніемъ прежняго характера“ (Приложеніе, 2, № 185, стр. 373).

²⁾ Ср. сужденія: Новое Время, 1894 г. 24 сент.; 1901 г. 10 февр.; 1902 г. 10 дек.; Правительственный Вѣстникъ, 1894 г. 3 іюня, № 119; Церковный Вѣстникъ, 1895 г. № 3; Русскій Вѣстникъ, 1898, іюн. кн., 269—273; Записка о домовой церкви Варшав. Первой Мужской Гимназіи, Варшава, 1898, 21—22; Московскія Вѣдом. 1898 г. 2—3 ноября, №№ 302—303; Новый Миръ, 1901 г. 15 марта, № 54, стр. 38; Живописная Россія, 1901 г. 9 сент., № 36, стр. 481—482, и № 51; Историческій Вѣстникъ, 1901 г., іюньск. кн., 1161—1162; 1902 г. февр. кн.; Варшав. Дневн., 1901 г. 14 дек., № 342; Холмско-Варш. Вѣстн., 1902, № 7; К. Москвитинъ, Полный путеводитель по Варшавѣ, 1902, 81; Русская Старина, 1902, февр. кн.; Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1902 г., окт. кн., 479—487, Варшавскій русскій календарь на 1904 годъ. Варш., 1904, 56 — 58, и др.; Kurjer Warszawski, 1901 г. 26 февр., № 57, стр. 4—5; Gazeta Warszawzka, 1903 г. 20 февр., № 61.

³⁾ Варшавскій Дневникъ, 1895, № 243. Въ этомъ своемъ сообщеніи директоръ Стефановичъ, которому мы предъ тѣмъ уже показывали важнѣйшіе изъ найденныхъ нами старинныхъ плановъ и инвентарныхъ описей мѣстности и зданій, означилъ мѣсто усыпальницы Шуйскихъ и перестроеннаго изъ нея костела въ

кольню подняты (14 ноября 1897 г.) колокола, девять, самый большой изъ нихъ съ вылитыми изображеніями св. Василія Великаго и Александра Невскаго и надписью, что онъ сооруженъ въ 1895 г. „къ храму Варшавской 1 Мужской Гимназіи, построенному надъ мѣстомъ погребенія царя Василія Іоанновича Шуйскаго въ Варшавѣ”. Фасады зданія исполнены въ русскомъ стилѣ XVII в., къ началу котораго относится главное историческое событіе, связанное съ этимъ мѣстомъ, облицованы облицовочнымъ кирпичемъ и изразцами и украшены богатой гипсовой орнаментикой.

Внутри обоихъ зданій размѣщены классы, пансіонъ, учебно-вспомогательныя учрежденія, квартиры и проч. Прѣжній залъ нижнею своей половиной остался также актовымъ заломъ, украшеннымъ, кромѣ портретовъ государей, уже и портретомъ царя Василія Шуйскаго; вмѣсто верхней половины зала оказалась, во всю уже ширину зданія и съ надстроеннымъ ярусомъ, новая церковь. Храмъ въ формѣ трехконечнаго креста, съ удлинненнымъ среднимъ крыломъ, напоминающій формой древнія базилики. Въ немъ три придѣла: главный во имя св. Татіаны, и въ его иконостасѣ также образъ св. Василія Великаго, правый — въ честь св. Николая Чудотворца, лѣвый — въ честь св. Кирилла и Мефодія.

Красивый иконостасъ, блестящій позолотой и легкими формами свой рѣзьбы, невольно выдѣляется на темномъ фонѣ стѣнъ, живопись которыхъ и сводовъ въ русско-византійскомъ стилѣ. Главнымъ же украшеніемъ храма и его важнѣйшей достопримѣчательностію справедливо признаются, отражающіе на себѣ художественное вліяніе и италіанскаго искусства, образа въ иконостасѣ и картины на стѣнахъ, кисти художника Свѣдомскаго, работы котораго и въ зна-

районѣ и нѣсколько впереди главнаго зданія Гимназіи, въ которомъ сооружалась церковь. Такимъ образомъ самъ виновникъ признанія садоваго зданія за подлинную царскую усыпальницу уже отказался отъ своего ошибочнаго предположенія (ср. также Историч. Вѣсти., 1898, V, 702), а его послѣдователи съ такою энергіею все еще продолжали и продолжают отстаивать и пропагандировать его мнѣніе.

менитомъ храмъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Среди нихъ останавливаетъ на себѣ вниманіе, прежде всего, запрестольный образъ Богоматери съ Младенцемъ, гдѣ ликъ Пресвятой Дѣвы — по описанію одного изъ знатоковъ живописи — „соединяетъ въ себѣ такую чисто земную красоту съ идеальнымъ воплощеніемъ божественной мысли, какое встрѣчается только у величайшихъ мастеровъ Возрожденія“; глубокою грустью дышитъ и лицо св. Татіаны; особенно же въ нижней части иконостаса цѣнны оба архангела въ малыхъ вратахъ; высокохудожественнымъ достоинствомъ отличаются и другія изображенія. Но „центръ интереса въ церкви представляютъ — двѣ большія картины Свѣдомскаго“, направо и налево отъ входа, безусловно сильнѣйшія произведенія исполнѣ разцвѣтшаго таланта этого выдающагося русскаго художника. Первая изъ нихъ „Несеніе Креста“. Центромъ ея является Искушитель міра, преисполненный любви и милосердія къ міру; вся толпа, сопровождающая Спасителя, жизненна и правдива, группировка фигуръ, рельефность и воздушность на картинѣ почти идеальна, и жаркій колоритъ переноситъ воображеніе подъ жгучее небо Палестины. Другая картина „Нагорная проповѣдь“, какъ пейзажъ, стоитъ еще выше первой, уступая ей въ изображеніи религіозной идеи. „Чудное ярко-синее южное небо, убѣгающіе вдоль красноватые холмы, группы кипарисовъ и пиній и зеленый пригорокъ, на которомъ стоитъ Христось, словно вырваны художникомъ изъ міра дѣйствительности“, а у слушающихъ Христа „разныя чувства, настроенія и взгляды, начиная съ восторга и кончая простымъ любопытствомъ, видны на каждомъ лицѣ, отражаются въ каждой позѣ“.

Шедевръ своей работы представилъ въ храмъ и другой русскій художникъ И. Н. Крамской. Приступивъ, въ пору полного разцвѣта своего таланта, къ исполненію большой картины „Иисусъ Христось, осмѣиваемый какъ царь“, онъ успѣлъ довести до совершенства лишь законченный ея фрагментъ, главную личность. Страждущій Спаситель изображенъ въ терновомъ вѣнцѣ, съ царскимъ жезломъ, со всепроще-

ніемъ на божественномъ лицѣ и съ атрибутами раба-плѣнника. Въ изображеніи хотѣли видѣть и „обдуманность идейнаго соотношенія къ тому мѣсту, гдѣ суждено было стать этому образу” — страданія царя вели къ торжеству его идеи . . .

Храмъ освященъ (3 ноября 1893 г.) архіепископомъ Геронимомъ. За богослуженіемъ были власти, профессора, педагоги, ученики, ихъ родители и многочисленное русское общество. И церковное, и гражданское торжества сопровождались воспоминаніемъ событія, которое дало мѣсту историческое значеніе¹⁾. Признавалось, что этому „новому храму”, какъ „достойному памятнику на мѣстѣ временнаго погребенія многострадальнаго царя Василя Ивановича Шуйскаго”, было такимъ образомъ „суждено сгладить послѣднюю тѣнь „Укоризны” съ печальнаго событія нашей исторіи, которое въ продолженіе почти 3-хъ вѣковъ смущало и тревожило совѣсть русскихъ людей”²⁾.

Какъ церковь Женской Гимназіи стала храмомъ русскихъ ученицъ варшавскихъ гимназій и прогимназій и высшихъ курсовъ, такъ и этотъ храмъ сталъ храмомъ для всего русскаго юношества, учащагося въ среднихъ и высшихъ школахъ въ Варшавѣ.

Въ настоящее время³⁾ въ Первой Мужской Гимназіи классовъ 8, кромѣ приготовительнаго, пансіонъ, физическій и естественно-историческій кабинеты, фундаментальная и ученическая библіотеки, книгъ въ фундаментальной библіотекѣ свыше 14.000 томовъ. Педагоговъ въ Гимназіи 22 лица; учениковъ 351, почти исключительно православные, всѣхъ

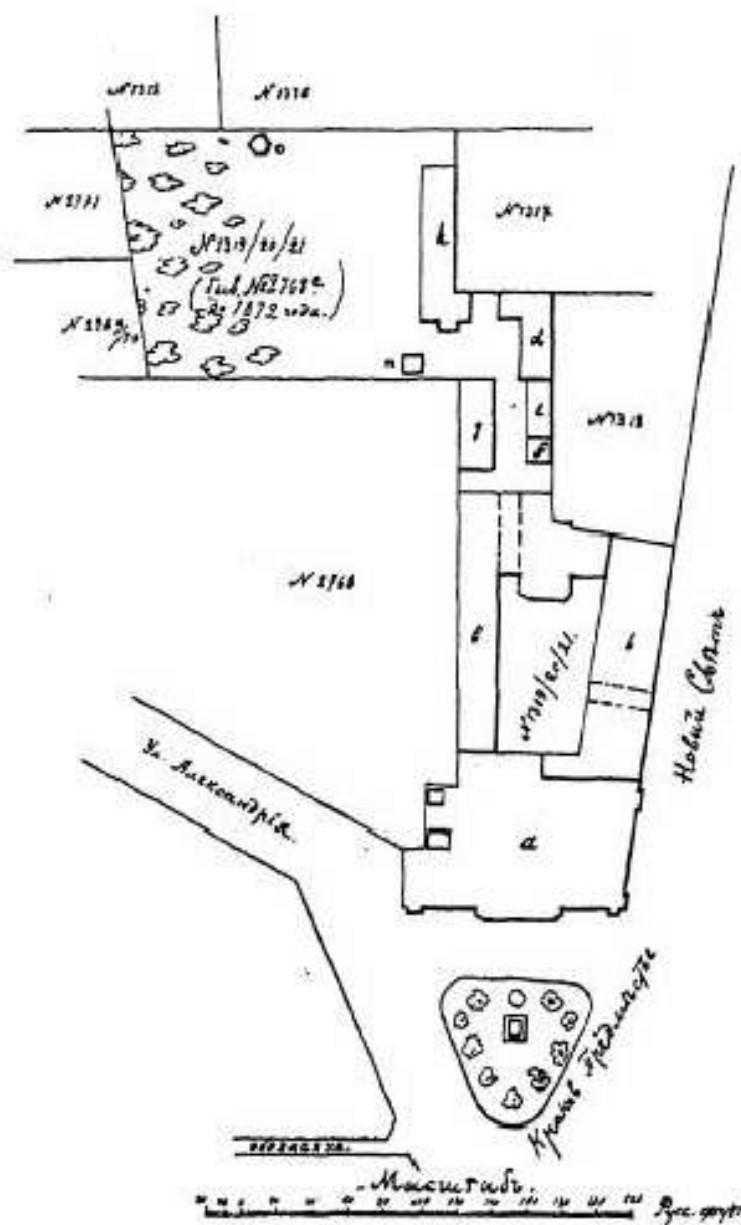
¹⁾ Приложенія, 2, №№ 180—181; описаніе торжества — въ Варшавскомъ Дневникѣ, 1898 г. 5 ноября, № 302.

²⁾ Указанная выше Записка о домовой церкви Гимназіи (Варшава, 1898, 25), составленная учебнымъ начальствомъ къ торжеству освященія храма.

³⁾ По отчету о состояніи Гимназіи къ 1 января 1909 года. Архивъ Гимназіи, 1909 г.

сословій, преимущественно дѣти потомственныхъ дворянъ и состоящихъ на государственной службѣ въ краѣ.

Служа для воспитанія и образованія русскаго юношества, Гимназія своею мѣстностію и зданіями энергично будить сложныя историческія воспоминанія.

Земельную ея площадь съ находящимися на ней зданіями и изображаетъ данный планъ ¹⁾, а приложенный снимокъ ²⁾ даетъ представленіе о внѣшнемъ видѣ главнаго дома, неволь- но останавливающимъ на себѣ вниманіе. На планѣ и снимкѣ

¹⁾ Объясненіе его — Приложенія, 2, № 175; ср. планъ, № 28.

²⁾ Приложенія, 1, рисунокъ № 13.

изображенъ и стоящій предъ домомъ, обнесенный скверомъ, памятникъ Коперника, настоящій видъ которому приданъ недавно, при капитальной его поправкѣ, до фундамента, одновременно и въ связи съ послѣднею перестройкою Гимназіи.

Сооруженный съ усиленными стараніями и открытый Обществомъ любителей наукъ со всею торжественностію, наканунѣ возстанія 1830—1831 гг. ¹⁾, памятникъ въ первоначальномъ своемъ видѣ простоялъ недолго. По открытіи его замѣтили, что установка его была неправильною; во время возстанія онъ былъ попорченъ, въ 1832 г. на пьедесталѣ не хватало нѣсколькихъ буквъ и звѣздъ. Его поправляли и поновляли нѣсколько разъ, на городскія средства. Въ 1858 году его починили и обнесли чугуною рѣшеткою предъ пріѣздомъ государя въ Варшаву ²⁾. Монументъ этотъ „символу польской науки прошлыхъ столѣтій“ поновили потомъ въ 1872 году, къ празднованію 400-лѣтняго юбилея со дня рожденія астронома. Если ксендзы миссіонеры воспрепятствовали церковному торжеству при открытіи памятника ³⁾, то пресмники ихъ, ксендзы костела св. Креста, приняли теперь въ торжествѣ (7 / 19 февраля 1873 г.) живое участіе, и памятникъ былъ окропленъ святою водою. Видную группу участниковъ торжества представляли старшины и члены цеховъ, а обыватели-распорядители увѣнчали статую лавровымъ вѣнкомъ. Кантата Курпинскаго на открытіе памятника была теперь исполнена оркестромъ. Торжество продолжалось въ Ратушѣ, рѣчами о Коперникѣ и о развитіи астрономіи, и закончилось исполненіемъ русскаго національнаго гимна ⁴⁾. По случаю юбилея Высочайше разрѣшенъ былъ сборъ добровольныхъ пожертвованій для образованія при Император-

¹⁾ Выше, XIX глава.

²⁾ Приложенія, 1, № 152 (изъ Архива Магистрата).

³⁾ Выше, 457—458 стр.

⁴⁾ Приложенія, 1, №№ 153—154 (изъ Архива Магистрата); варшавскія повременныя изданія въ ближайшіе дни, часть ихъ собрана въ Магистратскомъ дѣлѣ.

скомъ Варшавскомъ Университетѣ стипендіи имени Коперника. Сборъ далъ свыше 16,000 рублей, и стипендія учреждена (1876 г., съ дополн. 1899 г.) на физико-математическомъ факультетѣ для лучшихъ студентовъ математическаго отдѣленія, съ преимуществомъ для представившихъ „вполнѣ удовлетворительныя работы на одобренныя факультетомъ темы“, или въ пособіе окончившимъ, „при командированіи въ другіе русскіе университеты или за границу, для усовершенствованія въ наукахъ“¹⁾.

Въ послѣдній разъ и несравненно бѣльшія заботы привлекло къ себѣ состояніе памятника, когда была предпринята перестройка главнаго гимназическаго дома. Площадь около памятника служила стоянкой для извозчиковъ, которые пользовались бывшимъ тутъ колодцемъ и очень загрязняли ее, и начальство Гимназіи и Учебнаго округа не разъ ходатайствовало объ ея очищеніи. „Принимая во вниманіе, что Первая Гимназія нынѣ заново передѣляется, что въ ней будетъ построены интернатъ для учениковъ и что со стороны Краковскаго предмѣстья будетъ довольно обширная церковь“, нашли теперь „весьма соотвѣтственнымъ, въ цѣляхъ санитарнаго благосостоянія этой Гимназіи, вокругъ памятника Коперника устроить небольшой скверъ, который бы содѣйствовалъ не только украшенію, но и ассенизаціи всей ближайшей мѣстности“. Вмѣстѣ съ тѣмъ признавалось необходимымъ напередъ капитально возобновить самый памятникъ, который „пришелъ въ крайнюю ветхость вслѣдствіе атмосферическихъ вліяній и неровной осадки, происходящей отъ недостаточно прочнаго фундамента и неправильной конструкціи пьедестала, состоящаго изъ кирпичной кладки, облицованной тонкими плитами мрамора“; мелкія починки не могли принести пользы. По представленію ген.-губернатора Гурко Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ было разрѣшено (11 марта 1893 г.) производство работъ на сумму 5,600 р. При раскоп-

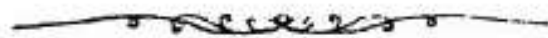
¹⁾ Приложенія, 1 кн., №№ 155—156 (изъ Архива Магистрата), кв. 2, №№ 146—148 (изъ Архива Университета).

къ фундамента нашлись медали и монеты, положенныя при закладкѣ памятника (453—454 стр.) и уже покрывшіяся ржавчиной и землястыми частями. Ихъ очистили и съ присоединеніемъ новыхъ монетъ помѣстили (12 октября 1894 г.), въ особомъ сосудѣ, во вновь устроенный бетонный фундаментъ подѣ памятникъ на высотѣ третьей гранитной ступени. Основаніе памятника возвышено, ступени изъ песчаника замѣнены новыми гранитными; статуи снова бронзирована, надписи позолочены. Колодезь, бывшій отъ него нѣсколько впереди, наискось, по направленію къ Обозной улицѣ, уничтоженъ. Устроенный красивый скверъ обнесенъ желѣзной рѣшеткой, сдѣланной на заводѣ владѣльца, носящаго фамилію отъ названія замка, въ которомъ кончилъ свои дни и былъ первоначально погребенъ царь Шуйскій, на заводѣ Гостынского¹⁾. Все приобрѣло бѣольшую прочность и болѣе красивый видъ.

Историческое мѣсто объединило на себѣ и поновленный памятникъ, и благоустроенную русскую школу. И если школа воспитываетъ и учитъ будущихъ русскихъ дѣятелей и въ ея превосходномъ храмѣ, возвышающемъ ихъ религіозное и эстетическое чувство, поминается имя царя плѣнника и возносится молитва о благосостояніи Русскаго государства: то памятникъ, возникшій лишь по присоединеніи края къ Россіи и заботливо поддерживаемый, устойчиво подкрѣпляетъ собою культурное польское самосознаніе.

Это мѣсто служитъ нынѣ, послѣ многихъ переходныхъ стадій, дѣлу русскаго просвѣщенія, почитанію памяти пострадавшаго государя и чествованію славнаго польскаго ученаго астронома.

На бывшей царско-княжеской могилѣ проявилось одно изъ яркихъ осуществленій общей русско-государственной идеи.

¹⁾ Архивъ Учебнаго Округа, дѣла по 1 Гимназіи 1887 и слѣд. годы, дѣло № 2275Dі, въ концѣ его; Приложенія, 1 кн., №№ 157—164 (изъ Архива Магистрата), кн. 2, №№ 142—144 (изъ Архива канцел. генер.-губернатора); рисунки и планы №№ 12—13; 28.

Дополненія.

Къ страницамъ 88, 95—98, 139 и 145: «Quomodo autem ex parte nostra nulla fuerit ad rumpendam pacem data occasio, sed multis beneficiis et favoribus fuerit conservata, ostensum inde est: quod ex bono affectu ead. vera Suisciorum, caricorum Moschoviae, qui bello capti in vinculis mortui fuerant, in Moschoviam sunt extradita: lapis ex sacello, ubi dicta cadavera fuerant sepulta, perpetuum monumentum victoriae, per palatinum kyoviensem Adamum Kisiel est restitutus, ne memoria extaret tantae cladis, quae animos recordatione sui exacerbare potuerat». Il nunzio apostolico di Polonia al cardinale segretario di stato. 16 Marzo 1657, у Theiner'a *Monuments historigues de Russie*. Rome, 1859, 21. Это сообщеніе доу. усиливаетъ тяжесть заключенія Шуйскихъ въ Гостынскомъ замкѣ (см. выше, 88 стр.) и подтверждаетъ приведенное нами объясненіе Кобержицкаго мотивовъ къ отдачѣ камня съ надписью, остававшагося на бывшей царско-княжеской усыпальницѣ (стр. 145).

Къ 144 страницѣ: Подобно Крижаничу, считалъ надобнымъ приложить старанія о снятіи надписи съ Каплицы пзвѣстный дѣятель, гость голландецъ Андрей Денисовичъ Ваниусъ, который такъ же, какъ и Крижаничъ, доставленіе ея въ Москву приписалъ въ заслугу себѣ и жаловался, что за это ничѣмъ не награжденъ. Перечисляя свои заслуги — въ хлѣбномъ торгѣ, открытіи руды, устройствѣ заводовъ и проч., Ваниусъ излагалъ въ своей запискѣ, приложенной къ челобитной его Алексію Михайловичу 17 іюля 1648 года чрезъ Пушкарскій приказъ: «Да я жъ, Андрюшка, въ прошломъ во 155 (1647) году ѣхалъ въ дальнюю землю черезъ Литовскую землю; и какъ я пріѣхалъ въ королевскій городъ Варшаву и видѣлъ, что на Краковской горѣ за городомъ въ слободѣ на большой улицѣ, гдѣ всякіе послы мимо ѣдутъ, стоитъ нарочная каменная большая хоромина, а надъ дверьми тое хоромины было написано золотыми вырѣзы латынскими словами въ черномъ каменьѣ, что будто мощи государя царя и великаго князя Василя Ивановича всеа Русіи и брата ево князя Дмитрія Ивановича еще лежатъ въ той хороминѣ въ большой славѣ короля литовскава, — и я то письмо списалъ по латыни; и какъ пріѣхалъ я къ Москвѣ и про то извѣщалъ думному дѣяку Назарю Чистого, и далъ ему то письмо своею рукою, и то письмо онъ велѣлъ перевести переводчику Ивану Фандельину изъ латынскава языка на цесарской языкъ, а съ цесарского языка перевелъ въ русской языкъ переводчикъ Борисъ Борисовъ: и по тому моему извѣту велѣно про тое недостойную статью отписать

къ литовскому королю, и король тотъ камень съ нарочнымъ гонцомъ послалъ къ Москвѣ; и тѣмъ я государю служилъ и за то ничѣмъ не пожалованъ». Прибавленія, стр. 9, къ сочиненію Іосифа Гамеля Описаніе Тульского оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніи. Москва, 1826. Данное сообщеніе Виніуса важно еще указаніями на видъ и размѣры Каплицы и на то, какъ понималось дѣло Сигизмунда (къ стран. 115 и 113; ср. 569). За заслуги Виніусъ былъ награжденъ. Въ январѣ слѣдующаго же 1649 г. «пожаловалъ гос. и. и в. кн. Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи иноземца гостя Ондreja Денисова сына Виніуса за его службы и за прибыль, что онъ въ Тульскомъ желѣзномъ заводѣ учинилъ государю прибыль болшую, велѣлъ ему смоляной промыслъ дати безденежно и держать безъ откупу и безоброчно шесть лѣтъ, а велѣно ему по городамъ и въ уѣздѣхъ смола покупать и задатчить и самому ему на мѣстѣ жечь безоброчно»..... Московскій Главный Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, старыя приказныя дѣла, связка 229, № 18, г. 1649 генв. 27. О слѣдующемъ ближайшемъ пожалованіи Виніуса—тамъ же, св. 222, № 85, г. 1651 февр. 3. Ср. наше историческое изслѣдованіе Протестантство и протестанты въ Россіи, 395—403.

Замѣченныя опечатки; поправки.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Должно читать.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Должно читать.</i>
35	5 св.	кн. 2, № 187.	182	4 св.	17 апрѣля н. с.
37	4—5 св.	и высказывалъ чувство удовольствія, что послѣдній выданъ ему Думой ¹⁾ .	196	20 св.	Zembrzuszky, klucznik,
			198	18 св.	шестигранное
			283	7 св.	Шильдера
37	7 св.	¹⁾ Приложенія, кн. 2, № 203; см. подлинникъ, издаваемый нами въ сборникѣ Къ исторіи Смутнаго времени.	295	12 св.	26 іюля
			326	6 св.	находившуюся
			364	5 св.	прямкнуло
			402	4	отъ (наслѣдниковъ) Длускаго
			410	9	императоровъ
44	7 св.	высмѣивалъ	415	17	Зентецкій—сынъ
45	14—13 св.	на перемѣну,	468	9	Мих. Бергонзони, Іос. Коссаковскаго
98	19	2, стр. 380.	470	4 св.	(Пыпинъ № 2768ас.
113	2—3 св.	Юрій Крижаничъ, влѣдѣ здѣсь открытое посяганіе славянству.	539		

Указатель личныхъ именъ въ Изслѣдованіи и Приложеніяхъ *).

- Абрамовичъ Симонъ, ксендзъ, 250, 251, 253, 257—262, 266, 272, 301. I, 70, 72, 74, 83.
- Августъ II, кор., 76, 188, 191—192, 205, 341, 389, 414. I, 50—54, 82. II, 33, 45, 57—58.
- Августъ III, кор., 203.
- Августъ, цезарь, 430. II, 122, 138, 140.
- Аврамій Палицынъ, келарь, авт., 1, 3. II, 9, 16.
- Айгнеръ, архит., чл. Общ. л. н., 337, 376, 385, 427, 428, 430, 436, 437, 440, 444. II, 101, 104, 114—116, 127, 128, 134, 138, 140.
- Аквинатъ Тома, 175.
- Александръ Невскій, 61
- Александръ I, 245, 281—289, 292, 294, 297, 306, 307, 317—319, 322, 323, 340, 347, 360—368, 379, 380, 382, 401, 418, 429, 436, 446, 454, 463, 465, 471, 486, 493, 568. I, 22, 105, 107, 119, 121, 123, 129, 131, 140—144, 181, 182, 187, 256, 257. II, 21, 106, 108, 117, 120, 124, 125, 129, 144, 159, 166, 220—221, 232, 251, 259.
- Александръ II, 504, 525, 528, 537—538, 575. I, 248—249. II, 346.
- Александръ III, 545—547, 549, 551, 563—564. II, 344—345.
- Александръ Ягеллонъ, кор., 3. I, 266. II, 166.
- Алексѣй Михайловичъ, царь, 134, 136, 138, 145, 579—580. I, 35—40. II, 346.
- Альбертранди Янъ, еписк., предсѣд. Об. л. н., 343—352, 355—356, 361, 368. II, 75—94, 98—101, 118, 120, 178, 186, 201, 217—218, 317.
- Андрашекъ Эд., чл. Общ., 485. II, 282.
- Андрей, кн., братъ Александра Невскаго, 31.
- Андроновъ Фед., 9, ~~13~~¹³ 15. II, 6.
- Аничковъ Н. М., дир., II, 345.
- Анна, корол., жена Баторія, 195, 196. II, 58.
- Антоній, еписк., 321.
- Апухтинъ Александръ Львовичъ, попечитель, 542—543, 546—577. II, 334—349, 355—357.
- Арцимовичъ, іером., I, 103.
- Афайтъ Исидоръ, землем., 171. I, 49.

*) Сначала указываются страницы Изслѣдованія, затѣмъ I — означаетъ первую книгу Приложеній, II — вторую книгу Приложеній. Имена, встрѣчающіяся въ Изслѣдованіи, означаются возможно всѣ; изъ именъ русскихъ лицъ, получавшихъ въ 1611—1613 гг. содержаніе отъ польскаго правительства, какъ находящіяся въ сплошныхъ перечняхъ, въ Приложеніяхъ (кн. 2, стр. 6—19), указываются преимущественно лишь важнѣйшія или болѣе извѣстныя, чтобы только ближе обратить вниманіе на этотъ отдѣлъ Приложеній.

- Байронъ**, 470.
Бантке Иванъ Викентій, проф., чл. Об., 484. II, 106, 119, 129, 157, 158, 165, 213, 227, 253, 258, 273, 282, 296.
Бантке С., проф., чл. Об., II, 282.
Бантышъ-Каменскій Н. Н., 84, 105, 109, 121, 139.
Барановскій Ал., архіеп., 65. II, 4.
Барберини, кн., библиот., 164. I, 25.
Барсуковъ А. П., авт., 105.
Барыльскій Фр., препод., 184.
Баторій Стефанъ, кор., 30, 46, 63, 68, 195. I, 4. II, 2, 58.
Батюшковъ П. Н., авт., 135.
Бахъ, II, планъ № 24.
Безобразовы, II, 7, 12, 17, 18.
Бентковскій Феликсъ, проф., чл. Об., 474, 484. II, 107, 123, 125, 126, 152, 165, 239, 243, 247, 253, 258, 268, 281, 287, 298, 299.
Бергонзони Мих., чл. Об., 468. II, 83, 99, 106, 249, 252, 317.
Бергъ Н. В., авт., 516.
Бергъ, гр., намѣстн., 519—520, 524, 527, 541. I, 247, 249. II, 307.
Бернардъ Фр., домовл., 509. II, 325.
Бернацкій А., чл. Об., 485. II, 268, 289, 293, 301.
Беръ (Буссовъ), авт., 2, 68.
Бестужевы, II, 8, 9, 287.
Бестужевъ Рюминъ К. Н., ист., 98.
Бибииковъ, гсн., I, 253, 258. II, 307.
Биковскій Стан., воев., 66. II, 4.
Биньенъ, 249.
Битяговскій Стефанъ, II, 7.
Благовѣщенскій Ник. Мих., рект., II, 311—314.
Блиновъ, художн., II, 350.
Блюмъ М., арендат., 390, 500—501. I, 201. II, 321.
Боборыкинъ Федоръ, свящ., 291, 315.
Бобржинскій М., ист., 2, 29, 40, 68, 73.
Бобровницкій Збигнѣвъ, дворцов. чиновн., 36, 67, 88, 90, 91. I, 7—8, 11. II, 11, 15, 381.
Боголѣповъ П. П., мин., 547.
Богущъ Кс., кс., 358, 392, 466, 490. II, 100, 101, 103, 249, 251, 252, 317.
Бодуэнъ Г. П., кс., 184.
Бодяскій О. М., проф., 115.
Божовскій К., I, 253, 254.
Боксицкій (Боржецкій), 51.
Болеславъ Храбрый, 40.
Болобанъ, подком., 36, 94. I, 9.
Болотниковъ, 28.
Болховитиновъ Евгеній, митроп., чл. Об., 478. II, 247.
Боракоскій Янъ, 379—382. I, 100. II, 25, 114, 127—128.
Боретти, итал., 384.
Брадке М., дир., II, 314, 331.
Браунъ Георгій, авт., 48—49.
Бржостовскій, 169. I, 47—49.
Бродзинскій Казиміръ, проф., ч. О., 474, 479, 484. II, 130, 132, 165, 213, 216, 237, 238, 243, 247, 265, 268, 273—274, 281, 287, 296, 298, 299.
Бродовскій А., проф., чл. Об., II, 151, 155, 282.
Брониковскій, II, 277.
Бруевичъ Мих. Павлов., II, 254, 255, 261—262.
Будный Симонъ, 352.
Булгаринъ Ф., чл. Об., 468. II, 234—235.
Бурбахъ Г., 42, 46, 47. II, 15.
Бутурлинъ, ист., 57.
Бычковъ А. Ф., 93.
Бѣлокуровъ С. А., 139, 144.
Бѣлосельскій Мих., II, 8.
Бѣльковскій, фабрикантъ, 315.
Вавржецкій, въ Верх. Сов., 254.
Валевскій, гр., I, 175—176.
Валежинскій, 332.
Валуевы (Волусвы), 5. II, 12.
Ванновскій П. С., мин., II, 347.
Варшицкій Ст., 2, 43. II, 5—19.

- Василаци, худож., 76.
 Василий III, кн., 106.
 Вацлавъ Чешскій, 82.
 Веймарнъ, ген., 462.
 Вейсенгофъ, ген., 483. II, 275.
 Веловицкій Янъ, кс., авт., 52.
 Велепольскій, маркизь, 510, 515, 518, 521—522, 524.
 Венгерскій М., канон., 262.
 Венгленскій Янъ, ст.-мин., 294, 296—298. I, 94, 115—116, 120, 227. II, 21, 133.
 Венгржецкій Стан., суд., чл. Об., 342, 375, 379, 381, 473, 486. I, 187—189, 196—197, 199—201, 249. II, 112, 119, 120, 129, 165, 266, 282, 293—294.
 Венжикъ Франц., суд., чл. Общ., 485. II, 267, 288.
 Вербушь Доминикъ, сеніоръ Рожанц. братства, 232, 257—266, 271—273, 300—303, 328. I, 84—85, 88, 97, 114.
 Вержбовскій Оед. Франц., проф., авт., 24, 224.
 Вержховскій Фр., кс., 262.
 Верцели, основ. лотереи, 500.
 Вильковскіе, 209—211. I, 57.
 Виніусъ Андр., 579—580.
 Витковскій, ген., I, 249—250.
 Витте Ф. Ф., 535—537, 541, 546, 548, 550. II, 311—314, 328—331, 333—334, 564.
 Виттъ Ив. Осип., гр., 494. I, 108. II, 256—259, 290.
 Вишль Александръ, I, 29.
 Вишневецкій Михайлъ Янъ, кор., 179, 180. I, 51, 82. II, 33.
 Власовъ В., авт., 548.
 Внорсвскій Стан., кс., 232, 250—251, 258—260, 263, 274. I, 69, 72—74, 90.
 Водзицкій Стан., чл. Об., 485. II, 217, 267, 289.
 Войда Карлъ, 309, 311, 337, 389, 400, 402, 412, 413, 416, 422, 445. I, 133—134, 198, 227, 240.
 Война Бенедиктъ, еп., 65. II, 4.
 Волицкій, предсѣд. трибун., 277.
 Волконскій Петръ, кн., мин., I, 105—108.
 Воловичъ, еп., 265—267, 278, 291—293, 299—304, 325—331, 345, 352—354. I, 85—86, 94—97, 99, 101.
 Волтеръ, 356.
 Волчинскіе, 206—209. I, 55.
 Вонсовичъ, гр., урожд. Потоцкая, 444. II, 131.
 Воробьевъ Г. А., 91, 98, 396, 568.
 Вороничъ Николай (Воронской Николай), ротмистръ, 140—142. I, 33—39.
 Вороничъ Янъ, еп., чл. Об., 345, 364. II, 106, 109, 165, 178, 215.
 Воротынский Иванъ, кн., 22.
 Вротновская, 537. II, 329.
 Вульфъ (Вольфъ) Ал., староста, 169. I, 47—49.
 Выжицкіе, Николай, холм. еп., и друг., 197—203, 206, 209. II, 49—52, 56, 58—64, 69—71.
 Высоцкій Петръ, 472. II, 271—272, 277, 284.
 Вычеховскій, I, 175—176.
 Вяземскій П. А. кн., 468, II, 232.
 Вѣховъ С. И., проф., 60.
 Галль Мартинъ, 355. II, 89.
 Гамель Юс., авт., 580.
 Ганка Вацлавъ, 468. II, 235—236.
 Ганкевичъ, кор. секрет. I, 45—47, 169.
 Гарбинскій Каетанъ, проф., чл. Об. 484. II, 264, 275—276, 294.
 Гарваскій Юрій, стар., 88, 90, 91, 99. I, 7—8. II, 381.
 Гедиминъ, кор., 176.
 Гембицкій Л., еп., 65, 70. II, 4.
 Гемза Ядвига, 225.
 Георгиевскій В. Т., авт., 107.
 Геркманъ, авт., 20, 98.
 Гермогенъ, патр., 3, 8, 13, 34.
 Геронтія, авт., 13.
 Гете, чл. Об., 468. II, 243—244.
 Гижицкій Альбрехтъ, 126. I, 31.

- Гиршбергъ А., проф., авт., 2, 35.
 Глинскій Вацлавъ, 93.
 Глицинскій Антонъ, сенат., чл. Об., 485. II, 97, 105, 264, 276, 294.
 Глотсъ Карлъ, чл. О., 485. II, 283.
 Глѣбовичъ Николай, 66. II, 4.
 Глѣбовъ Богданъ, II, 9.
 Годуновъ Борисъ Ѳеодоровичъ, царь, 3, 25, 88, 94, 131.
 Гоголевскіе, 201, 202, 509. II, 66—70.
 Голевинскій, проф., II, 314.
 Голембювскій Лука, авт., чл. Об., 181, 390. I, 135—136. II, 155, 161—162, 165, 170, 201, 234, 253, 258, 273.
 Голиковъ, 8, 20, 24, 35, 36, 38.
 Голинскій М., авт., 42, 59, 98. II, 380.
 Голицынъ Вас. Вас., кн., 5, 22, 37, 38, 59, 104. II, 9, 15, 16, 17, 380.
 Голицынъ, кн., оберъ-прок., мин., 316, 363, 364.
 Головинъ, 498, 499. I, 156—161, 163—167.
 Головчиць, еп., 331, 468. I, 89. II, 249, 252.
 Голуховскій Іос., чл. Об., проф., 473, 489. II, 268, 290.
 Гомулицкій Викт., 91, 112, 220, 567.
 Гонзага Маріа Людвика, кор., 171, 179.
 Горецкій А., чл. Об., 485. II, 268, 290, 296.
 Городыскій А., чл. Об., 485. II, 80, 89, 97, 268, 290, 296.
 Горчаковы, кн., 38. I, 106—108, 174—176.
 Госѣвскіе, 9, 12, 14, 17—21, 30, 124—126, 195, 196, 197, 200. I, 29—33.
 Грабовскій Ст., еп., 223, 233.
 Грабовскіе, гр., 321, 465—466, 489. I, 117, 143—145, 147, 149, 162, 168—176. II, 27, 31, 120, 276.
 Грегуары, литейщ., 441, 447—461. II, 157—167.
 Грембергъ Г., пріоръ, 184, 228.
 Грипоновы, II, 17, 18.
 Грозный Иванъ Васильевичъ, ц., 25, 67, 98, 101.
 Грофе, архит., 388, 398. I, 193, 198.
 Грохальскій Даміанъ, кс., 231, 232, 300, 301. I, 214. II, 72—73.
 Губе Ромуальдъ, проф., чл. Об., 473, 484. II, 266—267, 283.
 Губе Осипъ, изд. газ., II, 287.
 Гулакъ Артемовскій, 478. II, 247.
 Гульскій Ст., воен., 66. II, 4.
 Гумбольдъ Ал., чл. О., 468.
 Гурко Іос. Влад., г.-губ., 546, 547, 549. I, 252.
 Гурницкій, 352.
 Гуртманъ Евгений, кс., 232.
 Давгардъ, кс., проф., 473.
 Дадани, грекъ, 291, 296, 297, 315, 318.
 Данилъ, моск. кн., 31.
 Данилъ, митр., 10.
 Даниковскій Іосифъ, кс. канон., 240, 246, 252, 254—279, 282, 291—293, 301, 302, 332. I, 74—92, 98—102, 113—115, 214—215, 224.
 Даниловъ Мих., думн. дьякъ, 126, 127. I, 29—34.
 Дашковы, II, 12, 17.
 Декартъ, 425.
 Делавиль, авт., 477, 478.
 Дельнскій, 369.
 Деляновъ Ив. Дав., мин., 530, 558. II, 338, 340—342, 345.
 Дембинская, 225.
 Дембицкій Сим., промот., 186.
 Державинъ Г. Р., чл. Общ., 468. II, 98, 99, 216, 363.
 Десламъ В., кс., 171, 179, 180. I, 49.
 Дзевановскій, кс., 233.
 Держковскій Даміанъ, пріоръ, 262, 263, 274. I, 90, 225.

- Дзязковскій, докт., авт., 356.
 Дзялинскій М., воев., 66. II, 4.
 Дзялынскіе, гр., 162, 485. I, 207, 282—283.
 Дибичъ Забалканскій, гр., 488. II, 286.
 Дитель Генрихъ, 565. II, 348.
 Длускіе, Ома и др., 201—204, 214, 336, 397, 399, 402, 405, 407, 509. I, 59, 60, 217, 236—238. II, 66—75.
 Димитрій Самозванецъ Первый (Лжедимитрій I), 2, 25, 27, 32, 43, 56—58, 74, 88, 363. I, 4. II, 109.
 Димитрій Самозванецъ Второй, 4, 5, 11, 16, 17, 28, 29, 43, 44, 57, 58, 63, 70. II, 6, 383, 388.
 Дмоховскій Фр., чл. Об., 345. II, 86, 108, 178.
 Добричъ Стефанъ, грекъ, 291, 318. I, 228.
 Добровольскій, кс., 268—270, 274, 275, 301. I, 90—91.
 Добровъ Л., авт., 68.
 Долабелла Ома, худож., 41, 75, 76, 110, 147. I, рис. А. II, 346.
 Долгорукова, жена кн. Ив. Шуйскаго, 105—106.
 Долгорукова, ж. Михаила Федоровича, 105.
 Долгоруковъ П., авт., 107.
 Долингеръ, архит., 308—310. I, 127.
 Домбровскій Генрихъ, ген., чл. Об., 558. II, 249, 252.
 Доминикъ, основатель ордена, 173—176.
 Доктуровъ Герасимъ, 144—145.
 Драць, архит., 389, 398. I, 241.
 Друцкій-Любецкой, кп., мин., 254, 287, 386, 444. II, 24—26, 130, 272, 276, 277.
 Дубровинъ Н. О., авт., 250, 344.
 Дубровскій, акад., авт., 15, 49, 112, 246, 307, 559.
 Дузи Амвросій, грекъ, 318. I, 228.
 Дурново, мин., 563.
 Дюперэ Ник., кс., 180. I, 64.
 Дюшетъ, консуль, 493.
 Екатерина Вторая, 245, 281. II, 232.
 Еліашевичъ П. О., II, 305—306.
 Елецкій, кн., 5, 6. II, 8.
 Желябужскій, 95.
 Жибултовскіе, 215.
 Жигаревъ С., авт., 68.
 Жилинскій И., инжен., I, 254—257.
 Жолкъвская, жена гетмана, 94. I, 10.
 Жолкъвскій Станиславъ, гетм., 2—25, 30—36, 38, 44, 47, 49—60, 66, 70, 74—78, 94, 97, 117, 123. I, 1—3, 29. II, 5, 14, 377—380.
 Жубръ, 224.
 Жуковскій В. А., 321, 456, 468. II, 216.
 Жуковскій С., чл. Об., 473. II, 291.
 Жуковичъ Пл. Ник., проф., авт., 24, 42, 71, 79, 109.
 Заблоцкій Як., 215, 216.
 Забѣлинъ Ив. Ег., ист., 105.
 Загоскинъ Антонъ, II, 9.
 Задзикъ (Жадикъ) Яковъ, корон. канцл., 124—126. I, 29—33.
 Заіончекъ, кн., намѣстн., 49, 155, 156, 278, 285, 286, 289, 294—298, 305—307, 313, 314, 337, 340—341, 366, 374, 376, 379, 387, 391, 402, 403, 407, 412, 433, 465, 466. I, 109, 112, 113, 117—133, 139—140, 143, 227, 235. II, 21, 318.
 Заливскій, II, 277, 278.
 Замбржицкій, еп., 256, 258, 261—265. I, 84—85.
 Замойскіе, 65, 493. II, 4, 289.
 Заннони, 203. II, планъ № 22.
 Засѣкинъ, кн., бояр., II, 6.
 Засѣцкіе, II, 7, 8, 13.

- Захаріашевичъ, еп., 232—240, 252, 253, 258, 260, 268, 271, 272. I, 75, 88, 89, 114.
- Звѣрковскій, II, 301.
- Здановичъ, авт., 370, 471.
- Зелинскіе, 256, 257. I, 60, 135, 136, 178.
- Зембржидовскій Никол., 27.
- Земовитъ, кн., 82.
- Зенгеръ Г. Э., 172. II, 373.
- Зентецкій Лука, довол., 204, 205, 214, 336—338, 373, 392, 394, 397—414, 509, 539—540. I, 133, 218, 219, 231, 233, 237, 240. II, 69, 119, 129, 319.
- Зентецкій сынъ, 415. II, 319.
- Зіеръ, бронзовщ., 421, 441.
- Знатовичъ Бр., I, 254—257.
- Зубовъ, II, 9.
- Геронимъ, архіеп., 573. II, 360—361.
- Іоанникій, архіеп., 521, 527, 531—532. II, 358—359, 364.
- Іоасафъ, іеромон., авт., 107.
- Іоасафъ, патр., 131. I, 35.
- Іосифъ, архим., I, 33, 34.
- Іасифъ, игум., I, 33, 34.
- Іосифъ II, импер., 447. II, 133.
- Івашкевичъ, домовл., 540.
- Іванъ III, в. кн., 31.
- Ідзковскій (Ицковскій), архит., 441, 444, 445, 495—497. II, 151, 318—319.
- Ізмайловъ Артемій, окольн., 22.
- Іловайскій Д. И., истор., 2, 16, 98, 285.
- Істоминъ Вл. А., авт., 526, 548.
- Істоминъ, домовл., 521.
- Казановскій Ад., 125. I, 30—31.
- Казимирскій Хр., еп., 65. II, 4.
- Казимиръ IV Ягеллонъ, 82. II, 127, 166.
- Калайдовичъ К. О., 478. II, 247.
- Каминскіе, II, 82, 178, 284, 290.
- Карабинъ Ів., II, 17.
- Карамзинъ Н. М., 2, 16, 19, 132, 363, 468, 559. II, 98, 99, 216.
- Карась, домовл., 309, 416.
- Карлъ IX Ваза, швед. кор., 27, 31.
- Карницкій, I, 176—179. II, 30—31.
- Карацци (Корацци) Ант., архит., 376, 383, 385, 405, 408, 409, 437, 444. I, 134. II, 121.
- Катыревъ-Ростовскій, авт., 9, 24.
- Каченовскій М. Т., 478. II, 108, 247.
- Кеппенъ П. И., 468. II, 228—230.
- Кирковъ М., грекъ, 318. I, 228.
- Кирѣевскій П. В., 74.
- Кисель Адамъ, кашт. и пос., 135—146, 165, 313, 579. I, 35—40.
- Кицинскій графъ Бруно, 475—477. II, 246, 296—297.
- Кицкій, кс., 239.
- Кіокъ, 339—340.
- Клейгельсъ, ген., I, 251.
- Клипшъ, 203, 226, 236, 397, 417. II, планъ № 20.
- Ключевскій, домовл., 214.
- Клять, кс., 276—278, 293, 299, 327, 330—331, 333. I, 92, 93, 98, 100.
- Княжовичъ, ген., 482. II, 292, 293, 304.
- Кобержицкій, авт., 2, 12, 18, 19, 24, 25, 36, 42, 52, 76, 88, 97—99, 110—113, 145, 566, 570. I, 4—5.
- Кожуховскій, чиновн., 36. II, 11.
- Козловскій, ст. референд., 495.
- Козминская, вдова, 256, 257.
- Козьянъ Кастанъ, 285, 344, 392, 485. II, 106, 123, 165, 223, 276, 294.
- Колзаковъ, авт., 284, 288.
- Колларъ, чл. Об., II, 246.
- Коллинсъ, авт., 88.
- Коллонтай Г., чл. О., 346, 354.
- Конецкій, кс., 178, 231, 237, 239, 247, 248, 278. I, 63, 68—71.
- Конопацкій М., еп., 65. II, 4.
- Коношевичъ Исидоръ, свящ., 315.
- Константинъ Великій, 31.

- Константинъ Николаевичъ, в. кн.,
намѣстн., 514, 520, 525.
- Константинъ Павловичъ, в. кн.,
49, 245, 284, 286, 288—289,
294, 295, 311, 314, 317, 318,
321, 421, 449, 453, 456, 460,
463, 467, 475, 483, 485. I, 105—
107, 118. II, 156, 163—164,
274, 277, 285.
- Коперникъ Николай, астр., и его
памятн., 111, 343, 355, 358, 378,
384, 418, 422—444, 447—463,
474, 479, 486, 575—577. I, 219,
246—258. II, 25, 86, 90, 101—
170, 224, 307—316, 321, 322,
335, 349.
- Копецъ, воев., 169. II, 46—49.
- Копчинскій О., чл. О., 355—356.
II, 85, 219.
- Корбъ, авт., 226, 245, 289.
- Корженевскій, прот., авт., 290,
291, 320, 521.
- Корзонъ О., авт., 203, 236.
- Коротыцскій В. В., собр. рук., 91,
162, 208, 232, 247, 335, 341,
413. I, 204—220.
- Корсаки, II, 12, 17.
- Корыцинскій Ш., 169. I, 48, 49.
- Коссаковскій, 468. II, 249, 252.
- Коссецкій, ген., 297, 341, 388,
389. I, 109, 111—113, 120—
124, 130, 133, 135, 144, 145,
156—161, 163—174, 239. II,
21, 27, 276.
- Костомаровъ Н. И., ист., 2, 14,
16, 19, 42, 56, 59, 96—98.
- Костылевъ К. А., законоуч., II,
360.
- Костюшко Оадлей, 454, 472, 479.
I, 256. II, 276, 291.
- Косъ Янъ, староста, 169.
- Кохановскій, писат., 352.
- Коцебу, г.-губ., 542. I, 250—251.
- Краевскій М., чл. О., 369. II, 126.
- Крамской И. П., худож., 572.
- Красинскіе, ихъ библиот., 2, 10,
42, 51, 55, 135 (въ 1 выпускѣ
Сборника издается отсюда пока
преимущественно переписка Си-
гизмунда съ Жолкъескимъ).
- Красицкій, кн., архіеп., 271. I, 88.
- Красовскій Александръ Ивановичъ,
библіотекаръ, 467, 468, 488,
491—496, 501. II, 257, 261—
270, 280—283, 289, 291.
- Краусгаръ А. Г., авт., 55, 59, 91,
120, 222, 236, 309, 344, 396,
423, 450, 453, 469, 488, 565—
567.
- Крачковскій Ю. О., авт., 344.
- Крестовскій, авт., 288.
- Крижаничъ Ю., 113, 114, 143—
145, 579.
- Крыжановскій Адрианъ, проф., чл.
Об., 484. II, 165, 166, 245,
257—259, 269, 284.
- Крыжановскій Янъ Кан., инсп., чл.
Об., 484, 494. II, 265, 276.
- Крыскій Феликсъ, 24, 42—44,
53—55, 60, 69, 70, 75, 76. II,
377—380.
- Кубицкій Як., архит., чл. Об.,
378—379. I, 107. II, 25, 107,
108, 111—112, 114, 124—125,
144, 284.
- Курпинскій Карлъ, чл. О., 460,
486, 575. I, 248. II, 219—220,
276—278.
- Курута, гр., ген., 314, 460. I,
103—108. II, 156.
- Кутузовъ Ив., II, 6.
- Кутузовъ-Смоленскій, кн., 254,
283, 284.
- Лагарпъ, 281.
- Лаговскій, 484. II, 281.
- Ланской В. С., 254, 284. I, 104.
- Латецкій, канон., 239.
- Лафонтенъ, вдова доктора, 358.
- Лебрень, ст. секр., I, 175—176.
- Левинъ Евф., II, 7.
- Левицкій, ген., 292, 304. I, 115—
119.
- Левицкій Іос., хирургъ, 332.
- Лелевель Іовх., чл. Об., 203, 472,
474, 484, 486, 488. II, 132,

- 165, 203, 213, 227, 228, 234, 244, 265, 272, 277—279, 284, 294—298, 301.
- Лемовскій, II, 284—285.
- Ленскій (Лонскій), 507. I, 176—179. II, 31—32.
- Ленчицкій (Ланчицкой), воев., 126. I, 32.
- Леонтій, архіеп., 532—533. II, 339.
- Лессель, архит., 254, 311—312, 337, 338, 376, 385, 400, 401, 403, 405, 409. I, 134, 229—230, 233. II, планъ № 15.
- Либровичъ С. Ф., авт., 19, 71, 98, 112, 246.
- Лигнеръ П., чл. Об., II, 273.
- Линде Самуиль Богумиль, чл. Об., 345, 349, 363, 364, 427—428, 431, 481, 488, 492, 493. I, 25. II, 80, 91, 96, 97, 103, 106—109, 118, 122, 123, 138, 140, 166, 214, 223, 228, 243, 257, 265—266, 278—279, 294—295, 298.
- Линдлей, 574. II, пл. № 28.
- Ломовъ, чин., I, 103—105.
- Лонскій Доминикъ, кс., 180, 181.
- Лотоцкій, протоіер., авт., 290, 291, 318, 320, 521.
- Лубеньскій Фел., мин., 356. I, 117, 137. II, 100, 133, 279.
- Лугаковскій В. А., авт., въ Ц. Вѣстн., 545, 570.
- Луговской, дякъ, II, 9, 15, 16.
- Львовъ-Ярославскій Ал. М., кн., 112, 121, 125—128, 132, 136, 146. I, 26—35.
- Лыневъ, II, 11.
- Любецкой, кн. См. Друдкій Люб.
- Любинскій Іос., II, 293.
- Любомирскій Ст., гр., 193. II, 57.
- Лютеръ, портретъ его, 158.
- Лянганцъ, 275, 277.
- Ляпуновы, 25. II, 9, 16.
- Мадалинскій Б., гл. нотар., 169. I, 46—49.
- Маевскій Скороходъ Валентинъ, нотар., 342, 357, 380, 477, 485. I, 181—189, 194—201. II, 25, 73, 75, 119, 129, 145—146, 227, 236, 246, 275, 276, 279—280, 285, 287, 290, 301, 304, 380, 382.
- Макаровъ, авт., 320.
- Маковскій Оома, грав., 41, 47.
- Максимиліанъ, имп., 167.
- Максимиліанъ, корол. шатерничій, I, 31, 32.
- Максимовичъ Іос., іером. I, 103.
- Максимъ Грекъ, 10.
- Малаховскій Густавъ, II, 301.
- Малаховскій Стан., 454. I, 256. II, 166.
- Малаховскій Янъ, 169. I, 46—49.
- Малиновскій Ант., еп., 233, 234.
- Малиновскій Г., пріоръ, 182.
- Мальчевичъ Янъ, кс., 184.
- Манъ Густавъ, 511.
- Маріанскій Игнат., кс., 240, 253, 259. I, 75—84.
- Марія Александровна, импер., 520.
- Маркграфскій, авт., 288.
- Маркевичъ А. И., проф., 96.
- Маркони Г., архит., 496. II, 313—314.
- Маркъ Аврелій, 420.
- Мартенсъ О. О., проф., 282.
- Масальскій В. М., кн., II, 6.
- Масевичъ А., лекторъ, 185.
- Маскевичъ, авт., 2, 16.
- Медемъ, бар., 542, 543, 555. I, 253. II, 337, 355—357.
- Мезецкіе, кн., 102. II, 9, 15, 17.
- Метаніевъ А., протоіер., II, 359.
- Метцель Люд., архит., чл. Об., 444, 446. II, 150—151.
- Мещерскій Оед., кн., II, 6.
- Миле Ав., проф., чл. Об., 474, 484. II, 165, 247, 268, 281, 287, 298, 299.
- Милютинъ Н. А., 515, 521—224, 527.
- Михаиль Θεодоровичъ, царь, 5, 20, 21, 74, 96—109, 118—125,

- 130—133, 136, 145, 146, 245.
I, 26, 29—35. II, 346.
- Михневичъ Г. Г., II, 364.
- Мицкевичъ Адамъ, чл. Об., 469,
470, 478. II, 246, 298—299.
- Мяновскій Н., проф., чл. Об., 473.
- Надлеръ В. К., авт., 283.
- Наполеонъ, 248—550, 254, 282,
287, 290, 359, 364, 419, 423,
477. I, 90, 257. II, 166, 300.
- Нарушевичъ, авт., 363—370. II,
25, 82, 214.
- Нащекинъ Ѡ., II, 7.
- Невядовскій, 12, 19.
- Недѣльскій, кс., 276, 277. I, 215.
- Недумовъ А. Д., свящ., 132—133.
- Нектарій, авт., 13.
- Нелюбовъ Ив., I, 12.
- Нивинскій Людв., кс., 185.
- Николай (Миколай), архит., 110,
112, 125, 126. I, 31, 32.
- Николай I, Императоръ, 292, 317,
321, 323, 410, 448, 451, 456,
460, 463, 465—467, 471, 472,
481, 488, 489, 491, 501, 502,
510. I, 107—108, 144, 149—
153, 162, 164, 248, 257. II, 130,
131, 155, 159, 165, 232, 256,
272, 275, 289, 301.
- Николай II Александровичъ. Импе-
раторъ, 555, 564, 569. II, 348,
349.
- Никольскій С., II, 314, 334, 357.
- Никольскій Як. Дм., протопресв.,
316.
- Новицкіе, 11, 291.
- Новосильцевъ Николай Николае-
вичъ, императорско-царскій ко-
мисаръ, 254, 261, 284—287,
292, 295, 296, 305—308, 316-
318, 340, 361, 363, 456—460,
468, 471—472. I, 118, 125, 129.
II, 224.
- Норблинъ Ал. Ив., литейщ., 421,
441, 447—455. II, 153—163.
- Ньютонъ, 425.
- Неѣловы, II, 8.
- Нѣмоевскій Вик., 475—477. II,
245, 284, 299—300.
- Нѣмцевичъ Юліанъ Урсинъ, авт.
и предс. Об., 2, 16, 19, 41, 59,
97—99, 112, 115, 143, 162, 313,
346, 369, 370, 373, 389, 392,
425, 428, 429, 442—457, 460,
463, 470—474, 478, 480—481,
488, 489, 494. I, 149, 243—244.
II, 105, 106, 110, 114, 116,
120—128, 131, 138, 141, 148—
158, 164—170, 201, 219, 220,
223, 229, 231—234, 263, 269,
271—272, 280, 291, 300—304.
- Одровонжъ Яцекъ, 176.
- Огинская Елена, 232—233.
- Ойржинскій Сигизм., 213.
- Окуневъ, ген., попеч., 502, 503.
I, 168—174. II, 30, 322—324.
- Олеарій, авт., 98.
- Олецинскій Владисл., граверъ,
Авт., 456. II, 167—170.
- Оловенишниковъ, куп., II, 348.
- Ольшинскій М. И., собират., 309.
- Орловская Екат., 224. I, 67.
- Орловъ Венедиктъ Петровичъ, ди-
ректоръ, 517—520, 526, 528,
529, 535—537. II, 362—366.
- Осинскій Алоиз., кс., чл. Об., 280.
- Осинскій Іос., чл. О., 345. II, 94.
- Осинскій Людв., проф., чл. Об.,
460, 484. II, 102, 123, 165,
178, 186, 189, 201, 280, 295.
- Османскій Ѡ., кс., 266, 268—270.
- Оссолинскіе, библиот., 23, 35, 42.
II, 376—380.
- Островскіе, гр., 282, 480, 484—
485. II, 267, 285—286, 300,
302, 303.
- Острожскій Янушъ, кн., 65. II, 4.
- Остророгъ Іоан., гр., 65. II, 4.
- Опосальскій Лука, пріоръ, 188,
196. I, 51, 53, 207—209. II,
34—36, 52—54.
- Павель I, импер., II, 291.
- Павель, митр., 131. I, 33, 34.

- Павинскій Ад. И., проф., 41, 89, 172, 230, 562. I, 25.
- Павлицевъ Н. П., авт., 518.
- Павловичъ Маркъ Ант., проф., чл. Об., II, 165, 280.
- Павловскій Евгеній, іером., 315.
- Палицынъ. См. Аврамій Палицынъ.
- Панкратьевъ Н. П., ген., I, 156—161, 163—166. II, 269—270, 279.
- Панютинъ, I, 177—179.
- Паскевичъ Юр., 163—164.
- Паскевичъ Эриванскій гр. Варшавскій кн. Иванъ Осдоровичъ, намѣстн., 320, 461—462, 467, 468, 489, 491, 492, 496, 497, 501, 504, 510. I, 107—108, 145—162, 165—176. II, 248—256, 259, 261, 269—270, 295, 306—307.
- Пастенацій К., паст., 157, I, 23.
- Патрикѣевъ-Косой, 10.
- Пашкевичъ, подпрап., II, 271.
- Пашковскій Іос., проф., чл. Об., 475. II, 245, 305.
- Паулуччи А. К., II, 305—306.
- Пацъ Каз., посоль, 138—139.
- Переносовъ И., дьякъ, 126. I, 29—34.
- Пестель, декабристъ, II, 287.
- Петровскій, адв., 406.
- Петровъ П. Н., авт., 101, 105.
- Петръ Великій, 8, 76, 77, 147. II, 346.
- Петръ Могила, 135.
- Пимень, архим., I, 6.
- Пирлингъ П., патерь, авт., 24, 42, 72, 74. I, 6, 41. II, 389.
- Писаревъ, ген., I, 168—176. II, 30.
- Писаревъ С., авт., 24.
- Писторъ, 203, 397. II, планъ № 23.
- Платоновъ С. Ѡ., проф., авт., 2, 8, 21, 95, 96.
- Плеве, II, 329.
- Плецъ, тов. м., II, 308.
- Плещеевъ Левъ, II, 6.
- Плятеръ Людв., гр., чл. Об. и предсѣд. отд. н., 457, 482—483. II, 90, 165, 203, 208, 210, 263, 273, 292—295, 304.
- Подвинскій, авт., 475.
- Подгородниковъ И. Гр., 310.
- Подгорскій Стеф., свящ., 291, 315.
- Подчашинскій В., архит., 539. II, 333, 351—355, планъ № 27.
- Пожарскій Д. М., кн., 73, 74, 96, 128.
- Покровскій Н. В., архит., 554—558, 574. II, 340—342, 349—351.
- Полевой Н., 478. II, 247.
- Поневчинскій Л. М., кс. кан., 181, и Введенія стр. XXI.
- Понятовскій, кн., примасть, 271. I, 88.
- Понятовскій Іосифъ, кн., 345, 409, 417, 418—424, 437, 441, 442, 445—449, 454, 460—462. II, 123, 125, 149, 156, 166, 259—261, 285.
- Половъ А. Н., 1, 3, 32, 97.
- Поповъ Н. А., авт., 250, 344.
- Попроцкій Як., домовл., 189.
- Потоцкіе гр., 294, 305, 309, 310, 319, 329, 334, 341, 345, 348, 352—355, 360, 363, 365, 374, 392, 419, 421, 424, 428, 432, 433, 537, 541. I, 94—95, 113—115, 127, 130, 189—192, 195. II, 24, 61, 80—83, 86, 97—99, 105, 107, 108, 116, 122—124, 127, 133, 142—144, 217—218, 239, 260, 318—329.
- Потулицкіе, 201, 202, 214, 509. II, 61—66, 87, 226.
- Праховъ А. В., проф., 597—560. II, 340, 343, 349.
- Пражмовскій Адамъ, ен., предс. отд. н., 292, 293, 342, 443, 457, 466, 474, 478, 481, 487—489, 493. I, 93, 143, 147, 183—184, 189—192, 196—197. II, 103, 125, 127, 130—132, 145, 146, 149—150, 155, 156, 178, 213, 216, 247, 263, 265, 268, 271, 281, 287, 292, 298, 299.
- Презутти, I, 6, 41.
- Преображенскій, проф., II, 340.

- Пржановскій Ксав., кан., 201. II, 64—66, 70.
- Пржевлотскій Дом., пріоръ, 266—270, 325, 327. I, 86—87.
- Пржіемскіе, 190—200. I, 208. II, 25.
- Прокопенко Ив., II, 313.
- Прондзинскій, 475. II, 246.
- Протасовъ Гр., II, 17, 18.
- Проѣстевъ С. М., 112, 127. I, 26—34.
- Прудонъ, 285.
- Пеурскій, 511—512.
- Пузыревскій А. К., ген., авт., 475.
- Пуфендорфъ Сам., авт., 162, 163. I, рисун. № 3.
- Пушкинъ Бор., II, 9, 16.
- Пушкинъ Гр., бояр., 136, 148. I, 38.
- Пынинъ А. Н., авт., 344, 370, 470.
- Пясецкій Пав., авт., 42, 71, 88, 98.
- Радивилы (Радзивилы), кн. 24, 27, 37, 38, 78, 124—127. I, 29—33, 55, 216. II, 114, 285, 301.
- Раковецкій, авт., чл. Об., 370. I, 226—227, 280.
- Раутенштраухъ, ген., 489—492, 501. I, 145, 148, 149, 156—161, 163—174. II, 254, 255.
- Рафаилъ, архим., I, 33, 34.
- Рафаилъ, еп., 128—131. I, 34.
- Рафаэль, 420.
- Рачинскій, архіеп., 272. I, 89.
- Рената Цецилія, жена Владислава IV, I, 4.
- Решнинъ, пос., 143.
- Ржевускій В., гр., 426, 485. II, 268, 291.
- Ржевускій Ст., 475, 476. II, 245—246.
- Ріокуръ П., 215.
- Рогальскій Л., чин., II, 270.
- Рогинскій, директ., 512. II, 327.
- Ромодановскій, кн., II, 19.
- Ростковскій Ад., суфраг., 207.
- Ростковскій Фр., подстол., 201—203, 509. II, 66—70.
- Ротмюль, евр., 511—512.
- Рошковскій І., кастел., 66. II, 4.
- Рудницкій Сим., еп., 65. II, 4.
- Румянцевъ Н. П., гр., чл. Об., 363, 364, 468. II, 109, 116, 227, 228.
- Руссо Ж. Ж., 355.
- Рудкій Бартошъ, 11, 12.
- Рыбинскій, еп., 271. I, 88.
- Рынкевичъ Л., 195, 196. II, 58.
- Сабурова Соломонія, жена Василя III, 106.
- Салтыковы (Солтыковы) 9, 10, 12, 14, 21, 29, 105, 131. I, 34. II, 6, 12, 17, 18.
- Самаринъ Н., II, 7.
- Самаринъ Ю. О., 521.
- Сангушко, кн., 77.
- Салъга Алекс., кн., чл. Об., 356—358, 381, 468, 490, 493. I, 152, 181, 183. II, 82, 92, 216—217, 250—253.
- Салъга Левъ, кн., канцл., 9, 12, 15, 20, 23, 25, 33, 36, 38, 77, 94. I, 9.
- Салъга Янъ Петръ, 2, 5, 11, 12, 14, 18.
- Свидзинскій, II, 301.
- Свѣдомскій П. А., худож., 571. II, 350.
- Свѣнцикій О., чл. Об., 485. II, 119, 129, 165, 266.
- Святольдъ, воев., 135.
- Сераковскіе, 271, 364. I, 88, 113, 128, 129, 217. II, 109, 125, 150—152, 155—163, 165.
- Сендзивой А., воев., 66. II, 4.
- Сергіевъ (Кронштадтскій) Іоаннъ Ильичъ, протоіер., 564. II, 348.
- Сергій, смол архіеп., 38, 48, 59, 60, 104.
- Сидавней В., дьякъ, II, 16.
- Сидоровъ А. А., авт., 288, 306, 321, 347, 350, 352, 510, 518.
- Сягизмундъ І, кор., 347, 350, 352. I, 257. II, 76, 105, 166, 384.

- Сигизмундъ II Августъ, кор., 48, 49, 83—86, 102, 194. II, 166.
- Сигизмундъ III Ваза, кор., 2—84 (почти на каждой стран.), 94, 96, 97, 100—103, 108—120, 126, 134, 143—147, 151, 164—169, 189, 195, 220, 308, 312, 462, 463, 470, 560, 566—567, 569, 579. I, 1—8, 32, 41, 44, 45. II, 1—4, 39, 58, 107, 110, 125, 127, 143, 346, 376—380, 388.
- Сикорскій, докт., 537. II, 329, 352—355.
- Сикорскій, скульпторъ, 247.
- Симонетта, нунц., 29, 32, 37, 39. II, 383—389.
- Сицкій А., кн., 22.
- Скарбекъ, 344, 392, 469, 471. II, 129, 130, 165, 203, 280.
- Скарга П., 24, 39, 73. II, 76.
- Скаржинскій Никаноръ, 315, 317.
- Скворцовъ И. Ф., 515.
- Скопинъ Шуйскій. См. Шуйскіе.
- Скоповскій А., кс., 170, 177, 204, 207, 209, 227, 237. I, 47, 48. II, 43.
- Скороходъ - Маевскій. См. Маевскій.
- Скржинецкій Ив., 475.
- Служки, Иосифъ-Богуславъ и др., 194—201, 205, 206, 214, 509, 513, 538, 539. I, 207—209. II, 34—36, 49—52, 59, 372.
- Смирновъ А., авт., 193.
- Снегиревъ И. М., авт., 133.
- Снядецкій Андрей, проф., чл. О., 346. II, 281.
- Снядецкій Янъ, проф., чл. О., 345, 354, 355, 423, 426—429, 431, 454. II, 82, 83, 86, 92, 101, 107—110, 120, 134, 139, 165, 244, 280—281.
- Собѣскій Янъ, кор., 177, 181, 221, 330, 428. I, 51, 54—55.
- Собѣщанскій, авт., 49, 91, 112, 200, 208, 246. I, 8.
- Соболевскіе, 131—133, 143, 317, 363—366, 437. I, 106, 124, 129, 139, 140, 143. II, 24, 105, 108, 124, 133, 224, 289.
- Совинскій, авт., 370, 471.
- Соколинскій С., кн., I, 29.
- Соколовскій, проф., 41.
- Сокольниковъ, архит., II, 337.
- Соловьевъ С. М., 2, 8, 16, 19, 20, 37, 56, 74, 97, 98, 104, 105, 109, 135, 283, 559, 560, 566.
- Солтыкъ Ст., гр., чл. О., 345, 365, 472. II, 77, 95, 96, 102, 178, 266, 281, 304—305.
- Солтыкъ—сынъ, 485. II, 266, 286.
- Спасовичъ В. Д., авт., 344, 370, 470, 510.
- Ставьярскій И., авт., чл. О., 430—431. II, 141—142, 286.
- Стадницкій Ад., кастел., 66. II, 4.
- Станиславъ Августъ, кор., II, 166, 214, 278.
- Станишевскіе, 331.
- Старовольскій, авт., 98, 112. II, 4, 5.
- Стахеры, 195, 196. I, 57. II, 58.
- Сташиць Станиславъ, кс., ст. сов., предс. Об., 245, 299, 302, 308, 334—336, 341—345, 356—365, 368, 374, 377—396, 412, 413, 417, 423—428, 432—449, 453, 459, 465, 471, 528, 534, 565, 569. I, 125, 180—184, 189—192, 196—201, 215, 224, 226, 229, 235, 239. II, 20—21, 24, 26, 95—106, 111, 115, 117, 119, 130—141, 145—154, 164, 165, 178, 201, 220—221, 224, 225, 228, 249, 251, 253, 317.
- Стельмашенко М. А., авт., 39.
- Степановъ Н., авт., 98.
- Стефановичъ Андрей Львовичъ, директ., авт., 112, 246, 515, 552, 554, 559, 561, 565—570. II, 333, 339.
- Стефановичъ И., 415, 509. I, 244.
- Страленбергъ, авт., 96.
- Строгоновъ А. Гр., гр., 491—496. II, 248—250, 254—259.
- Строевъ П. М., ч. О., 478. II, 247.

- Струсь, 97.
 Стрѣшневъ, 105. II, 8.
 Суданы, от. и сынъ, 215.
 Сукинъ В., II, 9, 15.
 Сулешевъ Ю. кн., 131. I, 154.
 Султановъ Н. В., инженер., II, 340.
 Суroveňскій Лаврентій, чл. О., 342,
 436. I, 94—95, 114—117, 187—
 192, 194, 196—200. II, 110,
 119, 127, 227, 318.
 Сѣницкій Н., II, 333, 352—355.
 Сѣчинскій Ст., еп., 65. II, 4.
 Сярчинскій, кс., авт., 470.
- Тарло Вареола, пріоръ и еп., 182,
 187. I, 67. II, 36, 53—59.
 Тарновскій, авт., 479.
 Тарновскій Ив Фел., гр., чл. Об.,
 485. II, 102, 104, 106—108,
 114, 122—125, 138, 142—144,
 165, 223, 295, 305.
 Тарновскій Ст., гр., кастел., 66.
 II, 4.
 Татищевъ Ст., II, 10.
 Теодоровичъ А., директ., 536. II,
 328—329.
 Теренцій, авт., 355.
 Техановичъ І., посоль, 138—139.
 Тирегайль, инженер, 203, 226, 236,
 397, 417, II, планы №№ 19, 21.
 Толстой Д. А., гр., мин., 526. II,
 315, 331.
 Толстой М., гр., авт., 106, 107.
 Толстой Ѡ., гр., собир., 95.
 Торвальдсенъ Альбертъ, скульпт.,
 419—422, 437—463. II, 113,
 116, 117, 120, 121, 128—131,
 145—153, 158, 164, 165, 243.
 Тревіани Янъ, архит., 120—121.
 Троицкій В. А., докт. проф., 251.
 Тромбскій Я., кс кан., 271. I, 88.
 Трубедкіе, кн., 100, 104, 136, 140,
 141. I, 38. II, 17.
 Турау Э., авт., 112.
 Туркуль, II, 276.
 Тылицкій П., еп., 65. II, 4.
 Тымовскій К., чл. Об., 479, 485.
 II, 267, 288.
- Тымовскій, ст.-секр., I, 146, 156—
 174.
- Уваровы, II, 9, 10.
 Уманецъ, авт., 288, 344.
 Успенскій Ѡ. И., проф., авт., 68.
 Устимовичъ М. П., авт., 99, 115,
 246, 290, 320, 396, 568—569.
- Фальковскій Як., кс., чл. О., II, 283.
 Фандельинъ Из., перев., 579.
 Фелинскій, архіеп., 516.
 Фіалковскій И., проф., чл. О., II,
 165, 275.
 Филаретъ Никитичъ, митроп., 1,
 3, 5, 9, 11, 14, 19—25, 33—
 35, 38, 59, 60, 95, 103—105,
 118, 130. II, 9, 15, 15, 380.
 Филатьевъ М., д. дякъ, I, 29, 33.
 Филиппони, землевлад., 190, 193—
 196, 205, 338. I, 208.
 Филоварди М., нунцій, 113, 114,
 164. I, 4, 5, 25.
 Френцель, грав., 77. II, рисун. Б.
 Фридрихъ Августъ, кор. сакс., кн.
 варш., 356, 365, 368, 500. I,
 116—117, 136—139, 255. II,
 166, 201, 221.
 Фридрихъ Великій, 356.
 Фридрихъ Вильгельмъ III, 347—
 348. II, 98.
 Фундуклей Ив. Ив., 521, 526,
 531—532, 535. I, 177—179. II,
 358—359, 364.
 Фурманъ, 497, 498, 501, 507. I,
 145, 154—160, 163—176. II,
 30—31.
- Харкевичъ К., іером., I, 103.
 Хитровы, II, 10, 16.
 Хлаповскій, 483. II, 275.
 Хлопицкій, 478, 482—483. II,
 272—275, 285, 295, 297, 301.
 Ходзько Л., авт., 115, 143, 245.
 Хржановскій, 475, 485. II, 246, 305.
- Циховскій, II, 274.
 Цихоцкій Э., архит., I, 254—257.

- Цыцуриный О., проф., презид. Мед. Ак., 507—508. II, 324—325.
Цѣхановскій, I, 155. II, 31.
- Чайковскіе, 370. I, 98, 178—199. II, 224, 289.
- Чарнецкій А., авт., 370.
- Чарнецкій Эдуардъ, кс., секр. Об., 384—389, 403, 439, 448. I, 134, 184, 189—192, 199—201, 239, 241. II, 24—26, 33—34, 106, 138—141, 147, 203, 213, 216—219, 223, 227, 236, 244.
- Чарторыскій Адамъ, кн., чл. Об., 280, 283, 286, 287, 295, 345, 365, 419, 422, 442, 451, 454, 472, 482—484, 488, 489. I, 149. II, 105, 106, 123, 155, 165, 167, 221—223, 260, 264, 274—275, 293, 295, 302, 305.
- Чарторыская, кн., 285, 287.
- Чарторыскіе (Музей), 41, 77, 93, 112. I, 1—4. II, 381—382.
- Чацкій Оаддей, чл. Об., 345, 362, 426. II, 81, 84, 85, 89, 91—99, 178.
- Челищевъ, II, 17, 18.
- Черкасскій, кн., II, 7.
- Черкасскій В. А., кн., 521, 527, 532.
- Чернышевъ Александръ Ивановичъ, ген., 489, 490—492, 499. II, 28, 250, 254, 255, 306.
- Чистого Наз. Ив., д. дякъ, 136, 141, 579. I, 38.
- Шамборскій, кс., 268.
- Шанявскіе, 268, 277, 342, 488. I, 99—101, 183—184, 187—189, 190—192, 213, 196—201. II, 84, 130, 131, 150, 155, 157, 168, 244, 281.
- Шафарикъ Пав. Юс., 468. II, 237—242.
- Шаховскіе, кн., II, 6, 7, 9, 12.
- Швейковскій Альбертъ, кс., рект. Унив., чл. Об., 443, 446, 458, 473, 474, 484, 495. II, 131, 155—157, 161—165, 213, 247, 253, 258, 263—265, 268, 281, 287, 298, 299.
- Шейнь, воев., 29, 32, 38, 48, 59, 81. II, 380.
- Шенкингъ От., еп., 65. II, 4.
- Шореметевъ С. Д., гр., 35, 107.
- Шореметевъ О. И., 35, 102, 104.
- Шиловецкій Хр., стар., 83, 86.
- Шильдеръ Н., ист., 283, 420, 488.
- Шиповъ, генер., I, 168—170.
- Ширма Христіанъ Ляхъ, проф., чл. Об., 473, 475—477, 484. II, 85, 245, 267, 281, 286—287.
- Шишкинъ З., II, 12.
- Шишковскій М., еп., 65. II, 4.
- Шипъ, архит., 402.
- Шмелингъ В., конюш., 169. I, 47—49.
- Шнайде, грекъ, 318.
- Шпацера, авт., II, 272, 274, 278, 285, 289, 302.
- Шпекъ, землевлад., 196. I, 208. II, 35, 52.
- Шпилевскій Г., архит., 337, 408, 409, 417. II, 104, 370—371, 381—382, планъ № 18.
- Штакельбергъ, бар., 537. II, 329.
- Шторхъ, авт., чл. Об., 468. II, 230—232.
- Шубертъ М., проф., чл. Об., 484. II, 281.
- Шубертъ, фабрик., 299.
- Шукальскій, пріоръ, 213, 216.
- Шустовъ, сготов. иконост., II, 350.
- Шухъ Адольфъ, архит., чл. Об., 398, 408, 417, 486. I, 239—240, 267, 287—288.
- Шуйскіе:**
- Шуйскій Александръ Ивановичъ, кн., братъ царя, 106.
- Шуйскій Василій Ивановичъ, царь, 2—77, 81, 85, 89—102, 106, 109—136, 139, 142—147, 151, 153, 160—163, 172, 195—198,

- 204, 219, 221, 223, 244, 312, 313, 335, 394, 396, 413, 415, 440, 463, 464, 509, 527, 528, 533, 534, 540, 559—560, 562, 564—571, 573, 577, 579. I, 1—12, 26—38, 41, 204—206. II, 1—5, 10—11, 14—15, 17, 260, 309—310, 343, 345—348, 360, 370—371, 377—389.
- Шуйскій Дмитрій Ивановичъ, кн., братъ царя 3—25, 34—41, 43, 45—60, 66, 68, 70, 71, 75—77, 81, 85, 89—99, 109—116, 120—130, 136, 143—146, 151, 153, 161—163, 197, 198, 204, 219, 221, 223, 244, 313, 394, 396, 463, 464, 509, 560, 568, 569, 570, 579. I, 1—12, 28—33, 36, 41, 204—206. II, 1—5, 10—11, 14—15, 370—381, 377—385.
- Шуйскій Иванъ Ивановичъ, кн. (Иванъ Левинъ; въ инокахъ Іона), братъ царя, 3—25, 34—36, 38, 40, 41, 45, 46—60, 66, 68, 70, 75—77, 81, 85, 89, 91, 95, 97, 99—107, 118, 129, 130, 162, 579. I, 1—3, 11. II, 5, 10—11, 14—15, 377—382.
- Шуйскій Иванъ (Янъ) Ивановичъ, кн., брестскій подкоморій, 100—102, 107.
- Шуйскій (Шуйскій-Губка) Иванъ Дмитриевичъ, кн., 101—102.
- Шуйскій, Скопинъ - Шуйскій Михаилъ Васильевичъ кн., 28, 30, 32, 46. I, 12, 386.
- Шуйская, мать царя, 105—106.
- Шуйская Марія Петровна (въ иночествѣ Елена), царица, 7, 34, 106.
- Шуйская Анастасія Васильевна, царевна, 106.
- Шуйская Екатерина Григорьевна, княгиня, жена кн. Дмитрія Ивановича, 3, 7, 24, 34, 40, 47, 68, 85, 90—99, 109, 112, 115, 116, 120—130, 136, 151, 153, 161, 163, 204, 219, 221, 223, 244, 313, 394, 396, 464, 509, 560, 568—570. I, 1—12, 28—33, 36. II, 10—11, 14—15, 381—382.
- Шуйская Марѳа Васильевна, урожд. Долгорукова, жена кн. Ивана Ивановича, 105—106.
- Шуйская Марина Юражанка, кн., жена кн. Яна Ивановича Шуйскаго, 102.
- Щегловитовъ С., II, 308—309.
- Щелковъ И. П., авт., 306.
- Щербатовъ, кн., авт., 488, 492.
- Эймонтъ, II, 338, 339, 342, 343.
- Элерсъ, паст., II, 374—375.
- Эстрейхеръ, домовл., 540.
- Юліанія, мать Ягайло, урожд. княжна Тверская, 31.
- Юнгманъ, 462. II, 236—237.
- Юрневъ Семень, 129, 130.
- Яблонскій Ант., архит., 552—557. II, 334—335, 338.
- Ягайло, 31.
- Якубовичъ Ин., іером., 315.
- Якубовскій С., аренд., 390, 500—501. I, 201. II, 321.
- Янишевскій, чиновн., I, 178.
- Янковскій, 210—212.
- Яновскій А. В., авт., 39.
- Яновъ Вас., дум. дьякъ, 100 II, 17, 18.
- Янъ Казимиръ, кор., 76, 163, 166—169, 171—172, 177—181, 187, 189, 194, 205, 207, 208, 219, 220, 233, 237, 300, 312, 341, 369, 534. I, 41, 43—51, 57, 63, 64, 65, 82, 204. II, 33, 39, 116, 126.
- Яржембскій А., авт., 95, 143, 162. I, 204—207.
- Яролинскій Ф., 435—436. II, 144—145.

Ярославъ Мудрый, 135.
Яродкій Ф., проф., чл. Об., II,
165, 243, 276.
Ястржембовскій А., адъютъ-проф.,
чл. Об., 484. II, 283, 305.

Теодоровъ Анавій, священ., авт.,
107.
Теодоръ Алексѣевичъ, царь, 115,
143, 144.

Указатель именъ на другихъ языкахъ *).

- Anna, wnuczka Albrechta, 79.
 Andrychowicz J., I, 58.
 Angeletti Cesar, II, 389.
 Askenazy Szymon, aut., 287, 420.
 Bacciarelli M., czł. T., II, 108, 124, 125.
 Badeni, senat. kasztel., I, 126.
 Baliński, aut., 82, 98, 99, 208.
 Barącz Sadok, x., aut., 117, 178, 181, 208, 204, 246.
 Barberini, kardynał, I, 25.
 Bartoszewicz, aut., 111, 307, 308.
 Barwiński, aut., 68.
 Batyani, hr., II, 91.
 de-Beym, minister, II, 81.
 Berg, ks., II, 99, 100.
 Bielawski Vladisl., II, 73, 74.
 Bielinski F., mar., 203. I, 213—214.
 Blank, prof., czł. T., II, 129.
 Boguczewa Sophia, 215.
 Borghese, kardynał, II, 383—387.
 Boniecki Ad., aut., 191.
 Borowski Georg., II, 55, 56.
 de Bose, hr., minist., II, 100.
 Bostel, aut., 79.
 Bragham, lord., czł., T., II, 246.
 Branicki, I, 237.
 Breza Stanisł., min., I, 117, 137.
 Brońca, x., II, 84.
 Brylow Fr., gener., II, 69.
 Budkiewicz Jakob, 228.
 Busch, aut., 156, 157.
 Butkiewicz B., czł. T., I, 184.
 Bykowski, II, 84.
 Bylynski N., I, 19.
 Bystrzycki J., x., czł. T., I, 192.
 Caro, aut., 177.
 Cellarius A., aut., 42, 76, 88, 145.
 Chądzyński J., II, 381.
 Chiarini A., x., prof., czł. T., II, 132.
 Chodkiewicz Alex., hr., czł. T., 102, 106, 107, 114, 115.
 Chrzanowski M., II, 69—74.
 Ciampi, prof., czł. T., II, 125.
 Cilli A., aut., 42, 59.
 Czacki Fel., hr., II, 114.
 Czyżowski M., x., II, 109.
 Dąbkowski Paul, II, 73.
 Dąbski, I, 21.
 Dąbrowski A., x., czł. T., II, 219.
 Danzas, aut., 177.
 Darowski, 60, 103.
 Daszewski, I, 244.
 Dębinski, I, 58.
 Dembowski Leon, aut., 393.
 Dembowski Tad., minist., I, 138.
 Denhoff, I, 56, 209.
 Dobrowski, x., prez. T. Czesk., II, 103.
 Douais, aut., 177.
 Durand, II, 127.
 Dzwonkowski, I, 135.
 Drzewiczki, starosta gostyn., I, 19.
 Drzewiecki, czł. T., II, 85, 93.
 Działowski, czł. T., II, 92.
 Dziarkowski J., czł. T., II, 86, 106.

*) Имена, не встрѣчающіяся по-русски; сохраняется возможно правописание подлинника. Главныя сокращенія: aut.—autor; hr.—hrabia; ks.—książe; x.—ksiądz, ksiądz; czł. T.—członek Towarzystwa Warszawskiego przyjaciół nauk.

Elsner Józef, czł. T., II, 92.
Erntelius Chr. H., aut., 49, 77, 98.

Faliszewski, II, 85.
Filasiewicz (Filaszewicz) Iz., x., I,
69, 221—224. II, 73—75.
Filipecki, sekr. jen., I, 24, 109—
112.
Finkel, aut., 283.
Floszkiewicz L., secr. r. m., I, 50.
de Foss, minist., II, 81.

Gagatkiewicz, czł. T., II, 85.
Galle, gudown., I, 242.
Gartner W., x., I, 223.
Giewałtowski, II, 68.
Giściewicz W., student, I, 70.
Gizicka. I. 56, 216.
Glibowski Walenty, x., I, 70.
Gliński W., II, 381.
Głuszyński, sekr. jener., I, 127, 128,
189—192, 195, 215. II, 20—21,
105.
Gnatowski, I, 216.
Gorczyzewski, II, 84.
Gorzkowski, II, 84—85.
Grabowski Ambr., aut., 76, 120.
Groszkowski Franc., II, 74
Gumiński, II, 20.
Gurski Felix, II, 69.

Hanenfeld, I, 61.
Hanusz, II, 324.
Hauke, generał, II, 156.
Herman. I, 236. II, 71.
Holiński Marcin, II, 380.
Holsch, aut., 232, 238.
Hussak, I, 230.

Iwaszkiewicz Maria, I, 219.

Jabłonowski Stan., castell., II, 55.
Jaholkowski G., sekret. jen., I, 242.
Jakób A., prof., czł. Tow., II, 125.
Jan Albert, król, I, 256. II, 166.
Jakubowski J., I, 219.
Jungman Józef, I, 219.
Juszkiewicz, intend., I, 231.

Kado M., czł. Tow., II, 107, 124.
Kalnassi, x., T., II, 85, 88.
Kamiński, I, 225.
Karski Aug., I, 198, 200, 235.
Kaulfuss Jan, II, 93.
Keller Joh., I, 23.
Kisłański, I, 198.
Kitajewski Ad., czł. T., II, 165.
Klewitz, min., czł. T., II, 81, 98.
Kłosowicz, II, 85.
Kochanowscy, I, 56, 216. II, 20.
Kognowicki. aut., 2.
Kołakowski Nikol., 216.
Kolinski Math., II, 37.
Komarzewski, czł. T., II, 82, 92.
Komornicki St., aut., 79.
Konic, aut., 250.
Kopern, I, 219.
Kornaszewski, II, 64.
Kortun Kar., czł. T., II, 97.
Korycinski Nicol., I, 47—49.
Koss Joh., I, 47.
Kossakowski Jan., bisk., II, 96.
Kossakowski, secrétar, II, 149.
Koturnicki Barth., I, 67.
Kowalewski O., I, 134.
Kozłowski, I, 217.
Krajewski Stan., I, 19.
Krakowski, I, 197.
Krasicki Ignacy, arcyb., czł. T., II,
94, 95.
Kraśniński W. hr., czł. T., II, 104, 130.
Kregłowski Wit., x., I, 69.
Krusiński J., czł. T., II, 87, 95.
Krysiński D., prof., czł. T., II, 165,
220.
Kuczki B., x., I, 69.
Kuehn J h., I, 23.
Kuehn Mart., I, 23.
Kulesz, II, 17.
Kurowski, aut., 208, 240, 246.
Kwiatkowski Jac., I, 49.
Kwiatkowski K., czł. T., II, 126, 165.

Langancowa, I, 101.
Lavicius Andr., pater., II, 109.
Ładzki Domin., pat., I, 65.
Łapinski Al., I, 220.

- Leparski Ant., pat., I, 210.
 Leszczyński Stan., II, 102.
 Lipiński, aut., 82, 98, 99, 208.
 Lipiński J., czł. T., II, 103, 122, 138.
 Lipski Andr., II, 40, 45.
 Lisowski Jac., II, 73, 74.
 Litwiński, rekt., II, 224.
 Łojko Edw., I, 220.
 Łupiński, II, 69, 72, 73.
 Łuszczewski Jan., min., II, 133, 135—138, 317.

 Magier Ant., czł. T., II, 117.
 Maliński, II, 130.
 Małowieski, II, 20.
 Mann Franciszka, I, 220.
 Marchacz Dom., x., II, 51, 55, 56.
 Marchocki Mikoł., 2, 10, 14, 51.
 Markowski Jan, I, 19.
 Maruszewski, II, 253.
 Massalski Dom., x., 215.
 Mayerberg, aut., 98, 113, 143, 146, 147.
 Miaskowski, II, 16.
 Miecznikowski, I, 242, 243.
 Minter, inżynier, II, 20.
 Mioduszewski, II, 147.
 Nitrzycki Ludw., I, 100.
 Mnissewski Val., I, 19.
 Montalambert, aut., 177.
 Morawski Józ., II, 103, 133.
 Muchanowski, I, 245.
 Musiewicz Sebast., II, 37, 42.

 Naramowski, aut., I, 212.
 Nowakowski Jan, I, 187—189, 197, 200.
 Nowodworski Mich., x., aut., 162, 177, 179.

 Ogrodnicki Edm., x., I, 223.
 Olszewski, x., II, 53.
 Olszowski Andr., episc., I, 50.
 Oprzędkiewicz Stan., I, 101—102.
 Orkowski A., x., I, 70.
 Orliński M., I, 65.
 Orłowscy, I, 67.

 Ossoliński hr. Józ., czł. T., II, 86, 89, 92, 96—98, 103, 105, 166.
 Ossoliński de Tenczyn, I, 52.
 Ostrowski M., x., I, 68.
 Osuchowski A., x., I, 69.

 Pac, hr., II, 167.
 Pancer Fel., czł. T., II, 246.
 Parzewski, II, 326.
 Pawlikowski Gw., czł. T., II, 247.
 Petrejus, aut., 98, 99.
 Piorecki, I, 218, 219.
 Piramowicz Grzeg., x., czł. T., II, 94.
 Pleszkowski Paul, 164.
 Plichta Konst., II, 19.
 Pokaczewski J. C., pat., I, 42.
 Połaniecka, I, 90.
 Promyk, aut., 533.
 Przebendowski J., podskarbi., I, 19.
 Puchała, II, 52, 67, 68, 71.
 Pułtarzewski, sekr., I, 134.
 Punkowski, I, 243.

 Rastawiecki, aut., 76.
 Regnart, aut., 226.
 Regulski Józ., II, 126.
 Rembieliński R., I, 24, 109—113.
 Reptowski A., x., czł. T., II, 93.
 Rogowski, x., I, 70.
 Rohrbacher, aut., 177.
 Roszkowski, I, 229, 242.
 Rychlicki, aut., 39.

 Sanguszko, ks., I, 57.
 Schuch St., I, 220.
 Schutz A., budown., II, 322.
 Sarbiewski, aut., II, 26.
 Seeland J., I, 23.
 Sempek J., 190.
 Sierzeńcewicz, arcybisk., aut., II, 92.
 Simonoff J., prof., czł. T., II, 233.
 Skarszewski (Skarzyński), arcybisk., I, 225.
 Skimborowicz, aut., 111.
 Skwarczyński Ad., cancellar., II, 38, 45, 46, 57.
 Sobański M., II, 120.

- Sokolek, 214.
Sokolowski Chr., I, 13.
Sokołowski, direkt. fabr., II, 151—152.
Sołacki, II, 20.
Somer K., I, 221.
Stawski Mich., II, 69, 71—73.
Stryewski J., II, 69, 71—74.
Sułkowski, ks., I, 59, 61, 217, 218.
Szczurowski Ign., II, 133.
Szulecki B., czł. T., II, 84, 95.
Szymanowski J., czł. T., II, 94.
Symonowicz M., x., I, 188—192.
II, 113.
- Tabernacki, I, 60.
Taczyński A., I, 60, 217.
Tapse de Monteils Aug., I, 64.
Targanowicz, I, 58.
Twardowski S., aut., 42, 49, 52, 59, 95.
Tokarski M. W., protekt., I, 225.
Tomasz, I, 216.
Tomaszewski, prof., II, 118.
- Urbankowski M., II, 73, 74.
- Walter Sigm., I, 23.
Wassenberg, aut., 2, 20, 42, 98.
Weinert A., aut., 77, 164, 199, 200, 207, 208, 229, 423, 431, 454.
Werner S., II, 322.
Wielhorski, II, 84.
Wiesiołowski, czł. T., II, 100, 107, 108, 123—125, 142—144.
Wiewiórski J., I, 61.
- Withen Jan, I, 219.
Witowski, I, 55, 57, 216.
Wodkowski (Wudkowski) Seb., I, 73, 74.
Wojcicki W., I, 225.
Wojewódski, 344.
Wolff Aug., czł. T., II, 106.
Wolicki Konst., czł. T., II, 117.
Wolski A. A., I, 98—100.
Wolski Mikołaj, czł. T., II, 94.
Wolski Stanisław, 87.
Wothke Stephan, I, 23.
Wyleżyński Jan, czł. T., II, 86, 178.
Wyszkowski, czł. T., II, 106.
- Vogel Sigm., czł., T., II, 104, 107, 118, 124, 144.
- Zaborowski Ignac., ks., II, 82, 94.
Zachorowski, II, 13.
Zakrzewski, ks., II, 53.
Zakrzowski, II, 16.
Zaleski, I, 203.
Załuscy, II, 91.
Zembrzuski B., 196. II, 58.
Żerowski Jac., I, 188—189, 197, 200.
Zieliezinski Jan., star., I, 19.
Z. L. S., aut., 199, 567.
Znosko I., prof., czł. T., II, 110.
Żółtowski, aut., 250.
Zrazowski, I, 218, 219, 244.
Zuchewiczowa, I, 244.
Zuchowicz, I, 218, 219.

Содержаніе изслѣдованія.

Введеніе: Задачи и главные выводы и положенія	Стран. VII—XXI.
---	--------------------

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫИ.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьями и не-вѣстною въ польскомъ плѣну, въ связи съ обстоятель-ствами времени и русско-польскими отношеніями.

Глава I. Выдача царя Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями гетману Жолкѣвскому	Стран. 1
--	-------------

Оставленіе Шуйскаго въ живыхъ по сверженіи съ престола.—Опасность отъ Шуйскаго и его братьевъ для недруговъ, потребность сдать ихъ въ надежныя руки. — Жолкѣвскій и его московская политика. — Старанія его захватить Шуйскихъ.—Противодѣйствіе патріарха Гермогена съ единомышленными боярами.—Помощь прежнихъ тушинцевъ. — Полученіе гетманомъ Шуйскихъ и заточеніе ихъ въ Іосифовъ монастырь и крѣпость Бѣлую —Выѣздъ Жолкѣвскаго съ ними къ королю.—Оцѣнка событія современниками и ближайшія послѣдствія.

Глава II. Шуйскіе подъ Смоленскомъ и дальнѣй-шій путь ихъ въ Варшаву	24
---	----

Встрѣча подъ Смоленскомъ, въ королевскомъ лагерѣ.—Помѣщеніе въ подгородномъ Троицкомъ монастырѣ.—Взаимныя отношенія между Шуйскимъ и Сигизмундомъ III. — Представленіе королю. — Рѣчь депутатіи польскаго войска, оставшагося въ Москвѣ. —Протестъ московскихъ пословъ и объясненіе гетмана Жолкѣвскаго съ митрополитомъ Фидаретомъ Никитичемъ о вывозѣ Шуйскихъ къ королю.—Положеніе Шуйскихъ.—Отправка ихъ въ Могилевъ и Гродно.—Настроеніе и намѣренія Сигизмунда относительно Василія Ивановича; тайныя сношенія съ нимъ князя Христофора Ра-

дивила.—Отсылка въ плѣнъ важнѣйшихъ членовъ Великаго московскаго посольства и главныхъ защитниковъ Смоленска.

Глава III. Шуйскіе на Варшавскомъ сеймѣ 41

Доставленіе Василя Ивановича съ братьями въ Варшаву. — Причины выдачи ихъ королю на сеймѣ. — Подготовка къ этой сценѣ. — Жизнь подъ Варшавой, въ деревнѣ Мокотовѣ. — Путь въ Варшавскій Королевскій замокъ. — Сцена поставленія и выдачи. — Рѣчь гетмана и поклоны Шуйскихъ. — Рѣчь подканцлера. — Несбывшіяся желанія усилить униженіе Василя Ивановича. — Отношеніе къ Шуйскимъ Сигизмунда. — Дарственная королевская грамота. — Содержаніе Шуйскихъ на назначенныхъ для нихъ квартирахъ въ Варшавѣ. — Встрѣча Василя съ турецкимъ посломъ. — Непрочность польскаго торжества. — Картина Додабеллы и ея судьба.—Иныя послѣдствія дѣйствій на сеймѣ.

Глава IV. Шуйскіе въ Гостынскомъ замкѣ, и послѣдующая судьба младшаго изъ нихъ 81

Отправленіе въ Гостынскій замокъ. — Прежняя исторія замка и состояніе его предъ заключеніемъ въ немъ Шуйскихъ. — Извѣстія и источники о пребываніи ихъ тамъ. — Условія жизни и обстоятельства смерти старшихъ Шуйскихъ, оставленное имущество. — Причина смерти. — Мѣсто погребенія. — Взятіе наслѣдства на имя короля.—Князь Иванъ Ивановичъ на службѣ Владиславу.—Его возвращеніе въ Москву и устройство въ ней.

Глава V. Погребеніе тѣла Василя Ивановича въ Варшавѣ. Надгробный памятникъ надъ нимъ, получившій названіе „Московской каплицы” 108

Деулинское перемиріе и его вліяніе на характеръ отношенія Сигизмунда къ памяти Шуйскихъ.—Сооруженіе усыпальницы-памятника для нихъ подъ Варшавой. — Надпись на немъ. — Перенесеніе останковъ Шуйскихъ изъ Гостыни на и торжественныя похороны ихъ въ новой усыпальницѣ.—Какъ поняли это въ Москвѣ, на Западѣ и въ Польшѣ. — Наименованія памятника, и впечатлѣнія, производимыя имъ на очевидцевъ.

Глава VI. Выдача останковъ Шуйскаго московскому посольству и торжественное перенесеніе ихъ изъ Варшавы въ Москву 117

Благоприятствовавшія этому историческія условія и обстоятельства.—Наказъ московскимъ посламъ князю Львову-Ярославскому съ товарищами добиваться тѣль Шуйскихъ. — Торжества въ Варшавѣ по случаю утвержденія Поляновскаго договора. — Переговоры московскихъ пословъ съ короннымъ и литовскимъ канцлерами и другими людьми о выдачѣ останковъ Шуйскаго. — Согласіе короля Владислава IV на выдачу. — Осмотръ гробницы и удостовѣреніе въ подлинности тѣль. — Подготовка къ принятію гробовъ. — Стоимость выкупа. — Отдача и отпускъ останковъ. — Встрѣча по пути. — Встрѣча тѣла Василя въ Москвѣ и похороны въ Архангельскомъ соборѣ. — Надгробная надпись. — Нравственное и политическое значеніе событія.

Глава VII. Перевозъ въ Москву варшавскаго надгробнаго камня надъ Василюмъ 134

Побужденія.—Переговоры московскихъ бояръ съ королевскимъ посломъ Адамомъ Киселемъ о Каплицѣ и надписи на ней. — Согласіе Владислава на отдачу плиты съ надписью. — Доставка ея въ Москву посланцемъ Киселя ротмистромъ Вороничемъ. — Награды Вороничу и Киселю. — Зарытіе камня. — Участіе Юрія Крижанича и Андрея Виніуса (см. 579 стр.). — Мнѣніе современниковъ.—Дальнѣйшія задачи относительно бывшихъ мѣсть погребенія Шуйскаго.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Судьбы мѣсть погребенія царя Василя Ивановича Шуйскаго въ Польшѣ, въ связи съ исторіей бывшихъ и существующихъ зданій и учрежденій и съ развитіемъ русско-польскихъ отношеній.

Глава VIII. Состояніе Гостынскаго замка по перенесеніи изъ него гробовъ Шуйскихъ, и устройство нѣмецко-лютеранской церкви въ его развалинахъ . 151

Упадокъ Гостынскаго староства, запустѣніе и разрушеніе замка. — Поселеніе въ Гостынинѣ нѣмецкихъ колонистовъ. — Ихъ старанія образовать свой церковный приходъ, получить пастора и устроить церковь. — Постановленіе намѣстника царства Польскаго князя Заіончека о постройкѣ евангелической церкви и помѣщеній для пастора въ стѣнахъ замка. — Сооруженіе церкви. — Развитіе и современ-

ное состояніе прихода при ней. — Несоотвѣтствіе всего этого съ русско - государственной и царской идеей и интересами мѣстнаго русскаго населенія.

Глава IX. Состояніе опустѣвшей Варшавской усыпальницы Шуйскихъ или Московской каплицы, и отдача этого государственнаго памятника въ собственность монашескому ордену доминиканъ обсервантовъ 161

Видъ Каплицы и связывавшіяся съ нею историческія воспоминанія. — Ея мѣстоположеніе. — Храненіе въ ней имущества частныхъ владѣльцевъ и ограбленіе ея шведами. — Безуспѣшная попытка русскихъ уніатовъ получить ее подъ свой храмъ. — Полученіе Каплицы доминиканами обсервантами для обращенія ея „на мѣсто богослуженія” и устройства при ней монастыря. — Дарственная грамота и указъ короля Яна Казимира о передачѣ имъ Каплицы и объ отводѣ земли. — Актъ передачи ея; напрасный протестъ сосѣдней общины ксендзовъ миссіонеровъ. — Утвержденіе Яна Казимира за доминиканами обсервантами Каплицы и отведенной къ ней земли.

Глава X. Доминикане обсерванты — собственники Московской каплицы и отстаиваніе ими своихъ церковныхъ и имущественныхъ правъ 173

Происхожденіе, свойства, распространеніе и развѣтвленія Доминиканскаго ордена. — Основаніе Варшавскаго монастыря доминиканъ обсервантовъ конгрегациі Людовика Бертранда. — Организациа монастыря и бывшаго при немъ Рожанцоваго братства. — Борьба съ сосѣднею общиною миссіонеровъ за право на Московскую каплицу и мѣсто, данныя обсервантамъ королемъ Яномъ Казимиромъ, и признаніе за ними этого права. — Борьба съ миссіонерами и бернардинами за безпрепятственное и торжественное отправленіе церковныхъ процессій. — Защита существованія и дѣятельности Рожанцоваго братства. — Расширеніе сосѣдней поземельной собственности. — Полученіе задняго проулка, по грамотамъ короля Августа II въ 1698 г. — Приобрѣтенія земельныхъ участковъ и домовъ за проулкомъ. — Недвижимость бывшая Служко, по улицѣ Александриі. — Поземельная собственность, оставшаяся въ постоянномъ владѣніи и

пользованіи обсервантовъ. — Неудавшаяся попытка въ концѣ XVII вѣка основать новый монастырь, на Покорной улицѣ. — Приобрѣтеніе недвижимости на Краковскомъ предмѣстьѣ и вызванный тѣмъ судебный процессъ. — Процессы изъ за взысканія процентовъ и полученія денежныхъ суммъ. — Состояніе монастырскихъ средствъ.

Глава XI. Московская каплица въ періодъ владѣнія ею доминиканами обсервантамн; ихъ церковно-монастырскія постройки 219

Примѣненіе Каплицы доминиканами къ своимъ практическимъ потребностямъ. — Превращеніе ея въ небольшой костель. — Сооруженіе костела и пересооруженія Каплицы въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII в. — Виѣшній видъ и внутреннее устройство. — Усыпальница и кладбище. — Начальная исторія Каплицы ослабляется въ народной памяти. — Официальное и народное названія Каплицы; названія въ судебныхъ актахъ, въ записяхъ пожертвованій, въ варшавскихъ городскихъ описяхъ. — Наименованія существовавшего при ней Рожанцоваго братства. — Изъятіе народнаго названія изъ употребленія въ официальныхъ актахъ. — Перестройка въ 1783 г. — Видъ костела и монастыря, и размѣры занимаемой ими мѣстности. — Ипотечные №-ра. — Состояніе костела и монастыря въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. — Библіотека. — Церковная печать. — Забвеніе исторіи происхожденія памятника.

Глава XII. Упадокъ благосостоянія монастыря и костела и ближайшія причины этого. Дѣло администратора ксендза-каноника Іосифа Даниковского . . 245

Положеніе вопроса въ исторической литературѣ. — Испытываніе монастыремъ недостатка въ средствахъ въ концѣ XVIII и въ первые годы XIX в. — Положеніе монастыря во время Варшавскаго герцогства. — Сокращеніе числа братіи. — Непорядки въ братствѣ Рожанца. — Учрежденіе администраціи. — Монастыремъ завѣдуетъ кс.-каноникъ Іосифъ Даниковскій. — Его дѣятельность. — Дальнѣйшая запутанность дѣлъ. — Борьба Даниковского съ Рожанцовымъ братствомъ. — Роль Вербуша, соніера братства. — Замѣна Даниковского кс. Пржевлочкимъ. — Ревизіи. — Отчаянная самозащита Даниковского. — Его самоубійство въ олтарѣ костела. — Сужденіе о немъ ближайшей власти.

Глава XIII. Планы о передачѣ и разрушеніе подоминиканскихъ зданій; вопросъ объ устройствѣ церкви для русскихъ въ Варшавѣ 280

Общее обозрѣніе. — Политика Александра и установленіе русско-польскихъ отношеній въ царствѣ Польскомъ. — Отраженіе этого на вѣроисповѣдномъ положеніи русскаго населенія. — Потребность въ достаточной церкви и предположеніе воспользоваться для нея подоминиканскимъ костеломъ. — Двойкость дѣйствій католической духовной власти до и послѣ утвержденія конституціи. — Выдвиганіе надобности удовлетворенія „общественныхъ нуждъ“. — Постановленіе намѣстника Заіончека о передачѣ костела „въ пользованіе греко-россійскаго обряда“. — Новые претенденты на костель и монастырь, и дѣйствія правительственныхъ органовъ не въ пользу русскихъ. — Переходныя распоряженія. — Постановленіе намѣстника о снесеніи подоминиканскихъ зданій и о назначеніи строительнаго матеріала. — Состояніе площади. — Причины, по которымъ не осуществился планъ о превращеніи костела въ церковь. — Русскія церкви въ Варшавѣ и дальнѣйшее развитіе вопроса о вѣроисповѣдномъ положеніи русскаго населенія.

Глава XIV. Распредѣленіе движимаго имущества и денежныхъ суммъ и погашеніе долговъ, оставшихся послѣ общины доминиканъ обсервантовъ . . 324

Затруднительность ликвидаціи. — Претензіи доминиканъ на Новомъ Мѣстѣ и Рожанцоваго братства — Распредѣленіе подоминиканскаго имущества по костеламъ и на содержаніе католическаго духовенства. — Последнее извѣстіе объ иконѣ Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной или Рожанцовой и судьба Рожанцоваго Братства. — Покрытіе долговыхъ обязательствъ обсервантовъ частнымъ лицамъ и казеннымъ и городскимъ учрежденіямъ. — Общій результатъ.

Глава XV. Передача подоминиканской площади Варшавскому Обществу любителей наукъ для устройства на ней дома 335

Представленіе вопроса въ литературѣ. — Взглядъ Варшавскаго муниципальнаго управленія на свое отношеніе къ подоминиканской площади и старанія отдать ее въ вѣчную

аренду подь условіемъ постройки на ней красиваго дома.— Явившіеся частные предприниматели.— Отдача площади правительствомъ Варшавскому Обществу любителей наукъ и закрѣпленіе ея за нимъ.

Глава XVI. Варшавское Общество любителей наукъ—
новый владѣлецъ историческаго мѣста 343

Основаніе Общества и обстоятельства, при которыхъ создано оно.— Время предсѣдательства Альбертранди.— Старанія Общества объ утвержденіи своего положенія со стороны прусскаго правительства и напрасность попытокъ получить королевскую грамоту.— Первые уставы — Публичные рѣчи. Литературныя, научныя и практическія работы.— Полученіе декрета отъ саксонскаго короля.— Мѣсто собраній.— Имущество.— Предсѣдательство Сташица. Личность предсѣдателя.— Отношеніе Общества къ Россіи.— Новый уставъ.— Грамота Александра I и другія привилегіи Обществу.— Развитіе и характеръ дѣятельности.— Потребность въ соотвѣтственномъ помѣщеніи.

Глава XVII. Постройка Обществомъ любителей наукъ себѣ дома 372

Благопріятныя обстоятельства и условія для постройки.— При даровомъ полученіи подоминиканской земельной площади приобрѣтеніе сосѣдняго дома ксендзовъ миссіонеровъ костела св. Креста.— Планъ новаго дома, составленный Кароци.— Условія полученія ссуды подь постройку.— Продажа дома на Каноніи въ собственность государя на потребности Замка.— Собранныя средства, закладка и строители.— Благодарность Сташицу.— Сооруженіе новаго дома, первая его опись и помѣщеніе въ немъ.— Перестройка дома миссіонерскаго.— Общій видъ и части зданія.— Размѣщеніе.— Критическая оцѣнка мнѣній о происхожденіи и названіи зданія.

Глава XVIII. Положеніе дома Общества на подоминиканской площади; судебная тяжба изъ-за земли и стройки съ сосѣдомъ 395

Мнѣніе, что новый домъ Общества поставленъ впереди мѣста Московской каплицы.— Дѣйствительное положеніе дома Общества и подлинной и мнимой Московскихъ каплицъ.— Условія, вызывавшія постановку этого новаго дома

на занимаемомъ имъ мѣстѣ. — Поднявшійся споръ изъ-за земли и стройки съ Зентецкимъ, измѣренія недвижимостей и уплата Зентецкому. — Выводы относительно мѣстополюженія дома Общества и Московской каплицы; показаніе купчей о зданіи, выдаваемомъ нынѣ за Каплицу. — Свидѣтельство податныхъ документовъ о мѣстѣ, занятомъ домомъ Общества, и объ освободившейся предъ нимъ передней части подоминиканской земли.

Глава XIX. Сооруженіе и постановка памятника Копернику предъ домомъ Общества, на мѣстѣ бывшаго доминиканскаго костела 418

Неосуществившееся предположеніе поставить здѣсь памятникъ кн. Іосифу Понятовскому. — Ходъ сложнаго дѣла сооруженія памятника Копернику. — Заложеніе памятника въ Торнѣ и сборы на него. — Рѣшеніе поставить его въ Варшавѣ. — Проектъ Айгнера. — Старанія по устройству согласно съ даннымъ проектомъ. — Опасность предпріятію. — Стапицъ беретъ его подъ свое ближайшее попеченіе. — Договоръ съ Торвальдсеномъ о созданіи имъ модели статуи Коперника и объ изготовленіи чертежа пьедестала. — Заботы о сооруженіи памятника по проекту Торвальдсена. — Хлопоты о пьедесталѣ. — Условіе съ Норблиномъ и выполненіе работъ Грегуарами. — Разрѣшеніе поставить памятникъ предъ домомъ Общества. — Постановка и торжественное открытіе памятника. — Судьба монумента Понятовскому. — Видъ памятника Копернику.

Глава XX. Варшавское Общество любителей наукъ въ послѣдніе годы его существованія и его участіе въ польскомъ возстаніи 465

Положеніе Общества любителей наукъ при императорѣ Николаѣ I. — Высочайшее покровительство Обществу. — Новыя права и привилегіи. — Добавленія къ уставамъ Общества и расширеніе его задачъ. — Свойства дѣятельности Общества; связь его съ политическими теченіями въ привилегированныхъ польскихъ слояхъ. — Участіе его и его членовъ въ возстаніи 1830—1831 годовъ.

Глава XXI. Закрытіе Общества любителей наукъ. Передача его имущества другимъ учрежденіямъ. 487

Высочайшее повелѣніе о конфискаціи библіотеки Общества. — Старанія о сохраненіи библіотеки и другихъ со-

браній.—Высочайшее повелѣніе о закрытіи Общества съ конфискаціей его дома и остального имущества.—Исполненіе его.—Описи.—Прекращеніе дѣятельности администраціи.—Несостоявшіяся предположенія о передачѣ дома.—Продажа его Прав. Комисіи финансовъ подъ помѣщеніе Главной дирекціи лотереи.—Употребленіе суммъ Общества на учебныя цѣли.

Глава XXII. Возвращеніе историческаго мѣста въ Вѣдомство народнаго просвѣщенія и занятіе его Медико-Хирургическою Академіею и Второю Мужскою Гимназіею 504

Варшавская Императорская и Царская Медико-Хирургическая Академія.—Помѣщеніе ея въ занимаемомъ Лотерею бывшемъ домѣ Общества любителей наукъ, съ передачею его изъ Финансоваго вѣдомства въ собственность Варшавскаго Учебнаго округа.—Приспособленіе главнаго зданія къ новымъ потребностямъ.—Покупка для Учебнаго округа на расширеніе помѣщенія Академіи еще сосѣдней недвижимости № 2768-ас, бывшей нѣкогда Служко.—Академія преобразуется въ медицинское отдѣленіе Главной Школы.—Помѣщеніе Второй Мужской Гимназіи въ бывшемъ домѣ Общества, а Педагогической Семинаріи на бывшей недвижимости Служко.—Недовольство Гимназіи домомъ.—Планъ бывшей недвижимости Служко.

Глава XXIII. Помѣщеніе на историческомъ мѣстѣ русскихъ учебныхъ заведеній, и занимающая его теперь Первая Варшавская Мужская Гимназія . . . 514

Потребность учрежденія въ Царствѣ русскихъ школъ.—Частная Русская Школа въ Варшавѣ.—Преобразование ея въ Русскую Мужскую Гимназію съ состоящими при ней Женскою Прогимназіею и Начальнымъ Училищемъ.—Помѣщеніе ихъ въ бывшемъ домѣ Общества любителей наукъ.—Соответственныя въ немъ поправки и измѣненія.—Организація училищъ и перенесеніе Прогимназіи въ отдѣльное помѣщеніе.—Устройство общей для нихъ домовою церкви, въ угловой комнатѣ верхняго этажа, и перенесеніе ея въ актовъ залъ.—Переименованіе Русскихъ гимназій въ Первыя Варшавскія гимназіи и измѣненія въ ихъ положеніи.—Расширеніе территории Первой Мужской Гимназіи чрезъ полученіе

сада сосѣдней недвижимости, бывшей нѣкогда Служко, и стоявшее въ этомъ саду старинное зданіе.

Глава XXIV. Окончательное переустройство Русской школы и памятника Копернику на землѣ бывшей Московской капицы; состояніе ихъ въ настоящее время 555

Укрѣпленіе въ Привислинскомъ краѣ государственно-объединительныхъ реформъ и въ частности по Вѣдомству народнаго просвѣщенія.—Мѣры по установкѣ быта Первыхъ Варшавскихъ Гимназій.—Помѣщеніе Женской Гимназіи въ собственномъ домѣ, съ перестройкой его и сооруженіемъ въ немъ церкви; учрежденіе педагогическихъ классовъ.—Дѣло пересооруженія зданія I Мужской Гимназіи съ устройствомъ церкви, не только для потребностей школы, но уже какъ и памятника на мѣстѣ бывшего погребенія царя Василія Ивановича Шуйскаго.—Строительные проекты.—Старое зданіе въ саду Гимназіи, принятое за сохранившуюся царскую усыпальницу, и документальное установленіе дѣйствительнаго мѣста погребенія ц. Шуйскаго.—Высочайшее утвержденіе проекта зданія съ фасадомъ въ русскомъ стилѣ.—Отпускъ дополнительныхъ казенныхъ средствъ.—Частныя пожертвованія.—Направленіе въ литературѣ противъ строительнаго дѣла чрезъ подрывъ историческихъ основаній.—Выполненіе сооруженій.—Свойства живописи.—Освященіе.—Современное состояніе Гимназіи.—Заботы о памятникѣ Коперника.—Поправки его.—Празднованіе 400-лѣтняго юбилея рожденія Коперника.—Капитальное пересооруженіе памятника и обнесеніе его скверомъ въ связи съ строительствомъ по Гимназіи, и современное его состояніе.—Заключеніе.